

№ 14.

Сборникъ „НИВЫ“

1906

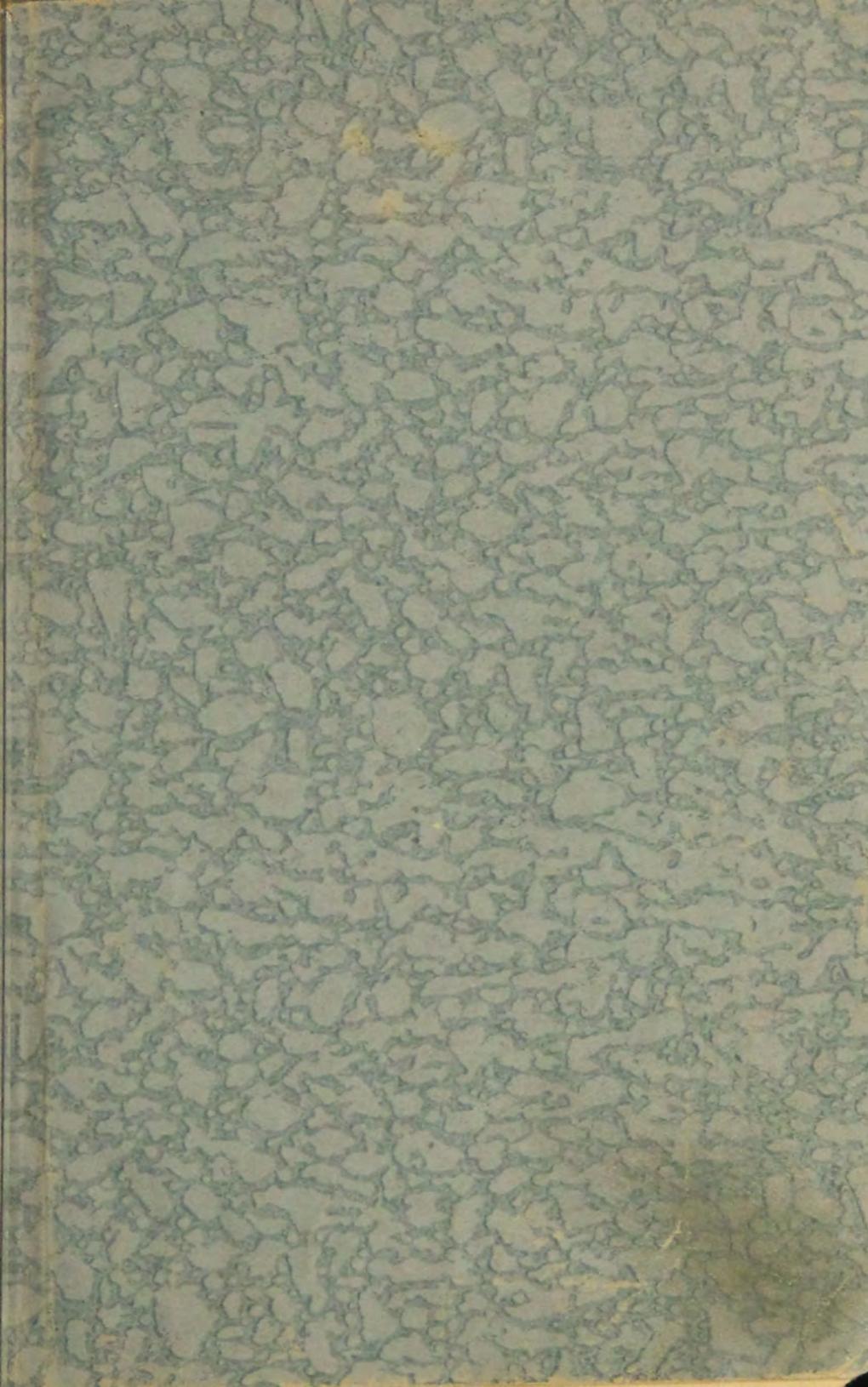
ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
М. Е. САЛТЫКОВА-
ЩЕДРИНА

КНИГА 14.

Е. А. МОРОЗОВА

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Р1 А2139 Г1696

Салтыков М.Е.

(Н.Шедрин) 20210

"собр. соч. Т.4.

3-60

А2139

20210

М/Х

ЗР 60 к

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАШЕНА НЕ ПОЗДНЕЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

С 16

495-16/15

1808-1908

2212-14/15

1950-182

866-3.ii

Съ
к. К. А.

Колич. пред. выдач _____

18
55
86

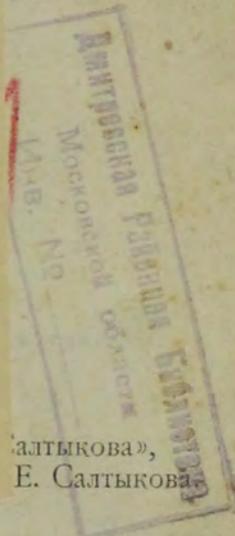
Томъ ЧЕТВЕРТЫЙ.

682.

15

Приложение къ журналу „Нива“ на 1906 г.

ОВА

ЧИТАЛЬНЯ
Дмитровской Районной Библиотеки
Московской области

С.-ПЕТЕРВУРГЪ.

Издание А. Ф. МАРКСА.

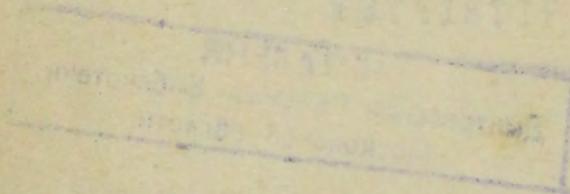
1906.

СА - ПО - СО - С1 - 1906(7.4)

Собирательни
Е ГАИЩ

Артистическое заведение А. Ф. МАРКА, Измайл. пр., № 29.

СКАЗКИ.

CHIESTA

1.—Премудрый пискарь.

Жиль-былъ пискарь. И отецъ, и мать у него были умные; помаленьку да полегоньку аридовы вѣки въ рѣкѣ прожили, и ни въ уху, ни къ щукѣ въ хайлѣ не попали. И сыну тоже заказали. «Смотри, сынокъ,— говорилъ старый пискарь, умирая:— коли хочешь жизнью жуировать, такъ гляди въ-оба!»

А у молодого пискаря ума палата была. Началь онъ этимъ умомъ раскидывать и видить: куда ни обернется — вездѣ ему матъ. Кругомъ, въ водѣ, все большія рыбы плаваютъ, а онъ всѣхъ меныше; всякая рыба его заглотать можетъ, а онъ никого заглотать не можетъ. Да и не понимаетъ: зачѣмъ глотать? Ракъ можетъ его клешней пополамъ перѣзять, водяная блоха — въ хребетъ впиться и до смерти замучить. Даже свой-брать пискарь — и тотъ, какъ увидитъ, что онъ комара изловилъ, цѣльмъ стадомъ, такъ и бросится отнимать. Отнимутъ и начнутъ другъ съ дружкой драться, только комара задаромъ растреплютъ.

А человѣкъ? — что это за ехидное созданіе такое! какихъ каверзъ онъ ни выдумалъ, чтобъ его, пискаря, напрасною смертью погублять! И невода, и сѣти, и верши, и норота, и наконецъ... уду! Кажется, что можетъ быть глупѣе уды? — Нитка, на нитѣ крючокъ, на крючкѣ — червякъ или муха надѣты... Да и надѣты-то какъ?.. въ самомъ, можно сказать, неестественномъ положеніи! А между тѣмъ именно на уду всего больше пискарь и ловится!

Отецъ-старикъ не разъ его насчетъ уды предостерегалъ, «Пуще всего берегись уды! — говорилъ онъ: — потому что хоть и глупѣйший это снарядъ, да вѣдь съ нами, пискарями, чтѣ глупѣе, то вѣрнѣе. Бросять намъ муху, словно насть же приголубить хотятъ; ты въ нее вѣшишься — ань въ мухѣ-то смерть!»

Рассказалъ также стариkъ, какъ однажды онъ чутъ-чуть въ уху не угодилъ. Ловили ихъ въ ту пору цѣлою артелью, во всю ширину реки неводъ растянули, да такъ версты съ двѣ по дну волокомъ и волокли. Страсть, сколько тогда рыбы попалось! И щуки, и окунь, и головли, и плотва, и гольцы,—даже лещей-лежебоковъ изъ тины со дна поднимали! А пискарямъ такъ и счетъ потеряли. И какихъ страховъ онъ, старый пискарь, натерпѣлся, покуда его по рекѣ волокли—это ни въ сказкѣ сказать, ни первомъ описать. Чувствуетъ, что его везутъ, а куда—не знаетъ. Видитъ, что у него съ одного боку—щука, съ другого—окунь; думаетъ: вотъ-вотъ, сейчасъ, или та, или другой его сѣдятъ, а они—не трогаютъ... «Въ ту пору не до Ѣды, братъ, было!» У всѣхъ одно на умѣ: смерть пришла! а какъ и почему она пришла—никто не понимаетъ. Наконецъ, стали крылья у невода сводить, выволокли его на берегъ и начали рыбу изъ мотни въ траву валить. Тутъ-то онъ и узналъ, что такое уха. Трепещется на пескѣ что-то красное; сѣрыя облака отъ него вверхъ бѣгутъ: а жарко таково, что онъ сразу разомлѣль. И безъ того, безъ воды тошно, а тутъ еще поддаются... Слышишь—«костерь», говорятъ. А на «костерь» на этомъ черное что-то положено, и въ немъ вода, точно въ озерѣ, во время бури, ходуномъ ходить. Это «котель», говорятъ. А подъ конецъ стали говорить: вали къ «котель» рыбу—будетъ «уха»! И начали туда нашего брата валить. Шваркнеть рыбакъ рыбину—та сначала окунется, потомъ, какъ полуумная, выскочитъ, потомъ опять окунется—и присмирѣстъ. «Ухи», значитъ, отвѣдала. Валивали сначала безъ разбора, а потомъ одинъ старишокъ глянулъ на него и говорить: «Какой отъ него, отъ малыша, прокъ для ухи: пущай въ рекѣ порастетъ!» Взять его подъ жабры, да и пустилъ въ вольную воду. А онъ, не будь глупъ, во всѣ лопатки—домой! Прибѣжалъ, а пискариха его изъ норы ни жива, ни мертвa выглядываетъ...

И что же! сколько ни толковалъ стариkъ въ ту пору, что такое уха и въ чёмъ она заключается, однако, и поднесъ въ рекѣ рѣдко кто здравыя понятія объ ухѣ имѣеть!

Но онъ, пискарь-сынъ, отлично запомнилъ поученія пискаря-отца, да и на усъ себѣ намоталъ. «Надо глядѣть въ оба,— сказалъ онъ себѣ:— а не то какъ разъ пропадешь!»— и стала жить да поживать. Первымъ дѣломъ пору для себя такую придумасть, чтобы ему забраться въ нее было можно, а никому другому—не вѣзть! Долбилъ онъ

носомъ эту нору цѣлый годъ, и сколько страху въ это время принаѣть, ночуя то въ иль, то подъ водянымъ лопухомъ, то въ осокѣ. Наконецъ, однако, выдолбилъ на славу. Чисто, аккуратно—именно только одному помѣститься впору. Вторымъ дѣломъ насчетъ житья своего рѣшилъ такъ: ночью, когда люди, звѣри, птицы и рыбы спятъ—онъ будетъ мопюнъ дѣлать, а днемъ—станетъ въ норѣ сидѣть и дрожать. Но такъ какъ пить-ѣсть все-таки нужно, а жалованья онъ не получаетъ и прислуги не держитъ, то будетъ онъ выбѣгать изъ норы около полдѣни, когда вся рыба ужъ сыта и, Богъ дасть, можетъ-быть, козявку-другую и промыслить. А ежели не промыслить, такъ и голодный въ норѣ заляжетъ, и будетъ опять дрожать. Ибо лучше не єсть, не пить, нежели съ сытымъ желудкомъ жизни лишиться.

Такъ онъ и поступалъ. Ночью мопюнъ дѣлалъ, въ лунномъ свѣтѣ купался, а днемъ забирался въ нору и дрожалъ. Только въ полдни выбѣгить кой-чего похватать—да что въ полдень промыслишь! Въ это время и комаръ подъ листъ отъ жары прячется, и букашка подъ кору хоронится. Поглотасть воды—и шабашь!

Лежить онъ день-денской въ норѣ, почей не досыпаетъ, куска не доѣдаетъ, и все-то думаетъ: «кажется, что я живъ? Ахъ, что-то завтра будеть!»

Задремлетъ, грубынъ дѣломъ, а во снѣ ему снится, что у него выигрышный билетъ, и онъ на него двѣсти тысячъ выиграль. Не помня себя отъ восторга, перевернется на другой бокъ—глядь, ань у него цѣлыхъ полрыла изъ норы высунулось... Что, если-бы въ это время щуренокъ поблизости быль: вѣдь онъ бы его изъ норы-то вытащилъ!

Однажды проснулся онъ и видигъ: прямо противъ его норы стоять ракъ. Стоитъ неподвижно, словно околованный, вытаращивъ на него костяные глаза. Только усы по течению воды пошевеливаются. Вотъ когда онъ страху набрался! И цѣлыхъ полдня, покуда совсѣмъ не стемнѣло, этотъ ракъ его поджидалъ, а онъ тѣмъ временемъ все дрожалъ, все дрожать.

Въ другой разъ, только-что успѣль онъ передъ зорькой изъ нору воротиться, только-что сладко зѣвнуль, въ предвкушениі сна—глядигъ, откуда ни возьмись, у самой норы щука стоять и зубами хлопаетъ. И тоже цѣлый день его стерегла, словно видомъ его одинимъ сыта была. А онъ и щуку надузы: не вышелъ изъ норы, да и шабашь.

И не разъ, и не два это съ нимъ случалось, а почестъ

что каждый день. И каждый день онъ, дрожа, побѣды и одолѣнія одерживалъ, каждый день восклицалъ: «слава тебѣ, Господи, живы!»

Но этого мало: онъ не женился и дѣтей не имѣлъ, хотя у отца его была большая семья. Онъ разсуждалъ такъ: «Отцу шутя можно было прожить! Въ то время и щуки были добрѣе, и окуни на насть, мелозгу, не зарились. А хотя однажды онъ и попалъ-было въ уху, такъ и тутъ нашелся старичокъ, который его вызволилъ! А нынче, какъ рыба-то въ рѣкахъ повывелась, и пискари въ честь попали, такъ ужъ тутъ не до семьи, а какъ бы только самому прожить!»

И прожилъ премудрый пискарь такимъ родомъ слишкомъ сто лѣтъ. Все дрожалъ, все дрожалъ. Ни друзей у него, ни родныхъ; ни онъ къ кому, ни къ нему кто. Въ карты не играетъ, вина не пьетъ, табаку не курить, за красивыми дѣвушками не гоняется — только дрожитъ да одну думу думаетъ: «слава Богу, кажется, живъ!».

Даже щуки, подъ конецъ, и тѣ стали его хвалить: «вотъ, кабы всѣ такъ жили — то-то бы въ рѣкѣ тихо было!» Да только онъ это нарочно говорили; думали, что онъ на похвалу-то отрекомендуетсѧ — вотъ, моль, я, — тутъ его и хлопъ! Но онъ и на эту штуку не поддался, а еще разъ своею мудростью козни враговъ побѣдилъ.

Сколько прошло годовъ послѣ ста лѣтъ — неизвѣстно, только стала премудрый пискарь помирать. Лежитъ въ норѣ и думаетъ: «слава Богу, я своею смертью помираю, такъ же, какъ умерли мать и отецъ». И вспомнились ему тутъ щучьи слова: «вотъ, кабы всѣ такъ жили, какъ этотъ премудрый пискарь живетъ...» А нутка, въ самомъ дѣлѣ, чтѣ бы тогда было?

Сталъ онъ раскидывать умомъ, котораго у него было палата, и вдругъ ему словно кто шепнуль: «вѣдь этакъ, пожалуй, весь пискарскій родъ давно перевелся бы!».

Потому что для продолженія пискарьяго рода прежде всего нужна семья, а у него ея нѣтъ. Но этого мало: для того, чтобы пискарья семья укрѣплялась и процвѣтала, чтобы члены ея были здоровы и бодры, нужно, чтобы они воспитывались въ родной стихіи, а не въ норѣ, гдѣ онъ почти ослѣпъ отъ вѣчныхъ сумерекъ. Необходимо, чтобы пискари достаточное питаніе получали, чтобы не чуждались общественности, другъ съ другомъ хлѣбъ-соль бы водили и другъ отъ друга добродѣтелями и другими отличи-

ными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь можетъ совершенствовать пискарю породу и не дозволить ей измельчать и выродиться въ снѣтка.

Неправильно полагаютъ тѣ, кои думаютъ, что лишь тѣ пискари могутъ считаться достойными гражданами, кои, обезумѣвъ отъ страха, сидятъ въ норахъ и дрожать. Нѣтъ, это не граждане, а по меньшей мѣрѣ бесполезные инекари. Никому изъ нихъ ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестія, ни славы, ни безславія... живутъ, даромъ мѣсто занимаютъ, да кормъ ёдятъ.

Все это представилось до того отчетливо и ясно, что вдругъ єму страстная охота пришла: «вылѣзу-ка я изъ норы да гоголемъ по всей рѣкѣ проплыvu!» Но едва онъ подумалъ объ этомъ, какъ опять испугался. И началъ, дрожа, помирать. Жилъ—дрожалъ, и умиралъ—дрожалъ.

Вся жизнь мгновенно передъ нимъ пронеслась. Какія были у него радости? кого онъ утѣшилъ? кому добрый соѣтъ подалъ? кому доброе слово сказалъ? кого пріютилъ, обогрѣлъ, защитилъ? кто слышалъ о немъ? кто объ его существованіи вспомнилъ?

И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣтить: никому, никто.

Онъ жилъ и дрожалъ—только и всего. Даже воть теперь: смерть у него на носу, а онъ все дрожитъ, самъ не знаетъ, изъ-за чего. Въ норѣ у него темно, тѣсно, повернуться негдѣ; ни солнечный лучъ туда не заглянетъ, ни тепломъ не пахнѣтъ. И онъ лежитъ въ этой сырой мглѣ, незрячий, изможденный, никому ненужный, лежитъ и ждетъ; когда же, наконецъ, голодная смерть окончательно освободить его отъ бесполезнаго существованія!

Слышно ему, какъ мимо его норы шмыгаютъ другія рыбы—можетъ-быть, какъ и онъ, пискари—и ни одна не поинтересуется имъ. Ни одной на мысль не придется: дай-ка, спрошу я у премудраго пискаря, какимъ онъ манеромъ умудрился слишкомъ сто лѣтъ прожить, и ни щука его не заглотала, ни ракъ клешней не перешибъ, ни рыболовъ на уду не поймалъ? Плывутъ- себѣ мимо, а, можетъ-быть, и не знаютъ, что воть въ этой норѣ премудрый пискарь свой жизненный процессъ завершаетъ!

И что всего обиднѣе: не слыхать даже, чтобъ кто-нибудь премудрымъ его называлъ. Просто говорять: «слыхали вы про остолопа, который не ёсть, не пьеть, никого не видить, ни съ кѣмъ хлѣба-соли не водитъ, а все только

распостылую свою жизнь бережеть?» А многие даже просто дуракомъ и срамцомъ его называютъ и удивляются, какъ такихъ идоловъ вода терпитъ.

Раскидывая онъ такимъ образомъ своимъ умомъ и дремаль. То-есть, не то что дремаль, а забываться ужъ стало. Раздались въ его ушахъ предсмертные шопоты, разлилась по всему тѣлу истома. И привидѣлся ему тутъ прежний соблазнительный сонъ. Выиграль будто бы онъ двѣсти тысячи, выросъ на цѣлыхъ поль-аршина и самъ шукъ глотасть.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, цѣликомъ изъ норы и высунулось.

И вдругъ онъ исчезъ. Чѣмъ тутъ случилось—шукъ ли его заглотала, ракъ ли клешней перешибъ, или самъ онъ своею смертью умеръ и всплылъ на поверхность — свидѣтелей этому дѣлу не было. Скорѣе всего — самъ умеръ, потому что какая сласть шукѣ глотать хвораго, умирающаго пинскага, да къ тому же еще и *премудраю?*

2.—Самоотверженный заяцъ.

Однажды заяцъ передъ волкомъ провинился. Бѣжалъ онъ, видите ли, неподалеку отъ волчьяго лѣгова, а волкъ увидѣлъ его и кричить: «занинка! остановись, миленький!» А заяцъ не только не остановился, а еще пуще ходу прибавилъ. Вотъ волкъ въ три прыжка его поймалъ, да и говорить: «За то, что ты съ первого моего слова не остановился, вотъ тебѣ мое рѣшеніе: приговариваю я тебя къ лишению живота посредствомъ растерзанія. А такъ какъ теперь и я сытъ, и волчиха моя сыта, и запасу у насъ еще дней на пять хватить, то сиди ты вотъ подъ этимъ кустомъ и жди очереди. А можетъ-быть... ха-ха... я тебя и помилую!»

Сидить заяцъ на заднихъ лапкахъ подъ кустомъ и не шевельнется. Только обѣ одномъ думаетъ: черезъ столько-то сутокъ и часовъ смерть должна прийти. Глянеть онъ въ сторону, гдѣ находится волчье лѣгово, а оттуда на него свѣтящее волчье око смотрить. А въ другой разъ и еще того хуже: выйдутъ волкъ съ волчихой и начнутъ по полянѣ мимо него погуливать. Посмотрѣть на него, и что-то волкъ волчихѣ по-волчьему скажетъ, и оба залютятся: ха-ха! И волчата тутъ же за ними увяжутся; играючи, къ нему под-

бѣгутъ, ласкаются, зубами стучать... А у него, у зайца, сердце такъ и закатится!

Никогда онъ такъ не любилъ жизни, какъ теперь. Былъ онъ заяцъ обстоятельный, высмотрѣлъ у вдовы, у зайчихи, дочку и жениться хотѣлъ. Именно къ ней, къ невѣстѣ своей, онъ и бѣжалъ въ ту минуту, какъ волкъ его за шиноротъ ухватилъ. Ждеть, чай, его невѣста, думаетъ: «измѣнилъ мнѣ косой!» А можетъ-быть, подождала-подождала, да и съ другимъ... слюбилась... А, можетъ-быть, и такъ: играла бѣдняжка, въ кустахъ, а тутъ ее волкъ... и слопалъ...

Думаетъ это бѣдняга и слезами такъ и захлебывается. Вотъ онъ, заячы-то мечты! Жениться разсчитывалъ, самоваръ купилъ, мечталъ, какъ съ молодой зайчихой будетъ чай-сахаръ пить, и вмѣсто всего—куда угодилъ! А сколько, бишь, часовъ, до смерти-то осталось?

И вотъ сидитъ онъ однажды ночью и дремлетъ. Снится ему, будто волкъ его при себѣ чиновникомъ особыхъ поручений сѣдалъ, а самъ, покуда онъ по ревизіямъ бѣгаетъ, къ его зайчихѣ въ гости ходить... Вдругъ слышитъ, словно его кто-то подъ бокъ толкнулъ. Оглядывается—ань это невѣстинъ братъ.

— Невѣста-то твоя помираетъ,—говорить.—Прослышала, какая надѣй тобой бѣда стряслась, и въ одночасье заахла. Теперь только обѣ одномъ и думаетъ: «неужто я такъ и помру, не простишись съ ценагляднымъ моимъ!»

Слушать эти слова осужденный, и сердце его на части разрывалось. За что? Чѣмъ заслужилъ онъ свою горькую участъ? Жиль онъ открыто, революцій не пущалъ, съ оружіемъ въ рукахъ не выходилъ, бѣжалъ по своей надобности—неужто-же за это смерть? Смерть! подумайте, слово-то вѣдь какое! И не ему одному смерть, а и ей, сѣренѣкой заникѣ, которая тѣмъ только и виновата, что его, кого-то, всѣмъ сердцемъ полюбила! Такъ бы онъ къ ней и полетѣлъ, взялъ бы ее, сѣренѣкую заникѣ, передними лапками за ушки, и все бы миловалъ да по головкѣ бы гладилъ.

— Бѣжимъ!—говорилъ, между тѣмъ, посланецъ.

Услыхавши это слово, осужденный на минуту словно преобразился. Совсѣмъ ужъ въ комокъ собрался и уши на спину заложилъ. Вотъ-вотъ прянется — и слѣдъ простишъ. Не слѣдовало ему въ эту минуту на волчье лѣгово смотрѣть, а онъ посмотрѣлъ. И закатилось заячье сердце.

— Не могу,—говорить:—волкъ не вѣль.

А волкъ, между тѣмъ, все видѣть и слышать, и поти-

хоньку по-волчьи съ волчихой перешептывается: должно быть, зайца за благородство хвалять.

— Бѣжимъ!—опять говорить посланецъ.

— Не могу!—повторяеть осужденный.

— Чѣмъ вы тамъ шепчетесь, злоумышляете?—какъ гаркнетъ вдругъ волкъ.

Оба зайца такъ и обмерли. Попался и посланецъ! Подговоръ часовыхъ къ побѣгу—чѣмъ, бишь, за это по правиламъ-то полагается? Ахъ, быть сѣрой зайныѣ и безъ жениха, и безъ братца — обоихъ волѣ съ волчихой слопаютъ!

Опомнились косые,—а передъ ними и волкъ, и волчиха зубами стучать, а глаза у обоихъ въ ночной темнотѣ, словно фонари, такъ и свѣтятся.

— Мы, ваше благородіе, ничего... такъ промежду себя... землячокъ провѣдать меня пришелъ!—лепечеть осужденный, а самъ такъ и мрѣть отъ страха.

— То-то «ничего»! Знаю я васъ! Пальца вами тоже въ ротъ не клади! Сказывайте, въ чемъ дѣло?

— Такъ и такъ, ваше благородіе,—вступилъ тутъ невѣстинъ братъ:—сестрица моя, а его невѣста, помираетъ, такъ просить, нельзя ли его проститься съ нею отпустить?

— Гм!... это хорошо, что невѣста жениха любить,—говорить волчиха.—Это значить, что зайчатъ у нихъ много будетъ, корму волкамъ прибавится. И мы съ волкомъ любимся, и у насъ волчатъ много. Сколько по волѣ ходятъ, а четверо и теперь при насъ живутъ. Волкъ, а волкъ! отпустить, что ли, жениха къ невѣстѣ проститься?

— Да вѣдь его на послѣзавтраѣсть назначено...

— Я, ваше благородіе, приѣгъ... я мигомъ оборочу... у меня это... вотъ какъ Богъ-свѧть приѣгъ!—заспѣшилъ осужденный, и чтобы волкъ не сомнѣвался, что онъ можетъ мигомъ оборотить, такимъ вдругъ молодцомъ прикинулся, что самъ волкъ на него залобовался и подумалъ: «вотъ, кабы у меня солдаты такие были!»

А волчиха пригорюнилась и молвила:

— Вотъ, поди-жъ ты! заяцъ, а какъ свою зайчиху любить!

Дѣлать нечего, согласился волкъ отпустить косого въ по-бывку, но съ тѣмъ, чтобы какъ разъ къ сроку оборотиль. А невѣстина брата аманатомъ у себя оставилъ.

— Коли не воротишся черезъ двое сутокъ къ шести часамъ утра,—сказалъ онъ:—я его вмѣсто тебя сѣмъ; а

коли воротишься—обоихъ съѣмъ, а можетъ-быть... ха-ха... и помилую!

Пустился косой какъ изъ лука стрѣла. Бѣжитъ — земля дрожитъ. Гора на пути встрѣтется—онъ ее «на-уру» возьметъ; рѣка—онъ и броду не ищетъ, прямо вплыв такъ и чешетъ; болото—онъ съ пятой кочки на десятую перепрыгиваетъ. Шутка ли? въ тридевятое царство поспѣть надо, да въ баню сходить, да жениться («непремѣнно женюсь!» ежеминутно твердилъ онъ себѣ), да обратно, чтобы къ волку на завтрахъ почасть...

Даже птицы быстротѣ его удивлялись,—говорили: «вотъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, будто у зайцевъ не душа, а паръ—а воинъ онъ какъ... улепетываетъ!»

Прибѣжалъ, наконецъ. Сколько тутъ радостей было—этого ни въ сказкѣ не сказать, ни первомъ описать. Сѣренъкая заинька, какъ увидѣла своего ненагляднаго, такъ и про хворь позабыла. Встала на заднія лапки, надѣла на себя барабанъ, и ну лапками «кавалерийскую рысь» выбивать—это она сюрпризъ жениху приготовила. А вдова-зайчиха такъ просто засовалась совсѣмъ; не знаетъ, гдѣ усадить нареченаго зятюшку, чѣмъ накормить. Прибѣжали тутъ тетки со всѣхъ сторонъ, да кумы, да сестрицы — всѣмъ лестно на жениха посмотреть, а можетъ-быть, и лакомаго кусочка въ гостяхъ отвѣдать.

Одинъ женихъ словно не въ себѣ сидитъ. Не успѣлъ съ невѣстой намиловаться, какъ ужъ затвердилъ:

— Мнѣ бы въ баню сходить да жениться поскорѣе!

— Чѣмъ больно къ спѣху занадобилось? — подшучиваетъ надъ нимъ зайчиха-мать.

— Обратно бѣжать надо. Только на одинъ сутки волкъ и отпустиль.

Разсказалъ онъ тутъ, какъ и что. Разсказываетъ, а самъ горькими слезами разливается. И воротиться-то ему не хочется, и не воротиться нельзя. Слово, вишь, даль; а заяцъ своему слову—господинъ. Судили тутъ тетки и сестрицы—и тѣ въ одинъ голосъ сказали:—«Правду ты, косой, молвилъ: не давши слова — крѣпись, а давши — держись! Никогда во всемъ нашемъ заячьемъ роду того не бывало, чтобы зайцы обманывали!»

Скоро сказка сказывается, а дѣло промежду зайцевъ еще того скорѣе дѣлается. Къ утру косого окрутили, а передъ вечеромъ онъ ужъ прощался съ молодой женой.

— Безпремѣнно меня волкъ сѣсть,—говорилъ онъ:

такъ ты будь мнѣ вѣрна. А ежели родится у тебя дѣти, то воспитывай ихъ строго. Лучше же всего отданъ ты ихъ въ циркъ: тамъ ихъ не только въ барабанъ бить, но и въ пушечку горохомъ стрѣлять научать.

И вдругъ, словно въ забытыи (онять, стало-быть, про волка вспомнилъ), прибавилъ:

— А можетъ-быть, волкъ меня... ха-ха... и помилуетъ! Только его и видѣли.

Между тѣмъ, покуда косой журировалъ, да свадьбу спрашивали, на томъ пространствѣ, которое раздѣляло тридевятое царство отъ волчьяго лгова, великия бѣды приключились. Въ одномъ мѣстѣ дожди пролились, такъ что рѣка, которую за сутки раньше заяцъ шутя переплылъ, вздулась и на десять верстъ разлилась. Въ другомъ мѣстѣ король Аронъ королю Никитѣ войну объявилъ, и на самомъ заячьемъ пути сраженіе кипѣло. Въ третьемъ мѣстѣ холера проявилась—надо было цѣлую карантинную цѣпь верстъ на сто обогнуть... А кромѣ того, волки, лисицы, совы—на каждомъ шагу такъ и стерегутъ.

Умень былъ косой: зараньше такъ разсчиталъ, чтобы три часа у него въ запасѣ оставалось; однако, какъ пошли одни за другими препятствія, сердце въ немъ такъ и похолодѣло. Бѣжитъ онъ вечеръ, бѣжитъ поль-ночи; ноги у него камнями изсѣчены, на бокахъ отъ колючихъ вѣтвей шерсть клочьями виситъ, глаза помутились, у рта кровавая пѣна сочится, а ему вонъ еще сколько бѣжать осталось! И все-то ему другъ-аманатъ, какъ живой, мерещится. Стоитъ онъ теперь у волка на часахъ и думаетъ: «черезъ столько-то часовъ милый зятекъ на выручку прибѣжитъ!» Вспомнить онъ объ этомъ—и ещешибче припустить. Ни горы, ни долы, ни лѣса, ни болота — все ему ни почемъ! Сколько разъ сердце въ немъ разорваться хотѣло, такъ онъ и надѣя сердцемъ власть взялъ, чтобы бесплодныя волненія его отъ главной дѣли не отвлекали. Не до горя теперь, не до слезъ; пускай всѣ чувства умолкнутъ, лишь бы друга изъ волчьей пасти вырвать!

Вотъ ужъ и день заниматься сталъ. Совы, сычи, летучія мыши на ночлегъ потянули; въ воздухѣ холодкомъ пахнуло. И вдругъ все кругомъ затихло, словно помертвѣло. А косой все бѣжитъ и все одну думу думаетъ: «неужто-жъ я друга не выручу?»

Заалѣлъ востокъ; сперва на дальнемъ горизонѣ слегка на облака огнемъ брызнуло, потомъ пурпуре, и пурпуре, и вдругъ—

пламя! Роса на травѣ загорѣлась; проснулись птицы денныя, поползли муравы, черви, козявки; дымкомъ откуда-то потянуло, во ржи и въ овсахъ словно поюють пошель слышнѣе... А косой ничего не видить, не слышить, только одно твердить: «погубиль я друга своего, погубиль!»

Но вотъ, наконецъ, гора. За этой горой — болото и въ немъ—волчье лѣгово... Опоздаль, косой, опоздаль!

Послѣдняя силы напрягаетъ онъ, чтобъ вскочить на вершину горы... Вскочить! Но онъ ужъ не можетъ бѣжать, онъ падаетъ отъ изнеможенія... неужто-жъ онъ такъ и не добѣжитъ?

Волчье лѣгово передъ нимъ какъ на блюдечкѣ. Гдѣ-то вдали на колокольнѣ бѣсть шесть часовъ, и каждый ударъ колокола словно молотомъ бѣсть въ сердце измученного звѣрюги. Съ послѣднимъ ударомъ волкъ поднялся съ лѣгова, потянулся и хвостомъ отъ удовольствія замахалъ. Вотъ онъ подошелъ къ аманату, сгребъ его въ лапы и запустилъ когти въ животъ, чтобы разодрать его на двѣ половины: одну для себя, другую для волчихи. И волчата тутъ; обѣли кругомъ отца-матери, щелкаютъ зубами, учатся.

— Здѣсь я! здѣсь! — крикнулъ косой, какъ сто тысячъ зайцевъ вмѣстѣ, и кубаремъ скатился съ горы въ болото.

И волкъ его похвалилъ.

— Вижу, — сказалъ онъ: — что зайцамъ вѣрить можно. И вамъ моя резолюція: сидите, до поры до времени, оба подъ этимъ кустомъ, а впослѣдствіи я васъ... ха-ха... помилую!

3.—Бѣдный волкъ.

Другой звѣрь, навѣрное, тронулся бы самоотверженностью зайца, не ограничился бы общаніемъ, а сейчасъ бы помиловалъ. Но изъ всѣхъ хищниковъ, водящихся въ умѣренномъ и сѣверномъ климатахъ, волкъ всего менѣе доступенъ великодушію.

Однакожъ не по своей волѣ онъ такъ жестокъ, а потому, что комплекція у него каверзная: ничего онъ, кроме мясного, есть не можетъ. А чтобы достать мясную пищу, онъ не можетъ иначе поступать, какъ живое существо жизни лишить. Однимъ словомъ, обязывается учинить злодѣйство, разбой.

Не легко ему пропитаніе его достается. Смерть-то вѣдь никому не сладка, а онъ именно только со смертью ко всякому лѣзеть. Поэтому кто посильнѣе—самъ отъ него обороняется, а иного, который самъ защититься не можетъ, другіе оброняютъ. Частенько-таки волкъ голодный ходить, да еще съ помятными боками вдобавокъ. Сядетъ онъ въ ту пору, подниметъ рыло кверху и такъ произвольно воетъ, что на версту кругомъ у всякой живой твари, отъ страху да отъ тоски, душа въ пятки уходитъ. А волчиха его еще тосклившѣ подвываетъ, потому что у нея волчата, а накормить ихъ нечѣмъ.

Нѣть того звѣря на свѣтѣ, который не ненавидѣлъ бы волка, не проклиналъ бы его. Стономъ-стонеть весь лѣсъ при его появлѣніи: «проклятый волкъ! убийца! душегубъ!» и бѣжать онъ впередъ да впередъ, голову повернуть не смѣеть, а вдогонку ему: «разбойникъ! живорѣзъ!» Уволокъ волкъ, съ мѣсяцъ тому назадъ, у бабы овцу—баба-то и Ѳ-сю пору слезъ не осушала: «проклятый волкъ! душегубъ!» А у него съ тѣхъ порь маковой росинки въ пасти не было: овцу-то сожралъ, а другую зарѣзать не пришлось... И баба воетъ, и онъ воетъ... какъ тутъ разберешь?

Говорять, что волкъ мужика обездоливаетъ; да вѣдь и мужикъ тоже, какъ обозлится, куда лютъ бываетъ! И дубьемъ-то онъ его бѣть, и изъ ружья въ него палить, и волчьи ямы роеть, и капканы ставить, и облавы на него устраиваетъ. «Душегубъ! разбойникъ! — только и раздается про волка въ деревняхъ: — послѣднюю корову зарѣзали! остатнюю овцу уволокъ!» А чѣмъ онъ виновать, коли иначе ему прожить на свѣтѣ нельзя?

И убѣшь-то его, такъ проку отъ него нѣтъ. Мясо—негодное, шкура—жесткая, не грѣеть. Только и корысти-то, что вдоволь надѣй нимъ, проклятымъ, патѣшишься, да на вилы живьемъ поднимешь: пускай, гадина, капля по капль кровью исходитъ!

Не можетъ волкъ, не лишая живота, на свѣтѣ прожить—вотъ въ чемъ его бѣда! Но вѣдь онъ этого не понимаетъ. Если его злодѣемъ зовутъ, какъ вѣдь и онъ зоветъ злодѣями тѣхъ, которые его преслѣдуютъ, увѣчать, убиваютъ. Развѣ онъ понимаетъ, что своею жизнью другимъ жизнямъ вредъ наносить? Онъ думаетъ, что живеть — только и всего. Лошадь — тяжести возить, корова — даетъ молоко, овца — волну, а онъ — разбойничаетъ, убиваетъ. И лошадь, и корова, и овца, и волкъ—всѣ «живутъ», каждый по-своему.

И вотъ нашелся, однажды, между волками одинъ, который долгіе вѣки все убивалъ да разбойничалъ, и вдругъ, подъ старость, догадываться началъ, что есть въ его жизни что-то неладное.

Жилъ этотъ волкъ смолоду оченьшибко и былъ однимъ изъ немногихъ хищниковъ, который почти никогда не голодалъ. И день, и ночь онъ разбойничалъ, и все ему съ рукъ сходило. У пастуховъ изъ-подъ носу барановъ утаскивалъ; во дворы по деревнямъ забирался; коровъ рѣзалъ; лѣсника однажды до смерти загрызъ; мальчика маленькаго, у всѣхъ на глазахъ, съ улицы въ лѣсъ унесъ. Слыхалъ онъ, что его за эти дѣла всѣ ненавидятъ и клинуть, да только лютый и лютый отъ этихъ покоровъ становился.

— Послушали бы, что въ лѣсу-то дѣлается, — говорилъ онъ: — нѣть той минуты, чтобы тамъ убийства не было, чтобы какая-нибудь звѣрюга не перезжала, съ жизнью разставаясь,—такъ неужто-жъ на это смотрѣть?

И дожилъ онъ такимъ родомъ, промежду разбоевъ, до тѣхъ лѣтъ, когда волкъ ужъ «матерымъ» называется. Отжалѣлъ маленько, до разбои все-таки не оставилъ; напротивъ, словно бы даже полутѣль. Только и попадись онъ нечаянно въ лапы къ медвѣду. А медвѣди волковъ не любятъ, потому что и на нихъ волки шайками нападаютъ, и частенько-таки слухи по лѣсу ходятъ, что тамъ-то и тамъ-то Михайло Иванычъ оплошалъ: въ клочки сѣрые вороги шубу его разорвали.

Держитъ медвѣдь волка въ лапахъ и думаетъ: «Чтѣ миѣ съ нимъ, съ подлецомъ, дѣлать? Ежели сѣѣсть — съ души сопретъ; ежели такъ задавить да бросить — только лѣсъ запахомъ его падали заразиши. Дай, посмотрю: можетъ-быть, у него совѣсть есть. Коли есть совѣсть, да поклонится онъ и спередь не разбойничать — я его отпушу».

— Волкъ, а, волкъ, — молвилъ Топтыгинъ: — неужто у тебя совѣсти нѣть?

— Ахъ, чтѣ вы, ваше степенство, — отвѣтилъ волкъ: — развѣ можно хоть одинъ день на свѣтѣ безъ совѣсти прожить!

— Стало-быть, можно, коли ты живешь. Подумай: каждый Божій день только и вѣстей про тебя, что ты или шкуру содрали, или зарѣзала — развѣ это на совѣсть похоже?

— Ваше степенство! Позвольте вамъ доложить! Долженъ ли я пить-ѣсть, волчиху свою накормить, волчатъ

воспитать? Какую вы на этот счетъ резолюцію изволите положить?

Подумаль-подумаль Михайло Иванычъ, — видитъ: коли положено волку на свѣтѣ быть, стало-быть и прокормить онъ себя право имѣль.

— Должень,—говорить.

— А вѣдь я кромѣ мясного—ни-ни! Вотъ хоть бы ваше степенство, къ примѣру, взять: вы и маликой полакомитесь, и медкомъ отъ пчель позаимствуетесь, и овсеца посогете, а для меня ничего этого хоть бы не было! Да опять же и другая вольгота у вашего степенства есть: зимой, какъ заляжете вы въ берлогу, ничего вамъ, кромѣ собственной лапы, не требуется. А я и зиму, и лѣто—нѣть той минуты, чтобы я о пищѣ не думалъ! И все о мясцѣ. Такъ какимъ же родомъ я эту пищу добуду, коли прежде не зарѣжу или не задушу?

Задумался медвѣдь надъ этими волчьими словами, однако все еще попытать хочетъ.

— Да ты бы,—говорить:—хоть полегче, что ли...

— Я и то, ваше степенство, сколько могу, облегчаю. Лисица—та зудеть; рванеть разъ и отскочить, потомъ опять рванеть—и опять отскочить... А я прямо за горло хватаю—шабашь!

Еще пуще задумался медвѣдь. Видить, что волкъ ему правду-матку рѣжетъ, а отпустить его все еще опасается: сейчасъ онъ опять за разбойный дѣла примется.

— Раскажай, волкъ!—говорить.

— Не въ чёмъ мнѣ, ваше степенство, каяться. Никто своей жизни не ворогъ, и я въ томъ числѣ; такъ въ чёмъ же тутъ моя вина?

— Да ты хоть пообщай!

— И обѣщать, ваше степенство, не могу. Вотъ лиса—та вамъ чтѣ хотите обѣщаетъ, а я—не могу.

Чтѣ дѣлать! Подумаль-подумаль медвѣдь, да наконецъ и рѣшилъ.

— Пренесчастнѣйший ты есть звѣрь—вотъ чтѣ я тебѣ скажу!—молвилъ онъ волку.—Не могу я тебя судить, хоть и знаю, что много беру на душу грѣха, отпуская тебя. Одно могу прибавить: на твоемъ мѣстѣ я не только бы жизнью не дорожилъ, а за благо бы смерть для себя почиталъ! И ты надъ этими моими словами подумай!

И отпустилъ волка на всѣ четыре стороны.

Освободился волкъ изъ медвѣжьихъ лапъ, и сейчасъ

опять за старое ремесло принялся. Стонеть от него льсь, да и шабашъ. Повадился въ одну и ту же деревню; въ двѣ, въ три ночи цѣлое стадо зря перерѣзать — и ништо ему. Заляжетъ съ сытымъ брюхомъ въ болотъ, потягивается да глаза жмуришь. Даже на медвѣдя, своего благодѣтеля, войной пошелъ, да тотъ, по счастію, вѣремя спохватился да только лапой ему издали погрозилъ.

Долго ли, коротко ли онъ такъ буйствовалъ, однако и къ нему, наконецъ, старость пришла. Силы убавились, проворство пропало, да вдобавокъ мужичокъ ему спинной хребетъ полѣномъ перешибъ; хоть и отлежался онъ, а все-таки ужъ на прежняго удальца-живорѣза непохожъ сталъ. Кинется вдогонку за зайцемъ, а ногъ-то ужъ нѣть. Подойдетъ къ лѣсной опушкѣ, овечку изъ стада попробуетъ унести, а собаки такъ и скачутъ-заливаются. Подожметъ онъ хвостъ, да и бѣжитъ съ пустомъ.

— Никакъ я ужъ и собакъ бояться сталъ? — спрашивается онъ себя.

Воротится въ лѣгово и начнетъ выть. Сова въ лѣсу рыдаетъ, да онъ въ болотѣ воется — страсти Господни, какой поднимется въ деревнѣ переполохъ!

Только промыслилъ онъ однажды ягненочка и волочѣтъ его за шиворотъ въ лѣсъ. А ягненочекъ-то самый еще несмыленочекъ былъ; волочѣтъ его волкъ, а онъ не понимаетъ. Только одно твердить:

— Чѣдъ такое? Чѣдъ такое...

— А я вотъ покажу тебѣ, чѣдъ такое... мммерррзавецъ! — остервенился волкъ.

— Дяденька! Я въ лѣсъ гулять не хочу! И къ мамѣ хочу! Не буду я, дяденька, не буду! — вдругъ догадался ягненочекъ, и не то заблеялъ, не то зарыдалъ: — Ахъ, пастушокъ, пастушокъ! Ахъ, собачки, собачки!

Остановился волкъ и прислушивается. Много онъ на своеемъ вѣку овецъ перерѣзать, и всѣ онѣ какія-то равнодушныя были. Не успѣть ее волкъ ухватить, а она ужъ и глаза зажмурила, лежитъ — не шелохнется, словно натуральную повинность исправляетъ. А вотъ и малышъ, а поди какъ плачетъ: хочется ему жить! Ахъ, видно, и всѣмъ эта распостылая жизнь сладка! Вотъ и онъ, волкъ — старь-старъ, а все бы годковъ еще съ сотенку пожилъ!

И пришомнились ему тутъ слова Топтыгина: «на твоемъ бы мѣстѣ я не жизнь, а смерть за благо для себя почталь». Отчего такъ? Почему для всѣхъ другихъ земныхъ

тварей жизнь — благо, а для него она — проклятие и позоръ?

И, не дождавшись отвѣта, выпустилъ изъ пасти ягненка, а самъ побрель, опустивъ хвостъ, въ лѣговъ, чтобы тамъ на досугѣ умомъ раскинуть.

Но ничего ему этого умъ не выяснилъ, кромѣ того, что онъ ужъ давно зналъ, а именно: что никакъ ему, волку, иначе прожить нельзя, какъ убийствомъ и разбоемъ.

Легъ онъ плашмя на землю и никакъ улежать не можетъ. Умъ — одно говорить, а нутро — чѣмъ-то другимъ загорается. Недуги, что ли, его ослабили, старость ли въ разоръ разорила, голодъ ли измучилъ, только не можетъ онъ прежней власти надъ собой взять. Такъ и гремитъ у него въ ушахъ: «проклятый! душегубецъ! живорѣзъ!» Чтожъ въ томъ, что онъ за собой вольной вины не знаетъ? Вѣдь проклятій-то все-таки не заглушишь! Охъ, видно, правду сказалъ медвѣдь: только и остается, что руки на себя наложить!

Такъ вѣдь и тутъ опять горе: звѣрь вѣдь онъ — даже руки на себя наложить не умѣеть. Ничего самъ собой звѣрь не можетъ: ни порядка жизни измѣнить, ни умереть. Живеть онъ словно во снѣ, и умретъ — словно во снѣ же. Можетъ-быть, его исы растерзаютъ или мужикъ подстрѣлить; такъ и тутъ онъ только захрапитъ да корчей его на мгновеніе сведетъ — и духъ вонъ. А откуда и какъ пришла смерть — онъ и не догадается.

Вотъ развѣ голodomъ онъ себя изведетъ... Нынче онъ ужъ и за зайцами гоняться пересталъ, только около птицъ ходить. Поймаеть молодую ворону или витютия — только этимъ и сѣть. Такъ даже и тутъ прочие витютии хоромъ кричатъ: «проклятый! проклятый! проклятый!»

Именно проклятый. Ну, какъ-таки только за тѣмъ жить, чтобы убивать и разбойничать? Положимъ, несправедливо его проклинаютъ, нерезонно: не своей волей онъ разбойничаетъ, — но какъ не проклинать? Сколько онъ звѣряя на своемъ вѣку погубилъ! Сколько бабъ, мужиковъ обездолилъ, на всю жизнь несчастными сдѣлалъ!

Много лѣтъ онъ въ этихъ мысляхъ промучился; только одно слово въ ушахъ его и гремѣло: «проклятый! проклятый! проклятый!» Да и самъ себѣ онъ все чаще и чаще повторялъ: «именно проклятый! Проклятый и есть; душегубъ, живорѣзъ!» И все-таки, мучимый голodomъ, шелъ на добычу, душить, рвать и терзать...

И началъ онъ звать смерть. «Смерть! смерть! Хоть бы

ты освободила отъ меня звѣрей, мужиковъ и птицы! Хоть бы ты освободила меня отъ самого себя!»—день и ночь вѣль онъ, на небо глядючи. А звѣри и мужики, слыша его вой, въ страхѣ вопили: «душегубъ! душегубъ! душегубъ!» Даже небу пожаловаться онъ не могъ безъ того, чтобы прокляться на него со всѣхъ сторонъ не сыпались.

Наконецъ, смерть скжалилась-таки надъ нимъ. Появились въ той мѣстности «лукashi» *), и сосѣдніе помѣщики воспользовались ихъ прибытіемъ, чтобы устроить на волка охоту. Лежитъ однажды волкъ въ своемъ логовѣ и слышитъ—зовутъ. Онъ всталъ и пошелъ. Видитъ: впереди путь вѣхами означенъ, а сзади и сбоку мужики за нимъ слѣдятъ. Но онъ уже не пытался прорваться, а шелъ, опустивъ голову, навстрѣчу смерти...

И вдругъ его ударило прямо между глазъ.

— Вотъ она... смерть-избавительница!

4.—Карась-идеалистъ.

Карась съ ершомъ спорилъ. Карась говорилъ, что можно на свѣтѣ одною правдою прожить, а ершъ утверждалъ, что нельзя безъ того обойтись, чтобы не слукавить. Чтѣ именно разумѣть ершъ подъ выраженіемъ: «слукавить»—неизвѣстно, но только всякий разъ, какъ отъ эти слова произносилъ, карась въ негодованіи восклицалъ:

— Но вѣдь это подлость!

На чтѣ ершъ возражалъ:

— Вотъ ужъ увидишь!

Карась—рыба смирная и къ идеализму склонная: не даромъ его монахи любятъ. Лежитъ онъ больше на самомъ днѣ рѣчной заводи (гдѣ потише) или пруда, зарывшись въ иль, и выбираетъ оттуда микроскопическихъ ракушекъ для своего продовольствія. Ну, натурально, полежитъ-полежитъ, да что-нибудь и выдумаетъ. Иногда даже и очень водное. Но такъ какъ караси ни въ цензуру своихъ мыслей не представляютъ, ни въ участкѣ не прописываются, то въ политической неблагонадежности ихъ никто не подозрѣваетъ. Если же иногда и видимъ, что отъ времени до времени на

*) «Лукashi»—мужички изъ Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи, которые занимаются изученіемъ привычекъ и нравовъ лѣсныхъ звѣрей и потомъ предлагаютъ охотникамъ свои услуги для облавъ.

карасей устраивается облава, то отнюдь не за вольнодумство, а за то, что они вкусны.

Ловить карасей по преимуществу сътью или неводомъ; но чтобы ловля была удачна, необходимо имѣть снаровку. Опытные рыбаки выбираютъ для этого время сейчасъ вслѣдъ за дождемъ, когда вода бываетъ мутна, и затѣмъ, заводя неводъ, начинаютъ хлопать по водѣ канатомъ, палками и вообще производить шумъ. Заслышавъ шумъ и думая, что онъ возвѣщаетъ торжество вольныхъ идей, карась снимается со дна и начинаетъ справляться, нельзя ли и ему какъ-нибудь пристроиться къ торжеству. Тутъ-то онъ и попадаетъ во множествѣ въ мотню, чтобы потомъ сдѣлаться жертвою человѣческаго чревоугодія. Ибо, повторю, караси представляютъ такое лакомое блюдо (особенно изжаренные въ сметанѣ), что предводители дворянства охотно потчуютъ ими даже губернаторовъ.

Что касается до ершей, то это рыба уже тронутая скептицизмомъ и при томъ колючая. Будучи сварена въ ухѣ, она даетъ безподобный бульонъ.

Какимъ образомъ случилось, что карась съ ершомъ сошлись,—не знаю; знаю только, что, однажды сошедши, сейчасъ же заспорили. Поспорили разъ, поспорили другой, а потомъ и во вкусъ вошли, свиданія другъ другу стали назначать. Сплюются гдѣ-нибудь подъ водянымъ лопухомъ и начнутъ умныя рѣчи разговаривать. А плотва-бѣлобрюшка рѣзвится около нихъ и ума-разума набирается.

Первымъ всегда задираль карась.

— Не вѣрю,—говорилъ онъ:—чтобы борьба и свара были нормальнымъ закономъ, подъ вліяніемъ котораго будто бы суждено развиваться всему живущему на землѣ. Вѣрю въ безкровное преуспѣяніе, вѣрю въ гармонію и глубоко уѣждень, что счастье—не праздная фантазія мечтательныхъ умовъ, но рано или поздно сдѣлается общимъ достояніемъ!

— Дожидайся!—иронизировалъ ершъ.

Ершъ спорилъ отрывисто и неспокойно. Это—рыба нервная, которая, повидимому, помнить не мало обидъ. Накинѣло у нея на сердцѣ... ахъ, накинѣло! До ненависти покуда еще не дошло, но вѣры и наивности ужъ и въ поминѣ нѣть. Вместо мирнаго житія, она повсюду расплю видѣть, вместо прогресса—всеобщую одичалость. И утверждаетъ, что тотъ, кто имѣеть претензію жить, долженъ все это въ расчетѣ принимать. Карася же считаетъ «блаженненъкимъ»,

хотя въ то же время сознаеть, что съ нимъ только и можно «душу отводить».

— И дождусы!—отзывался карась:—и не я одинъ—всѣ дождутся. Тьма, въ которой мы плаваемъ, есть порождение горькой исторической случайности; но такъ какъ нынѣ, благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, можно эту случайность по косточкамъ разобрать, то и причины, ее породившія, нельзя уже считать неустранимыми. Тьма—совершившіяся фактъ, а свѣтъ—чаемое будущее. И будетъ свѣтъ, будетъ,

— Значить, и такое, по-твоему, время придетъ, когда и щукъ не будетъ?

— Какихъ такихъ щукъ?—удивился карась, который былъ до того наивенъ, что когда при немъ говорили: «на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ», то онъ думалъ, что это что-нибудь въ родѣ тѣхъ никъ и русалокъ, которыми малыхъ дѣтей пугаютъ, и, разумѣется, ни крошечки не боялся.

— Ахъ, фофанъ ты, фофанъ! Мировыя задачи разрѣшать хочешь, а о щукахъ понятія не имѣшь!

Ершъ презрительно пошевеливалъ плавательными перьями и уплывалъ во-свойси; но, спустя малое время, собесѣдники опять гдѣ-нибудь въ укромномъ мѣстѣ сплывались (въ водѣ то скучно), и опять начинали диспутировать.

— Въ жизни первенствующую роль добро играетъ,—разлагольствовалъ карась:—зло—это такъ, по недоразумѣнію, допущено, а главная жизненная сила все-таки въ добре замыкается.

— Держи карманъ!

— Ахъ, ершъ, какія ты несообразныя выраженія употребляешь! «Держи карманъ»!—развѣ это отвѣтъ?

— Да тебѣ, по-настоящему, и совсѣмъ отвѣтъ не слѣдуетъ. Глупый ты—вотъ тебѣ и сказать весь!

— Нѣтъ, ты послушай, чтѣ я тебѣ скажу. Что зло никогда не было зиждущей силой—объ этомъ и исторія свидѣтельствуетъ. Зло душило, давило, опустошало, предавало мечу и огню, а зиждущей силой являлось только добро. Оно устремлялось на помошь угнетеннымъ; оно освобождало отъ цѣней и оковъ; оно пробуждало въ сердцахъ плодотворныя чувства; оно давало ходъ пареніямъ ума. Не будь этого воистину зиждущаго фактора жизни—не было бы и исторіи. Потому что вѣдь, въ сущности, что такое исторія? Исторія—это повѣсть освобожденія, это разскать о торжествѣ добра и разума надъ зломъ и безуміемъ.

— А ты, видно, доподлинно знаешь, что зло и безумие посрамлены?—подтрунивалъ ершъ.

— Не посрамлены еще, но будутъ посрамлены—это я тебѣ вѣрио говорю. И опять-таки сошлюсь на исторію. Сравни, чтѣ нѣкогда было, съ тѣмъ, что есть,—и ты безъ труда согласишься, что не только вѣшніе пріемы зла смягчились, но и самая сумма его примѣтно уменьшилась. Возьми хоть бы нашу рыбную породу. Прежде насть во всякое время ловили, и преимущественно во время «хода», когда мы, какъ одурѣлые, сами прямо въ сѣть лѣзимъ; а нынче именно во время «хода»-то и признается вреднымъ насть ловить. Прежде насть, можно сказать, самыми варварскими способами истребляли—въ Уралѣ, сказываютъ, во время багренія, вода на многія версты отъ рыбьей крови красная стояла, а нынче—шабашъ. Неводы да верши, да уды—больше чтобы ни-ни! Да и обѣ этомъ еще въ комитетахъ разсуждаютъ: какіе неводы? по какому случаю? на какой предметъ?

— А тебѣ, видно, не все равно, какимъ способомъ въ уху попасть?

— Въ какую такую уху?—удивлялся карась.

— Ахъ, прахъ тебя побери! Карасемъ зовется, а обѣ ухѣ не слыхалъ! Какое же ты послѣ этого право со мной разговарить имѣешь? Вѣдь, чтобы споры вести и мнѣнія отстаивать, надо, по малой мѣрѣ, съ обстоятельствами дѣла напередъ познакомиться. О чемъ же ты разговариваешь, коли даже такой простой истины не знаешь: что каждому карасю впереди уготована уха? Брысы!.. заколю!

Ершъ оцепинивался, а карась быстро, насколько позволяла его неуклюжесть, опускался на дно. Но черезъ сутки друзья-противники опять сплывались и новый разговоръ затѣвали.

— Намеднись въ нашу заводь щука заглядывала,—объявлялъ ершъ.

— Та самая, о которой ты намеднись упоминаль?

— Она. Приплыла, заглянула, молвила: «чтой-то будто ужъ слишкомъ здѣсь тихо! Должно-быть, тутъ карасямъ водѣ?»... И съ этимъ уплыла.

— Чѣмъ же мнѣ теперича дѣлать?

— Изготавляться—только и всего. Ужѣ, какъ приплыветъ она, да уставится въ тебя глазищами, ты чешую-то да перья подбери поплотнѣе, да прямо и полѣзай ей въ хайлъ!

— Зачемъ же я полѣзъ? Кабы я былъ въ чемъ-нибудь виноватъ...

— Глупъ ты—вотъ въ чемъ твоя вина. Да и жиренъ вдобавокъ. А глупому да жирному и законъ повелѣваетъ щукѣ въ хайлѣ лѣзть!

— Не можетъ такого закона быть!—искренно возмущался карась.—И щука зря не имѣеть права глотать, а должна прежде объясненія потребовать. Вотъ я съ ней объяснюсь, всю правду выложу. Правдой-то я ее до седьмого пота прошибу.

— Говориъ я тебѣ, что ты фофанъ, и теперь то же самое повторю: фофанъ! фофанъ! фофанъ!

Ершъ окончательно сердился и даваль себѣ слово на будущее время воздержаться отъ всякаго общенія съ карасемъ. Но черезъ нѣсколько дней—смотрѣши—привычка опять взяла свое.

— Вотъ, кабы всѣ рыбы между собой согласились...—загадочно начиналь карась.

Но тутъ ужъ и самого ерша брала Ѳоторопъ.

«О чёмъ это фофанъ рѣчь заводить?—думалось ему:—того гляди, проврется, а тутъ головель неподалеку похаживаетъ. Ишь, и глаза въ сторону, словно не его дѣло, скосилъ, а самъ, знай, прислушивается».

— А ты не всякое слово выговаривай, какое тебѣ на умъ взбредетъ!—убѣждаль онъ карася.—Не для чего пасть-то разѣвать; можно и шопоткомъ, чтò нужно, сказать.

— Не хочу я шептаться,—продолжалъ карась невозмутимо:—а говорю прямо, что ежели бы всѣ рыбы между собой согласились, тогда...

Но тутъ ершъ грубо прерывалъ своего друга.

— Съ тобой, видно, гороху наѣвшись, говорить надо!—кричалъ онъ на карася и, навостривши лыжи, уплывалъ отъ него во-свойси.

И досадно ему да и жалко карася было. Хоть и глупъ онъ, а все-таки съ нимъ однимъ по-душѣ поговорить можно. Не разболтаетъ онъ, не предастъ—въ комъ нынче качества-то эти сыщешь? Слабое нынче время,—такое время, что на отца съ матерью надѣяться нельзя. Вотъ *плотва, хоть и нельзя о ней прямо что-нибудь худое сказать, а все-таки, того и гляди, не понимающи, сболтнетъ! А о головляхъ, язахъ, линяхъ и прочей челяди и говорить нечего! За червяка присягу подъ колоколами принять готовы! Бѣдный карась! ни за гроши онъ между ними пропадетъ!

— Посмотри ты на себя,—говорил онъ карасю:—ну, какую ты, неровѣнъ часть, оборону изъ себя представить можешь? Брюхо у тебя большое, голова малая, на выдумки негораздая, ротъ—чутониный. Даже чешуя на тебѣ—и та не серьезная. Ни проворства въ тебѣ, ни юркости—какъ есть увалены! Всякий, кто хочетъ, подойди къ тебѣ и ъшь!

— Да за что же меня ъсть, коли я не провинился?—по-прежнему упорствовалъ карась.

— Слушай, дурья порода! Ёдятъ-то развѣ «за чѣ»? Развѣ потому ёдятъ, что казнить хотятъ? Ёдять потому, что ъсть хочется—только и всего. И ты, чай, ъшь. Не попусту носомъ-то въ илѣ роешься, а ракушекъ вылавливаешь. Имъ, ракушкамъ, жить хочется, а ты, простофиля, ими мамонъ съ утра до вечера набиваешь. Сказывай: какую-такую онъ вину передъ тобой сдѣлали, что ты ихъ ежеминутно казнишь? Помнишь, какъ ты намеднись говорилъ: «вотъ, кабы всѣ рыбы между собой согласились»... А чтѣ, если бы ракушки между собой согласились—сладко ли бы тебѣ, простофилю, тогда было?

Вопросъ былъ такъ прямо и такъ непріятно поставленъ, что карась сконфузился и слегка покраснѣлъ.

— Но ракушки—вѣдь это...—пробормоталъ онъ смущенно.

— Ракушки—ракушки, а караси—караси. Ракушками караси лакомятся, а карасями—щуки. И ракушки ни въ чемъ неповинны, и караси не виноваты, а и тѣ, и другіе должны отвѣтъ держать. Хоть сто лѣтъ обѣ этомъ думай, а ничего другого не выдумаешь.

Спрятался послѣ этихъ ершовыхъ словъ карась въ самую глубь тины и сталъ на досугѣ думать. Думалъ-думалъ, и между прочимъ ракушекъ ёль да ёль. И что больше ъсть, то больше хочется. Наконецъ, однакожъ, додумался.

— Я не потому ъмы ракушекъ, чтобы онъ виноваты были—это ты правду сказать,—объяснилъ онъ ершу:—а потому я ихъ ъмы, что онѣ, эти ракушки, самой природой мнѣ для ёды предоставлены.

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Никто не сказалъ, а я самъ, собственнымъ наблюденіемъ, дошелъ. У ракушки не душа, а парь; ее ъшь, а она и не понимаетъ. Да и устроена она такъ, что никакъ невозможно, чтобы ее не проглотить. Потяни рыломъ воду, ань въ зобу у тебя ужъ видимо-невидимо ракушекъ кишить. Я и не ловлю ихъ—сами въ ротъ лѣзутъ. Ну, а

карась—совсѣмъ другое. Караси, братъ, отъ десяти вершковъ бывають,—такъ съ этакимъ старикомъ еще поговорить надо, прежде нежели его сѣсть. Надо, чтобы онъ серьезную пакость сдѣлалъ—ну, тогда, конечно...

— Вотъ какъ щука проглотить тебя, тогда ты и узнаешь, что надо для этого сдѣлать. А до тѣхъ поръ лучше помалчивай бы.

— Нѣтъ, я не стану молчать. Хоть я отъ роду щукъ не видывалъ, но только могу судить по рассказамъ, что и онѣ къ голосу правды не глухи. Помилуй, скажи: можетъ ли такое злодѣйство статься? Лежитъ карась, никого не трогаетъ, и вдругъ, ни дай, ни вынеси за чтѣ, къ щукѣ въ брюхо попадаетъ? Ни въ жизнь я этому не повѣрю.

— Чудакъ! да вѣдь намеднись на глазахъ у тебя монахъ цѣлыхъ два невода вашего брата изъ заводи вытащилъ... Какъ ты думаешьъ: любоваться, что ли, онъ на карасей-то будетъ?

— Не знаю. Только это еще бабушка наѣ-двоє сказала, что съ тѣми карасямисталось; ино ихъ сѣли, ино въ сажалку посадили. И живутъ они тамъ припѣвающи на монастырскихъ хлѣбахъ!

— Ну, живи, коли такъ, и ты, сорви-голова!

Проходили дни за днями, а диспутамъ карася съ ершомъ и конца было не видать. Мѣсто, въ которомъ они жили, было тихое, даже слегка зеленою плѣсенью подернутое, самое для диспутовъ благопріятное. О чемъ ни калякай, какими мечтами ни задавайся—безнаказанность полная. Это до такой степени ободрило карася, что онъ съ каждымъ сеансомъ все больше и больше тонъ своихъ экскурсій въ область эмпиреевъ повышалъ.

— Надобно, чтобы рыбы любили другъ друга!—ораторствовалъ онъ:—чтобы каждая за всѣхъ, а всѣ за каждую—вотъ когда настоящая гармонія осуществится!

— Желалъ бы я знать, какъ ты съ своею любовью къ щукѣ подѣдешъ!—расхолаживалъ его ершъ.

— Я, братъ, подѣду!—стоять на своемъ карась:—я такія слова знаю, что любая щука въ одну минуту отъ нихъ въ карася превратится!

— А нутка, скажи!

— Да просто спрошу: знаешь ли, моль, щука, что такое добродѣтель и какія обязанности она въ отношеніи къ близкимъ налагаетъ?

— Огорочишь, нечего сказать! А хочешь, я тебѣ за этотъ самый вопросъ иглой животъ проколю?

— Ахъ, нѣтъ, сдѣлай милость, ты этимъ не шути!
Иль:

— Только тогда мы, рыбы, свои права сознаемъ, когда нась съ малыхъ лѣтъ въ гражданскихъ чувствахъ воспитывать будутъ!

— А на кой тебѣ ладъ гражданскія чувства понадобились?

— Все-таки...

— То-то «все-таки». Гражданскія-то чувства только тогда ко двору, когда передъ ними просторъ открыть. А чтѣ же ты съ ними, въ тинѣ лежа, дѣлать будешь?

— Не въ тинѣ, а вообще...

— Напримѣрь?

— Напримѣрь, монахъ меня въ ухѣ захочетъ сварить, а я ему скажу: не имѣшь, отче, права безъ суда такому ужасному наказанію меня подвергать!

— А онъ тебя, за грубость, на сковородку, либо въ золу въ горячую... Нѣтъ, другъ, въ тинѣ жить, такъ не гражданскія, а остолопы чувства надо иметь—вотъ это вѣрно. Схоронился гдѣ погуще и молчи, остолопы!

Или еще:

— Рыбы не должны рыбами питаться,—бредилъ на-яву карась.—Для рыбьяго продовольствія и безъ того природа многое—множество вкусныхъ блюдъ уготовала. Ракушки, мухи, черви, пауки, водяныя блохи; наконецъ—раки, змѣи, лягушки. И все это добро, все на потребу.

— А для щукъ на потребу караси,—отрезвлять его ерши.

— Нѣтъ, карась самъ себѣ довѣрять. Ежели природа ему не дала оборонительныхъ средствъ, какъ тебѣ, напримѣрь, то это значитъ, что надо особливый законъ, въ видахъ обезспеченія его личности, издать!

— А ежели тотъ законъ исполняться не будетъ?

— Тогда надо внушеніе распубликовать: лучше, дескать, совсѣмъ законовъ не издавать, ежели оные не исполнить.

— И ладно будетъ?

— Полагаю, что многіе устыдятся.

Повторяю: дни проходили за днями, а карась все бредилъ. Другому за это хоть щелчокъ бы въ носъ дали, а ему—ничего. И растябывалъ бы онъ такимъ родомъ ари-довы вѣки, если бы хоть крошечку поостерегся. Но онъ ужъ такъ о себѣ возмечталъ, что совсѣмъ изъ расчета вышелъ. Припускаль да припускаль, какъ вдругъ къ нему

головель съ повѣсткой: назавтра, дескать, щука изволить въ заводь прибыть, такъ ты, карась, смотри: чутъ-свѣтъ отвѣтъ держать явись!

Карась, однажды, не обробѣлъ. Во-первыхъ, онъ столько разнообразныхъ отзывовъ о щукѣ слышалъ, что и самъ познакомиться съ ней любопытствовалъ; а во-вторыхъ, онъ зналъ, что у него такое магическое слово есть, которое, ежели его сказать, сейчасъ самую лютую щуку въ карася превратить. И очень на это слово надѣялся.

Даже ершъ, видя такую его вѣру, задумался, не слишкомъ ли онъ ужъ далеко зашелъ въ отрицательномъ направлениіи. Можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ щука только того и ждетъ, чтобы ее полюбили, благой совѣтъ ей дали, умъ и сердце ея просвѣтили? Можетъ-быть, она... добрая? Да и карась, пожалуй, совсѣмъ не такой простофия, какимъ по наружности кажется, а, напротивъ того, съ расчотцемъ свою карьеру облаживаетъ? Вотъ завтра явится онъ къ щукѣ да прямо и ляпнетъ ей сущую правду, какой она отъ роду ни отъ кого не слыхивала. А щука возьметъ да и скажетъ: за то, что ты мнѣ, карась, самую сущую правду сказалъ, жалую тебя этою заводью; будь ты надъ нею начальникъ!

Пришла на утро щука, какъ пить дала. Смотреть на нее карась и дивится: какихъ ему про щуку сплѣтокъ ни напели, а она—рыба какъ рыба! Только ротъ до ушей да хайлѣ такое, что какъ разъ ему, карасю, пролѣзть.

— Слышала я,—молвила щука:—что очень ты, карась, уменъ и разлагольствовать мастеръ. Хочу я съ тобой диспутъ имѣть. Начинай.

— Объ счастьѣ я больше думаю,—скромно, но съ достоинствомъ отвѣтилъ карась.—Чтобы не я одинъ, а всѣ были счастливы. Чтобы всѣмъ рыбамъ во всякой водѣ свободно плавать было, а ежели которая въ тину спрятаться захочетъ, то и въ тинѣ пускай полежитъ.

— Гм!.. и ты думаешьъ, что такому дѣлу статья возможна?

— Не только думаю, но и всечасно сего ожидаю.

— Напримѣръ: плыву я, а рядомъ со мною... карась?

— Такъ что же такое?

— Въ первый разъ слышу. А ежели я обернусь да карася-то... сѣмъ?

— Такого закона, ваше высокостепенство, нѣть; законъ говорить прямо: ракушки, комары, мухи и мошки да по-

служать для рыбъ пропитаніемъ. А кромъ того, позднѣйшими разными указами къ пищѣ сопричислены: водяныя блохи, пауки, черви, жуки, лягушки, раки и прочіе водяные обыватели. Но не рыбы.

— Маловато для меня. Головель! неужто такой законъ есть?—обратилась щука къ головлю.

— Въ забвѣніи, ваше высокостепенство!—ловко вывернулся головель.

— Я такъ и знала, что не можно такому закону быть. Ну, а еще ты чего всечасно, карась, ожидаешь?

— А еще ожидаю, что справедливость восторжествуетъ. Сильные не будутъ тѣснить слабыхъ, богатые—бѣдныхъ. Ты, щука, всѣхъ сильнѣе и ловче—ты и дѣло на себя посильнѣе возмѣши; а мнѣ, карасю, по моимъ скромнымъ способностямъ, и дѣло скромное укажутъ. Всякій для всѣхъ, и всѣ для всякаго—вотъ какъ будетъ. Когда мы другъ за дружку стоять будемъ, тогда и подкузьмить насъ никто не сможетъ. Неводъ-то еще гдѣ покажется, а ужъ мы драли! Кто подъ камень, кто на самое дно въ иль, кто въ нору или подъ корягу. Уху-то, пожалуй-что, видно, бросить придется!

— Не знаю. Не очень-то любять люди бросать тѣ, что имъ вкуснѣмъ кажется. Ну, да это еще когда-то будетъ. А вотъ что: такъ, значитъ, по-твоему, и я работать должна?

— Какъ прочіе, такъ и ты.

— Въ первый разъ слышу. Поди, проснись!

Проспался ли, нѣть ли карась, но ума у него, во всякомъ случаѣ, не прибавилось. Въ полдень опять онъ явился на диспутъ, и не только безъ всякой робости, но даже противъ прежняго веселѣя.

— Такъ ты полагаешь, что я работать стану, и ты отъ моихъ трудовъ лакомиться будешь?—прямо поставила вопросъ щука.

— Всѣ другъ отъ дружки... отъ общихъ, взаимныхъ трудовъ...

— Понимаю: «другъ отъ дружки»... а между прочимъ и отъ меня... гм! Думается, однажды, что ты это зазорныя рѣчи говоришь. Головель! какъ, по-нынѣшнему, такія рѣчи называются?

— Сицилизмомъ, ваше высокостепенство!

— Такъ я и знала. Давненько я ужъ слышу: бунтовскія, моль, рѣчи карась говорить! Только думаю: дай, лучше сама послушаю... Ань вотъ ты каковъ!

Молвивши это, щука такъ выразительно щелкнула по водѣ хвостомъ, что, какъ ни простъ былъ карась, но и онъ догадался.

— Я, ваше высокостепенство, ничего,—пробормоталъ онъ въ смущеніи:—это я по простотѣ...

— Ладно. Простота хуже воровства, говорить. Ежели дуракамъ волю дать, такъ они умныхъ со свѣту сживутъ. Наговорили мнѣ о тебѣ съ три короба, а ты—карась какъ карась,—только и всего. И пяти минутъ я съ тобою не разговариваю, а ужъ до смерти ты мнѣ надоѣль.

Щука задумалась и какъ-то такъ загадочно на карася посмотрѣла, что онъ ужъ и совсѣмъ понялъ. Но, должно быть, она еще послѣ вчерашняго обжорства сыта была, и потому зѣвнула и сейчасъ же захрапѣла.

Но на этотъ разъ карасю ужъ не такъ благополучно обошлось. Какъ только щука умолкла, его со всѣхъ сторонъ обстушили головли и взяли подъ карауль.

Вечеромъ, еще не успѣло солнышко сѣсть, какъ карась въ третій разъ явился къ щукѣ на диспутъ. Но явился уже подъ стражей и притомъ съ нѣкоторыми поврежденіями. А именно: окунь, допрашивая, покусалъ ему спину и часть хвоста.

Но онъ все еще бодрился, потому что въ запасѣ у него было магическое слово.

— Хоть ты мнѣ и супротивникъ,—начала опять первая щука:—да, видно, горе мое такое: смерть диспути люблю! Будь здоровъ, начинай!

При этихъ словахъ карась вдругъ почувствовалъ, что сердце въ немъ загорѣлось. Въ одно мгновеніе онъ подобралъ животъ, затрепыхался, защелкалъ по водѣ остатками хвоста и, глядя щукѣ прямо въ глаза, во всю мочь гаркнулъ:

— Знаешь ли ты, что такое добродѣтель?

Щука разинула ротъ отъ удивленія. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его.

Рыбы, бывшія свидѣтельницами этого происшествія, на мгновеніе остолбенѣли, но сейчасъ же опомнились и поспѣшили къ щукѣ—узнать, благополучно ли она поужинать изволила, не подавилась ли. А ершъ, который ужъ заранѣе все предвидѣлъ и предсказалъ, выплылъ впередъ и торжественно провозгласилъ:

— Вотъ они, диспути-то наши, каковы!

5.—Добродѣтели и Пороки.

Добродѣтели съ Пороками изстари во враждѣ были. Пороки жили весело и ловко свои дѣла обѣльвали, а Добродѣтели жили посѣрѣ, но зато во всѣхъ азбукахъ и христоматіяхъ какъ примѣръ для подражанія приводились. А втихомолку, между тѣмъ, думали: «вотъ кабы и намъ, подобно Порокамъ, удалось хорошенькое дѣльце обѣлати!» Да, признаться сказать, подъ шумокъ и обѣльвали.

Трудно сказать, съ чего у нихъ первоначально распры пошла и кто первый задрали. Кажется, что Добродѣтели первыя начали. Порокъ-то шустрый былъ и на выдумки гораздый. Какъ пошелъ онъ, словно конь борзый, пространство ногами забирать, да въ парцахъ, да въ шелкахъ побѣлу-свѣту щеголять—Добродѣтели-то за нимъ и не успѣли. И, не поспѣвши, огорчились. «Ладно,—говорять,—щеголай, нахалъ, въ шелкахъ! Мы и въ рубицѣ отъ всѣхъ почтены будемъ!» А Пороки имъ въ отвѣтъ: «И будьте почтены съ Богомъ!»

Не стерпѣли Добродѣтели насмѣшки и стали Пороки на всѣхъ перекресткахъ костить. Выйдутъ въ рубицахъ на распните и пристають къ прохожимъ: «Не правда ли, гospода честные, что мы вамъ и въ рубицѣ милы». А прохожіе въ отвѣтъ: «Ишь васъ, салопницъ, сколько развелось! Проходите, не задерживайте! Богъ подастъ!»

Пробовали Добродѣтели и къ городовымъ за еодѣйствіемъ обращаться. «Вы чего смотрите? Совсѣмъ публику распнустили! Вѣдь она, того и гляди, пѣ-уши въ Порокахъ погрызнетъ!» Но городовые знай- себѣ стоять да Порокамъ подъ козырекъ дѣлаютъ.

Такъ и остались Добродѣтели ни при чемъ, только пригрозили съ досады: «вотъ погодите! ушлють васъ ужо ваши дѣла на каторгу!»

А Пороки, между тѣмъ, все впередъ да впередъ бѣгутъ, да еще и похваляются. «Нашли,—говорятъ,—чѣмъ страшать—каторгой! Для нась-то еще либо будетъ каторга, либо нѣть, а вы съ самаго рожденія въ ней пѣ-уши сидите! Ишь, злецы! Кости да кожа, а глаза, посмотрѣ, какъ горятъ. Щелкаютъ на пирогъ зубами, а какъ къ нему приступиться—не знаютъ!»

Словомъ сказать, разгоралась распры съ каждымъ днемъ

больше и больше. Сколько разъ даже до открытаго боя дѣло доходило, но и тутъ фортуна почти всегда Добрѣтелямъ измѣняла. Одолѣютъ Пороки и закуютъ Добрѣтели въ кандалы: «сидите, злоумышленники, смирно!» И сидятъ, покуда начальство не вступится да на волю не выпустить.

Въ одну изъ такихъ баталій шелъ мимо Иванушка-Дурячокъ, остановился и говорить сражающимся:

— Глупые вы, глупые! Изъ-за чего только вы другъ друга увѣчите! Вѣдь первоначально-то вы всѣ одинаково свойствами были, а это ужъ потомъ, отъ безалаберности да отъ каверзы людской, Добрѣтели да Пороки пошли. Одни свойства понажали, другимъ вольный ходъ дали—колесики-то въ машинѣ и поиспортились. И воцарились на свѣтѣ смута, свара, скорбь... А вы вотъ что сдѣлайте: обратитесь къ первоначальному источнику—можетъ - быть, начемъ-нибудь и сойдется!

Сказавъ это и пошелъ путемъ-дорогой въ казначейство подать вносить.

Подѣйствовали ли на сражающихся Иванушкины слова, или пороху для продолженія битвы недостало, только вложили бойцы мечи въ ножны и задумались.

Думали, впрочемъ, больше Добрѣтели, потому что у нихъ съ голоду животы подвело; а Пороки, какъ протрубыли трубы отбой, такъ сейчасъ же по своимъ прежнимъ канальскимъ дѣламъ разбрелись и опять на славу зажили.

— Хорошо ему про «свойства» говорить,—первое молвило Смирениномудріе:—мы и сами не плоше его эти «свойства» знаемъ! Да вотъ одни свойства въ бархатѣ щеголяютъ и на золотѣ ёдятъ, а другія въ затрапезѣ ходятъ да по цѣльмъ днямъ не ёвни сидѣть. Ивалушкѣ-то съ полагоря: онъ набилъ мамонъ мякиной—и правъ; а насть вѣдь на мякинѣ не проведешь—мы знаемъ, гдѣ раки зимуютъ!

— Да и что за «свойства» такія проявились!—встревожилось Благочиніе:—нѣтъ ли тутъ порухи какой? Всегда были Добрѣтели и были Пороки, сотни тысячъ лѣтъ это дѣло ведется и сотни тысячъ томовъ объ этомъ написано, а онъ, натко, сразу рѣшился: «свойства!» Нѣтъ, ты попробуй, приступись-ка къ этимъ сотнямъ тысячъ томовъ, такъ и увидишь, какая отъ нихъ пыль столбомъ полетитъ!

Судили-рядили и наконецъ разсудили: Благочиніе правду сказало. Сколько тысячъ вѣковъ Добрѣтели чисились Добрѣтелями и Пороки—Пороками! Сколько тысячъ книгъ

объ этомъ написано, какая масса бумаги и чернилъ изнедена! Добродѣтели всегда одесную стояли, Пороки—опущую; и вдругъ, по дурацкому Иванушкину слову, отъ всего откажись и назовись какими-то «свойствами»! Вѣдь это почти то же, что отъ правъ состоянія отказаться и «человѣкомъ» называться! Просто-то оно, конечно, просто, да вѣдь иная простота хуже воровства. Подитѣо спроста-то коснись, ань съ первого же шага въ такое несмѣтное множество канкановъ попадешь, что и голову тамъ, пожалуй, оставишь!

Нѣть, о «свойствахъ» думать нечего, а вотъ компромиссъ какой-нибудь сыскать—или, какъ по-русски зовется, фортель—это, пожалуй, дѣльно будетъ. Такой фортель, который и Добродѣтели бы возвеселились, да и Порокамъ бы по праву пришелся. Потому что вѣдь и Порокамъ подчасъ жутко приходится. Вотъ нападнись Любострастіе съ поличнымъ въ башнѣ поймали, протоколь составили, да въ ту же ночь Прелюбодѣяніе въ одномъ бѣльѣ съ лѣстницы спустили. Вольномыслѣ-то давно ли нынѣнѣмъ цвѣтомъ цвѣло, а теперь его съ корнемъ вырвали! Стало-быть, и Порокамъ на фортель пойти небезвыгодно.—Милостивые государи! милостивыя государыни! не угодно ли кому предложить: у кого на примѣтѣ «средствище» есть?

На вызовъ этотъ прежде всѣхъ выступилъ древій старичокъ, Опытомъ называемый (есть два Опыта: одинъ порочный, а другой добродѣтельный; такъ этотъ—добродѣтельный быль). И предложилъ онъ интуку: «Отыщите,—говорить:—такое сокровище, которое и Добродѣтели бы увѣжилъ, да и отъ Пороковъ было бы не прочь. И пополните его парламентбромъ во вражескій лагерь».

Стали искать и, разумѣется, нашли. Нашли двухъ бобылокъ: Умѣренность и Аккуратность. Обѣ на задворкахъ въ добродѣтельскихъ селеніяхъ жили, сиротскій надѣль держали, но торговали корчевнымъ виномъ и потихоньку Пороки у себя принимали.

Однако первый блинъ выпалъ комомъ. Бобылки были и мало представительны, и слишкомъ податливы, чтобы выполнить возложенную на нихъ задачу. Едва появились онѣ въ лагерѣ Пороковъ, едва начали капитель разводить: «помаленьку-то покойнѣе, а потихоньку—вѣриѣ», какъ Пороки вѣдь скопищемъ загадѣли:

— Слыхали мы-ста прибаутки-то эти! Давно вы съ ними около наше похаживаете, да не въ коня кормы! Уходите съ Богомъ, бобылки, не проѣдайтесь!

И какъ бы для тога, чтобы доказать Добротѣльмъ, что ихъ на кривой не обѣдешь, на всю ночь закатились въ трактиръ «Самаркандъ», а подъ утро, расходясь оттуда, поймали Воздержаніе и Непредлѣбъствореніе, и поступили съ ними до такой степени низко, что даже татары изъ «Самарканда» дивились: хороши господа, а что дѣлаютъ!

Поняли тогда Добротѣли, что дѣло это серьезное и надо за него настоящимъ манеромъ взяться.

Произросло между ними въ ту пору существо средняго рода, ни ракъ, ни рыба, ни курица, ни птица, ни дама, ни кавалеръ, а всего помаленьку. Произросло, выровнялось и расцвѣло. И было этому межеумку имя тоже средняго рода: *Лицемѣріе...*

Все въ этомъ существѣ было загадкою, начиная съ происхожденія. Сказывали старожилы, что однажды Смиреніе съ Любострастіемъ въ темномъ коридорѣ спознались, и отъ этого произошелъ плодъ. Плодъ этотъ Добротѣли сообща выкорили и выпоили, а потомъ и въ пансіонъ къ француженцѣ Комильфѣ отдали. Догадку эту подтверждалъ и наружный видъ Лицемѣрія, потому что хотя оно ходило не иначе, какъ съ опущенными долу глазами, но прозорливцы не разъ примѣчали, что по лицу его частенько пробѣгаютъ любострастныя тѣни, а поясница, при случаѣ, даже очень нехорошо вздрогиваетъ. Несомнѣнно, что въ этомъ наружномъ двоегласіи въ значительной мѣрѣ быть виноватъ пансіонъ Комильфѣ. Тамъ Лицемѣріе всѣмъ главнымъ наукамъ выучилось: и какъ «по струнѣходить», и какъ «водой не замутить», и какъ «безъ мыла въ душу вѣзть»; словомъ сказать, всему, чтѣ добротѣтельное житіе обеспечиваетъ. Но въ то же время оно не избѣгло и вліянія канкана, которыя и стѣны, и воздухъ пансіона были пропитаны. Но кромѣ того, мадамъ Комильфѣ еще и тѣмъ подгадила, что сообщила Лицемѣрію подробности объ его родителяхъ. Объ отцѣ (Любострастіи) сознавалась, что онъ былъ моветонъ и дерзкій — ко всѣмъ щипаться лѣзъ! Объ матери (Смиреніе) — что она хотя не имѣла блестящей наружности, но такъ мило вскрикивала, когда ее щипали, что даже и нерасположенные къ щипанію Пороки (каковы Мадолимство, Любонаchalіе, Уныніе и проч.) — и они не могли отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

Вотъ это-то среднее существо, глаза долу опускающее, но и изъ-подъ закрытыхъ вѣкъ блудливо окрестъ высматривающее, и выбрали Добротѣли, чтобы войти въ пе-

реговоры съ Пороками, и такой общій modus vivendi изобрѣсти, при которомъ и тѣмъ, и другимъ было бы жить вальготно.

— Да ты по-нашему-то умѣешь ли?—вздуналъ было предварительно проэкзаменовать его Галантерейное Обращеніе.

— Я-то?—изумилось Лицемѣріе.—Да я вотъ какъ...

И не успѣли Добродѣтели опомниться, какъ у Лицемѣрія ужъ и глазки опущены, и руки на груди сложены, и румянчикъ на щечкахъ играетъ... дѣвица, да и шабашъ!

— Ишь, дошлая! Ну, а по-ихнему, по-порочному... какъ?

Но Лицемѣріе даже не отвѣтило на этотъ вопросъ. Въ одинъ моментъ оно учинило нѣчто ни для кого явственно невидимое, но до такой степени достовѣрное, что Прозорливство только сплюнуло: тьфу!

И затѣмъ всѣ одинаково рѣшили: написать у нотаріуса Бизяева общую довѣренность для хожденія по всѣмъ добродѣтельскимъ дѣламъ и вручить ее Лицемѣрію.

Взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ: какъ ни горько, а пришлось у Пороковъ пардону просить. Идетъ Лицемѣріе въ ихній подлый вертепъ и отъ стыда не знаетъ, куда глаза дѣвать. «Вездѣ-то нынче это паскудство развелось!»—жалуется оно вслухъ, а мысленно прибавляется: «ахъ, хорошо Пороки живутъ!» И точно, не успѣло Лицемѣріе съ версту отъ добродѣтельской резиденціи отойти, какъ ужъ со всѣхъ сторонъ на него разливнымъ моремъ пахнѣло. Смѣхи, да пляски, да игры—стонъ отъ веселья стоитъ. И городъ какой отмѣнныій Пороки для себя выстроили: просторный, свѣтлый, съ улицами и персулками, съ площадями и бульварами. Вотъ улица Лжесвидѣтельства, вотъ площадь Предательства, а вотъ и Срамной бульваръ. Самъ Отецъ Лжи тутъ сидѣлъ и изъ лавочки клеветой распивочно и на-выносъ торговалъ.

Но какъ ни весело жили Пороки, какъ ни опытны они были во всякихъ канальскихъ дѣлахъ, а, увидѣвши Лицемѣріе, и они ахнули. Съ виду—ни дать, ни взять, сущая дѣвица; но точно ли сущая—этого и самъ чортъ не разбереть. Даже Отецъ Лжи, который думалъ, что нѣть въ мірѣ той подлости, которой бы онъ не произошелъ,—и тутъ глаза вытаращилъ.

— Ну,—говорить:—это я обѣ себѣ напрасно мечтала, будто вредище меня на свѣтѣ никого нѣть. Я — что! Вотъ опь, настоящій-то ядъ, гдѣ! Я больше нахаломъ норовлю—

оттого меня хоть и не часто, а все-таки оть времени до времени съ лѣстницы въ три-шеи спускаютъ; а это сокровище, коли прильнетъ, — оть него ужъ не отвертишъся! Такъ тебя опутаетъ, такъ окружитъ, что покуда всѣ соки не выбудить — не выпустить!

Тѣмъ не менѣе, какъ ни великъ былъ энтузіазмъ, возбужденный Лицемѣріемъ, однако и тутъ безъ розни не обошлось. Пороки солидные (аборигены), паче всего дрожившіе преданіями старины, какъ, напримѣръ: Суемудріе, Пустомысліе, Гордость, Человѣконенавистничество и проч., не только сами не пошли навстрѣчу Лицемѣрію, но и другихъ остерегали.

— Истинный порокъ не нуждается въ прикрытии, — говорили они: — но самъ свое знамя высоко и грозно держать. Чѣмъ существенно-новаго можетъ открыть намъ Лицемѣріе, чего бы мы оть начала вѣковъ не знали и не практиковали? Положительно ничего. Напротивъ, оно научаетъ насъ опаснымъ изворотамъ и заставитъ насъ ежели не прямо стыдиться самихъ себя, то, во всякомъ случаѣ, показывать видъ, что мы стыдимся. *Caveant consules!* До сихъ поръ у насъ было достаточно твердыхъ и вѣрныхъ послѣдователей, но вѣдь они, видя наши извороты, могутъ сказать: должно-быть, и впрямь Порокамъ тugo пришлось, коль скоро они сами оть себя отрицаются должны! И отвернутся оть насъ, вотъ увидите — отвернутся.

Такъ говорили заматерѣлые Пороки-Катоны, не признавшіе ни новыхъ вѣяній, ни обольщеній, ни обстановокъ, Родившись въ навозѣ, они предпочитали задохнуться въ немъ, лишь бы не отступить оть староотеческихъ преданій.

За ними шла другая категорія Пороковъ, которые тоже не выказывали особеннаго энтузіазма при встрѣчѣ съ Лицемѣріемъ, но не потому, однако, чтобы послѣднее претило имъ, а потому, что они уже и безъ посредства Лицемѣрія состояли въ секретныхъ отношеніяхъ съ Добрѣтелями. Сюда принадлежали: Измѣна, Вѣроломство, Предательство, Наушничество, Ябеда и проч. Они не разразились кликами торжества, не рукооплескали, не предлагали здравицъ, а только подмигнули глазомъ: милости просимъ!

Какъ бы то ни было, но торжество Лицемѣрія было обеспечено. Молодежь, въ лицѣ Прелюбодѣянія, Пьянства, Объяденія, Распутства, Мордобитія и проч., сразу созвала сходку и встрѣтила парламентера такими овациами, что Суемудріе

туть же нашлось вынужденнымъ прекратить свою воркотню навсегда.

— Вы только мутите всѣхъ, старые пакостники! — кричала старикамъ молодежь. — Мы жить хотимъ, а вы уныніе наводите! Мы въ хрестоматію попадемъ (это въ особенности листило), въ салонахъ блестать будемъ! Насъ старушки будуть любить!

Словомъ сказать, почва для соглашенія была сразу найдена, такъ что когда Лицемѣріе, возвратившись во-свои, отдало Добродѣтелямъ отчетъ о своей миссіи, то было единогласно признано, что всякий поводъ для существованія Добродѣтелей и Пороковъ, какъ отдѣльныхъ и враждебныхъ другъ другу группъ, устраниенъ навсегда. Тѣмъ не менѣе, старую номенклатуру упразднить не рѣшились — почемъ знать, можетъ-быть, и онѣть понадобится? — но положили употреблять ее съ такимъ расчетомъ, чтобы всѣмъ было видимо, что она прикрываетъ собой одинъ только прахъ.

Съ тѣхъ поръ пошло между Добродѣтелями и Пороками гостепріимство великое. Захочеть Распутство побывать въ гостяхъ у Воздержанія, возьметъ подъ ручку Лицемѣріе, — и Воздержаніе уже издали, завидѣвъ ихъ, привѣтствуетъ:

— Милости просимъ! Покорно прошу! У насъ про васъ...

И наоборотъ. Захочеть Воздержаніе у Распутства постиненькимъ полакомиться, возьметъ подъ ручку Лицемѣріе, — а у Распутства ужъ и двери настежь:

— Милости просимъ! Покорно прошу! У насъ про васъ...

Въ постные дни постиненькимъ потчуютъ, въ скромные — скромнинекимъ... Одной рукой крестное знаменіе творятъ, другой — неистовствуютъ. Одно око горѣ возводятъ, другимъ — непрестанно вожделѣютъ. Впервые добродѣтели сладости познали, да и Пороки не остались въ убыткѣ. На противъ, всѣмъ и каждому говорятъ: «никогда у насъ такихъ лакомствъ не бывало, какими теперь походя журемъ!»

А Иванушка-Дурачокъ и ё-сю пору не можетъ понять: отчего Добродѣтели и Пороки такъ охотно помирились на Лицемѣріи, тогда какъ гораздо естественнѣе было бы сойтись на томъ, что и тѣ, и другие суть «свойства» — только и всего!

6.—Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель.

Жиль-быль газетчикъ и жиль-быль читатель. Газетчикъ былъ обманщикъ—все обманывалъ, а читатель былъ легковѣрный—всему вѣрилъ. Такъ ужъ изстари повелось на свѣтѣ: обманщики обманываютъ, а легковѣрные вѣрятъ. *Sunt scieque.*

Сидитъ газетчикъ въ своей берлогѣ и знай- себѣ обманываетъ да обманываетъ. «Берегитесь,—говорить:—дифтеритъ обывателей коситъ!» «Дождѣй,—говорить:—съ самаго начала весны иѣть — того гляди, безъ хлѣба останемся!» «Пожары деревни и города истребляютъ!» «Добро казенное и общественное врозвь тащать!» А читатель читаетъ и думаетъ, что газетчикъ ему глаза открываетъ. «Такая, — говорить:— ужъ у насть свободы книгопечатанія: куда ни взгляни — вездѣ либо дифтеритъ, либо пожаръ, либо неурожай!»

Дальше — большие. Смекнуль газетчикъ, что его обманы по сердцу читателю пришлились — началь еще пуще поддавать. «Никакой, — говорить:— у насть обезспеченности иѣтъ! Не выходи, — говорить:— читатель, на улицу: какъ разъ въ кутузку попадешь!» А легковѣрный читатель идетъ тоголемъ по улицѣ и приговариваетъ: «Ахъ, какъ вѣрно газетчикъ про нашу необезспеченность выразился!» Маго того: другого легковѣрнаго читателя встрѣтить и того спросить: «А читали вы, какъ прекрасно сегодня насчетъ нашей необезспеченности газетчикъ продериулъ?» — Какъ не читать! отвѣтить другой легковѣрный читатель:— безподобно! Нельзя, именно нельзя у насть по улицамъ ходить—сейчасъ въ кутузку попадешь!»

И всѣ свободой книгопечатанія не нахваляются. «Не знали мы, что у насть вездѣ дифтеритъ, — хоромъ поютъ легковѣрные читатели:— ань оно вонъ чтѣ!» И такъ имъ отъ этой увѣренности на душѣ легко стало, что скажи теперь этомъ самый газетчикъ, что дифтеритъ быль, да весь вышелъ,—пожалуй, и газетину его перестали бы читать.

А газетчикъ этому радъ, потому для него обмань—прямая выгода. Истина-то не всякому достается—ноди, добивайся!—пожалуй, за нее и десятю конееками со строчки не отбояришься! То ли дѣю обмань! Знаи, пиши да обма-

ны вай. Пять копеекъ со строчки—цѣльные вороха обмановъ со всѣхъ сторонъ тебѣ нанесутъ!

И такая у газетчика съ читателемъ дружба завелась, что и водой ихъ не разольешь. Что больше обманывать газетчикъ, то больше богатѣеть (а обманщику чего же другого и нужно!); а читатель, что больше его обманываютъ, то больше пятаковъ газетчику несетъ. И распивочно, и на выносъ—всяко газетчикъ копейкой зашибаетъ!

«Штановъ не было,— говорить про него завистники:— а теперь, смотрите, какъ козыряеть!» «Льстеца себѣ нанялъ! Разсказчика изъ народнаго быта завелъ! Блаженствуешь!»

Пробовали-было другіе газетчики истиной его подкузьмить—авось, дескать, й на нашу приваду подписчикъ побѣжитъ,—такъ куда тебѣ! Не想要 читатель, только одно и твердить:

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающей обманъ...

Долго ли, коротко ли такъ дѣло шло, но только начались добрые люди, которые пожалѣли летковѣрнаго читателя. Призвали обманщика-газетчика и говорить ему: «Будеть съ тебя, безстыжій и невѣрный человѣкъ! До сихъ порь ты торговалъ обманомъ, а отнынѣ — торгуй истиной!»

Да, кстати, и читатели начали понемножку отрезвляться, стали цыдулки газетчику посыпать. «Гуляль, дескать, я сегодня съ дочерью по Невскому, думать на съѣзжей почевать (дочка даже бутербродами, на случай, запаслась,— говорила: «ахъ, какъ весело!»), а вмѣсто того благополучно оба воротились домой... Такъ какъ же, моль, такой утѣшительный фактъ съ вашими передовицами обѣ нашей необеспеченнности согласовать?»

Натурально, газетчикъ, съ своей стороны, только того и ждалъ. Признаться сказать, ему и самому надоѣло обманывать. Сердце-то у него давно уже къ истинѣ склонялось, да что же подѣлаешь, коли читатель только на обманъ клюетъ! Плачешь да обманываешь. Теперь же, когда къ нему со всѣхъ сторонъ съ ножомъ къ горлу пристаютъ, чтобы онъ истину говорилъ,—что-жъ, онъ готовъ! Истина такъ истина, чортъ побери! Обманомъ два каменныхъ дома нажилъ, а остальные два каменные дома приходится истиной наживатъ!

И началь онъ каждый день читателя истиной донимать! Нѣть дифтерита, да и шабашъ! И кутузокъ нѣть, и пожа-

ровъ нѣтъ; если же и выгорѣлъ Конотопъ, такъ послѣ пожара онъ еще лучше выстроился. А урожай, благодаря наступившимъ теплымъ дождямъ, оказался такой, что и сами фли-фли, да наконецъ и нѣмцамъ стали подъ столъ бросать: подавись!

Но чтò всего замѣчательнѣе—печатаетъ газетчикъ только истину, а за строку все пять копеекъ платить. И истина въ цѣнѣ упала съ тѣхъ поръ, какъ стали ею распивочно торговатъ. Выходить, что истина, что обманъ—все равно, цѣна грошъ. А газетные столбцы не только не сдѣлялись оттого скучище, но еще больше ожили. Потому что вѣдь ежели благородствореніе воздуховъ вплотную раздѣливать начать—это такая картина выйдетъ, что отдай все да и мало!

Наконецъ, читатель окончательно отрезвился и прозрѣлъ. И прежде ему недурно жилось, когда онъ обманъ за истину принималъ, а теперь ужъ и совсѣмъ отъ сердца отлегло. Въ булочную зайдеть—тамъ ему говорятъ: «надо-быть, со временемъ хлѣбъ дешевъ будетъ»; въ курятную лавку заглянетъ—тамъ ему говорятъ: «надо-быть, со временемъ рабчики нипочемъ будуть!»

— Ну, а покудова какъ?

— Покудова рубль двадцать копеечекъ за пару!

Вотъ какой, съ Божьею помощью, поворотъ!

И вотъ однажды вышелъ легковѣрный читатель франтомъ на улицу. Идетъ, «въ надеждѣ славы и добра», и тросточкой помахиваетъ: знайте, моль, что отнынѣ я вполнѣ обеспеченъ!

Но на этотъ разъ, какъ на грѣхъ, произошло слѣдующее.

Не успѣлъ онъ нѣсколько шаговъ сдѣлать, какъ случилась юридическая ошибка, и его посадили въ кутузку.

Тамъ онъ цѣлый день просидѣлъ не бѣши. Потому что хоть его и потчивали, но онъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ, да только молвилъ: «вотъ они, урожан-то наши, каковы!»

Тамъ же онъ схватилъ дифтеритъ.

Разумѣется, на другой день юридическая ошибка объяснилась, и его выпустили на поруки (неровень случаѣ, и опять понадобится). Онъ возвратился домой и умеръ.

А газетчикъ-обманщикъ и сейчасъ живъ. Четвертый каменный домъ подъ крышу подводить и съ утра до вечера обѣ одномъ думаетъ: чѣмъ ему напредки легковѣрного читателя ловчѣ обманывать: обманомъ или истиной?

7.—Игрушечного дѣла людишки.

Въ 184* году я жиль въ одной изъ съверныхъ губерній Россіи. Жилъ, т.-е. состоялъ на службѣ, какъ это само собой разумѣлось въ то время. И при этомъ всякия дѣла дѣлалъ: возлежалъ на лонѣ у начальника края, танцовалъ котильонъ съ губернаторией, разговаривалъ съ жандармскимъ штаб-офицеромъ о величіи Россіи и совмѣстно съ управляющимъ палатой государственныхъ имуществъ плакалъ горючими слезами, когда послѣдній удостовѣрялъ, что будущее принадлежитъ окружнымъ начальникамъ. И что всего важище—ужасно сердился, когда при миѣ называли окружныхъ начальниковъ эмиссарами Пугачева. Однимъ словомъ, проводилъ время не весьма полезно.

Въ то время вблизи губернского города процвѣтать (а быть-можеть, и теперь процвѣтаетъ) уѣздный городокъ Любезновъ, куда я частенько-такиѣ бѣжалъ, во-первыхъ, потому, что празднаго времени было пропасть, а во-вторыхъ, потому, что тамъ служилъ, въ качествѣ городничаго, мой пріятель, штабс-капитанъ Вальяжный, а у него жила экономка Аинушка. Эта Аинушка была премилая особа, и признаюсь, когда мнѣ случалось пить у Вальяжного чай или кофе, то очень пріятно было думать, что предлагаемый напитокъ разливала дѣвица благоустребная, а не какая-нибудь прыничная форма. Но, вирочемъ, только и всего. Хотя же и былъ на меня доносъ, будто бы я бѣжу въ Любезновъ для «лакомства», но въ виду моей безпорочної службы это представляло такъ мало вѣроятія, что самъ его превосходительство собственноручно на доносѣ написать: «не вѣрю; пусть бѣдить».

Подобно тому, какъ у любого отца семейства всегда бываетъ особенно надежное чадо, о которомъ родители говорятъ: «этотъ не выдастъ!» — подобно сему и у каждого губернатора бываетъ свой излюбленный городъ, который его превосходительство называетъ своею «гвардіей» и относительно которого сердце его не знаетъ никакихъ тревогъ. О такихъ городахъ ни въ губернаторской канцеляріи, ни въ губернскомъ правлениі никогда по цѣлымъ мѣсяцамъ слыхомъ не слыхать. Исправники въ нихъ — непьющіе; гордиче — такие, что дѣлъ рюмки вставши, да три передъ обѣдомъ, да три передъ ужиномъ — и сами говорятъ: «баста!» городскіе головы — такие, что только о томъ и думаютъ,

какъ бы новую пожарную трубу пріобрѣсти или обществен-
ный банкъ устроить, а обыватели—трудолюбивые, къ начальству ласковые и къ уплатѣ податей склонные.

Къ числу такихъ веселящихъ начальственныя сердца муниципій принадлежалъ и Любезновъ. Я помню, губернаторъ даже руки потиралъ, когда заводили рѣчь объ этомъ городѣ. «За Любезновъ я спокоенъ! Любезновцы меня не выдадутъ!»—восклицалъ его превосходительство, и все губернское правленіе, въполномъ составѣ, вторило: «Да, за Любезновъ мы спокойны! Любезновцы насть не выдадутъ!» Зато, бывало, какъ только придетъ изъ Петербурга циркуляръ о принятіи пожертвованій на памятникъ Феофану Ирокоповичу или на стипендію имени генераль-маиора Мардарія Отчаяннаго, такъ тотчасъ же первая мысль: поскорѣе дать знать любезновцамъ! И точно: не успѣть начальство и оглянуться, какъ исправникъ Миловзоровъ уже шлетъ 50 коп., а городничій Вальяжный—цѣлыхъ 75 коп. Тогда какъ изъ Полоумнова городничій съ тоскою доноситъ, что, по усиленному его приглашенію, пожертвованій на означенный предметъ поступила всего 1 копейка... Да еще испрашивается въ разрѣшеніе предписанія, какъ съ оной копейкой поступить, потому-де, что почтовая контора къ пересылкѣ деньги принимаетъ лишь въ круглыхъ суммахъ!

Любезновъ былъ городокъ небольшой, но настолько опрятный, что только развѣ въ самую глухую осень, да и то не на всѣхъ его улицахъ, можно было увязнуть. Въ немъ былъ общественный банкъ, исправная пожарная команда, бульваръ на берегу рѣки Любезновки, небольшой каменный гостинный дворъ, соборъ, двѣ мощенныя улицы—однимъ словомъ, все, что можетъ веселить самое прихотливое начальническое сердце. Но главнымъ украшеніемъ города былъ городской голова. Этотъ замѣчательно дѣятельный человѣкъ цѣлыхъ пять трехлѣтій не сходилъ съ головства, и въ теченіе этого времени неуклонно задавалъ пиры губернскимъ властямъ, а мѣстнымъ—кидалъ подачки. Съ помощью этой внутренней политики онъ и самъ держался на мѣстѣ, и въ то же время содержалъ любезновское общество въ дисциплине, подходящей къ скромнымъ рукавицамъ. И вотъ, быть можетъ, благодаря этимъ послѣднимъ, въ Любезновѣ проявѣли разнообразиѣ мастерства, которыя сдѣлали ими этого города извѣстнымъ не только въ губерніи, но и за предѣлами ея.

Этотъ блестящій результатъ былъ, однажды, достигнутъ не безъ труда. Есть преданіе, что Любезновъ нѣкогда назывался Буяновымъ, и что кличка эта была ему дана именно за крайнюю необузданность его обывателей. Было будто бы такое время, когда любезновцы проводили время въ гульбѣ и праздности, и всѣ деньги, какія попадали имъ въ руки, «крамольнымъ обычаемъ» пропивали и проѣдали; когда они не токмо не оказывали начальству должностныхъ знаковъ почитанія, но одного изъ своихъ градоначальниковъ продали въ рабство въ сосѣдній городъ (см. «Сѣверная народоправства», соч. Н. И. Костомарова). Даже и до-днесъ наиболѣе распространенный въ городѣ фамильный прозвища свидѣтельствуютъ о крамольническомъ ихъ происхожденіи. Таковы, напримѣрь, Изувѣровы, Идоловы, Строптивцевы, Вольницыны, Непройменовы и т. д. Такъ что нѣсколько странно видѣть какого-нибудь Идолова, котораго предокъ когда-то градоначальника въ рабство продалъ, а нынѣ потомокъ постепенными мѣрами до того доведенъ, что готовъ для увѣлеченія начальства самъ себя въ рабство задаромъ отдать.

Къ счастію для Буянова, случилось сряду четыре удачныхъ и продолжительныхъ головства, которая и положили конецъ этой неурядицѣ. Первый изъ этихъ удачныхъ градскихъ головъ далъ городу раны, второй—скорпіоны, третій—согнуль въ бараний рогъ, а четвертый познакомилъ съ ежовыми рукавицами. И независимо отъ этого всѣ четверо прибѣгали и къ мѣрамъ кротости, неослабно виная приведеннымъ въ изумленіе гражданамъ, что человѣкъ рожденъ для трехъ цѣлей: во-первыхъ, дабы пребывать въ непрерывномъ трудѣ; во-вторыхъ, дабы снимать передъ начальствомъ шапку, а въ-третьихъ—лить слезы. Повторю: результатъ оказался блестящій. Изувѣровы, вмѣсто того, чтобы заниматься «противодѣйствіями», занялись изобрѣтеніемъ рергетишт mobile, и въ ожиданіи, покуда это дѣло выгортить, работали самокаты и дѣлали какія-то особенные игрушки, которая «чуть не говорятъ». Идоловы, прекративъ «филантропію», избрали специальностью сборку деревянныхъ часовъ, которые въ сутки показывали двое сутокъ, но и за всѣмъ тѣмъ, какъ образчикъ русской смекалки, могли служить поводомъ для размышлений о величинѣ Россіи. Строптивцевы, бросивъ «революцію», изобрѣли такія шкатулки, до которыхъ нельзя было дотронуться, чтобы по всему дому не пошелъ гвалтъ и звонъ; а одинъ изъ Непройменовыхъ, занявшийся торговлей муравьиними яй-

цами (для кормления соловьевъ), до того осмѣлился, что написалъ даже диссертацию «О сравнительной плотности муравьиныхъ яицъ» и, отославъ оную въ надлежащее ученое общество (вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ, что недоимокъ за нимъ не состоить), получилъ за сie дипломъ на званіе члена-соревнователя.

И вотъ, когда городъ совсѣмъ очистился отъ крамолы и всѣ старыя недоимки уплатилъ, когда самый послѣдній изъ мѣщанъ настолько углубился въ свою специальность, что буйствовать стало ужъ некогда, а впору было платить дани и шапки снимать,—случилось нѣчто торжественное и чудное. Обыватели, созванные на вѣче (это было послѣднее вѣче, послѣ котораго вѣчевой колоколь былъ потопленъ въ рѣкѣ) городскимъ головой Вольницинымъ, принесли публичное покаяніе, а затѣмъ, въ порывѣ чувствъ, единогласно постановили: просить высшее начальство, дабы имя Буянова изъ географіи Арсеньева исключить, а городъ ихній возродить къ новой жизни подъ именемъ Любезнова...

Нужно ли прибавлять, что ходатайство сie было уважено?

Повторяю: въ 184* году Любезновъ ни о какихъ «народоправствахъ» уже не думалъ, а просто принадлежать къ числу городовъ, осужденныхъ радовать губернаторскія сердца. А такъ какъ времена были тогда патріархальные, то члены губернскаго синклита частенько-таки туда Ѵзжали, во-первыхъ, чтобы порадоваться на трудолюбивыхъ и ласковыхъ мѣщанъ, а во-вторыхъ, чтобы попить и поѣсть у гостепріимнаго головы. Слѣдуя общему настроению умовъ, Ѵздили туда и я.

Однажды пріѣзжаю прямо къ другу моему, Вальяжному, и уже на лѣстницѣ слышу, что въ городнической квартирѣ происходитъ что-то не совсѣмъ обычное. Отворяю дверь и вижу картузу. Городничій стоитъ посреди передней, издавая звуки и простирая длані (съ рукоприкладствомъ или безъ онаго—завѣрить не могу), а противъ него стоитъ, прижавшись въ уголъ, довольно пожилой мужчина, въ синемъ кафтанѣ тонкаго сукна, съ виду степенный, но блѣдный и какъ бы измученный съ лица. Очевидно, это былъ одинъ изъ любезновскихъ гражданъ, который до того ужъ проштрафился, что даже голова напель находящіяся въ его рукахъ мѣры кротости недостаточными и препроводилъ вицебнаго на воздействиe предержащей власти.

— Степанъ Степанычъ! голубчикъ!—воскликнулъ я, привѣтствуя дорогого хозяина:—а мы-то въ губерніи думаемъ,

что въ Любезновѣ даже самое слово: «расправа» упразднено!

— Да... вотъ...— сконфузился было Вальяжный, но тогдась же понравился и, обращаясь къ стоявшимъ тутъ «десятникамъ», присовокупилъ:— Эй! бѣгите въ лавку за Твердолобовымъ, да судья чтобы... Въ бостончики!— обратился онъ ко мнѣ.

— Съ удовольствіемъ.

— Отлично. Милости просимъ! А я— вотъ только кончу!

И покуда я разоблачался (дело было зимой), онъ продолжалъ судью.

— Говори: почему ты не хочешь съ женой «живть»?

Вальяжный остановился на минуту и укоризненно покачалъ головой. Подсудимый молчалъ.

— И баба-то какая... Давеча пришлъ... печь-печенью! Да съ этакой бабой... конца-краю этакой бабѣ икты! А ты! Ахъ ты, ахъ!

Но подсудимый продолжалъ молчать.

— Да ты знаешь ли, что даже въ книгахъ сказали: «мужъ иже жены своей»...— хотѣть было поучить отъ Писания Вальяжный, но запнулся и опять произнесъ:— ахъ-ахъ-ахъ!

Мѣщанинъ продолжалъ переминаться съ ноги на ногу, но на лицѣ его постепенно выступило какое-то безконечно-тоскливо выраженіе.

— Говори! Чѣмъ ты не говоришь?

Чѣмъ же я, вашескородіе, скажу?

— Будешь ли «живть» съ женой какъ слѣдуетъ... какъ законъ велитъ? Говори!

Подсудимый нѣсколько секундъ помолчалъ и, наконецъ, вдругъ заметался.

— Вашескородіе! Миѣ не токма что говорить, а даже думать... увольте меня, вашескородіе!

— А коли такъ— маринъ тѣхъ холодную! И завтра чтобы безъ разговоровъ! А будешь разговаривать— таکъ вспрыси, что до новыхъ вѣнчиковъ не забудены! Маринъ!

И, помахавъ (чтобъ крѣпче было) у подсудимаго подъ носомъ указательнымъ перстомъ, Вальяжный приказалъ его увесты и затѣмъ, обратившись ко мнѣ, протянулъ обѣ руки и воскликнулъ:

— Ну, вотъ, вы и къ намъ! Очень радъ, очень рады! Аинушка, чаю!

До бостона я съ полчаса спорилъ съ Вальяжнымъ. Онъ говорилъ, что «есть въ законахъ»—я говорилъ, что «нѣть въ законахъ». Послали за письмоводителемъ—тотъ отвѣтилъ на́-двоемъ: «самъ не видать, а, должно-быть, гдѣ-нибудь да есть». Аннушка, вслушавшася въ нашъ разговоръ, тоже склонялась въ пользу того мнѣнія, что гдѣ-нибудь да должно быть: «потому, ежели они теперича въ бракѣ, какіе же это будутъ порядки, если жена свою положенія отъ мужа получать не будетъ». Даже подоспѣвшій къ бостону судья—и тотъ сказать, что нужно гдѣ-нибудь въ примѣчаніяхъ поискать, потому что иногда гдѣ не чаешь, тамъ-то имѣнио и обрѣтешь сокровище. Кончилось тѣмъ, что Вальяжный приказалъ письмоводителю къ завтрашу отыскать законъ, и въ заключеніе прибавилъ:

— А ночь онъ пускай въ холодной посидитъ! Тамъ чтõ еще окажется, а ему—наука!

Въ теченіе вечера дѣло хотя и недостаточно, но все-таки слѣгка для меня объяснилось. Обвиняемый былъ любезновскій мѣщанинъ, Никаноръ Сергеевъ Изувѣровъ, имѣвшій въ городѣ лучшую игрушечную мастерскую. Человѣкъ трезвый, трудолюбивый и послушливый, онъ представлялъ собой идеальную обывателя, какимъ ему передъ Богомъ и страшнымъ Его судомъ предстать надлежитъ. Слава объ его мастерствѣ доходила нѣкоторымъ образомъ даже до столицъ, потому что всякий заѣзжай по дѣламъ службы столичный чиновникъ или офицерь считалъ своею обязанностью поощрить «самородка» и пріобрѣсти у него нѣсколько особенно хитрыхъ игрушечныхъ механизмовъ. Говорили, что онъ не игрушки дѣлаетъ, а «настоящихъ деревянныхъ человѣчковъ». И еще говорили, что если бы нѣхъ самородковъ, въ нѣдрахъ земли русской скрывавшихся, откопать, то вышла бы такая каша, которой врагамъ Россіи и во вѣкъ бы не расхлебать.

Изувѣровъ до сорока лѣтъ прожилъ одиноко со старухой-матерью. Всецѣло углубившися въ свою специальность, онъ, повидимому, даже не ощущалъ потребности въ обществѣ жены; но лѣтъ пять тому назадъ старуха-мать умерла, и Изувѣрова попуталъ бѣсь. Некому было шти готовить, некому—заплату на питаны положить. Онъ затосковалъ и началь-было даже пошивать. Въ это время подъ руку подвернулась двадцатипятилѣтняя дѣвица Матрена Идолова, рослая, рыхлая, какъ будто нарочно созданная, чтобы горшки изъ печи ухватомъ таскать. Изувѣровъ рѣшился.

Онъ даже радовался, что у него будетъ жена сильная, печь-печью; думалъ, что при сильной бабѣ въ домѣ большие порядку будетъ. Но—увы!—Матрена съ первыхъ же шаговъ заявила наклонность не столько къ тасканию горшковъ изъ печи, сколько къ тому, чтобы мужъ вель себя относительно ея какъ дамскій кавалеръ. И такъ какъ Никаноръ Сергѣевъ, повидимому, къ роли дамскаго угодника чувствовалъ призваніе очень слабое, то немедленно же обнаружилась вполнѣ семейная неурядица, а подъ конецъ дѣло дошло и до разбирательства полиціи.

Разумѣется, на другой день письмоводитель доложилъ, что «въ законахъ нѣть». Но, кромѣ того, оказалось и еще кое-что, а именно, что даже «вспрыснуть» Изувѣрова нельзя, такъ какъ законъ на этотъ разъ гласилъ прямо, что мѣщане, яко образованные, отъ тѣлесныхъ воздействиій освобождаются. Поэтому Изувѣрова тогда же выпустили, а женѣ его Вальяжный объявилъ кратко: «закона нѣть».

Результатъ этотъ я отчасти приписываю себѣ. Конечно, я былъ тутъ орудіемъ случайнымъ и даже страдательнымъ, но все-таки, въ качествѣ чиновника изъ губерніи, въ известной мѣрѣ олицетворялъ авторитетъ. Я убѣжденъ, что не наткнись я на сцену и не возбуди вопроса о томъ, есть ли въ законѣ или нѣть, никто (и всѣхъ меныше самъ Изувѣровъ) и не подумалъ бы обѣ этомъ. Никаноръ Сергѣевъ не только высидѣлъ бы въ холодной свое «положеннное», но, навѣрно, былъ бы и «вспрыснутъ». Много-много, если бы Вальяжный передъ «вспрыснутіемъ» сказалъ бы: «а ну, образованный, ложись!» Это быль бы единственный компромиссъ, который онъ допустилъ бы въ свидѣтельство, что въ городническомъ правленіи, дѣйствительно, имѣется шкафъ, въ которомъ, въ качествѣ узника, заключенъ законъ.

Къ стыду моему, я долженъ сознаться, что, очень часто слыша о необыкновенныхъ способностяхъ Изувѣрова, я до сихъ поръ еще ни разу не полюбопытствовалъ познакомиться съ произведеніями его мастерства. Поэтому теперь, когда, помимо его репутаціи, меня заинтересовала самая личность «самородка-механика», я счелъ уже своею обязанностью посѣтить его и его заведеніе.

Домикъ, въ которомъ жилъ Изувѣровъ, стоялъ въ одной изъ пригородныхъ слободъ и почти ничѣмъ не отличался отъ сосѣднихъ домовъ. Такой же чистенький, словно подскобленный, такъ же о трехъ окнахъ и съ такимъ же ма-

ломърнымъ дворомъ. Вообще мастерскія и ремесленныя слободы Любезнова были распланированы и обстроены съ изумительнымъ однообразіемъ, такъ что сами граждане въ шутку говоривали: «точно у насть каторга!» Въ домикахъ съ утра до ночи шла неусыпающая дѣятельность; всѣ работали: и взрослые, и подростки, и малолѣтки, и мужескъ и женскъ полъ; зато улицы стояли пустынныя и безмолвныя.

Я засталъ хозяина въ мастерской одного. Изувѣровъ принялъ меня съ какимъ-то робкимъ радушіемъ и показался мнѣ чрезвычайно симпатичнымъ. Лицо его, изжелтавшее и слегка изнуренное, было очень привлекательно, а въ особенности пріятно смотрѣли большие сѣрые глаза, въ которыхъ отъ времени до времени проблескивало глубоко-тоскливо чувство. Тѣло у него было совсѣмъ тщедушное, такъ что сразу было видно, что ему на роду написано: не быть исправнымъ кавалеромъ. Плечи узкія, грудь впалая, руки худыя, безволосыя, явно непривычные къ тяжелой работѣ. Когда я вошелъ, онъ стоялъ въ одной рубахѣ за верстакомъ и суетливо заторопился надѣть армякъ, который висѣлъ возлѣ на гвоздикѣ. На верстакѣ лежала кукла, сдѣланная вчера. Плѣшивая голова безъ глазъ; вместо груди и живота—двѣ пустыя коробки, предназначенные для помѣщенія механизма; деревянные оставы рукъ и ногъ съ обнаженными шалиерами.

Я, конечно, видаль въ своей жизни великое множество разоренныхъ куколъ, но какъ-то онъ никогда не производилъ на меня впечатлѣнія. Но тутъ, въ этой насыщенной «игрушечнымъ дѣломъ» атмосфѣрѣ, меня вдругъ охватило какое-то щемящее чувство, не то чтобы грусть, а какъ бы оторопь. Точно я вошелъ въ какое-то совсѣмъ оголѣтое царство, гдѣ все въ какой-то отупѣлой безнадежности застыло и онѣмѣло. Это послѣднее обстоятельство было въ особенности тяжко, потому что иѣмota именно заключаетъ въ себѣ что-то безнадежное. Такъ что мнѣ ужасно жалѣй показался этотъ человѣкъ, который осужденъ проводить жизнь въ этомъ застывшемъ царствѣ, смотрѣть въ просверленные глаза, начинять всякой чепухой пустыя груди и направлять всю силу своей изобрѣтательности на то, чтобы руки, приводимыя въ движение замаскированнымъ механизмомъ, не стучали «по-деревянному», а плавно и мягко, какъ у ханжей и клеветниковъ, ложились на перси, слегка подправлѣнныя тряпкой и ватой и, «для натуральности», обтянутыя лайкой.

— Какъ живете?— привѣтствовалъ я хозяина.

— Тихо-съ. Смирно у насъ здѣсь-съ. Прохоръ Петровичъ (голова) такую въ нашемъ городѣ тишину завелъ, что, кажется, кабы не стучалъ станокъ— подумалъ бы, что и самъ-то умеръ.

— Скучно?

— Не скучно-съ, а какъ будто совсѣмъ нѣть ничего: ни скуки, ни веселости— одна тишина-съ. Всѣ мы здѣсь на равныхъ правахъ состоимъ, точно веревка скрзъ про-дернута. Одинъ утромъ проснулся, за веревку потянуль— и всѣ проснулись; одинъ за станокъ— сталъ— и всѣ стали. Порядокъ-съ.

— Что-жъ, это хорошо. Порядокъ и при томъ тишина,— это прежде всего. Оттого и начальники, глядя на васъ, радуются; оттого и недоимокъ на васъ нѣть. А при семъ весъма возможно, что и порочныя наклонности ваши, не встрѣчая питанія...

Къ счастію, я поперхнулся на этомъ словѣ, и когда откашлялся, то потерялъ нить, и такимъ образомъ учительное настроеніе какъ-то само собой оставило меня.

— Вы, сказывали мнѣ, игрушечнымъ мастерствомъ занимаетесь? И при томъ какія-то особенные, отличнѣйшія куклы работаете?

— Хвалить себя не смѣю, а, конечно, стараюсь доходить. Весь вѣкъ промежу куколь живешь, все молчишь, все думаешь... Думаешь да думаешь— и вдругъ— это кукла передъ тобой какъ живая стоить! Ну, натурально, потрафить хочется... А въ этомъ разѣ, ужъ само собой, одной тряпкой да лайкой мудрено обойтись!

— Значить, вы отчасти и въ скulптуру вдастесь?

— Не знаю, сударь, какъ на это вамъ доложить. Но-моему, я куклу работаю,— только, разумѣется, потрафить стараюсь. Скажемъ теперича хоть такъ: желаю я куклу— подьячаго сдѣлать— какъ съ этимъ быть? Разумѣется, можно и такъ: взяль чурбашкъ, намѣтиль на немъ глаза, носъ, губы, наялиль камзолинико да штанишки— и снесъ на базаръ продавать по гривеннику за штуку. А можно и иначе. Можно такъ сдѣлать, что этотъ самый подьячій разговаривать будетъ, мимику руками разводить.

— Вотъ какъ!

— Да и это, позвольте вамъ доложить, еще не самый конецъ. И подьячіе тоже разные бываютъ. Одинъ подьячій— мздоимецъ; другой— мзда не емлетъ, но лакомству преданъ;

третій—руками впередъ безъ резону тычетъ; четвертый—только обѣ томъ думаетъ, какъ бы ему мужичка облагодѣтельствовать. Вотъ изволите видѣть: только четыре сорта назваць, а ужъ и тутъ четыре особенныхыя куклы попадобились.

— Такъ что если бы всѣхъ сортовъ подьячихъ въ кукольномъ видѣ представить, такъ они, пожалуй, всю мастерскую бы вашу заполонили?

— Мудренаго нѣть-съ. Или, напримѣръ, женскій родъ—сколько тутъ для кукольнаго дѣла матеріалу сыщется! Однѣхъ «щеголиxъ» десятками не сосчитаешь, а сколько безстыжихъ, закоснѣлыхъ, оглашенныхъ, сколько такихъ, которыя всю жизнь зря мотаются и ни къ какому бездѣлю пристроить себя не могутъ! Да вотъ она-съ, извольте присмотрѣть!—вскрикнулъ онъ, указывая въ окошко:—это сосѣдка наша, госпожа Строитивцева, по улицѣ-мостовой идетъ! Мужъ у нея часовымъ мастерствомъ занимается, такъ она за него, вишь, устала, погулять вышла! Извольте взглянуть—чѣмъ не кукла-съ?

Дѣйствительно, по другой сторонѣ улицы проходила молодая женщина нѣсколько страннаго, какъ бы забвеннаго вида. Идетъ, руками машеть, головой болтаетъ, ногами переплетается. Не то чего-то ищеть, не то припоминаетъ: чего, бишь, я ишу?

— Вотъ этакую-то куклу, да ежели ейный секретъ какъ слѣдуєтъ услѣдить—стоить ли за ней посидѣть, спрошу васъ, или нѣть? А многіе ли, позольте спросить, изъ нашего брата, игрушечниковъ, понимаютъ это? Бѣльша часть такъ думаетъ: насовать тряники, лайкой обтянуль да платьемъ прикрыль—и готовъ женскій полъ! Да вотъ, позвольте-съ, у меня и образчикъ отличнѣйшій въ этомъ родѣ найдется—не угодно ли полюбопытствовать!

Онъ подошелъ къ стеклянному шкапу и вынуль оттуда довольно большую и цѣнную куклу. Кукла представляла собой богато-урбанныю «новобрачную», въ кринолинѣ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, украшенномъ серебрянымъ шитьемъ и кружевными трапоchками. Личико у нея было восковое, съ нѣжнымъ румянчикомъ на щекахъ; глазки—фарфоровые: волосы на головѣ—желтенькие. Съ головы до полу спускался длинный туловый вуаль.

— Полковникъ здѣсь у набора былъ,— объяснилъ Изувѣровъ:—такъ онъ заведеніе мое осматривалъ, а впослѣдствии мнѣ эту куклу изъ Петербурга въ презентъ прислали. Какъ, сударь, по-вашему, дорого эта кукла стоять?

— Да рублей двадцать, двадцать-пять.

— Вотъ видите-съ. Миѣ этакой суммы и не выговорить, а по-моему, вся ей цѣна, этой куклѣ—грошъ!

— Чѣмъ такъ?

— Пустая кукла—вотъ отчего-съ. Что она есть, что нѣтъ ея—не жалко. Сейчасъ ты у нея голову разбилъ—и безъ головы хороша; платье изорвалъ—другое сшить можно. Ишь, у нея глазки-то зря болтаются! Ни она съскоса взглянуть ими, ни кверху ихъ завести—ничего не можетъ. Пустая кукла—только и всего!

Въ самомъ дѣлѣ, разсмотрѣвшіи внимательно щегольскую петербургскую куклу, я и самъ убѣдился, что это пустая кукла. Дадутъ ее ребенку въ руки, сейчасъ же онъ у нея голову скусить—и подѣломъ. Однакожъ, я все-таки попытался хоть немного смягчить приговоръ Изувѣрова.

— Послушайте, да вѣдь это «новобрачная»!—сказалъ я:—чѣмъ-жъ вы хотите отъ нея?

— Ежели, вашескородіе, насчетъ ума это изволите объяснять, такъ позвольте вамъ доложить, хоть и трудно отъ «новобрачной» настоящаго ума ожидать, однако, ежели нѣтъ у нея ума, такъ хоть простота должна быть! А у этой куклы даже и простоты настоящей нѣтъ. Почему она «новобрачная»? На какой предметъ и въ какомъ градусѣ состоять? Какіе отвѣты она на эти вопросы можетъ дать? Что у沃尔-то у неї на головѣ, въ знакъ непорочности, положень? Такъ вѣдь его можно и снять-съ! Чѣмъ тогда она будеть?—«новобрачная» или просто пологрудая баба, которая наготово своею глаза прохожимъ людямъ застелить хочетъ?

— Да развѣ можно отъ нея отвѣтovъ требовать, коль скоро она «новобрачная»? Вѣдь она и сама, вѣроятно, о себѣ ничего сказать не сумѣть.

— Бываетъ съ ними, конечно, и это-съ. Бываютъ промежу ихней сестры такія, что обѣ чѣмъ ты съ ней ни заговори, она все только цѣловаться лѣзеть... Такъ вѣдь нужно, чтобы и это было сразу понятно. Чтобы всякий, какъ только взглянуль на нее, аткъ и сказать: «вотъ такъ баба... ахъ-ахъ-ахъ!» А то—натко! Нацѣпиль у沃尔ъ, и думаетъ, что дѣло сдѣлалъ! Этакія-то куклы у нась на базарѣ по гривеннику штука продаютъ. Вонъ ихъ, чурбашкdvъ, сколько въ углу навалено!

— Такъ вы, значитъ, и простую куклу работаете?

— Безъ простой куклы намъ пропитаться бы нечѣмъ. А настоящую куклу я работаю, когда досугъ есть.

— И это интересуетъ васъ?

— Извѣстно, кабы не было занято, такъ лучше бы чурбашки работать; по крайности, полтинниковъ больше въ карманѣ водилось бы. А отъ этихъ, отъ «человѣчковъ», и пользы для дому не видишь, да неровѣнъ часъ и отъ тоски, пожалуй, пропадешь съ ними.

— Тоска-то съ чего же?

— Съ того самого и тоска, что тебѣ вотъ «дойти» хочется, а дѣло показываетъ, что руки у тебя коротки. Хочется тебѣ, напримѣръ, чтобъ «подъячій»... ну, разсердился бы, что ли... а онъ, замѣсто того, только «гнѣвается»! Хочется, чтобы онъ сегодня—одно, а завтра—другое; а онъ съ утра до вечера все одну и ту же канитель твердить! Хочется, чтобы у «человѣчковъ» твоихъ поступки были, а они только руками машутъ!

— Еще бы вы чего захотѣли, чтобы у куколь поступки были!

— Знаю, сударь, что умнаго въ этомъ хотѣни мало, да вѣдь хотѣть никому не заказано—вотъ горе-то наше какое! Думаешь: сейчасъ взмахну и полечу, а «человѣчекъ»-то вѣпился въ тебя, да и не пускаетъ. Какъ всталъ онъ на свою линію, такъ и не сходитъ съ нея. Я даже такую механику придумалъ, что людишки мои изъ лица краснѣютъ—анъ и изъ этого проку не вышло. Пустишь-это въ лицо ему карминцу, думаешь: вотъ сейчасъ онъ разсердится!—а онъ «гнѣвается», да и шабашъ! А нынче и еще фортель приспособилъ: сердца имъ въ нутро вкладывать началъ, да ужъ напередъ знаю, что и изъ этого только проформа выйдетъ одна.

И онъ показалъ мнѣ цѣлую связку крошечныхъ кукольныхъ сердецъ, изъ которыхъ на каждомъ мелкими-мелкими буквами было вырѣзано: «Дѣна сему серцу Адна копекъ».

— Такъ вотъ какъ поживешь этта съ ними: ума у нихъ—нѣть, поступковъ—нѣть, желаній—нѣть, а намѣсто всего—одна видимость, ну, и возьметъ тебя страхъ. Того гляди, зарѣжутъ. Сидишь посреди этой нѣмоты и думаешь: Господи, да куда же настоящіе-то люди попрятались?

— Ахъ, голубчикъ, да вѣдь и въ заправской-то жизни развѣ много такихъ найдется, которыхъ можно «настоящими» людьми назвать?

— Вотъ, сударь, вотъ. Это одно и смиряетъ. Взглянешь кругомъ: все-то куклы! вездѣ-то куклы! не есть конца этимъ кукламъ! Мучать, тиранять, въ отчаянность, въ преступ-

пленіе вводять! Вѣрите ли, иногда думается: Господи! кабы не куклы, вѣдь десятой бы доли злыхъ дѣлъ не было противъ того, что теперь есть!

— Гм!.. отчасти это, пожалуй, и такъ.

— Вполнѣ вѣрно-съ. Потому настоящій человѣкъ—онъ впередъ глядить. Онъ и боль всяку знаеть, и огорченіе понять можетъ, и страхъ имѣеть. Осмотрительность въ немъ есть. А у куклы—ни страху, ни боли—ничего. Живеть какъ забвенная, ни у ней горя, ни радости настоящей, живеть да душу изнимаетъ—и шабашъ! Вотъ хоть бы эта самая госпожа Строптивцева, которую сейчасъ изволили видѣть,—хоть распотроши ее, ничего въ ней, окромя тряпки и прочаго кукольнаго естества, найти нельзя. А сколько она съ помощью этой тряпки злодѣяніевъ надѣлаетъ, такъ, кажется, всю жизнь ее судить, такъ и еще на цѣлую такую же жизнь останется. Такъ вотъ какъ разсудишь это порядкомъ—и смиришься-съ. Лучше, моль, я къ своимъ деревяннымъ людышкамъ уйду, не-чѣмъ съ живыми куклами пропадать буду!

— Съ деревянными-то людышками, стало-быть, повади-те?

— Какъ же возможно-съ! Съ деревяннымъ «человѣчкомъ» я—какой хочу, такой разговоръ и поведу. А коли надоѣль, его и угомонить можно: ступай въ коробку, лежи! А живую куклу какъ ты угомонишь? она сама тебя изведеть, сама твою душу вынетъ, всю жизнь тебѣ въ сухоту обратить!

Изувѣровъ высказалъ это страстно, почти съ ненавистью. Видно было, что онъ зналъ «живую куклу», что она, пожалуй, и теперь, въ эту самую минуту, невидимо изводила его, вынимала изъ него душу и скулила надъ самымъ его ухомъ.

— У насъ, сударь, въ здѣшнемъ земскомъ судѣ хороший человѣкъ служить,—продолжалъ онъ:—такъ онъ, какъ ему чуточку въ голову вступить, сейчасъ ко мнѣ идетъ. «Изувѣровъ,—говорить:—исправникъ одолѣль празднословить съ утра до вечера—смерть! Сдѣтай ты мнѣ такую куклу, чтобы я могъ съ нею, замѣсто исправника, разговаривать!»

— А любопытно было бы исправника вашей работы видѣть—есть у васъ?

— Матеріалу покуда у насъ, вашескородіе, еще не припасено, чтобы господь исправниковъ въ кукольномъ видѣ изображать. А впрочемъ, и то сказать: невелику бы забаву и господинъ секретарь получиль, если бы я его капризъ выполнилъ. Сегодня онъ позабавился, сердце себѣ утолилъ,

а завтра ему и опять къ той же живой куклѣ на расправу идти. Тяжело, сударь, очень даже тяжело промежду куколъ на свѣтѣ жить!

Онъ помолчалъ съ минуту, вздохнулъ и прибавилъ:

— Отець дьяконъ соборный не однажды говоривалъ мнѣ: «Прямой ты, Изувѣровъ, дуракъ! И отъ живыхъ людышекъ на свѣтѣ житья нѣть, а онъ еще деревянныхъ плодить!»

Изувѣровъ опять умолкъ, и на этотъ разъ, повидимому, даже усомнился, нравильно ли онъ поступилъ, сообщивъ разговору философическое направление. Онъ застѣнчиво ходилъ около верстака и полою армяка сметалъ съ него опилки и стружки.

— А не покажете ли вы мнѣ своихъ «людышекъ»? — попросилъ я.

— Помилуйте, отчего же-сь! — отвѣтилъ онъ: — даже за честь почту-сь! Да вотъ, позовите для начала хоть господъ «подьячихъ» вамъ отрекомендовать.

— А нутка, господинъ коллежскій асессоръ, выѣзай! — воскликнулъ Изувѣровъ, вынимая изъ картонки куклу и становя ее на верстакъ.

Передо мною стоялъ «человѣчекъ» величиною около пяти вершковъ; лицо и части тѣла его были удовлетворительно-сразмѣрны; голова, руки и ноги свободно двигались. Типъ иодьячаго былъ схваченъ положительно хорошо. Волоса на головѣ — черные, тщательно прилизанные, съ завиточками на вискахъ и съ кокомъ надъ лбомъ; лицо, вздернутое кверху, самодовольное, съ узкимъ лбомъ и выдающимися скулами; глаза маленькие, подвижные и блудливые, съ сильнымъ бликомъ; щеки одутловатыя, отливающія желтизною и въ выдающихся мѣстахъ какъ бы натертая кирпичкомъ (вмѣсто румяница); губы пухлыя, красныя, масляныя, точно сейчасъ послѣ принятія жирной пищи; подбородокъ бритый и порѣзанный; кой-гдѣ по лицу разсѣяны прыщи. Одѣтъ въ вицмундиръ сѣраго казинета, съ краснымъ казинетовымъ же воротникомъ, и при томъ иѣсколько страннаго покрова: съ узенькими-узенькими фалочками, падающими почти до земли; при вицмундирѣ сѣреныя штанышики, коротенькие и отрапанные; карманы вездѣ глубокіе, способные вмѣстить содержаніе сумы нищаго, возвращающагося домой послѣ удачнаго сбора «кусковъ». Въ петлицѣ виситъ серебряной фольги медаль съ надписью: «за спасеніе погибающихъ». Бедра крутыя, женскаго типа; брюшко

круглое, какъ комочекъ, и весело колеблющееся, какъ будто въ немъ еще продолжаютъ трепыхаться только-что заглотанныя живьемъ куры и другая живность. Одну руку онъ утвердилъ фертомъ на бедрѣ, другую—засунулъ въ карманъ брюкъ, какъ бы нѣчто въ оный поспѣшно опуская; ноги сложилъ ножницами. Вообще всей своей фигурой онъ напоминалъ ножницы, опрокинутыя острымъ концомъ внизъ И хотя я не могъ доподлинно вспомнить, гдѣ именно я эту личность видѣлъ, но несомнѣнно, что гдѣ-то она мнѣ встрѣчалась, и даже нерѣдко.

— Мздоимецъ?—спросилъ я.

— Онъ самый-съ; какъ на вашъ взглѣдъ-съ?

— Недуренъ. Только, признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ вы его въ сѣрый вицмундиръ одѣли, да еще съ краснымъ воротникомъ? Вѣдь такой формы, сколько мнѣ известно, не существуетъ?

— Для цензуры-съ. Ежели бы я въ настоящій вицмундиръ его нарядилъ—куда бы я съ нимъ сунулся-съ? А теперь съ меня взятки гладки-съ. Такъ, какъ хочешь разумѣй, а у меня одинъ отвѣтъ: партикулярный, моль, человѣкъ,—только и всего.

— Ну, а зачѣмъ вы его коллежскимъ асессоромъ прозвали?

— Тоже для цензуры-съ. Пріѣжалъ ко мнѣ, позвольте вамъ доложить, въ мастерскую человѣкъ одинъ—онъ въ Петербургѣ чиновникомъ служитъ,—такъ онъ мнѣ сказывалъ, что тамъ свыше коллежскаго асессора представлять въ кукольномъ видѣ не дозволяется, а до коллежскаго асессора будто бы можно. Вотъ я съ тѣхъ поръ и поставилъ себѣ за правило эту самую норму братъ.

— Правильно. Ну, такъ покажите мнѣ теперь вашего коллежскаго ассесора, какъ онъ дѣйствуетъ.

— Сейчасъ, вашескородіе. Мы ему сперва-на-перво экзаменъ учинимъ. Сказывай, коллежскій асессоръ: взятки любишь?

— Папп-п-п!—вдругъ совершенно отчетливо крикнулъ «человѣчекъ».

Я даже вздрогнулъ. Какъ-то удивительно-непрѣятно поражалъ голосъ, которымъ были произнесены эти звуки. Точно попугай въ сосѣдней комнатѣ крикнулъ, да еще въ старозавѣтныхъ помѣщичьихъ домахъ приживалки и попады такимъ голосомъ говорили, когда желали веселить своихъ благодѣтелей.

— Это значитъ: люблю-съ, — пояснилъ Изувѣровъ, и,

вновь обращаясь къ «коллежскому асессору», продолжалъ:— Большую, поди, мзду любишь?

— Папп-п-а!

— Такую, чтобы ограбить? до тла чтобы?

— Папп! папп! папп!

Троекратно произнося этотъ возгласъ, коллежскій асессоръ выказывалъ чрезвычайное волненіе: вращалъ глазами, кивалъ головой, колыхалъ животомъ и хлопалъ руками по бедрамъ, точь-въ-точь какъ бьетъ крыльями птица, которая неожиданно налетѣла на разсыпанный кормъ. Мне показалось, что даже было одно мгновеніе, когда онъ покраснѣлъ...

— Вотъ вы говорили, что ваши «человѣчки» поступковъ не имѣютъ,—сказалъ я:— а посмотрите, какой неподдельный восторгъ вашъ коллежскій асессоръ выказываетъ!

— То-то и есть, что не вполнѣ, вышескордіе! — возразилъ Изувѣровъ: — и руками онъ хлопаетъ, и глазами бѣгаешь — это дѣйствительно; а въ лицѣ все-таки настоящей алчности нѣту! Вотъ у насъ въ магистратѣ секретарь служить, такъ тотъ, какъ взятуку-то увидитъ, даже изъ себя весь номертвѣеть! И взглядъ у него помутится, и руки затрясутся, и слюна на губахъ. Ну, а мой до этого не дошелъ-сь.

— Мне кажется, что вы черезчуръ ужъ скромны, Никаноръ Сергеичъ. По моему мнѣнію, и вашъ «подьячій» — мерзавецъ хоть куда!

— Нѣть, сударь, что ужъ! Дальше — лучше увидите доказательства, что не напрасно я недоволенъ имъ. А по-куда позвольте мнѣ экзаменъ продолжать. — Ну, коллежскій асессоръ, сказывай! Что большую мзду ты любишь — это мы знаемъ, а какъ насчетъ малой мзды — пріемлешь?

— Папп... ваззз...

«Человѣкъ» какъ будто спохватился и зашипѣлъ. Признаться, я подумалъ, не испортися ли въ немъ механизмъ, но Изувѣровъ поспѣшилъ разувѣрить меня.

— Это значитъ: пріемлю и малую мзду, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда сорвать больше нечего.—Ну, а какъ ты насчетъ того скажешь, чтобы, напримѣръ, совсѣмъ безъ мзды дѣло рѣшить?

— Ваззз...

Коллежскій асессоръ не только зашипѣлъ, но даже заскружился. Лицо у него совсѣмъ налилось красною жид-

костью; глаза блудливо бѣгали въ орбитахъ. Вообще было видно, что самая идея рѣшить дѣло безъ мзды можетъ достичь его до изступленія.

Даже Изувѣровъ возмутился такою наглостью и строго покачалъ головой.

— Какъ посмотри я на тебя, мздоимецъ,— сказаль онъ: — тѣкъ ты жаденъ, тѣкъ жаденъ, что, кажется, отпа родного за взятку продать готовъ?

— Папи-пѣ! папи-пѣ! папи-пѣ!

— А подъ судъ за это попасть хочешь?

— Вззззз...

— Не любишь? Конечно!.. Кому подъ судъ попасть хочется! Какой ни на есть пансіонъ, хоть грошъ, а все-таки заслужить лестно! Ты, поди, ужъ и деревнюшку для себя присмотрѣль?

— Папи-пѣ!

— Наберешь взятковъ, женишься, уѣдешь въ вотчину, станешь дѣтокъ зѣблить, крестьянъ на барщину гонять, въ праздники на крылосѣ за обѣдней подпѣвать!

— Папи-пѣ!

— И вдругъ кондрашка?

— Вззззз...

— Не любишь? — Ничѣмъ его такъ, вашескородie, огорчить нельзя, какъ ежели о смертномъ часѣ напомнить. Ну, ладно, коллежскій асессоръ! Покуда что, а мы тебя теперь съ однимъ человѣчкомъ сведемъ...

Изувѣровъ отыскалъ другую картонку и вынулъ оттуда «мужика».

Мужикъ былъ совсѣмъ настоящій и, повидимому, даже зажиточный. Борода длинная, съ сильною просѣдью; волосы—обильно вымазанные коровьимъ масломъ; на плечахъ — синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ; на ногахъ — совсѣмъ новенькие лапти. Изъ-за пазухи у него высывались куры, гуси, утки, индюшки, поросыта, а въ одномъ изъ кармановъ торчала даже цѣлая корова. Изувѣровъ поставилъ его сначала поѣдалъ отъ коллежскаго асессора.

— Ну, что, мужичокъ, виноватъ?

— Мм-му-у!

— А коли виноватъ—становись, значить, на колѣнки! Онъ поставилъ мужика на колѣни и обратилъ лицомъ къ коллежскому асессору.

— Ползи!

Мужикъ поползъ и остановился передъ мздоимцемъ. Коллежскій асессоръ сначала отвернулъ голову въ сторону, притворяясь, будто не видить просителя; но послѣ нѣсколько разъ повторенныхъ: «мм-му-у!» — постепенно началъ взглядывать по направленію виноватаго и, наконецъ, вдругъ плотоядно и пронзительно вззвизгнулъ:

— Папи-пѣ!

И тотчасъ же вырвалъ у мужика изъ-за пазухи гуся, котораго тутъ же, при неистовомъ гоготаніи птицы, живьемъ и сожралъ.

— Кланяйся же, кланяйся, мужичокъ! — поощрялъ Изувѣровъ: — проси прощенья... вотъ такъ: виноватъ, моль, ваше высокородіе, не буду!

— Мму-у-у! мму-у-у! мму-у-у! — твердила мужичокъ.

Поощренный этимъ, коллежскій асессоръ словно остервѣлся. Откинулся всѣмъ корпусомъ назадъ и нѣкоторое время стоялъ въ этой позѣ, какъ бы разглядывая свою жертву; потомъ началъ раскачиваться изъ стороны въ сторону, наливаясь при этомъ кровью, и наконецъ со всѣхъ ногъ бросился на мужика и принялъ его теребить и грабить. Все это было продѣлано до такой степени живо, что у меня даже волосы стали дыбомъ. Мздоимецъ повытаскалъ изъ-за пазухи мужика всѣхъ курятъ, выволокъ изъ кармана за рога корову, потомъ выворотилъ другой карманъ и нашелъ тамъ свинью, которая со страху сейчасъ же опоросилась десятью поросятами, и при всякой находкѣ восклицалъ:

— Папи-пѣ! папи-пѣ! папи-пѣ!

Мужикъ же въ умиленіи вторилъ ему:

— Мм-у-у-у!

Наконецъ, мздоимецъ отцепился, и мужикъ, думая, что вина ему ужъ прощена, тоже началъ проворно становиться на ноги. Однако же, не тутъ-то было. Коллежскій асессоръ опять что-то вспомнилъ (и повидимому самое важное) и энергично замахалъ руками, указывая мужику на лапти. Мужикъ сконфузился, какъ будто его уличили въ плутнѣ; затѣмъ безпрекословно опустился на полъ и сталъ разувать онучи и лапти. Все время, покуда происходилъ процессъ разуванія, мздоимецъ внимательно слѣдилъ за виноватымъ и лукаво улыбался, какъ бы говоря: надуть хотѣлъ... негодяй! И точно: по мѣрѣ того, какъ развертывались мужиковы онучи, изъ нихъ во множествѣ сыпались бѣленыкіе и желтеныкіе кружочки.

— Это крестовики и полуимпериальчики-сь! — пояснил Изувѣровъ.

Коллежскій асессоръ остервенѣлся вновь. Въ одно мгновеніе ока бросился онъ на виноватаго, обшарилъ съ головы до ногъ, обралъ деньги, снялъ съ мужика армякъ и даже отяялъ мѣдный гребень, висѣвшій у него на поясѣ.

— Папп-пѣ! папп-пѣ! папп-пѣ! — воскликнулъ онъ въ восхищенніи.

— Мму-у-у! — вторилъ ему мужикъ.

— Ну, вотъ, теперь вставай! — рѣшилъ Изувѣровъ, становя мужика на ноги.

Мужикъ былъ сильно помятъ, но, повидимому, нимало не огорченъ. Онъ понималъ, что исполнилъ свой долгъ, и только потихоньку встряхивался.

— Доволенъ? — обратился къ нему Изувѣровъ.

— Мму-у-у!

— Ну, то-то! Теперь твое дѣло — вѣрное, и дома всѣмъ такъ говори: «теперь, моль, меня хоть съ кашею Ѣши, хоть на куски рѣжь — мое дѣло вѣрное!» Ну-иу! добро, подѣзай опять въ картонку да обростай до будущаго раза!

Онъ ухватилъ мужика поперекъ туловища и уложилъ его обратно въ картонку.

— Этотъ мужичокъ у меня для «представленій» служить, — объяснилъ мнѣ Изувѣровъ: — самъ по себѣ онъ персоны не обозначаетъ, а коли-ежели силу души кому показать нужно, такъ складище парня не сыскать! А за-симъ позвольте, вашескородie, попросить: не угодно ли бу-деть вамъ ужъ отъ себя вопросы господину коллежскому асессору предложить?

— Какіе же вопросы?

— Чѣо, сударь, вздумаете, тѣ и спросите. Увидите, по крайности, какую силу онъ передъ вами выкажетъ.

— Извольте! Чѣо бы, напримѣръ?.. Ну, напримѣръ: по-нимашь ли ты, коллежскій асессоръ, какое значеніе слово «правда» имѣть?

Молчаніе.

— А Бога... боишься?

Молчаніе.

— Ну, чѣо бы еще?.. На пользу ближнему послужить не прочь?

Опять и опять молчаніе. Я въ недоумѣніи взглянулъ на Изувѣрова.

— Не понимаешь-сь, — объяснилъ онъ кратко,

— То-есть, какъ же это не понимаетъ? Кажется, вопросы не очень мудреные?

— И не мудреные, а онъ отвѣтить не можетъ. Нѣть у него «добродѣтельнаго» разговора — и шабашъ! Все воровство, да подлости, да грабежъ только на умѣ! Вообще, позвольте вамъ доложить, сколько я ни старался добродѣтельную куклу сдѣлать — никакъ не могу! Мерзавцевъ — сколько угодно, а что касается добродѣтели, такъ, кажется, этого слова и въ заводѣ-то въ этомъ царствѣ нѣть!

— Да вѣдь это, впрочемъ, и естественно. Возьмите даже живую куклу — развѣ она понимаетъ, что такое добродѣтель?

— Не понимаетъ — это вѣрно-съ. Да, по крайности, она хоть лицемѣрить можетъ. Спросите-ка, напримѣръ, нашего магистратскаго секретаря: боишься ли ты Бога! — такъ онъ, пожалуй, даже въ умиленіе впадетъ! Ну, а мой коллежскій асессоръ — этого не можетъ.

— Это, я полагаю, отъ того, что, въ сущности, вашъ «коллежскій асессоръ» добродѣтельнѣе, нежели магистратскій секретарь — вотъ и все. А попробуйте-ка вы «добродѣтельные» разговоры съ точки зрењія лицемѣрія повести — тогда я увѣренъ, что и вашъ «мздоимецъ» не хуже магистратскаго секретаря на всякий вопросъ отвѣтить.

Идея эта — сама по себѣ очень простая — сдѣлать доступною для негодяя добродѣтель, обративъ ее, при посредствѣ лицемѣрія, въ подлость, повидимому, не приходила до сихъ поръ въ голову Изувѣцову. Даже и теперь онъ не сразу понялъ: какъ это такъ? — сейчасъ была добродѣтель... и вдругъ будетъ подлость! Но въ концѣ концовъ метаморфоза, разумѣется, объяснилась для него вполнѣ.

— А вѣдь я, вашескородіе, попробую! — сказалъ онъ, робко взглядывая на меня.

— Разумѣется, попробуйте! И я увѣренъ, что успѣхъ будетъ полный.

— Вѣдь я тогда, вашескородіе, пожалуй, и госпожу Строптивцеву вполнѣ сработать могу?

— Еще бы! Да вотъ, постойте: попробуемте даже сейчасъ съ вашимъ «мздоимцемъ» опытъ сдѣлать. Поставимте ему вопросъ по-новому — чтѣ онъ намъ скажетъ?

И, обращаясь къ куклѣ, я формулировалъ вопросъ такъ:

— Слушай, мздоимецъ! Что ты не понимаешь, чтѣ значитъ правда, — это мы знаемъ. Но если бы, напримѣръ, на пирогѣ у головы кто-нибудь разговоръ о правдѣ завелъ,

вѣдь и ты, поди, сумѣть бы притвориться: одною, моль правдою и свѣтъ Божій миль?

«Коллежскій асессоръ» взглянуль на насъ съ недоразумѣніемъ и нѣсколько мгновеній какъ бы соображалъ, стараясь понять. И вдругъ произительно и радостно крикнулъ:

— Папи-шà! папи-шà! папи-шà!

Новая кукла, «Лакомка», съ вѣнчной стороны оказалась столь же удовлетворительна, какъ и «Мадоимецъ». «Лакомка» быть «человѣкъ» неизвѣстныхъ лѣтъ, въ напудренномъ парикѣ, съ косичкою назади и букольками на вискахъ, въ костюмѣ петиметра восемнадцатаго столѣтія, какъ ихъ изображаютъ на дешевенькихъ гравюрахъ, украшающихъ стѣны провинціальныхъ гостиницъ. Лицо полное, румяное, улыбающееся, губы сочныя, глаза съ поволокою. Одной рукой онъ зажималъ треугольную шляпу, другую — держалъ наотмашь, какъ бы посыпая въ пространство воздушный поцѣлуй. Сзади него стояли ширмы, на которыхъ сусального золота буквами было написано: «иріуть слаткихъ адахнавеній»; сбоку были поставлены другія ширмы съ надписью: «вхощъ для прелесницъ». Вообще было замѣтно пополненіе устроить такую обстановку, которая сразу указывала бы на постыдный характеръ занятій дѣйствующаго лица.

— Тоже состоять на службѣ? — спросилъ я.

— Помилуйте! пряжку имѣть-сь!

Послѣ этого предварительного объясненія «Лакомка», по данному знаку, учащенно замахалъ свободной рукой, то прижимая ее къ сердцу, то поднося къ губамъ. И въ то же время, какъ бы повинуясь какому-то тонкому психологическому побужденію, одну ногу поднялъ.

— Это онъ женскій поль чутеть! — объяснилъ мнѣ Никаноръ Сергиевичъ, покуда «Лакомка», что есть мочи, кричала:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ призывъ, занавѣска, скрывающая «входъ для прелестницъ», заколыхалась. Я ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ войдетъ какая-нибудь вѣтреная маркиза, но, къ удивленію моему, вошла... старуха!.. И не маркиза, а старая мѣшканка, въ отрапанномъ платьишкѣ, съ платкомъ на головѣ, и даже, повидимому, добродѣтельная. Лицо у нея сморщилось, глаза слезились, подбородокъ трясся, носъ выказывалъ признаки затяжного насморка, во рту не было видно ни одного зуба. Она дер-

жала въ рукахъ прошеніе и тотчасъ же бросилась на колѣни передъ «Лакомкой», какъ бы оправдываясь, что у нея ничего нѣтъ, кромѣ безплодныхъ воспоминаній о добродѣтельной проведенной жизни.

Сначала «Лакомка» какъ бы не вѣрила глазамъ своимъ, но потомъ ужасно разгневалася.

— Вззз... —шипѣль она злобно, топая ногами и изо всей силы потрясая крошечнымъ колокольчикомъ.

— Ишь, Искарють, ошалѣль! —шепнулъ мнѣ Изувѣровъ, повидимому принимавшій въ старухѣ большое участіе. — Она, вашескородіе, у насъ по благотворительной части поучителемъ служить, такъ бабя этого нѣсть конца что къ нему валить. И чтобы она, расподлецъ, хворости или ста-
рости на помошь пришелъ — ни въ жизнь этому не бывать? Вотъ хоть бы старуха эта самая! Колькой ужъ годъ она въ богадѣлью просится, и все пользы не видать!

Покуда Изувѣровъ выражалъ свое негодованіе, на звонъ колокольчика прибѣжалъ сторожъ, и между дѣйствующими лицами произошла такъ-называемая «комическая» сцена. «Лакомка» бросилась съ кулаками на сторожа, сторожъ съ тѣмъ же оружиемъ — на старуху; съ головы у старухи слетѣлъ шлыкъ, и она, обозлившись, ущипнула «Лакомку» въ жирное мѣсто. Тогда сторожъ и «Лакомка» окончательно разсвирѣпѣли и стали тузить старуху уже соединенными силами. Однимъ словомъ, вышло что-то неестественное, сумбурное и невеселое, и я былъ даже доволенъ, когда добродѣтельную старуху, наконецъ, вытолкали.

— Вззз... — потихоньку шипѣль «Лакомка», оправляясь передъ зеркаломъ и съ трудомъ овладѣвая охватившимъ его волненіемъ.

Мало-по-малу, однажды, все пришло въ порядокъ; сторожъ скрылся, а «Лакомка», успокоенный, встала въ прежнюю позу и вновь, что есть мочи, закричать:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

На этотъ разъ изъ-за занавѣски показалася молодая женщина. Но такъ какъ чувство изящнаго было не особенно развито въ Изувѣровѣ, то красота вошедшей «прелестницы» отличалась какимъ-то совсѣмъ особыннымъ характеромъ. Все въ ней — и лицо, и тѣло — запылено жиромъ; краски не то выцвѣли, не то исчезли подъ густымъ слоемъ неумытости и заспанности. Одѣта она была маркизой восемнадцатаго столѣтія, въ короткомъ платьѣ, сдѣланномъ изъ лоскутковъ старыхъ оконныхъ драповъ, въ фижмахъ и почти до пояса

обнажена. Несмотря, одножъ, на непривлекательность «прелестницы», «Лакомка» даже шляпу изъ рукъ выронилъ при видѣ ея: такъ она пришла ему по вкусу!

— Индюшка-съ!—шепнуль мнѣ Изувѣровъ.

Дѣйствительно, остановившись передъ «Лакомкой», «прелестница» какъ-то жалобно и съ разстановкой протянула:

— П-пля! п-пля! п-пля!

На что «Лакомка» немедленно возопилъ:

— Курлы-рлы-рлы! Кур-курлы?

Началась мимическая спна обольщенія. Какъ ни глупа казалась «Индюшка», но и она понимала, что безъ предварительной игры ходатайство ея не будетъ уважено. А ходатайство это было такого рода, что человѣку, получающему присвоенное отъ казны содержаніе, нельзя было не призадуматься надъ нимъ. А именно — требовалось, чтобы «Лакомка», забывъ долгъ и присягу, соединился съ внутреннимъ врагомъ, сдѣлать изъ подвѣдомственныхъ ему учрежденій тайное убѣжище, въ которомъ могли бы укрываться неблагонадежные элементы и оттуда безнаказанно сѣять крамолу. Понятно, что «Индюшка» должна была пустить въ ходъ всѣ доступныя ей чары, чтобы доставить торжество своему преступному замыслу.

Мы, видѣвшіе на своеемъ вѣку появленіе и исчезновеніе безчисленнаго множества вольнолюбивыхъ казенныхъ вѣдомствъ,—мы ужъ настолько притупили свои чувства, что даже не понимаемъ, какимъ образомъ казенное вѣдомство можетъ превратиться въ убѣжище неблагонадежныхъ элементовъ. «Лакомка», повидимому, и самъ не вполнѣ понималъ, въ чёмъ именно заключается опасность, а только смутно сознавалъ, что шагъ, который ему предстоитъ, можетъ имѣть роковыя послѣдствія для его карьеры. И подъ гнетомъ этого предчувствія потихоньку вздрагивалъ.

Сцена обольщенія продолжалась. «Индюшка» закатывала глаза, сгибалась станъ, потрясалась бедрами, а «Лакомка» все стоялъ, вперивъ въ нее смутный взоръ, и вздрагивалъ. Чѣмъ происходило въ это время въ душѣ его? Понялъ ли онъ наконецъ? приходилъ ли въ ужасъ отъ дерзости преступной незнакомки, или же наивно обдумывалъ: сначала часокъ-другой пріятно позабавлюсь, а потомъ и отошлю со сторожемъ въ полицію на дальнѣйшее распоряженіе...

Какъ бы то ни было, но въ виду этихъ колебаній «Индюшка» рѣшилась на крайнюю мѣру: начала всею горстью скрести себѣ бедра, томно при этомъ выкрикивая:

— П-ля! п-ля! п-ля!

Тогда онъ не выдержалъ. Забывъ долгъ службы, весь въ мылѣ, онъ устремился къ обольстительницѣ и ухватилъ ее поперекъ талии... Признаюсь, я ужасно сконфузился. «Пріять сладкихъ отдохновеній» находился такъ близко, что я такъ и думалъ: вотъ-вотъ сейчасъ будетъ скандалъ. Но Изувѣровъ угадалъ мои опасенія и поспѣшилъ успокоить меня.

— Не извольте опасаться, вашескородіе, недолжнаго ничего не будетъ!—сказалъ онъ въ ту минуту, когда, по-видимому, ничто уже не препятствовало осуществленію крамолы.

И дѣйствительно, вдругъ откуда ни возьмись... мужикъ! Это былъ тотъ же самый мужчина, который за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ фигурировалъ и у «Мздоимца»,—но какъ онъ въ короткое время обросъ! Опять на немъ былъ синій армякъ, подпоясанный краснымъ кушакомъ; опять изъ-за пазухи торчалъ цѣлый запасъ куръ, утокъ, гусей и проч., а изъ кармана, ласково мыча, высовывала рогатую голову корова; опять онути его кипѣли мlekомъ и медомъ, т. е. сребромъ и златомъ... И опять онъ былъ виноватъ!

Онъ вбѣжалъ какъ угорѣлый, бросился на колѣни и замеръ.

— Это онъ по ошибкѣ-сь!—объяснилъ Изувѣровъ:—ему опять надлежало къ «Мздоимцу» отъявиться, а онъ этажомъ ошибся, да къ «Лакомкѣ» попалъ!

И рассказалъ при этомъ анекдотъ, какъ однажды сельскій попъ, пріѣхавъ въ губернскій городъ, повезъ къ серебреннику старое серебро на приданое дочери подновить, да тоже этажомъ ошибся и вместо серебренника—къ секретарю консисторіи вlopался.

— И такимъ родомъ воротился во-свояси уже безъ се ребра,—прибавилъ Изувѣровъ въ заключеніе.

Первую минуту и «Лакомка», и «Индюшка» стояли въ оцѣнѣнїи, точно сейчасъ проснулись. Но вслѣдъ затѣмъ оба зашипѣли, бросились на мужика и начали его тузить. На шумъ прибѣжалъ, разумѣется, сторожъ и тоже сталъ направо и налево тузить. Опять произошла довольно грубая «комическая» сцена, въ продолженіе которой дѣйствующія лица до того перемѣшались, что начали угощать тумаками безъ разбора всякаго, кто подъ руку попадетъ. Мужика, конечно, вытолкали, но въ общей свалкѣ, къ моему удо вольствію, исчезла и «Индюшка».

«Лакомка» остался одинъ и задумчиво поправлялъ передъ зеркаломъ слегка вывихнутую челость.

Несмотря на принятые побои, онъ, однако-жъ, не унялся, и какъ только поврежденная челость была вправлена, такъ сейчасъ же, и даже умильниче прежняго, зазѣвалъ:

— Мамм-чка! мамм-чка! мамм-чка!

Впорхнула довольно миловидная субретка (тоже по рисункамъ XVIII столѣтія), скромно сдѣала книксенъ и, подавая «Лакомкѣ» книжку, мимикой объяснила:

— Барышня приказали кланяться и благодарить; просять, иѣть ли другой таѣй же книжки—почитать?

Увы! къ величайшему моему огорченію, я долженъ сказать, что на оберткѣ присланной книжки было изображено: «Сочиненія Баркова. Москва. Въ университетской типографії. Печатано съ разрѣшенія Управы Благочинія».

Я такъ растерялся при этомъ открытии, что даже посоловѣстился узнать фамилию барышни.

Междѣ тѣмъ «Лакомка», бережно положивъ принесенный томъ на столъ, устремилъ къ субреткѣ и ушипнулъ ее. Произошла мимическая сцена, по выразительности своей не уступавшая таковыми же, устраиваемыми на театрѣ города Мариуполя Петипа.

— Еще ничего я отъ васъ не видѣла, — говорила субретка:— а вы ужъ щиплетесь!

Тогда «Лакомка», смекнувъ, что передъ нимъ стоять девица разсудительная, безъ потери времени вынула изъ шкапа банку помады и фунтъ каленыхъ орѣховъ и повергъ все это къ столамъ субретки.

— А ежели ты будешь мнѣ соотвѣтствовать, — прибавилъ онъ тѣлодвиженіями:— то я, подобно сему, и прочия мои сокровища не замѣду въ распоряженіе твоє предоставить!

«Субретка» задумалась, нѣкоторое время даже разочи-
тывала что-то по пальцамъ и, наконецъ, сказала:

— Ежели къ сему прибавишь еще полтинникъ, то—
согласна соотвѣтствовать.

Весь этотъ разговоръ произошелъ ужасно быстро. И такъ какъ не было причины предполагать, чтобы и развязка заставила себя ждать (я видѣль, какъ «Лакомка» уже начать шарить у себя въ карманахъ, отыскивая требуемую чинету), то я со страхомъ помышляль: ну, ужъ теперь-то павѣрное скандала не миновать!

По гнусному сластолюбцу было написано па роду обон-

тись въ этомъ день безъ «лакомства». Въ ту минуту, когда онъ простиралъ уже трепетныя руки, чтобы увлечь новую жертву своей ненасытности, за боковой кулисой послышались крики, и на сцену ворвалась цѣлая толпа женщинъ. То были старыя «Лакомкины» прелестницы. Я счель ихъ не меныше двадцати штуки; всѣ онѣ были въ разнообразныхъ одеждахъ, и у каждой лежало на рукахъ по новорожденному ребенку.

— П-ля! п-ля! п-ля! — кричали онѣ разомъ.

«Лакомка» на минуту какъ бы смущилася. Но сейчасъ же оправился и, обращаясь въ нашу сторону, съ гордостью процаинеся, указывая на младенцевъ:

— Таковы результаты моей попечительной дѣятельности за минувший годъ!

Этимъ представлениѳ кончилось.

Послѣ этого Изувѣровъ разыгралъ передо мной еще два «представлениѧ»: одно—подъ названиемъ «Наказанный Гордецъ», другое—«Неразсудительный Выдумщикъ», или: «Сдѣлай милость, остановись!» Я, впрочемъ, не буду въ подробности излагать здѣсь сценарій этихъ представлений, а ограничусь лишь краткимъ разсказомъ ихъ содержания.

Пьеса «Наказанный Гордецъ» начиналась тѣмъ, что коллежскій асессоръ появился въ телѣгѣ, запряженной тройкой лихихъ лошадей, и съ чрезвычайной быстротой проскакалъ нѣсколько круговъ по верстаку. Едва вѣхалъ онъ на сцену, какъ во всю мочь заоралъ: «го-го-го!», объявивъ, что ёдетъ на усмирение, и даль ямщику тумака въ спину. На немъ было форменное пальто съ светлыми пуговицами и фуражка съ кокардой на головѣ; въ лѣвой руцѣ онъ держалъ мѣшокъ съ выбитыми, по разнымъ административнымъ соображеніямъ, зубами, а правую имѣлъ въ готовности. Несмотря на захватывающую духъ ёзду, онъ ни на минуту не переставалъ гоготать, мѣрно ударяя ямщика въ спину, вылущивая ему зубы и лишая волосъ. Наконецъ, частный членовредительства, повидимому, показались ему мало дѣйствительными, и онъ рѣшилъ покончить съ ямщикомъ разомъ. Снялъ съ него голову и бросилъ ее въ кусты. Почуявъ свободу, лошади бѣшено рванули впередъ, и я ужъ предвидѣлъ минуту, когда телѣга и ея утлый єздокъ будутъ безжалостно растрепаны; но, къ счастію, станція была уже близко. Повинуясь инстинкту, лошади, какъ вкончанныя, остановились передъ станионнымъ столбомъ и

тотчасъ же всѣ три поколѣли. Покуда «Гордецъ» скакалъ послѣднія полверсты, я замѣтилъ, что на станціонномъ дворѣ происходило какое-то чрезвычайно-суетливое движеніе; но когда тройка подскакала, и раздалось раскатистое «го-го-го!», то никто на этотъ окликъ не отвѣтилъ. «Гордецъ», закинувъ голову назадъ, ходилъ взадъ и впередъ, держа въ рукахъ часы и твердо увѣренный, что черезъ минуту новая перекладная будетъ подана. Но урочная минута прошла, и никакого движенія не проявилось. Тогда «Гордецъ» удивленно оглядѣлся кругомъ, и унылая картина представала очамъ его...

Почтовый дворъ стоялъ одиноко въ лѣсу, и внутри его все словно умерло. Какіе-то таинственные звуки доносились со двора, не то шопотъ, не то фырканье, да слышно было, что гдѣ-то вдали, въ лѣсной чащѣ, аукается лѣшій. «Гордецъ» отлично понялъ, что тутъ кроется противодѣйствіе властямъ, и сейчасъ же бросился на розыски. Дѣйствительно, не прошло и минуты, какъ онъ вытащилъ за шиворотъ изъ потаенныхъ убѣжищъ писаря и четверыхъ ямщиковъ. И по мѣрѣ того, какъ вытаскивалъ, немедленно лишалъ ихъ жизни даже безъ допроса. Когда же лишилъ жизни послѣдняго ямщика, то вновь возопилъ: «го-го-го!», думая, что теперь-то ужъ непремѣнно выѣдетъ готовая перекладная. Однако и на этотъ окликъ никто не явился. Тогда, виѣ себѣ отъ гнѣва, онъ поймалъ пѣтуха и оторвалъ ему голову; потомъ, завидѣвъ бѣгущую собаку, погнался за ней, догналъ и разорвалъ на части. Но и это не помогло.

Между тѣмъ времени прошло не мало; на землю спустились сумерки, и въ глубинѣ лѣса показалось стадо голодныхъ волковъ. Впервые въ головѣ «Гордеца» блеснула мысль, что если-бъ онъ не заботился много объ огражденіи прерогативъ власти, то, вѣроятно, въ эту минуту преспокойно продолжалъ бы путь и, можетъ-быть, доѣхалъ бы ужъ до мѣста. А волки, между тѣмъ, почуявшисъ убѣсныхъ, подходили все ближе и ближе и подняли, наконецъ, такой надрывающей душу вой, что даже вороны, облѣпившіе, въ чаяніи пира, сосѣднюю сосну, поняли, что тутъ взятки гладки, и, съ шумомъ снявшись съ дерева, полетѣли дальше.

Мракъ сгущался, волки вали, лѣсъ начиналъ гудѣть... Долго крѣпился «Гордецъ», все думалъ: «не можетъ этого быть!» — но, наконецъ, заплакалъ. Плакаль онъ много и горько, плакаль безнадежно, какъ человѣкъ, который неожи-

данны понять, сколько жестокаго, сатанински-безсмыслен-
наго заключаетъ въ себѣ актъ лишенія жизни. И, плача,
вспоминаль папеньку, маменьку, братцевъ, сестрицъ и
горько взывать къ нимъ: «гдѣ вы?» Потомъ обратился
мыслию къ начальникамъ и тоже вопіть: «гдѣ вы?» И
среди этой агоніи слезъ—кощунствовать, говориль: «а вѣдь
управлять и опустошать—не одно и то же!»

Но тутъ совершилось нѣчто ужасное. Стая волковъ на-
столько приблизилась, что совершенно заслонила собой
«Гордеца». Еще минута—и на порогѣ станціоннаго дома
валялась одна фуражка, украшенная кокардою...

Содержаніе «Неразсудительнаго Выдумщика» было нѣ-
сколько сложнѣе.

Нѣкоторый коллежскій асессоръ, получивъ власть, вдругъ
почему-то сообразилъ, что она дана ему не напрасно. А
такъ какъ начальники, облекши его властью, ничего ему
на этотъ счетъ не объяснили, то онъ началь додумываться
самъ. Думаль-думаль и, наконецъ, выдумалъ: власть дается
для искорененія невѣжества. «Ужь больше стольтія,—ска-
заль онъ себѣ:— какъ коллежскіе асессоры искореняютъ
русское невѣжество, а толку все нѣть. Отчего? А оттого,
сударь мой, что не всѣ коллежскіе асессоры въ одинаковой
силь дѣйствуютъ. Много есть между ними мздоимцевъ,
много прелюбодѣевъ, много зубосокрушителей и очень мало
настоящихъ искоренителей невѣжества. Начнетъ истинный
искоренитель искоренять, а невѣжество возьметъ, да за пол-
тинникъ откупится. А надо такъ на невѣжество нажать,
чтобъ ему вздоху не было, чтобъ куда оно ни сунулось—
вездѣ ему мать».

И какъ только рѣшилъ про себя «Выдумщикъ», какая
ему задача предстоитъ, такъ сѣть за письменный столъ,
да съ тѣхъ поръ и не выходить оттуда. Не пить, не
ѣсть, не спить—все «неразсудительныя» выдумки выду-
мываетъ.

Строчить съ утра до вечера; но такъ какъ онъ и самъ
не понимаетъ, что строчить, то все выходить у него безъ
связи, вразброда. То вдругъ, съ большого ума, покажется:
оттого въ Россіи невѣжество, что община по рукамъ и по
ногамъ мужика связываетъ,— и вотъ готовъ проектъ: об-
щину упразднить. То вдругъ мелькнетъ: оттого царствуетъ
невѣжество, что въ деревняхъ хорошихъ племенныхъ жереб-
цовъ нѣть,— немедленно таковыхъ пріобрѣсти! Или ваду-
мается: истинное основаніе русскому невѣжеству полагаютъ

кабаки—сейчасъ резолюція: кабаки закрыть, а вмѣсто онъхъ новсемѣтно открыть торговлю печатными пряниками. А наконецъ и еще: куда были бы мы просвѣщеніе, если-бъ мужики сѣли на поляхъ, вмѣсто ржи, персидскую ромашку, а на огородахъ, вмѣсто рѣпы, морковы! И опять резолюція: дать знать, кому вѣдать надлежитъ, и т. д.

Но бѣда въ томъ, что невѣжество упорно. Недостаточно сказать ему: въ видахъ твоего искорененія, необходимо упразднить общину. Надо, кромѣ того, еще сдѣлать его способнымъ къ восприятію этой истины. Иначе, пожалуй, оно и того не пойметъ, съ какой стати его невѣжествомъ зовутъ, и зачѣмъ непремѣнно понадобилось его искоренить. Какимъ же образомъ добиться, чтобы невѣжество сдѣлалось способнымъ къ воспріятію? Думаль-думаль коллежскій ассесоръ и, наконецъ, хоть и съ болью въ сердцѣ, но пришелъ къ заключенію, что самое лучшее средство—это экзекуція! Конечно,—разсудилъ онъ самъ съ собою:—это то же самое, чтѣ въ древности называлось «пѣронцами», но вѣдь одно другого дороже: или церемониться, или достигать! Пѣронцы, такъ пѣронцы!

И вотъ, сидѣтъ онъ да иеразсудительность свою не устанавливающи тѣшитъ, а по дорогѣ солдатики въ рога трубятъ, а въ рощицахъ волостные начальники вѣники рѣжутъ, а на селѣ мужичокъ кричитъ: «вашескородіе! не буду!» Слышишь эти крики «Выдумщикъ», но нѣкоторое время дѣлаешь видъ, что не понимаешь. Однако-жъ, наконецъ, и онъ видѣть, что притворяться непонимающимъ дольше нельзя. Вскочить, приложить руку къ сердцу и скажеть въ свое оправданіе: «знаю, милые, что нынѣ вамъ больно, но надѣюсь, что впослѣствіи вы сами поймете, сколь сіе было для васъ полезно!»

И чтѣ всего ужаснѣе—не только неподкупнѣй, но и неумолимъ. Сколько разъ мужички всѣмъ міромъ ходили, хабару носили, на колѣяхъ просили,—не внемлетъ и не приемлетъ. «Глупенькие,—говорить:—стѣрнится—слубится, а послѣ вы меня же благодарить будете!»

Такъ у нихъ до сихъ поръ колесомъ дѣло и идетъ. Онъ иеразсудительный выдумщикъ выдумываетъ, они—вопіютъ: «вашескородіе! не будемъ!» Ромашку персидскую посыпали, а клопы пуще прежнаго одолѣли; о племенныхъ жеребцахъ докучали, а начальство, по недоразумѣнію, племенныхъ просить прислало; кабаки закрыли—корчевщиковъ развели.

Одна только община Ѳ-сю пору дѣла стонть: видно, ужъ самъ Богъ ее бережетъ!

Подьячіе были исчерпаны. Только и додумался Изувѣровъ до этихъ четырехъ типовъ, да, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ только ихъ и было въ тогдашнее несложное время. Я, впрочемъ, былъ очень этому радъ. Несмотря на то, что мое посѣщеніе длилось не больше двухъ часовъ, я чувствовалъ какую-то чрезвычайную усталость. И не только физическую, но и нравственную. Какъ будто ощущеніе оголтѣнія, о которомъ я говорилъ выше, мало-по-малу заползло и въ меня самого, и все внутри у меня онѣмѣло и оскудѣло.

Я не мало на свое мѣсто вѣку встрѣчалъ живыхъ куколь и очень хорошо понимаю, какую отраву онѣ вносятъ въ человѣческое существованіе; но на этотъ разъ чувство нѣмоты произвело на меня такое угнетающее впечатлѣніе, что я готовъ быть вытерпѣть безчисленное множество живыхъ куколь, лишь бы уйти изъ мѣра «людишкъ». Даже госпожа Строптивцева, возвращавшаяся въ это время по улицѣ домой,—и та показалась мнѣ «умницей».

Мнѣ кажется, разгадка этого чувства угнетенности заключается въ томъ, что живыхъ куколь мы встрѣчаемъ въ разнообразнѣйшихъ комбинаціяхъ, которыхъ не позволяютъ имъ всегда оставаться вполнѣ цѣльными, вѣрными своему кукольному естеству. А сверхъ того онѣ живутъ хотя и скучно, но все-таки живою жизнью, въ которой имѣются нѣкоторые, общіе людскому роду, инстинкты и вождельнія. Словомъ сказать—принимаютъ участіе въ общей жизненной драмѣ. Тогда какъ деревянные людишки представляются намъ какъ-то наянливо сосредоточенными, до тупости послѣдовательными и вполнѣ изолированными отъ какихъ-либо осложненій, вызываемыхъ наличностью живого инстинкта. Участвуя въ общей жизненной драмѣ, вперемежку съ другими такими же куклами, живая кукла уже по тому одному дѣйствуетъ не такъ вымогательно, что наязливость ея отчасти умѣряется разными жизненными нечаянностями. Деревянные людишки и этого отпора не встрѣчаются. У нихъ въ запасѣ имѣется только одна струна, но они бываютъ въ эту струну съ препятственностью и регулярностью, доводящими мыслящаго зрителя до отчаянія.

Правда, Изувѣровъ утверждаетъ, что его «людишкъ» можно легко уговорить, такъ какъ живая кукла сама, де-

скать, вынетъ изъ тебя душу и заставить проклинать часъ твоего рожденія. Положимъ, что это и такъ; но въ такомъ случаѣ стоять ли интересоваться этими людышками, стоять ли тратить на нихъ свою жизнь? И не правъ ли былъ соборный дьяконъ, укорявшій Изувѣрова: «и отъ живыхъ людышекъ отбою на свѣтѣ нѣтъ, а ты еще деревянныхъ плодишь!»

Но, сверхъ того, ежели хорошенъко вникнуть въ дѣло, то Изувѣровъ окажется неправъ и въ другомъ. Онъ слишкомъ презрительно, свысока отзывался о присланной изъ Петербурга «новобрачной», слишкомъ поспѣшилъ назвать ее «пустою» куклой. Во-первыхъ, чтобы сдѣлать такую куклу, не нужно ни задумываться, ни изобрѣтать, ни мнить себя гениемъ, а достаточно обладать иѣкоторымъ навыкомъ, имѣть подъ рукой достаточное количество тряпокъ и лайки и умѣть со вкусомъ распорядиться наружными украшеніями. А во-вторыхъ, какъ «новобрачная», эта кукла положительно не оставляетъ ничего желать. Изувѣровъ спрашивается: «на какой предметъ и въ какомъ градусѣ?» Странные вопросы! Да на всякий предметъ и во всякомъ градусѣ— вотъ и все.

Природа благосклонна; люди—злѣ. Природа не допускаетъ строго-послѣдовательного пустоутробія; люди, напротивъ, слишкомъ охотно настаиваютъ на этой послѣдовательности. Если-бы природа хотѣла быть до конца жестокою, она награждала бы живыхъ людышекъ тѣмъ же идиотскимъ упорствомъ побужденій и движений, какимъ награждаетъ Изувѣровъ своихъ деревянныхъ людышекъ. Вотъ тогда было бы ужасно, ужасно, ужасно—въ полномъ смыслѣ этого слова! Ни уговорить куклу, ни уйти отъ нея нельзя! Сиди и ежемгновенно чувствуя, какъ она вынимаетъ изъ тебя душу! И не шелохнись, потому что всякий протестъ, всякое движение вызываетъ новую жесткость, новую невыносимую боль.

Но, можетъ-быть, жизнь ужъ и созидаеть такихъ людышекъ? Можетъ-быть, въ тѣхъ безчисленныхъ принудительныхъ сферахъ, которые со всѣхъ сторонъ сторожатъ человѣка, совсѣмъ не въ рѣдкость тѣ потрясающія «кукольныя комедіи», въ которыхъ живая кукла попираетъ своей пятой живого человѣка? Можетъ-быть, Изувѣровъ является совсѣмъ не изобрѣтателемъ, а только блѣднымъ копіистомъ того, что уже давно изобрѣтено жизнью?

Кто возьметъ на себя смѣлость утверждать, что это не

такъ? И кто не согласится, что изъ всѣхъ тайнъ, раскрытие которыхъ наиболѣе интересуетъ человѣческое существованіе, «тайна куклы» есть самая существенная, самая захватывающая?

8.—Чижиково горе.

Канарейку за Чижика замужъ выдали и свадьбу на славу спровоцировали. Въ магазинѣ «Забава и Дѣло» купили новенькую кирку; за пастора ученый Снигирь былъ; Скворцы величайшая пѣсни пѣли, а для наблюденія за порядкомъ полицеймейстеръ отрядъ Копчиковъ прислалъ. Чуть не со всего лѣса птицы слетѣлись на молодыхъ поглазѣть, да и поченныхъ гостей нашлось довольно. У Чиза было шаферомъ Зябликовъ, у Канарейки—Соловей. Самъ Ястребъ къ невѣстѣ въ посаженные отцы набивался, но родители, подъ благовиднымъ предлогомъ, отъ этой чести уклонились и пригласили глухого Тетерева, того самого, который еще при царѣ Горохѣ, во вниманіе къ дряхлости и потерѣ памяти, въ сенатъ посаженъ былъ.

И молодые, и родители, и поѣзжане—всѣ были веселы. Чижикъ выступалъ гордо и предвкушалъ; Канарейка перебирала носикомъ перышки; родители думали: «ну, слава Богу, одну дочку сбыли!» А поѣзжане мечтали о той горѣ конопляного сѣмени, маринованныхъ комаровъ, вареныхъ въ сахарѣ мухѣ и проч., которую имъ предстояло уничтожить на новосельѣ у Чижика. Только Ворона-вѣщунья безъ пути каркала: «не будетъ проку отъ этого брака! не будетъ! не будетъ! не будетъ!»

Хотя между людьми ворона и слышать глупою, однако птицы отлично знаютъ, что ежели она каркаетъ, то, значитъ, есть у нея на то основаніе. И точно: едва раздалось воронье карканье, какъ Кукушка первая прокувовала: «куку! какъ бы и въ самомъ дѣлѣ по-вѣщуниному не сбылось?» А за нею слѣдомъ въ томъ же смыслѣ свиснули: Синичка, Горихвостка, Пѣночка...

И всѣ начали всматриваться въ молодыхъ, начали припоминать. Обратились къ интимной исторіи этихъ двухъ существъ, за минуту передъ тѣмъ связавшихъ другъ друга неразрывными узами; вспомнили ихъ наклонности, вкусы, привычки. И, какъ и водится, въ резултатѣ вышла картина.

Чижикъ былъ малый простодушный и добрый, имѣлъ три характеристическихъ особенности: неприхотливость, акку-

ратность и домовитость. Сверхъ того, онъ былъ и немолодъ, хотя надежда, что, въ случаѣ чего, онъ еще можетъ за себя постоять, не покидала его. Всю жизнь онъ служилъ въ интенданскомъ вѣдомствѣ, дослужился тамъ до майорскаго чина и тамъ же образовалъ свой умъ и сердце. Взятое онъ не бралъ (царство хищенія кончилось), однако неприятными дѣйствіями успѣль-таки скопить капиталецъ. Однажды ему удалось пріобрѣсти, по слуху, хорошую партію канареечнаго єїмени, и вотъ тогда-то въ головѣ у него блеснула мысль: «женюсь на Канарейкѣ и буду жену и дѣтей канареечнымъ сѣменемъ кормить!» Отца и матери онъ, еще слѣткомъ будучи, лишился, наслѣдства никакого не получилъ, а потому охотно выставлялъ на видъ, что солиднымъ своимъ положеніемъ въ обществѣ обязанъ единственно самому себѣ. Даже ведёрко съ водой онъ выучился таскать самоучкою.

Таковъ былъ умственный и нравственный обликъ новобрачнаго. Особенныхъ поводовъ для симпатій онъ, конечно, не представлялъ, но съ легальной точки зрѣнія—это быть обывателемъ, какого лучше не надо.

Въ наружности его тоже не замѣчалось ничего обольстительного или блестящаго; напротивъ, вся его фигура поражала несомнѣнною будничностью и заурядностью. Даже Воробы смѣялись, какъ онъ, желая сказать дѣвицѣ комплиментъ, потряхивалъ фалдочками и пушталъ глаза въ-раскосъ. Да и комплименты выходили у него неинтересные: либо интенданскій анекдотъ разскажетъ, либо похвастается, что какъ бы дешево ни просилъ съ него извозчикъ, онъ ему всегда пятакомъ меныше даетъ, а ежели время терпитъ, то и пѣшкомъ дойдетъ.

— И вотъ, благодареніе Богу,— обыкновенно заканчивалъ онъ:—не только себя могу прокормить, но и семью-съ.

Родителямъ такія рѣчи очень нравились, и они такъ усердно ловили его въ свои силки, что однажды чуть-было совсѣмъ не удавили. Но дочки-дѣвицы называли его «интенданскую холерою» и при появлѣніи его мгновенно разлетались, хотя маменьки и приказывали имъ: «рестѣ!» И онъ не только не оскорблялся этими дѣвичьими поступками, но даже успокаивалъ родителей, говоря:

— Ничего-съ, я привыкъ-съ. Это въ нихъ дѣвичье-съ. Когда я въ интенданскомъ вѣдомствѣ служилъ, такъ одна Трясогузочка была-съ. Ну, такая, доложу вамъ,—отдай все да и мало! И тоже на первыхъ порахъ: хи-хи, да ха-ха!

Я ей говорю: «познакомимтесь, мамзель!» а она: «ахъ, нѣтъ, вы противный!» Словомъ сказать, я за неей, она—отъ меня! Туда-сюда... настигъ-сь! И что же-ѣть: впослѣдствіи даже хвалила!

— Такъ вотъ вы, Иванъ Ивановичъ, какой! — шутили родители.—Чего доброго, дѣтей у васъ на сторонѣ нѣть ли?

— Навѣрное сказать не могу, но поручиться не смѣю-сь. Природную слабость въ свое время въ совершенствѣ выполнилъ-сь. Вообще я насчетъ этого такъ полагаю: излишество допускать не слѣдуетъ, но въ пропорцію отчего же себѣ удовольствіе не предоставить! Я и отъ водки не отказываюсь, пью-сь; но не безъ просыпу-сь, а, какъ въ пѣснѣ поется, «по этой причинѣ-сь».

Въ послѣднее время онъ службу оставилъ. «Сыть-сь». Прихоти у него были небольшія, да и капиталецъ, который ему Богъ на службѣ послалъ, онъ крѣпко зажаль. Слѣдовательно, однихъ казенныхъ процентовъ ему за-глаза довольно, а ежели онъ свой капиталъ взаймы подъ вторыя закладныя раздастъ, такъ и дѣваться съ деньгами будетъ некуда-сь.

— Одѣжда у меня даровая, Богомъ предназначенная,—говорилъ онъ:—ѣмъ я тоже не покупное, а Богомъ предназначенное; а ежели удовольствіе себѣ захочу доставить, такъ и это дорогое не стойти: спою пѣсню—вотъ и правъ-сь! Слѣдственно, покуда есть на свѣтѣ мухи, пауки, червики и другая подобная снѣдь, и покуда я въ силахъ ловить, я обезпеченъ-сь. Ежели же силы меня оставятъ, тогда придется помереть. Что же такое-сь! И съ прочими птицами завсегда такъ бываетъ-сь!

Но ежели и на службѣ онъ ни о чемъ съ такимъ удовольствиемъ не мечталъ, какъ о семейномъ очагѣ, о самоварѣ, халатѣ, двуспальной кровати и другихъ идеалахъ семейнаго счастія, выработавшихся въ интендантскомъ вѣдомствѣ («что такое безсемейный Чижъ?—разсуждалъ онъ:—медицинскій терминъ, и больше ничего-сь!»), то, по выходѣ въ отставку, эта мысль начала угнетать его съ каждымъ днемъ все больше и больше. И вотъ, намѣтивши желтенькую Канарейку, онъ надѣлъ мундиръ, прицѣпилъ шпоры (все это онъ при отставкѣ, «въ воздаяніе», получилъ) и отправился къ родителямъ своей суженой рекомендоваться въ качествѣ жениха.

Въ первый разъ въ жизни восторгъ овладѣлъ его сердцемъ, въ первый разъ въ жизни онъ произѣлъ: «По улицѣ-мосто-

вой»—и не сфальшивиль! Страсть къ красавицѣ-Канарейкѣ до такой степени овладѣла всѣми его помыслами, что онъ, вопреки своей обычной осмотрительности, пренебрѣгъ даже спрятаться, чтѣ за птица была его невѣста, и есть ли за нею какое-нибудь приданое.

А это было, пожалуй, не лишнимъ, потому что невѣста была барышня свѣтская и образованная. Любила пожеманиться, принарядиться, пѣла: «*Si vous n'avez rien à me dire*», играла на органчикѣ: «*Le Ruisseau*» и скучала, ежели около нея кавалеровъ не было. Можетъ-быть, она и добрая была, да некогда ей было объ этомъ подумать. То новые фасоны изъ магазина привезутъ, то юнкера къ братцу въ гости прилетятъ. Такъ, промежь дѣль, доброты своей и не разсмотрѣла.

— Барышня, можно у васъ ножку поцѣловать?—приставали къ ней юнкера.

— Ахъ, какіе вы... ну, цѣлуйте!

Только и всего.

И родители у нея были свѣтскіе и тоже безъ гостей скучали. Папаша въ Канареечной губерніи пять трехлѣтій предводителемъ прослужилъ, четыре наслѣдства спустилъ, съ годъ тому назадъ послѣднее выкупное свидѣтельство проѣль, а теперь жилъ финансющими операциями и до того изловчился, что отъ извозчиковъ черезъ проходныя ворота улепетывалъ. Что касается до мамаши, то она какъ смолоду канарейкой была, такъ и подъ старость канарейкой осталась. Прыгала съ жердочки на жердочку, высматривала, нѣть ли гдѣ кавалеровъ, и съ благодарностью вспоминала, какъ она, будучи предводительшею, писаные пряники ъла, а Павлинъ-губернаторъ, завидѣвъ ее, хвостъ распускаль. Въ этомъ же духѣ она и старшенькую дочь свою воспитала.

— Я мою дѣвочку на высшіе курсы не посылаю,—сказала она Чижику, когда онъ посватался:—по-моему, умѣла бы дѣвушка по-французски, да съ жердочки на жердочку прыгать, да одѣться къ лицу, да гостей занять — вотъ и все, что для счастья женщины нужно!

— И хорошо сдѣлали, сударыня, что дѣвицу вашу въ страхѣ Божиѣмъ воспитали,—согласился Чижикъ.—Мужескому полу, дѣйствительно, необходимо географію знать, потому что, неровень часть, начальство приказываетъ летѣть, а куда—неизвѣстно! А дѣвицу всякий кавалеръ съ удовольствіемъ проводить. Лишь бы не заблудиться-сь.

— Ахъ, нѣть, на этотъ счетъ вы можете быть покойны,

майоръ! У меня такая дочка умница, что ежели даже съ уланомъ въ дремучй лѣсъ попадеть, то и тогда вотъ ни съ-естолько себя не повредить.

— Дай Богъ-съ!

Кромѣ этихъ трехъ личностей, въ семье была еще младшая дочь и два сына. Младшая дочь скорѣе на новорожденного галчонка, чѣмъ на канарейку (такъ ее и по имени звали: Галочка (Галина), а старшую дочь звали Прозерпиной), похожа была, и потому домашніе смотрѣли на нее, какъ на Сандрильону. Но она была дѣвушка добрая, прелестная семье и бодрая, и несмотря на то, что ею, какъ горничной, помыкали и каждымъ кускомъ попрекали, горячо любила и родителей, и сестру, и братьевъ. Обѣ одномъ только потихоньку плакала, что заботы по дому не позволяютъ ей на высшіе курсы ходить; что касается братьевъ, то старшій служилъ юнкеромъ въ уланскомъ полку и никакъ не могъ сдать экзаменъ изъ Закона Божія, а младшій ходилъ въ гимназію и не понималъ, затѣмъ начальству понадобилось, чтобы онъ греческій языкъ зналъ.

— Ну, на кой мнѣ, маменька, чортъ этотъ остолопій языкъ?—жаловался онъ мамашѣ своей.—Ну, латинскій—это я еще понимаю. „*Mons, parturiens tuis...*“ *tuis, turis...* *mons, montis...* *parturio, parturivi, parturire...* допустимъ! Рецептъ написать, цитату; въ передовую статью подпустить—готово! Но греческій... ну, зачѣмъ, спрашиваю я васъ, мнѣ греческій языкъ!

— Можетъ-быть, для поведенія?—догадывалась мать.

— Ахъ, маменька!

Цѣлый день въ этомъ домѣ шла суматоха и хлѣбосольство, цѣлый день гости. Съ жердочки на жердочку прыгаютъ, на органчикѣ играютъ, пѣсни поютъ. Канареечное сѣмя, цытварное, хлѣбъ въ молокѣ моченый, яичные желтки протертые—со стола не сходятъ, а между тѣмъ въ мелочную лавочку полгода по счету не плачено. Переvertывается старый Кенарь, словно выонъ на сковородѣ, придумывая, какъ ему деньгами раздобыться. Каждое утро только и дѣлаетъ, что по пріятелямъ летаетъ; одному скажетъ, что у него тетка на-дняхъ померла, такъ надо денегъ, чтобы наслѣдство получить; другому скажетъ, что у него въ занадѣльной землѣ каменный уголь проявился, а достать его безъ капитала нельзя; третьему просто-напросто объявить, что деньги до зарѣзу нужны. А иногда подойдетъ къ кому-нибудь изъ гостей-юнкеровъ и скажетъ: «Нѣтъ ли у васъ,

молодой человѣкъ, двугривенниаго, я вамъ завтра съ благодарностью отдашь». И давали. Но зато и жуировали. Прилетѣть уланы-юнкера, прижмутъ Прозерпиночку къ уголку и крутятъ усы. А бѣдная Галочка видѣть, какой опасности сестрица подвергается, и заливается-плачеть.

Такова была семья, въ которую вознамѣрился вступить Чижикъ. Всѣ соѣди знали, что старый Кенаръ до-тла прогорѣлъ, что старую Канарейку на-дняхъ еще видѣли, какъ она въ кустахъ съ Дроздомъ-ростовщикомъ шушукалась, что сама Прозерпиночка, подъ предлогомъ уроковъ пѣнія, къ Соловью летала, а потомъ будто бы жировое яичко снесла... Но Чижикъ словно ослѣпъ и оглохъ. Заручившись родительскимъ согласіемъ, онъ восторженно перелеталъ съ дерева на дерево, подстерегая, какъ его красотка-невѣста въ корытцѣ купается, и когда успѣвала подстеречь, то пѣлъ. Пѣль фальшиво и неистово, но—увы!—это былъ единственно доступный для него способъ возблагодарить Творца за оказанный ему въ сей жизни благодѣятія.

— Чувствую и знаю,—пѣлъ онъ:—что не по чину мнѣ милость сія, но потщусь заслужить ону въ будущемъ!

Впрочемъ, къ чести Прозерпиночки надо сказать, что она, будучи невѣстой, нимало не скрывала отъ Чижика своего равнодушія. Когда родители объявили ей, что майоръ сдѣлалъ ей честь, и что они уже заранѣе изъявили согласіе, она тутъ же засияла звонкимъ смѣхомъ и сказала:

— Ахъ, ташап, посмотрите, какой онъ уморительный!

И затѣмъ, когда родители съ намѣреніемъ оставили ихъ вдвоемъ, чтобы они поближе другъ друга узнали, у нихъ, вместо комплиментовъ, завязался довольно-таки откровенный разговоръ:

— Вы скучой?—спросила его Прозерпиночка.

— Я не скучъ, а бережливъ-сь,—отвѣтилъ Чижикъ.— Я такъ полагаю: зачѣмъ деньги зря бросать, коли можно своими средствами обойтись? Но для васть, чтобы вамъ удовольствіе сдѣлать, я и бережливость свою готовъ оставить-сь.

Высказавши это, майоръ любезно шаркнулъ ножкой, но—увы!—поступокъ этотъ не только не тронулъ Прозерпиночку, но, напротивъ, пробудилъ въ ней новый взрывъ веселости.

— Ахъ, какъ вы уморительно ножкой шаркаете! Шаркните еще, еще... вотъ такъ! Ха-ха! Что же вы дома Ѣдите? Гадость какую-нибудь?

— Самъ я ъмъ пищу, Богомъ пред назначенную. Преступу, но здоровую. А для васъ я канареечное сѣмя предоставлю-съ.

— Ахъ, нѣть, я салатъ больше люблю!

— И салатцу достать не диковинка-съ. Слетаю утре-комъ въ огородъ и нациплю по секрету-съ. Другому бы это большихъ денегъ стоило, а я для васъ и задаромъ спроворю!

— Ну, а какой же вы мнѣ подарокъ сдѣлаете? Недавно вотъ изъ Парижа новые фасоны манжетокъ прислали... подарите-ка! а?

— Съ превеликимъ моимъ удовольствиемъ-съ. Сегодня же Паукъ закажу, чтобы завтра чуть-свѣтъ были готовы.

— Да, но вѣдь такія манжетки дороги...

— Не изволите беспокоиться-съ! Придѣть ко мнѣ ужо Паукъ за деньгами, а я его сѣмъ-съ. Вотъ мы и будемъ квиты.

— Ха-ха! какой вы уморительный!

Такъ и пошло у нихъ: нѣть, чтобы сказать жениху «миленький» или «душечка», — «уморительный» и больше ничего. И чѣмъ дальше, тѣмъ невѣста дѣлалась развязнѣе и развязнѣе. Съ женихомъ почти вовсе не занималась, а окружала себя юнкерами и гимназистами и самымъ безсовѣстнымъ манеромъ шунтукалась съ ними.

— Знаете ли, майоръ, чтѣ мнѣ про вѣсъ рассказывали, — говорила она ему въ упоръ: — что вы въ послѣднюю войну армию и флотъ гнилыми сухарями кормили?

Онъ конфузился, но не опровергалъ; потому что хоть и не завѣдывалъ онъ сухарями, но все-таки былъ за нимъ грѣхъ: для лошадей сѣно со всячинкой заготовлялъ. А это, пожалуй, похоже гнилыхъ сухарей будетъ, потому что солдатъ — онъ пожаловаться можетъ, а у лошади и словъ-то для жалобы нѣть.

Ахъ, нехорошо онъ тогда поступалъ!

Иногда Прозерпиновка даже прямо всей компанией надѣ нимъ насмѣхалась. Задумаютъ, напримѣръ, молодые люди въ горѣлки играть, а онъ, постылый, тутъ же торчить. Вотъ и заставятъ его горѣть, да глаза вдобавокъ завяжутъ: лови! Бросится онъ стремглавъ впередъ, крылья распустить, летить, — а она съ подружками да съ юнкерами — въ кусты. Выглядываютъ оттуда и кричатъ: «лови, майоръ, лови!» — покуда онъ сразмаху о сосну грудью не треснется.

На первыхъ порахъ старая Канарейка побаивалась, какъ

бы майоръ не обидѣлся, и отъ времени до времени даже покрикивала на дочь: «финиссé!» Но когда убѣдилась, что съ майора какъ съ гуся вода, то маxнула рукой и только каждый вечеръ аккуратно обращалась къ жениху: «нѣть ли у васъ, майоръ, цѣлковаго? Мы вамъ завтра съ удовольствіемъ отдадимъ».

Одна только Галочка жалѣла бѣднаго Чижика, и кто знаетъ, не участвовало ли въ этомъ жалѣніи болѣе сладкое чувство... По крайней мѣрѣ однажды, поздно вечеромъ, когда майоръ, лѣниво шевеля крыльями, возвращался въ-сояси, Галочка обогнала его.

— Ну, къ лицу ли вамъ такую красотку любить?—сказала она ему.—Женитесь-ка лучше на мнѣ. Я васъ вотъ какъ поконить буду.

Но онъ словно одеревенѣлъ. Даже не выслушавъ порядкомъ Галочкиныхъ словъ и грубо отвѣтилъ:

— Кабы я на Галкѣ жениться хотѣлъ, то Галку бы и сваталъ за себя. А такъ какъ я къ сестрицѣ вашей присватался, то, стало-быть, съ ней и кругъ дѣйствія совершилъ желаю-сь.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы онъ ужъ совсѣмъ ничего не понималъ. Напротивъ, онъ очень многое и очень тонко понималъ. Но въ то же время онъ ясно видѣлъ, что пропалъ, и судьба его рѣшена безповоротно навсегда. Почему навсегда, — онъ не могъ себѣ дать въ этомъ отчета, а только одно твердилъ: «безповоротно, навсегда!»

И вотъ онъ женился. Послѣ свадьбы цѣлый вечеръ бражничали, такъ что и вечерняя заря ужъ съ часъ назадъ потухла, когда Чижикъ собрался на гнѣздашко съ молодою женой. Хорошо ему было, дивно! Теплая ночь благоухала; звѣзды въ темной синевѣ неба, какъ алмазы, играли, а онъ, Чижикъ, весь горѣлъ! Восторгъ катился по жиламъ его, дивный, опьяняющій восторгъ! Не то пѣть ему хотѣлось, не то рыдать, но въ то же время какая-то чуткая деликатность заставляла его сдерживать свои порывы. Сама Прозерпиночка, казалось, подчинилась обаянію этой страсти. Она томно закрыла глазки и, сладко вздрагивая, клюнула его носикомъ въ темячко... Но въ эту самую минуту вдругъ мимо чижикова дупла пронеслась пьяная процессія. Это были братцы въ сопровожденіи цѣлой оравы товарищей; они съ гиканьемъ и свистомъ гремѣли пѣсню: «Мальбругъ въ походъ поѣхалъ...» Заслышивъ эти звуки, молодая мгновенно переродилась. Въ ночномъ дезабильѣ выбѣжала она

на край дупла и вплоть до позднихъ пѣтуховъ проходила съ юнкерами. Чижикъ, одѣвшись въ мундиръ, стоялъ позади молодой жены и тоже старался веселиться. Но—увы!—онъ скоро убѣдился, что въ майорскомъ чинѣ веселость уже не къ лицу. Какъ онъ ни нудилъ себя, но чинъ, въ соединеніи съ преклоннымъ возрастомъ, взяли-таки свое. Глаза его сомкнулись сами собой, а черезъ минуту громкое сопѣніе наполнило всю внутренность дупла. Даже послѣдовавшій затѣмъ взрывъ смѣха не разбудилъ его. Такъ, въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, онъ и проспалъ свою медовую ночь.

Съ этой минуты онъ окончательно погибъ въ глазахъ молодой жены.

Когда онъ проснулся,—хотя это было еще очень рано,—Прозерпиночки ужъ и слѣдъ простила. Четоточка-дѣвушка, которую онъ для прислугъ нанялъ, доложила, что *барышня* къ мамашѣ улетѣли, и будуть ли дома кушать, или нѣт—неизвѣстно. «Барышня»!—это слово точно кипяткомъ его ошпарило!

Онъ выглянулъ изъ дупла и прыгнулъ на ближайшій сучокъ. Кругомъ царствовала мертвая тишина, которая предшествуетъ пробужденію и во время которой вся природа представляется какъ бы не живущею. Птицы еще не проснулись; даже листья на деревьяхъ не трепетали. Но востокъ уже алѣлъ, и майору показалось, что розоперстая Аврора, иронически привѣтствуя его, дѣлаетъ ему носъ. Очевидно, въ эту ночь въ его существованіи совершилось нѣчто важное, ложившееся на все его будущее неизгладимымъ темнымъ пятномъ; что ему предстояло выполнить какой-то долгъ,—весьма, впрочемъ, незатруднительный и всякому Чижу свойственный,—но онъ, какъ рабъ лѣнивый и лукавый, этотъ долгъ не осуществилъ...

Приступивъ къ всестороннему обсужденію своего положенія, онъ прежде всего скучавиль. Или, говоря словами науки, началъ разматривать дѣло съ точки зреянія причинъ, его породившихъ. По зависящимъ ли отъ него причинамъ онъ не осуществилъ своего долга, или по независящимъ? «Кабы я былъ этому дѣлу причиненъ, — говорилъ онъ себѣ:— ну, тогда точно! Хоть голову съ меня снимите, ежели я виноватъ,—слова не скажу! А то никакой съ моей стороны причины нѣть—и натко что сдѣлалось!» Но едва онъ придумалъ этотъ изворотъ, какъ тотчасъ же понялъ тщету его. Есть факты, относительно которыхъ законъ при-

чинности не допускается. Они должны быть осуществлены неизбежно, и никакая логомахия не возоздаст того, что должно было быть и чего не было. Нет для него оправданий! Нет! Ни один молодой мужъ, ни одна любящая мать, ни один судья присяжныхъ, ниже коронный судья—никакого другого приговора ему не вынесутъ, кроме словъ: «срамъ! срамъ! срамъ!»

Онъ долженъ быть отразить нападеніе пьяной ватаги онъ долженъ быть сдѣлать свое гнѣздо неприступнымъ, долженъ быть грудью защищать свое право на осуществление «долга», вступить, во имя долга, въ кровавый бой... *Qu'il mourut!*

— Срамъ-сь!—повторилъ онъ автоматически и автоматически же, не снимая мундира, растрепанный, съ тощимъ желудкомъ, полетѣлъ *tuda!*

Старая Канарейка уже проснулась и сидѣла злая-презлая. Кроме того, что съ ея Прозерпиной случился такой «срамъ», ночью прилетѣла къ ней въ гости изъ-за тридевятыхъ земель Канарейка-кузина и въ-конецъ растрявила ее своими рассказами. Она тоже выдала свою Милочку замужъ за Снигиря; но... какая разница! какая разница!

— Такъ Милочку мужъ любить!—говорить гостья:—такъ любить... *C'est tout un poème!* Представь себѣ...

Гостья склонялась къ уху кузины, шептала ей нѣчто и съ радостнымъ ужасомъ откидывалась назадъ, повторяя:

— Но представь себѣ удивленіе моей цыпочки!!!

А старая Канарейка слушала и злобно скрипѣла носикомъ.

— Ну, дай Богъ Милочкѣ... дай Богъ!—шептала она:— а вотъ мы... Кому счастье, а намъ... Твою Милочку мужъ вонъ какъ обрадовалъ, а у насъ... Кого другого, а Прозерпину мою, кажется, ужъ обглодкомъ назвать нельзя... И полночья, и рѣзвенчья... и щечки, и грудка... И что жъ! даже вниманія, мерзавецъ, не обратилъ!

— Est-ce possible?

Въ эту самую минуту явился Чижикъ. И только-что хотѣть принести оправданіе, какъ огорченная теща, указывая на дверь, закричала:

— Сортѣ! Срамъ, судары! Срамъ! срамъ! срамъ!

А за нею, словно эхо, и кузина повторила:

— Срамъ! Срамъ! срамъ!

Оглушенный, онъ хотѣть летѣть, куда глаза глядятъ, но у него даже крылья какъ будто перешли. Онъ пошелъ по дорожкѣ, направляясь къ своему дуплу и думая скрыть

въ немъ свой срамъ; но птицы уже проснулись и все знали. И хотя ни одна ему ничего «подходящаго» въ глаза не говорила, а нѣкоторыя даже подлетали и поздравляли, но онъ совершенно ясно видѣлъ, что у всѣхъ въ глазахъ было написано:

— Срамъ! срамъ! срамъ!

Къ вечеру однако же Прозерпиночка воротилась, но, не сказавши: «бонжуръ», прямо пролетѣла въ свое гнѣздашко.

— Милая! миленъкая! ангельчикъ!—свистнула ей вслѣдъ майоръ, и такъ жалобно, что Чечоточка, хоть и изъ простого званія птичка, а прослезилась.

Но Прозерпиночка не отвѣтила ни однимъ звукомъ, и Чижикъ слышалъ только, какъ она лапками раздвигала въ гнѣздашко пухъ, устраивая себѣ на ночь постельку.

— Супруга, Богомъ мнѣ данная!—не свистнула, а какъ-то взмыль майоръ и залился слезами.

Но и на этотъ призывъ Прозерпиночки промолчала. Онъ подошелъ къ ея постелькѣ и склонился надъ нею; но она уже спала или, скорѣе всего, притворялась спящую.

И эту ночь пришлось майору провести въ одиночествѣ. Мундиръ, конечно, онъ снялъ, но брюки снять не рѣшался, чтобы не сконфузить Прозерпиночку. А на другое утро, какъ ни рано онъ проснулся, Прозерпиночки уже не было: опять улетѣла къ родителямъ.

Майорскій мартирологъ начался.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца молодая жена ни однимъ словомъ съ нимъ не перемолвилаась. Каждый вечеръ прилетала она въ Чижиково дупло, укладывалась въ гнѣздашко и каждое утро исчезала такъ таинственно и проворно, что майоръ никакъ ее не могъ подстеречь. Раза четыре въ теченіе этого времени прилетала она въ сопровожденіи ватаги юнкеровъ и гимназистовъ, призывала Чечоточку и заказывала ей богатый ужинъ. Но и она, и ея сопутыльники самымъ наглымъ образомъ шили и ѿли на глазахъ у Чужика и ни разу даже спасибо ему не сказали, точно онъ былъ не хозяинъ своего дупла, а сторожъ при немъ. Въ жениномъ семействѣ майора иначе не звали, какъ «мерзавцемъ».

— А «мерзавецъ»-то опять выигрышный билетъ купилъ!—сообщала старая Канарейка загостиившейся кузинѣ.

Или:

— Скоро, кажется, «мерзавецъ» съ ума сойдетъ. Задумываться началь!

Одинъ старый Кенаръ (тесть) отъ времени до времени посыпалъ майора, утѣшалъ его и даже обѣщалъ выѣхать Прозерпиночку; но обѣщанія не выполнилъ, а только выманилъ у зятя цѣлую уйму двугривенныхъ.

Прошелъ и еще мѣсяцъ. Отношенія Прозерпиночки къ майору нѣсколько измѣнились, но не къ лучшему. Канарейка постепенно вошла въ свою роль, обнаглѣла. Она уже не разыгрывала молчальницу, но обращала къ Чижику свою рѣчь такимъ тономъ, какимъ должна говорить королева съ какимъ-нибудь безвѣстнымъ дворцовымъ истопникомъ.

— Денегъ надо,—говорила она.

— Сколько-съ?

— Не «сколько», а давайте!

Ни сколько, ни на какой предметъ—молчокъ. Можетъ-быть, она поступала такъ съ умысломъ, желая повредить Чижику душу; но, можетъ-быть, и безъ умысла, «такъ». Душа Канарейки—потемки, и ни одинъ мудрецъ не разбереть, гдѣ въ ней кончается граціозное порханіе мысли, и гдѣ начинается мучительство. Какъ бы то ни было, Чижикъ не прекословилъ. Онъ уходилъ на минуту въ заднее отдѣленіе дупла и дрожащими руками выносилъ оттуда свою копилку. И покуда она зря черпала въ розыпки серебряныхъ пятаковъ и какъ-то странно при этомъ улыбалась, онъ чувствовалъ, что у него душу вынимаютъ. Не потому, чтобы онъ былъ скучъ, а потому, что отъ природы имѣть потребность во всякое время знать состояніе своей кассы въ точности.

Ограбивши мужчину кассу, она улетала, а черезъ часъ онъ уже видѣлъ и результаты произведенного грабежа. Прозерпиночка, во главѣ цѣлаго косяка уланъ и свѣтскихъ дамъ полулегкаго поведенія, съ шумомъ и пѣснями пролетала мимо и садилась на ближайшую поляну. Тамъ устраивался, на Чижиковъ счетъ, веселый пикникъ, и вся вата, вплоть до вечерней зари, кутила, пѣла, водила хороводы и по временамъ разлеталась въ кусты для отдохновенія.

Однажды вечеромъ Прозерпиночка прилетѣла домой въ необыкновенно-возбужденномъ состояніи. Летала по дуплу («чуть грудочку себѣ не расшибла!»), кружилась, пѣла, смѣялась, плакала... Майоръ смотрѣлъ на нее сначала испуганно, но потомъ вдругъ умилился. Его голову озарила несчастная мысль, что Прозерпиночкѣо сердце раствори-

лось, что испытаниемъ его наступилъ конецъ, что она сама пидеть къ нему навстрѣчу... идеть для того, чтобы упоить его блаженствомъ, блаженствомъ, блаженствомъ безъ конца! Сладкое и въ то же время жгучее волненіе овладѣло всѣмъ его существомъ и пробудило въ немъ смѣлость, не всякому интенданскому майору свойственную. Въ чаду страсти онъ тихонько подкрался къ Прозерпиночкѣ, въ ту минуту, когда она, вперивши глаза въ темное пространство, стояла у входа, и тихонько стукнулъ ее носикомъ въ темячко.

— Дуракъ! —крикнула она ему въ упоръ и, уклонившись отъ его объятій, порхнула вонъ изъ дупла.

Это былъ съ ея стороны очень рѣшительный шагъ. До тѣхъ поръ она улетала днемъ, теперь — улетѣла ночью!

На другое утро она, однако, вернулась; но цѣлый день скучала, плакала, нигдѣ мѣста себѣ найти не могла. А вечеромъ, едва майоръ засопѣлъ, опять улетѣла.

Такъ продолжалось цѣлыхъ двѣ недѣли. Ночью —тайно-исчезновеніе, днемъ — истерики, слезы. Майоръ весь изстрадался, ходилъ за ней по пятамъ, держа въ носикѣ, на случай дурноты, ведёрочко съ водой, и слезно убѣждаль:

— Выкушай водицы! Откройся мнѣ! Ну, не какъ мужу — увы! — я этого счастья не заслужилъ! — какъ отцу, какъ брату. Кто тебя, мою пичужечку, обидѣлъ?

— Дуракъ!...

Наконецъ, она не возвратилась совсѣмъ. Ждалъ майоръ день, ждалъ другой и рѣшился... ждать безъ конца. Тяжкое время для него настало, время полнаго одиночества. Жена бросила; родственники, не предупредивши ни словомъ, скрылись, — должно-быть, и впрямь старый Кенаръ послѣ тетки наслѣдство получилъ, — а прочимъ птицамъ ему было совсѣмъ въ глаза смотрѣть, потому что онъ все-таки не смылъ своего позора, не оправдалъ себя. Даже девушка-Чечоточка, и та разсчету потребовала и гдѣ-то на чердакѣ съ Воробьевъ гнѣздо свила.

До сихъ поръ у него хоть страданія были, страданія жгучія, острыя, которыя давали ему возможность метаться отъ боли, проклинать... и надѣяться; теперь страданія остались, но приняли тупую форму, которая сковывала его движения, парализировала волю и наполняла будущее безразсвѣтнымъ мракомъ...

Между тѣмъ наступила осень; птицы усиленно захлопотали около гнѣздъ; онъ одинъ ничего не предпринималъ,

не решаясь, лететь ли на теплые воды, или остаться на родинѣ. Полились дожди, задули холодные вѣтры; роща обнажилась и тоскливо шумѣла; ночи сдѣлались долгія, темныя. А онъ цѣлые ночи напролетъ, голодный и холодный, просиживалъ, не смыкаючи очей, у входа своего неухиченаго дупла и ждалъ. Сколько разъ хищная Сова пролетала мимо, задѣвая крыломъ за его дупло! сколько разъ заглядывалъ въ дупло кровожадный Бурундукъ! Но, по счастливой случайности, ни Сова, ни Бурундукъ не потребовали его. Очень возможно, что, съ точки зрѣнія съѣдѣбности, онъ представлялъ для хищниковъ уже слишкомъ ничтожную величину; но возможно и то, что хищники знали, какой онъ былъ въ свое время дѣльный интенданцкій офицеръ, и, не желая лишать отечество его услугъ въ будущемъ, щадили...

Понимая, что жизнь его разбита, онъ невольно обращалъ свою мысль къ прошлому. Все тамъ было такъ чисто, аккуратно, что сердце вчужѣ радовалось. Да и не безъ пріятностей-съ. Не одни интенданцкія мѣропріятія, но, напримѣръ. Трясогузочка-съ. Что за шустренъкая, аккуратненькая была дѣвушка... точно огурчикъ! И тоже сначала: «ахъ, какой вы уморительный!» Уморительный да уморительный, да вдругъ: «ахъ, миленький, какая я была глупенъкая! Сколько задаромъ времени потеряла!» Жениться бы ему на ней, а онъ вмѣсто того съ шестерыми ребятами ее бросилъ! Или опять: заѣхать онъ разъ къ Перепѣлочкѣ-вдовѣ, которая постоянный дворъ при дорогѣ держала и просомъ да гречневой крупой поторговывала. Слово-заслово: «Почемъ просо? крупа почемъ-съ? Чай, скучно вамъ однѣмъ безъ мужа, сударыня?»—смотретьъ, аинъ и огни вездѣ потушили... И тутъ бы ему жениться слѣдовало, а онъ побѣжалъ—и былъ таковъ!

Хорошо было тогда, дивно! И тѣмъ безчеловѣчнѣе онъ въ ту пору съ Трясогузками и Перепѣлками поступалъ, тѣмъ больше гордился, тѣмъ больше слыхать себѣ похвали. Всѣ интенданцкіе писаря говорили о немъ: «у насть майоръ лихой... ишь ножками сѣменить, ишь похаживаетъ—такъ имъ, дурамъ, и надо!»

— Ба! да не поступить ли опять въ интенданство?—Что же такое! Взять перо, написать просьбу—примутъ, право, съ удовольствіемъ примутъ.

Но едва появилась эта мысль, какъ онъ уже гналь ее отъ себя. Не о Трясогузкахъ и Перепѣлкахъ онъ долженъ

думать—нѣтъ, не о нихъ! Отнынѣ ему предстоитъ одно: изнывать отъ боли и ждать. Ждать свою безцѣнную желтенькую барышню, свою Богомъ данную жену! Прилетить она, вотъ увидите, ужѣ прилетить!

По временамъ, однако-жь, онъ возмущался. Но не самъ собою, а подъ вліяніемъ наущенія неблагонамѣренныхъ итицъ, которыхъ прилетали къ нему попросить денегъ взаймы. Въ особенности тлетворно дѣйствовалъ на него въ этомъ смыслѣ Дроздъ. Онъ начиналъ всегда съ того, что выражать соболѣзнованіе по поводу его одиночества и затѣмъ, переходя съ одного соболѣзнованія къ другому, очень ловко инсипнуровалъ, что по нынѣшнему времени и развестисьничего не стѣтъ.

— Нанять аблаката—и дѣло съ концомъ!—убѣждаль онъ:—аблакатъ тебѣ все въ одночасье свертитъ. Право, другъ, разведись! Чѣдна нее, на шлюху, смотрѣть!

А кромѣ Дрозда, и Зябликъ его смущалъ; но этотъ былъ противъ развода, а совѣтовалъ въ «волостную» прошеніе подать.

— Много для нихъ чести будетъ, коли со всякой шлюхой разводиться придется,—говорилъ онъ:—ступай прямо въ «волостную»; такую ли ей тамъ баню зададутъ—до новыхъ вѣниковъ не забудеть!

И вотъ однажды майоръ поддался искушенію. Полетѣлъ въ Петербургъ и прямо отъявился къ аблакату Балалайкину.

— Хочу отъ живой жены на другой жениться—орудуй!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Балалайкинъ:—я самъ отъ четырехъ живыхъ женъ на пятой женатъ и вотъ, какъ видите, даже въ арестантскихъ ротахъ не сиживалъ!

Но уже по тону, которымъ Балалайкинъ эти слова сказалъ, Чижикъ понялъ, что проку отъ его ходатайства ждать нельзя. Заплативъ Балалайкину двугривенный (за одно вранье!), онъ, скрѣпя сердце, направилъ свой полетъ въ «волостную»; но и тутъ потерпѣлъ неудачу.

— Приведи ее, мы выпоремъ,—отвѣтили ему совершенно резонно.—А коли будешь и впредь безъ поличнаго здѣшнее мѣсто утруждать, мы тебя самого разложимъ; не посмотримъ, что ты майоръ.

Это было, такъ сказать, послѣдній проблескъ бунтующей плоти. Онъ воротился домой и окончательно присмирѣлъ.

Прошла зима. Полузамерзшій, наголодавшійся, чуть живой, Чижикъ вылѣзъ изъ своего дупла и едва-едва долетѣлъ до

рѣчки. Ледъ былъ уже настолько слабъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались полыни. Къ одной изъ нихъ онъ приблизился, надѣясь чѣмъ-нибудь поживиться, какою-нибудь ветошью: но, увидѣвъ въ водѣ свое изображеніе, такъ и ахнулъ. За зиму онъ до того похудѣлъ, осунулся, отошелъ, что мундиръ висѣть на немъ какъ на вѣшалкѣ. Отъ прежняго, аккуратнѣо застегнутаго, чистенькаго и сътенькаго Чижика не осталось и слѣда; даже шпоры — и тѣ неизвѣстно куда дѣвались. Съ тоскою въ сердцѣ вернулся онъ въ дупло и сразу утратилъ вѣру въ болѣе свѣтлое будущее.

Что пользы, ежели онъ и дождется ея, — какое онъ сдѣлаетъ ей привѣтствіе? какія представить доказательства супружеской любезно-вѣрной преданности?

И вдругъ, въ одинъ теплый майскій вечеръ, она воротилась. Воротилась худая, больная, истрапанная и какъ будто *не въ себѣ*. Хохолокъ на головкѣ былъ выщипанъ, перышки на крыльяхъ помяты, хвостикъ жиdenькій; даже желтенькое платьице выцвѣло и посѣрѣло. И вся дрожала, не то отъ холода, не то отъ стыда. Насилу Чижикъ ее узналъ.

— Вотъ и я пришла! — сказала она.

— Живи! — отвѣтилъ ей Чижикъ.

Только и разговору промежъ нихъ было. О прошломъ — молчокъ, о будущемъ — ни-гу-гу.

И живутъ съ тѣхъ поръ другъ другъ подъ друга въ одномъ дуплѣ, молчать и все о чёмъ-то думаютъ. Можетъ-быть, ждутъ чуда, которое растворить ихъ сердца и наполнить ихъ ликованіями прошенія и любви; но, можетъ-быть, сознаютъ себѣ окончательно раздавленными и угрюмо ропщутъ. Онъ: «ахъ, разбила ты мою жизнь, кукла безчувственная!» Она: «ахъ, заѣль ты мою молодость, распостылый майоръ!»

9.—Вѣрный Трезоръ.

Служилъ Трэзорка сторожемъ при лабазѣ московскаго 2-й гильдіи купца Воротилова и недреманнымъ окомъ хозяйское добро сторожилъ. Никогда отъ конуры не отлучался: даже Живодерки, на которой лабазъ стоялъ, настоящимъ образомъ не видать; съ утра до вечера такъ на цѣпи и скачеть, такъ и заливался! *Caveant consules!*

И премудрый былъ, никогда ва своихъ не лаять, а все на чужихъ. Пройдетъ, бывало, хозяйствскій кучерь овесь во-

ровать—Трезорка хвостомъ машеть, думаеть: «много ли кучеру нужно!» А случится прохожему по своему дѣлу мимо двора идти—Трезорка еще гдѣ заслышишь: ахъ, батюшки, воры!

Видѣль купецъ Воротиловъ Трезоркину услугу и говорилъ: «цѣны этому псу нѣть!» И ежели случалось въ лабазъ мимо собачьей конуры проходить, непремѣнно скажетъ: «дайте Трезоркѣ помоеvъ!» А Трезорка изъ кожи отъ восторга лѣзеть: рады стараться, ваше степенство!.. хамъ-амъ! почивайте, ваше степенство, спокойно... хамъ... амъ... амъ... амъ!

Однажды даже такой случай былъ: самъ частный приставъ къ купцу Воротилову на дворъ пожаловалъ—такъ и на него Трезорка вѣзрился. Такой содомъ поднялъ, что и хозяинъ, и хозяйка, и дѣти—всѣ выбѣжали. Думали, грабить; смотрять—ань гость дорогой!

— Вашескородіе! милости просимъ! Цыцъ, Трезорка! Ты это чтѣ, мерзавецъ? Не узналъ? а? Вашескородіе! водочки? закусить-сь?

— Благодарю. Прекраснѣйшій у васъ пёсикъ, Никаноръ Семенычъ, благонамѣренный!

— Такой песъ! такой песъ! Другому человѣку такъ не понять, какъ онъ понимаетъ!

— Собственность, значитъ, признаетъ, а это, по нынѣшнему времени, ахъ какъ пріятно!

И затѣмъ, обернувшись къ Трезоркѣ, присовокупилъ:

— Лай, мой другъ, лай! Нынче и человѣкъ, ежели который съ отличной стороны себя зарекомендовать хочетъ,—и тотъ по-пёсему лаять обязывается!

Три раза Воротиловъ Трезорку искушалъ, прежде чѣмъ вполнѣ свое имущество довѣрилъ ему. Нарядился воромъ (удивительно, какъ къ нему этотъ костюмъ шелъ!). выбралъ ночь потемнѣе и пошелъ въ амбаръ воровать. Въ первый разъ корочку хлѣбца съ собой взялъ,—думаль этимъ его соблазнить,—а Трезорка корочку обнюхалъ, да какъ вѣпится ему въ икрѣ! Во второй разъ цѣлую колбасу Трезоркѣ бросилъ: «пиль, Трезорушка, пиль!»—а Трезорка ему фалду оторвалъ. Въ третій разъ взялъ съ собой рублевую бумажку замасленную—думаль, на деньги песь пойдетъ; а Трезорка, не будь простъ, такого трезвону поднялъ, что со всего квартала собаки сбѣжались: стоять да дѣвуются, съ чего это хозяйскій песъ на своего хозяина заливается?

Тогда купецъ Воротиловъ, собралъ домочадцевъ и при вѣхъ сказалъ Трезоркѣ:

— Препоручаю тебѣ, Трезорка, всѣ мои потроха: и жену, и дѣтей, и имущество—стереги! Принесите Трезоркѣ помоесть!

Понялъ ли Трезорка хозяйствскую похвалу, или ужъ самъ собой, въ силу собачьей природы, лай изъ него словно изъ пустой бочки валилъ—только совсѣмъ онъ съ тѣхъ поръ изсобачился. Однимъ глазомъ спить, а другимъ глядѣть, не лѣзетъ ли это въ подворотню, скакать устанеть—ляжетъ, а цѣпью все-таки погромыхиваетъ: вотъ онъ я! Накормить его позабудутъ—онъ даже очень радъ: ежели, дескать, каждый-то день пса кормить, такъ онъ, чего доброго, въ одну недѣлю разоисцѣть! Пинками его челядинцы надѣлять—онъ и въ этомъ полезное предостереженіе видить, потому что ежели пса не бить, онъ и хозяина, того гляди, позабудетъ.

— Надо съ нами, со псами, серьезно поступать,—разсуджалъ онъ:—и за дѣло бей, и безъ дѣла бей—впередъ наука! Тогда только мы, псы, настоящими псами будемъ!

Однимъ словомъ, быль песь съ принципами и такъ высоко держалъ свое знамя, что прочіе псы поглядѣть-поглядѣть, да и подожмутъ хвостъ—куды тебѣ!

Ужъ на что Трезорка дѣтей любилъ, однако и на ихъ искушенія не сдавался. Подойдуть къ нему хозяйствія дѣти:

— Пойдемъ, Трезорушка, съ нами гулять!

— Не могу.

— Не смѣешь?

— Не то что не смѣю, а права не имѣю.

— Пойдемъ, глупый, мы тебя потихоньку... никто не увидитъ!

— А совѣсть...

Подожметъ Трезорка хвостъ и спрячется въ конуру отъ соблазна подальше.

Сколько разъ и воры сговаривались: «поднесемте Трезоркѣ альбомъ съ видами Замоскворѣчья»; но онъ и на это не польстился.

— Не требуется мнѣ никакихъ видовъ,—сказалъ онъ:—на этомъ дворѣ я родился, на немъ же старая кости сложу—какихъ еще видовъ нужно? Уйдите до грѣха!

Одна за Трезоркой слабость была: Кутъку крѣпко любилъ, но и то не всегда, а временно.

Кутъка на томъ же дворѣ жила и тоже была собака добрая, но только безъ принциповъ. Полаетъ и перестанетъ.

Поэтому ее на цепи не держали, а жила она больше при хозяйской кухнѣ и около хозяйствихъ дѣтей вертѣлась. Много она на своемъ вѣку сладкихъ кусковъ сѣла и никогда съ Трезоркой не подѣлилась; но Трезорка нимало за это на нее не претендовала: на то она и дама, чтобы сладенько поѣсть. Но когда Кутькино сердце начинало говорить, то она потихоньку взвизгивала и скреблась лапой въ кухонную дверь. Засыпавъ эти тихія всхлипыванья, Трезорка, съ своей стороны, поднималъ такой неистовый и, такъ сказать, характерный вой, что хозяинъ, понимая его значеніе, самъ спѣшилъ на выручку своего имущества. Трезорку спускали съ цепи и на мѣсто его сажали дворника Никиту. А Трезорка съ Кутькой, изволиванные, счастливые, убѣгали къ Сернуховскимъ воротамъ.

Въ эти дни купецъ Воротиловъ дѣлался золь, такъ что когда Трезорка возвращался утромъ изъ экскурсіи, то хозяинъ билъ его арапникомъ нещадно. И Трезорка, очевидно, сознавалъ свою вину, потому что не подѣгалъ къ хозяину гоголемъ, какъ это дѣлаютъ исполнившіе свой долгъ чиновники, а униженно и поджавши хвостъ подползть къ ногамъ его: и не выль отъ боли подъ ударами арапника, а потихоньку взвизгивалъ: *теа culpa! теа тахіта culpa!* Въ сущности, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать, что, поступая такимъ образомъ, хозяинъ упускалъ изъ вида иѣкоторыя смягчающія обстоятельства: но въ то же время, разсуждая логически, онъ приходилъ къ заключенію, что ежели его въ такихъ случаяхъ не бить, то непремѣнно онъ разопѣбѣтъ.

Но что было особенно въ Трезоркѣ дорого, такъ это совершенное отсутствіе честолюбія. Неизвѣстно, имѣлъ ли онъ даже понятіе о праздникахъ и о томъ, что къ праздникамъ кутицы имѣютъ обыкновеніе дарить вѣрныхъ своихъ слугъ. Никаноры ли («самъ» именинникъ), Анфисы ли («сама» именинница) на дворѣ—онъ, все равно что въ будни, на цепи скакать!

— Да замолчи ты, постылый!—крикнетъ на него Анфиса Карповна:—знаешь ли, какой сегодня день?

— Ничего, пусть лаетъ,—пошутилъ въ отвѣтъ Никаноръ Семенычъ:—это онъ съ ангеломъ поздравляетъ! Лай, Трезорушка, лай!

Только разъ въ немъ проснулось что-то въ родѣ честолюбія—это когда бодливой хозяйской коровѣ Рохлѣ, по требованію городского пастуха, колоколь на шею привѣсили.

Признаться сказать, позавидоваль-таки онъ, когда она пошла по двору звонить.

— Вотъ тебѣ счастье какое; а за что?—сказалъ онъ Рохль съ горечью.—Только твоей и заслуги, что молока полведра въ день изъ тебя надоять, а, по-настоящему, какая же это заслуга! Молоко у тебя даровое, отъ тебя независящее: хорошо тебя кормятъ — ты много молока даешь; плохо кормятъ — и молоко перестанешь давать. Ко-пыта обѣ копыто ты не ударишь, чтобъ хозяину заслужить, а вотъ тебя какъ награждаютъ! А я вотъ самъ отъ себя, *motu proprio*, день и ночь маюсь, не доѣмъ, не досплю, инда осинъ отъ беспокойства,—а мнѣ хоть бы гремушку кинули! Вотъ, дескать, Трезорка, знай, что услугу твою видяты!

— А цѣнь-то?—нашлась Рохля въ отвѣтъ.

— Цѣнь?

Тутъ только онъ понялъ. До тѣхъ поръ онъ думалъ, что цѣнь есть цѣль, а оказалось, что это нечто въ родѣ какъ масонскій знакъ. Что онъ, стало-быть, награжденъ уже изначала, награжденъ еще въ то время, когда ничего не заслужилъ. И что отнынѣ ему слѣдуетъ только обѣ одномъ мечтать: чтобъ старую, проржавленную цѣнь (онъ ее однажды уже порвалъ) сняли и купили бы новую, крѣпкую.

А купецъ Воротиловъ точно подслушать его скромно-честолюбивое вожделѣніе: подъ самый Трезоркинъ праздничъ купилъ совсѣмъ новую, на диво выкованную цѣнь и сюрпризомъ прилепилъ ее къ Трезоркину ошейнику.—«Лай, Трезорка, лай!»

И зазился онъ тѣмъ добродушнымъ, заливистымъ лаемъ, какимъ лаютъ псы, не отдѣляющіе своего собачьяго благополучія отъ неприкосновенности амбара, къ которому опредѣлила ихъ хозяйская рука.

Въ общемъ Трезоркѣ жилось отлично, хотя, конечно, отъ времени до времени не обходилось и безъ огорченій. Въ мірѣ псовъ, точно такъ же, какъ и въ мірѣ людей, лесть, пронырство и зависть нерѣдко играютъ роль, вовсе имъ по праву не принадлежащую. Не разъ приходилось и Трезоркѣ испытывать уколы зависти; но онъ былъ сильнъ сознаніемъ исполненного долга и ничего не боялся. И это вовсе не было съ его стороны самомнѣніемъ. Напротивъ, онъ первый готовъ былъ бы уступить честь п мѣсто любому новоявленному Барбосу, который доказалъ бы свое первенство въ дѣлѣ непреоборимости. Нерѣдко онъ даже съ

тревогою подумывалъ о томъ, кто заступить его мѣсто въ ту минуту, когда старость или смерть положить предѣль его нестомчивости... Но—увы!—во всей громадной стаѣ измельчавшихъ и излаявшихъ псовыхъ населявшихъ Живодерку, онъ, по совѣсти, не находилъ ни одного изъ котораго могъ бы съ увѣренностью указать: вотъ мой преемникъ! Такъ что когда интрига задумала во чѣмъ бы то ни стало уронить Трезорку въ мнѣніи купца Воротилова, то она достигла только одного — и притомъ совершенно для нея нежелательнаго—результата, а именно: выказала повальное оскудѣніе псовыхъ талантовъ.

Не разъ завистливые Барбосы и въ одиночку, и небольшими стайками собирались во дворъ купца Воротилова, садились поодаль и вызывали Трезорку на состязаніе. Поднимался нес совсѣмъ собачий стонъ, который наводилъ ужасъ на всѣхъ домочадцевъ, но къ которому хозяинъ дома прислушивался съ любопытствомъ, потому что понималъ, что близко время, когда и Трезору понадобится подручный. Въ этомъ неистовомъ хорѣ выдавались голоса недурные; но такого, отъ котораго внезапно заболѣлъ бы животъ со страху, не было и въ поминѣ. Иной Барбось выказывалъ недюжинныя способности, но непремѣнно или перелаетъ, или не доласть. Во время такихъ состязаній Трезорка обыкновенно умолкалъ, какъ бы давая противникамъ возможность высказаться, но подъ-конецъ не выдерживалъ и къ общему стону, каждаяnota котораго свидѣтельствовала объ искусственномъ напряженіи, присоединяя свой собственный свободный и трезвенный лай. Этотъ лай сразу устранилъ всѣ сомнѣнія. Заслышиавъ его, кухарка выбѣгала изъ стоящющей и оппаривала коноводовъ интриги кипяткомъ. А Трезоркѣ приносила помоецъ.

Тѣмъ не менѣе, купецъ Воротиловъ былъ правъ, утверждая, что ничто подъ луною не вѣчно. Однажды утромъ воротиловскій приказчикъ, проходя мимо собачьей конуры въ амбаръ, засталъ Трезорку спящимъ. Никогда этого съ нимъ не бывало. Спалъ ли онъ когда-нибудь—вѣроятно, спалъ,—никто этого не зналъ и, во всякомъ случаѣ, никто его спящимъ не заставалъ. Разумѣется, приказчикъ не замедлилъ доложить обѣмъ казусъ хозяину.

Купецъ Воротиловъ самъ вышелъ къ Трезоркѣ, взглянуль на него и, видя, что онъ повинно шевелить хвостомъ, какъ бы говоря: и самъ не понимаю, какъ со мной грѣхъ случился!—безъ гнѣва, полнымъ участія голосомъ, сказалъ:

— Чё, старикъ, на кухню собрался? Стара стала— слаба стала? Ну, ладно! Ты и на кухнѣ службу сослужить можешь.

На первый разъ, однако-жъ, рѣшились ограничиться присланіемъ Трезоркѣ подручнаго. Задача была нелегкая; тѣмъ не менѣе, послѣ значительныхъ хлопотъ, успѣли-таки отыскать у Калужскихъ воротъ иѣкоего Арапку, репутація котораго установилась уже довольноочно.

Я не стану описывать, какъ Арапка первый призналь авторитетъ Трезорки и безпрекословно ему подчинился, какъ оба они подружились, какъ Трезорку, съ теченіемъ времени, окончательно перевели въ кухню и какъ, несмотря на это, онъ бѣгалъ къ Арапкѣ и безкорыстно обучалъ его приемамъ подлиннаго купеческаго пса... Скажу только одно: ни досугъ, ни обиліе сладкихъ кусковъ, ни близость Кутьки не заставили Трезорку позабыть тѣ вдохновенные минуты, которыхъ онъ проводилъ, сидячи на цѣни и дрожа отъ холода въ длинныя зимнія ночи.

Время, однако-жъ, шло, и Трезорка все больше и больше старѣлся. На шеѣ у него образовался зобъ, который пригибалъ его голову къ землѣ, такъ что онъ съ трудомъ вставалъ на ноги; глаза почти не видѣли; уши висѣли неподвижно; шерсть свалилась и линяла клочьями; аппетитъ исчезъ, а постоянно ощущаемый холодъ заставлялъ бѣднаго пса жаться къ печкѣ.

— Воля ваша, Никаноръ Семенычъ, а Трезорка началь паршивѣть,—должила однажды купцу Воротилову кухарка.

На этотъ разъ, однако, купецъ Воротиловъ не сказалъ ни слова. Тѣмъ не менѣе кухарка не унялась и черезъ недѣлю опять должна была:

— Какъ бы дѣти около Трезорки не испортиться... Опаршивѣть онъ вовсе.

Но и на этотъ разъ Воротиловъ промолчалъ. Тогда кухарка, черезъ два дня, вбѣжала уже совсѣмъ обозленная и объявила, что она ни минуты не останется, ежели Трезорку изъ кухни не уберутъ. И такъ какъ кухарка мастерски готовила поросенка съ кашей, а Воротиловъ безумно это блюдо любилъ, то участъ Трезоркина была решена.

— Не къ тому я Трезорку готовилъ,—сказать купецъ Воротиловъ съ чувствомъ:—да, видно, правду пословица говорить: «собакѣ—собачья и смерть»... Утопить Трезорку!

И вотъ вывели Трезорку во дворъ. Вся челядь высыпала, чтобы посмотреть на предсмертнуюagonію вѣрнаго

пса; даже хозяйскія дѣти окно обсыпали. Арапка былъ тутъ же и, увидѣвъ старого учителя, привѣтливо замахалъ хвостомъ. Трезорка отъ старости еле передвигалъ ногами и, повидимому, не понималъ; но когда началъ приближаться къ воротамъ, то силы оставили его и надо было его тащить волокомъ за загривокъ.

Что затѣмъ произошло—объ этомъ исторія умалчиваетъ, но назадъ Трезорка ужъ не возвратился.

А вскорѣ Арапка и совсѣмъ изгнали Трезоркинъ образъ изъ сердца куница Воротилова..

10.—Недреманноеоко.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жиль-быть Прокуроръ, и было у него два окна: одно—дреманное, а другое—недреманное. Дреманнымъ окномъ онъ, ровно ничего не видѣлъ, а недреманнымъ видѣлъ пустяки.

Въ этомъ царствѣ изстари такъ было заведено: какъ только у обывателя рождается мальчикъ съ двумя окнами, дремацкимъ и недремацкимъ, такъ тотчась въ ревизскихъ сказкахъ записываются: «у обывателя Куралеса Проказникова, на Болотѣ, уродился мальчишечка, по имени Прокуроръ». И потомъ ожидаются, когда мальчишечка въ совершенныя лѣта придетъ.

Такъ было и тутъ. Не успѣть мальчишечка отъ земли вырости, какъ ему сейчасъ же доложили:

— Пожалуйте!

— Съ удовольствіемъ. Но въ скоромъ ли времени предвидится сенаторская вакансія?

— Ахъ, сдѣлайте милость! Какъ скоро, такъ сейчасъ.

— То-то.

Пріосанился мальчишечка, посмотрѣлся въ зеркало, видѣть: какой-такой оттуда хитрецъ выглядываетъ?—аинъ это онъ самый и есть. Ладно. И, не говоря худого слова, сейчасъ же за дѣло принялъ: дреманнымъ окномъ ничего не видѣть, а недреманнымъ видѣть пустяки. «Я,—говорить,—здесь на минутку, по дорогѣ въ сенатъ, а тамъ и оба окна сомкну. Да и уши у меня, Богъ тасть, къ тому времени заложить».

Увидѣли мздоимцы, клеветники, душегубы, хищники и воры, что мальчишечка на нихъ недреманнымъ окномъ смотрѣть, и сейчасъ же испугались. Думали-думали, какъ съ этимъ дѣломъ быть, и рѣшили всѣмъ съ недреманной

стороны уйти и укрыться подъ сѣнью дреманного прокурорского Ѳка. И сдѣлалось съ недреманной стороны такъ чисто, какъ будто ни лиходѣевъ, ни воровъ, ни душегубовъ отъ рода никогда не бывало, а были и есть только обыкновенные лгуны, проходимцы, предатели, измѣнники и ханжи, до которыхъ прокурору, собственно говоря, и дѣла нѣтъ. А мальчишечка видѣтъ, что отъ одного его недреманного взгляда такие чистые горизонты открылись, и радуется. Неужто,—думаетъ,—начальство усердія его во вниманіе не приметъ?

И пошелъ онъ по судебнно-административному полю гололѣмъ похаживать. Ходить да посвистываетъ: берегись! въ ложкѣ воды утонлю!

Только видѣть: стоять человѣкъ и крикомъ - кричать: «Ограбили! Батюшки, карауль!» Разумѣется, онъ къ ограбленному.

— Чѣмъ ты, такой-сякой, на всю улицу зѣваешь! Вотъ я тебя!

— Помилуйте, Прокуроръ Кураlesычъ, воры!

— Гдѣ воры? какіе воры? Врешь ты: никакихъ воровъ нѣтъ и не бывало (а они у него подъ ноздрёю съ дреманной стороны притаились)! Это вы нарочно, бездѣльники, незаслуживающими вниманія жалобами начальство затруднить хотите... Взять его подъ арестъ!

Идетъ дальше, слышитъ: «Мздоимцы, Прокуроръ Кураlesычъ, одолѣли! Мздоимцы! лихонимцы! кривотолки! прелюбодѣи!»

— Гдѣ мздоимцы? какіе лихонимцы? Никакихъ я мздоимцевъ не вижу! Это вы нарочно, такие-сякие, кричите, чтобы авторитеты подрывать. Взять его подъ арестъ!

Еще дальше идетъ, слышитъ: «Добро казенное и общественное врозь тащать! Чего вы, Прокуроръ Кураlesычъ, смотрите! Вонъ они, хищники-то, вонъ!»

— Гдѣ хищники? кто казенное добро тащить?

— Вонъ хищники! вонъ они! Вонъ онъ какой домино на краденая деньги взбодрилъ! А тотъ вонъ—иши сколько тысячъ десятинъ земли у казны укралъ!

— Врешь ты, такой-сякой! Это не хищники, а собственники! Они своимъ имуществомъ спокойно владѣютъ, и всѣ документы у нихъ налицо. Это вы нарочно, бездѣльники, кричите, чтобы принципъ собственности подрывать! Взять его подъ арестъ!

Дальше — больше. «Жена мужу жизнь съ утра до вѣ-

чера точить!» — «Мужъ жену въ гробъ, того гляди, закоплить!» — «Ни за чѣмъ вы, Прокуроръ Куралесычъ, не смотрите!»

— Я-то не смотрю? А ты видѣлъ ли, какое у меня око? Одно оно у меня; но — ахъ, какъ далеко я имъ вижу! Такъ далеко, что и твою, бездѣльникову, душу насквозь понимаю! И знаю, чего вамъ, негодникамъ, хочется: семейный союзъ вами хочется подорвать! Взять его подъ арестъ!

Словомъ сказать, всѣ союзы перебраль и вездѣ нашелъ: сами по себѣ, стоять союзы незыблемо, но крикунушки непремѣнно имъ какъ пить дадутъ, ежели имъ своеевременно уста не замазать. А когда до государственного союза мальчишечка дошелъ, то и разговаривать не сталъ. Кричить какъ озаренныиъ ть его! связать его! замуровать! законопатить! Са а недреманное око такъ у него колесомъ тазинцѣ.

День-денье мальчишечка мается, союзы обѣ домой отдыхать вернется. Ляжетъ какъ выполнить! Хищниковъ, мздоим- въ. злоупотребителей съ помощью одного а разсѣялъ, а съ подрывателями, кои зами начальство утружддаютъ, особенно исто, благородно. Надѣюсь, что и началь- а стороны, мои труды въ надлежащей мѣрѣ

о, бишь, мнѣ, напримѣръ, пожелать? — говорилъ самъ себѣ. — Въ сенать ежели — такъ я еще на одно слышу, да сенать отъ меня и не уйдетъ... Вотъ кабы — хоть не теперь, а со временемъ — вотъ кабы въ... да нѣть, это ужъ развѣ когда и обояніе я потеряю! Нѣть, вотъ, сейчасъ, въ ближайшемъ будущемъ, чего бы мнѣ, напримѣръ, пожелать?

Разстраиваль-разстраиваль себѣ воображеніе, да наконецъ и разстроилъ. «Жениться надо какъ можно скорѣе — вотъ чтѣ».

И такъ какъ онъ для поисковъ невѣсты недреманное око въ ходъ пустилъ, то, разумѣется, сейчасъ же нашелъ. А именно: дѣвицу Агриппину такой красоты, что ии въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать. И при ней двѣсти тысячи: точь-въ-точь какъ при билетѣ внутренняго съ выигрышами займа полагается.

Женился. Отпраздновали свадьбу на славу въ кухмистерской Завитаева и домой на новоселье пріѣхали. Только смотрить мальчишечка, а новобрачная съ чего-то подъ сѣнь дреманного ока спряталась. Хватъ-похватъ: «Агриппина! гдѣ ты?»

— Не Агриппина я, но Агаѣя. И тезоименитство мое бываетъ 5-го февраля.

Вотъ такъ штука! Даже поблѣднѣлъ мальчишечка съ испугу: неужто въ прохожденіе его службы чертовщина вмѣшалась?

— Покажись... Агаѣя! — вымолвилъ онъ.

Смотритъ: и у Агаѣи, какъ у него, одно око дреманное, а другое — недреманное. Только у него недреманное око съ правой стороны, а у нея — съ лѣвой. Точно имъ сама судьба опредѣлила совмѣстно прокурорское служеніе проходить.

— Приданое-то у тебя есть ли?

— И приданаго у меня нѣтъ. Одно недреманное око — только и всего.

Ахъ, прахъ побери, да и совсѣмы! Была-была Агриппина, и вдругъ Агаѣя сдѣлалась! Сталъ онъ разыскивать, какимъ манеромъ такое дѣло случиться могло, и оказалось, что очень просто. Покуда онъ недреманнымъ окомъ въ одну сторону стрѣлялъ, Агриппина на минуточку отлучилась, да и вышла замужъ за офицера. А онъ за себя взялъ... Агаѣю!

Дѣлать, однако, нечего. Не даромъ же Завитаеву деньги за свадьбу отданы — надо какъ-нибудь жить. Легли они спать, да не остереглись: смотрять другъ на дружку недреманными оками — инда жутко ему стало! Ему-то жутко, а ей точно съ гуся вода — даже пріятно.

— Вѣдьма ты, что ли? — спросилъ онъ ее. — Сказывай!

— Нѣтъ, я не вѣдьма, но твоя законная жена. А до сихъ поръ я крадеными старыми носками на Апраксиномъ торговала.

— Какъ «крадеными»? Какимъ же образомъ я тебя не изловилъ?

— Развѣ ты можешь кого-нибудь изловить? Ты все въ одну сторону окомъ стрѣляешь, а чѣмъ у тебя подъ лѣвой поздрѣй дѣлается — не видишь.

— Ну, давай вмѣстѣ воровъ ловить, коли такъ. Я — справа, ты — слѣва.

Словомъ сказать, такъ отлично устроились, что черезъ

годъ у нихъ сынъ родился, и тоже съ недреманнымъ окомъ.

— Вотъ такъ чудакъ!—воскликнулъ мальчишечка, взглянувъ на своего первенца.

Тутъ только онъ догадался, что какъ ни дорого недреманное око, а два обыкновенныхъ глаза, пожалуй, еще того дороже.

Служба его между тѣмъ своимъ чередомъ прохожденіе имѣла. Постепенно онъ всѣ тюрьмы крикунами наполнилъ, а хищники, мздоимцы, концессіонеры и прочие подлинные потрясатели тѣмъ временемъ у него подъ щѣнью дреманного ока благодушествовали.

Долго ли, коротко ли такъ шло, только началъ онъ со временемъ и на оба уха припадать. Даже недреманное око, и то постепенно слипаться стало. Самое время, значитъ, въ сенатъ поспѣшать, покуда обонянія еще не утратилъ.

Слышишь... зовутъ!

Надѣль онъ фуфайку фланелевую, носки шерстяные да сапоги валеные на ноги натянуль; уши канатомъ закононатиль, камфарнымъ масломъ надушился, въ шубу закутался, а Агаѳья сверхъ шубы шерстянымъ шарфомъ его повязала. И пошелъ въ сенатъ. Идетъ и думаетъ: какой такой сонъ на первый разъ онъ, сидючи въ сенатѣ, увидить.

Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Покуда онъ недреманнымъ окомъ все вправо да вправо стрѣлять, а сенатъ взяль полѣвѣе, да съ дреманной стороны и притаился. Ищетъ Прокуроръ Куралесычъ—и носомъ въ воздухѣ потянетъ, и языкомъ щелкнеть, и даже руками кругомъ пошарить,—никакъ-таки нашупать сената не можетъ.

Наконецъ, видѣть: городовой на посту бодрствуетъ. Натурально—къ нему. — Такъ и такъ, служивый, не знаешь ли, куда дѣвался сенатъ?

Взглянуль на него городовой и сразу недреманную душу его разгадалъ.

— Знаю, — сказалъ онъ: — сенатъ, вотъ онъ! Вонъ онъ на солнышкѣ играеть! Ишь посматриваетъ, какъ бы какой шалунъ на законъ не наступилъ... Ахъ ты, ахъ! Только не про всякаго у насъ мѣсто въ сенатѣ припасено. Ты, вотъ, глядѣль недреманнымъ-то окомъ въ книгу, а видѣль фигу, такъ нынче этакихъ въ здѣшнее мѣсто сажать не вѣльно. Воротись лучше, калѣка, домой; валенки-то сними, глаза-то протри, уши промой, да и ложись съ бабой на

петь спать!.. А у насъ нынче такъ въ здѣшнемъ мѣстѣ заведено: чтобы и голова, и прочіе члены — все чтобы на своемъ мѣстѣ было, а глаза и уши — у всѣхъ чтобы настежь! Такъ и не попалъ Прокуроръ Куралесычъ въ сенатъ.

11. — Дуракъ.

Въ старые годы, при царѣ Горохѣ это было: у умныхъ родителей родился сынъ дуракъ. Еще когда младенцемъ Иванушка быль, родители дивились: въ кого онъ уродился? Мамочка говорила, что въ папочку, папочка — что въ мамочку, а, наконецъ, подумали и рѣшили: должно-быть, въ обоихъ.

Не то, впрочемъ, родителей смущало, что у нихъ сынъ дуракъ, — дуракъ, да ежели ко двору, лучше и желать не надо, — а то, что онъ дуракъ особенный, за котораго, того гляди, передъ начальствомъ отвѣтить придется. Набѣдокурить, начудить — по какому праву? какой-такой законъ есть?

Бываютъ дураки легкіе, а этотъ мудреный. Вонъ у Милитрисы Кирбитьевны — рукой подать — сынъ Лѣвка, тоже дурачокъ. Выѣжжай босикомъ на улицу, спустить рукава, на одной ножкѣ скачеть, а самъ во всю мочь кричить: «тили-тили, Лѣвку били, бими-бими, бомъ-бумъ!» Сейчасъ его изымаютъ, да на замокъ въ холодную: сиди да посиживай! Даже губернатору, когда на ревизію прѣѣзжалъ, Лѣвку показывали, и тотъ похвалилъ: «берегите его, намъ дураки нужны!»

А этотъ дуракъ — необыкновенный. Сидить себѣ дома, книжку читаетъ, либо къ папкѣ съ мамкой ласкается — и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, въ немъ сердце загорится. Бѣжать — земля дрожитъ. Къ которому дѣлу съ подходцемъ бы подойти, а онъ на него прямикомъ лѣзеть; которое слово совсѣмъ бы позабыть надо, а онъ его-то и ляпнетъ. И смѣхъ, и грѣхъ. Хоть кричи на него, хоть бей — ничего онъ не чувствуетъ и не слышитъ. Сдѣлаешь, что ему хочется, и опять домой прибѣжитъ, къ папкѣ съ мамкой подъ крыльышко.

— Чѣдъ съ тобой, ненаглядный ты нашъ? Сядь, миленький, отдохни!

— Я, мамочка, не усталъ.

— Куда ты, голубчикъ, бѣгаешь! Не скажешься никому и уѣхшишь!

— Я, мамочка, къ Лёвкѣ бѣгалъ! Лёвка боленъ, калачика проситъ; я взяль съ прилавка въ булочной калачикъ и снесъ.

Услышить мамочки эти слова — такъ и ахнетъ.

— Ахъ, убилъ! ахъ, голову съ меня, несчастный, ты гнѣвляй! Чѣмъ ты надѣлалъ! Это ты, значитъ, калачикъ-то укралъ!

— Какъ «укралъ»? чѣмъ такое «укралъ»?

Сколько разъ и сосѣди папочку съ мамочкой предоставили:

— Уймите вы своего дурака! Больше онъ вамъ непріятности черезъ свою глупость предоставить!

Но родители ничего не могли, только думали: легко сказать: «уймите!» А какъ ты его уймешь? Какъ это люди не понимаютъ, что родительское сердце по глупомъ сына больше даже, чѣмъ по умномъ, разрывается!

И точно, примется, бывало, папочка дурака усовѣчивать: «калачъ есть собственность» — онъ какъ будто и понимаетъ: «да, папочка?» Но вдругъ въ это время откуда ни возьмись Лёвка: «дай, Ваня, калачика!» Онъ — шмыгъ, и точно вотъ слизнула калачъ съ прилавка! Какъ тутъ понять: укралъ онъ его, или не укралъ?

Терпѣль-терпѣль булочникъ, но, наконецъ, обидѣлся: прінесъ въ кварталь жалобу. Явился къ дураковымъ родителямъ квартальный и сказалъ: «какъ угодно, а извольте вашего дурака высѣчь». Плакала родительская утроба, а дѣлать нечего. Видитъ папочка, что резонно квартальный говорить: высѣкъ дурака.

Но дуракъ ничего не понялъ. Почувствовавши, что больно, всплакнулъ, но не жаловался: «за чѣмъ?» и не кричалъ: «не буду!» Скорѣе какъ будто удивился: для чего это папочекъ понадобилось?

Такъ и пропалъ этотъ урокъ даромъ: какъ былъ Иванушка до сѣченія дуракомъ, такъ и послѣ сѣченія дуракомъ остался. Увидитъ изъ окна, что Лёвка босикомъ по улицѣ скачетъ — и онъ выбѣжитъ, сапоги сниметъ, рукава у рубашки спустить и начнетъ заодно съ дурачкомъ куралесить.

— Ишь, занятіе нашелъ, — разсердится мамочка: — дурака дразнить!

— Я, мамочка, не дразню, а играю съ нимъ, потому что ему одному скучно.

— Повертись, повертись! Довертишься, что самъ дуракомъ сдѣлаешься!

Услышить папочка этот разговор и на мамочку накинется:

— Съчь его надо, а она разговаривает! Разговаривай больше, — дождешься! Кабы ты чаще ему подь рубашку заглядывала — давно бы онъ у насъ человѣкомъ былъ!

И всѣ сосѣди папочку одобряютъ: во-первыхъ, потому, что законъ есть такой, чтобы дураковъ учить, а во-вторыхъ, и потому, что никому отъ Иванушки житъя не стало. Намедни сосѣдскіе мальчишки вздумали козла дразнить — онъ за козла вступилъ. Сталъ посередкѣ и не даетъ козла въ обиду. Козель его сзади рогами бьетъ, мальчишки спереди по чѣмъ попало тузятъ, а ему и горюшка мало — всего въ синякахъ домой привели! А на другой день опять съ дуракомъ исторія: у повара пѣтуха отнялъ. Несъ поваръ подь мышкой пѣтуха на кухню, а дуракъ ему навстрѣчу: «Куда, Кузьма, пѣтушка несешь?» — «Извѣстно, моль, на кухню да въ супъ»... Какъ кинется на него дуракъ! Не успѣль Кузьма опомниться — смотрить, а пѣтухъ ужъ на заборъ взлетѣлъ и крыльями хлопаетъ!

Толковать-толковать ему папочка: «пѣтухъ — не твой, какъ же ты смѣль его у повара отнимать?» А онъ въ отвѣтъ одно твердить: «знаю я, что пѣтухъ не мой, да и не поваровъ онъ, а свой собственный...»

Какъ ни любили дурака всѣ домочадцы за его ласковость и тихость, но съ теченiemъ времени онъ всѣхъ поступками своими донялъ. Быть ему захочется — нѣть чтобы мамочку попросить: позвольте, моль, милый другъ, маменька, въ буфетѣ пирожокъ взять, — самъ пойдетъ, и въ буфетѣ, и въ кухнѣ перешарить, и чтѣ попадется подь руку, такъ, безъ спросу, и съѣсть. Захочется погулять — возьметъ картузъ, такъ, безъ спросу, и уйдетъ. Развѣ ницѣй подь окномъ остановился, а у мамочки, какъ на грѣхъ, въ ту пору трехрублевенькая бумажка на столѣ лежала, — онъ взялъ да *ВСѢ* три рублика нищему въ суму и ухнулъ!

— Батюшки! да изъ него Картушъ выйдетъ! — не взвидѣла свѣта мамочка.

— И непремѣнно выйдетъ, — отозвался папочка: — хуже выйдетъ, ежели ты, вмѣсто того, чтобы сѣчь, лясы съ нимъ точить будешь!

Дѣлать нечего, высѣкла дурака и мамочка. Но высѣкла, надо прямо сказать, чуть-чуть, только чтобы наука была. А онъ всталъ, сердечный, весь заплаканный, и обнялъ мамочку.

— Ахъ, мамочка, мамочка! Бѣдненькая ты моя мамочка!
И сдѣлалось мамочкѣ вдругъ такъ стыдно, такъ стыдно,
что она и сама заплакала.

— Дурачокъ ты мой ненаглядный! Вотъ кабы нась Богъ
съ тобой вмѣстѣ къ себѣ взялъ!

Наконецъ, однако, онъ и себя, и мамочку едва не по-
губилъ. Гуляли они однажды всей семьей по набережной
рѣки. Папочка мамочку подъ ручку вель, а онъ впереди
развѣдчика изъ себя изображалъ. Будто бы они источникъ
Нигера открывать собирались, такъ онъ посланъ впередъ
разузнать, не угрожаетъ ли откуда опасность. Вдругъ слы-
шать стоны; взглянули на рѣку, а тамъ чей-то мальчи-
шечка въ водѣ барахтается! Не успѣли опомниться — ань
дуракъ ужъ въ рѣку бухнуль, а за дуракомъ мамочка,
какъ была въ кринолинѣ, такъ и очутилась въ водѣ. А за
мамочкой — пара городовыхъ въ амуниції. А папочка стоять
у рѣшотки да руками, словно птица крыльями, машетъ:
«моихъ-то спасайте! моихъ!» Наконецъ, городовые всѣхъ
троихъ изъ воды вытащили. Мамочка-то однимъ страхомъ
поплатилась, а дуракъ цѣлый мѣсяцъ въ горячкѣ вылежалъ.
Понялъ ли онъ, что поступилъ по-дурацки, или сдѣлалось
ему мамочку жалко, только какъ пришелъ онъ въ себя, да
увидѣлъ, что мамочка, худенькая да блѣдненькая, въ го-
ловахъ у него сидѣть, — такъ и залился слезами! Только и
твердить: «мамочка! мамочка! мамочка! Зачѣмъ нась Богъ
къ себѣ не взялъ?»

А папочка тутъ же стоялъ и все надѣялся, что дуракъ
хоть на этотъ разъ скажетъ: «простите, милый папочка, я
впередъ не буду!» Однако онъ такъ-таки и не сказалъ.

Послѣ этого случая папочка съ мамочкой серьезно совѣ-
щались: какъ съ дуракомъ быть? Ходили, обнявшись, по
залѣ, со всѣхъ сторонъ предметъ рассматривали и долго
ни на чёмъ не могли сойтись.

Дѣло въ томъ, что папочка былъ человѣкъ справедли-
вый. И дома, и въ гостяхъ, и на улицѣ онъ только объ
одномъ твердилъ: «всye законы писать, ежели ихъ не исполь-
нять». У него даже и наружность такая уморительная
была, какъ будто онъ въ одной рукѣ вѣсы держитъ, а дру-
гою — то золотникъ въ чашечку поступковъ подбавить, то
ползолотника въ чашечку возмездій подкинетъ. Поэтому,
и принимая во вниманіе все вышеизложенное, онъ требо-
валъ, чтобы съ Иванушкой было поступлено по всей стро-
гости домашняго кодекса.

— Преступил онъ—следовательно, и соответствующее возмездіе понести долженъ. Вотъ смотри!

И онъ показалъ мамочки табличку, въ которой было изображено:

Название проступка:	Число ударовъ розгою:
Отступлѣніе отъ правильной субординаціи.	отъ 5 до 7

Но мамочка была мамочка—только и всего. Справедливости она не отрицала, но понимала ее въ какомъ-то первобытномъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ это слово простой народъ, говоря о «справедливомъ» человѣкѣ. Безъ возмездій, а въ родѣ какъ бы отпущенія. И какъ ни мало она была въ юридическомъ отношеніи развита, однако въ одну минуту папочку осрамила.

— За чѣ-жь мы наказывать его будемъ? — сказала она. — За то, что онъ утопающаго спасти хотѣлъ? Опомнишь!

Тѣмъ не менѣе папочка настояль-таки, что дома держать дурака невозможно, а надо отдать его въ «заведеніе».

Регулярно-спокойный обиходъ заведенія на первыхъ порахъ отразился на дуракѣ довольно выгодно. Ничто не бередило его восприимчивости, не пробуждало въ немъ внезапныхъ движений души. Въ первые годы даже ученія настоящаго не было, а только усваивался учебный материалъ. Не встрѣчалось также рѣзкой разницы и въ товарищеской средѣ,—такой разницы, которая вызывала бы потребность утѣшить, помочь. Все шло тѣмъ среднимъ ходомъ, который успѣхъ ученія ставилъ, главнымъ образомъ, въ зависимость отъ памяти. А такъ какъ память у Иванушки была превосходная, да и сердце, къ тому же, было золотое, то чуть-чуть Иванушка и впрямь изъ дурака не сдѣлялся умницей.

— Говори я тебѣ? — торжествовать папочка.

— Ну-ну, не сердись! — отвѣчала мамочка, какъ бы винясь, что она черезчуръ поторопилась напечатать.

Но по мѣрѣ того, какъ объемъ предлагаемаго знанія увеличивался, дѣло Иванушки усложнялось. Большинства наукъ онъ совсѣмъ не понималъ. Не понималъ исторіи, юриспруденціи, науки о накопленіи и распределеніи богатствъ. Не потому, чтобы не хотѣлъ понимать, а воистину не понималъ. И на всѣ усовѣщованія учителей и наставниковъ отвѣчать одно: «не можетъ этого быть!»

Только тогда настоящимъ образомъ узнали, что онъ несомнѣнныи и круглый дуракъ. Такой дуракъ, которому могутъ быть доступны только склады науки, а самая наука—никогда. Природа поступаетъ по временамъ жестоко: раскроетъ способности человѣка только въ мѣру пониманія азбучнаго матеріала, а какъ только дойдетъ очередь, чтобы изъ матеріала дѣлать выводы,—законопатить, и конецъ.

Снова сконфузился папочка и стала мамочки упрекать, что Иванушка въ нее уродился. Но мамочка ужъ не слушала попрековъ, а только глазъ не осушала, плакала. Неужто Иванушка такъ-таки навѣкъ дуракомъ и останется?

— Да ты хоть притворись, что понимаешь!—уговаривала она Иванушку:—принудь себя, хоть немножко пойми, ну, дай, я тебѣ покажу!

Раскроетъ мамочка книжку, прочтеть: «*§ о порядкѣ наслѣдованія по закону единоутробныхъ*» — и ничего-таки не понимаетъ! Плачутъ оба: и дуракъ, и мамочка. А папочка, между тѣмъ, такъ и рѣжетъ: «*Единоутробныхъ*, прежде всего, необходимо отличать: во-первыхъ, отъ *единокровныхъ*; во-вторыхъ, отъ тѣхъ, кои, будучи единоутробными, суть въ то же время и единокровные, и, въ-третьихъ, отъ *червонныхъ валетовъ...*»

— Вотъ папенька-то какъ хорошо знаетъ! — удивлялась мамочка, заливаясь слезами.

Видя материнскія слезы, дуракъ напрягаль нерѣдко всѣ свои усилия. Уйдетъ во время рекреацій въ классъ, сядеть за тетрадку, заложить пальцами уши и начнетъ долбить. Выдолбить и такъ отлично скажетъ урокъ, словно на бобахъ разведеть... И вдругъ что-нибудь такое насчетъ Александра Македонскаго ляпнетъ, что у учителя на плѣшивой головѣ остальные три волоса дыбомъ встанутъ.

— Садитесь! — молвить учитель:— печальная вамъ въ будущемъ участь предстоитъ! Никогда вы государственнымъ человѣкомъ не сдѣлаетесь. Благодарите Бога, что Онъ даль вамъ родителей, которые ни въ чёмъ не замѣчены. Потому что если-бъ не это... Садитесь, и если можете, то старайтесь не огорчать вашихъ наставниковъ возмутительными выходками!

И точно: только благодаря родительскому благонравію, дурака изъ класса въ классъ переводили, а наконецъ и изъ заведенія съ чиномъ выпустили. Но когда онъ домой съ аттестатомъ явился, то мамочка, какъ взглянула, чтѣ

тамъ написано, такъ и залилась слезами. А папочка суща спросила:

— Чѣд ты, безчувственный идолъ, набѣдокуриль?

— Я, папочка, такъ-себѣ, это, должно-быть, такое правило въ заведеніи...

Даже не объяснился порядкомъ; увидаль на улицѣ Лѣвку и убѣжалъ.

Лѣвку онъ полюбилъ пуще прежняго, потому что бѣдный дуракъ еще жальче сталъ. Какъ и шесть лѣтъ тому назадъ, онъ ходилъ босой, худой, держа руки граблями,— но весь обросъ волосами и вытянулся въ коломенскую версту. Милитриса Кирбитьевна давно отъ него отказалась: не кормила его и почти совсѣмъ не одѣвала. Поэтому онъ былъ всегда голоденъ, и если-бѣ не сердобольныя торговки-калашницы, то давно бы съ голоду померъ! Но больше всего онъ страдалъ отъ уличныхъ мальчишекъ. Отдыху они ему не давали: дразнились, наусъкивали на него собакъ, щипали за икры, теребили на немъ рубашку. Цѣлый день раздавался на улицѣ его вой, сопровождаемый неистовыемъ дурацкимъ щелканьемъ. Онъ выль отъ боли, но не понималъ, откуда эта боль идетъ.

Дуракъ защитиль Лѣвку, обогрѣль, накормилъ и одѣль. Все, что для Лѣвки было нужно, Иванушка бралъ безъ спроса; а ежели не знать, гдѣ найти, то требовалъ такимъ тономъ, какъ будто самое представлѣніе обѣ отказъ ему было совершеніо чуждо. Только у дураковъ бываетъ такая убѣжденность въ голосѣ, такая непререкаемость во взорахъ. Никого и ничего онъ не боялся, ни къ чему не питалъ отвращенія и совсѣмъ не имѣлъ понятія обѣ опасности. Завидѣвъ исправника, онъ не перебѣгалъ на другую сторону улицы, но шель прямо навстрѣчу, точно ни въ чемъ не былъ виноватъ. Случится въ городѣ пожаръ—онъ первый идетъ въ огонь; услышить ли, что гдѣ-нибудь есть трудный больной—онъ бѣжитъ туда, садится къ изголовью больного и прислуживаетъ. И умныя слова у него въ такихъ случаяхъ оказывались, словно онъ и не дуракъ. Одно только тяжелымъ камнемъ лежало на его сердцѣ: мамочка безсонные ночи проводила, пока онъ дурачество свое ублажалъ. Но было въ его судѣ иѣчто непреодолимое, что фаталистически влекло его къ самоуничиженію и самопожертвованію, и онъ инстинктивно повиновался этому указанію, не справляясь обѣ ожидаемыхъ послѣствіяхъ и не допуская сдѣлокъ даже въ пользу кровныхъ узъ.

Не разъ родители задумывались, какимъ бы образомъ дурака пристроить, чтобы онъ хоть мало-мальски на человѣка похожъ былъ. Опредѣлилъ-было напочка его на службу чѣмъ-то въ родѣ попечителя мѣстнаго училища (безъ жалованья, дескать, и дуракъ сойдетъ, а съ жалованьемъ—даже павѣрное!): но дуракъ сразу такую ахинею понесъ, что исправникъ, только во вниманіе къ испытанному благонравію родителей, согласился это дѣло замять. Тогда мамочка напала на мысль—женить дурака; можетъ-быть, Богъ узы ему разрѣшилъ. Подыскали невѣсту, молодую купеческую вдову Подвохину. Невѣста изъ себя писаная краля была и въ гостиномъ дворѣ двѣ лавки имѣла. Вдовѣла она безупречно, товаръ держала всегда первѣшаго качества и дѣла свои по торговлѣ вела умѣло и самостоятельно. Словомъ сказать, лучше партіи и желать не надо. Дуракъ, въ свою очередь, тоже понравился невѣстѣ: внѣшность у него была приличная, поведеніе—корткое. Даже ума въ немъ она не отрицала, какъ другіе, но только находила, что нужно этотъ умъ развязать, и всполиѣ на себя надѣялась, что успѣеть въ этомъ.

Но у дурака всѣ вообще инстинкты до такой степени глубоко спали, что даже эта жалостливая и скромная женщина удивилась. Ни разу онъ не дрогнулъ отъ прикосновенія къ ней, ни разу не смущился, не почувствовалъ ни одной изъ тѣхъ неловкостей, къ которымъ съ такимъ сердечнымъ желаніемъ относятся женщины, инстинктивно угадывая въ нихъ первыя, сладостнѣшія трепетанія любви. Придеть дуракъ, отобѣдаетъ, чаю напьется и, повидимому, совсѣмъ не понимаетъ, почему онъ находится у Подвохиной, а не дома.

— Какъ это вамъ не скучно: ничего вы не понимаете?— спросить его красавица-вдова.

— Ахъ, нѣтъ, мнѣ очень скучно! Говорятъ, будто оттого, что занятія у меня никакого нѣтъ.

— Такъ вы займитесь... полюбите кого-нибудь!

— Помилуйте! Какъ же возможно не любить? Всѣхъ любить надо. Счастливыхъ—за то, что они сумѣли себя счастливыми сдѣлать, несчастныхъ—за то, что у нихъ радостей нѣтъ.

Такъ это сватовство и не состоялось. Потужила вдова Подвохина и даже пообщала годокъ подождать, но мѣсяцъ-другой потерпѣла, да въ рождественскій мясопѣдь и вышла замужъ за городского голову Лиходѣева. Теперь у

нихъ ужъ четыре лавки въ гостинномъ дворѣ; по буднямъ они во всѣхъ четырехъ лавкахъ торгъ ведутъ: она—по галантерейной части, онъ—по бакалейной; а по праздничкамъ—исправника и прочихъ властей пирогомъ угощаютъ.

А дуракъ засѣлъ дома на родительской шеѣ и ухомъ не ведеть. На пожары бѣгаеть, больныхъ выхаживаетъ, нищихъ цѣлыми табунами домой приводить.

— Хоть бы Господь его прибралъ!—шепчетъ папочка потихоньку, чтобъ мамочка не слыхала.

А мамочка все молится, на милость Божью надѣется. Просвѣтить Господь разумъ Иванушкинъ пониманіемъ, направить стопы его по стезѣ господина исправника, его помощника и непремѣнного засѣдателя! Долженъ же онъ какую-нибудь должность по службѣ получить! Не можетъ быть, чтобъ для всѣхъ было дѣло, и только для него одного—ничего.

Только одинъ человѣкъ на дурака иными глазами взглянуль, да и тогъ былъ случайный проѣзжий. Бѣхаль онъ мимо города и завернуль къ папочкѣ, съ которымъ онъ старинный-старинный пріятель бытъ. Пошли сказы да рассказы: помянули старину, обѣ увлеченіяхъ молодости дѣсыта наговорились, а между прочимъ и настоящаго коснулись. Папочка двери на всякий случай притворилъ, и оба, чтобъ было на душѣ, все выложили. Объяснились. Не сказали, а подумали: «такъ вотъ братъ ты кто!» Разумѣется, не обошлось безъ жалобъ и на дурака; а такъ какъ съ нимъ уже не чинились, то такъ-таки, въ его присутствіи, прямо «дуракомъ» его и чествовали. Заинтересовался проѣзжий рассказами о дуракѣ, остался ночевать у старого пріятеля, а на другой день и говорить:

— Совсѣмъ онъ не дуракъ, а только подныхъ мыслей у него нѣть,—отъ этого онъ и къ жизни приспособиться не можетъ. Бываютъ и другіе, которые отъ подныхъ мыслей постепенно освобождаются, но процессъ этого освобожденія стдитъ большихъ усилий и не рѣдко имѣеть въ результатѣ тяжелый нравственный кризисъ. Для него же и усилий никакихъ не требовалось, потому что такихъ поръ въ его организмѣ не существовало, черезъ которыя подная мысль заползти бы могла. Сама природа ему это дала. А впрочемъ, несомнѣнно, что настанетъ минута, когда наплыть жизни силою своего гнета заставитъ его выбирать между дурачествомъ и подлостью. Тогда онъ *пойметъ*. Только не совсѣмъ бы я вамъ торопить эту минуту; потому что

какъ только она пробьетъ—не будеть на свѣтѣ другого такого несчастнаго человѣка, какъ онъ. Но и тогда—я въ этомъ убѣжденъ—онъ предпочтеть останется дуракомъ.

Сказаль это проѣзжій и прослѣдоваль изъ города дальше. А папочка между тѣмъ задумался. Началь всю свою жизнь перебирать, припоминая, какія у него подлыя мысли бывали, и какимъ манеромъ онъ освобождался отъ нихъ? И, разумѣется, какъ ни строго себя экзаменовалъ, но вышелъ изъ испытанія съ честью. Никогда у него подлыхъ мыслей не бывало, а слѣдовательно, и освобождаться отъ нихъ онъ надобности не ощущалъ. Отчего же, однако, онъ не дуракъ?

Наконецъ, порѣшилъ на томъ, что у стараго друга умъ за разумъ зашелъ. «Сидять они тамъ, въ петербургскихъ мурьяхъ, да развиваются. Разовьются, да и заврутся. А мы вотъ засѣли по Пощеконъямъ: не развиваемся, да зато и не завираемся—такъ-то прочище. И вреть онъ все: никакаго дара природы въ дурачествѣ нѣтъ, и ежели, по милости Божией, мой дуракъ когда-нибудь умницей сдѣлается, то навѣрное несчастнымъ оттого не будетъ, а поступить на службу, да и начнетъ жить да поживать, какъ и прочие всѣ».

Порѣшивши такимъ родомъ, стала ждать: вотъ-вотъ Иванушка просіяетъ, и его, не въ примѣръ другимъ, на чреду служенія призовутъ. Ань, вмѣсто того, въ одно прекрасное утро ему объявили, что дуракъ совсѣмъ изъ дома исчезъ.

Прошли годы; старики-родители очи выплакали. Не было той минуты, въ которую бы они не ждали; не было той мысли, которая бы, прямо или косвенно, не относилась къ исчезнувшему дураку. Все перезабыли старики, только объ одномъ помнили: гдѣ онъ теперь? съѣть ли? одѣтъ ли? Много ли дураку нужно, чтобы погибнуть! Не дай Богъ врагу испытывать эту пытку родительскаго сердца, которое всѣ вины на себя беретъ, всѣми дѣтскими стонами, въ тысячекратно раздающемся эхѣ, раздирается!

Однако дуракъ воротился. Внезапно, точно такъ же, какъ и исчезъ. Но отъ прежняго, цвѣтущаго здоровьемъ, дурака не осталось и слѣдовъ. Онъ былъ блѣденъ, худъ и измученъ. Гдѣ онъ скитался? что видѣлъ? понять или не понять?—никто ничего дознаться отъ него не могъ. Пришелъ онъ домой и замолчалъ.

Во всякомъ случаѣ, проѣзжій былъ правъ: такъ до смерти и осталась при немъ кличка: *дуракъ*.

12.—Сосѣди.

Въ нѣкоторомъ селѣ жили два сосѣда: Иванъ Богатый да Иванъ Бѣдный. Богатаго величали «сударемъ» и «Семенычемъ», а бѣднаго—просто Иваномъ, а иногда и Ивашкой. Оба были хорошіе люди, а Иванъ Богатый—даже отличный. Какъ есть во всей формѣ филантропъ. Самъ цѣнностей не производилъ, но о распределеніи богатствъ очень благородно мыслилъ. «Это, говорить, съ моей стороны лента. Другой, говорить, и цѣнностей не производить, да и мыслить неблагородно—это ужъ свинство. А я еще ничего». А Иванъ Бѣдный о распределеніи богатствъ совсѣмъ не мыслилъ (недосужно ему было), но взамѣнъ того производилъ цѣнности. И тоже говорилъ: «это съ моей стороны лента».

Сойдутся они вечеромъ подъ праздникъ, когда и бѣднымъ, и богатымъ—всѣмъ досужно, сидутъ на лавочку пе-редъ хоромами Ивана Богатаго и начнутъ калякать.

— У тебя завтра съ чѣмъ щи?—спросить Иванъ Богатый.

— Съ пустомъ,—отвѣтилъ Иванъ Бѣдный.

— А у меня съ убоянной.

Зѣвнетъ Иванъ Богатый, ротъ перекрестить, взглянетъ на Бѣднаго Ивана, и жаль ему станеть.

— Чудно на свѣтѣ дѣется,—молвить онъ:—который че-ловѣкъ постоянно въ трудахъ находится, у того по праздни-камъ пустыя щи на столѣ, а который при полезномъ досугѣ состоить—у того и въ будни щи съ убоянной. Съ чего бы это?

— И я давно думаю: съ чего бы это, да недосугъ раз-думывать-то мнѣ. Только начну думать, ань въ лѣсъ за дровами Ѹхать надобно; привезъ дровъ—смотришь, навозъ возить или съ сохой выѣзжать пора пришла. Такъ между дѣломъ мысли-то и уходять.

— Надо бы, однако, намъ это дѣло разсудить.

— И я говорю: надо бы.

Зѣвнетъ и Иванъ Бѣдный съ своей стороны, перекре-стить ротъ, пойдетъ спать и во снѣ завтрашня пустыя щи видитъ. А на другой день проснется—смотрить, Иванъ Богатый сюрпризъ ему приготовилъ: убояны, ради праздника, вѣ щи присласть.

Въ слѣдующій предпраздничный канунъ опять сойдутсясосѣди и опять за старую матерію примутся.

— Вѣришь ли,—молвить Иванъ Богатый:—и на-яву, и во снѣ только одно я и вижу: сколь много ты противъ меня обиженъ!

— И на этомъ спасибо,—отвѣтить Иванъ Бѣдный.

— Хоть и я благородными мыслями не малую пользу обществу приношу, однако вѣдь ты... не выйди-ка ты вѣремя съ сохой—пожалуй, и безъ хлѣба пришлось бы на-сидѣться. Такъ ли я говорю?

— Это такъ точно. Только не выѣхать-то мнѣ нельзя, потому что въ этомъ случаѣ я первый съ голоду пропаду.

— Правда твоя: хитро эта механика устроена. Однако ты не думай, что я ее одобряю,—ни Боже мой! Я только обѣ одномъ и тужу: Господи! какъ бы такъ сдѣлать, чтобы Ивану Бѣдному хорошо было?! Чтобы и я—свою порцію, и онъ—свою порцію.

— И на этомъ, сударь, спасибо, что беспокоитесь. Это дѣйствительно, что кабы не добродѣтель ваша—сидѣть бы мнѣ праздникъ на тюрѣ на одной...

— Чѣдъ ты! чѣдъ ты! Развѣ я обѣ томъ! Ты обѣ этомъ забудь, а я вотъ обѣ чѣмъ. Сколько разъ я рѣшался, пойду, моль, и отдать поль-имѣнія нищимъ! И отдавалъ. И что же! Сегодня я отдалъ поль-имѣнія, а на завтра проснусь—у меня, вмѣсто убылой-то половины, цѣлыхъ три четверти опять объявились.

— Значить, съ процентомъ...

— Ничего, братецъ, не подѣлаешь. Я — отъ денегъ, а деньги — ко мнѣ. Я бѣдному пригоршню, а мнѣ, вмѣсто одной-то, невѣдомо откуда, двѣ. Вотъ вѣдь чудо какое!

Наговорится и начнутъ позывывать. А между разгово-ромъ Иванъ Богатый все-таки думу думаетъ: чѣдъ такое сдѣлать, чтобы завтра у Ивана Бѣдного щи съ убийной были? Думаетъ-думаетъ, да и выдумаетъ.

— Слушай-ка, миляга,—скажетъ: — теперь ужъ недолго и до ночи осталось, сходи-ка ко мнѣ въ огородъ грядку вскопать. Ты шуга часокъ лопатой поковыряешь, а я тебя, по силѣ-возможности, награжу,—словно бы ты и взаправду работалъ.

И дѣйствительно, поиграетъ лопатой Иванъ Бѣдный часокъ-другой, а завтра онъ съ праздникомъ, словно бы и «взаправду поработалъ».

Долго ли, коротко ли соѣди такимъ манеромъ калякали, только подъ-конецъ такъ у Ивана Богатаго сердце раскипѣлось, что и взаправду невтерпѣжъ ему стало.—Пойду,—

говорить,— къ самому Нàбольшему, паду передъ нимъ и скажу: «Ты у насъ Око Царево! ты здѣсь рѣшишь и вя-
жешь, караешь и милуешь! Повели насъ съ Иваномъ Бѣд-
нымъ въ одну версту поверстать. Чтобы съ него рекрутъ—
и съ меня рекрутъ, съ него подвода—и съ меня подвода,
съ его десятины грошъ—и съ моей десятины грошъ. А
души чтобы и его, и моя отъ акциза одинаково свободны
были!»

И какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ. Пришелъ къ Нàболь-
шему, палъ передъ нимъ и объяснилъ свое горе. И Нà-
большій за это Ивана Богатаго похвалилъ. Сказалъ ему:
«Исполать тебѣ, добру-молодцу, за то, что сосѣда своего,
Ивашуку Бѣднаго, не забываешь. Нѣть для начальства пріят-
нѣе, какъ ежели государевы подданные въ добромъ согла-
сіи и во взаимномъ радѣніи живутъ, и нѣть того зла
злѣе, какъ ежели они въ сварѣ, въ ненависти и въ доно-
сахъ другъ на дружку время проводятъ!» Сказалъ это
Нàбольшій и, на свой страхъ, повелѣлъ своимъ помощни-
камъ, чтобы, въ видѣ опыта, обоимъ Иванамъ судь рав-
ный быль, и дани равныя, а того бы, какъ прежде было:
одинъ тяготы несетъ, а другой пѣсенки поетъ — виредъ
чтобы не было.

Воротился Иванъ Богатый въ свое село, земли подъ со-
бою отъ радости не слышитъ.

— Вотъ, другъ сердечный,—говорить онъ Ивану Бѣд-
ному:—свортылъ я, по милости начальнической, съ души
моей камень тяжелый! Теперь ужъ мнѣ супротивъ тебя,
въ видѣ опыта, никакой вольготы не будетъ. Съ тебя ре-
крутъ—и съ меняrekрутъ, съ тебя подвода—и съ меня
подвода, съ твоей десятины грошъ—и съ моей грошъ. Не
успѣешь и ты оглянуться, какъ у тебя отъ одной этой по-
ровѣнки во щахъ ежедѣнь убогина будетъ.

Сказалъ это Иванъ Богатый, а самъ, въ надеждѣ славы
и добра, уѣхалъ на теплые воды, гдѣ года два сряду и
находился при полезномъ досугѣ.

Быль въ Вестфалии — ъль вестфальскую ветчину; быль
въ Страсбургѣ — ъль страсбургскіе пироги; въ Бордо быль —
ниль бордоское вино; наконецъ, прїехалъ въ Парижъ —
все вообще пиль и ъль. Словомъ сказать, такъ весело про-
жилъ, что насили ноги унесъ. И все время обѣ Иванѣ
Бѣдномъ думалъ: «то-то онъ теперь, послѣ поровѣнки-то,
за обѣ щеки уписываетъ!»

А Иванъ Бѣдный между тѣмъ въ трудахъ жилъ. Сегодня

вспашеть полосу, а завтра заборонусть; сегодня скосить осьминикъ, а завтра, коли Богъ вѣдрушка дастъ, сѣно сушить принимается. Въ кабакъ и дорогу позабыть, потому знать, что кабакъ—это погибель его. И супруга его, Марья Ивановна, заодно съ нимъ трудится: и жнеть, и боронуетъ, и сѣно трясеть, и дрова колеть. И дѣтушки у нихъ подросли—и тѣ такъ и рвутся хоть съ-эстолько поработать. Словомъ сказать, вся семья съ утра до ночи словно въ котлѣ кипитъ, и все-таки пустыя щи не сходятъ у нея со стола. А съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Богатый изъ села уѣхалъ, такъ даже по праздникамъ сюрпризовъ Иванъ Бѣдный не видить.

— Незадача намъ,—говорить бѣдняга женѣ:—вотъ и сравняли меня, въ видѣ опыта, въ тягостяхъ съ Иваномъ Богатымъ, а мы все при прежнемъ интересѣ находимся. Живемъ богато, со двора покато чего ни хватись, за всѣмъ въ люди покатись.

Такъ и ахнуль Иванъ Богатый, какъ увидѣлъ сосѣда въ прежней бѣдности. Признаться сказать, первою его мыслью было, что Ивашка въ кабакѣ прибытки свои таскаетъ. «Неужели онъ такъ закоренѣлъ? неужели онъ не исправимъ?» — восклицалъ онъ въ глубокомъ огорченіи. Однако Ивану Бѣдному не стоило никакого труда доказать, что у него не только на вино, но и на соль не всегда прибытокъ достаточно. А что онъ не мотъ, не расточитель, а хозяинъ радѣтельный, такъ и тому доказательства были налицо. Показалъ Иванъ Бѣдный свой хозяйственный инвентарь, и все оказалось въ цѣлости, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было до отѣзда богатаго сосѣда паселыя воды. Лопадь гиѣдая покалѣченная—1; корова бурая, съ подпалиной—1; овца—1; телѣга, соха, бороны. Даже старыя дровнишки—и тѣ прислонены къ забору стоять, хотя по лѣтнему времени надобности въ нихъ неѣть, и, стало-быть, можно было бы безъ ущерба для хозяйства ихъ въ кабакѣ заложить. Затѣмъ осмотрѣли и избу—и тамъ все налицо, только съ крыши мѣстами солома повыдергана; но и это произошло оттого, что позапрошлой весной кормовъ недоставало, такъ изъ прѣлой соломы рѣзку для скота готовили.

Словомъ сказать, не оказалось ни единаго факта, который обвинялъ бы Ивана Бѣдного въ развратѣ или въ мотовствѣ. Это былъ коренной, задавленный русской музыкѣ, который напрягалъ всѣ усилия, чтобы осуществить

все свое право на жизнь, но, по какому-то горькому недоразумению, осуществлять его лишь в самой недостаточной степени.

— Господи! да съ чего-жъ это? — тужилъ Иванъ Богатый. — Вотъ и поровняли насъ съ тобой, и права у насъ одни, и дани равныя платимъ, и все-таки пользы для тебя не предвидится — съ чего бы?

— Я и самъ думаю: съ чего бы? — уныло откликнулся Иванъ Бѣдный.

Сталъ Иванъ Богатый умомъ раскидывать и, разумѣется, нащель причину. Оттого, моль, такъ выходить, что у насъ нѣтъ ни общественнаго, ни частнаго почина. Общество — равнодушное; частные люди — всякий о себѣ промышляетъ; правители же хоть и напрягаютъ силы, но вотще. Стало быть, прежде всего надо общество подбодрить.

Сказано — сдѣлано. Собралъ Иванъ Семенычъ Богатый на селъ сходку и въ присутствіи всѣхъ домохозяевъ произнесъ блестящую рѣчь о пользѣ общественнаго и частнаго почина... Говорилъ пространно, разсыпчато и вразумительно, словно бисеръ передъ свиньями металъ; доказывать примѣрами, что только тѣ общества представляютъ залогъ преуспѣянія и живучести, кои сами о себѣ промыслить умѣютъ; тѣ же, кои предоставляютъ событиямъ совершаться помимо общественнаго участія, тѣ сами себя зараныше обрекаютъ на постепенное вымирание и конечную погибель. Словомъ сказать, все, что въ Азбукѣ-Копейкѣ вычиталъ, все такъ и выложилъ передъ слушателями.

Результатъ превзошелъ всѣ ожиданія. Посадскіе люди не только прозрѣли, но и провинились самосознаніемъ. Никогда не испытывали они такого горячаго наплыва разнообразнѣйшихъ ощущеній. Казалось, къ нимъ внезапно подкралась давно желанная, но почему-то и гдѣ-то задерживавшаяся жизненная волна, которая высоко-высоко подняла на себѣ этотъ темный людъ. Толпа ликовала, наслаждаясь своимъ прозрѣніемъ; Ивана Богатаго чествовали, называли героемъ. И въ заключеніе единогласно постановили приговоръ: 1) кабакъ закрыть навсегда; 2) положить основаніе самономощи, учредивъ Общество Доброхотной Копейки.

Въ тотъ же день, по числу приписанныхъ къ селу душъ, въ кассу общества поступило двѣ тысячи двадцать три копейки, а Иванъ Богатый, сверхъ того, пожертвовалъ неимущимъ сто экземпляровъ Азбуки-Копейки, сказавъ: «Читайте, други, тутъ все есть, что для васъ нужно!»

Опять уѣхалъ Иванъ Богатый на теплыхъ воды, и опять остался Иванъ Бѣдный при полезныхъ трудахъ, которые на сей разъ, благодаря новымъ условіямъ самопомощи и содѣйствію Азбуки-Копейки, несомнѣнно должны были принести плодъ сторицю.

Прошелъ годъ, прошелъ другой. Ёль ли въ теченіе этого времени Иванъ Богатый въ Вестфаліи вестфальскую ветчину, а въ Страсбургѣ страсбургскіе пироги — достовѣрно сказать не умѣю. Но знаю, что когда онъ, по окончаніи срока, воротился домой, то въполномъ смыслѣ слова обомлѣлъ.

Иванъ Бѣдный сидѣлъ въ развалившейся лачугѣ, худой, отощалый; на столѣ стояла чашка съ тюреи, въ которую Марья Ивановна, по слухаю праздника, подлила, для запаха, ложку коноплянаго масла. Дѣтушки обсыпали кругомъ стола и торопились ёсть, какъ бы опасаясь, чтобъ не пришелъ чужакъ и не потребовалъ сиротской доли.

— Съ чего бы это? — съ горечью, почти съ безнадежностью, воскликнулъ Иванъ Богатый.

— И я говорю: съ чего бы это? — но привычкѣ отозвался Иванъ Бѣдный.

Опять начались предпраздничныя собесѣданія на лавочкѣ передъ хоромами Ивана Богатаго; но какъ ни всесторонне разсматривали собесѣдники удручавшій ихъ вопросъ, ничего изъ этихъ разсмотрѣній не вышло. Думалъ было сначала Иванъ Богатый, что оттого это происходит, что не дозрѣли мы; но, разсудивъ, уѣдился, что ёсть пирогъ съ начинкой — вовсе не такая трудная наука, чтобъ для нея быть необходимъ атtestать зрѣлости. Попробовать-было онъ поглубже копнуть, но съ первого же абzugа такія пугала изъ глубины повыскакали, что онъ сейчасъ же далъ себѣ зарокъ — никогда ни до чего не доказыватьсь. Наконецъ, рѣшились на послѣднее средство: обратиться за разъясненіемъ къ мѣстному мудрецу и филозофу Ивану Простофилю.

Простофиля былъ корениной сельчанинъ, колченогій горбунъ, который, по слухаю убожества, цѣниостей не производилъ, а питался тѣмъ, что круглый годъ въ кусочки ходиль. Но въ селѣ про него говорили, что онъ умень, какъ попъ Семенъ, и онъ вполнѣ оправдывалъ эту репутацію. Никто лучше его не умѣлъ на бобахъ развести и чудеса въ рѣшетѣ показать. Посулить Простофиля краснаго изтуха — глядь, анъ пѣтухъ ужъ гдѣ-нибудь на крышу крыль-

ями хлопаеть; посулить градъ съ голубиное яйцо—глядь, ань отъ града съ поля ужъ ополоумѣвшее стадо бѣжитъ. Всѣ его боялись; а когда подъ окномъ раздавался стукъ его нищенской клюки, то хозяйка-стряпуха торопилась какъ можно скорѣе подать ему лучшій кусокъ.

И на этотъ разъ Простофиля вполиѣ оправдалъ свою репутацію прозорливца. Какъ только Иванъ Богатый изложилъ предъ нимъ обстоятельства дѣла и затѣмъ предложилъ вопросъ: съ чего бы? — Простофиля тотчасъ же, никако не задумываясь, отвѣтилъ:

— Оттого, что въ планту такъ значится.

Иванъ Бѣдный, повидимому, сразу понялъ Простофилю рѣчъ и безнадежно покачалъ головой. Но Богатый Иванъ рѣшительно недоумѣвалъ.

— Планть такой есть,—пояснилъ Простофиля, отчетливо произнося каждое слово и какъ бы наслаждаясь собственнымъ прозорливствомъ: — и въ ономъ планту значится: живеть Иванъ Бѣдный на распутіи, а жилище у него не то изба, не то рѣшето дырявое. Вотъ богачество-то и течеть все мимо да скроль, потому задержки себѣ не видить. А ты, Богатый Иванъ, живешь у самаго стѣка, куда со всѣхъ сторонъ ручьи бѣгутъ. Хоромы у тебя просторныя, справныя, частоколы кругомъ выведены крѣпкіе. Притекуть къ твоему жительству ручьи съ богачествомъ — тутъ и застрянутъ. И ежели ты, къ примѣру, вчера поль-имѣнія раздалъ, то сегодня къ тебѣ на смѣну цѣлыхъ три четверти привалило. Ты — отъ денегъ, а деньги — къ тебѣ. Подъ какой кустъ ты ни заглянешь, вездѣ богачество лежитъ. Вотъ онъ каковъ, этотъ планть! И сколько вы промежъ себя ни калякайте, сколько ни раскидывайте умомъ — ничего не выдумаете, покуда въ ономъ планту такъ значится.

13.—Здравомысленный заяцъ.

Хоть и обыкновенный это былъ заяцъ, а преумный. И такъ здраво разсуждалъ, что и ослу впору. Притаится подъ кустомъ, чтобы не видать его было, и самъ съ собой разговариваетъ.

— Всякому, — говорить: — звѣрю свое житѣе предоставлено. Волку — волчье, льву — львиное, зайцу — заячье. Доволенъ ты или недоволенъ своимъ житѣемъ, никто тебя не спрашиваетъ; живи, только и всего. Нашего брата, зайца, напримѣръ, всѣ Ѣдятъ — кажется, имѣли бы мы основаніе

на сіе претендовать? Однако, ежели разсудить здраво, то сіва ли подобная претензія могла бы называться правильною. Во-первыхъ, кто ъесть, тотъ знаетъ, зачѣмъ и почему ъесть; а во-вторыхъ, если бы мы и правильно претендовали, отъ этого нась ъесть не перестанутъ. Сверхъ препорциі, все равно, не будуть ъесть, а сколько надо—непремѣнно съѣдять. Статистическая таблицы, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издаваемыя...

На этомъ заяцъ обыкновенно засыпать, потому что статистика имѣла свойство приводить его въ безнамятство. Но выснится и опять примется здраво разсуждать.

Ѣдять нась, Ѣдять, а мы, зайцы, что годъ, то большие плодимся. Стало-быть, и намъ пальца въ роть не клади. И лѣтомъ, и зимой, посмотри на поляну — то и дѣло, что зайцы вдоль и поперекъ сигають. Заберемся мы въ капустники или въ овсы, или около молодыхъ яблонь пристроимся — пожалуй, и отъ нашего брата солено мужичку придется. Да, и за нами, за зайцами, глазъ да глазъ нуженъ. Недаромъ статистическая таблицы, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издаваемыя...

Новый сонъ, новая пробужденія, новая здравыя мысли. Безъ конца заяцъ умию свою канитель разводилъ; и такъ прикинетъ, и этакъ смѣкнеть — и все у него хорошо выходило. И чтѣ всего дороже — ни карьеры онъ при этомъ виду не имѣль, ни передъ начальствомъ оригинальностью взглядовъ блеснуть не разсчитывалъ (онъ зналъ, что начальство, не выслушавши его, съѣсть), а просто-и-просто самъ для себя любиль солидно, по-заячыи, обо всемъ разсудить. Дескать, —

Неправо о вещахъ тѣ думаютъ, Шуваловъ,
Которые стекло чутъ ниже минераловъ.

Вотъ, моль, у насъ какъ!

Сидѣль онъ однажды такимъ манеромъ подъ кустикомъ, да и вздумалъ передъ зайчихой своей здравыми мыслями щегольнуть. Встать на заднія ножки, ушки на макушку взбодриль, передними лапками штуки-фигуры выдѣлываетъ, а языкомъ, слово за словомъ, точно горохъ, такъ и сыплеть.

— Нѣть, — говоритъ: — мы, зайцы, даже очень хорошо прожить можемъ. Мы и свадьбы справляемъ, и хороводы водимъ, и пиво въ престольные праздники варимъ. Разставимъ верстъ на десять сторожей, да и горланимъ. А волкъ услышитъ, да и прибѣжитъ: «кто пѣсни пѣлъ?...» Ну, тутъ, натурально, кто куда поспѣлъ! Успѣль уленет-

нуть — въ другомъ мѣстѣ пиво варі; не успѣть — сѣсть тебя волкъ, какъ пить дасть! И ничего ты съ этимъ не подѣлаешь. Зайчиха! правду ли я говорю?

— Коли не врешь, такъ правду говоришь, — отвѣтила зайчиха, которая уже за десятый мужемъ за этимъ зайцемъ была, и всѣ прежніе девятеро у нея на глазахъ нарасною смертью погибли.

— Подлый народъ эти волки — это правду надо сказать. Все у нихъ только разбой на умѣ! — продолжалъ заяцъ. — Сколько разъ я и говорилъ, и въ газетахъ писалъ: Господа волки! вмѣсто того, чтобы зайца сразу рѣзать, вы бы только шкурку съ него содрали — онъ бы, снуя время, другую вамъ предоставилъ! Заяцъ, хошь онъ и плодушъ, однако, ежели сегодня цѣлый косякъ вырѣзать, да завтра другой косякъ — глядь, анъ на базарѣ-то, вмѣсто двугривенаго, заяцъ ужъ въ полтину вскочиль! А кабы вы чередомъ пришли: господа, моль, зайцы, не угодно ли на сегодняшнюю волчью трапезу столько-то десятковъ штукъ предоставить? — Съ удовольствіемъ, господа волки! Эй, староста! гони очередныхъ! — И шло бы у насть все по закону, какъ слѣдуетъ. И волки, и зайцы — всѣ бы въ надеждѣ были. И мы бы, и вы бы, и съ одной стороны, и съ другой стороны... Ахъ, господа, господа!

Говорилъ-говорилъ заяцъ и чуть было совсѣмъ не зарапортовался, какъ вдругъ услышалъ, что неподалѣчку, въ травѣ, что-то шуршитъ. Смотрѣть, анъ зайчиха-то его давно стречка дала, а лиса-кляузница легла на брюхо, да и ползеть на него, словно поиграть съ заинькой собралась.

— Вонъ ты какой, заяцъ, умный! — первая заговорила лиса: — такъ ты сладко растабарываешь, что вѣкъ бы я тебя слушала, и все бы слушать хотѣлось!

Умень былъ заяцъ, а спервоначалу и онъ обомлѣлъ. Стоитъ на заднихъ лапкахъ какъ вкопанный, не то въ сторону глазами косить, куда бы стречка дать, не то обдумываетъ: вотъ оно когда пришло съ здравой точки зѣнія на свое положеніе взглянуть...

— Голодна, тetenыка? — спросилъ онъ, стараясь какъ можно меныше рѣбѣть.

— И! чѣмъ ты! Господь съ тобой! да я пресытѣхонька! Развѣ потому чѣмъ будетъ, а теперь — и Боже меня сохрани! Здравствуй, заинька, будь здоровъ!

Сѣла лиса по-собачьему и заиньку присѣсть пригласила, и онъ ножки подъ себѣ поджалъ. Поджалъ, сердечный, и

все самъ съ собой разсуждаетъ: «Какъ, моль, я ожидалъ, такъ по-моему и вышло. Всякому звѣрю свое житѣе: льву—львиное, лисѣ—лисье, зайцу—заячье. Нутка, вывози теперь, заячье житѣе!»

А лисица точно читаетъ въ его сокровенныхъ мысляхъ, сидить, да, знай, заиньку похваливается.

— И откуда ты къ намъ, такой филозофъ, пожаловалъ?

— Недавно я, тетенька, изъ-за тридевять земель, какъ угорѣлый, сюда прикатилъ. Жилъ я въ своемъ мѣстѣ, можно сказать, даже очень хорошо. И семейство у меня было, и обзаведеньице, и все такое. Цѣлую зиму мы у помѣщика на скотномъ дворѣ въ омѣтѣ пропаивали: днемъ спимъ, а ночью кленковъ да яблонекъ погрызимъ. Ужъ дѣло къ веснѣ шло, въ лѣсѣ бы собираться на дачу пора, ань къ намъ въ омѣтѣ волкъ пожаловалъ. Какіе-такіе звѣри? по какому виду? съ чьего разрѣшенія?.. Я-то, признатъся, убѣгъ, а зайчиха съ зайчатами...

— Слышала я обѣ этомъ. Волкъ-то мнѣ кумомъ приходится, такъ сказывалъ. «Намеднись, говорить, я цѣлое заячье гнѣздо разорилъ, а заяцъ убѣгъ, такъ какъ бы намъ, кума, его разыскать?» Аинъ ты вотъ онъ—онъ. Смотри, жену-то, чай, жалко было?

— Ужъ и не помню. Вижу, что надо бѣжать,—и побѣжалъ. Прибѣжалъ, смотрю—зайчиха-вдова сидитъ: давай, моль, вмѣстѣ жить! И стали жить. Жили мы съ ней, нельзя похаять, исправно, а теперь вотъ она убѣжала, а я остался.

— Ахъ ты горюнъ-горюй! Ну, дай срокъ, мы ее изымаляемъ!

Лисица зѣвнула, легонько куснула зайца за ляжку (онъ, однако, сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ), повалилась на бокъ, откинула голову и зажмурилась.

— Ишь вѣдь солице-то жарить,—лѣниво пробормотала она:—словно дѣло дѣлаетъ! Сѣмъ, я вздрежну, а ты тѣмъ временемъ сядь поближе да покалякай.

Такъ и сдѣлали. Лиса задремала, а заяцъ съ такимъ разсчетомъ сѣлъ, чтобы лисѣ его во всякое время мордой достать было можно, и началъ сказки сказывать.

— Я, тетенька, не привередливъ,—говорилъ онъ:—я всячески жить согласенъ. И трехъ лѣтъ еще нѣть, какъ я на свѣтѣ живу, а ужъ чуть не половину Россіи обѣгъ. Только-что въ одномъ мѣстѣ оснуешься—глядь, либо волкъ, либо сова, либо охотнички съ облавой на тебя собрались. Бѣги, сломя голову, устраивайся по-новому за тридевять

земель. Но я на это не ропщу, потому понимаю, что такова есть заячья жизнь. А ежели иной разъ и не понимаю, то и не понимаючи все-таки бѣгу. Все одно какъ мужики въ напихъ мѣстахъ. Онъ спать собрался, а подъ окномъ у него — тукъ-тукъ! ступай, дядя Михей, съ подводой! На дворѣ метель, стыть, лошаденка у него чуть дышнить, а онъ навалить на подводу солдатъ, да и претъ двадцать верстъ около саней пѣшкомъ. Черезъ сутки, гляди, опять домой вернулся, ребятамъ пряника привезъ, женѣ — платокъ на голову, всѣмъ вообще — слезы. Спроси его, что сіе означаетъ? — онъ тебѣ отвѣтитъ: означаетъ сіе мужицкую жизнь. Такъ-то и мы, зайцы. Жить — живемъ, а руку на себя не накладываемъ. Всегда мы готовы... Такъ ли я, тetenька, говорю?

Лиса, вмѣсто отвѣта, тихо лайнула, точно во снѣ; заяцъ искоса взглянуль на нее: не спить ли, моль, тetenька? Не было ли у него при этомъ на умѣ, въ случаѣ чего, стречка дать, — навѣрное сказать не могу, но очень возможно, что и такого рода политика въ программу заячей жизни входитъ. Однако, хотя лиса не только глаза зажмурила, но заяцъ чутъемъ догадался, что она это комедіи передъ нимъ разыгрываетъ.

— Разсказку я тебѣ, — продолжалъ онъ: — какъ у меня дядя у одного солдата въ услуженіи жилъ. Поймалъ его солдатъ еще махонькаго и всему солдатскому обиходу выучилъ. Изъ ружья ли выпалить, артикуль ли выкинуть, смаринировать ли, въ барабанъ ли зорю отбить — на все дядя за первый сортъ быль. Бѣзъятъ, бывало, вдвоемъ по базарамъ, представлеца показываютъ, а имъ — кто яйцо, кто конечку, кто хлѣба кусокъ, Христа ради, подастъ. Такъ вотъ этотъ самый солдатъ житіе свое дядѣ рассказывалъ. «Жиль я, говорить, въ дому у родителей, и послалъ меня однажды батюшка сани на зиму изладить. Излаживаю я, пѣсеники поющаю, трубочку покуриваю — вдругъ десятской на дворѣ: — ступай, Семенъ, въ волостную; тебя въ солдаты требуютъ. — Я, въ чёмъ быль, въ томъ и ушелъ; хорошо, что трубку-то изъ штаны спрятать успѣлъ. Ушелъ, да двадцать лѣтъ послѣ того и иронизировалъ^{*)}. А черезъ

^{*)} Заяцъ, очевидно, говоритъ про очень старинные времена, когда солдатская служба продолжалась не меньше 20-ти лѣтъ, и когда рекрутопы, изъ опасенія, чтобы они не бѣжали въ дорогѣ, забивали въ головки.

двадцать лѣтъ воротился въ свое мѣсто—ни кола, ни двора, чисто...» Такъ вотъ оно,—прибавилъ разсудительно заяцъ:— мужичья-то жизнь какъ оборачивается! Сейчасъ онъ—мужикъ, а сейчасъ—солдатъ; и то, и другое житѣемъ называется. Такъ-то вотъ и съ нами, зайцами...

— Неужто-жъ и вѣсъ въ солдаты отдаютъ? — спросила лиса, точно сейчасъ проснулась.

— Нѣть, нась ъѣять,—отвѣтилъ заяцъ какъ можно веселѣе.

— И я то же думаю, потому что какіе же вы солдаты! Хуже старинной гарнизы, которую славный генералъ Бибиковъ «негодницей» звалъ. И дядю-то твоего, поди, солдатъ подъ конецъ сѣѣть?

— Нѣть, солдатъ-то умеръ, а дядя въ ту пору бѣжалъ. Пришелъ домой, а заячье работы работать не можетъ— отвыкъ. И тетка задаромъ кормить его не согласна. Вотъ онъ однажды и надумалъ: «пойду въ село на базарь, буду комедіи представлять». Да только-что началъ «кавалерійскую рысь» на барабанѣ отхватывать—его собаки и разорвали!

— И по дѣломъ: зачѣмъ публику беспокоилъ. Впрочемъ, вѣдь дядя-то твой, чай, и заранѣе зналъ, что когда-нибудь да сѣѣтъ его. Не собаки, такъ волкъ, не волкъ, такъ лисица. Резолюція-то вамъ всѣмъ одна. Ну, а покуда чтѣ, скажи мнѣ: лисицы-то каковы въ вашей сторонѣ? Лихи, чай?

— Въ нашей сторонѣ лисицы, нужно правду сказать, даже очень лихи. Я-то ни съ одной близко не встрѣчался, а видѣль, какъ однажды лисицу у меня въ глазахъ охотничекъ заполевалъ. И, признаться...

Заяцъ хотѣлъ сказать: «обрадовался», по спохватился и обрѣбѣлъ; однако лиса отгадала его мысль.

— Вотъ вѣдь ты кровопивецъ какой!—укорила она его и такъ болѣю укусила ему бокъ, что изъ раны полилась кровь.

— Ахъ!—взвизгнулъ заяцъ отъ боли, по вѣдь одну минуту сдержалъ себя и молодецки поправился:—Это я, ваше высокое степенство, о тамошнихъ лисахъ говорю, а здѣшнія лисицы, сказываютъ, добрыя.

— Ой ли?

— Вѣрю говорю. Вѣдь прошлому году у нась въ лѣсу зайчикъ-сирота остался, такъ одна лисица его съ своими дѣтьми, слышь, воспитала.

— Выrostила, значитъ, и выпустила? Гдѣ-жъ онъ теперь, сиротка-то вани?

— Кто его знает, гдѣ онъ теперь... Пропалъ будто. Поворовывать, говорять, началь, скружился, а наконецъ и лисицу молоденькую соблазнилъ. За это будто бы его ста-руха-лисица сѣла.

— Я его сѣла, я—та самая лисица и есть, о которой ты слышалъ. Только не за то я его сѣла, что онъ скружился и въ развратъ впалъ, а за то, что пора его присѣла.

Лисица на минуту задумалась и шелкнула зубами, поймавъ блоху. Потомъ, не торопясь, встала, встряхнулась и совершенно добродушно спросила зайца:

— А теперь, какъ ты полагаешь, кого я есть буду?

Умень былъ заяцъ, а не угадаль. Или, лучше сказать, у него тогда же въ умѣ мелькнуло: «вотъ оно, заячье-то житье... начинается!» — но ему смерть не хотѣлось даже самому себѣ признаться въ этомъ.

— Не знаю,—ответилъ онъ.

Однако и по лицу, и по голосу его такъ было явно, что онъ лжетъ, что лиса не на шутку разсердилась.

— Вотъ ты какой лгунъ! — сказала она.—Мнѣ про тебя и нѣсть чего наговорили: и филозофъ-то ты, и сердце-вѣдѣцъ-то, а выходить, что ты — самый обыкновенный, плохой зайченко! Тебя буду есть! тебя, сударь, тебя!

Лиса отпринула назадъ и сѣдала видѣ, что вотъ-вотъ сейчасъ бросится на зайца и сѣбѣсть. Но вслѣдъ затѣмъ она сѣла и, какъ ни въ чемъ не бывало, начала задней ногой за ухомъ чесать.

— А, можетъ-быть, ты и помилуешь? — вполголоса сдѣлала робкое предположеніе заяцъ.

— Часъ-отъ-часу не легче! — еще пуще разсердилась лиса. — Гдѣ ты это слыхалъ, чтобы лисицы миловали, а зайцы помилованіе получали? Развѣ для того мы съ тобой, фофанъ ты этакій, подъ однимъ небомъ живемъ, чтобы въ помилованія играть... а?

— Ну, тетенька, примѣры-то эти бывали! — настаивалъ заяцъ, все еще хорохорясь. Но тутъ же, вирочемъ, упала духомъ и затосковала.

Вспомнилось ему, какъ онъ изъ конца въ конецъ бѣгалъ, словно мужикъ - раскольникъ, «вышиняго града взыскуя»; какъ онъ по цѣлымъ суткамъ въ дунѣлъ, не ъвиши, дрожалъ; какъ однажды, отъ лихого звѣря спасаясь, онъ въ подпольцу къ мужику рассказался, да благо въ ту пору великий пость быть — мужикъ-отъ его и выпустилъ. Вспомнилъ про

своихъ зайчихъ-любушекъ, какъ онъ вмѣстѣ съ ними зайчать зоблилъ и какъ ни съ одной порядкомъ даже надышаться не успѣль. И, вспоминая, то и дѣло втихомолку твердиль:

— Ахъ, кабы пожить! Ахъ, кабы хоть чуточку еще пожить!

А лиса тѣмъ временемъ и взаправду пріятный сюрпризъ зайцу приготовила.

— Слушай, подлый зайчишко, — сказала она: — я вѣдь думала, что ты въ самомъ дѣлѣ филозофъ, а тебя между тѣмъ винѣ какъ отъ одной мысли о смерти коробить. Такъ вотъ я какую для тебя вольготу придумала. Отойду я на четыре сажени впередъ, сяду къ тебѣ задомъ и не буду на тебя, на гаденка этакаго, цѣлыхъ пять минутъ смотрѣть. А ты въ это время стараися мимо меня такъ пробѣжать, чтобы я тебя не поймала. Успѣшишь улизнуть—твоя взяла; не успѣшишь—сейчасъ тебѣ резолюція готова.

— Ахъ, тetenъка, гдѣ уже мнѣ!

— Глупый! ежели и не улизнешь, такъ все-таки время проведешь. Дѣломъ займешся, потрафлять будешь — ань тоски-то и убавится. Все равно какъ солдатъ на войнѣ: потрафлять да потрафлять—смотришь, ань и пропалъ!

Заяцъ подумаль-подумаль и долженъ быль согласиться, что лиса хорошо придумала. Между дѣломъ быть съденнымъ все-таки вольготнѣе, нежели въ томительно-праздномъ ожиданіи. Настоящая-то заячья смерть имено такова и есть, чтобы на всемъ скаку: бѣжишь во весь опоръ, ань тутъ тебѣ и капнуть.

«Ничего ты не понимаешь, чтò съ тобой дѣлается, а тебя вдругъ пополамъ разорвали!»—соображаль заяцъ и машинально прибавиль:—А можетъ-быть...

— Ну, эти фантазіи-то ты оставь! — предупредила его лиса, угадавъ неясную надежду, мелькнувшую у него въ головѣ. — Ты лучше ужъ безъ фантазій... разъ, два, три! Господи благослови, начинай!

Сказавши это, лиса отошла на четыре сажени впередъ, предварительно посадивши зайца задомъ къ частому-частому кустарнику, чтобы никакъ онъ не могъ назадъ убѣжать, а бѣжалъ бы не иначе, какъ мимо нея.

Сѣла лисица и занялась своимъ дѣломъ, словно и не видить зайца. Но заяцъ нимало не сомнѣвался, что если-бъ она и еще на четыре сажени впередъ отошла, то и тогда ни одно самомалѣйшее его движеніе не ускользнуло бы отъ нея. Нѣсколько разъ онъ вскакивалъ на ноги и уши на спину складывалъ; нѣсколько разъ онъ весь собирался въ

комокъ, намѣреваясь сдѣлать какой-то диковинный скакочъ, благодаря которому онъ сразу очутился бы въ преслѣдованія; но увѣренность, что лиса, и не видя, все видить, приводила его въ оѣненіе. Тѣмъ не менѣе лиса все-таки была по-своему права: у зайца дѣйствительно нашлось заячье дѣло, которое въ значительной мѣрѣ агонію его смягчило.

Наконецъ, урочная пять минутъ истекли, заставъ зайца неподвижнымъ на прежнемъ мѣстѣ и всецѣло погруженнымъ въ созерцаніе своего заячьяго дѣла.

— Ну, теперь давай, заяцъ, играты! — предложила лисица.

Начали они играть. Съ четверть часа лисица прыгала вокругъ зайца: то укусить его и совсѣмъ ужъ сберется горло перервать, то прыгнетъ въ сторону и задумается: не простить ли, моль? Но даже и это было для зайца своего рода дѣло, потому что ежели онъ и не оборонялся взаправду, то все-таки лапками закрывался, верезжалъ...

Но черезъ четверть часа все было кончено. Вместо зайца остались только клочки пикуры да здравомысленный сgo слова: «всякому звѣрю свое житѣе: льву — львиное, лисѣ — лисье, зайцу — заячье».

14.—Либераль.

Въ нѣкобѣрой странѣ жиль-быль либераль, и притомъ такой откровенный, что никто слова не молвить, а онъ ужъ во все горло гаркаетъ: «ахъ, госиода, господа! чѣ вы дѣлаете! вѣдь вы сами себя губите!» И никто на него за это не сердился, а напротивъ, всѣ говорили: «пускай предупреждаетъ — намъ же лучшее!»

— Три фактора, — говорилъ онъ: — должны лежать въ основаніи всякой общественности: свобода, обезпеченність и самодѣятельность. Ежели общество лишено свободы, то это значитъ, что оно живеть безъ идеаловъ, безъ горѣнія мысли, не имѣя основы для творчества, ни вѣры въ предстоящія ему судьбы. Ежели общество сознаетъ себя не-обеспеченнымъ, то это налагаетъ на него печать подавленности и дѣлаетъ равнодушнымъ къ собственной участіи. Ежели общество лишено самодѣятельности, то оно становится неспособнымъ къ устройству своихъ дѣлъ и даже мало-по-малу утрачиваетъ представленіе объ отечествѣ.

Вотъ какъ мыслилъ либераль, и, надо правду сказать, мыслилъ правильно. Онъ видѣлъ, что кругомъ него люди

словно отравленный мухи бродить, и говорилъ себѣ: «Это оттого, что они не сознаютъ себя строителями своихъ судебъ. Это колодники, къ которымъ и счастіе, и злосчастіе приходитъ безъ всякаго съ ихъ стороны предвидѣнія, которые не отдаются беззаконно своимъ опущеніямъ, потому что не могутъ опредѣлить, действительно ли это опущенія, или какая-нибудь фантасмагорія». Однимъ словомъ, либеральъ былъ твердо убѣжденъ, что лишь упомянутые три фактора могутъ дать обществу прочные устои и привести за собою всѣ остальные блага, необходимыя для развитія общественности.

Но этого мало: либеральъ не только благородно мыслилъ, но и рвался благое дѣло дѣлать. Завѣтийшее его желаніе состояло въ томъ, чтобы лучь свѣта, согрѣвавшій его мысль, прорѣзаль окрестную тьму, осѣниль ее и все живущее напоилъ благоволеніемъ. Всѣхъ людей онъ признавалъ братьями, всѣхъ одинаково призывалъ насладиться подъ сѣнью излюбленныхъ имъ идеаловъ.

Хотя это стремленіе перевести идеалы изъ области эмпиреевъ на практическую почву принашивало не совсѣмъ благонадежно, но либеральъ такъ искренно пламенѣлъ, и притомъ былъ такъ милъ и ко всѣмъ ласковъ, что ему даже неблагонадежность охотно прощали. Умѣлъ онъ и истину съ улыбкой выскажать, и простачкомъ, гдѣ нужно, прикинуться, и безкорыстѣемъ щегольнуть. А главное, никогда и ничего онъ не требовалъ настуя на горло, а всегда только *по возможности*.

Конечно, выраженіе: «*по возможности*» не представляло для его ретивости ничего особенно лестнаго, но либераль примирялся съ нимъ, во-первыхъ, ради общей пользы, которая у него всегда на первомъ планѣ стояла, и во-вторыхъ, ради огражденія своихъ идеаловъ отъ напрасной и преждевременной гибели. Сверхъ того, онъ зналъ, что идеалы, его одушевляющіе, имѣютъ слишкомъ отвлеченный характеръ, чтобы воздѣлывать на жизнь непосредственнымъ образомъ. Чѣмъ такое свобода? обезнеченность? самодѣятельность? Все это отвлеченные термины, которые слѣдуетъ наполнить несомнѣнно осознательнымъ содержаніемъ, чтобы въ результатѣ вышло общественное цвѣтеніе. Термины эти, въ своей общности, могутъ воспитывать общество, могутъ возвышать уровень его вѣрованій и надеждъ, но блага осознанаго, разливающаго непосредственное опущеніе довольства, принести не могутъ. Чтобы достичь

этого блага, чтобы сдѣлать идеаль общедоступнымъ, необходимо размѣнять его на мелочи и уже въ этомъ видѣ примѣнять къ исцѣленію недуговъ, удручающихъ человѣчество. Вотъ тутъ-то, при размѣнѣ на мелочи, и вырабатывается само собой это выраженіе: «по возможности», которое изъ двухъ приходящихъ въ соприкосновеніе сторонъ одну заставляетъ *въ известной степени* отказаться отъ замкнутости, а другую—*въ значительной степени* сократить свои требованія.

Все это отлично понять либераль и, заручившись этими соображеніями, преноялся на брань съ дѣйствительностью. И прежде всего, разумѣется, обратился къ свѣдущимъ людямъ.

— Свобода—вѣдь, кажется, тутъ ничего предосудительного нѣтъ?—спросилъ онъ ихъ.

— Не только не предосудительно, но и весьма похвально,—отвѣтили свѣдущіе люди:—вѣдь это только клевещутъ на насть, будто бы мы не желаемъ свободы; въ дѣйствительности, мы только обѣй ней и печалимся... Но, разумѣется, въ предѣлахъ...

— Гм!.. «въ предѣлахъ»... понимаю! А что вы скажете насчетъ обезпеченностіи?

— И это милости просимъ... Но, разумѣется, тоже въ предѣлахъ.

— А какъ вы находите мой идеаль общественной самодѣятельности?

— Его только и недоставало. Но, разумѣется, опять-таки въ предѣлахъ.

Что-жъ! въ предѣлахъ, такъ въ предѣлахъ! Самъ либераль хорошо понималъ, что иначе нельзя. Пусти-ка савраса безъ узды—онъ въ одинъ моментъ того накуралеситъ, что годами потомъ не поправинъ! А съ уздою — святое дѣло! Идеть саврасъ и оглядывается: а нутко я тебя, саврасъ, кнутомъ шарахну... вотъ такъ!

И началь либераль «въ предѣлахъ» орудовать: тамъ урвать, тамъ урѣжетъ, а въ третиѣмъ мѣстѣ и совсѣмъ спрячется. А свѣдущіе люди глядятъ на него и не нарадуются. Одно время даже такъ работой его увлеклись, что можно было подумать, что и они либералами сдѣлались.

— Дѣйствуй! — поопиряли они его:—тутъ обойди, здѣсь ступай, а тамъ и вовсе не касайся. И будетъ все хорошо. Мы бы, любезный другъ, и съ радостью готовы тебя,

козла, въ огородъ пустить, да самъ видишь, какимъ тыномъ у насть огородъ обнесень!

— Вижу-то, вижу, — соглашался либераль: — но только какъ мнѣ стыдно свои идеалы ломать! Такъ стыдно! Ахъ, какъ стыдно!

— Ну, и постыдись маленько: стыдъ глаза не выѣсть! Зато, *по возможности*, все-таки затѣю свою выполнiness!

Однако по мѣрѣ того, какъ либеральная затѣя *по возможности* осуществлялась, свѣдущіе люди догадывались, что даже и въ этомъ видѣ идеалы либерала не розами пахнуть. Съ одной стороны черезчуръ широко задумано; съ другой стороны — недостаточно созрѣло, къ воспирятію не готово.

— Невмоготу намъ твои идеалы! — говорили либералу свѣдущіе люди: — не готовы мы, не выдержимъ!

И такъ подробно и отчетливо всѣ свои несостоятельности и подлости высчитывали, что либераль, какъ ни горько ему было, долженъ быть согласиться, что дѣйствительно въ предпрѣятіи его существуетъ какой-то фаталистической огрѣхъ: не лѣзть въ штаны, да и баста.

— Ахъ, какъ это печально! — роптали онъ на судьбу.

— Чудакъ! — уговаривали его свѣдущіе люди: — есть отъ чего плакать! Тебѣ чтѣ нужно, — будущее за твоими идеалами обезпечить? — такъ вѣдь мы тебѣ въ этомъ не препятствуемъ. Только не торопись ты, ради Христа! Ежели нельзя «по возможности», такъ удовольствуйся тѣмъ, что отвоюешь «хоть что-нибудь»! Вѣдь и «хоть что-нибудь» свою цѣну имѣть. Помаленьку да полегоньку, не торопясь да Богу помолясь — смотришь, анъ одной ногой ты ужъ и въ капище! Въ капище-то, съ самой постройки его, никто не заглядывалъ; а ты взялъ да и заглянулъ... И зато Бога благодари.

Дѣлать нечего, пришлось и на этомъ помириться. Ежели нельзя «по возможности», такъ «хоть что-нибудь» старайся урвать и на томъ спасибо скажи. Такъ либераль и поступилъ, и вскорѣ такъ свыкся съ своимъ новымъ положеніемъ, что самъ дивился, какъ онъ былъ такъ глупъ, полагая, что возможны какіе-нибудь иные предѣлы. И уподобленія всякия на подмогу къ нему явились. И пишеничное, моль, зерно не сразу плодъ даетъ, а также поцеремонится. Сперва надо его въ землю посадить, потомъ ожидать, покуда въ немъ произойдетъ процессъ разложенія.

А свѣдущіе люди, видя его задумчивость, съ своей стороны стали его понуждать:—«Коли ты, либераль, заварилъ кашу, такъ ужъ не мудри, вари до конца! Ты нась взбуроражилъ, ты же нась и ублаготвори... дѣйствуй!»

И стала онъ дѣйствовать. И все примѣнительно къ подлости. Попробуетъ иногда, грѣшнымъ дѣломъ, въ сторону улизнуть, а свѣдущій человѣкъ сейчасъ его за руки: «куда, либераль, глаза скосиль? Гляди прямо!»

Такимъ образомъ шли дни за днями, а за ними шло впередь и дѣло преуспѣянія «примѣнительно къ подлости». Идеаловъ и въ поминѣ ужъ не было — одна мразь осталась, — а либераль все-таки не унывалъ. «Что-жъ такое, что я свои идеалы пѣ упинъ въ подлости завязылъ? Зато я самъ, яко столъ, невредимъ стою! Сегодня я въ грязи валяюсь, а завтра выглянетъ солнышко, обсушить грязь — я и опять молодецъ-молодцомъ!» А свѣдущіе люди слушали эти его похвальбы и поддакивали: «именно такъ!»

И вотъ шель онъ однажды по улицѣ съ своимъ пріятелемъ, по обыкновенію обѣ идеалахъ калякалъ и свою мудрость на чёмъ свѣтъ превозносилъ. Какъ вдругъ онъ почувствовалъ, словно бы на щеку ему иѣсколько брызговъ нало. Откуда? съ чего? Взглянулъ либераль наверхъ: не дождикъ ли, моль? Однако видѣть, что въ небѣ ни облака, и солнышко какъ угорѣлое на зенитѣ играетъ. Вѣтерокъ хоть и подуваетъ, но такъ какъ помои изъ оконъ выливать не указано, то и на эту операцию подозрѣніе положить нельзя.

— Что за чудо! — говорить пріятелю либераль: — дождѣвѣтъ, помоею вѣтъ, а у меня на щеку брызги летятъ!

— А видишь, вонъ за угломъ иѣкоторый человѣкъ притаился, — отвѣтилъ пріятель: — это его дѣло! Плюнуть ему на тебя зѣ твои либеральныя дѣла захотѣлось, а въ глаза сдѣлать это смѣлости не хватаетъ. Вотъ онъ «примѣнительно къ подлости» изъ-за угла и плюнуетъ, и на тебя вѣтромъ брызги нанесло-

15.—Баранъ-Непомнящій.

Домашніе бараны съ незапамятныхъ временъ живутъ въ порабощеніи у человѣка; ихъ настоящіе родоначальники неизвѣстны.

Брэмъ.

Были ли когда-нибудь домашніе бараны «вольными» — исторія обѣ этомъ умалчиваетъ. Въ самой глубокой древности патріархи уже обладали стадами прирученныхъ ба-

раповъ, и затѣмъ, черезъ всѣ иѣка, баранъ проходить рас-
пространенныи по всѣму лицу земли въ качествѣ живот-
наго, какъ бы нарочито на потребу человѣку созданнаго.
Человѣкъ, въ свою очередь, создаетъ цѣлые особыя породы
барановъ, почти не имѣющія между собою ничего общаго.
Однихъ воспитываютъ для мяса, другихъ — для сала,
третьихъ — ради теплыхъ овчинъ, четвертыхъ — ради обиль-
ной и мягкой волни.

Сами домашніе бараны, конечно, всего меныше о воль-
номъ прародителѣ своемъ помнятъ, а просто знаютъ себя
приналежащими къ той породѣ, въ которой засталь ихъ
моментъ рожденія. Этотъ моментъ составляетъ исходную
точку личной бараньей исторіи; но даже и онъ постепен-
но тускнеетъ, по мѣрѣ вступленія барана въ зрѣлый
возрастъ. Такъ что истинно-мудрымъ называется только
тотъ баранъ, который ничего не помнить и не сознаеть,
кромѣ травы, сѣна и мѣсятки, предлагаемыхъ ему въ
нишу.

Однако грѣхъ да бѣда на кого не живеть. Спалъ од-
нажды иѣкоторый баранъ и увидѣлъ сонъ. Должно-быть,
не одну мѣсятку во снѣ видѣлъ, потому что проснулся
тревожный и долго глазами чего-то искалъ.

Сталь онъ припомнить, что такое случилось; но хоть
убей — ничего вспомнить не могъ. Да и какая-то, серебря-
нымъ свѣтомъ подернутая, и больше ничего. Только смут-
ное ощущеніе этой безформенной серебрянай дали и осталось
въ немъ, но никакого опредѣленнаго очертанія, ни
одного живого образа...

— Овца! а овца! чтѣ я такое во снѣ видѣлъ? — спро-
силъ онъ лежащую рядомъ овцу, которая, яко во-истину
овца, отроду словъ не видала.

— Спи, выдумщикъ! — сердито отвѣчала овца: — не для
того тебя изъ-за моря привезли, чтобы сны видѣть да мод-
ника изъ себя представлять!

Баранъ былъ породистый англійскій меринъ. Помѣ-
щикъ Иванъ Созонтычъ Растворовскій шальныя деньги за
него заплатилъ и величія на него надежды возлагалъ. Но,
конечно, не для того онъ его изъ-за мора вывезъ, чтобы
отъ него поколѣніе умныхъ барановъ пошло, а для того,
чтобы онъ создалъ для своего хозяина стадо тонкорун-
ныхъ овецъ.

И въ первое время по прїездѣ его на мѣсто баранъ,
дѣйствительно, зарекомендовалъ себя ѿ самой лучшей сто-

роны. Ни о чёмъ онъ не разсуждалъ, ничёмъ не интересовался, даже не понималъ, куда и зачёмъ его привезли, а просто-напросто жилъ да поживалъ. Что же касается до вопроса о томъ, что такое баранъ и какія его права и обязанности, то баранъ не только никакихъ пропагандъ по этому предмету не распространялъ, но едва ли даже подозревалъ, что подобные вопросы могутъ бараны головы волновать. Но это-то именно и помогало ему выполнять баранье дѣло настолько пунктуально и добросовѣстно, что Иванъ Созонтычъ и самъ нарадоваться на него не могъ, и соседей любоваться водиль: смотрите!

И вдругъ этотъ сонъ... Чѣмъ это былъ за сонъ — баранъ рѣшительно не могъ сообразить. Онъ чувствовалъ только, что въ существованіе его вторглось нѣчто необычайное, какая-то тревога, тоска. И хлѣбъ у него, повидимому, тотъ же, и кормъ тотъ же, и то же стадо овецъ, предоставленное ему для усовершенствованія, а ему ни до чего какъ будто бы дѣла нѣть. Бродить онъ по хлѣбу какъ потерянный, и только и дѣла блѣтъ:

— Чѣмъ такое я во снѣ видѣлъ? Растолкуйте мнѣ, чѣмъ такое я видѣлъ?

Но овцы не выказывали ни малѣйшаго сочувствія къ его тревогамъ и даже не безъ ядовитости называли его умникомъ и филозофомъ, чѣмъ, какъ извѣстно, на овчью языкъ имѣть значеніе худшее, нежели «моветонъ».

Съ тѣхъ порь, какъ онъ началъ сны видѣть, овцы съ горечью вспоминали о простомъ, иллѣнской породѣ, баранѣ, который передъ тѣмъ четыре года сряду ими помышлялъ, но подъ конецъ, за выслугу лѣтъ, былъ опредѣленъ на кухню и тамъ безъ вѣсти пропалъ (видѣли только, какъ его изъ кухни на блюда, съ триумфомъ, въ господскій домъ пронесли). То-то былъ настоящій служилый баранъ! Никогда никакихъ словъ онъ не видѣлъ, никакихъ тревогъ не ощущалъ, а дѣлалъ свое дѣло по точному разуму бараньяго устава — и больше ничего знать не хотѣлъ. И чѣмъ же — его, старого и испытанного слугу, уволили, а на его мѣсто опредѣлили какого-то празднолюбца, мечтателя, кѣтърый съ утра до вечера невѣдомо о чёмъ блѣтъ, а онъ, овцы, между тѣмъ ходятъ яловы!

— Совсѣмъ пасть этотъ аглецкой олухъ не совершился! — жаловались овцы овчару Никитѣ: — какъ бы памъ за него, за фофана, передъ Иваномъ Созонтычемъ въ отвѣтъ не быть?

— Успокойтесь, миля! — обнадежилъ ихъ Никита: — завтра мы его выстрижемъ, а потомъ крапивой высѣчимъ — шелковый будеть.

Однако расчеты Никиты не оправдались. Барана выстригли, высѣкли, а онъ въ ту же ночь опять сонъ увидѣлъ.

Съ этихъ порь сны не покидали его. Не успѣть опь ноги подъ себя подогнуть, какъ дрема уже сторожить его, не разбирая, день или ночь на дворѣ.

И какъ только онъ закроетъ глаза, то весь словно преобразится, и лицо у него словно не баранье сдѣлается, а серые зное, строгое, какъ у старого, благомысленнаго мужичка изъ тѣхъ, что въ старинные годы «министрами» называли. Такъ что всякий, кто ни пройдется мимо, непремѣнно скажетъ: «не на скотномъ дворѣ этому барану мѣсто — ему бы бурмистромъ слѣдовало бытъ!»

Тѣмъ не менѣе, сколько онъ ни подстерегалъ себя, чтобы возстановить въ памяти только-что видѣнныи сонъ, усилия его попрежнему оставались напрасными.

Онъ помнилъ, что во снѣ передъ нимъ проходили живые образы и даже цѣлья картины, созерцаніе которыхъ приводило его въ восторженное состояніе, но какъ только бодрственное состояніе возвращалось — и образы, и картины исчезали невѣдомо куда, и онъ опять становился зауряднымъ бараномъ. Вся разница заключалась лишь въ томъ, что прежде онъ бодро шелъ навстрѣчу своему бараньему дѣлу, а теперь ходилъ опшеломленный, чего-то едуру искалъ, а чего именно — самъ себѣ объяснить не могъ... Баранъ, да еще меланхоликъ — что, кромѣ ножа, можетъ ожидать его въ будущемъ?!

Но, кромѣ перспективы ножа, положеніе барана и само по себѣ было мучительно. Иѣть боли горшѣй, нежели та, которую приносятъ за собой безсильныя порыванія отъ тѣмы къ свѣту встревоженной безсознательности. Пристигнутое внезапной жаждой безформенныхъ чаяній, бѣдное, подавленное существо мечется и изнемогаетъ, не умѣя опредѣлить ни характера этихъ чаяній, ни источника ихъ. Оно чувствуетъ, что сердце его объято пламенемъ, и не знаетъ, ради чего это пламя зажглось; оно смутно чуетъ, что міръ не оканчивается стѣнами хлѣва, что за этими стѣнами открываются свѣтлыя, радужныя перспективы, и не умѣетъ намѣтить даже признаки этихъ перспектив; оно предчувствуетъ свѣтъ, просторъ, свободу и не можетъ

дать отвѣта на вопросъ: что такое свѣтъ, просторъ, свобода...

По мѣрѣ учащенія спозъ, волненіе барана все больше и больше росло. Ни откуда не видѣть онъ ни сочувствія, ни отвѣта. Овцы съ испугу жались другъ къ другу при его приближеніи; овчарь Никита хотя, повидимому, и зналъ нечто, но упорно молчалъ. Это былъ умный мужикъ, который до тонкости проникъ баранье дѣло и признавалъ для барановъ только одну обязательную аксиому:

— Коли ты въ бараньемъ сословіи уродился,— говорилъ онъ солидно:—въ ёмъ, значитъ, и живи!

Но именно этого-то баранъ и не могъ выполнить. Именно «сословіе»-то его и мучило, не потому, что ему худо было жить, а потому, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ сынъ видѣть, ему постоянно чуялось какое-то совсѣмъ другое «сословіе».

Онъ не былъ въ состояніи воспроизвести свои сны, но инстинкты его были настолько возбуждены, что, несмотря на неясность внутренней тревоги, поднявшейся въ его существѣ, онъ уже не могъ справиться съ нею.

Тѣмъ не менѣе, съ течениемъ времени, тревоги его начали утихать, и онъ какъ будто даже остынѣлъ. Но успокойснѣ это не было послѣдствіемъ трезваго рѣшенія вступить на прежнюю баранью колею, а, напротивъ, скорѣе свидѣтельствовало объ общемъ обезсиленіи бараньяго организма. Поэтому и пользы отъ него не вышло никакой.

Баранъ—очевидно, съ предвзятымъ намѣреніемъ—съ утра до вечера спалъ, какъ будто искалъ обрѣсти во снѣ тѣ сладостныя ощущенія, въ возстановленіи которыхъ отказывала ему бодрственная дѣйствительность...

Въ то же время онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше чахъ и хирѣлъ и, наконецъ, сдѣлался до того поразительно худъ, что глупыя овцы, завидѣвъ его, начинали чихать и насмѣшиливо между собой перепоптываться. И по мѣрѣ того, какъ неразгаданный недугъ овладѣвалъ имъ, лицо его становилось осмысленнѣе и осмысленнѣе. Овчары все до единаго жалѣли о немъ. Всѣ знали, что онъ честный и добрый баранъ, и что ежели онъ не оправдалъ хозяйственныхъ надеждъ, то не по своей винѣ, а единственно потому, что его постигло какое-то глубокое несчастіе, вовсе баранамъ не свойственное, ио въ то же время—какъ многіе инстинктивно догадывались—дѣлающее ему лично великую честь.

Самъ Иванъ Созонтычъ сочувственно относился къ страданіямъ барана. Не разъ овчарь Никита намекалъ, что самая лучшая развязка въ такомъ загадочномъ дѣлѣ — ножъ, но Растворовскій упорно отклонялъ это предложеніе.

— Плакали мои денежки,— говорилъ онъ:— но не затѣмъ я ихъ платить, чтобы шкурой его воспользоваться. Пускай своей смертью умретъ!

И вотъ вожделѣнійный моментъ просіянія наступилъ. Надъ полями мерцала теплая, облитая луннымъ свѣтомъ, юньская ночь; тишина стояла кругомъ непробудная; не только люди пританцись, но и вся природа какъ бы застыла въ волшебномъ оцѣненії.

Въ баранемъ загонѣ все спало. Овцы, понуривъ головы, дремали около изгороди. Баранъ лежалъ одиночко, по серединѣ загона. Вдругъ онъ быстро и тревожно вскочилъ. Выпрямилъ ноги, вытянулъ шею, поднялъ голову кверху и всемъ тѣломъ дрогнулъ. Въ этомъ выжидавшемъ положеніи, какъ бы прислушиваясь и всматриваясь, простоялъ онъ нѣсколько минутъ, и затѣмъ сильное, потрясающее блеснѣе вырвалось изъ его груди...

Заслыпавъ эти тревожно-агонизирующіе звуки, овцы въ испугѣ новскакали съ своихъ мѣстъ и шарахнулись въ сторону. Сторожевой песъ тоже проснулся и съ лаемъ бросился приводить въ порядокъ всполошившееся стадо. Но баранъ уже не обращалъ вниманія на происшедшій переворотъ: онъ весь ушелъ въ созерцаніе.

Передъ тускнѣющимъ его взоромъ воочию развернулась сладостная тайна его сновъ...

Еще минута — и онъ дрогнулъ въ послѣдний разъ. За симъ ноги сами собой подогнулись подъ нимъ, и онъ мертвый рухнулъ на землю.

Иванъ Созонтычъ былъ очень смертью его огорченъ.

— И чѣмъ за причина такая? — сѣтовалъ онъ вслухъ. — Все быть баранъ какъ баранъ, и вдругъ словно его осѣтило... Никита! ты пятьдесятъ лѣтъ въ овчарахъ состояніе, стало-быть, долженъ дурью эту породу знать: скажи, отчего надѣлъ нимъ такая бѣда стряслась?

— Стало-быть, «вольнаго барана» во снѣ увидѣлъ, — отвѣтилъ Никита: — увидать-то во снѣ увидалъ, а сообразить настоящимъ манеромъ не могъ... Вотъ онъ сначала затосковалъ, а со временемъ и издохъ. Все равно, какъ изъ нашего братца бывастъ...

Но Иванъ Созонтычъ отъ дальнѣйшаго объясненія уклонился.

— Сіе да послужить намъ урокомъ! — похвалилъ онъ Никиту: — въ другомъ мѣстѣ изъ этого барана, можетъ-быть, козелъ бы вышелъ, а по нашему мѣсту такое правило: ежели ты баранъ, такъ и оставайся бараномъ безъ дальнихъ затѣй. И хозяину будетъ хорошо, и тебѣ хорошо, и государству пріятно. И всего у тебя будетъ довольно: и травы, и сѣна, и мысатки. И овцы къ тебѣ будетъ ласковы... Такъ ли, Никита?

— Это такъ точно, Иванъ Созонтычъ — отозвался Никита.

16.—Коняга.

Коняга лежитъ при дорогѣ и тяжко дремлетъ. Мужичокъ только-что выпрягъ его и пустилъ покормиться. Но Коняга не до кориза. Полоса выбралась трудная, съ камешкомъ: съ великою силу они съ мужичкомъ ее одолѣли.

Коняга — обыкновенный мужичий животъ: замученный, побитый, узогрудый, съ выщепленными ребрами и обожженными плечами, съ разбитыми ногами. Голову Коняга держитъ понуро; грива изъ шеи у него свалилась; изъ глазъ и ноздрей сочится слизь; верхний губъ отвисла, какъ блинъ. Несиного изъ такой животинѣ ваработаешь, а работать надо. День-деньской Коняга изъ хемута не выходитъ. Нетомъ съ утра до вечера землю работаетъ, зимой, вплоть до ростопечи, «произведеній» возитъ.

А силы Коняга набраться неог куда! такой ему кормъ, что отъ него только зубы нахленаешь. Лѣтомъ, покуда въ почную гоняютъ, хоть траккой мяконькой поживится, а зимой перевозить изъ базаръ «произведенія» и есть дома рѣзку изъ прѣной соломы. Весной, какъ въ поле скотину выгонятъ, его жердями на ноги подымаютъ; а иль польши травинки идти: кой-гдѣ только торчишь маҳрами со-прѣлай ветоши, которую прошлой осенью скотской зубъ испароконъ обошелъ.

Худое Конягино житѣе. Хорошо еще, что мужикъ поилася добрый и даромъ его не калѣчить. Выѣдуть оба съ сохой въ поле: «ну, милый, упираися!» — услышать Коняга знакомый окрикъ и понимаетъ. Всѣмъ своимъ жалкимъ остановомъ вытянется, передними ногами упирается, зад-

ними — забираетъ, морду къ груди пригнеть. «Ну, каторжный, вывози!» А за сохой самъ мужичокъ грудью напираетъ руками, словно клещами, въ соху впился, ногами въ комьяхъ земли грунтеть, глазами съдить, какъ бы соха не слукавила, ограбха бы не дала. Пройдутъ борозду изъ конца въ конецъ и оба дрожать: вотъ она, смерть, пришла. Обоимъ смерть — и Конягѣ, и мужику; каждый день смерть.

Пыльный мужицкій проселокъ узкой лентой отъ деревни до деревни бѣжитъ; юркнетъ въ проселокъ, вынырнетъ и опять невѣдомо куда побѣжитъ. И на всемъ протяженіи, по обѣ стороны, его поля сторожать. Нѣть конца полямъ; всю ширь и даль они заполонили; даже тамъ, где земля съ небомъ слилась, и тамъ все поля. Золотящіяся, зеленѣющія, обнаженныя — они желѣзными кольцами охватили деревню, и пѣть у нея никуда выхода, кроме какъ въ эту зѣюющую бездину полей. Вонъ онъ, человѣкъ, вдали идетъ; можетъ, ноги у него отъ спѣшной ходьбы подсѣкаются, а издали кажется, что онъ все на одномъ мѣстѣ топчется, словно освободиться не можетъ отъ одолѣвающаго пространства полей. Не вглубь уходитъ эта малая, едва замѣтная точка, а только чуть тускнѣеть. Тускнѣеть-тускнѣеть и вдругъ неожиданно пропадаетъ, точно пространство само собой ее засосѣсть.

Изъ вѣка въ вѣкъ цѣпенѣеть грозная, неподвижная громада полей, словно силу сказочную въ цѣну у себя сторожить. Кто освободить эту силу изъ плана? Кто вызоветъ ее на свѣтъ? Двумъ существамъ выпала на долю эта задача: мужику да Конягѣ. И оба отъ рожденія до могилы надѣй этой задачей боятся, поть проливаютъ кровавый, а поле и поднесъ своей сказочной силы не выдало — той силы, которая разрѣшила бы ўзы мужику, а Конягѣ исѣклила бы наболѣвшія плечи.

Лежитъ Коняга на самомъ солнечномъ припекѣ; кругомъ ни деревца, а воздухъ до того накалился, что дыханье въ горгани захватывается. Изрѣдка пробѣжитъ по проселку вихрами пыль, но вѣтеръ, который поднимаетъ ее, приносить не освѣженіе, а новые и новые ливни зноя. Оводы и мухи, какъ бѣшеные, мечутся надъ Конягой, забиваютъ ей нему въ уши и въ ноздри, впиваются въ побитый мѣста, а онъ — только ушами автоматически вздрогиваетъ отъ уколовъ. Дремлетъ ли Коняга, или помираетъ — нельзя угадать. Онъ и пожаловаться не можетъ, что

все нутро у него отъ зноя да отъ кровавой натуги сожгло. И въ этой утѣхѣ Богъ безсловесной животинѣ отказалъ.

Дремлетъ Коняга; а надъ мучительной агоніей, которая замыкаетъ ему отдыхъ, не сновидѣнія носятся, а безсвязная, подавляющая хмара. Хмара, въ которой не только образовъ, но даже чудовищъ нѣтъ, а есть громадныя пятна, то черныя, то огненныя, которыхъ и стоять, и движутся вмѣстѣ съ измученнымъ Конягой и тянуть его за собой все дальние и дальше въ бездонную глубь.

Нѣть конца полю, не уйдешь отъ него никуда! Исходилъ его Коняга съ сохой вдоль и поперекъ, и все-таки ему конца-краю нѣть. И обнаженное, и цвѣтущее, и цѣненіюющее цѣль бѣлымъ саваномъ—оно властно раскинулось вглубь и вширь, и не на борьбу съ собою вызывается, а прямо береть въ кабалу. Ни разгадать его, ни покорить, ни истощить нельзя: сейчасъ оно помертвѣло, сейчасъ—опять напрдилось. Не поймешь, что тутъ смерть и что жизнь. Но и въ смерти, и въ жизни первый и неизмѣнныи свидѣтель—Коняга. Для всѣхъ поле—раздолѣ, позія, просторы; для Коняги оно—кабала. Поле давить его, отнимаетъ у него послѣднія силы и все-таки не признаетъ себя сытымъ. Ходить Коняга отъ зари до зари, а впереди его идетъ колышущееся черное пятно и тянется, и тянется за собой. Вотъ теперь оно колышится передъ нимъ, и теперь ему, сквозь дремоту, слышится оѣрикъ: «ну, милый! ну, каторжный! ну!»

Никогда не потухнетъ этотъ огненный шаръ, который отъ зари до зари льетъ на Конягу потоки горячихъ лучей; никогда не прекратятся дожди, грозды, выюги, морозы... Для всѣхъ природа мать, для него одного она—бичъ и истиціе. Всякое проявленіе ея жизни отражается на немъ мучительствомъ, всякое цвѣтеніе—огравою. Нѣть для него ни благоуханія, ни гармоніи звуковъ, ни сочетанія цвѣтовъ; никакихъ ощущеній отъ не знаетъ, кроме ощущеній боли, усталости и злосчастія. Пускай солнце напояетъ природу тепломъ и свѣтомъ, пускай лучи его вызываютъ къ жизни и ликованію,—бѣдный Коняга знаетъ о немъ только одно: что оно прибавляетъ новую отраву къ тѣмъ безчисленнымъ отравамъ, изъ которыхъ соткана его жизнь.

Нѣть конца работѣ! Работой исчерпывается весь смыслъ его существованія; для нея бывъ зачатъ и рожденъ, и вѣдѣ онъ не только никому не нуженъ, но, какъ говорятъ разсчетливые хозяева, представляеть ущербъ. Вся обстаг-

новка, въ которой онъ живеть, направлена единственно къ тому, чтобы не дать замереть въ немъ той мускульной силѣ, которая источаеть изъ себя возможность физического труда. И корма, и отдыха отмѣривается ему именно столько, чтобы онъ быть способенъ выполнить свой урокъ. А затѣмъ пускай поле и стихіи калѣчать его—никому нѣть дѣла до того, сколько новыхъ ранъ прибавилось у него на ногахъ, на плечахъ и на спинѣ. Не благополучіе его нужно, а жизнь, способная выносить иго работы. Сколько вѣковъ онъ несетъ это иго—онъ не знаетъ; сколько вѣковъ предстоитъ нести его впереди—не разсчитывается. Онъ живеть, точно въ темную бездну погружается, и изъ всѣхъ опущеній, доступныхъ живому организму, знаетъ только поющую боль, которую даетъ работа.

Самая жизнь Коняги запечатлѣна клеймомъ бесконечности. Онъ не живеть, но и не умираеть. Поле, какъ головоногъ, присосалось къ нему безчисленными щупальцами и не спускаетъ его съ урочной полосы. Какими бы наружными отличками не надѣлилъ его случай, онъ всегда одинъ и тотъ же: побитый, замученный, еле живой. Подобно этому полю, которое онъ орошаетъ своею кровью, онъ не считаетъ ни дней, ни лѣтъ, ни вѣковъ, а знать только вѣчность. По всему полю онъ разбрелся, и тамъ, и тутъ одинаково вытягивается всѣмъ своимъ жалкимъ оставомъ, и вездѣ все онъ, все одинъ и тотъ же, безыменный Коняга. Цѣлая масса живеть въ немъ, не умирающая, не расчленяющая и не истребимая. Нѣть конца жизни—только одно это для этой массы и ясно. Но что такое сама эта жизнь? Зачѣмъ она онугала Конягу узами бессмертія? откуда она пришла и куда идетъ? Вѣроятно, когда-нибудь на эти вопросы отвѣтить будущее... Но, можетъ-быть, и оно останется столь же нѣмо и безучаstно, какъ и та темная бездна прошлаго, которая населила міръ привидѣніями и отдала имъ въ жертву живыхъ.

Дремлетъ Коняга, а мимо него Пустоплясы проходятъ. Никто, съ первого взгляда, не скажеть, что Коняга и Пустоплясь—одного отца дѣти. Однако преданіе объ этомъ родствѣ еще не совсѣмъ заглохло.

Жиль, во время бно, старый конь, и было у него два сына: Коняга и Пустоплясь. Пустоплясь былъ сынъ вѣжливый и чувствительный, а Коняга—неотесанный и безчувственный. Долго терпѣть стариkъ Конягину неотесанность, долго обоихъ сыновей вѣль ровно, какъ подобаетъ

чадолюбивому отцу, но, наконецъ, разсердился и сказалъ: «вотъ вамъ на вѣки-вѣчные моя воля: Конягѣ — солома, а Пустоплясу — овесь». Такъ съ тѣхъ поръ и пошло. Пустопляса въ теплос стойло поставили, соломки мяконькой постелили, медовой сытой напоили и пшено ему въ ясли засыпали; а Конягу привели въ хлѣбъ и бросили охапку прѣлой соломы: хлопай зубами, Коняга! А пить — воль изъ той лужи.

Совсѣмъ-было позабыть Пустоплясь, что у него братецъ на свѣтѣ живеть, да вдругъ съ чего-то загрустилъ и вспомнилъ. «Надоѣло, — говорить, — мнѣ стойло теплое, прискучила сыта медовая, не лѣзеть въ горло пшено яroe; пойду, провѣдаю, каково-то мой братецъ живеть!»

Смотрить — ань братецъ-то у него бессмертный! Быть его чѣмъ ни попадя, а онъ живеть; кормить его соломою, а онъ живеть! И въ какую сторону поля ни взгляни — вездѣ все братецъ орудуетъ; сейчасъ ты его здѣсь видѣть, а мигнуль глазомъ — онъ ужъ вонъ гдѣ ногами вывертывается. Стало-быть, добродѣтель какая-нибудь въ немъ есть, что палка сама обѣ него сокрушается, а его сокрушить не можетъ!

И вотъ начали Пустоплясы кругомъ Коняги похаживать. Одинъ скажетъ:

— Это оттого его ничѣмъ денять нельзя, что въ немъ отъ постоянной работы здраваго смысла много накопилось. Понягъ онъ, что уши выше лба не растутъ, что плетью обуха не перенибешь, и живеть себѣ смирихонько, весь опутанный пословицами, словно у Христа за пазушкой. Будь здоровъ, Коняга! Дѣлай свое дѣло, бди!

Другой возразитъ:

— Ахъ, совсѣмъ не отъ здраваго смысла такъ прочно сложилась его жизни! Чѣмъ такое здравый смыслъ? Здравый смыслъ, это — пѣчто обыденное, до пошлости ясное, напоминающее математическую формулу или приказъ по полиціи. Не это поддерживается въ Конягѣ несокрушимость, а то, что онъ въ себѣ жизнь духа и духъ жизниноситъ! И покуда онъ будетъ вмѣщать эти два сокровища, никакая палка его не сокрушить!

Третій молвитъ:

— Какую вы, однако, галиматю городите! Жизнь духа, духъ жизни — чѣмъ это такое, какъ не пустая перестановка безсодержательныхъ словъ? Совсѣмъ не потому Коняга неуязвимъ, а потому, что онъ «настоящій трудъ» для себя

нашель. Этот трудъ даёт ему душевное равновѣсіе, при-
мираеть его и со своею личною совѣстью, и съ совѣстью
массы, и надѣляетъ его тою устойчивостью, которую даже
вѣка рабства не могли побѣдить! Трудись, Коняга! упи-
райся, загребай и почерпай въ трудѣ ту душевную ясность,
которую мы, Пустоплясы, утратили навсегда!

А четвертый (должно-быть, прямо съ конюшии отъ ка-
батчика) присовокупляетъ:

— Ахъ, господа, господа! все-то вы пальцемъ въ небо
нападаете! Совсѣмъ не оттого нельзя Конягу донять, чтобы
въ немъ особенная причина засѣла, а оттого, что онъ
спокойнъ-вѣку къ своей юдоли привышенъ. Теперь хоть
цѣлое дерево обѣ него обломай, а онъ все живъ. Вонъ онъ ле-
житъ—кажется, и духу-то въ немъ нисколько не осталось,—
а взбодри его хорошенько кнутомъ, онъ и опять ногами
вывертывать пошелъ. Кто къ какому дѣлу приставленъ,
тотъ тѣ дѣло и дѣласть. Сосчитайте-ка, сколько ихъ, ба-
лѣкъ этакихъ, по полю разбрелось—и всѣ какъ одинъ.
Калѣчите ихъ теперь сколько угодно—ихъ вотъ и на
эстолько не убавится. Сейчасъ—его нѣть, а сейчасъ—онъ
опять изъ-подъ земли выскочилъ.

И такъ какъ всѣ эти разговоры не отъ настоящаго дѣла
завелись, а отъ грусти, то поговорять-поговорять Пустоплясы,
а потомъ и перекоряться начнутъ. Но, на счастье, какъ
разъ въ самую пору проснется мужикъ и разрѣшилъ всѣ
споры словами:

— Н-но, каторжный, шевелись!

Тутъ ужъ у всѣхъ Пустоплясовъ заодно духъ отъ вос-
торга зайдется.

— Смотрите-ка, смотрите-ка!—закричать они вѣнчъ и
влюбѣ—смотрите, какъ онъ вытягивается, какъ онъ пе-
редними ногами упирается, а задними загребаетъ! Вотъ
ужъ именно дѣло мастера боятся! Упираяся, Коняга! Вотъ
у кого учиться надо! вотъ кому надо подражать! Н-но, ка-
торжный, н-но!

17.—Кисель.

Сварила кухарка кисель и на столъ поставила. Скупили
кисель господа, сказали спасибо, а дѣтушки нальчики облизали. На славу вышель кисель, всѣмъ по праву пришелся,
всѣмъ угодилъ. «Ахъ, какой сладкой кисель!» «ахъ, какой
мягкой кисель!» «вотъ такъ кисель!»—только и словъ про

него. «Смотри, кухарка, чтобы каждый день на столѣ кисель былъ!» И сами наѣлись, и гостей употчивали, а подъ конецъ и прохожимъ на улицу чашку выставили. «Поѣшьте, честные господа, киселя! онъ у насъ какой: самъ въ ротъ лѣзетъ! Быть больше, онъ это любить!» И всякий подходилъ, соваля въ кисель ложкой, ъль и утирался.

Кисель былъ до того разымчивъ и мягокъ, что никакого неудобства не чувствовалъ отъ того, что его ъли. Напротивъ того, слыша обиція похвалы, онъ даже возмечталъ. Стоить на столѣ, да знай-себѣ пузирится. «Стало-быть, я хороши, коли господа меня любятъ! Не зѣвай, кухарка, подливай!»

Долго ли, коротко ли такъ шло, только стать постепенно кисель господамъ прискучивать. Господа противъ прежняго сѣялись образованіе; даже изъ подаго званія которые мало-мальски въ чины произошли—и тѣ начали желен да бламанже предпочтитатъ.

— Помилуйте,—говорить одинъ:—что хорошаго въ этомъ киселѣ? развѣ это ъда? Попробуйте, какой онъ мягкой, да слизкой, да сладкой!

— Отдадимте, господа, кисель свиньямъ,—подхватить другой: а сами уѣдемъ на теплые воды гулять! Нагуляемся вдосталь, а тамъ, если ужъ это испремѣнно нужно, и опять домой воротимся кисель Ѣсть.

Что же! свины такъ свины—право, киселю все равно, въ какомъ рангѣ особа его Ѣсть. Лишь бы ъли. Засунула свинья рыло въ кисель по самыя уши и на весь скотный дворъ чвкотню подняла. Чавкаеть да похрюкиваетъ: «Покатаюся-повалюся, господскаго киселя наѣвшись!» Сытости, поддай, не знасть: чуть замѣшкается кухарка, она ужъ хрюкаетъ: «подливай!» А ежели скакуть: «быль кисель, да весь вышелъ»,—она и по угламъ, и по закоулкамъ, и подъ навозомъ мордой вышарить и ужъ гдѣ-нибудь да отыщется.

Фла да ъла свинья и, наконецъ, все до канчи сѣла. А господа между тѣмъ гуляли-гуляли да и догулялись. Догулялись и говорить другъ другу: «теперь намъ гулять больше не на что; айда домой кисель Ѣсть!»

Пріѣхали домой, взялись за ложки—смотрять, ань отъ киселя остались только засохшіе поскребушки.

И теперь всѣ—и господа, и свины—всѣ въ одинъ годъ съплютъ:

— ъли мы кисель, а про запасъ не оставили! Чѣмъ-то на будущее время сыты будемъ! Гдѣ ты, кисель? ау!

18.—Праздный разговоръ.

Нынче этого нѣть, а было такое время, когда и между сановниками вольтерьянцы попадались. Само высшее начальство этой моды держалось, а сановники подражали.

Вотъ въ это самое время жилъ-былъ губернаторъ, который многому не вѣрилъ, во что другіе, по простотѣ, вѣрили. А главное, не понималъ, для какой причины губернаторская должность учреждена.

Напротивъ, предводитель дворянства въ этой губерніи во все вѣрилъ, а значеніе губернаторской должности даже до тонкости понималъ.

И вотъ однажды усѣлись они вдвоемъ въ губернаторскомъ кабинетѣ и заспорили.

— Между нами будь сказано, рѣшительно я этого не понимаю,—сказалъ губернаторъ.—По моему мнѣнію, если бы настъ всѣхъ, губернаторовъ, безъ шума упразднить, то никто бы и не замѣтилъ.

— Ахъ, вашество, какъ вы такъ выражаетесь! — возразилъ ему удивленный и даже испуганный предводитель.

— Разумѣется, я это конфиденціально... но ежели говорить по совѣсти, то опять-таки повторяю: положительно я этого не понимаю! Представьте себѣ: живутъ люди мирно, Бога помнятъ, царицу чтутъ—и вдругъ къ нимъ... губернаторъ... Откуда? какъ? чѣмъ за причина?

— А та причина, что власть! — урезонивалъ его предводитель.—Нельзя безъ оной. Вверху—губернаторъ, посерѣдкѣ—исправникъ, внизу—тысяцкій. А по бокамъ—предводители, предсѣдатели, воинство...

— Знаю. Но зачѣмъ? Вы говорите: тысяцкій—хорошо. Тысяцкій—это который при мужикѣ,—понимаю и это. Теперь представьте себѣ: живеть мужикъ, поле работаетъ, пашетъ, коситъ, плодится, множится, словомъ сказать, кругъ жизни своей производить. И вдругъ откуда-то изъ-подъ низу—тысяцкій... Зачѣмъ? чѣмъ случилось?

— Не случилось, но можетъ случиться, вашество!

— Не вѣрю-сь. Ежели люди живуть въ свое удовольствіе—зачѣмъ для нихъ тысяцкій? Ежели они тихимъ mannerомъ нужды свои спрашиваютъ, Бога помнятъ, царицу чтутъ—что тутъ случиться можетъ, кроме хорошаго? И чѣмъ тысяцкій можетъ въ данномъ случаѣ устроить или присовокупить? Дасть Богъ урожай—будетъ урожай; не дасть Богъ урожаю—и таکъ какъ-нибудь проживутъ. При чемъ

туть тысячкій? развѣ онъ можетъ хотѣть колось единый въ снонѣ убавить или прибавить? Нѣть, онъ налетить, памутить, напушитъ, да, того гляди, въ заключеніе, еще въ острогъ кого-нибудь посадить. Только и всего.

— Ну, не даромъ же посадить, а тоже за что-нибудь!

— Однако согласитесь, что если-бъ его нелегкая по принесла, все шло бы безъ него своимъ чередомъ, и никакого бы «что-нибудь» не случилось. Во всякомъ случаѣ въ острогѣ никто бы не сидѣть. А какъ только онъ появится, такъ тотчасъ вслѣдъ за нимъ и «что-нибудь» явилось.

— Ахъ, вашество, вѣдь и тысяцкіе разные бываютъ! Вотъ у насть, напримѣръ...

— Нѣть, вы меня выслушайте. Я не обѣ личностяхъ веду рѣчъ и не парадоксами передъ вами щегольнуть хочу. Я по опыту эту музыку знаю, даже на самомъ себѣ могу примѣръ показать. Уѣзжаю я, напримѣръ, изъ губерніи— и что вдругъ случилось? Не успѣлъ я за заставу отѣхать, какъ вдругъ во всей губерніи наступило благораствореніе воздуховъ. Полицеймейстеръ не скажеть, квартальные не бѣгутъ, городовые не усердствуютъ. Даже и простецы, которые о существованіи моемъ досконально не знаютъ, и тѣ чувствуютъ, что изъ ихъ жизни исчезла какая-то занятая, отъ которой имъ во всѣхъ мѣстахъ было. Чѣмъ сей сонъ означаетъ?— спрашиваю я васъ. А то, государь мой, что мой заступающій *не все то можетъ сдѣлать*, что я могу, и что, следовательно, и служащимъ, и обывателямъ на всю эту разницу легче стало. Но вотъ я возвращаюсь опять къ своему посту. Шумъ, трескъ, Ѣзда, бѣготня... Кто въ фуражкѣ ходилъ— бѣжитъ въ треуголкѣ; кто въ полномъ удовольствіи мѣсяца прожилъ— снова приходитъ въ унылость; всѣ видѣть впереди безконечную распостылую канитель... Да, вирочемъ, чѣмъ же много обѣ этомъ толковать! Вы и на себѣ, навѣрно, хоть отчасти да испытали...

Дѣйствительно, предводитель вспомнилъ, что и за нимъ въ этомъ родѣ грѣшокъ водился. Какъ только, бывало, губернаторъ за ворота, такъ онъ сейчасъ: «эй, тарантасы!»— и маршируетъ въ деревню. И ходитъ тамъ безъ оныхъ, покуда опять начальство къ долгу не призоветъ. Только одну проформу и соблюдетъ, что, Ѣдучи мимо вице-губернаторской квартиры, зайти на минуту къ заступающему должностъ и условится:

— Ужъ вы, Арефій Иванычъ, коли чѣмъ случится, гонца принесите!

— Чему случиться! съ Богомъ:

— Ну, такъ прощайте! Капитолинъ Сергѣевиѣ кланяйтесь. Поневеливай!

Только его и видѣли.

— Есть тутъ грѣхъ, — сказалъ онъ: — только все-таки не отъ того... Просто отдохнуть хочется... вотъ и пользуюсь.

— То-то что «отдохнуть»! А кто отдохнуть помѣшалъ? Развѣ въ отдыхѣ грѣхъ какой? Никакого грѣха нѣть, а просто мѣшалъ, потому что онъ губернаторъ — только и всего. Теперь пойдемъ дальше. Замѣчали ли вы, какъ партитулярные люди о губернаторѣ отзываются, когда похвалить его хотятъ? «Это, — говорятъ, — хороший губернаторъ: онъ сидитъ смирино, никого не трогаетъ». Вотъ-стъ. Стало быть, что всего болѣе въ губернаторѣ любезно — это ежели онъ благосклонно бездѣйствуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, разсудите по совѣсти, въ чемъ его вмѣшательство въ обывательскихъ дѣлахъ пользу принести можетъ? Приѣхалъ онъ въ губернію чуженинъ-чужениномъ — это разъ; обучался онъ, можетъ-быть, чему-нибудь, да только не тому, почему слѣдуетъ, — это два. Затѣмъ: статистики онъ — не знаетъ, этнографіи — не разумѣетъ; нравы и обычаи — не при немъ писаны; гдѣ какая рѣка, куда течетъ; почему и въ какомъ смыслѣ — это онъ развѣ тогда узнаетъ, когда разъ пять вдоль и поперѣкъ губернію исколеситъ; о желѣзныхъ дорогахъ знаетъ только — когда и куда какой поездъ отходитъ, чтобы въ случаѣ чего не опоздать; а зачѣмъ дорога построена, сколько въ прошломъ году доходовъ собрано, сколько въ нынѣшнемъ, гдѣ и какую питательную вѣтвь надо провести, — все это для него — темна вода во облацѣхъ. И можно бы все это узнать, и свѣдѣнія все подъ руками, да не интересно и не для чего. Ничего изъ этихъ свѣдѣній не выйдетъ ^{*)}). Или насчетъ торговъ, ремесль, промысловъ: сапожное тамъ ремесло, огороднический промыселъ; въ одномъ мѣстѣ рогожи ткуть, въ другомъ — косы, серны куютъ; зачѣмъ? почему? гдѣ раки зимуютъ?

— Вашество! — прервала предводитель расходившагося губернатора: — да вѣдь я — обыватель здѣшній, а и я этого ничего не знаю!

— Вы — другое дѣло; вы — предводитель. Подаютъ вамъ за столомъ говядину — вамъ и нужды нѣть, откуда она.

^{*)}) Само собой разумѣется, что это только въ сказкѣ возможно.

Была бы съѣдобра — только и всего. А я — губернаторъ, я долженъ все знать. Меня — иѣть-иѣть, да и спросить: въ какомъ, моль, положеніи у васъ огородничество?

— Да, по нынешнему времени, всего ожидать можно.

— Нынче, батюшка, чтобы всякая копейка на счету стояла, чтобы все, изъ чего извлечь можно, — гдѣ, бишь, оно? не полезно ли, моль, обложить? Вотъ нынче какъ. Ну, и отвѣчаешь на всякий случай, чтобы безъ хлопотъ оставлять, моль, желать многаго.

— Н-да, а между тѣмъ капуста у насъ...

— То-то «капуста». А я только недавно обѣ этой узиаль. Намединъ подаютъ кочанъ; я думать, онъ изъ Алжира — ань онъ изъ Поздѣевки.

— Изъ Поздѣевки — это вѣрно; тамъ и морковь, и рѣпа — всякий овоющъ. Такъ-то всегда у насъ. Мы по Эмсамъ да по Маріенбадамъ воду пить ъздимъ, а у насъ, гдѣ Поздѣевкѣ, своя вода есть, да еще лучше, потому что отъ маріенбадской-то воды желудокъ разстраивается.

— А скажите-ка, кто поздѣевскую-то капусту завель? Небось губернаторъ? Какъ бы не такъ! Мужичокъ, сударь. Побывалъ во времена они какой-нибудь поздѣевской Семенъ Малявка въ Ростовѣ, посмотрѣлъ, какъ тамошніе мужички капустную разсаду разводятъ, да и завель, воротясь домой, у себя огородецъ, а глядя на него — и другое принялись.

— Это такъ точно, вашество, — выслушанъ быть согласиться предводитель.

— И всѣ у насъ промыслы какъ-то мѣстомъ ведутся. Тутъ — благодать, а рядомъ — иѣть ничего. Представьте себѣ, около этой самой Поздѣевки деревня Развалихина есть, — такъ тамъ обѣ огородахъ и слыхомъ не слыхать, а всѣ мужички до одного шерстобиты. Лѣтомъ землю общимъ крестьянскимъ обычаемъ работаютъ, а зимой разбредутся кто куда и шерстобитничаятъ. И тоже не губернаторъ завель, а побывалъ простой мужикъ Абрамъ въ Калязинскомъ уѣздѣ и привезъ оттуда. Вотъ и понимайте теперь. Кауста, огурцы, шерстобитничество, сапоги, рогожи... все они, все обыватели! Вы думаете, у вѣсъ въ Раsterяевкѣ колокольню кто построилъ? Губернаторъ? Ань иѣть, куницъ Поликарпъ Аггеевъ Параличевъ ее построилъ, а губернаторъ только на освященіи былъ да пирогъ съ вязногой ъль.

Это вѣрно.

— А не велеславскихъ сельдей кто первый контить началь?

— Тоже вѣрио. Не губернаторъ.

— А семгу-порогъ, а кольскую морошку, а ржевскую и коломенскую пастилу? Губернаторъ? а?

— Позвольте, вашество! но вѣдь, кроме огородничества и бакалеи, есть и другихъ предметовъ достаточно...

— Напримѣръ?

— Подати, напримѣръ... Собирать ихъ, изыскивать...

— А что такое подати? Слыхали?

— Подати... это, такъ сказать, свидѣтельство принадлежности... — началь-было предводитель, но запутался и умолкъ.

— То-то «свидѣтельство»... А какъ вы думаете, пріятное это «свидѣтельство»? Смотрите-ка, за податями пріѣхали! Ахъ, какъ пріятно! Диво бы секретъ разведенія муромскихъ огурцовъ или конченья тамбовской ветчины привезъ... а то подати выбиватъ! Да и какъ, позовите спросить, я это «свидѣтельство принадлежности» осуществлю, ежели, напримѣръ, у поздѣвскихъ мужиковъ капуста не родится? Какая моя въ этомъ разѣ роль? Разошлю по исправникамъ циркуляръ — только и всего; а исправники наполнятъ губернію крикомъ — тоже только всего. Вѣ всякомъ случаѣ, я испуждаю — не знаю, на какой предметъ; исправникъ кричить — тоже на какой предметъ, не знасть. Чѣмъ такое случилось? Куда скрылись казенные подати? Не урожай ли мужика обездолилъ, нынишко ли одолѣло, мѣроѣдъ ли къ нему присосался, или мужикъ самъ капризничать началь, кубышку вздумалъ конить? Вотъ вѣдь сколько разныхъ случаевъ можетъ быть, да и все ли еще тутъ? А мы сущимся, гадимъ, знать ничего не хотимъ; чтобъ были подати — только и всего!

— Да, это такъ точно. И пагамять, и нашумять, и даже подъ рубашку заглянуть; а какой въ томъ результатъ — сами не знають! — грустно подтвердилъ предводитель.

Оба собесѣдника па минуту задумались.

Первый очнулся предводитель. Онъ, повидимому, еще не отчаивался, и у него уже назрѣло-было вопросъ: а народная нравственность? а просвѣщеніе? науки? искусства? — какъ губернаторъ словно угадалъ его мысли и такъ строго взглянулъ на своего собесѣдника, что тотъ могъ вымолвить только:

— А народное продовольствіе?

— И вамъ не совѣтно? — вмѣсто отвѣта, спросилъ его въ упоръ губернаторъ.

Предводитель покраснѣлъ. Онъ вспомнилъ, какъ въ началь года онъ, въ качествѣ предсѣдателя земской управы, разѣзжалъ по волостямъ и т. д.. Вспомнилъ и застыдился.

— Такъ неужто же, наконецъ... — воскликнулъ онъ и вдругъ нѣчто вспомнилъ.— Позвольте! вотъ вамъ предметъ: содѣйствие къ соединенію общества!

— Какого такого общества?

— Здѣшняго-съ.

— Гм!.. такъ вы думаете, что я соединяю здѣшнее общество?

— И вы, вашество, и супруга ваша... Лукерья Ивановна.

— Лукерья Ивановна—можеть-быть, но я... нѣтъ, меня... увольте! Да и кому, наконецъ, этотъ предметъ нуженъ... «соединеніе общества»... да еще здѣшняго?

Собесѣдники окончательно умолкли. И, можетъ-быть, имъ пришлось бы очень исповѣдь, если-бъ на выручку не явился изъ губернского правленія казначай.

Это было 30-е число мѣсяца. Въ этотъ день, какъ извѣстно, производилась нѣкогда получка жалованья, и казначей вѣхъ вѣдомствъ являлся къ начальникамъ съ денежными книгами, которые очищались расписками въ полученіи.

Губернаторъ принялъ отъ казначея пачку, не торопясь, пересчиталъ деньги, положилъ ихъ на столъ и расписался.

— Ну-съ, а это-съ?—попуттилъ предводитель, указывая на пачку.—Въ какомъ же смыслѣ слѣдуетъ понимать «это»?..

— Н-да... то-есть, вы хотите сказать: «это»?—переспросилъ губернаторъ, какъ бы очнувшись.

— Да-съ, это-съ. Именно оно самое... это-съ!

— Гм!.. «это»? Это... воздалніе!

19.—Деревенскій пожаръ.

(Ни-то сказка, ни-то бывъ).

Въ деревнѣ Софонихѣ, около полдень, всыхнула пожаръ. Это случилось въ самый развалъ юньской пахоты. И мужики, и бабы были въ полѣ. Сказывали: шелъ мимо деревни солдатикъ, присѣлъ на заваленку, покурилъ трубочки и ушелъ. А вслѣдъ за нимъ загорѣлось.

Деревня сгорѣла до-гла. Только тотъ порядокъ, гдѣ были житницы, уцѣлѣлъ наполовину. Мужики въ одночасье потеряли все и сдѣлались нищими. Сгорѣла бабушка Прасковья, да еще Татьянинъ мальчикъ Петька. Мужики и бабы, за-видѣвъ густой дымъ, бѣжали съ поля, какъ угорѣлые, оставивъ сохи и лошадей. Но спасать было уже нечего. Хорошо, что скота не было дома, да навозъ былъ только-что вывезенъ, а то пришлось бы совсѣмъ хоть помирай. Малолѣтки, которые въ минуту пожара играли на улицѣ, сна-слись въ рѣчку и отчаянно ревѣли. Дѣвочки-подростки, съ младенцами на рукахъ, испуганно выглядывали изъ обуглив-шіяся избы и обнаженные остовы избей.

Тетка Татьяна была бодрая и еще молодая бобылка. Лѣтъ шесть тому назадъ у нея умеръ мужъ, но она про-должала держать хозяйство. Платила міру за половину на-дѣла, сама пахала, косила и жала. У нея былъ единствен-ный сынъ, Петька, лѣтъ восьми, въ которомъ она души не чаяла и въ которомъ уже видѣла будущаго мужика. Онъ и самъ видѣлъ въ себѣ мужика и говорилъ:

— Я, мама, буду мужикъ... хресьянинъ.

Вся деревня его любила. Мальчикъ былъ вострый и лас-ковый, и уже ходилъ въ школу. Бывало, идетъ по деревнѣ мимо старииковъ:

— Ну, что, мужичокъ, помогаешь мамкѣ?—спрашивали старики.

— Помогаю.

Межу тѣмъ улица запружила всякимъ мужицкимъ хламомъ; мужику все дорого, все надо био. Домохозяева, окруженные домочадцами, бродили каждый по своему пепелищѣ и тащили все, чтѣ поиндалось на глаза: старую подошву, заржавленный гвоздь, обрывокъ шлеи, обломокъ сошника и проч. У нѣкоторыхъ уцѣлѣли под-полицы; но такъ какъ время было голодное (Петровъ пость), то подполицы были пусты. Одинъ завѣдомо нищий, лѣтъ десять ходивший «въ кусочки» метался и кричалъ:

— Гдѣ моя кубышка? гдѣ? кто унесъ? сказывайте: кто?

Бабушка Авдотья ходила взадъ и впередъ по улицѣ и всѣмъ показывала два обгорѣвшихъ выигрышныхъ билета внутренняго займа. Обгорѣли края; середка съ нѣсколькими купонами осталась цѣла.

— Чай, выдастъ,—утѣшилъ ее староста Михаилъ.—нишъ,

и нумера видны (на уцѣлѣвшихъ купонахъ); ужо барыня въ Штерѣ похлоочетъ *).

Старики собрались въ кучу и обсуждали мірскую нужу. На всѣхъ лицахъ была написана душевная мѣка; у нѣкоторыхъ глаза сочились слезами. Рѣшили идти всѣмъ міромъ, поклониться сосѣдней одновотчинной деревнѣ, чтобы дала пріютъ погорѣльцамъ, покуда не будутъ устроены хотя какія-нибудь временные помѣщенія. Затѣмъ снарядили старосту и послали верхомъ въ городъ, въ управу, за пособіемъ и страховыми.

Пришелъ сельскій батюшка и, похаживая между мужиками, утѣшалъ ихъ.

— Кто даль? — Богы! — говорилъ онъ: — кто взялъ? — Богы! Неужто же? Онъ не знаетъ?

Мужики молча ему поклонились.

— А вы не унывайте,— продолжалъ батюшка: — съ какого права? почему? какъ? кто дозволилъ? Скотъ — при васъ, земледѣльческія орудія цѣлемоночки, навозъ вывезенъ — чего еще земледѣльцу нужно? А вы ропщете! Вотъ ужо упра на постройку денегъ отпустить; помѣщица — нуждающимся хлѣбца пришлеть; и я тоже... развѣ я не молюсь за васъ? Я не только за васъ, но и за *всѣхъ* молюсь. «И всѣхъ православныхъ христіанъ» — вотъ какъ.

Опять поклонились мужики, а словоохотливый батюшка продолжалъ:

— Коли страхъ Божій будете въ сердцахъ сохранять да храмъ Божій усердно посѣщать, такъ и не увидите, какъ Богъ сторицей вознаградить. Хлѣбъ нынче обѣщаетъ жатву изрядную. Озимая отмѣнила; яровая, Богъ дастъ, исправится. Ужо снимете у барыни полевину — вотъ вы и съѣномъ. Сvezете по возку, по другому — анъ и денежки въ кошелѣ завелись; а тамъ озимое, ржицы на базарь свезете — опять деньги, а наконецъ и овсецо — тоже деньги. Въ будущемъ же году и не увидите, какъ на мѣстѣ истре-

* Фактъ. Въ 1872 году приходила къ автору крестьянка села Заозерья (Углицкаго уѣзда) и показывала два или три обгорѣвшихъ по краямъ билета, но такъ, что на уцѣлѣвшихъ по серединѣ купонахъ видны были и № билета, и серія. Я просилъ нѣкоторыхъ добрыхъ знакомыхъ ходатайствовать въ банкѣ. Всѣмъ казалось дѣло несомнѣннымъ, но г. Ламанскій, тогдашній управляющій банкомъ, разсудилъ иначе. Ни возобновить билеты, ни даже выдать за нихъ парицательную цѣну оказалось невозможно. Это, изволите видѣть, польза банка. Вотъ какъ истинные сановники блѣдуть интересы казны!

бленихъ неумолимъ пламенемъ хижинъ будуть красоваться новые дома, удобные и просторные, и все вы проживете въ нихъ, кіаждо подъ смоковницею своей, и всерадостно и всецѣло возблагодарите Господа нашего за ниспосланное вамъ благодѣяние. Вотъ увидите.

И тетка Татьяна без помощи ходила по своему цепелицу, сгребала тлѣющія бревна и выкликала:

— Неть, а Петь, гдѣ ты, милый? Отклиknись!

И не слыхала, какъ ветхій старикъ Калистратычъ говорилъ ей:

— Смотри, не въ лѣсь ли онъ убѣгъ? Давеча видѣть я его. Сидѣль я у житницы на приступочкѣ, какъ ваша-то изба занялась. Смотрю: кружится Петъка по горницѣ, рубашонкой раздувасть. Я ему кричу: толки, милый, дверь, толки! Только кружился онъ, кружился, а потомъ и ничего не стало видно. Навѣрное убѣгъ въ лѣсь съ испугу.

Но Татьяна ничего не чувствовала, кроме того, что сердце ея рвется на части.

— Петь, а Петь! гдѣ ты, милый? Отклиknись! — раздавался ея воинъ среди общаго говора деревенскаго.

Наконецъ, человѣка два склонились надъ нею и пришли на помощь. Разворочали обрушившійся потолокъ и подъ дымящимися обломками отъ пашни трупъ мальчика. Вся сторона тѣла и лица, обращенная кверху, представляла безобразную черную массу; но та, которая прилегала къ полу, осталась нетронутой.

Татьяна пошатнулась, въ глазахъ потемнѣло, и изъ груди изъ деревни вырвался потрясающей ея вопль:

— Господи! видинъ ли?

Этотъ вопль услыхалъ и батюшка, и, разумѣется, послѣвиль съ утѣшениемъ:

— Ропицени? — говорилъ онъ съ ласковой укоризной: — а Іова помнишь? Нѣтъ? Такъ я тебѣ напомню! Онъ былъ богатъ и славенъ, имѣлъ дѣтей, стада и сокровища — и вдругъ, съ дозвolenія Божія, все было у него отнято: и дѣти, и скотъ, и друзья, а самъ онъ былъ пораженъ проказою, выгнанъ изъ города и лежалъ у городскихъ воротъ на гиенциѣ. Исы лизали его раны... исы! Но и за всѣмъ тѣмъ онъ не токмо не возвратилъ, но напиache возлюбилъ Господа, создавшаго его. И Богъ, видя такую его преданность, воззрѣль на него. Черезъ короткое время Іовъ былъ въ здоровье, и богатъ, и славенъ болѣе прежниго. Стада

умножились, дѣтей народилось достаточно, словомъ сказать все...

Однако и батюшкыны увѣщанія доходили до Татьяны въ формѣ смутнаго и назойливаго шума. Она устремила глаза на ту линію, которая раздѣляла уцѣльвшую часть Петъкина лица отъ обуглившейся, и тихо шептала:

— Господи! видишь ли?

Въ усадьбѣ, въ это время, добрая барыня, Анна Андреевна Копейщикова, праздновала день своего рождения. Собрались немногіе, но искренніе друзья: предводитель Киняшевъ съ женою, исправникъ Шипищевъ съ племянницею, да еще Иванъ Иванычъ Глазъ, партикулярный человѣкъ, про которого говорили, что при немъ языкъ за зубами держать надо. Вирочемъ, такъ какъ тутъ были все люди, при которыхъ тоже нужно было языкъ держать на привязи (сама Анна Андреевна говорила, что она гдѣ-то «служить»), то Иванъ Иванычъ чувствовалъ себя въ этой компании очень удобно. Присутствовалъ тутъ и батюшка съ попадьей.

Анна Андреевна была генеральская вдова, лѣтъ сорока съ небольшимъ, еще красивая и особенно выдающаяся роскошнымъ бюстомъ на балахъ и вечерахъ, гдѣ обязательно декольтѣ, и гдѣ ея бюсть приковывалъ къ себѣ взоры людей всѣхъ возрастовъ и всѣхъ оружий. Но она разъ на всегда сказала себѣ: *n-i-ni—c'est fini*, и всю себя отдала своимъ дѣтямъ. За это въ свѣтѣ про нее говорили: *c'est une sainte*, а за патріотизмъ: *c'est une fière matrone!* Какъ и всѣ русскія дамы, она говорила по-французски, знала *un peu d'arithmétique*, *un peu de géographie* и *un peu de mythologie* (*cette ravissante Léda!*), долго жила за границей, а въ послѣднее время сдѣлалась патріоткой и полюбила «добрый русскій народъ». Три года тому назадъ она посетила родное Горбилево и съ тѣхъ поръ Ѵздила туда каждое лѣто. Поставила въ саду мавзолей покойному мужу и каждый день молилась. Ни съ кѣмъ не знакомилась, кроме испытанныхъ «друзей порядка», хозяйства не вела, а отдавала землю мужикамъ йсполу и видимо экономничала. У нея былъ сынъ Сережа, правовѣдъ лѣтъ шестнадцати, и восемнадцатилѣтняя дочь Вѣрочка, шустрая особа, которая тоже знала *un peu d'arithmétique* и *un peu de mythologie*.

Господа уже возвратились изъ церкви и сидѣли за завтракомъ, когда прибѣжали сказать, что Софониха горитъ.

Батюшка мгновенно скрылся увѣщевать; прочие побѣжали къ окнамъ и смотрѣли. За громадной тучей дыма не было видно пламени, но дымъ прямо летѣлъ по вѣтру на усадьбу, и чувствовался въ комнатахъ горький запахъ его. Людей тоже не было видно, но по дорогѣ бѣжали къ пожарищу толпы соѣднихъ крестьянъ и дворовыхъ.

— Какъ вы хотите, господа,—сказала, паконецъ, Анна Андреевна:—а я не могу оставаться равнодушной зрительницей. Вѣдь они — мои. Злые люди разлучили насъ,—надѣюсь, временно,—но я все-таки помню, что они — мои.

Но ей не дали одной совершить подвигъ самоотверженія и всей компаніей вызвались сопутствовать ей.

— Да и вообще это нашъ долгъ, — продолжала Анна Андреевна:—если-бъ даже это были и не мои крестьяне, все-таки наша священная обязанность — быть тамъ, гдѣ страдаютъ. Мы обѣдили, мы обижены... но мы все забыли. Мы помнимъ только, что къ намъ обращаетъ взоры страждущій меньшій братъ!

Узнавши, что въ этотъ день пекли хлѣбы для рабочихъ и дворовыхъ, она велѣла разрѣзать нѣсколько на ломти и снести погорѣльцамъ.

— А завтра опять испечете хлѣба для своихъ... надо же! Да не забудьте солью посыпать!

Словомъ сказать, сдѣлала все, что было въ ея власти, и, паконецъ, захватила портмонѣ, сказавъ: «это на всякий случай!» И Вѣрочка, по примѣру матери, взяла кошелекъ съ завѣтными свѣтленькими монетами.

Компания остановилась у входа въ деревню, но Вѣрочка и мамзель Шиняцева не утерпѣли и пошли вглубь по улицѣ.

— Скажите мужичкамъ, что я имъ двѣ четверти ржи жертвую! — крикнула имъ вслѣдъ Анна Андреевна.

Минутъ черезъ пять Вѣрочка прибѣжала назадъ, вся въ слезахъ.

— Ахъ, мамочка! — объявила она: — тамъ есть бѣдная женщина, у которой сгорѣлъ мальчикъ-сынъ! Ахъ, какъ странно... Что съ ней дѣлается! Батюшка увѣщеваетъ ее, а она не слушается, только повторяетъ: «Господи! видишь ли?» Мамочка! Это ужасно, ужасно, ужасно!

— Жаль бѣдную; но какая ты, однако-жъ, нервная, Вѣра! — упрекнула ее Анна Андреевна. — Это не годится, мой другъ! Вездѣ Промыселъ — это прежде всего нужно помнить! Конечно... это большая утрата; но бываютъ и не такія, а мы

покоряемся и терпимъ! Помнишь: крахъ Баймакова и напиши текущій счетъ... Давалъ 6%... и что-жъ! Впрочемъ, соловья баснями не кормятъ. Господа! — обратилась она къ окружающимъ: — сдѣлаете маленькую коллекту въ пользу бѣдной страдалицы-матери! Кто сколько можетъ!

Она трепетною рукою вынула изъ портмонѣ десятирублевую бумажку, положила ее на ладонь и протянула руку. Вѣрочка тотчасъ же положила туда весь свой кошелекъ; гости тоже вынули иѣсколько мелкихъ ассигнацій. Только Иванъ Иванычъ Глазъ отвернулся въ сторону и посвистывалъ. Собралось около тридцати рублей.

— Ну, вотъ, снеси ей! — сказала Анна Андреевна дочери. — Скажи, что свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Да подтвердіи мужичкамъ насчетъ ржи... двѣ четверти! Да хлѣба принесли ли? Скажи, чтобы роздали! Это для утоленія перваго голода!

Вѣрочка быстро побѣжала. Ей представлялось въ эту минуту, что она — ангель-хранитель и помаваетъ серебряными крылами въ небесной лазури, съ тридцатью рублями въ рукахъ. Она застала Татьяну все въ томъ же положеніи. Послѣдняя стояла съ широко открытыми глазами и машинально шевелила губами, безъ всякаго признака самочувствія. Батюшка по прежнему стоялъ подѣйней и рассказывалъ примѣръ изъ исторіи первыхъ мучениковъ временъ жестокаго царя Нерона. Татьянѣ еще не представлялся вопросъ: что съ ней будетъ? нужна ли ей изба, поле и вообще все, что до сихъ поръ наполняло ея жизнь? или она должна будетъ скитаться по бѣлу-свѣту въ батрачкахъ?

И вдругъ — ангель-хранитель.

— На тебѣ, милая, мамочка прислала! — говорила Вѣрочка, протягивая деньги.

Татьяна ничего не поняла, даже не взглянула на милостыню.

— Бери, строптивая, — увѣщевала ее батюшка: — добрые господа жалуютъ, а ты небрежешь!

Даже мужички заинтересовались и принялись уговаривать:

— Бери, тетка Татьяна, бери, коли даютъ! На избу пригодится... бери!

Татьяна не шелохнулась.

Вѣрочка постояла, положила деньги на землю и удалилась огорченная. Батюшка поднялъ ихъ.

— Ну, ежели ты не хочешь брать,—сказал онъ:—такъ я ими на церковное украшение воспользуюсь. Вотъ у насъ паникаило плоховато, такъ мы старенькое-то въ ломъ отдадимъ, да вмѣстѣ съ этими деньгами и взбодримъ новое! Засвидѣтельствуйте, православные!

— Мамочка, она не взяла!—говорила Вѣрочка со слезами въ голосѣ.

Изумились.

— Однако душокъ-то этотъ въ нихъ еще есть, не выбили!—загадочно молвилъ Глазъ.

Но на этотъ разъ Анна Андреевна не согласилась съ нимъ.

— Есть душокъ—это правда; но не слѣдуетъ терять изъ вида глубину ея горя! Только сердце матери можетъ понять, каково потерять... сына!

Предсказаніе батюшкино сбылось. Года черезъ два я проѣзжалъ мимо Софонихи и увидѣлъ сущую метаморфозу. На мѣстѣ старого непелица стояла порядокъ новыхъ домовъ, высокихъ и сравнительно просторныхъ. Крыши, правда, были крыты соломою, но подъ щетку, такъ что глазъ не оторчался ни махрами, ни висящими ключьями. Новые срубы блестѣли на солнцѣ, какъ облупленное яичко. Только на мѣстѣ Татьяниной избы валялись неприбранныя головенки, а сама она скрылась изъ деревни неизвѣстно куда. Должно-быть, по святымъ мѣстамъ странствуетъ, Христовымъ именемъ. Мужики жили дружно и, съдовательно, исправно. Усердно работали, платили выкуинные и мѣрскіе платежи безнедомочно, отбывали повинности: рекрутскую, подводную и дорожную. Ежели же требовалось сверхъ того, то и это исполняли съ готовностью.

Исправникъ Шипяцевъ не нахвалится ими.

— Эта деревня у меня—въ первомъ цумерѣ!—говорить онъ.

Богъ въ помощь, ребята!

20.—Путемъ-дорогою.

(Разговоръ).

Шли путемъ-дорогою два мужика: Иванъ Бобровъ да Осдорь Голубкинъ. Оба были односельчане и сосѣди по дворамъ, оба только-что въ весенній масъѣдъ женились. Съ апрѣля мѣсяца жили они въ Москвѣ въ каменьникахъ

и теперь вынуждены у хозяина въ побывку домой на сѣнокосное время. Предстояло пройти отъ желѣзной дороги верстъ сорокъ въ сторону, а этакую машину, пожалуй, и привычный мужикъ въ одинъ сутки не ощетѣтъ.

Шли они не торопко, не надрываясь. Вышли раннимъ утромъ, а теперь солнце ужъ высоко стояло. Они отошли всего верстъ пятнадцать, какъ ноги ужъ потребовали отдыха, тѣмъ больше, что день выдался знойный, душный. Но, выслушивая по сторонамъ, не встрѣтится ли стога сѣна, подъ которымъ можно было бы побѣсть и соснуть, они оживленно между собой разговаривали.

— Ты чѣмъ домой, Иванъ, несешь? — спросилъ Федоръ.

— Да три пятишницы хозяинъ до разсчета далъ. Одну-то, признаться, въ Москвѣ еще на мелочи истратилъ, а двѣ домой несусь.

— И я тоже. Да только куда съ двумя пятишницами повернешься?

Тутъ и въ ширь, и въ мірь, а отецъ вѣдѣть сказать, что какая-то старая недоимка напллась, такъ попуждаютъ. Пожалуй, и все туда уйдетъ.

— А у насъ и хлѣба-то новаго не хватитъ. Пришелъ сѣнокосъ, руки-то цѣлый день намахаешь, такъ поневолѣть есть запросишь. Ничего-то у насъ нѣтъ, ни хлѣба, ни соли, а тоже людьми считаемся. Говорить: вы каменщики, въ Москвѣ работаете, у васъ должны деньги значиться... А сколько ихъ и по осени-то принесешь!

— Худо наше крестьянское житье! Нѣтъ хуже.

Чего еще!

Путники вздохнули и пѣсколько минутъ или молчали.

— Чѣмъ теперь наши дѣлаютъ? — спросилъ Федоръ.

— Чѣмъ дѣлаютъ! Чай, навозъ вывезли; пашутъ... и пашутъ, и боронятъ, и сѣютъ; круглое лѣто около земли ходятъ, а все хлѣба нѣтъ. Среду три года — то вымокнетъ, то сухмень высунуть, то градомъ побьетъ... Какъ-то пынче Господь совершилъ?

— А у меня, братъ, и еще горе. Къ Дунѣкѣ волостной старшинъ увязался; не даетъ бабѣ проходу, да и вся недолга. Свахъ съ подарками засыпаетъ; одну батюшко возжами научилъ, такъ его же на три дня въ холодную засадили.

— И ничего не подѣлаешь! Помнишь, какъ лѣтось Прокорова Матренка задавилась? Тоже старшина... Терила-терила да и въ петлю..

— Намъ худо, бабамъ нашимъ еще того хуже. Мы, по крайности, въ Москву сходимъ, на свѣтъ поглядимъ, а баба—куда она пойдетъ? Словно къ тюрьмѣ прикованная. Ноги и руки за лѣто изстыкнутся; лицо словно голенище черное сдѣлается, и на человѣка-то не похоже. И всякий-то поровнѣть ее обидѣть да обозвать...

— Давай-ка, Федя, пѣсню съ горя сиоемъ!

Стали пѣть пѣсню, но съ горя и съ устатку какъ-то испѣлось.

— А чтѣ, Иванъ, я хотѣлъ тебя спросить: гдѣ Правда находится?—молвилъ Федоръ.

— И я тоже не одновѣра спрашивалъ у людей: гдѣ, моль, Правда, гдѣ ее отыскать? А мнѣ одинъ молодой баринъ въ Москвѣ сказалъ, будто она на днѣ колодца сидитъ спрятаная.

— Ишь вѣдь! Кабы такъ, давно бы наши бабы ее оттолѣ бадьями вытащили,—пошутилъ Федортъ.

— Извѣстно, посмѣялся надо мной барчукъ. Имъ что! Они и безъ Правды проживутъ. А намъ Неправда-то оско-мину набила.

— Старики сказываютъ, что дѣдушка Еремѣй еще при старомъ баринѣ все Правды искалъ; да Правда-то, вишь, изувѣчила его.

— Прежде многіе Правду разыскивали; тяжельше, стало-быть, жить было, да и сердце у стариковъ болѣло. Одна барщина сколько народу сгубила. Въ полѣ—смерть, дома—смерть, бездѣ... Придетъ крестьянинъ о празднике въ цер-ковь, а тамъ на всѣхъ стѣнахъ Правда написана,—только со стѣны-то ее не снимешь.

— Это правда твоя, что не снимешь. Чтѣ крестьянинъ? Онъ и видѣть, да глазъ нейметъ. Темные мы люди, без-частные; вздохнешь да поплачешь: Господи, помилуй!— только и всего. И молиться-то мы не умѣемъ.

— Прежде ходоки такие были, за міръ стояли. Соберется, бывало, ходокъ, крадучись, въ Петербургъ, а его оттолѣ по этапу...

— Все-таки прежде хоть насчетъ Правды лучше было. И старики дѣтямъ наказывали: «одолѣла насть Неправда, надо Правды искать». Батюшко сказывалъ: такое сердце у дѣдушки Еремѣя было—такъ и рвется за міръ постоять! И теперь онъ на нечи изувѣченный лежить, въ чёмъ душа, а все о Правдѣ твердить. Только нынче его ужъ не слу-шаютъ.

— То-то, что легче, говорять, стало—оттого и Ерем'я не слушаютъ. Кому нынче Правда нужна? И на сходкѣ, и въ кабакѣ—вездѣ нынче легость...

— Прежде господа рвали душу, теперь—міроѣды да кататчики. Во всякой деревнѣ міроѣдъ завелся: рвать христіанскія души, да и шабашть.

— Возьмемъ хоть бы Василія Игнатьева — какія онъ себѣ хороны на христіанскую кровь взбодрилъ. Крышу-то красную за версту видно; бокъ лавка, а онъ стоитъ въ дверяхъ да брюхо обѣ косякъ чешетъ.

— И всѣ къ нему съ почтеніемъ. Старшина придетъ—съ нимъ вмѣстѣ бражничаетъ, долги его прежде казенныхъ податей собираетъ; становой приѣдетъ—тоже у него становится. У него и щи съ убойной, и водка. Лѣтось молодой баринъ изъ Питера приѣзжалъ—сейчасъ: «попросите ко мнѣ Василія Игнатьича!... Ну, чтѣ, Василій Игнатьичъ, все ли по добру, по здорову? Хорошо ли торгуете? Чайку вмѣстѣ попьемте... вы, дескать, настоящій добрый русскій крестьянинъ! Нечестесь о себѣ, другимъ примѣръ показываете... и ежели, молъ, вамъ что нужно, такъ пишите ко мнѣ въ Петербургъ».

— Однодворицу выкупили, да надѣль а семь душъ! Собѣмъ изъ мѣра уволился, самъ баринъ.

— А теперь міръ ему въ ноги кланяется, какъ придется время подати вносить. Міромъ ему и сѣнокосъ убираются, и хлѣбъ жинуть...

Вотъ такъ легость! Нѣть, ты скажи, гдѣ же Празду пскать?

— У Бога она, должно-быть, Богъ ее на небо взялъ и не пущаетъ.

Онѣтъ смолкли спутники, онѣтъ завздыхали. Но Федоръ вѣрилъ, что не можетъ этого статься, чтобы Правды не было на свѣтѣ, и ему не по нраву было, что товарищъ его относился къ этой вѣрѣ такъ легко.

— Нѣть, попробую,—сказалъ онъ.—Я какъ приду, такъ сейчасъ же къ дѣдуниѣ Ерем'ю схожу. Все у него выспрошу, какъ онъ Правду разыскивать.

— А онъ тебѣ разскажетъ, какъ его въ части сѣкли, какъ по этапу гнали да въ Сибирь совсѣмъ-было собрали, только баринъ вдругъ спохватился: опредѣлить Ерем'я лѣснымъ сторожемъ! И сторожилъ онъ барскіе лѣса до самой воли, жилъ въ трущобѣ, и никого не вѣдѣло было пускать къ нему. Нѣть ужъ, лучше ты этого дѣла не замай!

— Никакъ этого сдѣлать нельзя. Возьми хоть Дуньку: какъ я приду, сейчасъ она мнѣ все разскажетъ... Что-жъ, я столбомъ, что ли, передъ ней стоять буду? Нѣтъ, тутъ и до смертнаго случая недалеко. Я ему кинки, ису несътому, вышущу!

— Ишь вѣды! Все говорилъ о Правдѣ, а теперь на кинки своротилъ. Развѣ это Правда? Знаешь ли ты, что за такую Правду съ тобой сдѣлаютъ?

— И пущай дѣлаютъ. По-твоему, значить, такъ и оставить. Приходите, молъ, Егоръ Петровичъ: моя Дунька завсегда... Нѣтъ! Это надо оставить! Сыщу я Правду, сыщу!

— Ахъ ты, жарынь какая!—молвилъ Иванъ, чтобы перебинить разговоръ:—скоро, поди, столбъ будетъ, а тамъ деревенюшка. Туда, что ли, погдничать пойдемъ, или въ полѣ отдохнемъ?

Но Федоръ не могъ ужъ угомониться и все бормоталъ:
— Сыщу я Правду, сыщу!

— А я такъ думаю, что ничего ты не сыщешь, потому что нѣтъ Правды для насть; время, вишь, не наступило!—сказалъ Иванъ.—Ты лучше подумай, на какія деньги хлѣба нежунить, чтобы до новаго Ѣсть было чтѣ.

— Къ тому же Василию Игнатьичу пойдемъ, въ ноги поклонимся!—угрюмо отвѣтилъ Федоръ.

— И то придется; да десятину сѣнокоса ему за подожданье уберемъ! Батюшко, пожалуй, скажеть: чѣмъ на платки женѣ да на кушаки третью пятинницу тратить, лучше бы на хлѣбъ ее сберегъ.

— Терпимъ и холодъ, и голодъ, каждый годъ все ждемъ, авось будетъ лучше... доколѣ же? Инъ и въ самомъ дѣлѣ Правды на свѣтѣ нѣть? Такъ только, волпусту, люди болтаютъ: Правда, Правда... а гдѣ она?

— Намеднишь начетчикъ одинъ въ Москвѣ говорилъ мнѣ: «Правда—у насть въ сердцахъ. Живите по правдѣ—и вамъ, и всѣмъ хорошо будетъ».

— Сыть, должно-быть, этотъ начетчикъ, оттого и мелетъ.

— А можетъ, и господа набаловали. Простой, дескать, мужикъ, а какія рѣчи говорить! Ему-то хорошо, такъ онъ и забыть, что другимъ больно.

Въ это время павстрѣчу путникамъ мелькнула полу-спинившій верстовой столбъ, на которомъ едва можно было прочитать: «Отъ Москвы 18, отъ станціи Рудаки 3 версты».

— Что-жъ, въ полѣ отдохнемъ?—спросилъ Иванъ.—Вонъ и стожокъ близко.

— Извѣстно, въ полѣ, а то гдѣ-жъ? Въ деревнѣ, что ли, харчиться?

Товарищи сверили съ дороги и сѣли подъ тѣнью старого, накренившагося стога.

— Есть же люди,—замѣтилъ Иванъ, снимая лапти:—у которыхъ еще старое сѣно осталось! У насъ и солому-то съ крынгъ по веснѣ коровы прѣли.

Начали полдничать; добыли воды да хлѣбъ изъ мѣшковъ вынули—вотъ и щада готова. Потомъ вытащили изъ стога по охапкѣ сѣна и улеглись.

— Смотри, Оедя,—молвилъ Иванъ, укладываясь и позывая:—во всѣ стороны сколько простору! Всѣмъ мѣсто есть, а намъ...

21.—Гіена.

(Поученіе).

Загляните въ любую Зоологію и всмотритесь въ изображеніе гіены. Ея заостренная мордочка не говорить ни о лукавствѣ, ни о подвохѣ, ни, тѣмъ менѣе, о жестокости, а представляется даже миловидною.

Это хорошее впечатлѣніе она производитъ благодаря небольшимъ глазкамъ, въ которыхъ свѣтится благосклонность. У прочихъ острорылыхъ—глаза чистые, быстрые, блестящіе, взоръ жесткій, илотоядный; у нея—глазки томные, влажные, взоръ—доброжелательный, приглашающій къ довѣрію. У ксендзовъ такие умилительные глаза бываютъ, когда они соберутся, ad majorem Dei gloriam, въ совѣсти у пасомаго пошарить. Или вотъ у чиновниковъ, которымъ довѣрено, подъ величайшимъ секретомъ, праздничные наградные списки набѣлѣ переписать, и они, чтобы всѣхъ обнадежить и въ то же время государственную тайну соблюсти, начинаютъ всѣмъ одинаково улыбаться.

Кто бы подумалъ, что это изображеніе принадлежитъ одной изъ тѣхъ гіенъ, о которыхъ съ древнихъ временъ сложилась такая нехорошая репутація!

Древніе видѣли въ гіенѣ нѣчто сверхъестественное и приписывали ей силу волшебныхъ чаръ. Этотъ взглядъ на

гіену въ значительной мѣрѣ господствуетъ и понынѣ между аборигенами тѣхъ странъ, гдѣ привлекаютъ эти животныя. Судя по рассказамъ Брэма, мѣстные арабы вѣрятъ, что человѣкъ сходитъ съ ума отъ употребленія мозга гіены, и что колдуны пользуются этимъ, чтобы вредить ненавистнымъ имъ людямъ. Мало того: арабы убѣждены, что гіены — не что иное, какъ замаскированные волшебники, которые днемъ являются въ видѣ людей, а ночью принимаютъ образъ звѣря, на погибель праведныхъ душъ.

Очевидно, рассказы эти столь же мало правдоподобны, какъ и та басня, которую я слышалъ отъ одной купчихи въ Замоскворѣчье: знаю-де я гіену, которая днемъ въ человѣческомъ видѣ дорогихъ гостей принимаетъ, а чуть смеркнется — берется за перо и начинаетъ — въ гіенскомъ образѣ — «газету писать»... Какой вздоръ!

Впрочемъ, о полосатой гіенѣ Брэмъ отзыается довольно спокойно, хотя, разумѣется, особенныхъ добродѣтелей за ней не видѣть. Но вѣдь у звѣрей вообще ни добродѣтелей, ни пороковъ не водится, а водятся только свойства. Самый вой полосатой гіены, по свидѣтельству Брэма, далеко не такъ противенъ, какъ разсказываютъ, — и нерѣдко онъ забавлялся, слушая его. Наоборотъ,вой пятнистой гіены имѣеть дѣйствительно характеръ «какого-то ужаснаго хохота, который всякой вѣрующей душѣ, съ живымъ воображеніемъ, легко приписать дьяволу и его адской компаніи». Такъ что ежели, читая, напримѣръ, куранты, вы слышите хохотъ, «который можно приписать дьяволу», то знайте, что онъ принадлежитъ пятнистой гіенѣ, и что эта разновидность гіены есть самая опасная и ненавистная изъ всѣхъ.

Объ этой гіенской особи у Брэма никакихъ свѣдѣній нѣтъ, но нужно вообще замѣтить, что его разсказъ о гіенахъ несолько спутанъ. И, очевидно, эта спутанность происходит именно отъ того, что тинь гіены-оборотня какъ будто ускользнулъ отъ него. Къ счастію, онъ не ускользнулъ отъ той замоскворѣцкой купчихи, о которой я упомянула выше и которая, положительно, видѣла такую гіену собственными глазами.

— Посмотрѣть на нее — милушка! — разсказывала она: — а какъ начнетъ она хрюкать да хохотать... хохочеть-хо-хочеть, да вдругъ какъ захныкаетъ... Господи, спаси и помилуй!

Тѣмъ не менѣе, пѣть сомнѣнія, что именно эту разно-

видность имѣть Бромъ въ виду, когда говоритъ, что гіены обладаютъ отвратительно-рѣзкимъ голосомъ, издаютъ противный запахъ и при ъдѣ поднимаютъ такое кряхтѣніе, крикъ и хохотъ, что сущѣрьшимъ людямъ вполнѣ естественно кажется, будто бѣснуются всѣ черти ада. Сверхъ того, эта гіена нападаетъ только на слабыхъ, спящихъ и беззащитныхъ (а, конечно, еще того лучше, коли жертва связана) и, кроме того, нерѣдко заходить днемъ въ дома и уносить маленькихъ дѣтей. Вообще, дѣти—любимое лакомство гіены-оборотня. Ночью она забирается въ жилища мамбуковъ (одно изъ кафскихъ племенъ), проходить мимо телятъ, не трогая ихъ, и изъ-подъ одѣяль спящихъ матерей утаскиваетъ дѣтей.

Иловить живую гіену не особенно трудно, и потому содержатели звѣринцевъ довольно дешево приобрѣтаютъ ихъ и въ клѣткахъ показываютъ публикѣ. Заключенная въ клѣтку, гіена по цѣлымъ часамъ лежитъ на боку какъ колода, потомъ вдругъ вскочить, смотреть невыразимо глупо, трется объ рѣшетку и отъ времени до времени заливается хохотомъ, который пронизываетъ до мозга костей.

За всѣмъ тѣмъ, по свидѣтельству того же Брома, насколько гіена ехидна, настолько она и труслива. Однажды случилось ему заночевать въ компаніи на берегу Голубой рѣки, какъ вдругъ, вблизи самаго костра, появилась гіена и затянула свою раздирающую лѣсию. Однако-жъ, стояло собравшейся компаніи, въ отвѣтъ на эту лѣсию, заходить, какъ незванная гостья испугалась и немедленно бѣжала. Въ другой разъ, въ городѣ Сеназарѣ, возвращаясь въ полночь изъ гостей, Бромъ въ одной изъ городскихъ улицъ встрѣтилъ порядочное стадо гіенъ. Но одного камня, брошенаго въ нихъ, было достаточно, чтобы разогнать все стадо.

Гіень можно даже приручать. Удовольствія, конечно, это занятіе доставить не можетъ, но, въ видахъ подробнѣйшаго изслѣдованія нравовъ этого животнаго, подобныя попытки не безполезны. Достигается прирученіе довольно легко: стонуть только чаще прибѣгать къ побоямъ и къ купанью въ холодной водѣ. «Приученный такимъ образомъ гіены,—рассказываетъ Бромъ,—завидѣвшіи его, вскачивали съ радостнымъ воемъ, начинали вокругъ него прыгать, клази переднія лапы ему на плечи, обнюхивали лицо, наконецъ поднимали хеость совсѣмъ прямо кверху и высовывали вывороченную

кинку на $1\frac{1}{2}$ —2 дюйма изъ задиаго прохода». Однимъ словомъ, человѣкъ восторжествовалъ и тутъ, какъ вездѣ; только вотъ высунутая кинка—это ужъ лишилъ.

А впрочемъ, видѣть *радость гіени*... это тоже въ своемъ видѣ...

Но что же означаетъ вся эта исторія и съ какою цѣлью она написана?—быть-можеть, спросить меня читатель. — А вотъ именно затѣмъ я ее и рассказалъ, чтобы нагляднымъ образомъ показать, что «человѣческое» всегда и неизбѣжно должно восторжествовать надъ «гіенскимъ».

Иногда намъ кажется, что «гіенское» готово весь мірь заполонить, что оно и одесную, и онную распространило крилѣ и вотъ-вотъ задушить все живущее. Такія фантасмагоріи случаются нерѣдко. Кругомъ раздается дьявольскій хохотъ и визгъ; изъ глубины мрака несутся возгласы, призывающіе къ ненависти, къ сварѣ, къ междуусобью. Все живое въ безотчетномъ страхѣ падаетъ ниць; всѣ душевныя отправленія застыгаютъ подъ гнетомъ одной удручающей мысли: изгило доброе, изгило прекрасное, изгило человѣческое! Все, словно непроницаемымъ пологомъ, навсегда заслонено ненавистническимъ, клеветническимъ, гіенскимъ!

Но это—громадное и преступное заблужденіе. «Человѣческое» никогда окончательно не погибало, но и подъ неплomy, которымъ временно засыпало его «гіенское», продолжало горѣть.

И впредь оно не погибнетъ и не перестанетъ горѣть—никогда! Ибо для того, чтобы оно восторжествовало, необходимо только одно: освѣтить сердца и умы сознаніемъ, что «гіенство» вовсе не обладаетъ тѣми волшебными чарами, которыя приписываетъ ему безумный и злой предразсудокъ. Какъ только это просвѣтленіе совершиется, не будетъ надобности и въ прирученіи «гіенства» — зачѣмъ? Оно все-таки не перестанетъ смердить, да и возни съ прирученіемъ много, а будеть оно само-собой все дальше и дальше удаляться вглубь, покуда, наконецъ, море не поглотить его, какъ древле оно поглотило стадо свиней.

Dixi.

22.—Приключение съ Крамольниковымъ. (Сказка-элегія).

Однажды утромъ, проснувшись, Крамольниковъ совершенно явственно ощутилъ, что его нѣть. Еще вчера онъ сознавалъ себя существомъ; сегодня вчерашнее бытіе какимъ-то волшебствомъ превратилось въ небытіе. Но это небытіе было совершенно особаго рода. Крамольниковъ торопливо опушилъ себя, потомъ произнесъ вслухъ нѣсколько словъ, наконецъ, посмотрѣлся въ зеркало; оказалось, что онъ — тутъ, налицо, и что, въ качествѣ ревизской души, онъ существуетъ въ томъ же самомъ видѣ, какъ и вчера. Мало того: онъ попробовалъ мыслить — оказалось, что и мыслить онъ можетъ... И за всѣмъ тѣмъ для него не подлежало сомнѣнію, что его нѣть. Нѣть того *ревизского* Крамольникова, какимъ онъ сознавалъ себя наканунѣ. Какъ будто передъ нимъ захлопнулась какая-то дверь, или завалило впереди дорогу, и ему некуда и не зачѣмъ идти.

Переходя отъ одного предположенія къ другому и въ то же время съ любопытствомъ всматриваясь въ окружающую обстановку, онъ взглянулъ мимоходомъ на лежавшую на письменномъ столѣ начатую литературную работу, и вдругъ все его существо словно электрическая струна пронизала...

Не нужно! не нужно! не нужно!

Сначала онъ подумалъ: какой вздоръ! — и взялся за перо. Но когда онъ хотѣлъ продолжать начатую работу, то сразу убѣдился, что дѣйствительно ему предстоитъ провести черту и подъ нею написать: *Не нужно!*

Онъ понялъ, что все оставалось попрежнему, — только душа у него запечатана. Отнынѣ онъ воленъ производить свойственные ревизской душѣ отправленія; воленъ, пожалуй, мыслить; но все это ни къ чemu. У него отнято главное, что составляло основу и сущность его жизни: отнята та лучистая сила, которая давала ему возможность огнемъ своего сердца зажигать сердца другихъ.

Онъ стоялъ изумленный; смотрѣлъ и не видѣлъ; искалъ и не находилъ. Что-то безконечно-мучительное жгло его внутренности... А въ воздухѣ между тѣмъ носился нелѣпно-озорной шопотъ: «поймали, расчуяли, уличили!»

— Чѣмъ такое? чѣмъ такое случилось?

Положительно, душа его была запечатана. Какъ у всякаго убѣжденаго и вѣрящаго человѣка, у Крамольникова былъ внутренний храмъ, въ которомъ хранилось сокровище его души. Онъ не прятать этого сокровища, не считать его своею исключительной собственностью, по расточать его. Въ этомъ, по его мнѣнію, замыкался весь смыслъ человѣческой жизни. Безъ этой дѣятельной силы, которая, надѣляя человѣка потребностью источать изъ себя свѣтъ и добро, въ то же время дѣлаетъ его способнымъ воспринимать свѣтъ и добро отъ другихъ, — человѣческое общество уподобилось бы кладбищу. Это было бы не общество, а складъ труповъ... И вотъ теперь трупный періодъ для него наступилъ. Обмѣну свѣта и добра пришелъ конецъ. И самъ онъ, Крамольниковъ, — трупъ, и тѣ, къ которымъ онъ такъ недавно обращался, какъ къ источнику живой воды для своей дѣятельности, — тоже трупы... Никогда, даже въ воображеніи, не представлять онъ себѣ несчастія столь глубокаго.

Крамольниковъ былъ коренной пошхонскій литераторъ, у которого не было никакой иной привязанности, кромѣ читателя, никакой иной радости, кромѣ общенія съ читателемъ. Читатель не олицетворялся для него въ какой-нибудь материальной формѣ и тѣмъ не менѣе всегда предстоялъ передъ нимъ. Въ этой привязанности къ отвлеченнѣй личности было что-то исключительное, до болѣзnenности страстное. Цѣлые десятки лѣтъ она одна питала его и съ каждымъ годомъ дѣлалась все больше и больше настойательно. Наконецъ, пришла старость, и всѣ блага жизни, кромѣ одного, высшаго и существеннѣйшаго, окончательно сдѣлались для него безразличными, ненужными.

И вдругъ, въ эту минуту, — рухнуло и послѣднее благо. Разверзлась темная пропасть и поглотила то «единственное», которое давало жизни смыслъ...

Въ литературномъ цехѣ такія, направленныя исключительно въ одну сторону, личности по временамъ встрѣчаются. Смолоду такъ односторонне слагается ихъ жизнь, что какія бы случайности ни сталкивали ихъ съ фаталистически обозначеній колеи, уклоненіе никогда не бываетъ ни серьезно, ни продолжительно. Подъ грудами напоиснаго хлама продолжаетъ течь настоящая жильная струя. Все разнообразіе жизни представляется фиктивнымъ; весь интересъ ея сосредоточивается въ одной свѣтищей точкѣ.

Никогда они не даютъ себѣ отчета въ томъ, какого рода случайности ждутъ на пути, никогда не предусматриваются, не стараются обезпечить тыль, не предпринимаютъ развѣдокъ, не справляются съ бывшими примѣрами. Не потому, чтобы проходящія передъ ними явленія и зависимость ихъ отъ этихъ явлений были для нихъ неясны, а потому, что никакія предвидѣнія, никакія справки—ни на юту не могутъ видоизмѣнить тѣ функции, прекращеніе которыхъ было бы равносильно прекращенію бытія. Нужно убить человѣка, чтобы эти функции прекратились.

Неужели именно это убийство и совершилось теперь, въ эту загадочную минуту? Чѣмъ такое случилось? Тщетно искаль онъ отвѣта на этотъ вопросъ. Онъ понималъ только одно, что его со всѣхъ сторонъ обступаетъ зіяющая пустота.

Крамольниковъ горячо и страстно былъ преданъ своей странѣ и отлично зналъ какъ прошедшее, такъ и настоящее ея. Но это знаніе повліяло на него совершенно особыеннымъ образомъ: оно было живымъ источникомъ болей, которыя, непрерывно возобновляясь, сдѣлались, наконецъ, главнымъ содержаніемъ его жизни, дали направленіе и окраску всей его дѣятельности. И онъ не только не старался утишить эти боли, а, напротивъ, работалъ надъ ними и оживлялъ ихъ въ своеемъ сердцѣ. Живость боли и непрерывное ея ощущеніе служили источникомъ живыхъ образовъ, при посредствѣ которыхъ боль передавалась въ сознаніе другихъ.

Зналъ онъ, что пошечонская страна изстари славилась непостоянствомъ и неустойчивостью, что самая природа ея какая-то незаслуживающая довѣрія. Рѣки расплзлись вширь и что ни годъ, то менятъ русло, пестрѣя песчаными перекатами. Атмосферическія явленія поражаютъ внезапностью, похожею на волшебство: сегодня — жара, хоть рубашку выжми; завтра — та же рубашка коломъ стоитъ на обывательской спинѣ. Лѣто короткое, растительность бѣдная, болота неоглядныя... Словомъ сказать — самая беспособная, предательская природа, такая, что никакихъ дѣлъ загадывать впередъ не приходится.

Но еще болѣе непостоянны въ Попшеноиѣ судьбы человѣческія. Смерть говорить: «отъ сумы да отъ тюрмы не откrestишъся»; посадскій человѣкъ говорить: «барыни наши на водѣ вилами писаны»; бояринъ говорить: «у меня вчера уши выше лба росли, а сегодня я ихъ вовсе съ-

скать не могу». Нѣть связи между вчерашнимъ и завтрашимъ днемъ! Бродить человѣкъ по Чуровой долинѣ: пронесеть Богъ—пантъ, не пронесеть—пропалъ.

Какая можетъ быть рѣчь о совѣsti, когда все кругомъ измѣняется, предательствуетъ? На что обопрется совѣstъ, на чѣмъ она воспитается?

Зналъ все это Крамольниковъ, но, повторяю, это знаніе оживляло боли его сердца и служило отправнымъ пунктомъ его дѣятельности. Повторяю: онъ глубоко любилъ свою страну, любилъ ея бѣдноту, наготу, ея злосчастіе. Быть можетъ, онъ усматривалъ впереди чудо, которое уйметь сиѣдавшую его скорбь.

Онъ вѣрилъ въ чудеса и ждалъ ихъ. Воспитанный на онѣ волшебстvѣ, онъ незамѣтно для самого себя подчинился дѣйствію волшебства и призналъ его рѣшающимъ факторомъ пошхонской жизни. Въ какую сторону направить волниество свое дѣйствіе? — въ этомъ весь вопросъ... Къ тому же, и въ прошломъ не все была тьма. По временамъ мракъ рѣдѣлъ, и въ теченіе короткихъ просвѣтствъ пошхонцы несомнѣнно чувствовали себя бодрѣ. Это свойство расцѣплять и ободряться подъ лучами солнца, какъ бы ни были они слабы, доказываетъ, что для всѣхъ вообще людей свѣtъ представляетъ нѣчто желанное. Надо поддерживать въ нихъ эту инстинктивную жажду свѣtа, надо напоминать, что жизнь есть радованіе, а не безсрочное страданіе, отъ котораго можетъ счасти лишь смерть. Не смерть должна разрѣшить узы, а возстановленный человѣческий образъ, просвѣтленный и очищенный отъ тѣхъ посрамлений, которыя наслонили на немъ вѣка подъяремной неволи. Истина эта такъ естественно вытекаетъ изъ всѣхъ определеній человѣческаго существа, что нельзѧ допустить даже минутного сомнѣнія относительно ея грядущаго торжества. Крамольниковъ вѣрилъ въ это торжество и всего себя отдалъ напоминаніямъ о немъ.

Всѣ силы своего ума и сердца онъ посвятилъ на то, чтобы возстановить въ душахъ своихъ присныхъ представлениe о свѣtѣ и правдѣ и поддерживать въ ихъ сердцахъ вѣру, что свѣtъ придетъ, и мракъ его не обниметъ. Въ этомъ собственно заключалась задача всей его дѣятельности.

Дѣйствительно, волшебство не замедлило вступить въ свои права. Но не то благотворное волшебство, о которомъ онъ мечталъ, а заурядное, жестокое пошхонское волшебство.

Не нужно! Не нужно! Не нужно!

Къ чести Крамольникова должно сказать, что онъ ни разу не задался вопросомъ: за чтѣ? Онъ понималъ, что, при полномъ отсутствіи винословности, подобнаго рода вопросъ не только неумѣстенъ, но прямо свидѣтельствуетъ о слабодушіи вопрошающаго. Онъ даже не отрицалъ нормальности настигшаго его факта,—онъ только находилъ, что нормальность въ настоящемъ случаѣ заявила себя черезъ чурь уже жестоко и рѣзко. Не разъ приходилось ему, въ теченіе долгаго литературнаго пути, играть роль anima vilis передъ лицомъ волшебства, но до сихъ поръ послѣднее хотя душу его оставляло нетронутую. Теперь оно эту душу отняло, скомкало и запечатало, и какъ ни привычны были Крамольникову капризы волшебства, но на этотъ разъ онъ почувствовалъ себя изумленнымъ. Весь онъ былъ словно расшибленъ, вездѣ, во всемъ существѣ, ощущая жгучую и совѣтмъ новую боль.

И вдругъ онъ вспомнилъ о «читателѣ». До сихъ поръ онъ отдавалъ читателю всѣ силы вполнѣ беззаботно; теперь въ его сердцѣ впервые шевельнулось смутное чаяніе отклика, сочувствія, помощи...

И его инстинктивно потянуло на улицу, какъ будто тамъ его ожидало какое-то разъясненіе.

Улица имѣла обыкновенный попхонскій видъ. Крамольникову показалось, что передъ глазами его разстилается пѣмое, слѣпое и глухое пространство. Только камни вонзили. Люди сповали взадъ и впередъ осторожно и озираясь, точно шли воровать. Только эта струна и была живая. Все прочее было проникнуто изумленіемъ, почти остоубеніемъ. Однако-жъ Крамольникову сгоряча показалось, что даже эта нѣмая улица нѣчто знаетъ. Ему этого такъ страшно хотѣлось, что онъ вошль камней принялъ за вошль людей. Тѣмъ не менѣе, отчасти онъ не ошибался. Дѣйствительно, тамъ и сямъ раздавалось развязное гудѣніе. То было гудѣніе либераловъ, недавнихъ друзей его. Однихъ онъ обгонялъ, другіе шли навстрѣчу. Но—увы!— никакого оттѣнка участія не видѣлось на ихъ лицахъ. Напротивъ, на нихъ уже успѣла лечь тѣнь отступничества.

— Однако похоронили-таки вѣсъ, голубчикъ, живо!— сказалъ одинъ:— строгонько, сударь, строгонько! Ну, да вѣдь тоже и вы... нельзя этого, мой другъ; я вамъ давно говорилъ, что нельзя! Терпѣли вѣсъ, терпѣли,—ну, наконецъ...

— Но что же такое «наконець»?

— Да просто «наконець»—и все тут! Скучно стало. Нынче не разговаривать нужно, а взирать и—буде можно—усматривать. Вамъ, сударь, слѣдовало самому зараньше догадаться; а ежели вамъ претило присоединиться отъ полноты души,—ну, такъ хоть слегка бы: разбирайте, моль, каковъ я тамъ... внутри! А то все съ-плеча, все съ-плеча! Ну, и надоѣло. И и самъ—развѣ, вы думаете, мнѣ сладко? Не со вчерашняго дня, чай, меня знаете! Однако и я поразмыслилъ да посовѣтовался съ добрыми людьми... Господи, благослови... бухты!

Другой сказалъ:

— Да, любезный другъ, жаль васъ, очень жаль! Пріятно было почитать. Улыбнешься, вздохнешь, а иногда и дѣльное что-нибудь отыщешь... Даже приятелемъ, бывало, спѣшишь сообщить. Въ канцеляріяхъ цитировали. У меня былъ знакомый, который наизусть многое зналъ. Но, съ другой стороны, есть всему и предѣль. Настали времена, когда понадобилось другое; вы должны были понять это, а не дожидаться, пока васъ прихлопнутъ. Чѣмъ такое это «другое»—выяснится потому, но не теперь... Вотъ я вслѣдъ за другими смотрѣль-смотрѣль, да и говорю женѣ: надо же! Ну, и она говорить: надо! Я и рѣшился.

— На чѣмъ же вы рѣшились?

— Да просто—идти общимъ торнымъ путемъ. Не заглядываясь по сторонамъ, не царя ввысь, не думая о широкихъ задачахъ... Помаленьку да полегоньку. Оно скучненько и сѣренъко, положимъ, но вѣдь, съ одной стороны, близость-то намъ не по плечу, а съ другой стороны—семейство. Жена принарядиться любить, повеселиться... Самъ тоже: имѣешь положеніе въ свѣтѣ, связи, знакомства; видишь, какъ другое впередъ да впередъ идуть,—неужто же все потерять? Вы думаете, я такъ-таки навсегда... нѣтъ, я тоже съ оговорочкой. Придуть когда-нибудь и лучшая времена... Вотъ, напримѣръ, ежели Николай Семенычъ... Кормило-то, батюшка, вычес... Сегодня Иванъ Михайлычъ, а завтра Николай Семенычъ... Ну, тогда и опять...

— Да вѣдь Николай-то Семенычъ—воръ.

— Воръ! Ахъ, какъ вы жестоко выражаетесь!

Наконецъ, третій просто напрямки крикнулъ на него:

— И за дѣло! Будеть съ васъ! Вы, сударь, не только себя, но и другихъ компрометируете—вотъ что! Я изъ-за

вась вчера объясненіе имѣлъ, а нынче и не знаю, есмь я или не есмь! А какое вы имѣете право, позвольте вась спросить? «Въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ господиномъ Крамольниковымъ,—говорить,—а посему...» Я—туда-сюда. «Какія же, говорю, это пріятельскія отношенія, вашество? Такъ, буфонъ—отчего же послѣ трудовъ и не посмѣяться!» Ну, дали покамѣсть двадцать четыре часа на размышеніе, а тамъ что будетъ. А у меня между тѣмъ семья, жена, дѣти... Да и самъ я въ полѣ не обсѣвокъ... Можно ли было этого ожидать! Повторяю: какое вы имѣете право? Ахъ-ахъ-ахъ!

Крамольниковъ не счелъ нужнымъ продолжать бесѣду и пошелъ дальше. Но такъ какъ на пути его стоялъ домъ, въ которомъ жилъ давній его однокашникъ, то онъ и зашелъ къ нему, думая хоть тутъ отвести душу.

Лакей принялъ его радушно; повидимому, онъ ничего еще не зналъ. Онъ сказалъ, что Дмитрія Николаича нѣть дома, а Аглай Алексѣевна въ гостиной. Крамольниковъ отворилъ дверь, но едва переступилъ порогъ гостиной, какъ сидѣвшая въ ней дама взвизгнула и убѣжала. Крамольниковъ отретировался.

Наконецъ, онъ вспомнилъ, что на Пескахъ живеть старый его сослуживецъ (Крамольниковъ лѣтъ пятинацатъ назадъ тоже служилъ въ департаментѣ грѣшныхъ помышленій), Яковъ Ильичъ Воробушкинъ. Человѣкъ этотъ былъ большой почитатель Крамольникова и служилъ неудачно. Слишкомъ десять лѣтъ тянула онъ лямку столоначальника, не имѣя въ перспективѣ никакого повышенія и при каждой перемѣнѣ вѣянія дрожа за свое столоначальничество. Робкій и испытательный отъ природы, онъ и на частной службѣ пріютиться не могъ. Какъ-то съ самаго начала онъ устроилъ себя такъ, что ему самому казалось страннымъ чего-нибудь искать, подавать записки обѣ уничтоженіи и устрашеніи, слоняться по переднимъ и лѣстницамъ, и т. д. Разъ только онъ подалъ записку о необходимости ободрить нищихъ духомъ; но директоръ, прочитавъ ее, только погрозилъ ему пальцемъ, и съ тѣхъ поръ Воробушкинъ замолчалъ. Въ послѣднее время, однако-жъ, онъ началъ смутно надѣяться, стать ходить въ ту самую церковь, куда ходилъ его начальникъ, такъ что послѣдній однажды подарилъ ему половину заздравной просфоры (донышико) и сказала: «очень радъ!» Такимъ образомъ дѣло его было уже на мази, какъ вдругъ...

Крамольникову отворила дверь старая нянька, сзади которой, изъ внутреннихъ дверей, выглядывали испуганные лица дѣтей. Нянька была сердита, потому что неожиданный посыпатель помышлялъ ей ловить блохъ. Она напрямки отрѣзала Крамольникову:

— Нѣть Якова Ильича дома; его изъ-за васъ къ начальнику позвали, и живъ онъ теперь или нѣть—неизвѣстно; а барыни въ церкву молиться ушли.

Крамольниковъ сталъ спускаться по лѣстницѣ, но едва сдѣлалъ вѣсколько шаговъ, какъ встрѣтилъ самого Воробушкина.

— Крамольниковъ! простите меня, но я не могу поддерживать наши старые отношенія!—сказалъ Воробушкинъ взволнованнымъ голосомъ.—На этотъ разъ, впрочемъ, я, кажется, оправдался, но и то наѣрное поручиться не могу. Директоръ такъ и сказалъ: «на васъ неизгладимое пятно!» А у меня жена, дѣти! Оставьте меня, Крамольниковъ! Простите, что я такой малодушный, но я не могу...

Крамольниковъ воротился домой удрученный, почти испуганный.

Что отнынѣ онъ былъ осужденъ на одиночество—это онъ сознавалъ. Не потому онъ былъ одинокъ, что у него не было читателя, который цѣнилъ, а быть-можетъ, и любилъ его, а потому, что онъ утратилъ всякое общеніе съ *своимъ* читателемъ. Этотъ читатель былъ далеко и разорвать связывающія его узы не могъ. Напротивъ, бытъ другой читатель, ближній, который во всякое время имѣть возможность зажалить Крамольникова до смерти. Этотъ остался налицо и пагло выражалъ, что самая измѣта Крамольникова ему испанската.

Смѣтно проносилось въ его умѣ, что во всѣхъ отступничествахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, кроется не одно личное предательство, а цѣлый подавляющій порядокъ вещей. Что всѣ эти вчерашие свободные мысльтели, которые еще недавно такъ дружелюбно жали ему руки, а сегодня чураются его, какъ чумы, дѣлаютъ это не только страха ради іудейства, но потому, что ихъ придавило.

Ихъ придавила жажда жизни; а такъ какъ жажда эта вполнѣ законна и естественна, то Крамольникову становилось страшно при этой мысли. «Неужто,—спрашивалъ онъ себя,—для того, чтобы удержать за собой право на существо-

ствованіе, нужно пройти сквозь позорное и жестокое иго? Неужто въ этомъ загадочномъ мірѣ только тѣ естественны, что идеть вразбрѣть съ самыми завѣтными и дорогими стремленіями души?»

Или опять: почти всякий изъ недавнихъ его собесѣдниковъ ссыпался на семью; одинъ говорилъ: «жена принадлежится любить»; другой «жена»—и больше ничего... Но особенно тяжко выходило это у Воробушкина. Семья ему душу рвала. Вѣроятно, онъ лишалъ себя всего, плохо бѣлье, плохо спаль, добывая на сторонѣ работишку—все ради семьи. И за всѣмъ тѣмъ добывалъ такъ мало, что только самоотверженность Лукеры Васильевны (жены Воробушкина) помогала переносить эту нужду. И вотъ, ради этого малаго, ради нищенской подачки...

Что же это такое? Что такое семья? Какъ устроиться съ семейнымъ началомъ? Какъ дѣлать, чтобы оно не было для человѣка египетской язвой, не тянуло его во всѣ стороны, не мѣшало быть гражданиномъ?

Крамольниковъ думалъ-думалъ, и вдругъ словно кольнуло его. «Отчего же,—говорилъ ему внутренний голосъ,— эти жгучіе вопросы не представлялись тебѣ такъ назойливо *прежде*, какъ представляются *теперь*? Не оттого ли, что ты былъ прежде рабъ, сознававший за собой какую-то минимую силу, а теперь ты—рабъ безсильный, придавленный? Отчего ты не шелъ прямо и не самоотвергался? Отчего ты подчинялъ себя какой-то профессіи, которая давала тебѣ положеніе, связи, друзей, а не спѣшилъ туда, откуда раздавались стоны? Отчего ты не становился лицомъ къ лицу съ этими стонами, а волновался ими только отвлеченно?

«Изъ-подъ пера твоего лился протестъ, но ты облекъ его въ такую форму, которая дѣлала его мертворожденнымъ. Все, противъ чего ты протестовалъ,— все это и нынѣ стоять въ томъ же видѣ, какъ и до твоего протesta.

«Твой трудъ былъ бесплоденъ. Это былъ трудъ адвоката, у которого языкъ измотался среди опутывающихъ его лжей. Ты протестовалъ, но не указалъ ни того, что нужно дѣлать, ни того, какъ люди шли вглубь и погибали, а ты слалъ имъ вслѣдъ свое сочувствіе. Но это было пѣнистое раздраженіе мысли,—раздраженіе, положимъ, доброе, но все-таки только раздраженіе. Ты даже тѣхъ людей, которые сегодня такъ нагло отвернулись отъ тебя,—ты и ихъ не

сумъль понять. Ты думалъ, что *вчера* они были иными, нежели сегодня.

«Правда, ты неспособенъ идти слѣдомъ за этими людьми; ты неспособенъ измѣнить тѣмъ добрымъ раздраженіямъ, которыя съ молодыхъ ногтей вошли тебѣ въ плоть и кровь. Это, конечно, зачтется тебѣ... гдѣ и когда? Но теперь, когда тебя со всѣхъ сторонъ обступила старость, съ ея неугами, разсуди самъ, что тебѣ предстоитъ...»

Post scriptum отъ автора. Само собой разумѣется, что все написанное выше—не больше, какъ сказка. Никакого Крамольникова нѣть и не было; отступники же и переметные сумы водились во всякое время, а не только въ данную минуту. А такъ какъ и во всемъ остальному все обстоитъ благополучно, то не для чего было и огородъ городить, въ чемъ авторъ и каеется чистосердечно передъ читателями.

23.—Христова ночь.

(Преданіе).

Равнина еще цѣненѣеть, но среди глубокаго безмолвія ночи подъ сиѣжною пеленою уже слышится говоръ пробуждающихся ручьевъ. Въ оврагахъ и ложбинахъ этотъ говоръ принимаетъ размѣры глухого гула и предостерегаетъ путника, что дорога въ этомъ мѣстѣ изрыта зажорами. Но лѣсь еще молчитъ, придавленный инеемъ, словно сказочный богатырь желѣзною шапкою. Темное небо сплошь усыпано звѣздами, льющими на землю холодный и трепещущій свѣтъ. Въ обманчивомъ его мерцаніи мелькаютъ траурныя точки деревень, утонувшихъ въ сугробахъ. Печать сиротливости, заброшенности и убожества легла и на застывшую равнину, и на безмолвствующій проселокъ. Все сковано, беспомощно и безмолвно, словно задавлено невидимой, но грозной кабалой.

Но вотъ въ одномъ концѣ равнины раздалось гудѣніе полночного колокола; павстрѣчу ему, съ противоположнаго конца, пронеслось другое, за нимъ—третье, четвертое. На темномъ фонѣ ночи вырѣзались горящіе шпили церквей, и окрестность вдругъ ожила. По дорогѣ потянулись вереницы

деревенского люда. Впереди шли люди сѣрые, замученные жизнью и нищетою, люди съ истерзанными сердцами и покиншими долу головами. Они несли въ храмъ свое смиреніе и свои взыханія; это было все, что они могли дать воскресшему Богу. За ними, поодаль, следовали въ праздничныхъ одеждахъ деревенскіе богаты, кулаки и прочие властелины деревни. Они весело гуторили межъ собою и несли въ храмъ свои мечтанія о предстоящемъ недѣльномъ ликованіи. Но скоро толпы народныя утонули въ глубинѣ проселка; замеръ въ воздухѣ послѣдній ударъ призывающаго благовѣста, и все опять торжественно смолкло.

Глубокая тайна почуялась въ этомъ внезапномъ перерывѣ начавшагося движенія,—какъ будто за наступившимъ молчаніемъ надвигалось чудо, существующее вдохнуть жизнь и возрожденіе. И точно: не успѣть еще заалѣть востокъ, какъ желанное чудо совершилось. Воскресъ поруганный и распятый Богъ! Воскресъ Богъ, къ Которому искони огорченныя и недугующія сердца вопіютъ: «Господи, поспѣшай!»

Воскресъ Богъ и наполнилъ Собою вселенную. Широкая степь встала навстрѣчу Ему всѣми своими сиѣгами и буранами. За степью потянулся могучій лѣсъ и тоже почуялъ приближеніе Воскресшаго. Подняли матерья ели къ небу мохнатыя лапы; заскрипѣли вершинами столѣтнія сосны; загудѣли овраги и рѣки; выбѣжали изъ норъ и берлогъ звѣри, вылетѣли птицы изъ гнѣздъ; всѣ почуяли, что изъ глубины грядетъ нечто свѣтлое, сильное, источающее свѣтъ и тепло, и всѣ вопіали: «Господи! Ты ли?»

Господь благословилъ землю и воды, звѣрей и птицъ, и сказалъ имъ:

— Миръ вамъ! Я принесъ вамъ весну, тепло и свѣтъ. Я сниму съ рѣкъ ледяныя оковы, одѣну степь зеленою илленою, наполню лѣсъ пѣніемъ и благоуханіями. Я напитаю и напою птицъ и звѣрей и наполню природу ликованіемъ. Пускай законы си будуть легки для васъ; пускай она для каждой былинки, для каждого чуть замѣтнаго насѣкомаго начертить кругъ, въ которомъ они останутся вѣрными прирожденному назначению. Вы не судимы, ибо выполняете лишь то, что вамъ дано отъ начала вѣковъ. Человѣкъ ведеть непрестанную борьбу съ природой, проникая въ ея тайны и не предвидя конца своей работѣ. Ему необходимы эти тайны, потому что опѣ составляютъ неиз-

бѣжное условіе его благоденствія и преуспѣянія. Но природа сама себѣ довѣрѣть, и въ этомъ ея преимущество. Иѣть нужды, что человѣкъ мало-по-малу проникаетъ въ ея пѣдра — онь покоряетъ себѣ только атомы, а природа продолжаетъ стоять передъ нимъ въ своей первобытной неприступности и подавляеть его своимъ могуществомъ. Миръ вамъ, стени и лѣса, звѣри и пернатые! и да согрѣютъ и оживятъ васъ лучи Моего Воскресенія!

Благословивши природу, Воскресій обратилъ къ людямъ. Первыми вышли навстрѣчу къ Нему люди плачущіе, согбенные подъ игомъ работы и загубленные нуждою. И когда Онъ сказалъ имъ: «миръ вамъ!» — то они наполнили воздухъ рыданіями и нали ницъ, молчаливо прося обѣ избавлений.

И сердце Воскресшаго вновь затуманилось тою великою и смертельною скорбью, которою оно до краевъ переполнилось въ Геосиманскомъ саду, въ ожиданіи чаши, Ему уготованной. Все это многострадальное воинство, которое нало передъ Нимъ, несло бремя жизни имени Его ради; всѣ они первые приклонили ухо къ Его слову и навсегда запечатлѣли его въ сердцахъ своихъ. Всѣхъ ихъ Онъ видѣлъ съ высотъ Голгоы, какъ они метались вдали, окутанные сѣтями рабства, и всѣхъ Онъ благословилъ, совершая Свой крестный путь, всѣмъ обѣщая освобожденіе. И всѣ они съ тѣхъ поръ жаждутъ Его и рвутся къ Нему. Всѣ съ беззавѣтною вѣрою простираютъ къ Нему руки: «Господи! Ты ли?»

— Да, это Я,—сказалъ Онъ имъ.—Я разорвалъ узы смерти, чтобы прийти къ вамъ, слуги Мои вѣрные, сострадальцы Мои дорогіе! Я всегда и на всякѣмъ мѣстѣ съ вами, и вездѣ, где пролита ваша кровь,—тутъ же пролита и Моя кровь вмѣстѣ съ вашею. Вы чистыми сердцами беззавѣтно увѣровали въ Меня потому только, что проповѣдь Моя заключаетъ въ себѣ правду, безъ которой вселенная представляетъ собой вмѣстилище погубленія и адъ кромѣшный. Люби Бога и люби ближняго, какъ самого себя,—вотъ эта правда, во всей ея ясности и простотѣ, и она наиболѣе доступна не богословамъ и начетчикамъ, а именно вамъ, простымъ и удрученнымъ сердцамъ. Вы вѣрите изъ эту правду и ждете ея пришествія. Лѣтомъ, подъ лучами зиойнаго солнца, за союю, вы служите ей; зимой, длинными вечерами, при свѣтѣ дымящейся луцины, за скучнымъ

ужиномъ, вы учите ей дѣтей вашихъ. Какъ ни кратка она сама по себѣ, но для васъ въ ней замыкается весь смыслъ жизни и никогда не изсякающій источникъ новыхъ и новыхъ собесѣданій. Съ этой правдой вы встаете утромъ, съ нею ложитесь на сонъ грядущій и ее же приносите изъ алтаря Мой въ видѣ слезъ и вздоханій, которыхъ слаше аромата кадильного растворяютъ сердце Мое. Знайте же: хотя никто не провидитъ впередъ, когда пробьетъ вашу честь, но онъ уже приближается. Пробьетъ этотъ желанный честь, и явится свѣтъ, котораго не побѣдить тьма. И вы свергнете съ себя иго тоски, горя и нужды, которое удручаешь васъ. Подтверждаю вамъ это, и какъ никогда съ высотъ Голгофы благословляль васъ на стяженіе душъ вашихъ, такъ и теперь благословляю на новую жизнь въ царствѣ свѣта, добра и правды. Да не уклонится сердца ваши въ словеса лукавствія, да пребудутъ они чисты и просты, какъ до-днесъ, а слово Мое да будетъ истина. Миръ вамъ!

Воскресшій пошелъ далѣе и встрѣтилъ на пути Своемъ иныхъ людей. Тутъ были и богатыи, и міроѣды, и жестокіе правители, и тати, и душегубцы, и лицемѣры, и ханжи, и неправедные судьи. Всѣ они шли съ сердцами, преисполненными праха, и весело разговаривали, встрѣчая по Воскресенію, а грядущую праздничную суету. Но и они остановились въ смятениі, почувствовавъ приближеніе Воскресшаго.

Онъ также остановился передъ ними и сказалъ:

— Вы—люди вѣка сего и духомъ вѣка своего руководитесь. Стяженіе и любопачаліе—вотъ двигатели вашихъ дѣйствій. Зло наполнило все содержаніе вашей жизни, но вы такъ легко несете иго зла, что ни единый скрупуль вашей совѣсти не дрогнулъ передъ будущимъ, которое готовить вамъ это иго. Все окружающее васъ представляется какъ бы призваннымъ служить вамъ. Но не потому овладѣли вы вселенною, что сильны сами по себѣ, а потому, что сила унаслѣдована вами отъ предковъ. Съ тѣхъ поръ вы со всѣхъ сторонъ защищены, и сильные міра считаютъ васъ присными. Съ тѣхъ поръ вы идете съ огнемъ и мечомъ впередъ и впередъ; вы крадете и убиваете, безнаказанно изрыгая хулу на законы божескіе и человѣческіе, и тщеславитесь, что таково искони унаслѣдованное вами право. Но говорю вамъ: придетъ время,—и недалеко оно,—когда мечтанія ваши разஸются въ прахъ. Слабые также

познаютъ свою силу: вы же сознаете свое ничтожество передъ этою силой. Предвидѣли ли вы когда-нибудь этотъ грозный часъ? смущало ли васъ это предвидѣніе за себя и за дѣтей вашихъ?

Грѣшники безмолвствовали на этотъ вопросъ. Они стояли, потупивъ взоры и какъ бы ожидая еще горшаго. Тогда Воскресшій продолжалъ:

— Но во имя Моего Воскресенія Я и передъ вами открываю путь къ спасенію. Этотъ путь—судь вашей собственной совѣсти. Она раскроетъ передъ вами ваше прошлое во всей его наготѣ; она вызоветъ тѣни погубленныхъ вами и поставить ихъ на стражѣ у изголовій вашихъ. Скрежеть зубовный наполнить дома ваши, жены не познаютъ мужей, дѣти—отцовъ. Но когда сердца ваши засохнутъ отъ скорби и тоски, когда ваша совѣсть переполнится, какъ чаша, не могущая вмѣстить переполняющей ее горечи,—тогда тѣни погубленныхъ примирятся съ вами и откроютъ вамъ путь къ спасенію. И не будетъ тогда ни татей, ни душегубцевъ, ни мздоимцевъ, ни ханжей, ни неправедныхъ властителей, и всѣ одинаково возвеселятся за общей трапезой обители Моеї. Идите же и знайте, что слово Мое — истина!

Въ эту самую минуту востокъ заалѣлъ, и въ рѣдѣющемъ сумракѣ лѣса выступила безобразная человѣческая масса, качающаяся на осинѣ. Голова повѣсившаяся, почти оторванная отъ туловища, свѣсилась книзу; вороны уже выклевали у нея глаза и выѣли щеки. Самое туловище было по мѣстамъ обнажено отъ одеждъ и, зияя гнойными ранами, размахивало по вѣтру руками. Стая хищныхъ птицъ кружилась надъ тѣломъ, а болѣе смѣлья безстрашино продолжали дѣло разрушения.

То было тѣло предателя, который самъ совершилъ судь надъ собою.

Всѣ предстоявшіе съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернулись отъ представившагося зрѣлища; взоръ Воскресшаго воспыпалъ гнѣвомъ.

— О, предатель!—сказалъ Онъ:—ты думалъ, что вольною смертью избавился отъ давившей тебя измѣны; ты скоро сознаешь свой позоръ и поспѣшишь окончить разсчеты съ постыдною жизнью. Преступленіе такъ ясно выступило передъ тобой, что ты съ ужасомъ отступишь передъ общимъ презрѣніемъ и предпочель ему душевное погубленіе. «Еди-

ный мигъ,—сказалъ ты себѣ,—и душа моя погрузится въ безразсвѣтный мракъ, а сердце перестанетъ быть доступнымъ угрызеніямъ совѣсти». Но да не будетъ такъ. Сойди съ древа, предатель, да возвратятся тебѣ выклеванныя очи твои, да закроются гнойныя раны, и да возстановится по-зорный твой обликъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ былъ въ ту минуту, когда ты лобзаль предаваемаго тобой. Живи!

По этому слову, передъ глазами у всѣхъ, предатель сошелъ съ древа и палъ на землю передъ Воскресшимъ, моля Его о возвращеніи смерти.

— Я всѣмъ указалъ путь къ спасенію,—продолжалъ Воскресший:—но для тебя, предатель, онъ закрыть навсегда. Ты проклять Богомъ и людьми, проклягъ на вѣки-вѣковъ. Ты не убилъ друга, раскрывшаго передъ тобой душу, а застигъ его врасплохъ и предаль на казнь и поруганіе. За это я осуждаю тебя на жизнь. Ты будешь ходить изъ града въ градъ, изъ веси въ весь и нигдѣ не найдешь кровя, который бы приютилъ тебя. Ты будешь стучаться въ двери, и никто не отворить ихъ тебѣ; ты будешь умолять о хлѣбѣ—и тебѣ подадутъ камень; ты будешь жаждать—и тебѣ подадутъ сосудъ, наполненный кровью проданнаго тобой. Ты будешь плакать, и слезы твои превратятся въ потоки огненные, будутъ жечь твои щеки и покрывать ихъ струпьями. Камни, по которымъ ты пойдешь, будутъ волшить: «предатель, будь проклятъ!» Люди на торжищахъ разступятся передъ тобой, и на всѣхъ лицахъ ты прощешь: «предатель, будь проклятъ!» Ты будешь искать смерти и на сушѣ, и на водахъ—и вездѣ смерть отвратится отъ тебя и прошипитъ: «предатель, будь проклятъ!» Мало того: на время судьба сжелится надъ тобою, ты обрѣтешь друга и предашь его, и этотъ другъ изъ глубины темницы возонитъ къ тебѣ: «предатель, будь проклятъ!» Ты получишь способность творить добро, но добро это отвратить души облагодѣтельствованныхъ тобой. «Будь проклятъ, предатель!—возопіютъ они:—будь проклятъ и ты, и всѣ дѣла твои!» И будешь ты ходить изъ-вѣка-въ-вѣкъ съ неусыпающимъ червемъ въ сердцѣ, съ погубленною душою. Живи, проклятый, и будь для грядущихъ поколѣній свидѣтельствомъ той безконечной казни, которая ожидаетъ предательство. Встань, возьми вмѣсто посоха древесный сукъ, на которомъ ты чаяль найти смерть,—и иди!

И едва замерло въ воздухѣ слово Воскресшаго, какъ предатель всталъ съ земли, взялъ свой посохъ, и скоро шаги

его смолкли въ той необъятной, загадочной дали, гдѣ его ждала жизнь изъ-вѣка-въ-вѣкъ. И ходить онъ до-днесь по землѣ, разсѣвавая смуту, измѣну и рознь...

24.—Рождественская сказка.

Прекраснѣйшую сегодня проповѣдь сказаль для праздника нашъ сельскій батюшка.

«Много столѣтій тому назадъ,—сказалъ онъ:—въ этотъ самый день пришла въ міръ Правда.

«Правда извѣчна. Она прежде всѣхъ вѣкъ возсѣдала съ Христомъ-Человѣколюбцемъ одесную Отца, вмѣстѣ съ Нимъ воипотилась и возжгла на землѣ свой свѣточъ. Она стояла у подножія Креста и сораспиналась съ Христомъ; она возсѣдала, въ видѣ свѣтозарнаго ангела, у гроба Его и видѣла Его воскресеніе. И когда Человѣколюбецъ вознесся на небо, Онъ оставилъ на землѣ Правду, какъ живое свидѣтельство своего неизмѣннаго благоволенія къ роду человѣческому.

«Съ тѣхъ порь нѣть уголка въ цѣломъ мірѣ, въ который не проникла бы Правда и не наполнила бы его собою. Правда воспитываетъ нашу совѣсть, согрѣваетъ наши сердца, оживляетъ нашъ трудъ, указываетъ цѣль, къ которой должна быть направлена наша жизнь. Огорченныя сердца находять въ ней вѣрное и всегда открытое убѣжище, въ которомъ они могутъ успокоиться и утѣшиться отъ случайныхъ волнений жизни.

«Неправильно думаютъ тѣ, которые утверждаютъ, что Правда когда-либо скрывала лицо свое, или — что еще горше—была когда-либо побѣждена Неправдою. Нѣть, даже и тѣ скорбныя минуты, когда недальновиднымъ людямъ казалось, что торжествуетъ отецъ лжи, въ дѣйствительности торжествовала Правда. Она одна не имѣла временнаго характера, одна неизмѣнно шла впередъ, простирая надъ міромъ крылѣ свои и освѣщая его присносущимъ свѣтомъ своимъ. Минимое торжество лжи разсѣвалось, какъ тяжкій сонъ, а Правда продолжала шествіе свое.

«Вмѣстѣ съ гонимыми и униженными Правда сходила въ подземелья и проникала въ горныя ущелія. Она восходила съ праведниками на костры и становилась рядомъ съ ними передъ лицомъ мучителей. Она воздувала въ ихъ

душахъ священный пламень, отгоняла отъ нихъ помыслы малодушия и измѣны; она учила ихъ страдать всладѣ. Тщетно служители отца лжи мнили торжествовать, видя это торжество въ тѣхъ вещественныхъ признакахъ, которые представляли собой казни и смерть. Самыя лютыя казни были бессильны сломить Правду, а, напротивъ, сообщали ей виающую притягивающую силу. При видѣ этихъ казней загорались простыя сердца, и въ нихъ Правда обрѣтала новую благодарную почву для съянія. Костры пылали и пожирали тѣла праведниковъ, но отъ пламени этихъ костровъ возжигалось безчисленное множество свѣточей, подобно тому, какъ въ свѣтлую утреню отъ пламени одной возжейной свѣчи внезапно освѣщается весь храмъ тысячами свѣчей.

«Въ чёмъ же заключается Правда, о которой я бесѣдую съ вами? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ евангельская заповѣдь. Прежде всего, люби Бога, и затѣмъ люби ближняго, какъ самого себя. Заповѣдь эта, несмотря на свою краткость, заключаетъ въ себѣ всю мудрость, весь смыслъ человѣческой жизни.

«Люби Бога—ибо Онъ Жизнодавецъ и Человѣколюбецъ, ибо въ Немъ источникъ добра, нравственной красоты и истины. Въ Немъ—Правда. Въ этомъ самомъ храмѣ, гдѣ приносится безкровная жертва Богу,—въ немъ же совершается и непрестанное служеніе Правды. Всѣ стѣны его пропитаны Правдой, такъ что вы,—даже худшіе изъ васъ,—входя въ храмъ, чувствуете себя умиротворенными и просвѣтленными. Здѣсь, передъ лицомъ Распятаго, вы утоляете печали ваши; здѣсь обрѣтаете покой для смущенныхъ душъ вашихъ. Онъ былъ распятъ ради Правды, лучи которой излились отъ Него на весь міръ,—вы ли ослабнете духомъ передъ постигающими васъ испытаніями?

«Люби ближняго, какъ самого себя—такова вторая половина Христовой заповѣди. Я не буду говорить о томъ, что безъ любви къ ближнему невозможно общежитіе,—скажу прямо, безъ оговорокъ: любовь эта, сама по себѣ, помимо всякихъ стороннихъ соображеній, есть краса и ликованіе нашей жизни. Мы должны любить ближняго не ради взаимности, но ради самой любви. Должны любить непрестанно, самоотверженно, съ готовностью положить душу, подобно тому, какъ добрый пастырь полагаетъ душу за овцѣ своихъ.

«Мы должны стремиться къ ближнему на помощь, не разсчитывая, возвратить онъ или не возвратить, оказанную ему услугу: мы должны защитить его отъ невзгодъ,

хотя бы невзгода угрожала поглотить насъ самихъ; мы должны предстательствовать за него передъ сильными міра, должны идти за него въ бой. Чувство любви къ ближнему есть то высшее сокровище, которымъ обладаетъ только человѣкъ и которое отличаетъ его отъ прочихъ животныхъ. Безъ него оживотворяющаго духа всѣ дѣла человѣческія мертвы, безъ него тускнѣеть и становится непонятною самая цѣль существованія. Только тѣ люди живутъ полною жизнью, которые пламенѣютъ любовью и самоотверженіемъ; только они одни знаютъ дѣйствительныя радованія жизни.

«Итакъ, будемъ любить Бога и другъ друга—таковъ смыслъ человѣческой Правды, будемъ искать ее и пойдемъ по стезѣ ея. Не убоимся козней лжи, но станемъ добрѣ и противопоставимъ имъ обрѣтенную нами Правду. Ложь посрамится, а Правда останется и будетъ согрѣвать сердца людей.

«Теперь вы возвратитесь въ домы ваши и предадитесь веселію о празднику Рождества Господа и Человѣколюбца. Но и среди веселія вашего не забывайте, что съ Нимъ пришла въ міръ Правда, что она во всѣ дни, часы и минуты присутствуетъ посреди васъ и что она представляеть собою тотъ священный огонь, который освѣщаетъ и согрѣваетъ человѣческое существованіе».

Когда батюшка кончилъ, и съ клироса раздалось: «Буди имя Господне благословенно», то по всей церкви пронесся глубокій вздохъ. Точно вся громада молящихся этимъ вздохомъ подтверждала: «да, буди благословенно!»

Но изъ присутствовавшихъ въ церкви всѣхъ внимательнѣе вслушивался въ слова отца Павла десятилѣтній сынъ мелкой землевладѣлицы, Сережа Русланцевъ. По временамъ онъ даже обнаруживалъ волненіе, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли, и самъ онъ всѣмъ корпусомъ подавался впередъ, точно хотѣлъ о чёмъ-то спросить.

Марья Сергѣевна Русланцева была молодая вдова и имѣла крохотную усадьбу въ самомъ селѣ. Во время крѣпостной зависимости въ селѣ было до семи помѣщичьихъ усадебъ, отстоявшихъ въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи. Помѣщики были мелкопомѣстные, а Федоръ Павлычъ Русланцевъ принадлежалъ къ числу самыхъ бѣдныхъ: у него всего было три крестьянскихъ двора да съ десятокъ дворовыхъ. Но такъ какъ его почти постоянно выбирали на разныя должности, то служба помогла ему составить небольшой капиталъ. Когда наступило освобожденіе, онъ получилъ.

въ качествѣ мелкопомѣстнаго, льготный выкупъ и, продолжая полевое хозяйство на оставшемся за надѣломъ клоцкѣ земли, могъ изо-дня-въ-день существовать.

Марья Сергеевна вышла на него замужъ значительное время спустя послѣ крестьянскаго освобожденія, а черезъ годъ уже была вдовой. Федоръ Павлычъ осматривалъ верхомъ свой лѣсной участокъ, лошадь чего-то испугалась, вышибла его изъ сѣда, и онъ расшибъ голову о дерево. Черезъ два мѣсяца у молодой вдовы родился сынъ.

Жила Марья Сергеевна болѣе нежели скромно. Полеводство она нарушила, отдала землю въ кортому крестьянамъ, а за собою оставила усадьбу съ небольшимъ лоскуткомъ земли, на которомъ былъ разведенъ садикъ съ небольшимъ огородцемъ. Весь ея хозяйственный живой инвентарь заключался въ одной лошади и трехъ коровахъ, вся прислуга — изъ одной семьи бывшихъ дворовыхъ, состоявшей изъ ея старой няньки съ дочерью и жена-тымъ сыномъ. Нянька присматривала за всѣмъ въ домѣ и пѣствовала маленькаго Сережу; дочь — кухарничала; сынъ съ женою ходили за скотомъ, за птицей, обрабатывали огородъ, садъ и проч. Жизнь потекла безшумно. Нужды не чувствовалось; дрова и главные предметы продовольствія были некупленные, а на покупное почти совсѣмъ запроса не существовало. Домочадцы говорили: «точно въ раю живемъ!» Сама Марья Сергеевна тоже забыла, что существуетъ на свѣтѣ иная жизнь (она мелькомъ видѣла ее изъ оконъ института, въ которомъ воспитывалась). Только Сережа по временамъ тревожилъ ее. Сначала онъ росъ хорошо, но, приближаясь къ семи годамъ, началъ обнаруживать признаки какой-то болѣзнистой впечатлительности.

Это былъ мальчикъ понятливый, тихій, но въ то же время слабый и болѣзнистый. Съ семи лѣтъ Марья Сергеевна засадила его за грамоту; сначала учила сама, но потомъ, когда мальчикъ сталъ приближаться къ десяти годамъ, въ ученьѣ принялъ участіе и отецъ Павель. Предполагалось отдать Сережу въ гимназію, а слѣдовательно требовалось познакомить его хоть съ первыми основаніями древнихъ языковъ. Время близилось, и Марья Сергеевна въ большомъ смущеніи помышляла о предстоящей разлукѣ съ сыномъ. Только цѣною этой разлуки можно было достигнуть воспитательныхъ цѣлей. Губернскій городъ отстоялъ далеко, и переселиться туда при шести-семистахъ годового дохода не представлялось возможности. Она уже вела

о Сережѣ переписку съ своимъ братомъ, который жилъ въ губернскомъ городѣ, занимая невидную должность, и на-дняхъ получила письмо, въ которомъ братъ соглашался принять Сережу въ свою семью.

По возвращеніи изъ церкви, за чаемъ, Сережа продолжалъ волноваться.

— Я, мамочка, по Правдѣ жить хочу!—повторилъ онъ.

— Да, голубчикъ, въ жизни главное—правда,—успокаивала его мать:—только твоя жизнь еще впереди. Дѣти иначе не живутъ, да и жить не могутъ, какъ по правдѣ.

— Нѣть, я не такъ хочу жить; батюшка говорилъ, что тотъ, кто по Правдѣ живеть, долженъ ближняго отъ обидѣ защищать. Вотъ какъ нужно жить, а я развѣ такъ живу? Вотъ, нападнись, у Ивана Бѣднаго корову продали—развѣ я заступился за него? Я только смотрѣль и плакалъ.

— Вотъ въ этихъ слезахъ—и Правда твоя дѣтская. Ты и сдѣлать ничего другого не могъ. Продали у Ивана Бѣднаго корову—по закону, за долгъ. Законъ такой есть, что всякий долги свои уплачивать обязанъ.

— Иванъ, мама, не могъ заплатить. Онъ и хотѣлъ бы, да не могъ. И няня говорить: бѣднѣе его во всемъ сель мужика нѣть. Какая же это Правда?

— Повторяю тебѣ, законъ такой есть, и всѣ должны знать и исполнять. Ежели люди живутъ въ обществѣ, то и обязанностями своими не имѣютъ права пренебрегать. Ты лучше обѣ ученьѣ думай—вотъ твоя Правда. Поступишь въ гимназію, будь прилеженъ, веди себя тихо—и это будетъ значить, что ты по Правдѣ живешь. Не люблю я, когда ты такъ волнуешься. Чѣмъ ни увидишь, чѣмъ ни услышишь—всё какъ-то въ сердце тебѣ западаетъ. Батюшка говорилъ вообще: въ церкви и говорить иначе нельзя, а ты ужъ къ себѣ примѣняешь. Молись за близкихъ—больше этого и Богъ съ тебя не спросить.

Но Сережа не унялся. Онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ въ это время собирались челядинцы и пили, ради праздника, чай. Кухарка Степанида хлопотала около печки съ ухвatomъ и то и дѣло вытаскивала горшокъ съ закипающими жирными щами. Запахъ прѣвой убояни и праздничного пирога пропиталъ весь воздухъ.

— Я, няня, по Правдѣ жить буду!—объявилъ Сережа.

— Ишь съ коихъ поръ собрался!—пошутила старуха.

— Нѣть, няня, я вѣрное слово себѣ далъ! Умру за Правду, а ужъ Неправдѣ не покорюсь!

— Ахъ, болѣзный мой, ишь вѣдь чтò тебѣ въ головку пришло!

— Развѣ ты не слыхала, чтò въ церкви батюшка говорилъ? За Правду жизнь полагать надо—вотъ что! Въ бой за Правду иди всякий долженъ!

— Извѣстно, чтò же въ церкви говорить! На то и церковь дана, чтобъ въ ней обѣ праведныхъ дѣлахъ слушать. Только ты, миленький, слушать-слушай, а умомъ тоже раскидывай!

— Съ Правдой-то жить оглядываючись надо, — резонно молвилъ работникъ Григорий.

— Отчего, напримѣрь, мы съ мамой въ столовой чай пьемъ, а вы въ кухнѣ? Развѣ это Правда? — горячился Сережа.

— Правда не правда, а такъ испоконъ вѣка идетъ. Мы люди простецкіе, намъ и на кухнѣ хорошо. Какъ бы всѣ-то въ столовую пошли, такъ комнатъ не наготовился бы.

— Ты, Сергій Осиповичъ, вотъ что, — вновь вступился Григорий: — когда будешь большой — гдѣ хочешь сиди: хошь въ столовой, хошь въ кухнѣ. А покедова маль, сиди съ мамашенькой — лучше этой правды по своимъ годамъ не сыщешь! Придется ужъ батюшка обѣдать, и онъ тебѣ то же скажетъ. Мы мало ли что дѣляемъ: и за скотиной ходимъ, и въ земль роимся, а господамъ этого не приходится. Такъ-то!

— Да вѣдь это же Неправда и есть!

— А по-нашему такъ: коли господа добрые, жалостли-
вые — это ихъ Правда. А коли мы, рабочіе, усердно госпо-
дамъ служимъ, не обманываемъ, стараемся — это наша Правда.
Спасибо и на томъ, ежели всякий свою Правду наблюдаетъ.

Наступило минутное молчаніе. Сережа, видимо, хотѣлъ что-то возразить, но доводы Григория были такъ добро-
душны, что онъ поколебался.

— Въ нашей сторонѣ, — первая прервала молчаніе няня: — откуда мы съ маменькой твоей пріѣхали, жиль помѣщика Разсошниковъ. Сначала жиль, какъ и прочие, и вдругъ захотѣлъ по правдѣ жить. И что-жъ онъ подъ-конецъ сдѣ-
лалъ? Продалъ имѣніе, деньги нищимъ раздалъ, а самъ ушелъ въ странствіе... Съ тѣхъ поръ, его и не видѣли.

— Ахъ, няня, вотъ это какой человѣкъ!

— А между прочимъ у него сынъ въ Петербургѣ въ полку служилъ! — прибавила няня.

— Отецъ имѣніе раздалъ, а сынъ ни при чёмъ остался...

Сына-то бы спросить, хороша ли отцовская Правда? — разсудил Григорий.

— А сынъ развѣ не понялъ, что отецъ по Правдѣ поступилъ? — вступился Сережа.

— То-то, что не слишкомъ онъ это понялъ, а тоже пыталъ хлопотать. Зачѣмъ же, говорить, онъ въ полкъ меня опредѣлилъ, коли мнѣ теперь содржать себя нечѣмъ?

— Въ полкъ опредѣлилъ... содржать себя нечѣмъ... — машинально повторялъ за Григориемъ Сережа, запутываясь среди этихъ сопоставлений.

— И у меня одинъ случай на памяти есть, — продолжалъ Григорий: — занялся отъ этого самаго Разсошникова у насъ на селѣ мужичокъ одинъ — Мартыномъ прозывался. Тоже всѣ деньги, какія были, роздаль нищимъ, оставилъ только хатку для семьи, а самъ надѣлъ черезъ плечо суму, да и ушелъ, крадучись, ночью, куда глаза глядятъ. Только, слышь, пачпортъ позабылъ выпрavitъ — его черезъ мѣсяцъ и выслали по этапу домой.

— За что? Развѣ онъ худое что-нибудь сдѣлалъ? — возразилъ Сережа.

— Худое не худое, я не обѣ этомъ говорю, а обѣ томъ, что по Правдѣ жить оглядываючись надо. Безъ пачпорта ходить не позволяетя — вотъ и вся недолга. Этакъ всѣ разбредутся, работу бросятъ — и отбою отъ нихъ, отъ бродягъ, не будетъ...

Чай кончился. Всѣ встали изъ-за стола и помолились.

— Ну, теперь мы обѣдать будемъ, — сказала няня: — ступай, голубчикъ, къ маменькѣ, посиди съ ней; скоро, поди, и батюшка съ матушкой придути.

Дѣйствительно, около двухъ часовъ пришелъ отецъ Павелъ съ женою.

— Я, батюшка, по Правдѣ жить буду! Я за Правду на бой пойду! — привѣтствовалъ гостей Сережа.

— Вотъ такъ вояка выискался! Отъ земли не видать, а ужъ на бой собрался! — пошутилъ батюшка.

— Надоѣлъ онъ мнѣ. Съ утра все обѣ одномъ и томъ же говорить, — сказала Марья Сергеевна.

— Ничего, сударыня. Поговорить и забудеть.

— Нѣть, не забуду! — настаивалъ Сережа. — Вы сами дамы говорили, что нужно по Правдѣ жить... въ церкви говорили!

— На то и церковь установлена, чтобы въ ней о Правдѣ возвѣщать. Ежели я, пастырь, своей обязанности не исполни,

такъ церковь сама о Правдѣ напомнить. И помимо меня, всякое слово, которое въ ней произносится,—Правда; одни ожесточенные сердца могутъ оставаться глухими къ ней...

— А жить какъ?..

— И жить по Правдѣ слѣдуетъ. Вотъ когда ты въ мѣру возраста придешь, тогда и Правду въ полномъ объемѣ поймешь, а покуда достаточно съ тебя и той Правды, которая твоему возрасту свойственна. Люби маменьку, къ старшимъ почтеніе имѣй, учись прилежно, веди себя скромно—вотъ твоя Правда.

— Да вѣдь мученики... вы сами давеча говорили...

— Были и мученики. За Правду и поношеніе слѣдуетъ принять. Только время для тебя думать объ этомъ не пріѣло.

— Мученики... костры...—лепеталъ Сережа въ смущеніи.

— Довольно!—нетерпѣливо прикрикнула на него Марья Сергѣевна.

Сережа умолкъ, но весь обѣдъ оставался задумчивъ. За обѣдомъ велись обыденные разговоры о деревенскихъ дѣлахъ. Рассказы шли за рассказами, и не всегда изъ нихъ явствовало, чтобы Правда торжествовала. Собственно говоря, не было ни Правды, ни Неправды, а была обыкновенная жизнь, въ тѣхъ формахъ и съ тою подкладкою, къ которымъ всѣ искони привыкли. Сережа безчисленное множество разъ слыхалъ эти разговоры и никогда особенно не волновался ими. Но въ этотъ день и его существо проникло что-то новое, чѣмъ подстрекало и возбуждало его.

— Кушай! — заставляла его мать, видя, что онъ почти совсѣмъ не ёсть.

— In corpore sano mens sana, — съ своей стороны привѣтилъ батюнка.—Слушайся маменьки—этимъ лучше всего свою любовь къ Правдѣ докажешь. Любить Правду должно, а не мученикомъ себя безъ причины воображать — это уже итиеславіе, сущность.

Новое упоминаніе о Правдѣ встревожило Сережу; онъ наклонился къ тарелѣ и старался ёсть, но вдругъ зарыдалъ. Всѣ всхлопотались и окружили его.

— Головка болитъ?—допытывалась Марья Сергѣевна.

— Болитъ,—отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Ну, поди, лягъ въ постельку. Няня, уложи его!

Его увѣли. Обѣдъ на иѣсколько минутъ прервался, потому что Марья Сергѣевна не выдержала и ушла вслѣдъ за няней. Наконецъ, обѣ возвратились и объявили, что Сережа заснулъ.

— Ничего, уснетъ и пройдетъ! — успокаивалъ Марью Сергеевну отецъ Павель.

Къ вечеру однако-жъ головная боль не только не унялась, но открылся жаръ. Сережа тревожно вставалъ ночью въ постели и все шарилъ руками около себя, точно чего-то искалъ.

— Мартынъ... по этапу, за Правду... что такое? — лепеталъ онъ безсвязно.

— Какого онъ Мартына поминаетъ? — недоумѣвая, обращалась Марья Сергеевна къ нянѣ.

— А помните, у насть на сель мужичокъ былъ, ушель изъ дому Христовымя именемъ... Давеча Григорій при Сережѣ разсказывалъ.

— Все-то вы глупости рассказываете! — разсердилась Марья Сергеевна: — совсѣмъ нельзя къ вамъ мальчика пускать.

На другой день, послѣ ранней обѣдни, батюшка вызвался сѣздиТЬ въ городъ за лѣкаремъ. Городъ отстоялъ въ сорока верстахъ, такъ что нельзя было ждать пріѣзда лѣкаря раньше какъ къ ночи. Да и лѣкарь, признаться, былъ старенький, плохой, никакихъ другихъ средствъ не употреблялъ, кромѣ оподельдока, который онъ прописывалъ и снаружи, и внутрь. Въ городѣ о немъ говорили: «въ медицину не вѣрить, а въ оподельдокъ вѣрить».

Ночью, около одиннадцати часовъ, лѣкарь пріѣхалъ. Осмотрѣлъ больного, пощупалъ пульсъ и объявилъ, что есть «жарокъ». Затѣмъ приказалъ натереть пациента оподельдокомъ и заставилъ его два катышка проглотить.

— Жарокъ есть, но вотъ увидите, что отъ оподельдока все какъ рукой сниметъ! — солидно объявилъ онъ.

Лѣкаря накормили и уложили спать, а Сережа всю ночь метался и пыталъ какъ въ огнѣ.

Нѣсколько разъ будили лѣкаря, но онъ повторялъ пріѣмы оподельдока и продолжалъ увѣрять, что къ утру все какъ рукой сниметъ.

Сережа бредилъ; въ бреду онъ повторялъ: «Христосъ... Правда... Разсошниковъ... Мартынъ...» и продолжалъ шарить вокругъ себя, произнося: «гдѣ? гдѣ?...» Къ утру однако-жъ успокоился и заснуль.

Лѣкарь уѣхалъ, сказавъ: «вотъ видите!» и ссылаясь, что въ городѣ его ждутъ другие пациенты.

Цѣлый день прошелъ между страхомъ и надеждой. Покуда на дворѣ было свѣтло, больной чувствовалъ себя лучше, но упадокъ силъ былъ настолько великъ, что онъ почти не говорилъ. Съ наступлениемъ сумерекъ опять открылся

жарокъ», и пульсъ сталъ биться учащеннѣе. Марья Сергеевна стояла у его постели въ безмолвномъ ужасѣ, усиливаясь что-то понять и не понимая.

Оподельдокъ бросили; няня прикладывала къ головѣ Сережи укусные компрессы, ставила горчичники, поила липовымъ цвѣтомъ, словомъ сказать, винопадъ и невинопадъ употребляла всѣ средства, о которыхъ слыхала и какія были подъ рукою.

Къ ночи началась агонія. Въ восемь часовъ вечера взошелъ полный мѣсяцъ, и такъ какъ гардины на окнахъ по оплошности не были спущены, то на стѣнѣ образовалось большое свѣтлое пятно. Сережа приподнялся и потянулся къ нему руки.

— Мама,— лепеталъ онъ:— смотри! Весь въ блѣдомъ... это Христосъ... это Правда... За Нимъ... къ Нему...

Онъ опрокинулся на подушку, подѣтски всплеснувъ и умеръ.

Правда мелькнула передъ нимъ и напоила его существо блаженствомъ; но неокрѣпшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось.

25.—Воронъ-челобитчикъ.

Сказка *).

Все сердце у старого ворона изболѣло. Истребляютъ вороній родъ: кому не лѣнъ—всякій его бѣть. И хоть бы ради прибытка, а то просто ради потѣхи. Да и само воронѣ измалодушничалось. О прежнемъ вѣщемъ карканѣ и въ поминѣ нѣть; осыплють вороны гурьбой березу и кричать зря: «вотъ мы гдѣ!» Натурально, сейчасъ—пафъ!—и десятка или двухъ въ стаѣ какъ не бывало. Щды прежней, привольной, тоже не стало. Гдѣ-кругомъ повырубили, болота повысушили, звѣрѣ угнали—никакъ честнымъ образомъ прокормиться нельзѧ. Стало воронѣ по огородамъ, садамъ, по скотнымъ дворамъ шнырять. А за это опять—нафъ!—и опять десятка или двухъ въ стаѣ какъ не бывало! Хорошо еще, что вороны плодуши, а то кто бы кречету, да ястребу, да беркуту дань платилъ?

*). Текстъ исправленъ незадолго передъ смертью авторомъ собственноручно съ надписью: «вѣрный оригиналъ».—М. Ст.

Начнетъ онъ, старикъ, своихъ младшихъ собратій увѣщеватъ: «Не каркайте зря! не летайте по чужимъ огородаамъ!» — да только одинъ отвѣтъ слышитъ: «Ничего ты, старый хрѣнъ, въ новыхъ дѣлахъ не смыслишь! Нельзя, по нынѣшнему времени, не воровать. И въ наукѣ такъ сказано: коли нечего тебѣ єсть, такъ изворачивайся. И всѣ такъ нынче живутъ: дѣла не дѣлаютъ, а изворачиваются. Пропадать, что ли, намъ! Мы еще гдѣ дѣ-свѣту встанемъ, снимемся съ гнѣздъ и весь лѣсъ обпаримъ — вездѣ хоть шаромъ покати. Ни ягоды лѣсной, ни пичуги малой, ни звѣря упалого. Даже червь, и тотъ въ землю зарылся».

Слышить старый воронъ эти рѣчи и глубокую думу думаетъ. Трудныя бывали на его памятнѣ времена. Цѣлыми годами преслѣдовала вороній родъ безкорница; безъ числа воронѣ погибало. Но тогда было правило: есть у тебя когти — рви ими свою грудь, а на чужой кусокъ не зарься! Однако и тогда ужъ было примѣтно, что недолго воронѣ эту школу выдержитъ. Смотрѣть, какъ другое живутъ припѣваючи, а самому добровольно умирать съ голоду — отъ одного этого хоть чье хочешь сердце изноется.

И наука, кстати, на помощь пришла: клюй, чтѣ можешь и гдѣ можешь! Удастся набить зобъ — летай на свободѣ сытый и веселый; не удастся — виси прострѣленный на огурѣ, вмѣсто чучела! На то война.

Когда принесъ его сюда, едва оперившагося, старый батько изъ-за тридевяти морей, мѣста здѣсь были вольныя. Лѣсь да вода — и глазомъ не окинешь. Въ лѣсу всякой ягоды, всякаго звѣри, птицы — всего вдоволь; въ водѣ рыба кишмя-кишѣла. Начальникомъ и тогда у нихъ былъ, какъ и теперь, ястребъ, но тогдашній ястребъ и самъ по себѣ былъ по горло сытъ, да и простъ былъ, такъ простъ, что и до сихъ поръ обѣ его простотѣ анекдоты ходятъ. Любилъ, правда, молоденъками воронятами полакомиться, но и тутъ справедливость наблюдалъ: сегодня изъ одного гнѣзда унесеть воронёнка, завтра изъ другого; а ежели видѣть, что гнѣздо бѣдное, упалое, такъ и безо всего улетитъ. И подати тогда были не тяжелыя: по яйцу съ гнѣзда, да по перу съ крыла, да съ каждыхъ десяти гнѣздъ по воронёнку орлу въ презентъ. Отбыль повинность — и спи на оба уха.

Но чѣмъ дальше шло, тѣмъ глубже и глубже все измѣнялось. Облюбовалъ вольныя мѣста человѣкъ и началъ съ того, что пустилъ въ ходъ топоръ. Лѣса порѣдѣли, болота

стали затягиваться, рѣка обмелѣла. Сначала по берегу рѣки появился зайнки, потомъ деревни, села, помѣщичьи усадьбы. Стукъ топора гулкимъ эхомъ раздавался въ глубинахъ лѣсныхъ, нарушая обычное теченіе жизни звѣрей и птицъ. Старѣйшины вороньяго племени уже тогда предсказывали, что грозить что-то недобро, но молодое воронѣё съ веселымъ карканьемъ кружилось около человѣческихъ жилищъ, словно привѣтствуя пришельцевъ. Строгіе завѣты предковъ наскучили молодымъ сердцамъ; лѣсныя глубины опостылѣли. Потребовалось новое, диковинное, неизвѣданное. Воронѣё раздѣлилось на партии; начались пререканія, усобицы, рознь...

Одновременно съ этими измѣненіями произошли измѣненія и въ высшихъ орнитологическихъ сферахъ. Старый ястребъ оказался стоящимъ не на высотѣ своей задачи. Онъ могъ управлять только при патріархальныхъ порядкахъ, но когда отношенія усложнились, когда на каждомъ шагу въ воронье существованіе врывались новые элементы, административное чутье окончательно его покинуло. Главные начальники называли его старымъ колпакомъ; воронѣё оспаривало его власть и безцеремонно каркало ему въ уши всякую чепуху. Онъ же, вмѣсто того, чтобы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, только благосклонно хлопалъ глазами и шутя говорилъ: «вотъ ужо, придетъ реформа, узнаете вы, какъ кузькину мать зовутъ!» Наконецъ, и ожидаемая реформа пришла. Старики сдали въ архивъ, а прислали вмѣсто него начальникомъ совсѣмъ молодого ястреба, да въ помощь къ нему, въ видахъ пущаго контроля, поставили кречета.

Прилетѣли новые начальники и сказали воронѣему племени немилостивое слово. «Я васъ къ одному знаменателю приведу!» — цыркнуль ястребъ, а кречетъ прибавилъ: «и я тоже». Сказавши это, объявили, что отнынѣ налоги увеличиваются противъ прежняго втрое, выдали окладные листы и улетѣли.

Началось окончательное разореніе. Воронѣё роптало: «налоги установили немилостивые, а новыхъ угодьевъ не предоставили!» — раздавалось по лѣсу; но ни ястребъ, ни кречетъ не внимали жалобамъ воронья и посыпали копчиковъ ловить смутьяновъ, которые зря пустыя рѣчи въ народъ пуштаютъ. Много было тогда гнѣздъ разорено, много вороньяго племени въ плѣнъ уведено и отдано на сѣщеніе волкамъ и лисицамъ. Думали, что воронѣё, испугавшись, на хвостѣ дани пронесеть. Но воронѣё отъ испуга только

металось и жалобно каркало: «хоть рѣжьте, хоть стрѣляйте, а даней намъ взять не откуда!»

Такъ оно и посейчасъ идетъ: воронѣ разоряется, — а казна не наполняется. Чѣдъ и добудетъ ворона на сторонѣ, и то копчикъ на пути отниметь. Словомъ сказать, хуже нельзя. Надумало-было воронѣ новыхъ мѣстовъ искать и летуновъ впередъ для развѣдокъ отправило, но они улетѣть—улетѣли, а назадъ не воротились. Можетъ-быть, заблудились, можетъ-быть, по пути копчики задавили, а можетъ-быть, и сами собой съ голоду погибли. Да и шутка сказать — съ насиженныхъ мѣсть невѣдомо куда летѣть! Нѣтъ нынче вольныхъ мѣсть, всюду проникъ человѣкъ! И ему тѣсно стало. Идеть впередъ съ топоромъ; стонуть лѣса, бѣгутъ звѣри, а онъ съ утра до вечера корчуясь пни, расчищаетъ пашню, рубить избу, а ночью дрожитъ въ землянкѣ отъ холода и голода въ ожиданіѣ, когда-то вся эта суголовка въ порядокъ придетъ.

Думаль-думалъ старый воронъ и, наконецъ, надумалъ: надо летѣть всю правду объявить. Только старъ онъ и слабъ—долетить ли? Вѣдь летѣть—дорога не близкая. Сначала надо ястребу челомъ бить, потомъ кречету, а наконецъ, и къ коршуну, который въ ту пору воронимъ племенемъ въ родѣ какъ начальникъ края правилъ.

У птицъ тоже, какъ и у людей, вездѣ инстанціи заведены; вездѣ спросятъ: былъ ли у ястреба? былъ ли у кречета? а ежели не былъ, такъ и бунтовщикомъ, того гляди, прослышишь.

Наконецъ, однако-жъ, снялся раннимъ утромъ съ гнѣзда и полетѣлъ. Видить, сидить ястребъ на высокой-высокой соснѣ, ужъ сытый, и клювъ когтями чистить.

— Здравствуй, старче, — привѣтствовалъ его ястребъ благодушно:—зачѣмъ пожаловалъ?

— Прилетѣль я къ твоему степенству правду объявить! — горячо закаркаль старый воронъ: — гибнетъ вороній родъ, гибнетъ! Человѣкъ его истребляетъ, дани немилостивыя разоряютъ, копчики донимаютъ... Мретъ вороній родъ, а кой и живы—и тѣмъ прокормиться нечѣмъ.

— Вотъ какъ! А не отъ нерадивости ли вашей всѣ эти бѣды на вороній родъ опрокинулись?

— Самъ ты знаешь, что нерадивости въ насть нѣть. Съ утра до ночи мы шаримъ и корму доглядываемъ. Живемъ въ трудахъ, какъ честному вороню жить надлежитъ, только добить что-нибудь честнымъ образомъ невозможно стало.

Ястребъ на минуту задумался, словно не решался настоещее слово выговорить, но, наконецъ, сказалъ:

— Изворачивайтесь!

Однако рѣшеніе это не удовлетворило, а только пуще взволновало ворона.

— Знаю я, что нынче всѣ изворотами живутъ,—горячо отвѣтилъ онъ:—да простъ на это нашъ вороній родъ. Другіе миллионы крадутъ, и все имъ какъ съ гуся вода, а ворона украдетъ копейку—ей за это смерть. Подумай, развѣ это не злодѣйство: за копейку смерть. А ты еще учишь: изворачивайтесь. Присланъ ты къ намъ начальникомъ, чтобы защищать насъ отъ обидъ, а явился первымъ разорителемъ и угнетателемъ! Доколѣ мы будемъ терпѣть? Вѣдь ежели мы...

Воронъ не договорилъ и испугался: не легко, видно, правду-то объявлять.

Но ястребъ, какъ сказано было выше, былъ сытъ и смотрѣлъ на незваннаго гостя благодушно.

— Знаю, не договаривай,—сказалъ онъ:—давно мы эту пѣсню слышимъ, да покуда Богъ еще миловалъ... А ты все-таки на усъ себѣ намотай: прилетѣлъ ты ко мнѣ правду объявить, да на первомъ же словѣ и запнулся... Все ли ты сказалъ?

— Все покамѣсть,—отвѣчалъ воронъ, продолжая робѣть.

— Ну, такъ я тебѣ вотъ чѣмъ отвѣчу: правда твоя давно всѣмъ известна; не только вамъ, воронамъ, а и копчикамъ, и ястребамъ, и коршунамъ. Только не ко двору она въ наше время пришла, а потому, сколько обѣйней ни объявляй, хоть на всѣхъ перекресткахъ кричи — ничего изъ этого не выйдетъ. А когда наступитъ время, что она сама собою объявится, — этого покуда никто не знаетъ. Понялъ?

— Понялъ я одно: что вороньему роду конецъ пришелъ!—съ горечью отвѣтилъ воронъ.

— Ну, коли не понялъ, давай разговаривать. Говоришъ ты, что человѣкъ васъ истребляетъ: но развѣ можемъ мы, птицы, противъ человѣка идти? Человѣкъ порохъ выдумалъ, а мы чѣмъ на это отвѣтить можемъ? Выдумалъ человѣкъ порохъ — и палить въ насть: чѣмъ вздумается, тѣ надѣя нами и дѣлаетъ. Мы все равно, чѣмъ мужики: со всѣхъ сторонъ въ нихъ всяко палять. То желѣзная дорога стрѣльцетъ, то машина новая, то неурожай, то поборъ новый. А они только знай перевертываются. Какимъ-такимъ

манеромъ случилось, что Губошлеповъ дорогу заполучилъ, а у нихъ послѣ того по гривѣ въ кошелѣ убавилось,— развѣ темный человѣкъ можетъ это понять? А дѣло-то простое: Губошлеповъ порохъ выдумалъ, а мужики, ровно черви, только въ навозѣ копаться умѣютъ. А ежели ты червь, такъ и живи, какъ червю жить подобаетъ. Червю и вы, воронѣ, потачки не даете; всномни-ка: что если-бъ онъ на васъ гвалть поднялъ—не вы ли бы первые удивились: червь, моль, ползущій, а тоже разговариваетъ! Такъ-то, старче! Кто одолѣеть, тотъ и правъ. Понялъ теперь?

— Погибать, значить, надо? Ахъ, какое жестокое ты слово сказаъ!—затосковалъ воронъ.

— Жестоко ли мое слово, или не жестоко, не въ томъ суть, а въ томъ, что и я правды отъ тебя не утаилъ. Не той правды, которой ты ищешь, а той, которую, по нынѣшнему времени, всякий въ разсчетъ принимать долженъ. Но будемъ продолжать разговоръ. Ты говоришь, что кончики кормъ у васъ на-лету отнимаются, что я самъ, ястребъ, ваши гнѣзда разоряю, что мы не защитники ваши, а разорители. Что-жъ: вы кормитесь хотите — и мы кормиться хотимъ. Кабы вы были сильнѣе — вы бы насть ъли; а мы сильнѣе — мы въасъ ъдимъ. Вѣдь это тоже правда. Ты мнѣ свою правду объявилаъ, а я тебѣ — свою; только моя правда воочию совершается, а твоя за облаками летаетъ. Понялъ?

— Погибать, погибать надо! — продолжалъ твердить старый воронъ, почти не сознавая дѣйствительного значения ястребовыхъ рѣчей, но инстинктивно чувствуя, что они заключаютъ въ себѣ нечто неслыханно-жестокое.

Ястребъ оглянула членобитчика съ головы до хвоста, и такъ какъ былъ сытъ, то захотѣлось ему пошутить надъ старикомъ.

— А хочешь, я тебя съѣмъ! — сказалъ онъ; но, увидѣвъ, что воронъ инстинктивно сдѣлалъ скачокъ назадъ, продолжалъ: — ну тебя! тошь ты и старъ — какая это ъда! Нутка, распахни-ка жилетъ!

Воронъ распустилъ крылья и самъ удивился: кости да кожа, ни пуху, ни перьевъ нѣтъ — волкъ голодный, и толь на такую птицу не позарится.

— Вотъ видишь, каковъ ты сталъ. А все оттого, что о правдѣ думаешь. Кабы ты по-вороны, безъ думы, жить — такой ли бы ты былъ! А впрочемъ, пора и кончить. Жалуешься ты еще, что поборы съ вѣсъ, воронья, немилостивые берутъ, — и это правда. Но подумай: съ кого же

брать? Воробы, синицы, чижи, зяблики—много ли они могут дать? Рябчики, глухари, стрепета, дятлы, кукушки,— эти живутъ каждый самъ по себѣ, ихъ и днемъ съ огнемъ не отыщешь. Одно воронье живеть обществомъ, какъ настоящіе мужики, и притомъ само о себѣ непрестанно возглашаетъ—что же удивительного, что оно въ ревизскія сказки попало? А коли попалъ въ ревизскія сказки—держись! Если же въ послѣднее время и впрямь сборы тяжелѣе прежняго стали, то, стало-быть, такъ нужно. Потребностей больше—и сборовъ больше: это хоть кого хочешь спроси. Такъ-то вотъ, старче. Ты правду сказалъ, и я правду сказалъ; а чья правда крѣпче—на это отвѣчаетъ ваше воронье житье. Ну, а теперь лети во-свойси, а я вздремнуть хочу.

Однако воронъ не возвратился во-свойси, а направилъ полетъ къ кречету.

«Будь, чтò будетъ, — думалъ онъ, тяжело взмахивал старческими крыльями: — а я доведу дѣло до конца! Если и кречеть моей правды не приметъ, то полечу въ губернію къ самому коршуну, а отъ правды не отступлюсь!»

Кречеть жилъ въ впадинѣ горнаго ущелья, и доступъ къ нему былъ очень труденъ. У порога его жилища сидѣлъ дежурный кончикъ и принималъ просителей. На этотъ разъ дежурнымъ оказался извѣстный всему вороньему роду кончикъ Иванъ Иванычъ, фаворитъ кречета (слухи шли даже, что онъ его побочный сынъ), который поручалъ ему самыя важныя и секретныя дѣла. Это былъ лихой малый, съ виду добродушный, съ благосклонными и даже изысканными манерами. Не прочь быть и побалагурить, и кутнуть гдѣ-нибудь за облачкомъ, и полетать съ девушкиами-чечоточками въ горѣлки, и даже одолженіе другу-приятелю сдѣлать; но все это благодушіе оставалось при немъ лишь до тѣхъ поръ, покуда онъ находился въ службѣ. Какъ только онъ приступалъ къ исполненію обязанностей (особливо секретныхъ порученій), то мгновенно преображался. Становился холоденъ, суровъ и исполнителенъ до жестокости. Прикажутъ ему настичь—онъ настигнетъ; прикажутъ удавить—задавить. Если птица и вдвое больше и сильнѣе его, онъ такимъ кубаремъ къ ней подлетитъ, что та загодя начинаетъ ужъ кричать и метаться отъ тоски. Вообще птицы, которыхъ бывали у него въ передѣлѣ, при одномъ имени его трепетали отъ страха.

— Не проспался, старикъ? — иронически привѣтствовалъ чelобитчика Иванъ Иванычъ.

Старый воронъ понялъ, что здѣсь уже все извѣстно. И у птицъ существуютъ свои лазутчики, черезъ которыхъ не только дѣйствія, но и тайныя помышленія обывателей извѣстны.

— Какой ужъ у стариakovъ сонъ! — уклончиво отвѣдалъ онъ.

— Правду объявлять прилетѣль? — продолжалъ копчикъ. — Ну, да, впрочемъ, это твое дѣло. Доложить?

— Да, ужъ сдѣтай такую милость.

Иванъ Иванычъ юркнулъ въ впадину и около часа тамъ оставался. Воронъ, съ замиранiemъ сердца, ждалъ его появленія. Наконецъ, онъ показался.

— Велѣно тебѣ сказать, — молвилъ онъ: — что растабаравать съ тобой некогда. Правда твоя искони всѣмъ извѣстна, да, стало-быть, есть въ ней порокъ, ежели она сама собой не проявляется. Безпокойный у тебя нравъ, пустыя ты рѣчи въ народъ пущаешь. Давно бы за это сѣсть тебя надо, да, слышь, старъ ты, худъ и немощенъ. Къ начальнику края, чай, теперь полетишь?

— Нѣтъ ужъ, что ужъ... — хотѣль-было утаиться воронъ.

— Не занирайся, насквозь я тебя вижу! Что же, лети, только какъ бы тебѣ очи за твою правду не выклевали. Смотри, не прогадай! Да ты, поди, и дороги не знаешь: видишь, вонъ, облако? Тамъ, надъ самымъ этимъ облакомъ — тамъ и есть.

Несмотря на предсказаніе кончика, воронъ рѣшился достичь свое чelобитье до конца. Долгимъ и кружнымъ путемъ взбирался онъ, ночуя въ покинутыхъ звѣриныхъ норахъ и пропитываясь ягодами, изрѣдка попадавшимися на отрогахъ горъ. Наконецъ, онъ врѣзался въ облако, и передъ глазами его предстало волшебное зрелице.

Нѣсколько смежныхъ горныхъ вершинъ, покрытыхъ снѣгомъ, пламенѣли въ лучахъ восходящаго солнца. Издали казался точно сказочный замокъ, у подножія которого застыли облака, а наверху, вмѣсто крыши, разстилалась безконечная небесная лазурь.

Коршунъ сидѣлъ на скалѣ, окруженнай цѣлой массой разнообразнѣйшихъ птицъ. По правую сторону его сидѣлъ бѣлый кречетъ, помощникъ его и совѣтникъ; у ногъ ку-выркались всѣхъ сортовъ чиновники особыхъ порученій: попугай, ученые синигири и чижи; сзади хорь скворцовъ

докладывалъ утреннюю почту; въ сторонкѣ, на отдельной вершинѣ, дремали совы, филины и нетопыри, образуя изъ себя нечто въ родѣ губернского совѣта; вороны во множествѣ мелькали вдали, съ перьями за ушами, строчили указы, предписанія и донесенія и кричали: «съ пылу, съ жару, по пятаку за пару!»

Коршунъ былъ ветхій старикъ и отъ старости едва-едва скрипѣлъ клювомъ. Въ ту минуту, когда у ногъ его опустился воронъ, онъ только-что пообѣдалъ и въ полудремотѣ, смеживъ очи, покачивая головой, несмотря на оглушающей говорь и шумъ. Однако появленіе чебоксарца произвело среди птицъ некоторый переполохъ, благодаря которому коршунъ встрепенулся.

— Съ просыбцией, старче? — спросилъ онъ ворона ласково.

— Прилетѣлъ я изъ-за тридевяти земель правду твоему великостепенству объявить! — началъ воронъ восторженно, но тутъ же былъ остановленъ кречетомъ.

— Не разводи риторики! — холодно прервалъ его послѣдний: — докладывай дѣло безъ украшеній, ясно, просто, по пунктамъ. Чѣмъ тебѣ надобно?

Началь воронъ по пунктамъ свое чебоксарство излагать: человѣкъ вороний родъ истребляется, кончики, ястреба, кречета доимаются, сборы немилостивые разоряютъ... И каждый разъ, какъ кончитъ онъ одинъ пунктъ, коршунъ поскрипитъ клювомъ и молвитъ:

— Правда твоя, старче!

Сердце играло въ груди старого ворона при этихъ подтвержденіяхъ.

«Наконецъ-то, — думалось ему: — увижу я эту правду, по которой съзмѣла тоскую! Послужу своему племени, покревную за него!»

И чѣмъ дальнѣе длилось его слово, тѣмъ горячѣе и горячѣе оно звучало. Наконецъ, онъ высказалъ все, что у него было на душѣ, и замолкъ.

— Все ли ты сказалъ? — спросилъ его коршунъ.

— Все, — отвѣтилъ воронъ.

— У ястреба, у кречета челомъ билъ?

— Билъ и у нихъ.

Онъ кратко изложилъ свою разговорь съ ястребомъ, а также свое неудавшееся свиданіе съ кречетомъ.

— Такъ вотъ что я тебѣ на твою правду скажу, — молвилъ коршунъ: — больше двухсотъ лѣтъ я служу на этомъ

утесъ и хоть бочкомъ да на солнце смотрю... Но правдѣ т до сихъ поръ ни разу взглянуть въ лицо не могъ.

— Но почему же?—въ недоумѣніи каркнуль вѣронь.

— А потому, что вмѣстить ее птицѣ не подъ силу. Ежели кто обѣ себѣ думаетъ, что онъ правду вмѣстилъ, тотъ и выполнить ее долженъ; а мы, стало-быть, не можемъ выполнить—оттого и смотримъ на нее исподлобья. Думается: авось либо она мимо пройдетъ!

Коршунъ на минуту задумался и продолжалъ:

— Жестокое тебѣ слово ястребъ сказалъ, но правильное. Хороша правда, да не во всякое время и не на всякому мѣстѣ ее слушать пригоже. Иныхъ она въ соблазнъ ввести можетъ, другимъ — въ родѣ укоризны покажется. Иной и радъ бы правдѣ послужить, да какъ къ ней съ пустыми руками приступиться? Правда не ворона — за хвостъ ее не ухватишь. Посмотри кругомъ — вездѣ рознь, вездѣ свара; никто не можетъ настоящимъ образомъ определить, куда и зачѣмъ онъ идетъ... Оттого каждый и ссылается на *свою* личную правду. Но придетъ время, когда всякому дыханію сдѣлаются ясными предѣлы, въ которыхъ жизнь его совершаться должна, — тогда сами собой исчезнутъ распри, а вмѣстѣ съ ними разсѣются какъ дымъ и весь мелкія «личные правды». Объявится настоящая, единая и для всѣхъ обязательная правда; придетъ и весь міръ осіяетъ *). И будемъ мы жить всѣ вкупе и влюбѣ. Такъ-то, старикъ! А покуда лети съ миромъ и объяви вѣропольему роду, что я на него, какъ на каменную гору, надѣюсь.

26.—Повѣсть

О ТОМЪ, КАКЪ МУЖИКЪ ДВУХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ ПРОКОРМИЛЪ.

Жили да были два генерала, и такъ какъ оба были легкомысленны, то въ скромъ времени, по щучьему вѣльню, по моему хотѣню, очутились на необитаемомъ островѣ.

Служили генералы всю жизнь въ какой-то регистратурѣ; тамъ родились, воспитались и состарѣлись, слѣдовательно

*) Отъ словъ: «Посмотри кругомъ» и т. д. вписано рукою автора на поляхъ карандашомъ—незадолго до смерти.—*M. Ст.*

ничего не понимали. Даже словъ никакихъ не знали, кромѣ: «примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности».

Упразднили регистратуру за ненадобность и выпустили генераловъ на волю. Оставшись за штатомъ, поселились они въ Петербургѣ, въ Подьяческой улицѣ, на разныхъ квартирахъ; имѣли каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдругъ очутились на необитаемомъ островѣ, проснулись и видѣть: оба подъ однимъ одѣяломъ лежать. Разумѣется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, какъ будто съ ними ничего не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мнѣ нынче сонъ снился,—сказалъ одинъ генераль:—вижу, будто живу я на необитаемомъ островѣ...

Сказали это, да вдругъ какъ вскочить. Вскочилъ и другой генераль.

— Господи! да что-жъ это такое? гдѣ мы?—вскрикнули оба не своимъ голосомъ.

И стали другъ друга опушывать, точно ли не во снѣ, а на-яву съ ними случилась такая оказія. Однако, какъ ни старались увѣрить себя, что все это не больше какъ сновидѣніе, — пришлось убѣдиться въ печальной дѣйствительности.

Передъ ними съ одной стороны разстипалось море, съ другой стороны лежалъ небольшой клочокъ земли, за которымъ стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы въ первый разъ послѣ того, какъ закрыли регистратуру.

Стали они другъ друга разматривать и увидѣли, что они въ ночныхъ рубашкахъ, а на шеяхъ у нихъ виситъ по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо!—молвилъ одинъ генераль, но вспомнилъ, какая съ нимъ неслыханная штука случилась, и во второй разъ заплакалъ.

— Чѣмъ же мы будемъ, однако, дѣлать?—продолжалъ онъ сквозь слезы:— ежели теперича докладъ написать — какая польза изъ этого выйдетъ?

— Вотъ чѣмъ, — отвѣчалъ другой генераль:— подите вы, ваше превосходительство, на востокъ, а я пойду на западъ, къ вечеру опять на этомъ мѣстѣ сойдемся; можетъ-быть, что-нибудь и найдемъ.

Стали искать, гдѣ востокъ и гдѣ западъ. Вспомнили, какъ начальникъ однажды говорилъ: «если хочешь сыскать

востокъ, то встань глазами на съверъ, и въ правой рукѣ получишь искомое». Начали искать съвера, становились такъ и сякъ, перепробовали всѣ страны свѣтъ, но такъ какъ всю жизнь служили въ регистратурѣ, то ничего не нашли.

— Вотъ что, ваше превосходительство: вы пойдете направо, а я нальво; этакъ-то лучше будетъ!—сказалъ одинъ генераль, который, кромѣ регистратуры, служилъ еще въ школѣ военныхъ кантонистовъ учителемъ калиграфіи и, слѣдовательно, былъ поумнѣе.

Сказано—сдѣлано. Пошелъ одинъ генераль направо и видить — растуть деревья, а на деревьяхъ всякие плоды. Хочеть генераль достать хоть одно яблоко, да всѣ такъ высоко висятъ, что надобно лѣзть. Попробовать полѣзть—ничего не вышло, только рубашку изорвалъ. Пришелъ генераль къ ручью, видить: рыба тамъ, словно въ садкѣ на Фонтанкѣ, такъ и кишитъ, и кишитъ.

«Вотъ кабы этакой-то рыбки да на Подъяческую!»—подумалъ генераль и даже въ лицѣ измѣнился отъ аппетита.

Зашелъ генераль въ лѣсъ, а тамъ рябчики свищутъ, тетерева токуютъ, зайцы бѣгаютъ.

— Господи! Ёды-то! Ёды-то! — сказалъ генераль, почувствовавъ, что его уже начинаетъ тошнить.

Дѣлать нечего, пришлось возвращаться на условленное мѣсто съ пустыми руками. Приходитъ, а другой генераль ужъ дожидается.

— Ну, что, ваше превосходительство, промыслили что-нибудь?

— Да вотъ нашелъ старый нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей», и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится имъ иато-щакъ. То беспоконть ихъ мысль, кто за нихъ будетъ пенсію получать; то припоминаются видѣнныя днемъ плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы могъ думать, ваше превосходительство, что человѣческая пища, въ первоначальномъ видѣ, летаетъ, плаваетъ и на деревьяхъ растетъ?—сказалъ одинъ генераль.

— Да,—отвѣтилъ другой генераль:—признаться, и я до сихъ поръ думалъ, что булки въ томъ самомъ видѣ родятся, какъ ихъ утромъ къ кофею подаются.

— Стать-быть, если, напримѣръ, кто хочетъ куропатку сѣсть, то долженъ сначала ее изловить, убить, оцишать, изжарить... Только какъ все это сдѣлать?

— Какъ все это сдѣлать?— словно эхо, повторилъ другой генераль.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голодъ рѣшительно отгонялъ сонъ. Рабчики, индѣйки, поросыта такъ и мелькали передъ глазами, сочные, слегка подрумяненные, съ огурцами, чикулями и другимъ салатомъ.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапогъ съѣлъ!— сказалъ одинъ генераль.

— Хороши тоже перчатки бывають, когда долго пошены!— вздохнулъ другой генераль.

Вдругъ оба генерала взглянули другъ на друга: въ глазахъ ихъ свѣтился зловѣщій огонь, зубы стучали, изъ груди вылетало глухое рычаніе. Они начали медленно подползать другъ къ другу и въ одно мгновеніе ока оба остерьвенились. Полетѣли клочья, раздался визгъ и оханье; генераль, который былъ учителемъ калиграфіи, откусилъ у своего товарища орденъ и немедленно проглотилъ. Но видъ текущей крови какъ будто образумилъ ихъ.

— Съ нами крестная сила!— сказали они оба разомъ:— вѣдь этакъ мы другъ друга съѣдимъ.

— И какъ мы попали сюда! кто тотъ злодѣй, который надѣлъ нами такую штуку сыгралъ!

— Надо, ваше превосходительство, какимъ-нибудь разговоромъ развлечься, а то у насъ тутъ убийство будетъ!— проговорилъ одинъ генераль.

— Начинайте!— отвѣчалъ другой генераль.

— Какъ, напримѣръ, думаете вы, отчего солнце прежде восходитъ, а потомъ заходитъ, а не наоборотъ?

— Странный вы человѣкъ, ваше превосходительство! но вѣдь и вы прежде встаєте, идете въ департаментъ, тамъ пишете, а потомъ ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различныя сновидѣнія, а потомъ встаю?

— Гм!.. да... А я, признаться, какъ служилъ въ департаментѣ, всегда такъ думалъ: вотъ теперь утро, а потомъ будетъ день, а потомъ подадутъ ужинать—и спать пора!

Но упоминовеніе объ ужинѣ обоихъ повергло въ уныніе и пресѣкло разговоръ въ самомъ началѣ.

— Слышалъ я отъ одного доктора, что человѣкъ можетъ долгое время своими собственными соками питаться,— началъ опять одинъ генераль.

— Какъ такъ?

— Да такъ-съ. Собственные свои соки будто бы производятъ другіе соки, эти въ свою очередь еще производятъ соки, и такъ далѣе, покуда, наконецъ, соки совсѣмъ не прекратятся...

— Тогда чтѣ-жъ?

— Тогда надо бно пишу какую-нибудь принять...

— Тыфу!

Однимъ словомъ, о чёмъ ни начинали генералы разговоръ, онъ постоянно сводился на воспоминаніе объ ъдѣ, и это еще болѣе раздражало аппетитъ. Положили: разговоры прекратить и, вспомнивъ о найденномъ номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей», жадно принялись читать его.

«Вчера,—читалъ взволнованнымъ голосомъ одинъ генераль,—у почтеннаго начальника нашей древней столицы былъ парадный обѣдъ. Столъ сервированъ былъ на сто персонъ съ роскошью изумительной. Дары всѣхъ странъ назначили себѣ какъ бы ранде-ву на этомъ волшебномъ празднике. Тутъ была и «шекснинска стерлядь золотая», и питомецъ лѣсовъ кавказскихъ—фазанъ, и столъ рѣдкая въ нашемъ сѣверѣ въ февралѣ мѣсяцѣ земляника...»

— Тыфу ты, Господи! да неужто-жъ, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета?—воскликнула въ отчаяніи другой генераль и, взявъ у товарища газету, прочелъ слѣдующее:

«Изъ Тулы пишутъ: вчерашняго числа, по случаю поимки въ рѣкѣ Уль осетра (происшествіе, котораго не запомнятъ даже старожилы, тѣмъ болѣе, что въ осетрѣ былъ опознанъ частный приставъ Б.), былъ въ здѣшнемъ клубѣ фестиваль. Виновника торжества внесли на громадномъ деревянномъ блюдѣ, обложенного огурчиками и держащаго въ пасти кусокъ слѣни. Докторъ П., бывшій въ тотъ же день дежурнымъ старшиною, заботливо наблюдалъ, дабы всѣ гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишкомъ осторожны въ выборѣ чтенія! — прервалъ первый генераль и, взявъ въ свою очередь газету, прочелъ:

«Изъ Вятки пишутъ: одинъ изъ здѣшнихъ старожиловъ изобрѣлъ слѣдующій оригинальный способъ приготовленія ухи: взять живого налима, предварительно его высѣчь; когда же, отъ огорченія, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры—все свидѣтельствовало объ ъдѣ. Собствен-

ныя ихъ мысли злоумышляли противъ нихъ, або какъ они ни старались отгонять представлениа о бифштексахъ, но представлениа эти пробивали себѣ путь насильственнымъ образомъ.

И вдругъ генерала, который былъ учителемъ каллиграфіи, озарило вдохновеніе...

— А чѣмъ, ваше превосходительство, — сказалъ онъ радостно:—если бы намъ найти мужика?

— То-есть какъ же... мужика?

— Ну да, простого мужика... какіе обыкновенно бываютъ мужики! Онъ бы намъ сейчасъ и булокъ бы подалъ, и рябчиковъ бы наловилъ, и рыбы!

— Гм!.. мужика... но гдѣ же его взять, этого мужика, когда его нѣть?

— Какъ нѣть мужика! мужикъ вездѣ есть, — стонть только поискать его! Навѣрное онъ гдѣ-нибудь спрятался, отъ работы отлыниваетъ!

Мысль эта до того ободрила генераловъ, что они вскочили какъ встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову безъ всякаго усиѣха, но, наконецъ, острый запахъ мякиннаго хлѣба и кислой овчины навель ихъ на слѣдъ. Подъ деревомъ, брюхомъ кверху и подложивъ подъ голову кулакъ, спаль громаднѣйшій мужчина и самымъ нахальнымъ образомъ уклонялся отъ работы. Негодованію генераловъ предѣла не было.

— Спиши, лежебокъ!—накинулись они на него:—небось и ухомъ не ведешь, что тутъ два генерала вторыя сутки съ голода умираютъ! Сейчасъ маргъ работать!

Всталъ мужичина: видѣть, что генералы строгіе. Хотѣлось дать отъ нихъ стречка, но они такъ и закоченѣли, вѣспившись въ него.

И зачалъ онъ передъ ними дѣйствовать.

Полѣзъ сперва-нѣ-перво на дерево и нарвалъ генераламъ по десятку самыхъ спѣлыхъ яблоковъ, а себѣ взялъ одно, кислое. Потомъ покопался въ землѣ — и добылъ оттуда картофелю; потомъ взялъ два куска дерева, потеръ ихъ другъ о другъкку—и извлекъ огонь. Потомъ изъ собственныхъ волосъ сдѣлалъ силокъ и поймалъ рябчика. Наконецъ, развелъ огонь и напекъ столько разной провизіи, что генераламъ пришло даже на мысль: не дать ли и тунеядцу частичку?

Смотрѣли генералы на эти мужицкія старанія, и сердца у нихъ весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть

не умерли съ голоду, а думали: «вотъ какъ оно хорошо бытъ генералами—нигдѣ не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивалъ между тѣмъ мужчина-лежебокъ.

— Довольны, любезный другъ, видимъ твоё усердіе! — отвѣчали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружокъ, только свѣй прежде веревочку.

Набралъ сейчасъ мужчина дикой конопли, размочилъ въ водѣ, наколотиль, помяль—и къ вечеру веревка была го-това. Этюю веревкою генералы привязали мужчину къ де-реву, чтобы не убѣгъ, а сами легли спать.

Прошелъ день, прошелъ другой; мужчина до того излов-чился, что сталъ даже въ пригоршнѣ супъ варитъ. Сдѣ-лались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, бѣлые. Стали говорить, что вотъ они здѣсь на всемъ готовомъ живутъ, а въ Петербургѣ между тѣмъ пенсіи ихнія все накапливаются да накапливаются.

— А какъ вы думаете, ваше превосходительство, въ самомъ ли дѣлѣ было вавилонское столпотвореніе, или это только такъ, одно иносказаніе?—говорить, бывало, одинъ генераль другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было въ самомъ дѣлѣ, потому что иначе какъ же объяснить, что на свѣтѣ существуютъ разные языки!

— Стало-быть, и потопъ былъ?

— И потопъ былъ, потому что въ противномъ случаѣ какъ же было бы объяснить существованіе допотопныхъ звѣрей? Тѣмъ болѣе, что въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» повѣствуютъ...

— А не почитать ли намъ «Московскихъ Вѣдомостей»?

Сышутъ нумеры, усядутся подъ тѣнью, прочтутъ отъ доски до доски, какъ ъли въ Москвѣ, ъли въ Тулѣ, ъли въ Пензѣ, ъли въ Рязани—и ничего, не тошнить!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать обѣ оставленныхъ ими въ Петербургѣ кухаркахъ и втихомолку даже попла-кивали.

— Что-то теперь дѣлается въ Подьяческой, ваше пре-восходительство?—спрашивалъ одинъ генераль другого.

— И не говорите, ваше превосходительство, все сердце изныло!—отвѣчалъ другой генераль.

— Хорошо-то оно хорошо здѣсь — слова нѣть, а все, знаете, какъ-то неловко барашку безъ ярочки, да и мундира тоже жалко!

— Еще какъ жалко-то! Особливо какъ четвертаго класса, такъ на одно шитье посмотрѣть — голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь ихъ въ-Подьяческую! И что-жъ! оказалось, что мужикъ знаетъ даже Подьяческую, что онъ тамъ былъ, медъ-пиво пилъ, по усамъ текло, въ ротъ не попало!

— А вѣдь мы съ Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видѣли: висить человѣкъ спаужи дома, въ ящикѣ на веревкѣ, и стѣну краской мажеть, или по крыши словно муха ходить — это онъ самый я и есть! — отвѣчаль мужикъ.

И началъ мужикъ на бобахъ разводить, какъ бы ему своихъ генераловъ порадовать за то, что они его, тунеядца, жаловали и мужицкимъ его трудомъ не гнушались. И выстроилъ онъ корабль не корабль, а такую посудину, чтобы можно было океанъ-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нась! — сказали генералы, увидѣвъ покачивавшуюся на волнахъ ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервѣй! — отвѣчалъ мужикъ и сталъ готовиться къ отѣзду.

Набралъ мужикъ пуху лебяжьяго-мягкаго и устлалъ имъ дно лодочки. Устлавши, уложилъ на дно генераловъ и, перекрестившись, поплылъ. Сколько набрались страху генералы во время пути отъ бурь да отъ вѣтровъ разныхъ, сколько они ругали мужчину за его тунеядство — этого ни перомъ описать, ни въ сказкѣ сказать. А мужикъ все гребеть да гребеть, да кормить генераловъ селедками.

Вотъ, наконецъ, и Нева-матушка, и Екатерининскій славный каналъ, вотъ и Большая Подьяческая! Всплеснули кухарки руками, увидѣвши, какие у нихъ генералы стали — сытые, бѣлые да веселые. Напились генералы кофею, наѣлись сдобныхъ булокъ и надѣли мундиры. Поѣхали они въ казначейство, и сколько тутъ денегъ загребли — того ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать!

Однако и о мужикѣ не забыли — выслали ему рюмку водки да пятакъ серебра: веселись, мужичина!

27.—Пропала совѣсть.

Пропала совѣсть. По-старому толпились люди на улицахъ и въ театрахъ; по-старому они то догоняли, то перегоняли другъ друга; по-старому суетились и ловили на-лету куски, и никто не догадывался, что чего-то вдругъ стало недоставать, и что въ общемъ жизненномъ оркестрѣ перестала играть какая-то дудка. Многіе начали даже чувствовать себя бодрѣе и свободнѣе. Легче сдѣлался ходъ человѣка; ловчѣе стало подставлять ближнему ногу, удобнѣе льстить, пресмыкаться, обманывать, наушничать и клеветать. Всякую болѣсть вдругъ какъ рукой сняло; люди не шли, а какъ будто неслись; ничто не огорчало ихъ, ничто не заставляло задуматься; и настоящее, и будущее—все, казалось, такъ и отдавалось имъ въ руки,—имъ, счастливцамъ, не замѣтившимъ о пропажѣ совѣсти.

Совѣсть пропала вдругъ... почти мгновенно! Еще вчера эта надоѣдливая приживалка такъ и мелькала передъ глазами, такъ и чудилась возбужденному воображению, и вдругъ... ничего! Исчезли досадные призраки, а вмѣстѣ съ ними улеглась и та нравственная смута, которую приводила за собой обличительница-совѣсть. Оставалось только смотрѣть на Божій міръ и радоваться; мудрые міра поняли, что они, наконецъ, освободились отъ послѣдняго ига, которое затрудняло ихъ движенія, и, разумѣется, поспѣшили воспользоваться плодами этой свободы. Люди остерьгались; пошли грабежи и разбои, началось вообще разореніе.

А бѣдная совѣсть лежала между тѣмъ на дорогѣ, истерзанная, оплеванная, затоптанная ногами пѣшеходовъ. Всякий швырялъ ее, какъ негодную ветошь, подальше отъ себя; всякий удивлялся, какимъ образомъ въ благоустроенномъ городѣ и на самомъ бойкомъ мѣстѣ можетъ валяться такое вопіющее безобразіе. И Богъ знаетъ, долго ли бы пролежала такимъ образомъ бѣдная изгнаница, если бы не поднялъ ее какой-то несчастный пропоецъ, позѣрившійся съ пьяныхъ глазъ даже на негодную тряпицу, въ надеждѣ получить за нее шкаликъ.

И вдругъ онъ почувствовалъ, что его пронизала словно электрическая струя какая-то. Мутными глазами началъ онъ озираться кругомъ и совершенно явственно ощутить, что голова его освобождается отъ винныхъ паровъ, и что

къ нему постепенно возвращается то горькое сознаніе дѣйствительности, на избавленіе отъ которого были потрачены лучшія силы его существа. Сначала онъ почувствовалъ только страхъ, тотъ тупой страхъ, который повергаетъ человѣка въ беспокойство отъ одного предчувствія какой-то грозящей опасности; потомъ всполошилась память, заговорило воображеніе. Память безъ пощады извлекала изъ тьмы постыднаго прошлаго всѣ подробности насилий, измѣнъ, сердечной вялости и неправдѣ; воображеніе облекало эти подробности въ живыя формы. Затѣмъ самъ собой проснулся судъ...

Жалкому пропойцу все его прошлое кажется сплошнымъ безобразнымъ преступленіемъ. Онъ не анализируетъ, не спрашиваетъ, не соображаетъ; онъ до того подавленъ вставшою передъ нимъ картиною его нравственнаго паденія, что тотъ процессъ самоосужденія, которому онъ добровольно подвергаетъ себя, бѣть его несравненно болѣе и строже, нежели самый строгій людской судъ. Онъ не хочетъ даже принять въ разсчетъ, что большая часть того прошлаго, за которое онъ себя такъ клянетъ, принадлежитъ совсѣмъ не ему, бѣдному и жалкому пропойцу, а какой-то тайной, чудовищной силѣ, которая крутила и вертѣла имъ, какъ крутить и вертить въ степи вихрь ничтожную былинкою. Чѣмъ такое его прошлое? почему онъ прожилъ его такъ, а не иначе? чѣмъ такое онъ самъ?—все это такие вопросы, на которые онъ можетъ отвѣтить только удивленіемъ и полнѣйшею безсознательностью. Иго строило его жизнь; подъ игомъ родился онъ, подъ игомъ же сойдетъ и въ могилу. Вотъ, пожалуй, теперь и явилось сознаніе—да на чѣмъ ему нужно? затѣмъ ли оно пришло, чтобы безжалостно поставить вопросы и отвѣтить на нихъ молчаніемъ? затѣмъ ли, чтобы погубленная жизнь вновь хлынула въ разрушенную храмину, которая не можетъ ужъ выдержать наплыва ея?

Увы! проснувшееся сознаніе не приносить ему съ собой ни примиренія, ни надежды, а встрепенувшаяся совѣсть указываетъ только одинъ выходъ—выходъ безплоднаго самообвиненія. И прежде кругомъ была мгла, да и теперь та же мгла, только населившаяся мучительными привидѣніями; и прежде на рукахъ звенѣли тяжелыя цѣпи, да и теперь тѣ же цѣпи, только тяжесть ихъ вдвое увеличилась, потому что онъ понялъ, что это цѣпи. Льются рѣкой бесполезныя пропойцевы слезы; останавливаются передъ нимъ добрые люди и утверждаютъ, что въ немъ плачетъ вино.

— Батюшки! не могу... несносно! — крикомъ-кричить жалкій пропоець, а толпа хохочетъ и глумится надъ нимъ. Она не понимаетъ, что пропоець никогда не былъ такъ свободенъ отъ винныхъ паровъ, какъ въ эту минуту, что онъ просто сдѣлалъ несчастную находку, которая разрывается на части его бѣдное сердце. Если бы она сама нашла на эту находку, то уразумѣла бы, конечно, что есть на свѣтѣ горесть, лютѣйшая изъ всѣхъ горестей,—это горесть внезапно обрѣтенной совѣсти. Она уразумѣла бы, что и она настолько же подьяремная и изуродованная духомъ толпа, насколько подъяремень и нравственно искашенъ взывающій передъ нею пропоець.

«Нѣть, надо какъ-нибудь ее сбыть, а то съ ней пропадешь, какъ собака!»—думаетъ жалкій пьяница и уже хочетъ бросить свою находку на дорогу, но его останавливаетъ близстоящій хожалый.

— Ты, братъ, кажется, подбрасываніемъ подметныхъ насекомыхъ заниматься вздумалъ!—говорить онъ ему, грозя пальцемъ:—у меня, братъ, и въ части за это посидѣть не долго!

Пропоець проворно прячетъ находку въ карманъ и удаляется съ нею. Озираясь и крадучись, приближается онъ къ питейному дому, въ которомъ торгуетъ старинный его знакомый, Прохорычъ. Сначала онъ заглядываетъ потихоньку въ окошко и, увидѣвъ, что въ кабакѣ никого нѣть, а Прохорычъ одинъ-одинѣхонекъ дремлетъ за стойкой, въ одно мгновеніе ока растворяетъ дверь, вѣгаеть, и прежде нежели Прохорычъ успѣваетъ опомниться, ужасная находка уже лежитъ у него въ рукѣ.

Нѣкоторое время Прохорычъ стоялъ съ вытаращенными глазами; потомъ вдругъ весь вспотѣлъ. Ему почему-то померещилось, что онъ торгуетъ безъ патента, но, оглядѣвшись хорошенько, онъ убѣдился, что всѣ патенты—и синіе, и зеленые, и желтые—налицо. Онъ взглянулъ на тряпку, которая очутилась у него въ рукахъ, и она показалась ему знакомою.

«Эге!—вспомнилъ онъ:—да никакъ это та самая тряпка, которую я на силу сбылъ передъ тѣмъ, какъ патентъ покупать! Да, она самая и есть!»

Убѣдившись въ этомъ, онъ тотчасъ же почему-то сообразилъ, что теперь ему разориться надо.

— Коли человѣкъ дѣломъ занять, да этакая пакость къ

нему привяжется,—говори: пропало, никакого дѣла не будет и быть не может!—разсуждалъ онъ почти машинально и вдругъ весь затрясся и поблѣдѣлъ, словно въ глаза ему глянулъ невѣдомый дотолѣ страхъ.

— А вѣдь куда скверно спаивать бѣдный народъ!—шептала проснувшаяся совѣсть.

— Жена! Арина Ивановна!—вскрикнулъ онъ виѣ себѣ отъ испуга.

Прибѣжала Арина Ивановна, но какъ только увидѣла, какое Прохорычъ сдѣлалъ пріобрѣтеніе, такъ не своимъ голосомъ закричала: «карауль! батюшки! грабить!»

«И за что я, черезъ этого подлеца, въ одну минуту всего лишиться долженъ?»—думалъ Прохорычъ, очевидно, намекая на пропойца, всучившаго ему свою находку. А крупныя капли пота между тѣмъ такъ и выступали на лбу его.

Межу тѣмъ кабакъ мало-по-малу наполнялся народомъ; но Прохорычъ, вмѣсто того, чтобы съ обычною любезностью потчивать посѣтителей, къ совершенному изумленію послѣднихъ, не только отказывался наливать имъ вино, но даже очень трогательно доказывалъ, что въ винѣ заключается источникъ всякихъ несчастій для бѣднаго человѣка.

— Коли бы ты одну рюмочку выпилъ—это такъ, это даже ползительно!—говорилъ онъ сквозь слезы:—а то вѣдь ты норовишь, какъ бы тебѣ цѣлое ведро сожрать! И что-жъ? Сейчасъ тебя за это самое въ часть сволокутъ; въ части тебѣ подъ рубашку засыплють, и выйдешь ты оттоль, словно кабы какую награду получиль! А и всей-то твоей награды было сто лозановъ! Такъ вотъ ты и подумай, милый человѣкъ, стоять ли изъ-за этого стараться, да еще мнѣ, дураку, трудовыя твои денежки платить!

— Да чтѣ ты, никакъ, Прохорычъ, съ ума спятилъ!—говорили ему изумленные посѣтители.

— Сияешь, братъ, коли съ тобой такая оказія случится!—отвѣчалъ Прохорычъ.—Ты вотъ лучше посмотри, какой я нынче патентъ себѣ выправилъ!

Прохорычъ показывалъ всученную ему совѣсть и предлагалъ, не想要 ли кто изъ посѣтителей воспользоваться ею. Но посѣтители, узнавши, въ чемъ штука, не только не изъявляли согласія, но даже боязливо сторонились и отходили подальше.

— Вотъ такъ патентъ!—не безъ злобы прибавилъ Прохорычъ.

— Что жь ты теперь дѣлать будешь? — спрашивали его посѣтители.

— Теперь я полагаю такъ: остается мнѣ одно — помереть. Потому обманывать я теперь не могу; водкой спаивать бѣдный народъ тоже не согласенъ; что же мнѣ теперь дѣлать, кромѣ какъ помереть?

— Резонъ! — смыялись надъ нимъ посѣтители.

— Я даже такъ теперь думаю, — продолжалъ Прохорычъ: — всю эту посудину, какая тутъ есть, перебить и вино въ канаву вылить! Потому, коли-ежели кто имѣть въ себѣ эту добродѣтель, такъ тому даже самый запахъ сивушный можетъ нутро перевернуть!

— Только смѣй у меня! — вступилась, наконецъ, Арина Ивановна, сердца которой, повидимому, не коснулась благодать, внезапно осѣнившая Прохорыча: — ишь добродѣтель какая выискалася!

Но Прохорыча уже трудно было пронять. Онъ залывался горькими слезами и все говорилъ, все говорилъ.

— Потому, — говорилъ онъ: — что ежели ужъ съ кѣмъ это несчастіе случилось, тотъ такъ несчастнымъ и долженъ быть. И никакого онъ объ себѣ мнѣнія, что онъ торговецъ или купецъ, заключить не смѣеть. Потому что это будетъ одно его напрасное беспокойство. А долженъ онъ о себѣ такъ разсуждать: несчастный я человѣкъ въ семъ мірѣ — и больше ничего.

Такимъ образомъ, въ философическихъ упражненіяхъ прошелъ цѣлый день, и хотя Арина Ивановна рѣшительно воспротивилась намѣренію своего мужа перебить посуду и вылить вино въ канаву, однако они въ тотъ день не продали ни капли. Къ вечеру Прохорычъ даже развеселился и, ложась на ночь, сказалъ плачущей Аринѣ Ивановнѣ:

— Ну, вотъ, душенька и любезнѣйшая супруга моя, хоть мы и ничего сегодня не нажили, зато какъ легко тому человѣку, у которого совѣсть въ глазахъ есть!

И дѣйствительно, онъ, какъ легъ, такъ сейчасъ и уснулъ. И не метался во снѣ, и даже не хранилъ, какъ это случалось съ нимъ въ прежнее время, когда онъ наживаль, но совѣсти не имѣль.

Но Арина Ивановна думала объ этомъ иѣсколько иначе. Она очень хорошо понимала, что въ кабацкомъ дѣлѣ совѣсть совсѣмъ не такое пріятное приобрѣтеніе, отъ которого можно было бы ожидать прибытка, и потому рѣшилась во что бы то ни стало отдѣлаться отъ непрошеннай гостьи.

Скрѣпя сердце, она переждала ночь, но какъ только въ запыленныя окна кабака забрезжилъ свѣтъ, она выкрада у спящаго мужа совѣсть и стремглавъ бросилась съ нею на улицу.

Какъ нарочно, это былъ базарный день; изъ сосѣднихъ деревень уже тянулись мужики съ возами, и квартиральный надзиратель Ловецъ самолично отправлялся на базаръ для наблюденія за порядкомъ. Едва завидѣла Арина Ивановна поспѣшающаго Ловца, какъ у нея уже блеснула въ головѣ счастливая мысль. Она во весь духъ побѣжалась за нимъ и едва успѣла поровняться, какъ сейчасъ же, съ изумительною ловкостью, сунула потихоньку совѣсть въ карманъ его пальто.

Ловецъ былъ малый не то чтобы совсѣмъ безстыжій, но стѣснять себя не любилъ и запускалъ лапу довольно свободно. Видъ у него былъ не то чтобы наглый, а *устремительный*. Руки были не то чтобы слишкомъ озорныя, искохотно зацѣпляли все, что попадалось по дорогѣ. Словомъ сказать, былъ лихоимецъ порядочный.

И вдругъ этого самаго человѣка начало коробить.

Пришелъ онъ на базарную площадь, и кажется ему, что все, что тамъ ни наставлено, и на возахъ, и на рундукахъ, и въ лавкахъ — все это не его, а чужое. Никогда прежде этого съ нимъ не бывало. Протеръ онъ себѣ безстыжіе глаза и думаетъ: «не очумѣль ли я, не во снѣ ли все это мнѣ представляется?» Подошелъ къ одному возу, хочетъ запустить лапу, ань лапа не поднимается; подошелъ къ другому возу, хочетъ мужика за бороду вытрясти — о, ужасъ!—дланіи не простираются!

Испугался.

«Что это со мной нынче сдѣжалось? — думаетъ Ловецъ. — Вѣдь этакимъ манеромъ, пожалуй, и напредки все дѣло себѣ испорчу! Ужъ не воротиться ли, за добра ума, домой?»

Однако понадѣялся, что, можетъ-быть, и пройдетъ. Сталъ погуливать по базару; смотреть — лежитъ всякая живность, разостланы всякия материіи, и все это какъ будто говоритъ: вотъ и близокъ локоть, да не укусишь!

А мужики между тѣмъ осмѣлились; видя, что человѣкъ очумѣль, глазами на свое добро хлопаетъ, стали шутки шутить, стали Ловца Фофаномъ Фофанычемъ звать.

«Нѣтъ, это со мною болѣзнь какая-нибудь!» — рѣшилъ

Ловецъ и такъ-таки безъ кульковъ, съ пустыми руками, и отпраffился домой.

Возвращается онъ домой, а Ловчиха-жена ужъ ждетъ, думаетъ: «сколько-то мнѣ супругъ мой любезный нынче кульковъ принесетъ?» И вдругъ—ни одного. Такъ и закипѣло въ ней сердце, такъ и накинулась она на Ловца.

— Куда кульки дѣвали?—спрашиваетъ она его.

— Передъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствую...—началь-было Ловецъ.

— Гдѣ у тебя кульки, тебя спрашиваютъ?

— Передъ лицомъ моей совѣсти свидѣтельствую...—вновь повторилъ Ловецъ.

— Ну, такъ и обѣдай своею совѣстью до будущаго базара, а у меня для тебя нѣть обѣда!—рѣшила Ловчиха.

Понурилъ Ловецъ голову, потому что знать, что Ловчихино слово твердое. Снялъ онъ съ себя пальто—и вдругъ словно преобразился совсѣмъ! Такъ какъ совѣсть осталась, вмѣстѣ съ пальто, на стѣнкѣ, то сдѣлалось ему опять и легко, и свободно, и стало опять казаться, что на свѣтѣ нѣть ничего чужого, а все его. И почувствовалъ онъ вновь въ себѣ способность глотать и загребать.

— Ну, теперь вы у меня не отвертитесь, дружки!—сказалъ Ловецъ, потирая руки, и стала поспѣшно надѣвать на себя пальто, чтобы на всѣхъ парусахъ летѣть на базаръ.

Но—о, чудо!—едва успѣль онъ надѣть пальто, какъ опять началь корячиться. Просто какъ будто два человѣка въ немъ сдѣлалось: одинъ—безъ пальто—бестыжий, загребистый и лапистый; другой—въ пальто—застѣнчивый и робкій. Однако, хоть и видѣть, что не успѣль за ворота выйти, какъ ужъ присмирѣль, но отъ намѣренія своего идти на базаръ не отказался. Авось-либо, думаетъ, пре-возмогу.

Не чѣмъ ближе онъ подходилъ къ базару, тѣмъ сильнѣе билось его сердце, тѣмъ неотступнѣе сказывалась въ немъ потребность примириться со всѣмъ этимъ: среднимъ и малымъ людомъ, который изъ-за гроша цѣлый день бѣется на дождю да на слякоти. Ужъ не до того ему, чтобы на чужие кульки засматриваться; свой собственный кошелекъ, который былъ у него въ карманѣ, сдѣлался ему въ тягость, какъ будто онъ вдругъ изъ достовѣрныхъ источниковъ узналъ, что въ этомъ кошелькѣ лежать не его, а чьи-то чужія деньги.

— Вотъ тебѣ, дружокъ, пятнадцать копеекъ! — говорить онъ, подходя къ какому-то мужику и подавая ему деньги.

— Это за что же, Фофанъ Фофанычъ?

— А за мою прежнюю обиду, другъ! Прости меня Христа-ради!

— Ну, Богъ тебя простить!

Такимъ образомъ обошель онъ весь базарь и раздалъ всѣ деньги, какія у него были. Однако, сдѣлавши это, хоть и почувствовалъ, что на сердцѣ у него стало легко, но крѣпко призадумался.

«Нѣтъ, это со мною сегодня болѣзнь какая-нибудь приключилась,—опять сказалъ онъ самъ себѣ:—пойду-ка я лучше домой, да кстати ужъ захвачу по дорогѣ побольше нищихъ, да и накормлю ихъ, чѣмъ Богъ послалъ!»

Сказано—сдѣлано; набралъ онъ нищихъ видимо-невидимо и привелъ ихъ къ себѣ во дворъ. Ловчиха только руками развелъ, ждѣть, какую онъ еще дальше проказу сдѣлаетъ. Онъ же потихоньку прошелъ мимо нея и ласково таково сказалъ:

— Вотъ, щедроюшка, тѣ самые странные люди, которыхъ ты просила меня привести: покорми ихъ ради Христа!

Но едва успѣль онъ повѣсить свое пальто на гвоздикъ, какъ ему и опять стало легко и свободно. Смотрѣть въ окошко и видѣть, что на дворѣ у него нищая братія со всего города сбита. Видѣть и не понимаетъ: зачѣмъ? неужто всю эту уйму сѣчь предстоитъ?

— Чѣмъ за народъ? — выбѣжалъ онъ на дворъ въ изстушеніи.

— Какъ что за народъ? Это все странные люди, которыхъ ты накормить велѣла! — огрызнулась Ловчиха.

— Гнать ихъ въ шею! вотъ такъ! — закричалъ онъ не своимъ голосомъ и какъ сумасшедший бросился въ домъ.

Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатамъ и все думалъ, чѣмъ такое съ нимъ стало? Человѣкъ онъ былъ всегда исправный, относительно же исполненія служебнаго долга просто левъ — и вдругъ сдѣлался тряпицею!

— щедроюшка Петровна! матушка! да свяжи ты меня ради Христа! Чувствую, что я сегодня такихъ дѣлъ надѣлаю, что послѣ цѣлымъ годомъ поправить нельзя будетъ! — взмолился онъ.

Видѣть и Ловчиха, что Ловцу ея круто пришлось. Раздѣла его, уложила въ постель и напоила горяченькимъ.

Только через четверть часа пошла она въ переднюю и думаетъ: «а посмотрю-ка я у него въ пальто; можетъ, еще и найдутся въ карманахъ какіе-нибудь грошики?» Обшарила одинъ карманъ—нашла пустой кошелекъ; обшарила другой карманъ—нашла какую-то грязную, замасленную бумажку. Какъ развернула она эту бумажку—такъ и ахнула.

«Такъ вотъ онъ нынче на какія штуки пустился!—сказала она себѣ:—совѣсть въ карманѣ завель!»

И стала она придумывать, кому бы ей эту совѣсть сбыть, чтобы она того человѣка не въ-конецъ отяготила, а только маленько въ беспокойство привела. И придумала, что самое лучшее ей мѣсто будетъ у отставного откупщика, а нынѣ финансиста и желѣзнодорожнаго изобрѣтателя, еврея Шмуля Давыдовича Бржоцкаго.

— У этого, по крайности, шея толста!—рѣшила она:—можетъ-быть, и побьется малое дѣло, а выдержить!

Рѣшивши такимъ образомъ, она осторожно сунула совѣсть въ штемпельный конвертъ, надписала на немъ адресъ Бржоцкаго и опустила въ почтовый ящикъ.

— Ну, теперь можешьъ, другъ мой, смѣло идти на базарь,—сказала она мужу, воротившись домой.

Самуилъ Давыдычъ Бржоцкій сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ, окруженный всѣмъ своимъ семействомъ. Подлѣ него помѣщался десятилѣтній сынъ Рувимъ Самуиловичъ и совершалъ въ умѣ банкирскія операции.

— А сто, папаса, если я этотъ золотой, который ты мнѣ подарилъ, буду отдавать въ ростъ по двадцати процентовъ въ мѣсяцъ, сколько у меня къ концу года денегъ будетъ?—спрашивалъ онъ.

— А какой процентъ: простой или сложный?—спросилъ въ свою очередь Самуилъ Давыдычъ.

— Разумѣется, папаса, сложный!

— Если сложный и съ усѣщеніемъ дробей, то будетъ сорокъ пять рублей и семьдесятъ девять копеекъ!

— Такъ я, папаса, отдамъ!

— Отдай, мой другъ, только надо благонадежный залогъ братъ!

Съ другой стороны сидѣлъ Госель Самуиловичъ, мальчикъ лѣтъ семи, и тоже рѣшалъ въ умѣ своею задачу: летѣло стадо гусей; далѣе помѣщался Соломонъ Самуиловичъ, за нимъ Давыдъ Самуиловичъ и соображали, сколько послѣдній долженъ первому процентовъ за взятые заемообразно ле-

денцы. На другомъ концѣ стола сидѣла красавица супруга Самуила Давыдыча, Лія Соломоновна, и держала на рукахъ крошечную Рифочку, которая инстинктивно тянулась къ золотымъ браслетамъ, украшившимъ руки матери.

Однимъ словомъ, Самуиль Давыдычъ былъ счастливъ. Онъ собирался кушать какой-то необыкновенный соусъ, украшенный чуть не страусовыми перьями и брюссельскими кружевами, какъ лакей подалъ ему на серебряномъ подносѣ письмо.

Едва взялъ Самуиль Давыдычъ въ руки конвертъ, какъ заметался во всѣ стороны, словно угорь на угольяхъ.

— И сто зе это такое! и зацѣмъ мнѣ эта вессь!—запопилъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Хотя никто изъ присутствующихъ ничего не понималъ въ этихъ крикахъ, однако для всѣхъ стало ясно, что продолженіе обѣда невозможно.

Я не стану описывать здѣсь мученія, которыя претерпѣлъ Самуиль Давыдычъ въ этотъ памятный для него день; скажу только одно: этотъ человѣкъ, съ виду тщедушный и слабый, геройски вытерпѣлъ самыя лютыя истязанія, но даже пятиалтынного возвратить не согласился.

— Это сто зе! это нищего! только ты крѣице дерзи меня, Лія!—уговаривалъ онъ жену во время самыхъ отчаянныхъ пароксизмовъ:—и если я буду спрашивать скатулку—ни-ни! пусть луци умру!

Но такъ какъ нѣть на свѣтѣ такого труднаго положенія, изъ котораго былъ бы невозможенъ выходъ, то онъ найденъ былъ и въ настоящемъ случаѣ. Самуиль Давыдычъ вспомнилъ, что онъ давно обѣщалъ сдѣлать какое-нибудь по жертвованію въ нѣкоторое благотворительное учрежденіе, состоявшее въ завѣданіи одного знакомаго ему генерала, но дѣло это почему-то из-за-дня-въ-день все оттягивалось. И вотъ теперь случай прямо указывалъ на средство привести въ исполненіе это давнее намѣреніе.

Задумано—сдѣлано. Самуиль Давыдычъ осторожно распечаталъ присланный по почтѣ конвертъ, вынулъ изъ него щипчиками посылку, переложилъ ее въ другой конвертъ, запряталъ туда еще сотенную ассигнацію, запечаталъ и отправился къ знакомому генералу.

— Зелаю, васе превосходительство, позертваніе сдѣлать!—сказалъ онъ, кладя на столъ пакетъ передъ обрадованнымъ генераломъ.

— Что же-съ, это похвально!—отвѣчалъ генераль:—я

всегда это зналъ, что вы... какъ евреи... и по закону Давидову... Плясаше—играше... такъ, кажется?

Генераль запутался, ибо не зналъ навѣрное, точно ли Давидъ издавалъ законы, или кто другой.

— Тоцно такъ-сь; только какіе зе мы евреи, ваке превосходительство!—заспѣшилъ Самуиль Давыдычъ, уже совсѣмъ облегченный:—только съ виду мы евреи, а въ дусъ совсѣмъ-совсѣмъ русскіе!

— Благодарю!—сказалъ генераль:—объ одномъ сожалѣю... какъ христіанинъ... отчего бы вамъ, напримѣръ?.. а?..

— Ваке превосходительство... мы только съ виду... поговорите цести, только съ-виду!

— Однако?

— Ваке превосходительство!

— Ну, ну, ну! Христосъ съ вами!

Самуиль Давыдычъ полетѣлъ домой словно на крыльяхъ. Въ этотъ же вечеръ онъ уже совсѣмъ позабылъ о претерпѣнныхъ имъ страданіяхъ и выдумаль такую диковинную операцію ко всеобщему уязвленію, что на другой день всѣ такъ и ахнули, какъ узнали.

И долго такимъ образомъ шаталась бѣдная, изгнанная совсѣсть по бѣлому свѣту, и перебывала она у многихъ тысячъ людей. Но никто не хотѣлъ ее пріютить, а всякий, напротивъ того, только о томъ думалъ, какъ бы отдѣлаться отъ нея и хоть бы обманомъ да сбить съ рукъ.

Наконецъ, наскучило ей и самой, что негдѣ ей, бѣдной, голову приклонить, и должна она свой вѣкъ проживать въ чужихъ людяхъ да безъ пристанища. Вотъ и взмолилась она послѣднему своему содржателю, какому-то мѣщанинишку, который въ проходномъ ряду пылью торговалъ и никакъ не могъ отъ той торговли разжиться.

— За что вы меня тираните?—жаловалась бѣдная совсѣсть:—за что вы мнай, словно отымалякой какой, помыкаете?

— Чѣмъ же я съ тобою буду дѣлать, сударыня-совѣсть, если ты никому не нужна?—спросилъ въ свою очередь мѣщанинишка.

— А вотъ что,—отвѣчала совсѣсть:—отыщи ты мнѣ маленькое русское дитя, раствори ты передо мнай его сердце чистое и склони меня въ немъ! Авось онъ меня, неповинный младенецъ, пріютить и выхолить, авось онъ меня въ мѣру возраста своего произведеть да и въ люди потомъ со мной вѣдеть—не погибнетъ.

Поэтому ся слову все тарь и сдѣлалось. Отыскаль мѣщанинишка маленькое русское дитя, раствориъ его сердце чистое и схорониъ въ немъ совѣсть.

Растеть маленькое дитя, а вмѣстѣ съ нимъ растеть въ немъ и совѣсть. И будетъ маленькое дитя большимъ человѣкомъ, и будетъ въ немъ большая совѣсть. И исчезнуть тогда всѣ неправды, коварства и насилия, потому что совѣсть будетъ неробкая и захочетъ распоряжаться всѣмъ сама.

28.—Дикій помѣщикъ.

Въ иѣкоторомъ царствѣ, въ иѣкоторомъ государствѣ жиль-былъ помѣщикъ, жиль и на свѣтъ глядючи радовался. Всего у него было довольно: и крестьянъ, и хлѣба, и скота, и земли, и садовъ. И бытъ тотъ помѣщикъ глупый, читаль газету «Вѣсть» и тѣло имѣлъ мягкое, бѣлое и разсыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этотъ помѣщикъ:

— Господи! всѣмъ я отъ Тебя доволенъ, всѣмъ награжденъ! Одно только сердцу моему непереносно, очень ужъ много развелось въ нашемъ царствѣ мужика!

Но Богъ зналъ, что помѣщикъ тотъ глупый, и прошенію его не внялъ.

Видить помѣщикъ, что мужика съ каждымъ днемъ не убываетъ, а все прибываетъ,—видить и опасается: «а ну, какъ сиѣ у меня все добро пріѣстъ?»

Заглянетъ помѣщикъ въ газету «Вѣсть», какъ въ семъ случаѣ поступать должно, и прочитаетъ: «стайся!»

— Одно только слово написано,—молвить глупый помѣщикъ:—а золотое это слово!

И началь онъ стараться, и не то чтобъ какъ-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская въ господескіе овсы забредеть—сейчасъ ее, по правилу, въ супъ; дровѣцъ ли крестьянинъ нарубить, по секрету, въ господскомъ лѣсу соберется—сейчасъ эти самыя дрова на господской дворъ, а съ порубщика, по правилу, штрафъ.

— Больше я нынче этими штрафами на нихъ дѣйствую,—говорить помѣщикъ сосѣдямъ своимъ:—потому что для нихъ это понятнѣе.

Видягъ мужики: хоть и глупый у нихъ помѣщикъ, а разумъ ему данъ большой. Сократиль онъ ихъ такъ, что некуда носа высунуть: куда ни глянутъ—все нельзя, да

не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдет—помѣщикъ кричитъ: «моя вода!» курица за окопицу выбредеть—помѣщикъ кричитъ: «моя земля!» И земля, и вода, и воздухъ—все его стало! Лучины не стало мужику въ свѣте зажечь; прута не стало, чѣмъ избу вынести. Вотъ и взмолились крестьяне всѣмъ міромъ къ Господу Богу:

— Господи! легче намъ пропасть и съ дѣтьми съ малыми, нежели всю жизнь такъ маяться!

Услыхалъ милостивый Богъ слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всемъ пространствѣ владѣній глупаго помѣщика. Куда дѣвался мужикъ—никто того не замѣтилъ, а только видѣли люди, какъ вдругъ поднялся мякинnyй вихрь и, словно туча черная, пронеслись въ воздухѣ посконные мужицкіе портки. Вышелъ помѣщикъ на балконъ, потянуль носомъ и чуетъ: чистый-пречистый во всѣхъ его владѣніяхъ воздухъ сдѣлался. Натурально, остался доволенъ. Думаетъ: «теперь-то я понѣжу свое тѣло бѣлое, тѣло бѣлое, рыхлое, разсыпчатое!»

И началъ онъ жить да поживать и сталъ думать, чѣмъ бы ему свою душу утѣшить.

«Заведу, думаетъ, театръ у себя! Напишу къ актеру Садовскому: пріѣзжай, моль, любезный другъ, и актерокъ съ собой привози!»

Послушался его актеръ Садовскій: самъ пріѣхалъ и актерокъ привезъ. Только видитъ, что въ домѣ у помѣщика пусто, и ставить театръ, и занавѣсь поднимать некому.

— Куда же ты крестьянъ своихъ дѣвали?—спрашиваетъ Садовскій у помѣщика.

— А вотъ Богъ, по молитвѣ моей, всѣ мои владѣнія отъ мужика очистилъ!

— Однако, братъ, глупый ты помѣщикъ! Кто же тебѣ, глупому, умываться подаетъ?

— Да я ужъ и то сколько дней немытый хожу!

— Стало-быть, шампиньоны на лицѣ растиль собрался?—сказалъ Садовскій, и съ этимъ словомъ и самъ уѣхалъ, и актерокъ увезъ.

Вспомнилъ помѣщикъ, что у него есть поблизости четыре генерала знакомыхъ; думаетъ: «Что это я все грань-насъянсь, да грань-насъянсь раскладываю! Попробую-ка я съ генералами виатеромъ пульку-другую сыграть!»

Сказано—сдѣлано; написалъ приглашенія, назначилъ день и отправилъ письма по адресу. Генералы были хоть и настоящіе, но голодные, а потому очень скоро пріѣхали.

Прѣхали — и не могутъ надивиться, отчего такой у помѣщика листый воздухъ сталъ.

— А оттого это, — хвастается помѣщикъ: — что Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика очистилъ!

— Ахъ, какъ это хорошо, — хвалять помѣщика генералы: — стало-быть, теперь у васъ этого холопьяго запаху нисколько не будетъ?

— Нисколько, — отвѣчаетъ помѣщикъ.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуютъ генералы, что пришелъ ихъ часъ водку пить, приходятъ въ безпокойство, озираются.

— Должно-быть, вамъ, господа генералы, закусить захотѣлось? — спрашиваетъ помѣщикъ.

— Не худо бы, г. помѣщикъ!

Всталъ онъ изъ-за стола, подошелъ къ шкапу и вынимаетъ оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человѣка.

— Чѣдѣ-жь это такое? — спрашиваютъ генералы, вытарашивъ на него глаза.

— А вотъ, закусите, чѣмъ Богъ послалъ!

— Да намъ бы говядинки, говядинки бы намъ!

— Ну, говядинки у меня про васъ нѣтъ, господа генералы, потому что съ тѣхъ поръ, какъ меня Богъ отъ мужика избавилъ, и печка на кухнѣ стоитъ нетоплена!

Разсердились на него генералы, такъ что даже зубы у нихъ застучали.

— Да вѣдь жрешь же ты что-нибудь самъ-то? — накинулись они на него.

— Сырьемъ кой-какимъ питаюсь, да вотъ пряники еще покуда есть...

— Однако, братъ, глупый же ты помѣщикъ! — сказали генералы и, не докончивъ пульки, разбрелись по домамъ.

Видѣть помѣщикъ, что его ужъ въ другой разъ дуракомъ чествуютъ, и хотѣлъ-было ужъ задуматься, но такъ какъ въ это время на глаза попалась колода картъ, то махнулъ на все рукою и началъ раскладывать грань-пасьянсъ.

— Посмотримъ, — говорить, — господа либералы, кто кого одолѣеть! Докажу я вамъ, что можетъ сдѣлать истинная твердость души!

Раскладываетъ онъ «дамскій капризъ» и думаетъ: «ежели сряду три раза выйдетъ, стало-быть, надо не взирать». И кашъ на зло, сколько разъ ни разложить — все у него вы-

ходить, все выходить! Не осталось въ немъ даже сомнѣнія никакого.

— Ужъ если, — говорить, — сама фортуна указываетъ, стало-быть, надо оставаться твердымъ до конца. А теперь, покуда, довольно грань-насъянъ раскладывать — пойду, по-займусь!

И вотъ ходить онъ, ходить по комнатамъ, потомъ сядеть и посидить. И все думаетъ. Думаетъ, какія онъ машины изъ Англіи выпишать, чтобы все паромъ да паромъ, а холопскаго духу чтобъ нисколько не было. Думаетъ, какой онъ плодовый садъ разведеть; вотъ тутъ будуть груши, сливы, вотъ тутъ — персики, тутъ — грецкій орѣхъ! Посмотритъ въ окошко — анъ тамъ все, какъ онъ задумалъ, все точно такъ ужъ и есть! Ломятся, по щучьему велѣнію, подъ грузомъ плодовъ деревья грушевыя, персиковыя, абрикосовыя, а онъ только знай фрукты машинами собираеть да въ ротъ кладеть! Думаетъ, какихъ онъ коровъ разведеть, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думаетъ, какой онъ клубники насадить, все двойной да тройной, по пяти ягодъ на фунтъ, и сколько онъ этой клубники въ Москвѣ продастъ. Наконецъ, устанетъ думать, пойдетъ къ зеркалу посмотрѣться — анъ тамъ ужъ пыли на вершокъ наскѣло...

— Сенька! — крикнетъ онъ вдругъ, забывшись, но потомъ спохватится и скажетъ: — ну, пускай себѣ до поры, до времени такъ постоитъ, а ужъ докажу же я этимъ либераламъ, чтѣ можетъ сдѣлать твердость души!

Промаячить такимъ манеромъ, покуда стемнѣеть, — и спать.

А во снѣ сны еще веселѣе, нежели на-яву, снятся. Снится ему, что самъ губернаторъ о такой его помѣщицѣ непреклонности узналъ и спрашиваетъ у исправника: «какой-такой твердый курицынъ сынъ у васъ въ уѣздѣ завелся?» Потомъ снится, что его за эту самую непреклонность министромъ сдѣлали, и ходить онъ въ лентахъ и пишеть циркуляры: быть твердымъ и не взирать! Потомъ снится, что онъ ходить по берегамъ Евфрата и Тигра...

— Ева, мой другъ, — говоритъ онъ.

Но вотъ и сны всѣ пересмотрѣль; надо вставать.

— Сенька! — опять кричить онъ, забывшись, но вдругъ вспомнить... и поникнетъ головою.

— Чѣмъ бы, однако, заняться? — спрашиваетъ онъ себя. — Хоть бы лѣшаго какого-нибудь нелегкая принесла!

И вотъ по этому его слову вдругъ прѣѣжаетъ самъ капитанъ-исправникъ. Обрадовался ему глупый помѣщикъ несказанно; побѣжалъ въ шкафъ; вынулъ два печатныхъ пряника и думаетъ: «ну, этотъ, кажется, останется доволенъ!»

— Скажите, пожалуйста, господинъ помѣщикъ, какимъ это чудомъ всѣ ваши временно-обязанные вдругъ исчезли?— спрашивается исправникъ.

— А вотъ такъ и такъ, Богъ, по молитвѣ моей, всѣ владѣнія мои отъ мужика совершенно очистилъ.

— Такъ-съ: а не извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, кто подать за нихъ платить будетъ?

— Подать?.. это они! это они сами! это ихъ священнѣйшій долгъ и обязанность!

— Такъ-съ; а какимъ манеромъ эту подать съ нихъ взыскать можно, коли они, по вашей молитвѣ, по лицу земли разсѣяны?

— Ужъ это... не знаю... я, съ своей стороны, платить не согласенъ!

— А извѣстно ли вамъ, господинъ помѣщикъ, что казнечество безъ податей и повинностей, а тѣмъ наче безъ винной и соляной регалій, существовать не можетъ?

— Я что-жъ... я готовы! рюмку водки... я заплачу.

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у насъ на базарѣ ни куска мяса, ни фунта хлѣба купить нельзя? Знаете ли вы, чѣмъ это пахнетъ?

— Помилуйте! я, съ своей стороны, готовъ пожертвовать. Вотъ цѣлыхъ два пряники!

— Глупый же вы, господинъ помѣщикъ!—молвилъ исправникъ, повернулся и уѣхалъ, не взглянувъ даже на печатные пряники.

Задумался на этотъ разъ помѣщикъ не на шутку. Вогь уже третій человѣкъ его дуракомъ чувствуетъ, третій человѣкъ посмотрѣть-посмотрѣть на него, плюнетъ и отойдетъ. Неужто онъ въ самомъ дѣлѣ дуракъ? неужто та непреклонность, которую онъ такъ легкѣль въ душѣ своей, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, означаетъ только глупость и безуміе? и неужто, вслѣдствіе одной его непреклонности, остановились и подати, и регаліи, и не стало возможности достать на базарѣ ни фунта муки, ни куска мяса?

И какъ бы онъ помѣщикъ глупый, то сначала даже фыркнулъ отъ удовольствія при мысли, какую онъ штуку сыграть, но потомъ вспомнилъ слова исправника: «а знаете ли, чѣмъ это пахнетъ?»—и струсилъ не на шутку.

Сталъ онъ, по обыкновенію, ходить взадъ да впередъ по комнатамъ и все думаетъ: «чѣмъ же это пахнетъ? ужъ не пахнетъ ли водвореніемъ какимъ? Напримѣръ, Чебоксарами, или, быть-можетъ, Варнавинъ?»

Хоть бы въ Чебоксары, что ли, по крайней мѣрѣ, убѣдился бы міръ, чтѣ значить твердость души!—говорить помѣщикъ, а самъ по секрету отъ себя ужъ думаетъ: «въ Чебоксарахъ-то я, можетъ-быть, мужика бы моего милаго увидалъ!» Походить помѣщикъ, и посидитъ, и опять походить. Къ чему ни подойдетъ, все, кажется, такъ и говорить: а глупый ты, господинъ помѣщикъ! Видить онъ—бѣжитъ черезъ комнату мышонокъ и крадется къ картамъ, которыми онъ грань-пасьянсъ дѣлаль и достаточно уже замаслилъ, чтобъ возбудить ими мышиный аппетитъ.

— Киш!—бросился онъ на мышонка.

Но мышонокъ былъ умный и понималъ, что помѣщикъ безъ Сеньки никакого вреда ему сдѣлать не можетъ. Онъ только хвостомъ вильнулъ въ отвѣтъ на грозное воскликаніе помѣщика и чрезъ мгновеніе уже выглядывалъ на него изъ-подъ дивана, какъ будто говоря: погоди, глупый помѣщикъ, то ли еще будетъ, я не только карты, а и халатъ твой сѣмъ, какъ ты его позамаслишь какъ слѣдуетъ!

Много ли, мало ли времени прошло, только видить помѣщикъ, что въ саду у него дорожки репейникомъ поросли, въ кустахъ змѣи да гады всякие кишмя-кишать, а въ паркѣ звѣри дикіе воютъ. Однажды къ самой усадьбѣ подошелъ медвѣдь, сѣль на корточкахъ, поглядываетъ въ окошки на помѣщика и облизывается.

— Сенька!—вскрикнулъ помѣщикъ, но вдругъ спохватился... и заплакалъ.

Однако твердость души все еще не покидала его. Нѣсколько разъ онъ ослабѣвалъ, но какъ только почувствуетъ, что сердце у него начнетъ растворяться, сейчасъ бросится къ газетѣ «Вѣсть» и въ одну минуту ожесточится опять.

— Нѣть, лучше совсѣмъ одичаю, лучше пусть буду съ дикими звѣрьми по лѣсамъ скитаться, но да не скажетъ никто, что россійскій дворянинъ, князь Урусъ - Кучумъ - Кильдибаевъ, отъ принциповъ отступилъ!

И вотъ онъ одичалъ. Хоть въ это время наступила уже осень, и морозцы стояли порядочные, но онъ не чувствовалъ даже холода. Весь онъ, съ головы до ногъ, обросъ волосами, словно древній Исаевъ, а ногти у него сдѣлались какъ желѣзные. Сморкаться ужъ онъ давно пересталъ, хо-

дилъ же все больше на четверенькахъ и даже удивлялся, какъ онъ прежде не замѣчалъ, что такой способъ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратилъ даже способность произносить членораздѣльные звуки и усвоилъ себѣ какой-то особенный побѣдный кликъ—среднее между свистомъ, шипѣньемъ и рявканьемъ. Но хвоста еще не пріобрѣлъ.

Выходить онъ въ свой паркъ, въ которомъ онъ когда-то нѣжилъ свое тѣло рыхлое, бѣлое, разсыпчатое, какъ кошка въ одинъ мигъ взлѣзть на самую вершину дерева и стережетъ оттуда. Прибѣжитъ-это заяцъ, встанетъ на заднія лапки и прислушивается, нѣтъ ли откуда опасности,—а онъ ужъ тутъ какъ тутъ. Словно стрѣла соскочить съ дерева, вѣспится въ свою добычу, разорветъ ее ногтями, да такъ со всѣми внутренностями, даже со шкурой, и съѣсть.

И сдѣлался онъ силенъ ужасно, до того силенъ, что даже счелъ себя вправѣ войти въ дружескія сношенія съ тѣмъ самымъ медвѣдемъ, который нѣкогда посматривалъ на него въ окошко.

— Хочешь, Михайло Иванычъ, походы вмѣстѣ на зайцевъ будемъ дѣлать?—сказалъ онъ медвѣду.

— Хотѣть — отчего не хотѣть, — отвѣчалъ медвѣдь: — только, братъ, ты напрасно мужика этого уничтожилъ!

— А почему такъ?

— А потому, что мужика этого ёсть не въ примѣръ способнѣ было, нежели вашего брата-дворянина. И потому скажу тебѣ прямо: глупый ты помѣщикъ, хоть мнѣ и другъ!

Между тѣмъ капитанъ-исправникъ хоть и покровительствовалъ помѣщикамъ, но въ виду такого факта, какъ исчезновеніе съ лица земли мужика, смолчать не посмѣлъ. Встревожилось его донесенiemъ и губернское начальство, пишеть къ нему: «а какъ вы думаете, кто теперь подати будетъ вносить? кто будетъ вино по кабакамъ пить? кто будетъ невинными занятіями заниматься?» Отвѣчаетъ капитанъ - исправникъ: «казначейство-де теперь упразднить слѣдуетъ, а невинныя-де занятія и сами собой упразднились, вмѣсто же нихъ распространились въ уѣздѣ грабежи, разбой и убийства. На-дняхъ-де и его, исправника, какой-то медвѣдь не медвѣдь, человѣкъ не человѣкъ едва не задраиль, въ каковомъ человѣко-медвѣдѣ и подозрѣваетъ онъ того самого глупаго помѣщика, который всей смутѣ зачинщикъ».

Обезпокоились начальники и собрали совѣтъ. Рѣшили:

мужика изловить и водворить, а глупому помыщику, который всей смутъ зачинщикъ, наиделикатнѣйше внушить, дабы онъ фанфаронства свои прекратилъ и поступленію въ казначейство податей препятствія не чинилъ.

Какъ нарочно, въ это время чрезъ губернскій городъ летѣль отроившійся рой мужиковъ и осыпалъ всю базарную площадь. Сейчасъ эту благодать убрали, посадили въ плетушку и послали въ уѣздъ.

И вдругъ опять запахло въ томъ уѣздѣ мякиной и овчими: не въ то же время на базарѣ появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей въ одинъ день поступило столько, что казначей, увидавъ такую труду денегъ, только всплеснулъ руками отъ удивленія и вскрикнулъ:

— И откуда вы, шельмы, берете?

Что же сдѣлалось, однако, съ помыщикомъ? — спросятъ меня читатели. На это я могу сказать, что съ болыши мъ трудомъ, но и его изловили. Изловивши, сейчасъ же высморкали, вымыли и обстригли ногти. Затѣмъ капитанъ-исправникъ сдѣлалъ ему надлежащее внушеніе, отобралъ газету «Вѣсть» и, поручивъ его надзору Сеньки, уѣхалъ.

Онъ живъ и донынѣ. Раскладываетъ грань-пасьянсъ, тоскуетъ по прежней своей жизни въ лѣсахъ, умывается лишь по принужденію и по временамъ мычитъ.

29.—Медвѣдь на воеводствѣ.

Злодѣйства крупныя и серыёзныя нерѣдко именуются блестящими и въ качествѣ таковыхъ заносятся на скрижали Исторіи. Злодѣйства же малыя и шуточные именуются срамными, и не только Исторію въ заблужденіе не вводять, но и отъ современниковъ не получаютъ похвалы.

I. Топтыгинъ 1-й.

Топтыгинъ 1-й отлично это понималъ. Былъ онъ старый служака-звѣрь, умѣль берлоги строить и деревья съ корнями выворачивать; слѣдовательно, до иѣкоторой степени и инженерное искусство знать. Но самое драгоценное качество его заключалось въ томъ, что онъ во что бы ни стало на скрижали Исторіи попасть желалъ и ради этого всему на свѣтѣ пренебречь блескъ кровопролитій. Такъ что объ

Чемъ бы съ нимъ ни заговорили, о торговлѣ ли, о промышленности ли, о наукахъ ли — онъ все на одно поворачивалъ: кровопролитіевъ... кровопролитіевъ... вотъ чего нужно!

За это Левъ произвѣль его въ майорскій чинъ и, въ видѣ временной мѣры, послалъ въ дальний лѣсъ, въ родѣ какъ воеводой, внутреннихъ супостатовъ усмирять.

Узнала лѣсная челядь, что майоръ къ нимъ въ лѣсъ ёдетъ, и задумалась. Такая въ ту пору вольница между лѣсными мужиками шла, что всякий по-своему норовилъ. Звѣри — рыскали, птицы — летали, насѣкомыя — ползали; а въ ногу никто маршировать не хотѣлъ. Понимали мужики, что ихъ за это не похвалять, но сами собой оstellenиться ужъ не могли.

«Вотъ ужо приѣдетъ майоръ,— говорили они: — засыпѣть онъ намъ — тогда мы и узнаемъ, какъ Кузькину тещу зовутъ!»

И точно: не успѣли мужики оглянуться, а Топтыгинъ ужъ тутъ какъ тутъ. Прибѣжалъ онъ на воеводство раннимъ утромъ, въ самый Михайловъ день, и сейчасъ же рѣшилъ: быть на завтра кровопролитію. Чѣмъ заставило его принять такое рѣшеніе — неизвѣстно; ибо онъ, собственно говоря, не былъ золь, а таکъ, скотина.

И непремѣнно бы онъ свой планъ выполнилъ, если бы лукавый его не попуталъ.

Дѣло въ томъ, что, въ ожиданіи кровопролитія, задумалъ Топтыгинъ именины свои отпраздновать. Купилъ ведро водки и напился въ-одиночку пьянъ. А такъ какъ берлоги онъ для себя еще не выстроилъ, то пришлось ему, пьяному, среди полянки спать лечь. Улегся и захрапѣлъ, а подъ утро, какъ на грѣхъ, случилось мимо той полянки летѣть Чижику. Особенный это былъ Чижикъ, умный; и ведёрко таскать умѣлъ, и спѣть, по нуждѣ, за канарейку могъ. Всѣ птицы, глядя на него, радовались, говорили: увидите, что нашъ Чижикъ со временемъ поноску носить будетъ! Даже до Льва обѣ его умѣ слухъ дошелъ, и не разъ онъ Ослу говоривалъ (Осель въ ту пору у него въ совѣтахъ за мудреца слылъ): хоть однимъ бы ухомъ послушаль, какъ Чижикъ у меня въ когтяхъ пѣть будетъ!

Но какъ ни умень былъ Чижикъ, а тутъ не догадался. Думалъ, что гнилой турбанъ на полянѣ валяется, сѣлъ на медвѣдя и запѣлъ. А у Топтыгина сонъ тонокъ. Чуетъ онъ, что по тушѣ у него кто-то прыгаетъ, и думаетъ: безпрѣмѣнно это долженъ быть внутренній супостатъ!

— Кто тамъ бездѣльнымъ обычаемъ по воеводской тушѣ прыгаетъ? — рявкнулъ онъ, начонецъ.

Улетѣть бы Чижику надо, а онъ и тутъ не догадался. Сидить себѣ да дивится: чурбанъ заговорилъ! Ну, нату-рально, майоръ не стерпѣлъ; сгребъ грубяна въ лапу, да, не разсмотрѣвши съ похмелья, взялъ и сѣлъ.

Сѣсть-то сѣлъ, да сѣвши спохватился: «что такое я сѣлъ? И какой же это супостать, отъ котораго даже на зубахъ ничего не осталось?» Думаль-думаль, но ничего, скотина, не выдумаль. Сѣль—только и всего. И никакимъ родомъ этого глупаго дѣла поправить нельзя. Потому что, ежели даже самую невинную итицу сожрать, то и она точно такъ же въ майорскомъ брюхѣ стнѣтъ, какъ и самая преступная.

— Зачѣмъ я его сѣлъ?—допрашивалъ самъ себя Топтыгинъ:—меня Левъ, посылаючи сюда, предупреждалъ: дѣлай знатныя дѣла, отъ бездѣльныхъ же стерегись! а я, съ перваго же шага, чижей глотать вздумалъ! Ну, да ничего! первый блинъ всегда комомъ! Хорошо, что, по раннему времени, никто дурачества моего не видалъ.

Увы! не зналъ, видно, Топтыгинъ, что, въ сферѣ административной дѣятельности, первая-то ошибка и есть самая фатальная. Что, давши съ самаго начала административному бѣгу направлѣніе вкось, оно впослѣдствіи все больше и больше будетъ отдалять его отъ прямой линіи...

И точно, не успѣлъ онъ успокоиться на мысли, что никто его дурачества не видѣлъ, какъ слышитъ, что скворка ему съ сосѣдней березы кричитъ:

— Дуракъ! его прислали къ одному знаменателю насы приводить, а онъ Чижика сѣлъ!

Взбѣленился майоръ; полѣзъ за скворцомъ на березу, а скворецъ, не будь глупъ, на другую перепорхнулъ. Мед-вѣдь—на другую, а скворка—опять на первую. Лазиль-лазиль майоръ, мочи нѣтъ измучился. А глядя на скворца, и ворона осмѣлилась:

— Вотъ такъ скотина! добрые люди кровопролитіевъ отъ него ждали, а онъ Чижика сѣлъ!

Онъ—за вороной, анъ изъ-за куста заинька выпрыгнулъ:

— Бурбонъ стоеросовый! Чижика сѣлъ!

Комаръ изъ-за тридевять земель прилетѣлъ:

— Risum teneatis, amici! Чижика сѣлъ!

Лягушка въ болотѣ квакнула:

— Олухъ царя небеснаго! Чижика сѣлъ!

Словомъ сказать, и смѣшно, и обидно. Тычется майоръ то въ одну, то въ другую сторону,想要 на смѣшниковъ

переловить, и все мимо. И что большие старается, то у него глупье выходить. Не прошло и часу, какъ въ лѣсу ужъ вѣтъ, отъ мала до велика, знали, что Топтыгинъ-майоръ Чижика сѣль. Весь лѣсъ вознегодовалъ. Не того отъ новаго воеводы ждали. Думали, что онъ дебри и болота блескомъ кровопролитій воспрославить, а онъ натко что сдѣлалъ! И куда ни направить Михайлъ Ивановичъ свой путь, вездѣ по сторонамъ словно стонъ стоитъ: «дурень ты, дурень! Чижика сѣль!»

Заметался Топтыгинъ, благимъ матомъ взревѣль. Только однажды въ жизни съ нимъ нѣчто подобное случилось. Выгнали его въ ту пору изъ берлоги и напустили стаю шавокъ—такъ и вспились, собачи дѣти, и въ уши, и въ затылокъ, и подъ хвостъ! Вотъ такъ ужъ подлинно онъ смерть въ глаза видѣлъ! Однако все-таки кой-какъ отбоярился: штуку съ десятокъ шавокъ перекалѣчилъ, а отъ остальныхъ утѣкъ. А теперь и утечь некуда. Всякій кустъ, всякое дерево, всякая кочка, словно живые, дразнятся, а онъ — слушай! Филинъ, ужъ на чѣмъ глупая птица, а и тотъ, наслышавшись отъ другихъ, по ночамъ ухаетъ: «дуракы! Чижика сѣль!»

Но что всего важнѣе: не только онъ самъ униженіе терпить, но видѣть, что и начальственный авторитетъ, въ самомъ своемъ принципѣ, съ каждымъ днемъ все больше да больше умаляется. Того гляди, и въ сосѣднія трушобы слухъ пройдетъ, и тамъ его на смѣхъ подымутъ!

Удивительно, какъ иногда причины самыя ничтожныя къ самымъ серьезнымъ послѣдствіямъ приводятъ. Маленькая птица Чижикъ, а такому, можно сказать, стервятнику репутацію навѣкъ изгадилъ! Покуда не сѣль его майоръ, никому и на мысль не приходило сказать, что Топтыгинъ дуракъ. Всѣ говорили: «ваше степенство! вы—наши отцы, мы—ваши дѣти!» Всѣ знали, что самъ Осель за него передъ Львомъ представительствуетъ, а ужъ если Осель кого цѣнитъ—стало быть, онъ того стонѣть. И вотъ, благодаря какой-то ничтожнѣйшей административной ошибкѣ, всѣмъ сразу открылось. У всѣхъ словно само собой съ языка слетѣло: «дуракы! Чижика сѣль!» Чижикъ! скажите на милость!

«Этакая вѣдь, братцы, уморушка!» —крикнули хоромъ воробы, ежи и лягушки.

Сначала о поступкѣ Топтыгина говорили съ негодованіемъ (за родную трушобу стыдно); потомъ стали дразниться; сначала дразнили окольные, потомъ начали вторить и даль-

ніе; сначала птицы, потомъ лягушки, комары, мухи. Все болото, весь лѣсъ.

— Такъ вотъ оно, общественное-то мнѣніе что значить!— тужилъ Топтыгинъ, утирая лапой обшарпанное въ кустахъ рыло:— а потомъ, пожалуй, и на скрижали Исторіи по-нашь... съ Чижикомъ!

А Исторія такое большое дѣло, что и Топтыгинъ, при упоминовеніи обѣй ней, задумывался. Самъ по себѣ онъ зналъ обѣй ней очень смутно, но отъ Осла слыхалъ, что даже Левъ ея боится: не хорошо, говорить, въ звѣриномъ образѣ на скрижали попасть! Исторія только отмѣнѣнійша кровопролитія цѣнить, а о малыхъ упоминаетъ съ оплеваніемъ. Вотъ если-бъ онъ, для начала, стадо коровъ перерѣзать, цѣлую деревню воровствомъ обездолилъ, или избу у полѣсовицка по бревну раскаталъ— ну, тогда Исторія... а впрочемъ, наплевать бы тогда на Исторію! Навѣрное, Осель бы тогда ему лестное письмо написалъ! А теперь, смотрите-ка! — сѣѣль Чижика и тѣмъ себя воспрославилъ! Изъ-за тысячи верстъ прискакаль, сколько прогоновъ и порціоновъ извель — и первымъ дѣломъ Чижика сѣѣль... ахъ! Мальчишки на школьныхъ скамьяхъ будутъ знать! И дикий тунгузъ, и сынъ степей калмыкъ—всѣ будутъ говорить: майора Топтыгина послали супостата покорить, а онъ, вмѣсто того, Чижика сѣѣль! Вѣдь у него, у майора, у самого дѣти въ гимназію ходятъ! До сихъ поръ ихъ майорскими дѣтьми величали, а напредки проходу имъ школяры не дадутъ, будутъ кричать: Чижика сѣѣль! Чижика сѣѣль! Сколько потребуется генеральныхъ кровопролитіевъ учинить, чтобы юную пакость загладить! Сколько народу ограбить, разорить, загубить!

Мечется Топтыгинъ, ночей не спить, докладовъ не принимаетъ, все обѣ одномъ думаетъ: «ахъ, что-то Осель обѣ моей майорской проказѣ скажетъ!»

И вдругъ, словно сонъ въ руку, предписаніе отъ Осла: «До свѣтлія его высокостепенства господина Льва дошло, что вы внутреннихъ враговъ не усмирили, а только Чижика сѣѣли—правда ли?»

Пришло сознаваться. Показался Топтыгинъ, написалъ рапортъ и ждетъ. Разумѣется, никакого иного отвѣта и быть не могло, кроме одного: «дуракъ! Чижика сѣѣть!» По частнымъ образомъ Осель далъ виноватому знать (мѣдвѣдь-то ему кадочку съ медомъ въ презентъ при рапортѣ отослали): «непремѣнно вамъ нужно особли-

вое кровопролитие учинить, дабы гнусное оно впечатлённе истребить...»

— Коли за этимъ дѣло стало, такъ я еще репутацію свою поправлю!—молвилъ Михайло Иванычъ, и сейчасъ же напалъ на стадо барановъ и всѣхъ до единаго перерѣзаль. Потомъ бабу въ малинникѣ поймалъ и лукошко съ малиной отнялъ. Потомъ стала корни и нити разыскивать, да кстати цѣлый лѣсъ основъ выворотилъ. Наконецъ, забрался ночью въ типографію, станки разбилъ, шрифтъ смѣшалъ, а произведенія ума человѣческаго въ отхожую яму свалилъ.

Сдѣлавши все это, сѣль, бездѣльникъ, на карточки и ждѣть поощренія.

Однако ожиданія его не сбылись.

Хотя Осель, воспользовавшись, первымъ же случаемъ, подвиги Топтыгина въ лучшемъ видѣ расписаль, но Левъ не только не наградилъ его, но собственнолично на Ословомъ докладѣ сбоку нацарапалъ: «не верю, штонъ сей офицеръ храбръ былъ; ибо это тотъ самый Таштыгинъ, который маво любимова Чижика сіель!»

И приказалъ отчислить его по инфантеріи.

Такъ и остался Топтыгинъ 1-й майоромъ навѣкъ. А если-бы онъ прямо съ типографій началь, — быть бы ему теперь подполковникомъ.

II. Топтыгинъ 2-й.

Но бываетъ и такъ, что даже блестящія злодѣянія въ прокъ не идутъ. Плачевный примѣръ этому суждено было представить другому Топтыгину.

Въ то самое время, когда Топтыгинъ 1-й отличался въ своей трущобѣ, въ другую такую же трущобу послалъ Левъ другого воеводу, тоже майора и тоже Топтыгина. Этотъ былъ умнѣе своего тезки и, чтò всего важнѣе, понималъ, что въ дѣлѣ административной репутаціи отъ первого шага зависитъ все будущее администратора. Поэтому, еще до получения прогонныхъ денегъ, онъ зрею обдумалъ свой планъ кампаніи и тогда только побѣжалъ на воеводство.

Тѣмъ не менѣе, карьера его была еще менѣе продолжительна, нежели Топтыгина 1-го.

Главнымъ образомъ, онъ разсчитывалъ на то, что какъ пріѣдетъ на мѣсто, такъ сейчасъ же разорить типографію: это и Осель ему совѣтовалъ. Оказалось, однако-жъ, что во

ввѣренной ему трущобѣ ни одной типографіи нѣть; хотя же старожилы и припоминали, что существовалъ нѣкогда— вонъ подъ той сосной—казенный ручной станокъ, который лѣсные куранты тискаль, но еще при Магницкомъ этоъ станокъ былъ публично сожженъ, а оставлено было только цензурное вѣдомство, которое возложило обязанность, исполнявшуюся курантами, на скворцовъ. Послѣднєе каждое утро, летая по лѣсу, разносili политическія новости дня, и никто отъ того никакихъ неудобствъ не ощущалъ. Затѣмъ известно было еще, что дятель на древесной корѣ, не переставающи, пишетъ «Исторію лѣсной трущобы», но и эту кору, по мѣрѣ начертанія на ней письменъ, точили и растаскивали воры-муравы. И такимъ образомъ лѣсные мужики жили, не зная ни прошедшаго, ни настоящаго и не заглядывая въ будущее. Или, другими словами, слонялись изъ угла въ уголъ, окутанные мракомъ временъ.

Тогда майоръ спросилъ, нѣть ли въ лѣсу, по крайней мѣрѣ, университета или хоть академіи, дабы ихъ спалить; но оказалось, что и тутъ Магницкій его намѣренія предвосхитилъ: университетъ въ полномъ составѣ поверсталъ въ линейные батальоны, а академиковъ заточилъ въ дупло, гдѣ они и поднесъ въ летаргическомъ снѣ пребываютъ. Разсердился Топтыгинъ и потребовалъ, чтобы къ нему привели Магницкаго, дабы его растерзать (*«similia similibus curantur»*), но получилъ въ отвѣтъ, что Магницкій, волею Божіей, погре.

Нечего дѣлать, потужилъ Топтыгинъ 2-й, но въ уныніе не впалъ. «Коли душу у нихъ, у мерзавцевъ, за неимѣніемъ, погубить нельзя,—сказалъ онъ себѣ:—стало-быть, прямо за шкуру приниматься надо!»

Сказано—сдѣлано. Выбралъ онъ ночку потемнѣе и забрался во дворъ къ сосѣднему мужику. По очереди, лошадь задралъ, корову, свинью, пару овецъ, и хоть знаетъ, негодай, что ужъ въ лоскъ мужичка разорилъ; а все ему мало кажется. «Постой, говорить, я у тебя дворъ по бревну раскатаю, навѣки тебя съ сумой цѣ-міру пущу!» И, сказавши это, полѣзъ на крышу, чтобы злодѣйство свое выполнить. Только не разсчиталъ, что матица-то гнилая была. Какъ только онъ на нее ступилъ, она взъими да и провалилась. Повисъ майоръ на воздухѣ; видѣть, что неминучее дѣло обѣ землю грохнуться, а ему не хочется. Облапилъ обломокъ бревна и заревѣль.

Сбѣжались на ревъ мужики, кто съ коломъ, кто съ топоромъ, а кто и съ рогатиной. Куда ни обернутся кругомъ—

вездѣ погромъ. Загородки поломаны, дворъ раскрыть, въ хлѣвахъ лужи крови стоять. А посреди двора и самъ ворогъ висить. Взорвало мужиковъ.

— Ишь, анаæема! передъ начальствомъ выслужиться захотѣль, а мы черезъ это пропадать должны! А нутко-то, братцы, уважимъ его!

Сказавши это, поставили рогатину на то самое мѣсто, гдѣ Топтыгину упачь надлежало, и уважили. Затѣмъ содрали съ него шкуру, а стерво вывезли въ болото, гдѣ къ утру его расклевали хищныя птицы.

Такимъ образомъ, явилась новая лѣсная практика, которая установила, что и блестящія злодѣйства могутъ имѣть послѣдствія не менѣе плачевныя, какъ и злодѣйства срамныя.

Эту вновь установившуюся практику подтвердила и лѣсная Исторія, присовокупивъ, для вящей вразумительности, что принятное въ историческихъ руководствахъ (для среднихъ учебныхъ заведеній издаваемыхъ) подраздѣленіе злодѣйствъ на блестящія и срамныя упраздняется навсегда, и что отнынѣ всѣмъ вообще злодѣйствамъ, каковы бы ни были ихъ размѣры, присвоется наименование «срамныхъ».

По докладу о семь Осла, Левъ собственнолично на ономъ нацарапалъ такъ: «О приговорѣ Исторіи дать знать майору Топтыгину З-му: пускай изворачивается».

III. Топтыгинъ З-й.

Третій Топтыгинъ былъ умнѣе своихъ тезоименитыхъ предшественниковъ. «Дѣло-то выходитъ бросовое! — сказалъ онъ себѣ, прочитавъ резолюцію Льва: — мало напакостишь — поднимуть на смѣхъ; много напакостишь — на рогатину поднимуть... Полно, ехать ли ужъ?»

Спрашивалъ онъ рапортомъ у Оsla: «ежели-де ни большія, ни малыя злодѣянія совершать не разрѣшаются, то нельзѧ ли хоть среднія злодѣянія совершать?» — но Оセルъ отвѣтилъ уклончиво: «всѣ-де нужныя по сему предмету указанія вы найдете въ лѣсномъ уставѣ». Заглянулъ онъ въ лѣсной уставъ, но тамъ обо всемъ говорилось: и о пушной подати, и о грибной, и объ ягодной, даже объ шишкахъ еловыхъ, а о злодѣяніяхъ — молчокъ! И затѣмъ, на всѣ его дальнѣйшія докуки и настоянія, Оセルъ отвѣчалъ съ одинаковою загадочностью: «дѣйствуйте по пристойности!»

— Вотъ до какого мы времени дожили, — ропталъ Топты-

тинъ 3-й:—чинъ на тебя большой накладывают, а какими злодѣйствами его подтвердить—не указывают!

И опять мелькнуло у него въ головѣ: «полно, ъхать ли?» и если-бѣ не вспомнилось, какая уйма подъемныхъ и прогонныхъ денегъ для него въ казначействѣ принасена, право, кажется, не побѣхаль бы!

Прибыль онъ въ трущобу на своихъ на двоихъ очень скромно. Ни официальныхъ пріемовъ не назначилъ, ни докладныхъ дней, а прямо ѿркнулъ въ берлогу, засунулъ лапу въ хайло и залегъ. Лежитъ и думаетъ: «даже съ зайца шкуру содратъ нельзя—и то, пожалуй, за злодѣйство сочтутъ! И кто сочтеть? добро бы Левъ или Осель—это бы куда ни шло! — а то мужики какіе-то. Да Исторію еще какую-то нашли—вотъ ужъ подлинно ис-то-рі-я! Хочется Топтыгинъ въ берлогѣ, про Исторію вспоминаючи, а на сердцѣ у него жутко: чуешь онъ, что самъ Левъ Исторіи боится... Какъ тутъ будешь лѣсную сволочь подтягивать— и ума приложить не можетъ. Спрашиваются съ него много, а разбойничать не велять! Въ какую бы сторону онъ ни устремился, только что разбѣжится — стой, погоди! не въ свое мѣсто забѣхаль! Бездѣ «права» завелись. Даже у бѣлки, и у той нынче права! Дробину тебѣ въ носъ — вотъ какія твои права! У *нихъ* — права, а у него, вишь, обязанности! Да и обязанностей-то настоящихъ нѣтъ — просто пустое мѣсто! *Они* — другъ друга поѣдомъ ъдятъ, а онъ—задрать никого не смѣеть! На чѣ похоже! А все Осель! Онъ, именно онъ мудрить, онъ эту канитель разводить! «Кто осла дивія быстра содѣлалъ? узы ему кто разрѣшилъ?»— Вотъ обѣ чемъ нужно бы ему всесасно помнить, а онъ обѣ «правахъ» мычитъ! «Дѣйствуйте по пристойности!»—ахъ!

Долго онъ такимъ образомъ лапу сосаль и даже настоящимъ образомъ въ управлениѣ вѣренной ему трущобой не вступалъ. Пробовалъ онъ однажды обѣ себѣ «по пристойности» заявить, вѣзъ на самую высокую сосну и оттуда не своимъ голосомъ рявкнулъ, но и отъ этого пользы не вышло. Лѣсная сволочь, давно не видя злодѣйства, до того обнаглѣла, что, услышавши его ревъ, только молвила: «чу, Мишка реветь! гляди, что лапу во сиѣ прокусилъ!» Съ тѣмъ и отѣхаль Топтыгинъ 3-й опять въ берлогу...

Но повторяю: онъ былъ медвѣдь умный и не затѣмъ въ берлогу залегъ, чтобы въ бесплодныхъ сѣтованіяхъ изнывать, а затѣмъ, чтобы до чего-нибудь настоящаго додуматься.

И додумался.

Дѣло въ томъ, что покуда онъ лежалъ, въ лѣсу все само собой установленыи порядкомъ шло. Порядокъ этотъ, конечно, нельзя было назвать вполнѣ «благополучнымъ», но вѣдь задача воеводства совсѣмъ не въ томъ состоять, чтобы достигать какого-то мечтательного благополучія, а въ томъ, чтобы изстари заведенный порядокъ (хотя бы и не благополучный) отъ поврежденій оберегать и ограждать. И не въ томъ, чтобы какія-то большія, среднія или малыя злодѣйства устраивать, а довольствоваться злодѣйствами «натуральными». Ежели изстари повелось, что волки съ зайцевъ пшкуру дерутъ, а коршуны и совы воронъ оципываютъ, то, хотя въ такомъ «порядкѣ» ничего благополучнаго неѣть, но такъ какъ это все-таки «порядокъ» — стало быть, и слѣдуетъ признать его за таковой. А ежели при этомъ ни зайцы, ни вороны не только не ропщутъ, но продолжаютъ плодиться и населять землю, то это значитъ, что «порядокъ» не выходитъ изъ опредѣленныхъ ему исконніи границъ. Неужели и этихъ «натуральныхъ» злодѣйствъ недостаточно?

Въ данномъ случаѣ, все именно такъ происходило. Ни разу лѣсь не измѣнилъ той физіономіи, которая ему приличествовала. И днемъ, и ночью онъ гремѣлъ миллионами голосовъ, изъ которыхъ одни представляли агонизирующій вопль, другіе — побѣдный кликъ. И наружные формы, и звуки, и свѣто-тѣни, и составъ населенія — все представлялось неизмѣннымъ, какъ бы застывшимъ. Словомъ сказать, это былъ порядокъ, до такой степени установленившій и прочный, что при видѣ его даже самому лютому, рьяному воеводѣ не могла прийти въ голову мысль о какихъ-либо увѣичательныхъ злодѣйствахъ, да еще «подъ личною вашею степенностью».

Такимъ образомъ, передъ умственнымъ взоромъ Топтыгина З-го вдругъ выросла цѣлая теорія неблагополучнаго благополучія. Выросла со всѣми подробностями и даже съ готовой провѣркой на практикѣ. И вспомнилось ему, какъ однажды, въ дружеской бесѣдѣ, Осель говорилъ:

— Объ какихъ это вы все злодѣйствахъ допрашиваете? Главное въ нашемъ ремеслѣ — это: *laissez passer, laissez faire!* Или, по-русски выражаясь: дуракъ на дуракѣ сидѣть и дуракомъ погоняется! Вотъ вамъ. Если вы, мой другъ, станете этого правила держаться, то и злодѣйство само собой стѣлается, и все у васъ будетъ обстоять благополучно!

Такъ оно именно по его и выходитъ. Надо только сидѣть и радоваться, что дуракъ дурака дуракомъ погоняетъ, а все остальное приложится.

— Я даже не понимаю, зачѣмъ воеводъ посылаютъ! вѣдь и безъ нихъ... слиберальничаль-было майоръ, но, вспомнивъ о присвоенномъ ему содержаніи, замялъ нескромную мысль:—ничего, ничего, молчаніе...

Съ этими словами онъ перевернулся на другой бокъ и рѣшился выходить изъ берлоги только для получения присвоенного содержанія. И затѣмъ все пошло въ лѣсу какъ по маслу. Майоръ спаль, а мужики приносили поросать, куръ, меду и даже сивухи, и складывали свои дани у входа въ берлогу. Въ указанные часы майоръ просыпался, выходилъ изъ берлоги и жралъ.

Такимъ образомъ пролежалъ Топтыгинъ 3-й въ берлогѣ многие годы. И такъ какъ неблагополучные, но вожделѣнныя лѣсные порядки ни разу въ это время нарушены не были, и такъ какъ никакихъ при этомъ злодѣйствъ, кромѣ «натуральныхъ», не производилось, то и Левъ не оставилъ его милостью.. Сначала произвелъ въ подполковники, потомъ въ полковники и наконецъ...

Но тутъ явились въ трущобу мужики-лукаши, и вышелъ Топтыгинъ 3-й изъ берлоги въ поле. И постигла его участь всѣхъ пушныхъ звѣрей.

30. — Мала рыбка, а лучше большого таракана (Вяленая вобла).

Воблу поймали, вычистили внутренности и вывѣсили изъ веревочки на солнце: пускай провялится. Повисѣла вобла денекъ-другой, а на третій у ней и кожа на брюхѣ сморщилась, и голова подсохла, и мозгъ, какой въ головѣ былъ, вывѣтрялся, дряблый сѣвался.

И стала вобла жить да поживать *).

— Хорошо теперь мнѣ,—говорила вяленая вобла:—ни лишнихъ мыслей, ни лишнихъ чувствъ, ни лишней совѣсти—ничего у меня не будетъ! Все лишнее вывѣтрили, вычистили и вывалили, и буду я свою линію полегоньку да потихоньку вести!

*) Я знаю, что въ натурѣ этого не бываетъ, но такъ какъ изъ сказки слова не выкинешь, то, видно, быть этому дѣлу такъ. Адм.

Что бывають на свѣтѣ лишнія мысли, лишняя совѣсть, лишнія чувства — обѣ этомъ, еще живучи на волѣ, вобла слышала. И никогда, признаться, не завидовала тѣмъ, которые такими излишками обладали. Отъ рожденія она была вобла степенная, не въ свое дѣло носа не совала, за «лишнимъ» не гналась, въ эмпиреяхъ не витала и неблагонадежныхъ компаний удалялась. Еще гдѣ, бывало, заслышишь, что пискари о конституціяхъ болтаютъ — сейчасъ нальво кругомъ и подъ лопухъ склонится. Однако же и за всѣмъ тѣмъ не безъ страха жила, потому что неровенъ часть, вдругъ... «Мудреное нынче время! — думала она: — такое мудреное, что и невинный за виноватаго какъ разъ сойдется! Начнуть-это шарить, а ты *около* гдѣ-нибудь спряталась—ань и *около* пошарять! Гдѣ была? по какому случаю? какимъ манеромъ? — Господи, спаси и помилуй!» Стало-быть, можете себѣ представить, какъ она была рада, когда ее изловили и всѣ мысли и чувства у ней выхолостили!

«Теперь милости просимъ! — торжествовала она: — когда угодно и кто угодно! теперь у меня всѣ доказательства на лицо!»

Что именно разумѣла вяленая вобла подъ названиемъ «лишнихъ» мыслей и чувствъ — мнѣ неизвѣстно; но что, действительно, на нашихъ глазахъ много лишняго завелось — съ этимъ и я не согласиться не могу. Сущности этого лишняго никто еще не называлъ по имени, но всякий смутно чувствуетъ, что куда ни обернись — вездѣ какой-то привѣсокъ выглядываетъ. И хоть ты чтѣ хочешь, а надобно это привѣсокъ или въ разсчетъ принять, или такъ его обойти, чтобы онъ и не подумать, что его надуваютъ. Все это порождаетъ тьму новыхъ заботъ, осложненій и беспокойствъ вообще. Хочется, по-старинному, прямикомъ пройти, ань прямикъ буреломомъ завалило, промоинами исковеркало — ну, и ступай за семь верстъ киселя ъсть. Всякій парткулярный человѣкъ нынче эту тягость сознаеть, а какое для начальства отъ того отягощеніе — этого ни въ сказкѣ сказать, ни первомъ описать. Штаты-то старинные, а дѣла-то новыя; да и въ штатахъ-то въ самыхъ ужъ привѣски завелись. Прежде у чиновника-то чугунная поясница была: какъ сѣль на мѣсто въ десять часовъ утра, такъ и не встаетъ до четырехъ — все служить! А нынче придется онъ въ часъ, ужъ позавтракавши; часъ папироску курить, часы куплеты напѣвать, а остальное время — около столовъ колобродить. И тайны канцелярской совсѣмъ не держитъ.

Начнетъ одно дѣло перелистывать — «посмотрите, какой курьезъ!» — за другое возьмется: «глядите! вѣдь это — отдаи все да и мало!» Набереть курьезовъ съ три короба, да къ Палкину обѣдать. А какъ ты удержишъся, чтобы курьезомъ стѣнъ Палкина трактира не огласить! Да ежели, я вамъ доложу, за каждую канцелярскую нескромность будетъ каторга обѣщана, такъ и тогда отъ нескромностей не уйти!

Спрашивается: съ кѣмъ же тутъ начальству подняться! У всѣхъ есть пособники, а у него нѣть; у всѣхъ есть укрыватели, а у него нѣть! Какъ тутъ остановить напывъ «лишняго» въ партикулярномъ мірѣ, когда въ своей собственной цитадели, куда ни вскинь глазами — вездѣ «лишнее» такъ и хлещетъ черезъ край!

Нѣть, какъ хотите, а надо когда-нибудь эти привѣски счастье, да и присмотрѣться къ нимъ. Узнать: откуда они пришли? зачѣмъ? куда пролѣзть хотятъ?

Очень, впрочемъ, возможно, что воблѣ эти вопросы и на умъ совсѣмъ не приходили. Однако повторяю: и она, вмѣстѣ съ прочими, когда на волѣ жила, чувствовала, что отъ привѣсковъ ей мать. И только тогда, когда ее на солнцѣ хорошенъко провялило и вывѣтрило, когда она убѣдилась, что внутри у нея ничего не осталось — только тогда она ободрилась и сказала себѣ: «ну, теперь мнѣ на все наплевать!»

И точно: теперь она, противъ прежняго, сдѣлалась куда солиднѣе и благонадежнѣе. Мысли у неї — резонныя, чувства — никого не задѣвающія, совѣсти — на мѣдный пятачъ. Сидѣть себѣ съ краю и говоритъ, какъ пишеть. По улицѣ пойдетъ, встрѣтится съ кѣмъ-нибудь — откровенно мнѣніе свое выскажетъ и всѣхъ основательностью восхитить. Не рвется, не мечется, не протестуетъ, не клянеть, а резонно объ резонныхъ дѣлахъ калякаетъ. О томъ, что тише ъдешь, дальше будешь, что маленькая рыбка лучше, чѣмъ большой тараканъ, что поспѣшишь — людей насмѣшишь и т. п. А всего больше о томъ, что уши выше лба не растутъ.

— Ахъ, воблушки! какъ ты скучно на бобахъ разводишь! точно тебя тошнить! — воскликнетъ собесѣдникъ, ежели онъ изъ свѣженѣкихъ.

— И всѣмъ скучно сначала, — стыдливо отвѣтить воблушки. — Сначала — скучно, а потомъ — хорошо. Вотъ какъ поживешь на свѣтѣ, тогда и объ воблушки вспомнишь, скажешь: спасибо, что уму-разуму учила!

Ла нельзя и не сказать спасибо, потому что, ежели по правдѣ разсудить, такъ именно только одна воблушкица въ настоящую центропопада. Бываютъ такія обстановочки, когда подлинного ума-разума и слыхомъ не слыхать, а есть только воблушкинъ умъ-разумъ. Люди ходятъ какъ сонные, ни къ чему приступиться не умѣютъ, ничему не радуются, ни о чёмъ не печалятся. И вдругъ въ ушахъ раздается убаюкивающій шопотъ: потихоньку да полегоньку, двухъ смертей не бывать, одной не миновать... Это она, это воблушкица шепчетъ! Спасибо тебѣ, воблушкица! правду ты молвила: двухъ смертей не бывать, а одна искони за плечами ходить!

Не явись на выручку воблушкица, одно бы оставалось—пропасть. Но она не только на убѣжище указала, а цѣльную цитадель создала. Вотъ ужъ тамъ-то все шито да крыто, тамъ-то ужъ ни о какихъ привѣскахъ и слыхомъ не слыхать! Есть захотѣлось—быть! спать вздумалось—спи! Ходи, сиди, калякай! Къ этому и привѣстить-то ничего нельзѧ. Ты никого не тронешь, и тебя никто не тронетъ. Спите, други, почивайте!

— И откуда у тебя, воблушкица, такая ума палата?— спрашиваютъ ее благодарные пискари, которые, по милости ея совѣтовъ, цѣлы остались.

— Отъ рожденія Богъ меня разумомъ наградилъ,— скромно отвѣчаетъ воблушкица:—а сверхъ того, и во время вяленья мозгъ у меня въ головѣ вывѣтился... Съ тѣхъ поръ и начала я умомъ раскидывать...

И дѣйствительно: покуда наивные люди въ эмпиреяхъ витаютъ, воблушкица только умомъ раскидываетъ и тѣмъ пользу приносить. Никакія клеветы, никакое человѣконенавистничество, никакія змѣиные передовыя статьи не дѣйствуютъ такъ воспитательно, какъ дѣйствуетъ скромный воблушкинъ примѣръ. «Уши выше лба не растутъ!»—вѣдь это то самое, о чёмъ древніе римляне говорили: *respice finem!* Только болѣе ко двору.

Хороша клевета, а человѣконенавистничество еще того лучше, но они такъ сильно въ носъ бываютъ, что не всякой простецѣ вмѣстить ихъ можетъ. Все кажется, что одна половина тутъ наподленѣ, а другая—налганѣ. А главное, конца краю не видишь. Слушаешь или читаешь и все думаешь: ловко-то ловко, да чтѣ же дальше?—а дальше опять клевета, опять ядъ... Вотъ это-то и смущаетъ. То ли дѣло скромная воблушкина резонность? «Ты никого не тронь—и тебя никто не тронетъ!»—вѣдь это цѣлая поэма! Тускленька, правда, эта пресловутая резонность, но посмотрите,

какъ цѣнко она человѣка нащупываетъ, какъ аккуратно его обшлифовываетъ! Когда клевета поизмучаетъ, да хлѣвный ядъ одурманитъ, когда человѣкъ почувствуетъ, что нѣтъ во всемъ его организмѣ мѣста, которое бы не иило, а въ душѣ нѣтъ иного ощущенія, кромѣ безграничной тоски,—вотъ тогда-то и выступаетъ воблушки съ своими скромными афоризмами. Она безшумно подкрадывается къ искалеченному и без болѣзни додурманиваетъ его. И, приведя его къ стѣнѣ, говорить: «Вонъ сколько каракуль тамъ написано—это для тебя занятіе! Всю жизнь разбирай—всего не разберешь!»

Смотри на эти каракули, и ежели есть охота—доискайся ихъ смысла. Тутъ все въ одно мѣсто скучено: и завѣты прошлаго, и ядъ настоящаго, и загадки будущаго. И надъ всѣмъ легъ густой слой всякаго рода грязи, погадокъ, венихихъ потоковъ и слѣдовъ непогоды.

Все это отлично поняла вяленая вобла, или, лучше сказать, не сама поняла, а принесъ ей это пониманіе толь процессъ вяленія, сквозь который она прошла. Всѣ поприща поочередно открывались передъ ней, и на всякомъ она службу сослужила. Вездѣ она свое слово сказала, слово пустомысленное, бросовое, но именно какъ разъ такое, какого, по обстоятельствамъ, лучше не надо.

Затесавшись въ ряды бюрократіи, она паче всего на округлениі періодовъ настаивала. Безъ округления, резонно утверждала воблушки, никакъ слѣды замести нельзя. На свѣтѣ существуетъ множество всякихъ словъ, но самыя опасныя изъ нихъ—это слова прямыя, настоящія. Никогда не нужно настоящихъ словъ говорить, потому что изъ-за нихъ изъяны выглядываютъ. А ты пустопорожнее слово возьми, да и начинай имъ кружить. И кружи, и кружи; и съ одной стороны загляни, и съ другой забѣги; умѣй «къ сожалѣнію сознаться» и въ то же время не ослабѣвающи уповай; соплись на духъ времени, но не упсакай изъ вида и разнудзданности страстей. Тогда изъяны стущаются сами собой, а останется одна воблушкина правда. Та вожделѣнная правда, которая помогаетъ нынѣшній день пережить, а объ завтрашнемъ—не загадывать.

Забралась вяленая вобла и въ ряды «излюбленныхъ»—и тутъ службу сослужила. По началу, излюбленные довольно-таки гордо себя повели: мы-ста, да вы-ста... повергнуть наши умныя мысли на усмотрѣніе! Только и словъ. А воблушки сидитъ себѣ скромненько въ углу и думаетъ

про себя: ладно! моя рѣчъ еще впереди. И дѣйствительно: разъ повергли, въ другой — повергли, въ третій — опять было повергнуть собрались, да концовъ съ концами свести не могутъ. Вотъ тутъ-то воблушки и оказала себя. Выждала минутку, когда у всѣхъ въ горлѣ пересохло, и говорить: «Повергать, говорить, мы только тогда можемъ, коли нась спрашиваютъ, а ежели не спрашиваютъ, то должны мы сидѣть смирно и получать присвоенное содержаніе». — Какъ такъ? почему? — «А потому, говорить, что такъ изстари заведено: коли спрашиваютъ — повергай! а не спрашиваютъ — сиди и памятуй, что выше лба уши не растутъ!» И вдругъ отъ этихъ простыхъ воблушкиныхъ словъ у всѣхъ словно пелена съ глазъ упала!

— Откуда у тебя такая ума палата? — обступили ее со всѣхъ сторонъ: — вѣдь кабы не ты, мы, навѣрное бы, съ Макаромъ телять не гоняющимъ познакомились!

А воблушки скромно радовалась своему подвигу и объясняла:

— Отъ того я такъ умна, что своевременно меня провалили. Съ тѣхъ поръ меня точно свѣтъ осиялъ: ни лишнихъ чувствъ, ни лишнихъ мыслей, ни лишней совѣсти — ничего во мнѣ нѣтъ.

— Правильно! — согласились излюбленные люди и тутъ же разъ навсегда постановили: — коли спрашиваютъ — повергай! а не спрашиваютъ — сидѣть и получать присвоенное содержаніе...

Пробовала вяленая вобла и заблужденія человѣческія судить — и тоже хорошо у ней вышло. Тутъ она нагляднымъ образомъ доказала, что ежели лишнія мысли и лишнія чувства безъ нужды осложняютъ жизнь, то лишняя совѣсть и тѣмъ паче не ко двору. Лишнія совѣсть наполняетъ сердца робостью, останавливаетъ руку, которая готова камень бросить, шепчетъ судѣ: провѣрь самого себя! А ежели у кого совѣсть, вмѣстѣ съ прочей требухой, изъ нутра вычистили, у того всегда камней — полна пазуха. Смотритъ себѣ вяленая вобла, не сморгнувши, на заблужденія человѣческія и зная себѣ камешками пошвыриваетъ. Каждое заблужденіе у ней подъ нумеромъ значится, и противъ каждого камешекъ припасенъ — тоже подъ нумеромъ. Остается только нелицепріятную бухгалтерію вести. Око за око, нумеръ за нумеръ. Ежели слѣдуетъ искалѣчить полностью — полностью искалѣчъ. Ежели слѣдуетъ искалѣчить въ частности — искалечъ частицу. И такъ она свою резонностью всѣмъ

поправилась, что про совѣсть скоро никто и вспомнить безъ смѣха не могъ...

Но больше всего была богата послѣствіями добровольческая воблушкина дѣятельность по распространенію здравыхъ мыслей въ обществѣ. Съ утра до вечера неуставающи ходила она по градамъ и весамъ, и все одну пѣсню пѣла: не рости ушамъ выше лба! не рости! И не то, чтобы съ азартомъ пѣла, а солидно, разсудительно, такъ что и разсердиться на нее было не за что...

Надо сказать, впрочемъ, правду: обществу, къ которому обращались поученія воблы, не представляло особенной устойчивости. Были въ немъ и убѣжденные люди, но болѣе преобладалъ пестрый человѣкъ.

Убѣжденные люди надрывались, мучались, метались, вопрошали и, вмѣсто отвѣта, видѣли передъ собой заперту дверь. Пестрые люди слѣдили въ недоумѣніи за ихъ потугами и въ то же время ощущали присутствіе желѣзного кольца, которое съ каждымъ днемъ все больше и больше стягивалось. Кто-то наскѣ выручить? кто-то подходящее слово скажетъ? ежемгновенно тосковали они, озираясь кругомъ.

При такихъ условіяхъ обыкновенно настуаетъ короткій періодъ задумчивости: пестрые люди уже рѣшились, но, для начала, еще стыдятся. Затѣмъ пестрая масса начинаетъ мало-по-малу волноваться. Больше, больше — и вдругъ вспль: не растуть уши выше лба, не растутъ!

Общество отрезвилось. Происходитъ процессъ ноголовнаго освобожденія отъ лишнихъ мыслей, лишнихъ чувствъ и лишней совѣсти. Это зрѣлище до такой степени умилительное, что даже клеветники и человѣконенавистники на времена умолкаютъ. Они вынуждены сознаться, что простая вобла, съ проваленными молоками и вывѣтревшимся мозгомъ, совершила такія чудеса отрезвленія, о которыхъ они и гадать не смѣли.

Но — увы! — этому скромному торжеству быть суждень скорый и немилостивый конецъ. Не успѣло оно достигнуть своего аналога, какъ человѣконенавистничество уже проэрѣло. Оно понятно, что ежели будетъ принять воблушкинъ методъ мирнаго приведенія рода человѣческаго въ осталбеніе, то въ кознодѣйствіяхъ его не встрѣтится больше надобности. Что зданіе сваръ, лжи и клеветъ, съ такими усилиями воздвигнутое, окажется стоящимъ на пескѣ и рухнетъ само собой...

Тревожимые опасеніями, злопамятные открыли походъ.

— Прекрасно,—говорили они:—мы съ удовольствиемъ допускаемъ, что общество отрезвилось, что химера упразднена, а на мѣсто ея вступила въ свои права здоровая, неподкрашенная жизнь. Но надолго ли? но прочно ли наше отрезвленіе—вотъ въ чёмъ вопросъ. Въ этомъ смыслѣ мирный характеръ, который озnamеновалъ процессъ нашего возрожденія, наводить на очень серьезныя мысли. До сихъ поръ мы знали, что заблужденія не такъ-то легко полагаютъ ружіе даже передъ очевидностью совершившихся фактovъ, а тутъ вдругъ, нежданно-негаданно, благодаря авторитету пословицы—положимъ, благонамѣренной и освященной вѣковымъ опытомъ, но все-таки не болѣе какъ пословицы—является радикальное и повсемѣстное отрезвленіе! Полно, такъ ли это? искренно ли состоявшееся на нашихъ глазахъ обращеніе? не представляется ли оно искуснаго компромисса или временнаго *modus vivendi*, допущенного для отвода глазъ? И нѣть ли въ самыхъ приемахъ, которыми сопровождалось возрожденіе, признаковъ того легковѣснаго либерализма, который, избѣгая такія испытанныя средства, какъ сковыя рукавицы, мечтаетъ кроткими мѣрами разогнать тяготѣющую надъ нами хмару? Не забывается ли при этомъ слишкомъ легко, что общество наше есть не что иное, какъ разношерстный и безхарактерный агglomerатъ всевозможныхъ вѣяній и наслоеній, и что съ успѣхомъ дѣйствовать на этотъ агglomerатъ можно лишь тогда, когда разнообразные элементы, его составляющіе, предварительно приведены къ одному знаменателю?

Нѣкоторое время, впрочемъ, эта инсинуація оказывала только дѣйствія. Слишкомъ уже явную услугу оказала вобушка, чтобы можно было легко потрясти ея авторитетъ. По милости ея, былъ найденъ настоящій, здоровый тонъ жизни, который сейчасъ же усвоили, сначала въ салонахъ, потомъ въ трактирахъ, потомъ... Дамочки радовались и говорили: теперь у насъ балы начнутся. Гостинодворцы развертывали матеріи и ожидали оживленія промышленности.

Но—увы!—балы кончились, и все шампанское, какое было въ трактирахъ, было за здоровье вобушки выпито... надо было идти дальше. Кромѣ торжествъ и ликований, предстояло еще нечто, о чёмъ въ пылу восторговъ не подумали. А именно: необходимо отыскивать «здоровое дѣло», къ которому можно было бы «здоровый тонъ» примѣнить.

И вотъ тутъ-то совершилось нѣчто необыкновенное.

Оказалось, что понятие объ дѣлѣ такъ смутно, что никто даже по имени не можетъ его назвать. Всѣ говорятъ: надо дѣло дѣлать, но какое—не знаютъ. А вобла похаживаетъ между тѣмъ среди возрожденной толпы и тоже ничего не знаетъ, и только самодовольно выкрикиваетъ: «не растуть уши выше лба! не растуть!»

— Помилуй, воблушки! да вѣдь это только «тонъ», а не «дѣло»,—возражаютъ ей:—дѣло-то какое предстоитъ—вотъ ты что скажи!

А кромѣ того, тутъ же сбоку выскочилъ и другой вопросъ: если настоящее дѣло, наконецъ, и откроется — кто его дѣлать будетъ?

— Вы, Иванъ Иванычъ, будете дѣло дѣлать?

— Гдѣ мнѣ, Иванъ Никифорычъ! Моя изба съ краю... вотъ развѣ вы...

— Чѣмъ вы! чѣмъ вы! развѣ я обѣ двухъ головахъ! вѣдь я, батюшка, не забыть...

И такимъ образомъ всѣ. У одного—изба съ краю, другой—не обѣ двухъ головахъ, третій—чего-то не забыть... Всѣ глядять, какъ бы въ подворотни проскочить, у всѣхъ сердце не на мѣстѣ и руки какъ плети...

«Уши выше лба не растуть!» — хорошо это сказано, сильно, а дальше чѣмъ? На стѣнѣ каракули читать?—и это хорошо, а дальше чѣмъ? Не шевельнуться, не пикнуть, не разсуждать?—прекрасно и это, а дальше чѣмъ?

И чѣмъ старательнѣе выводились логическая послѣдовательность, вытекающая изъ воблушкиной доктрины, тѣмъ чаще и чаще становился поперекъ горла вопросъ: а дальше чѣмъ?

Разумѣется, произошло колебаніе, которымъ и воспользовались клеветники и человѣконенавистники.

«Само по себѣ взятое,—говорили и писали они:—ученіе виленой воблы не только не заслуживаетъ порицанія, но даже можетъ быть названо вполнѣ благонадежнымъ. Но дѣло не въ доктринахъ и ея положеніяхъ, а въ тѣхъ приемахъ, которые употреблялись для ея осуществленія, и насчетъ которыхъ мы, съ самого начала, предостерегали тѣхъ, кому вѣдать о семъ надлежитъ. Пріемы эти были положительно негодны, какъ это уже и оказалось теперь. Они носили на себѣ клеймо того же паскуднаго либеральничанья, которое уже столько разъ приводило насъ на край бездны. Такъ что ежели мы еще не находимся на днѣ оной, то именно только благодаря здравому смыслу, искони лежавшему въ основаніи нашей жизни. Пускай же этотъ здравый смыслъ

и теперь сослужить намъ свою обычную службу. Пусть подскажетъ онъ всѣмъ, серьезно понимающимъ интересы своего отечества, что единственно-цѣлесообразный пріемъ, при помощи которого мы можемъ прийти къ какому-нибудь результату, представляютъ ежовыя рукавицы. Объ этомъ напоминаютъ намъ преданія прошлаго; о томъ же свидѣтельствуетъ смута настоящаго. Этой смуты не было бы и въ поминѣ, если-бы наши предостереженія были своевременно выслушаны и приняты во вниманіе. *Caveant consules!*—повторяемъ мы, и при этомъ прибавляемъ, для незнающихъ по-латыни, что въ русскомъ переводѣ выраженіе это значитъ: не зѣвай!»

Такимъ образомъ, оказалось, что хоть и провялили воблу, и внутренности у нея вычистили, и мозгъ вывѣтили, а все-таки въ концѣ-концовъ ей пришлось распоясываться. Распоясываться за то, что, вмѣстѣ съ лишними чувствами, лишило совѣтствомъ, изъ нея и понятіе объ ежовыхъ рукавицахъ вынотришили. Этого было вполнѣ достаточно, чтобъ изъ торжествующей она превратилась въ заподозрѣнную, изъ благонамѣренной—въ либералку. И въ либералку тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ благонадежнѣѣ была мысль, легшая въ основаніе ея пропаганды.

И вотъ, въ одно утро совершилось неслыханное злодѣяніе. Одинъ изъ самыхъ рьяныхъ клеветниковъ ухватилъ вяленую воблу подъ жабры, откусилъ у нея голову, содрали пикру и у всѣхъ на виду слопалъ...

Пестрые люди смотрѣли на это зрѣлище, плескали руками и вопили: «да здравствуютъ ежовыя рукавицы!» Но Исторія взглянула на дѣло иначе и втайне положила въ сердцѣ своемъ: довести обѣ этомъ до свѣдѣнія потомства.

31.—Орелъ-меценатъ.

Поэты много обѣ орлахъ въ стихахъ пишутъ, и всегда съ похвалой. И статьи у орла красоты неописанной, и взглядъ быстрый, и полетъ величественный. Онъ не летаетъ, какъ прочія птицы, а паритъ, либо ширяетъ; сверхъ того: глядѣть на солнце и спорить съ громами. А иные даже надѣляютъ его сердце великодушіемъ. Такъ что, ежели, напримѣръ, хотѣть воспѣть въ стихахъ городового, то непремѣнно сравниваютъ его съ орломъ. Подобно орлу, говорятъ,

городовой бяха № такой-то высмотрѣль, выхватить, и выслушавъ—простиль. Я самъ очень долго этимъ панегирикамъ вѣрилъ. Думалъ: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, красиво! Выхватить... простиль! Простиль?—вотъ что въ особенности измѣняло. Кого простиль?—мышь!! Чѣмъ такое мышь?! И я бѣжалъ впопыхахъ къ кому-нибудь изъ друзей-поэтовъ и сообщаю о новомъ актѣ великодушія орла. А другъ-поэтъ становился въ позу, съ минуту сопѣть, и затѣмъ его начинало тошнить стихами.

По однажды меня осенила мысль: съ чего же, однако, орель «простиль» мышь? Бѣжала она по своему дѣлу чрезъ дорогу, а онъ увидѣль, налетѣль, скоккаль и... простиль? Почему онъ «простиль» мышь, а не мышь «простила» его?

Дальше—больше. Сталъ я прислушиваться и приглядываться. Вижу: что-то тутъ не благополучно. Во-первыхъ—совсѣмъ не затѣмъ орель мышней ловить, чтобы ихъ прощать. Во-вторыхъ, ежели и допустить, что орель «простиль» мышь, то, право, было бы гораздо лучше, если-бъ онъ совсѣмъ ею не интересовался. И въ-третьихъ, паконецъ, будь онъ хоть орель, хоть архорель, все-таки онъ птица. До такой степени птица, что сравненіе съ нимъ и для городового можетъ быть лестно только по недоразумѣнію.

И теперь я думаю обѣ орлахъ такъ: орлы суть орлы, только и всего. Они хищны, плотоядны, но имѣютъ въ свое оправданіе, что сама природа устроила ихъ исключительно антивегетаріанцами. И такъ какъ они, въ то же время, сильны, дальновидки, быстры и безощадны, то весьма естественно, что при появлѣніи ихъ все пернатое царство спѣшить притаиться. И это происходитъ отъ страха, а не отъ восхищенія, какъ увѣряютъ поэты. А живутъ орлы всегда въ отчужденіи, въ неприступныхъ мѣстахъ, хлѣбосольствомъ не занимаются, но разбойничаютъ, и въ свободное отъ разбоя время дремлютъ.

Выискался однажды орель, которому опостылѣло жить въ отчужденіи. Вотъ и говорить онъ, однажды, своей орлицѣ:

— Скучно самъ-другъ съ глазу на глазъ жить. Смотришь цѣлый день на солнце—нида одурѣешь.

И началь онъ задумываться. Что больше думаетъ, то чаще и чаще ему мерещится: хорошо бы таѣтъ ножикъ,

какъ встарину помѣщики живали. Набралъ бы онъ дворню и зажилъ бы припѣвающи. Вороны бы сплетни ему переносили, попугай—кувыркались бы, сорока бы кашу варила, скворцы—величальная пѣсни бы пѣли, совы, сычи да филины по ночамъ дозоромъ летали бы, а ястребы, коршуны, да соколы пищу бы ему добывали. А онъ бы оставилъ при себѣ одну кровожадность. Думаль-думаль, да и рѣшился. Кликнуль однажды ястреба, коршуна да сокола, и говорить имъ:

— Соберите мнѣ дворню, какъ въ стариину у помѣщиковъ бывало; она меня утѣшать будетъ, а я ее въ страхъ держать стану. Вотъ и все.

Выслушали хищники этотъ приказъ и полетѣли во всѣ стороны. Закипѣло у нихъ дѣло не на шутку. Прежде всего, нагнали цѣлую уйму воронъ. Нагнали, записали въ ревизскія сказки и выдали окладные листы. Ворона—птица плодущая и на все согласная. Главнымъ же образомъ, тѣмъ она хороша, что сословіе «мужиковъ» представлять мастерица. А известно, что ежели готовы «мужички», то дѣло остается только за деталями, которыхъ уже ничего не стоитъ скомпановать. И скомпановали. Изъ коростелей и гагарь духовой оркестръ собрали; попугаевъ—скоморохами нарядили; сорокѣ-блѣлокѣ, благо воровка она, ключи отъ казны препоручили, сычей да филиновъ заставили по ночамъ дозоромъ летать. Словомъ сказать, такую обстановку устроили, что хоть какому угодно дворянину не стыдно. Даже кукушку не забыли, въ гадалки при орлицѣ опредѣлили, а для кукушкиныхъ сиротъ воспитательный домъ выстроили.

Но не успѣли порядкомъ дворовые штаты въ дѣйствіе ввести, какъ уже убѣдились, что есть въ нихъ какой-то пропускъ. Думали-думали, что бы такое было, и, наконецъ, догадались: во всѣхъ дворняхъ полагаются науки и искусства, а у орла нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Три птицы, въ особенности, считали этотъ пропускъ для себя обиднымъ: снегирь, дятель и соловей.

Снегирь быть малый пустрый и съ отроческихъ лѣтъ насвистанный. Воспитывался онъ первоначально въ школѣ кантонистовъ, потомъ служилъ въ полку писаремъ и, научившись ставить знаки препинанія, началь издавать, безъ предварительной цензуры, газету «Вѣстникъ лѣсовъ». Только никакъ приюровиться не могъ. То чего-нибудь коснется—ань касаться нельзя; то чего-нибудь не коснется—ань касаться не только можно, но и должно. А его за это въ

головку тукъ да тукъ. Вотъ онъ и замыслилъ: «пойду въ дворио къ орлу! Пускай онъ повелить безнаказанно славу его каждое утро возвѣщать!»

Дядель былъ скромный ученый, но вѣжъ строго уединенную жизнь. Ни съ кѣмъ никогда не видѣлся (многіе даже думали, что онъ заподозрятъ, какъ и всѣ серьезные ученые, пытать), но цѣлые дни сидѣлъ на сосновомъ сукѣ и все долбилъ. И надолбилъ онъ цѣлую охапку историческихъ изслѣдований: «Родословная лѣшаго», «Была ли замужемъ Баба-Яга», «Какимъ поломъ надлежитъ вѣдьмъ въ ревизскія сказки заносить?» и проч. Но сколько ни долбилъ, издателя для своихъ книжекъ найти не могъ. Поэтому и онъ надумалъ: «пойду къ орлу въ дворовые исторіографы! авось-либо онъ воронымъ изживеніемъ изслѣдованія мои отпечатаетъ!»

Что касается до соловья, то онъ на жизненные невзгоды пожаловаться не могъ. Прѣль онъ искони такъ сладко, что не только сосны стоеросовый, но и московскіе гостинодворцы, слушая его, умилялись. Весь міръ его любилъ, весь міръ, притаивъ дыханіе, заслушивался, какъ онъ, заравшись въ древесную чашу, сладкими пѣснями захлебывался. Но онъ былъ сладострастенъ и славолюбивъ выше всякой мѣры. Мало было ему вольной пѣсней по лѣсу гремѣть, мало огорченія сердца гармоніей звуковъ напоять... Думалось: орель ему на шею ожерелье изъ муравьевыхъ лицъ повѣсить, всю грудь живыми тараканами изукрасить, а орлѣца будетъ тайныя свиданія при лунѣ назначать...

Словомъ сказать, пристали всѣ три птицы къ соколу: доложи да доложи!

Выслушавъ орель соколиный докладъ о необходимости водворенія наукъ и искусствъ, и не сразу понялъ. Сидѣть себѣ да цыркаетъ, да когтями играетъ, а глаза у него, словно точеные камешки, глянцемъ на солнцѣ отливаютъ. Никогда онъ ни одной газеты не видывалъ; ни Бабой-Ягой, ни вѣдьмами не интересовался, а о соловѣѣ только одно слыхалъ: что эта птица малая, не стонѣть изъ-за нея клювъ марать.

— Ты, поди, не знаешь, что и Бонапартъ-то умеръ? — спросилъ соколь.

— Какой-такой Бонапартъ?

— То-то вотъ. А знать [объ этомъ не худо. Ужъ гости пріѣдутъ, разговаривать будутъ. Скажутъ: при Бонапартѣ это было, а ты будешь глазами хлопать. Не хорошо,

Призвали на совѣтъ сову,—и та подтвердила, что надо науки и искусства въ дворняхъ заводить, потому что при нихъ и орламъ занятнѣе живется, да и со стороны посмотретьъ не зазоръ. Ученье—свѣтъ, а неучене—тьма. Спать-то да ждать всякой умѣТЬ, а вотъ поди, разрѣши задачу: «летѣло стадо гусей» — анъ дѣма не скажешься. Умные-то помѣщики, бывало, за битаго двухъ небитыхъ давали,—значить, пользу въ томъ видѣли. Вонъ чижикъ: только и науки у него, что ведерко съ водой таскать умѣТЬ, а какія деньги за этакаго-то платятъ!

— Я въ темнотѣ видѣТЬ могу, такъ меня за это мудрой прозвали; а ты и на солнце по цѣльмъ часамъ не мигнувши глядишь, а про тебя говорять: ловокъ орель, а простофиля.

— Что-жъ, я не прочь отъ наукъ!—цыркнуль орель.

Сказано—сдѣлано. На другой же день у орла въ двориѣ начался «золотой вѣкъ». Скворцы разучивали гимнъ «Науки юношней питають», коростели и гагары на трубахъ сыгрывались, попугай—новые кунштишки выдумывали. Съ воронъ опредѣли новый налогъ, подъ названіемъ «просвѣтитель-наго»; для молодыхъ соколять и ястребять устроили кадет-скіе корпуса, для совъ, филиновъ и сычей—академію де сіянсь, да кстати ужъ и воронятамъ купили по экземпляру азбуки-кошечки. И, въ заключеніе, самаго стараго скворца опредѣли стихотворцемъ, подъ именемъ Василія Кирилыча Тредьяковскаго, и отдали ему приказъ, чтобъ на завтра же быть готовъ къ состязанію съ соловьемъ.

И вотъ вожделѣнныи день наступилъ. Поставили предъ лицо орла новобранцевъ и велѣли имъ хвастаться.

Самый большой успѣхъ достался на долю снигиря. Вместо привѣтствія, онъ прочиталъ фельетонъ, да такой легкій, что даже орлу показалось, что онъ понимаетъ. Говориль снигирь, что надо жить пригѣвающи, а орель подтвердиль: имянно. Говориль, что была бы у него розничная продажа хорошая, а до прочаго ни до чего ему дѣла нѣть, а орель подтвердиль: имянно! Говориль, что холопское житѣе лучше барскаго, что у барина заботушки много, а холопу за бариномъ горюшка нѣть, а орель подтвердиль: имянно! Говориль, что когда у него совѣсть была, то онъ безъ штановъ ходилъ, а теперь, какъ совѣсти ни капельки не осталось, онъ разомъ по двѣ пары штановъ надѣваетъ,— а орель подтвердиль: имянно!

Наконецъ, снигирь надоѣль.

— Слѣдующій!—цыркнуль орель.

Дятель началъ съ того, что генеалогію орла отъ солнца повель, а орель съ своей стороны подтвердила: «и я въ этомъ родѣ отъ папеньки слышала». Было у солнца,—говорилъ дятель:—трое дѣтей: дочь Акула да два сына: Левъ да Орель. Акула была распутная—ее за это отецъ въ морскія пучины заточилъ; сынъ Левъ отъ отца отшатнулся—его отецъ владыкою надъ пустыней сдѣлалъ; а Орёлъ былъ смиренъ почтительный, отецъ его поближе къ себѣ пристроилъ—воздушныя пространства ему во владѣніе отвелъ.

Но не успѣлъ дятель даже введеніе къ своему изслѣдованію продолжить, какъ уже орель въ нетерпѣніи кричала:

— Слѣдующій! слѣдующій!

Тогда запѣлъ соловей и сразу же осрамился. Пѣль онъ про радость холопа, узнавшаго, что Богъ послалъ ему помѣщика; пѣль про великодушіе орловъ, которые холопамъ на водку не жалѣючи даютъ... Однако, какъ онъ ни выбивался изъ силъ, чтобы въ холопскую погу попасть, но съ «искусствомъ», которое въ немъ жило, никакъ совладать не могъ. Самъ-то онъ съ верху до низу холопъ былъ (даже подержаннымъ бѣлымъ галстукомъ гдѣ-то раздобылся и головушку барабашкомъ завилъ), да «искусство» въ холопскихъ рамкахъ усидѣть не могло и безпрестанно на волю вынуждало. Сколько онъ ни пѣль — не понимаетъ орель, да и шабаш!

— Что этотъ дуралей бормочетъ! — крикнулъ онъ, наконецъ:— позвать Тредьяковскаго!

А Василій Кирилычъ тутъ какъ тутъ. Тѣ же холопскіе сюжеты взялъ, да такъ ихъ явственно изложилъ, что орель только и дѣло, что повторяя: имянно! имянно! имянно! И въ заключеніе надѣлъ на Тредьяковскаго ожерелье изъ муравьевинныхъ лицъ, а на соловья сверкнуль очами, восклинувъ: убрать негодяя!

На этомъ честолюбивыя попытки соловья и покончились. Живо запрятали его въ куралеску и продали въ зарядье, въ трактиръ «Разставанье друзей», гдѣ и о сю пору онъ наполяетъ сладкой отравой сердца захмелѣвшихъ «метеоровъ».

Тѣмъ не менѣе, дѣло просвѣщенія все-таки не было покинуто. Ястребята и соколята продолжали ходить въ гимназіи; академія де сіянись припяллась издаватъ словарь и одѣлѣла половину буквы А; дятель дописывалъ 10-й томъ «Исторіи лѣшихъ». Но снигирь прятался. Съ первого же для онъ почуялъ, что всей этой просвѣтительной суполокѣ

послѣдуетъ скорый и немилостивый конецъ, и, повидимому, предчувствія его имѣли довольно вѣрное основаніе.

Дѣло въ томъ, что соколь и сова, приилявши на себя руководительство въ просвѣтительномъ дѣлѣ, допустили большую ошибку: они задумали обучить грамотѣ самаго орла. Учили его по звуковому методу, легко и занятно, но какъ ни бились, онъ и черезъ годъ, вмѣсто «Орель», подписывался «Арѣрь», такъ что ни одинъ солидный заимодавецъ векселей съ такою подписью не принималъ. Но еще большая ошибка заключалась въ томъ, что, подобно всѣмъ вообще педагогамъ, ни сова, ни соколь не давали орлу ни отдыха, ни срока. Каждоминутно слѣдовала сова по его пятамъ, выкрикивая: бб... зз... хх..., а соколь тоже ежеминутно внушилъ, что безъ первыхъ четырехъ правильнѣи ариѳметики награбленную добычу раздѣлить нельзя.

— Украль ты десять гусенковъ, двухъ письмоводителю квартальнаго подарилъ, одного самъ сѣль—сколько въ запасѣ осталось?—съ укоризною спрашивала соколь.

Орель не могъ разрѣшить и молчалъ, но зло противъ сокола накоплялось въ его сердцѣ съ каждымъ днемъ больше и больше.

Произошла натянутость отношеній, которою воспользоваться интрига. Во главѣ заговора явился корпунъ и увлекъ за собой кукушку. Послѣдняя стала напоминать орлицѣ: «изведутъ они кормильца нашего, заучать»; а орлица начала орла дразнить: «ученый! ученый!» затѣмъ, общими силами, возбудили «дурные страсти» въ ястребѣ.

И вотъ однажды на зоркѣ, едва орель глаза продраль, сова, по обыкновенію, подкралась сзади и зажужжала ему въ уши: вв... зз... рррр...

— Уйди, постылая!—кратко огрызнулся орель.

— Извольте, ваше степенчество, повторить: бб... кк... ми...

— Второй разъ говорю: уйди!

— Пи... хх... шш...

Въ одинъ мигъ повернулся орель къ совѣ и разорвалъ ее на-двое.

А черезъ часъ, ничего не вѣдая, воротился съ утренней охоты соколь.

— Вотъ тебѣ задача,—сказалъ опять—награблено пынче за ночь два пуда дичины; ежели на двѣ равныя части эту добычу раздѣлить, одну — тебѣ, другую — всѣмъ прочимъ челяднницамъ,—сколько на твою долю достанется?

— Все, — отвечал орель.

— Ты говори дѣло, — возразилъ соколь. — Ежели бы «все», я бы и спрашивать тебя не стала!

Не впервые такія задачи соколь задавалъ; но на этотъ разъ тонъ, принятый имъ, показался орлу невыносимымъ. Вся кровь въ немъ вскипѣла при мысли, что онъ говоритъ «все», а холопъ осмѣливается возражать: «не все». А известно, что когда у орловъ кровь закиняется, то они педагогические приемы отъ крамолы отличать не умѣютъ. Такъ онъ и поступилъ.

Но, покончивши съ соколомъ, орель, однако, оговорился:

— А де сѧись академіи оставаться нонпрежнему!

Опять пропѣли скворцы: «Науки юношей питаютъ», но для всѣхъ уже было ясно, что «золотой вѣкъ» находится на исходѣ. Въ перспективѣ надвигался мракъ невѣжества, съ своими обязательными спутниками: междуусобицемъ и всяческою смутою.

Смуты начались съ того, что на мѣсто умирающаго сокола явилось два претендента: ястребъ и коршунъ. И такъ какъ внимание обоихъ соперниковъ было устремлено исключительно въ сторону личныхъ счетовъ, то дѣла дворни отослали на второй планъ и начали мало-по-малу приходить въ запущеніе.

Черезъ мѣсяцъ отъ недавняго золотого вѣка не осталось и слѣдовъ. Скворцы заѣвились, коростели стали фальшивить, сорока-блѣлокова воровала безъ прѣзыпу, а на ворднахъ накопилась такая прошастъ недонимокъ, что пришлося прибѣгнуть къ экзекуціи. Дошло до того, что даже птицу орлу съ орлицей начали подавать порченую.

Чтобы оправдать себя въ этой пеурядицѣ, ястребъ и коршунъ временно подали другъ другу руку и свалили всѣ непрѣгоды на просвѣщеніе. Науки-де, безспорно, полезны, но лишь тогда, когда ониѣ благовременны. Жили-де наши дѣдушки безъ наукъ, и мы безъ нихъ проживемъ...

И съ доказательствомъ, что весь вредъ отъ наукъ идетъ, начали открывать заговоры, и непремѣнно такие, чтобы хоть часословъ да замѣшанъ въ нихъ былъ. Начались размыски, слѣдствія, судбища...

— Шабашъ! — вдругъ раздалось въ вышинѣ.

Это крикнула орель. Просвѣщеніе прекратило теченье свое.

Во всей дворни воцарилась такая тишина, что слышно было, какъ ползутъ по землѣ клеветнические шишки.

Первою жертвою новаго вѣянія паль дятль. Бѣдная эта птица, ей-Богу, не виновата была. Но она знала грамотѣ, и этого было вполнѣ достаточно для обвиненія.

— Знаки препинанія ставить умѣешь?

— Не только обыкновенные знаки препинанія, но и чрезвычайные, какъ-то: ковычки, тире, скобки—всегда, по сущей совѣсти, становлю.

— А женскій поль отъ мужескаго отличить можешь?

— Могу. Даже въ ночное время не ошибусь.

Только и всего. Нарядили дятла въ кандалы и заточили въ дупло навѣчно. А на другой день онъ въ томъ дуплѣ, заѣденный муравьями, погримѣ.

Едва кончилась исторія съ дятломъ, какъ послѣдоваль погромъ въ академіи де сіансъ.

Однако-жъ сичи и филины защищались твердо: жалко имъ было съ теплыми казенными квартирами разставаться. Говорили, что не того ради сіансами занимаются, дабы ихъ распространять, а для того, чтобы отъ лихого глаза оберегать. Но коршунъ сразу увертки ихъ опровергнулъ, спросивъ: да сіансы-то зачѣмъ? И они на этотъ вопросъ не отвѣтили (не ждали). Тогда ихъ попиточно распродали огородникамъ, а послѣдніе, набивъ изъ нихъ чучеловъ, поставили огорода сторожить.

Въ это же самое время отобрали у воронятъ азбуку-копейку, истолкли оную въ ступѣ и изъ полученной массы надѣлали игральныхъ картъ.

Дальше - больше, за совами и филинами послѣдовали скворцы, коростели, попугаи, чижи... Даже глухого тетерева заподозрили въ «образѣ мыслей» на томъ основаніи, что онъ днемъ молчитъ, а ночью спить...

Дворня опустѣла. Остались орель съ орлицею, и при вихъ ястребъ да коршунъ. А вдали—масса воронья, которое безсовѣстно плодилось. И чѣмъ больше плодилось, тѣмъ больше накаплялось на немъ недоимокъ.

Тогда коршунъ съ ястребомъ, не зная, кого изводить (воронье въ счетъ не полагалось), стали изводить другъ друга. И все на почвѣ науки. Ястребъ донесъ, что коршунъ, по секрету, читаетъ часословъ, а коршунъ съябедничаяль, что у ястреба въ дуплѣ «новѣйший пѣсенникъ» спрятанъ.

Орель смутился...

Но тутъ уже сама Исторія ускорила свое теченіе, чтобы положить конецъ этой путаницѣ. Произошло нечто необык-

новенное. Увидѣвъ, что онѣ остались безъ призора, ворѣны вдругъ спохватились: а чтѣ бинь на этотъ счетъ въ азбукѣ-копейкѣ сказано? И не успѣли порядкомъ припомнить, какъ тутъ же инстинктивно снялись всѣмъ стадомъ съ мѣста и полетѣли.

Погиался за ними орель, да не тутъ-то было: сладкое помѣщицкое житѣе до того его изнѣжило, что онъ едва крыльями могъ шевелить.

Тогда онъ повернулся къ ораицѣ и возгласилъ:

— Сіе да послужитъ орламъ урокомъ!

Но чтѣ означало въ данномъ случаѣ слово «урокъ», то ли, что просвѣщеніе для орловъ вредно, или то, что орлы для просвѣщенія вредны, или, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ—обѣ этомъ онъ умолчалъ.

МЕЛОЧИ ЖИЗНИ.

ПИСЬМА ПРОКАН

ВВЕДЕНИЕ.

I.

Всякий истый петербуржецъ на три мѣсяца въ годь обрѣкаеть себя на нечеловѣческое житѣе. Конечно, я говорю не о «барахль», которые разѣзжаются по собственнымъ деревнямъ и за границу, а о простыхъ смертныхъ, которые расползаются по дачамъ, потому что за зиму Петербургъ ихъ задавилъ. Кто поэкономиѣе, тотъ забираеть изъ заднихъ комнатъ мебелишку и старую, разнокалиберную посуду, увязываетъ на возѣ, садить сверху кухарку и ѳдетъ. Другіе напинаютъ дачи съ мебелью и посудою и находять обломки и черепки. Постелей нѣть, или такія, что привыкать надо. Вмѣсто простора—тѣснота, вмѣсто тишины—судаченіе сосѣдей, вмѣсто воздуха—сыростъ, вмѣсто возстановляющихъ солнечныхъ лучей—туманъ и дожди.

Именно такъ было поступлено и со мной, болѣымъ, почти умирающимъ. Вмѣсто того, чтобы везти меня за границу, куда, впрочемъ, я и самъ не чаялъ доѣхать, повезли меня въ Финляндію. Дача—на берегу озера, которое во время вѣтра невыносимо гудить, а въ прочее время разливаетъ окрестъ пріятную сырость. Домикъ маленький, но веселенький, мебель сносная, но о зеркалѣ и въ поминѣ нѣть. Поэтому, утромъ, я наливаю въ рукомойникъ воды и причесываюсь надъ нимъ. Простору довольно, и большой садъ для прогулокъ.

Болѣнь я—могу безъ хвастовства сказать—невыносимо. Недугъ впился въ меня всѣми когтями и не выпускаеть изъ нихъ. Руки и ноги дрожать, въ головѣ—цѣлодневное гудѣніе, по всему организму пробѣгасть судорога. Не-

смотри на врачебную помощь, изможденное тело не может ничего противопоставить недугу. Пони провожу въ тревожномъ снѣ, пишу рѣдко и съ большимъ мученьемъ, читать не могу вовсе и даже—слышать чтеніе. Но временамъ самый голосъ человѣческій мнѣ иестерпимъ.

Что это такое, какъ не мучительное и ежеминутное умираніе, которому, по горькой насыпѣ судьбы, нѣть конца?

Знаетъ ли читатель, что такое значить «пять минутъ»?—Конечно, знаетъ. Нѣть того русскаго человѣка, который многократно не отсчиталъ бы эти «пять минутъ», сидя въ приемной, въ ожиданіи нужнаго человѣка. Но вотъ, наконецъ, нужный человѣкъ появился въ дверяхъ,—сказалъ мимоходомъ два-три слова,—и все забыто. Теперь помножьте эти пять минутъ на часы, на сутки, мѣсяцы, на годъ—что это такое? Сидишь и смотришь, какъ одна минута ползетъ за другой. Вотъ, наконецъ, доползла; начиняются слѣдующія пять минутъ... Ужасно! Нѣчто подобное долженъ испытывать сидящій въ одиночномъ заключеніи...

Что привело меня къ этому положенію?—на этотъ вопросъ, не обинуясь и увѣренно, отвѣщаю: писательство. Ахъ, это писательское ремесло! Это не только мѣка, но цѣлый душевный адъ. Капля по каплѣ сочится писательская кровь, прежде нежели попадеть подъ печатный станокъ. Чего со мною ни дѣлали! И вырѣзывали, и урѣзывали, и перетолковывали, и цѣликомъ запрещали, и всепародно объявляли, что я—вредный, вредный, вредный. Трудно позѣрить, а въ провинціи власть имущіе дѣлали гримасы, встрѣтить гдѣ-нибудь мою книгу. «Какимъ образомъ этотъ вредный писатель попалъ сюда?»—вотъ вопросъ, который считался самымъ натуральнымъ относительно моихъ сочиненій, встрѣченыхъ гдѣ-нибудь въ библиотекѣ или въ клубѣ. Одинъ газетчикъ, которому я не мало помогъ своимъ сотрудничествомъ при началѣ его журнального поприща, теперь прямо называетъ меня не только вреднымъ, но *настѣннымъ* писателемъ. Мало того: въ родномъ городѣ нѣкто пожертвовалъ въ мѣстный музей мой бюстъ. Стоялъ стоять этотъ бюстъ годъ или два благополучно—и вдругъ его куда-то вынесли. Оказалось, что я—вредный...

Надѣюсь, что этого достаточно для самой богатой надѣбной эпитафіи...

Итакъ я провелъ лѣто въ Финляндіи. Финляндія—это та самая страна, гдѣ, по свидѣтельству Пушкина, жила злая волшебница Нания и добрый волшебникъ Финигъ.

Финнъ долго боролся съ Наний, но потомъ махнулъ рукой и уѣхалъ въ Швейцарію доить симентальскихъ коровъ. Нания осталась одна, и сколько она дѣлаетъ всякихъ пакостей своему отечеству—этого ни въ сказкѣ сказать, ни первомъ описать. Наводить тучи, изъ которыхъ въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ льють дожди; наполняетъ страну вѣтрами, наворачиваетъ камни на камни, зарываетъ деревни на восемь мѣсяцевъ въ снѣга и, наконецъ, въ послѣднее время выслала сюда тьму-тьмущую русскихъ пѣнеровъ.

Здѣшние русскіе піонеры—люди интеллигенціи по преимуществу. Провозятъ изъ Петербурга чай, сахаръ, апельсины, табакъ и, миновавши теріокскую таможню, крестятся и повѣряютъ другъ другу:

— Вы что провезли?

— Папиросы для мужа.

— А я—цѣлую голову сахару... Угадайте—гдѣ она у меня была?

Шопотъ.

— Ахъ, проказница!

Я не имѣю свѣдѣній, какъ идетъ дѣло въ глубинѣ Финляндіи, проникли ли и туда обрусители, но, начиная отъ Теріокъ и Выборга, верстъ на двадцать по побережью Финского залива, пѣТЬ тогоничтожнаго озера, кругомъ котораго не застыли бы русскіе землевладѣльцы. И всѣ изъ всѣхъ силъ стараются. Деньги бросаютъ пригоршнями, несутъ явные и значительные убытки, и въ концѣ концовъ все-таки только и слышатъ, что то одинъ, то другой—мечтаютъ о продажѣ своихъ дачъ. Правда, что на мѣсто убывающихъ являются новые заселенцы; но выйтѣсть ли когда-нибудь изъ этого толка—трудно сказать. Уходить масса денегъ—вотъ все, что до сихъ поръ ясно. И все—благодаря пущеннымъ слухамъ о необыкновенной живительности здѣшняго воздуха,—репутація, далеко не на всѣхъ оправдывающаяся.

Мнѣ кажется, что если бы лѣтъ сто тому назадъ (тогда и «разговаривать» было легче) пустили сюда русскихъ старообрядцевъ и дали имъ полную свободу относительно богослуженія, русское дѣло вообще на всѣхъ окраинахъ шло бы толковѣ. Старообрядцы—это цвѣть русскаго престолюдья. Они трудолюбивы, предпріимчивы, трезвы, живутъ союзно и—что всего важнѣе—имѣютъ замѣчательную способность къ пропагандѣ. Въ настоящее время они

имѣли бы здѣсь массу прозелитовъ, какъ имѣютъ ихъ среди зырянъ, пермяковъ и прочихъ инородцевъ отдаленаго сѣвера. Укрываясь отъ преслѣдований вглубь лѣсовъ, несмотря на «выгонки», они сумѣли покорить сердца полудикихъ людей и сдѣлать ихъ почти солидарными съ собою...

Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться ихъ колонизаторскими способностями, ихъ били кнутомъ, рвали ноздри, урѣзывали языки и вызвали (такъ сказать, создали) ужасный обрядъ самосожженія.

За это, даже на томъ недалекомъ финскомъ побережье, гдѣ я живу, о русскомъ языкѣ между финнами и слыхомъ не слыхать. А новѣйшие русскіе колонизаторы выучили ихъ только тремъ словамъ: «риби» (грибы), «ривенникъ» (грибенникъ) и «двуривенникъ». Тѣмъ не менѣе въ селѣ Новая-Кирка есть финны изъ толстосумовъ (торговцы), которые говорять по-русски довольно внятно.

Финны живутъ разрозненно и селятся починками въ два-три дома. Есть, однако, большое село—Новая-Кирка, которое, впрочемъ, составляетъ тоже груду починковъ. Народъ трудолюбивъ и любить страстино свою землю. Работаетъ неутомимо, хотя частыя непогоды мѣшаютъ землемѣрческому труду. Землю удобряютъ исправно и держать достаточно скота, въ особенности овецъ и свиней. Но коровы здѣшнія малорослы, потому что въ Финляндію, по какому-то недоразумѣнію, безусловно запрещено ввозить скотъ изъ другихъ странъ, а слѣдовательно, и совершенствовать мѣстную породу трудно. Нынѣшній годъ все уродилось прекрасно, но съ полей убрать было нелегко: цѣлый мѣсяцъ лили дожди. Мастеровыхъ кругомъ совсѣмъ нѣть, кромѣ одного пекаря, который продаетъ въ-разносъ выборгскіе крендели. Отхожихъ промысловъ тоже нѣть, а стало быть, нѣть и бывалыхъ людей. Финъ замуровался въ своей деревнѣ, зарылся въ снѣгахъ на двѣ трети года и не двигается ни направо, ни налево. Есть, впрочемъ, въ нашемъ сосѣдствѣ два-три хозяина, которые скапаютъ бруснику и ъздятъ, въ сентябрѣ, въ Петербургъ прода-вать ее.

О честности финской составилась проворбіальная репутація, но нынче и въ ней стали сомнѣваться. По крайней мѣрѣ русскихъ пionеровъ они обманываютъ охотно, а нѣрѣдко даже и поворовываютъ. Въ петербургскихъ процес-сахъ о воровствахъ слишкомъ часто стали попадать финскія имена—стало-быть, способность есть. Запитники Фин-

ляндії (изъ русскихъ же) удостовѣряютъ, что финновъ наутили воровать проникніе сюда вмѣстѣ съ пionерами русские рабочіе, но вѣдь клеветать на невинныхъ легко!

Есть у финновъ и способность къ пьянству, хотя вина здѣсь совсѣмъ нѣтъ, за рѣдкимъ исключеніемъ корчемства, строго преслѣдуемаго. Но, дорвавшись до Петербурга, финнъ наливается до самозабвенія, теряетъ деньги, лошадь, сбрую и возвращается домой голъ какъ соколь.

Талантливы ли финны—сказать не умѣю. Кажется, скрѣ, что нѣтъ, потому что у громадного большинства ихъ вы видите въ золотушныхъ глазахъ только недоумѣніе. Да и о выдающихся людяхъ не слыхать. Если бы что-нибудь было въ запасѣ, все-таки кто-нибудь да создалъ бы себѣ известность.

О финскихъ пѣсняхъ знаю мало. Мальчики-настухи что-то поютъ, но тоскливо и все на одинъ и тотъ же мотивъ. Можетъ-быть, это такія же пѣсни, какъ у ихъ соплеменниковъ, вотяковъ, которые, увидѣвъ заборъ, поютъ (вотяки, по крайней мѣрѣ, русскимъ языкомъ щеголяютъ): «ахъ, забѣрь!», увидавъ корову—поютъ: «ахъ, корова!» Впрочемъ одну финскую пѣснь мнѣ перевели. Вотъ она:

Давидовой коровѣ Богъ послалъ теленка,
Ахъ, теленка!
А на другой годъ она принесла другого теленка,
Ахъ, другого!
А на третій годъ принесла треть资料 теленка,
Ахъ, третьего!
Когда принесла трехъ телятъ, то пасторъ узналъ объ этомъ,
Ахъ, узналъ!
И сказалъ Давиду: ты, Давидъ, забылъ своего пастора,
Ахъ, забылъ!
И за это увелъ къ себѣ самаго большого теленка,
Ахъ, самаго большого!
А Давидъ остался только съ двумя телятами,
Ахъ, съ двумя!

Я, впрочемъ, не ручаюсь за вѣрность перевода. Можетъ-быть, даже самый текстъ вымыщенъ, но, во всякомъ случаѣ, онъ близокъ къ «перлу созданія» и характеризуетъ роль, которую играютъ здѣсь пасторы.

О наукѣ финской я ничего не знаю; ей отгорожено мѣсто въ Гельсингфорсѣ, а что она тамъ дѣлаетъ—неизвѣстно.

Исправниковъ и становыхъ здѣсь днемъ съ огнемъ иссыпній. Но паспорты у русскихъ дачниковъ съ нѣкотораго времени начали требовать.

Но обращаюсь къ «мелочамъ жизни».

Напрасно пренебрегаютъ ими: въ основѣ современной жизни лежитъ почти исключительно мелочь. Испугъ и недовѣріе нависли надъ всею Европой; а что же такое испугъ, какъ не спѣщеніе обидныхъ и деморализующихъ мелочей?

Вотъ уже сколько лѣтъ сряду, какъ каникулярное время посвящается преимущественно распространенію испуговъ. Сѣѣжаются, пьютъ «молчаливые» тосты. «Графъ Кальюки былъ съ визитомъ у князя Бисмарка, а черезъ полчаса князь Бисмаркъ отдалъ ему визитъ»; «графъ Кальюки приѣхалъ въ Варшаву, куда ожидали также представители отъ Италии»,— вотъ что читаешь въ газетахъ. Король Миланъ тоже єздитъ, кланяется и пользуется «сердечнымъ» пріемомъ. Даже черногорскій князь удосужился и сѣѣздилъ въ Вѣну, где тоже былъ «сердечно» принятъ.

Что все это означаетъ, какъ не фабрикацію испуговъ въ умахъ и безъ того избугорженныхъ простецовъ? Зачѣмъ это понадобилось? Съ какого права призвано необходимо мимъ, чтобы Сербія, Болгарія, Боснія не смѣли устраиваться по-своему, а непремѣнно при вмѣшательствѣ Австріи? Съ какой стати Германія берется помогать Австріи въ этомъ дѣлѣ? Почему допускается вопіющая несправедливость къ выгодѣ сильному и въ ущербъ слабому? Зачѣмъ нужно держать въ страхѣ сосѣдей?

Добрые геніи пролагаютъ желѣзные пути, изобрѣтаютъ телеграфы, прорываютъ громадные каналы, мечтаютъ о воздухоплаваніи, однимъ словомъ, дѣлаютъ все, чтобы смягчить международную рознь; злые, напротивъ, употребляютъ всѣ усилия, чтобы обострить эту рознь. Политиканство давить успѣхи науки и мысли и самыя существенные побѣды послѣднихъ умѣть обращать исключительно въ свою пользу.

Потомъ: «нѣмецкіе фабrikанты совсѣмъ завладѣли Лодзью»; «нѣмецкіе офицеры живутъ въ Смоленскѣ»; «нѣмецкіе офицеры генерального штаба появились у Троицы-Сергія, изучають русскій языкъ и ярославское шоссе, собираютъ статистическія свѣдѣнія, дѣлаютъ съемки» и т. д. Чѣмъ понадобилось? Ужели они мечтаютъ, что германское знамя появится на ярославскомъ шоссе, и село Братовицна будетъ примежевано къ германской имперіи?

Вотъ какія постыдныя мелочи наполняютъ современную жизнь...

Это по части нѣмцевъ; а по части Россіянъ еще лучше.

«Фабриканты и заводчики разсчитываются съ рабочими
купонами девяностыхъ годовъ...»

«Фабриканты и заводчики ходатайствуютъ объ увелич-
ніи ввозныхъ пошлинъ...»

«Фирма X проникла въ земство и распоряжается по
произволу выборами мировыхъ судей...»

«Фирма Z скупила чуть ли не цѣлую губернію...»

«Лѣси наши гибнутъ, рѣки мелѣются...»

«Крестьяне годъ-отъ-году бѣднѣютъ, помѣщики также;
а рядомъ съ этимъ всеобщимъ обѣднѣніемъ вырастаютъ
милліоны, сосредоточенные въ немногихъ рукахъ».

Это ужь мелочи горькія, но покуда никто ихъ еще не
пугается; а когда наступить очередь для испуга,—можетъ-
быть, дѣло будетъ уже непоправимо.

Всѣ мы каждодневно читаемъ эти извѣстія, но едва ли
многимъ приходитъ на мысль спросить себя: въ силу чего же
живеть современный человѣкъ и какимъ образомъ не вхо-
дить онъ въ идиотизмъ отъ испуга?

Еще одна характеристическая мелочь. Въ послѣднее
время многіе огульно обвиняли нашу интеллигенцію во
всѣхъ неурядицахъ и неустройствахъ и предлагали противъ
ней поистинѣ неслыханныя, по своей нелѣпости, мѣры.
Въ числѣ ихъ немалую роль игралъ самосудъ живорѣзовъ
московскаго Охотнаго ряда, а нѣкоторые не отступали даже
передъ топленіемъ въ Москвѣ-рѣкѣ. Разумѣется, все это
было говорено на-вѣтеръ, но все-таки даетъ понятіе о сте-
пени злонамѣнительства. И никому не пришло на мысль ска-
зать во всеуслышаніе хотя бы умѣренное слово въ защиту
интеллигенціи. Хотя бы то, напримѣръ, что единичные
факты слѣдуетъ судить единично же; что обобщенія въ
подобныхъ случаяхъ неумѣсты и вредны; что, наконецъ,
если и можно забить интеллигенцію въ грязь—что же тогда
останется?

Не будь интеллигенціи, мы не имѣли бы ни понятія о
чести, ни вѣры въ убѣжденія, ни даже представленія о
человѣческомъ образѣ. Остались бы «чумазые» съ ихъ
исконнымъ стремленіемъ расщипывать общественный карманъ
до послѣдней нитки.

Идетъ чумазый, идетъ! Я не разъ говорилъ это и теперь
повторяю: идетъ, и даже уже пришелъ! Идетъ съ фальши-
вою мѣрою, съ фальшивымъ гриппомъ и съ неутолимою
алчностью глотать, глотать, глотать...

Интеллигенція наша ничего не противопоставить ему,

ибо она ни откуда не защищена, и гибнетъ безпомощно, какъ бытъ въ полѣ...

Скучно и тяжело смотрѣть, какъ умы, вмѣсто того, чтобы питаться здоровою пищею, постепенно заполоняются испугомъ. Испугъ до того вѣлѣлся въ насть, что мы даже совсѣмъ не сознаемъ его. Это уже не явленіе, приходящее извѣтъ, а вторая природа. Мы пересчитываемъ всевозможныя загадочности и безусловно вѣримъ, что таинственная ихъ сила управляетъ міромъ, и что судьбы исторіи всецѣло отданы имъ во власть. Но еще мучительнѣе думать, что этому мыслительному плеѣну не предвидится конца, потому что и подрастающее поколѣніе, прислушиваясь къ непрерывному гоношенню старшихъ, незамѣтно заражается имъ. Простую мелочь, которая исчезла бы отъ одного дуновенія здороваго, освѣжающаго воздуха, мы сумѣли превратить въ мелочь изиуряющую.

Стойть прислушаться къ говору невольныхъ пленниковъ, возвращающихся изъ душнаго Петербурга на дачи, чтобы убѣдиться, до какой степени всѣми овладѣла вѣра въ загадочность будущаго.

— Слышали,—раздается въ вагонахъ:—графъ Кальюки былъ съ визитомъ у Бисмарка?

— А черезъ полчаса князь Бисмаркъ отдалъ визитъ Кальюки, и опять оба имѣли продолжительное совѣщаніе...

— И при семъ присутствовалъ итальянскій министръ Ламиопо...

— Ну, ужъ и Ламиопо?..

— Всѣ они тамъ Ламиопо... всѣхъ бы ихъ...

— А слышали вы, что прусскіе офицеры у Сергія-Троицы живмя-живутъ?

— Зачѣмъ ихъ нелегкая принесла?

— Утереть бы имъ ность, этимъ паршивцамъ-нѣмцамъ,— вотъ и вся недолгѣ...

— То-то, что платковъ нѣть...

— А слышали вы, какъ купецъ Z съ рабочими купонами 90-го года разсчитался?

— Вотъ такъ съ праздникомъ сдѣлалъ!

— Крестьяне, разумѣется, жаловаться; однако...

— А слышали вы, какъ купецъ X все земство въ своемъ уѣздѣ своими людьми заполонилъ?

— Неужто? А я еще его дворовыми юношами помню...

— Да, батюшка, пынче хамы—сила!

— Станція Териоки!—провозглашаетъ кондукторъ.

Плѣнники вскаиваютъ съ мѣстъ и разбѣгаются по дамъ. А на дачѣ мать семейства, встрѣчая своего главу, сообщаетъ:

— А вѣдь графъ-то Кальюки... каковъ! Вотъ «наши» такъ не умѣютъ... У Троицы, сказываютъ, иѣмца видѣли...

— Ну, ну, ладно, матушка! Какіе-такіе тамъ «наши»! Тоже... туда же... Вели-ка подавать супъ, и будемъ обѣдать!

II

А съ Баттенбергомъ творится что-то неладное. Его начали «возить». Сначала увезли, потомъ опять привезли. Съ какою цѣлью? для чего лишній расходъ? чего смотрѣлъ майоръ Пановъ?

Бѣдный майоръ Пановъ! Сдается мнѣ, что долго не быть ему подполковникомъ. Развѣ новый Баттенбергъ пріѣдетъ и напишетъ: «Въ воздаяніе вашихъ заслугъ по увозу Баттенберга I-го жалую васъ...» Да и тутъ наврядъ ли отдастъ ему старшинство, потому что вѣдь эти Баттенберги подозрительны. Скажетъ: одного ужъ увезъ,—пожалуй, увезеть и другого...

И зачѣмъ Баттенбергъ воротился?! Пожилъ въ княжескомъ конакѣ, пожуривалъ — и будетъ. Наконецъ, совсѣмъ было уѣхаль — вдругъ телеграмма: «возвращайтесь! нашли надежную прислугу». — И онъ возвратился. Даже не спросилъ себя: достаточно ли надежна прислуга, и долго ли ему придется опять пожуировать? Жить бы да поживать ему гдѣ-нибудь въ Кассель или Гомбургъ, на хлѣбахъ у нѣсколькихъ монарховъ —

А онъ, мятежный, вщетъ бури,
Какъ будто въ бурихъ есть покой!..

Вотъ гдѣ нужно искать дѣйствительныхъ космополитовъ: въ средѣ Баттенберговъ, Меренберговъ и прочихъ штабъ-и оберъ-офицеровъ прусской арміи, которыхъ обездолилъ князь Бисмаркъ. Рыщутъ по бѣлу-свѣту, теплыхъ мѣстечекъ подыскиваютъ. Слушайте! вѣдь онъ, этотъ Баттенбергъ, такъ и говоритъ: «Болгарія — любезное наше отчество!» — и языкъ у него не заплелся, выговаривая это слово! Отчество? Какимъ родомъ очутилось оно для него въ Болгаріи, о которой онъ и во снѣ не видаль? Вотъ ужъ именно: не было ни гроша — и вдругъ алтынь.

А болгары чтѣ? — «Они съ такимъ же восторгомъ привѣтствовали возвращеніе князя, съ какимъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, встрѣтили вѣсть объ его низложеніи».

Вотъ что пишутъ въ газетахъ. Скажите: ну, чѣмъ они плоше древнихъ ассирий? Только вотъ насчетъ аттической соли у нихъ плоховато.

Конечно, Баттенбергъ можетъ сказать: моему возвращенію рукоплескали. Но такихъ ли рукоплесканій я былъ свидѣтелемъ въ молодости! Пріѣдешь, бывало, въ Михайловскій театръ, да выйдешь на сцену Луиза Мейеръ въ китайскомъ костюмѣ (водевиль «La fille de Dominique»), да запоестъ:

Je suis Tchinn-ka la blonde,
Esclave du Sultan,
Et je parcours le monde
En dansant, en chantant...

какъ весь театръ Михайловскій словно облютѣсть. «Bis! bis!» — залются хоромъ люди всѣхъ вѣдомствъ и всѣхъ оружий. Вотъ если бы эти рукоплесканія слышалъ Баттенбергъ, онъ навѣрно сказалъ бы себѣ: теперь я знаю, какъ надо пріобрѣтать народную любовь!

И находятся еще антики, которые увѣряютъ, что весь этотъ хламъ исторія запишеть на свои скрижали... Хороши будуть скрижали! Нѣть, время такой исторіи ужъ прошло. Я увѣренъ, что даже современные болгары скоро забудутъ о Баттенберговыхъ проказахъ и вспомнятъ о нихъ лишь тогда, когда его во второй разъ увезутъ: «Ба! — скажутъ они:—да вѣдь это ужъ, кажется, во второй разъ! Какъ бы опять его къ намъ не привезли!»

Помните ли вы, читатель, Наполеона III-го? Навѣрно позабыли! Между тѣмъ онъ почти 20 лѣтъ сряду громилъ не одну Францію, но и всю Европу—и никто не замѣчалъ праха, который до краевъ наполнялъ этого человѣка. Все преклонялось передъ нимъ, все считало его серьезною силою. Новогодніе пріемы его представляли собой какъ бы политическую программу на цѣлый годъ,—программу, которая принималась безоговорочно къ исполненію. Но, наконецъ, пробилъ-таки часъ, какъ гноище, на которомъ онъ возлежалъ, раскрылось само собой. И что же? Съ послѣднимъ громомъ пушекъ — все смолкли, точно ничего и не было! Несмотря на его паденіе и смерть, события продолжали идти своимъ чередомъ, какъ будто онъ никогда никакимъ «концертомъ» не дирижировалъ. И теперь имя его до того погрузилось въ мракъ, что не только никто о немъ не говорить, но даже и не помнить его существова-

вания. Концерты европейские продолжают разыгрываться без него, какъ бы разыгрывались при немъ, а жизнь народная продолжаетъ попрежнему свое теченіе, особо отъ концертовъ.

Имена Ньютоновъ, Франклиновъ, Галилеевъ, Ломоносовыхъ будуть переходить изъ вѣка въ вѣкъ; имена Наполеоновъ и другихъ концертантовъ потонутъ въ болотныхъ тонахъ. Таковъ законъ вещей, и никакое наслѣдие не поможетъ его обойти. Не обойдетъ его и исторія.

Правда, что Наполеонъ III-й оставилъ по себѣ цѣлое чужеядное племя Баттенберговъ, въ видѣ Наполеонидовъ, Орлеановъ и проч. Всѣ они бодрствуютъ и ищутъ глазами, всегда готовые броситься на добычу. Но исторія сумѣеть разобраться въ этомъ наносномъ хламѣ и отыщетъ, гдѣ находится действительный центръ тижести жизни. Если же она и упомянуть о хламѣ, то для того только, чтобы сказать: было время такой громадной душевной боли, когда всякий авантюристъ овладѣвалъ человѣчествомъ безъ труда!

Скажетъ она это потому, что душевная боль не давала человѣчеству ни развиваться, ни совершать плодотворныхъ дѣлъ, а слѣдовательно, и въ самой жизни человѣческихъ обществъ произошелъ какъ бы перерывъ, который нельзя же не объяснить. Но, сказавши,—обведеть эти строки черною каймою и болѣе не возвратится къ этому предмету.

Ахъ, эти мелочи! Какъ чесоточный зудень, впиваются онѣ въ организмъ человѣка, и точатъ, и жгутъ его. Сколько всевозможныхъ «союзовъ» опутало человѣка со всѣхъ сторонъ; сколько каждый индивидуумъ ухитряется придумать лично для себя всякихъ стѣсненій! И всему этому, и пришедшему извиѣ, и придуманному ради удовлетворенія личной мнительности, онъ обязывается послужить, т. е. отдать всю свою жизнь. Нѣть мѣста для работы здоровой мысли, нѣть свободной минуты для плодотворного труда! Мелочи, мелочи,—заполонили всю жизнь.

Возьмемъ для примѣра хоть страхъ завтрашняго дня. Сколько постыднаго заключается въ этой трехсловной мелочи! Какимъ образомъ она могла вѣѣться въ существованіе человѣка, существа по преимуществу предусмотрительного, обладающаго зиждительною силой? Чѣмъ придало его? чѣмъ заставило такъ безусловно подчиниться простой и постыдной мелочи?

Встрѣчаете на улицѣ пріятеля и видите, что онъ задумчивъ и угнетенъ.

— Чѣмъ такъ задумались?

— Да какъ-то не по себѣ... Боюсь.

— Боитесь? Чего же?

— Да завтрашняго дня. Все думается: что-то завтра будетъ! Не то боязнь, не то раздраженіе чувствуешь... смутное что-то. Стараюсь вникнуть, но до сихъ поръ еще не разобрался. Точно находишься въ обществѣ, въ которомъ собравшіе всѣ разбрелись по угламъ и шушукаются, а ты сидишь одинъ у стола и пересматриваешь лежащіе на немъ и давно надоѣвшіе альбомы... Вотъ это какое ощущеніе!

— Ахъ, пустяки какіе!

— Пустяки—это вѣрю. Но въ томъ-то и сила, что одолѣли настѣ эти пустяки. Плынутъ со всѣхъ сторонъ, винчаются, рвутъ сердце на части.

— Но чѣмъ же можетъ быть завтра такого страшнаго?

— То-то что ничего неизвѣстно. Будетъ—не будетъ, будеть—не будетъ?—только на эту тему и работаетъ голова. Слышишь шопоты, далекое урчанье, а яснаго—ничего.

— Все-таки я не вижу, чѣмъ же тутъ общаго съ завтрашнимъ днемъ?

— И завтра, и сегодня, и сейчасъ, сю минуту,—развѣ это не все равно? Голова заполнена; кругомъ — пустота, неизвѣстность или нелѣпая и разнорѣчивая болтовня; опускаются руки, и самъ незамѣтно погружаешься въ омутъ шопотовъ или нахальной болтовни... Вотъ это-то и омерзительно.

И дѣйствительно, кругомъ слышатся только шопоты да гулъ какой-то загадочной работы при замкнутыхъ дверяхъ. Поневолѣ вспоминаются стихи Пушкина:

Смутно всюду, темно всюду.

Быть тутъ чуду! Быть тутъ чуду!

Только не «чудо» является въ результатѣ, а простой изнуряющей вздорь.

Возьмемъ теперь другой примѣръ: образованіе. Не о высшей культурѣ идетъ здѣсь рѣчь, а просто о школѣ. Школа приготовляетъ человѣка къ восприятію знанія; она даетъ ему основные элементы его. Это достаточно указываетъ, какая тѣсная связь существуетъ между школой и знаніемъ.

Извѣстно, и даже за аксиому всѣми принято, что знаніе эсѣюще не только того, кто непосредственно его воспринимаетъ, но черезъ посредство школы распространяетъ лу-

чистый свѣтъ и на темныя массы. Извѣстно также, что люди одаряются отъ природы различными способностями и различною степенью воспріимчивости; что ежели практически и трудно провести эту послѣднюю истину во всемъ ея объемѣ, то, во всякомъ случаѣ, непростительно не принимать ее въ соображеніе. Наконецъ, признано всѣми, что насильственно суживать предѣлы знанія вредно, а еще вреднѣе наполнять содержаніе его всякими случайными примѣсями.

Посмотримъ же, въ какой мѣрѣ примѣняются эти истины къ школьному дѣлу.

Прежде всего, надъ всей школой тяготѣеть нивелирующая рука циркуляра. Опредѣляются во всей подробности не только предѣлы и содержаніе знанія, но и число годовыхъ часовъ, посвящаемыхъ каждой отрасли его. Не стремленіе къ распространенію знанія стоитъ на первомъ планѣ, а глухая боязнь этого распространенія. О характеристическихъ особенностяхъ учащихся забыто вовсе: всѣ предполагаются скроенными по одной мѣркѣ, для всѣхъ преподается одинъ и тотъ же обязательный масштабъ. Переводный или непереводный баллъ — вотъ единственное мѣрило для оцѣнки, при чёмъ не берется въ соображеніе, насколько въ этомъ баллѣ принимаетъ участіе слѣпая случайность. О личности педагога тоже забыто. Онъ не можетъ ни остановиться лишнихъ пять минутъ на такомъ эпизодѣ знанія, который признаетъ важнымъ, ни посвятить пять минутъ меньшему такому эпизоду, который представляется ему недостаточно важнымъ или преждевременнымъ. Онъ обязывается выполнить букву циркуляра — и больше ничего.

Но, въ такомъ случаѣ, для чего же не прибѣгнуть къ помощи телефона? Набрать бы въ центрѣ отборныхъ и вполиѣ подходящихъ къ уровню современныхъ требованій педагоговъ, которые и распространили бы по телефону свѣтъ знанія по лицу вселенной, а на мѣстахъ содержать только тупоровъ, которые наблюдали бы, чтобы ученики не повѣсничали...

Мало того: при самомъ входѣ въ школу о всякомъ жаждущемъ знанія наводится справка.

Дворянинъ или мѣщанинъ?

Какого вѣроисповѣданія: православный, католикъ или, наконецъ, еврей?

Для послѣднихъ въ особенности школа — время тяжелаго и жгучаго испытанія. Съ юношескихъ лѣтъ еврей воспитывается въ себѣ сердечную боль, проходить всѣ степени

неправды, унижений и рабства. Чѣдже можетъ выработаться изъ него въ будущемъ?

Нѣть ни общей для всѣхъ справедливости, ни признанія человѣческой личности, ни живого слова. Ничего, кромѣ задачника Буренина и Малинина и учебниковъ грамматики всевозможныхъ сортовъ.

Чѣдже можетъ дать такая школа? Чѣдже, кромѣ *tabula rasa* и особенной болѣзни, къ которой слѣдуетъ примѣнить специальное наименованіе «школьного худосочія»?

Сонливые и безсильные высыплютъ массы юношей и юницъ изъ школъ на арену жизни, сонливо отбудутъ жизненную повинность и сонливо же сойдутъ въ преждевременные могилы...

А вотъ и третій примѣръ. Представьте себѣ, что студентъ Хорьковъ женился на Липочки Большовой (извѣстныя лица изъ комедіи Островскаго). Липочка вышла замужъ, потому что случайно отдалась Хорькову, и надо же «прикрыть грѣхъ»; Хорьковъ женился, потому что принялъ Липочкуну наглость за «святую простоту». При этомъ, само собой разумѣется, старикъ Большовъ надулъ Хорькова и не далъ за Липочкой никакого приданаго, кромѣ тряпокъ. И вотъ они невдолгъ опознали другъ друга. Липочка увѣрилась, что Хорьковъ не въ состояніи дарить ей трепрешельчатыхъ платьевъ; Хорьковъ убѣдился, что мечты его о «святой простотѣ», при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью, разбились въ прахъ.

Чѣдже можетъ выйти изъ этого сожитія? Чѣдже, кромѣ клѣтки, въ которой сидѣть два звѣра, прикованные каждый къ своему углу и готовые растерзать другъ друга при первой возможности?

И, наконецъ, четвертый примѣръ. Передъ вами человѣкъ вполнѣ независимый, обезпеченный и культурный. Онъ могъ бы жить совершенно свободно, удовлетворяя потребностямъ своей развитости. Но его такъ и подмываетъ отдать себя въ рабство. Онъ чуетъ своимъ извращеннымъ умомъ, что есть гдѣ-то лѣстница, которая ведеть къ почетамъ и власти. И вотъ онъ взирается на нее. Скользить, остунается и летить стремглавъ назадъ. Это, однако-жъ, не останавливаетъ его. Онъ вновь начинаетъ взбираться медленно, мучительно, ступень за ступеню, и, наконецъ, усиливается прийти къ цѣли. Тутъ его встрѣчаютъ щелчки за щелчками, потому что онъ чуженинъ въ этой средѣ, чужого поля ягода. Тѣмъ не менѣе руководители среды

очень хорошо понимаютъ, что отъ этого чуженина отѣлаться не легко, что онъ упоренъ и не уйдетъ назадъ съ одними щелчками. Его, наконецъ, пристраиваютъ, даютъ прють и мало-по-малу привыкаютъ звать «своимъ». Въ отвѣтъ на это вынужденное равнодушіе, онъ ходко впряженается въ плугъ и начинаетъ работать съ ревностю прозелита. Идеалы, свобода, порывы души—все забыто, все принесено въ жертву рабству. А черезъ короткое время въ результатъ получается заправскій рабъ, въ которомъ все сгнило, кромѣ гнуткой спины и лгущаго языка во рту.

Довольно ли этихъ примѣровъ?

Я не знаю, какъ отнесется читатель къ написанному выше, но что касается до меня, то при одной мысли о «мелочахъ жизни» сердце мое болитъ невыносимо.

Несомнѣнно, что весь этотъ угарь, эта разнокалиберная фантасмагорія устраниется сама собой; но спрашивается: сколько увлечь за собой жертвъ одни усилия, направленныя съ цѣлью этого устраненія?

Мнѣ скажутъ, быть-можетъ, что я смѣшалъ въ одну кучу «мелочи» совсѣмъ различныхъ категорій: Баттенберговы приключенія—со школою и т. д. Я и самъ понимаю, что въ существѣ это явленія вполнѣ разнородныя, но и за всѣмъ тѣмъ не могу не признать хотя косвенной, но очень тѣсной связи между ними. Дѣло въ томъ, что Баттенберговы проказы не сами по себѣ важны, а потому, что, несмотря на свое ничтожество, заслоняютъ тѣ горькія «мелочи», которыхъ заправскими образомъ отравляютъ жизнь. Подъ шумъ всевозможныхъ совѣщаній, концертовъ, тостовъ и другихъ политическихъ сюрпризовъ прекращается русловое теченіе жизни, и вся она уходитъ внутрь, но не для работы самоусовершенствованія, а для того, чтобы переполниться внутренними болями. И умственный, и материальный уровень страны несомнѣнно понижается; исчезаетъ предусмотрительность; разрывается связь между людьми, и вместо всего на арену появляется существование въ одиночку и страхъ передъ завтрашимъ днемъ. Все это, конечно, равносильно доброй войнѣ.

Войну клянуть; собираютъ митинги, пишутъ трактаты объ устраненіи поводовъ къ ней или о замѣнѣ ея другимъ судомъ, менѣе безчеловѣчнымъ. Но забываютъ, что прелиминаріи войны гораздо мучительнѣе, нежели самая война. Война открываетъ доступъ самымъ дурнымъ страстямъ

(одни подрядчики и казнокрады чего стоять!); она изнурает страну материально; прелиминарий къ войнѣ производить въ странѣ умственное и нравственное разложение, погружаютъ ее въ мракъ ничтожества. Все дурное, неправое и безнравственное назрѣваетъ подъ влияниемъ смуты, заставляющей общество метаться изъ стороны въ сторону безъ руководящей цѣли, безъ всякаго сознанія сущности этихъ беспорядочныхъ метаний.

Общество, не знающее иного содержанія, кроме сплетенья и насильственно созданыхъ путъ, можетъ быть способно лишь къ прозябанію. Спрашивается однако-жъ: возможно ли бессрочное прозябаніе, и не должно ли оно постепенно перейти въ гніеніе?

Признаюсь откровенно: какъ ни мучителенъ для меня утвердительный отвѣтъ, но я вынужденъ сказать: да, прозябаніе не бессрочно.

III.

Чтобы вполнѣ оцѣнить гнетущее влияніе «мелочей», чтобы опутить ихъ во всей осозаемости, перенесемся изъ большихъ центровъ въ глубь провинціи. И чѣмъ глубже, тѣмъ яснѣе и яснѣе выступитъ иенормальность условій, въ которыхъ поставлено человѣческое существованіе *).

Въ губерніи вы прежде всего встрѣтите человѣка, у которого сердце не на мѣстѣ. Не потому оно не на мѣстѣ, чтобы было переполнено заботами объ общественномъ дѣлѣ, а потому, что все содержаніе настоящей минуты исчерпывается однимъ предметомъ: огражденіемъ прерогативъ власти отъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ нарушеній.

Прерогативы власти — это такого рода вещь, которая почти недоступна вполнѣ строгому опредѣленію. Здѣсь настоящее гибѣдилище чисто-личныхъ воззрѣній и оцѣнокъ, такъ что ежели взять два крайнихъ полюса этихъ воззрѣній, то между ними найдется очень мало общаго. Все тутъ неясно и смутно: и предѣлы, и степень, и содержаніе. Одно только прямо бросается въ глаза — это власть для власти, и, само собой разумѣется, только одна эта цѣль и преисполнѣется съ полнымъ сознаніемъ.

Въ спокойное время на помощь къ этой разнокалибер-

*.) Прошу читателя имѣть въ виду, что я говорю не объ одной Россіи: почти всѣ европейскія государства въ этомъ отношеніи устроены на одинъ образецъ.—*Лот.*

ишииъ является циркуляръ. Онъ стараётся съютиль противоположные полюсы личныхъ воззрѣній, приводить примеры, одно одобряетъ, другое порицааетъ и, въ заключеніе, все-таки взываетъ къ усмотрѣнію. Но вѣдь въ спокойное время человѣкъ, у которого сердце не на мѣстѣ, и самъ сидитъ спокойно. Онъ равнодушно прочитываетъ полученную рапою и говорить себѣ: «у меня и безъ того смиро—чего еще больше?.. Иванъ Иванович!—обращается онъ къ приближенному лицу:—кажется, у насъ ничего такого нѣтъ?»—И есть ли, нѣтъ ли, циркуляръ подчиивается къ числу прочихъ—и дѣлу конецъ.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется дѣло въ такъ называемая переходная эпохи, когда общество объято не-доумѣніями, страхомъ завтрашняго дня и исканіемъ новыхъ жизненныхъ основъ. Это—время «строгости и скорости». Тутъ циркуляръ не только теряетъ свое разъяснительное значеніе, но положительно запутывается.—Что такое: «а посему»? Почему «посему»?—безпокойно спрашиваетъ себя адресатъ. И вотъ начинаются утягиванья, натягиванья, и, наконецъ, личное усмотрѣніе вступаетъ въ свои права. «Строгость и скорость»—только и всего. Власть для власти, подозрительность, вмѣшательства—все призываются на помощь, лишь бы успокоить встревоженное сердце.

Наступаетъ истинный перенолохъ. И у себя дома, и въ канцелярияхъ, и въ гостяхъ у частныхъ лицъ, и въ общественныхъ мѣстахъ—вездѣ чудятся дурныя страсти, безначаліе и подрывы основъ, подъ которыми, за неясностью этого выраженія, разумѣются тѣ же излюбленныя прерогативы власти. Пускаются въ ходъ благосклонныя или язвительныя улыбки (смотря по обстоятельствамъ), нахмуренныя брови, воркотия; поднимается самъ собой указательный палецъ и грозить въ пространство. Уже не циркуляръ является руководителемъ, а газета, съ ея толками и инсинуациами...

Все это я не во снѣ видѣлъ, а воочію. Я слышалъ, какъ провинція наполнялась крикомъ, перекатывавшимся изъ края въ край; я видѣлъ и улыбки, и нахмуренныя брови; я ощущалъ ихъ дѣйствіе на самомъ себѣ. Я помню такъ называемая «столкновенія», въ которыхъ одинъ толкался, а другой думалъ единственно о томъ, какъ бы его не затолкали въ конецъ. Я не только ничего не преувеличиваю, но скорѣе не нахожу настоящихъ красокъ.

Я не говорю уже о томъ, какъ мучительно жить подъ

условиемъ такихъ метаний, но спрашиваю: какое горькое сознаніе униженія должно всплыть со дна души при видѣ одного этого неустанно угрожающаго указательного перста?

— Иванъ Иванович! кажется, къ намъ затесался анархистъ... Вотъ этотъ, черноватый, съ длинными волосами... И видѣ у него такой, точно сѣсть хочеть...

— Это у него отъ природы-съ,—робко пытается разубѣдить Иванъ Ивановичъ.

— Природа! знаемъ мы эту природу! Не природа, а порода. Природу нужно смягчать; торжествовать надъ ней надо. Нѣть, знаете ли что? Лучше намъ подальше отъ этихъ лохматыхъ! Пускай онъ идетъ съ своей природой, куда пожелаетъ. А вы между тѣмъ шепните ему, чтобы онъ держалъ ухо вострѣ!

Указательный палецъ поднимается самъ собой, а «лохматый», къ немалому своему испугу и удивленію товарищей, обязывается исчезнуть съ лица земли.

Или:

— А вѣдь у васъ, Федоръ Федоровичъ, въ вѣдомствѣ не совсѣмъ-то благополучно.

— Чѣмъ такое?—озабоченно спрашиваетъ Федоръ Федоровичъ.

— Да такъ... не скажу, чтобъ явное противодѣйствіе, а душою проявляется-таки. И при этомъ не безъ ироніи...

— Помилуйте-съ!

— А вы припомните, какъ вы мнѣ отвѣтили на мой запросъ о необходимости имѣть въ сердцахъ страхъ Божій? Конечно, я васъ лично не обвиняю, но письмоводитель вашъ—шилька!

— Но чѣмъ же я такое отвѣтилъ?

— А отвѣтили: «въ моемъ вѣдомствѣ страха Божія очень достаточно»... Н-да-съ...

Къ счастію, въ это время подвертывается Емельянъ Семеновичъ съ колодой картъ.

— Повинтить-съ?

— Съ удовольствіемъ.

Человѣкъ, у котораго сердце не на мѣстѣ, усаживается за винтъ; но когда кончается условленное число роберовъ, онъ все-таки не преминеть напомнить Федору Федоровичу:

— А насчетъ письмоводителя вы все-таки имѣйте въ виду. Я давно въ немъ замѣчаю. Нѣть у него этой теплоты чувства, этой, такъ сказать...

Таковъ человѣкъ, у котораго сердце не на мѣстѣ; а за

нимъ слѣдуетъ цѣлая свита людей, у которыхъ тоже сердце на мѣстѣ, у каждого по своему вѣдомству. И опять появляются на сцену лохматые, опять слышатся слова: «производѣйствіе», «иронія».

Мнѣ скажутъ, что все это мелочи, что въ извѣстныя эпохи отдельные личности имѣютъ значеніе настолько относительное, что нельзя формализоваться тѣмъ, что они исчезаютъ безслѣдно въ круговоротѣ жизни. Да вѣдь я и самъ съ того началь, что всѣ подобныя явленія называлъ мелочами. Но мелочами, которыхъ опутываютъ и подавляютъ...

Такимъ образомъ губернія постепенно приводится къ тому томительному однообразію, которое не допускаетъ ни обмына мыслей, ни живой дѣятельности. Вся она твердить одно и тѣ же подневольныя слова, не сознавая ихъ значенія и только руководствуясь однимъ соображеніемъ: что эти слова идутъ ходко на жизненномъ рынкѣ.

Капутъ ли эти мелочи въ вѣчность безслѣдно, или будутъ имѣть какія-нибудь послѣдствія—не знаю. Одно могу сказать съ иѣкоторою достовѣрностью, что есть мелочи, которыхъ, подобно сибирскому шару, чѣмъ дальше катятся, чѣмъ больше нарастаютъ и, наконецъ, образуютъ изъ себя глыбу.

Ежели мы спустимся ступенью ниже—въ уѣздъ, то увидимъ, что тамъ мелочи жизни выражаются еще грубѣе и еще меньше встрѣчаютъ отпора. Уѣздъ изстари былъ вмѣстилищемъ людей одинаковой степени развитія и одинакового отсутствія образа мыслей. Теперь, при готовыхъ дѣвизахъ изъ губерніи, разномыслѣ печезло окончательно. Даже жены чиновниковъ не ссорятся, но единомысленно подзываютъ: «ахъ, какой циркуляръ!»

Была минута, когда мировыя и земскія учрежденіязвнесли иѣкоторое оживленіе въ эту омертвѣлую среду, но время это памятно уже очень немногимъ современникамъ. Нынче и мировые, и земскіе дѣятели одинаково погрузились въ общую пучину единомыслия и одинаково твердѣть одно и тѣ же завѣтныя слова. Пришли новые люди и принесли съ собой сознаніе о вредѣ такъ-называемыхъ пререканій и о необходимости безусловно покориться вѣяніямъ минуты. А ежели и остались немногіе изъ недавнихъ «старыхъ», то они такъ легко выдержали процессъ передѣванія, что опознать въ нихъ людей, которые еще наканунѣ плели ланти съ подковыркою, совсѣмъ невозможно.

Главная цѣль, къ которой нынѣ направлены всѣ усилія уѣздной административной дѣятельности,—это справляться дома, своими средствами, и какъ можно меныше беспокоить начальство. Но такъ какъ выраженіе «свои средства» есть не что иное, какъ вольный переводъ выраженія «произволъ», то для подкрѣпленія его явилось къ услугамъ и еще выраженіе: «въ законахъ иѣтъ». Цѣлыхъ пятнадцать томовъ законовъ написано, а все отыскать закона не могутъ! Стоять эти томы въ шкау и безмолвствуютъ, а ключь отъ шкафа заброшены въ колодецъ, чтобы прочнѣе дѣло было.

Соберутся уѣздные дѣятели на воскресномъ пирогѣ у соборнаго протоіерея (нынѣ и онъ играетъ очень немаловажную роль) и ведутъ единомысленную бесѣду.

— Я въ своемъ участкѣ одного человѣка запримѣтилъ, — ораторствуетъ мировой судья: — надо бы къ нему легонечко подойти.

— А у насъ тутъ мѣщанинушко въ городѣ завелся, — подхватываетъ непремѣнныи членъ: — газету выписываетъ, книжки читаетъ... да и поговариваетъ. Въ базарные дни всякий народъ около его лавочки толчится, а онъ сидитъ и газету въ рукахъ держитъ... Долго ли до грѣха!

Исправникъ слушаетъ и безмолвствуетъ, только усами шевелить.

— Сократить бы! — изрекаетъ отецъ-протопопъ.

— Всенепремѣнно-сть, — подтверждаетъ предсѣдатель земской управы: — и я за однимъ человѣкомъ примѣчаю... Я ужъ и говорилъ ему: мы, братъ, тебя безъ шума, своими средствами... И представьте себѣ, какой нахаль: «попробуйте», говорить!

— Что-жъ, попробовать можно: — вставляетъ свое слово городской голова, усмѣхаясь въ бороду.

— И попробуемъ! — рѣшаетъ предводитель.

— И по-про-бу-емъ! — восклицаетъ исправникъ, вставая изъ-за стола.

Пирогъ съѣденъ, гости разошлись по домамъ, а на другой день «свое средство» уже въ ходу.

Такъ, изо-дня-въ-день, течетъ эта безразсвѣтная жизнь, вся поглощенная мелочами, чего-то отыскивающая и ничего не обрѣтающая, кромѣ усмотрѣнія.

Недаромъ же такъ давно идутъ толки о децентрализации, смѣшиваемой съ сатрапствомъ, и о расширѣніи власти, смѣшиваемомъ съ разнузданностью. Плоды этихъ толковъ,

до сихъ поръ, впрочемъ, остававшихся подъ спудомъ, уже достаточно выяснились. «Эти толки недаромъ! въ нихъ-то и скрывается настоящая интимная мысль!» — разсуждаетъ провинція и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, начинаетъ приводить въ исполненіе не законъ и даже не циркуляръ, а простые газетные толки, не предвидя впереди никакой ответственности.

Спустимся еще ступеню ниже — въ деревню, и мы найдемъ ее всецѣло отданио въ жертву мелочамъ. Тутъ мы прежде всего встрѣчимся съ «чумазымъ», который вследу проникъ съ союзниками своихъ агентовъ. Эти агенты рыщутъ по деревнямъ, устанавливаютъ цѣны, скапають, обѣщиваютъ, обмѣниваютъ, обсчитываютъ, платятъ несуществующими деньгами, являются на аукціоны, отъ которыхъ плачеть недоимщикъ, чутко прислушиваются къ бабьимъ стонамъ и цѣльми обществами закабаляютъ людей, считающихъся свободными. Словомъ сказать, вездѣ, гдѣ чуетъся нужда, горе, слезы, — тамъ и «чумазый» съ своимъ кошелькомъ. Мало того: чумазый виѣдрился въ самую деревню въ видѣ кабатчика, прасола, кулака, міроѣда. Эти ужъ дѣйствуютъ не наѣздомъ, а постоянно и не торопясь. Что касается до мірскихъ властей, то они безусловно отдались въ руки чумазому и думаютъ только объ исполненіи его прихотей.

Затѣмъ мы встрѣчаемся съ общиной, которая не только не защищаетъ деревенскаго мужика отъ виѣшнихъ и внутреннихъ неурядицъ, но сковываетъ его по рукамъ и ногамъ. Она не даетъ простора ни личному труду, ни личной инициативѣ, губить въ самомъ зародыши всякое проявленіе самостоятельности и, въ заключеніе, отдаетъ въ кабалу или выгоняетъ на улицу слабыхъ, не успѣвшихъ заручиться благорасположеніемъ міроѣда. Было время, когда надѣялись, что община обеспечить хоть кусокъ хлѣба слабому члену, но нынче и эти надежды разсѣялись. Оставленные надѣлы, покинутыя и заколоченные избы достаточно свидѣтельствуютъ о сладостяхъ деревенской жизни. Куда дѣвались обитатели этихъ опустѣлыхъ избъ? Увы! скоро самая память о нихъ исчезнетъ въ деревнѣ. Они получили паспорта и «ушли» — вотъ все, что известно; а удастся ли имъ виѣ родного гнѣзда разрѣшить поставленный покойнымъ Рѣшетниковымъ вопросъ: «Гдѣ лучше?» — на это все прошлое достаточно ясно отвѣтствуетъ: нѣть, не удастся.

Наконецъ, мы встрѣчаемся съ крестьянской избой, переполненной сварой, семейными счетами и непрестаннымъ гадѣніемъ. Въ этомъ миниатюрномъ ковчѣ нерѣдко юится нѣсколько поколѣній, отъ грудного младенца до ветхаго старика, который много лѣтъ, не испуская жалобы, лежить на печи и не можетъ дождаться смерти. Всевозможныя пасѣкомыя ползутъ по стѣнкамъ и сыплются съ потолка; всевозможныя звуки раздаются съ утра до вечера: тутъ и крикъ младенца, и пазойливое гоношеніе подростковъ, и брань взрослыхъ, и блеаніе облягнавшейся овцы, и мычаніе теленка, и вздохи старика. Цѣлый адъ, который только лѣтомъ, когда изба остается цѣлый день пустою, нѣсколько смягчаетъ свои сатанинскіе крики.

Ахъ, этотъ жалкій старикъ! Помнится, читалъ я въ одномъ изъ сборниковъ Льва Толстого сказку о старомъ коршунѣ. Вадумалось ему переселиться изъ родной стороны за море — вотъ онъ и сталъ переносить по очереди своихъ коршуниятъ на новое мѣсто. Понесъ одного, долетѣль до середины морской пучини и началъ допрашивать птенца: «будешь ли меня кормить?» — Натурально, птенецъ испугался и запищалъ: «буду». Тогда старый коршунъ бросилъ его въ пучину водную и возвратился назадъ. Поплылъ онъ съ другимъ коршуненкомъ, и опять повторилась та же сцена. Опять вопросъ: «будешь ли меня кормить?» — и отвѣтъ: «буду!» Бросилъ старый коршунъ и этого птенца въ пучину и поплылъ за третимъ. Но третій былъ настоящій коршунъ, безощадный и жестокій. На вопросъ «будешь ли меня на старости лѣтъ кормить?» — онъ отвѣчалъ прямо: «не буду!» И старый коршунъ бережно понесъ его до нового мѣста, воспиталъ и улетѣль прочь умирать.

Точно то же и тутъ. Выкормилъ-выноилъ старый Кузьма своихъ коршуновъ и полѣзъ на печку умирать. Сколько ужъ лѣтъ онъ мретъ, и все окончанія этому умиранию неѣть. Кости да кожа, ноги мозжать, всего знобить, спину до ранъ пролежаѣть, и когда-то-когда вѣзетъ къ нему на печь молодуха и обрядить его.

— Долго ли, батюшка, цамъ съ тобой маяться? — нетерпѣливо спрашивавшій его большакъ-коршунъ.

— Видно уже, пока смерть... — чуть слышно вздыхаетъ въ отвѣтъ старикъ. — Тюрьки бы мнѣ... побѣсть хочется!

Въ такой обстановкѣ человѣкъ поневолѣ дѣлается же стокъ. Куда скрыться отъ домашняго гвалта? на улицу —

но тамъ тоже гвалтъ: сходъ собрался — судять, рядить, сѣкуть. Со всѣхъ сторонъ, купно съ міроѣдами, обступило сельское и волостное начальство; всякий спрашивается, и передъ всякимъ отвѣтъ надо держать... А вотъ и ка-бакъ! Слышите, какъ Ванюха Безчастный на гармоникѣ заливается?

Какъ живутъ массы при такихъ условіяхъ? — Еще недавно на этотъ вопросъ я отвѣчалъ бы: они живутъ особыми жизнью, независимо отъ культурныхъ ухищреній. Но теперь, разобравшись ближе въ тинѣ мелочей, я не могу остататься при прежнемъ объясненіи. Культурный человѣкъ сдѣлался проницателенъ; онъ понялъ свою зависимость отъ жизни массъ и потому приспособляетъ послѣднюю такъ, чтобы будущее было для него обеспечено. Отсюда такая безконечная масса проектовъ, трактующихъ обѣ упрощеній и устраниеній. Семейная жизнь крестьянина, его отношеніе къ землѣ, къ промысламъ, къ панимателю, къ начальству — все выступило на арену, и всему предполагается учинить отчетливую и безвыходную регламентацию. Конечно, все это покуда «толки», но, какъ я сказала выше, въ извѣстной средѣ «толкамъ» дается даже большее значеніе, нежели ясно высказанному слову. Культурный глазъ проникаетъ въ мельчайшія подробности крестьянской жизни, а культурныя намѣренія несомнѣнно дадутъ ей соотвѣтствующую окраску. Самая возможность самостоятельного развитія исчезнетъ надолго, а сумма мелочей не только не удалится, но увеличится. И будетъ катиться эта глыба впередъ и впередъ, покуда не застрянеть среди дороги и не сдѣлаетъ ее непроходимою.

И много породить несчастливцевъ эта глыба, много — въ своемъ наростаніи — увлечь она жертвъ въ могилы.

Вотъ настоящія удручающія мелочи жизни. Сравните ихъ съ приключеніями Наполеоновъ, Орлеановъ, Баттенберговъ и проч. Сопоставьте съ европейскими концертами — и отвѣтьте сами: какія изъ нихъ, по всей справедливости, должны сдѣлаться достояніемъ исторіи и какія будутъ отмечены ею. Что до меня, то я даже ни на минуту не сомнѣваюсь въ ея выборѣ.

Говорятъ, будто Баттенбергъ прослезился, когда ему до-

ложили: «карета готова!» Еще бы! Все лучше быть какими-ни-на-есть державцемъ, нежели играть на бильярдѣ въ берлинскихъ кофейняхъ. Притомъ же, на первыхъ порахъ, его беспокоить вопросъ: что скажутъ свои? папенька съ маменькой, тетеньки, дяденьки, братцы и сестрицы? какъ-то встрѣтить его прочие Баттенберги и Орлеаны? Наконецъ, вѣдь ему придется отвыкать говорить: «Болгарія—любезное отчество наше!» Нѣть у него теперь отечества, нѣть и не будетъ!

Но всѣ эти тревоги скоро пройдутъ. Забудется Болгарія, забудется война съ Сербіей, и начнеть Баттенбергъ переходить изъ кофейни «Золотого Олена» въ кофейню «Золотого Рога», всюду, гдѣ въ огнѣ вывѣшено объявление: «продается пиво прямо изъ бочки». Русскую ли партію онъ будетъ играть на бильярдѣ — съ засаживаніемъ шаровъ въ лузу, или нѣмецкую — съ однimi карамболами? Нужно полагать, что, несмотря на неудачный конецъ, онъ все-таки сохранилъ благодарную память и предпочитетъ русскую партію всякой другой. А, впрочемъ... кто можетъ измѣрить глубину будущаго? кто можетъ сказать заранѣе, оснется ли Баттенбергъ навсегда въ кофейнѣ «Золотого Олена», или... А вдругъ состоится новый концертъ, и привезутъ его опять въ Болгарію, и опять онъ обрѣтеть «любезное отчество»!

Случайно или не случайно, но съ окончаніемъ Баттенберговскихъ походжденій затихли и европейскіе концерты. Визиты, встречи и совѣщанія прекратились, и всѣ разъѣхались по домамъ. Начинается зимняя работа; настаетъ время собирать матеріалы и готовиться къ концертамъ будущаго лѣта. Такъ оно и пойдетъ колесомъ, покуда есть на лицо человѣкъ (имя рекъ), который держитъ всю Европу въ испугѣ и смутѣ. А исчезнуть со сцены этотъ имя рекъ, на мѣстѣ его появится другой, третій.

«Паны дерутся, а у холоповъ чубы болятъ», говорить старая малороссійская пословица, и въ настоящемъ случаѣ она съ удивительною интуитуальностью примѣняется на практикѣ. Но только понимаетъ ли заманиловскій Авдѣй, что его злополучіе имѣть какую-то связь съ «молчаливымъ тостомъ»? что отъ этого зависить война и миръ, повышеніе или пониженіе курса, дороговизна или дешевизна, наличность баланса и отсутствіе его?

— А нутко, Авдѣй, отвѣтай, знаешь ли ты, что такое баланс?

IV.

Вспомнимъ сравнительно недавнее прошлое — и мы почувствуемъ себя среди цѣлой сѣти самыхъ воинъющихъ мелочей.

Я выросъ на лонѣ крѣпостного права, вскормленъ молокомъ крѣпостной кормилицы, воспитанъ крѣпостными мамками и, наконецъ, обученъ грамотѣ крѣпостнымъ грамотсемъ. Всѣ ужасы этой вѣковой кабалы я видѣлъ въ ихъ наготѣ.

Самые разнообразные виды рабской купли и продажи существовали тогда. Людей продавали и дарили, и цѣлыми деревнями, и по-одиночкѣ; отдавали въ услуженіе друзьямъ и знакомымъ; законтрактовывали партіями на фабрики, заводы, въ судовую работу (бурлачество); торговали реческими квитанціями и проч. Въ особенности жестоко было крѣпостное право относительно дворовыхъ людей: даже волосы крѣпостныхъ дѣвокъ эксплоатировали, продавая ихъ косы парикмахерамъ. Хотя законъ, изданный, вирочемъ, уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, и воспрещающій продажу людей въ-одиночку, но находили средства обходить его. Не дозволяли дворовымъ вступать въ браки и продавали мужчинъ (особенно поваровъ, кучеровъ, выездныхъ лакеевъ и вообще людей, обученныхъ какому-нибудь мастерству) по-одиночкѣ, съ придачею стариковъ, отца и матери — это называлось продажей цѣлымъ семействомъ; выдавали дѣвокъ замужъ въ чужія вотчины — это называлось: продать дѣвку на выводь. Женскій персональный помѣщичій былъ по преимуществу выдумчивъ по этой части. Не въ рѣдкость было въ то время слышать такие разговоры:

— Что же, сударыня, продадите, что ли, дѣвку-то? — спрашивала сосѣдь-помѣщикъ помѣщицу-кузака, черезчурь дорожившую живымъ товаромъ.

— Да дешево ужъ очень даете.

— Помилуйте! шестьдесятъ рублей (на ассигнаціи)! ихъ нынче по сорока рублей за штуку — сколько угодно!

— А вы за кого ее замужъ хотите отдать?

— Есть у меня, видите ли, вдовецъ. Не старъ еще, да дѣтей куча, тягла править не въ силахъ. Своихъ дѣвокъ изъ выданье у меня во всей вотчинѣ хоть широмъ подать, — попеволѣ въ люди идены!

— Вотъ видите ли, за вдовца! За шестьдесятъ рублей я дѣвку несчастною должна сдѣлать!

— Да прибавь ей, сударь, пять рубликовъ! — вступается мужъ помѣщицы-кулака.

— Ну, видно, нечего съ вами дѣлать. Извольте шестьдесятъ пять рублей.

— Хорошо, я согласна. Хоть и дешевенько, да для соѣда.

Торгъ заключался. За шестьдесятъ рублей дѣвку не соглашались сдѣлать несчастной, а за шестьдесятъ пять — согласились. Синенькую бумажку ея несчастье стоило. На другой день дѣвкѣ объявили черезъ старосту, что она — невѣста вдовца и должна навсегда покинуть родной домъ и родную деревню. Поднимался вой, плачь, но «задатокъ» былъ уже взятъ — не отдавать же назадъ!

То же продѣлывалось съ рекрутчиной, которая представляла уже серьезную статью дохода. Торговать рекрутами законъ не позволялъ, но продавать зачетный рекрутскій квитанцій было разрѣшено. Главный контингентъ для этого рода эксплоатации доставляли тѣ же дворовые люди. Встарину помѣщики охотно переводили крестьянъ въ дворовые, особенно ежели крестьянское семейство приходило по-чему-либо въ упадокъ. Дворовые люди представляли несомнѣнную выгоду. Во-первыхъ, имъ не нужно было давать «дней» для работы на себя, а можно было каждодневно томить на барской работѣ; во-вторыхъ, при ихъ посредствѣ можно было исправлять рекрутчину, не нарушая цѣлости и благосостоянія крестьянскихъ семей.

Я помню, какъ еще при первыхъ слухахъ о предстоящемъ наборѣ помѣщики гибѣда наполнялись шушуканьемъ. Помѣщики и помѣщицы, во время обѣда, чая и ужина, начинали говорить по-французски; лакеи настораживали уши, усиливаясь понять, на кого падеть жребій. Вообще весь воздухъ, начиная отъ конюшень и кончая барскими хоромами, наполнялся томительнымъ ожиданіемъ. За всѣмъ тѣмъ нужно замѣтить, что въ крестьянской средѣ рекрутская очередь велась неупустительно, и всякая крестьянская семья обязана была отбыть ее своевременно; но это была только проформа или, лучше сказать, средство для вымогательства денегъ. Зажиточныя семьи, въ большинствѣ случаевъ, откупались, и тутъ-то, вотъ, и шли въ ходъ зачетный квитанцій. Большая часть ихъ расходилась между своими, излишний — продавались на сторону.

Передъ отвозомъ людей въ рекрутское присутствіе сохранилась глубокая тайна относительно назначенныхъ въ рекруты. Послѣднихъ даже приголубливали, высказывали

имъ удовольствіе («Ванька! да никакъ ты ужъ и пить не
ресталь! Молодецъ, братъ!»). Но нѣкоторые чутъемъ уга-
дывали ожидающую ихъ участъ и скрывались, несмотря
на строгій надзоръ. Большинство не уходило дальше сво-
его же лѣса и скиталось тамъ, несмотря на зимній холодъ,
все время, покуда длилась процедура отвоза. Тѣмъ, кото-
рыхъ застигали врасплохъ или излавливали, набивали на
ноги колодки, надѣвали желѣзныя поручни или приковы-
вали къ «стулу» (такъ называлось толстое бревно, сквозь
которое продѣта была желѣзная цѣпь, оканчивавшаяся же-
лѣзнымъ ошейникомъ). Я думаю, что въ нѣкоторыхъ ста-
ринныхъ помѣщичьихъ гнѣздахъ эти орудія пытки сохра-
нились и по-днесь, во свидѣтельство прошлаго.

Самая барщина представляла рядъ распоряженій, кото-
рыя даже въ то, не знавшее законовъ, время считались
беззаконными. Законъ требовалъ, чтобы три дня въ не-
дѣлю крестьянинъ работалъ изъ помѣщика, а остальные
три дня предоставлялся ему для собственныхъ работъ. Но
у рѣдкихъ помѣщиковъ барщина отбывалась «брать на
брата»; у большинства—совсѣмъ не велось никакого учета,
или же послѣдній велся смотря по состоянію погоды и по
другимъ хозяйственнымъ соображеніямъ. При продолжитель-
номъ ненастѣ первые вѣдренные дни отдавались исключи-
тельно барщинѣ, при чемъ предполагалось, что крестьяне
уже воспользовались «своими днями» прежде, и т. д. Сло-
вомъ сказать, нельзя было не только разобраться въ этомъ
хаосѣ, но и опредѣлить, какъ изворачивается крестьянинъ,
какъ онъ устраивается на зиму и чѣмъ живеть. Но онъ
живъ—это считалось достаточнымъ.

И было время, когда всѣ эти ужасающія картины ни-
кого не приводили въ удивленіе, никого не пугали. Это
были «мелочи», обыкновенный жизненный обиходъ—и ни-
чего больше; а тѣ, которыхъ они возмущали, считались
подрывателями основъ, потрясателями законааго порядка
вещей.

Да, видно, каждая эпоха имѣть свои мелочи, свой соб-
ственный мучительный аппаратъ, при посредствѣ котораго
люди безъ особыхъ усилій доводятся до изступленія.

Но что всего замѣчательнѣе: даже тогда, когда само пра-
вительство обращало вниманіе на злоупотребленія помѣ-
щичьей власти и подвергало ихъ изслѣдованію,—даже
тогда помѣщики рѣшались хоть косвеннымъ образомъ про-
тестовать въ пользу «мелочей». При такъ-называемыхъ

новальныхъ обыскахъ сосѣди-помѣщики заявляли, что постуки злоупотребителя не выходить изъ категоріи дѣйствій, безъ которыхъ немыслимы ни порядокъ, ни доброе хозяйство; а депутатское собраніе, основываясь на этихъ отзывахъ, оставляло дѣло безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, и тѣ рѣдкія попытки, которыя предпринимались для смягченія крѣпостныхъ узъ, пропадали даромъ.

Это до такой степени вѣрно, что въ позднѣйшія времена мнѣ случалось слышать отъ нѣкоторыхъ помѣщиковъ, уже захудалыхъ и бесприютныхъ, такого рода наивная ретроспективная жалоба:

— Кабы мы въ то время были умнѣе, да не миролили бы своимъ расходившимся собратамъ, такъ, можетъ-быть, и теперь крѣпостное право существовало бы понрежнему!

Какъ же, дожидайтесь!

Наканунѣ крестьянскаго освобожденія, когда въ наболѣвшія сердца началь уже ироникать лучь надежды, случилось нѣчто въ высшей степени странное. Правительственные намѣренія были уже заявлены; мѣстные комитеты уже начали свою тревожную работу; но старые порядки, даже въ самыхъ воинъщихъ своихъ чертахъ, еще не были упразднены. Благодаря этому упущенію, несмотря на неизбѣжность грядущей «катастрофы», какъ тогда называли освобожденіе, крѣпостная отношенія не только не смягчились, но еще болѣе обострились.

Помѣщики потеряли всякую почву подъ ногами и взамѣнъ того приобрѣли даръ прозорливости. Провидѣли будущихъ грубьяновъ и смутителей, припомнiali прежнія провинности, слѣдили за выражениемъ физіономій, истолковывали тѣлодвиженія и улыбки, видѣли тревожные сны, вѣрили въ гаданья и т. д. Словомъ сказать, образовался цѣлый помѣщичій бредъ, имѣвши цѣлью обеспечить спокойствіе въ будущемъ. И такъ какъ старый законъ не былъ упраздненъ, то обезнеченіе представлялось дѣломъ легкимъ и удобоисполнимымъ. А именно, въ распоряженіи помѣщика находились два очень простыхъ средства: репрекутчина и ссылка въ Сибирь «по волѣ помѣщика» (такъ эта операциѣ называлась).

На этотъ разъ помѣщики дѣйствовали уже вполнѣ безкорыстно. Прежде отдавали людей въ рекрутъ, потому что это представляло хорошую статью дохода (въ Сибирь ссылали рѣдко и въ крайнихъ случаяхъ, когда уже, за ста-

остью лѣтъ, провинившагося нельзя было сдать въ сол-
даты); теперь они потеряли уже всякий расчетъ. Даже
тратили собственныйя деньги, лишь бы успокоить взбун-
тоженныя паникою сердца.

Это было уже въ 1859 году, и я служилъ тогда въ
одной изъ ближайшихъ къ Москвѣ губерній. Въ то же
время въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ процвѣталъ и
имѣлъ фабрику кунацъ Чумазый. Онъ очень ловко вос-
пользовался паникою, овладѣвшою помѣщичьей средой, и
предлагалъ желающимъ очень выгодную сдѣлку. Сдѣлка
остояла въ томъ, что крестьянамъ и дворовымъ людямъ,
айно отъ нихъ, давалась «вольная» и затѣмъ, тоже безъ
ихъ вѣдома, отъ имени каждого, въ качествѣ уже вольно-
гнущеннаго, заключался долгосрочный контрактъ съ хитро-
мымъ фабрикантомъ. Все это за дешевую плату легко
оборудовалъ мѣстный уѣздный судъ, несмотря на то, что
въ числѣ закабалившихъ себя были и грамотные *). И
вольная, и контракты прямо отданы были въ руки фабри-
канту; закабаленные же полагали, что надъ ними продѣ-
лываются остатки старыхъ порядковъ, и что помѣщикъ
просто отдать ихъ въ работы, какъ это дѣлявалось и
прежде. Затѣмъ, разумѣется, они надѣялись, что завтра-
ния свобода сама собой сниметъ съ нихъ оковы сегодня-
шняго рабства и освободить отъ насильственныхъ обяза-
тельствъ.

Для помѣщиковъ эта операция была несомнѣнно выгодна.
Во-первыхъ, Чумазый уплачивалъ хорошую цѣну за одни
крестьянскія тѣла; во-вторыхъ, оставался задаромъ крестьян-
скій земельный надѣль, который въ тѣхъ мѣстахъ имѣть
значительную цѣнность. Для Чумазаго выгода заключалась
въ томъ, что онъ на долгое время обеспечивалъ себя дешевою
рабочей силой. Что касается до закабляемыхъ, то
имъ оставалась въ удѣль надежда, что невзгода насти-
гааетъ ихъ... въ *послѣдній разъ!*

Однако-жъ дѣло раскрылось раньше, нежели на это раз-
считывали. Объявлена была девятая народная перепись,
и всѣ такъ-называемые вольные немедленно обязаны были
приобрѣсти себѣ права состоянія и приписаться къ какому-
нибудь обществу. Можно себѣ представить удивленіе за-

*) По закону, уѣздный судъ обязанъ былъ вручить вольную важ-
дому отпускаемому лично, въ присутствіи суда, и опросить, *эс-*
исть ли онъ быть вольнымъ.

закабаленныхъ, когда фабричное начальство погнало ихъ приписываться къ мѣщанскому обществу города Z.

— Мы не вольноотпущенны!—возопили они въ одинъ голосъ:—мы на-дняхъ сами будемъ свободные... съ землей! Не хотимъ въ мѣщане!

И вслѣдъ за этимъ нагрянули цѣлой толпой въ губернскій городъ съ жалобами па то, что наканунѣ освобожденія ихъ сдѣлали вольными помимо ихъ желанія.

Началось слѣдствіе, и тутъ-то раскрылись поползновенія Чумазаго, въ то время только-что начинавшаго раскидывать сѣти на всю Россію.

Дѣло надѣлало шума; но даже въ самый разгаръ эмансипаціонныхъ надеждъ рѣдко кто усмотрѣль его воиную сущность. Большинство культурныхъ людей отнеслось къ нему какъ къ «мелочи», болѣе или менѣе остроумной.

Въ клубѣ раздавался неудержимый хохотъ.

— Однако, догадливъ-таки Петръ Ивановичъ!—говорилъ одинъ про кого-нибудь изъ участниковъ въ этой драмѣ:— сдалъ деревню Чумазому—и правъ... Ха-ха-ха!

Ну, да и Чумазому это дѣло не обойдется даромъ!— подхватывалъ другой:—тутъ всѣ канцелярскія крысы добудутъ ребятишкамъ на молочинко... Ха-ха-ха!

Выискивались и такие, которые даже въ самой попыткѣ защищать закабаленныхъ увидали вредный примѣръ посагательства на освященные вѣкамъ права на чужую собственность, чуть не потрясеніе основъ.

— Шутка сказать!—восклицали они:— наканунѣ самой «катастрофы» и какое дѣло затѣяли! Не смѣеть, изволите видѣть, помѣщикъ оградить себя отъ будущихъ возмутителей, не смѣеть распорядиться своею собственностью! Слава Богу! права-то еще не отняли! Чтѣ хочу, тѣ съ своимъ Ванькой и дѣлаю! Вотъ завтра, какъ нарушите права—будетъ другой разговоръ, а покуда аттанде-сь!

Чумазый тоже горько жаловался на постигшее его злоключеніе.

— Помилуйте! — говорилъ онъ: — мы испоконъ вѣка такія дѣла дѣлали, завсегда у господъ людей скучали—иначе гдѣ же бы намъ работниковъ для фабрики добыть? А теперь, наткн., чтѣ случилось. И во снѣ не гадаю!

Само начальство, возбудившее преслѣдованіе, едва ли не раскаивалось: все-таки хлопоты.

Чѣмъ кончилось это дѣло, я не знаю, такъ какъ вскорѣ я оставилъ названную губернію. Вѣроятно, Чумазый поря-

очно поплатился, но затѣмъ, включивъ свои траты въ рафу: «издержки производства», успокоился. Возвратились и закабаленные въ «первобытное состояніе» и были ли новь освобождены на основаніи Положенія 19-го февраля, или и по-днесъ скитаются между небомъ и землей, оторванные отъ семей и питаясь горькимъ хлѣбомъ поденщины?

Рассказывая изложенное выше, я не разъ задавался вопросомъ: какъ смотрѣли народныя массы на опутывавшія ихъ со всѣхъ сторонъ бѣдствія? — и долженъ сознаться, что пришелъ къ убѣждѣнію, что и въ ихъ глазахъ это были не болѣе какъ «мелочи», какъ искони установившійся обиходъ. Въ этомъ отношеніи онѣ были вполнѣ солидарны со всѣми кабальными людьми, выросшими и состарѣвшимися подъ ярмомъ, какъ бы оно ни гнело ихъ. Онѣ привыкли.

Было время, когда люди выкрикивали на площадяхъ: «слово и дѣло», зная, что ихъ ожидаетъ впереди застѣнокъ со всѣми ужасами пытки. Нерѣдко они возвращались изъ застѣнковъ въ «первобытное состояніе», живые, но искалеченные и обезображеніе; однако это нимало не мѣшало тому, чтобы у нихъ во множествѣ отыскивались подражатели. И опять появлялось на сцену «слово и дѣло», опять застѣнки и пытки... Словомъ сказать, цѣлое повѣтряе своеобразныхъ «мелочей».

Правда, что массы безмолвны, и мы знаемъ очень мало о томъ внутреннемъ жизненномъ процессѣ, который совершается въ нихъ. Быть-можетъ, что придавившее ихъ ярмо совсѣмъ не представлялось имъ мелочью; быть-можетъ, они выносили его далеко не такъ безучастно и тупо, какъ это кажется по наружности... Прекрасно; но ежели это такъ, то какимъ же образомъ онѣ не вымирали сейчасъ же, немедленно, какъ только сознаніе коснулось ихъ? Одно сознаніе подобныхъ мукъ должно убить, а онѣ жили.

Поколѣнія наростили за поколѣніями; старики населяли сельскіе погосты, молодые хоронили стариковъ и выступали на арену мучительства... Ужели все это было бы возможно, ежели бы на помощь не приходило иѣчто смягчающее, въ формѣ исконного обихода, привычки и представлія о неизбывныхъ «мелочахъ»?

Шли въ Сибирь, шли въ солдаты, шли въ работы на заводы и фабрики; лили слезы, но шли... Развѣ такая солидарность съ злосчастіемъ мыслима, ежели послѣднее не представляется обыденною мелочью жизни? И развѣ не

иравы были жестокія сердца, говоря: «Помилуйте! или вы не видите, что эти люди живы? А коли живы—стало быть, имъ ничего другого и не нужно...»

Я могъ бы привести здѣсь примѣры изумительнейшей вынесливости, но воздерживаюсь отъ этого, зная, что частные случаи очень мало доказываютъ. Общее настроеніе общества и массъ—вотъ главное, чтѣ мени занимаетъ, и это главное свидѣтельствуетъ вполнѣ убѣдительно, что мелочи управляютъ и будутъ управлять міромъ до тѣхъ поръ, пока человѣческое сознаніе не вступитъ въ свои права и не научится различать терзающія мелочи отъ Баттенберговскихъ.

Когда наступить пора для этого различенія? — кто можетъ это угадать! Но сдается, что придется еще пережить эпоху чумазовскаго торжества, чтобы понять всю глубину обступившаго массы злосчастія. А что чумазый будетъ держаться за свое торжество упорно — за это ручаются его откровенно-нахальныя замашки и самоувѣренная безсовѣстность.

Нѣтъ опаснѣе человѣка, которому чуждо человѣческое, который равнодушенъ къ судьbamъ родной страны, къ судьбамъ ближняго, ко всему, кромѣ судебъ пущеннаго имъ въ оборотъ алтына. Таковъ современный чумазый. Повторю то, что я уже сказалъ въ предыдущей главѣ: русскій чумазый перенялъ отъ своего западнаго собрата его алчность и жалкую страсть къ виѣннимъ отличіямъ, но не усвоилъ себѣ ни его подготовки, ни трудолюбія. Либо панъ, либо пропалъ,—говорить онъ себѣ, и ежели легкая нажива не удается ему, то онъ не особенно рошаетъ, попадая, вмѣсто хоромъ, въ навозную кучу.

Русскій крестьянинъ, который такъ терпѣливо вынесъ на своихъ плечахъ иго крѣпостнаго права, мечталъ, что съ наступленіемъ момента освобожденія онъ поживеть въ мирѣ и тишинѣ и во всякомъ благомъ постиженіи; но онъ ошибся въ своихъ скромныхъ надеждахъ: кабала словно приросла къ нему. Чумазый преподнесъ ее ему на новоселье въ новой формѣ, но съ содержаніемъ горшіемъ противъ старой. Старая форма давала раны, новая — даетъ скорпионы; старая—томила барщиной и произволомъ (быть, впрочемъ, очень значительный разрядъ помѣщичьихъ имѣній, оброчныхъ, где крестьянинъ не зналъ барщины и жить, сравнительно, довольно льготно), новая — донимаетъ голодомъ. Чумазый вторгся въ самое сердце деревни и преступаетъ

мужика и на деревенской улицѣ, и за околицей. Обстановленный кабакомъ, лавочкой и грошовой кассой сеудь, онъ обмѣриваетъ, обиваетъ, обсчитываетъ, доводить питаніе мужичка до минимума и, въ заключеніе, взываетъ къ властямъ обѣ укроеніи людей, взволнованныхъ его же не-правдами. Поле деревенского кулака не нуждается въ наемныхъ рабочихъ: мужикъ обработаетъ его не за деньги, а за процентъ или въ благодарность за «одолженіе». Вонъ онъ, домъ кулака! вонъ онъ высится тесовой крышей надъ иночерибвшиими хижинами односельцевъ; издалека видно, скуда скрылся науки и откуда оно дено и пощю стелеть свою паутину.

Хирѣть русская деревня, съ каждымъ годомъ все больше и больше бѣднѣть. О «добрыхъ щахъ и брагѣ», когда-то воспѣтыхъ Державинымъ, нѣтъ и въ поминѣ. Толокно да тюря; даже гречневая каша въ рѣдкость. Населеніе растетъ, а границы земельного наѣла остаются тѣ же. Отхожіе промыслы, благодаря благосклонному участію Чумазаго, не представляютъ почти никакого подспорья.

Періодъ помѣщицкаго закреющенія канулы въ вѣчность; наступилъ періодъ закреющенія чумазовскаго...

V.

И нельзя сказать, чтобы не было дѣламо усилий къ огражденію массы отъ давленія жизненныхъ мелочей. Конечно, не мелочей нравственнаго порядка, для признанія которыхъ еще и теперь не наступило время, а для мелочей матеріальныхъ, для всѣхъ одинаково осозаемыхъ и наглядныхъ. И за то спасибо.

Вспомните до-реформенное административное устройство (я не говорю о судахъ, которые были безобразны), и вы найдете, что въ немъ была своего рода стройность. Не скажу, чтобы въ результатѣ этого строя лежала правда, но что вся совокупность этого сложнаго и искусственно-соображенія механизма была направлена къ огражденію отъ не-правды—это несомнѣнно. Жандармъ утирали слезы; прокуроръ съ цѣлою арміей стряпчихъ собирали слезы въ урины. Затѣмъ, и платки, и урины отсылались по начальству; начиналась переписка, запросы; требовались объясненія; нерѣдко оказывались и видимыя послѣдствія этихъ объясненій въ формѣ увольнений, отдачи подъ судъ и т. д. Самая администрація имѣла организацію коллегіальную, каждый членъ которой тоже утирали слезы и собирали

ихъ въ урну. Не больше какъ лѣтъ тридцать тому назадъ, даже было строго воспрещено производить дѣла единолично и не въ коллегіи. Словомъ сказать, сказывалось безспорное усилие оградить провинцію отъ скверны личнаго произвола.

Сколько тогда однихъ ревизоровъ было—страшно вспомнить. И для каждого нужно было дѣлать обѣды, устраивать пикники, катанья, танцевальные вечера. А уѣдетъ ревизоръ—смотришь, черезъ мѣсяцъ записка въ три пальца толщиной, и въ ней всѣ неправды изложены, а правды ни одной, словно ея и не бывало. Почесываютъ себѣ затылокъ губернскіе властелины и начинаютъ изворачиваться.

— Это въ благодарность за мои обѣды!—молвить одинъ.

— А я еще ему на дорогу цѣлый коробокъ съ провизіей послалъ!—отзовется другой.

Но, дѣлать нечего, отписываться все-таки приходилось. И отписывались...

Каждые два года прѣѣзжалъ къ набору флигель-адъютантъ, и тоже утирая слезы и подавая отчетъ. И отчеты не обѣ одномъ наборѣ, но и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, обѣ управлениіи вообще. Существуетъ ли въ губерніи правда, или нетъ ея, и что нужно сдѣлать, чтобы она существовала не на бумагѣ только, но и на дѣлѣ. И опять запросы, опять отписки...

Я не говорю уже о сенаторскихъ ревизіяхъ, которые назначались лишь въ крайнихъ случаяхъ и производили сущій погромъ. Ни одна метла не мела такъ чисто, какъ мель ревизующій сенаторъ. Камни на камни не оставалось; чины, начиная отъ губернатора до писца низшихъ инстанцій, увольнялись и отдавались подъ судъ массами, хотя обѣды, вечера и пикники шли своимъ чередомъ. Сенаторъ прѣѣзжалъ съ цѣлою свитою, и каждый членъ этой свиты старался что-нибудь запримѣтить, кого-нибудь подсидѣть. Иногда даже безъ особенной издобрости, а только чтобы выполнить задачу утираянія слезъ... и, можетъ-быть, чтобы положить основаніе своей будущей карьерѣ.

И вдобавокъ въ тѣ времена не было рѣчи ни о благонамѣренности, ни обѣ образѣ мыслей, ни о подрываніи основъ и т. д. Ничего подобнаго и не подозрѣвали. Просто прислушивались, не плачетъ ли кто, и ежели до слуха доходило нечто похожее на плачъ, то посыпали на помощь. «Рекрутство сопровождается несправедливостями и подкупомъ; новиціи выполняются несправедливо и безпорядочно; слѣд-

ственныя дѣла представляютъ картину сплошного взяточничества»—вотъ и все, о чёмъ тогда говорилось и писалось. Но развѣ этого мало? Помилуйте! да если бы ко всему этому прибавить еще «неблагонадежность», то вышло бы настоящее вавилонское столпотвореніе...

Однако-жъ все-таки оказывалось, что мало даже въ смыслѣ простого утиранія слезъ; до такой степени мало, что нынче отъ этой хитросплетеній организаціи не осталось и воспоминаній. Ревизоры приѣзжали и уѣзжали; на мѣсто ихъ приѣзжали другіе ревизоры и тоже уѣзжали; губернскіе чиновные кадры убывали и вновь пополнялись, а слезы все капали да капали... Нынѣ и платки, и урны сданы въ архивъ, гдѣ они и хранятся на полкахъ, въ ожиданіи, что когда-нибудь найдется любитель, который заглянетъ въ нихъ и напишетъ два-три анекдота о томъ, какъ утираніе слезъ постепенно превращалось въ наплеваніе въ глаза. Словно бѣлка въ колесѣ, вертѣлся этотъ взаимный административный контроль, ничего не защищая и не обезпечивая, кромѣ формъ и обрядовъ. Въ результатѣ оказывалось иѣчто въ родѣ игры въ casse-tête, гдѣ каждая фигурка плотно вкладывается въ другую, покуда не образуется иѣчто цѣлое, существующее выполнить изъ кучи кусочковъ нарисованную въ книжкѣ фигуру, не имѣющую никакого значенія виѣ процесса игры. Кончилась игра, надоѣла; спрятали кусочки въ коробку—и будетъ.

Я слишкомъ достаточно говорилъ выше (III) о современной административной организаціи, чтобы возвращаться къ этому предмету, но думаю, что она основана на тѣхъ же началахъ, какъ и въ былыя времена, за исключеніемъ коллегій, платковъ и урнъ. Къ послѣднимъ административнымъ приемамъ нынѣ относятся уже иронически, предпочитая строгость и скорость и оправдывая это предпочтеніе нарожденiemъ неблагонадежныхъ элементовъ. Но такъ какъ законъ упоминаетъ о татяхъ, разбойникахъ, расхитителяхъ, мздоимцахъ и проч., а неблагонадежные элементы игнорируютъ, то можно себѣ представить, какимъ разнообразнымъ и нежданнымъ толкованіямъ подвергается это новоявленное выраженіе.

Впрочемъ, я отнюдь не хочу утверждать, чтобы нынѣшняя администрація была плоха, нерасторопна и неспособна къ утиранію слезъ; я говорю только, что она, подобно своей предшественницѣ, лишена творческой силы.

Не утверждаю также, что такъ-называемые неблагона-

дежные элементы существуютъ только въ взбутораженныхъ воображенияхъ. Всякій порядокъ вещей хранить въ своихъ иѣдрахъ и споспѣшивающіе элементы, и неспоспѣшивающіе. Первые прозываются—благонадежными; вторымъ присваиваютъ наименование *неблагонадежныхъ*. Все это не только не противорѣчить истинѣ, по и вполнѣ естественно. Поэтому примириться съ этимъ явленіемъ необходимо, и вся претензія современного человѣка должна заключаться единственно въ томъ, чтобы оцѣнка подлежащихъ элементовъ производилась спокойно и не черезчуръ расторопно. Недостаточно сказать: вотъ (имя рекъ) неблагонадежный элементъ!—надо еще доказать, дѣйствительно ли онъ неблагонадеженъ и по отношению къ чему.

Можетъ-быть, самъ по себѣ взятый, онъ совсѣмъ не такъ неблагонадеженъ, какъ кажется вспыхахъ. Въ до-реформенное время, по крайней мѣрѣ, не въ рѣдкость было встрѣтить такого рода аттестацію: «человѣкъ образа мыслей благороднаго, но въ исполненіи служебныхъ обязанностей весьма усерденъ». Вотъ видите ли, какъ тогда правильно и спокойно оцѣнивали человѣческую дѣятельность: и благороденъ, и казеннаго интереса не чуждъ... Какая же въ томъ бѣда, что человѣкъ благороденъ?

Очевидно, что надежда на виѣшнюю помощь, въ смыслѣ удаленія терзающихъ мелочей, навсегда останется тщетною. Все въ этомъ дѣлѣ зависитъ отъ подъема уровня общественного сознанія, отъ коренного преобразованія жизненныхъ формъ и, наконецъ, отъ тѣхъ внутреннихъ и материальныхъ преуспѣяній, которыя должны представлять собой постепенное раскрытие находящихся подъ спудомъ силъ природы и усвоеніе человѣкомъ результатовъ этого раскрытия. Исчезновеніе признаковъ—вотъ существенныйшая задача, къ осуществленію которой естественно и неизбѣжно должно идти человѣчество, чтобы обеспечить себѣ спокойное развитие въ будущемъ.

Старинные утописты были вполнѣ правы, утверждая, что для новой жизни и основанія должны быть даны новыя, и что только при этомъ условіи человѣчество освободится отъ удручающихъ его золъ. Они наглядно рисовали картины новой жизни, вводили въ самыя иѣдра ея, показывали ее въ полномъ дѣйствіи. Вліяніе утопистовъ на общество чувствуется и теперь, хотя и до сихъ порь задача о новыхъ основаніяхъ заставляетъ метаться человѣчество въ уныніи и безнадежности. Каждыя жизни должны

раеть сердца, но въ концѣ концовъ даетъ очень мало удовлетворенія и требуетъ слишкомъ много жертвъ.

Ошибка утопистовъ заключалась въ томъ, что они, такъ сказать, усчитывали будущее, уснащая его мельчайшими подробностями. Стоя почти исключительно на почвѣ психологической, они думали, что человѣкъ самъ собой, независимо отъ вѣнчайшей природы и ея тайнъ, при помощи одной доброй воли, можетъ создать свое конечное благополучіе. Между тѣмъ человѣчество искони связано съ природой неразрывной связью и, сверхъ того, обладаетъ прикладной наукой, которая съ каждымъ днемъ приносить новые открытия. Фурье провидѣлъ ненужныхъ анти-львовъ и анти-акуль и не провидѣлъ ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфа, ни телефона, которые несравненно радикальнѣе вліяютъ на ходъ человѣческаго развитія, нежели анти-львы. Его смущалъ вопросъ объ удаленіи нечистотъ изъ помѣщений фаланстеровъ, и для разрѣшенія его онъ прибѣгнулъ къ когортамъ самоотверженныхъ, тогда какъ въ недалекомъ будущемъ дѣло устроилось проще—при помощи водоклизетовъ, дренажа, сточныхъ трубъ и, наконецъ, цѣлаго подземнаго города, образецъ котораго мы видимъ въ катакомбахъ Парижа. Въ заключеніе, онъ думалъ, что комбинированная имъ форма общежитія можетъ существовать во всякой средѣ, не только не рискуя быть подавленію, но и подготовляя своимъ примѣромъ къ восприятію новой жизни самыхъ закоренѣлыхъ профановъ,—и тоже ошибся въ разсчетахъ. Затѣмъ большинство его послѣдователей было таково, что придерживалось именно буквы ученія и, въ особенности, настаивало на его подробностяхъ. Въ результатѣ оказалось явное противорѣчіе съ безпрерывно нарастающими жизненными требованиями, а за противорѣчіемъ послѣдовало недовѣріе, смѣхъ, надругательства. Великія основныя идеи о привлекательности труда, о гармоніи страстей, объ общедоступности жизненныхъ благъ и проч. были заслонены провидѣніями, регламентацией и, въ концѣ концовъ, забыты или, по крайней мѣрѣ, разсыпались по мелочамъ.

Тѣмъ не менѣе идея новыхъ основаній для новой жизни, идея освобожденія жизни—исключительно при помощи этихъ новыхъ основаній—отъ мелочей, дѣлающихъ ее постылою, остается пока во всей своей силѣ и продолжаетъ волновать мыслящіе умы. Но къ ней прибавилась и еще безспорная истина, что жизнь не можетъ и не должна оста-

ваться неподвижною, какъ бы ии совершины казались, въ данную минуту, придуманныя для нея формы; что она идетъ впередъ и развивается, вѣрша общему принципу, въ силу которого всякий новый успѣхъ, какъ въ области прикладныхъ наукъ, такъ и въ области соціологіи, долженъ принести за собою новое благо, а отнюдь не новый недугъ, какъ это слишкомъ часто оказывалось донынѣ.

Что исторія изобрѣтений, открытій и вообще борьбы человѣка съ природой и донынѣ представляетъ собой сплошной мартирологъ—съ этимъ согласится каждый современный человѣкъ, если въ немъ есть хоть капля правдивости. Желѣзныя дороги уничтожаютъ на протяженіи своеемъ цѣлую серію промысловъ, дававшихъ цвѣтеніе и жизнь. Села и деревни пустѣютъ; населеніе бѣжитъ; дома, дававшіе пріютъ массѣ путниковъ, уныло стоять съ заколоченными ставнями; лошади и другой скотъ сбываются за безценокъ; наконецъ, появляется особая категорія дотолѣ неизвѣстныхъ преступныхъ дѣяній. Новая ткацкая машина, новый плугъ, сѣнокосилка, жнея—все это угожаетъ меньшинство и обездоляиваетъ цѣлые массы рабочихъ силь. Конечно, пройдутъ десятки лѣтъ, и массы пріобыкнутъ, найти новые источники существованія, такъ что, въ общемъ, измѣненіе произойдетъ даже къ лучшему. Но вѣдь эти десятки лѣтъ надо прожить.

И такимъ образомъ идеть изо-дня-въ-день съ той самой минуты, когда человѣкъ освободился отъ ига фатализма и открыто заявилъ о своемъ правѣ проникать въ завѣтнѣйшие тайники природы. Всякій день непредвидимый недугъ настигаетъ сотни и тысячи людей, и всякий день «благополучный человѣкъ» продолжаетъ твердить одну и ту же пословицу: «перемелется—мука будетъ». Отъ твердить ее даже на крайнемъ Западѣ, среди ужасовъ отищенія, все глубже и шире раздвигающаго свои предѣлы.

Ясно, что идеть какая-то знаменательная внутренняя работа, что народились новые подземные ключи, которые кипятъ и клюкочутъ съ очевидной рѣшимостью пробиться наружу. Исконное теченіе жизни все больше и больше заглушается этимъ подземнымъ гудѣніемъ; трудная пора еще не наступила, но близость ея признается уже всѣми.

Въ особенности на Западѣ (во Франціи, въ Англіи) попытки отдалить моментъ общественнаго разложенія ведутся очень дѣятельно. Предпринимаются обезпечивающія мѣры; устраиваются компромиссы и соглашенія; раздаются при-

зывы къ самоожертвоанію, къ уступкамъ, къ удовлетворенію наиболѣе воинствующихъ нуждь; наконецъ, имются на готовъ войска. Словомъ сказать, въ усилияхъ огородиться или устроить хотя временно примиреніе съ «дикимъ» человѣкомъ недостатка нѣтъ. Весь вопросъ—будутъ ли тѣ усиія имѣть успѣхъ?

На мой взглядъ, желанный успѣхъ не только сомнительенъ, но и прямо невозможенъ. Выражу здѣсь мою мысль вполнѣ откровенно. Чѣмъ больше дѣлается попытокъ въ смыслѣ компромиссовъ, чѣмъ больше возлагается надеждъ на примиреніе, тѣмъ выше становится уровень требованій противной стороны. Это аксиома, быть-можетъ, очень неудѣштвительная, но все-таки аксиома. Поневолѣ приходится отказаться отъ попытокъ и оставить дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ застала его минута.

Но, съ другой стороны, и оставить мудрено. Нутро заинтересовано,—поймите: нутро! Сердце бьется, весь организмъ болитъ—какъ тутъ не заговорить! А при этомъ приличie требуетъ оставаться хоть наружно спокойнымъ, казаться доброжелательнымъ, дѣйствительно жаждущимъ примиренія безъ задней мысли:—завтра, дескать, посмотримъ!—Тщетно! завтрашній день настанетъ при тѣхъ же условіяхъ, какъ и сегодняшній; завтра выступятъ тѣ же требования и та же безконечная канитель переговоровъ... Эта перспектива раздражаетъ еще сильнѣе.

Спрашивается, однако-жъ: что дѣлать, чтобы устранить грядущую смуту?

Повторю: я выражаютъ здѣсь свое убѣжденіе, не желая ни прѣтъ противъ рожна, ни тѣмъ менѣе дразнить кого бы то ни было. И сущность этого убѣжденія заключается въ томъ, что человѣчество безсрочно будетъ томиться подъ игомъ мелочей, ежели заблаговременно не получится полной свободы въ обсужденіи идеаловъ будущаго. Только одно это средство и можетъ дать ощутительные результаты.

Господствующее миѣниe, руководимое политиканами, не только у насъ, но и въ цѣлой Европѣ, не признаетъ, однako-жъ, этой истины. Политиканы охотнѣе допускаютъ расширение свободы въ обсужденіи задачъ политическихъ, нежели соціальныхъ. Послѣднія считаются не только преждевременными и ни къ чему не ведущими, но и положительно опасными. Самая постановка ихъ будто бы равносильна посягательству на существующій порядокъ вещей, возбужденію дурныхъ страстей и несбыточныхъ надеждъ.

Ежели и политическая новшества влекутъ за собой зло, не легко поправимое, то, по крайней мѣрѣ, они скользятъ по поверхности, не затрагивая коренныхъ основъ, на которыхъ искони зиждатся общество и государство. Напротивъ того, новшества соціальныя проникаютъ въ самую глубь массъ, порождаютъ въ нихъ озлобленіе, будятъ инстинкты зависти и алчности и, наконецъ, вызываютъ на открытую борьбу. Однимъ словомъ, вредъ, принесенный стариными утопистами и ихъ позднѣйшими послѣдователями, сдѣлался, въ глазахъ политиковъ, настолько ясенъ, что поощрять утопію и даже оставаться къ ней равнодушнымъ не представляется никакой возможности.

Нельзя не признать, что въ этомъ сужденіи есть извѣстная доля правды, и именно въ томъ, что касается политическихъ новшествъ. Послѣднія действитель но только скользятъ по поверхности, перемѣщая центръ власти изъ одиныхъ рукъ въ другія (отъ Баттенберга къ Меренбергу и т. д.) и отчасти расширяя (впрочемъ, очень умѣренно) кадры правящихъ классовъ. Въ массы народныя они проникаютъ въ видѣ отдаленнаго гула, не измѣняя ни одной черты ни въ ихъ бытѣ, ни въ ихъ благосостояніи. Поэтому массы относятся къ подобнымъ новшествамъ не только равнодушно, но и съ удивленіемъ, не понимая, почему у кормила понадобился въ данную минуту Гизо, а Тьеръ оказался ненужнымъ.

Напротивъ, то же господствующее мнѣніе оказывается совершение неправымъ относительно новшествъ соціологическихъ. И неправо оно, во-первыхъ, потому, что въ основаніи соціологическихъ изысканий лежитъ предусмотрительность, которая всегда была главнымъ и существеннымъ основаніемъ развитія человѣческихъ обществъ, и, во-вторыхъ, потому, что ежели и справедливо, что утопіи производили въ массахъ извѣстный переполохъ, то причину этого нужно искать не въ открытомъ обсужденіи идеаловъ будущаго, а скорѣе въ стѣсненіяхъ и преслѣдованіяхъ, которыми постоянно сопровождалось это обсужденіе.

Встрѣчаются и понынѣ люди, на которыхъ простое напоминаніе о правѣ человѣка массъ на участіе въ благахъ жизни производить дѣйствіе пытки. Но это уже дѣло личнаго темперамента или стариинаго, вкоренившагося предразсудка—и ничего больше. Если-бы эти люди умѣли разсудить, если-бы они были въ состояніи проникать въ тайны человѣческой природы, то они поняли бы, что одну изъ

неизбѣжныхъ принадлежностей этой природы составляетъ развитіе и повышеніе уровня нравственныхъ и материальныхъ потребностей. Немыслимо, чтобы человѣкъ смотрѣлъ и не видѣлъ, слушалъ и не слышалъ, чтобы онъ жилъ какъ растеніе, цвѣтя или увядая, смотря по уходу, который ему дается, независимо отъ его дѣятельнаго участія въ немъ.

Самая наглядная очевидность требуетъ, чтобы общественные вопросы всегда стояли на очереди и постоянно подвергались разработкѣ. Нѣть нужды, что разработка эта не обойдется безъ ошибокъ и заблужденій,—при открытомъ обсужденіи не только ошибки, но и самыя нелѣпости легко устраняются при помощи полемики. Во всякомъ случаѣ, такое обсужденіе представляетъ гораздо менѣе риска, нежели тайныя общества и подземная работа нарастающихъ общественныхъ элементовъ, которые, при отсутствіи свѣта и воздуха, невольнымъ образомъ обостряются и пріобрѣтаютъ угрожающей характеръ.

Затѣмъ естественно возникаетъ вопросъ: если ужъ нельзя не ощущать паники при одномъ словѣ «новшества», то какія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ наибольшую сумму угрозъ: политической или соціальной?

На мой взглядъ—первый. Прежде всего, они почти всегда настигаютъ общество внезапно; сверхъ того, сравнительно бѣдныя результатами, они непосредственно затрагиваютъ личные интересы и уязвляютъ личную честолюбія. Повторю: они перемѣщаются центры власти, въ ущербъ или къ выгодѣ немногихъ заинтересованныхъ личностей, но безъ существенной пользы для массъ. Напротивъ того, соціальные новшества ежели и не влекутъ за собой прямого освобожденія массъ отъ удручающихъ мелочей, то представляютъ собой непрерывную подготовку къ такому освобожденію.

Подготовка эта, безъ сомнѣнія, получитъ вполнѣ спокойное развитіе, если при этомъ не будетъ встрѣчаться виѣнскихъ усложненій. А для этого нужно только терпѣніе и свобода отъ предразсудковъ—ничего больше.

Сами массы совсѣмъ не такъ нетерпѣливы и не представляютъ черезчуръ несоразмѣрныхъ требованій, какъ объ этомъ привыкли воپять встревоженные умы. Прислушайтесь къ этимъ требованіямъ, и вы безъ труда убѣдитесь, что даже тахіумъ ихъ, сравнительно, не очень великъ. И причина этой умѣренности очень проста: человѣку массъ не откуда взять идеаловъ, роскоши пресыщенія или

даже простого довольства,— онъ не знаетъ ихъ. Всѣ его желанія по части новшествъ ограничиваются лишь тѣмъ, что составляетъ действительную и неотложную нужду. Парижскій рабочій не мечтає ни о ракахъ *à la bordelaise*, ни о житѣ въ пространныхъ налаццо, среди роскошной обстановки; но онъ, конечно, не откажется ни отъ *choucroute*, ни отъ свѣтлаго и хорошио вентилированнаго помѣщенія. Непрятательность этой претензіи уже начинаеть уясняться для самихъ политиковъ, и предусмотрительнѣйше изъ нихъ не отказываются отъ попытокъ въ смыслѣ ихъ удовлетворенія. Только попытки эти представляютъ собой каплю въ морѣ и потому достигаютъ лишь очень немногихъ частныхъ результатовъ.

Само собой, впрочемъ, разумѣется, что я говорю здѣсь вообще, а отнюдь не примѣнительно къ Россіи. Послѣдняя такъ еще молода и имѣть такъ много задатковъ здороваго развитія, что относительно ея не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо новшествахъ.

Итакъ, терпѣніе, милостивые государи! Терпѣніе съ небольшой прибавкой доброжелательства и рѣшимости разрѣшать назрѣвающіе вопросы жизни не одной постановкой обнаженнаго *fin de non recevoir*, но и съ участіемъ свободнаго анализа.

Часть первая.

I.

НА ЛОНЪ ПРИРОДЫ

и

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ УХИЩРЕНИЙ.

1.—Хозяйственный мужичокъ.

Извѣстно ли читателю, какъ поступаетъ хозяйственныи мужикъ, чтобы обезпечить сытость для себя и своего семейства? О! это цѣлая наука. Тутъ и хитрость змія, и изворотливость дипломата, и тщательное знакомство съ окружающею средою, ея обычаями и преданіями, и, наконецъ, глубокое знаніе человѣческаго сердца.

Прежде всего, онъ начинаетъ съ самого себя, съ своей семьи, съ работника или работницы, ежели у него есть, съ людей, созываемыхъ на помочи, и т. д. И главная забота его заключается въ томъ, чтобы этотъ рабочий улей какъ можно умѣренѣе потреблялъ ёды и, въ то же время, былъ достаточно сытъ, чтобы устоять въ непрерывной работе. Первый предметъ, представляющійся его вниманію—хлѣбъ. Онъ не подаетъ на столъ мягкаго хлѣба, а непремѣнно черствый—почему?—потому что черствый хлѣбъ спорѣ; мягкаго хлѣба вдвое съѣсть. Затѣмъ, онъ круглый годъ льеть въ кашу не коровье масло, а конопляное, хотя первое можно найти дома, а второе нужно купить, и оно обойдется почти не дешевле коровьяго—почему?—потому что падей мужику коровьяго масла — онъ вдвое пани

съѣсть. Свѣжую убоянну онъ употребляетъ только по самыиъ большими праздникамъ, потому что она дорога, да въ деревнѣ ея, пожалуй, и не найдешь; но главное потому, что тутъ ему ужъ не сладить съ разсчетомъ: каково бы ни было качество убоянны, мужикъ набрасывается на нее и наѣдается до пресыщенія. Одно средство—за рѣдкими исключеніями, совсѣмъ изгнать ее изъ насыщающаго обихода.

Не менѣе мудро поступаетъ онъ и съ гостями во время пирожаній, которыя приходятся на большииѣ праздники, какъ Рождество, Пасха или престольные, и на такія семейныя торжества, какъ свадьба, крестины, именины хозяинки и хозяина. Онъ прямо подносить приходящему гостю большой стаканъ водки, чтобы онъ сразу захмелѣлъ.

— Какъ поднесу я ему стаканъ,—говорить онъ:—его сразу ошеломить; ни пить, ни есть потомъ не захочется. А коли будетъ онъ съ самаго начала по рюмочкамъ пить, такъ онъ одинъ всю водку сожретъ, да и єды на него не панасешься.

Скотину онъ тоже закармливаетъ съ осени. Осеню она и свиа съ сырцой поѣсть, да и тѣло скорѣе нагуляться. Какъ нагулястъ тѣло, она ужъ зимой немногого корму запросить, а къ веснѣ, когда кормы у всѣхъ къ концу подойдутъ, подкинешь ей соломеній рѣзки—и на томъ Богъ проститъ. Все-таки она до новой травы выдержитъ, съ цѣлыми ногами въ поле выйдетъ.

Таковы характеристическія черты крестьянскаго хозяйственнаго быта, тѣ черты, которыми опредѣляется дальнѣйшее его жизнестроительство. Голова скромнаго хозяйственнаго мужичка не знаетъ отдыха; съ утра до вечера она занята всевозможными устроительными подробностями. Много лежитъ на немъ обязанностей: прежде всего нужно, конечно, опредѣлить крайній штѣптиш, чтобы прокормить себя и семью; потомъ—подумать объ уплатѣ денежныхъ сборовъ и отыскать средства для выполненія этой обузы; наконецъ, ежели окажутся лишки, то помечтать о такъ-называемой «полней чашѣ». Но расчеты его черезчуръ часто нарушаются. Безпрестанно встрѣчаются экстренные расходы: то свадьба въ домѣ, то крестины—все это составляетъ предметъ мучительныхъ заботъ. Мужику все нужно; но главиѣ всего нужна предусмотрительность, умѣніе заблаговременно приготовиться и запастись, способность изчурияться, не жалѣть личнаго труда, лишь бы какъ можно менѣе истратить денегъ.

Дешги—это кровная язва крестьянского быта. Дома крестьянинъ очень мало въ нихъ нуждается—только на соль да вино, да на праздничную убоину. Отъ времени до времени требуется сшить дѣвушкѣ-невѣстѣ ситцевый сарафанъ, купить платокъ, готовый шугайчикъ; по возвращеніи изъ поѣздки въ городъ, хочется побаловать ребятъ калачомъ или баранками. Въ кои-то вѣки онъ купитъ праздничный армякъ синяго сукна для себя и недорогой матери на сарафанъ для жены. Вотъ и вся его домашняя денежная трата. Остальное онъ долженъ добыть на уплату всевозможныхъ сборовъ.

Ради нихъ онъ обязывается урвать отъ своего куска нѣчто, считающееся «лишнимъ», и свезти это лишнее на продажу въ городъ; ради нихъ онъ лишаетъ семью молока и отпаиваетъ теленка, котораго тоже везеть въ городъ; ради нихъ онъ, въ дождь и стужу, идеть за тридцать-сорокъ верстъ въ городъ пѣшкомъ съ возомъ «лишняго» сѣна, ради нихъ его обсчитываетъ, обмѣриваетъ и ругаетъ скверными словами купецъ или кулакъ; ради нихъ въ самой деревнѣ его держить въ ежовыхъ рукавицахъ міроѣдъ. Самого его не только не тянетъ къ міроѣству, но онъ и способностей къ нему не имѣть: онъ просто толковый и хозяйственный мужикъ.

Неудивительно, стало-быть, что онъ весь погруженъ въ одну думу: спасти себя и присныхъ.

И онъ настолько привыкъ къ этой думѣ, настолько усвоилъ ее съ молодыхъ ногтей, что не можетъ представить себѣ жизнь въ иныхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, которыхъ будто сами собой создались для него. Онъ идеть за возомъ въ городъ, думаетъ и въ то же время ищетъ глазами. Подкова на дорогѣ валяется—онъ ее за пазуху спрячетъ (найденная подкова предвещаетъ счастіе), бумажку кто-нибудь обронилъ, окурокъ папироски—онъ и ихъ поднимаетъ; даже клочокъ навоза кинетъ въ тѣлѣгу и привезеть домой. Сегодня клочокъ, завтра клочекъ—смотришь, ань и цѣлый возокъ наберется. Въ городѣ онъ отстаиваетъ себя до послѣдней крайности, но почти всегда безъ успѣха, потому что городская обстановка ошеломляетъ его; тамъ все бары живутъ да купцы, которые тоже барами смотрятъ—чуть что, и городовой къ нимъ на помощь подоспѣть, въ кутузку его, сиволапаго, потащать. Гдѣ ему, темному и безграмотному мужику, спастись отъ всѣхъ ловушекъ, которыхъ специально для него разставлены? Поэтому онъ про-

дастъ свой товаръ по произвольно-установленной цѣнѣ, пакоро кормить лошадь и, сдѣлавши необходимыя закупки, сиѣшти засѣйтъ доѣхать домой. Здѣсь онъ разсчитываетъ себя, откладываетъ гропи къ гропамъ, разглаживаетъ и разсмотриваетъ на свѣтъ скойканныя ассигнаціи и прачеть выручку въ завѣтную кубышку. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что получка далеко не оправдываетъ ожиданий.

Подобная неудача встрѣчаются очень часто и до боли его трогаютъ. Но онъ отъ него не зависятъ: все равно, застигнуть ли онъ его, или благополучно пройдуть мимо,—все равно, ему и еще, и еще придется идти имъ павстрѣчу и подчиниться. Надо, стало-быть, забыть о неудачахъ и стараться наверстать на чемъ-нибудь другомъ. И онъ, не успѣвшіи отдохнуть съ дороги, обходить дворъ, осматривается, все ли вездѣ въ порядкѣ, заданъ ли скоту кормъ, жирѣть ли поросенокъ, котораго откармливаютъ на продажу, не стерась ли ось въ телѣгѣ, на мѣстѣ ли чеки, не подгнили ли слеги на крыше двора, можно ли надѣяться, что воинъ этотъ столбъ, одинъ изъ тѣхъ, которые поддерживаютъ дворъ, некоторое время еще простоять. Онъ береть въ руки топоръ и до самаго ужина стучить имъ и облаживаетъ замѣченные огрѣхи. Словомъ сказать, спасаетъ себя.

Въ свое время онъ принасается, стараясь прежде всего вырвать то, что достается задаромъ, а потомъ ужъ думаетъ о томъ, чтобы какъ можно дешевле приобрѣсти то, чего нельзя достать иначе, какъ за деньги. Лѣтомъ оврагъ, раздѣляющій деревню на двѣ половины, совсѣмъ засыхаетъ; по въ весеннее половодье онъ наполняется до краевъ водою, бурлить и шумѣть. Изъ сосѣдней рѣчки Пинковки заходить туда рыба: головли, ерши, язи, плотва, окунь, щуки. Заботливый хозяинъ пользуется этимъ даровыемъ прибылью и ставитъ вѣрши. Онъ больше всего радуется щукѣ, которая хоть и костиста, но зато попадается крупныхъ размѣровъ и притомъ годна къ солкѣ впрокъ. Онъ наполняетъ ею всѣ кадочки и бочонки, какие только найдутся въ домѣ, и въ продолженіе всего лѣта лакомить себя, семью и домочадцевъ соленою рыбкой. Рыба тверда, почти несъѣдобна, но зато она спора, ее меньше съѣдятъ — и это все, что требуетъ доказать. Притомъ же на столѣ ставится чашка не съ пустыми щами, а ищи съ рыбой; а это означаетъ тароватость. Про такого мужика говорятъ:

«онъ живеть таровато, у него щи съ рыбой ъдять». И работники идутъ къ нему охотище, и помочь онъ скорѣе сбереть.

Весной же онъ запасается солониной. Прослышишь, что гдѣ-нибудь корова отъ безкорницы елс-жива, а владѣльца этой коровы сборами нажимаютъ, устроится съ тремя-четырьмя другими заботливыми хозяевами въ-складчину, и купятъ коровью мясную тушу за пять рублей. Въ ней большие костей, нежели мяса, да и мясо неуваристое, точно мочало, а все-таки мало-мало двѣнадцать пудовъ этого мяса найдется — пудъ-то обойдется какихъ-нибудь сорокъ копеекъ. И вотъ у него на все лѣто солонины хватить. За неимѣніемъ ногребовъ, солонина зарывается въ землю, но къ наступленію лѣтиаго мясобѣда все-таки сильно принахивается; но это дѣлаетъ ее еще спорѣ. Мужикъ и съ запашкомъ убогину съѣсть, по, разумѣется, меныше, нежели если-бъ она была совсѣмъ свѣжая. Стало-быть, и тутъ выгода.

Главное, поддержать въ исправности силы, необходимыя для лѣтий страды. Не найдаться, а именно только въ иѣру себя поддерживать. А какъ и чѣмъ этого достигнуть — вопросъ второстепенный.

Лѣтомъ мужикъ весь въ работе. Лѣнивый и захудалый мужичонко — и тогъ не сходитъ съ полосы, а хозяйственныи мужичокъ просто-на-просто мретъ на ней. Онъ почти не спитъ; ложится поздно, встаетъ съ зарей (по вечерней и утренней зарѣ косить траву спорѣ) и спѣшить на работу. Вѣчно тревожимый думою о насущномъ хлѣбѣ, онъ набралъ у сосѣдняго помѣщика пустошныхъ покосовъ исполну и даже изъ третьей конны, косить до глубокой осени и только съ большой натугой успѣваетъ сиравиться съ работой. И жена, и взрослыя дѣти — всѣ мучатся хуже каторги; даже подростки — и тѣ раздѣляютъ общую страдную муку. Зато въ концѣ авгуаста онъ уже можетъ разсчитать, что своего хлѣба у него хватить до масляной. Но сѣна вдоволь: есть чѣмъ и скотину прокормить, и на сторону продать можно. Сѣно — главная его надежда. Земельный па-дѣль такъ ограниченъ, что зернового хлѣба сѣется ма-лость; сѣна же онъ можетъ добыть задаромъ, то-есть только потративъ не жалючи свой личный трудъ на уборку. Мало его личнаго труда — онъ ходить по сосѣдямъ, сби-раетъ пѣмочки. Обыкновенно на пѣмочи выходить въ праздники, а это тоже доставляетъ своего рода спорость: прогулъ-

ныхъ дней меньше. Всѣ знаютъ, что у него и рыбы, и мяса насолено, и коноплянаго масла непочатый боченокъ стоить, и чарка водки найдется,—и идуть къ нему. Идуть весело, съ пѣснями, работаютъ споро; онъ въ первой косѣ. Хотя съ работы возвращаются не поздно, но на міру работа идетъ вдвое спорѣ; все-таки угощенье наполовину дешевле обойдется, нежели ту же пустошь наемными рабочими убрать. Да и хозяину веселѣ, когда кругомъ все кипитъ и спорится. Это, можетъ-быть, однѣ изъ рѣдкихъ минутъ, когда въ немъ сердце взаправду играетъ.

Однако къ концу страды даже онъ начинаетъ тощать на работѣ. Лицо у него почернѣло подъ слоемъ вѣнчейся пыли; домашніе еле бродятъ. Къ счастію, страда кончается: и съ озимымъ отсѣялись, и снопы съ поля свезены и сложены въ скирды, и послѣднее сѣно убрали. Наступаетъ осень, иногда румяная, иногда сопровождаемая ливнями. Осень тоже имѣеть свою страду, но ужъ больше снисходительную. Работаютъ преимущественно подъ крышей или вблизи дома, на гумиѣ, на огородѣ. Слышится стукъ цѣповъ; воздухъ насыщается запахомъ созрѣвшихъ овощей. Но хозяйственній мужичокъ зорко слѣдить за атмосферическими измѣненіями, потому что и сплошь-румяная осень можетъ повредить, и отъ слишкомъ частыхъ дождей хозяйство, пожалуй, пострадаетъ. Всего лучше, ежели погода перемежающаяся — тогда его сердце успокаивается до весны. Онъ ходить въ поле и любуется на ростъ озими. Но и тутъ ужъ мелькаетъ въ его головѣ предательская мысль: «осень всключетъ, да какъ-то весна захочетъ! Чѣд, ежели вдругъ весна придетъ бездождная, или сплошь переполненная дождями? Пойдутъ на низинахъ вымочки — своего зерна не соберешь; или на низинахъ хорошо изойдетъ, да паверху горитъ!» мучительно думается ему.

Но загадывать до весны далеко: какъ-нибудь изворачивались прежде, изворотимся и впередъ. На то онъ и слышетъ въ околотѣ умнымъ и хозяйственнымъ мужикомъ. Рожь не удастся — овѣсъ родится. Ежели совсѣмъ неурожайный годъ будетъ, онъ кого-нибудь изъ сыновей на фабрику понесетъ, а самъ въ извозъ уѣдетъ или дрова нилить наймется. Нужда, конечно, будетъ, но вѣдь крестьянину нужду знать никогда не лишнее.

Осенью онъ запасается на зиму. Самъ съ взрослыми сыновьями цѣлый день въ лѣсу, готовить дрова и сучья,

или молотить на гумнѣ, справлять на зиму сбрую. Ежели найдется досугъ, то для наполненія его у него есть и ремесло. Дуги на продажу готовить, бондарничаетъ, веревки на продажу вьетъ. Женскій персоналъ между тѣмъ занимается зимнимъ припасомъ. Стучать сѣтки о корыто, наполненое ядрёной капустой; солится небольшой запасъ огурцовъ, въ видѣ лакомства, на праздники; ходнемъ-ходитъ ткацкій станокъ, заготовляя краснѣ и шерстяную рѣдину, которыми зимой обшиваютъ семью. Минуты нѣть отдохнуть. Даже съ наступленіемъ сумерекъ, при свѣтѣ керосиновой лампочки (такое освѣщеніе дешевле лучины стоять) — и тутъ дѣло найдется. Большакъ новый лапоть плететь или старый починиваетъ; старуха-шерстяные чулки и карпетки вяжетъ; молодухи прядутъ. Благословенный трудъ не покидаетъ этой семьи; онъ не кажется ей каторгой, а составляетъ естественный жизненный процессъ. Поздно вечеромъ (сидятъ долго, но зато встаютъ позднѣе—гдѣ еще до свѣту!) ужинаютъ и ложатся спать. Временно каторга прекращается.

Ночью изба представляетъ собою нѣчто въ родѣ нестерпимой клоаки. Домочадцевъ скучилось такъ много, что и поль занять, и палаты, и лавки по стѣнамъ. Изба полна смрадомъ и стонами этого замученного хозяйственностью люда. У мужика есть, кромѣ избы, и «чистая» горница, но она не топится, ради сбереженія дровъ, и вообще въ ней даже лѣтомъ рѣдко живутъ; она существуетъ на показъ и открывается только въ праздники. Хорошо еще, что жилая изба топится по «черному»; утромъ, чуть-свѣтъ, затопить хозяйка печку, и дымъ поглотить скопившіяся въ избѣ міазмы. Этотъ дымъ выѣдаетъ глаза, щекочеть ноздри. Въ безпрестанно отворяемую дверь врывается холодный воздухъ. Сонные домочадцы, разбуженные запахомъ гари и холода, вскакиваютъ какъ встрепанные и бѣгутъ на крыльцо, гдѣ на веревкѣ качается рукомойникъ. Зато, часа черезъ два, когда семейный обѣдъ готовъ, хозяйка заботливо закутывается печь, и въ избѣ дѣлается свѣтло и тепло. «Точно въ раю!» — говорить она довольнымъ голосомъ.

Только въ короткій рождественскій мясъ-дѣй жизнъ становится какъ будто льготнѣе. Молодежь отдыхаетъ; даже старики позволяютъ себѣ относительную свободу, хотя хозяйственный мужичокъ и тутъ не упускаетъ случая, дающаго возможность съ выгодой употребить свой трудъ. Днемъ,

около сумерекъ, деревенская улица полна катающими. Парни, усадивъ въ сани гурьбы дѣвушекъ, настегиваютъ лошадей и мчатся во всю прыть. Слышатся гиканья, крики, смѣхъ. Накатаются до-сыта, иззянутъ, но въ избу заходить не надолго. Зажгутся въ избахъ огни — пора на посѣдки. Соберутся въ очередную избу, играютъ пѣсни и веселятся до пѣтуховъ. Тутъ парни высматриваютъ невѣстъ; завязываются сватовства на красную горку; любовь вступаетъ въ свои права.

Въ это же время, по преимуществу, хозяйственный мужичокъ играетъ свадьбы.

Женитьба сына не требуетъ особыхъ приготовлений. Сынъ беретъ бабу въ домъ, а дома все идетъ своимъ чредомъ; прибавляется только лишняя работница. Присмотрѣть невѣstu, уговориться насчетъ приданаго, установить норму расходовъ для пированій и на плату за вѣчаніе — вотъ все, что требуется. Но къ свадьбѣ дочери подготавливаются издалека и исподволь, чтобы расходъ не былъ чувствителенъ. Дочь имѣеть собственную коробью, въ которую сама собираетъ свое приданое. Ей каждый годъ отдаляется небольшой клочокъ земли и дается горсточка лыну на посыпь; этотъ ленъ она сама сѣТЬ, обдѣливаетъ и затѣмъ готовить изъ него для себя краснѣ. Все заготовленное она прячетъ въ коробью, вмѣстѣ съ полученными въ разное время подарками: платками, бусами, нарядными сарафанами и т. д.

Съ наступлениемъ времени выхода въ замужество — приданое готово; остается только выбрать корову или тѣлку, смотря по достаткамъ. Если бы мужичокъ не предусмотрѣлъ зѣгодя всѣхъ этихъ мелочей, онъ навѣрно почувствовалъ бы значительный уронъ въ своемъ хозяйствѣ. А теперь словно ничего не случилось; отдали любимое дѣтище въ чужіе люди, отпирорвали свадьбу, какъ быть надлежитъ — только и всего.

Выше я сказалъ, что хозяйственный мужичокъ играетъ домашнія свадьбы (или, точнѣе, женитьбы сына, потому что дочь выдается, когда женихъ найдется) по преимуществу до конца рождественского мясопѣда. Въ этомъ дѣлѣ имѣть тоже руководить мудрость змія и твердая рѣшимость не потерпѣть ущерба въ жизнестроительномъ обиходѣ. Своевременно приведенная въ домъ споха родить, при такомъ разсчетѣ, не раньше осени; слѣдовательно всю лѣтнюю страду она отбудетъ свободно. И не только будущую страду,

но и предбудущую, потому что ребенокъ, родившійся съ осени, успѣть мало-мальски окрѣпнуть и не будетъ слишкомъ часто отрывать мать отъ работы. Женить на красную горку тоже удобно, съ точки зреія ближайшей страды, но зато предбудущая уже не даетъ достаточнаго обезпечения: ребенокъ будетъ малъ и слабъ.

Какъ видить читатель, никакихъ думъ у хозяйственнаго мужика нѣтъ, кроме думы о жизнестроительствѣ. Ради нея онъ отдаетъ себя и семью въ жертву каторгѣ, ради нея терпѣливо выносить всякия неожиданности. Она затемняетъ въ немъ даже любовь къ семье. Онъ всецѣло отдаетъ ей самого себя, но — и только. Той любви, которая заставляетъ видѣть въ женѣ, сыне, дочери нѣчто пенаглядное, неприкосновенное для обидъ, не существуетъ для него. И всю семью онъ успѣлъ на свой ладъ дисциплинировать: и жена, и дѣти видятъ въ немъ главу семьи, котораго слѣдуетъ, безпрекословно слушаться, но горячее чувство любви замѣнилось для нихъ простою формальностью — и не согрѣваетъ ихъ сердцеъ.

Наконецъ, идеалъ «полной чаши» достигнутъ. Изба прочна и хорошо ухичена; запасу вдоволь, скотины въ избыткѣ, дѣти — въ порядке. Въ домѣ царствуютъ миръ и согласіе; даже въ кубышкѣ деньги, на черный день, водится. Въ такомъ положеніи до мѣроѣства — одинъ только шагъ. Но хозяйственный мужикъ отъ природы чуждъ кровопролитства; его не соблазняетъ ни лавочка, ни кабакъ. Непрерывнымъ трудомъ и думою о будущемъ онъ достигъ известной степени зажиточности — и будетъ съ него. По-прежнему — онъ отказывается отъ чайничества, по-прежнему — есть хлѣбъ черствый, а не мягкий, по-прежнему — осторожно обращается съ свѣжей убоянной. Если-бъ, онъ поступилъ иначе, ему было бы не по себѣ, онъ пересталъ бы быть самимъ собой.

Но съ «полною чашей» приходитъ и старость. Мало-и-малу силы слабѣютъ; онъ не можетъ уже идти сорокъ верстъ за возомъ въ городъ и не выносить тяжелой работы. Старческое недомоганіе обступаетъ со всѣхъ сторонъ; онъ долго перемогаетъ себя, но, наконецъ, влѣзаетъ на печь и замолкаетъ.

На арену хозяйственности выступаетъ большакъ-сынъ. Если онъ удался, вся семья слѣдуетъ его указаніямъ и, по крайней мѣрѣ, при жизни старика не выказываетъ розни. Но по временамъ стремленіе къ особичеству все-таки

прорывается. Младшие сыновья припрятывают деньги, — не все на общее дело отдают, чтò выработают на стороне. Между снохами появляются «занозы», которые разстраивают мужей.

«Умру — все растащат!» — думается старику, и болить, ахъ, болить его хозяйственное сердце!

Наконецъ, онъ умираетъ. Умираетъ тихо, честно, почти свято. За гробомъ слѣдуетъ жена съ толпою сыновей, дочерей, снохъ и внучатъ. Послѣ погребенья совершаются поминки, въ которыхъ участвуетъ вся деревня. Всѣ поминаютъ добромъ покойника. «Честный былъ, трудовой мужикъ — настоящій крестьянинъ!»

Да, это былъ дѣйствительно честный и разумный мужикъ. Онъ достигъ своей цѣли: довелъ свой домъ до полной чаши. Но спрашивается: съ какой стороны подойти къ этому разумному мужику? какимъ образомъ увѣрить его, что не о хлѣбѣ единомъ живь бываетъ человѣкъ?

2.—Сельскій священникъ.

Въ основѣ существованія сельского священника лежитъ та же мысль, какъ и у хозяйственнаго мужика: обеспечить себя и семью отъ вторженія нужды. Та же мучительная дума о завтрашнемъ днѣ, то же неотступное желаніе заранее опредѣлить мельчайшія подробности жизнеустройства, съ цѣлью избѣжать неожиданностей. Впрочемъ, оговариваюсь: я говорю исключительно о священникѣ бѣднаго прихода и, притомъ, держащагося старозавѣтныхъ преданій — словомъ сказать, о священнике, не отказавшемся отъ личнаго сельско-хозяйственнаго труда. О священникахъ новой формациіи я знаю очень мало, хотя слышалъ, что большинство ихъ уже относится, напримѣръ, къ полеводству довольно ходко (отдаютъ свой земельный участокъ въ краткому). Какой типъ священника лучше и любезнѣе для народа, это покажетъ время; но личные мои симпатіи несомнѣнно тянутъ къ прежнему типу, и я очень радъ, что онъ исчезаетъ настолько медленно, что и теперь еще составляетъ большинство. Но даже и тамъ, где уже появился новый «батюшка», рядомъ съ нимъ живутъ дѣячокъ или пономарь, которымъ ужъ никакъ нельзя существовать иначе, какъ существовали ихъ отцы и дѣды.

Поэтому все, что я скажу дальше о сельскомъ священнике, вполнѣ примѣнно и къ причетническому быту, но, разумѣется, въ удвоенной степени, потому что и нужда здѣсь двойная, и размѣры обезпечивающихъ средствъ вдвое и втрое меныше.

Нужда сельского священника значительно превышаетъ нужды хозяйственного мужика. Священникъ живетъ шире не потому, чтоъ это была его прихоть, а по необходимости: поповская обстановка изстари такъ сложилась. У него домъ больше — такой достался ему при поступлениі на мѣсто; въ этомъ домѣ, не считая страпушной, по крайней мѣрѣ двѣ гориццы, которыхъ отапливаются зимой «по чистому», и это требуетъ лишнихъ дровъ; онъ круглый годъ нанимаетъ работницу, а на лѣто и работника, потому что земли у него больше, а стало-быть, больше и скота — одному съ пошадей за всѣмъ не доглядѣть; одежда его и жены дороже стоять, хотя бы ни онъ, ни она не имѣли никакихъ поползновеній къ франтовству; для него самоваръ почти обязательенъ, да и закуска въ запасѣ имѣется, потому что его во всякое время можетъ посѣтить нечаянный гость: благочинный, ревизоръ изъ уѣзднаго духовнаго правленія, чиновникъ, пріѣхавшій на слѣдствіе или по другимъ казеннымъ дѣламъ, становой приставъ, волостной старшина, наконецъ, просто проѣзжій человѣкъ, за метелью или непогодой не рѣшающійся продолжать путь. Куда толкнуться? — на постояломъ дворѣ пьяниство, холодъ, вонь — аѣдъ къ попу! И священникъ, волей-неволей, заказываетъ работницѣ самоваръ и подаетъ угощеніе. Но что всего больше угнетаетъ священника — это дѣти. Ихъ надо воспитать, а воспитать — значитъ подносить подарки, лично одѣвать, содержать на наемной квартирѣ и покупныхъ хлѣбахъ, сначала въ уѣздномъ городѣ, а потомъ и въ губернскомъ. Язва, которую вносятъ съ собой деньги въ обиходъ хозяйственнаго мужика, въ священническомъ обиходѣ оказывается двойной и тройной. Вездѣ дыры, вездѣ заткнуть надо. И домъ достался ему — только слово, что домъ! Сѣни ветхія, накаты подъ поломъ сгнили, половицы колеблются. Всюду дуетъ, вездѣ надо заплату поставить — надолго ли! И дворъ, того гляди, повалится — хоть новый строй. У дочери-невѣсты платья подошли, а поблизости, у сосѣда-священника, скоро свадьбу играть будутъ: ежели неѣхать — люди осудятъ, а ежелиѣхать — надо и самому приформиться, и семью обшить. Въ ста-

ромъ-то сарафанъ и пригожую дѣвку никто за себя не возьметъ. Сидить батюшка, поздно вечеромъ, за приходскими книгами и думаетъ крѣпкую думу: «никакъ не извернусы!» Придется ему вытянуться въ струну, урѣзать себя, отказаться отъ куска, лишь бы угомонить женской персональ, который уже зѣгодя предвкушаетъ удовольствіе предстоящаго свадебнаго пирорванія.

Приходъ малъ и бѣденъ. Съ праздничнымъ причтъ ходить разъ пять въ годъ, при чёмъ мужики отдѣлываются трешинцами или пятишиницами; даже мѣстный міроѣдъ больше двугривенного не даетъ. Сколько съ сорока-пятидесяти дворовъ такихъ грошев наберешь? Церковь пустусть; еле хватаетъ церковныхъ доходовъ на покупку муки для просфоръ и краснаго вина. Молебны рѣдкіе, за требу—плата ничтожная, свадебъ мало. Соберется въ годъ рублей сотни полторы—и тѣ надо съ причетниками подѣлить; очистится ли, нѣть ли, послѣ дѣлежа, на его пай сотня рублей? Жалованье тоже несообразное—и не увидаишь, какъ оно между пальцевъ уйдетъ. Единственная прочная надежда—на землю и на личный трудъ. Да и то еще какъ Богъ совершишъ.

Извѣстно, что къ церквамъ обязательно прирѣзываются до тридцати трехъ десятинъ земли. Въ иныхъ приходахъ бываютъ и жертвованныя земли, но это встречается рѣдко. Дѣвъ трети этой земли (ежели нѣть дьякона) составляютъ долю священника; остальная третъ отдается двумъ причетникамъ. Вотъ на этихъ-то двадцати двухъ десятинахъ и сосредоточиваетъ священникъ свои упованія. Изъ нихъ до шести десятинъ на его долю подъ лѣсомъ приходится, десятины дѣвъ подъ лугомъ, около десятины уйдетъ подъ усадьбу съ огородомъ, подъ церковь, подъ площадь. Десятинъ, приблизительно двѣнадцать священникъ распахиваетъ, да съ четверть десятины удѣляетъ подъ ленъ женѣ и дочерямъ.

Хорошо еще, что церковная земля лежитъ въ сторонкѣ, а то не уберечься бы попу отъ потравъ. Но и теперь въ церковномъ лѣсу постоянно плѣщинки оказываются. Напрасно пономарь Филатычъ встаетъ ночью и крадется въ лѣсъ, чтобы изловить порубщиковъ, напрасно разглядываетъ онъ слѣды телѣги или саней и нерѣдко даже доходитъ до самаго двора, куда привезенъ похищенный лѣсъ,—порубщикъ всегда сумѣеть отпереться, да и односельцы покроютъ его

Въ полеводствѣ священникъ (назову его отцомъ Николаемъ) держится старой, трехпольной системы. Новшества — не въ характерѣ духовенства, да и не съ чѣмъ къ нимъ приступиться. Нужны усовершенствованныя орудія, а у него въ распоряженіи только соха да борона. Но главная бѣда — удобренія мало. Скота — двѣ коровы, штуки пять-шесть овецъ да лошадь — тутъ, вмѣстѣ съ небольшимъ огородцемъ, и одной десятины поля какъ слѣдуетъ не удобрить, а ему приходится удобрять четыре. Поэтому земля удобряется кой-какъ и даетъ соотвѣтственный урожай. Рѣдко послѣдний достигаетъ размѣра седьмь-четверть для ржи и седьмь-третей для овса. Тутъ и на сѣмена отложить надо, и самому продовольствоваться, и на сторону хоть немного продать.

Хозяйственный священникъ самъ пашетъ и боронитъ, чередуясь съ работникомъ, ежели такой у него есть. Въ воспоминаніяхъ моего дѣтства неизгладимо запечатлѣлась фигура нашего старого батюшки, въ бѣлой рубашкѣ на выпускѣ, съ волосами, заплетенными въ косичку. Онъ бодро напираетъ всей грудью на соху и понукаетъ лошадь, и сряду около двухъ недѣль безъ отдыха проводить въ этомъ тяжкомъ трудѣ, сѣмья соху бороной. А заборонить — смотришь, черезъ двѣ недѣли опять или подъ овесь запахивать нужно, или подъ дзимъ двоить.

Помочи при пашнѣ не въ обычай. Міряне, если бы и собрались на помочь, то не вснахали бы, а только взболтали бы землю, каждый на свой образецъ. При крѣпостномъ правѣ, обратится, бывало, священникъ къ помѣщику: «позвольте дня на два работничка» — тотъ и даетъ. А нынче, даже если и есть въ селѣ господская экономія, то въ ней хоть шаромъ покати. Впрочемъ, ежели церковный староста дружить съ священникомъ, то иногда уговорить двухъ-трехъ особенно набожныхъ прихожанъ — седьмь-четверть урвать часа по три собственной пашни и вснашуть батюшкѣ десятину. Такой помочи священникъ особенно радъ: ни «подносить», ни угощать помощниковъ не нужно, на ласковомъ словѣ довольны.

Сѣнокость обыкновенно убирается помочью; но между этою помочью и тою, которую устраиваетъ хозяйственный мужичокъ, существуетъ громадная разница. Мужичокъ приглашаетъ такихъ же хозяйственныхъ мужиковъ-сосѣдей, какъ онъ самъ; работа у нихъ кипитъ, потому что они взаимно другъ съ другомъ чередуются. Нынѣшнее воскресе-

сенье у него помочь; въ слѣдующій праздничный день онъ самъ идетъ на помочь къ сосѣду. Священникъ обращается за помочью ко всему миру; всѣ обѣщаютъ, а завтра добрая половина не явится.

— Припасы на сорокъ человѣкъ наготовлено,—горюетъ батюшка,—а пришло двадцать человѣкъ! Хоть въ навозъ выливай щи!

Народъ собрался разнокалиберный, работа идетъ вяло. Попъ самъ въ первой косѣ идетъ, но прихожане не торопятся, смотрѣть на солнышко и часа черезъ полтора уже намекаютъ, что обѣдать пора. Ужъ обнесли однажды по стакану водки и по ломтию хлѣба съ солью — приходится по другому обнести, лишь бы отдалить часть обѣда. Но работа даже и послѣ этого идетъ все вялѣе и вялѣе; нѣкоторые и косы побросали.

— Не каторжные!—раздается въ толпѣ.

Дѣлать нечего, надо сбирать обѣдъ. Священникъ и вся семья суетятся, потчуютъ. Въ кашу льется то же постное масло, во щи нарѣзывается та же солонина съ запашкомъ; но тѣ, что сходятъ съ рукъ своему брату, крестьянину, ставится священнику въ укорь. «Работали до седьмого пота, а онъ гнилятиной кормить!»

Наконецъ, обѣдъ конченъ. Священникъ съ вымученной улыбкой говорить:

— А нуте, господа міряне, на дорожку еще часикъ бы покосили!

По половина мірянъ уже разошлась и молча, безъ пѣсень, возвращается по домамъ.

Хорошо, что къ сѣнокосу подоспѣли на каникулы сыновья. Старшій уже кончаетъ семинарію и басомъ читаетъ за обѣдней апостола; младшіе тоже, по крестьянскому выражению, гогочутъ. Съ ихъ помощью батюшка успѣваетъ покончить съ остальнымъ сѣнокосомъ.

Попадья и съ своей стороны собираетъ помочь: на сушку сѣна, на житво. Тутъ та же процедура, та же вялость и неспиртность въ работе.

«Смотрѣть на этихъ бабъ тошно!»—мучительно думаетъ попадья, но вслухъ говоритъ: — А вы, бабыньки, для отца-то духовнаго постарайтесь; не щибко соломой трясите: неравно половина зерна на полосѣ останется.

Въ половинѣ сентября начинаетъ сводить священникъ полевые счеты и только вздрагиваетъ отъ боли. Оказывается, что ежели отложить на сѣмена, то останется ржи

четвертей десять-двѣнадцать, да овса четвертей двадцать. Тутъ—и на собственное продовольствіе, и на кормъ скоту, и на продажу.

Нѣкоторые священники пчелами занимаются, колодъ по двадцати-тридцати держать. Это занятіе выгодное. Пчела работает даромъ, но надо умѣть съ ней отваживаться. Ежели есть въ домѣ старикъ-отецъ или тесть (оставшийся за штатомъ), то обыкновенно онъ занимается пчелами и во время роенія не отходитъ отъ ульевъ. Ежели иѣть такого старика, то и эта забота падаетъ на долю священника, мѣшая его полевымъ работамъ, потому что пчела капризна: какъ разъ не усмотрѣши—и новый рой на глазахъ улетѣлъ. Однако все-таки тутъ довольно чувствительное подспорье. Около первого Спаса пріѣдетъ прасолъ, который скапуетъ медъ и воскъ,—пожалуй, рублей двадцать-тридцать и наберется.

Есть у священника и еще подспорье—это сборы съ прихожанъ натуральными произведеніями. О Пасхѣ каждымъ прихожаниномъ удѣляется ему на заутрени, при христосыданіи, иѣсколько яицъ; при освященіи пасхъ (вмѣсто которыхъ употребляются ватрушки) тоже вырѣзывается кусокъ. Священникъ стоитъ съ крестомъ въ рукахъ, а сбоку, на столикѣ, лукошко, наполняемое яйцами. И у причетниковъ по лукошку, и у дѣтей священника, и у причетниковъ—каждаго одѣляютъ; кто одно, кто два яйца положить. То же самое повторяется и на славленіи, которое производится цѣлой гурьбой. А на другой день матушка по приходу съ лукошкомъ ходить—онять яйца. Ежели славить идуть въ дальнюю деревню, то запрягаютъ лошадь и нагружаютъ телѣгу лукошками. Яицъ набирается много, дѣвать некуда; кусковъ—тоже. Бдяты цѣлую недѣлю, всего пріѣсть не могутъ. Поэтому солятъ яйца впрокъ, а куски ватрушекъ сушатъ. Хоть и не-вѣсть какая пища, а все же годится для наполненія желудка.

Другое подспорье—поминальные пироги и блины. И отъ нихъ удѣляется часть священнику и церковному причту. Недаромъ сложилась пословица: поповское брюхо, что бѣдро, все мнеть. Горькая это пословица, обидная, а дѣлать нечего: изъ пѣсни слѣва не выкинешь. Третье и самое значительное подспорье—новь. Около Воздвиженія священникъ бѣдитъ по приходу въ телѣгѣ и собираетъ новую рожь и овесь. Кто насыпаетъ въ мѣшокъ того и другого по гарницу, а кто и на два расщедрится. Слѣдомъ за ба-

тюшкой является и матушка—ей тоже по горсточкѣ льняного смени кинуть.

Какъ и хозяйственный мужичокъ, священникъ на круглый годъ запасается съ осени. Въ это время весь его домашній обиходъ опредѣляется вполнѣ точно. Чѣмъ успѣль наготовить и собрать къ Покрову—больше этого не будетъ. Въ это же время и покупной запасъ можно дешевле купить: и въ городѣ, и по деревнямъ—всего въ изобиліи. Упустишь минуту, когда, напримѣръ, крупа или пшеничная мука на пятакъ за пудъ дешевле,—кайся потому весь годъ.

Питается священникъ въ своей семье совершенно такъ же, какъ и хозяйственный мужичокъ. Точно такъ же осторожно обходится съ убоянной; бѣсть кашу не всякий день и льть въ нее не коровье масло, а постное; хлѣбъ подается на столъ черствый и солить похлебку не во время варки ся (соляныхъ частицъ много улетучивается), а тогда, когда она уже стоитъ на столѣ. «Недосоль на столѣ, пересоль на спинѣ»,—шутить онъ, ради оправданія своихъ черезчуръ уже экономическихъ соображеній. Зато «на показъ» онъ и самоваръ имѣеть, и закуску держить,—чтобы гость понималъ, что онъ, какъ и прочие, по-людски живеть.

Однако хозяйственный мужичокъ позволяетъ себѣ думать о «полней чашѣ» и нерѣдко даже достигаетъ ея, а священнику никогда на мысль представление о «полней чашѣ» не приходитъ. Единственное, чего онъ добивается, это свести у года концы съ концами. И вполнѣ доволенъ, ежели это ему удается.

— Мужичокъ въ стократъ лучше нашего живеть,—говорить онъ попадѣ:—у него, по крайности, руки не связанны, да и семья въ сборѣ. Какъ хочетъ, такъ и распорядится и собой, и семьей.

— Вонъ на Петра Матвѣева посмотреть любо!—вторить ему попадья:— старшаго сына въ запрошломъ году жениль, другого—по осени женить собирается. Дѣвѣ новыхъ работницы въ домѣ прибудетъ. Самъ и въ городѣ возокъ сѣна свезетъ, самъ и купитъ, и продастъ—на этомъ одномъ сколько выгадаетъ! А мы, словно прикованные, сидимъ у окошка да ждемъ барышника: какую онъ цѣну назначить—на томъ и спасибо.

— А старость придетъ—въ заштать отчислять, землю отберутъ... Ахъ, старость, старость!

Голова отца Николая осаждается невеселыми думами, сердце—въ постояннѣй тревогѣ.

Основа, па которой зиждится его осуществлениe, до того тонка, что малъшій неосторожный шагъ неминуемо повлечь за собой нужду. Сыновья у него съ дѣтскихъ лѣтъ въ разбродѣ, да и не воротятся домой, потому что, по окончаніи курса, пристроятся на сторонѣ. Только дочери дома: ихъ и радъ бы сбыть, да съ безприданницами придется еще подождать.

Ни поговорить по душѣ не съ кѣмъ, ни посовѣтоваться. Какъ ни просто держать себя священникъ, все же онъ не свой братъ, — безъ нужды мужикъ къ нему не пойдетъ. Сиди дома, думай думу, дѣла не дѣтай, а отъ дѣла не бѣгай. Зимніе долгіе вечера наполнить нечѣмъ; нѣть у него ремесла. Ежели поученія сочинять, такъ не всякой на то способность имѣеть, а сверхъ того — вонь! — ихъ цѣлая книга на всякие случаи готова. Ходить отецъ Николай по горницѣ, портреты епархиальныхъ архiereевъ рассматриваетъ; радъ-радѣхонекъ, когда пробьетъ, наконецъ, девять часовъ. Поставить на столъ пустыя щи, а тамъ, по молитвѣ, и спать. Во снѣ онъ видить, что комиссія обѣ улучшеннія быта духовенства устраивается.

— А я во снѣ видѣлъ, что намъ жалованья прибавили, — сообщаетъ онъ женѣ. — А чтѣ, ежели сонъ-то вѣщій?

— Добро! ступай-ка скотинѣ кормъ задавать. Ужъ на картахъ погадаемъ, прибавятъ ли тебѣ жалованья, или нѣть.

Годы тянутся за годами, сѣрые, полные тоски. Священникъ мечтаетъ о другомъ приходѣ, гдѣ больше доходовъ, но мечты его сбываются рѣдко. Онъ и бѣденъ, и проtekціи не имѣеть. Хорошо, ежели и старое-то мѣсто успѣваетъ за собой закрѣпить, до тѣхъ поръ, пока силы не оставили. Старшую dochь онъ, наконецъ, успѣлъ выдать замужъ — ничего, живеть хорошо. Одной заботой меныше. Но какихъ хлопотъ ему это стѣло! Нужно было и къ прихожанамъ обращаться, какихъ-то старыхъ «благодѣтелей» вспомнить, просить, кланяться, за каждый грошъ благодарить. Ради этого онъ въ городъ сѣѣздила, всѣхъ купцовъ обошелъ, всѣхъ назвалъ ревнителями и истинными сынами церкви. И вездѣ слышали: « выпьемъ, батя! » — и хорошо-хорошо, если въ результатѣ оказывалась зелененькая. А изъянъ, причиненный этимъ событиемъ въ собственномъ хозяйствѣ, — самъ по себѣ. Пришлось корову продать, въ долги влѣзть. Будетъ памятна отцу Николаю эта свадьба.

А невзгоды между тѣмъ идутъ своимъ чередомъ. То

капди дождя не капнетъ—сторѣло все; то ливни лютъ—все сопрѣло, сгнило. Вотъ онъ, подпоясанный, въ бѣлой рубашкѣ на-выпускѣ, идеть съ луконкомъ въ рукахъ. На дворѣ который день дождикъ льетъ, отъ работы совсѣмъ отбило. Снопы съ поля убирать бы надо, да погода не пускаеть, а снопы ужъ прорастать начали. «Сѣмянъ не соберемъ!» говорить онъ себѣ, и страхъ передъ завтрашнимъ днемъ ни на минуту не покидаетъ его. Дождливая погода приводить урожай на грибы, и онъ все время проводить въ лѣсу. Береть батюшка грибы и на небо посматриваетъ, не прояснится ли гдѣ хоть кусочекъ. Вотъ, слава Богу, въ сторонкѣ слой облаковъ какъ будто потоньше становится; вотъ и синевы клочокъ показался... слава Богу! завтра, можетъ-быть, и солнышко выглянетъ.

Выглянетъ солнышко — деревня оживеть. Священникъ со своей семьей спѣшить возить снопы, складывать ихъ въ скирды и начинаетъ молотить. И все-таки оказывается, что дожди свое дѣло сдѣлали: и зерно выпшло легкое, и меньшее его. На цѣлыхъ двадцать пять процентовъ урожай вышелъ меньшее противъ прошлогодняго.

Ни одного дня, который не отравлялся бы думою о кускѣ, ни одной радости. Куда ни оглянется батюшка, все ему или чуждо, или на всѣ голоса кричить: нужда! нужда! нужда! Сынъ ли окончилъ курсъ—и это не радуетъ: онъ совсѣмъ исчезнетъ для него, а можетъ-быть, и забудеть о старикѣ-отцѣ. Дочь ли выдастъ замужъ—и она уйдетъ въ люди, и ее онъ не увидитъ. Всякая минута, приближающая его къ старости, приносить ему горе.

И вотъ, старость ужъ за плечами стоитъ. Священникъ начинаетъ плохо разбирать печатнос; рука его еле держить потирѣ; о тяжелыхъ полевыхъ работахъ онъ и не помышляетъ. Семья его разбрелась окончательно. Старший сынъ ужъ лѣтъ десять профессорствуетъ въ дальней епархіальной семинаріи; второй сынъ священствуетъ гдѣ-то въ Сибири; третій—не задался: не кончилъ курса и опредѣлился писцомъ въ одно изъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Дочери тоже повыданы замужъ, а одна ушла въ монастырь. Помощи ждать не откуда, потому что у всѣхъ свои заботы, свои семьи. Землю батюшка сдалъ въ кортому и одинъ-на-одинъ съ попадьей коротаетъ старческій вѣкъ. Вдвоемъ имъ немного нужно, но впереди ждетъ неминуемый «заштатъ»...

Наконецъ, грозная минута настала: старикъ отчисленъ

за штатъ. Пріѣзжаетъ молодой священникъ, для котораго, въ свою очередь, начинается сказка объ изнурительномъ жизнестроительствѣ. На вырученныя деньги за старый домъ заштатный священникъ ставить себѣ нечто въ родѣ сторожки и удаляется въ нее, питается крохами, падающими со скудной трапезы своего замѣстителя, ежели послѣдній, по добротѣ сердца или по добровольно принятому обязательству, соглашается что-нибудь удѣлить.

По старой привычкѣ, а отчасти и по необходимости, отецъ Николай ходитъ въ свитѣ причетниковъ по приходу за яйцами, за новью; но его надѣляютъ ужъ скучно...

Горькое начало, горькое существованіе, горький конецъ!

3.—Помѣщикъ.

Я буду говорить, собственно, о средней полосѣ Россіи, и притомъ о помѣщикахъ средней руки, не очень крупномъ и не совсѣмъ мелкопомѣщиковъ.

Крупные землевладѣльцы встрѣчаются рѣдко. Они избрали благую часть: отрѣзали крестьянамъ въ надѣль пахатную землю, а сами остались при такъ-называемыхъ оброчныхъ статьяхъ: лѣсахъ, лугахъ, рыбныхъ ловляхъ и т. п. Пашню, какая осталась въ излишествѣ, запустили подъ пастбище и тоже обратили въ оброчную статью. Скота держать малость, только на случай пріѣзда; старинныя каменные хозяйственныя постройки отчасти распроданы, отчасти пустѣютъ и приходить въ ветхость. Очевидно, что при такихъ условіяхъ требуется не хозяйство, а только конторскій надзоръ и счетоводство. Въ опредѣленное время сдаются въ конторѣ съ торговъ участки лѣса, луговъ, мельницы, постоянные дворы, пастбище и прочія статьи. Доходъ получается безъ хлопотъ, издержки по управлению незначительны. Живеть-себѣ владѣлецъ припѣвающи въ столицѣ или за границей и много-много, ежели на мѣсяцъ, на два, заглянуть лѣтомъ съ семьей въ усадьбу, чтобъ убѣдиться, все ли на своемъ мѣстѣ, не кричитъ ли душой управляющій и въ порядкѣ ли садъ.

Но, кромѣ того, есть и еще соображеніе: эти посѣщенія напоминаютъ дѣтямъ, что они — русскіе, а гувернерамъ и гувернанткамъ, ихъ окружающимъ, свидѣтельствуютъ, что и въ Россіи возможна своего рода *vie de château*.

Дѣти заходятъ въ деревни и видятъ крестьянскихъ дѣтей, о которыхъ имъ говорять: «они такие же, какъ и вы!» Но француженка-гouverнантка никакъ не хочетъ съ этимъ согласиться и восклицаетъ: «c'est une race d'hommes tout-à-fait à part!» И затѣмъ, воротившись съ экскурсіи домой, есть персики, винні и прочіе фрукты, подаваемые въ изобиліи за завтракомъ и обѣдомъ, и опять восклицаетъ: «ah! que c'est beau! que c'est succulent! Cela me rappelle les fruits de ma chère Touraine!»

Повторяю: это не хозяйство, а конторское управление.

Что касается до мелкопомѣстныхъ дворянъ, то они уже въ самомъ началѣ крестьянской реформы почти совсѣмъ исчезли съ сельско-хозяйственной аренды. Продали оставшіеся за надѣломъ отрѣзки крестьянамъ позажиточіе (изъ нихъ въ скоромъ времени образовались міроѣды) и разбѣжались, куда глаза глядятъ. Вообще судьба этихъ людей представляеть изрядную загадку: никто не слѣдила за ихъ исчезновеніемъ, никто не помнить о нихъ, не знаетъ, что съ нимисталось. Такого-то видѣли въ Москвѣ—«совсѣмъ обносился»; такого-то встрѣтили на желѣзной дорогѣ—въ кондукторахъ служить. А большинство совсѣмъ какъ въ воду кануло. Во всякомъ случаѣ, эта помѣщицкая разновидность встрѣчается въ настоящее время какъ рѣдкое исключеніе. Ее замѣнилъ разночинецъ, который хозяйствуетъ изъ свой образецъ.

Помѣщикъ средней руки обладаетъ очень неважными средствами. Въ старину у него было душъ двѣсти-триста крестьянъ, а за надѣломъ ихъ въ его распоряженіи осталось отъ шести до семи сотъ десятинъ земли. Усадьба не красива, въ захолустѣ, домъ—похожій на крохотную казарму; службы ветшаютъ; о «заведеніяхъ», паркѣ, рѣкѣ и въ поминѣ нѣть. Рѣдко тдѣ встрѣтишь ручеекъ, на которомъ, для вида, поставлена мельница, а воды и на одинъ поставь не хватаетъ. Небольшой садишко съ яблонями да огородецъ сбоку, а при вѣзѣ въ усадьбу—прудокъ, похожій на помойную яму. Кругомъ ровное мѣсто, безъ малѣйшаго пригорка, такъ что нѣть и признака такъ-называемаго «красиваго мѣстоположенія». Земля тоже не особенно чистая. Половина подъ пустошами, десятинъ съ сотню подъ лѣсомъ, о заливныхъ лугахъ и слухомъ не слыхать. Природа ничего не дала здѣсь даромъ, все приходится съ бою братъ.

Жить въ такой обстановкѣ непривлекательно, ежели на первомъ планѣ не стоять сельско-хозяйственный интересъ. Сосѣдство ограниченное, а ежели и есть, то разнокалиберное, несимпатичное; материальныя средства небольшія; однообразіе, и въ природѣ, и въ людяхъ, изумительное: порадовать взоры не на чёмъ. Чтобы не почувствовать, какъ часть за часомъ тянется сѣрая жизнь, нужно, чтобы человѣка со всѣхъ сторонъ охватили мелочи, чтобы онъ съ утра до вечера не давали ему опомниться. Тогда онъ не увидитъ, какъ пролетѣлъ день, и когда настанетъ время отдыха, то заснетъ какъ убитый. «Я ни разу боленъ не быть съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ деревнѣ!—говорить онъ, съ гордостью вытягивая мускулистыя руки:—да и не скучать никогда: времени нѣть!»

Помѣщиковъ средней руки имѣются три типа: во-первыхъ — равнодушный, во-вторыхъ — убѣжденный и въ-третьихъ—изворачивающійся съ помощью прижимки.

О равнодушномъ помѣщикѣ въ этомъ этюдѣ не будетъ рѣчи по тѣмъ же соображеніямъ, какъ и о крупномъ землевладѣльцѣ: ни тотъ, ни другой хозяйственнымъ дѣломъ не занимаются. Равнодушный помѣщикъ на скорую руку устроился съ крестьянами, оставилъ за собой пустошь, небольшой кусокъ лѣсу, пашню запустилъ, окна въ домѣ заколотилъ досками, скотъ расплодалъ и, поставивъ во главѣ вымороочнаго имущества не то управителя, не то сторожа (преимущественно изъ отставныхъ солдатъ), уѣхалъ.

— Ты за лѣсомъ смотри, паче глазу его береги!—сказать онъ сторожу на прощанье:—буду наѣзжать; ежели замѣчу порубку—не спущу! Да мебель изъ дома чтобъ не растащили!

— Будьте покойны, вашескородіе!

— Пустошь сдавай въ бортому; пашню, вѣроятно, крестьяне подъ скотину наймутъ: имъ скотъ выгнать некуда. Жалованье тебѣ назначаю въ годъ двѣсти рублей, на твоихъ харчахъ. Разсчитывай себя изъ доходовъ, а что больше выручишь—присытай. Вотъ здѣсь, во флигельѣ, въ живи. А для протопленія можешь сучьями пользоваться.

— Много доволенъ, вашескородіе!

Затѣмъ онъ пріискать въ Петербургѣ мѣстечко и жить на жалованье да на проценты выкупнаго свидѣтельства. Изрѣдка получать изъ деревни то двѣсти, то триста рублей и говорить знакомымъ:—Я сегодня доходъ изъ деревни получилъ.

Въ теченіе десяти лѣтъ онъ только однажды поѣхалъ родное непелище. Вошелъ въ домъ, понюхалъ и сказалъ:

— У, да какъ здѣсь пахнетъ!

Потомъ обошелъ лѣсъ и, замѣтивъ мѣстами порубки, пригрозилъ сторожу («Безъ этого, вашескородіе, невозможно!»). Узналъ, что съ пустошами дѣло идетъ плохо: крестьяне совѣтмъ ихъ не разбираютъ.

— Кои загрубѣли, кои березнячкомъ поросли,—жаловалися сторожъ.

— Тѣмъ лучше: со временемъ лѣсъ будетъ!

— И лѣсу не будетъ; крестьяне рasti не даютъ. Всокочить березка—сейчасъ вершину на вѣниki срѣжутъ.

Въ два дня онъ осмотрѣлъ и въ заключеніе сказалъ:

— Ну, чортъ съ вами! Вотъ сынъ у меня растегъ; можетъ-быть, онъ хозяиничать захочетъ. Дамъ ему тогда денегъ на обзаведеніе, и пускай онъ хлопочеть. Только вотъ лѣсъ пуще всего береги, старикъ! Ежели еще разъ порубку замѣчу—спуску не дамъ!

Убѣжденный помѣщикъ (быть-можеть, тотъ самый сынъ «равнодушнаго», о которомъ сейчасъ упомянуто) вѣрить, что сельское хозяйство составляетъ главную основу благосостоянія страны. Это—теоретическая сторона его міросозерцанія. Съ практической стороны онъ убѣженъ, что никогда такъ выгодно нельзя помѣстить капиталъ. Но, разумѣется, надо терпѣніе, настойчивость, соответственный капиталъ и известный запасъ свѣдѣній.

Терпѣніемъ и настойчивостью онъ обладаетъ; капиталъ, хотя и небольшой, у него есть. Свѣдѣніями онъ тоже запасся. Кое-что онъ за границей видѣлъ, кое-чему научился изъ книгъ, кое-что слышалъ отъ опытныхъ сельскихъ хозяевъ. Но главному, разумѣется, научить сама практика, близженіе съ разумнымъ мужикомъ и наглядное знакомство съсосѣдними хозяйствами. Хотя онъ еще молодъ и не живалъ подолгу въ деревнѣ, но увѣренъ, что предстоящая задача совсѣмъ не такъ головоломна, какъ увѣряютъ. Не боги горшки обжигаютъ—и простые смертные, при помощи доброй воли, сумѣютъ это сдѣлать.

Теперешнее его убѣженіе таково: надо какъ можно больше производить молока. Большое количество молока предполагаетъ большое стадо коровъ. Кромѣ молока, стадо дастъ ему удобрение; удобрение повлечетъ за собой большее количество зерна и достаточно сѣна для продовольствія рогатаго скота и лошадей. Молочное хозяйство должно

окупить все текущие расходы по полевой операции; зерно должно представлять собой чистый доход. Вотъ цѣль, къ которой должны быть направлены все усилия.

— И я достигну этой цѣли,—говорить онъ.—Вездѣ, въ цѣломъ мірѣ, полеводство даетъ хотя и не блестящій, но вполнѣ вѣрный барышъ: не можетъ быть, чтобы мы одни составляли исключение!

Съ такими намѣреніями онъ пріѣзжаетъ на хозяйство и повсюду застаетъ запустѣніе. Прежде нежели приступить къ полеводству, надо собственную обстановку устроить такъ, чтобы и ему, и семье существовать было можно. Жену онъ тоже успѣлъ настроить въ свое направленіе, такъ что и во сиѣ она коровъ видѣть; за дѣтей заранѣе радуется, какія они вырастутъ крѣпкія и здоровыя на вольномъ деревенскомъ воздухѣ. Но и жена, и дѣти прежде всего нуждаются въ обстановкѣ, въ хорошо защищенномъ домѣ, не представляющемъ риска для простуды и вообще имѣющемъ видъ жилого помѣщенія.

Если имѣніе досталось ему по наслѣдству—разумѣется, онъ поневолѣ мирится съ неудачами первыхъ шаговъ; но ежели онъ купилъ имѣніе, то въ его сердце зашолзаетъ червь сомнѣнія. Дѣло въ томъ, что онъ бытъ слишкомъ довѣрчивъ: смотрѣть и не доглядѣть. Начать съ того, что онъ купилъ имѣніе ранней весной (никто въ это время не осматриваетъ имѣній), когда поля еще покрыты сиѣгомъ, дороги въ лѣсѣ завалены, и домъ стоитъ нетопленный; когда годовой запасъ зерна и сѣна подходитъ къ концу, а скотъ, по самому ходу вещей, тощъ («увидите, какъ за лѣто онъ отгуляется!»). Слѣдовательно ничего доскональнымъ образомъ ни осмотрѣть, ни опредѣлить невозможно.

И точно: вездѣ, куда онъ теперь ни огляднется, продавецъ обманутий его. Домъ протекаетъ; накаты подъ поломъ ветхи; фундаментъ на одномъ мѣстѣ осѣль; корму до новой травы не хватить; наконецъ, мѣленка, которая, по куда онъ осматривалъ имѣніе, работала на оба постава и была завалена мѣшками съ зерномъ,—молчать.

— Воды только на одинъ поставъ и хватаетъ, да и для одного-то помольца нѣть,—говорить мельникъ.—Какая эта мельница! Только горе съ ней!

— Какъ же при миѣ она на два постава работала, да и зерна было навезено вдоволь?

— А мы дня два передъ г҃мъ воду копили, да мужич-

камъ по округу объявили, что за полѣны молоть будемъ... вить и работала мельница.

— Мы и сами въ ту пору дивились,—сообщаетъ, въ свою очередь, староста (изъ мѣстныхъ мужиковъ), кото-раго онъ на время своего отсутствія, по случаю соверше-нія купчей и первыхъ закупокъ, оставилъ присмотрѣть за усадьбой:—видите—въ полѣ еще сиѣгъ не тронулся, въ лѣсь проѣзду нѣть, а вы осматривать приѣхали. Старый-то баринъ садовнику Пётрѣ цалковый-рунь послалъ, чтобъ васъ въ лѣсъ провезъ по межѣ: и направо, и налево—все, дескать, его лѣсь!

И батюшка, пришедшій съ просвирой поздравить его съ пріѣздомъ, присовокупляетъ:

— И у меня, грѣшнымъ дѣломъ, вертѣлось на языѣ: погодите до тепла, не поспѣшайте! Но при семъ думалось и такъ: ежели господинъ поспѣшаетъ—стало-быть, ему надобно.

Словомъ сказать, совсѣмъ онъ не то купилъ, чтò смотришь.

Но повторяю: наслѣдственное ли имѣніе, или благопрі-обрѣтенное, во всякомъ случаѣ надо начать съ домашней обстановки, отложить на время мечты объ усовершенствованіяхъ приемахъ полеводства, объ улучшениіи породы скота и т. п. Все въ упадкѣ: и домъ, и скотный дворъ, и службы, все требуетъ коренного, серьезнаго ремонта.

Цѣлое лѣто кинуть въ домѣ работа. Помѣщикъ перебрался на одну половину дома, а другую предоставилъ въ распоряженіе плотниковъ и маляровъ. Съ зарею раздается стукъ топоровъ, пѣніе пѣсенъ, а изъ отворенныхъ оконъ валить Ѣдкая пыль. Плотники подняли полы и рубятъ новые накаты; кровельщики влѣзли на крышу, звенять желѣзными листами, вбивають гвозди. На-дняхъ приѣдутъ штукатуры и маляры—и адъ будегъ въ полной формѣ. У дѣтей съ утра до вечера головки болятъ; днемъ, въ хорошую по-году, они на воздухѣ, въ саду, но въ дождь приюта найти не могутъ.

— Надо же примириться съ этимъ,—утѣшаетъ помѣ-щикъ:—вѣдь мы не на одинъ годъ устраиваемся!

Но чтò всего чувствительнѣе—уходить масса денегъ, и нѣть увѣренности, что онѣ уходятъ производительно. Не успѣли покончить одну работу, какъ въ перспективѣ уже виднѣется другая. И все такія работы, которыя предста-вляютъ только безвозвратную трату. Бездѣлъ—подлость, мер-

вость, обмань. Плотники работают кое-какъ, маляры на щѣлую недѣлю запоздали. Помѣщикъ за всѣмъ смотрить самъ, но его обманываютъ въ глаза. Онъ и понимаетъ, что его обманываютъ, но что-то въ этомъ обманѣ есть такое, чѣго онъ раскрыть и объяснить не можетъ. Приходится махнуть рукой и сказать себѣ: ахъ, хоть бы поскорѣе кончилось!

Покуда въ домъ идетъ содомъ, онъ осматриваетъ свои владѣнія. Освѣдомляется, гдѣ въ послѣдній разъ сѣяли озимъ (пашня ужъ два года сряду пустуетъ), и нанимаетъ топографа, чтобы снять полевую землю на планъ и разбить на шесть участковъ, по числу полей. Оказывается, что въ каждомъ полѣ придется по двадцати десятинъ, и онъ спѣшитъ посеять овесъ съ клеверомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ было старое озимое.

— А впереди у меня будетъ паровое поле, которое я лѣтомъ приготовлю подъ озимъ,—толкуетъ онъ топографу:— надо не сразу, а постепенно работать.

— Поспѣшность потребна только блохъ ловить!—развязно откликается топографъ.

— Гм!.. блохъ... да!—задумчиво вторить ему хозяинъ и, обращаясь къ старостѣ, спрашиваетъ:—Давно ли со скот-наго двора навоза не вывозили?

— Да года два уже не возимъ: скотина под-уши въ грязи стоять.

— Ну, видишь ли, хоть скота у меня и немного, но такъ какъ удобреніе два года копилось, то и достаточно будетъ подъ озимы! А съ будущей осени заведу скота сколько слѣдуетъ, и тогда ужъ...

Осмотрѣвши поля, фдеть на бѣговыхъ дрожкахъ въ лѣсъ. То тамъ куртишка, то тутъ. Есть куртишки частыя, а есть и рѣдичь. Лѣсъ по преимуществу дровяной—кое-гдѣ деревцо на холостую постройку годно. Но, въ совокупности, десятинъ съ сотни наберется.

— Въ случаѣ надобности, можно будетъ и тово...—нашпигтываетъ ему тайный голосъ.

А староста точно слышитъ этотъ голосъ и говорить:

— Вотъ эту куртишку старый баринъ еще съ осени собирался продать.

— Съ осени?—машинально вторить помѣщикъ.

— Точно такъ. Мнѣ, говорить, она не къ мѣсту, а между тѣмъ за нее хорошия деньги дадутъ. Березнякъ здѣсь крупный, стеколистый; саженей сто швырка съ десятины наберется.

— Гм!.. однако-жь!

Осмотрѣвши лѣсь, ъдуть на пустошь.

— Вотъ на этой пустоши бываетъ трава, мужички даже исполу съ охотой берутъ. Болотце воинъ тамъ въ уголку, такъ острецъ растетъ, лошади его ъдятъ. А воинъ въ Лисьей-Норѣ—тамъ и вовсе ничего не растетъ: ни травы, ни лѣсу. Продать бы вамъ, сударь, эту пустошь!

— А мы попробуемъ обработать ее.

— Какъ ее обработаешь? Земля въ ней какъ камень скипѣлась, лишаями поросла. Тронуть ее, такъ всѣ сохи переломаешь, да и навозу она пронасть сожреть. А навозъ то за пять верстъ возить нужно.

— А сколько за нее дадутъ, если и продать?

— Рублей сто дадутъ, кому нужно.

— Помилуй! въ ней слишкомъ сорокъ десятины!

— Какая земля, такая и цѣна. И сто рублей на дорогѣ не валяются. Со стами-то рублями мужичокъ все хозяйство оборудуетъ, да еще останется.

Невесело возвращаться домой съ такими результатами, а дома барыня чуть не плачетъ.

— Помилуй!—жалуется она:—когда же ты навозъ вывозить велиши? Вѣдь коровы пѣ-уши въ грязи вязнутъ.

— Погоди, душа моя, дай отсѣяться съ яровымъ.

— Нечего годить: скоро мы совсѣмъ безъ молока будемъ. Двадцать коровъ на дворѣ, а для дома недостаетъ. Давеча Володя сливокъ просить, послала на скотную—нѣть сливокъ; принесли молока, да и то жидкаго.

— Должно-быть, прислуга...

— Помилуй! въ деревнѣ жить да прислугѣ въ молокѣ отказывать! Извѣстно, по бутылкѣ на человѣка берутъ. Шесть человѣкъ—шесть бутылокъ.

— Однако!

— Нѣть, это коровы такія... Одна корова два года ялова ходить, чайную чашечку въ день доитъ, коровъ съ семь перестарки, остальная—запущены. Всѣхъ надо на мясо продать, все стадо возобновить, да и скотницу прогнать. И быка другого необходимо купить—теперешняго коровы не любятъ.

— А я надѣлся постепенно усовершенствовать стадо. Конечно, нужно и прикупить, да не все же вдругъ...

Заранѣе принятые решенія оказываются построеными на пѣскѣ. Дѣйствительность представляется въ такомъ видѣ: стройка валится; коровы запущены,—не даютъ достаточно

молока даже для продовольствія; прислуга, привезенная изъ города, извольничалась, а глядя на нее, и мѣстная прислуга начинаетъ пошаливать; лошади тощи, никогда не видять овса. Даже пойла хорошаго нѣть, потому что единственный въ усадьбѣ прудъ съ незапамятныхъ временъ нечищенъ («вотъ осенью вычищу—сколько я изъ него наилку на десятины вывезу!»—мечтаетъ баринъ). Все надо присты и исправить разомъ, какъ бы по мановенію волшебства, потому что въ жизнестроительствѣ всѣ подробности связаны: запусти однѣ—и все остальное въ упадокъ придетъ. Малѣйшая оплошность, словно червоточина, проникнетъ всюду и всѣ заботы приведеть къ нулю. Какая масса денегъ потребуется, чтобы все это исполнить? Гдѣ ихъ взять?

Но помѣщикъ не даромъ называетъ себя убѣжденнымъ. Онъ принимаетъ героическое рѣшеніе и откладываетъ добрую часть капитала на хозяйственныя реформы. Для деревенской жизни ему за-глаза достаточно процентовъ съ остальной части капитала («масло свое, живность своя, хлѣбъ свой», и т. д.). Настоящаго сѣвооборота онъ, конечно, не дождется раньше трехъ лѣтъ, но зато къ тому времени у него все будетъ готово, все на чеку: и постройки, и стадо, и усовершенствованная орудія—словомъ сказать, весь живой и мертвый сельско-хозяйственный инвентарь. И на одной изъ пустошей онъ мечтаетъ самостоятельный хуторокъ завести. Выстроить скотный дворъ и при немъ небольшой флигелекъ для рабочихъ, съ чистою комнатою на случай прѣзда. Прудокъ выроеть, огородецъ разведеть.

— Мы туда чай пить будемъ ѳздить,—сообщаетъ онъ женѣ.—Это дѣятамъ удовольствіе доставить, а мы, между тѣмъ, присмотримъ...

Черезъ три года—хозяйство въ полномъ ходу. Поля удобрены («воиъ на ту десятину гуано положили»), клеверъ въ обоихъ поляхъ вскочилъ густо; стадо большое, больше ста головъ (хорошій хозяинъ не менѣе $1\frac{1}{3}$ штуки на десятину пашни держитъ); коровы сытыя, породистыя; скотный дворъ содержится опрятно, каждая корова имѣть свой кондитерский списокъ: чуть начала давать молока меньше—сейчасъ соберутъ совѣтъ и начинаютъ добиваться, какимъ образомъ и отчего. И добываются. Главная скотница—отъ Широбокова; молочница—ученица Верещагина; обѣ получаютъ хорошее жалованье; работники—

тоже исправные, обходятся съ орудиями умъючи. Кормить онъ ихъ сытно, хотя по-крестьянски, т.-е. льеть въ кашу не скромное, а постное масло и солонину даетъ съ за-пашкомъ. Во всякомъ случаѣ, ропота на плохую пищу не слышитъ, а это только и нужно. И домъ, и службы, послѣ капитального ремонта, особенныхъ затратъ не требуютъ. И въ довершениѣ всего—по каждой отрасли заведена двойная бухгалтерія. Словомъ сказать, хозяйство идетъ по маслу. Правда, что половины капитала какъ не бывало, но со временемъ она возвратится съ лихвою. Терпѣніе и настойчивость—вотъ главное.

Ни въ томъ, ни въ другомъ у него недостатка нѣтъ. Убѣжденный хозяинъ съ утра до вечера хлопочетъ; встаетъ въ одно время съ рабочими и въ одно время съ ними полдничаетъ, обѣдаетъ и отдыхаетъ. Вездѣ—онъ самъ; на пашнѣ ни малѣйшаго ограбъха не пропустить; на сѣнокосѣ сейчасъ замѣтить, который работникъ не чисто косить. А на скотномъ дворѣ хлопочетъ жена. При себѣ заставляетъ коровъ доить, при себѣ приказываетъ кормъ задавать. Добрую корову погладить, велить кусокъ чернаго хлѣба съ солью принести и изъ своихъ рукъ накормить; худой, пебрегущей о хозяйствской выгодѣ, коровѣ пальцемъ погрозить. Заглянетъ въ молочную—и сама засучить рукава, попробуетъ масло бить. И удовольствіе, и выгода—все вмѣстѣ.

Дѣти между тѣмъ здоровѣютъ на чистомъ воздухѣ; старшій сынокъ ужъ учиться началь—того гляди, и вплотную придется заняться имъ.

Послѣ цѣлаго года работы и неустанныхъ хлопотъ приводится въ дѣйствіе двойная бухгалтерія. Сводятся счета. Оказывается—доходъ ужъ есть, но маленький, около двухсотъ рублей.

— Маловато,—соглашается помѣщикъ:—но на будущій годъ...

— На службѣ ты куда больше получилъ бы!—замѣчаетъ жена.

На будущій годъ доходъ увеличивается до трехсотъ рублей. Работалъ-работалъ, суетился-суетился, капиталъ растратилъ, трудъ положилъ, и все-таки меныше рубля въ день осталось. Зато масло—свое, картофель—свой, живность—своя... А впрочемъ, вѣдь и это не такъ. По двойной бухгалтеріи, и за масло, и за живность деньги заплатили...

Кромѣ того: хотя все устроено капитально и прочно, но кто же можетъ поручиться за будущее? Вѣдь не вѣчны

же, въ самомъ дѣлѣ, накаты; нельзя же думать, чтобы на крышѣ краска никогда не выгорѣла... Вонъ въ молочной на крышу-то и надѣялись, старую оставили, а она мохомъ ужъ поросла!

Наконецъ, нельзя терять изъ вида и того, что старшій сынъ совсѣмъ ужъ поспѣлъ—хоть сейчасъ вези въ гимназію. Убѣжденный помѣщикъ начинаетъ задумываться и все больше и больше обращается къ прошлому. У него много товарищѣй; нѣкоторые изъ нихъ ужъ дѣйствительные статскіе совѣтники, а одинъ даже тайный совѣтникъ есть. Всѣ получаютъ содержаніе, которое ихъ обезпечиваетъ; сверхъ того, большинство участвуетъ въ промышленныхъ компаніяхъ, пользуется учредительскими паями...

А онъ чѣ? Какъ вышелъ изъ «зведенія» коллежскимъ секретаремъ (лѣтъ двѣнадцать за границей потомъ прожилъ, все хозяйству учился), такъ и теперь коллежскій секретарь. Даже земскія собранія ни разу не посѣтилъ, въ мировые не баллотировался. Связи всѣ растерялъ, съ бывшими товарищами переписку прекратилъ, съ деревенскими соображеніями не познакомился. Только и побывалъ, однажды въ три года, у «интеллигентнаго работника», полюбопытствовалъ, какъ у него хозяйство идетъ.

Интеллигентный работникъ, Анпетовъ, поселился, года четыре тому назадъ, въ десяти верстахъ отъ убѣженного помѣщика, вмѣстѣ съ отставнымъ солдатомъ, Финагеичемъ. Купилъ Анпетовъ за-дешево небольшую пустошь, пріобрѣлъ двѣ коровы, лошадь, нѣсколько овецъ, запасся орудіями, выстроилъ избу на крестьянскій манеръ и началъ работать. Солдатъ былъ женатый и жиль не въ качествѣ наемника, а на правахъ пайщика — и убытки, и барышни пополамъ; только процентъ на затраченный капиталъ предполагался къ зачету изъ дохода. Но покуда еще ничего у пайщиковъ не выяснилось, кромѣ пустыхъ щей да хлѣба, который они ёли. Но, разумѣется, они надѣялись, что въ будущемъ трудъ прокормить ихъ.

— Какъ дѣла? — спрашивалъ его помѣщикъ.

Въ отвѣтъ на это интеллигентный рабочій показалъ мозолистыя руки.

— Вотъ покуда что въ результатѣ получилось, — молвилъ онъ: — ну, да вѣдь мы съ Финагеичемъ не отстанемъ. Теперь только коровы и выручаютъ насъ. Сами молоко не ёдимъ, такъ Финагеичъ въ недѣлю разъ-другой на сыроварню возитъ. Но потомъ...

И въ заключеніе не удержался и обругалъ посѣтителя.

— Вы бѣлоручки,—сказалъ онъ:—по пашнѣ да по сѣно-косу съ тросточкой похаживаете. Попробовали бы вы сами десятину вспахать или восемь часовъ косой помахать, какъ мы... небось, пропала бы охота баловаться хозяйствомъ!

. Разумѣется, онъ не попробовалъ; нашель, что довольно и того, что онъ за всѣмъ самъ слѣдить, всему даетъ тонъ. Кабы не его неустанный руководящій трудъ—развѣ цвѣли бы клеверомъ его поля? развѣ давала бы рожь самъ-двѣ-надцать? развѣ заготовлялось бы на скотномъ дворѣ такое количество масла? Стало-быть, Анпетовъ совраль, назвавши его «бѣлоручкой». И онъ работаетъ, только трудъ его называется «руководящимъ».

Однако на другой день онъ пожелалъ провѣрить опѣнку Анпетова. Выйдя изъ дома, онъ увидѣлъ, что работникъ Семенъ ужъ похаживаетъ по полю съ плужкомъ. Лошадь—бѣлая, Семенъ въ бѣлой рубашкѣ — издали кажется, точно бѣлый лебедь разсѣкаетъ волны. Но по мѣрѣ приближенія къ пашнѣ оказалось, что рубашка на Семенѣ не совсѣмъ бѣлая, а пропитанная щотомъ.

— Дай-ко я попахаю! — предложилъ помѣщикъ Семену.

— Куда же вамъ! Только ручки себѣ намозолите!

— Нѣтъ, дай!

Онъ всталъ за плугомъ, но не успѣлъ пройти и двухъ сажень, какъ уже задохся; плугъ выскочилъ у него изъ рукъ, и лошадь побѣжала по пашнѣ, цѣпляясь лемехомъ за землю.

— Стой, каторжная! — кричалъ Семенъ на лошадь.

А баринъ между тѣмъ стоялъ на мѣстѣ и покачивался словно пьяный.

«Дѣйствительно, — думалъ онъ, — пахать—это... Но все-таки Анпетовъ совраль. Пахать я, конечно, не могу, но, въ сущности, это и не мое дѣло. Мое дѣло — руководить, вдохнуть душу, а все остальное...»

Такъ на этомъ онъ и успокоился. И даже, возвратясь домой, сказалъ женѣ:

— Пробовалъ я сегодня пахать — не могу. Это не мое дѣло. Мое дѣло — вдохнуть душу, распорядиться, руководить. Это тоже трудъ, и не маленький!

— Еще бы! — отозвалась жена.

Словомъ сказать, погружаясь въ море хозяйственныхъ мелочей, убѣжденный помѣщикъ душу свою мало-по-малу истратилъ на вытягиванье гроша за грошомъ. Онъ ничего

не читалъ, ничѣмъ не интересовался, потерялъ понятіе о комфорѣ и красотѣ. Яма, въ которой стояла усадьба, вполнѣ удовлетворяла его; онъ находилъ, что зимою въ ней теплѣе. Онъ одичалъ, потерялъ разговоръ. Однажды заѣхалъ къ нему исправникъ и завѣль разговоръ о сербскихъ дѣлахъ. Онъ слушалъ, но только изъ учитивости не зѣвалъ. Въ головѣ у него совсѣмъ не сербскія дѣла были, а бычокъ, котораго онъ недавно купилъ.

— Хотите, я вамъ бычка своего покажу? — не выдержалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ.

Попали на скотный дворъ, вывели бычка — красавецъ! грудь широкая, ноги крѣпкія и, несмотря на дѣтской возрастъ (всего шесть мѣсяцевъ), —ужъ сердится.

— Вотъ такъ бычокъ! — не выдержалъ, въ свою очередь, исправникъ.

— Это — надежда моего скотнаго двора! это — столпъ, на которомъ зиждится все будущее моего молочного хозяйства! Четыре мѣсяца тому назадъ восемьдесятъ рублей за него заплатилъ, а теперь и за полтораста не отдамъ...

Словомъ сказать, совсѣмъ всякую способность къ общежитію утратилъ.

А въ результатѣ оказалось чистой прибыли все-таки триста рублей. Хорошо, что еще помѣщеніе, въ которомъ онъ ютился съ семьей, не попало въ двойную бухгалтерію, а то быть бы убытку рублей въ семьсотъ-восемьсотъ.

— Ты думаешьъ, мало такая квартирка стдитъ? — не разъ говорилъ онъ женѣ: — да кухня отдельная, да флигель... Ежели все-то сосчитать...

— Ну, что тутъ! надо же гдѣ-нибудь жить!

Однако синь все растѣть да растѣть; поэтому самая естественная родительская обязанность заставляетъ позабочиться о его воспитаніи. Убѣжденный помѣщикъ понимаетъ это и начинаетъ заглядывать въ будущее.

— Надо же какъ-нибудь насчетъ Володи порѣшить, — осторожно заговариваетъ онъ.

— Надо, — соглашается съ нимъ жена.

— Я думаю, не написать ли къ Звѣркову? Онъ, по товарищески, приметъ его на свое попеченіе, опредѣлить...

— Что твой Звѣрковъ! Онъ и думать забылъ о тебѣ! Звѣрковъ! вотъ о комъ вспомнилъ! Надо самимъѣхать въ Петербургъ. Поселившись тамъ — и товарищи о тебѣ вспо-

миять. И сына опредѣлиши, и самъ мѣсто найденъ. Опять человѣкомъ сдѣлаешься.

Наболѣвшее слово вырвалось, и высказалъ его, по обыкновенію, жена. Высказалъ рѣзко, безъ подготовленій, засывъ, что вчера говорила совсѣмъ другое. Во всякомъ случаѣ, мужу остается только решить: да или неѣть. Но какой отличный предлогъ: сыны! Не по капризу они бросаютъ деревню, а во имя священныхъ обязанностей.

— Ты думаешь? — цѣдить онъ сквозь зубы.

— Чего думать! Цѣлый день съ утра до вечера точно въ огнѣ горимъ. И въ слякоть, и въ жару — никогда покоя не знаемъ. Посмотри, на что я похожа стала! на что ты самъ похожъ! А доходовъ все неѣть. Рожь самъ-двѣнадцать, въ молокѣ хоть купайся, все въ полномъ ходу — хоть на выставку, а въ результатѣ... триста рублей!

— Да, есть тутъ загадка какая-то.

— Никакой загадки неѣть. Баловство одно — это хозяйство со всѣми затѣями и усовершенствованіями. Только деньги словно въ пропасть бросили. Уѣдемъ, пока въ-конецъ не разорились.

— Ну, все-таки... Знаешь, я разсчитывала, кромѣ того, и на окружающихъ вліяніе имѣть...

— Лучше бы ты о себѣ думаль, а другимъ предоставиль бы жить, какъ сами хотятъ. Никто на тебя не смотритъ, никто примѣра съ тебя не беретъ. Самъ видишь! Стало-быть, никому и не нужно!

Разговоръ возобновляется чаще и чаще, и съ каждымъ днемъ приобрѣтаетъ болѣе и болѣе опредѣленный характеръ. Подстрекательницей является все-таки жена.

— Вотъ что я тебѣ скажу, — говоритъ она однажды: — хозяйство у насъ такъ поставлено, что и безъ личнаго надзора можетъ идти. Староста у насъ честный; а ежели ты сто рублей въ годъ ему прибавишь, то онъ вполнѣ тебѣ замѣнитъ. Но если ты захочешь, то можешь и самъ съ апрѣля до октября здѣсь жить, а я съ дѣтьми на каникулы буду пріѣзжать. Вотъ что я сдѣлаю. Теперь юль мѣсяцъ въ концѣ, а въ августѣ приемные экзамены начнутся. Черезъ недѣлю я уѣду съ Володей въ Петербургъ. Сѣвзжу къ твоимъ товарищамъ, — ты мнѣ письма дашь, — подыщу квартиру и опредѣлю Володю, а ты къ октябрю уберешься съ хлѣбомъ и пріѣдешь къ намъ съ Вѣрочкой и съ Анной Ивановной (гувернантка). Анна Ивановна! вѣдь вы безъ меня на скотномъ присмотрите?

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, такъ вотъ...

Сказано — сдѣлано. Черезъ недѣлю жена собрала сына и уѣхала въ Петербургъ. Къ концу августа, убѣжденный помѣщикъ получилъ извѣстіе, что сынъ выдержалъ экзамень въ гимназію, а Звѣрковъ, Жизнѣевъ, Эльманъ и другие товарищи дали слово опредѣлить къ дѣлу и отца.

Въ началѣ октября онъ уѣхалъ изъ деревни, наказавъ старостѣ вести хозяйство по заведенному порядку.

Теперь онъ состоитъ гдѣ-то чиновникомъ особыхъ порученій, а сверхъ того имѣеть выгодныя частныя занятія. Въ одной компаніи директорствуетъ, въ другой выбранъ членомъ ревизіонной комиссіи. Пробуетъ и самъ сочинять проекты новыхъ предпріятій и, быть-можетъ, будетъ имѣть успѣхъ. Словомъ сказать, хлопочетъ и суётится такъ же, какъ и въ деревнѣ, но уже около болѣе прибыльныхъ мелочей.

Въ деревню онъ заглядываетъ недѣли на двѣ въ теченіе года: больше разживаться некогда. Но жена съ дѣтьми проводить тамъ каникулы и — упаси Богъ, ежели что замѣтить! А впрочемъ, она не ошиблась въ старостѣ: хозяйство идетъ хоть и не такъ красиво, какъ прежде, но стѣть дешевле. Дохода очищается триста рублей.

Рядомъ съ убѣжденнымъ помѣщикомъ процвѣтаетъ другой помѣщикъ, Кононъ Лукичъ Лобковъ, и процвѣтаетъ достаточно удовлетворительно. Подобно сосѣду своему, онъ надѣется на землю и вѣритъ, что она дастъ ему возможность существовать; но возможность эту онъ ставить въ зависимость отъ множества подспорьевъ, которыхъ къ полѣводству вовсе не относятся.

Земли у него немного, десятинъ пятьсотъ съ небольшимъ. Изъ нихъ сто подъ пашней въ трехъ поляхъ (онъ держится отцовскихъ порядковъ), около полутораста подъ лѣсомъ, слишкомъ двѣсти подъ пустошами, да около пятидесяти подъ лугомъ; болотце есть, острецъ въ немъ хорошо растетъ, а кругомъ, по мокрому мѣсту, травка ми-конькая. Но нѣтъ той пяди, изъ которой онъ не извлекалъ бы пользу, кромѣ лѣса, который онъ до поры до времени бережетъ. И, благодареніе Создателю, живеть, — не роскошествуетъ, но и на недостатки не жалуется.

Лобковъ не заботится ни о томъ, чтобы хозяйство его считалось образцовымъ, ни о томъ, чтобы примѣръ его

влияль на сосѣдей, побуждалъ ихъ къ признанію пользы усовершенствованныхъ пріемовъ земледѣлія и т. д. Онъ разсуждаетъ просто и ясно: лучше получить прибыли четыре зерна изъ пяти, нежели одно изъ десяти. Очевидно, онъ не столько разсчитываетъ на силу урожая, сколько на дешевизну и даже на невозможность необходимаго для обработки земли труда.

Вотъ съ этою-то цѣлью и изобрѣтена имъ цѣлая хитросплетенная система подспорьевъ.

Первое мѣсто въ ряду подспорьевъ занимаетъ прижимка. Кононъ Лукичъ подкрадывался къ ней издалека, еще въ то время, когда только-что пошли слухи о предстоящей крестьянской передрягѣ (такъ называется онъ упраздненіе крѣпостной зависимости). Въ то время онъ всячески ласкалъ крестьянъ и обнадѣживалъ ихъ: «Вотъ ужъ, будете вольные, и заживемъ мы по-сосѣдски миркомъ да ладкомъ. Ни вы меня, ни я вѣсть—все у насъ будетъ по-хорошему». Такъ что когда наступилъ срокъ для составленія уставной грамоты, то онъ безъ малайшаго труда опуталъ будущихъ «сосѣдушекъ» со всѣхъ сторонъ. И себя, и крестьянъ раздѣлилъ дорогою: по одну сторону дороги — его земля (пахатная), по другую — надѣльная; по одну сторону — его усадьба, по другую — крестьянскій порядокъ. А сзади деревни—крестьянское поле, и кругомъ, куда ни взгляни, — господскій лѣсь.

— Вы паничи больше берите, — увѣщевалъ онъ крестьянъ:—въ ней вся наша надежда. За лѣсомъ не гонитесь, и и сучьевъ на протопленіе, и валёжнику на лучину, хоть задаромъ, добрымъ сосѣдямъ отпушу! Луговъ тоже немнога вамъ нужно — у меня пустошей сколько угодно есть. На кой миѣ ихъ шуты! Только горе одно... хоть даромъ косите!

Словомъ сказать, такъ обставилъ дѣло, что мужичку курицы выпустить некуда. Курица глупа, не разсуждается, чтѣ свое и чтѣ чужое, бредеть туда, гдѣ лучше, — за это ее сейчасъ въ сунѣ. Ищетъ баба курицу, съ ногъ сбилась, а Кононъ Лукичъ молчитъ.

— Вы, что ли, Кононъ Лукичъ, курицу взяли? — пристаетъ она къ барину.

— Не знаю; видѣлъ я давеча курицу у себя въ огородѣ, а твоя ли, моя ли — Христосъ ихъ разберетъ.

— Куда же она дѣвалась?

— Должно-быть, въ сунѣ ко мнѣ попала. Не ходи въ

огороды! За это я не только чужой, но и своей курицѣ потачки не дамъ.

Чтò бабѣ дѣлать? Не судиться же изъ-за курицы! Обругаеть барина, да онъ уже обтерпѣлся. Въ глаза его «мучителемъ» зовутъ, а онъ только опояску на халатѣ обдергиваеть.

И полеводство свое онъ расположилъ съ разсчетомъ. Когда у крестьянъ земля подъ пàромъ, у него черезъ дорогу овесь посъянъ. Видить скотина — на пару ей взять нечего, а тутъ же, чуть не подъ самымъ рыломъ, цѣлое море зелени. Нѣть-нѣть, да и забредетъ въ господскіе овсы, а ее оттуда кнутьями, да съ хозяина — штрафъ. Поправила скотина на гриненникъ, а штрафу — рубль. «Хоть все поле стравите — мнѣ же лучше! — ухмыляется Кононъ Лукичъ: — ни градобитіевъ бояться не нужно, ни бабамъ за жниво платить!»

Однако онъ настолько добръ, что денегъ за штрафы не требуетъ.

— Миѣ на чтò деньги! — говорить онъ: — на свѣчу Богу да на лампадное маслище у меня и своихъ хватить! А ты вотъ чтò, другъ: съ тебя за потраву слѣдуетъ рубль, такъ ты мнѣ, вмѣсто того, полдесятинки всипши да сдвой, а ужъ посюю я самъ. Такъ мы съ тобой по-хорошему и разойдемся.

— Мучитель вы нашъ, Кононъ Лукичъ!

— Ты говоришь: «мучитель», а я говорю: правило такое есть — на чужую собственность не заглядывайся. Я къ тебѣ не хожу, ты ко мнѣ не ходи. Знаешь ли ты, что такое собственность? Ею, другъ, государство держится. Потому всякому своего жаль; а коли своего жаль, такъ, стало-быть, и чужого касаться не слѣдуетъ. Всѣ другъ по дружкѣ живутъ; я тебя берегу, ты — меня... потому что у каждого есть собственность. А ежели кто это забываетъ — значитъ, толькъ и государству измѣнникъ, да и вообще... ну, просто, значитъ, ничего не стоящій человѣкъ!

Словомъ сказать, и потравы, и порубки не печалять, его, а радуютъ. Всякій нанесенный ему ущербъ оцѣненъ заблаговременно, на все установлена опредѣленная такса. Цѣлый день онъ бродить по полямъ, по лугамъ, по лѣсу, ничего не пропустить и словно чутьемъ угадаетъ виновнаго. Даже ночью — однимъ ухомъ спить, а другимъ — прислушивается.

На первыхъ порахъ послѣ освобожденія онъ завалилъ

мирового посредника жалобами и постоянно судился, хотя почти всегда проигрывалъ дѣла; но крестьянамъ даже выигрывать надоѣло: выиграешь мѣдный пятакъ, а времени прогуляешь на рубль. Постепенно они подчинились; отводили душу, ругая Лобкова въ глаза, но назначенные десятины обрабатывали исправно, не кривя душой. Чего еще лучше!

Другое подспорье—это система такъ-называемыхъ одолженій. У мужичка къ веснѣ и хлѣбъ, и сѣно подошли, а Кононъ Лукичъ всегда готовъ, по-сосѣдски, одолжить.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени!—кланяется мужичокъ.

— Съ удовольствіемъ, другъ. И процента не возьму: я тебѣ два пуда, и ты мнѣ два пуда—святое дѣло! Извѣстно, за благодарность ты что-нибудь поработаешь... Чтѣ бы, напримѣръ?—ну, напримѣръ, хозяйка твоя съ сношеньками полдесятинки овса мнѣ сожнетъ. Ахъ, хороша у тебя старшая сноха... я-адрѣная!

— Помилуйте, Кононъ Лукичъ! полдесятинки-то овса сжать мало-мальски два съ полтиной отдать нужно!

— Это ежели деньгами платить, а мнѣ — за благодарность. Я вѣдь не неволю; мнѣ и гуляючи отработаете. Наступить время, поспѣть овесь — бабыньки-то твои и не увидятъ, какъ шутя полдесятинки сожнутъ!

За первымъ мужичкомъ слѣдуетъ другой, за другимъ — третьимъ и такъ далѣе. У всѣхъ нужда, и всѣхъ Кононъ Лукичъ готовъ надѣлить. Весной онъ обезпечиваетъ себѣ обработку и уборку полей. Съ наступленіемъ лѣта онъ точно такъ же обезпечиваетъ уборку сѣнокоса.

Здѣсь ему приходить на помощь третье отличнейшее подспорье—пустошь...

— Берите у меня пустошь!—совѣтуетъ онъ мужичкамъ:— я съ васъ ни денегъ, ни сѣна не возьму — на чтѣ мнѣ! Вотъ лужокъ мой всѣмъ міромъ уберете—я и за то благодаренъ буду! Вы это тутъ на гулянкахъ сдѣлаете, а мнѣ—подспорье!

— Все на гулянкахъ, да на гулянкахъ! И то круглый годъ гуляемъ у васъ, словно на барщинѣ! — возражаютъ мужички.— Вы бы лучше, какъ и другіе, Кононъ Лукичъ, за деньги, либо исполну...

— Что вы, Христосъ съ вами! Да мнѣ стыдно будеть въ люди глаза показать, если я съ сосѣдями на деньги пойду! Я—вамъ, вы—мнѣ; вотъ какъ по-христіански слѣ-

нетъ. А какъ скосите мнѣ лужокъ, — я вамъ ведерко поставлю да пирожкомъ обѣлю — это само собой.

Словомъ сказать, благодаря подспорьямъ, гуляютъ у него ужички па работѣ, а онъ пропитывается.

Скота онъ держитъ немного и стада своего не совершенствуетъ, хотя отъ покупки доброй коровы-ярославки — ее прочь: уドй отъ нея хорошъ, да и ухода изысканного требуетъ. Это онъ даже въ патріотизмъ себѣ вмѣняетъ.

— Чѣмъ по заграницамъ деньги транжирить, — говорить онъ: — лучше свое, отечественное, поощрять... Такъ ли?

Но чтобы получить достаточное количество навоза, онъ придумалъ опять своего рода подспорье. Осеню ъздитъ по ярмаркамъ и сельскимъ аукціонамъ и скупаетъ лошадей-палошицъ. Рублей по десяти за голову, штука шестьдесятъ онъ такихъ одровъ накупить и поставить на зиму на макину да на соломенную рѣзку, чтобы только не подохла скотина. Къ веснѣ слегка овсесемъ подправить — и продается. Ту же лошадь, въ виду наступленія рабочаго времени, мужичокъ за сорокъ рублей купить — смотришь, рублей десять-пятнадцать барышка съ каждой головы наберется. А навозъ самъ по себѣ... конский навозъ!

Тутъ барышокъ, тамъ барышокъ, вездѣ, за что онъ ни возьмется, — вездѣ барышокъ. Правда, что онъ съ утра до вечера маєтъ, маклачить, мелочничаетъ, но зато сытъ. Живеть онъ одиноко; многие даже думаютъ, что у него совсѣмъ семьи нѣтъ. Но это не такъ: есть у него семья, да только не удалась она. Есть жена, да полудурье, и притомъ пошивается, — никому онъ ея не кажеть. Есть два сына: одинъ — на Кавказѣ ротнымъ командиромъ служить, другой — въ морякахъ. Оба лѣтъ двадцать къ нему глазъ не кажутъ — очень ужъ онъ въ дѣствѣ тиранъ — и даже не пишутъ. Есть и дочь, да онъ ее проклялъ. Но онъ до такой степени «изворовался» въ сельско-хозяйственныхъ ухищреніяхъ, что даже не замѣчаетъ отсутствія семьи.

Однажды, послѣ одного изъ судьбищъ, заѣхалъ къ нему мировой посредникъ и разговорился.

— Изъ чего только вы хлопочете, Кононъ Лукичъ? — спросилъ посредникъ.

— А вы изъ чего?

— Я... какъ же возможно! Я — служу, посильную пользу обществу приношу.

— Всѣ мы изъ-за одного бьемся... кормиться хотимъ. Вы глядите въ книгу и видите фигу — за это деньги по-

лучаете; я — около хозяйства колочусь. Сыть — и славу Богу!

Посредникъ обидѣлся (передъ нимъ, дѣйствительно, какъ будто фига вдругъ выросла) и уѣхалъ, а Кононъ Лукичъ остался дома и продолжалъ «колотиться» по-старому. Зайдеть въ лѣсъ — бабу поймасть, лукошко съ грибами отниметь; заглянетъ въ поле — скотину выгонить и штрафъ возьметъ. Съ утра до вечера все въ маятѣ да въ маятѣ. Только въ праздникъ къ обѣднѣ сходитъ, и какъ ударять къ «Достойно» — непремѣнно падеть на колѣни, вынестъ платокъ и отъ избытка чувствъ сморкнется.

Зимой ему посвободнѣе. Но и тутъ онъ нашелъ себѣ занятіе: ябеды пишетъ. Доносить на священника, что онъ въ такой-то царскій день молебень не служилъ; на Анисетова — что онъ своимъ примѣромъ въ емущеніе приводить; на сельскаго старосту — что онъ, будучи вызванъ въ воскресеніе къ исправнику, такъ отважно выразился, что даже міряне потупили очи.

Словомъ сказать, совершенно доволенъ, что его со всѣхъ сторонъ обступили мелочи, — ни дыхнуть, ни подумать ни о чемъ не даютъ. Цѣною этого онъ — сыть и здоровъ, а больше ему ничего и не требуется.

4.— Міроѣды.

И міроѣдъ не чуждъ природѣ. Разумѣется, не въ смыслѣ сельско-хозяйственному, а въ томъ, что и онъ производить свой чужеядный промыселъ на лонѣ природы, въ вольномъ воздухѣ, въ виду луговъ, лѣсовъ и болотъ.

Міроѣды — порожденіе новѣйшихъ временъ; хотя и въ до-реформенное время этотъ терминъ существовалъ, но означалъ онъ совсѣмъ не то, что теперь означаетъ. Собственно говоря, былъ и тогда міроѣдъ, въ современномъ значеніи этого слова, но онъ ютился въ области крѣпостного права и, конечно, не назывался міроѣдомъ. Затѣмъ, въ средѣ государственныхъ крестьянъ, міроѣдами прозывались «коштаны», т. е. горлопаны, волновавшіе мірскія сходки и находившіеся на замѣчаніи у начальства, какъ бунтовщики; въ средѣ мѣщанъ, подъ этой же фирмой проявѣтали «кулаки», которые подстерегали у заставъ крестьянъ, щедшихъ въ городъ съ продуктами, и почти силой

водили ихъ въ купеческие дворы, гдѣ ихъ обсчитывали, бмѣривали и обвѣшивали. Наконецъ, были прасолы, ъздавшіе по усадьbamъ и деревнямъ и скupавшиe и продававшиe сякій сельскій продуктъ. По тогдашнему простому времени, и этого было довольно.

Истинный міроѣдъ зачался одновременно съ упраздненіемъ крѣпостного права, но настоящимъ образомъ онъ сперился, оформился и расцвѣлъ благодаря сивушной реформѣ.

Крестьянская реформа создала обстановку. Она дала деревенскому люду общину, но общину своеобразную, содержание которой исчерпывалось круговою порукой, облегчавшей исправный платежъ податей и повинностей. Ни въ какомъ другомъ отношеніи эта новоявленная община ни обеспеченія, ни ручательства не представляла. Для захудалаго мужика она еще могла бы представлять иѣкоторое обезщеченіе въ смыслѣ болѣе равномѣрнаго распределенія денежныхъ сборовъ; но вѣдь для подобныхъ платежныхъ единицъ (имъ присваивается кличка «нерадивыхъ») существуютъ соотвѣтствующія мѣры побужденія, — стало-быть, тутъ и безъ равномѣрности можно обойтись. Для мужика сильнаго, успѣвшаго «забраться» еще при крѣпостномъ правѣ, община представляла выгоду лишь въ томъ случаѣ, если рядомъ съ нею шло порабощеніе болѣе слабыхъ платежныхъ единицъ. Человѣку сильному и предпримчивому тяжело подчиниться общиннымъ порядкамъ, которые прежде всего обезличиваютъ его, налагаютъ путы на всю его дѣятельность, вторгаются въ его жизненную обстановку и вообще держать подъ угрозой «сравненія съ прочими». Идеалы сильнаго деревенского мужика не особенно высоки; онъ крѣпко держится за нихъ, употребляя на осуществление ихъ весь запасъ хитрости, лукавства и умѣлости, который находится въ его распоряженіи. Чтобы достигнуть этого, надо было прежде всего ослабить до минимума путы, связывающія его дѣятельность, устроиться такъ, чтобы стоять въ сторонѣ отъ прочей «гольтепы», чтобы порядки послѣдней не были для него обязательны, чтобы за нихъ обеспечена была личная свобода дѣйствій; словомъ сказать, чтобы имя его пользовалось почетомъ въ мірѣ сельскихъ властей и черезъ посредство ихъ произвѣли давленіе на голь мірскую. Затѣмъ, по сущей справедливости, не лишнее извлечь и осиязательную выгоду изъ созданнаго такимъ образомъ привилегированнаго по-

ложенія. Потому что, какъ бы ни были ослаблены узы его зависимости отъ общины, все-таки онъ числится членомъ-я, слѣдовательно — привязанъ къ извѣстному мѣсту, стѣсненъ въ передвиженіяхъ. Надо вознаградить себя за это. По зреіомъ размышленіи, такое вознагражденіе онъ можетъ добыть, не ходя далеко, въ иѣдрахъ той «гольтепы», которая окружаетъ его. Надо только, предварительно, самого себя освободить отъ путь совѣсти и съ легкимъ сердцемъ приступить къ задачѣ, которая ему предстоитъ и формулируется двумя словами: «ѣсть міръ». И онъ решается на этотъ подвигъ тѣмъ съ менышимъ затрудненіемъ, что слово «совѣсть» имѣть для него значеніе, обнимающее очень ограниченный кругъ нравственныхъ представлений самаго ходячаго свойства. Онъ разсуждаетъ такъ: — «Я выбрался изъ нужды — стало-быть, и другое имѣютъ возможность выбраться; а если они не дѣлаютъ этого, то это происходитъ оттого, что они не умѣютъ управлять собою. Учить ихъ некогда, да и не зачѣмъ, а надо просто на-просто єсть ихъ, хотя бы ради того, чтобы личный ихъ трудъ не растрачивался на вѣтеръ, а гдѣ-нибудь произвѣдѣлъ накопленіе». «Гдѣ-нибудь» — это у него. Отсюда название: «міроѣдъ».

Нацѣлесообразнѣйшее средство для удовлетворенія алчности дала ему сивушная реформа. Она каждую деревню наградила кабакомъ и отъ кабатчика потребовала только соблюденія двухъ условій: приговора общества и нравственнаго ценза. Приговоръ общества міроѣду достать очень легко: стѣтъ только выставить «гольтепѣ» ведро или два (смотря по величинѣ деревни) — и приговоръ готовъ. Въ большинствѣ случаевъ, кромѣ официальнаго приговора, давался еще дополнительный, которымъ постановлялось: никому другому въ деревнѣ другого кабака не разрѣшать и никому изъ членовъ общества въ кабакахъ сосѣднихъ деревень не пить, подъ опасеніемъ штрафа, а пить исключительно у него, имя рекъ, міроѣда. Что же касается до нравственнаго ценза, то добыть его еще легче. Мужикъ онъ обстоятельный, исправный, никого явно не убилъ, не ограбилъ, а стало-быть, и подъ судомъ не бывалъ. Онъ міроѣдъ, — только и всего; но развѣ міроѣдство подлежитъ компетенціи суда?

Дешевизна водки произвѣла оглушающее дѣйствіе. «Гольтепа» массой потянулась въ кабакъ. Какъ будто она сразу хотѣла вознаградить себя за долгій искусъ лишенія про-

дукта, который, въ виду ея одичалости, представлялъ для нея громадный соблазнъ. Но сверхъ того ей необходимо было забыться, угорѣть. Обида преслѣдуєтъ ее всюду: и дома, и на улицѣ. Только кабакъ—въ лицѣ своего властелина—видить въ немъ равноправного потребителя и ограждаетъ эту равноправность. Только въ кабакѣ онъ самъ большой и можетъ прикинуть даже на самого міроѣда: «Ты что озорничашь? наливай до краевъ!» — И міроѣдъ не отвѣтить на его окрикъ, а только ухмыльнется въ бороду.

«Разореніе» вошло въ полный фазисъ своего развитія. Пропивались заработанныя тяжкимъ трудомъ деньги, и ежели денегъ недоставало—пропивалась самая жизнь. Рабочія орудія, скотъ, одежда, личный трудъ, будущій урожай — все потянулось къ кабаку и словно пропадало въ утробѣ кабатчика. А рядомъ съ кабакомъ стояла лавочка, гдѣ весь деревенскій товаръ былъ налицо, начиная отъ гвоздя до женскаго головного платка. Зачѣмъ зачастаешься дома, зачѣмъ копить, колъ скоро все въ лавочкѣ найти можно?! И денегъ не нужно—знай, хребтомъ шевели: міроѣдъ своего не упустить! онъ, братъ, укажетъ, гдѣ и какъ шевелить!

И дѣйствительно: онъ укажетъ. Онъ знаетъ каждого члена окружающей «гольтены» и можетъ во всякое время опредѣлить, кто чего стонѣтъ. Вотъ этотъ хребеть еще долго выдержитъ, а вонъ тотъ ужъ надламывается. Первому можно безъ риска вѣрить; что касается до второго, то не лишишь и остеречься. Ц изба, и клѣть, и соха, и всякий гвоздь въ избѣ—все на виду у міроѣда и все принимается имъ въ разсчетъ. Даже семейное положеніе: у кого сынъ на фабрикѣ, у кого дочь въ казачкахъ—въ крайнемъ случаѣ, они и отработать могутъ. Мужичья изба словно фонарь—все въ ней наружу. Вотъ она стонѣтъ, оголивши ребра, словно оставъ звѣря. Тамъ бревно изъ пазовъ вышло, тутъ—иструпѣло совсѣмъ; солома на крышѣ гниетъ, вѣтромъ ее истрапало, на кормъ скотинѣ ключья весной повытаскали. Но и изъ этой груды полуистлѣвшаго хлама пользишку извлечь можно. Вонъ онъ! вонъ! около телѣги копошится! Э, да онъ, видно, остатки сѣна на возъ навѣвать хочетъ!..

— Авдѣй, а Авдѣй! никакъ ты сѣно-то въ городъ везешь?—кричитъ міроѣдъ на всю улицу.

— Собralся-было, Петръ Матвѣичъ,—робко откликается Авдѣй, чувствуя угрозу.

— Вези лучше ко мнѣ—тѣ же деньги, да и въ городъ ъздить не нужно. А коли искупить что въ городѣ хотѣть, такъ и у меня въ лавкѣ товару довольно.

Авдѣй не прекословить. Вязанку за вязанкой онъ перетаскиваетъ сѣно во дворъ къ міроѣду и получаетъ разсчетъ. Въ городѣ сѣно тридцать копеекъ стоять, міроѣдъ даетъ двадцать пять:—«экой ты, братець! побѣхалъ бы въ городѣ—навѣрное больше пяти копеекъ на пудъ истрысь бы!»

— Чтой-то, Петръ Матвѣичъ, словно бы маловато вѣсу у васъ выходить! Надо-быть, сѣна у меня тридцать пудовъ было, а у васъ двадцать-семь вѣсы показываютъ...

— Чудакъ, братець, ты! развѣ я вѣшаю? Стрѣлка вѣшаетъ! Вонъ, смотри стрѣлку-то—прямо стонть? А коли прямо—значить, вѣрно.

— У Петра Матвѣича вѣсы живые: сколько ему захочется, столько и вѣсятъ!—шутить сосѣдъ, тоже членъ мірской гольтепы, случайно проходя мимо.

Пошутилъ прохожій, пошутилъ и самъ продавецъ, пошутилъ и міроѣдъ—такъ на шуткѣ и помирятся. Разсчетъ будетъ сдѣланъ все-таки, какъ міроѣду хочется; но въ добрый часъ онъ и косушку поднести не пропечь.

— Вотъ на этомъ "спасибо!"—благодаритъ Авдѣй.—Добѣрь ты, Петръ Матвѣичъ! это такъ только вороги твои клеплють, будто ты крестьянское горе сосешь.... Ишь вѣдь! и денежки до конечки заплатилъ, и косушку поднесть; кто, кроме Петра Матвѣича, такъ сдѣлается? Ну, а теперь пойти къ старостѣ, хотя пятишницу въ недоимку отдать. И то намеднистъ стегать меня собирался.

Съ утра до ночи голова міроѣда занята разсчетами; съ утра до ночи взоръ его глядывается въ деревенскую даль. Заручившись деревенской статистикой, онъ мало того, что знаетъ хозяйственное положеніе каждого однообщественника, какъ свое собственное, но можетъ даже напомнить односельцу о такихъ предметахъ, о которыхъ тотъ и самъ позабыть.

— А помнишь, дядя Семенъ, ридванъ у тебя телѣжный старенький былъ—гдѣ онъ теперь?

— Ахъ, прахъ-те побери!—спохватывается дядя Семенъ:—и взаправду вѣдь былъ! Гдѣ онъ теперь? Вотъ ловко находку нашелъ!

И бѣжитъ домой, обшариваетъ дворъ и, наконецъ, гдѣ-нибудь въ пустомъ хлѣву, гдѣ осенюю поросенка откармливали, находитъ остовъ телѣжного ридвана.

— Нашелъ!—радуется онъ на всю улицу.—Иши ты, починить его мало-мальски, и опять за новый пойдетъ! И съ чего это я его бросилъ?

— За новый онъ не пойдетъ—это ты вздоръ мелешь!—резонно говоритъ Петръ Матвѣчъ:—и бросилъ ты его оттого, что онъ ужъ совсѣмъ изрѣшился. А коли хочешь за него полштофъ—бери!

— Получай!—соглашается дядя Семенъ.—Что-жъ! кабы не ты, я и не вспомнилъ бы, что у меня на дворѣ кладъ есть. Ахъ, добёрь ты, Петръ Матвѣчъ, ужъ такъ ты добѣрь, такъ добѣрь!

Дядя Семенъ доволенъ, потому что онъ сутки пьянъ. Петръ Матвѣчъ тоже доволенъ, потому что онъ почистилъ телѣжный рыдванъ, обиль его изнутри рогожей,—и будетъ онъ ему еще долго служить наравнѣ съ новыми.

Міроѣды по происхожденію бывають двухъ сортовъ: аборигены и наѣзжіе.

Міроѣдъ-aborigenъ єсть своихъ однообщественниковъ, а потому для него обязательна известная доля осмотрительности. Онъ зачался еще при крѣпостномъ правѣ и принадлежитъ къ числу тѣхъ благомысленныхъ мужиковъ, которыми такъ любили хвастаться помѣщики. Во всей округѣ онъ былъ известенъ подъ именемъ «министра», и помѣщикъ не только не препятствовалъ ему разживаться, но даже помогалъ,—участвовать въ его торговыхъ операцияхъ или просто ссужать за проценты деньгами. Односельцевъ благомысленный мужикъ не трогалъ, такъ какъ это было бы въ ущербъ помѣщику: онъ велъ свои обороты на сторонѣ, посыпая базары и ярмарки. И искупалъ, и продавалъ все, что представлялось въ данную минуту выгоднымъ, не держась специальности; но въ результатѣ нерѣдко образовывался значительный капиталъ. Съ паденiemъ крѣпостного права, иѣкоторые изъ «благомысленныхъ» выписались въ купцы, но большинство, по естественному ходу вещей, превратилось въ міроѣдовъ. Такое прошлое, не представляя особыхъ задатковъ дѣйствительной благомыслиности, все-таки свидѣтельствовало о недюжинномъ умѣ и о способности извлекать пользу изъ окружающей среды и тѣхъ условій, въ которыхъ она живетъ. И точно: никто зорче его не присмотрится, никто основательнѣе не взвѣситъ. Онъ непремѣнно возьметъ «свое», но возьметъ вѣ-время и именно столько, сколько можно.

Выше я сказаъ, что онъ напомнить дядѣ Семену о существованіи заброшенаго телѣжного рыдвана, но одновременно съ этимъ онъ прочтеть дядѣ Авдѣю наставлениѳ, что вести на базарь послѣднюю животину—значить окончательно разорить домъ, что можно потерпѣть, оборотиться и т. д. Вообще, гдѣ слѣдуетъ, онъ нажметъ, а гдѣ слѣдуетъ, и отдохнуть дасть. Дать мужику безъ резону потачку—онъ пось задереть, но, съ другой стороны, дать захудалому отдохнуть—онъ и опять исподволь обрастетъ. И опять его стриги, сколько хочется.

На этомъ умѣньѣ—взять вѣ-время и сколько можно—основанъ весь расчетъ міроѣда-аборигена. «Гольтепа» мірская знаетъ это и не скрываетъ отъ себя, что отъ помѣщика она попала въ крѣпость міроѣду. Но процессъ этого перехода произошелъ такъ незамѣтно и естественно, и отношенія, которыя изъ него вытекли, такъ чужды насыщенности, что приходится только подчиниться имъ. И дѣйствительно, «гольтепа» подчинилась, и не только въ силу тяготѣющаго надъ ней рока, но и не безъ нѣкоторой доли сознательности. Она понимаетъ, что къ ней присосалось нѣчто чужеядное, благодаря которому она постепенно опускается все глубже и глубже, но не чувствуетъ тисковъ, не нащупываетъ дна. Существуя лишь въ качествѣ живого рабочаго инвентаря, она только тѣ и имѣть, чтобъ въ обрѣзъ необходимо для поддержанія этого инвентаря въ надлежащей исправности.

Что касается до сельско-хозяйственныхъ оборотовъ міроѣда-аборигена, то онъ ведеть свое полеводство тѣмъ же порядкомъ, какъ и «хозяйственный мужичокъ». Онъ любить и холить землю, какъ настоящій крестьянинъ, но уже не работаетъ ее самъ, а предпочитаетъ пользоваться дешевымъ или даровыемъ трудомъ кабальной гольтепы. Сколько находится у него въ распоряженіи этого труда, столько береть онъ и земли. Онъ не гонится за большими сельско-хозяйственными предпріятіями, ибо знаетъ, что сила его не тутъ, а въ той неприступной крѣпости, которую онъ создаль себѣ, благодаря кабаку и торговымъ оборотамъ. Такъ что всѣ его требованія относительно земли, какъ надѣльной, такъ и арендуемой, ограничиваются тѣмъ, чтобъ результаты ея производительности доставались ему даромъ, составляли чистую прибыль.

Кромѣ міроѣда-аборигена, въ деревняхъ нерѣдко встрѣчается міроѣдъ наѣзжий. Послѣдний является на мѣсто уже

споли́бъ свободнымъ отъ тѣхъ сложныхъ соображеній, кото-
рыя отъ времени до времени волнуютъ міроѣда-аборигена.
Онъ, собственно говоря, человѣкъ вымороочный. Не будучи
членомъ общины, онъ не чувствуетъ себя связаннымъ ни
къ ея интересами, ни съ ея людомъ. Въ его глазахъ об-
щина есть объектъ для эксплоатациі—и ничего больше.
Онъ береть съ этого объекта все, что можетъ, береть
нагло, ни передъ чѣмъ не задумываясь и зная, что сего-
дня онъ тутъ, а завтра—въ иномъ мѣстѣ. Быть-можетъ,
онъ присасывается не такъ солидно, какъ мѣстный абори-
гень, но зато всѣ его прижимки наглы, безстыдны и не-
навистны. Міроѣдъ-аборигенъ возбуждаетъ страхъ; міроѣдъ
наѣзжий—ненависть. Онъ самъ это отлично понимаетъ и
потому находится въ вѣчномъ трепете краснаго пѣтуха.

Наѣзжий міроѣдъ—разночинецъ; это или бывшій дворо-
вый человѣкъ, или мѣщанинъ изъ сосѣдняго города, со-
блазнившійся барышами, которые сулила сивушная ре-
форма, или, наконецъ, оставшійся безъ мѣста, по случаю
реформы, чиновникъ. Иногда (впрочемъ, какъ рѣдкое исключ-
еніе) міроѣдомъ является и самъ бывшій помѣщикъ.

Бывшій дворовый человѣкъ непремѣнно возлежалъ на
лонѣ у своего помѣщика. То-есть служилъ камердинеромъ,
выполнялъ негласныя порученія, подлаживался къ барскимъ
привычкамъ, изучалъ барскіе вкусы и вообще пользовался
довѣріемъ настолько, что имѣлъ право общаривать барскіе
карманы и входить, въ отсутствіе барина, въ комнату, где
находился незапертый ящикъ съ деньгами. Онъ воровалъ
господскія сигары и потчива1ъ ими друзей, бѣль въ господ-
скаго стола, ходилъ въ гости въ господскомъ платьѣ и во-
обще получалъ вкусы къ барской жизни. Друзья барина
увеличали его по имени и по отчеству; иѣкоторые занимали
у него деньги и жали ему руку.

Ежели баринъ велъ картежную игру, то камердинеру
представлялась доходная статья настолько значительная,
что устраивала всякія подозрѣнія относительно его честно-
сти. При картахъ—вино, бутылки несчитанныя; наверты-
ваются счастливые игроки, которымъ и сто рублей выбро-
сить на водку расторопному лакею вичего не стойти.
Правда, что онъ ночей не спалъ, ногъ подъ собой не слы-
шалъ, но зато у него скопился настолько значительный
капиталъ, что онъ уже при первомъ слухѣ о предстоящей
эмансипаціи началъ тосковать о самостоятельности. И когда
роковой часъ наступилъ, то онъ, давъ барину время раз-

дѣлаться съ крестьянами, въ самый день полученія выкупной ссуды, бросилъ его на произволъ судьбы.

— Наворовалъ довольно? — внезапно прозрѣлъ баринъ.

— Послужилъ — и будетъ, — отвѣчалъ скромно вчерашній довѣренный слуга.

И что же! несмотря на прозрѣніе, барина сейчасъ же начала угнетать тоска: «Куда я теперь дѣнусь? Все было Иванъ юомичъ — и вдругъ его нѣтъ! Все у него на рукахъ было; все онъ зналъ, и подать, и принять; зналъ привычки каждого гостя, чѣмъ кому угодить, — когда все это опять наладится?» — И долго тосковалъ баринъ, долго пересчитывалъ оставшуюся послѣ Ивана юомича посуду, бѣлье, вспоминалъ о какихъ-то исчезнувшихъ пиджакахъ, галстукахъ, жилетахъ; но, наконецъ, махнулъ рукой и зажилъ постарому.

Между тѣмъ Иванъ юомичъ ужъ облюбовалъ себѣ мѣстечко въ деревенскомъ поселкѣ. Ахъ, хорошо мѣстечко! Въ самой сердцѣ деревни, на берегу обрыва, на днѣ котораго пробился ключъ! Кстати, тутъ оказалась и упала изба. Владѣлецъ ея, зажиточный легковой извозчикъ, вслѣдъ за объявленіемъ воли, собралъ семейство, заколотилъ окна избы досками и совсѣмъ переселился въ Москву.

Иванъ юомичъ выставилъ міру два ведра и получилъ приговоръ, затѣмъ сошелся за-дешево съ хозяиномъ упалой избы и открылъ «постоялый дворъ», пристроивъ сбоку небольшой флигелекъ подъ лавочку. Не принялъ еще окончательнаго решения насчетъ своего будущаго, — въ головѣ его мелькалъ городъ съ его шумомъ, суетою и соблазнами, — онъ устроилъ себѣ въ деревнѣ лишь временное гнѣздо, которое однако-жъ было вполнѣ достаточно для начатія атаки. И онъ повелъ эту атаку быстро, нагло и горячо.

Въ сельско-хозяйственному смыслѣ дѣйствія Ивана юомича имѣютъ тотъ же временный характеръ. Онъ охотно снимаетъ въ краткосрочную аренду земельные участки, въ особенности запущенные старья пашины, поросшія мелкимъ лѣсомъ; поросль выжжетъ, землю распашетъ «за благодарность», сниметъ хлѣбъ-другой, ограбить землю и уйдетъ. Еще охотнѣе онъ занимается лѣснымъ дѣломъ. Купить лѣсочекъ подъ вырубку, срубить все до послѣдней годовалой березки, а голое мѣсто отдать въ кортому подъ пастьбу скота. Такъ что, когда, по окончаніи аренднаго срока, вырубка возвратится къ владѣльцю, то послѣдній можетъ

быть увѣренъ, что тутъ ужъ никогда даже осинка не вырастеть.

И благо Ивану Фомичу, что онъ устраивается въ деревнѣ лишь временно. Деревенскій постоянный дворъ для него только школа, въ которой онъ приобрѣтаетъ знанія и навыкъ, необходимые для грабительства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Но, кромѣ того, годы, проведенные въ деревнѣ, полезны и въ томъ отношеніи, что они даютъ время забыть его лакейское прошлое. Въ сущности, онъ ни на минуту не спускаетъ глазъ съ Петербурга и уже видитъ себя настоящимъ торговцемъ, владѣльцемъ, на первое время, хоть табачного магазина. И кто знаетъ, что ему сулить будущее? Быть-можетъ, онъ будетъ членомъ санитарной комиссіи, водопроводной субкомиссіи и проч.— вообще, необходимою спицей въ колесницѣ. Можетъ-быть, на груди его будетъ блестать медаль; а можетъ-быть...

О прочихъ наѣзжихъ мѣроѣдахъ распространяться я не буду. Они ведутъ свое дѣло съ тою же наглостью и горячностью, какъ и Иванъ Фомичъ,—только размахъ у нихъ не такъ широкъ, и перспективы ужѣ. И чиновникъ, и мѣщанинъ навсегда завѣаютъ въ деревнѣ, безъ малѣйшей надежды попасть въ члены суб-субкомиссіи для вывозки изъ города нечистотъ.

Подобно хозяйственному мужику, сельскому священнику или помѣщику, мѣроѣдъ всю жизнь колотился около крохъ, не чувствуя подъ ногами иной почвы и не усматривая впереди ничего, кромѣ крохъ. Всѣхъ одинаково обстутили мелочи, всѣ одинаково въ нихъ однѣхъ видѣть обезпеченіе противъ угрозъ завтрашняго дня. Но поэтому-то именно мелочи, на общепринятомъ языкѣ, и называются «дѣломъ», а все остальное—мечтаніемъ, угрозою...

II.

МОЛОДЫЕ ЛЮДИ.

1.—Сережа Ростокинъ.

Русскому читателю достаточно известно значение слова: «шалопай». Это—человѣкъ, всѣмъ существомъ своимъ прѣданный праздности, это—идоль портныхъ, содержателей ресторановъ и кокотокъ, покуда не запутается въ неоплатныхъ долгахъ. Предвидя неминучее банкротство и долговую тюрьму, онъ иерѣдко дѣлается воромъ, составителемъ фальшивыхъ документовъ и является дѣйствующимъ лицомъ въ крупныхъ уголовныхъ процессахъ. Но иногда благополучно ускользаетъ отъ скандала, исчезая куда-нибудь въ деревню на пріятельские хлѣба. Процвѣтаетъ онъ исключительно въ большихъ городахъ.

Такъ, впрочемъ, было въ сравнительно недавнее время, когда шалопай былъ только безподзенъ и оскорблялъ нравственное чувство единственно своею ненужностью. Безъ думы, не умѣя различить добра отъ зла, не понимая уроковъ прошлаго и не имѣя цѣли въ будущемъ, онъ жилъ со дня на день, веселый, праздный и счастливый своею невѣжественностью. Просыпался утромъ поздно и посвистывалъ; сидѣлъ битый часъ или два за туалетомъ, чистилъ ногти, холилъ щеки, вертѣлся передъ зеркаломъ, не решаясь, какой надѣть жилетъ, галстукъ, и опять посвистывалъ. Въ два часа садился въ собственную эгоистку иѣхать завракать къ Дюсею; тамъ встрѣчался со стаею такихъ же шалопаевъ и условливался насчетъ остального

дня; въ четыре часа выходилъ на Невскій, улыбался проѣзжавшимъ мимо кокоткамъ и жаль руки знакомымъ; въ шесть часовъ обѣдалъ у того же неизмѣнного Дюссо, а въ праздники—у та tante; вечеръ проводилъ въ балетѣ, а оттуда, купно съ прочими шалопаями, закатывался на долгое ночное бѣяніе туда же, къ Дюссо. Говорилъ мало, мыслилъ еще меньше, ибо быть человѣкъ тѣлодвиженій по преимуществству.

Такъ протекала эта бездумная жизнь со дня выхода изъ «заведенія» вплоть до сѣдыхъ волосъ. Надѣвши сѣдые волосы, шалопай впервые задумывался. Онъ еще продолжалъ гулять въ урочный часъ по Невскому, распахнувъ на груди пальто въ трескучій морозъ, но уже начиналъ чувствовать нѣкоторые тѣлесные изѣяны. То ногу волочить приходится, то лошатка заноеть, да и руки начинаютъ трястить (стаканъ съ виномъ рискуетъ расплескать, покуда донесеться до рта). Кромѣ того, вслѣдствіе усиленныхъ настоящій содергателей ресторановъ, портныхъ и проч., ему пришлось разсчитаться. Кое-что ему простили, но все-таки вышла сумма настолько изрядная, что онъ и самъ не подозрѣвалъ. Разсчитавшись, онъ увидѣлъ себя въ обладаніи такой скромной фортуны, что продолжать жить попрежнему оказывалось немыслимымъ. Но, разъ попавши въ праздничную колею, онъ уже не имѣлъ возможности сойти съ нея, даже если бы хотѣлъ. Онъ не зналъ ничего другого; ни умъ, ни чувство, ни воображеніе—ничто не говорило ему обѣ иной жизни. Тогда онъ или дѣжался героемъ уголовныхъ процессовъ, или же изъ шалопая дѣятельного постепенно превращался въ скромнаго rique assiett'a. Пристранивался къ кружку только-что вылупившихся шалопаевъ и менторствовать въ немъ. Ниль и Ъль на счетъ молодыхъ людей, рассказывалъ до цинизма отвратительные анекдоты, пѣль поганья пѣсни, паясничалъ; словомъ сказать, продѣливать всѣ гиуености, которыя радуютъ и заставляютъ заливаться неистовыми хохотомъ жеребячи сердца. Наконецъ, наступало еще болѣе трудное время. Его щелкали въ носъ, мазали по лицу селедкой, заставляли брать въ ротъ сигару зажженымъ концомъ, выпивать подлую смѣсь опивковъ и проч. И хохотали при этомъ, хохотали до слезъ. Затѣмъ, чтѣ дальше, то труднѣе и труднѣе. Онъ уже не смѣлъ войти въ ту комнату, гдѣ раздавался хохочь его неблагодарныхъ учениковъ, и скромно становился у буфета, гдѣ татаринъ-буфетчикъ, изъ жалости, наливалъ ему рюмку

водки и давалъ бутербродъ *задаромъ*. Постоявши въ буфетѣ, онъ, по привычкѣ, отправлялся на Невскій и подолгу застаивался передъ витринами братьевъ Елисѣевыхъ, любясь выставкой гастрономическихъ новинокъ. Желудокъ страстно ныль, зубы машинально жевали; наконецъ, онъ не выдерживалъ, нащупывалъ въ карманѣ рублевку и покупалъ четверть фунта икры. Это былъ его обѣдъ. Измаявшись и измучившись, онъ какъ-то внезапно совсѣмъ исчезъ. Въ одно прекрасное утро въ газетахъ появлялся его некрологъ:

«На-дняхъ умеръ Иванъ Иванычъ Обносковъ, извѣстный въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ, какъ милый и неистощимый собесѣдникъ. До конца жизни онъ сохранилъ веселость и добродушный юморъ, который нерѣдко, впрочемъ, заставлялъ призадумываться. Никто и не подозрѣвалъ, что ему уже семьдесятъ лѣтъ,—до такой степени всѣ привыкли видѣть его въ урочный часъ на Невскомъ проспектѣ бодрымъ и привѣтливымъ. Еще наканунѣ его тамъ видѣли. Миръ праху твоему, незлобивый старикъ!»

Таковъ былъ шалопай недавняго прошлаго; такимъ же остался онъ и теперь, ежели взглянуть на него исключительно со стороны его внутренняго ничтожества. То же празднолюбіе, та же бездумность, то же безцѣльное прожиганіе жизни въ чаду ресторановъ, въ плѣну у портныхъ и кокотокъ. Но къ этому прибавилась одна черта, которая дѣлаетъ его не только нравственно-оголгѣтымъ, но и вреднымъ. Онъ заразился честолюбіемъ и пытается проникнуть въ тайны внутренней политики, которая, такимъ образомъ, дѣлается однимъ изъ видовъ высшаго шалопайства. *Mon oncle* и *ma tante* успѣли его убѣдить, что нынче такие люди нужны, и онъ охотно повѣрилъ имъ. Онъ шляется уже не по однимъ ресторанамъ, но и заглядываетъ въ канцеляріи и предлагаетъ свои услуги. Иногда даже, въ самомъ разгарѣ оргіи, онъ задумывается и начинаетъ бормотать что-то гибѣвное. Онъ недоволенъ, онъ утверждаетъ *que tout est à refaire*, и инстинктивно грозитъ пальцемъ въ пространство. Спросите его: кто тебя, дурашка? кому ты грозишь?—онъ навѣрное повторить ту же стереотипную фразу: *tout est à refaire*. Онъ слышалъ, что эта фраза въ ходу на жизненному рынке, что она сама по себѣ представляетъ залогъ, и чувствуетъ себя взбужденнымъ ею, ждеть, что она дастъ ему нѣчто въ будущемъ. *Mon oncle* и *ma tante*, съ своей стороны, ходатайствуютъ. И

очень часто, съ ихъ помощью, а также при содѣйствії другихъ, уже успѣвшихъ заручиться, шалопаевъ, онъ обрѣтаетъ желаемое сокровище, такъ что старость не застаетъ его врасплохъ, какъ шалопая прежнихъ временъ.

Таковъ именно герой настоящаго этюда, Сережа Ростокинъ.

Онъ, такъ сказать, шалопай высшей школы. Ему не больше двадцати пяти лѣтъ, и еще памятна скамья «заведенія», въ которомъ онъ воспитывался и обучался краткимъ наукамъ. Онъ имѣть хорошія матеріальныя средства, живеть въ удобной квартирѣ, держитъ собственный экипажъ, ходить въ безукоризненномъ бѣльѣ и одѣвается у лучшаго портного. Всегда душистый, свѣжій и бодрый, онъ приводитъ въ умиленіе кокотокъ, къ вящей зависти дамочекъ и дѣвицъ, посѣщающихъ салоны *mon oncle* и *taante*. Послѣдніе возлагаютъ на него большія надежды (они бездѣтны, и имѣніе ихъ должно перейти Сережѣ) и исподволь подыскиваютъ ему приличную партію; но онъ покуда еще уклоняется отъ брачныхъ оковъ. Вообще онъ появляется въ салонахъ лишь мелькомъ и предпочитаетъ проводить время въ ресторанахъ, въ обществѣ кокотокъ, у которыхъ и тѣловиженія свободнѣе, и всегда отыщется на языкѣ *le mot pour rire*.

Заглянемте утромъ въ его квартиру. Это уютное гнѣздишко, которое французъ-лакей Шарль содержитъ въ величайшей опрятности. Это для него тѣмъ легче, что хозяина почти цѣлый день нѣтъ дома, и, стало-быть, обязанности его не идутъ дальше утра и возобновляются только къ ночи. Остальное время онъ свободенъ и шалопайничаетъ не илоше самого Ростокина.

До десяти часовъ въ квартирѣ царствуетъ тишина. Шарль пьетъ кофе и перемигивается черезъ дворъ съ мастерницами швейного магазина. Но въ то же время онъ чутко прислушивается.

Бывать половина одиннадцатаго; Шарль осторожно стучится въ дверь Сережиной спальни. Слышиится позыванье, потягиванье, и, наконецъ, раздается громкое: «*entrez!*» Начинается туалетъ...

Я не буду описывать подробностей и тайнъ этого сложнаго процесса: не имѣю для этого ни достаточныхъ данныхъ, ни надлежащаго искусства. Въ спальнѣ раздается то посвистыванье, то тихое мурлыканье—это Сережа вспоминаетъ видѣнное и слышанное наканунѣ. Онъ сидитъ пе-

редь зеркаломъ, препарируетъ себя и улыбается. Именно только улыбается, улыбается безотносительно, безъ всякой мысли. Въ головѣ его пробѣгаютъ какіе-то обрывки безъ связи и послѣдовательности, такъ что, въ сущности, онъ, если можно такъ выразиться, не сознаетъ себя сущимъ. Хорошо ему—вотъ и все. Онъ, слава Богу, проснулся, и впереди его ждетъ совсѣмъ бѣлый день, безъ точекъ, безъ пестринъ, однимъ словомъ, день, въ который, какъ и вчера, *ничего не можетъ случиться*. А ежели и предстоитъ какая-нибудь особенность, въ родѣ, напримѣръ, привоза свѣжихъ устрицъ и заранѣе даннаго обѣщанія собраться у Одинцова, то и эта неголоволомная подробность уже за раньше занесена имъ въ гарнетъ, такъ что стоять только заглянуть туда, и весь день какъ на ладони. Во всякомъ случаѣ, думать ему неѣтъ надобности, а можно только улыбаться. Улыбается онъ и безъ повода, просто самому себѣ и случайно припоминая какую-нибудь легонькую проказу, въ которой онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ. Покуда онъ улыбается и препарируетъ себя, Шарль летаетъ какъ муха, приготавляя кофе и легкий завтракъ и раскладывая по стульямъ столовой вѣсколько паръ платъ для выбора.

Подкрѣнившись и рѣшивъ вопросъ о панталонахъ, галстукѣ и проч., Сережа начинаетъ одѣваться. Опять посвистыванье, опять улыбки и опять ни одной мысли. Время летить незамѣтно среди колебаний и переговоровъ съ Шарлемъ, раздается облегчительное: «enfin, me voici en rѣgle!»—и великий процессъ одѣванья конченъ. Часы показываютъ два; Сережа надѣваетъ шляпу, натягиваетъ перчатки и въ послѣдний разъ останавливается передъ зеркаломъ. Тутъ онъ осматриваетъ себя съ ногъ до головы, сзади, съ боковъ и, довольный собой, выходитъ на крыльцо, гдѣ ужъ его ожидаетъ экипажъ. Онъ ёдетъ... куда?

Старозавѣтный шалопай отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ: «мой кучерь ужъ знаетъ»—и пріѣхалъ бы прямо къ Дюссо. Сережа отстушилъ отъ завѣщаннаго преданія и прежде всего отправляется... въ канцелярію! Здѣсь онъ справляется у швейцара: «Петръ Николаичъ пріѣхалъ?»—и, выслушавъ отвѣтъ: «сейчасъ пріѣдутъ, курьеръ ужъ привезъ портфель»,—направляетъ шаги въ помѣщеніе, гдѣ ютятся чиновники. Накурено, насорено, а по мѣстамъ и наплевано. Но Сережа не формализируется этимъ; онъ понимаетъ, что находится здѣсь не для того, чтобы рвать цвѣты удовольствія, а потому, что обязанъ исполнить свой «долгъ»

(un devoir à remplir). Канцелярские чиновники сидят по мѣстамъ и скребутъ перьями; среднее чиновничество, въ родѣ столоначальниковъ и ихъ помощниковъ, разсѣлось, гдѣ попало, верхомъ на стульяхъ, курить палиросы, разсказываетъ ходящіе въ городѣ слухи и вообще занимается празднословіемъ; начальники отдѣленій—читаютъ газеты или поглядываютъ то на дверь, то на лежащія передъ ними папки съ бумагами, въ ожиданіи Петра Николаича.

— Скоро ли же вы съ этимъ безобразіемъ покончите?—спрашиваетъ Сережа, поочередно пожимая руки начальникамъ отдѣленій:—эти суды, это земство, эта печать... ахъ, господа, господа!

— Прытки вы очень! У насть-то ужъ давно написано и готово, да первый же Петръ Николаичъ по полугоду въ наши проекты не заглядываетъ. А тамъ найдутся и другие разсматриватели... цѣлая вѣдь лѣстница впереди! А напомнишь Петру Николаичу — онъ отвѣтаетъ: «моментъ, любезный другъ, не такой, надо моментъ уловить,—тогда у насъ разомъ всѣ проекты какъ по маслу пройдутъ!»

— Да; но согласитесь, что ждать ужасно! Все кругомъ рушится, tout est à refaire,—а тутъ моментъ уловить не могутъ!

— Э! проживемъ какъ-нибудь. Можетъ-быть, и совсѣмъ момента не изловимъ, и все-таки проживемъ. Вѣдь еще бабушка на-двоемъ сказала, чтѣ лучше. По крайней мѣрѣ, тѣ, что есть, ужъ извѣстно... А тутъ пойдутъ ломки да передѣлки, однихъ вопросовъ не оберешься... Вы думаете, намъ сладки вопросы-то?

Собесѣдникъ меланхолически посматриваетъ въ окно, какъ бы не желая продолжать разговора о матеріи, набившей ему оскомину. Вся его фигура выражаетъ одну мысль: «наплевать! я, чтѣ приказано, сдѣлалъ,—а тамъ хоть чортъ родись... Надоѣло!»

Но Сережа совсѣмъ не того мнѣнія. Онъ продолжаетъ утверждать что tout est à refaire, и что настоящее положеніе вещей невыносимо. Картавя и рисуясь, онъ бормочетъ слова: «суды, земство... и эта шутовская печать... Ахъ, господа, господа!» Онъ, видимо, всѣмъ надоѣлъ въ канцеляріи; но такъ какъ никто не говоритъ этого ему въ глаза, то онъ остается при убѣждѣніи, что исполняетъ свой долгъ, и продолжаетъ надоѣдать.

Наконецъ, въ соседней комнатѣ раздается передвиганье

стульевъ и слышатся торопливые шаги. Это спѣшить самъ Петръ Николаичъ, предшествуемый курьеромъ.

Сережа обдергивается, пріосанивается и приказываетъ доложить о себѣ.

— Ахъ, шутъ гороховый! опять задержить!—рошищутъ начальники отдѣленій.

Въ кабинетъ между тѣмъ происходитъ сцена.

— Pierre! да когда же вы кончите съ этимъ безобразіемъ? — пристаетъ Сережа: — все рушится, все страдаетъ, tout est à refaire, а вы пальца о палецъ не хотите ударить!

Петръ Николаичъ глубокомысленно почесываетъ нось.

— Моментъ еще не пришелъ, — отвѣтываетъ онъ: — ты слишкомъ нетерпѣливъ, душа моя. Когда наступить моментъ, — повѣрь, онъ застанетъ насъ во всеоружії, и тогда всякая штука проскочить у насъ comme bonjour! Но покуда мы только боремся съ противоположными течениями и подготовляемъ почву. Вѣдь это не чешево намъ обходится.

— Но когда же? когда? — сгораетъ нетерпѣніемъ Сережа.—Мнѣ изъ деревни пишутъ... mais c'est horrible ce qui s'y passe!

— Это же самое мнѣ вчера графиня Крымцева говорила. И всѣхъ вѣсъ, добрыхъ и преданныхъ, приходится успокаивать! Разумѣется, я такъ и сдѣлалъ.—«Графиня! — сказалъ я ей:—повѣрьте, что, когда наступить моментъ, мы будемъ готовы!» И чтѣ же, ты думаешь, она мнѣ на это отвѣтила: «А у меня между тѣмъ хлѣбъ въ полѣ не убранъ!»—Я такъ и развелъ руками!

И Петръ Николаичъ показываетъ на дѣлѣ, какъ онъ развелъ руками.

— Сентябрь ужъ на дворѣ, а у нея хлѣбъ еще въ полѣ... понимаешь ли ты это? Приходится, однако же, мириться и не съ такими безобразіями, но зато... Ахъ, душа моя! у насъ и безъ того дѣла до зарѣзу,—печально продолжаетъ онъ:—не надо затруднять нашъ путь преждевременными сѣтованиями! Хоть вы-то, видящіе насъ въ самомъ сердцѣ дѣла, пожалѣйте насъ! Успокойся же! все въ свое время придетъ, и когда наступить моментъ, мы не пропустимъ его. Когда-нибудь мы съ тобою переговоримъ объ этомъ серьезно, а теперь... скажи, куда ты отсюда?

— Къ Однцову; свѣжія устрицы привезли.

— Ахъ, какъ я тебѣ завидую, и тебѣ, и всѣмъ вамъ,

благороднымъ и преданнымъ... но только немножко нетерпѣливымъ!.. Съ какимъ бы удовольствиемъ я сопровождалъ тебя, и вотъ... Долгъ приковалъ меня здѣсь, и до шести часовъ я нахожусь въ плѣну... Ты думаешь, мнѣ дешево достается мое возвышенье?

— О!!

— Да, не сладко мнѣ, не на розахъ я сплю. Но до свиданья. Меня ждутъ. Ахъ, устрицы, устрицы! Кстати: вчера меня о тебѣ спрашивали, и можетъ-быть... Enfin, qui vivra, verra.

— Я не спѣшу, но, конечно, не прочь пристроиться.

— И не спѣши: мы за тебя поспѣшимъ. Намъ люди нужны: и не простые канцелярскіе исполнители, а люди съ искрой, съ убѣжденіемъ. До свиданья, душа моя!

Раздается звонокъ и приказаніе: «попросите Егора Иваныча!»

Сережа почтительно удаляется.

Покуда онъ еще не имѣть опредѣленной должности; онъ просто «состоитъ». Не начинать же ему карьеру съ помощника столопачальника... Фуй! не для того онъ краткимъ наукамъ обучень, чтобы «корѣть»: онъ прямо мѣтить. Родители не разъ заманивали его въ родной городъ, обѣщаю предводительство, но онъ и тутъ не соблазнился, хотя быть двадцати пяти лѣтъ предводителемъ очень недурно, да и шансы на будущую карьеру несомнѣнны. Это онъ хорошо понимаетъ; но ему еще жаль Петербурга съ его ресторанами, закусочными и кокотками. Въ немъ еще слишкомъ живо говорить молодая кровь, чтобы рѣшиться хоть на время закупорить себя въ захолустѣ. Онъ боится обрюзгнуть,растолстѣть, разлѣниться. Нѣтъ, онъ лучше здѣсь подождетъ, на глазахъ у однокашниковъ—это хоть и медленнѣе, но вѣрнѣе. Кстати, его взяль подъ свое руководство Петръ Николаичъ Лопаснинъ, который не далѣе какъ три года тому назадъ разыгрывалъ такую же роль, какъ и Сережа, а теперь по цѣлымъ годамъ проекты подъ сукномъ держитъ и все момента ждетъ. Мудренаго нѣтъ, что и Сережа... вѣдь онъ малый съ «искрой»! Вдругъ понадобятся «люди», онъ и тутъ какъ тутъ! Въ головѣ у него, правда, настолько смутно, что никакого, даже вреднаго проекта онъ не сочинить; но на это есть дѣльцы, есть приказная челядь, а его дѣло—руководить. Онъ знаетъ, что tout est à recomptencer—и будетъ съ него. Но чтѣ всего замѣчательнѣе—не только «съ него будетъ», но и съ

тѣхъ, которые слушаютъ его пустопорожнее бормотанье. И тон oncle, и та tante, и Петръ Николаичъ—всѣ отъ него въ восхищении, всѣмъ онъ угодилъ своею невозмутимостью и благороднымъ образомъ мыслей.

Я не поведу читателя ни къ Одинцову, ни на Невскій, гдѣ онъ гуляетъ, entre chien et loup, ради обостренія аппетита и встрѣчи съ безчисленными шалопаями, ни даже къ Борелю, гдѣ онъ обѣдаетъ въ веселой компаніи. Вездѣ слышатся одиѣ и тѣ же неосмыслилія рѣчи, вездѣ производится один и тѣ же паскудныя тѣлодвиженія. И все это, вмѣстѣ взятое, составляетъ то, что у порядочныхъ людей извѣстно подъ выраженіемъ: «отдавать дань молодости».

— Ничего, мой другъ, веселись, это свойственно молодости,—поощряетъ Сережу тон oncle:—еще будетъ время остынеться. Когда я былъ молодъ, то княгиня Любинская называла меня: le dÃ©mon de la nuit... Не спалось и мнѣ тогда почти ночи напролетъ; зато теперь крѣпко спитъся.

Вечеръ заканчивается, по преимуществу, въ балетѣ или у французовъ, а потомъ опять къ Борелю, гдѣ ждеть ужинъ, который длится до двухъ или до трехъ часовъ ночи. Но къ этому времени Сережа ужъ непремѣнно дома, въ своемъ гнѣздашкѣ, и торопливо дѣлаетъ ночной туалетъ. Нерѣдко онъ даже негодуетъ на себя за слишкомъ поздний сонъ, потому что боится потерять свои краски и бодрый видъ. Но что прикажете дѣлать? *à la guerre comme à la guerre!*—приходится урвать часъ-другой отъ сна, чтобы не огорчить друзей. Всѣ они сплелись между собой, всѣ дали слово поддерживать другъ друга,—стало-быть, надо идти рука въ руку, покуда хватить силъ...

А на завтра опять *бѣлый* день, съ новымъ повтореніемъ тѣхъ же подробностей и того же празднсловія. И это не надоѣдается... напротивъ! Встрѣчаешься съ этимъ днемъ точно съ старымъ другомъ, съ которымъ всегда есть о чёмъ поговорить, или какъ съ наисложеннымъ мѣстомъ, гдѣ знаешь павѣрное, куда идти, и гдѣ всякая мелочь говорить о какомъ-нибудь пріятномъ воспоминаніи.

Приближаясь къ тридцати годамъ, Сережа мало-по-малу остынѣваетъ. Онъ попрежнему остается шалопаемъ, по-прежнему твердить неосмыслилія слова, но уже выжидаетъ момента. Не знаю, вполнѣ ли онъ самостоятельно дѣлаетъ, или только еще пріобщенъ, въ видѣ ком-

ланьона, но, во всякомъ случаѣ, уже близокъ къ самостоятельности. Онъ безповоротно рѣшилъ que tout est à recommencer, и стоять на стражѣ во всеоружіи.—Mais, au nom de Dieu, не торопитесь, господа! Не осложняйте преждевременною рѣяностью нашего, и безъ того нелегкаго труда! Все придетъ въ свое время—ручательствомъ служить вотъ эта куча проектовъ, которая лежитъ у него на столѣ. Изрѣдка, на досугѣ, онъ перечитываетъ то одинъ, то другой проектъ и отъ времени до времени глубокомысленно восклицаетъ:

— C'est ça! Именно то самое, чтѣ я хотѣлъ сказать!

Изъ провинціи чуть не каждый день наѣзжаютъ всевозможныхъ сортовъ добровольцы, смотрятъ ему въ глаза и любопытствуютъ.

— Сергѣй Семенычъ! Да когда же вы, наконецъ, приступите?

И онъ, подобно своему ментору и другу, спѣшить успокоить нетерпѣливцевъ:

— Мы готовы, мы ждемъ только сигнала,—говорить онъ.—Но прежде всего необходимо уловить благопріятный моментъ. Коль скоро моментъ будетъ благопріятенъ—и все совершится благопріятно; а ежели мы начнемъ въ неблагопріятный моментъ, то и все остальное совершится неблагопріятно. Вѣдь вы этого не желаете, господа?

— Помилуйте! Зачѣмъ же?

— И я тоже не желаю, а потому и стою покамѣстъ во всеоружіи. Слѣдовательно, возвращайтесь каждый къ своимъ обязанностямъ, исполняйте вашъ долгъ и будьте терпѣливы. Tout est à refaire—вотъ девизъ нашего времени и всѣхъ людей порядка; но задача такъ обширна и обставлена такими трудностями, что нельзя думать о выполненіи ея, покуда не наступитъ моментъ. Моментъ—это сила, это conditio sine qua non. Правду ли я говорю?

— Чтѣ правда, тѣ правда. Хоть и горько, а приходится согласиться.

— Вамъ горько, а намъ, вы полагаете, легче? Въ одномъ мѣстѣ хлѣбъ не убранъ, въ другомъ—не засѣянъ; тамъ молотьба прекратилась, тутъ льютъ дожди, хлѣбъ гниетъ на корню—развѣ это пріятно? Со страхомъ спрашивашь себя: куда мы, наконецъ, идемъ? Какой получится въ результатѣ балансъ? И такимъ образомъ каждый день. Каждый день мы слышимъ эти ламентации—и все-таки ждемъ! Ждите же и вы, господа! И будьте увѣрены, что здѣсь заботятся не

только о васъ, но и обо всѣхъ вообще... И обѣ тѣхъ, которые пострадали, и обѣ тѣхъ, которымъ угрожаетъ страданіе въ будущемъ... Мы и о мужичкахъ думаемъ... Да! Nous sommes nulle-part et partout—вотъ сколько у насъ заботъ! Прощайте, господа!

И длится эта изнурительная канитель цѣлыми годами, и находить доступъ въ публику то при помощи уличныхъ слуховъ, то при посредствѣ газетныхъ извѣстій. У Подхалимова дыханье въ зобу сперло отъ внутренняго ликованья; онъ со всѣми курьерами передружился, лишь бы подслушивали у дверей и сообщали ему самыя свѣжія новости.

Слухи эти въ существѣ своемъ настолько нелѣпы, что можно было бы и не упоминать о нихъ, тѣмъ болѣе, что большинство такъ и остается на степени слуховъ. Но, къ сожалѣнію, мы такъ пріучены къ нелѣпостямъ, до такой степени онѣ всосались въ нась, что мы принимаемъ всякую нескладицу за чистую монету и приходимъ въ волненіе по ея поводу. Добровольцы разлѣзжаются по своимъ мѣстамъ и тамъ грозятъ: «погодите! вотъ ужо!» И все притихаетъ передъ этимъ «ужо»; дѣятельность, и безъ того не черезчуръ яркая, окончательно вялѣеть; зачатки жизни превращаются въ умирание. Точно на другой день ожидается свѣтотроненіе.

Разумѣется, Сережа ничего этого не знаетъ, да и знать ему, признаться, не нужно. Да и вообще ничего ему не нужно, ровно ничего. Никакой интересъ его не тревожить, потому что онъ даже не понимаетъ значенія слова «интересъ»; никакой истины онъ не ищетъ, потому что съ самаго дня выхода изъ школы не слыхалъ даже, чтобы кто-нибудь произнесъ при немъ это слово. Развѣ у Бореля и у Донона говорять обѣ истинѣ? Развѣ въ «Кипрской красавицѣ» или въ «Дочери Фараона» идетъ рѣчь обѣ убѣжденіяхъ, о честности, о любви къ родной странѣ?

Никогда!

Между тридцатью пятью годами и сорока Сережа начинаетъ склонять слухъ къ увѣщаніямъ топ uncle и ma tante. Давно уже они отыскиваютъ ему подходящую партію, давно убѣждаютъ устроиться собственнымъ гнѣздышкомъ, но до сихъ поръ Сережа отстаиваетъ свою независимость и свободу.

— La liberté et l'indépendance—je ne connais que ça!— говорить онъ въ отвѣтъ на родственныя увѣщанія, и ста-

рики грустно покачивали головами и ужь почти отчаялись когда-нибудь видѣть милаго Serge'a во главѣ семейства.

Однако-жъ теперь онъ начинаетъ понимать, что роковой моментъ недалеко. Онъ уже отростилъ брюшко, на головѣ у него появились подозрительные взлизы; онъ сдѣлался какъ будто вялѣ въ своихъ движеніяхъ, и его все болѣе и болѣе тянетъ... домой! Пріѣдетъ въ свое гнѣздышко, разсчитывая отдохнуть и помечтать... такъ, ни о чёмъ! А тамъ—Шарль угощаетъ свою бѣлошвейку сладкими пирожками изъ сосѣдней булочной. Скрѣпя сердце, онъ опятьѣдетъ къ Донону, но уже безъ прежняго внутренняго ликованія, которое заставляло, при входѣ его, улыбаться во весь ротъ дононовскихъ татаръ.

Вообще, становится скучно; только и отводишь душу съ Петромъ Николаичемъ въ умной бесѣдѣ: que tout est à gecomptencer, и что вчера ужъ думали, что моментъ наступилъ, а сегодня опять...

Наконецъ, выдается очень солидная партія. Именно какъ разъ по немъ.

Она—дочь «свѣдущаго человѣка» и премилая особа. Красива, стройна, говоритъ отлично по-французски, знаетъ un peu d'arithm tique, un peu de g ographie et un peu de mythologie (чуточки!), изрядно играетъ на фортепьяно и умѣеть держать себя въ обществѣ. Сверхъ того, она богата. За нею три тысячи десятины земли въ одной изъ черноземныхъ губерній, прекрасная усадьба и сахарный заводъ, не говоря уже о надеждахъ въ будущемъ (еще сахарный заводъ), потому что она—единственная дочь и наследница у своихъ родителей. Но этого мало: у нея есть дядя, старый холостякъ, и ежели онъ не женится—куда ему, старику!—то и его имѣнья (третій сахарный заводъ) со временемъ перейдуть къ ней. Отецъ ея, Иванъ Петровичъ Грифковъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ свѣдущаго человѣка, иѣздитъ на совѣщанія въ какую-то субкомиссію, въ которой дѣятельно ведутся переговоры объ упраздненіи. Сережа уже познакомился съ нимъ и даже близко сошелся, потому что оба они того мнѣнія que tout est à refaire, и оба съ нетерпѣніемъ ждутъ момента.

— Не упускай этого случая, мой другъ!—твердить ему ma tante.—Такихъ завидныхъ партій нынче въ цѣлой Россіи немного сыщешь!

— Подумаемъ, ma tante, подумаемъ!—отвѣчать онъ,

улыбалась и покручивая усики, которые у него всегда въ порядкѣ: не очень длинны и не очень коротки.

— У тебя будетъ свой собственный сахарный заводъ, да у нея въ перспективѣ три,—продолжасть тон uncle.— У тебя отличная усадьба, да у нея три... Ежели у васъ даже четверо дѣтей будетъ—вотъ ужъ каждому по усадьбѣ готово.

— Ну, зачѣмъ четверо! Съ нась будетъ довольно и двоихъ! Баранъ да ярочка—красная парочка!—шутить Сережа.

— Ну, тамъ видно будетъ; Христосъ съ тобой, начинай! Въ сущности, онъ ужъ рѣшился. Онъ уже намекнулъ отцу молодой особы, да и ей самой, о своихъ намѣреніяхъ. Ей онъ открылся во время мазурки. Она ничего положительнаго ему не сказала, а только загадочно спросила:

— Вы можете любить?

— О!—началь-было онъ, но въ это время одна изъ танцующихъ дамъ подвела ей двухъ кавалеровъ:

— Гиацинтъ или рододендронъ?

— Гиацинтъ,—отвѣтила она и умчалась скользить по паркету.

Черезъ три мѣсяца, на красную горку, была ихъ свадьба. Они поселились на Сергіевской въ такомъ гнѣздашкѣ, что и родители, и тетеньки съ дяденьками не могли достаточно налюбоваться на нихъ. Подъ вѣнкомъ она была удивительно мила; вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ; она походила на бѣломраморную статую, сошедшую съ небесстала, чтобы обойти завѣтное число разъ кругомъ аналоя. Онъ тоже былъ какъ разъ подъ пару и напоптывалъ ей во время обряда страстныя слова. Но она не смущалась этими словами и смотрѣла какъ-то черезчуръ ужъ свѣтло и самоувѣренно впередъ.

На коврикъ она вступила первая.

Цѣлый мѣсяцъ послѣ свадьбы они Ѵздили съ визитами и принимали у себя, въ своемъ гнѣздашкѣ. Потомъ уѣхали въ усадьбу къ неї, и тамъ началась настоящая роѣшѣ d'amour. Но даже въ деревнѣ, среди изъявленій любви, они успѣвали повеселиться; Ѵздили по сосѣдямъ, приглашали къ себѣ, устраивали охоты, пикники, кавалькады. Словомъ сказать, не видали, какъ пролетѣло время, и настала минута возвратиться изъ деревенского гнѣздашкѣ въ петербургское.

Черезъ полгода онъ уже занимаетъ хороший постъ и

пишетъ циркуляры, въ которыхъ напоминаетъ, истолковываетъ свою мысль и побуждаетъ. Въ то же время онъ — членъ англійского клуба, который и посѣщаетъ почти каждый вечеръ. Ведетъ среднюю игру; по преимуществу же бесѣдуетъ съ наѣзжими добровольцами о томъ *que tout est à recommencer*, но моментъ еще не наступилъ.

— Будьте терпѣливы, господа! — убѣждаетъ онъ своихъ единомышленниковъ: — когда наступить моментъ, онъ найдетъ насть во всеоружіи; вы думаете, намъ сладко — ахъ! Только грудь да подошвѣ знаютъ, чего намъ стоять эти проволочки! Однако-жъ мы ждемъ, — ждите и вы!

Къ Борелю онъ заѣзжаетъ лишь изрѣдка, чтобы мелькомъ полюбоваться на эту бодрую и сильную молодежь, которая, даже среди винныхъ паровъ, табачнаго дыма и кокотокъ, не забываетъ *que tout est à refaire*. Нечего и говорить, что его принимаютъ — и татары, и молодые люди — какъ дорогого и желанного гостя.

Съ своей стороны, Ирина Ивановна принимаетъ по вечерамъ въ своей гостиной. Хотя мужъ очень рѣдко бываетъ дома, но ей живется не скучно. Навѣщаются ея салонъ большою частью люди съ вѣсомъ, пожилые, но бываютъ и молодые люди. Она пополнѣла, сдѣлалась вполнѣ самостоятельной и ведетъ себя съ большимъ аппломбомъ, такъ что опасаться за нее нечего. Подъ конецъ вечера Сережа заѣзжаетъ на минутку домой, бесѣдуетъ съ наиболѣе вліятельными гостями на тему *que tout est à refaire*, и когда старички уѣзжаютъ, онъ опять исчезаетъ въ клубъ, оставляя жену коротать остатки вечера въ обществѣ молодыхъ людей.

Къ веснѣ она собирается родить. Будетъ ли у нихъ красная парочка, баранъ да ярочка, какъ предсказывала себѣ самъ Сережа, или число дѣтей увеличится до четырехъ — каждому по усадѣбѣ и по сахарному заводу, — это покажетъ будущее.

Вообще жизнь его устроилась, попала въ окончательную колею, изъ которой уже не выйдетъ. Ни тревогъ, ни волненій, ничего впереди, кроме неосмысленной фразы: *que tout est à recommencer*.

Въ свое время онъ умретъ, и прахъ его съ надлежащею помпой отвезутъ на варшавскій вокзалъ, а потомъ въ родовое имѣніе, гдѣ похоронены останки его предковъ. А на другой день въ газетахъ появится его некрологъ:

«Вчера скончался Сергій Семенович Ростокинъ, одинъ

изъ самыхъ ревностныхъ реформаторовъ послѣдняго времени. Еще наканунѣ онъ бесѣдовалъ съ друзьями объ одномъ проектѣ, который составлялъ предметъ его постоянныхъ заботъ, и въ этой бесѣдѣ, внезапно, на порвавшемся словѣ, застигла его смерть... Миръ праху твоему, честный труженикъ!»

2.— Евгений Люберцевъ.

Онъ—товарищъ Сережи Ростокина по школѣ, но какая разница! Сережа учился болѣе нежели плохо и съыгъ между товарищами глупенькимъ; Люберцевъ учился отлично (вышелъ съ золотою медалью) и уже на школьной скамьѣ выглядывалъ мужемъ совѣта.

— Oh, celui-là ne manquera pas sa carti e! — говорилъ про него французъ—воспитатель, ласково держа его за подбородокъ и проницательно вглядываясь ему въ глаза.

А русскій воспитатель прибавлялъ:

— Со временемъ бразды правленія въ рукахъ держать будеть. И не безъ пользы для себя... и для другихъ.

Евгений Филиппычъ былъ сынъ чиновника изъ второстепенныхъ, но пользовавшагося отличной репутациею. Филиппъ Андреичъ занималъ не блестящій, но довольно солидный постъ, на которомъ надѣялся и покончить свою служебную карьеру. Многое отъ него зависѣло, хотя онъ скромно обѣ этомъ умалчивалъ. Никогда онъ не мѣтилъ высоко, держался средней линіи и паче всего заботился о томъ, чтобы начальнику даже въ голову не пришло, что онъ, честный и старый служака Люберцевъ, кому-нибудь ножку подставить хочетъ. За то всѣ его любили, всѣ обращались къ нему съ довѣріемъ, дружелюбно жали ему руку, какъ равному, и никогда не отказывали въ маленькихъ послугахъ, въ родѣ опредѣленія дѣтей на казенный счетъ, выдачи пособія на случай поѣздки куда-нибудь на воды и проч. Однимъ словомъ, Евгений Филиппычъ принадлежалъ къ одной изъ тѣхъ солидныхъ чиновничихъ семей, которая считаютъ въ прошломъ нѣсколько поколѣній начальниковъ отдѣленія и одного вице-директора (Филиппъ Андреичъ).

Евгений любилъ отца, видѣлъ его трудовую жизнь, сочувствовалъ ей и готовился уйти по родительскимъ сто-

намъ. Сходство между ними было поразительное во всѣхъ отношеніяхъ. По наружному виду, онъ былъ такого же высокаго роста, такъ же плотенъ и расположень къ дебелости, какъ и отецъ. Въ нравственномъ отношеніи, оба выросли въ понятіяхъ «долга», оба знали цѣну «послушанію», оба были трудолюбивы, толковиты и прямо отыскивали суть дѣла. Но существовала и разница: отецъ былъ человѣкъ себѣ на умѣ, а сынъ былъ тоже себѣ на умѣ, но, кроме того, и съ «искрой». Впрочемъ, это послѣднее качество проявилось въ немъ, какъ результатъ новыхъ вѣяній.

Вышедши изъ школы, Люберецъ поселился не вмѣстѣ съ родимъ семействомъ, а на отдельной квартирѣ, и отецъ вполнѣ согласился, что онъ поступаетъ правильно. Старикъ жилъ старозавѣтною жизнью и понималъ, что сыну нужна совсѣмъ другая обстановка. Нужны товарищи, болѣе или менѣе шумныя собесѣданія, а по временамъ и сосредоточенность, которую не могла бы нарушить семейная суетолока. Словомъ сказать, нужно молодому человѣку развязать руки, доставить самостоятельность. А семи онъ не позабудеть; онъ слишкомъ солиденъ и честенъ, чтобы поставить себя въ сомнительныя отношенія къ отцу и матери.

— Пускай его поживеть на своихъ ногахъ! — утѣшалъ Филиппъ Андреичъ огорченную жену:—въ школѣ довольно поводили на помочахъ — теперь пусть самъ собой попробуетъ ходить!

Нанили для Генички скромную квартиру (всего двѣ комнаты), чистенько убрали, назначили на первое время небольшое пособіе, спрвили новоселье, и затѣмъ молодой Люберецъ началъ новую жизнь подъ личною отвѣтственностью, но съ сознаніемъ, что отцовскій глазъ зорко слѣдить за нимъ, и что, на случай нужды, ему всегда будетъ оказана помощь и данъ добрый совѣтъ.

— Главное, другъ мой, береги здоровье,—твѣрдилъ ему отецъ: — *mens sana in corpore sano*. Будешь здоровъ, и житься будетъ веселѣ, и все пойдеть у тебя ладкомъ да миркомъ..

— Не правда ли, папенька? — соглашался Евгений съ отцомъ.

— Здоровье — это первое наше благо! — подтверждалъ отецъ.—Ну, Христосъ съ тобой, живи; я на тебя надѣюсь!

Какъ я сказалъ выше, Люберецъ уже на школьной скамьѣ выглядывалъ дѣльцомъ. По выходѣ изъ школы онъ

быстро втянулся въ служебный круговоротъ (благо служба была обязательная, и мѣсто ужъ въ перспективѣ имѣлось готовое) и даже усвоилъ себѣ извѣстную терминологію, которою, однако-жъ покамѣсть пользовался какъ бы шутя. Такъ, улыбаясь, онъ называлъ себя государственнымъ послушникомъ,—не опричникомъ, фу! а именно послушникомъ,—а иногда рисковалъ даже, тоже улыбаясь, говорить: «мы, государственные доктринеры»... Вообще, на первыхъ порахъ, трудно было разобрать, серьезно ли онъ говорить, или иронически. Большинство видѣло, впрочемъ, скорѣе тонкую иронію, и это дало ему не мало друзей изъ молодыхъ людей съ нѣсколько пылкимъ temperamentомъ.

У него не было француза-слуги, а выписанъ былъ изъ деревни для прислугъ сына родительской кухарки, мальчикъ лѣтъ 14-ти, неумѣлый и неловкій, котораго онъ однако-жъ скоро такъ вышколилъ, что въ квартирѣ его все блестѣло, сапоги были хорошо вычищены и на платьѣ ни соринки.

День его протекалъ очень просто, безъ всякихъ вычуръ. Все онъ дѣлалъ систематически, не торопясь; съ вечера расписывалъ завтрашніе шестнадцать часовъ на клѣтки и вездѣ поспѣвалъ въ свое время. Случались отступленія отъ расписанія, но рѣдко, да и то исключительно въ формѣ начальственныхъ приглашеній, отъ которыхъ уклониться было нельзя. Вставалъ аккуратно въ девять часовъ и самъ дѣлалъ свой несложный туалетъ. Въ девять съ половиной онъ былъ ужъ у самовара, самъ разливалъ себѣ чай и брался за книгу. Процессъ чаепитія (это былъ въ то же время и завтракъ его) длился довольно долго; но такъ какъ онъ сопровождался чтенiemъ, то Любецевъ не старался обѣ его сокращеній. До одиннадцати часовъ онъ читалъ. Любимыми авторами его были французскіе доктринеры времена Луи-Филиппа: Гизо, Дюшатель, Вильменъ и проч.; изъ журналовъ онъ читалъ только «Revue des deux Mondes», удивляясь олимпійскому спокойствію мысли и логичности выводовъ и не подозрѣвая, что эта логичность представляетъ собой не больше, какъ бѣльчье колесо. Бисмарку онъ тоже удивлялся, но, по его мнѣнію, онъ былъ слишкомъ смѣль и, такъ сказать, внезапенъ въ своей политикѣ. Нельзя было заранѣе изъ предыдущаго поступка предусмотрѣть послѣдующій, хотя сущность этихъ поступковъ имѣла одну и ту же подкладку. Втайне онъ даже былъ увѣренъ, что «раскуситъ» Бисмарка и каждый его шагъ можетъ пред-

сказать впередъ. «Франція—это только отводъ,—говорилъ онъ:—съ Франціей онъ на Бельгіи помирится или выбросить ей кусокъ Лотарингіи—не Эльзасъ, нѣтъ!—а главнымъ образомъ взоры его устремлены на Россію,—это узель его политики,—вотъ увидите!» По его мнѣнію, будь наше время иѣсколько менѣе тревожно, и дѣятельность Бисмарка имѣла бы менѣе тревожный характеръ: онъ просто представлялъ бы собой повтореніе твердаго, спокойнаго и строго-логическаго Гизо.

Въ одиннадцать часовъ онъ выходилъ на прогулку. Помня завѣтъ отца, онъ охранялъ свое здоровье отъ всякихъ случайностей. Онъ инстинктивно любилъ жизнь, хотя еще не зналъ ея. Поэтому онъ былъ въ высшей степени аккуратенъ и умѣренъ въ гигіеническомъ смыслѣ и считалъ часовую утреннюю прогулку однимъ изъ главныхъ предохранительныхъ условій въ этомъ отношеніи. На прогулкѣ онъ нерѣдко встречался съ отцомъ (онъ даже искалъ этихъ встречъ), которому тоже предписаны были ежедневныя прогулки для предупрежденія излишняго расположенія къ дебелости.

— Здоровъ?—спрашивалъ отецъ.

— Слава Богу! Вы какъ, папенька?

— Миф—что дѣлается! я ужъ старъ, и умру, такъ удивительно не будетъ... А ты береги свое здоровье, мой другъ, это—первое наше благо. Умру, такъ вся семья на твоихъ рукахъ останется. Ну, а по службѣ какъ?

— Понемножку. Но скучаю, что настоящаго дѣла нѣть. Впрочемъ, на-дняхъ записку составить поручили; я въ два дня кончилю и подалъ свой трудъ, да что-то молчать. Должно-быть, дѣло то не очень нужное; такъ, для пробы нера дали, чтобы испытать, способенъ ли я.

— Это и всегда такъ бываетъ на первыхъ порахъ. Все равно какъ у портныхъ: сначала на лоскутахъ шить пріучаютъ, а потомъ и настоящее дѣло дадутъ. Потерпи, не сомнѣвайся. Въ свое время будешь и шить, и кроить, и утюжить.

— Ахъ, папенька, какъ же такъ можно выражаться!..

— Ну, ну, попутить-то вѣдь не грѣхъ. Не все же серьезничать: шутка тоже, въ свое время, не лишняя. Жизнь она смазываетъ. Начнуть колеса скрипѣть — возьмешь и смажешь. Такъ-то, голубчикъ. Христосъ съ тобой! Главное—здоровье береги!

Въ полдень Люберцевъ уже на службѣ, серьезный и

сосредоточенный. Покуда у него нѣтъ опредѣленной должности; но швейцарь Никита, который тридцать лѣтъ стоитъ съ булавой въ департаментскихъ сѣняхъ, уже угадалъ его и выражается прямо, что Евгений Филиппычъ изъ молодыхъ да раний.

— Вотъ, погодите, щелкопёры! — говорить онъ чиновникамъ: — онъ вамъ ужо, какъ начальникомъ будетъ, задастъ перцу! Забудете папироски курить да посвистывать!

Люберцевъ сидитъ за пустымъ столомъ и отъ нечего дѣлать перелистываетъ старое дѣло. Исподволь онъ пріучается къ формамъ и обрядамъ (пріучается на лоскуткахъ шить), а между тѣмъ присматривается и къ канцелярскому быту. Чиновники, по его мнѣнию, распущены и имѣютъ лишь смутное понятіе о государственномъ интересѣ; начальники отдѣленій смотрятъ вяло, пишутъ-не-пишутъ, вообще ведутъ себя словно имъ до смерти вся эта канитель надоѣла. Многіе даже откровенно зубоскалятъ; критикуютъ начальственныхъ распоряженія, радуются, когда въ газетахъ появится колкая замѣтка или намекъ, сами собираются что-нибудь тиснуть. Директоръ департамента приходитъ поздно, засиживается у «своей» (такъ, по крайней мѣрѣ, говорить чиновники) и совершенно понапрасну задерживаетъ подчиненныхъ. И у него на лицѣ написаны усталость и равнодушіе..

— А все-таки машина не останавливается! — размышляетъ про себя Геничка. — Вотъ что значитъ разъ пустить ее въ ходъ! Вотъ какую силу представляетъ собой идея государства! Покуда она не тронута, всѣ функции государства совершаются сами собой!

Въ этихъ присматриваньяхъ идетъ время до шести часовъ. Скучное, тягучее время, но Люберцевъ бодро высиживаетъ его, и не потому, что — кто знаетъ! вдругъ случится въ немъ надобность! — а просто потому, что онъ сознаетъ себя одною изъ составныхъ частей этой машины, функции которой совершаются сами собой. Затѣмъ, не лишне, конечно, чтобы и директоръ видѣлъ, что онъ готовъ и ждеть только маневренія.

— А! вы адѣль? — изрѣдка говорить ему, проходя мимо, директоръ, который знаетъ его отца и не прочь оказать протекцію сыну: — это очень любезно съ вашей стороны. Скоро мы и для васъ настоящее дѣло найдемъ, къ мѣсту васъ пристроимъ! Я вашу записку читалъ... сдѣлана умно, но, разумѣется, молодо. Разсужденій много, теорія преобла-

даеть—сейчас видно, что школьная скамья еще не простыла... Ну-съ, а покуда прощайте!

Люберцевъ не держать дома обѣда, а обѣдеть или у своихъ (два раза въ недѣлю), или въ скромномъ отельчикѣ за рубль серебромъ. Дома ему было бы пріятнѣе обѣдать, но онъ не хочетъ баловать себя и боится утратить хотя частичку той выдержки, которую поставилъ цѣлью всей своей жизни. Два раза въ недѣлю—это, конечно, даже не необходимо; въ эти дни его нетерпѣливо поджидаетъ мать и заказываетъ его любимыя блюда — совсѣмъ ее огорчить отсутствіемъ. За обѣдомъ онъ сообщаетъ отцу о своихъ дѣлахъ.

— Директоръ недавно видѣлъ меня и упоминалъ о моей запискѣ,—рассказываетъ онъ: — говорилъ, что составлена недурно, но разсужденій много, теорія преобладаетъ...

— Да, мой другъ, въ дѣлахъ службы разсужденія только мѣшаютъ. Нужно быть краткимъ, держаться фактовъ, а факты уже сами собой покажутъ, куда слѣдуетъ идти.

— Но нельзя же, папенька, не разсуждать. Вѣдь не даромъ нась теоріи учили.

— Разсуждать ты можешь про себя, а обѣ теоріяхъ въ частныхъ разговорахъ бесѣдоватъ можно. Ну, и на службѣ, пожалуй, ими руководись, только чтобъ не бросалось въ глаза, не замедляло, такъ сказать, изложенія. Теорія, мой другъ, окраску человѣку даетъ, клеймо кладеть на его дѣятельность,—ну, и смотри на дѣло съ точки зрѣнія этой окраски, только не выставляй ея. Я самъ въ молодости теоріямъ обучался, а потому вышелъ изъ меня Филиппъ Андреичъ Люберцевъ, а не Андрей Филиппичъ. И всякий знаетъ мою работу, всякий сразу скажетъ: эту записку писалъ не Андрей Филиппичъ, а Филиппъ Андреевъ, сынъ Люберцевъ. Ехъ ипгнє leonem, если можно, безъ хвастовства, такъ выражайтесь. Вотъ обѣ чемъ я говорю.

Вечеръ, часовъ съ девяти, Люберцевъ проводить въ кругу товарищѣй, но не такихъ шалопаевъ, какъ Ростокинъ (онъ съ нимъ почти не встрѣчается), а такихъ же основательныхъ и солидныхъ, какъ и онъ самъ. Разъ въ недѣлю онъ принимаетъ у себя; остальные вечера переходитъ отъ одного товарища къ другому и изрѣдка посѣщаетъ театръ. Когда собираются у него, онъ очень мило разыгрываетъ роль хозяина, потчуетъ чаемъ съ сдобными булками, а подъ конецъ появляется и очень приличная закуска. Несмотря на солидность, между товарищами по-

нимаются шумные споры. Говорятъ по преимуществу о государствѣ, его функцияхъ и отношеніяхъ къ отдельному индивидууму. Какъ люди, готовящіеся къ занятію «постовъ», юноши задорно стоять на сторонѣ государства и защищаютъ неприкосновенность его правъ.

— Государство — это все, — ораторствуетъ Геничка: — наука о государствѣ — это современный палладіумъ. Это цѣлое вѣрованіе. Никакой отдельный индивидуумъ немыслимъ вѣнѣ государства, потому что только послѣднее можетъ дать защиту, оградить не только отъ вѣнѣшихъ вторженій, но и отъ самого себя.

Однако бываютъ и противорѣчія, не то чтобы очень радикальныя, а все-таки не столь всецѣло отдающія индивидуума вѣрѣ жертву государству. Середка на половинѣ. Но Люберецъ не формализируется противорѣчіями, ибо знаетъ, что *du choc les opinions jaillit la vѣrit *. Терпимость — это одно изъ достоинствъ, которымъ онъ особенно дорожить, но, конечно, вѣ предѣлахъ. Самъ онъ не отступить ни на пядь, но выслушаетъ всегда благосклонно.

— И прекрасно, мой другъ, дѣлаешь, — хвалить его отецъ: — я выслушиваю, когда начальникъ отдѣленія мнѣ возражаетъ, а иногда и соглашаюсь съ нимъ. И директоръ мои возраженія благосклонно выслушиваетъ. Ну, не захотеть по-моему сдѣлать — его воля! Стало-быть, онъ правъ, а я виноватъ, — изъ-за чего тутъ горячку пороть! А чаще всего такъ бываетъ, что поспоримъ-поспоримъ, да па чемъ-нибудь серднемъ и сойдемся!

— Не правда ли, папенька?

— Говорю тебѣ, что хорошо дѣлаешь, что не горячишься. Вѣ жизни и все такъ бываетъ. Иногда идешь на Гороховую, да прозѣваешь переулокъ и очутишься на Вознесенской. Такъ что же такое! И воротишься, — не Богъ знаетъ чего стоять. Излишняя горячность здоровью вредить, а оно намъ нужноѣ всего. Ты здоровъ?

— Слава Богу, папенька.

— Ну, и Христосъ съ тобой! Посѣщай товарищѣй, не пренебрегай ими! Иной разъ пренебрежешь человѣкомъ, а онъ потомъ вѣ самонужнѣйшихъ окажется!

На одинъ изъ дружескихъ вечеровъ совсѣмъ неожиданно явился Сережа Ростокинъ. Онъ слышалъ, что у Генички происходить иль опредѣленные дни умные разговоры, и пожелалъ полюбопытствовать, а при случаѣ, съ своей стороны, словечко вставить, доказать *que tout est à refaire*.

Онъ прѣхалъ пѣ-веселъ, прямо оть Бореля; и появление него такъ всѣхъ удивило, что вдругъ все смолкли. Люберцевъ хотѣлъ разыграть радушнаго хозяина и не могъ: гомость у него потухъ. Гости сидѣли какъ на иголкахъ; нѣкоторые даже искали глазами свои шляпы. Съ своей стороны, и Сережа молчалъ и удивленно хлопалъ глазами, не видя нигдѣ ни вина, ни обѣдковъ, ни залитой и загаженной скатерти.

— Выпito!—безсмысленно пробормоталъ онъ, наконецъ, щелкая себя въ галстукъ.—Да, было-таки... Но какую мы свѣжую икру ёли... сливки!

Пробормотавши это, онъ опять замолчалъ, и черезъ четверть часа всталъ и направился къ выходу. Но тутъ обернулся и крикнулъ:

— Засушины вы! всѣ вы еще въ пеленкахъ высохли!.. Государство... туда же! Вотъ мы когда-нибудь съ Петромъ Николаичемъ... разберемъ!

И исчезъ.

Споры возобновились, но Люберцевъ былъ слегка задумчивъ. Онъ вспомнилъ вѣція слова отца: «иной разъ пренебрежешь человѣкомъ, а онъ въ самонужнѣйшихъ окажется...»

«Чтѣ, ежели этотъ шалопай, въ самомъ дѣлѣ...»—тревожился онъ.

И на другой день, урвавши четверть часа у прогулки, онъ зашелъ къ Сережѣ и засталъ его въ самомъ разгарѣ туалетной дѣятельности.

— А! Люберцевъ!—воскликнулъ Ростокинъ, слегка удивленный:—какимъ добрымъ вѣтромъ тебя занесло?

Оказалось, что онъ дѣйствительно былъ такъ пьянъ на канунѣ, что все забыть.

— Да такъ, повидаться захотѣлось. Давно ужъ...

— И я давно собираюсь къ тебѣ. У тебя, говорить, умные вечера завелись... Надо, надо послушать, чтѣ умные люди говорить. Вѣдь и я съ своей стороны... Вмѣстѣ бы... *unitibus*... какъ это?

И онъ началь, по обыкновенію, твердить que tout est à refaire. Твердилъ, безтолково вращая зрачками, грозя пальцемъ и ссылаясь на Петра Николаича.

— Ежели вы, господа, на этой же почвѣ стоите,—говорилъ онъ:—то я съ вами сойдусь. Будуѣздѣть на ваннѣ совѣщанія, пить чай съ булками, и общими усилиями намъ, быть-можеть, удастся подвинуть дѣло впередъ. Помилуй! tout croule, tout roule—a у насъ полезнѣйшіе проекты

подъ сукномъ по полугоду лежатъ, и никто ни о чёмъ подумать не хочетъ! Моментъ, говорятъ, не наступилъ; но уловите же, наконецъ, этотъ моментъ... sacrebleu!..

Геничка слушалъ терпѣливо и отъ времени до времени качалъ головой. Онъ радъ былъ, что вчерашия исторія кончилась такъ благополучно.

Такъ проводить свой день государственный послушникъ Евгений Филиппычъ Любберцевъ и кончаетъ его пунктуально въ часъ ночи, когда мирно отходитъ ко сну.

Немного спустя, ему дали составить другую записку. Давно уже начали собирать данныя о необходимости возстановить заставы и шлагбаумы, и, наконецъ, отовсюду получены были отвѣтственныя донесенія. Оказалось, что заставы и шлагбаумы не только полезны, но и самое возстановленіе ихъ можетъ совершиться легко, безъ потрясеній. Столбы старыхъ шлагбаумовъ еще доселъ стоять невредимы, слѣдовательно, стѣть только купить новыя цѣпи и нанять сторожа (буде военное вѣдомство не дастъ караула)—и города вновь украсятся и процвѣтутъ. При семъ прилагались и штаты. Геничка разсмотрѣлъ это дѣло очень внимательно. Онъ воздержался отъ разсужденій и только въ одномъ мѣстѣ упомянулъ объ обывательскихъ страстиахъ, къ огражденію отъ коихъ преимущественно должны служить заставы. Штаты онъ нашелъ умѣренными и съ помощью первыхъ четырехъ правиль ариѳметики легко вывелъ среднюю сумму предстоящихъ издержекъ. Осталось только найти источникъ для удовлетворенія нового расхода. Любберцевъ сходилъ за справкой въ министерство финансовъ, но тамъ ему сказали, что государственное казначейство и безъ того черезчуръ обременено. Слышалъ онъ мелькомъ, что гдѣ-то существуетъ калмыцкій капиталъ, толкнулся и туда, но тамъ встрѣтилъ почти враждебный отпоръ («вамъ какое дѣло?»). Предстояло одно изъ двухъ: или обратить дѣло къ дополнительнымъ вопросамъ,—но тогда оно затянулось бы на неопределеннное время,—или же огражденіе обывателей отъ собственныхъ ихъ страостей произвести на счетъ ихъ самихъ.

Геничка рѣшилъ въ послѣднемъ смыслѣ: и короче, да и вполнѣ справедливо. Дѣло не залежится, а между тѣмъ идея государственности будетъ соблюдена. Затѣмъ онъ составилъ сводъ мнѣній, включилъ справку о недостаточности средствъ казны и неприосновенности калмыцкаго капитала, разлиновалъ штаты, закруглилъ—и подалъ.

Директоръ одобрилъ записку вецефло, только гираду о страстиахъ вычеркнулъ, найдя, что въ дѣловой бумагѣ поэзіи и вообще вымысловъ допустить нельзя. Затѣмъ положилъ докладъ въ ящикъ, щелкнулъ замкомъ и сказалъ, что когда наступитъ моментъ, тогда все, что хранится въ ящикѣ, само собой выйдетъ оттуда и увидить свѣтъ.

Шагъ этотъ былъ важенъ для Люберацева въ томъ отношеніи, что открывалъ ему настежь дверь въ будущее. Ему дали мѣсто помощника столоначальника. Это было первое звено той цѣпи, которую ему предстояло пройти. Сравнительно, новое его положеніе досталось ему довольно легко. Прошло лишь семь-восемь мѣсяцевъ по выходѣ изъ школы, и онъ, двадцатилѣтній юноша, ужъ находился въ служебномъ круговоротѣ, въ качествѣ рычага государственной машины. Рычага маленькаго, почти незамѣтнаго, а все-таки...

По этому случаю у старииковъ Люберацевыхъ былъ экстраординарный обѣдъ. Подавали шампанское и пили здоровье новобранца. Филиппъ Андреичъ сіялъ; Анна Яковлевна (мать) плакала отъ умиленія; сестрицы и братцы говорили: «*je vous félicite*». Геничка бытъ нѣсколько взволнованъ, но сдерживался.

— Я въ немъ увѣренъ,—говорилъ старикъ Люберацевъ:— въ немъ наша, Люберацевская, кровь. Батюшка у меня умеръ на службѣ, я—на службѣ умру, и онъ пойдетъ по нашимъ слѣдамъ. Старайся, мой другъ, воздерживаться отъ теорій, а наче всего отъ поэзіи... ну се! Держись фактовъ— это въ нашемъ дѣлѣ главное. А пуще всего некись объ здоровьѣ. Береги себя, другъ мой, не искушайся! Вѣдь ты здоровъ?

— Здоровъ, папенька.

— Ну, и слава Богу. А теперь, на радостяхъ, еще по бокальчику выпивъ—вонъ, я вижу, въ бутылкѣ еще осталось. Не привыкъ я къ шампанскому, хотя и случалось въ постороннихъ домахъ полакомиться. Ну, да на этотъ разъ, ежели и сверхъ обыкновеннаго веселье буду, такъ Аннушка простить.

И, вновь выпивъ здоровье новобранца, Филиппъ Андреичъ продолжалъ:

— Ты обо мнѣ не суди по-теперешнему; я тоже повеселиться мастеръ бытъ. Однажды даже настоящимъ образомъ бытъ пьянъ. Зазваль меня къ себѣ начальникъ, да въ шутку, должно-быть—выпьемте да выпьемте!—и нѣка

тиль! Да такъ накатилъ, что воротился я домой—зги божьей не лизжу! Сестра Аниушкина въ ту пору у насъ гостила, такъ я Анишку отъ нея отличить не могу: пойдемъ!—говорю. Месяца два послѣ этого Анюты меня все цыаницей звала. Насилу оправдался.

— Такъ вотъ вы какой, папенька!

Съ получениемъ штатнаго мѣста пришлось иѣсколько видоизмѣнить *modus vivendi*. Люберецъ продолжалъ принимать у себя разъ въ недѣлю, но товарищѣ посѣщали уже рѣже, потому что приходилось и по вечерамъ работать дома. Дружескій кружокъ рѣдѣль; между членами его мало-по-малу образовался расколъ. Иѣкоторые члены заразились фантазіями, оказались черезчуръ рьяными—и отдалились.

Люберецъ быстро втягивался въ службу, и по мѣрѣ того, какъ онъ проникалъ въ ея сердце, идея государственности замѣнялась идеей о бюрократіи, а интересъ государства превращался въ интересъ казны. Слова и мнѣнія старика-отца съ каждымъ днемъ все больше принимали для сына значеніе непрекаемости. Онъ вполнѣ усвоилъ себѣ идею главенства фактovъ и устранилъ вымыселъ и теорію навсегда. Если рѣчь идетъ о снабженіи городовыхъ свистками, то только о свисткахъ и писалось, а разсужденія на тему о безопасности допускались лишь настолько, насколько это нужно для оправданія свистковъ. «Въ видахъ огражденія безопасности обывателей, необходимо снабдить городовыхъ свистками»—только и всего, потому что ежели начать съ того, что главная забота государства заключается въ томъ...—то это ужъ будетъ не докладъ, а бредъ. Задѣшь въ такую трущобу, что потомъ и не вытьзенъ. Вѣдь идея государственности и въ обнаженномъ изложеніи фактovъ просочится сама собой—стало-быть, ничего другого и не требуется. Это складка, которую онъ получилъ уже на школьной скамьѣ и которая никогда его не оставитъ; зачѣмъ же выставлять ее на показъ и замедлять стройное и логическое изложеніе экскурсіями по сторонамъ?

— Ты не очень, однако, въ канцеляршину затягивайся!—предостерегаль его отецъ:—надѣваться будешь—пожалуй, и на шею сядутъ. Начальство тоже себѣ на умѣ; скажетъ: вотъ настоящий помощникъ столонаачальника!—и останешься ты аридовы вѣки въ помощникахъ. Дѣйствуй вольно, показывай видъ, что не очень дорожишь, что тебя вездѣ съ удовольствіемъ пріютятъ. Тогда тобой дорожить станутъ, настоящимъ образомъ трудъ твой будуть цѣнить. Я десять

тъ вице-директоромъ состою, да то—я, а тебѣ я этого не желаю. Связей не упускай, посыпай людей, разматривай. И старыхъ знакомыхъ, которые полезны, не упускай, и новыхъ знакомствъ не бѣги. Мудреная, братъ, это наука — кизы! Ну, да, Богъ дастъ, ты справишься.

Геничка послѣдовалъ и этому совѣту. Онъ даже сошелся съ Ростокинымъ, хотя долженъ былъ, такъ сказать, привыкать къ его обществу. Черезъ Ростокина онъ надѣялся проникнуть дальше, устроить такія связи, о какихъ отецъ и не мечталъ. Однако-же сердце все-таки тревожилось воспоминаніемъ о товарищахъ, на глазахъ которыхъ онъ вступилъ въ жизнь, и изъ которыхъ значительная часть уже отшатнулась отъ него. Съ однимъ изъ нихъ онъ однажды встрѣтился.

— А помнишь, какъ Ростокинъ всѣхъ настъ обозвалъ засушилами? — спросилъ прежній сочленъ по «умнымъ» вечерамъ: — глупъ-глупъ, а правду сказалъ. Ты не совсѣмъ еще засохъ?

Люберцевъ кисло улыбнулся въ отвѣтъ.

— Засохнешь — въ этомъ не сомнѣвайся, — продолжалъ товарищъ. — Смотри, какъ бы, вмѣсто государственныхъ-то людей, въ простыхъ подьячихъ не очутиться!

Но Геничка этого не опасался и продолжалъ преуспѣвать. Ему еще тридцати лѣтъ не было, а уже самая лестная предложения сыпались на него со всѣхъ сторонъ. Онъ не разъ могъ бы получить въ провинціи хорошо оплаченное и отвѣтственное мѣсто, но уклонялся отъ такихъ предложенийъ, предпочитая служить въ Петербургѣ, на глазахъ у начальства. Много проектовъ онъ уже выработалъ, а еще болѣе имѣть въ виду выработать въ непродолжительномъ времени. Словомъ сказать, ему предстояло пролить свѣтъ...

Хотя свѣтъ этотъ начиналъ уже походить на тусклое освѣщеніе, разливаемое сальной свѣчой подьячаго, но отъ окончательного подьячества его спасли связи и старая складка государственности, приобрѣтенная еще въ школѣ. Тѣмъ не менѣе, онъ и отъ чада сальной свѣчки былъ бы не прочь, если-бѣ убѣдился, что этотъ чадъ ведеть къ цѣли.

Тридцати лѣтъ онъ уже занималъ полуотвѣтственный постъ, наравнѣ съ Сережей Ростокинымъ. Мысль, что служебный круговоротъ совершенно тождественъ съ круговоротомъ жизненнымъ, и что успѣхъ невозможенъ, покуда представление этой тождественности не будетъ усвоено во всей его полнотѣ, все яснѣе и яснѣе обрисовывалась пе-

редь его умственнымъ взоромъ. И онъ, не торопясь, но настойчиво, началъ подготовлять себя къ примѣненію этой мысли на практикѣ.

Къ этому времени отецъ его совсѣмъ состарѣлся, но все еще занималъ прежнюю должность. Онъ съ любовью слѣдилъ за успѣхами сына, хотя, признаться, многаго уже не понималъ въ его поступкахъ. Его радовало, что сынъ здоровъ, что онъ на виду—ничего другого онъ не желаль. Старуха-мать заботливо прискивала сыну приличную партию и однажды даже совсѣмъ было высватала ему богатенькую купеческую дочь, Покотневу, и Геничка чуть не соблазнился блестящимъ приданымъ и даже рѣшилъ въ умѣ, что неловко звучащую фамилію «Покотневъ» можно безъ труда измѣнить на «Пахотневъ» (*madame de Lubertzeff, née de Pakhotneff*). Но, по зрѣлому разсужденіи, нашелъ, что еще рано садиться въ гнѣздо, и предпочелъ сохранить независимость.

Въ настоящее время служебная его карьеря настолько опредѣлилась, что до него рукой не достать. Онъ вполнѣ измѣнилъ свой взглядъ на служебный трудъ. Оставилъ при себѣ только государственную складку, а трудъ предоставилъ подчиненнымъ. Съ утра до вечера онъ въ движеніи:ѣздить по влиятельнымъ знакомымъ, совѣщается, шушукается, подставляетъ ножки и всячески ограждаетъ свою карьеру отъ случайности.

— Связи—вотъ главное!—говорить онъ отцу:—а какъ будетъ такой-то служебный вопросъ рѣшенъ, за или противъ—это для меня безразлично. Перемелется—все мука будетъ. Заручившись связями, я спокоенъ, да мнѣ и приятно находиться въ постоянномъ движении. Высшія сферы имѣютъ чарующую, притягательную силу. Тутъ и роскошь обстановки, и непрерывная изворотливость мысли, и интересъ неожиданныхъ поворотовъ служебного вѣтра, то радующихъ, то пугающихъ, и роскошные женщины. Женщина выхоленная, выдрессированная сама по себѣ уже представляется для глазъ неисчерпаемый источникъ наслажденій, а на любомъ раутѣ передъ вами дефилируютъ десятки такихъ женщинъ. Свѣтъ, благоуханье, обнаженные плечи... Помилуйте! зачѣмъ я буду корпѣть дома и перебирать бюрократическую ветошь, которая, все равно, ни къ чему не пovedеть!

Старикъ выслушиваетъ эти рѣчи съ иѣкоторымъ удивленіемъ, но не противорѣчитъ. Онъ просто думаетъ, что, за

и старостью лѣтъ, отсталъ отъ времени, и что, стало-быть, все это нужно, ежели Геничка не можетъ иначе поступать.

Отъ времени до времени Люберцеву приходить на мысль, что теперь самая пора обзавестись своимъ семействомъ. Онъ тщательно приглядывается, рассматриваетъ, разузнаетъ, но дѣлаетъ это самъ, не прибѣгая къ постороннему посредничеству. Вообще подходить къ этому вопросу съ осторожностью и надѣется въ непродолжительномъ времени разрѣшить его.

3.—Черезовы мужъ и жена.

Оба молоды и оба безъ устали работаютъ.

Женились они всего три мѣсяца назадъ и только брачный день позволили себѣ провести праздно. Сватовство было недолгое. Семенъ Александрычъ въ первый разъ увидѣлъ Надежду Владимировну въ конторѣ, гдѣ она работала и куда онъ заходилъ за справкой. Затѣмъ разъ пять имъ пришлось сидѣть рядомъ за общимъ столомъ въ кухнистической. Разговорились: оказалось, что оба работаютъ. Оба одиноки, знакомыхъ не имѣютъ, кроме тѣхъ, съ которыми встречаются за общимъ трудомъ, и оба до того втянулись въ эту одинокую, не знающую отдыха жизнь, что даже утратили ясное сознаніе, живутъ они или нѣтъ.

— Хоть въ праздники-то вы свободны ли?—однажды спросилъ онъ у нея.

— Да, но безъ работы скверно; не знаешь, куда дѣваться. Въ номерѣ у себя сидѣть, сложивши руки,—тоска! На улицу выйдешь—еще пуще тоска! Словно улица-то новая; въ обыкновенное время идешь и не примѣчаешь, а тутъ вдругъ... магазины, экипажи, народъ... Къ товаркѣ одной—вмѣстѣ работаемъ—иногда захожу, да и она ужъ одичала. Посидимъ, помолчимъ и разойдемся.

— Это ужъ въ родѣ схимы...

— А чѣмъ вы думаете? Именно схима! Даже вериги чувствовать начинаю.

— Вы бы что-нибудь читали въ праздники...

— Отвыкла. Ничто не интересуетъ. Говорю вамъ, совсѣмъ одичала. Въ театрѣ изрѣдка въ воскресенье схожу—и будешь! А вы?

Онъ безнадежно махнулъ рукой въ отвѣтъ.

— Тоже недалеко отъ схимы?

— Чего недалеко! Весь веригами опутанъ... какимъ образомъ? изъ-за чего?

— Какъ изъ-за чего? Жизнь-то не достается даромъ. Вотъ и теперь мы здѣсь роскошествуемъ, а уходя, все-таки сорокъ пять копеекъ придется отдать. Здѣсь сорокъ пять, въ другомъ мѣстѣ сорокъ пять, а въ третьемъ и цѣлый рубль... Надо же добыть!

— И такимъ образомъ проходитъ вся жизнь?

— Жизнь только еще начинается. Потомъ она будетъ продолжаться, а затѣмъ и конецъ.

— Именно такъ: начинается, продолжается и кончается— только и всего. Но неужто вы совсѣмъ однѣ? ни родныхъ, ни знакомыхъ?

— Одна. Отецъ давно умеръ, мать—въ прошломъ году. Очень намъ трудно было съ матерью жить—всего она пенсії десять рублей въ мѣсяцъ получала. Тутъ и на нее, и на меня; приходилось хоть милостыню просить. Я, сравнительно, теперь лучшіе живу. Меня счастливицей называютъ. Случай какъ-то помогъ, работу нашла. Могу комнату отдалъную имѣть, обѣдъ; хоть голодомъ не сижу. А вы?

— Я одинъ; ни отца, ни матери не помню; воспитывался на какія-то пожертвованія. Меня начальникъ школы и на службу опредѣлилъ. И тоже хоть голодомъ не сижу, а близко-таки... Когда приходится туго, призываю на помощь терпѣніе, изворачиваюсь, удваиваю старанія,—и вотъ, какъ видите!

— Скучно вамъ?

— Скушать некогда. Даже о будущемъ подумать нѣтъ времени. Иногда и мелькнетъ въ головѣ: надо что-нибудь... не всегда же... да только рукою махнешь. Авось какъ-нибудь, день-за-день, и пройдетъ... жизнь.

— Да, трудно что-нибудь выдумать. Жить надо—только и всего.

Спустя некоторое время, послѣ одного изъ такихъ разговоровъ, онъ спросилъ ее:

— А что если мы вмѣстѣ будемъ работать?

Она на минуту смущилась и побѣлѣла. Но затѣмъ щеки у нея заалѣли румянцемъ, она подала ему руку и бодро отвѣтила:

— Будемте.

Черезъ мѣсяцъ они были мужъ и жена, и, какъ я сказаъ выше, позволили себѣ въ праздности провести будничный день. Но на завтра оба ужъ были въ работе.

Ей посчастливилось. Утромъ она работала въ банкирской конторѣ, вечеромъ — имѣла урокъ. Все это вмѣстѣ давало ей около восьмисотъ рублей въ годъ. Въ лѣтнее время доходъ уменьшался за отѣздомъ ученицы; но тогда она пріискывала другую работу, хотя и подешевле. Вообще вопросъ о безработицѣ не коснулся ея. Она тоже успѣль довольно прочно устроиться; утромъ ходилъ въ департаментъ, гдѣ служилъ помощникомъ столоначальника; вечеромъ — имѣлъ занятія въ одномъ изъ желѣзнодорожныхъ правленій. Доходъ его простирался до полутора тысячъ, такъ что оба вмѣстѣ они получали въ годъ до двухъ тысячи пятьсотъ рублей.

Имъ завидовали и говорили, что на эти деньги вдвое можно прожить можно не только безъ нужды, но даже позволяя себѣ иѣкоторая прихоти. И они соглашались съ этимъ. Кругомъ они видѣли столько бѣдности и наготы, что заработка ихъ дѣйствительно представлялся суммою очень достаточную. Несмотря на это, они никогда не испытывали даже слабаго довольства. Продолжали жить, попрежнему, со-дня-на-день, съ трудомъ сводя концы съ концами, и — что всего хуже — постоянно испытывали то чувство страха передъ будущимъ, которое свойственно всѣмъ людямъ, живущимъ исключительно личнымъ трудомъ. Чтѣ, ежели вдругъ случится заболѣть? что, ежели въ урокѣ не будетъ надобности? что, ежели частная служба измѣнитъ? соперникъ явится, мѣсто упразднится, въ работе окажется недосмотръ, начальникъ неудовольствие выкажетъ? Всѣ эти вопросы даже усиленною работою не заглушались, а волновали и мучили съ утра до вечера. Некогда было подумать о томъ, зачѣмъ пришла и куда идеть эта безразсвѣтная жизнь... Но о томъ, что эта жизнь можетъ мгновенно порваться, думалось ежемгновенно, безъ отдыха.

Въ сущности, неправы были тѣ, которые удивлялись, что они, при своемъ заработкѣ, не умѣютъ прожить иначе, какъ съ величайшою осторожностью. Если бы эти деньги явились, напримѣръ, въ видѣ заработка главы семейства, а она пользовалась хоть относительнымъ досугомъ, тогда, дѣйствительно, жизнь не представляла бы особыхъ недостачъ съ материальной стороны. Личный домостроительный трудъ помогаетъ сокращать издержки на добрую треть. Можно вѣремя распорядиться, вѣремя закупить, — быть бы досугъ. Ст旤ть только сходить за четыре версты — ноги-то свои, не куплены! — за курицей, за сигаръ, ст旤ть

выждать часа два у окна, пока появится на дворѣ знакомый разносчикъ,—и дѣло въ шляпѣ. Рубли двоимъ на обѣдь за-глаза достаточно, даже и съ дѣтьми, ежели ихъ немнога; пожалуй, и пирогъ въ праздникъ будетъ. И прислуга заведется, и опять-таки дешевенькая... Гдѣ-нибудь въ колоніи, изъ-за хлѣба, молодую дѣвчонку отыщутъ и пріучатъ ее понемногу. Въ концѣ года, смотришь, окажется даже экономія. Мужъ доволенъ, что съѣсть; жена довольна, что Богъ ихъ и съ семьею за рубль прокормилъ; у дѣтей щеки отъ праздничного пирога лоснятся. Квартира — ничего-себѣ, столь — ничего-себѣ; извозчика, правда, нанять не изъ чего — ну, да вѣдь не графы и не князья, и на своихъ на двоихъ дойти сумѣемъ. Даже пріятели вечеромъ придутъ — и для тѣхъ закуска найдется. Въ винтѣ по сотой копейкѣ засядутъ, проиграетъ глава семейства рубль — и не поморщится. Вотъ какъ на двѣ-то съ половиной тысячи умные люди живутъ, а не то чтобы чтобъ.

Ничѣмъ подобнымъ не могли пользоваться Черезовы по самому характеру и обстановкѣ ихъ труда. Оба работали и утромъ, и вечеромъ виѣ дома, оба жили въ готовыхъ, однажды сложившихся условіяхъ и, стало-быть, не имѣли ни времени, ни привычки, ни надобности входить въ хозяйственныхъ подробности. Это до того вѣлось въ ихъ природу, съ самыхъ молодыхъ ногтей, что если бы даже и выпалъ для нихъ случайный досугъ, то они не знали бы, какъ имъ распорядиться, и растерялись бы на первомъ шагу при вступлении въ практическую жизнь.

Сдѣлавшись мужемъ и женой, они не оставили ни прежнихъ привычекъ, ни бездомовой жизни; обѣдали въ определенный часъ въ кухнистской, продолжали жить въ меблированныхъ номерахъ, гдѣ занимали двѣ комнаты, и кроме того обязаны были имѣть карманныя деньги на извозчика, на завтракъ, изъ подачки сторожамъ и номерной прислугѣ и изъ прочую мелочь. А тамъ еще одежда, бѣлье — вѣдь на частную работу или урокъ не пойдешь засуща рукава въ ситцевомъ платѣ, какъ ходить въ лавочку домовитая хозяйка, которая сама стоитъ на стражѣ своего очага. Однимъ словомъ, приходилось тратить полтора рубля тамъ, гдѣ у домовитаго хозяина выходило не больше рубли. Но зато они тратили деньги безъ хлопотъ, точно какъ по прѣйсь-куранту.

Сходились они обыкновенно за обѣдомъ въ кухнистской и дома въ поздний часъ. Оба приходили усталые,

обоимъ было не до разговоровъ. Пили чай, съѣдали принесенную закуску и засыпали, чтобы на другой день, около десяти часовъ утра, разойтись. Но съ праздниками имъ удалось устроиться такъ, что они проводили цѣлый день вмѣстѣ. Утромъ онъ ей читалъ, и непремѣнно что-нибудь печальное, такъ какъ это больше всего соотвѣтствовало ихъ душевному настроенію; вечеромъ — ходили въ театръ. Въ праздники же имъ случалось разговаривать по душѣ, но бесѣда шла болѣвая, скорѣе растравляющая, нежели успокаивающая. Во всякомъ случаѣ, заработокъ утекалъ незамѣтно, такъ что они были рады, если годъ кончался безъ особыхъ затрудненій, въ родѣ долгаго мелочной лавочкѣ или хозяйствѣ квартиры.

Страхъ передъ завтрашнимъ днемъ ни на минуту не оставлялъ ихъ. Оба принадлежали къ тому типу обыкновенныхъ смиренныхъ людей, которые инстинктивно стремятся къ одной цѣли: самосохраненію. Можеть-быть, при другихъ обстоятельствахъ, при иной школѣ, сердца ихъ раскрылись бы и для иныхъ идеаловъ, но трудъ безъ содержанія, трудъ, направленный исключительно къ цѣлямъ самосохраненія, окончательно заглушилъ въ нихъ всякие зачатки высшихъ стремленій. Они не сознавали даже, что этотъ трудъ, который доставляетъ имъ дневной коштъ, въ то же время мало-по-малу убиваетъ ихъ и навсегда лишаетъ возможности различать добро отъ зла. Не вникая въ содержаніе труда, они цѣнили его лишь съ точки зрѣнія оплаты и охотно брались за всякую работу, лишь бы она была оплачена. Постыднаго они, правда, не дѣлали, но кто же и поручить имъ что-нибудь постыдное? Для постыднаго и люди должны быть постыдные, прожженые, дошлии люди, которые могутъ и пролѣзть, и вылѣзть, и сухими изъ воды выйти,—куда же имъ съ ихъ простотой! вѣдь имъ и на умъ ничего постыднаго не придетъ! Это просто не жившіе, по уже измученные жизнью люди — и только. Бояться и трепетать — вотъ ихъ дѣло. Всѣ разговоры ихъ ведутся на эту тему и не исчерпаются никогда, потому что они всецѣло сосредоточились въ испугѣ, и никакія вліянія, ни вѣнчины, ни внутреннія, не могутъ внести иные элементы въ ихъ скучное существованіе. Нѣть этихъ вліяній и не откуда имъ придти; трудъ для труда, трудъ, падающій въ какую-то бездуу и мгновенно поглощаемый ею, погубилъ всякую восприимчивость, всякій зачатокъ самодѣятельности.

— Боюсь я, какъ бы урока мнѣ не лишился, — говорила она.

— А чтѣ?

— Да такъ; ученица моя поговариваетъ, что отецъ ея совсѣмъ изъ Петербурга хочетъ уѣхать. Пожалуй, двадцать пять рублей въ мѣсяцъ и улыбнутся.

— Скверно; ну, да Богъ дастъ...

— Я ужъ и то стороной разузнаю, не наклонется ли чѣго-нибудь... Двоюродная сестра у моей ученицы есть, такъ тамъ тоже учительницѣ хотятъ отказаться... Вотъ кабы!

— Ищи, голубушка; только не тяжело ли будетъ, ежели два урока придется давать?

— Ничего, устроюсь. Надо же. Да вотъ чтѣ я еще хотѣла тебѣ сказать, Сеня. Бухгалтеръ у насть въ конторѣ ко мнѣ пристаетъ... съ тѣхъ поръ, какъ я замужъ вышла. Подсаживается ко мнѣ, разговариваетъ, спрашивается, люблю ли я конфеты...

— Мерзавецъ!

— И я говорю, что мерзавецъ, да вѣдь когда зависишь... Чтѣ если онъ банкиру на меня наговорить! — вѣдь, пожалуй, и тамъ... Тутъ двадцать пять рублей улыбнутся, а тамъ и цѣлыхъ пятьдесятъ. Останусь я у тебя на шеѣ, да кромѣ того и дѣлать нечего будетъ... Съ утра до вечера все буду думать... Думать да думать, одна да одна... ахъ, не дай Богъ!

— Ну, какъ-нибудь обойдется; ты у меня молодецъ, вывернешься. Вотъ у насть въ правлениѣ должность бухгалтера скоро очистится,—развѣ попытать?

— А у тебя какъ свое-то дѣло идетъ?

— Покуда — ничего. Въ департаментѣ даже говорятъ, что меня столоначальникомъ сдѣлаютъ. Полторы тысячи — вѣдь это кушъ. Правда, что тогда отъ частной службы отказаться придется, потому что и на дому казенной работы по вечерамъ довольно будетъ, но что-нибудь легонькое все-таки и постороннимъ трудомъ можно будетъ заработать, рубликовъ хоть на триста. Квартиру наймемъ; ты только вечеромъ на уроки станешь ходить, а по утрамъ дома будешь сидѣть; хозяйство свое заведемъ — живуть же другіе!

— Ахъ, боюсь я! Особенно этотъ бухгалтеръ... Придется опять просить, кланяться, хлопотать, а время между тѣмъ летить. Одинъ день пройдетъ — нѣть работы, другой нѣть работы, и каждый день урѣзыvай себя, разсчитывай, какъ

прожить дальше... Устанешь хуже, чѣмъ на работѣ. Ахъ, боюсь!

Теперь они боятся въ особенности потому, что Надежда Владимировна готовится сдѣлаться матерью. Ахъ, что-то будетъ? Чѣдъ такое будетъ—даже представить себѣ нельзя!.. Сколько рабочихъ дней отнимутъ одни роды, а потомъ ребенокъ. Надо его кормить, пеленать, мыть, отлучаться отъ него нельзя. Да и какъ тутъ поступить—не знаешь. Настануть роды—къ кому обратиться, куда идти, чѣдъ будетъ сдѣлать, и вообще какъ совершаются весь этотъ процессъ? Прислуга—дорогая и ненадежная, да материинскаго сердца и не уймешь. Вотъ тогда-то дѣйствительно придется бросить бездомную жизнь, нанять квартиру, лишиться главнаго заработка, засучить рукава, взять скакалку въ руки и раскатывать на столѣ тѣсто для пирога. На какія деньги они будутъ жить? Хоть и обѣщали Семену Александрычу мѣсто столоначальника, да что-то не слыхать, а самъ онъ заискивать и напоминать о себѣ не смѣеть. Фальшивые нынче люди, невѣрные, всѣ ихъ обѣщанія на водѣ писаны! Ахъ, не сумѣютъ они своимъ домомъ жить. Въ меблированныхъ комнатахъ—все готово, въ кухмистерской—тоже. Такъ они прожили всю жизнь и другой жизни не знаютъ. И вдругъ очутятся въ пространствѣ, на собственной отвѣтственности—вотъ гдѣ настоящая-то мѣка! Вездѣ—обманъ, вездѣ—фальшь, а ежели и иѣть обмана, то будетъ казаться, что онъ есть.

— Куда мы съ тобой дѣнемся?—мучительно спрашиваетъ она его.

Онъ тоже глядитъ вопросительно, хочетъ сказать что-нибудь и не можетъ. Онъ самъ не разъ задавался этимъ вопросомъ и ни къ какому решенію не пришелъ.

— Скажи, чѣдъ мы будемъ дѣлать?—настаиваетъ она.

— Ахъ, да не мучь ты меня!

— Черезъ три мѣсяца у насъ ребенокъ будетъ. Надо теперь же начать.. Ходи, старайся, хлопочи!

— Стѣсниться придется на первое время...

— Нѣть, стѣсниться ужъ больше некуда, и безъ того тѣсно. Говорю тебѣ: надо кланяться, напоминать о себѣ, хлопотать... Хлопочутъ же другіе...

— Ну, хорошо, попытаюсь.

Но Черезовская удача и тутъ приходитъ къ нимъ на выручку. Черезъ мѣсяцъ Семена Александрыча дѣлаютъ хоть и не столоначальникомъ—начальство думаетъ, что для

этой должности онъ недостаточно боекъ,— а чѣмъ-то въ родѣ регистратора съ столоначальническимъ окладомъ. Это, впрочемъ, еще лучше, потому что у регистратора вечернихъ занятій нѣть; стало-быть, можно будетъ и частную службу за собой оставить. Только вотъ будущее какъ будто захлопнулось навсегда; но на радостяхъ онъ объ этомъ не думаетъ. Да и никогда, признаться, не думалъ, потому что никогда дверь будущаго не была передъ ними настежь раскрыта. Однако-жъ Надежду Владимировну этотъ полу-успѣхъ мужа нѣсколько смутилъ.

— Зачѣмъ мы сошлись, зачѣмъ мы живемъ!—мучительно волнуетъ она себя.

— Ты сама бормить будешь?—спрашиваетъ онъ ее, прерывая ея думу.

— Ахъ, почему я знаю! Зачѣмъ, зачѣмъ мы сошлись! жили бы мы...

До послѣдней возможности они, однако-жъ, живутъ въ меблированныхъ комнатахъ. Черезонь успѣль, на всякий случай, скопить нѣсколько денегъ, несмотря на то, что Надежда Владимировна лишилась мѣста въ банкирской конторѣ. Она сидитъ по утрамъ дома, готовится и помаленьку всматривается въ жизнь. Открытій оказалась бездна, но хозяйка квартиры и сосѣдка по комнатѣ не оставляютъ ее и помогаютъ своими указаніями хотя сколько-нибудь освоиться съ жизнью. Обѣ учатъ, что нужно приготовить для ожидаемаго первенца, и совѣтуютъ лечь въ родильный домъ.

— Гдѣ вамъ справиться, ничего вы въ жизни не видѣли!—говорить онъ въ одинъ голосъ.—Ни вы, ни Семенъ Александричъ и идти-то куда—не знаете. Такъ, по-пусту, будете пугаться.

Такъ и сдѣлали. Она ушла въ родильный домъ; онъ исподволь подыскивалъ квартиру. Две комнаты: одна будетъ служить общею спальней, въ другой—его кабинетъ, приемная и столовая. И прислугу онъ нанялъ, пожилую женщину, не вѣтрогонку и добрую; сумѣть и сунъ сварить, и кусокъ говядины изжарить, и за малюткой углаждить, покуда матери дома не будетъ.

— Проживемъ!—утѣшаешь онъ себя.

Наконецъ, ожидаемый первенецъ увидѣлъ свѣтъ. И благо ему, что онъ вступилъ въ жизнь въ родильномъ домѣ, приготовивъ уходъ и своевременной врачебной помощи, потому что произоиди этотъ случай въ своей квартирѣ—Семенъ

Александрычъ павѣрио запутался въ самую критическую минуту. Родился сынъ, и Надежда Владимировна рѣшила кормить его сама. Спустя урочное время, она вышла изъ родильного дома, но работать еще не могла. Уходъ за ребенкомъ былъ такъ сложенъ, что отнималъ все время, да и заработка въ виду не было. Надо было переждать и потомъ опять просить, хлопотать. Тѣмъ не менѣе, они продолжали жить—и это было все, что нужно.

Спустя некоторое время, нашлась вечерняя работа въ томъ самомъ правленіи, где работалъ ея мужъ. По крайней мѣрѣ, они были виѣтъ по вечерамъ. Уходя на службу, она укладывала ребенка и, съ помощью кухарки Авдоты, устраивалась такъ, чтобы онъ до прихода ея не быть голоденъ. Жизнь потекла обычнымъ порядкомъ. вялая, сѣрая, даже сѣреѣ прежняго, потому что въ своей квартирѣ было гадо и царствовала какая-то надрывающая сердце тишина.

Даже ребенокъ не особенно радовалъ Черезовыхъ. Они до самой минуты его рожденія ничего такого не предвидѣли, и теперь ихъ единственno занималъ вопросъ: какъ онъ проживетъ (разумѣется, съ материальной стороны)? То есть, тотъ самый вопросъ, который ихъ самихъ ежеминутно терзалъ и который они инстинктивно переносили и на ребенка. Этотъ вопросъ обнималъ собою и высшую любовь, и высшее нравственное убожество. Высшую любовь—потому что въ благополучномъ его разрѣшеніи заключалось, по ихъ воззрѣнію, все благо, чесь жизненный идеалъ; высшее нравственное убожество—потому что, даже въ случаѣ удачнаго разрѣшенія вопроса о пропитаніи, за пимъ ничего иного не видѣлось, кроме пустоты и безнадежности.

Ребенокъ росъ одиноко; жизнь родителей, тоже одинокая и постылая, тоже шла особнякомъ, почти не касаясь его. Сынокъ удался—это былъ тихій и молчаливый ребенокъ, весь въ отца. Весь онъ, казалось, былъ погруженъ въ какую-то загадочную думу, мало говорилъ, ни о чёмъ не разспрашивалъ, даже не передразнивалъ разносчиковъ, возглашавшихъ на дворѣ всякую всячину.

— Ты у меня, Гриша, будешь умница? — спрашивалъ Семенъ Александрычъ, гладя его по головѣ.

Гриша удивленно взглядывалъ на отца, какъ бы говори: неужто можно сомнѣваться въ этомъ?

Изъ Надежды Владимировны даже посредственной хозяйки не вышло. Она разсудила, съ своей точки зрѣнія, очень правильно: на хозяйствѣ, какъ ни бейся, все-таки

выгадаешь какой-нибудь двугривенный, тогда какъ «работа» во всякомъ случаѣ дастъ рубль. И, заручившись этою истиной, подыскала себѣ утренній урокъ, который на два часа сокращалъ ея домашнюю жизнь. Теперь у нея явилось страстное желаніе копить; но скапливались такие пустяки, что просто совѣстно. Слыхала она, правда, анекдотъ про человѣка, который, выходя изъ дома, начиналъ съ того, что кликалъ извозчика, упорно держась гривенника, покуда не доходилъ до мѣста пѣшкомъ, и такимъ образомъ составилъ себѣ цѣлое состояніе. Но какъ-то плохо вѣрилось этому анекдоту, когда, несмотря на всѣ урѣзанья, въ результатѣ оказывалось, что годовой доходъ увеличивался на какихъ-нибудь пять рублей.

— Сколько онъ башмаковъ въ годъ износитъ!—сѣтовала она на Гришу:—скоро, поди, и изъ рубашекъ вырастетъ... А потомъ надо будетъ въ ученье отдавать, пойдутъ блузы, мундиры, пальто... и каждый годъ новое! Вотъ когда мы настоящую нужду узнаемъ.

Словомъ сказать, сѣтованіямъ и испугу конца не было. Даже кухарка Авдотья начала скучать, слыша безпрестанные толки о трудностяхъ жизни.

— Точно вы на каторгѣ оба живете!—ворчала она:—помоему, день прошелъ,—и слава Богу! Сегодня прошелъ—завтра прошелъ,—что тутъ загадывать!

Она одна относилась къ ребенку по-человѣчески, и къ ней одной онъ питалъ пѣчто въ родѣ привязанности. Она рассказывала ему про деревню, про бывшихъ помѣщиковъ, какъ имъ привольно жило, какая была сладкая ёда. Отъ нея онъ получилъ смутное представлѣніе о полѣ, о лѣсѣ, о крестьянской избѣ.

— И какъ это ты проживешь, ничего не видѣвші!—кручинилась она:—хотя бы у колонистовъ на лѣто папенька со маменькой избушку заняли. И недорого, и по крайности ты хоть настоящую траву, настоящее деревцо увидѣль бы, просторъ узналъ бы, здоровья бы себѣ нагулялъ, а то ишь ты блѣдный какой! Посмотрю я на тебя—и при родителяхъ ровно ты сирота!

Изрѣдка она уводила его на рынокъ или въ лавку: пускай, по крайности, хоть на людей посмотреть, каковы-таковы живые люди бываютъ!

Однако-жъ главное все-таки было въ порядкѣ, и Черезовская удача продолжала не измѣнять. Семенъ Александричъ регистраторствовалъ съ такимъ тактомъ, что началь-

никъ говорилъ про него: «въ первый разъ вижу человѣка, который попалъ на свое мѣсто,—именно таковъ долженъ быть истинный регистраторъ!»

Частная служба хотя и не представляла прежней устойчивости, особенно у Надежды Владиміровны, но все-таки не приносila особенныхъ ущербовъ. Колесо было пущено, составилась репутація,—стало-быть, и съ этой стороны бояться было нечего. Но бояться чего-нибудь все-таки было надобно. Боялись, что вдругъ придется болѣзнь и поставить кого-нибудь изъ нихъ въ невозможность работать...

— Чѣмъ тогда мы будемъ дѣлать?—мучилась Надежда Владиміровна.

— Да, на казенной-то службѣ еще потерпять,—вторилъ ей Семенъ Александрычъ:—а вотъ частная занятія... Признаюсь, и у меня мураски по кожѣ при этой мысли ползаютъ! Однако чѣмъ же ты, наконецъ! все слава Богу, а тебѣ съ чего-то вздумалось!

По временамъ его самого начали уже обременять назойливые страхи, которые преслѣдовали Надежду Владиміровну. Онъ настолько обтерпѣлся, что ему было почти удобно. Каторга не изнурила его, а, напротивъ, казалось, укрѣпила и закалила. Къ петербургской атмосферической суполовѣ, съ ея сыростью, измѣнчивостью и непогодами, онъ привыкъ и чувствовалъ себя вполнѣ здоровымъ; жена и сынъ тоже никогда не бывали больны. Зачѣмъ же придумывать напрасныя угрозы въ будущемъ? Авдотья разсуждаетъ въ этомъ случаѣ правильнѣе: день—прощель, и слава Богу! Въ ихъ положеніи иначе не можетъ и быть.

— А чѣмъ, если и въ самомъ дѣлѣ...—внезапно мелькало у него въ головѣ.—Чѣмъ тогда?

Онъ усиленно зарывался въ работу, чтобы заглушить эти мысли, чтобы не терзали онѣ его.

Оказалось, однако-жъ, что Надежда Владиміровна была права: Черезовская удача совсѣмъ неожиданно измѣнила. Все шло своимъ порядкомъ, тихо, безмятежно и вдругъ порвалось. И именно порвала болѣзнь.

Однажды, глубокою осенью, Черезовъ возвращался вечеромъ изъ своего правленія. Идти было довольно далеко, а на улицѣ точно свѣтопреставленіе царствовало. Дождь лиль какъ изъ ведра, тротуары были полны водой, вѣтеръ выль какъ бѣшеный и вмѣстѣ съ потоками дождя, проникаль за воротникъ пальто. Впрочемъ, Черезову не въ первый разъ приходилось видѣть картины петербургскаго безвременія:

онъ прибавилъ шагу и шель. Но, пришедшіи домой, почти мгновенно почувствовалъ легкій ознобъ; оказалось, что онъ промочилъ ноги. Жена раздѣла его, напоила чаемъ, укутала и уложила въ постель. Предчувствіе грозы уже томило ее, но на этотъ разъ она не высказалась. Къ двумъ часамъ ночи онъ былъ весь въ огнѣ и разбудилъ жену. Хотѣли бѣжать за докторомъ, но было такъ поздно, и не-погода такъ разыгралась, что онъ посовѣтился. Ограничился тѣмъ, что опять напоили его чаемъ и еще плетище укутали.

— Теперь его въ поть вгонить,—утѣшила Авдотья:— а къ утру потомъ болѣзнь и выгонить. Посидѣть денька два дома, а потомъ и опять молодцомъ на службу пойдетъ!

Но пота не появлялось; напротивъ, тѣло становилось все горячѣе и горячѣе, губы запеклись, языкъ высохъ и бормоталъ какія-то несвязныя слова. Всю остальную ночь Надежда Владимировна просидѣла у его постели, смачивая ему губы и языкъ водою съ уксусомъ. По временамъ онъ выбивался изъ-подъ одѣяла и пылающею рукою искалъ ея руку. Мало-по-малу невнятное бормотанье превратилось въ настоящій бредъ. Посреди этого бреда появлялись минуты какого-то вымученнаго просвѣщенія. Очевидно, въ его головѣ носились терзающія воспоминанія.

— Чѣмъ я дѣлалъ? зачѣмъ жилъ?—стональ онъ и затѣмъ, обращаясь къ женѣ, повторялъ:—чѣмъ мы дѣлали? зачѣмъ жили?

Утромъ, часу въ девятомъ, какъ только на дворѣ побѣло, Надежда Владимировна побѣжала за докторомъ; но послѣдний былъ еще въ постели и выслалъ сказать, что пріѣдетъ въ одиннадцать часовъ.

Когда она воротилась домой, больной какъ будто утихъ, но все-таки не спалъ, а только находился въ лихорадочномъ полузыбѣ. Почуявъ ея присутствіе, онъ широко открылъ глаза и, словно сквозь сонъ, сказалъ:

— Чѣмъ мы дѣлали? зачѣмъ жили?

Затѣмъ онъ опять началъ мѣтаться, повторяя:

— Ахъ, какіе все пустяки! пустяки! пустяки! пустяки!

Она стояла возлѣ него, неподвижная, блѣдная, замущенная, и вслѣдъ за нимъ такъ же, словно сквозь сонъ, твердила:

— Ахъ, какіе все пустяки! пустяки! пустяки! пустяки!

Даже Авдотья, стоя поодаль и утирая слезы концомъ головного платка, всхлипывала:

— Надорвался!.. сердечный!

Сынъ (ему было уже шесть лѣтъ) забился въ уголь въ кабинетъ и молчалъ какъ придавленный, точно впервые понялъ, что передъ нимъ происходит нечто не фантастическое, а вполнѣ реальное. Онъ сосредоточенно смотрѣлъ въ одну точку—на раскрытую дверь спальни—и ждалъ.

Въ одиннадцать часовъ пріѣхалъ докторъ, осмотрѣлъ больного и осторожно заявилъ, что Черезовъ безнадеженъ.

— До вечера, можетъ-быть, доживеть,—сказалъ онъ:— но въ ночь... Впрочемъ, я вечеркомъ забѣгу.

— Чѣмъ такое мы дѣлали? Зачѣмъ, зачѣмъ мы жили?— стональ между тѣмъ больной.

Къ вечеру, едва смерклось, какъ началась агонія. Сравнительно, онъ умиралъ покойно и уже въ полномъ сознаніи сказалъ женѣ:

— Надя! Тебѣ будетъ трудно... Не справиться... И сама ты, да еще сынъ на рукахъ. Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ была дана эта жизнь? Надя! Вѣдь мы въ катогрѣ были и называли это жизнью, и даже не понимали, изъ чего мы бываемъ, чѣмъ дѣлаемъ; ничего мы не понимали!

Въ шесть часовъ вечера его не стало. Черезовская удача до такой степени измѣнила, что онъ не воспользовался даже льготнымъ срокомъ, который на казенный службѣ дается заболѣвшимъ чиновникамъ. Надежда Владимировна совсѣмъ растерялась. Ей не приходило въ голову, что нужно обрядить умершаго, послать за гробовщикомъ, положить покойника на столъ и пригласить псаломщика. Все это сдѣЛАла за нее Авдотья.

Черезъ два дня его скончили у Митрофана на счетъ небольшого пособія, присланнаго изъ департамента. Похороны состоялись безъ помпы, хотя департаментъ командировалъ депутата для присутствованія. Депутатъ доѣхалъ на извозчикѣ до Измайловского проспекта, тамъ юркнулъ въ первую кондитерскую и исчезъ. За гробомъ дошли до кладбища только Надежда Владимировна и Авдотья.

Но тутъ Черезовская удача опять воротилась. Надеждѣ Владимировнѣ назначили пенсію въ триста рублей, хотя мужъ ея никакого пенсионнаго срока не выслужилъ, а въ такомъ размѣрѣ и подавно.

Она и теперь продолжаетъ работать съ утра до вечера. Теряя одну работу, подыскиваетъ другую, такъ что «каторга» остается въ прежней силѣ.

4.—Чудиновъ.

«Нѣтъ, вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть...»

Онъ самъ опредѣленно не знаетъ, что привело его изъ глубины провинціи въ Петербургъ. Учиться и для того, чтобы достичнуть этого, отыскать работу, которая давала бы средства хоть для самого скучного существованія,—вотъ единственная мысль, которая смутно бродить въ его головѣ.

Николай Чудиновъ—очень бѣдный юноша. Отецъ его служить главнымъ бухгалтеромъ казначейства въ отдаленномъ уѣздномъ городкѣ. По-тамошнему это мѣсто недурное, и семья могла содержать себя безъ нужды, какъ вдругъ сыну пришла въ голову какая-то «гнилая фантазія». Ему было двадцать лѣтъ, а онъ уже возмечталъ! Учиться! Развѣ мало онъ учился! Слава Богу, кончила гимназію—и будетъ.

Дѣйствительно, Николай уже прошелъ гимназической курсъ и готовился поступить въ университетъ, когда Андрей Тимоѳеичъ вызвалъ его къ себѣ, находя, что учиться довольно. Юноша пріѣхалъ; его сейчасъ же зачислили въ штатъ полицейского управления и назначили двѣнадцать рублей мѣсячнаго жалованья; при готовыхъ хлѣбахъ и даровой квартирѣ этого было достаточно. Предстояло на трудовой заработокъ только одѣться, обуться, да кой-какія мелочи исправить. Посидѣть на этомъ окладѣ, а скоро, глядишь, и прибавятъ рубля три. И такимъ-то образомъ не всякому удается начинать. А затѣмъ и въ уѣздѣ—дорога широкая. И въ становые приставы, и въ непремѣнныя члены, а можетъ-быть, и въ исправники—всюду пройти можно,—быть бы царь въ головѣ. А не то такъ и въ мировыя учрежденія, въ земство. У Андрея Тимоѳеича есть связи въ уѣздахъ. Всѣмъ до казначейства есть дѣло, а онъ—душа казначейства. Стало-быть, того, другого попросить, состоится единогласное избрание—вотъ и мировой судья готовъ. Шутка сказать! вѣдь это двѣ тысячи рублей одного содержанія, а съ канцеляріей, да съ камерой—и не сочтешь, сколько тутъ денегъ наберется!

Но юноша, вскорѣ послѣ пріѣзда, ужъ началъ скучать, и такъ какъ онъ былъ единственный сынъ, то отецъ и мать натурально встревожились. Ни на что онъ не жаловался, но на службѣ старанья не проявилъ, жиль особнякомъ и не искалъ знакомствъ. «Не ко двору онъ въ родномъ городѣ, не любить своихъ родителей!»—тужили ста-

рики. Пытали они рисовать передъ нимъ соблазнительныя перспективы—и все задаромъ.

— Ежели не по внутру тебѣ полицейская служба—можно въ земство махнуть!—говорилъ отецъ.—Попрошу Ивана Петровича да Семена Николаевича—кому другому, а мнѣ не откажутъ. Сначала въ секретари управы, благо нынѣшний секретарь въ лѣсъ глядить, а тамъ куплю на твоё имя двѣсти десятина болота—и въ члены попадешь. Здѣсь, мой другъ, все въ нашихъ рукахъ. Захотимъ, такъ и въ суды попадемъ, иѣть нужды, что ты университета не кончила. Того же Ивана Петровича попрошу—онъ какъ разъ единогласное избрание оборудуетъ. Вотъ ты и на виду, и въ люди показаться не стыдно. Стойть только годика два до новыхъ выборовъ подождать.

Николай не возражалъ противъ отцовскихъ увѣщаній, но и согласія не заявлялъ. Онъ продолжалъ скучать, жить особнякомъ и тревожить родительскія сердца. Наконецъ, однако-жъ, пришлое высказаться.

— Я бы въ Петербургъ желать,—сказалъ онъ нерѣшительно.

— Чѣмъ ты тамъ забылъ?

— Въ университетъ хочу поступить. Начать ученье и не кончить...

— А чѣмъ же ты будешь въ Петербургѣ жить?

— Устроюсь какъ-нибудь. Мнѣ бы только добѣхать, а тамъ уроки найду, частныхъ занятій—много ли мнѣ на прожитокъ нужно!

— Слышалъ я, что казенные стипендиі въ триста рублей полагаютъ, стало-быть, меныше этого прожить нельзя. Да за лекціи отъ платы освобождаютъ—это тоже счетъ. Гдѣ ты эти триста-четыреста рублей добудешь?

— Какъ-нибудь...

— Съ «какъ-нибудь»-то люди голодомъ сидѣть, а ты прежде подумай дѣлъ досконально все разсчитай, насы, стариковъ, пожалѣй... Мы вѣдь настоящей помощи дать не можемъ, сами въ обрѣзъ живемъ. Ахъ, не чаяли начали, а она за угломъ стерегла!

Но сколько старики ни тратили убѣждений, въ концѣ концовъ все-таки пришлось уступить. Собрали кой-какъ рублей двѣсти на дорогу и на первыя издержки и снарядили сынка. Въ одно прекрасное утро Николай сѣлъ съ попутчикомъ въ телѣгу—и слѣдъ его простылъ, а старики остались дома выплакивать осталныя слезы.

Однако, по мѣрѣ приближенія къ Петербургу, молодой Чудиновъ началъ чувствовать некоторое смущеніе. Какъ ни силился онъ овладѣть собою, но страхъ неизвѣстнаго все больше и больше проникалъ въ его сердце. Спутники по вагону разспрашивали его, и что-то сомнительное слышалось въ ихъ вопросахъ и отвѣтахъ.

- Въ Петербургъ? — спрашивали его.
- Да, въ Петербургъ.
- При должностіи-съ?
- Нѣтъ, учиться хочу.
- Такъ-съ. При родителяхъ будете жить?
- Нѣтъ, родители у меня живутъ въ провинціи.
- Ну, все равно, помогать будутъ?
- И помочи я отъ нихъ ждать не могу. Самъ долженъ буду о себѣ заботиться.
- Мудреное дѣло-съ.

— Отчего же? Мнѣ многаго не нужно, а добыть урокъ или два, или какое-нибудь занятіе — неужели это такъ трудно?

— Кандидатовъ слишкомъ довольно. На каждое мѣсто десять-двадцать человѣкъ, другъ у дружки такъ и рвутъ. И чѣмъ больше нужды, тѣмъ труднѣе: нынче и къ мѣсту-то пристроиться легче тому, у кого особенно нужды нѣтъ. Довѣрія больше, коли человѣкъ не жмется, вольной ногой въ квартиру къ нанимателю входить. Одежда нужна хорошая, видъ откровенный. А коли этого нѣтъ, такъ хощь сто лѣтъ грани мостовой — ничего не получишь. Нѣтъ, ежели у кого родители есть — самое святое дѣло подъ крыльникомъ у нихъ смирино сидѣть.

— А ежели учиться хочется?

— Хотѣніе-то наше не для всѣхъ вразумительно. Деньги нужно добывать, чтобы хотѣніе выполнить, а онѣ на мостовой не валяются. Быть нужно, пріютъ нуженъ, да и за ученье, само собой, заплати. На пожертвованія надежда плоха, потому нынче и безъ того всѣ испожертвовались. Туда десять цѣлковыхъ, въ другое мѣсто десять цѣлковыхъ — анъ, подъ конецъ, и скучно!

И такъ далѣе.

Назойливо тянулась эта нить дорожныхъ разговоровъ, тревожа и волнуя Чудинова. Но вотъ, наконецъ, показался и Петербургъ.

Чудиновъ очутился на улицѣ съ маленькимъ сакомъ въ рукахъ. Онъ былъ словно пьянъ. Озирался направо и налево, слышалъ шумъ экипажей, крикъ кучеровъ и извоз-

чиковъ, говоръ толпы. Къ счастію, послѣдній его собесѣдникъ по вагону—добрый, должно-быть, человѣкъ былъ,—проходя мимо, крикнулъ ему:

— Коли не знаете, гдѣ остановиться, такъ ступайте къ Аннѣ Ивановнѣ въ Разѣзжую: у нея много горюновъ живетъ. Номера порядочные, обѣдъ—тоже, а главное, сама она добрая. Можетъ-быть, и насчетъ занятій похлопочетъ. Покуда чтѣ, у нея и поживете.

Чудиновъ, разумѣется, послѣдовалъ этому совѣту.

Указанные номера помѣщались въ четвертомъ этажѣ громаднаго дома. Его встрѣтила въ дверяхъ сама хозяйка, чистенькая старушка лѣтъ подъ шестьдесятъ. Было около десяти часовъ, и номера пустѣли; въ коридорѣ то и дѣло сновали уходящіе жильцы.

— Вамъ номерокъ? небольшой?—привѣтливо спросила хозяйка, оглядывая пріѣзжаго.

— Да, изъ самыхъ недорогихъ.

— Рублей на пятнадцать съ обѣдомъ въ мѣсяцъ? Удобно это для васъ?

Комната, дѣйствительно, оказалась совсѣмъ маленькая. Одно окно; около двери кровать; въ другому углу, возлѣ окна, раскрытый ломберный столъ съ чернильнымъ приборомъ; три плетеныхъ стула.

— Обѣдъ будетъ изъ двухъ блюдъ: супъ и мясное блюдо,—продолжала хозяйка.—Считается въ двадцать копеекъ; а ежели третью блюдо закажете—прибавка 15 копеекъ. Обѣдають въ общей столовой между пятью и шестью часами, какъ кто удосужается. Остальные девять рублей—за квартиру. Мелочныхъ расходовъ прислугъ, дворнику—рубля два въ мѣсяцъ наберется. Чай—вашъ, свѣчи—тоже ваши. Вы мѣсто искать пріѣхали?

Чудиновъ сказалъ ей.

— Учиться?—переспросила она.—Но вѣдь у васъ и въ своемъ округѣ университетъ есть? Зачѣмъ непремѣнно въ Петербургъ? Вся провинція въ Петербургъ поднялась, а здѣсь, какъ нарочно, двери все плотнѣе и плотнѣе запираются! Точно повѣтріе.

Чудиновъ не могъ ничего болѣе объяснить. Нельзя же сказать, что его влекла въ Петербургъ безотчетная сила,—это было слишкомъ субъективное побужденіе, чтобы оправдать серьезный жизненный шагъ. Хозяйка согласилась, впрочемъ, что разъ дѣло сдѣлано—не возвращаться же назадъ. Затѣмъ она, безъ всякой назойливости, а просто

изъ доброго участія, разспросила его о средствахъ, которыми онъ располагаетъ, и объ его надеждахъ въ будущемъ. Оказалось, что у него отъ дороги осталось около полутораста рублей, что изъ дома онъ падѣется получать не больше пятидесяти, ста рублей въ годъ, и что главный расчетъ его на свой собственный трудъ.

— Занятій прискивать будете? уроковъ? Вотъ здѣсь, въ номерахъ, собственными глазами увидите, легко ли это добывается,—сказала она.—Иные по году бываются, кругомъ задолжали—и все ни при чемъ. Вотъ, благослови Господи, за лекціи около двадцати пяти рублей за первое полугодіе уплатить нужно, да мундиричики нынче требуются, да объявленія въ газетахъ придется печатать,—смотришь, изъ вашихъ полутораста-то рублей и немножко останется. Ну, да тамъ увидится. И то, правду сказать, защугиваньемъ дѣла не исправишь. Были бы хоть на первыхъ порахъ сыты.

Въ тотъ же день, за обѣдомъ, одинъ изъ жильцовъ, студентъ третьаго курса, объяснилъ Чудинову, что такъ какъ онъ поступаетъ въ юридической факультетъ, то за лекціи ему придется уплатить за полугодіе около тридцати рублей, да обмундирование будетъ стоить съ форменной фуражкой и шлагой, по малой мѣрѣ, семьдесятъ рублей. Объявленія въ газетахъ тоже потребуютъ изрядныхъ денегъ.

— Я двадцать рублей, по крайней мѣрѣ, издержалъ, а черезъ полгода только одинъ урокъ въ купеческомъ домѣ получилъ, да и то случайно. Двадцать рублей въ мѣсяцъ зарабатываю, да, вдобавокъ, поученія по поводу разврата, обувшаго молодое поколѣніе, выслушиваю. А въ лѣтнее время на шеѣ у отца съ матерью живу, благоѣхать къ нимъ недалеко. А имъ и самимъ жить нечѣмъ.

— Какъ же вы на двадцать рублей ухитряетесь жить?

— Да такъ вотъ. Отецъ рубля три въ мѣсяцъ высыпаетъ, переписывать рубля на два достаю, по десяти копеекъ съ листа, да и то почти насильно выклянчилъ. Отъ чая я ужъ отказался, щемъ разъ въ сутки, — сами видите, какая это щада! За лекціи уплачивать иѣсколько разъ запаздывалъ, — чуть не исключили. Насилу упросилъ. Хозяйкѣ и сейчасъ за три мѣсяца долженъ, а она тоже изъ-за корки хлѣба бьется. Хорошо, что на третьемъ курсѣ состою, хоть обмундирование для меня не обязательно, а для васъ и это потребуется. Нынче у насъ на первомъ курсѣ студенты чистенькие, напомаженные. И душа у нихъ напомаженная. Ходятъ по улицамъ, шлагой поигрываютъ, думаютъ: чѣмъ

мы хуже пажей? И солдаты имъ честь отдаютъ,—тоже лестно! Не тотъ ужъ нынче университетъ, что прежде.

Вообще, некрасивую картину нарисовалъ новый знакомецъ и въ заключеніе прибавилъ:

— Не забудьте, что такъ какъ вы, послѣ получения аттестата зрѣлости, два года баклуши были, то для васъ потребуется провѣрочный экзаменъ. *Tolle me, tu, mi, mis, si declinare domus vis*—не забыли?

На другой же день начались и похожденія Чудинова. Прежде всего онъ отправился въ контору газеты и подальше объявление объ урокѣ, при чемъ упомянуло объ основательномъ знаніи древнихъ языковъ, а равно и о томъ, что не прочно и отъ переписки. Потомъ явился въ правленіе университета, подальше прошеніе и получилъ отвѣтъ, что онъ обязывается держать повѣрочный экзаменъ.

Былъ августъ мѣсяцъ въ началѣ, но на дворѣ уже пахло осенью. Наступало дождливое время, вечера темнѣли, да, благодаря постоянно покрытому тучами небу, улицы съ утра уже наполнялись сумерками. Но городъ мало-по-малу оживалъ; уличное движеніе становилось замѣтнѣе и замѣтнѣе. Съ лѣтней каторги обыватели перемѣщались на зимнюю, въ надеждѣ хоть печнымъ тепломъ отогрѣться отъ лѣтнихъ продуваній и сквозныхъ вѣтровъ. Сколько при этихъ перѣѣздахъ испорчено было мебели, сколько расстроилось кухарокъ—это пойметъ только коренной петербургскій житель, которому ни флюсы, ни желудочные катары, ни плевриты—ничто не въ поченіе.

Экзаменъ Чудиновъ сдалъ исправно, внесъ плату за предстоящей учебный семестръ и въ свое время пунктуально началъ посѣщать университетъ. По примѣру другихъ, онъ обмундировался и на первыхъ же порахъ убѣдился въ справедливости отзыва его новаго знакомца по номерамъ. Въ мундирѣ онъ и самъ себя не узналъ. Онъ какъ-то невольно взглянулъ на свои волосы и сказалъ: «надо припомниться». Новые его собратья по наукѣ смотрѣли такъ мило и такъ свѣжо, такъ всѣ другъ на друга были похожи, что производить диссонансъ въ этомъ гармонически сложившемся мірѣ было совсѣмъ немыслимо. Старые лохматые дикари печально доживали свой срокъ на послѣднихъ курсахъ. Пройдетъ два-три года, и все будутъ мило, благородно—заглядѣнья.

Прошелъ мѣсяцъ, но ни урока, ни переписки не являлось. Чудиновъ напечаталъ новое объявление и дней черезъ

пять получиль приглашениe явиться. Онъ не пошелъ, а полетѣль, и успѣль понравиться. Условились за двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, съ тѣмъ, чтобы за эту суммуходить каждый день и приготовлять двухъ мальчиковъ къ поступленію въ гимназію. Давно онъ не чувствовалъ себя такъ бодро и весело. Но когда онъ на другой день вечеромъ явился на урокъ, то ему сказалъ швейцарь, что утромъ приходилъ другой студентъ, взялъ двадцать рублей и получилъ предпочтеніе.

— Чѣдже мнѣ не сказали? Я бы... — началь-было Чудиновъ, но поняль, что дѣло его потеряно, и замолкъ.

Съ тѣхъ порь, несмотря на неоднократно возобновляемыя объявленія, вопросъ объ урокѣ словно въ воду канулы. Не отыскивалось желающихъ окунуться въ силоамскую купель просвѣщенія — и только. Деньги, привезенные изъ дома, гаали-тайли и, наконецъ, растаяли...

На дворѣ мартъ. Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ не было ни осени, ни зимы, да и теперь весны нѣть, а какое-то безвременіе. Чудиновъ попрежнему живеть въ номерахъ у Аины Ивановны, но онъ уже исключенъ изъ числа студентовъ за невзносъ полугодовой платы. Старику-отцу слѣдовало бы свидѣтельство о бѣдности для сына справить, а онъ, вмѣсто того, охаль да ахаль. А впрочемъ, и съ свидѣтельствомъ недалеко уйдешь, ежели при повѣркѣ въ известныхъ предметахъ отличнѣйшихъ познаній не выкажешь. Молодой человѣкъ прожилъ не только привезенные съ собой деньги, но и сторублевое пособіе, полученное изъ дома. Безработица продолжаетъ преслѣдоватъ его, хотя хозяйка и жильцы всячески старались ему помочь въ его исканіяхъ. Сунулся онъ было въ комитетъ всепомоществованія, но тамъ ему выдали восемь рублей, а ссуду онъ попросить не рѣшился, сробѣль. О стипендіи онъ и не мечталъ: что-то еще скажеть экзаменъ при переходѣ на второй курсъ, а до тѣхъ порь и думать нечего... Хозяйкѣ онъ давно задолжалъ, но она не тревожитъ его, и это съ ея стороны представляеть тѣмъ большую жертву, что молодой человѣкъ серьезно заболѣлъ. Онъ подозрительно кашляетъ, тяжело дышитъ и безпрерывно хватается за грудь. Говорятъ, у него чахотка, да у него и у самого смутно мелькаетъ въ головѣ, что конецъ недалеко. Ходилъ онъ раза два къ доктору; тотъ объяснилъ, что болѣзнь его — слѣдствіе худого питанія, частыхъ простудъ, обнадежилъ про-

писалъ лѣкарство и сказалъ, что весной надо уѣхать. На какія деньги покупать лѣкарство? Кудаѣхать?

Учился онъ страстио, все думалъ какъ-нибудь выбраться, переждать суровую нужду. Отъ чая отказался, отъ обѣда—тоже. Платить двадцать копеекъ за обѣдь оказывалось не подъ силу. Онъ бралъ на десять копеекъ два пирога въ пирожной и этимъ былъ сытъ. Но выбраться все-таки не удалось. Приходилось разстаться съ завѣтной мечтой, бросить ученье. Для другихъ оно было свѣточемъ жизни, для него—погребальнымъ факеломъ. Всюкую надежду на лучшее будущее предстояло оставить, сказать себѣ разъ навсегда, что лучъ свѣта уже не согреетъ его существованія. И затѣмъ отдаваться въ жертву голодной смерти.

Теперь онъ даже въ пирожнуюходить не можетъ: и денегъ нѣть, и силы таютъ съ каждымъ днемъ. Съ трудомъ Анна Ивановна уговорила его не отказываться отъ скучнаго обѣда въ два блюда, обнадеживъ, что не все еще пропало, и что со временемъ она возвратить свои издержки.

— Миѳ приходскій батюшка обѣщаѣ безпремѣнно достать для васъ урокъ,—сказала она:—тогда и заплатите. И въ университетъ начнете ходить. Упросимъ какъ-нибудь принять взносъ.

Тайно отъ него она извѣстила старого бухгалтера о безнадежномъ положеніи молодого человѣка. Стариkъ собрался съ силами и опять выслалъ двѣсти рублей, но требовалъ, чтобы сынъ непремѣнно воротился въ родное гнѣзdo.

Семь часовъ вечера. Чудиновъ лежитъ въ постели; лицо у него въ поту; на тѣлѣ чувствуется то ознобъ, то жаръ; у изголовья его сидитъ Анна Ивановна и вяжетъ чулокъ. Въ полузыбтыѣ ему представляется то свѣтлый духъ съ свѣточесмъ въ рукахъ, то злобная парка съ смердящимъ факеломъ. Это—«ученье», ради котораго онъ оставилъ родную кровь.

Странное дѣло: припоминается ему—точно такой случай былъ у нихъ въ городѣ. Пріѣхали повѣрять торговлю и зашли къ сапожнику, который пропитывался своимъ ремесломъ одинъ, безъ учениковъ. «Есть свидѣтельство на мѣщанскіе промыслы?»—Нѣть свидѣтельства!—Запечатали сапожный инструментъ и ушли. Онъ тоже ушелъ... въ кабакъ. Точно такъ же и тутъ. «Учиться желаю».—Извольте внести впередъ за семестръ такую-то сумму.—«Нѣть у меня такой».—А нѣть суммы, и ученья нѣть.—Стало-быть, и учиться нельзя; а надо идти... куда? Ни учиться, ни ра-

ботать; только безношилию праздношататься—полная свобода, да и то скажи полиція не заподозритъ.

— Жарко мнѣ, вся подушка мокрая!—говорить онъ слабымъ голосомъ.

Анна Ивановна приподнимаетъ ему голову, ощупываетъ подушку и перевертываетъ ее, потому что наволочка действительно оказывается мокрой.

— Чѣмъ вы все лежите, прибодрились бы,—говорить она:—запустите себя, потомъ и все въ постель да въ постель тянуть будетъ.

— Васъ мнѣ совѣстно; все вы около меня, а у васъ и безъ того дѣла по горло,—продолжаетъ онъ.—Вотъ отецъ къ себѣ зоветъ... Я и самъ вижу, что нужноѣхать, да какъ быть? Ежели ждать—опять послѣднія деньги уйдутъ. Поскорѣе бы... какъ-нибудь... Главное, отъ желѣзной дороги полтораста верстъ на тѣлѣгѣ придется трястись. Не выдержишь.

— Выдержите, молодцомъ пріѣдете. Скоро и тепло настанетъ. А деньги мы сбережемъ. Какой расходъ съ моей стороны будетъ—папенька заплатить.

— Добрая вы!

Чудинова всѣ любятъ. Докторъ отъ времени до времени навѣщаетъ его и не береть гонорара; въ номерахъ поселился студентъ медицинской академіи и тоже слѣдить за нимъ. Дѣвушка-курсистка смыкаетъ около него Анну Ивановну, когда послѣдней недосужно. Комнату ему отвели уютную, въ сторонѣ, поставили туда покойное кресло и стараются поблизости не шумѣть.

Но все-таки большую часть времени ему приходится оставаться одному. Онъ сидитъ въ креслѣ и чувствуетъ, какъ жизнь постепенно угасаетъ въ немъ. Ему постоянно дремлетъ, голова въ поту. Временами онъ встаетъ съ кресла, но дойдетъ до постели и опять ляжетъ.

Въ немъ происходитъ тотъ двойственный внутренний процессъ, который составляетъ привадлежность чахотки: и полная безнадежность, и въ то же время такое страстное желаніе жить, которое переходитъ въ увѣренность исцѣленія.

— Вотъ пріѣду домой, тамъ отгуляюсь,—мечтаетъ онъ:—льто, воздухъ, здоровая пища, уходъ и, наконецъ, сила молодости...

Но не успѣваетъ надежда согрѣть его существованіе, какъ разсудкомъ его всецѣло овладѣваетъ представление о смерти.

— Еще жить не начинай — и вдруг смерть! — терзается онъ: — за что?

Воспоминанія толпою проходили передъ нимъ, но были поднообразны и исчерпывались однимъ словомъ: «ученье». Приноминались товарищи по гимназіи, учителя, родные; по все это заслонялось «ученьемъ». Лицъ почти не существовало; ихъ замѣняло отвлеченнное понятіе, которое, въ сущности, даже не давало пищи для ума. Ученіе для ученья — вотъ тема, которая въ-конецъ измучила его. Только въ послѣднее время, въ Петербургѣ, онъ началъ понимать, что за ученьемъ можетъ стоять цѣлый разнообразный міръ отношений. Что существуетъ общество, родная страна, дѣло, подвигъ... Что все это неудержимо влечетъ къ себѣ, человѣка; что знаніе есть не больше, какъ подготовка; что экзаменами и переходами изъ курса въ курсъ не все исчерпывается...

Жизнь представлялась ему въ видѣ необъятнаго пространства, переполненнаго непрерывающимся движеніемъ. Тутъ все: и добро, и зло; и праздность, и трудъ; и ненависть, и любовь; и пресыщеніе, и горькая нужда; и самодовольство, и слезы, слезы безъ конца... Вотъ куда предстояло ему идти, вотъ где не жаль было растратить молодыя силы! Въ номерахъ у Аины Ивановны, въ общей столовой, часто велись разговоры на эту тему, и онъ жадно къ нимъ прислушивался. Даже больной онъ кое-какъ переходилъ въ столовую и чувствовалъ, какъ молодыя рѣчи и страстныя стремленія постепенно освѣщали его существо, зажигали его душу смутными, но уже неодолимыми стремленіями.

И что же! — едва засияла заря осмысленного существованія, какъ за нею уже стоять смерть!

— Тяжело умирать? — спрашиваетъ онъ Аину Ивановну.

— Чѣдѣ вы все про смерть, да про смерть! — негодовала она: — ежели все такъ будете, я и сидѣть съ вами не стану. Слушайте-ка, чтѣ я вамъ скажу. Я сама два раза умирала; одинъ разъ ужъ совсѣмъ-было... Да сказала себѣ: не хочу я умирать — и вотъ, какъ видите. Такъ и вы себѣ скажите, не хочу умереть!

— Нѣть, что! мнѣ теперь легко; хотѣлось бы, однако признаки знать. Ежели люди вообще тяжело умираютъ, стало-быть, еще я, пожалуй, и продержусь. Но чахоточные, говорятъ, умираютъ почти незамѣтно, такъ вотъ это...

Студентъ-медикъ тоже разувѣрялъ его, говорилъ, что у

него не чахотка, а просто бронхи не въ порядкѣ, и это, конечно, можетъ перейти въ чахотку, ежели не принять мѣрь.

— Вотъ пройдетъ весенняя сумятица — и вамъ легче будетъ,—говорилъ студентъ:—поѣдете домой—тамъ совсѣмъ другой будете. Только въ Петербургъ ужъ—шабашъ! Ежели хотите учиться, такъ отправляйтесь въ другое мѣсто.

— А тяжело умирать?—допытывался отъ него Чудиновъ.

— Смерть никогда не легка, особенно ежели ей предшествуетъ продолжительный болѣзненный процессъ. Бываетъ, что люди годами выносятъ сущую пытку и все-таки боятся умереть. Таковъ ужъ инстинктъ самосохраненія въ человѣкѣ. Вотъ внезапно, сразу умереть—это, говорить,ничего.

Благодаря этимъ разувѣреніямъ, онъ ободрился и сталъ свѣтлѣе смотрѣть на будущее. Конечно, дверь ученья для него уже закрыта, но онъ какъ-нибудь доберется до дома, отдохнетъ, выправится и непремѣнно выполнитъ ту задачу, которая въ послѣднее время начала волновать его. Надо идти туда, гдѣ сгустился мракъ, откуда слышатся стоны, куда до такой степени не проникъ лучъ сознательности, что вся жизнь кажется отданною въ жертву неосмыслиенному обычая,—и не слышно даже о стремлѣніи освободиться отъ оковъ его. Тамъ достаточно и тѣхъ знаній, которыми онъ уже обладаетъ, а ежели ихъ окажется мало, то онъ восполнитъ этотъ недостатокъ любовью, самоотверженiemъ.

Наконецъ, есть книги. Онъ будетъ читать, найдетъ въ чтеніи матеріалъ для дальнѣйшаго развитія. Во всякомъ случаѣ, онъ дастъ, что можетъ, и не его вина, ежели судьба и горькія условія жизни заградили ему путь къ достижению завѣтныхъ цѣлей, которыхъ онъ почти съ дѣтства для себя намѣтилъ. Главное, быть бодрымъ и не растрачивать по-пусту того, чѣмъ онъ уже обладалъ.

Въ его воображеніи рисовалась деревня. Въ сущности, впрочемъ, онъ зналъ ее очень мало, хотя и провелъ все дѣтство бѣзъ съ нею. Главный матеріалъ для знакомства съ деревенскимъ бытомъ ему дали собесѣданія съ новыми знакомцами по общей квартирѣ, но въ матеріалѣ этомъ было слишкомъ много дано мѣста романтическому «несчастному» и упускалось изъ вида конкретное, упорствующее, неподдающееся. Онъ представлялъ себѣ, что нужно только прийти, и не задавался вопросомъ, какъ будетъ принять его приходъ. Согласны ли будутъ скованные

преданіемъ люди сбросить съ себя иго этого преданія? Не пустило ли послѣднее настолько глубокіе корни, что для извлеченія ихъ, кромъ горячаго слова, окажутся нужными и другіе пріемы? Въ чёмъ состоять эти пріемы? Быть-можетъ, въ отождествлениі личной духовной природы пришельца съ подавленностью, охватившею духовный міръ аборигеновъ?

Въ сущности, однако-жъ, въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился, если бы и возникли въ умѣ его эти вопросы, они были бы лишними или, лучше сказать, только измучили бы его, затемнили бы въ-конецъ тотъ лучъ, который хоть на время освѣтилъ и согрѣлъ его существованіе. Все равно, ему ни идти никуда не придется, ни задачи никакой выполнить не предстоитъ. Передъ нимъ широко раскрыта дверь въ темное царство смерти—это единственное ясное разрѣшеніе новыхъ стремленій, которыя волнуютъ его.

Наступило тепло: онъ чаще и чаще говорилъ объ отъѣздѣ изъ Петербурга, и въ то же время быстрѣе и быстрѣе угасалъ. Недугъ не терзалъ его, а изнурялъ. Голова была тяжела и вся въ поту. Квартирные жильцы слѣдили за нимъ съ удвоеннымъ вниманіемъ и даже съ любопытствомъ. Загадка смерти стояла такъ близко, что всѣ съ минуты на минуту ждали ея разрѣшенія.

Однажды, ночью, когда никого около него не было, онъ потянулся, чтобы достать стаканъ воды, стоявшій на ночной столикѣ. Но руки его застыли въ воздухѣ...

Схоронили его на Митрофаньевскомъ кладбищѣ. Ни некролога, ни даже простого извѣщенія объ его смерти не было. Умеръ человѣкъ, искавшій свѣта и обрѣвшій—смерть.

III.

ЧИТАТЕЛЬ.

(Нескольких испытаний характеристикъ).

Для всякаго убѣжденаго и желающаго убѣждать писателя (а именно только такого я имѣю въ виду) вопросъ о томъ, есть ли у него читатель, гдѣ онъ и какъ къ нему относится, есть вопросъ далеко не праздный.

Читатель представляетъ собой тогъ устой, на которомъ всецѣло зиждится дѣятельность писателя; онъ—единственный объектъ, ради котораго горить писательская мысль. Убѣжденность писателя питается исключительно увѣренностью въ воспріимчивости читателей, и тамъ, гдѣ этого условія не существуетъ, литературная дѣятельность представляетъ собою не чтѣ иное, какъ безпредѣльное поле, порошее волчесомъ, на обнаженномъ пространствѣ котораго безцѣльно раздается голосъ, вопіюцій въ пустынѣ.

Доказывать эту истину нѣть ни малѣйшей надобности; она стойть столь же твердо, какъ и та, которая гласить, что для человѣческаго питанія потребенъ хлѣбъ, а не камень. Даже несомнѣнѣйшіе литературные шуты—и тѣ чувствуютъ себя неловко, утрачиваютъ бойкость пера, ежели видять, что читатель не помираетъ со смѣху въ виду ихъ кривляній. Даже тутъ, въ этой клоакѣ человѣческой мысли, чувствуется потребность поддержки со стороны читателя. И не только ради построчной мѣды, но и ради того чувственнаго возбужденія, при отсутствіи котораго самое скроморощество дѣлается вялымъ, безцвѣтымъ и лазойливымъ.

Ежели въ странѣ уже образовалась воспріимчивая чита-

ельская среда, способная не только прислушиваться къ
впечатлѣніямъ человѣческой мысли, но и свободно выра-
жать свою воспріимчивость, — писатель чувствуетъ себя
бодрымъ и сильнымъ. Но онъ глубоко несчастливъ тамъ,
гдѣ масса читателей представляется собой бродячее человѣческое стадо, мятущееся подъ игомъ давленій вицѣнняго
свойства. Даже при увѣренности, что въ этой массѣ не-
мало найдется сердецъ, несущихся навстрѣчу писателю,
это только усугубляетъ скорбь послѣдняго. Онъ вдвое не-
счастливъ: и за себя, и за тѣ преданныя сердца, которымъ
горѣніе ихъ ничего не можетъ дать, кромѣ сознанія тем-
наго и безвыходного порабощенія.

Поэть, въ справедливомъ сознаніи свѣтозарности совер-
шаемаго имъ подвига мысли, имѣть полное право восклик-
нуть, что онъ — глаголомъ жгетъ сердца людей; но при
даннѣхъ условіяхъ слова эти были только отвлеченою
истиной, близкой къ самообольщенію. Когда окрестъ ца-
рить глубокая ночь, — та ночь, которую никакой свѣтъ
не въ силахъ объять, — тогда не можетъ быть мѣста для
торжества живого слова. Сердца горѣть, но огонь ихъ не
проникаетъ сквозь густоту мрака; сердца боятся, но бѣ-
ніе ихъ не слышно сквозь толщу желѣзъ. До тѣхъ поръ,
пока не установилось прямого общенія между читателемъ
и писателемъ, послѣдній не можетъ слитать себя исполн-
ившимъ свое призваніе. Могучий — онъ обезсиленъ; вла-
ститель думъ — онъ рабъ безумныхъ бормотаній слу-
чайныхъ добровольцевъ, успѣвшихъ захватить въ свои
руки ярмо.

Звуча наудачу, рѣчь писателя превращается въ назой-
ливое сотрясеніе воздуха. Слово утрачиваетъ ясность, вну-
треннее содержаніе мысли ограничивается и суживается.
Только одинъ вопросъ стоитъ вполнѣ опредѣленно: къ чему
растрачивается пламя души? кого оно грѣеть? на кого
проливаетъ свой свѣтъ?

Повторю: несчастіе въ этомъ случаѣ такъ глубоко, что
никогда не останется беззѣднымъ. Я не говорю о себѣ
лично, но думается, что всякий убѣжденный русскій писа-
тель испыталъ на себѣ вліяніе подобной изолированности.
Всякій на каждомъ шагу встрѣчался и съ ненавистью, и съ
безчестными передержками, и съ равнодушіемъ, и съ
насмѣшкой; рѣдко кому улыбнулось прямое, осязательное
сочувствіе. Послѣднєе такъ далеко затерялось въ читатель-
ской массѣ, что лишь предположительно можетъ ободрить.

писателя. Зато минуты подобного ободрения — самые дорогие въ жизни.

Я не претендую здѣсь подробно и вполнѣ опредѣльно разобраться въ читательской средѣ, но постараюсь характеризовать хоть некоторые изъ категорій. Мне кажется, что это будетъ не бесполезно для самого читающаго люда. До тѣхъ поръ, пока не выяснится читатель, литература не приобрѣтетъ рѣшающаго вліянія на жизнь. А послѣднее условіе именно и составляетъ главную задачу изъ существованія.

1.—Читатель-ненавистникъ.

Начну съ читателя-ненавистника.

Ненавидѣть дозволяется. Убѣжденному писателю необходимо знать о существованіи этой привилегіи, потому что онъ встрѣчается съ нею съ первого же шага на своемъ трудовомъ пути. Дозволяется ненавидѣть не только убѣженія писателя и произведенія, въ которыхъ онъ выражаетъ ихъ, но и самую личность его. Распускать о немъ невѣроятные слухи, утверждать, что онъ не только писатель, но и «дѣятель», — разумѣется, въ извѣстномъ смыслѣ; предумышленно преувеличивать его вліяніе на массу читателей; намекать на его участіе во всѣхъ смутахъ; ходатайствовать «въ особенное одолженіе» объ его обузданіи и даже о принятіи противъ него мѣры — вотъ задача, которую неутомимо преслѣдуется читатель-ненавистникъ.

Это читатель самый ревностный и неизмѣнныи. Онъ не просто читаетъ, но и вникаетъ; не только вникаетъ, но и истолковываетъ каждое слово, пестрить поля страницъ вопросительными знаками и замѣтками, къ которыхъ заранѣе произносить надѣль писателемъ судь, сообщаешь о вынесенныхъ изъ чтенія впечатлѣніяхъ друзьямъ, женѣ, дѣтямъ, брыжжетъ, по поводу ихъ, слюною въ департаментахъ и канцеляріяхъ, наполняетъ вооплями кабинеты и салоны, убѣждаетъ, грозитъ, доказываетъ существованіе вулкана, витѣствуетъ на тему о потрясеніи основъ и т. д. Словомъ сказать, всякий новый трудъ писателя приводить читателя-ненавистника въ суматошливое неистовство.

Разновидность эта въ особенности размножилась въ позднѣйшее время. И прежде не было въ ней недостатка, но

зна была не вполнѣ увѣрена въ своихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ и, сверхъ того, встрѣчала отпоръ. Въ самомъ дѣлѣ, трудно, почти немыслимо, среди общаго мира, утверждать, что общественные основы потрясены, когда онъ, для всѣхъ видимо, стоятъ неизмѣнными въ тѣхъ самыхъ формахъ и съ тѣмъ содержаніемъ, какія завѣщаны историческимъ преданіемъ. Для того, чтобы приблизиться къ тому грубому идеалу клеветы, необходимо отождествить его съ вопросомъ объ умѣстности или неумѣстности общественного развитія, а это даже для самыхъ заклятыхъ ненавистниковъ не всегда удобно. Всякій столоначальникъ противъ подобной претензіи возопіетъ.

— Помилуйте! — скажетъ онъ: — сколько лѣтъ я изо дня-въ-день хожу въ департаментъ и никакихъ потрясеній не вижу. Какъ и всегда, мы встаемъ съ мѣста при появлѣніи начальника отдѣленія; какъ и всегда, я исправно и безпрепятственно выполняю свой дневной бюрократической трудъ. Въ какомъ видѣ представлялось «дѣло» въ прежнее время, въ такомъ же оно представляется и теперь. Что же касается до развитія, то вопросъ объ умѣстности его искони решенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и ежели въ послѣднее время оживился нѣсколько болѣе, то причина этого явленія заключается въ томъ, что накопились и умножились самые запросы жизни. Это не потрясеніе, не разрывъ съ прошлымъ, а развитіе, именно только развитіе прошлаго. Если бы его не было, если бы оно не существовало *всегда*, то и наша бюрократическая дѣятельность заглохла бы; не зачѣмъ было бы въ департаментъходить, иначе было бы направлять. Такъ и директоръ нашего департамента говорить, и даже радуется.

Отпоръ такого рода оставлялъ ненавистника безответнымъ. Онъ не настаивалъ, а только какъ бы мимоходомъ бросалъ навстрѣчу: — «Вотъ увидите!» — и до времени умолкалъ.

Такъ было еще недавно, на нашихъ глазахъ. Но даже и въ самыя благопріятныя минуты, которыя удалось прожить русскому обществу, ненавистничество никогда не считалось чудовищнымъ и позорнымъ. Чудачество и старозавѣтность — вотъ единственные эпитеты, которые болѣе или менѣе добродушно присваивались ему. Никому не приходило на мысль, что ненавистникъ заключаетъ въ себѣ неистощимый источникъ всевозможныхъ раздоровъ, смутъ и переполоховъ, что рѣчи его вливаютъ ядъ въ сердца, по-

страшатъ общественную совѣтъ и вообще наносить неизнаградимый вредъ тѣмъ самымъ основамъ, на защиту которыхъ они произносятся. Совѣтъ напротивъ. Предполагалось, что эти забѣсившися люди—чудаки, по чѣто, во всякомъ случаѣ, исходный пунктъ ихъ бѣшенства имѣть характеръ благонамѣренный. Выслушивать ихъ брюжаніе не особенно пріятно, но вѣдь выслушивание и не обязательно. Пускай по пустому сотрясаютъ воздухъ — кого же можетъ потревожить это сотрясаніе? Кто расположень слѣдоватъ ихъ увѣтамъ? Въ строгомъ смыслѣ, ихъ нельзя даже осуждать, потому что ихъ дѣйствія и рѣчи свидѣтельствуютъ о глубинѣ усердія и ревности. Въ крайнемъ случаѣ, на нихъ можно даже надѣяться: они не выдадутъ.

Благодаря такимъ благодушнымъ сужденіямъ, ненавистники имѣли возможность жить безмятежно и выжидать. По временамъ они лицемѣрили: говорили, что они не противъ жизненного преуспѣянія, а исключительно только противъ потрясанія основъ, и когда ихъ, такъ сказать, прижимали къ стѣнѣ и требовали фактическихъ указаний, они хитро подмигивали, говоря:

— Ну, согласитесь однако-жъ... немножко-таки есть.

Это была стереотипная фраза, которая прекращала всякий споръ. Ежели она ничего не доказывала, то не давала мѣста и возраженіямъ. Она всесѣло, всей своей глупостью и безсодержательностью, залегала въ сердце слушателя-простеца, который, улыбаясь, безсознательно повторялъ:

— Немножко-таки есть.

Я думаю, что покуда длилось такое относительно мягкое общественное настроеніе, ненавистники очень страдали. Но все-таки навѣрное можно сказать, что они не отчаявались и собирали материалы для будущаго похода. Правда, ихъ огорчало, что многое изъ этихъ материаловъ со временемъ выдохнется и потеряетъ цѣнность, но жизнь каждый день приносить новость за новостью, и запасъ все-таки будетъ достаточный. Но чѣто всего важнѣе—выжиданіе не только не охлаждаетъ ненависти, а, напротивъ, подогреваетъ ее, дѣлая болѣе живою. Явиться въ данную минуту во всеоружіи и съ совершенно сѣжими силами—это тоже представляетъ существенную выгоду.

Минуту эту приводить за собой единичныя событія, источники которыхъ не имѣть съ литературой ничего общаго, но пріурочивается къ ней съ самою позорною не-

принужденностью. Съ наступлениемъ ожиданного момента ненавистникъ - читатель пробуждается. Пробуждение это ужасно не только по памѣреніямъ, но и по своей безъисходной безсмыслицѣ, по тому изумительному довѣрію, съ которымъ эта безсмыслица принимается. Слышатся вопросы: дождались? убѣдились? Приводятся цитаты, дѣлаются соотвѣтствующія толкованія; атмосфера насыщается сквернословіемъ и клеветою; злоба принимаетъ такіе дѣятельные размѣры, что все живое прячется и исчезаетъ. И тотъ же самый столоначальникъ, который еще недавно такъ увѣренno и резонно возражалъ ненавистнику, смотрить на него полуобезумѣвшими глазами и... соглашается. Искренно ли онъ убѣдился въ томъ, что въ проклятияхъ ненавистника заключается истина, и какая именно, абсолютная или истина данной минуты,—разгадать трудно, но, во всякомъ случаѣ, онъ настолько ошеломленъ, что вызвать его изъ этого ошеломленія стонть и времени, и усилий.

Успѣху ненавистника, главнымъ образомъ, способствуетъ то, что онъ никогда настоящимъ образомъ не умолкалъ, но, какъ я уже сказалъ выше, даже въ самыя льготныя эпохи безпрепятственно велъ свою пропаганду подъ болѣе скромною формой чудачества и брюжанія. Его можно было упрекать въ назойливости, но никому не приходило въ голову обвинять въ развращеніи общественной мысли. Думали, что онъ иѣсколько преувеличиваетъ значеніе благонамѣренности, но вотъ теперь на повѣрку оказывается, что онъ не только не преувеличивалъ, а даже былъ мягокъ и снисходителенъ. Онъ и теперь все тотъ же, каковъ быль всегда, но только фортуна улыбнулась ему, и, благодаря этому, злоба его вышла изъ береговъ, и онъ окрысился. Въ сущности, онъ оправдалъ свое назначеніе. Всегда была надежда, что въ данную минуту онъ не выдастъ; теперь эта минута наступила, — онъ и не выдаетъ. Онъ ходить по стогнамъ города и гремитъ проклятиями; собственный его организмъ весь потрясенъ отъ переполненія злобой и ненавистью, но онъ скорѣe согласится пасть подъ тяжестью своей разъѣдающей работы, нежели прекратить ее. Всмотришься, какъ онъ рѣзокъ и боекъ, какъ быстро несутъ его ноги туда, гдѣ чувствуется возможность пролить кровь. Сейчасъ онъ сдава не задохся, но пришла минута — и онъ опять во всеоружіи. Страшно подумать, какую массу зла онъ можетъ создать при своей судорожной дѣятельности.

Онъ продолжаетъ усердно читать, но теперь ужъ не со-

бираетъ своего мѣда въ сотѣ, а прямо несетъ его на торжище. Вотъ что напечатано и пропущено — и вотъ какъ слѣдуетъ это напечатанное толковать; вотъ какія мысли, благодаря такому-то (имя рекъ), дѣлаются общими достояніемъ — и вотъ какъ слѣдуетъ ихъ понимать. Такъ лаеть этотъ пѣсъ, самочинно ставшій на стражѣ, и простецы съ разинутыми ртами внимаютъ ему. Все въ этомъ лай сумбурно, невнятно и распнуто, но простецъ обладаетъ да-ромъ отгадыванія. Онъ сердцемъ чуетъ, что цитируемый писатель — не его поля ягода, и вмѣстѣ съ ненавистникомъ закипаетъ безознательною злобою.

Встрѣчаются такие ненавистники, которыхъ даже прочие обраты по ремеслу инстинктивно чуждаются, изъ опасенія не поспѣть за ними и быть сопричисленными къ разряду неблагонадежныхъ. Особи этого рода дѣйствуютъ въ одиночку, капризно и неожиданно; при появлѣніи ихъ все смолкаетъ. Напротивъ, большинство ненавистниковъ по наружности можно принять за обыкновенныхъ, не особенно умныхъ людей, которые по недомыслу чего-то сильно испугались, но которымъ не чуждъ обычный процессъ человѣческаго существованія. Они дышать, поють, фыркать, живутъ въ семьяхъ, имѣютъ дѣтей, посѣщаются публичныя мѣста, общество и проч. Въ сущности, однако-жъ, эти псевдо-человѣки даже опаснѣе ненавистниковъ-одиночекъ. Послѣдніе прямо внушаютъ къ себѣ отвращеніе и страхъ, а первые могутъ подкупить личною ревностию къ общественнымъ интересамъ. Ненавистникъ-одиночка, не скрываясь, говоритъ: я твой врагъ, и ты ничего, кроме ежовыхъ рукавицъ, отъ меня не жди! Ненавистникъ обыкновенный, напротивъ, можетъ даже прикинуться другомъ. Нерѣдко убѣжденнаго писателя обступаетъ цѣлая толпа доброжелателей, которые вышытываютъ его мысль и, успѣхъ въ своемъ предательскомъ предпріятіи, отдаютъ эту мысль, — разумѣется, снабженную своеобразными комментаріями, — въ жертву поруганію.

Минуты подобнаго нравственнаго разложенія, минуты, когда въ обществѣ растетъ запросъ на распрю, клевету и предательство, могутъ быть названы самыми скорбными въ жизни убѣжденнаго писателя. Не столько ради личнаго страха, сколько въ виду общей паники, онъ умолкаетъ, и вмѣстѣ съ нимъ умолкаетъ и вся убѣжденная литература. Среди этого молчанія раздается односторонній лай, отъ котораго тоскливо сжимается сердце: изъ дома въ домъ пе-

ренесятся слухи самого чудовищного свойства и принимаются на вѣру безъ малѣйшаго анализа. Неясное гудѣніе улицы, смущенныя лица друзей, безцѣльная суетолока дня, шорохи ночи—все наводитъ уныніе, все сковываетъ душу безсиліемъ. Дѣваться некуда отъ тоски и бездѣйствія.

Ненавистничество не довольствуется, впрочемъ, улицею, но проникаетъ и въ писательскую среду. Ненавистникъ самъ становится въ ряды писателей и мало-по-малу овладѣваетъ литературой всецѣло. Положеніе обостряется, припоминается прошлое, истолковывается настоящее, столбцы наполняются инсинуаціями и обличеніями. Самые скромные идеалы, стремленія самыя законныя, даже описки, опечатки—все служить поводомъ для угрозъ. Отпора не допускается на точномъ основаніи пословицы: что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. Съ обѣихъ сторонъ вырублено топоромъ: и со стороны обвиняемой, которая и не пытается защищать себя, и со стороны обвинителей, которые не имѣютъ ни малѣйшей надобности доказывать. Топоръ такъ топоръ.

Дѣятели, которые бодро выносятъ на своихъ плечахъ бремя подобныхъ общественныхъ настроений, оказываются громадную услугу дѣлу преуспѣянія. Благодаря ихъ усиленіямъ, хоть частица послѣдняго ускользаетъ отъ разграбленія. Она свято сохранится подъ спудомъ, и когда наступить время, явится возможность отъ ея уцѣлѣвшихъ искръ возжечь новый свѣтъ. Да и самое слово «литература» никогда не погибнетъ, какъ бы ни изнемогала она подъ игомъ ненавистническаго срама. Надо изгнать его изъ употребленія, замѣнить словомъ «срамъ», чтобы добиться какихъ-нибудь существенныхъ результатовъ въ смыслѣ подавленія человѣческой мысли. Только тогда наступить дѣйствительное общественное разложение.

Но покуда большинство «убѣждѣнныхъ» все-таки изнемогаетъ и приносится въ жертву празднымъ лаятелямъ. Къ счастію, въ самомъ лагерь литературныхъ лаятелей уже замѣчается рознь. Исходя изъ однихъ и тѣхъ же основныхъ пунктовъ, члены этого лагеря стараются осыпать другъ друга сквернословіемъ, чтобы щегольнуть передъ подищечикомъ. Кромѣ основныхъ пунктовъ, существуетъ множество нестѣящихъ ломанаго гроша подробностей, которыхъ даютъ обильную пищу для разногласій и обличеній. Газета «Помон» ежедневно прециается съ газетой «Пріютъ уединенія», и обѣ не жалѣютъ ни усилій, ни словъ, чтобы

укошить другъ друга въ измѣнѣ. И та, и другая хотятъ служить дѣлу ненавистничества на свой манеръ и вовсе не имѣютъ намѣренія сознаться, что обѣ равно паскунды.

Впрочемъ, увлекшись вопросомъ о ненавистнической литературѣ, я невольно удалился отъ характеристики читателя-ненавистника. Къ удовольствію моему, мнѣ остается сказать о немъ лишь нѣсколько словъ.

Откуда явился ненавистникъ-читатель, и какія условія породили его? Вышелъ ли онъ съ сердцемъ, исполненнымъ праха, изъ утробы матери, или же его создала такимъ жизнь?

Nascuntur или fiunt съятели общественныхъ раздоровъ? — вотъ вопросъ, который не лише, въ заключеніе, разъяснить.

Я полагаю, что не nascuntur, а fiunt. Природа, даже въ мірѣ физическомъ, настолько скуча на созданіе уродливостей, что ублюдки и калѣки отъ рожденія встречаются какъ исключеніе. Нравственный же міръ совершенно недоступенъ для ея творчества. Нуженъ цѣлый рядъ заражающихъ примѣровъ, цѣлая растлѣвающая система воспитанія, наконецъ, продолжительный жизненный процессъ, въ которомъ главное содержаніе составляеть праздность, чтобы произвести нравственное чудовище. Но всего болѣе появленію ненавистниковъ способствуютъ такъ-называемыя переходныя эпохи, когда ощущается необходимость новыхъ жизненныхъ устоевъ, а общество настолько не подготовлено, что не можетъ отыскать ихъ. Въ такія эпохи выbrasывается на улицу громадное множество материально и нравственно оголтѣлыхъ личностей и находить себѣ питаніе въ совершающемся броженіи. Происходитъ адскій процессъ взаимнаго оплодотворенія. Оголтѣлые люди даютъ 'лицу' и развитіе броженію; броженіе, съ своей стороны, укрываетъ и даѣтъ питаніе оголтѣлымъ людямъ.

Въ рядахъ ненавистниковъ вы найдете всѣхъ, которыхъ внезапно наступившее броженіе застигло врасплохъ. Иныхъ оно лишило лакомаго куска, другихъ изобличило въ несостоятельности, третьимъ затворило двери будущаго. Въ особенности встрѣчается великое изобиліе «замаранныхъ», которые отдаются ненавистничеству въ надеждѣ, что оно поможетъ имъ «очиститься». Я зналъ даже достаточно жертвъ старыхъ порядковъ, выкинутыхъ за бортъ общественного корабля, вслѣдствіе завѣдомой ихъ лазорности, которые вновь появлялись на зрену дѣятельности и не безъ успѣха выполняли задачу ненавистничества. Нѣкоторые изъ нихъ,

озлобленные, голодные и безпріютные, находили себѣ не только кусокъ хлѣба и пріютъ, но и настоящую сытость, и приличное общественное положеніе...

Такъ какъ ненавистничество есть, по преимуществу, плодъ самаго низменнаго эгоизма и взбутораженнаго темперамента, то между поборниками этого ремесла очень рѣдко можно встрѣтить личность, способную доказать свои положенія. Громадное большинство бродить какъ опьянилое, изрыгая безмысленную хулу. Вся задача тутъ въ томъ состоять, чтобы попасть въ тонъ минутъ и извлечь изъ нея всѣ личныя выгоды, которыя она можетъ дать. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоять только обратиться къ торжествующей прессѣ нашего времени. Чтѣ она представляетъ собой, какъ не случайный сбродъ задачъ и задачекъ, не связанныхъ между собой руководящою мыслью и не допускающихъ никакой провѣрки? Отъ первой строки до послѣдней все здѣсь произвольно, ничѣмъ не обусловлено и исполнено противорѣчій. Сегодняшнее утвержденіе смѣняется завтрашнимъ опроверженіемъ безъ перехода и безъ малѣйшаго опасенія быть изобличеннымъ. Только ненависть къ честнымъ и высокимъ идеаламъ жизни стоитъ неизмѣнно и незыблемо, освѣщающая своимъ распространяющимъ чадъ факеломъ путь распри, умственной смуты и лжи.

2.—Солидный читатель.

Читатель этой категоріи слѣдуетъ непосредственно за читателемъ-ненавистникомъ. Они связаны узами общежитія, хлѣбосольства и называютъ другъ друга кумовьями. Въ нравственномъ смыслѣ онъ безразличенъ и потому не можетъ идти въ сравненіе съ читателемъ-ненавистникомъ; но въ практическомъ отношеніи онъ почти столь же вреденъ, какъ и послѣдній. Это оплотъ, на который, по преимуществу, опирается ненавистничество; это всегда готовое и послушное воинство, въ которомъ послѣднее почерпаетъ свою силу, и притомъ воинство, прислушивающееся къ малѣйшимъ общественнымъ шорохамъ и способное выдѣлить изъ себя перебѣжчика.

Къ чтенію солидный читатель не особенно пристрастенъ и читаетъ не столько вслѣдствіе внутренней потребности, сколько вслѣдствіе утвержденвшейся привычки. Притомъ

нельзя же и не знать, что на свѣтѣ дѣлается: безъ этого никакое дѣятельное участіе въ общественной жизни немыслимо. Поѣдешь въ гости, а тамъ вдругъ вопросъ: «слышали, что такой-то налогъ провалился?»... или: «слышали, какую штуку нѣмцы съ Шнебеллэ удали?.. Умора!» Ради одного того, чтобы не разѣвать рта при подобныхъ вопросахъ, надо хоть искрою пробѣжать насущныя новости. Такъ онъ и поступаетъ: съ пятаго на десятое проглядываетъ за утреннимъ чаемъ свою газету, останавливаясь преимущественно на телеграммахъ и распоряженіяхъ. Въ какихъ-нибудь десять минутъ пріобрѣтаетъ всѣ необходимыя, чтобы не ударить лицомъ въ грязь, познанія—и правъ на цѣлый день. Не только выслушивать вопросы о Шнебеллэ въ состояніи, но и самъ предлагать таковые способенъ.

И даже считаетъ разговоры о новостяхъ дня небезполезными: улучить свободную минутку и покалываетъ. И время въ гостяхъ скорѣе пройдетъ, покуда хозяинъ не скомандуетъ карты подать, да и поученіе какое-нибудь изъ взаимнаго обмѣна новостей можно извлечь, не обременяя себя головоломными философствованіями. Потому что и безъ философствованія ясно, что Шнебеллэ сплюшь, а нѣмцы—молодцы! И еще яснѣе: вотъ такъ штука! налогъ-то не прошелъ!

Тѣмъ не менѣе, въ эпохи, когда въ обществѣ чувствуется оживленіе, солидный читатель ощущаетъ потребность вникать. Не ограничивается одними мелкими извѣстіями, но прочитываетъ передовыя статьи и корреспонденціи,—въ особенности послѣднія. Но такъ какъ оживленіе бываетъ въ томъ или другомъ смыслѣ, то и онъ вникаетъ всяко: и въ томъ, и въ другомъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, приступая къ процессу вниканія безъ подготовки, онъ вѣкоторое время бываетъ слегка ошеломленъ. Все ему кажется новымъ: и необычность приемовъ, и содержаніе читаемаго. Въ льготное время провинциальная корреспонденція приводятъ его почти въ восторженное состояніе. Прочитавши въ газетѣ письмо изъ города На-трехъ-китахъ-стоящаго, что тамошний исправникъ небрежетъ исполненіемъ возложенныхъ на него закономъ обязанностей, онъ восклицаетъ:

— Вотъ какъ ошибарили! До новыхъ вѣниковъ не забудетъ! Ай да молодцы!

И непремѣнно расскажетъ о прочитанномъ вечеромъ, между двумя карточными сдачами, въ доказательство, что и онъ не чуждъ гласности.

Но когда въ воздухъ пасчеть гласности чувствуется похолоднѣе, онъ, прочитавши подобное же обличеніе, случайно прорвавшееся въ газету, уже относится къ нему довольно угрюмо:

— Ну, братъ, распѣлся!—обращается онъ мысленно къ неосторожному корреспонденту.—Коли такъ будешь продолжать, то тутъ тебѣ и капутъ!

И на другой или на третій день, убѣдившиесь, что слова его были звѣщими («капутъ» совершился), не преминеть похвалиться передъ прочими солидными читателями:

— Представьте себѣ! Я вѣдь точно чуялъ. Еще вчера, читаю газету и говорю: ну, этому молодцу не сдѣловать. Такъ и случилось.

Повторяю, солидный читатель относится къ читаемому, не руководясь собственнымъ починомъ, а соображаясь съ настроениемъ минуты. Но не могу не сказать, что хотя превращенія происходятъ въ немъ почти безъ участія воли, но въ льготныя минуты онъ все-таки чувствуетъ себя веселѣе. Потому что самая окаменѣлая солидность инстинктивно чуждается злопыхательства, какъ нарушающаго душевный миръ.

— Диковинное это дѣло,—весело говорить онъ:—какая нынче свобода дана! Читаешь и глазамъ не вѣришь! Прежде бы этого самого господина корреспондента, за такие его поступки, за ушко да на солнышко, а нынче — ничего!.. Начальство только посмѣвается. Да вѣдь оно и вправду: пора господамъ исправникамъ честь знать.

Читателя-ненавистника онъ боится... Послѣдній давить его своею угрюмостью, и необходимость справляться съ его миѳніями и слѣдовать его указаніямъ представляеть не очень пріятную перспективу. Того гляди, кому-нибудь на ушко шепнешь или при всѣхъ въ глаза ляпнешь:

— Ну, чтѣ, господинъ Попрыгунчиковъ, допрыгался! «Ахъ, хорошо, что исправникамъ отъ свистуновъ на орѣхи достается!» «Ахъ, хорошо, что и до губернаторовъ добрались!» Вотъ тебѣ и допрыгался! Расхлебывай теперь!

Или:

— А все вы, господа Попрыгунчиковы! Все-то вы похваливаете, все-то подвилываете! Виляли-виляли хвостами, да и довилялись! А знаете ли, что за это васъ, какъ укрывателей, судить слѣдуетъ? Вместо того, чтобы стоять на стражѣ и кому слѣдуетъ дождить—они натко что выдумали! Поддакивать свистунамъ! Срамъ, сударь!

Это онъ-то довилялся! Онъ, который всегда всѣмъ сердцемъ... куда проче, туда и онъ! Но дѣлать нечего, приходится выслушивать. Такой ужъ насталь чередъ... «ихній»! Вчера была оттепель, а сегодня — морозъ. И лошадей на зимня подковы въ гололѣдицу подковываютъ, не то что людей! Но, главное, оправданій никакихъ не допускается. Онъ обязанъ быть стоять на стражѣ, обязанъ предвидѣть — и все тутъ. А впрочемъ, вѣдь оно и точно, если по правдѣ сказать: былъ за нимъ грѣшокъ, былъ!

Онъ мысленно обращается къ прошлому и припоминаетъ. Всѣ тогда такъ говорили, именно всѣ. Даже директоръ департамента. Всѣ поднимали на смѣхъ ненавистнику, и это считалось не подвиливаніемъ, а признаніемъ истинныхъ интересовъ минуты. Кто же могъ знать, что на мѣсто «истинныхъ» интересовъ минуты выступятъ на сцену еще болѣе истинные? Кто могъ предвидѣть, что этотъ самый директоръ департамента, который такъ самонадѣянно несъ голову навстрѣчу громкимъ дѣламъ, внезапно понурить ее и весь наполнится бормотаніемъ? Развѣ солидные люди для того созданы, чтобы предвидѣть? Нѣть, ихъ назначеніе въ томъ состоять, чтобы слѣдовать указаніямъ и не отступать отъ общаго настроенія. Куда проче — туда и онъ!

За всѣмъ тѣмъ, онъ понимаетъ, что часть ликвидациіи насталь. Въ былое время онъ безъ церемоній сказать бы ненавистнику: пустое, кумъ, мелешь! А теперь обязывается выслушивать его, стараясь не проронить ни одного слова и даже опасаясь разсердить его двусмысленнымъ выражениемъ въ лицѣ. Факты налицо, и какіе факты!

Анализировать эти факты, въ связи съ другими жизненными явленіями, онъ вообще неспособенъ, но, кроме того, ненавистникъ, услыхавъ о такой претензіи, пожалуй, такъ цыркнетъ, что и ногъ не унесешь. Нѣть, лучше ужъ молча идти за теченіемъ, благо ненавистникъ, благодаря кумовству, относится къ нему благодушно и скорѣе въ шутливомъ тонѣ, нежели серьезно, напоминаетъ о недавнихъ проказахъ.

Поэтому даже въ тѣсномъ семейномъ кругу, за домашнимъ обѣдомъ, ежели женѣ или кому-нибудь изъ дѣтей случится обмолвиться лишнимъ словомъ, солидный читатель спѣшить прекратить дальнѣйшее развитіе рѣчи.

— Ахъ, матушка, пора эти разговоры оставить! — говорить онъ. — Изба моя съ краю — ничего не знаю! Вѣдь правило, которымъ мы должны руководствоваться, а не то чтобы чтоб...

Однако, съ течениемъ времени, и это скромное правило перестаетъ ужъ казаться достаточнымъ. Солидный человѣкъ все больше и больше сближается съ ненавистникомъ, благоговѣю выслушиваетъ его и поддакиваетъ. Повидимому, онъ находитъ это и небезвыгоднымъ для себя. Наконецъ, онъ и за собственный счетъ начинаетъ раздувать въ своемъ сердцѣ пламя ненавистничества.

— А что вы думаете! — говорить онъ: — все зло именно въ этой пакостной литературѣ кроется! Я бы вотъ такого-то... Не говоря худого слова, ой-ой какъ бы я съ нимъ поступить! Надо зло съ корнемъ вырвать, а мы мямлимъ! Пожаръ ужъ силу забралъ, а мы только пожарныя трубы изъ сараевъ выкатываемъ!

— Ну, да, ну, да! — поощряеть его собесѣдникъ-ненавистникъ: — вотъ именно это самое и есть! Наконецъ-то ты догадался! Только, братъ, надо пожарныя трубы всегда готовы держать, а ты, къ сожалѣнію, свою только теперь выкатилъ! Ну, да на этотъ разъ Богъ проститъ, а на будущее время будь ужъ предусмотрительнѣе. Не глумись надъ исправниками вмѣстѣ съ свистунами, а помни, что въ своемъ родѣ это тоже предержащая власть!

Выслушавъ эту нотацію отъ одного кума, солидный человѣкъ направляетъ свои стопы, къ другому куму и отъ него выслушиваетъ такую же нотацію,

Наслушавшись вдоволь, онъ выходитъ на улицу и тамъ встрѣчается съ толпой простецовъ, которые, распахня ротъ, бѣгутъ, куда глаза глядятъ. Вездѣ раздается паническое бормотаніе, слышатся несмысленные рѣчи. Сѣмена ненавистничества глубже и глубже пускаютъ корни и, наконецъ, приносятъ плодъ. Солидный читатель перестаетъ быть просто солидный и потихоньку да полегоньку переходить въ лагерь ненавистниковъ.

Я, впрочемъ, не говорю, что онъ останется въ этомъ лагерѣ навсегда, но, во всякомъ случаѣ, не покинетъ его до тѣхъ поръ, пока новые и вполнѣ рѣшительные факты не вызовутъ его изъ состоянія осторженія и не бросятъ въ противоположную сторону.

Въ столицахъ и вообще въ густо населенныхъ центрахъ солидные читатели представляютъ особы довольно многочисленную и тѣмъ болѣе выдающуюся, что они вербуются преимущественно въ чиновничихъ рядахъ. Не особенно это крупные чины, а все-таки свою роль сыграть могутъ. Да и лѣстница чиновъ достаточно подвижна; сегодня какой-

нибудь мелкотравчатый внизу копошится, а завтра онъ ужъ, смотришь, наверхъ влѣзъ. При помощи безчисленаго множества нравственныхъ подспорій, всегда готовыхъ къ услугамъ алчущихъ, подобная превращенія нерѣдки. Недаромъ спросъ на благовонные товары усиливается. Это означаетъ, что народилась цѣлая уйма солидныхъ людей, которые уже не довольствуются скромнымъ казанскимъ мыломъ, но, въ виду обуявшей ихъ жажды почестей и оживленія надеждъ, начинаютъ ощущать потребность въ болѣе тонкихъ мылахъ, съ запахомъ въ родѣ *Violette de Parme* или *Foin coupé*.

Эта особенность солиднаго читателя дѣластъ замѣтныемъ его вліяніе на общее настроение читательской среды. Подобно своему куму-ненавистнику, онъ имѣеть возможность высказываться. И ежели его мнѣнія не такъ рѣшительны и образны, какъ мнѣнія ненавистника, то, во всякомъ случаѣ, безобидны и благонамѣрены. А сверхъ того они и тѣмъ еще удобны, что высказываются во всѣхъ направленіяхъ.

Вотъ почему убѣжденный писатель, дѣйствующій почти исключительно въ городскихъ центрахъ, такъ часто встрѣчается съ рѣзкими превращеніями въ читательской средѣ. Починъ въ этомъ случаѣ принадлежить ненавистникамъ, за которыми рабски слѣдуетъ по пятамъ воинство солидныхъ читателей. Подъ ихъ давленіемъ впадаетъ въ беззапятство читатель-простецъ, и съ болю въ сердцѣ стушевывается читатель-другъ. Складывается совсѣмъ особое общественное мнѣніе, до неузнаваемости потрясенное въ самыхъ основаніяхъ. Или, говоря болѣе вразумительно, происходитъ волшебство, которому долгое время отказываются вѣрить глаза.

Такое положеніе вещей можетъ продлиться неопределенное время, потому что общественное теченіе, однажды проложивши себѣ руло, неохотно его менять. И опять-таки въ этомъ косицѣ очень существенную роль играетъ солидный читатель. Забравшись въ мурью (какой бы то ни было окраски), онъ любить понѣжиться и потягивается въ ней до тѣхъ поръ, пока блохи и другая нѣчисть не заставятъ высокочить. Тогда онъ съ несвойственною ему стремительностью выбѣгаешь наверхъ и высмотриваетъ, куда укрыться.

Повторю: роль солиднаго читателя приобрѣтаетъ превысоченное значеніе, благодаря тому, что у насъ общественная жизнь со всѣми ея вѣяніями складывается пре-

имущественно въ столицахъ и большихъ городахъ, гдѣ солидные люди, несмотря на свою сравнительную немногочисленность, стоять на первомъ планѣ. Вмѣстѣ съ ненавистниками, они одни имѣютъ возможность возвышать голосъ, не рискуя вызвать подозрѣнія и улики въ измѣнѣ, и тяготѣть надъ прочими общественными слоями, осужденными на безмолвіе и пассивность. А провинциальная захолустья даже совсѣмъ не принимаются въ разсчетъ. Предполагается, что тамъ царить фаталистическая тьма, которую можетъ разогнать только свѣтъ, источающійся изъ ненавистническихъ и солидныхъ городскихъ сферъ. Этотъ свѣтъ она должна признать для себя обязательнымъ.

Сверхъ того, успѣхамъ солиднаго человѣка, его тяготѣнію на общественное настроеніе не мало способствуетъ и низменность его нравственнаго и умственнаго уровня. Въ нравственномъ смыслѣ онъ настолько безразличенъ, что никакихъ руководящихъ принциповъ не признаетъ; въ умственномъ смыслѣ онъ не развитъ и въ высшей степени невѣжественъ. Но, къ удивленію, это-то именно и даетъ ему право на вниманіе. Онъ сыплетъ афоризмами самого первоначального свойства, цитируетъ пословицы, въ которыхъ преимущественно замыкается мудрость вѣковъ, и толпа простецовъ съ довѣріемъ внимаетъ ему. Ибо, собственно говоря, только такія вполнѣ безодержательныя рѣчи и доступны ей. А такъ какъ простецы составляютъ главное ядро читательской и вообще дѣйствующей массы, то запавшія въ ея слухъ азбучныя поученія не пропадаютъ безследно, но съ быстротою молніи разносятся во всѣ концы.

Только сильный наплывъ фактovъ, дѣлающихъ невозможнымъ упорное слѣдованіе по пути, намѣченному пословицами и азбучными истинами, можетъ положить предѣль этому печальному недомыслю. Но факты такого рода накапливаются медленно, и еще медленнѣе виѣдрияется довѣріе къ нимъ. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ такъ, что фактъ уже вполнѣ созрѣлъ и приобрѣлъ всѣ права на безспорность, а общественное мнѣніе все еще не решается признать его. Конечно, всякому случалось — и нерѣдко — слышать такія рѣчи:

— Э, батюшка! и мы проживемъ, и дѣти наши проживутъ — для всѣхъ будетъ довольно и того, что есть! На насыженномъ-то мѣстѣ живется и теплѣе, и уютнѣе — чего еще искать! Старикъ Крыловъ былъ правъ: помните, какъ

голубь полетѣлъ странствовать, а воротился съ перешибленнымъ крыломъ? Такъ-то вотъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ высказывается весь кодексъ «солидной» житейской мудрости; по такъ какъ онъ единственный, который не требуетъ ни размышлений, ни исканій, то на него существуетъ спросъ. И ежели вы возразите, что такъ-называемое «покойное проживаніе» представляетъ собой только кажущееся спокойствіе, что въ немъ-то, пожалуй, и скрывается настоящая угроза будущему, и что, наконецъ, басня о голубѣ есть только басня, и не всѣ голуби возвращаются изъ поисковъ съ перешибленными крыльями, то солидный человѣкъ и на это возраженіе въ карманъ за словомъ не полѣзть.

— Э,—скажетъ онъ:—пока что, а мы поживемъ!

И, высказавшись, умолкнетъ, вполнѣ увѣренный, что истина на его сторонѣ.

Да, мало, черезчуръ мало нужно, чтобы поселить въ солидномъ человѣкѣ увѣренность въ его непогрѣшимости и водворить въ его душѣ безмятежіе и ясность. Два-три случайно попавшихъ на языкъ слова — и онъ, счастливый и довольный, гордо несетъ ихъ на показъ.

Само собой разумѣется, что убѣжденному писателю съ этой стороны не можетъ представиться никакихъ надеждъ. Солидный читатель никогда не выкажетъ ему сочувствія, не подастъ руку помощи. Въ трудную годину онъ отвернется отъ писателя и будетъ запѣвалой въ хорѣ простецовъ, кричащихъ: ату! Въ годину болѣе льготную отношенія эти, быть-можетъ, утратятъ свою суворость, но не сдѣлаются отъ этого болѣе сознательными.

И въ томъ, и въ другомъ случаѣ впереди стоитъ полное одиночество и назойливо звучащий вопросъ: тѣ же тотъ читатель-другъ, отъ котораго можно было бы ожидать не одного платонического и pointomъ секретнаго сочувствія, но и обороны?

3.— Читатель-простецъ.

Читатель-простецъ составляетъ ядро читательской массы; это—главный ея контингентъ. Онъ въ безчисленномъ количествѣ кишитъ на улицахъ, въ театрахъ, кофейняхъ и прочихъ публичныхъ мѣстахъ, изображая собой ту публику,

къ услугамъ которой направлена вся производительность страны, и въ то же время ради которой существуютъ на свѣтѣ городовые и жандармы.

Онъ—покупатель и потребитель. Все, чѣмъ тайтъ въ себѣ нѣдра торговыхъ помѣщений, начиная отъ блестящаго магазина съ зеркальными окнами и кончая вонючей мелочной лавочкой, ютиющейся въ подвальномъ этажѣ,— все это онъ износить, истребить, выпить и сѣсть. Понятно, что при такомъ обширномъ кругѣ дѣятельности, ежели дать ему волю, то онъ будетъ метаться изъ стороны въ сторону, и ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Поэтому движенія его строго регулируются городовыми, которые наблюдаютъ, чтобы онъ не попасть подъ вагонъ и вообще шелъ въ то мѣсто, куда слѣдуетъ идти. Въ послѣднее время за нимъ начали зорко слѣдить и газетчики.

Для газетчика простецъ составляетъ очень серьезный предметъ заботъ. Онъ—подписчикъ и усердный чтецъ; слѣдовательно, его необходимо уловить, а это дѣло не легкое, потому что простецъ относится къ читаемому равнодушно и читаетъ все, чѣмъ попадеть подъ руку, наблюдая лишь за тѣмъ, какъ бы не попасть въ отвѣтъ. Газетчикъ знаетъ это и мотаетъ себѣ на усы: «надобно устроить такъ, чтобы простецъ читалъ именно мою газету». Онъ напрягаетъ усилия, чтобы пробудить простеца изъ равнодушія, взнудить его и вообще прикрѣпить къ извѣстному стойлу; а для этого нужно, чтобы прежде всего газетная пища легко переваривалась, и чтобы направление газеты не возвышалось надъ обычнымъ низменнымъ уровнемъ.

До наступленія эпохи возрожденія, читатель вербовался преимущественно въ средѣ «солидныхъ». Журналовъ было мало, газетъ почти совсѣмъ не существовало; поэтому и солидной среды было достаточно, чтобы выдѣлить изъ себя сносный контингентъ подписчиковъ. Къ тому же и издательскія требованія въ то время были скромнѣе. Журналъ или газета, которые считали пять тысячъ подписчиковъ, не только удовлетворялись этимъ, но и ликовали. Что касается до простеца, то онъ никакого вліянія на журнальное и газетное дѣло не имѣлъ; онъ называлъ себя темнымъ человѣкомъ и вполнѣ доволенъ быть этимъ званіемъ. Игнорируя чтеніе, онъ почерпалъ необходимыя новости на улицѣ. И это было для него тѣмъ сподручнѣе, что самыя новости, которыя его интересовали, имѣли совершенно первоначальный характеръ, въ родѣ слуховъ о войнѣ, о рекрутскомъ

наборѣ или о томъ, что въ такой-то день высокопреосвященный собориѣ служилъ литургію, а затѣмъ во всѣхъ церквахъ происходилъ цѣлодневный звонъ. Впрочемъ, надо сказать правду, что и газеты тогдашнія немногого опережали улицу въ достоинствѣ предлагаемыхъ новостей, такъ что, въ сущности, не было особенаго резона платить деньги за то, что въ первой же мелочной лавкѣ можно было добыть даромъ.

Но съ наступленіемъ эпохи возрожденія народилось, такъ сказать, *сословіе* читателей, и народилось именно благодаря простецамъ. Послѣдніе уже перестали довольствоваться кличкою темныхъ людей и наравнѣ съ прочими бросились въ дѣятельный жизненный омутъ. Происшедшая перемѣна въ общественномъ настроеніи затрагивала ихъ даже существеннѣе, нежели кого-либо, потому что, собственно говоря, она ихъ однихъ настоящимъ образомъ вызвала изъ щелей на вольный свѣтъ. Прочие же охотно удовлетворились бы и прежнимъ «вольнымъ свѣтомъ» и даже смотрѣли на новый «свѣтъ» двояко: иные со страхомъ, другіе съ робкой надеждой, а большинство оставалось при колебаніяхъ. Что касается до простеца, то для него никакого повода колебаться не существовало. Одинъ выходъ изъ званія «темнаго человѣка» представлялъ уже выигрышъ, такъ какъ званіе это не только перестало быть украшеніемъ, но и пріобрѣло значеніе довольно обидное.

Прежде простецъ говорилъ: «мы люди темные», — въ надеждѣ укрыться подъ этимъ знаменемъ отъ вмѣняемости; теперь онъ сталъ избѣгать такого признанія, потому что понять, что оно ни отъ чего его не освобождаетъ, ио, напротивъ, даетъ право распорядиться съ нимъ по произволенію.

— Ты темный человѣкъ, — говорили простецу въ до-реформенное время: — ступай, Богъ тебя проститъ!

А въ по-реформенное время начали говорить ужъ такъ:

— Коли ты самъ признаешь, что ты темный человѣкъ, — стало-быть, молчи! А будешь растибарывать — расправа съ тобой короткая.

Разница, какъ всякий согласится, не маленькая.

Ошибочно, впрочемъ, было бы думать, что современный простецъ принадлежитъ исключительно къ числу посѣтителей мелочныхъ лавочекъ и поливныхъ; нѣтъ, въ числѣномъ смыслѣ, онъ занимаетъ довольно замѣтное мѣсто и въ культурной средѣ. Это не выходецъ изъ пѣдрь черни,

а только человѣкъ, не видящій передъ собой особыхъ перспективъ. И ненавистники, и солидные ожидаютъ впереди почестей, мѣсть, орденовъ, а простецъ ожидаетъ одного: какъ бы за день его не искалечили.

Ожиданіе это держитъ его въ страхѣ и повиновеніи. Даже почувствовавъ подъ ногами болѣе твердую почву, онъ остается вѣренъ воспоминаніямъ объ исконной муштровкѣ и, судя по всѣмъ видимостямъ, вовсе не намѣренъ забыть о нихъ. Онъ рѣдко обращаетъ свою мысль къ голосу собственного разсудка, собственной совѣсти, и, напротивъ, чутко и беспокойно присматривается и прислушивается къ афоризмамъ, исходящимъ изъ солидныхъ сферъ. И хотя бы послѣдніе представляли собой безсвязное и неосмыслившее бормотаніе, онъ принимаетъ ихъ къ свѣдѣнію. Вообще, это—человѣкъ, не знающій самостоятельной жизни, такъ что руководить и распоряжаться его дѣйствіями не представляетъ никакого труда. Не мудрствуя лукаво, онъ слѣдить за движеніями указующаго перста, совершенно равнодушный къ тому, что таится въ той дали, куда этотъ перстъ направленъ. Въ виду этой легкости, и сама руководящая (солидная) сторона не считается для себя обязательнымъ обдумывать свои указанія, а дѣйствуетъ наудачу, какъ въ данную минуту вздумается. Словомъ сказать, и руководители, и руководимые являются достойными другъ друга, и вотъ изъ этого-то взаимнаго воздействиія, исполненнаго недомыслій и недомолвокъ, и создается то общественное мнѣніе, которое подчиняетъ себѣ наиболѣе убѣженныхъ людей.

Я уже сказалъ выше, что читательское сословіе народилось въ эпоху всероссійскаго возрожденія, благодаря громадному приливу простецовъ. Съ тѣхъ поръ простецъ множится въ изумительной прогрессіи, но, размножаясь и наполняя ряды подписчиковъ, онъ никако не измѣняетъ своему безразличному отношенію къ читаемому. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣть заглянуть въ любую кофейню.

Вотъ онъ сидитъ въ углу, обложенный летучими листками. Глаза его пристально слѣдятъ за строками; но въ лицѣ ни одинъ мускулъ не шевельнется. Изрѣдка онъ сунеть въ ротъ палецъ—это одно до извѣстной степени свидѣтельствуетъ о душевномъ движеніи. И ежели вамъ удастся въ эту минуту заглянуть въ развернутый листъ, то вы убѣдитесь, что движеніе это произошло исключительно по поводу встрѣченного въ газетѣ знакомаго имени. Такой-то

черезчуръ ужъ быстро подвинулся по лѣстницѣ почестей; такой-то, напротивъ, проворовался и засѣдаетъ въ окружномъ судѣ на скамью подсудимыхъ. Конечно, это не можетъ не вызывать на размышенія, хотя послѣднія никогда не выходятъ изъ разряда самыхъ обыкновенныхъ общихъ мѣсть.

— Давно ли Павлушкой звали,—думаетъ простецъ: — а теперь, поди, Павломъ Семенычемъ величаютъ!

Или:

— Вотъ, подитка! На четырехъ женахъ женатъ! И куда ему такая прорва бабъ понадобилась! Миѣ и одной Арины Ивановны предостаточно...

Ничто другое его не тревожить, хотя онъ читаетъ сплошь все напечатанное. Газета говорить о новомъ налогѣ,—онъ не знаетъ, какое дѣйствіе этотъ налогъ произведеть, на комъ онъ преимущественно отразится, и даже не затронуть ли его самого. Газета говорить о новыхъ системахъ воспитанія,—онъ и тутъ не знаетъ, въ чемъ заключается сущность, и не составить ли она несчастіе его дѣтей.

Онъ живеть изо-дня-въ-день, ничего не провидить, и только практика можетъ вызвать его изъ оцѣненія. Когда наступить время для практическихъ примѣнений, когда къ нему принесутъ окладной листъ, или сынъ его, съ заплаченными глазами, прибѣжитъ изъ школы,—только тогда онъ вспомнить, что нѣчто читалъ, да не догадался подумать. Но и тутъ его успокоить соображеніе: зачѣмъ думать? все равно плетью обуха не перешебешь!—«Ступай, Петя, въ школу — терпи!» — «Готовъ, жена, деньги! Новый налогъ Богъ послалъ!»

Тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать, что и на среду простецовъ либеральная вѣянія остаются не безъ вліянія. Въ такія минуты улица вообще дѣлается веселѣе и даже какъ-то смѣшеннѣе, и простецъ инстинктивно слѣдуетъ за общимъ теченіемъ. Онъ видѣть, что ненавистникъ понурилъ голову, что лицо солиднаго человѣка расцвѣтилось улыбкой, что газеты, вчера еще решительно указывавшія на «факты», начинаютъ пугаться и затѣмъ мало-по-малу видаютъ въ благодушный тонъ,—и самъ понемногу выходитъ изъ состоянія ошеломленія. Но такое счастливое настроеніе не задерживается въ немъ. Равнодушный и чуждый сознательности, онъ во всѣ эпохи остается одинаково вѣренъ своему призванію — служить готовымъ орудіемъ въ болѣе сильныхъ рукахъ.

Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ среда простецовъ очень опасна. Хотя самъ по себѣ простецъ не склоненъ къ самостоятельной ненависти, но и чувство человѣчности въ его сердцѣ не залегло; хотя въ немъ нѣтъ настолько изобрѣтательности, чтобы отравить жизнь того или другого субъекта преднамѣреннымъ подвохомъ, но нѣтъ и настолько честности, чтобы подать руку помощи. Все его существованіе, всѣ помыслы и дѣйствія насквозь проникнуты колебаніями, которыя придаютъ общенію съ нимъ характеръ полной безполезности. Не убѣженія дѣйствуютъ на него, а вѣнчанія давленія. Въ ловкихъ рукахъ онъ дѣлается свирѣпъ и неумолимъ. Безъ сознанія повода, безъ цѣли, безъ разумѣнія онъ накидывается на намѣченную жертву, вливается въ нее когтями и грызетъ. Въ такую минуту легко даже впасть въ ошибку и подумать, что онъ ненавидитъ эту жертву, а не грызетъ ее, выполняя только обрядъ . . .

Въ средѣ простецовъ необходимо отличить одну особу: простеца-живчика, который, въ противоположность сонливости простеца-байбака, поражаетъ юркостью своихъ движений и чрезмѣрною подвижностью мысли и чувствъ.

Живчикъ, по преимуществу, любитель посмѣяться. Каламбуры, анекдоты, пародіи — вотъ пища, которой онъ не можетъ достаточно насытиться. Поэтому онъ почти исключительно ютится около такъ-называемой мелкой прессы, которая бойко торгуетъ анекдотами. Въ большой прессѣ — въ сущности, впрочемъ, столь же мелкой, но издающейся простынями — онъ заглядываетъ только въ литературный фельетонъ да въ отдѣль журнального обозрѣнія. Въ первомъ его прельщаетъ шутовство, бойкость пера, скандалы; во второмъ — передержки, подтасовки, полемика, или, какъ онъ ее называетъ, взаимное «щелканье» газетъ и журналовъ.

— Читали? Читали фельетонъ въ «Помояхъ»? — радуется онъ, перебѣгая отъ одного знакомца къ другому. — Вѣдь этотъ «Прохожій наблюдатель» — это вѣдь вотъ кто. Вѣдь онъ жилъ три года учителемъ въ семействѣ С—скихъ, о которомъ пишется въ фельетонѣ; кормили его, поили, ласкали — и посмотрите, какъ онъ ихъ теперь щелкаетъ! Дочь невѣсту, которая два мѣсяца съ офицеромъ гражданскимъ бракомъ жила и потомъ опять домой воротилась, — и ту изобразили! Такъ живьемъ всю процедуру и описали!

— А! такъ вотъ оно что! такъ это она? То-то я давеча

читаю, какъ будто похоже...—догадывается собесѣдникъ, тоже изъ породы живчиковъ.

— Еще бы! Марья-то Ивановна, говорять, чуть съ ума не сошла; отецъ и мать глазъ никуда показать не смѣютъ... А какъ они другъ друга щелкаютъ, эти газетчики! «Жиды! хамы! безмозглые пролазы!»—такъ и сыплется! Одна трапвля «жидовъ» чего стѣть—отдай все да и мало! Такъ и ждешь: ну, быть тутъ кулачной расправѣ!

— Да и бываетъ!

И дѣйствительно, казусы кулачной расправы нынче не рѣдки. «Критика» даже въ такой рѣшительной формѣ, какъ «жиды, пролазы» и т. д., оказывается уже недостаточною, въ качествѣ послѣдняго слова. На сцену появляется палка, кулакъ, но надо сказать правду, что покуда больше всего достается диффаматорамъ. Скверное это ремесло и по существу, и по послѣдствіямъ, но, несмотря ни на что, ряды диффаматоровъ не только не рѣдѣютъ, но день-ото-дня становятся плотище и плотище. Стало-быть, таково уже знаменіе времени. Дурные инстинкты взяли такую силу, что диффаматоръ почти фаталистически глубже и глубже погрязаетъ въ пучинѣ. Посвящая всего себя исключительно диффамаціи и клеветѣ, онъ далеко не увѣренъ, что занятіе это пройдетъ ему даромъ, и все-таки идетъ навстрѣчу побоямъ. Идетъ трепетною стопою, оглядываясь по сторонамъ, но идетъ.

Какъ бы то ни было, но удовольствію живчика нѣть предѣловъ. Диффамаціонный періодъ уже считается за собой не одинъ десятокъ лѣтъ (отчего бы и по этому случаю не отпраздновать юбилея?), а живчикъ въ подробностипомнить всякий малѣйший казусъ, ознаменовавшій его существованіе. Тогда-то изобличили Марью Петровну, тогда-то Ивана Семеныча, тогда-то къ диффаматору ворвались въ квартиру, и онъ, въ виду домашнихъ пенатовъ, подвергнуть былъ исправительному наказанію; тогда-то диффаматора огорожили на улицѣ палкой.

Живчикъ не только вычитываетъ, но и разузнаетъ. Онъ чуетъ диффамацію даже тогда, когда настоящія личности скрыты подъ вымышленными фамиліями, и до тѣхъ поръ не успокоится, покуда досконально не дознаетъ, что Анна Ивановна Рѣзвая есть не кто иная, какъ Серафима Павловна Какурина, которой мужъ имѣеть магазинъ благовонныхъ товаровъ въ Гостиномъ Дворѣ; что она дѣйстви-

телью была такого-то числа въ гостиницѣ «Москва», въ отдельномъ номерѣ, и мужъ накрылъ ее.

Диффамація, гнусная сама по себѣ, обостряется, благодаря принимаемому въ ней читателемъ-живчикомъ дѣятельному участію. Онъ разсѣваетъ ее, дѣлаетъ общимъ достояніемъ. Разумѣется, онъ не сознаетъ этого и предается своему распутному ремеслу единственно потому, что оно глубоко залегло въ самую его природу.

Легкомысле и паскудная подвижность застилаютъ передъ нимъ жизнь съ ея горестями и радостями, оставляя обнаженными только уродливости и скандалы. Къ нимъ исключительно и устремляются всѣ его помыслы, и только окрикъ власти имѣющаго лица: «что разбѣгался? добѣгаешься когда-нибудь!»—можетъ заставить его до поры до времени угомониться.

Понятно, что ни отъ той, ни отъ другой разновидности читателя-простеца убѣжденному писателю ждать нечего. Обѣ онѣ игнорируютъ его, а въ извѣстныхъ случаяхъ не прочь и погрызть! Чтѣ нужды, что онѣ грызутъ безсознательно, не по собственному почину—фактъ грызенія ни мало не смягчается отъ этого и стойть такъ же твердо, какъ бы онъ исходилъ непосредственно изъ среды самихъ ненавистниковъ.

4. — Читатель-другъ.

Я уже сказала выше, что читатель-другъ несомнѣнно существуетъ. Доказательство этому представляеть уже то, что органы убѣжденной литературы не окончательно захудали. Но читатель этотъ заробѣль, затерялся въ толпѣ, и дознаться, гдѣ именно онъ находится, довольно трудно. Бываютъ однако-жъ минуты, когда онъ внезапно открывается, и непосредственное общеніе съ нимъ дѣлается возможнымъ. Такія минуты—самая счастливая, которая испытываетъ убѣжденный писатель на трудномъ пути своеимъ.

Къ этому мнѣ ничего не остается прибавить. Развѣ одно: подобно убѣжденному писателю, и читатель-другъ подвергается ампутациямъ со стороны ненавистниковъ, ежели не успѣваетъ сохранить свое инкогнито.

Виновать: еще одно слово. Въ послѣднее время я довольно часто получаю заявленія, въ которыхъ выражается упрекъ за то, что я сомнѣваюсь въ наличности читателя-

друга и въ его сочувственномъ отношеніи къ убѣжденной литературѣ. По этому поводу считаю долгомъ оговориться: ни въ наличности читателя-друга, ни въ его сочувствіи я не сомнѣваюсь, а утверждаю только, что не существуетъ непосредственнаго общенія между читателемъ и писателемъ. Покуда мнѣнія читателя-друга не будутъ приниматься въ разсчетъ на вѣсахъ общественнаго сознанія, съ тою же обязательностью, какъ и мнѣнія прочихъ читательскихъ категорій, до тѣхъ поръ вопросъ объ удрученномъ положеніи убѣжденного писателя останется открытымъ.

Часть вторая.

I.

ДѢВУШКИ.

1.—Ангелочекъ.

Вѣрочка такъ и родилась ангелочкомъ. Когда ея маман, Софья Михайловна Братцева, по окончаніи урочныхъ шести недѣль, вышла въ гостиную, чтобы принимать поздравленія гостей, то Вѣрочка сидѣла у нея на колѣняхъ, и она всѣмъ ее показывала, говоря:

— Не правда ли, какой ангелочекъ?

Гости охотно соглашались, и съ тѣхъ поръ за Вѣрочкой утвердилось это прозвище навсегда.

Софья Михайловна безъ памяти любила своего ангелочка и была очень довольна, что послѣ дочери у нея не было дѣтей. Приращеніе семейства заставило бы ее или раздѣлить свою нѣжность, или быть несправедливою къ другимъ дѣтямъ, такъ какъ она дала себѣ слово всю себя посвятить Вѣрочекъ. Еще на рукахъ у мамки ангелочка одѣвали какъ куколку, а когда отняли ее отъ груди, то нанияли для нея француженку-бонну. Отъ бонны она получила первыя основанія религіи и нравственности. Ужъ пяти лѣтъ, вставая утромъ и ложась на ночь, она лепетала: «*Dieu tout-puissant! rendez heureuse ma chère mère!* veuillez qu'un faible enfant, comme moi, reste toujours digne de son affection, en pratiquant la vertu et la propreté!»

— Ишь вѣдь... et la propreté! — удивился однажды Ардальонъ Семенычъ Братцевъ, случайно подслушавъ эту странную молитву: — а обо мнѣ, ангелочекъ, молиться не нужно?

— Papa, — отвѣтала Вѣрочка: — je sais que vous êtes l'auteur de mes jours, mais c'est surtout ma mère que je chérie.

— Ну, ладно! вотъ ужъ я тебя за непочтительность наследства лишу!

Супруги Братцевы жили очень дружно. Оба были молоды, красивы, веселы, здоровы и пользовались хорошими средствами. У обоихъ живы были родители, которые въ изобиліи снабжали молодыхъ супруговъ деньгами. И старики, и молодые жили въ согласіи. Въ особенности Софья Михайловна старалась угодить свекру и свекрови, и называла ихъ не иначе, какъ папа и маман. Ардальонъ Семенычъ поступалъ иѣсколько вольнѣе и называлъ тестя «скворушкой» («скворушкѣ каши!» — кричала онъ, завидѣвъ въ дверяхъ старика), а тещу — скворешницей, изъ которой улетѣли скворцы. Сначала это иѣсколько коробило Софью Михайловну, которая не разъ упрекала мужа за его шутки.

— Развѣ я называю твоего папа дятломъ? — выговаривала она; но вскорѣ сама какъ будто убѣдилась, что иначе отца ея и нельзя назвать, какъ скворушкой, и всякия пререканія на этотъ счетъ сами собой ушли.

Доброму согласію супруговъ много содѣствовало то, что у Ардальона Семеныча были такія сочныя губы, что, бывало, Софья Михайловна прильнетъ къ нимъ и оторваться не можетъ. Сверхъ того, у него были упругія ляжки, на которыхъ она любила присѣсть. Сама она была вся мягкая. Оба любили оставаться наединѣ, и она вовсе не была въ претензіи, когда онъ, взявъ ее на руки, носилъ по комнатамъ и потомъ бросаль ее на диванъ.

— Ардашка... дерзкій!.. — выговаривала она, но такимъ тономъ, что Ардальонъ Семенычъ слышалъ въ ея словахъ не предостереженіе, а поощреніе.

Первые проблески какого-то недоразумѣнія появились съ рожденіемъ Вѣрочки. Софья Михайловна вдругъ почувствовала, что она чѣмъ-то pénétrée, что она сдѣлалась une sainte, что у нея завелись les sentiments d'une mère. Словомъ сказать, съ языка ея посыпался весь лексиконъ пусторѣбія, который представляется къ услугамъ каждого фран-

цузской языке. Она рѣже захаживала въ кабинетъ мужа, рѣже присаживалась къ нему на колѣни и цѣлые дни проводила въ совѣщаніяхъ съ охранительницами Вѣрочкиной юности. Какое сдѣлать Вѣрочкѣ платьице? Какими кружевами обшить ея кофточки? Какие купить башмачки? Супружеская любовь блѣднѣла передъ *les sentiments d'une mère*. Даже встрѣчаясь съ мужемъ за завтракомъ и обѣдомъ, она рѣдко обращала къ нему рѣчь и, не переставая, говорила съ гувернанткой (когда Вѣрочкѣ минуло шесть лѣтъ, то наняли въ домъ и англичанку, въ качествѣ гувернантки) и бонной. И все обѣ ангелочки.

— Не правда ли, какая она милая? Какъ отлично усваиваетъ себѣ языки? И какъ вкусно молится? Вѣрочка! вѣдь ты любишь Бога?

— Мы всѣ должны любить Бога, — отвѣчала Вѣрочка разсудительно.

— Да, потому что Онъ добръ и можетъ намъ дать много, много всего. И ангеловъ Его нужно любить, и святыхъ... Вѣдь ты любишь?

— Oh! maman!

На первыхъ порахъ у Арданьона Семеныча въ глазахъ темнѣло отъ этихъ разговоровъ. Онъ судорожно сучилъ ногами подъ столомъ, находилъ соусъ неудачнымъ, вино — отвратительнымъ, сердился, сыпалъ выговорами. Но, наконецъ, смирился. Стать рѣже и рѣже появляться къ обѣду и завтраку, предпочитая пропитываться въ ресторанахъ, где, по крайней мѣрѣ, говорить только о томъ, о чёмъ дѣйствительно говорить надлежитъ. Вѣрочку онъ не то чтобы возненавидѣлъ, а сдѣлался къ ней совершенно равнодушнымъ. Англичанку переносить съ трудомъ, француженку-бонну видѣть не могъ.

— Чортъ съ вами! — рѣшилъ онъ и откровенно объявилъ женѣ, что ежели эти порядки будутъ продолжаться, то онъ совсѣмъ изъ дома уѣхжитъ.

Софья Михайловна слегка задумалась, но *les sentiments d'une mère* превозмогли.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣтила она холодно, впервые употребляя церемонное «вы»: — не могу же я, ради вашего каприза, оставить единственное сокровище, которое я получила отъ Бога! Скажите, пожалуйста, за что вы возненавидѣли вашу doch?

— Не doch я возненавидѣлъ, а ваши дурацкіе разговоры!

— Ничего въ нашихъ разговорахъ дурацкаго нѣть!

— Лошадь одурѣеть, не то что человѣкъ — вотъ какіе это разговоры!

— Нѣтъ, ты докажи!

Но Ардальонъ Семенычъ, вмѣсто доказательствъ, взялъ шляпу и, посвистывая, ушелъ изъ дома.

Натянутости явной еще не было, но охлажденіе уже существовало.

Ангелочекъ между тѣмъ росъ. Вѣрочка свободно говорила по-французски и по-англійски, но нѣсколько затруднялась съ русскимъ языкомъ. Къ ней, впрочемъ, ходила русская учительница (дешевелька), которая познакомила ее съ краткой грамматикой, краткой священской исторіей и первыми правилами ариѳметики. Но Софья Михайловна чувствовала, что чего-то недостаетъ, и, наконецъ, догадалась, что недостаетъ нѣмки.

— Какъ это я прежде не вздумала! — сѣтовала она на себя: — вѣдь со временемъ ангелочекъ, конечно, будетъ путешествовать. Въ гостиницахъ, правда, вездѣ говорять по-французски, но на желѣзныхъ дорогахъ, на улицѣ...

Тутъ же кстати, къ великому своему огорченію, Софья Михайловна сдѣлала очень непріятныя открытія. Къ француженкѣ-боннѣ ходилъ мужчина, котораго она рекомендовала Братцевой въ качествѣ брата. А такъ какъ Софья Михайловна была доброй родственницей, то желала, чтобы и живущіе у нея тоже имѣли родственныя чувства.

— Что-жъ вы не идете къ брату? — говорила она боннѣ. — Сегодня воскресенье — идите!

Оказалось, однако-жъ, что это совсѣмъ не братъ, а любовникъ, и — о, ужасъ! — что не разъ, съ пособіемъ судомойки, онъ проникалъ ночью въ комнату м-ле Thérèse, рядомъ съ комнатой ангелочки.

Кромѣ того, около того же времени, у Софии Михайловны начали пропадать вещи. Сначала мелкія, а потомъ и покрупнѣе. Наконецъ, пропалъ довольно цѣнный фермуаръ. Воровкою оказалась англичанка.

— Вотъ это что называется *éducation morale et religieuse!* — трунилъ надъ женой Ардальонъ Семенычъ.

Въ домъ взяли нѣмку, такъ какъ нѣмки (кромѣ гамбургскихъ) изстари пользуются репутацией добродѣтельныхъ. Француженка и англичанка (тоже вновь пріусловленная) должны были приходить лишь въ опредѣленные дни и часы.

Нѣмка была молодая и веселая. Самъ Арdalонъ Семенычъ съ-ся водвореніемъ повеселѣлъ. По-нѣмецки онъ зналъ только двѣ фразы: «Leben Sie wohl, essen Sie Kohl» и «Wie haben Sie geworden gewesen», и этими фразами неизмѣнно каждый день встрѣчать появление нѣмки въ столовой. Другой это скоро бы надоѣло, но фрейлейнъ Якобсонъ не только не скучала любезностями Братцева, но постоянно встрѣчала ихъ веселымъ хохотомъ.

— Вотъ твой разговоръ съ нѣмкой такъ дѣйствительно дурацкій! — говорила мужу Софья Михайловна, когда они оставались наединѣ.

— А ты докажи! — дразнилъ онъ ее.

Софья Михайловна, въ свою очередь, ничего доказать не могла и только цѣлыми днями дулась. Можно было предвидѣть, что нѣмкѣ недолго ужиться у нея, если бы Софья Михайловна сообразила, что ежели откажеть гувернанткѣ, то, чего доброго, Арdalонъ Семенычъ и на сторонѣ ее устроить.

— Теперь она все-таки у меня на глазахъ, а тамъ... Вѣдь это такой бесовѣстный человѣкъ, что онъ и ангелочка не пожалѣть... Все состояніе на пѣмокъ спустить!

Все это тѣмъ больше беспокоило ее, что не къ кому было обратиться за совѣтомъ. И скворецъ, и скворепница, и дятель, и жена его — все перемерло, такъ что Арdalонъ Семенычъ остался полнымъ властелиномъ и состоянія, и дѣйствій своихъ.

Наконецъ, Вѣрочка достигла двѣнадцати лѣтъ, и надо было серьезно подумать о воспитаніи ея. Кто знаетъ, что такое les sentiments d'une mère, тогдѣ пойметъ, какъ тревожилась Софья Михайловна, думая о будущемъ своего ангелочка. Et ceci, et cela. И науки, и подарокъ къ днамъ именинъ и рожденія — обо всемъ надо было подумать. Увы! ей даже помочь никто не хотѣлъ, потому что Арdalонъ Семенычъ продолжалъ выказывать «адское равнодушіе» къ своему семейству. И пріятельницы у нея были какія-то безчувственные: у каждой свои ангелочки водились, такъ что начнетъ она говорить о Вѣрочекѣ, а ее перебиваютъ рассказами о Лидочекѣ, Сонечкѣ, Зиночекѣ и т. д. Но Прорицаніе само указало ей путь. Въ то время самымъ моднымъ учебнымъ заведеніемъ считался пансіонъ благородныхъ дѣвицъ m-me Тюрбо. Всѣ науки проходились у нея въ лучшемъ видѣ и въ такой полнотѣ, что изъ курса не исключались даже начатки философіи (un tout petit peu,

vous savez? — pour faire travailler l'imagination!). Учителя были все отборные: Жасминовъ, Гелютроновъ, Гиацинтовъ, Резединъ, французъ Essbouquet, немецъ Кейнгерухъ (довольно съ немца и этого) и проч. Священникъ Карминонъ приходилъ на урокъ въ муаровой ряſѣ. Нравственностью завѣдывала сама м-на Тюрбо и ея помощница, м-на Энерлань.

Заведение существовало уже съ давнихъ порь и всегда славилось тѣмъ, что выходившія изъ него дѣвицы отличались доброю нравственностью, пріятными манерами и умѣли говорить *en reue de tout*. Онѣ знали, что былъ нѣкогда персидскій царь Киръ, котораго отецъ назывался Астіагомъ; что паденіе Западной Римской имперіи произошло вслѣдствіе изнѣженности нравовъ; что Петръ Пустынникъ ходилъ во власянице; что городъ Ліонъ лежитъ на рекѣ Ронѣ и славится шоковыми и бархатными издѣліями, а городъ Казань лежитъ при озерь Кабанѣ и славится казанскимъ мыломъ. Юпитеръ былъ большой волокита, а Юнона была за нимъ очень несчастна и обратила Ю въ корову. А Святославъ сражался съ Цимисхіемъ и сказалъ: «не посрамимъ земли русскія!» Это онъ сказалъ, а совсѣмъ не генераль Прокофьевъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки. Словомъ сказать, все выходило такъ, что ни одна воспитанница м-на Тюрбо не ударила въ грязь лицомъ и не уронила репутаціи заведенія.

Основателемъ пансиона былъ м-р Тюрбо, отецъ нынѣшней содержательницы. Онъ былъ вывезенъ изъ Франціи, въ качествѣ воспитателя, къ сыну одного русскаго вельможи, и когда воспитаніе кончилось, то ему назначили хорошую пенсію. М-р Тюрбо уже намѣревался уѣхать обратно въ родной Карантра, какъ отецъ его воспитанника сдѣлалъ ему неожиданное предложеніе.

— А что, Тюрбо,—сказалъ онъ ему:—если бы вы перешли въ православную вѣру?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Тюрбо.

— А я вамъ помогу устроиться въ Петербургѣ навсегда...

— Съ у-до-воль-стві-емъ!—съ чувствомъ повторилъ Тюрбо, цѣляя своего покровителя въ плечо.

И не дальше какъ черезъ мѣсяцъ все семейство Тюрбо познало свѣтъ пестрой вѣры, и самъ Тюрбо, при матеріальной помощи русскаго вельможи, стоялъ во главѣ пансиона для благородныхъ дѣвицъ, номинальной директрисой котораго значилась его жена.

Съ этихъ порь заведеніе Тюрбо сдѣлалось разсадникомъ нравственности, религіи и хорошихъ манеръ. По смерти родителей, его приняла въ свое завѣдываніе дочь, м-шѣ Caroline Turbot, и, разумѣется, продолжала родительскія традиціи. Плата за воспитаніе была очень высока, но зато число воспитаницъ ограниченное, и въ заведеніе посыпали только несомнѣнно родовитыя дѣвочки. Интерната не существовало, потому что м-шѣ Тюрбо дорожила вечерами и посвящала ихъ друзьямъ, которыхъ у нея было достаточно.

— Днемъ я принадлежу обязанностямъ, которыя налагаетъ на меня отечество, — говорила она, разумѣя подъ отечествомъ Россію: — но вечеръ принадлежитъ мнѣ и моимъ друзьямъ. А впрочемъ, что жъ! вѣдь и вечеромъ мы говоримъ все о нихъ, все о тѣхъ же милыхъ сердцу дѣтяхъ!

Когда Софья Михайловна привезла Вѣрочку въ пансионъ, то м-шѣ Тюрбо сразу назвала ее ангелочкомъ.

— Ахъ, какой ангелочекъ! и какая вы счастливая мать! — воскликнула она, любясь дѣвочкой, которая действительно была очень миловидна.

— Само Провидѣніе привело меня къ вамъ, м-шѣ Саголине! — отвѣчала Софья Михайловна комплиментомъ за комплиментъ и крѣпко пожала руку директрисѣ.

Вѣрочка начала ходить въ пансионъ и училась прилежно. Все, что могли дать ей Жасминовъ, Гіацинтовъ и проч., она усвоила очень быстро. Сверхъ того, научилась танцевать качучу, а манерами рѣшительно превзошла всѣхъ своихъ товарокъ. Это было нечто до такой степени мягкое, плавное, но въ то же время не изъятое и дѣтской непринужденности, что сама Софья Михайловна удивлялась.

— И откуда это у тебя, ангелочекъ, такія прелестныя манеры! — восхищалась она.

— Стараюсь, маман, подражать тебѣ, кого я люблю, — скромно отвѣчала ангелочекъ.

— Ихъ вахмистръ манерамъ учить, — совсѣмъ пекстати гмѣнивался Арdalонъ Семенычъ.

Но и съ ангелочкомъ случались приключенія, благодаря которымъ она становилась втущикъ. Однажды Essbouquet задалъ сочиненіе на тему: que peut dire la couleur bleue? Вѣрочка пришла домой въ большой тревогѣ:

— Que peut dire la couleur bleue, маман? — спросила она мать за обѣдомъ.

— Чѣмъ такое... la couleur bleue? — удивилась Софья Михайловна.

— Намъ французъ на эту тему къ послѣзвтраму сочиненіе задалъ,—объяснила Вѣрочка.

— Экъ вывезъ!—замѣтилъ Ардальонъ Семенычъ.

— Ахъ, да... понимаю! — догадалась, наконецъ, Софья Михайловна.—О чмъ бы, однако-жъ, голубой цвѣтъ могъ говорить? Ну, небо, напримѣръ, *Fazur des cieuh...* понимаешь! Голубое небо... Надъ нимъ ангелы... *les chérubins, les séraphins...* все, все голубое!.. Разумѣется, это надо распространить, дополнить — тутъ цѣлая картина! Чтѣ бы еще, напримѣръ!.. Ну, напримѣръ, невѣста... Голубое платье, голубыя ботинки, голубая шляпка... вся въ голубомъ! Чистая, иѣвинная... разумѣется, и это надо распространить... Чтѣ бы еще?..

— Ну, напримѣръ, голубой жандармъ,—подсказалъ Ардальонъ Семенычъ.

— А чтѣ бы ты думалъ! жандармы! вѣдь они охранители нашего спокойствія! И этимъ можно воспользоваться. Ангелочекъ почивасть, а добрый жандармъ бодрствуєтъ и охраняетъ ея спокойствіе... Ахъ, спокойствіе!.. Это главное въ нашей жизни! Если душа у насъ спокойна, то и мы сами спокойны. Ежели мы ничего дурного не сдѣлали, то и жандармы за насъ спокойны. Вотъ теперь завелись эти... какъ ихъ... ну, все равно... Оттого мы и неспокойны... спимъ, а во снѣ все-таки тревожимся!

— О! чортъ побери!—простонала Ардальонъ Семенычъ.

Нѣмка неосторожно хихикнула; Софья Михайловна обвела ее молниеноснымъ взглядомъ, отодвинула сердито тарелку и весь остатокъ обѣда просидѣла надутая.

Въ другой разъ Вѣрочка вѣжала въ квартиру, восторженно крича:

— Мамаша! я оступилась!

— Какъ оступилась? — встревожилась Софья Михайловна.—Садись, покажи ножку!

— Это, шампань, намъ мосьѣ Жасминовъ сочиненіе изъ темы «Она оступилась» задалъ.

«Ah! c'est trop fort», — подумала Софья Михайловна и рѣшилась немедленно объясниться съ м-шѣ Тюрбо.

Она знала, что слово: «оступиться» употребляется въ смыслѣ, довольно неподходящемъ для дѣтской иѣвности. «Она оступилась, но потомъ вышла замужъ», или: «она оступилась, и за это родители не позволили ей показываться имъ на глаза» — вотъ въ какомъ смыслѣ употребляется это слово въ «свѣтѣ». Неужели ангелочекъ можетъ

когда-нибудь оступиться? Неужели нужно наводить его на подобные мысли, заставлять доискиваться ихъ значенія? Вотъ ужъ этого-то не ожидала она отъ м-ле Тюрбо! Она скорѣе склонна была думать, что старая дѣвственница сама не подозрѣваетъ значенія подобныхъ выражений, и вдругъ— прону и покорно!

Въ это утро у м-ле Тюрбо ужъ перебывало не мало встревоженныхъ матерей по этому же поводу, и потому она встрѣтила Софью Михайловну уже подготовленная.

— Ахъ, *chère madame!* — объяснила она: — что же въ этой темѣ дурного—рѣшительно не понимаю! Ну, прыгаль вотъ ангелочекъ по лѣстницѣ... ну, оступился... попортилъ ножку... разумѣется, не сломалъ — о, сохрани Богъ! — а только попортилъ... Послѣ этого долженъ быть нѣсколько дней пролежать въ постели, манкировать уроки... Согласитесь, развѣ все это не можетъ случиться!

— Да, ежели въ этомъ смыслѣ... но я должна вамъ сказать, что очень часто это слово употребляется и въ другомъ смыслѣ... Во всякомъ случаѣ, знаете что? попросите мосьѣ Жасминова — отъ меня! — не задавать сочиненій на темы, которыхъ могутъ имѣть два смысла! У меня живеть нѣмка, которая можетъ... О, вы не знаете, какъ я несчастлива въ своей семьѣ! Мужъ мой... охъ, если-бъ не ангелочекъ!

— Не доканчивайте! Я понимаю васъ! Желаніе ваше будетъ выполнено! — горячо отвѣтила м-ле Тюрбо, пожимая посѣтительницѣ руки.—*Pauvre ange délaissé!*

Наконецъ (ангелочку ужъ шесть шестнадцатый годъ) Вѣрочка пожаловалась мамашѣ, что танцмейстеръ Тушату хватаетъ ее за колѣники. Извѣстіе это окончательно взорвало Софью Михайловну. Во-первыхъ, она въ первый разъ только сообразила, что у ангелочка есть колѣники, и, во-вторыхъ — какая дерзость! Неужто какой-нибудь Тушату воображаетъ... *mais c'est odieux!* Когда она была молоденькая, и Ardalion, въ первый разъ, схватилъ ее за колѣники — о, она отлично помнить этотъ моментъ! — она никогда не забудетъ, какъ покойница *tatou* («скворешница!» мелькнуло у нея въ головѣ) браница ее за это!

— Твои колѣники, какъ вообще все твое, принадлежать будущему! — выговаривала старая скворешница: — и покуда ты не объявлена невѣстой, ты не должна расточать...

Она сообщила объ этомъ выговорѣ Ардашѣ, и онъ въ тотъ же вечеръ поспѣшилъ сдѣлать предложеніе. Ну, послѣ этого, конечно... О! это была цѣлая поэма!

Вследствие этого эпизода Софья Михайловна окончательно поссорилась съ м-Не Тюрбо и взяла ангелочка изъ пансиона. Курсъ еще не конченъ, но Вѣрочки черезъ какихъ-нибудь два мѣсяца шестнадцать лѣтъ—надо же когда-нибудь! Она ужъ достаточно знать и о томъ, что можетъ говорить голубой цвѣтъ, и о томъ, что можетъ случиться, если дѣвушка оступится, прыгая по лѣстницѣ. И вотъ, ее ужъ начинаютъ за колѣни хватать—довольно съ нея! Къ тому же зимний сезонъ кончился, скоро предстояли сборы въ деревню; тамъ Вѣрочка будетъ гулять, купаться, ъздить верхомъ и вообще наберется здоровья, а потомъ, въ октябрѣ, оять наступить зимний сезонъ. Они возвратятся въ Петербургъ и сдѣлаютъ для ангелочка первый балъ.

За обѣдомъ только и было разговору, что о будущихъ выѣздахъ и балахъ. Будутъ ли носить талию съ такими же глубокими вырезами сзади, какъ въ прошлый сезонъ? Будутъ ли сзади подъ юбку подкладывать подставки? Чѣмъ будутъ обшивать низъ платья?

— Soignez vos épaules, mon ange, — тревожно наставляла дочь Софья Михайловна: — плечи—это въ бальномъ нарядѣ главное.

Увы! Ардальонъ Семенычъ уже не только не возмущался этими разговорами, но внималъ имъ совершенно послушно. Въ послѣднее время онъ весь отдался во власть мадеры, сдѣлся необыкновенно тихъ и только изрѣдка сквозь зѣбы цѣдишъ:

— Черти!

Все имѣнио такъ и случилось, какъ предначертала Софья Михайловна. За лѣто Вѣрочка окрѣпила и нагуляла плечи, не слишкомъ наливныя, но и не скаредныя—какъ разъ въ мѣру. Въ декабрѣ, передъ Рождествомъ, Братцевы дали первый балъ. Разумѣется, Вѣрочка была на немъ царицей, и князь Сампантре смотрѣлъ на нее изъ угла и щелкалъ языкомъ.

— Маша! это былъ волшебный сонъ! — восторженно восклицалъ ангелочекъ, вставши на другой день очень поздно.—Ты дань еще другой такой балъ?

— Объ этомъ надо еще подумать, ангелочекъ: такие балы обходятся слишкомъ дорого. Во всякомъ случаѣ, на слѣдующей недѣлѣ будетъ балъ у Щербиновскихъ, потомъ у Глазотовыхъ, потомъ въ «Собраниі», а можетъ-быть, и князь Сампантре дастъ балъ... для тебя... Кетати, представиль его тебѣ вчера папаша?

— Да, представиль... Ахъ, какой у него смѣшной носъ!

— Не въ носу дѣло, — резонно разсудила мать: — а въ томъ, что, кромѣ носа, у него... Впрочемъ, это ты въ свое время узнаешь!

Сезонъ промчался незамѣтно. Визиты, театры, балы — ангелочекъ съ утра до вечера только и дѣжалъ, что раздѣвался и одѣвался. И всякий разъ, возвращаясь домой усталая, но вся пылающая отъ волненія, Вѣрочка кидалась на шею къ матери и восклицала:

— Мама! мама! это... волшебный сонъ!

Наконецъ, ужъ передъ масляницей, князь Сампантре дать ожидаемый баль. Онъ открылъ его польскимъ въ парѣ съ Софьей Михайловной и первую кадриль танцевала съ Вѣрочкой, которая не спускала глазъ съ его носа, точно хотѣла выучить его наизусть.

Постомъ пошли рауты; но Братцевы выѣзжали не часто, потому что нимъ начальѣздить князь Сампантре. Наконецъ, на Святой онъ прїѣхалъ утромъ, спросилъ Софию Михайловну и открылся ей. Вѣрочка въ это время сидѣла въ своемъ гнѣздышкѣ (*un vrai nid de colibri*), какъ вдругъ татан, вся взволнованная, вѣжала къ ней.

— Пойдемъ! онъ сдѣлалъ предложеніе! — сказала она шепотомъ, точно боясь, чтобы кто-нибудь не услышалъ и не разстроилъ счастья ея ангелочка.

Вѣрочка вспомнила про носъ и слегка поморщилась. Но потомъ вспомнила, что у Сампантре есть кое-что и кромѣ носа, — и встала.

— Идемъ же! — торопила ее мать.

Дѣло кончилось въ двухъ словахъ. Рѣшено было справить свадьбу въ имѣніи Сампантре въ будущемъ сентябрѣ, въ тотъ самый день, когда ангелочку минеть семнадцать лѣтъ.

Дѣвическая жизнь ангелочки кончилась. Въ семнадцать лѣтъ она уже успѣла исчерпать все ея содержание и приготовиться быть доброю женой и доброю матерью.

Теперь она пишетъ себя на карточкахъ: «княгиня Вѣра Ардалоновна Сампантре, рожденная Братцева». Но татан попрежнему называетъ ее «ангелочкомъ».

2.—Христова невѣста *):

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ Ольга Васильевна Ладогина, девятнадцати лѣтъ, вышла изъ института и прямо переселилась въ деревню къ отцу. Въ то время, когда болѣе счастливыя товарки разѣзжались по Москвѣ, чтобы вступить въ свѣтъ, въ самомъ разгарѣ сезона, за Ольгой прїѣхала няня, перенесла ее въ «собственное» платье и увезла на постоянный дворъ, где она остановилась. На постоянномъ дворѣ отбѣдали деревенской провизіей, подкормили лошадей и сѣли въ возокъ; дѣло было въ началѣ зимы. Отцовская усадьба стояла отъ Москвы слишкомъ въ ста верстахъ, такъ что на «своихъ» онѣ прїѣхали только на третій день къ обѣду.

Василій Федорычъ Ладогинъ былъ больной старикъ. Болѣзнь была хроническая, неизлѣчимая, такъ что онъ рѣдко вставалъ съ кресла и съ трудомъ бродилъ по комнатамъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ и безъ того плохія радости, а тутъ еще навязался недугъ. Никто къ нему не ѻздила, кромѣ лѣкаря, который разъ въ недѣлю наѣзжалъ изъ города. Лѣкарь былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, но уже обремененный семействомъ. Можетъ-быть, вслѣдствіе этого онъ былъ молчаливъ, смотрѣлъ угнетенно и вообще представлялъ мало рессурсовъ. Всегда одинокій, больной и угрюмый, Василій Федорычъ считалъ себя оброшеннымъ и не видѣлъ иного выхода изъ этой оброшенности, кромѣ смерти.

Дѣтей у него было двое: сынъ Павелъ, лѣтъ двадцати двухъ, который служилъ въ полку на Кавказѣ, и дочь, которая оканчивала воспитаніе въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Сынъ не особенно радовалъ; онъ вѣрь разгульную жизнь, имѣть неоднократно «исторіи», быть переведенъ изъ гвардіи въ армию и не выказывать ни малѣйшей привязанности къ семье. Дочь была отличная и скромная девушка, но отцу становилось жутко, когда онъ раздумывался о ней. Ей предстояло коротать жизнь въ деревнѣ, около него, и только смерть его могла избавить ее отъ этого сѣраго, безнадежнаго будущаго. Была у него, правда, родная сестра, старая девица, которая скромно жила въ Петербургѣ въ небольшомъ кругу «хорошихъ людей» и тревожилась всевозможными передовыми вопросами.

*). Этими именемъ на народномъ языке называются старые девушки, которымъ не посчастливилось выйти замужъ.

Василій Федорычъ думалъ поселить Ольгу вмѣстѣ съ нею, Надежда Федоровна охотно соглашалась на это, но Ольга решительно отказалась исполнить желаніе отца. Ей казалось, что ея мѣсто—около больного старика, и деревенское заточеніе не только не пугало ея, но рисовалось въ ея воображеніи въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ. Большой домъ, обширныя комнаты, паркъ съ густыми аллеями; лѣтомъ—воздухъ пропитанъ ароматами, паркъ гремѣть пѣснью птицъ; зимой—деревья задумчиво помахиваются обнаженными вершинами, деревня утопаетъ въ сугробахъ; во все стороны далеко-далеко видно. И тотъ, и другой пейзажъ имѣютъ свою прелесть: первый представляетъ ликованіе, жизнь; второй—задумчивое, тихое умирание.

Но, кромѣ наслажденій, представляемыхъ природой, ей предстоять въ деревнѣ и различная обязанности. Она выберетъ иѣсколько деревенскихъ дѣвочекъ и будетъ учить ихъ; она будетъ посѣщать бѣдныхъ крестьянъ, помогать, лечить. Конечно, она совсѣмъ не знаетъ медицины, но съ помощью хорошаго лѣчебника и совѣтовъ уѣзднаго лѣкаря—этотъ недостатокъ легко устранить. Сверхъ того, передъ нею раскрывалась широкая область сельско-хозяйственной дѣятельности. Лѣтомъ—ходить въ поля, смотрѣть, какъ пашутъ, жнуть; зимою—сводить счеты. Вообще, работы предстояло достаточно.

Состояніе у Ладогиныхъ было хорошее, такъ что они могли жить, ни въ чемъ не нуждаясь. Съ этой стороны будущее дѣтей не пугало Василія Федорыча. Его пугало, что сынъ вышелъ неудачный, а дочь останется одинокою. Онь съ горечью думалъ о тѣхъ счастливыхъ семьяхъ, гдѣ много родныхъ, и родственные связи упрочились крѣпко. По крайней мѣрѣ, для молодыхъ людей есть вѣрный приютъ, особенно ежели не существуетъ значительной разницы въ материальныхъ средствахъ. Горько являться въ качествѣ бѣдной родственницы; но, не имѣя нужды въ кускѣ, всегда можно надѣяться на радушный приемъ. Вотъ если бы Ольга вышла замужъ—это было бы отличнымъ исходомъ и для нея, и для брата. И братъ могъ бы пріютиться въ семьѣ сестры и сдѣлаться тамъ человѣкомъ. Но на замужество Ольги надежда была плохая, особенно съ тѣхъ поръ, какъ она отказалась поселиться у Надежды Федоровны. Кто ее увидить въ деревенской глупии? Кому она нужна, кромѣ безнадежно-больного старика-отца?

Сверхъ того, старикъ не скрывалъ отъ себя, что Ольга

была некрасива (ее и въ институтъ звали дуриушкой), а это тоже имѣть влияніе на судьбу девушки. Лицо у нея было широкое, расплывчатое, корпусъ сутулый, приземистый. Не могла она нравиться. Развѣ толькъ бы ее полюбили, кто онѣшилъ бы ея сердце и умъ. Но такие цѣнители вообще представляютъ исключеніе, и ужъ, разумѣется, не въ деревнѣ можно было надѣяться встрѣтить ихъ.

Едва приѣхала Ольга Васильевна въ деревню, какъ сразу же погрузилась въ безпробудную тишину. Старики-отецъ почти не покидалъ кресла и угрюмо молчалъ; въ комнатахъ было пусто и безмолвно. Стукъ часоваго маятника, скрипъ собственныхъ шаговъ — все съ такою гулкостью раздавалось въ комнатахъ, что по временамъ она даже пугалась. Пейзажъ, открывавшійся передъ окнами, былъ необыкновенно унылъ. Деревья въ паркѣ грузно опустили отягченныя инеемъ вѣтви и едва шевелили ими; рѣчка застыла; изрѣдка вдали показывался проѣзжий, и толькъ словно нырялъ въ сугробахъ, то показываясь на дорогѣ, то исчезая. Бѣлая церковь выступила впередъ своей колокольней, точно сбираясь сойти съ пригорка и что-то возвѣстить. Вправо отъ нея, сквозь обнаженный фруктовый садъ, чернѣлъ сельскій поселокъ, но издали казалось, что и онъ словно замеръ. Прислуга, пользуясь нездоровьемъ барина, рѣдко показывалась въ домѣ, за исключеніемъ старого камердинера, который постоянно дремалъ въ передней. Только на мельницѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ усадьбы, замѣчалось движеніе; но туда Ольга идти не рѣшалась: она еще боялась сразу вступать на арену хозяйственной дѣятельности.

Вечеромъ зажигались огни по всей анфиладѣ комнатъ, где проводилъ свой день старый баринъ. Старики любили освѣщенные комнаты; онѣ однѣ напоминали ему о жизни. Ольга садилась около него и читала; но старики даже отъ чтенія, во время долгой болѣзни, отвыкли. Тогда она пересаживалась съ книгой къ столу и читала про себя, покуда отца не уводили спать. Книгъ въ домѣ оказалось много, и почти все въ нихъ было для нея ново. Это до известной степени наполняло ту вынужденную праздность, на которую она была обречена. Она все чего-то ждала, все думала: вотъ пройдетъ мѣсяцъ-другой, и она войдетъ въ настоящую колею, устроится въ новомъ гнѣздѣ такъ, какъ мечтала о томъ, покидая Москву, будеть ходить въ деревню, наберестъ ученицъ и проч. Тогда и деревенская тишина перестанетъ давить ее своимъ гнетущимъ однообразіемъ.

Въ ожиданіи минуты, когда настанет дѣятельность, она читала, бродила по комнатамъ и думала. Поэтическая сторона деревенской обстановки скоро исчерпалась; гудѣніе впѣзанно разыгравшейся метели уже не производило впечатлѣнія; безконечная бѣлая равнина, съ крутящимися по мѣстамъ, словно дымъ, столбами сиѣга, прискутила; тишина не успокаивала, а наполняла сердце тоской. Сердце безнокойно билось, голова наполнялась мечтаніями.

Она старалась гнать ихъ отъ себя, замѣнять болѣе реальною пищею — воспоминаніями прошлаго; но послѣдній были такъ малосодержательны и притомъ носили такой реческій характеръ, что останавливаться на нихъ подолгу не представлялось никакого резона. У нея существовала, вирочемъ, въ запасѣ одинъ рессурсъ — долгъ самоотверженія относительно отца, и она охотно отдалась бы ему; но старикъ думалъ, что стѣсняетъ ее собою, и предпочиталъ услугу старого камердинера.

— Ужели всѣ такъ живутъ? — повторяла она, вперяя взоръ въ безконечную даль.

Нѣтъ, есть другіе, которые живутъ по-иному. Даже у нея подъ бокомъ шла жизнь, — положимъ, своеобразная и грубая, но все-таки жизнь.

По временамъ раздавалось то въ той, то въ другой передней хлонанье дверьми — это означало, что кто-нибудь изъ приелуги пришелъ и опять уходитъ. Въ этотъ домъ приходили только на минуту и сейчасъ же спѣшили изъ него уйти, точно онъ былъ вымороный. Даже старуха-нянька — и та постоянно спѣла въ людской. Тамъ было весело, оживленно; тамъ слышался человѣческій голосъ, человѣческій смѣхъ; тамъ о чёмъ-то думалось, говорилось. Она одна ничего не слышала, кроме тиканья раскачивающагося маятника, скрипа собственныхъ шаговъ, да какихъ-то таинственныхъ шепотовъ, которые по временамъ врывались въ общее безмолвіе съ такою ясностью, что ей становилось жутко. Хотя бы игрушку или собаку ей кто-нибудь подариль — все было бы веселѣе. Нѣтъ, одна, всегда одна. Какую такую поэзію она себѣ воображала, когда сюда вхала?

Періодический прѣздѣ лѣкаря нѣсколько оживлялъ ее. Несмотря на угнетенный видъ, молчаливость, все же это были человѣкъ. Самъ онъ, положимъ, вопросъ не дѣлать, но на посторонніе вопросы отвѣщать. Къ тому же наружность его была довольно симпатична: блѣдное лицо, за-

думчивые большие глаза, большой лобъ, густые черные волосы. Очень возможно, что печать угнетенности легла на него не спроста. Слухи носились, что онъ женился очень несчастливо, на вдовѣ, которая была гораздо старше его и которая содержала меблированные комнаты, гдѣ онъ жилъ. Тамъ онъ съ нею и познакомился. Но поскольку въ этой истории было правды—она не знала, и только видѣла, что въ жизни доктора было что-то загадочное. Случалось ей по временамъ и разговариваться съ нимъ, но разговоры были короткие.

— Вы женаты?—однажды спросила она его во время обѣда.

— Женатъ,—ответилъ онъ однозначно.

— И семейство есть?

— Четверо дѣтей.

— Скажите, веселятся въ городѣ? бываютъ собранія, гечера?

— Не знаю; я очень мало имѣю знакомствъ и никуда неѣзжу.

— Чѣмъ такъ?

— Жизнь такъ сложилась. Скучная жизнь.

Она инстинктивно подумала: «какой молодой и уже сватать себя!» — но тутъ же спохватилась: съ чего ей вздумалось жалѣть, что онъ «связанъ», и краска разлилась по ея лицу.

— Да, пельзя сказать, чтобы весело было жить, — сказала она.

— Скучно, скучно, скучно! — три раза повторилъ онъ, главное, бесполезно.

— Не слишкомъ ли рѣзко вы выражились?

— Нѣтъ; вы сами на себѣ это чувство испытываете; а ежели еще не испытываете, то скоро, повѣрьте мнѣ, оно наполнитъ все ваше существо. Зачѣмъ? почему? — вотъ единственные вопросы, которые представляются уму. Всю жизнь нести иго зависимости, съ утра до вечера ходить около крохъ, слышать разговоръ о кроахъ, сознавать себя подавленнымъ мыслю о кроахъ...

— Но вѣдь я о кроахъ не думаю, а мнѣ тоже скучно.

— Нѣтъ, и ваша жизнь переполнена крохами, только вы иначе ихъ называете. Чѣмъ вы теперь дѣлаете? чѣмъ предстоитъ вамъ въ будущемъ? Навѣриное, вы мечтаете о дѣятельности, о возможности быть полезною; но разберите сущность вашихъ мечтаний, и вы найдете, что тамъ ничего, кроме крохъ, нѣтъ.

— Я еще не приступила ни къ чему, а вы уже заранѣе угасите меня.

— Извините. Я вообще и неумѣль, и необщителенъ. Такъ сказалось, спроста.

Оба замолчали, чувствуя, что дальнѣйшее развитіе подобнаго разговора между людьми, которые едва знали другъ друга, можетъ представить нѣкоторыя неудобства. Но когда онъ послѣ обѣда собрался въ городъ, она опять подумала: «Вотъ если-бъ онъ не былъ связанъ!» — и опять покраснѣла.

Въ этотъ же вечеръ старикъ-отецъ, точно чувствуя, что сердце Ольги тревожно, подозвалъ ее къ себѣ и, взявши за подбородокъ, долго всматривался ей въ глаза.

— Бѣдная моя! — не то сказалъ, не то вздохнулъ онъ.

— Чѣмъ такъ? — спросила она, чуть не плача.

— Бѣдная! — повторилъ онъ, безпомощно опуская голову на грудь, и махнулъ рукой, чтобы она ушла.

Всю ночь она волновалась. Что-то новое, хотя и неясное, проснулось въ ней. Разговоръ съ докторомъ былъ загадочный; сожалѣнія отца заключали въ себѣ еще менѣе ясности, а между тѣмъ они точно разбудили ее отъ сна. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ такое жизнь? чѣмъ значатъ эти «крохи», о которыхъ говорилъ докторъ?

Ей вспомнилась старая девушка — тетка. Надежда Федоровна не жаловалась собственно на жизнь, а только на известныя затрудненія, которыя тормозили ея дѣятельность. Но затрудненія не исключали представленія о жизни, напротивъ того, борьба съ ними оживляла и придавала бодрости. Такъ, по крайней мѣрѣ, явствовало изъ писемъ тетки, которая всегда оговаривалась, что занята по горло и оттого пишетъ рѣдко. Зачѣмъ она не послушалась отца и не поселилась вмѣстѣ съ теткой? Быть-можеть, теперь у нѣя нашлось бы ужъ дѣло; быть-можеть, она, вмѣстѣ съ Надеждой Федоровной, волновалась бы настоящею, реальной дѣятельностью, а не тою вынужденною праздностью, которая наполняла все ея существо тоскою. Или и усиленная дѣятельность тетки не представляла ничего другого, кроме «крохъ», какъ выражался недавно докторъ?..

На другой день, утромъ, она спросила няньку:

— Есть у насъ въ селѣ бѣдные?

— Какъ бѣднымъ не быть.

— И плохо они живутъ?

— Ужъ какое бѣдному человѣку жить! Колются.

— Чѣдь они, напримѣръ, Ѵдѣть?

— Тюрю, ищи пустыя. У кого корова есть, такъ молока для забѣлки кладутъ.

— И больные въ деревнѣ есть?

— И больныхъ довольно. Плотникъ Миронъ ужъ два года животомъ валяется. Взвалилъ себѣ въ ту пору на плечо бревно, и вдругъ у него въ нутрѣ оборвалось.

— Неужто и онъ тоже тюрей питается?

— А то чѣмъ же! Чѣмъ прочie, тѣмъ и онъ. Хлѣбъ-то задаромъ не достается. Онъ и съ печки сойти не можетъ— какой онъ добытчикъ!

— Докторъ у него не былъ?

— Про насъ, сударыня, докторовъ не припасено,—чуть не съ гиѣвомъ отвѣтила нянка.

— Я, нянка, пойду къ Мирону,—рѣшила Ольга.

— А зачѣмъ, позвольте узнать? «Богъ милости присланъ»? Такъ это онъ и безъ васъ давно знаѣтъ.

— Нѣть, я спрошу, не нужно ли чѣдь.

— Полноте-ка! посмотрите, на дворѣ мгла какая! Пойдете въ свое мѣсто разлетайчикъ, простудитесь еще. Сидите-ка лучше дома—на чѣдь еще глядѣть собрались!

— Нѣть, я пойду.

И пошла.

Приходу ея въ избѣ удивились. Но она вошла довольно смѣло и спросила Мирона. Въ избѣ было душно и невыносимо смрадно. Ей указали на печку. Когда она взошла по приступкамъ наверхъ, передъ ней очутился человѣческій оставъ, изъ груди котораго вылетали стоны.

— Вы больны?—спросила она, не сознавая безполезности своего вопроса.

Ольга широко раскрыла глаза и безмолвствовала.

— Третій годъ пластомъ лежитъ, — отвѣчала за него жена:— сначала и день, и ночь крикомъ-кричать, хоть изъ избы вонъ бѣги, а теперь потихоньку сдѣлался.

— Можетъ-быть, ему легче сдѣлалось?

— Не должно бы быть—сь чѣдь? Нѣть, у него, стало-быть, силы уже нѣть кричать.

— Чѣмъ же вы его кормите?

— Чѣдь сами Ѵдимъ, тѣ и ему даемъ. Да онъ и не Ѵеть совсѣмъ.

— Хотите, я вамъ бульону для него принесу? мяса?

— Съ убояниномъ у него, пожалуй, съ души сопрѣть. Вотъ

илицу... Миронъ, а, Миронъ! барышня съ усадьбы пришла, приглашаетъ, сунду не хочешь ли?

— Не... нужно...

— Нѣть, я все-таки пришлю. Можетъ-быть, и получше ему будетъ. И съ докторомъ о немъ поговорю. Посмотреть, что-нибудь присовѣтуетъ, скажетъ, какая у него болѣзнь.

Визитъ кончился. Когда она возвращалась домой, ей было нѣсколько стыдно. Съ чѣмъ она шла?.. съ «сунцемъ»! Да и «сунецъ» ея быть принять какъ-то сомнительно. Ни одного дѣльного вопроса она сдѣлать не сумѣла, никакой помощи предложить. Между тѣмъ сердце ея болѣло, потому что она увидѣла настоящее страданіе, настоящее горе, настоящую нужду, а не тоску по праздности. Тѣмъ же менѣе, она сейчасъ же распорядилась, чтобы Мирону послали миску съ бульономъ, вареной говядины и бѣлаго хлѣба.

— Это еще чѣмъ за выдумки?— удивилась няня.

— Пожалуйста, няня, пропути!

— Стыдитесь, сударыня, у насъ у самихъ говядины въ обрѣзы! Въ городъ за нею гоняемъ. А бѣлый хлѣбъ только для господъ бережемъ.

— Исполните приказаніе Ольги Васильевны!—раздался голосъ старика Ладогина, до котораго, черезъ двѣ комнаты, донесся этотъ разговоръ.

Приказаніе было исполнено. На другой день Ольга Васильевна повторила свою просьбу; но она уже видѣла, что ей придется напоминать обѣ одномъ и томъ же каждый день, и что добровольно никто о Миронѣ не подумаетъ. Когда приѣхалъ докторъ, она пошла къ больному вмѣстѣ съ нимъ; но докторъ, осмотрѣвъ пациента, объявилъ, что онъ безнадеженъ, и такихъ средствъ, которыя могли бы возстановить здоровье Мирона, у него, доктора, въ распоряженіи не имѣется. Онъ назвалъ болѣзнь по имени, но Ольга не поняла. За всѣмъ тѣмъ она продолжала напоминать о «сунцѣ», но скоро убѣдилась, что распоряженія ся просто не исполняются. Тогда она умолкла.

Недѣли черезъ двѣ она обратилась къ нянькѣ съ новымъ вопросомъ:

— Нѣть ли на селѣ дѣвочекъ, которыхъ пожелали бы учиться? Немногихъ: четыре-пять дѣвочекъ...

— Учить хотите?

— Да.

— Это чтобъ онъ вездѣ слѣдовъ наслѣдили, нахаркали, есъ комнаты овчинами насмердили?

— Ахъ, няня, какъ это у васъ сердце такое черствое!

— Придуть въ вашу комнату, насорять, нагадять, а я за ними подметай! — продолжала ворчать нянька.

— Другіе подметутъ; наконецъ, я сама.. Пожалуйста! Я знаю, напашѣ будеть пріятно, что я хоть чѣмъ-нибудь занята.

На этотъ разъ нянька не противорѣчила, потому что побоялась вмѣшательства Василія Федоровича. Для черезъ два пришли три дѣвочки, пугливо остановились въ двухъ классной комнаты, оглядѣли ее кругомъ и, наконецъ, уставились глазами въ Ольгу. Съ мороза посы у нихъ были влажны, и одна изъ пришедшихъ, точно исполняя предсказаніе няньки, тотчасъ же вы сморкалась на полъ.

— Подойдите, не бойтесь! — поопиряла ихъ Ольга Васильевна.

Началось каждодневное ученье, и такъ какъ Ольга дѣйствительно сгорала желаніемъ принести пользу, то дѣло прошло довольно бойко.

Черезъ короткое время Ольга Васильевна, однако-жъ, замѣтила, что матушка-попадя имѣеть на нее какое-то неудовольствіе. Оказалось, что такъ какъ женской школы на селѣ не было, то матушка, за крохотное вознагражденіе, набирала ученицъ и учила ихъ у себя на дому. Затѣмъ «барышни», разумѣется, представляла для нея очень опасную конкуренцію.

— Она семью своимъ трудомъ кормить, — говорила по этому случаю нянька: — а вы у нея хлѣбъ отнимаете.

Приходилось попрежнему безцѣльно бродить по комнатамъ, прислушиваться къ бою маятника и скучать, скучать безъ конца. Изрѣдка она каталась въ саняхъ, и это немногого оживляло ее; но дорога была такъ изрыта ухабами, что безпрерывное нырянье въ значительной степени отравляло прогулку. Впрочемъ, она настолько ужъ опустилась, что ее и не тянуло изъ дома. Все равно, вездѣ одно и то же, и вездѣ она одна.

Во время рождественскихъ праздниковъ пріѣзжалъ къ отцу одинъ изъ мировыхъ судей. Онъ говорилъ, что въ городѣ веселятся, что квартирующій тамъ батальонъ доставляетъ жителямъ различныя удовольствія, что по зимамъ панимается залъ для собраній, и бываютъ танцевальные вечера. Потомъ зашелъ разговоръ о какихъ-то пререка-

ниахъ земства съ исправникомъ, о томъ, что земскія недоимки совсѣмъ не взыскиваются, что даже жалованье членамъ управы и мировымъ судьямъ платить не изъ чего.

— Саухи ходятъ, что скоро и совсѣмъ земства похерятъ,—прибавлялъ онъ:—да и хорошо сдѣлаютъ. Объ умывальникахъ для больницы да о паромѣ черезъ рѣчку Воплю и безъ земства есть кому думать. Вотъ кабы...

Но Василій Федоровичъ не дать ему докончить и, смѣясь, сказалъ:

— Успокойтесь: ваше жалованье при васъ останется. Даже вѣрище будетъ упачиваться, потому что недоимки настоящимъ образомъ станутъ взыскивать.

Въ заключеніе суды приглашали Ольгу развлечься и предлагать познакомить ее съ своею женой. Дѣйствительно, она однажды собралась въ городъ, и жена суды приняла ее очень дружелюбно. Вмѣстѣ они поѣхали въ собрапіе, но тамъ было такъ людно и шумно, что у Ольги, почти въ самомъ началѣ вечера, разболѣлась голова. Притомъ же почти все время она просидѣла одна, потому что, подъ предлогомъ незнакомства, ее ангажировали очень рѣдко, тогда какъ жена суды была царицей бала и не пропускала ни одного танца. Она искала глазами доктора, но его въ залѣ не было. Взамѣнь ей указали на сухопарую, высокую даму, которая тоже сидѣла совсѣмъ одиноко, и сказали:

— Вотъ наша докторша!

Черезъ нѣсколько времени сухопара дама подошла къ ней и очень нахально объявила:

— А мой докторъ отъ вѣкъ безъ ума. Только и словъ, что Ольга Васильевна да Ольга Васильевна.

— Я всего одинъ разъ съ нимъ говорила, — невинопадъ отвѣтила Ольга, краснѣя.

— Это зависить отъ того, какъ говорить! Иногда и одинъ разъ люди поговорять, да такъ сковорятся, что любо-дорого смотрѣть!

Ольга встала и пересѣла на другое мѣсто.

— Пріѣдѣть онъ теперь къ вамъ... дожидайтесь! — прошептѣла ей вслѣдъ докторина.

Послѣ этого эпизода голова у нея разболѣлась сильнѣе, и ей сдѣладось невыносимо скучно среди этой суматохи, называвшей себя весельемъ.

«Должно-быть, и для того, чтобы веселиться, надо привычку имѣть», — думалось ей, когда она возвращалась на постоянный дворъ, чтобы переодѣться и возвратиться домой.

— Ну, вотъ, слава Богу, и новеселились! — встрыгнала ее нянька.

Тѣмъ не менѣе докторъ продолжалъ наизыщать старика: это была единственная практика во всемъ уѣздѣ, которая представляла какое-нибудь подспорье, такъ что даже сварливая докторница не рѣшилась настаивать на утратѣ такого пациента. Но Ольга уже не вступала съ докторомъ въ разговоръ, а онъ и подавно молчалъ. Обмѣниваясь короткими фразами, обѣдали они вдвоеъ въ урочное время, затѣмъ покидали другъ другу руки, и онъ уѣзжалъ. День-ото-дня перспектива одиночества и какой-то безвыходной тоскливости все неизбѣжнѣе и неизбѣжнѣе обрисовывалась передъ ней.

Наконецъ, наступилъ мартъ, и грудь ея вздохнула свободнѣе. Стужа еще не прекратилась, но въ срединѣ дня солнце уже груѣло, и въ воздухѣ чуялся поворотъ къ веснѣ. Вотъ и грачи прилетѣли и наполнили сосѣднюю рощу шумомъ карканья; вотъ на дорожкѣ, ведущей въ паркъ, изъ густоты сиѣжномъ слоѣ, ее покрывавшемъ, показались дырочки; на прудъ прибѣгали деревенскіе мальчики и провалявались въ рыхломъ сиѣгу. Къ концу марта и въ комнатахъ стало веселѣе, свѣтлѣе. Лучи солнца играли изъ зоди, отражались въ зеркалахъ; на стѣнахъ неизвѣстно откуда появлялись «зайчики». Ольга съ удовольствіемъ слѣдила за игрою лучей и чувствовала себя менѣе угнетенной. Наконецъ, пришелъ управляющій и объявилъ, что надо зачастись провизіей, потому что скоро появится на дорогахъ якоры, и въ городъ нельзя будетъ проѣхать. Въ первыхъ числахъ апрѣля изъ рѣчки тронулся ледь, и все видимое пространство, и поля, и луга, покрылось водою.

Но въ то же время и погода измѣнилась. На небѣ съ утра до вечера ходили грузныя облака; начинавшееся тепло, какъ бы по мановенію волшебства, исчезло; почти ежедневно шелъ мокрый сиѣгъ, о которомъ говорили: «молодой сиѣгъ за старымъ принесъ». Но и эта перемѣна не огорчила Ольгу, а, напротивъ, заняла се. Все-таки дѣло идетъ къ возрожденію; тѣмъ или другимъ процессомъ, а природа беретъ свое.

На послѣдній недѣльѣ поста Ольга гоїкла. Она всегда горячо и страстно вѣровала, но на этотъ разъ сердце ея переполнилось. На исповѣди и на причастіи она не могла сдержать слезъ. Но облегчили ли еe эти слезы, или, напротивъ, наполнили ея сердце тоскою, этого она и сама не могла различить. Иногда ей казалось, что она утѣшена,

но черезъ минуту слезы онять закинали въ глазахъ, неудержимой струей текли по щекамъ, и она безсознательно повторяла слова отца: «бѣдная! бѣдная! бѣдная!»

Въ утрени Свѣтлого праздника съ ней повторилось то же явленіе, но она, насколько могла, сдержала себя. Воротившись отъ ранней обѣди домой, она похристосовалась съ отцомъ, который, по случаю праздника, надѣлъ бѣлый кашемировый халатъ и весь въ бѣломъ былъ скорѣе похожъ на мертвѣца, закутанаго въ саванъ, нежели на живого человѣка. Потомъ перечѣловалась со всемъ прислугой, разговѣлась, выслушала славленіе сельскаго священника и, усталая, легла отдохнуть. Но сдавленныя слезы сами собой нолились; сердце заныло, въ груди шевельнулись риданія. «Бѣдная! бѣдная! бѣдная!»—раздавалось у нея въ ушахъ, стучало въ головѣ, разливалось волной по всему тѣлу...

Въ маѣ Ольга Васильевна начала ходить въ поле, гдѣ имѣла пахота, и начался посѣвъ ярового. Работа заинтересовала ее; она присматривалась, какъ управляющій распоряжался, ходилъ по пашнѣ, тыкалъ палкою въ вывороченные сохой комья земли, дѣлалъ работникамъ выговоры и проч.; ей хотѣлось и самой что-нибудь узнать, чему-нибудь научиться. На вопросы ея управляющій отвѣчалъ, какъ могъ, но при этомъ лицо его выражало такое недоумѣніе, какъ будто онъ хотѣлъ сказать: ты-то какимъ образомъ сюда попала?

Зато въ паркѣ было весело; березы покрылись молодыми блѣдно-зелеными листьями и сѣменными сережками; почки липы надувались и трескались; около клумбъ возился садовникъ съ рабочими: взрыхляли землю, сажали цвѣты. Нѣкоторыя птицы ужъ вывели птенчиковъ; гнѣзда самыхъ мелкихъ пернатыхъ, по болѣйшей части, были свиты въ дуплахъ деревъ, и иногда такъ низко, что Ольга могла заглядывать въ нихъ. По вечерамъ весь воздухъ былъ напоенъ душистымъ паромъ распустившейся березовой листвы.

Въ юнѣ къ Ладогинымъ явился съ визитомъ сосѣдъ, Николай Михайлычъ Семигоровъ, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати. Старикъ Ладогинъ въ былое время былъ очень близокъ съ покойнымъ отцомъ Семигорова и принялъ сына очень радушно. Молодой человѣкъ постоянно жилъ въ Петербургѣ, занималъ довольно видное мѣсто въ служебной іерархіи и только изрѣдка и на короткое время навѣщалъ деревню, отстоявшую въ четырехъ верстахъ отъ усадьбы

Ладогина. Средства онъ имѣлъ хорошии, не торопился свя-
зывать себя узами, былъ настолько свѣдущъ и образованъ,
чтобы вести солидную бесѣду на всѣ вкусы, и въ обществѣ
на него смотрѣли, какъ на приличнаго и пріятнаго человѣка. Въ семействѣ Ладогиныхъ онъ вель себя очень пред-
упредительно. Съ перваго же раза поверь съ Ольгой ожи-
вленный разговоръ, сообщилъ нѣсколько пикантныхъ по-
дробностей изъ петербургской жизни, коснулся «вопросовъ»
и, разумѣется, по преимуществу тѣхъ, которымъ была по-
священа дѣятельность тетки—Надежды Федоровны. Но при
этомъ объявилъ, что настоящее время для вопросовъ очень
трудное, и что Надежда Федоровна хотя не опускаетъ руку,
но очень страдаетъ.

— Всего больше угнетаетъ тѣ,—сказалъ онъ:—что надо
дѣйствовать какъ будто исподтишка. Казаться веселымъ,
когда чувствуешь въ сердцѣ горечь, заискивать у такихъ
личностей, съ которыми не хотѣлось бы даже встрѣчаться,
доказывать тѣ, что само по себѣ ясно какъ день, сѣдѣть,
какъ бы не оборвалась внезапно тонкая нитка, на которой
чуть держится дѣло преуспѣянія, отстаивать каждый от-
дельный случай, пугаться и затѣмъ просить, просить и
просить... Согласитесь, что это не легко!

И когда Ольга отвѣчала на его слова соболѣзнованіями—
ничего другого и въ запасѣ у нея не было.—то онъ, по-
ощренный ея вниманіемъ, продолжалъ:

— Вообще мы, люди добрыхъ намѣреній, должны держать
себя осторожно, чтобы не погубить дѣла преуспѣянія и
свободы. Мы обязаны помнить, что каждый переполохъ
прежде всего и больше всего отражается на насъ. Поэтому
самое лучшее — не дразнить и стараться показывать, что
наши мысли совпадаютъ съ мыслями вліятельныхъ лицъ.
Разумѣется, не затѣмъ, чтобы подчиняться этимъ лицамъ,
а, напротивъ, чтобы они, незамѣтно для самихъ себя, под-
чинились нашимъ воззрѣніямъ. Вліятельное лицо всегда не
прочь полиберальничать — къ счастію, это вошло уже въ
привычку, — лишь бы либеральная мысль являлась не въ
черезчуръ рѣзкой формѣ и смягчалась инѣими признаками
уступокъ и соглашеній. Ежели этотъ маневръ удастся,
то дѣло преуспѣянія спасено. И что всего важнѣе: вліятельное лицо будетъ убѣждено, что инициатива этого спа-
сенія идетъ всенѣло отъ него. А при такомъ убѣждении и
будущее его содѣйствіе можетъ считаться обеспеченнымъ.

— Да, но вѣдь это игра опасная,—замѣтила Ольга.

— Коли хотите, она не столько опасна, сколько не вполнѣ правственна и въ высшей мѣрѣ надоѣдлива. Совѣстно лукавить и невыносимо скучно выслушивать пустяки, серьезно изрекаемые въ качествѣ истинъ. Требовательенъ нынѣшний вліятельный человѣкъ и даже изойливъ. Ни одной уступки вы отъ него не дождитесь иначе, какъ, цѣною цѣлаго потока пустопорожнихъ рѣчей. Но что же дѣлать?

Миѣ кажется, я бы побоялась. Вѣдь, слушая постоянно одинъ и тѣ же, какъ вы ихъ называете, пустопорожнія рѣчи, можно и самому незамѣтно подчиниться имъ. Вотъ я, напримѣръ, приѣзжая сюда, тоже мечтала о какой-то дѣятельности, чѣмъ-то въ родѣ свѣтлаго луча себя представляла, а въ концѣ-концовъ подчинилась-таки. Я скажу одно слово, а миѣ—двадцать въ отвѣтъ. Слова не особенно резонныя, но ихъ много, и притомъ они часто повторяются, все одни и тѣ же. Ну, и подчинилась или, говоря другими словами, махнула рукой и живу сама по себѣ.

— И дурно сдѣлали. Вамъ и подчиняться не нужно, а сдѣдуетъ только приказать.

— Да, прикажите! какъ вы прикажете, когда вамъ говорятъ: «теперь недосужно», или: «вотъ ужѣ, какъ убремся!» и въ заключеніе: «ахъ, я и забыла!» Вѣдь и «недосужно», и «ужѣ», и «забыла» — все это въ порядкѣ вещей, все возможно.

— Пожалуй, что и такъ. Въ нашемъ дѣлѣ, конечно, есть своего рода опасности, но нельзя же не рисковать. Если изъ десяти опасностей преодолѣть половину, — а на это все-таки можно разсчитывать, — то и тутъ ужѣ есть выигрыши.

Словомъ сказать, Ольга провела время пріятно, во всякомъ случаѣ сознавала, что въ этой безпробудной тиши въ первый разъ раздалось живое человѣческое слово. Съ своей стороны, и онъ далъ понять, что знакомство съ Ольгой Васильевной представляетъ для него неожиданный и пріятный рессурсъ, и въ заключеніе даже обѣщалъ «надѣдать».

— Я будуѣздить къ вамъ часто, — говорилъ онъ, прощаюсь; — ежели надоѣмъ, то скажите прямо. Но надѣюсь, что до этого не дойдеть.

— То-есть вы поступите со мной, какъ съ тѣмъ вліятельнымъ лицомъ, о которомъ упоминали: будете подчинять меня себѣ, приводить на путь истинный! — пошутила Ольга.

— Пожалуй, — отвѣтилъ онъ весело: — только на этотъ

разъ вполнъ добровольно и сознательно, а можетъ-быть, и вы подчините меня себѣ.

Семигоровъ уѣхалъ, и Ольга почувствовала съ первого же шага, что ей скучно безъ него. Теорія его казалась ей исколюко страниою, но вѣдь она такъ мало жила между людьми, такъ мало знаетъ, что, можетъ-быть, ошибается она, а не онъ. Во всякомъ случаѣ, разговоръ его заинтересовалъ ее, пробудилъ въ ней охоту къ серьезному мышленію. На этотъ разъ, однажды, мысли ея находились въ какомъ-то хаосѣ, въ которомъ мышалось и положительное, и отрицательное, смѣняя одно другое безъ всякой винопсловности. Въ этомъ хаосѣ она путалась до самой минуты, когда, ужъ довольно поздно, ее позвали къ отцу.

Отецъ собирался спать. Онъ перекрестьль дочь, посмотрѣлъ ей пристально въ глаза, точно у него ощять мелькнуло въ головѣ: бѣдная! Но на этотъ разъ воздержался и сказалъ только:

— Ну, Христосъ съ тобой!

Семигоровъ сдержалъ слово и посѣщалъ Ладожинъ ежели не каждый день, то очень часто. Молодые люди сблизились. Николай Михайлычъ разыяснилъ Ольгѣ значеніе реформъ послѣдняго времени, подробно рассказалъ исторію и современное положеніе высшаго женскаго образования, и мало-по-малу дѣйствительно подчинилъ ее себѣ. По временамъ они вступали на почву высшихъ общечеловѣческихъ интересовъ, спорили о различныхъ утоніяхъ, которыхъ излагалъ Семигоровъ, и, къ удивленію, Ольга на этой почвѣ опозналась гораздо быстрѣе и даже почувствовала себя тверже своего учителя. Во всякомъ случаѣ, она почувствовала, что въ существѣ ея хлынула жизнь.

Она слушала, волновалась, мыслила, мечтала... Но въ эти одинокія мечтанія неизмѣнно проникалъ образъ Семигорова, какъ свѣтлый лучъ, который пробудилъ ее отъ сна, освѣтилъ ея душу невѣдомыми радостями. Наконецъ, сердце не выдержало — и увлеклось.

Она даже забыла о своей пепривлекательной видимости и безоговорочно, бездумно пошла навстрѣчу охватившему ее чувству.

Замѣтилъ ли Семигоровъ зарождавшуюся страсть — она не отдавала себѣ въ этомъ отчета. Во всякомъ случаѣ, онъ относился къ ней сочувственно и дружески-тепло. Онъ прѣ不可缺少ъ сжималъ ея руки при свиданіи и разставаніи и по временамъ даже съ иѣжнымъ участіемъ глядѣлъ ей

въ глаза. Отчего было не предположить, что и въ его сердце запала искра того самаго чувства, которое переполняло ее?

Однажды — это было передъ самымъ отъездомъ Семигорова въ Петербургъ — они сидѣли въ паркѣ и особенно дружески разговорились. Рѣчь шла о положеніи женщины въ русскомъ обществѣ. Сначала она приводила примѣры изъ крестьянской жизни, но, паконецъ, не выдержала и указала на свою собственную судьбу. Съ горечью, почти съ испугомъ жаловалась она на одиночество, вынужденную праздность, на неудавшуюся, погибшую жизнь. Какимъ образомъ эта жизнь такъ сложилась, что кругомъ ничего, кроме мрака, нѣть? Неужели у судьбы есть жребій, которые она раздастъ по произволу, съ завязанными глазами? И для чего эти жребіи? Для чего однихъ одарять, другихъ отметать? Для чего нужна, какимъ цѣлямъ можетъ удовлетворять эта безмыслиенная игра? Хоть бы въ будущемъ быль просвѣтъ — можно было бы терпѣть и ждать. А въ ея жизни царствуетъ полная беспрочность. Она такъ же томится, какъ и прикованный къ креслу больной отецъ, который, вставая утромъ, ждетъ, скоро ли придетъ ночь, а ложась спать, ворочается на постели и ждетъ, скоро ли наступитъ утро. Такъ вѣдь у него ужъ и силь для жизни нѣть, онъ естественнымъ процессамъ подчинился, тогда какъ она здорова, сильна, а ее преслѣдуетъ та же нравственная немочь, та же оброшенность.

— Вотъ нашъ докторъ говорить,—сказала она грустно: — что всѣ мы около крохъ ходимъ. Нѣть, не всѣ. У меня даже крохъ нѣть; я и крохѣ была бы рада.

— Бѣдная вы! — вымолвила онъ, взявъ ее за руку.

— Да, бѣдная! — повторила она: — и отецъ много разъ говорилъ мнѣ: бѣдная! бѣдная! Но представьте себѣ, старуха-нянька однажды услышала это и сказала: «какая же вы бѣдная! вы — барыния!»

— Бѣдная! бѣдная вы моя!

Жалость ли, или другое, болѣе теплое чувство овладѣло его сердцемъ, но съ нимъ совершилось внезапное превращеніе. Онъ почувствовалъ потребность любить и ласкать это бѣдное, оброшенное существо. Кровь не кипѣла въ его жилахъ, глаза не туманились страстью, но онъ чувствовалъ себя какъ бы умиротвореннымъ, достигшимъ забѣтной цѣли, и въ этотъ мигъ совершенно искренно желалъ, чтобы этотъ сердечный миръ, это душевное равно-

въсіе осталось при немъ навсегда. Инстинктивно онъ обнялъ ее рукой за талию, инстинктивно привлекъ къ себѣ и поцѣловалъ.

Изъ глазъ ея брызнули слезы.

— Зачѣмъ ты плачешь?—шепталъ онъ, незамѣтно увлекаясь.—Теперь ужъ ты не бѣдная! ты—моя!

— Я любима?—спросила она, все еще сомнѣваясь.

— Да, ты любима, ты—моя!—отвѣтилъ онъ горячо.

Щѣлый часъ они провели во взаимныхъ признаніяхъ въ задушевной бесѣдѣ о предстоящихъ радостяхъ жизни. Сомнѣнія мало-по-малу совсѣмъ оставили ее; но онъ, по мѣрѣ того, какъ разговоръ развивался, начиналъ чувствовать какую-то неловкость, въ которой однако-же боялся признаться себѣ. Но все-таки онъ замѣтилъ эту неловкость и, чтобы оправдать себя, приписалъ ее недостатку страстиности, которая лежала въ самой природѣ его. Но зато онъ честенъ и, конечно, не измѣнить однажды вызванному чувству любви, хоть бы это чувство и неожиданно подстерегло его.

Наконецъ, онъ сталъ собираться домой.

— Завтра утромъ я приѣду и перетолкую съ твоимъ отцомъ,— говорилъ онъ:— а вечеромъ—въ Петербургъ. Черезъ мѣсяцъ возвращусь сюда, и мы будемъ неразлучны.

Она держала его за руку и не пускала отъ себя.

— Пойдемъ къ отцу... теперь!—сказала она:— мнѣ хочется показать тебя ему!

— Ну, онъ и безъ того знаетъ...

— Нѣть, онъ не знаетъ... тебѣ, такою, какъ ты теперь... не знаетъ! Пойдемъ!

— Твой отецъ—человѣкъ старозавѣтный,— уклонился онъ:— а старозавѣтные люди и обычаевъ старозавѣтныхъ держатся. Нѣть, оставимъ до завтра. Приѣду, сдѣлаю формальное предложеніе, а вечеромъ—въ Петербургъ.

Она должна была согласиться, и онъ уѣхалъ. Долго глядѣла она вслѣдъ пролеткѣ, которая увозила его, и всякий разъ, какъ онъ оборачивался, махала ему платкомъ. Наконецъ, облако пыли скрыло и экипажъ, и сѣдока. Тогда она искрила къ отцу, встала на колѣни у его ногъ и заплакала.

— Я счастлива, папа!— слышалось сквозь рыданья, тѣшившія ей грудь.

Отецъ взглянулъ на нее и понялъ. «Бѣдная!»—шевель-

пнулось у него въ головѣ, но онъ подавилъ жестокое слово и сказалъ:

— Ну, Христосъ съ тобой! желаю...

Вечеромъ ей стало невыносимо - скучно въ ожиданіи завтрашняго дня. Она одиноко сидѣла на той самой аллѣѣ, гдѣ произошло признаніе, и вдругъ ей пришло на мысль пойти къ Семигорову. Она дошла до самой его усадьбы, но войти не рѣшилась, а только заглянула въ окно. Онъ, нѣкоторое время ходилъ въ волненіи по комнатѣ, но потомъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Ей сдѣлалось совсѣмъ своей нескромности, и она убѣжала.

На другой день утромъ, только-что она встала, ей подали письмо.

«Простите меня, милая Ольга Васильевна,—писалъ Семигоровъ:—я не соразмѣрилъ силы охватившаго меня чувства съ тѣми послѣдствіями, которыя оно должно повлечь за собою. Обдумавъ происшедшее вчера, я пришелъ къ убѣждѣнію, что у меня черезчуръ холодная и черствая натура для тихихъ радостей семейной жизни. Въ ту минуту, когда вы получите это письмо, я уже буду на дорогѣ въ Петербургъ. Простите меня. Надѣюсь, что вы и сами не пожалѣете обо мнѣ. Не правда ли? Скажите: да, не пожалѣю. Это меня облегчитъ».

Она не проронила ни слова жалобы, но побѣлѣла какъ полотно. Затѣмъ положила письмо въ конвертъ и спрятала его въ шкатулку, гдѣ лежали вещи, почему-либо напоминавшія ей сравнительно хорошия минуты жизни. Въ числѣ этихъ минутъ та, о которой говорилось въ этомъ письмѣ, все-таки была лучшая.

Отецъ, повидимому, уже зналъ, что отъ Семигорова пришло письмо, и когда она пришла къ нему, то онъ угадалъ содержаніе письма и сердито, почти брезгливо крикнулъ:

— Забудь!

Но она не забыла. Каждый день по нѣсколько разъ она открывала завѣтную шкатулку, перечитывала деревянное письмо, комментировала каждое слово, усиливаясь что-нибудь выжать. Можетъ-быть, онъ чѣмъ-нибудь связанъ? можетъ-быть, эта связь вдругъ порвется, и онъ вернется къ ней? Вѣдь онъ ее любить... иначе зачѣмъ же было говорить? Словомъ сказать, она только этимъ письмомъ и жила.

Жизнь становилась все унылѣе и унылѣе. Наступила осень, вечера потемнѣли, полились дожди; паркъ съ каж-

дымъ днемъ все болѣе и болѣе обнажался; потомъ пошелъ снѣгъ, настала зима. Прошлый годъ обѣщалъ повториться въ мельчайшихъ подробностяхъ, за исключениемъ той единственной свѣтлой минуты, которая наполнила ея сердце радостью...

Въ полной и на этотъ разъ уже добровольно принятой бездѣятельности она бродила по комнатамъ, не находя для себя удовлетворенія даже въ чтеніи. Въ ушахъ ея раздавались слова: «Нѣть, вы не бѣдная, вы — моя!» Она чувствовала прикосновеніе его руки къ ея талии; поцѣлуй его горблъ на ея губахъ. И вдругъ все пропало... куда? почему?

Отецъ нѣсколько разъ предлагалъ ей юхать въ Петербургъ къ теткѣ, но она настаивала въ своемъ упорствѣ. Теперь ужъ не представленіе о долгѣ приковывало ее къ деревнѣ, а какая-то тулая боязнь. Она боялась встрѣтить его, боялась за себя, за свое чувство. Навѣрное ее ожидало какое-нибудь жестокое разочарованіе, какая-нибудь новая жестокая игра. Она еще не хотѣла прямо признать деревяннымъ письмо своего минутаго жениха, но внутренний голосъ уже говорилъ ей объ этомъ.

Такъ прошло цѣлыхъ томительныхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, старикъ Ладогинъ умеръ, и Ольга почувствовала себя уже совсѣмъ одинокою.

Черезъ мѣсяцъ приѣхала братъ и привезъ съ собой «особу».

— Это моя пріятельница, Нина Аветовна Шамандзе,— рекомендовалъ онъ ее сестрѣ:— проншу жаловать.

На другой день онъ спросилъ сестру, какъ она намѣрила располагать собой.

— Я поѣду сначала въ городъ,— отвѣтила она:— а потомъ, когда кончатся дѣла, уѣду къ тетѣ Надѣ въ Петербургъ. У насъ уже условлено.

— А гдѣ же вы изволите остановиться въ городѣ?

— У мирового судьи Зуброва. Онъ просилъ меня. Покойный отецъ оставилъ завѣщеніе и назначилъ Зубровѣ душеприказчикомъ.

— Вотъ какъ! и завѣщеніе есть! А по-моему, вашему сословію достаточно бы пользоваться тѣмъ, что вамъ по закону предоставлено. Въ недвижимомъ имѣніи—четыри надцатая, въ движимозѣ—восьмая часть. Ну, да вѣдь шесть лѣтъ около старичка сидѣли—можетъ-быть, что-нибудь и высыпѣли.

Рано утромъ, на слѣдующій же день, Ольги уже не было

ль отцовской усадьбы. Завещаніе было вскрыто, и въ немъ оказалось, что капиталъ покойнаго Ладогина былъ раздѣленъ поровну, а о недвижимомъ имѣніи не упоминалось, такъ какъ оно было родовое. Ольга въ самое короткое время покончила съ наслѣдствомъ: приняла свою долю завещанаго капитала, а отъ четырнадцатой части въ недвижимомъ имѣніи отказалась. Въ распоряженіи ея оказалось около четырехъ тысячъ годового дохода.

Прѣѣхала она къ теткѣ въ концѣ ноября, въ самый разгаръ сезона. Надежда Федоровна хотя была значительно моложе брата, но все-таки ей шло уже за пятьдесятъ. Это была отличная девушки, бодро несшая и бремя лѣть, и свое одиночество. Она нанимала довольно просторную квартиру въ четвертомъ этажѣ, такъ что у нея и у Ольги было по двѣ комнаты и общая столовая. Ольга сразу почувствовала себя удобно. Не было безполезной громады комнатъ, которая давила ее въ деревнѣ; не слышно было таинственныхъ шопотовъ, которые въ деревенскомъ домѣ ползли изъ всѣхъ щелей. Съ непривычки ей показалось даже тѣспинато, но она рада была этому.

Надежда Федоровна торопнилась съ утра до вечера. Она была членомъ множества комитетовъ, комиссий, субкомиссий и проч., не пропускала ни одного засѣданія,ѣздила къ влиятельнымъ лицамъ, ходатайствовала, хлопотала. Уставшая, возвращалась домой къ обѣду, а вечеромъ опять исчезала. Иногда и у нея, въ качествѣ предсѣдательницы какой-нибудь субкомиссии, собирались «хорошіе люди», толковали, решали вопросы, но, надо сказать правду, большинство этихъ решений формулировалось словами: нельзя ли какъ-нибудь найти путь къ такому-то лицу? напримѣръ, къ тому-то, черезъ того-то? нельзя ли воспользоваться прѣѣздомъ такого-то и при посредствѣ такого-то предложить ему принять въ «нашемъ» дѣлѣ участіе?

Онъ богатъ; ему ничего не значить выбросить пять-шесть тысячъ.

Словомъ сказать, Ольга поняла, что въ Россіи благія начинанія, во-первыхъ, живутъ подъ страхомъ и, во-вторыхъ, еле дышать, благодаря благонамѣренному вымогательству, безъ котораго никто бы и не подумалъ явиться въ качествѣ жертвователя. Сама Надежда Федоровна откровенно созналась въ этомъ.

— Ты не повѣришь, какъ намъ горько и тяжело,—сказала она.

— Да, я слышала, что вы постоянно боитесь.

— Ты это отъ Семигорова шесть лѣтъ тому назадъ слышала. Чѣмъ тогдашиіе страхи въ сравненіи съ нынѣшними! Нѣть, ты теперь посмотри! Кстати: Семигоровъ навѣдывается о тебѣ съ большимъ интересомъ. Часто онъ бывалъ у васъ?

— Да; бывалъ.

— Онъ умный. Но предупреждаю тебя: онъ не изъ «нашихъ». Онъ карьеристъ, и сердце у него дряблое.

— Вы часто его видите?

— Не особенно. Обращаюсь къ нему при случаѣ, какъ и вообще ко всѣмъ, кто можетъ помочь. Ахъ, мой другъ, такъ намъ тяжело, такъ тяжело! Ты представь себѣ только это одно: захотять насть простить—мы живы; не захотять—погибли. Одна эта мысль... ахъ!

Ольга не безъ смущенія выслушала аттестацію Семигорова, но когда осталась одна, то опять перечитала завѣтное письмо и опять напрягла всѣ усилия, чтобы хоть что-нибудь изъ него выжать. Искру чувства, надежду... что-нибудь!

«Какое оно, однако-же, деревянное!» — въ первый разъ мелькнуло въ ея головѣ.

Ольга скоро сдѣлалась своею въ томъ тѣсномъ кружкѣ, въ которомъ врачаилась Надежда Федоровна. Настоящей дѣятельности она покамѣстъ не имѣла, но прислушивалась къ совѣтамъ опытныхъ руководительницъ и помогала, стараясь, чтобы вліятельныя лица, по крайней мѣрѣ, привыкли видѣть ее. Она уже считала себя обреченною и не видѣла передъ собой иного будущаго, кромѣ того, которое осуществляла собою Надежда Федоровна.

Однажды, сидя въ своей комнатѣ, она услышала знакомый голосъ. Это былъ голосъ Семигорова, который пріѣхалъ навѣстить тетку. Ольга встала и твердымъ шагомъ пошла туда, гдѣ шелъ разговоръ. Очевидно, она рѣшила испытать себя и—«кончить».

Семигоровъ значительно постарѣлъ за семь лѣтъ. Онъ потолстѣлъ и обрюзгъ; лицо было попрежнему блѣдное, но непріятно-одутловатое и совсѣмъ деревянное. Говорилъ онъ, впрочемъ, такъ же плавно и резонно, какъ и тогда, когда она въ первый разъ увидѣла его.

Очевидно, внутри его существовало два теченія: одно старое, съ либеральной закваской, другое—новѣйшее, которое шло навстрѣчу карьерѣ. Первое побуждало его не

забывать старыхъ друзей; второе подсказывало, что хотя не забывать и похвально, но сношения слѣдуетъ поддерживать съ осторожностью. Онъ, разумѣется, прибавлялъ при этомъ, что осторожность необходима не столько ради карьеры, сколько для того, чтобы... «не погубить дѣла».

— Ольга Васильевна! вы!—воскликнула онъ, протягивая обѣ руки:—а я хотѣлъ, переговоривши съ Надеждой Федоровной, и вѣсь, въ вашемъ гнѣздышкѣ, навѣстить.

— Все равно, здѣсь поговоримъ,—отвѣтала она сдержанно.

— Такъ неужто-жъ нельзя?—перебила ихъ привѣтствіе Надежда Федоровна.

— И нельзя, и поздно—дѣло рѣшеннное. Не такое нынче время, чтобы глупости говорить.

— Чѣмъ же «она» такого сказала?

— По ея мнѣнію—ничего; по мнѣнію другихъ—много, слишкомъ много. Я говорилъ и повторяю: главное въ нашемъ дѣлѣ—осторожность.

Далѣе онъ началъ развивать, почему необходима осторожность. И сама по себѣ она полезна; въ частности же, по отношенію къ вѣяніямъ времени—составляла *conditio sine qua non*. Нельзя-съ. Онъ, конечно, понимаетъ, что молодыя увлеченія должны быть принимаемы въ соображеніе, но, съ другой стороны, нельзя упускать изъ вида, что они приносятъ положительный вредъ. Отъ копеечной свѣчки Москва загорѣлась—такъ и тутъ. Одно неосторожное слово можетъ воспламенить сотни сердецъ, воспламенить безплодно и несвоевременно. Допустимъ, что абсолютно это слово не заключаетъ въ себѣ вреда, но съ точки зрѣнія несвоевременности—вопрѣкъ представляется совсѣмъ въ другомъ видѣ.

— Нельзя-съ,—сказалъ онъ рѣшительно:—я и просилъ, и даже надобдалъ, и получилъ въ отвѣтъ: «оставьте, мой другъ!» Согласитесь сами...

— Нельзя ли?—приставала Надежда Федоровна.

Ольгѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то безнадежно-скучно. Даже голова у нея заболѣла отъ этого переливанія изъ пустого въ порожнее. Тѣ самыя рѣчи, которыя, семь лѣтъ тому назадъ, увлекли ее, теперь показались ей плоскими, почти безсмыслицами.

— Я ухожу, тетя!—сказала она.

— А меня таѣ и не примете у себя?—спросилъ Семигоровъ.

— Мне нужно идти. Въ другой разъ. Вспомните—зайдете.

Она разомъ рѣшила, что все «кончено». Зашла въ свою комнату, разорвала завѣтное письмо на клочки и бросила въ топившуюся печку; даже не взглянула, какъ оно запылало.

Прошлое годъ, и ея дѣятельность была замѣчена; ей предложили предсѣдательское кресло въ обществѣ «азбуки-копейки». Хлопотъ было по горло, но и страха не мало. Пробовала-было она не страшиться, но скоро поняла, что это невозможно. Общество издало отличнейшую азбуку съ иллюстраціями, но въ ней на букву Д нарисована была картинка, изображающая предущую девушку, а подъ картинкой было подписано: *Дивчина*. «Критика» замѣтила это и обвинила азбуку въ украинофильствѣ. На букву П былъ нарисованъ человѣкъ въ кунтушѣ, а подпись гласила: *Панъ*. И это замѣтила «критика» и обвинила азбуку въ полонофильствѣ. Въ отдѣлѣ краткихъ историческихъ и географическихъ свѣдѣній тоже замѣчены были промахи и пропуски, и все такие, которые свидѣтельствовали о недостаточной теплотѣ чувствъ. Ольга Васильевна бѣгала, оправдывалась и ходатайствовала, не щадя жизни.

— Вѣдь ваша же пресловутая литература вѣсь съ головой выдается!—говорили ей.

Ахъ, эта литература!

Благодаря бѣготнѣ, дѣло сошло съ руки благополучно; но затѣмъ предстояли еще и еще дѣла. Первое изданіе азбуки разошлось быстро; надо было готовиться къ другому—уже безъ промаховъ. «Дивчину» замѣнили старухой и подписали: *Домна*; «Пана» замѣнили мужичкомъ съ топоромъ за поясомъ и подписали: *Потапъ-плотникъ*. Но какъ попасть въ мысль и намѣренія «критики»? Пожалуй, будутъ сравнивать второе изданіе съ первымъ и скажутъ: «а! догадались! думаете, что надѣли маску, такъ вѣсь подъ ней и не узнаютъ!»

— Дѣло въ томъ,—объяснилъ ей Семигоровъ:—что общество ваше хотя и дозволенное, и цѣли его вполнѣ одобрительны, но пальца ему въ ротъ все-таки не клади.

— Но почему же?

— А потому, что потому. Существуютъ такие тонкіе признаки. Составъ общества, его черезчуръ кипучая дѣятельность—все это прямо бросается въ глаза. Ну, съ чего вы, напримѣръ, Ольга Васильевна Ладогина, вполнѣ обез-

иечинна дѣвица; такъ кинятіесь по поводу какой-то жалкой азбуки?

— Какъ съ чего? Во-первыхъ, я русская и вижу въ распространеніи грамотности одно изъ условій благосостоянія родной страны; и во-вторыхъ, это дѣло доставляетъ мнѣ удовольствіе; я взялась за него, мнѣ его довѣрили, и я не могу не хлопотать о немъ.

— Э, барышня! и безъ настъ съ вами все устроится!

— Такъ вы бы такъ прямо и говорили. А то приходите, увѣряете въ свою сочувствій...

— Я-то сочувствуя, да вотъ... Нельзя «пратъ противъ рожна». Ольга Васильевна!

Но она продолжала «пратъ», быть-можетъ, потому, что не понимала, въ чемъ собственно заключается «рожнъ», а Семигоровъ не могъ или не хотѣлъ объяснить ей скропленный смыслъ этого выраженія.

Прошелъ еще годъ. Надежда Федоровна хлопотала обѣ открытий «общества для вс поможенія чающимъ движенія воды». Старанія ея увѣличились успѣхомъ, но—увы!—она изнемогла подъ бременемъ ходатайствъ и суеты. Пришла старость, пужень былое покой, а она не хотѣла и слышать о немъ. Въ самомъ разгарѣ дѣятельности, когда въ головѣ ея созрѣвали все новые и новые планы (Семигоровъ потихоньку называлъ ихъ «подвѣхами»), она умерла, завѣщавши на смертномъ одре племянницѣ свое «дѣло».

Ольга Васильевна осталась совсѣмъ одинокою.

Теперь ей ужъ за тридцать. Она пошла по слѣдамъ тетки и всецѣло отдала себѣ, свой трудъ и материальныя средства тому скромному дѣлу, которое она вполнѣ искренно называла оздоровляющимъ. Она состояла дѣятельнымъ членомъ всѣхъ обществъ, где рѣчь идетъ о помощи, а въ иныхъ изъ нихъ предсѣдательствуетъ. Устраиваетъ базары, лотереи, танцевальные вечера. Все это требуетъ большихъ хлопотъ и преодолѣнія препятствій, но она не унываетъ. Напротивъ, привычка въ значительной мѣрѣ умалила ея страхи, а дѣятельная жизнь способствовала укрепленію ея силъ и здоровья. Дома ее можно застать очень рѣдко,—все больше въ комитетахъ, комиссіяхъ, субкомиссіяхъ и, разумѣется, въ канцеляріяхъ. Даже горничная ея совершенно отчетливо произноситъ названія этихъ учрежденій и на вопросъ постѣтелей отвѣчаетъ бойко и безошибочно.

По временамъ она вспоминаетъ слова доктора, который лѣчили ея отца, о «кроахъ» и говорить:

— Вотъ и у меня свои «крохи» нашлись. И не одна, даже не нѣсколько, а цѣлая куча!

3.—Сельская учительница.

Анна Петровна Губина была сельской учительницей. Составляла ли эта профессія ея призваніе, или просто такъ случилось, что дѣваться было больше некуда—она и сама не могла бы дать ясно формулированного отвѣта на этотъ вопросъ. Получила дипломъ учительницы, потомъ открылось мѣсто на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья, и она приняла его. Осенью, къ началу учебнаго семестра, она пріѣхала въ село; ей указали, гдѣ помѣщается школа, и она осталась. Къ счастью, при школѣ было помѣщеніе для учительницы: комната и при ней крохотная кухия; а то бываетъ и такъ, что учительница каждую недѣлю переходить изъ одной избы въ другую, такъ что квартира наставительницы знаний представляеть для обывателей своеобразную натуральную повинность.

Школа помѣщалась въ просторномъ флигелѣ, который при крѣпостномъ правѣ занималъ управляющій имѣніемъ и который бывшій помѣщикъ пожертвовалъ міру подъ училище. Мѣста для учащихся было достаточно, по зданію было старое, и крестьяне въ продолженіе многихъ лѣтъ не ремонтировали его. Печи дымили, потолки протекали, изъ всѣхъ щелей дуло.

Ученіе было самое первоначальное. Читать, писать, поверхностия свѣдѣнія изъ грамматики, первыя четыре правила ариѳметики, краткая священная исторія—вотъ и все. Старались, чтобы въ годъ, много въ два, ребенокъ позналъ всю премудрость. За строгимъ соблюденіемъ программы, въ особенности въ смыслѣ ея перасширенія, наблюдалъ мѣстный священикъ; попечителемъ школы состоялъ сельскій староста, а высший надзоръ былъ предоставленъ помѣщику, который постоянно жилъ за границей, но изрѣдка навѣдывался и въ усадьбу. Въ школу ходили исключительно мальчики.

Дѣло у Анны Петровны налаживалось не споро. Учительницу не ждали такъ скоро, и помѣщеніе школы было

эль беспорядкѣ. Прежде нежели собрались ученики, въ школу приходили родители и съ любопытствомъ разматривали новую учительницу.

— Вы робять на ускори обучайте; намъ вѣдь только бы читать да писать умѣли. Да цифри малость. Безъ чего нельзя, такъ нельзя, а лишняго для насъ не требуется. Намъ дѣти дома нужны. А ежели который стараться не станетъ, можно такого и попугать. Вотъ онъ въ углу—вѣнчикъ—стоить. Сдѣлайте милость, постарайтесь.

Исподволь устроилась она, однако-жъ, и въ школѣ, и у себя въ каморкѣ. Вместо мебели ей поставили простой, некрашеный столъ и три табуретки; въ углу стояла кровать, перешедшая, вмѣсть съ домомъ, отъ управляющаго: въ стѣну вбито было нѣсколько гвоздей, на которые она могла вѣшать свой гардеробъ. При школѣ находился стражъ, который тошиль печи и выметаль съ вечера классную комнату. Насчетъ продовольствія она справилась, какъ жила ея предшественница, и получила отвѣтъ, что послѣдня ходила обѣдать къ священнику за небольшую плату, а дома только чай держала. Священникъ и ее охотно согласится взять на хлѣба.

— Я не изъ корысти,—сказалъ онъ:— а жалѣючи васъ: кто же вамъ будегь готовить? Здѣсь вы не только горячей пищи, и хлѣба съ трудомъ найдете. Мы за обѣдъ съ васъ пять рублей въ мѣсяцъ положимъ. Лишняго не подадимъ, а сыты будете. Станете ходить каждый день къ намъ и обзнакомитеся; и вамъ, и намъ веселье будетъ. Ежели какая сомнѣнія встрѣтите, то за обѣдомъ общимъ совѣтомъ и разрѣшимъ. Вкупѣ да влюбѣ— вотъ какъ по-моему. Ежели вы съ любовью придетѣ, то я, какъ настырь, и тѣмъ паче. Но не скрою отъ васъ: трудъ вамъ предстоитъ не легкій и не всегда безпрепятственный. Народъ здѣсь строптивый, непривѣтливый, притязательный. Каждый будетъ вамъ требованія предъявлять, а иной разъ и такія, отъ которыхъ жутко придется. Людмила Михайловна, предшественница ваша, повздорила съ Василемъ Дроздомъ, такъ насилии отсюда выбралась.

— Кто это Дроздъ?

— А здѣшній воротила, портерную держитъ, лавочку, весь міръ у него подъ пятой, и начальство привержено. Сынъ у него въ школѣ, такъ онъ подарокъ Людмилѣ Михайловнѣ вздумалъ поднести, а она уперлась. Онъ, конечно, обидѣлся доносы стать писать—ну, и пришло бѣ-

жать. Земство такъ и не оставило ее у себя; живеть она теперь въ городѣ, въ помощницахъ у одной помѣщицы, которая въ родѣ пансиона содержитъ.

— Однако строго-таки у васъ.

— И даже очень. Главное, въ церковь прилежно ходите. Я и какъ настырь васъ увѣщеваю, и какъ человѣкъ предостерегаю. Какъ настырь говорю: только церковь можетъ утѣшить насъ въ жизненныхъ треволеніяхъ; какъ человѣкъ предваряю, что пѣть легче и опаснѣе обвиненія, какъ обвиненіе въ недостаткѣ религіозности. А впрочемъ, загадывать впередъ бесполезно. Пріѣхали—стало-быть, дѣло кончено. Богъ да благословитъ васъ.

Священникъ быть старозавѣтный, добрый, попадья у него была тоже добрая. Дѣти находились въ разбродахъ, такъ что старики жили совсѣмъ одни. Оба были люди дѣятельные, съ утра до вечера хлопотали и довольствовались этой работницей. Батюшка и до сихъ порь полеводство держалъ, но больше уже по привычкѣ, безъ выгоды. Къ Аннѣ Петровнѣ они отнеслись сочувственно; она напоминала имъ о дѣтяхъ. Для нея это было хорошее предзначение; несмотря на предостереженіе батюшки относительно трудности предстоящаго ей пути, она все-таки надѣялась найти въ его домѣ пріютъ и защиту.

Она разсчитала, что если будетъ тратить пять рублей на обѣдъ да пять рублей на чай и бараки, то у нея все-таки останется изъ жалованья пять рублей. Этого было, по ея скромнымъ требованіямъ, достаточно. Квартира была готовая, и она устроилась въ ней, какъ могла, хотя каждый день выгоняла ее часа на два изъ дома угаръ. Одежды она привезла съ собой довольно, такъ что и по этой статьѣ расходовъ не предстояло. Скуки она не боялась. Днемъ будеть заниматься съ учениками, вечеромъ—готовиться къ будущему дню или проводить время въ семье священника, который получать отъ сосѣдняго управляющаго газеты и охотно дѣлился съ нею. Ничего, какъ-нибудь проживеть.

Ученье началось. Набралось до сорока мальчиковъ, которые наполнили школу шумомъ и гамомъ. Нѣкоторые были ужъ на возрастъ и довольно нахально смотрѣли въ глаза учительницѣ. Вообще ее испытывали, прерывали во время объясненій, кричали, подражали звѣрямъ. Она старалась дѣлать видъ, что не обращаетъ вниманія, но это ей стоило немалыхъ усилий. Поздъ-конецъ у нея до того разболѣлась

голова, что она едва дождалась конца двухъ часовъ, въ продолженіе которыхъ шло ученье.

— А я, признаюсь, посѣтovала на васъ,—сказала она священнику за обѣдомъ:—что бы вамъ стоило на первый разъ прийти поддержать меня!

— Я именно для того и не пришелъ,—отвѣтилъ батюшка:—чтобъ вы съ первого же раза узнали настоящую суть дѣла. Если-бъ сегодня вы не узнали ее, все равно, пришлось бы узнавать завтра.

На другой день пришелъ попечитель-староста и освѣдомился, тихо ли сидятъ ученики. Она отвѣтила, что сносно, и что въ будущемъ дѣло, конечно, наладится.

— То-то, вы ихъ не жалѣйте; для того и вѣнчикъ въ углу припасенъ. Выньте розгу и отстегайтесь!—посовѣтовала попечитель.

Не прошло, однако-жъ, и двухъ недѣль, какъ ей пришлось встрѣтиться съ «строптивѣйшимъ изъ строптивыхъ», съ тѣмъ самымъ Василемъ Дроздомъ, который вытѣснилъ ея предмѣстницу. Дроздъ безцеремонно вошелъ въ ея комнату, принесъ кулекъ, положилъ на столъ и сказалъ:

— У васъ нашъ мальчишко учится, такъ вотъ вамъ. Тутъ чаю полфунта, сахару, ветчины и гостинцу—купайте на здоровье. А сверхъ того и деньгами два рубля.

Онъ досталъ изъ-за пазухи кошель, вынулъ двѣ рублевки и положилъ рядомъ съ кулькомъ.

— Зачѣмъ же это? Вѣдь это не дозволено!—вспыхнула она.

— А вы займитесь съ мальцомъ-то, не задерживайте его.

— Я и безъ того займусь. Не надо, не надо! Уйдите, прошу васъ!

Дроздъ обидѣлся; даже гузы у него побѣли.

— Стало-быть, вы и доброхотствомъ нашимъ гнушаетесь?—спросила онъ, осматривая ее съ ногъ до головы негодящимъ взоромъ.

— Не надо!—крикнула она и вдругъ снохватались. Вспомнилась ей Людмила Михайловна; вспомнилось и то, что еще въ Петербургѣ ей говорили, что всего пуще надо бояться ессоръ съ вліятельными лицами; что вотъ такая-то поссорилась съ старостой и была выгнана; такая-то не угодила члену земской управы и тоже теперь безъ мѣста.

— Послушайте,—сказала она, присмирѣвъ:—я и безъ того съ вашимъ сыномъ займусь... даю вамъ слово! Ежели хотите, пускай онъ ко мнѣ по вечерамъ ходить; я буду съ нимъ повторять.

— А приношенија нашего не желаете?

— Знаете, вы лучше воть что: печи у насъ въ школѣ дымятъ, потолки протекаютъ, такъ вы бы помогли.

— Это міръ долженъ. Расходъ тоже не маленький. Печку-то перебрать что стойти! Нѣть, ужъ что тутъ. Счастливо оставаться.

Онъ надѣлъ тутъ же, въ комнатѣ, шапку, собралъ со стола приношеніе и вышелъ. Она пѣсколько секундъ колебалась, но потомъ не выдержала и догнала его на улицѣ.

— Пожалуйста, не сердитесь. Намъ вѣдь не вѣдно. Присылайте вашего мальчика по вечерамъ—я займусь имъ особенно!

Дроздъ взглянулъ на нее съ усмѣшкой.

— Стало-быть, про Людмилу Михайловну вспомнили?—сказалъ онъ нагло.—Ну, ладно, буду своего мальца присыпать по вечерамъ, ежели свободно. Спѣшивы вы не къ лицу. Впрочемъ, денегъ теперича я и самъ не дамъ, а это воть вамъ!

Онъ скорыми шагами удалился, а Анна Петровна осталась на улицѣ съ кулькомъ въ рукахъ.

Рассказала она объ этомъ батюшкѣ, который посовѣтовалъ «оставить».

— Возьмите,—сказалъ онъ:—исторію себѣ наживете. Съ сильнымъ не борись! и пословица такъ говорить. Еще скажутъ, что кобянитесь, а онъ и ни-вѣсть чего наплететь. Кушайте на здоровье! Не нами это заведено, не нами и кончится. Увидите, что ежели вы послѣдуете моему совѣту, то и прочие міряне дружелюбнѣе къ вамъ будутъ.

Дѣйствительно, къ ней начали относиться ласковѣе. Послѣ Дрозда пришелъ староста, потомъ еще два-три мужичка изъ зажиточныхъ—всѣ съ кульками.

По вечерамъ открылись занятія, собирались до пятнадцати учениковъ. Цѣною непрошенныхъ кульковъ, напоминавшихъ о подкупѣ, Анна Петровна совсѣмъ лишилась свободнаго времени. Ни почитать, ни готовиться къ занятиямъ слѣдующаго дня—некогда. Къ довершенню, ученики оказались тупы, требовали усиленнаго труда. Зато доносовъ на нее не было, и Дроздъ, имѣвший частыя сношенія съ городомъ, каждый мѣсяцъ исправно привозилъ ей изъ управы жалованье. Самъ староста, по окончаніи церковной службы, поздравлялъ ее съ праздникомъ и хвалилъ.

— Вонъ, Людмила Михайловна рѣдко въ церкви ходила,—говорилъ онъ:—а вы Бога не забываете!

Въ продолженіе цѣлой зимы она прожила въ чаду безпрерывной сутолоки, не имѣя возможности прийти въ себя, дать себѣ отчетъ въ своеѣ положеніи. О будущемъ она, конечно, не думала: ея будущее составляли тѣ ежемѣсячные пятнадцать рублей, которые не давали ей погибнуть съ голодома. Но что такое съ нею дѣлается? Предвидѣла ли она, даже въ самыя скорбныя минуты своего тусклаго существованія, что ей придется влачить жизнь, которую нельзя было сравнить ни съ чѣмъ инымъ, кромѣ хронического остоубенія?

Она была сирота, даже не знала, кто были ея родители. Младенцемъ ее подкинули, и сострадательная хозяйка квартиры, у дверей которой она очутилась въ корзинкѣ, сначала помѣстила ее въ воспитательный домъ, потомъ въ приютъ и, наконецъ, въ училище, гдѣ она и получила дипломъ на званіе сельской учительницы. Затѣмъ сострадательная душа сочла свой долгъ выполненнымъ и отпустила ее на всѣ четыре стороны, снабдивъ нѣсколькими платьями и давши на дорогу небольшую сумму денегъ. Послѣ этого Губина очутилась въ селѣ. Надолго ли? — она даже не задавала себѣ этого вопроса. Она понимала только, что отнынѣ представлена самой себѣ, своимъ силамъ, и что, въ случаѣ какой-нибудь невзгоды, она должна будетъ вынести ее на собственныхъ плечахъ. Обратиться къ кому-нибудь за поддержкой она не имѣла основанія; товарки у нея были такія же горькія, какъ и она сама. Всѣ они разбрѣлись по лицу земли, всѣ находились въ тѣхъ же материальныхъ и нравственныхъ условіяхъ, всѣ бились изъ-за куска хлѣба. Она была болѣе нежели одинока. И одинокій человѣкъ можетъ устроиться такъ, чтобы за него «заступились», можетъ оградить себя отъ случайностей, а до нея рѣшительно никому дѣла не было. Даже никакому благотворительному учрежденію она не была подвѣдома, такъ что надѣть всею ея судьбою исключительно господствовала случайность, да и та могла оказывать дѣйствіе только въ неблагопріятномъ для нея смыслѣ.

Она никогда не думала о томъ, красива она или нѣтъ. Въ дѣйствительности она не могла называться красивою, но молодость и свѣжесть восполняли то, чего не давали черты лица. Самъ волостной писарь заглядывался на нее; но такъ какъ онъ быть женатъ, то открыто объявлять о своемъ пламени не рѣшался и отъ времени до времени присыпалъ стихи, въ которыхъ довольно недвусмысленно изла-

галь свои вожделнія. Дроздъ тоже однажды мимоходомъ намекнуль:

— Ахъ, барышня, барышня! озолотиль бы я васъ, кабы...

Женщина еще едва просыпалась въ ней. Она не понимала ни стиховъ, ни намековъ, ни того, что за ними кроется злое женское горе. Ее поражали только глупость и безцеремонность, но она созиавала себя настолько беззащитною, что мысль о жалобѣ даже не приходила ей въ голову. Всѣ знали, что ее можно «раздавить», и следовательно, если-бъ она даже просила о защитѣ—хоть бы члена училищнаго совѣта, изрѣдка павѣщавшаго школу,—ей бы отвѣтили: «сѣ какими вы все глупостями лѣзете—какое намъ дѣло!» Оставалось терпѣть и крѣпко держаться за тотъ кусокъ, который послала ей судьба. Потому что если-бъ ее даже выслушали и перевели ее на другое мѣсто, то и тамъ повторилось бы то же самое, пожалуй, даже съ прибавкою какой-нибудь злой силетки, которая въ подобныхъ случаяхъ непремѣнно предшествуетъ перемѣщенію.

• Настоящее горе ждало ее не тутъ, а подстерегало издалека.

Въ апрѣль, совсѣмъ неожиданно, прїѣхалъ въ свою усадьбу мѣстный землевладѣлецъ, онъ же и главный попечитель школы, Андрей Степанычъ Аигинъ. Прибыть онъ затѣмъ, чтобы продать лѣса и на вырученныя деньги прожить лѣто за границей. Операциѣ предстояла несложная, но Аигинъ предположилъ пробыть въ деревнѣ до мая, съ тѣмъ, чтобы, кстати, учесть управлятеля, возобновить на всякий случай связи съ мѣстными властями и посмотреть на школу.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати семи, легко мысленный и беспечный. Учился онъ плохо, образование имѣлъ самое поверхностное, но за всѣмъ тѣмъ пользовался образовательнымъ цѣпсомъ, и такъ какъ принадлежалъ къ числу крупныхъ землевладѣльцевъ, то попечительство надъ школою, такъ сказать, по принципу досталось ему. Независимо отъ материальныхъ пожертвованій, которыя состоятельный человѣкъ могъ дѣлать въ пользу школы, принципъ въ особенности настаивалъ на поддержкѣ крупнаго землевладѣнія и того значенія, которое оно должно имѣть въ уѣздѣ. Нужды иѣть, что крупный землевладѣлецъ могъ совершенно игнорировать свой уѣздъ; достаточно было его имени, его ежегодныхъ денежныхъ взносовъ, чтобы напомнить о немъ и о той роли, которая по праву ему при-

надлежала. У него есть на мѣстѣ довѣренное лицо, которое будетъ сообщать ему о мѣстныхъ дѣлахъ и нуждахъ; наконецъ, иѣть-нѣть, да вдругъ ему вздумается: «не сѣздили заглянуть, что-то въ нашемъ захолустьѣ творится?» И сѣздить.

Именно такимъ образомъ поступалъ Аигинъ. Въ продолженіе шести лѣтъ попечительства (онъ началъ независимую жизнь очень рано) Андрей Степанычъ посѣтилъ усадьбу всего второй разъ и на самое короткое время. Принимали его, какъ подобаетъ принимать влиятельное лицо, и очень лестно давали почувствовать, что отъ него зависеть принять дѣятельное участіе во главѣ уѣздной суполки. Но покуда онъ еще уклонялся отъ чести, предоставляя себѣ принять рѣшеніе въ этомъ смыслѣ, когда уѣхи молодости уступятъ мѣсто мечтамъ честолюбія.

Одного въ немъ нельзя было отрицать: онъ былъ красивъ, отлично одѣвался и умѣлъ быть любезнымъ. Только черезчуръ развязныя манеры и привычка постоянно носить пенснѣ, поминутно сбрасывая его и опять надѣвая, иѣсколько портили общее благопріятное впечатленіе.

Аигинъ на первыхъ же порахъ по приѣздѣ посѣтилъ школу («это мое дѣтище», выражался онъ). Онъ явился въ сопровожденіи члена училищнаго совѣта, священника и старосты. Похваливъ порядки, онъ такъ пристально посмотрѣлъ на Анну Петровну, что та покраснѣла. Уходя, онъ сказалъ совсѣмъ безцеремонно, что ему очень пріятно, что въ его школѣ такая хорошенъкая учительница. До сихъ поръ онъ рѣдкоѣздилъ въ деревню, потому что всѣ учительницы изображали собой какой-нибудь изъ смертныхъ грѣховъ, а теперь будетъѣздить чаще. И въ заключеніе прибавилъ, что Анна Петровнѣ настоящее мѣсто не въ захолустьѣ, а въ столицѣ, и что онъ похлопочетъ о ней.

Въ тотъ же день у него былъ обѣдь, на который были приглашены всѣ прикованные къ школѣ, а въ томъ числѣ и Анна Петровна.

Послѣ этого онъ зачастилъ въ школу. Просиживалъ въ продолженіе цѣлыхъ уроковъ и не спускалъ съ учительницы глазъ. При прощаніи такъ креѣнко скималъ ея руку, что сердце ея беспокойно билося, и кровь невольно закипала. Вообще онъ дѣйствовалъ не вкрадчивостью рѣчей, не раскрытиемъ новыхъ горизонтовъ, а силою своей красоты и молодости. Оба были молоды, въ обоихъ слышалось трепетаніе жизни. Онъ посѣтилъ ее даже въ ея каморкѣ и по-

хвалилъ, что она сумѣла устроиться въ такомъ жалкомъ помѣщеніи. Однажды онъ ей сказаль:

— Отчего вы не поѣтите меня? боитесь?

— Нѣть, не боюсь,— отвѣтала она, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Но въ такомъ случаѣ...

Онъ не договорилъ, но взялъ ее за руку и поцѣловалъ.

Цѣлосъ послѣобѣда, послѣ этого, она была какъ въ чаду, не знала, что съ нею дѣлается. И жутко, и сладко ей было въ одно и то же время, но ничего яснаго. Хаосъ переполнялъ все ея существо; она беспокойно ходила по комнатѣ, перебирала платья, вещи, не знала, что дѣлать. Наконецъ, когда уже смерклось, отъ него пришелъ посланный и сказалъ, что Андрей Степанычъ просить ее на чашку чаю.

Она подумала: «ахъ, какъ это все скоро!» и затѣмъ почувствовала такую истому въ сердцѣ, что открыла окно, чтобы освѣжить пылающую голову.

Черезъ полчаса она была уже у него.

Романъ ея былъ непродолжителенъ. Черезъ недѣлю Аигиль собрался такъ же внезапно, какъ влезлио прѣхалъ. Онъ не былъ особенно изжень съ нею, ничего не обѣщалъ, не говорилъ о томъ, что они когда-нибудь встрѣтятся, и только однажды спросилъ, не нуждается ли она. Разумѣется, она отвѣтила отрицательно. Даже собравшись совсѣмъ, онъ не зашелъ къ ней проститься, а только, проѣзжая въ коляскѣ мимо школы, вышелъ изъ экипажа и очень тихо постучалъ указательнымъ пальцемъ въ окно.

— Увидимся!—крикнулъ онъ ей.

Она сдѣлала инстинктивное движеніе, чтобы выйти къ нему, но удержалась и только слабо улыбнулась въ отвѣтъ.

Такимъ образомъ побѣда обошлась ему очень легко. Онъ сдѣлалъ гнусность, повидимому, даже не подозрѣвая, что это гнусность: что она такое, чтобы стѣснить ради нея свою совѣсть? Онъ предлагалъ ей деньги, она отказалась— это ужъ ея дѣло. Не онъ одинъ, всѣ такъ дѣлаютъ. А впрочемъ, все-таки недурно, что обошлось безъ слезъ, безъ упрековъ. Это доказываетъ, что она умна.

На селѣ однако-жъ ея вечернія похожденія были уже совсѣмъ извѣстны. При встрѣчахъ съ нею молодые парни двусмысленно перемигивались, пожилые люди шутили. Бабы зарапѣе ее пенавидѣли, какъ будущую сельскую «сахарницу», которая способна отуманить головы мужиковъ. Во-

лостной писарь однажды прямо спросилъ: «въ какое время, барышня, вы можете меня принять?»—а присутствовавшій при этой сценѣ Дроздъ прибавилъ: «чего спрашиваешь? приходи, когда вздумается—и вся недолга!»

Самъ батюшка, несмотря на доброту, усомнился и однажды, за обѣдомъ, объявилъ, что долже содержать ее на хлѣбахъ не можетъ.

— Жаль мнѣ вѣсть,—сказалъ онъ: — душевно жаль, но мнѣ, какъ духовному лицу, не приличествуетъ...

Матушка тоже выразила сожалѣніе и выронила двѣ-три слезинки.

Только школьній сторожъ выказалъ къ ней участіе. Когда она, блѣдная и еле живая, воротилась отъ священника домой, онъ сказалъ:

— Ничего, потерпите; Богъ терпѣль и намъ велѣль. И я сумѣю вамъ щи готовить.

Къ довершенію всего, она почувствовала себя матерью, и вдругъ какая-то страшная бездна разверзлась передъ нею. Глаза затуманились, голова наполнилась гуломъ; ноги и руки дрожали, сердце беспорядочно билось; одна мысль отчетливо представлялась уму: «теперь я пропала».

Къ счастью, начались каникулы, и она могла запереться въ своей комнатѣ. Но она очень хорошо понимала, что никакая изолированность не спасетъ ее. «Пропала!» — въ этомъ словѣ заключалось все ея будущее. Признаки предстоящей гибели уже начали оказываться. Въ праздничные дни, молодые сельские парни турьбою останавливались противъ ея оконъ и кричали:

— Съ прынцессой!

Конечно, у нея еще былъ выходъ: отдать себя подъ покровительство волостного писаря, Дрозда или другого вліятельного лица, но она съ ужасомъ останавливалась передъ этой перспективой и въ безвыходномъ отчаяніи металась по комнатѣ, ломала себѣ руки и билась о стѣну головой. Этимъ начинался ея день и этимъ кончался. Ночью она видѣла страшные сны.

Лѣтомъ она надумала отправиться въ городъ къ Людмилѣ Михайловнѣ, съ которой, впрочемъ, была незнакома. Ночью прошла она двадцать верстъ, все время о чёмъ-то думая и въ то же время не сознавая, зачѣмъ, собственно, она идетъ. «Пропала!» — безостановочно звенѣло у нея въ ушахъ.

Людмила Михайловна приняла ее радушно, но тотчасъ же замѣтила, что она виновата.

— Это, голубушка, всего менѣе прощается,—сказала она, и хотя въ словахъ ея не слышалось жестокости, но Анна Петровна поняла, что помощи сей ждать неоткуда.

— Помогите!—простонала она.

Людмила Михайловна тронулась. Обѣщала переговорить съ содержательницей пансиона, которая въ настоящее время жила въ деревнѣ, нельзя ли устроить такъ, чтобы «виноватая» прожила у нея хоть безъ жалованья, въ качествѣ простой прислуги, тѣ критические мѣсяцы, по окончаніи которыхъ должна обнаружиться ея «вина».

— Раньше окончанія каникулъ она вѣсъ не возьметъ: ей не разсчетъ содержать вѣсъ на хлѣбахъ, но послѣ, быть можетъ... Во всякомъ случаѣ, я на-дняхъ увижуся съ нею и уведомлю вѣсъ,—прибавила она.

Въ то же утро Анна Петровна встрѣтила на улицѣ знакомаго члена училищнаго совѣта, который нагло улыбнулся ей и сказалъ:

— О вѣсъ доходятъ до совѣта неодобрительные отзывы. Ежели вы сознаете ихъ справедливыми, то совѣту придется мѣры...

Онъ не докончилъ, приподнялъ шляпу и удалился.

Дни шли за днями, а отъ Людмилы Михайловны никакихъ вѣстей не приходило. Или забыла, или ничего не могла. Изъ училищнаго совѣта тоже никакихъ слуховъ не было.

Наконецъ, наступилъ сентябрь, и опять начались классы. Анна Петровна сѣва держалась на ногахъ, но исправно посещала школу. Ученики однако-жъ попили, что она виновата и ничего имъ сдѣлать не смѣеть. Начались беспорядки, шумъ, гвалтъ. Нѣкоторые мальчики вполгѣ явственно говорили: «съ приплодцемъ»; другіе увѣряли, что у нихъ къ будущей масленицѣ будетъ не одна, а разомъ двѣ учительницы. Положеніе день-ото-дня становилось невыносимѣ.

Въ ноябрѣ, когда наступили темныя, безлуныя ночи, сердце ея до того переполнилось гнетущей тоской, что она не могла уже сдержать себя. Она вышла однажды на улицу и пошла по направлению къ мельничной плотинѣ. Рѣчка бурлила и пѣнилась; шелъ сильный дождь; сквозь осыпаныя мукой стекла оконь брежжила тусклый свѣтъ; колесо стучало, по помольцы скрылись. Было пустынно, мрачно, безразсвѣтно. Она дошла до середины мостковъ, переброшенныхъ черезъ плотину, и бросилась головой впередъ на понирный мостъ.

Жизнь ея порвалась, почти не начавшись. Порвалась безсмысленно, незаслуженно и жестоко.

4.— Полковницкая дочь.

Полковникъ Варнавинцевъ палъ на полѣ сраженія. Когда его, съ оторванной рукой и раздробленнымъ плечомъ, истекающаго кровью, несли на перевязочный пунктъ, онъ въ agonii бормоталъ: «Лидочка... Государь... Лидочка... Господи!»

Обратились къ его формуляру. Такъ значилось: «Полковникъ Варнавинцевъ изъ дворянъ Вологодской губерніи, вдовъ, имѣтъ дочь Лидію; за нимъ состоить родовое имѣніе въ Тотемскомъ уѣздѣ, въ количествѣ 14-ти душъ, при 500 десятинахъ земли».

Очевидно, что послѣднею его мыслью было поручить дочь Государю.

Желаніе полковника было исполнено. Черезъ товарищей разузнали, что Лидочка, вмѣстѣ съ сестрою покойнаго, живетъ въ деревнѣ, что Варнавинцевъ недѣли за двѣ передъ сраженiemъ послалъ сестрѣ половину всего мѣсячнаго жалованья, и что вообще положеніе семейства покойнаго весьма незавидное, ежели даже оно воспользуется небольшою пенсіей, слѣдовавшей, по закону, его дочери. Послана была бумага, чтобы удостовѣриться на мѣстѣ, какъ признавалось бы наиболѣе полезнымъ устроить полковницкую дочь.

Варнавинцевы еще не знали о смерти полковника, когда въ ихъ усадьбу пріѣхалъ исправникъ. Усадьба эта находилась въ захолустѣ Тотемскаго уѣзда, въ селѣ, гдѣ, кроме нихъ, ютились еще двѣ-три мелкоzemѣльныхъ семьи. Домикъ у нихъ былъ крохотный, ветхій, еле живой. Половицы ходуномъ ходили, потолокъ протекалъ, двери завязывались веревочкой, изъ оконъ дуло. Въ мирное время полковникъ держалъ дочь при себѣ, переходя съ полкомъ съ одиѣхъ зимнихъ квартиръ на другія. Имѣніемъ управляла сестра, дѣвица лѣтъ подъ шестьдесятъ, которая не выѣждала изъ деревни, перебиваясь кой-какъ и не имѣя даже возможности исправить упалый домишко. Но когда открылись военные дѣйствія, Лидочку увезли къ теткѣ. Полковникъ думалъ, что кампанія будетъ недолгая, а она между тѣмъ затянулась и—въ заключеніе—послала ему смерть.

Лидочки было двадцать лѣтъ, когда въ ся жизни совершился решительный поворотъ. О крѣпостной реформѣ и слуховъ не было, но крохотная барщина доставляла такъ мало, что, съ прекращенiemъ помошни со стороны полковника, вдвоемъ просуществовать было невозможно. Земли было, повидимому, и довольно, но половина ея находилась подъ зыбучимъ болотомъ, а добрый кусокъ занимали пески; изъ остального количества, за надѣленiemъ крестьянъ, на долю помѣщика приходилось не больше шестидесяти десятинъ, но и то весьма сомнительного качества. Собственно говоря, главнымъ подспорьемъ служилъ небольшой огородъ да лужокъ, дававший достаточно сѣна, чтобы содержать лошадь и съ десятокъ коровъ. Прислуга ири дома состояла изъ двухъ человѣкъ: хромоногаго бобыля Фоки да пожилой бобылки Филанидушки, которые и справляли всѣ работы около дома.

Но Прасковья Гавриловна (такъ звали старушку Варнавинцеву) была еще бодра и сильна. Она почти безъ посторонней помоши сама обрабатывала огородъ, убирала комнаты, зимой топила печки, покуда бобылка Филанидушка возилась въ страпушной, ходила за коровами и т. д. Сверхъ того, она завела у себя нѣчто въ родѣ сельской школы. Набралось до двадцати мальчиковъ и девочекъ, за обученіе которыхъ она деньгами не брала, а предоставила благодарить ее натурой. Такимъ образомъ, у нея былъ обезпеченный запасъ муки, прижи, полотна и другого деревенского добра.

Лидочка горячо любила отца и скоро подружилась съ теткой. Когда пришла роковая вѣсть, у обѣихъ сердца застыли. Лидочка испугалась, уѣжала и спряталась въ пансионѣ. Прасковью Гавриловну придавила мысль, что рушилось все, что защищало ихъ и указывало на какой-нибудь просвѣтъ въ будущемъ. Она съ ужасомъ глядѣла на Лидочку. Ей представился, рядомъ съ гробомъ покойнаго брата, ея собственный гробъ, а за этими двумя гробами вѣяла бездна одиночества и беспомощности, которыхъ должны были поглотить Лидочку.

Однако известіе, что участь племянницы обратила на себя вниманіе, нѣсколько ободрило Прасковью Гавриловну. Рѣшено было просить о помѣщеніи девочки на казенный счетъ въ институтъ, и просьба эта была уважена. Черезъ три мѣсяца Лидочка была уже въ Петербургѣ, заключенная въ четырехъ стѣнахъ одного изъ лучшихъ институ-

тесь. А кромъ того за нею оставлена была и небольшая пенсія, назначеннія за заслуги отца. Пенсію эту предполагалось копить изъ процентовъ и выдать сиротѣ по выходѣ изъ института.

Бѣдность и сиротство Лидочки, ея характеръ, скромный и общительный, неблестящія способности, при чрезвычайномъ прилежаніи, некрасивая виѣшность — все это сразу опредѣляло ея институтское будущее. Въ нее вольется атмосфера институтскаго ребячества и малокровія; на нее ляжетъ та своеобразная печать, отъ которой не могутъ отдѣляться институтки даже долгое время послѣ выпуска. Она будетъ играть въ институтѣ роль интересной сироты, но ее не будутъ заставлять ни играть на фортепіано, ни танцевать па-де-шаль въ присутствіи вліятельныхъ посѣтителей. Скорѣе всего она останется принадлежностью института, сначала въ качествѣ воспитанницы, потомъ въ качествѣ пениньерки и, наконецъ, въ качествѣ классной дамы. Классныя дамы бываютъ двухъ сортовъ: злые и добрыя; но она будетъ добрая, и всѣ ее будутъ любить. Маленькия институтки будутъ ее обожать, большія передъ выходомъ говорить ей «ты» и возьмутъ съ нея слово не забывать ихъ по выходѣ изъ института. Благодаря безпрерывному нахожденію среди дѣтей, она до глубокой старости сохранить ребяческую душу, ребяческое сердце, ребяческій умъ.

Лидочку очень обласкали на первыхъ порахъ. Посѣтители указывали на нее глазами и шепотомъ говорили:

— Вы знаете... храбрый полковникъ Варнавинцевъ... celui qui... такъ это его дочь.

Съ товарками она тоже сошлась; ко всѣмъ ласкалась и всегда такъ отлично знала уроки, что помогала лѣнивѣнѣкимъ въ ихъ занятіяхъ. Сверхъ того, всѣхъ занимало и ея исключительное положеніе.

— Неужто къ тебѣ никто по воскресеньямъ ѴздиТЬ изъ будеть? — спрашивали ее.

— Кому же ко мнѣ Ѵздитъ?.. Я сирота! Папаша мой палъ на полѣ сраженія, а тетя въ деревнѣ живеть.

Она объясняла это такъ просто, какъ будто хотѣла сказать: какъ же вы не понимаете, что для меня остаются только стѣны института?

Даже родные институтокъ, пріѣзжавши въ институтъ въ опредѣленіе дни, заинтересовались ею. Подзывали ее къ себѣ, потчевали конфетами и пирожками, а княгиня Тара-

канова до того однажды договорилась, что просила ее кланяться теткѣ.

Тетка писала ей аккуратно два раза въ мѣсяцъ и подробно уведомляла о деревенскомъ житьѣ. Лидочка знала, что корова Красавка отелилась телочкой, что собака Жучка ослѣпла, что Фока лежалъ цѣлый мѣсяцъ больной, и что нынѣшнее лѣто совсѣмъ огурцовъ не уродилось. Читая эти письма, дѣвочка то радовалась, то плакала. Ей было пріятно, что Красавка принесла телочку, а не бычка, но жаль было Жучку и Фоку, а всего больше жаль тetenьку, которая осталась безъ огурцовъ. «Должно-быть, въ Тотемскомъ уѣздѣ климатъ слишкомъ суровъ,—писала она къ теткѣ,— потому что все наши дѣвицы говорятъ, что въ ихъ краяхъ никогда не бывало такого изобилія огурцовъ. Поливаете ли вы ихъ, голубушка? И уродились ли, по крайней мѣрѣ, рыжечки, которые въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ вполнѣ замѣнить огурцы?» Корреспонденція эта была единственнымъ звеномъ, связывающимъ ее съ живымъ міромъ; она одна напоминала сиротѣ, что у нея есть гдѣ-то свое гнѣзда, и въ немъ своя церковь, въ которой старая тетка молится о ней, Лидочки, и съ нетерпѣніемъ ждетъ часа, когда она появится въ свѣтѣ и—кто знаетъ—быть-можетъ, составить блестящую партию... Вѣдь не даромъ же храбрый полковникъ Варнавинцевъ палъ на полѣ сраженія; найдутся люди, которые ради отца вспомнятъ и о дочери...

Изъ класса въ классъ Лидочка переходила исправно, но Прасковья Гавриловна не дождалась выхода ея сиротки изъ института и за годъ до окончанія курса мирно скончалась въ своемъ родовомъ Васильевскомъ. Объ этомъ Лидочку извѣстили сельскій священникъ, спрашивая, какъ поступить съ городскимъ домомъ, который совсѣмъ разваливается, и съ Фокой и съ Филанидункой, которые остались ни при чёмъ. Лидочка нѣсколько дней сряду проплакала, но потомъ ребяческимъ своимъ умомъ разсудила, что если Богъ рѣшилъ отозвать ея тетю, то, стало-быть, это Ему такъ угодно, что слезы представляютъ собой тотъ же ропотъ, которымъ она огорчаетъ Бога, и т. д.

— Наконецъ-то вы успокоились, Лидочка!—говорила ей классная дама.

— Я разсудила, Клеопатра Карловна, что слезами мы ничему помочь не можемъ, а только гнѣвимъ своимъ ропотомъ Бога, Которому, конечно, извѣстно, какъ лучше съ нами поступить,—резонно отвѣтила дѣвушка.

— И всегда такъ разсуждайте! — похвалила ее дама: — Богъ будеть васъ любить за это, а тетеинка будеть на васъ радоваться. На свѣтѣ всегда такъ бываетъ. Иногда мы думаемъ, что насть постигло несчастье, а это только испытаніе; а иногда — совсѣмъ напротивъ.

И тутъ сиротѣ помогли. Поручили губернатору озабочиться ея интересами и произвести ликвидацио ея дѣль. Черезъ полгода все было кончено: господскій домъ продали на сносъ; землю, которая обрабатывалась въ пользу помѣщика, раскупили по клочкамъ крестьяне; инвентарь — тоже; Фоку и Филанидушку помѣстили въ богадѣльни. Вся ликвидацио дала около двухъ тысячъ рублей, да крестьяне, сверхъ того, были посажены на оброкъ по семи рублей съ души.

— Ты, душка, по девяносто восемь рублей въ годъ будешь получать! — поздравляли ее товарки.

— Счастливица!

— Нашли кому завидовать... миллионщицы! — отшутивалась сирота, но въ душѣ совершенно правильно разсудила, что и девяносто восемь рублей на полу не подымешь; что девяносто восемь рублей да проценты съ капитала, вырученного за проданное имущество, около ста двадцати рублей — это ужъ двѣсти восемнадцать, да пенсіи накопится къ ея выходу около тысячи рублей — опять шестьдесятъ рублей...

Она не была ни жадна, ни мечтательна, но любила процессы сложенія и вычитанія. Сядеть въ уголъ и дѣлаетъ выкладки. Всегда она стояла на твердой почвѣ, предпочтая истины общепризнанныя, прочныя. Говорила разсудительно, считала вѣрно. Алгебры не понимала, какъ и вообще никакихъ отвлеченій.

— Зачѣмъ мнѣ *a* да *b*, — говорила она: — ежели я могу вместо *a* поставить 1, вместо *b* — 2? $1+2$ я понимаю, а $a+b$, воля ваша, даже не вижу надобности понимать. Вотъ сегодня Леночкѣ прислали десятокъ яблоковъ, — вѣдь мы же не говоримъ, что она получила съ яблоковъ?

Даже изъ басенъ Крылова она предпочитала «Ворону и Лисицу», «Три мужика» и т. п., а не «Стрекозу и Муравья», «Музыкантовъ» и проч.

— Стрекоза живеть по-стрекозиному, муравей — по-муравьевиному. Чѣмъ же тутъ странного, что стрекоза «лѣто цѣлое пропѣла»? Вѣдь будущей весной она и опять запѣла въ поляхъ — стало-быть, и на зиму устроилась не хуже

муравья. А «Музыкантовъ» я совсѣмъ не понимаю. Нежели непремѣнно нужно быть пьяницей, чтобы хорошо играть, напримѣръ, на скрипкѣ?

Ученье приближалось къ концу, а ребяческая разсудительность не оставляла еї.

Тетрадки ея были въ порядкѣ; книжки чисты и не запятнаны. У нея была шкатулка, которую подарила ей сама маман (директриса института) и въ которой лежали разные сувениры. Сувенировъ было множество: шерстинки, шелковинки, ленточки, цветные бумажки, и всѣ разложены аккуратно, къ каждому привязана бумажка съ обозначеніемъ, отъ кого и когда получены.

— Со временемъ у нея разовьются отличныя педагогическія способности,—говорили о ней классныи дамы:—она аккуратна, точна въ исполненіи обязанностей, никогда не позволить себѣ отступить отъ правильнаго. Вотъ только черезъ чурь добра... даже разсердиться не умѣеть!

Она и сама прозрѣвала, что въ будущемъ ей предстоить педагогическая карьера; но иногда ей казалось страннымъ, что ей ставить въ упрекъ ея доброту. Напротивъ, она думала, что доброта обуздывается гораздо скорѣе, нежели строгость.

— Вотъ Клеопатра Карловна добрая,—разсуждала она:— и при ней всѣ девицы ведутъ себя отлично, а Катерина Петровна строгая—ей всѣ стараются на зло сдѣлать. Съ мѣсяца назадъ новое платье ей испортили—такъ и не догадалась, кто сдѣлалъ.

Несмотря на приближеніе 18-ти лѣтъ, сердце ея не разу не дрогнуло. Къ хорошенькимъ и богатенькимъ девицамъ уже начали передъ выпусккомъ прѣѣзжать въ приемные дни, подъ именами кузеновъ и дяденекъ, молодые люди съ хорошенькими усиками и съ цѣльными ворохами конфетъ. Она не прочь была полюбоваться ими и даже воскликнуть:

— Ахъ, какой херувимъ!

Но въ этомъ восклицаніи не слышалось ничего, кроме обычнаго институтскаго жаргона, который такъ и оставался жargonомъ.

— Это князь Безхвостый,—говорила ей подруга, которую молодой князь удостаивалъ своимъ вниманіемъ (разумѣется, ей разрѣшеніемъ родителей).

— Ахъ, счастливица!

— Нравится оғь тебѣ?

— Божественный! херувимъ!

Иногда «счастливица» позволяла себѣ слегка посмѣяться надъ Лидочкой.

— А знаешь ли, душка,—говорила она:—что ты произвела на князя очень большое впечатлѣніе?

— Ахъ, чтѣ ты! проказница! Ты посмотри на меня, какая я... Ну, подѣстать ли я такому херувиму!

Она говорила это безъ всякой тѣни досады, просто и откровенно, совершенно увѣренная, что праздничная сторона жизни никогда не будетъ ея удѣломъ.

Наконецъ, наступилъ день выпуска, и Лидочки предложили остаться при институтѣ въ качествѣ пепиньерки. Разумѣется, она согласилась. Счастливыя институтки, раздѣтые по-городскому, плакали, разставаясь съ нею.

— Ахъ, Лидочка, я упрощу матан тебя на лѣто къ намъ въ деревню взять!—говорила одна.

— Ахъ, какая ты добрая!

— Ты, Лидочка, къ намъ по воскресеньямъ обѣдать приходи!—говорила другая.

— Милыя вы мои!

Кареты съ громомъ отѣзжали отъ подѣзда. Лидочка провожала глазами подругъ, которыхъ махали ей платками. Наконецъ, уѣхала послѣдняя карета.

Дверь швейцарской захлопнулась. Лидочка вновь погрузилась въ институтскую тишину.

— Лидочка! вамъ жаль старыхъ подругъ?—спрашивали ес.

— Ахъ, даже очень, очень жалы!

— Рѣ завидуете имъ?

— Я не имѣю права завидовать. Я всегда понимала, что имъ предстоитъ одна дорога, а мнѣ—другая. И могу только благодарить моихъ покровителей что они не оставляютъ меня.

— Но вѣдь скучно въ институтѣ?

— Миѣ не скучно. Но ежели бы и было скучно, то надо же кому-нибудь и скучать. Притомъ же я, съ позволеніемъ матан, буду иногда выходить въ городъ. И я увѣрена, что подруги свидятся со мной безъ неудовольствія.

Въ первое воскресеніе она, однако-жъ, посовѣстилась тревожить подругъ. «Имъ не до меня,—сказала она себѣ:—онѣ теперь по роднымъѣздятъ, подарки получаютъ, покупаютъ наряды!» Но на другое воскресеніе отважилась. Надѣла высокій-высокій корсетъ, точно кирасу, и съ утра отправилась къ Настенькѣ Буровой.

Было уже одиннадцать часовъ, по Настенька еще вѣ-

жилась въ постели. Разумѣется, она была очень рада приходу Лидочки.

— Ты очень хорошо сдѣлала, что пораньше пріѣхала,—сказала она:—а то мы не успѣли бы наговориться. Представь себѣ, у меня цѣлый день занятъ! Въ два часа—катаешься, потомъ съ визитами, обѣдаешь у тети Головковой, вечеромъ—въ театръ. Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ уморительно играеть въ Михайловскомъ театрѣ Вернѣ!

— Ну, вотъ и прекрасно, что ты не скучашь!

— Постой, душечка, я тебѣ свой *trousseau* покажу!

И начала раскладывать одно за другимъ платья, блузы, принадлежности бѣлья и проч. Все было свѣжо, нарядно, сплошь въ мастерскихъ лучшихъ портнихъ. Лидочка осматривала каждую вещицу и восхищалась объективно, безъ всякаго отношенія къ самой себѣ. Корсетъ ровно вздымался на груди ея въ то время, какъ съ ея языка ссыпались: «ахъ, душка!» «ахъ, очаровитъ!»

— Хочешь, я тебѣ эту ленту подамъ Настенькѣ.

— Подари!

— Вирочемъ... знаешь ли что? разъ—прежде у мамаши спрошу!

— И прекрасно спрашиваться у роди-

Въ будуаръ къ Е пожала Лидочекъ рукъ

— Любуетесь?—спросила

— Прелесты! очаровитъ

— Да, но и не даючи это стонутъ.

— Я воображаю!

— Maman! мнѣ хотѣлось бы Лидочекъ вотъ эту ленту подарить! Посмотри, какъ къ ней это идетъ!

Настенька обернула ленту кругомъ Лидочкиной талии и сдѣлала спереди бантъ.

— Слагманъ!—крикнула она въ восхищеніи.

Но мамаша не отвѣтила ни да, ни нѣть, а только сказала дочери:

— Какой ты, мой другъ, еще ребенокъ!—И, обратившись къ Лидочекѣ, прибавила:—Вы къ памъ? Ахъ, какъ жаль, что у насъ сегодня цѣлый день занятъ! Но въ другой разъ...

— Ничего, у меня свой домъ въ институтѣ есть...
— Знаешь ли что,—догадалась Настенька:—побѣжай къ Верховцевымъ; я знаю, что они сегодня дома.

— А и то—пойти къ нимъ. Вѣрочка тоже меня приглашала...

— Только вы нась ужъ, пожалуйста, извините!—повторила тетя Бурова.

— Ахъ, что вы! Развѣ я не понимаю!

Верховцевы сходили по лѣстницѣ, когда Лидочка поднималась къ нимъ. Вирочемъ, они уѣзжали не надолго—всего три-четыре визита—и просили Лидочку подождать. Она вошла въ пустынную гостиную и сѣла у стола съ альбомами. Пересмотрѣла всѣ—одинъ за другимъ, а Верховцевыхъ все иѣть какъ иѣть. Но Лидочка не обижалась, только ей очень хотѣлось ъесть, потому что институтскій день начинается рано, и она, кромѣ того, сѣдала новояденій манионъ. Наконецъ, часовъ около пяти, Вѣ-

но сѣдала, что къ намъ собралась!—ясь на шею къ подругѣ.

что мы въ театрѣ сегодня собрались,—ховцева.

мъ Лидочку съ собою! Лидочка! сегодня вѣдь «L'amour—qu'est qu'c'est qu'ça?» играютъ! Умо-

твіемъ,—согласилась тетя:—ся—ѣсть сзади...

звѣ я не понимаю?

руги не забывали ее. Нерѣдко сматривали знакомыя комнаты

чата въ каморкѣ у старой товарки. Въ средѣ ихъ уже устраивались свадѣбы, и рѣдкая забыла сѣдѣать Лидочку участницей своего счастія. Бѣдная пепиньерка являлась въ своей кираѣ и въ городового цвѣта шелковомъ платьѣ, которое сослужило ей хорошую службу. Потомъ пошли родины, крестины—сироту всюду звали, а во время девятидневнаго родильнаго карантина она почти безвыходно сидѣла около родильницы—разумѣется, съ позволеніемъ институтской тети.

Однажды Настенька Бурова сообщила ей, что Вѣрочка Верховцева, только два мѣсяца тому назадъ вышедшая замужъ, ужъ «дурно ведеть себя»; но Лидочка взглянула такъ удивленно, что Настенька расхохоталась.

— Ахъ, какая ты уморительная! — смеялась она: — еще Вирочка ничего, а на-дняхъ Alexandrine Геровская бросила мужа и прямо переехала къ своему гусару.

— Неужто начальство это позволяетъ?

Нѣкоторые изъ товарокъ пытались даже расшевелить ее. Давали читать романы, рассказывали соблазнительныя исторіи; но никакой соблазнъ не проникалъ сквозь кирасу, покрывавшую ея грудь. Она слишкомъ была занята свѣими обязанностями, чтобы дать волю воображенію. Вставала рано, отправлялась на дежурство и вечеромъ возвращалась въ каморку, хотя и достаточно бодрая, но безъ иныхъ мыслей, кромѣ мысли о снѣ.

Мало-по-малу кругъ старыхъ подругъ сократился. Ли-дочка все рѣже и рѣже отлучалась изъ института въ городъ и почти все время свое отдавала маленьkimъ инсти-туткамъ, которыхъ ей были поручены. Вследствіе безпрерывнаго общенія съ малолѣтними, въ нее все глубже и глубже вшивалась складка ребячества. И радости, и горести ея были совершенно тѣ же, что и у десяти-двѣнадцатилѣтнихъ девочекъ, которыхъ кинѣли вокругъ нея. Вся разница между нею и ими заключалась въ томъ, что она въ теченіе цѣлаго дня не покидала своей кирасы. Посторонние начинали находить, что съ нею скучно. Но она радовалась, что пичужки любятъ ее, что начальство довольно, и все рѣже и рѣже пользовалась отпускомъ въ городъ, хотя гороховое платье еще было какъ новое.

Она была дѣятельна и неутомима только при исполненіи своихъ обязанностей; вѣтъ этого круга она могла называться даже лѣнивой. Ничто не манило ее за стѣны института. Старые подруги разсѣялись; новыхъ выпускныхъ девицъ, которыхъ она могла бы назвать своими воспитанницами, еще не было.

Воспитательная репутація ея все росла и росла; ее уже подумывали сдѣлать классной дамой. Однажды пріѣхалъ въ институтъ вновь назначенный начальникъ и сказалъ ей:

— Вся русская армія чтить память покойнаго вашего батюшки, а батальонъ, которымъ онъ командовалъ, и понынѣ считается образцовымъ. Очень радъ слышать, что вы идете по стопамъ достославнаго отца своего.

Эта похвала нѣсколько взволновала ее. Она подумала, что и папаша, и тети смотрятъ на нее въ эту минуту съ высотъ небесныхъ и радуются, что она такъ отлично

Устроилась. Въ самомъ дѣлѣ, у нея было свой уголокъ съ стоящими на окнахъ лимонными и апельсинными деревцами, которыхъ она сама вырастила изъ сѣмечекъ; у нея былъ готовый столъ; воспитанницы любили ее, начальство ею дорожило—чего еще надо спроткѣ? Къ довершенню всего, корсетъ, который она носила, оказался такъ прочно сшитъ, что въ теченіе десяти лѣтъ не потребовалъ ни малѣйшей починки. И деньги у нея водились; а такъ какъ сей рѣшительно некуда было тратить ихъ, то вмѣстѣ съ сбереженіями образовался ужъ капиталъ около шести тысячъ рублей. Она рѣшилась завѣщать его на учрежденіе одной или двухъ стипендій въ томъ институтѣ, который далъ ей пріютъ.

Однажды только она не на шутку вззволновалась: ей приснился мужъ Машеньки Гриммѣръ, «херувимъ» съ маленькими усиками и въ щегольскомъ сюртуке, которого она, еще будучи институткой, видѣла въ пріемные дни въ числѣ посѣтителей. Фамилия его была Копорьевъ, и Лидочка, по окончаніи курса, довольно часто посѣщала старую подругу. Никогда она не давала себѣ отчета, какого рода чувства возбуждалъ въ неей Копорьевъ, но, вѣроятно, у нея вошло въ привычку называть его «херувимомъ», потому что это название не оставляло его даже тогда, когда «херувимъ» однажды предсталъ передъ нею въ вицмундирѣ и съ Аниой на шеѣ. Въ этомъ же видѣ онъ и приснился ей. Разумѣется, она ни на минуту не поколебалась. Отперла завѣтную шкатулку, вынула оттуда старую перчатку Копорева и бросила ее въ топившуюся печку. Съ тѣхъ поръ все какъ рукой сняло.

Никогда она не думала о выходѣ въ замужество, никогда. Даже мимолетомъ не залетала эта мысль въ ся голову,—словно этотъ важнѣйший шагъ женской жизни вовсе не касался ея.

Чѣмъ болѣе погружалась она въ институтскую мглу, тѣмъ своеобразнѣе становилось ея представленіе о мужчинахъ. Когда-то ей вездѣ видѣлись «херувимы»; теперь это было нечто въ родѣ стада статскихъ совѣтниковъ (и выше), изъ которыхъ каждый имѣть надзоръ по своей части. Одни по хозяйственной, другіе—по полицейской, третыи—по финансовой и т. д. А полковники и генералы стоять кругомъ въ видѣ живой изгороди и наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы статскимъ совѣтникамъ не препятствовали огородъ городить.

Когда ей было уже за тридцать, ей предложили место классной дамы. Разумеется, она приняла съ благодарностью и дала себѣ слово сдѣлаться достойною оказанного ей отличія. Даже старалась быть строгою, какъ это ей рекомендовали, но никакъ не могла. Сама заводила, въ рекреаціонные часы, игры съ дѣвицами, бѣгала и кружилась съ ними, несмотря на то, что тугой и высокій корсетъ очень мѣшалъ ей. Начальство, видя это, покачивало головой, но, наконецъ, махнуло рукой, убѣдясь, что никакихъ беспорядковъ изъ этого не выходило.

Изъ класса въ классъ переходила она съ «своими» дѣвицами и радовалась, что, наконецъ, и у нея будетъ свой собственный выпускъ, какъ у Клеопатры Карловны. Передъ выпускомъ опять стали набѣжать въ пріемные дни «херувимы»; но разница въ ея прежнихъ и нынѣшихъ воззрѣніяхъ на нихъ была громадная. Во дни дни она чувствовала себя точно причастною этому названію; теперь она употребляла это выраженіе совершенно машинально, чтобы сказать что-нибудь пріятное дѣвицѣ, которую навѣщали «херувимъ».

Наконецъ, день первого ея выпуска наступилъ. Красивѣйшая изъ дѣвицъ съ необыкновенною граціей протанцевала па-де-шаль; другая съ чувствомъ прочла стихотвореніе Лермонтова: «Споръ»; на двухъ рояляхъ исполнили въ восемь рукъ увертюру изъ «Фрейшютца»; некрасивыя и малоталантливыя дѣвицы исполнили хоръ изъ «Руслана и Людмилы». Родители прослезились и обнимали дѣтей.

Наконецъ, наступилъ часъ разставанія. Какъ и при собственномъ выходѣ изъ института, Лидія Степановна стояла въ швейцарской и провожала уѣзжавшихъ.

— Прощайте, божественная! небожительница! — кричали ей дѣвицы, усаживаясь въ кареты: — не забудьте! пріѣзжайте!

— Непремѣнно! непремѣнно! — отвѣчала она имъ вслѣдъ.

Она махала платкомъ, и ей махали платками изъ каретъ.

Вмѣстѣ съ нею стояла въ швейцарской выпущенная институтка и плакала. Она тоже кончила курсъ, но была сирота, и ей предложили остаться при институтѣ пепиньеркой.

— Вотъ и вы, Любочка, обрѣли тихое пристанище, — молвила плачущей Лидія Степановна.

Затѣмъ взяла ее подъ-руку, и обѣ стали взбираться вверхъ по лѣстницѣ.

— Вы не плачете, — утѣшала старшая сирота младшую: — здѣсь тихо... спокойно... точно въ колыбели качаешься...

Вамъ отведутъ комнату, и вы можете сидѣть въ ней и думать. Я тоже сидѣла и думала, но скоро успокоилась, и вамъ тоже совѣтую. Чѣмъ мы такое? Мы—предназначенные судбою вѣчныя институтки. Институтъ наложилъ на насъ свою печать, и эта печать будетъ лежать на насъ до старости. Это хорошо, потому что иначе нельзя было бы жить. Вотъ придетъ весна, распустятся аллеи въ институтскомъ саду; мы будемъ вмѣстѣ съ вами ходить въ садъ во время классовъ, станемъ разговаривать, сообщать другъ другу свои секреты... Право, судьба еще не такъ жестока, какъ кажется!

Около этого времени ее постигло горькое испытаніе: умерла старая директриса института. Горе едва не подавило ее, но она, какъ и по слухамъ смерти тетки, вступила съ нимъ въ борьбу и вышла изъ нея съ честью.

— Богъ знаетъ, что дѣлаетъ,—сказать она себѣ:—Опять отзоваль къ себѣ нашу добрую маман — стало-быть, она нужна была тамъ. А начальство, безъ сомнѣнія, пришельтъ намъ новую маман, которая со временемъ вознаградитъ насъ за горькую утрату.

И действительно, черезъ мѣсяцъ явилась новая маман, и Лидія Степановна полюбила ее, какъ старую.

Теперь ей ужъ за сорокъ, и скоро собираются праздновать ея юбилей. Въ парадные дни и во время официальныхъ приемовъ, когда показываютъ институтъ влиятельнымъ лицамъ, она слѣдуетъ за директрисой, въ качествѣ старшей классной дамы, и всегда очень резонно отвѣчаетъ на обращаемые къ ней вопросы. Въ будущемъ она никакихъ измѣнений не предвидитъ, да и никому изъ начальствующихъ не приходитъ на мысль, что она можетъ быть чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ образцовой классной дамы.

Корсетъ она, однако-же, перемѣнила. Прежде всего старый обветшалъ, а, наконецъ, она сама потучиѣла, и тѣло сдѣлалось у нея грубое, словно хрящеватое. Но и тутъ она отказалась слѣдовать модѣ и сдѣлала себѣ корсеть такой же высокий и жесткий, какъ кираса.

— Довольны вы?—спрашивалъ я ее на-дняхъ, встрѣтивши ее у одной изъ ея питомокъ, молоденькой дамы, которая очень недавно связала себя узами гименея.

— И даже очень,—отвѣтила она мнѣ:—всемните, вѣдь я сирота, и институтъ даѣтъ мнѣ пріютъ... Развѣ я этого не понимаю!

Важнѣйш

II.

ВЪ СФЕРѢ СЪЯНІЯ.

1.—Газетчикъ.

Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ рѣзче обозначаются въ немъ разнообразныя умственныя и политическія теченія, которыя увлекаютъ въ свой круговоротъ массы людей. Такъ, напримѣръ, во Франціи существуютъ республиканцы различныхъ оттѣнковъ и подраздѣленій; монархисты вообще и въ частности бонапартисты, легитимисты и орлеанисты; наконецъ, соціалисты вообще и въ частности соціалъ-демократы, колективисты и т. д. Приблизительно то же самое встрѣчается и въ другихъ странахъ Западной Европы. Теченія эти полагаютъ начало политическимъ партіямъ; они же лежать и въ основѣ журналистики. Правильна или неправильна идея, полезно или вредно направленіе, которому служить данный журналъ (по-нашему, «газета»), это—вопросъ особый; но несомнѣнно, что и идея, и направленіе—существуютъ, что высказываются въ каждой строкѣ журнала, не смѣшиваясь ни съ какими другими идеями и направленіями. Издатель знаетъ, что онъ издастъ; подписчикъ знаетъ, на что онъ подписывается.

Торжество той или другой идеи производить известныя измѣненія въ политическихъ сферахъ и въ то же время представлять собой торжество журналистики соответствующаго оттѣнка. Журналистика не стоитъ въ сторонѣ отъ жизни страны, считая подписчиковъ и разсчитывая лишь на то, чтобы журнальные воротилы были сыты, а принимаетъ действительно участіе въ жизни. Стѣть вспомнить

ольскую монархию и ея представителя, Луи-Филиппа, чтобы бѣдиться въ этомъ.

Но бываетъ и такъ, что журнальною дѣятельностью руководятъ не общественные и политические интересы, а побуждѣнія совсѣмъ иного (изменено-морального) свойства. Или, говоря другими словами, бываетъ и такъ, что газеты, лишенныя публицистической подкладки, подраздѣляются, по своему характеру, на ликующія и трепещущія. Содержаніе для первыхъ представляютъ веселая диффамація и всѣхъ сортовъ балагурство (иногда, впрочемъ, замѣняемая благонамѣреннымъ бѣшенствомъ); содержаніемъ для послѣднихъ служить агонизирующая тоска, въ виду завтрашняго дnia, и ежедневная разработка шкуриаго вопроса.

Какимъ образомъ балагурство для балагурства, бѣшенство для бѣшенства, тоска для тоски могутъ удовлетворить читающія массы — это секретъ той степени развитія, на которой можетъ находиться въ каждую данную минуту каждое данное общество. Ежели умственные и политические интересы не возбуждаютъ вниманія общества, то и журналистика неизбѣжно принимаетъ соотвѣтствующій низменный характеръ. Единственная расцѣнка, которая при этомъ допускается, — это подраздѣленіе газетныхъ дѣятелей, какъ я сказалъ выше, на двѣ группы: ликующихъ и трепещущихъ. О первыхъ говорится: «иахалы, но — молодцы!» О послѣднихъ: «ахъ, бѣдные!»

Сдѣлавши эту оговорку, приступаю къ разсказу.

Первое мѣсто — газетчику ликующему, такъ какъ это разновидность наиболѣе распространенная и притомъ благоденствующая.

Откуда онъ появился на арену публичной дѣятельности? грекъ ли онъ таганрогскій, расторгавшійся на халвѣ и губкахъ, еврей ли бердичевскій, бывшій ли сыщикъ, или просто питомецъ воспитательного дома?

Какимъ образомъ пріобрѣлъ онъ вкусъ къ письменамъ?

Какъ очутился онъ во главѣ большой и распространенной газеты, претендовавшей на руководящее значеніе?

На всѣ эти вопросы онъ можетъ отвѣтить только не-внятнымъ бормотаніемъ.

Онъ даже избѣгаетъ такого рода собесѣданій, какъ будто чувствуетъ за собою вину. Онъ боится, что если обнаружится тайна осіянаго его ореола, то его станутъ

дразнить. Онъ самъ въ основу своей литературной публицистической дѣятельности всегда полагалъ дразненіе и потому не безъ основанія опасается, что та же система будетъ примѣнена и къ нему. Мелкодушный и легкомысленный, онъ только отъ мелкодушныхъ и легкомысленныхъ ждетъ возмездія и обузданія.

Фактовъ, которые въ выгодномъ для него смыслѣ подтверждали бы его права на руководительство общественнымъ мнѣніемъ, не существуетъ. Тѣ факты, которые известны, свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что онъ, до своего теперешняго возвеличенія, пописывалъ фельетонцы, разрабатывалъ вопросы и вообще занимался мелкосошнымъ журнальнымъ дѣломъ.

Въ фельетонахъ онъ утверждалъ, что катанье на тройкахъ есть признакъ наступленія зимы; что есть бани съ икрой — все равно, что въ морѣ купаться; что открытие «Аркадіи» и «Ливадіи» знаменуетъ наступленіе весны. Вопросы онъ разрабатывалъ крохотные, но дразнящіе, оставляя однако-жъ въ запасѣ лазейку, которая давала бы возможность отпереться. Вообще, принялъ себѣ за правило писать бойко и хлестко; ненавидѣлъ принципы и убѣжденія, и о писателяхъ этой категоріи отзывался, что они напускаютъ на публику уныніе и скучищу.

Въ виду тумана, окутывающаго его прошлое, его обыкновенно называютъ Иваномъ Непомнящимъ (имя собирательное). Этимъ же именемъ буду называть его здѣсь и я.

Газета Ивана Непомнящаго возникла точно такъ же нечаянно, какъ и онъ самъ. Онъ не вѣрилъ глазамъ, когда ему принесли изъ типографіи первый, пробный номеръ. Удивленіе его тѣмъ болѣе было законно, что въ этомъ номерѣ онъ не узнавалъ самого себя. Ему посовѣтовали, для начала, прикинуться серьезнымъ, и онъ смекнулъ, что это совѣтъ недурной. Большинство знатавшихъ его прежнюю безшабашную дѣятельность ожидало, что онъ сейчасъ же начнетъ кувыркаться, и было пріятно изумлено, услышавъ, что этотъ кувыркающійся человѣкъ можетъ, между прочимъ, изрекать и солидныя словеса. «Кувырканье отъ насъ не уйдетъ, — говорили читатели, — но нужно и разнообразить газету». Притомъ же существуютъ факты, которые газета не имѣть права игнорировать, и по поводу которыхъ сразу начать кувыркаться даже неудобно. Нужно до известной степени подготовить публику, приучить читателя, образовать его вкусы въ известномъ направленіи, а потомъ ужъ

и начать звонить во всю. Когда эта задача будетъ выполнена, никто не удивится, если и самыя серьезныя жизненныя явленія представнуть пропитанными кувырканьемъ.

Итакъ, на первыхъ порахъ, Непомнящій ведеть свое предпріятіе довольно скромно. Прошедшее его имѣло слегка либеральный характеръ. Одинъ Непомнящій (имя собирательное) дразнился въ фельетонцахъ, другой—въ статьяхъ публицистического характера, третій — тиснуль какую-то брошюру и самъ не помнить—о чёмъ. Словомъ сказать, и тотъ, и другой, и третій—наслѣдили-таки слѣдовъ, покуда балагурили за чужой счетъ. Теперь, сдѣлавшись обладателями сокровища, они понимаютъ, что надо эти слѣды замести хвостомъ. И вотъ одинъ Непомнящій объявляеть, что, въ сущности, онъ никогда не дразнился, а просто балагуриль; другой, что если онъ язвилъ въ одну сторону, то можетъ, по требованію, язвить и въ другую; третій — что онъ и самъ не знаетъ, чѣмъ дѣлалъ, но впередъ «не будетъ». И тутъ же представляютъ образцы будущаго хорошаго поведенія. Вѣроломство и подвохи украшаютъ столбцы вперемежку съ лестью и куреніемъ оиміамовъ. Одинъ Непомнящій наусыкиваетъ весело и бойко; другой — производить то же самое съ шипѣніемъ и пѣною у рта; третій — не знаетъ, какъ ему поспѣть за двумя первыми.

Спросите Непомнящаго, чѣмъ онъ хочетъ, какія цѣли преслѣдуется его газета? — и ежели въ немъ еще сохранилась хоть капля искренности, то вы услышите отвѣтъ: «хочу подписчика!» Да и чего другого ему хотѣть? Онъ до тонкости постигъ суть своего времени и очень хорошо знаетъ, что древняя поговорка *«scripta manent»* — до его ремесла не относится. Ему достовѣрно извѣстно, что его «простыня» годна только сегодня, а завтра она исчезнетъ—куда? О, Господи, спаси и помилуй! О какихъ же тутъ цѣляхъ можетъ идти рѣчь, кроме уловленія подписчика? *«Scripta»* исчезаютъ безслѣдно, не оставляя въ памяти ничего, кроме мухи; но подписчикъ остается (воинъ онъ слоняется по улицѣ! — гдѣ у тебя портмоне?.. дур-ракъ!), и запахъ его имѣетъ одуряющія свойства. Надо изловить его; а чтобы достигнуть этого, необходимо давать ему именно ту умственную пищу, которая ему по вкусу. Поэтому Непомнящій напрягаетъ всѣ усилия преимущественно въ началѣ года и къ концу его. Въ серединѣ онъ можетъ даже игнорировать собственную газету, потому что это время глухое и никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ материальномъ смыслѣ

не представляеть. Но съ октября Непомнящій стоитъ ужъ на стражѣ и начинаеть подсчитывать. И не только онъ самъ, но и ближайшіе сотрудники его какъ будто чувствуютъ, что наступаетъ часъ генеральной битвы, и удваиваютъ усилия. Никогда не бываетъ такихъ забуенныхъ, ликующихъ фельетонцевъ, никогда «вопросамъ» не удѣляется такъ много мѣста, никогда столбцы не уснащаются такою массою подсихиваній. Читатель въ изумленіи ждетъ, чѣмъ будетъ дальше,—и подписывается.

Подписчикъ драгоцѣнѣнъ еще и въ томъ смыслѣ, что онъ приводить за собою объявителя. Никакая кухарка, ни одинъ дворникъ не пойдутъ объявлять о себѣ въ газету, которая считаетъ подписчиковъ единичными тысячами. И вотъ изъ скромныхъ дворническихъ лептъ образуется ассигнаціонная груда. Найдутъ ли алчущія кухарки искомое мѣсто — это еще вопросъ; но газетчикъ свое дѣло сдѣлалъ; онъ спустить кухаркину ленту въ общую пропасть, и затѣмъ ему и въ голову не придетъ, что эта лента составляеть одинъ изъ элементовъ его благосостоянія.

Однимъ словомъ, подъ фирмой газеты Непомнящій пріобрѣтъ себѣ сокровище. Понятно, что онъ бережеть ее какъ зеницу ока отъ всякихъ случайностей. Въ виду упроченія ея будущаго, не должно быть рѣчи ни объ идеяхъ, ни о цѣляхъ, ни объ убѣженіяхъ, ни о чёмъ, кроме наивѣрѣнійшихъ способовъ удержать за собою сокровище. Онъ употребляетъ всѣ усилия, чтобы проникнуть въ мысль и вкусы влиятельной среды, справляется у приспѣшниковъ, угадываетъ смыслъ улыбокъ и тѣлодвиженій, напоминаетъ о своей неизмѣнной готовности, а иногда даже удостоивается собесѣдований. Язвить онъ исключительно безоружныхъ, тѣхъ, которые на его пауськіваніе не могутъ дать прямого отпора. Такой образъ дѣйствія и до сихъ поръ у насъ извѣстенъ подъ именемъ полемики. Изречетъ ликующій доброволецъ какую-нибудь безспорную «истину», въ родѣ, напримѣръ, обвиненія въ неблагонадежности, и торжествуетъ, зная заранѣе, что отвѣтъ на такое обвиненіе немыслимъ. Почему немыслимъ? — а потому, милостивые государи, что, во-первыхъ, въ обвиненіи подобного рода, говоря языкомъ юристовъ, нѣть состава вины, а во-вторыхъ, и потому, что самый споръ объ извѣстныхъ предметахъ можетъ завести въ такую трущобу, изъ которой и не вылезешь.

Благодаря прочно организованной системѣ приспѣши-

чества, газета Непомнящаго получаетъ возможность ежедневно снабжать читателя цѣлой массой новостей и слуховъ. Читатель жадно ловить эти слухи, прежде всего потому, что онъ самъ иной здоровой пищи не знаетъ, а, наконецъ, и потому, что всякая новость передается въ газетѣ бойко, весело, облитая соответствующимъ пикантнымъ соусомъ. Завтра девять-десятыхъ этихъ слуховъ окажутся лишенными основанія, но зато они замѣняются такимъ же количествомъ другихъ слуховъ, которые окажутся ложными послѣ завтра. Но части слуховъ, кромѣ системы приспѣшничества, много способствуетъ и даръ выдумки. Существуетъ цѣлая армія сотрудниковъ, репортёровъ, странствующихъ витязей, которыхъ назначеніе заключается единственно въ томъ, чтобы оживлять столбцы и занимать читателя цѣлымъ ворохомъ небывальщины. Запасшись этимъ ворохомъ, читатель на цѣлый день обеспеченъ. Онъ ходить по улицѣ, навѣщающъ знакомыхъ и цѣлый день лжетъ на основаніи данныхъ, почерннувшихъ имъ изъ газеты Непомнящаго 1-го. Знакомые его, получающіе газету Непомнящаго 2-го, въ свою очередь лгуть. Происходитъ обмѣнъ сумбурныхъ мыслей, которыя, впрочемъ, имѣютъ за собой то преимущество, что не даютъ жизни окончательно замереть. Ибо этотъ-то именно сумбуръ и называется жизнью.

Обиліе сплетенъ приводить за собой обиліе подпищика; обиліе подпищика приносить обиліе денегъ. Сначала Непомнящій какъ бы робѣтъ передъ сыплющимся на него мангою, относится къ ней слегка иронически и даже ведеть приблизительно тотъ же образъ жизни, къ которому привыкъ съ молодыхъ ногтей. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ толпа объявителей-дворниковъ и объявительницъ-кухарокъ, сердце его все шире и шире раскрывается для сибаритства. Непомнящій забываетъ прошлое, привередничаетъ, бросаетъ деньги направо и налево. Прежде всего онъ устраиваетъ себѣ обширный кабинетъ съ изобиліемъ письменныхъ столовъ, съ тяжелою мебелью, тяжелыми портьерами и гардинами, стараясь придать помѣщенію такой видъ, чтобы случайный посѣтитель зналъ, что именно въ этой храминѣ производится та таинственная стряпня, по поводу которой сложилась поговорка, что печать есть шестая великая держава. Около часу дня въ кабинетъ начинаетъ приливать набранное въ типографіи для завтрашняго нумера лганье.

Подъ масть кабинету устраивается и остальное помѣщеніе. Обширная столовая со шкафами, установленными се-

ребромъ (непремѣнно въ русскомъ стилѣ), пріемная, два салона. Только комнаты, отведенныя для сотрудниковъ и для семьи (ежели таковая есть), нѣсколько напоминаютъ трактиръ средней руки. Первые плохо вентилируются, рѣдко выметаются, всегда наполнены табачнымъ дымомъ и тою неопрятностью, которая сопровождаетъ безпрерывное питье чая и неумѣренное потребленіе бутербродовъ (угодиеніе отъ редакціи). Послѣднія представляютъ собой складъ всякаго рода покупокъ, которыя ворохами приливаютъ съ утра до вечера и разбрасываются по столамъ, стульямъ, постелямъ—гдѣ попало.

Непомнящій назначаетъ журъ-фиксъ и устраиваетъ обѣды. И на тѣхъ, и на другихъ фигурируютъ преимущественно сотрудники, и ведется откровенная бесѣда о томъ, что хотя подписчикъ и наклевывается, но слѣдуетъ и еще «поддать жару», чтобы онъ продолжалъ приливать. Сверхъ того, въ штатѣ Непомнящаго непремѣнно состоять три лица: листецъ, рассказчикъ сценъ и разорившійся жуиръ. Первый называетъ хозяина «амфитріономъ», провозглашаетъ за него тосты и передаетъ патрону подслушанные разговоры; второй—оживаетъ застольную бесѣду; послѣдній распоряжается кулинарию частью, сервировкой и обучаетъ хозяиналичнымъ манерамъ. Изрѣдка въ эту богато убранную клоаку заходятъ актеры, актрисы и канцелярскіе лазутчики, доставляющіе матеріаляр для новостей дня. Особеннымъ торжествомъ для себя считаетъ Непомнящій, когда его постыдить заѣзжая знаменитость. «Иностранцы,—говорить онъ:—начинаютъ уже понимать, что въ Россіи печать—сила».

Поварь Непомнящаго отличный; обѣдъ тонкій,—такой, о которомъ и во снѣ не снилось объявляющимся въ его газетѣ кухаркамъ. Лакеи во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ безшумно обходятъ гостей, подъ зоркимъ наблюденіемъ старого жуира, который лишь на минутку садится за столъ и почти все время дежурить около входной двери, щелкая языкомъ, когда мимо него проносятъ лакомыя блюда, и тревожно произнося: «psst!» — когда въ сервировкѣ замѣчается промахъ. Листецъ тоже слѣдить за сервировкой, но не по обязанности, а изъ усердія. Только рассказчикъ сценъ дѣлаетъ видъ, что онъ здѣсь — дома, и наполняетъ залу звукоподражаніями. Гости сидятъ скромно и потихоньку переговариваются между собою.

Но Непомнящему уже все надоѣло. Онъ едва притрогивается къ великолѣпному шо-фруа, почти съ презрѣніемъ

отламывает клеминю рака à la bordelaise, — пососеть и бросить. Въ воображениі его проносится какое-то диковинное блюдо, въ которомъ рядомъ фигурируютъ и шоколадъ, и мармеладъ, и икра съ масломъ, и стерлядь, и говяжій сычугъ. Все это онъ ъдалъ отдельно, а теперь хотѣлось бы разомъ свалить всѣ ингредіенты въ кастрюлю, полить уксусомъ, яичнымъ желткомъ и дать упрѣть. Но — увы! — это только мечта! Не разъ онъ сообщалъ эту мечту своему повару, но послѣдній только улыбался, слушая его. Извѣстно, богатому человѣку и бредъ на-яву къ лицу.

Иногда, проглатывая кусочки сочнаго ростбифа, онъ уносится мыслю въ далекое прошлое; припоминается Сундучный рядъ въ Москвѣ—какая тамъ продавалась съ лотковъ ветчина! какіе были квасы! А потомъ Московскій трактиръ, куда онъ изрѣдка захаживалъ полакомиться селянкой! Чего въ этой селянкѣ не было: и капуста, и обрывки телятины, дичины, ветчины, и маслины — почти то самое волшебное блюдо, о которомъ онъ мечтаетъ теперь въ алогеѣ своего величія!

— А помнишь, Маня,— обращается онъ черезъ столъ къ женѣ:—какъ мы съ тобой въ Москвѣ въ Сундучный рядъ бѣгали? Купимъ, бывало, сайку да по ломти ветчины (вотъ какіе тогда ломти рѣзали! — показываетъ онъ рукой) — и сыты на весь день!

Маню точно кто сзади въ шею укусилъ. Лицо ея пла-менѣтъ, и она быстро ныряетъ имъ въ тарелку, храня глубокое молчаніе. Но на него нашелъ добрый стихъ, и онъ продолжаетъ благодушествовать.

— А чѣмъ, господа! — обращается онъ къ гостямъ:—вѣдь это лучшенькое изъ всего, что мы испытали въ жизни, и я всегда съ благодарностью вспоминаю объ этомъ времени. Чѣмъ такое я теперь? — «Я знаю, что я ничего не знаю» — вотъ все, что я могу сказать о себѣ. Все мнѣ прискучило, все мной испытано — и на днѣ всего оказалось — ничто! Nichts! А въ то золотое время земля подъ ногами горѣла, кровь кипѣла въ жилахъ... Придешь въ Московскій трактиръ: «Гаврило! селянки!» — Ахъ, что это за селянка была! Маня, помнишь?

Маню опять нѣчто кусаетъ въ затылокъ, и она вновь молча ныряетъ лицомъ въ тарелку.

— Вотъ она этихъ воспоминаній не любить,—кобенится Непомнящій:— а я ничего дороже ихъ не знаю. Пœвѣрьте, что когда-нибудь я устрою себѣ праздникъ по своему вкусу.

Брошу все, уѣду въ Москву и спрячусь куда-нибудь на Плющиху... непремѣнно на Плющиху!

— Плющиха — улица первый сортъ! — откликается рассказчикъ сценъ: — тутъ и Смоленскій рынокъ близко — весь воздухъ протухлой рыбой провонялъ. Позвольте, я по этому самому слушаю сцену изъ народнаго быта разскажу!

И разскazываетъ. Гости грохочутъ; даже лакеи позволяютъ себѣ слегка ухмыльнуться. Сервировка обѣда нѣсколько замедляется, къ великому огорченію жуира, который исповѣдуетъ то мнѣніе, что за обѣдъ садятся затѣмъ, чтобыѣть, а не затѣмъ, чтобы разговаривать.

Къ счастью, въ это время лакей подаетъ на серебряномъ подносѣ записку. Это рапортичка изъ конторы газеты; въ ней значится: «Сего 11-го декабря прибыло на газету годовыхъ подписчиковъ: городскихъ 63, съ почты — 467, итого 530. Затѣмъ, полугодовыхъ, мѣсячныхъ» и т. д.

Непомнящій громко прочитываетъ записку; гости рукоплещутъ; жуиръ неистово произноситъ: «*psst*»; листецъ и рассказчикъ сценъ откупориваютъ бутылки съ шампанскимъ и разливаютъ вино по стаканамъ.

— Господа! — провозглашаетъ Непомнящій, уже совсѣмъ забывъ о недавней московской идилліи: — ежели такъ продолжится до 1-го января, то побѣда будетъ обезечена. Не забудемъ, что послѣ 1-го января передъ нами еще цѣлый годъ, въ продолженіе котораго *подписка принимается*; наконецъ, весьма важный ресурсъ представляетъ розничная продажа... Повторяю: это — побѣда! Но она досталась намъ не легко. Припомнимъ недавніе годы, когда даже декабрьская подписка не достигала и трети теперешняго количества пренумерантовъ, — сколько потрачено усилий, тревогъ, волненій, чтобы выйти изъ состоянія посредственности и довести дѣло до того блестящаго положенія, въ которомъ оно въ настоящее время находится! Положеніемъ этимъ я обязанъ не столько своимъ личнымъ скромнымъ силамъ, — «я знаю, что я ничего не знаю», только и всего, — сколько труду моихъ дорогихъ сотрудниковъ (листецъ закатываетъ глаза и мотаетъ головой; сотрудники протестуютъ; раздаются возгласы: «нѣть, вы даете тонъ газетъ! вамъ она обязана своимъ успѣхомъ! вамъ!»)...

— Благодарю васъ, господа! Вы черезчуръ добры, но я совершенно искренно говорю: вы на вашихъ плечахъ вынесли мою газету; безъ вашего содѣствія она не достигла бы и малой доли теперешняго процвѣтанія! Что

касается лично до меня, то единственная моя заслуга со-
стоитъ въ томъ, что я не унывалъ. Я сказалъ себѣ разъ
навсегда, что газету слѣдуетъ вести бойко, весело («такъ!
такъ!»), что нужно давать читателю ежедневный матеріалъ
для свѣтскаго разговора («совершенно справедливо! совер-
шенно справедливо!») — и неуклонно слѣдовать этому прин-
ципу. Сверхъ того, я сказалъ себѣ: никогда не прать про-
тивъ рожна («никогда! никогда!»), потому, во-первыхъ,
что самое слово: «рожонъ», въ сущности, не имѣть смысла,
и, во-вторыхъ, потому, что мы живемъ въ такое время,
когда не прать нужно, а содѣйствовать. Вы поняли мою
мысль, вы даже косвенно не «прали» и этимъ обезпечили
будущее моей газеты. Исполать вамъ, господа! Поднимаю
бокаль и пью за здоровье моихъ дорогихъ друзей и со-
трудниковъ... Ура!

— Нѣть! нѣть! за ваше здоровье! за ваше! обѣ нась
послѣ... сначала вы!

— За здоровье радушнаго хозяина! — провозглашаетъ
льстецъ.

Всѣ встаютъ изъ-за стола и гурьбою направляются къ
радушному амфитріону. Раздаются пощѣлуи.

Устраивая обѣды и вечера, Непомнящій, какъ я уже
сказалъ выше, прикидывается пресыщеннымъ. Онъ чаще и
чаще повторяетъ, что все на свѣтѣ семь превратно, все на
свѣтѣ коловратно; что философія, науки, искусство — все
исчерпывается словомъ *Nichts!* Посмотрѣть на пукъ аssi-
гнацій, принесенный изъ конторы, и скажетъ — *Nichts!* про-
читаетъ корректуру газеты и опять скажетъ — *Nichts!*
Если бы быть подъ рукою Мефистофель, онъ приказалъ бы
ему потопить корабль съ грузомъ шоколада.

— Сходите въ мелочную лавку и принесите колбасы! —
восклицаетъ онъ.

Онъ разсматриваетъ принесенную колбасу въ микроскопъ
и видитъ шевелящихся трихинъ. Какая прекрасная мысль
для фельетона! Бѣдникъ заходить въ лавочку, покупаетъ
для поддержанія жизни на гривенникъ колбасы и обрѣ-
таеть смерть! Съ другой стороны, пресыщенный богачъ,
подъ внушеніемъ вѣзанной прихоти... опять колбаса — и
опять смерть! Какое горькое сопоставленіе! Однако ёсть ли
принесенную изъ лавки колбасу или не ёсть? Собственно
говоря, жизнь такъ надоѣла, что всего естественнѣе было бы
сѣсть колбасу и умереть. Но, съ другой стороны, онъ —
не просто Непомнящій, но прежде всего гражданинъ страны

и патріотъ своего отечества. У него на рукахъ цѣлая масса сотрудниковъ, корректоровъ, факторовъ, наборщиковъ. Наконецъ, публика, которую тоже нельзя оставить безъ руководительства. Нѣгъ, лучшіе не єсть!

Не зная, какъ освободиться отъ массы денегъ и отъ гнета бездѣльничества, онъ начинаетъ коллекціонировать. Ходить по Апраксину двору, отыскиваетъ подлинныхъ Рубенсовъ и Теневеровъ, и мимоходомъ находить чашу, изъ которой пилъ Одегъ, прибивая щитъ къ вратамъ Константинона. Запасній десяткомъ-другимъ апраксинскихъ Рубенсовъ, украсивъ свой кабинетъ дорогими эльзевирами, онъ вновь начинаетъ томиться бездѣльничествомъ. Лежитъ по цѣлымъ часамъ на диванѣ, посвистываетъ и, наконецъ, нападаетъ на мысль устроить еще два кабинета: китайскій и японскій. Онъ посыпаетъ базары и аукціоны, знакомится съ путешественниками, даетъ имъ порученія и въ умѣ проектируетъ четыре зала: одинъ подъ Рубенсовъ и Теневеровъ, другой—подъ старины братины, кубки и прочую утварь, третій залъ будетъ китайскій, четвертый—японскій. Квартиру придется перемѣнить.

А газета между тѣмъ идетъ все ходчѣ и ходчѣ. Подписчикъ такъ и валить; отъ кухарокъ, дворниковъ, кучеровъ отбою нѣтъ. У Непомнящаго голова съ каждымъ днемъ дѣлается менѣе и менѣе способною выдумать что-нибудь путное для помѣщенія денегъ.

Нѣкоторое время его соблазняетъ мысль: не сѣѣздить ли въ Италию, гдѣ продаются замокъ Лампоно съ принадлежащими къ нему княжескими титуломъ? Сверхъ того, у него на правой лядвѣ вскочилъ прыщъ, такъ ужъ и его кстати омыть въ волнахъ Средиземнаго моря. Находится однако-жъ настолько честные люди, которые доказываютъ, что затѣя его требуетъ, по малой мѣрѣ, въ двадцать разъ большаго капитала, нежели тотъ, которымъ онъ обладаетъ. Съ горечью покидаетъ онъ свою мечту и жалуется, что ничто ему не удается. *Nichts!* Онъ ропщетъ на себя за то, что до сихъ поръ такъ безразсчетно расходовалъ дворницкія ленты, и жестоко отказываетъ сотрудникамъ въ выдачѣ денегъ въ счетъ будущихъ заработковъ.

На другой день, однако-жъ, Непомнящий, по обыкновенію, забылъ о вчерашнемъ. И мечты, и намѣренія смѣняются въ немъ быстро, безъ всякой резонной причины. Вчера онъ мечталъ о покупкѣ замка въ Италии, сегодня—порышилъ сдѣлаться крупнымъ землевладѣльцемъ въ свое

отечествѣ. Ему нужно много-много земли, много-много лѣса и пронастъ воды. Для обработки земли онъ вышишеть изъ Франціи нормандскихъ жеребцовъ и скупить всѣ сельскохозяйственныя машины, какія существуютъ на свѣтѣ. Въ лѣсѣ онъ напустить всевозможныхъ птицъ и звѣрей и будетъ устраивать охоты. Въ водахъ будетъ производить опыты рыбоводства: скрестить леща съ налимомъ, стерлядь съ судакомъ. Но главнымъ образомъ ему необходима старинная барская усадьба, такая, въ которой каждое уединенное мѣсто свидѣтельствовало бы о временномъ пребываніи въ немъ Добрыни или Осяби, или Яна Усмовича. Эти мѣста онъ слегка реставрируетъ, но непремѣнно въ томъ же духѣ и стилѣ, въ какомъ они были при ихъ приснопамятныхъ посѣтителяхъ. И, говорять, такая усадьба уже наклевывается, и именно «на верху крутой горы», гдѣ, по свидѣтельству «Аскольдовой могилы», «известный жилъ бояринъ, по прозванию Каракунъ».

Газету свою онъ начинаетъ ненавидѣть.

— Помилуйте! каждый день, каждый день, словно червь неусыпающій, появляется на столѣ эта ненавистная простыня! Ахъ, когда же, когда?..

По внутренней голосу отвѣчаешь: никогда! Онъ даже перемѣнить одну безцѣльную глупость на другую не можетъ, потому что одна требуетъ массу денегъ, другая—дастъ ихъ.

На сотрудниковъ онъ смотритъ, какъ на илотовъ; сотрудники, въ свою очередь, направо и налево сыплютъ анекдотами изъ жизни своихъ безшабашныхъ патроновъ.

— Вчера, — разсказываетъ одинъ:— нашъ безшабашный о Шекспирѣ со мной разговаривалъ. «Вотъ, говоритъ, че-ловѣкъ, котораго я понимаю! Вотъ кабы что-нибудь въ этомъ родѣ писнуть!»

— И со мной разговоръ былъ,—подхватываетъ другой.— «Слышишь я, говоритъ, что у одного изъ гарсоновъ ресторана Маныи, въ Парижѣ, локонъ волосъ Жоржъ-Занда сохранился, такъ я хочу для своихъ коллекцій пріобрѣсть. Только дорого, капалья, заломилъ—пять тысячъ франковъ!»

Тѣмъ не менѣе газетная машина, однажды пущенная въ ходъ, работаетъ все бойчѣе и бойчѣе. Безъ идей, безъ убѣжденія, безъ яснаго понятія о добрѣ и злѣ, Непомнящій стоитъ на стражѣ руководительства, не вѣря ни во что, хромѣ тѣхъ пятнадцати рублей, которые приносить подпischикъ, и тѣхъ грошей, которые одинъ за другимъ вы-

таскивает из кошеля кухарка. Онъ даже щеголяетъ отсутствиемъ убѣжденій, называя послѣднія абракадаброю и во всеуслышаніе объявляя, что ни завтра, ни послѣ завтра онъ не намѣренъ стѣснять себя никакими узами.

Чѣмъ же отвѣчаетъ на эту безшабашность общее теченіе жизни? Отворачивается ли оно отъ нея, или идетъ ей на встречу? На этотъ вопросъ я не могу дать вполнѣ опредѣленного отвѣта. Думаю сдѣлако-жъ, что современная жизнь настолько заражена тлѣнiemъ всякаго рода крохъ, что одно лишнее зловоніе не составляетъ счета. Мелочи до такой степени переполнили ее и перепутались между собою, что критическое отношеніе къ нимъ сдѣлалось труднымъ. Приходится принимать ихъ—только и всего.

Но спрашивается: ужели это дѣйствительность, а не безобразное сновидѣніе?

Рядомъ съ Непомнящимъ прозябаетъ газетчикъ Ахбѣдный. Но, говоря о немъ, я буду кратокъ.

Ежели Непомнящий не можетъ отвѣтить на вопросъ, откуда и зачѣмъ онъ появился на арену газетной дѣятельности, то онъ очень хорошо знаетъ, въ силу чего существованіе и процвѣтаніе его вполнѣ обезпечены. Въ отношеніи къ Ахбѣдному та же задача представляется какъ разъ наоборотъ: онъ знаетъ, откуда и зачѣмъ онъ пришелъ, и не можетъ отвѣтить на вопросъ, насколько обеспечено его существованіе въ будущемъ.

Это двоегласіе служитъ источникомъ безконечныхъ трепетовъ.

Для него вполнѣ ясно серьезное значеніе такого мугищественнаго органа гласности, какъ газета, и онъ считать своимъ торжествомъ тотъ день, когда, благодаря случайно сложившимся обстоятельствамъ, сталъ въ ряды убѣжденныхъ руководителей общественнаго мнѣнія. Но, выступая на арену дѣятельности, онъ не сообразилъ двухъ вещей: во-первыхъ, что дѣятельность эта не имѣть впереди ничего благопріятствующаго, кромѣ таинственныхъ вѣяній, которыхъ могутъ быть и не быть, и разсчитывать на которыхъ во всякомъ случаѣ рискованно; и, во-вторыхъ, что общественное мнѣніе, которое онъ имѣлъ въ виду, построено на пескѣ.

И дѣйствительно, счастливая случайность, которая встрѣтила первые шаги Ахбѣднаго, вдругъ оборвалась. Тѣ, что вчера считалось бѣлымъ, сегодня сдѣлалось чернымъ, и наоборотъ. Онъ думалъ пробить себѣ стезю особо отъ Непомнящего.

помнящаго и съ горечью увидѣль, что тѣ же самые вопросы и мелкія дрязги, которые съ такимъ успѣхомъ разрабатывалъ Непомнящи, сдѣлались и его удѣломъ.

Правда, онъ сохранилъ за собой нравственную опрятность. Онъ не лжетъ, не обдаетъ бѣшеной слюною; но оставьте въ сторонѣ звѣрообразныя формы, составляющія принадлежность ликующей публицистики,—и вы очутитесь передъ тѣмъ же отсутствіемъ общей руководящей идеи, передъ тою же безсвязностью, съ тѣмъ лишь различіемъ, что здѣсь увѣренность замѣняется безсиліемъ, а ясность рѣчей—недоговоренностью. Допустимъ, что личность Ахбѣднаго внутренно непричастна этой безсвязности, но она прикована къ ней тѣми навожденіями, которыми переполненъ его жизненный путь, тѣмъ страхомъ завтрашняго дня, который онъ тщетно усиливается побѣдить.

Казалось бы, что дѣятельность Ахбѣднаго представляется во всемъ противоположною дѣятельности Непомнящаго. Бремя отвѣтственности, которое Непомняющимъ переносится до такой степени легко, что онъ даже забылъ о немъ,—составляетъ для Ахбѣднаго ежедневную злобу дня; трепеты, которые Непомнящи испыталъ только въ началѣ своей дѣятельности, становятся для Ахбѣднаго съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обязательными. Тѣмъ не менѣе, вглядываясь въ свой ежедневный трудъ, онъ убѣждается, что трудъ этотъ роковымъ образомъ осужденъ лишь на разработку случайно выступающихъ мелочей. И что всего обидище: по поводу однихъ и тѣхъ же пустяковъ Непомнящий заливается ликующимъ смѣхомъ, а синь, Ахбѣдный, обязывается унывать. «Не правда ли, что это ужъ несправедливость?»—жалуется онъ чуть не вслухъ. Судите его, ежели онъ виноватъ—онъ слова не скажетъ: виновать такъ-виновать! Но ежели онъ виноватъ наравнѣ съ прочими, то и его судите тою же мѣрою, какъ и прочихъ. Господи помилуй! онъ ли не ведеть неустаниую борьбу съ самимъ собой! онъ ли не побѣждаетъ себя! И что-жъ! вместо поощренія, ему говорятъ: «это вы маску, государь мой, надѣли; но притворство ваше не облегчаетъ вины, а, напротивъ, усугубляетъ ее... Да-сы!»

Такимъ образомъ, чѣмъ больше онъ старается, тѣмъ больше усугубляется его вина. Наконецъ, за плечами у него вырастаетъ цѣлый коробъ, до того переполненный претрѣшніями, что, того гляди, и помѣщать новыя претрѣшнія будетъ некуда. А у него въ портфелѣ редакціи цѣлый

ворохъ такихъ прегрѣшений. Воть, напримѣръ, корреспонденція о нѣкоемъ П. Корреспондентъ—человѣкъ надежный, ему вѣрить можно. Онъ пишетъ, что П., членъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, береть взятки, и приводить примѣры взяточничества. Но кто таковъ этотъ П.? Не приходится ли онъ дядей, племянникомъ или внучатымъ братомъ какому-нибудь вліятельному лицу? Не представлять ли онъ собой новую вину, которая лѣзетъ въ коробку, и безъ того оттягивающую его плечи? Печатать статью или не печатать?—Или, напримѣръ, корреспонденція о К.: К.—завѣдомый хлыщъ и наглецъ, который мечется изъ угла въ уголъ, самъ не зная зачѣмъ, смущаетъ умы, распускаетъ ложные слухи... Все это такъ, но, быть-можетъ, по обстоятельствамъ, суполока, олицетворяемая К., представляется въ данную минуту небезполезно? Чѣмъ такое сама по себѣ эта «данная минута»? Быть-можетъ, она-то именно и осуществляется ту «вину», которая долженствуетъ переполнить коробку? Печатать или не печатать?—Или, напримѣръ, такой-то вопросецъ? Въ обыкновенное время—пріѣхѣть бы за столъ и въ одно мгновеніе его разрѣшиль. Но въ данную минуту, но теперь...

Каждый новый шагъ грозить, что коробка оборвется и осыплетъ его преступленіями. Хотя въ столичныхъ захолустьяхъ существуетъ множество ворожей, которая на гуашь и на бобахъ всякую штуку развести могутъ, но такой ворожеи, которая напередъ угадала бы: пройдетъ или не пройдетъ?—еще не народилось. Поэтому Ахбѣдный старается угадать самъ. Работа изнурительная, жестокая. Напуганное воображеніе говорить безъ обиняковъ: «не пройдетъ!» но въ сердцѣ въ это же время закипаетъ робкая надежда: «а вдругъ... пройдетъ!»

Всѣ колеблются, склоняются то на ту, то на другую сторону. Въ большинствѣ случаевъ, дѣло решается подъ вліяніемъ безсознательного наитія. Придѣть знакомецъ и скажетъ, что въ данную минуту нѣтъ никакой надежды на сочувствіе общественного мнѣнія; придѣть другой знакомецъ и скажетъ, что теперь самое время провозглашать истину въ наукѣ, истину въ литературѣ, истину въ искусствѣ, и что общество только того и ждетъ, чтобы проникнуться истинами. Какое изъ этихъ двухъ мнѣній взять верхъ? Къ чести Ахбѣднаго я долженъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ одерживаетъ побѣду послѣднее мнѣніе. Жажда «дерзнутъ» такъ велика, что заставляется съ новымъ

вниманіемъ перечитать инкриминированный литературный вкладъ, и именно съ цѣлью хоть съ грѣхомъ пополамъ напечатать его. Да нельзя ему иначе и поступить. Характеръ газеты, несмотря на оговорки, настолько опредѣлился, что и сотрудники могутъ писать только въ извѣстномъ тонѣ. Всѣ точно сговорились: сообщаютъ о растратахъ, воровствахъ, проявленіяхъ дикаго произвола и т. п. Изъ чего же тутъ выбирать? Словомъ сказать, статья перечитывается вновь, карандашъ работаетъ неутомимо; на помощь являются и фигура умолчанія, и фигура иносказанія; перемѣняются инициалы, ставятся многоточія... Готово!

— Кажется, въ этомъ видѣ можно?—разсуждаетъ самъ съ собой Ахбѣдный и, чтобы не дать сомнѣніямъ овладѣть имъ, звонить и передаетъ статью для отсылки въ типографію. На другой день статья появляется урѣзанная, умягченная, обезличенная, но все еще съ душкомъ. Ахбѣдный, прогуливаясь по улицѣ, думаетъ: «что-то скажетъ про мои урѣзки корреспондентъ?» Но встрѣчающіеся на пути знакомцы отвлекаютъ его мысли отъ корреспондента.

— Эге! да вы еще живы!—восклицаетъ одинъ.

— Какъ только земля васъ носить! — привѣтствуетъ другой.

— Ну, батюшка, теперь ждите!—прорицаетъ третій.

Такія привѣтствія и прорицанія извѣстны подъ именемъ общественнаго чутья. Произнося ихъ, читатель какъ бы заявляетъ о своей проницательности и своими изумленіями указываетъ на ту дѣйствительность, осуществленіе которой ни для кого не покажется неожиданностью.

За всѣмъ тѣмъ Ахбѣдный продолжаетъ кориѣть и изнывать надъ газетою.

Что приковываетъ его къ ней?—это его тайна, за раскрытие которой я не берусь. Быть-можеть, онъ пытается спасти какое-то «дѣло» или хоть крохи его,—но, можетъ-быть, въ самой профессіи его заключается нѣчто втягивающее, роковое. Сегодня одна кроха, завтра—другая.

Въ заключеніе, позволяю себѣ обратить читателя къ тому краткому вступлению, которое я предполагаю настоящему этюду. При помощи сопоставленій онъ пойметъ, какимъ образомъ дѣло вполнѣ реальное и содержательное можетъ, благодаря обстоятельствамъ, обратиться въ кучу безсвязныхъ и несогрѣтыхъ внутреннимъ смысломъ мелочей.

2.—Адвокатъ.

Когда Перебоевъ выступилъ, въ 1866 году, на адвокатское поприще, онъ говорилъ: «Значеніе нашего сословія въ будущемъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Ежели въ настоящее время оно еще не для всѣхъ ясно, то стоять обратить взоры на Западъ, чтобы убѣдиться» и т. д. Теперь, спустя двадцать лѣтъ, онъ говоритъ: «Задача, предстоящая нашему сословію, скромна, но въ высшей степени плодотворна. Западные образцы непрігодны для нась. Не мечтаний и утопій должны руководить нашими дѣйствіями, а то специально скромное дѣло, къ которому мы призваны. Его вполнѣ достаточно, чтобы опутить подъ ногами твердую почву, безъ которой никакая человѣческая дѣятельность немыслима. Всякая мысль о критикѣ и разномысліи должна быть изгнана изъ нашей среды, ибо ведетъ къ недовольству и развлекаетъ вниманіе. Итакъ, будемъ бодры, милостивые государи», и т. д.

И когда ему указываютъ, что онъ самъ себѣ явно противорѣчитъ, то онъ отвѣчаетъ, что ежели въ его словахъ и существуетъ противорѣчіе, то оно доказываетъ только, что онъ въ теченіе двадцати лѣтъ развивался.

— Хорошъ бы и быть,—говорить онъ:—если бы остановился на одной точкѣ, не принимая въ разсчетъ ни измѣнившихся обстоятельствъ, ни нарождающихся потребностей времени.

Такова руководящая аксиома, до которой онъ додумался въ теченіе своей двадцатилѣтней практики и которая дала характеристическую окраску всей его жизнедѣятельности.

Когда судебная реформа была объявлена, онъ былъ еще молодъ, но уже воинствовалъ въ рядахъ до-реформенной магистратуры. Ему предложили място товарища прокурора, съ перспективой на скорое возвышеніе. Онъ прикинулся обиженнымъ, но, въ сущности, разсчиталъ по пальцамъ, какое положеніе для него выгоднѣе. Преимущество оказалось за адвокатурой. Тутъ тысяча... тамъ тысяча... тысяча, тысяча, тысяча... А кроме того, «обратимъ взоры на Западъ»... Кто можетъ угадать, что случится... Га!

Но на первыхъ порахъ тысячи приходили туго, такъ какъ въ идею о добыть впадала идея объ адвокатской репутациі. Время было искрометное, возбуждающее. И судебный персоналъ, и присяжные, и адвокаты—всѣ наход-

дились подъ вліяніемъ той общечеловѣческой правды, которая предполагалась въ основѣ «убѣженія». Прокуроры, краснѣя, усиливались выдвинуть вопросъ о правѣ реальной, но успѣха не имѣли и выражали свое негодованіе тѣмъ, что, выходя изъ суда, сквозь зубы произносили: «это чортъ знаетъ чтѣ!»—а вечеромъ, за картами, рассказывали анекдоты изъ судебнай практики. Получить оправданіе было легко, добиться «смягчающихъ обстоятельствъ» почти ничего не стоило. Несомнѣнно одержимыя ретроградныемъ бѣшенствомъ газеты—и тѣ, въ виду общаго настроенія, безмолвствовали, приберегая свой ядъ до болѣе благопріятнаго времени, когда можно будетъ бить лежачаго. Даже въ гражданскомъ процессѣ первенствовалъ вопросъ не о томъ, соблюденъ ли срокъ или не соблюденъ, а о томъ: честно или нечестно? Вопросы же давности, о срокахъ, о правахъ единогубныхъ и единокровныхъ всецѣло отданы были на драку немногимъ до-реформеннымъ ябѣдникамъ, которые хотя проникли въ адвокатскую корпорацію, но терпѣли горькую участъ. Они упорно держались на реальнай почвѣ, но это доказывало ихъ недальновидность и алчность (были, впрочемъ, и замѣчательныя, въ смыслѣ успѣха, исключенія, такъ какъ если бъ они не польстились на гроши, то вскорѣ бы убѣдились, что вопросъ о томъ, честно или нечестно, вовсе не такъ привязчивъ, чтобы нельзя было отъ него отѣлаться, въ особенности ежели «репутація» уже составлена).

Выигравши нѣсколько блестящихъ процессы, доказавъ, съ одной стороны, что преступленіе есть продуктъ удручающихъ жизненныхъ условий и, съ другой стороны, что пропускъ срока не составляетъ существенной принадлежности правды, Перебоеевъ мало-по-малу началъ, однако же, пристальнѣеглядываться въ свое положеніе. И вдругъ въ головѣ у него блеснуло: «Хотя общечеловѣческая правда безспорно хороша, тѣмъ не менѣе для чего-нибудь существуетъ же кодексъ? Чему-нибудь учить же насть юридическая наука? Когда я являюсь на уголовный процессъ, то, стоя на почвѣ общечеловѣческой правды, почти не чувствуя надобности ни въ какой подготовкѣ. Пришелъ, стала на мѣсто—слова такъ и полились. Ежели у меня есть въ запасѣ цитата изъ Шекспира, цитата изъ Беккарии—стъ меня довольно. Я знаю напередъ, что приговоръ будетъ вынесенъ въ пользу моего клиента. Казалось бы, чего лучше? Но отчего же, за всѣмъ тѣмъ, когда я слушаю

прокурора, мнѣ становится не совсѣмъ ловко? И точно такую же неловкость я чувствую, слушая въ гражданскомъ процессѣ моего противника, старого сутягу. Не оттого ли это происходитъ, что и прокуроръ, и сутяга чувствуютъ подъ собой реальную почву; я же хотя и побѣждаю ихъ, но трудъ мой можно уподобить тѣмъ карточнымъ домикамъ, на которые стоять только дунуть, чтобы они разлетѣлись во всѣ стороны? Вдругъ нѣкто подойдетъ и дунетъ—куда я тогда поспѣль со всею мою репутаціей?»

Волнуемый этими предчувствіями, Переboевъ обращалъ взоры на Западъ и убѣжалъ, что и тамъ адвокатъ представляеть собой два существа: одно, которое парить въ эмпиреяхъ, и другое, которое упорно придерживается земли. Судятся, напримѣрь, два завѣдомыхъ вора: А. доказываетъ, что Б. его обокралъ; Б. утверждаетъ, что не только не онъ обокралъ Б., но, напротивъ, А., при помощи цѣлаго ряда мошенничествъ, довелъ его до разоренія. А. защищаетъ адвокатъ Вантредебинъ, Б.—адвокатъ Вантр-сенгри. Оба они—люди передовые, провидящіе въ недалекомъ будущемъ золотой вѣкъ; оба законодательствуютъ, громятъ консерваторовъ и ихъ козни. Но ни тотъ, ни другой не отказываются отъ добычи, составляющей результатъ процесса А. и Б.; ни тотъ, ни другой не ставятъ себѣ вопроса: честно или нечестно? «Думаю я,—говорять они своимъ клиентамъ:—что вотъ по статьѣ такой-то можно васъ обѣлить». И въ этой надеждѣ выходятъ на судъ, заручившись предварительно задаткомъ собственно за «выходъ».

Практика, установившаяся на Западѣ и не отказывающаяся ни отъ эмпиреевъ, ни отъ низменностей, положила конецъ колебаніямъ Переboева. Онъ сказалъ себѣ: «Ежели такъ поступаютъ на Западѣ, гдѣ адвокатура имѣеть за собой исторический опытъ, ежели тамъ общее не мѣшаетъ частному, то тѣмъ болѣе подобный образъ дѣйствій можетъ быть примѣненъ къ намъ. У западныхъ адвокатовъ золотой вѣкъ недалеко впереди видиется, а они и его не боятся; а у насъ и этой узды, слава Богу, нѣтъ. Съ Богомъ!—только и всего».

Тутъ же, кстати, и въ самомъ содержаніи судебныхъ процессовъ произошла ощущительная перемѣна. Въ уголовной сферѣ, вместо прежнихъ театральныхъ воровъ, начали появляться воры заправскіе, къ которымъ уже никакъ нельзя было примѣнить кличу жертвъ общественнаго темпера-

мента. Обворовывали земство, банки, растрачивали общественные капиталы, и расхитителями оказывались люди вполне обезпеченные, руководившиеся только инстинктами безотносительной алчности и полного нравственного растления. Общечеловеческой правды не было до них никакого дела, следовательно и цитаты изъ Шекспира приводить не приходилось; а между тьмъ выйти на судъ, въ качествѣ защитника блестящаго вора, представлялось и интереснымъ, и небезвыгоднымъ. Въ свою очередь, блестящіе воры и адвокаты желали блестящихъ же, такихъ, которые «составили себѣ репутацію», а не сутягъ, которые гнались за грошами, не помышляя о репутациі. Но ежели нельзя было выступить на защиту, имѣя въ запасѣ одну общечеловеческую правду, то, очевидно, предстояло въ иномъ мѣстѣ отыскивать такую мякоть, которая въ данномъ случаѣ была бы какъ разъ въ мѣру. Словомъ сказать, понадобился кодексъ или, по крайней мѣрѣ, такое смѣщеніе его съ цитатами изъ Шекспира, Беккарии и проч., которое нельзя было бы прямо назвать оторванностью отъ реальной почвы, а можно было бы только причислить къ особенностямъ адвокатскаго ремесла. И хотя оправдательные вердикты, при такой системѣ, произносились рѣже, нежели во времія торжества общечеловеческой правды, но смягчающія обстоятельства все-таки давались довольно охотно. И—что всего важнѣе—они давались не подъ вліяніемъ цитатъ изъ Шекспира, но подъ вліяніемъ статьи кодекса, которая гласитъ: «но буде» и т. д. Это «буде» легло въ основаніе второй адвокатской манеры и сослужило адвокатамъ такую же службу, какъ и общечеловеческая правда.

Въ это же самое время невѣдомо куда исчезли и политическіе процессы. Въ судахъ сдѣлалось темно, глухо, тоскливо. Судебные приставы вяло произносили передъ пустой залой: «судъ идетъ!»—и увѣренno дремали, зная напередъ, что ихъ вмѣшательства не потребуется. Стало быть, и здѣсь шансы на составленіе адвокатской репутаціи уменьшились.

Оставался гражданскій процессъ; но и тутъ совершился полный переворотъ! Крупныя дѣла, которыя на первыхъ порахъ появились, какъ наслѣдіе до-реформеннаго суда, все рѣже и рѣже выступали на очередь.

Тяжущіяся стороны проявляли наклонность къ экономіи и предпочитали мириться на болѣе дешевыхъ основаніяхъ, т.-е. не прибѣгая къ суду или же предлагая за защиту

своихъ интересовъ такое вознагражденіе, о которомъ адвокатъ первоначальной формациі и слышать бы не хотѣлъ.

Притомъ же и адвокатовъ развелось множество, и вся кому хотѣлось что-нибудь заполучить. Носились даже слухи, что скоро нечего будетъ «жрать». Вопросъ: честно или нечестно?—звучалъ какъ-то дико; приходилось брать всякия дѣла, ссылаясь на Шедстанжа и Жюля Фавра, которые-де тоже всякія дѣла берутъ. Характеръ адвокатуры настолько измѣнился, что въ основаніе судоговоренія всецѣло легъ кодексъ, вооруженный давностями, апелляціонными и касационными сроками и прочею волокитою.

Рѣчь шла уже не о томъ, чтобы громить противника, и даже не о томъ, чтобы бороться съ нимъ, а только о томъ, чтобы его подсидѣть. Отѣвшіеся адвокаты, успѣвшіе съ самаго начала снять пѣнику, почти бросили свое ремесло и брались только за тѣ немногія дѣла, которыя выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Но и тутъ руководителями являлись не морального свойства поводы, а сумма иска. Ежели на сцену судоговоренія являлся миллионъ, то дѣло было стоящее; ежели являлась какая-нибудь тысяча, то ищущему заявлялось прямо: «я адвокатурой не занимаюсь».

Перебоеvъ не принадлежалъ къ числу «отѣвшихся». Онъ былъ достаточно талантливъ, чтобы покорять наивные сердца присяжныхъ, но не настолько, чтобы дѣйствовать подавляющимъ образомъ на судебный персоналъ. Поэтому онъ немного имѣлъ гражданскихъ процессовъ и недостаточно обезпечилъ себя, чтобы сказать: «я не нуждаюсь въ практикѣ! уѣду въ Ниццу и буду плевать въ Средиземное море!...» Когда-то онъ сказалъ самонадѣянно, положивъ въ сердцѣ свое: «скоплю четыреста тысяч— и шабашь!...» Но это ему не удалось. Теперь, быть-можетъ, онъ удовольствовался бы и мѣньшимъ, чтобы только покончить съ этой канителью, да чортъ дернуль жениться: пошли дѣти... Такъ на двухстахъ тысячахъ онъ и застыль... пхе! Приходилось продолжать профессію и остановиться,—да-сь, на одномъ благородствѣ души нынче не выѣдешь. Другія времена, другія вѣянія, другія пѣсни.

Процессъ осложненій совершился въ немъ постепенно, и начало его крылось не столько въ нѣдрахъ адвокатской профессіи, сколько въ тѣхъ вѣяніяхъ, которыхъ приходили извнѣ, обуздывали ретивость и незамѣтно произвели въ немъ коренней внутренний переворотъ. Сначала вырвалось восклицаніе: «однако!»—потомъ: «чудеса!»—потомъ: «это

ужъ ни на что не похоже!»—и наконецъ: «неужто же этой комедіи не будетъ положень предѣль?» И съ каждымъ восклицаніемъ почва общечеловѣческой правды, вмѣстѣ съ теоріей жертвъ общественного темперамента, все больше и больше погружалась въ волны забвенія. Даже цитаты изъ Шекспира и Беккарии позабылись. Износила ли башмаки Гертруда, или не износила,—развѣ это не безразлично? Призраки растаяли; на ихъ мѣстѣ явился кодексъ и всецѣло овладѣль нравственными и умственными силами Перебоева.

Утромъ, часовъ около десяти, Перебоевъ уже одѣтъ, кончилъ свой первый завтракъ и садится къ письменному столу. Онъ смотрить на вывѣшенную на стѣнѣ табличку и бормочетъ: «Въ 2 часа въ коммерческомъ судѣ дѣло по спору о подлинности векселя въ двѣ тысячи рублей»... Гм.. «Въ 3 часа дѣло въ окружномъ судѣ о кражѣ со взломомъ рубля семидесяти копеекъ... Защита—по назначению отъ суда»... Немного! Придется ли, нѣть ли, за первое дѣло получить двѣсти рублей... Затѣмъ онъ отвори гъ ящикъ и пересчиталь выручку предстоящихъ дней—нашлось около полутораста рублей, только и всего... О, чортъ возьми! Этакъ и съ голоду, пожалуй, подохнешь! Если-бъ Перебоевъ не запасся мѣстомъ консультанта въ двухъ-трехъ акціонерныхъ обществахъ, съ определеннымъ жалованьемъ, пришлось бы зубы на полку класть. Клиентъ нынче мелкій, безобразный. Начинать излагать дѣло, такъ душу выворотить. А потомъ заключишь съ нимъ условіе, выиграешь дѣло, а онъ денегъ не платить. Въ два года двѣсти-то рубликовъ изъ него не вытеребишь. Нѣть, надо поостроже... по крайней мѣрѣ, чтобы половину на столъ, остальное—за-руки. Вотъ, по-настоящему, какъ надо. Къ счастью, вечеромъ у него консультация, за которую онъ получить наличными двѣсти рублей... Пакетикъ и въ немъ двѣ радужныхъ—святое дѣло.

Онъ быстро распечатываетъ накопившіяся за утро письма, повѣстки и, наконецъ, вскакиваетъ какъ ужаленный: передъ нимъ билетъ на балъ въ пользу общества распространенія благонамѣренности; цѣна 10 руб., а болѣе—что пожалуете.

— О, чортъ возьми!—восклицаетъ онъ:—и безъ того вездѣ проповѣдало благонамѣренность... А дѣлать нечего, отдать десять рублей все-таки придется. Эй! Прохоръ! давно этотъ билетъ принесли?

— Съ часть назадъ. Пришелъ лакей, оставилъ, а сей-часъ онъ воротился. Вотъ и книга, извольте расписаться.

Перебоевъ береть книгу и расписывается: билетъ получиль и деньги уплатиль.

— Возьми,—говорить онъ Прохору:—но ежели впередъ съ такими билетами будуть приходить, говори, что баринъ въ Москву уѣхаль.

— Десять рублей да десять рублей,—ворчить онъ:— каждый день раскошеливайся! Деньги такъ и жрутъ, а благонамѣренность все-таки за хвостъ поймать не могутъ. Именно только вонь отъ нея.

Входить жена.

— Ты сегодня возьмешь экипажъ?

— Бери, матушка, пользуйся!

— Ты совсѣмъ о насть забываешь. Наташѣ платьице нужно; мнѣ тоже давно обѣщаль. Право, срамъ! у всѣхъ жены прилично одѣты, я одна отрапанная хожу.

— Мало у тебя платьевъ!

— Есть платья, да не такія. Не могу же я въ прошлодніхъ платьяхъ въ обществѣ показаться! Зачѣмъ же ты женился, если не въ состояніи жену одѣвать?

Перебоевъ раздражительно выдвигаетъ ящикъ изъ письменного стола и показываетъ его женѣ.

— Нѣ, смотри! много денегъ?

Къ счастью, въ передней раздается звонокъ, потомъ другой, третій.

— Что же,—настаиваетъ жена:—дашь денегъ?

— Ну, нѣ! ну, нѣ! Фиш! глотай!—выбрасываетъ онъ одну за другой некрупныя ассигнаціи, разсыпавшіяся по дну ящика.

— Такъ я поѣду,—хладнокровно отвѣчаетъ жена, собирая деньги.

— И поѣзжай! и бросай деньги! и бросай!

Звонки возвѣщаются клиентовъ. Бѣть одиннадцать. Это—часть пріема; Перебоевъ заглядываетъ въ клиентскую, гдѣ ожидаетъ дама въ сопровожденіи шестилѣтняго сына и двое мужчинъ.

— Пожалуйте!—приглашаетъ Перебоевъ даму.

Дама входитъ въ кабинетъ, держа за руку сына, и начинаетъ жеманиться.

— Мой мужъ больной, никуда не выѣзжаетъ,—начинаетъ она чуть слышно.

— Прошу васъ, сударыня, объясняться громче.

— Мой мужъ больной,—повторяетъ дама:—а меня ни за что не хотѣлъ къ вамъ пускать. Вотъ я ему и говорю: «самъ ты не можешьъ ходить, меня не пускаешь—кто же, душенька, по нашему дѣлу будетъ хлопотать?»

— Ну-съ, въ чемъ же дѣло?

— Позвольте мнѣ доказать... Наконецъ, онъ рѣшился: «возьми, говорить, съ собою Сережу и подѣлжай къ господину адвокату». И вотъ...

Дама растерянно оглядываетъ стѣны кабинета и произноситъ:

— Ахъ, сколько у васъ книгъ! Неужто это все законы?

— Позвольте узнать, въ чемъ заключается ваше дѣло?—настаиваетъ Перебоевъ.

— Ахъ, нась ужасно обидѣли, господинъ адвокатъ! Мужъ мой, надо вамъ сказать, купецъ, въ Зеркальномъ ряду торгуется... Впрочемъ, вѣдь это прежде считалось, что купцомъ быть стыдно, а нынче совсѣмъ никакого стыда нѣть... Не правда ли, господинъ адвокатъ?

— Конечно, конечно... Но къ дѣлу, сударыня, къ дѣлу!

— И вотъ у меня есть сестра, которая тоже за купцомъ выдана, онъ бакалейнымъ товаромъ тѣргуетъ... И вотъ моему мужу необходимо было одолжиться... Къ кому же обратиться, какъ не къ родственникамъ? И вотъ Аггей Семенычъ—это мужъ моей сестры—отсчиталъ двѣ тысячи и сказалъ: «для милаго дружка и сережка изъ ушка...»

— Сударыня!—стонеть Перебоевъ.

— Нѣть, ужъ позвольте мнѣ, господинъ адвокатъ, по порядку, потому что я собьюсь. И вотъ мужъ мой выдалъ Аггею Семенычу вексель, потому что хоть мы люди свои, а деньги все-таки счетъ любятъ. И вотъ, наканунѣ самаго Покрова, приходить срокъ. Является Аггей Семенычъ и говорить: «деньги!» А у мужа на ту пору не случилось. И вотъ онъ говорить: «покажите, братецъ, вексель...» Ну, Аггей Семенычъ, по-родственному: «извольте, братецъ!» И ужъ какъ это у нихъ случилось, только мужъ мой этотъ самый вексель проглотилъ...

— Однако!—изумляется Перебоевъ.

— Только обѣ этомъ не надо на судѣ говорить, господинъ адвокатъ... вы ради Бога!.. И вотъ вчера мужъ получилъ отъ господина судебнаго слѣдователя повѣстку... Ахъ, господинъ адвокатъ, помогите!

Совершенно неожиданно дама становится на колѣни. Перебоевъ бросается къ ней и строго говоритъ:

— Встаньте! я—не Богъ!

— Но позвольте вамъ, однако, сказать, — продолжаетъ дама, вставая:—гдѣ же доказательства? Агтей Семенычъ говорить, что мужъ занялъ у него двѣ тысячи, а мужъ говорить: «никогда я, братецъ, вашихъ денегъ и не нюхаль». Агтей Семенычъ говорить: «былъ вексель!» а мужъ отвѣчаетъ: «гдѣ онъ? Покажи!»

— Однако-жъ вы сами сейчасъ сказали...

— Мало ли чтѣ я сама... Можетъ-быть, я не въ своеемъ разумѣ. Можетъ-быть, я все согала... Нѣть, еще какъ судь посудить! Можно всякую напраслину взвести...

Дама вынимаетъ платокъ и начинаетъ сморкаться. На глазахъ у нея показываются крошечныя-крошечныя слезинки.

— Вѣроятно, у васъ есть съ собою записка?—нетерпѣливо спрашиваетъ Перебоевъ.

— Никакой записи у меня нѣть. Мужъ даже сказывать о дѣлѣ не велѣль—это ужъ я сама.

— Ну, такъ вотъ чтѣ: когда окончится слѣдствіе, тогда и приходите. Можетъ-быть, по слѣдствію окажется, что вашъ мужъ правъ; тогда и дѣло само собою кончится. А теперь я ничего не могу.

— Нѣть, господинъ адвокатъ, ужъ вы помогите!

Дама дѣлаетъ движеніе, какъ будто опять хочетъ встать на колѣни.

— Говорю вамъ, сударыня, что до конца слѣдствія мои услуги бесполезны,—раздражительно говорить Перебоевъ, бросаясь, чтобы остановить ее.

— Такъ вы скажите, по крайней мѣрѣ, какъ намъ быть. Мужъ отъ всего отпереться хочетъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю... Только какъ бы за это намъ хуже не было! Агтей Семенычъ слѣдователя-то, поди, ужъ задарилъ.

— Какія вы глупости говорите! Повторяю вамъ: теперь я ничего не могу, а вотъ когда вашего мужа къ суду позовутъ, тогда пусть онъ придетъ ко мнѣ.

Дама вновь начинаетъ жеманиться и никакъ не хочетъ уйти. Перебоевъ въ отчаяніи отворяетъ дверь въ клиентскую и кричитъ:

— Господа, кто прежде пришелъ, пожалуйте!

— Помогите, господинъ адвокатъ!—стонеть дама.

— Всенепремѣнно-съ. Но теперь прошу васъ оставить меня, потому что мнѣ время дорого.

Перебоевъ не отходитъ отъ открытой настежь двери, въ

которую уже вошелъ новый клиентъ, и наконецъ дѣлаетъ видъ, что позоветъ дворника, ежели дама не уйдетъ. Дама, ухвативъ за руку сына, съ негодованіемъ удаляется.

Продолжается дефилированіе клиентовъ. Ихъ набралось въ клиентской уже пять человѣкъ. Первый начинаетъ съ того, что говорить:

— Знаю я, что моя просьба не дѣльная, однако...

— Позвольте васъ попросить оставить меня,—рѣшительно произноситъ Перебоевъ, не давая даже кончить клиенту.

Клиентъ удивленно смотритъ на него; но, видя, что господинъ адвокатъ не шутитъ, поспѣшно обращается вспять, нагнувъ голову и какъ бы уклоняясь отъ удара.

Слѣдующій клиентъ принесъ купчую на домъ въ Чекушахъ и просить совершить вводъ во владѣніе. Въ перспективѣ—полтораста рублей.

— Я этими дѣлами...—начинаетъ Перебоевъ; но сей-часъ же спохватывается и говоритъ:—Извольте, съ удовольствіемъ, только условіе на такую ничтожную сумму, какъ полтораста рублей, писать, я полагаю, бесполезно...

На этотъ разъ клиентъ оказывается чивый; онъ выкладываетъ на столъ условленную сумму и говоритъ:

— Только, знаете, чтобы вѣрно. А послѣ ввода—милости просимъ закусить. Давненько мы съ женой подумывали...

Перебоевъ не слушаетъ его, береть документъ и деньги и пишетъ расписку.

Зато третій клиентъ сразу приводить Перебоева въ восхищеніе.

— Въ городѣ Бостонѣ,—говорилъ онъ:—Федоръ Сергеевичъ Ковригинъ умеръ и оставилъ послѣ себя полтора миллиона долларовъ. Теперь по газетамъ разыскиваютъ наследниковъ.

— Ну-съ?

— Мы тоже—Ковригинны...

Воображеніе Перебоева, быстро нарисованное ему картины путешествія въ Америку, совѣщанія съ мѣстными адвокатами и, наконецъ, цѣлую кучу блестящихъ долларовъ, изъ которыхъ навѣрно добрая третья перейдетъ къ нему (вѣдь въ подобныхъ случаяхъ и половины не жалѣютъ), начинаетъ столь же быстро потухать.

— Однофамильцы Ковригина или родственники?—терпѣливо спрашиваетъ онъ.

— То-то что... Мы ужъ и въ посольствѣ побывали, и поколѣнную родпись видѣли... и у него Анна Ивановна, и у насъ Анна Ивановна...

— Я не понимаю. Объяснитесь, пожалуйста.

— И ему Анна Ивановна внучатной сестрой приходится, и намъ Анна Ивановна тоже приходится внучатной сестрой.

— Одна и та же Анна Ивановна?

— То-то что... Не потрудитесь ли посмотреть?

— Да вы слыхали когда-нибудь объ умершемъ Ковригинѣ?

— То-то что...

— Жива эта Анна Ивановна?

— Наша-то давно померла, а евоная — Христосъ ее знаетъ.

— Вы у кого-нибудь изъ адвокатовъ были, кромѣ меня?

— Какъ же, у пятерыхъ ужъ были.

— Чѣмъ же они вамъ сказали?

— Да чѣмъ! Смѣются — только и всего.

— Такъ зачѣмъ же вы ко мнѣ пришли? — уже раздраженно кричать Перебоевъ: — вы думаете, что у меня празднаго времени много?

— То-то что мы думали: и у него Анна Ивановна, и у насъ Анна Ивановна... Можетъ-быть, господинъ адвокатъ разберетъ... Денегъ-то ужъ очень много, господинъ адвокатъ!

— Позвольте васъ попросить оставить меня!

— Съ удовольствіемъ. Мы, признаться сказать, и то думали: не зачѣмъ, моль, ходить, да такъ, между дѣломъ... Дѣловъ ионѣ мало, публика больше въ долгъ норовить взять.... Вотъ и думаемъ: не *наши* ли, моль, это Ковригинѣ?

— Да говорите же толкомъ: какой еще вашъ Ковригинѣ? — опять начинаетъ волновать Перебоева надежда.

— Да Иванъ Аѳанасьевичъ. Онъ доподлинно намъ сродственникъ приходился и тоже лѣтъ сорокъ назадъ безъ вѣсти пропалъ.

— Ну-съ?

— Только этотъ, умерший-то, Федоромъ Сергеевичемъ называется...

— Позвольте мнѣ просить васъ оставить меня.

Клиентъ удаляется. Перебоевъ опять высовываетъ въ дверь и провозглашаетъ:

— Господа! кто на очереди? Пожалуйте!

Но клиентская пуста. Сейчас въ ней ожидало еще два человѣка, и вдругъ—иѣтъ никого.

— Прохоръ!—въ изступлени кричить Перебоевъ:—гдѣ клиенты?

— Ушли-съ. Сказали: долго ужъ очень ждать приходится—и ушли.

— И ты не могъ удержать? хорошъ гусь! Не могъ сказать, что я сейчасъ...

— Да что же, коли они ушли.

— Ушли! Свинья ты—вотъ что! Вели завтракать подавать.

Перебоевъ задумывается. Цѣлыихъ два часа онъ употребилъ на пустяки, а между тѣмъ два клиента словно сквозь землю провалились. Можетъ-быть, въ нихъ-то и есть вся суть; можетъ-быть, на нихъ-то и удалось бы заработать... Всегда съ нимъ такъ... Третьяго дня тоже какая-то дурица задержала, а серьезный клиентъ ждалъ-ждалъ и ушелъ. Полтораста рубликовъ—хорошъ заработка! Вчера—ничего, третьяго дня—ничего, сегодня—подторы сотни.

— Прохоръ!—кричить онъ:—на будущее время, ежели барыни шляться будутъ, говори, что дома иѣтъ. Ахъ, юродивыя!

Онъ нѣсколько завтракаетъ и отправляется въ судь. Споръ о подлинности векселя онъ мгновенно проигрываетъ, за то процессъ о кражѣ со взломомъ выигрываетъ блестящимъ образомъ.

— Всегда такъ со мной! Какъ только по назначению суда защищаю—непремѣнно выиграю,—ропщеть онъ вполнѣ голоса, почти съ ненавистью взирая на подошедшаго къ нему оправданного клиента.

— Скажите по совѣсти: укралъ?—спрашивается онъ.

— Укралъ-съ,—шопотомъ отвѣчаетъ оправданный.

— Ну, идите и воруйте. Только мнѣ на зубокъ не подадайтесь. Я... васъ...

Въ половинѣ седьмого Перебоевъ возвращается домой—изнуренный. Жена встрѣчаетъ его словами:

— А мы платье купили Наташѣ—модель изъ Парижа; мнѣ Изомбаръ черезъ недѣлю сшить обѣщала. Только будетъ стдить около трехсотъ рублей.

— На какія же ты деньги разсчитывашь?

— Обыкновенно... Принесутъ счетъ, ты и заплатишь!

— Дожидайся!

Онъ выскакивает изъ-за стола и, не докончивъ обѣда, убѣгаеть въ кабинетъ. Тамъ онъ выкуриваетъ папироску за папироской и высчитываетъ въ умѣ, сколько остается работать, чтобы составился капиталъ въ четыреста тысячъ.

Оказывается, что не хватаетъ около ста-девяносто-четырехъ тысячъ. Правда, что у него имѣется въ виду процессъ, который сразу можетъ дать ему сто тысячъ, но это еще вопросъ, достанется ли онъ ему. Около этого процесса цѣлая стая адвокатовъ похаживаетъ: «позвольте хоть документики просмотрѣть...» Къ счастью, онъ ужъ успѣлъ заручиться, видѣть документы и убѣдился, что дѣйствительно четыре миллиона у казны украдены. Но онъ такъ ловко успѣлъ выяснить отвѣтчику суть дѣла, что самъ воръ убѣдился, что онъ ничего не укралъ и даже, пожалуй, кое-что своего приложилъ.

— Итакъ, вы сами видите, какъ легко оклеветать человѣка! — сказалъ онъ, съ чувствомъ пожимая Перебоеву руки.

— Еще бы! тутъ и возразить нечего! — отвѣтилъ Перебоевъ горячо. — На основаніи такой-то статьи такого-то тома...

— Совершенно съ вами согласенъ; но только вотъ что: какъ бы защитникъ противной стороны...

— И онъ ничего возразить не можетъ. Дѣло ясное, правое... святое!

— Именно... святое!

На вопросъ о гонорарѣ Перебоевъ объявилъ прямо цифру — сто тысячъ рублей, на что клиентъ-воръ нѣсколько сомнительно отвѣтилъ:

— Помогите, голубчики!

Съ тѣхъ поръ прошло два мѣсяца. Въ теченіе этого времени воръ аккуратно увѣдомлялъ Перебоева, что дѣло все еще находится въ томъ вѣдомствѣ, въ которомъ возникъ начать, что на-дняхъ оно изъ одной канцелярии перешло въ другую, что оно округляется, и т. д.

Перебоевъ, въ свою очередь, убѣждалъ вора, что напрасно онъ самъ беспокоится слѣдить за дѣломъ, что онъ, какъ адвокатъ, можетъ и въ административныхъ учрежденіяхъ имѣть хожденіе; но воръ, вместо яснаго отвѣта, закатывалъ глаза и повторялъ:

— Помогите, голубчики!

А въ обществѣ между тѣмъ ходили самые разнообразные слухи. Одни рассказывали, что воръ пошелъ на согла-

шение: возвратить половину суммы въ теченіе безконечнаго числа лѣтъ безъ процентовъ; другіе говорили, что начать и вовсе сложень.

«Странно однако-жъ!—размышиль Перебоевъ:—вѣдь все это и я могъ бы для него устроить!»

Вотъ и теперь, по поводу заказанного женою платья, онъ вспомнилъ объ этомъ процессѣ и рѣшился завтра жеѣхать къ вору и окончательно выяснить вопросъ, поручаетъ ли онъ ему свое дѣло, или не поручаетъ. Ежели поручаетъ, то не угодно ли пожаловать къ нотаріусу для заключенія условія; ежели не поручаетъ, то...

Онъ даже вздрогнулъ при этой мысли. И тутъ же, кстати, вспомнилъ объ утреннемъ посѣщеніи Ковригина. Зачѣмъ, съ какой стати онъ его прогналъ? Можетъ-быть, это тотъ самый Ковригинъ и есть? Иванъ Аѳанасьевъ, Федоръ Сергеевичъ—развѣ это не все равно? Здѣсь былъ Иванъ Аѳанасьевъ, прїѣхалъ въ Америку—Федоромъ Сергеевичемъ назвался... Развѣ этого не бываетъ? И Анна Ивановна къ тому же... и тутъ Анна Ивановна, и тамъ Анна Ивановна... А онъ погорячился, прогналъ и даже адреса не спросилъ,—ищи теперь, лови его!

— Эй, Прохоръ! давеча здѣсь господинъ Ковригинъ былъ—спросилъ ты, гдѣ онъ живеть?

— Не спрашивалъ-съ.

— Ну, такъ и есть! Фофанъ ты, братецъ!—укоряетъ Перебоевъ Прохора и, оставшись одинъ, продолжаетъ мечтать.

«Со мной всегда такъ. Погорячусь, прогоню, а потомъ раскаиваюсь. Полтора миллиона долларовъ! Сколько на этомъ процессѣ деньжищъ заработать бы можно—страсты! На этомъ да еще на томъ... на четырехмиллионномъ... Сразу бы въ норму вошелъ—и шабашъ! Нѣтъ, господа, довольно съ меня! Лучше скромненько гдѣ-нибудь въ Баденъ-Баденъ жить, нежели по Петербургу рыскать да петербургскую сырость глотать! Разумѣется, отъ времени до времени—отчего-жъ?... Напримѣръ, ежели процессъ въ родѣ Ковригинскаго... можно семейство въ Баденъ-Баденѣ оставить, а самому на время въ Петербургъ прїѣхать...»

Мечтанія эти прерываетъ мѣрный бой столовыхъ часовъ. Ужъ половина девятаго—пора и на консультацию. И полтораста рублей на полу не поднимешь. Перебоевъ поспѣшилъ одѣваться, беретъ, по привычкѣ, портфель подъ мышку и уѣзжаетъ.

Консультация задлилась довольно поздно. Предстояло судиться двумъ ворамъ: первый воръ укралъ сто тысячъ, а второй переукралъ ихъ у него. Къ несчастію, первый воръ погорячился и пожаловался на второго. Тогда первого вора спросили: «а самъ ты гдѣ сто тысячъ взялъ?» Онъ смѣшился и просилъ позволенія подумать. Возникъ вопросъ: которому изъ двухъ взять грѣхъ на себя?—вотъ объ этомъ и должна была разсудить консультация. Очевидность говорила противъ первого вора.

— Вы сами себя выдали,—убѣждаль его второй воръ:— имѣсто того, чтобы жаловаться, вамъ слѣдовало бы просто сказать мнѣ: подѣлимся, другъ!—мы бы и подѣлились.

Но первый воръ упорствовалъ.

— А вы зачѣмъ у меня украли?—возражалъ онъ.—Воровали бы въ другомъ мѣстѣ, я и слова бы не сказалъ... Нѣть, батюшка, это не порядки! Люби кататься, люби и саночки возитъ!

Консультация подала мнѣніе въ пользу второго вора основываясь на томъ соображеніи, что все равно—первому вору суда не миновать; но въ то же время нашла справедливымъ, чтобы второй воръ уплатилъ первому хоть десять тысячъ рублей на обзаведеніе въ не столь отдаленныхъ мѣстахъ.

— Вы пойдете къ слѣдователю, — формулировали свое мнѣніе консультанты, обращаясь къ первому вору:— и откажетесь отъ первого показанія; скажете: онъ не укралъ у меня, я самъ ему деньги на сохраненіе отдалъ, а онъ и не зналъ, откуда онъ ко мнѣ пришли...

— Разумѣется, почемъ же я могъ знать!—прерваль второй воръ.

— Да-съ, а потомъ вашъ коллега вамъ десять тысячъ отсчитаетъ...

— Съ удовольствіемъ! — вскричалъ второй воръ.—Хоть украденные деньги у меня ужъ отняли, но я готовъ и изъ своихъ...

— Но вѣдь меня къ чортовой матери сошлютъ!—стональ первый воръ.

— Ничего. Сошлютъ, а потомъ начнутъ постепенно приблизять. И не увидите, какъ время пройдетъ.

Консультация происходила на квартире у второго вора. Когда она кончилась, консультантамъ раздали пакетики съ вознагражденіемъ — святое дѣло! — и пригласили отужинать.

Перебоевъ возвратился домой въ два часа ночи, въ подпитії. Бросая въ ящикъ письменного стола деньги, онъ, однако-жъ, сосчиталъ, что сегодня заработано триста рублей. Затѣмъ поспѣшилъ раздѣлся и бросился въ постель, бормоча:

— Если бы каждый день по триста рублей, это составило бы въ мѣсяцъ... въ годъ... Господа! Обратимте наши взоры на Западъ!..

3.—Земскій дѣятель.

Въ губернскомъ городѣ N издавна существовало двѣ дворянскихъ партіи: Живоглотовская и Красновская. То Живоглотовыхъ выбирали въ предводители, то Красновыхъ. Натурально, и тѣ, и другіе относились другъ къ другу враждебно. Не только представители партій, но и ихъ клиенты не вели взаимнаго хлѣбосольства, играли въ клубѣ въ карты особнякомъ, не цѣловались, а только, въ крайнемъ случаѣ, сухо раскланивались между собой. Ежели у Живоглотова назначались обѣды по воскресеньямъ, то и Красновъ по тѣмъ же днямъ устраивалъ и у себя обѣды. При этомъ и тотъ, и другой старались приманить къ себѣ кого-нибудь изъ крупныхъ представителей мѣстной администраціи или заѣзжаго человѣка. Но торжествомъ партій считалось, когда на этихъ тенденціозныхъ обѣдахъ появлялся перебѣжчикъ изъ противоположнаго лагеря. Тогда трубили побѣду, сажали перебѣжчика на видное мѣсто и поздравляли его.

По понедѣльникамъ партіи считались.

— Живоглотовъ до пяти часовъ обѣдать не садился,— говорили красновцы:— а собралось всего семь-пятнадцать человѣкъ.

Или:

— Красновы вчера губернатора ждали. Думали: два воскресенія сряду не быть,—навѣрное въ третье пріѣдетъ; а онъ и вчера у Живоглотова обѣдалъ, и т. д.

Съ приближеніемъ выборовъ борьба партій усиливалаась; но такъ какъ время было патріархальное, и никакихъ вопросовъ не полагалось, то и борьба исключительно велась на почвѣ обѣдовъ, баловъ и другихъ увеселеній. Посыпались въ Москву нарочные за винами, закусками и фруктами.

тами; закупались впередъ живые осетры, стерляди и проч.; въ усадьбахъ откармливалаась птица, отщаивались телята. Съѣхавшійся со всѣхъ концовъ губерніи дворянскій людъ съ утра до ночи толпился въ квартирахъ, занимаемыхъ Живоглотовымъ и Красновымъ, пиль и ъль, и въ концѣ концовъ наѣдалъ столько, что сами радушные амфитріоны приходили въ изумленіе. Надо, впрочемъ, сказать, что Живоглотовы почти всегда побѣждали; Красновы же попадали въ предводители рѣдко и по большей части ограничивались только оппозиціей, настолько грозной, что съ нею нельзя было не считаться.

Живоглотовы были проще, но вальяжнѣе. Представители этого стариннаго рода дослуживались до хорошихъ чиновъ и уже подъ старость прѣѣзжали на родину, чтобы послужить господамъ дворянамъ. Одинъ былъ даже генералъ-лейтенантъ и сряду пять трехлѣтій прослужилъ въ предводителяхъ. Красновы были умственнѣе, но крупныхъ чиновъ не имѣли. Все больше титуларные совѣтники и коллежскіе секретари. Они слѣдили за политикой и могли объяснить, почему въ 1848 году Луи-Филиппъ палъ. Одинъ изъ Красновыхъ завелъ въ своеимъ имѣніи травосѣяніе, о чемъ Живоглотовымъ и во снѣ не снилось. Другой Красновъ хлопоталъ объ учрежденіи въ родномъ городѣ общества сельскаго хозяйства и былъ дѣятельнымъ членомъ мѣстнаго статистическаго комитета. Словомъ сказать, Красновы имѣли всѣ права, чтобы стоять во главѣ мѣстной интеллигенціи, однако-жъ и за всѣмъ тѣмъ Живоглотовы почти всегда побѣждали.

Но въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ повѣяло новымъ духомъ. Послышались выраженія: «либерализмъ, либералы, либеральная партія». Красновы поняли, а Живоглотовы не поняли. Когда, въ виду предстоящей крестьянской реформы, состоялись дворянскіе выборы, то Николаю Николаичу Краснову безъ труда удалось одержать блестящую побѣду надъ бывшимъ предводителемъ изъ рода Живоглотовыхъ. Николай Николаичъ сумѣлъ объяснить суть дѣла, не скрылъ, что дворянству предстоитъ умаленіе, но въ то же время указалъ, какъ слѣдуетъ поступать, чтобы довести угрожающую опасность до минимума. Между прочимъ, онъ подалъ совѣтъ постепенно очищать помѣщики имѣнія отъ грубьяновъ, переселять крестьянъ на новые мѣста, записывать ихъ въ дворовые и т. д. На противъ того, Живоглотъ, растерянный и безхитростный, ничего не умѣлъ объ-

яснить, а только твердил одно: — «Какъ будетъ угодно Богу, такъ и станется-сь; а я, съ своей стороны, готовъ-сь».

— Экъ вывезъ! — роптали даже такие дворяне, которые совсѣмъ очумѣли отъ страха, и цѣлыми партіями переходили на сторону Краснова.

Красновъ провелъ дѣло блестяще. Онъ, во главѣ большинства комитета, написалъ проектъ, въ каждой строкѣ которого сквозила тонкая политика. Безусловно соглашаясь съ мыслию о необходимости упраздненія крѣпостного права, онъ предлагалъ устроить это дѣло такъ, чтобы крестьяне сразу почувствовали, а помѣщики ничего не ощутили. Самые заскорузлые крѣпостники ничего не имѣли сказать противъ этого; нашлись только два радикала, которые подшучивали надъ дилеммой, поставленной Красновымъ, и подали свой проектъ. Справедливость требуетъ, однако-жъ, сказать, что оба радикала были изъ глухого уѣзда, изобиловавшаго песками и болотами, чтѣ и давало ихъ проекту совсѣмъ не то значеніе, на которое они разсчитывали.

— Я не радикаль,—гордо говорилъ Красновъ: — я либераль-сь. У меня ни одной пяди песку нѣть; я надѣлю крестьянъ настоящей, заправской землей, и потому на выкупъ не согласенъ-сь.

При Красновѣ же совершилось и самое освобожденіе. Условія, въ которыхъ оно произошло, были не совсѣмъ тѣ, которыя значились въ его проектѣ, но это уже зависѣло не отъ него. Всѣмъ было известно, что, участвуя въ работахъ редакціонныхъ комиссій, онъ отстаивалъ свою мысль, сколько могъ, и слѣдовательно явилъ себя вполнѣ достойнымъ довѣрія, которымъ его облекли. Онъ откровенно давалъ отчетъ всякому помѣщику о своихъ дѣйствіяхъ, подавалъ благіе совѣты и вмѣстѣ съ прочими негодовалъ на неудачный выборъ мировыхъ посредниковъ, изъ которыхъ многіе, какъ онъ увѣрялъ, состояли въ сношеніяхъ съ заграничными агитаторами. Но такъ какъ они въ то же время были и мѣстные землевладѣльцы, то онъ полагалъ, что предстоящіе выборы представлять очень удобный случай осложнить ихъ.

Когда наступили новые выборы, онъ, къ общему удивленію, отказался отъ баллотировки, ссылаясь на усталость и предлагая обратиться къ одному изъ Живоглотовыхъ. Затѣмъ онъ придалъ собранію исключительно полемической характерь. Посредниковъ призывали «къ столу», требовали

отчета, уличали и вообще производили веселую травлю. Посредники отчасти ёжились и благоразумно удалялись из зала собрания, но большинство выслушивало обвинение въ гордомъ молчаніи. Травля оказывалась безсильной, но въ то же время забавною и популярною. Самъ Живоглотовъ подалъ Краснову руку въ знакъ примиренія и сказалъ: «милости просимъ откусить!»

Нѣсколько дней сряду обѣдалъ Красновъ у своего бывшаго противника, и каждый разъ въ пользу его закалали тельца упитана. Никто не могъ проникнуть въ сущность политики Краснова, и всѣ удивлялись его великодушію.

Но Красновъ вовсе не великодушничалъ, а просто разсчитывалъ на себя и въ то же время приподнималъ завѣсу будущаго. Во-первыхъ, затраты, которыя онъ сдѣлать въ поискахъ за предводительствомъ, отзывались очень чувствительно на его общемъ благосостояніи; во-вторыхъ, проживши нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургѣ и потолкавшись между «людьми», онъ на самое предводительство началь смотрѣть совсѣмъ иными глазами. Онъ просто не вѣрилъ, что званіе это можетъ имѣть будущность.

По обыкновенію всѣхъ русскихъ, онъ слишкомъ даль волю воображенію, такъ что передъ глазами его уже мелькала заря какой-то новой эры. Онъ говорилъ себѣ, что такой рѣшительный шагъ, какой представляла собой отмена крѣпостного права, не можетъ остаться безъ дальнѣйшихъ послѣдствій; что разделеніе на сословія не удержится, несмотря ни на какія искусственные мѣры; что на мѣсто отдельныхъ сословныхъ группъ явится нѣчто всесословное и, наконецъ, выступить на сцену «земля». Однимъ словомъ, въ его умѣ уже сформировалось представленіе о чёмъ-то въ родѣ земскихъ учрежденій, которая дѣйствительно и не замедлили.

Вотъ гдѣ настоящее его мѣсто. Не на стражѣ мелкихъ частныхъ интересовъ, а на стражѣ «земли». Къ тому же, идея о всесословности совершенно естественно связывалась съ идеей о служебномъ вознагражденіи. Почетъ и вознагражденіе подавали другъ другу руку, а это было далеко не лишнее при тѣхъ ущербахъ, которые привела за собой крестьянская реформа, — ущербахъ, оказавшихся очень серьезными, несмотря на то, что идеаль реформы формулировался словами: «чтобы помѣщикъ не ощутилъ...»

Онъ даже пенялъ на себя за то, что поступилъ нѣсколько неосмотрительно, призывая къ отвѣту тѣхъ через-

чуръ бойкихъ мировыхъ посредниковъ, которые слишкомъ рьяно приступили къ осуществлению освободительной задачи. Но ему необходимо было это для того, чтобы заранѣе заручиться избирательнымъ большинствомъ, и онъ достигъ этого. Что касается до обиженныхъ посредниковъ, то, по размышленію, онъ сказалъ себѣ: «перемелется — мука будеть», — и успокоился. Большинство ихъ, конечно, и само невдолгъ пойметъ тщету своихъ потугъ; другое убѣдятся, что имѣть дѣло съ Красновымъ все-таки удобнѣе, нежели съ какимъ-нибудь Живоглотовскимъ партизаномъ; наконецъ, трети, наиболѣе убѣжденные, утомятся систематическимъ противодѣйствиемъ и отчужденностью. А онъ возьметъ въ руки знамя и будетъ твердо держать его на стражѣ интересовъ земли.

Когда, спустя лѣтъ пять послѣ крестьянской реформы, обнародованы были земскія учрежденія, самъ Живоглотовъ согласился, что для этого дѣла не сыщется въ губерніи болѣе подходящаго руководителя, какъ Красновъ. Въ первомъ же губернскомъ земскомъ собраніи Николая Николаича выбрали громаднымъ большинствомъ въ предсѣдатели губернской управы, съ ежегоднымъ жалованьемъ въ четыре тысячи рублей. Разумѣется, онъ началъ съ того, что отказывался отъ жалованья, говоря, что готовъ послужить земль безвозмездно, что честь, которую ему дѣлаютъ... понятіе о долгѣ... наконецъ, обязанность... Но ему такъ настоятельно гаркнули въ отвѣтъ: «просимъ! просимъ!» — что онъ вынужденъ былъ согласиться. Въ тотъ же день у Живоглотова былъ обѣдъ въ честь вновь избранныхъ дѣятелей земства.

— Теперь ужъ не я хозяинъ въ губерніи, а нашъ почетнѣйший Николай Николаичъ, — скромно произнесъ хозяинъ и, поднявъ бокаль, крикнулъ: «уррра!»

— Нѣть, не я хозяинъ, а вы, многоуважаемый Поліевктъ Семенычъ! — еще скромнѣе возразилъ Красновъ: — вы всегда были излюбленнымъ человѣкомъ нашей губерніи, вы остаетесь имъ и теперь. Вы, такъ сказать, прирожденный предсѣдатель земскаго собранія; отъ вашей просвѣщенной опыта будеть зависѣть направлениѳ его решеній; я же — ничего больше, какъ скромный исполнитель указаний собранія и вашихъ.

Послѣ обѣда гости были настолько навеселы, что потребовали у Краснова спича. И онъ, какъ *ut bonus, dicendi peritus*, не заставилъ себя долго просить.

— Россія, — сказалъ онъ: — была издревле страною по преимуществу земскою. Искобы въ ней собирались у подножія престола земскіе чины и разсуждали о нуждахъ страны. «Земскіе чины приговорили, а царь приказалъ» — такова была установившаяся формула. Земство и царь составляли одно нераздѣльное цѣлое, на единодушіи кото-раго созидалось благополучіе всей Русской земли. Къ со-жалѣнію, назадъ тому болѣе полутора вѣковъ, земство безъ всякаго повода исчезло съ арены дѣятельности. Не стало ни цѣловальниковъ, ни ярыжекъ (въ средѣ присутствую-щихъ — сдержаній смѣхъ: «ярыжекъ!»). Ихъ мѣсто за-няла сухая, беспочвенная бюрократія (смѣхъ усиливается). И что же вышло! Благодаря земству, намъ нѣкогда было открыть широкій путь въ Константинополь; великий князь Олегъ прибылъ свой щитъ къ вратамъ древней Византіи; Россія вела обширный торгъ медомъ, воскомъ, пушнымъ товаромъ. Это не я говорю, а лѣтописецъ. Благодаря бю-рократіи — мы до своихъ усадебъ осеню едва добраться можемъ («браво! браво!»). Мосты въ разрушеніи, перево-зовъ не существуетъ, дороги представляютъ собой канавы, въ грязи которыхъ тонутъ наши нѣкогда породистыя, а нынѣ выродившіяся лошади. Наша земля кипѣла медомъ и млекомъ; наши казначейства были переполнены золотомъ и серебромъ — куда все это дѣвалось? Остались ассигнаціи, надпись на которыхъ тщетно свидѣтельствуетъ о на-деждѣ получить равное количество металлическихъ рублей. Такова неутѣшительная картина недавняго прошлаго. Но всякой безурядицѣ бывалъ предѣль, и просвѣщенное пра-вительство уѣдилось, что дальнѣйшее владычество бюро-кратіи можетъ привести только къ общему разстройству. Теперь передъ нами занялась заря лучшаго будущаго. Я допускаю, что это только заря, но въ то же время вѣрю, что она предвѣщаетъ близкій восходъ солнца. Но не будемъ самонадѣянны, милостивые государи. Мы такъ от-учились ходить на собственныхъ ногахъ, что должны по-святить не мало времени, чтобы окрѣпнуть и возмужать. Вооружимтесь терпѣniемъ и удовольствуемся на первыхъ порахъ тою небольшою ролью, которая намъ предоста-влена. Передъ нами дорожная повинность, подводная по-винность, мосты, перевозы, больницы, школы — все это зада-чи скромныя, но въ высшей степени плодотворныя. Удовлетворимся ими, но въ то же время не будемъ ко-сиѣть и въ бездѣйствіи. Такъ шло дѣло вѣздъ, даже въ

классической странѣ самоуправлениѣ—въ Сѣверной Америкѣ. Сначала явились мосты и перевозы, но постепенно дѣло самоуправлениѣ развивалось и усложнялось. Наконецъ, наступила новая эра, которую я не считаю нужнымъ называть здѣсь по имени, но которую всякий изъ насъ назоветъ въ своемъ сердцѣ. Наравнѣ съ другими народами, и мы доживемъ до этой эры; и мы будемъ вправѣ назвать себя совершеннолѣтними. Мы достигнемъ этого, благодаря земскимъ учрежденіямъ, скромное возникновеніе которыхъ мы въ настоящую минуту привѣтствуемъ. Поднимай бо-
каль и пью за процвѣтаніе нашего молодого института. Я сказалъ, господа!»

— У-р-р-раа!—раздалось по залѣ, и всѣ бросились цѣ-
ловать Краснова. И исцѣловали его до такой степени, что онъ иѣкоторое время чувствовалъ, какъ будто щеки его покрылись ссадинами.

Членовъ управы выбрали самыхъ подходящихъ. У Саввы Берсенева былъ лучшій рысистый жеребецъ въ цѣлой губерніи—ему поручили надзоръ за коневодствомъ, да, кстати, прикинули и рогатый скотъ. Евграфъ Вилковъ былъ зна-
токъ по части болѣзней—ему поручили больницы. Семенъ Глотовъ имѣлъ склонность къ судоходству—въ его вѣдѣніе отвели вѣды и все, что въ водахъ и надъ водою, т.-е.
мосты и перевозы. Любому Торцову поручили наблюдѣ-
ти за кабаками и народною нравственностью; а такъ какъ Василий Переरвинъ ни къ чему, кроме земскаго ящика,
склонности не выказывалъ, то его сдѣлали казначеемъ.
Самъ Красновъ взялъ на себя общий надзоръ за ходомъ
дѣла и специально—земскія школы.

Тѣмъ не менѣе, когда онъ на другой день проснулся и,
одѣваясь, чтобы представиться во главѣ вновь избранныхъ
земцевъ губернатору, вспомнилъ свою вчерашнюю рѣчъ, то
иѣсколько смущился.

— Чѣмъ я тамъ насчетъ бюрократіи наплелъ!—
ворчалъ онъ, завязывая галстукъ.—Вѣдь этакъ, пожалуй,
на первыхъ же порахъ...

Но губернаторъ былъ добрый и отнесся къ первой ша-
лости Краснова снисходительно. Онъ намекнулъ, что ему
не безызвѣстно о вчерашней выходкѣ, но не обидѣлся ею.

— Николай Николаичъ!—обратился онъ къ Краснову
передъ собравшимися земцами:—я очень радъ, что вижу
васъ моимъ сослуживцемъ, и увѣренъ, что вы вполнѣ го-
товы содѣйствовать мнѣ. И мы, бюрократы, и вы, земцы,

служимъ одной и той же державѣ и стоимъ на одной и той же почвѣ, хотя и ходять слухи о какихъ-то воинственныхъ замыслахъ...

— Ваше-ство! Неужели земство позволить себѣ безъ причины...

— Ни безъ причины, ни по причинѣ-сь. Но позвольте мнѣ высказаться. Итакъ, я говорю, что хотя и ходять слухи насчетъ воинственныхъ замысловъ, но я полагаю, что они преувеличены. Во всякомъ случаѣ, я заранѣе убѣжденъ, что хоть я и не стратегикъ, но всѣ сраженія, которыхъ замышляютъ мечтательныя головы, будутъ выиграны мною отъ первого до послѣдняго. Поговариваютъ также о какой-то занимающейся зарѣ, предшественницѣ солнца,—и на этотъ счетъ я могу привести въ свидѣтельство свой личный опытъ. На зарѣ человѣку спится крѣпче, а сильные солнечные лучи ослѣпляютъ—вотъ и все. Поэтому я предпочитаю сумерки, да и вамъ, господа, совсѣмъ. Въ заключеніе предлагаю вамъ устроиться такъ: подробности пусть останутся за вами, главное руководительство—за мною. Затѣмъ, называйте меня почвеннымъ или беспочвеннымъ—это безразлично. Я самъ могу опредѣлить ближе характеръ моей дѣятельности и моихъ отношеній къ вамъ. Почва, на которой я стою,—это отвѣтственность передъ начальствомъ; отношенія же мои къ вамъ таковы: я укажу вамъ на мостокъ—вы его исправите; я сообщу вамъ, что въ больнице носуда дурно вылужена—вы вылудите. Задачи скромныя, но единственныя, для выполненія которыхъ мнѣ необходимо ваше содѣйствіе. Во всемъ прочемъ я надѣюсь на собственные силы и на указанія начальства. Итакъ, не будемъ парить въ эмпиреяхъ, ибо рискуемъ попасть нальцемъ въ небо; но не будемъ и черезчуръ принижаться, ибо рискуемъ попасть въ лужу. Надѣюсь, что мы поймемъ другъ друга.

Сказавши это, губернаторъ пожалъ земцамъ руки и удалился.

Земцы принялись за дѣло бойко и весело; губернаторъ, съ своей стороны, тоже не унывалъ.

Въ главной больнице, бывшей до того времени въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, умывальники горѣли какъ жарь. Красновъ, по очереди съ специалистомъ Вилковымъ, ежедневно посыпалъ больницу, пробовалъ пищу, принимали старое бѣлье, строили новое, пополняли аптеку и проч. Губернаторъ, узнавъ о такой неутомимой ихъ дѣятельности, призвалъ ихъ и похвалилъ.

— Позаймитесь, пожалуйста, картами,—сказалъ онъ при этомъ:—признаться, въ приказѣ эта часть была въ нѣкоторомъ запущеніи; карты хранились въ кладовой казначейства и были всегда сыры. Между тѣмъ потребность въ нихъ, какъ вамъ извѣстно, не оскудѣваетъ.

Въ концѣ февраля губернаторъ пригласилъ къ себѣ члена управы Глотова и напомнилъ, что, въ виду наступающей весны, необходимо заняться мостами и перевозами.

Это было очень обидно, потому что сама управа предвидѣла наступленіе весны и уже сдѣлала распоряженіе, чтобы Глотовъ, какъ только появится на дворѣ зажоры, немедленноѣхать, куда глаза глядятъ.

Узнавъ, что Любимъ Торцовъ разѣзжаетъ по селеніямъ, гдѣ заведены кабаки, самъ пьетъ, а крестьянъ уговариваетъ не давать приговоровъ на открытие питейныхъ заведеній, губернаторъ призвалъ Краснова и сказалъ ему, что хотя заботы объ уменьшеніи пьянства весьма похвальны, но не слѣдуетъ забывать, что вино представляетъ одну изъ существеннѣйшихъ статей государственного бюджета.

— Но народная нравственность...—закинулся-было Красновъ.

— Народную нравственность я вполнѣ вамъ предоставлю,—прерваль его губернаторъ:—утверждайте народъ въ правилахъ благочестія и преданности, искореняйте изъ народной среды вредные обычаи, даже отъ пьянства воздерживайте. Но послѣднее не принадлежитъ къ вашимъ прямымъ обязанностямъ, и потому вы можете дѣйствовать въ этомъ случаѣ—какъ и всякий частный человѣкъ. Существуетъ, какъ вамъ извѣстно, цѣлое акцизное вѣдомство, которое слѣдить за правильностью открытия питейныхъ домовъ и производства въ нихъ торговли; наконецъ, существуетъ полиція, которая, въ случаѣ надобности, приглашается составлять протоколы и проч. Каждое вѣдомство имѣть свои прерогативы, наступать на которыхъ закономъ не разрѣщается. Да-съ.

Наконецъ, узнавъ, что членъ управы Берсеневъ, съ наступленіемъ марта, сталъ водить своего жеребца по всѣмъ трактамъ, въ видахъ улучшенія конскихъ породъ, губернаторъ похвалилъ его за такое усердіе и выразилъ надежду, что упавшее въ губерніи коневодство снова процвѣтѣтъ.

— Повѣрьте мнѣ, Савва Семенычъ,—сказалъ онъ при этомъ:—что я не противникъ тѣхъ мѣръ, которыя прини-

маются земствомъ на пользу края. Напротивъ, я всегда говорилъ и говорю: чтѣ полезно, тѣ полезно. И исправники камъ то же самое предписалъ говорить.

Словомъ сказать, черезъ нѣсколько времени земскіе дѣятели почувствовали себя какъ бы въ тискахъ. Никакого новшества они не могли предпринять, въ которомъ губернаторъ заранѣе не заявилъ бы себя инициаторомъ. Не успѣть Красновъ во снѣ увидѣть, что для больныхъ новые халаты нужны, какъ губернаторъ уже озабочился, шлѣть за Вилковымъ и даетъ ему соотвѣтствующія инструкціи. Не успѣть Красновъ задуматься, что Перервинъ какъ будто поигрывать въ картышибко началь, какъ губернаторъ уже шлѣть за нимъ и предостерегаетъ. И чтѣ всего обиднѣе — никогда самъ не пріѣдетъ: «любезный, моль, другъ Николай Николаичъ! — такъ-то и такъ-то! — нельзя ли миркомъ да ладкомъ?» — а непремѣнно шлетъ гонца: «извольте явиться!» — Тѣмъ не менѣе явныхъ пререканій не было, и ожиданія тѣхъ, которые по поводу выбора Краснова говорили: «вотъ будетъ потѣха!» — не сбылись. Красновъ чувствовалъ, что популярность его съ каждымъ днемъ падаетъ; Живоготовъ забылъ о недавнихъ объятіяхъ, которыя онъ простираль «почтеннѣйшему» Николаю Николаевичу, и почти ежедневно заѣжалъ къ губернатору «попушукаться».

Однако всему есть мѣра; есть мѣра и губернаторской снисходительности. Губернаторъ прилагался къ дѣлу плотнѣе и плотнѣе и, наконецъ, проникъ, въ самую суть его.

— Женщина-врачъ, которую вы опредѣлили въ X—скую больницу, оказывается неблагонадежна,—объявляетъ онъ однажды Краснову.

— Но почему же, ваше-ство?

— Говорить праздная рѣчи, не имѣть надлежащей теплоты чувствъ... Все это мнѣ известно изъ виолиѣ достовѣрныхъ источниковъ.

Женщинѣ-врачу посылаютъ приглашеніе прибыть въ управу.

— Чтѣ вы тамъ путаете? — обращается къ ней Красновъ.

— Я?.. ничего!

— Губернаторъ говоритъ, что вы неблагонадежны, не выказываете теплоты чувствъ, и что ему известно это изъ достовѣрныхъ источниковъ.

— Помилуйте! Я даже никого въ городѣ не знаю...

— Въ томъ-то и дѣло, что нельзя «никого не знать»-сь.

Нужно всѣхъ знать-съ. Вспомните: не бываете ли вы у кого-нибудь... неблагонадежнаго?

— Я бываю только въ семье одного сельскаго учителя... онъ живеть въ трехъ верстахъ отъ города...

— Вотъ видите! въ городѣ ни у кого не бываете, а по учителямъ разъѣзжаете.

— Да почему же?..

— А потому что потому. Впрочемъ, я свое дѣло сдѣлалъ, предупредилъ васъ, а дальше ужъ сами какъ знаете.

— Господи! Чѣдѣ я буду дѣлать?

Женщина-врачъ плачетъ.

— Не плачьте, а бросьте ваши фанаберіи—вотъ и все. Поѣзжайте къ исправнику, постарайтесь сойтись съ его женой, выражайтесь сдержаннѣе, теплѣе, словомъ сказать...

Красновъ махаетъ рукой и съ словами: «ну, теперь началась белиберда!»—отпускаетъ женщину-врача.

Но черезъ мѣсяцъ губернаторъ опять шлетъ за нимъ.

— Дѣвица Петропавловская, о которой я ужъ говорилъ вамъ,— объясняетъ онъ Краснову:— продолжаетъ являть себя неблагонадежною. Вчера я получилъ о ней свѣдѣнія, которыя не оставляютъ ни малѣйшаго въ томъ сомнѣнія.

— Какъ прикажете, ваше-ство...

— Приказывать—не мое дѣло. Я могу принять мѣры—и больше ничего. Всему злу корень—учитель Воскресенскій, насчетъ которого я уже распорядился... Ахъ, Николай Николаевичъ! Неужели вы думаете, что мнѣ самому не жаль этой заблуждающейся молодой дѣвицы? Повѣрьте мнѣ, иногда сидишь вотъ въ этомъ самомъ креслѣ и думаешь: за чѣдѣ только гибнутъ наши молодыя силы?

— Но какъ же въ этомъ случаѣ поступить? Быть-можеть, что есть удаленiemъ учителя Воскресенскаго, какъ причины зла, дѣвица Петропавловская...

— Увы! подобныя перерожденія слишкомъ рѣдки. Разъ человѣка коснулась гангрена вольномыслія, она вливается въ него навсегда; поэтому надо спѣшить вырвать не только корень зла, но и его отпрыски. На вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы такъ: призвалъ бы дѣвицу Петропавловскую и попросилъ бы ее оставить губернію. Повѣрьте, въ ея же интересахъ говорю. Теперь, покуда дѣло не получило огласки, она можетъ похлопотать о себѣ въ другой губерніи и тамъ получить мѣсто, тогда какъ...

— Но вѣдь ежели она вредна здѣсь, то, конечно, будетъ не меныше вредна и въ другомъ мѣстѣ.

— Ежели такъ, то вѣдь и тамъ ей предложать оставить мѣсто. И такимъ образомъ...

Словомъ сказать, учитель Воскресенскій и дѣвица Петровавловская исчезли, какъ будто бы ихъ и не бывало въ губерніи.

Когда управа приступила къ открытию училищъ, дѣло осложнилось еще болѣе. Въ средѣ учителей и учительницъ уже сплошь появлялись нераскаянные сердца, которыхъ въ высшей мѣрѣ озабочивали администрацію. Приглашенія слѣдовали за приглашеніями, исчезновенія за исчезновеніями. Повидимому, программа была начертана заранѣе и приводилась въ исполненіе неукоснительно.

Общество города Н. притихло. Земцы, которые на первыхъ порахъ разыгрывали въ губернскихъ салонахъ роль гвардейцевъ и даже на дамъ производили впечатлѣніе умными разговорами, сдѣлались предметомъ отчужденія. Какъ будто они были солидарны со всѣми этими нераскаянными сердцами, которыхъ наводнили губернію и обезпокоили мѣстную интеллигенцію. Слышались безпрерывныя жалобы, что лохматые гномы заполонили деревни; слово «умники» сдѣлалось прямо браннымъ. Дѣвицы, проходя въ собраніи мимо Краснова, прищуривались, — точно у него въ карманѣ была спрятана бомба. Только Берсенева выбирали по временамъ въ мазуркѣ, какъ бы смутно понимая, что его путешествующій жеребецъ никакого отношенія къ внутренней политикѣ не имѣть. Однимъ словомъ, ежели общество еще не совсѣмъ упало духомъ, то благодаря только тому, что ему известно было, что на стражѣ этого кавардака стоитъ человѣкъ, который въ обиду не выдастъ.

Къ величайшему удивленію, Красновъ, который только по недоразумѣнію заявилъ себѣ либераломъ, чѣмъ болѣе осложнялось положеніе вещей, тѣмъ болѣе погрязалъ въ бездѣлѣ либерализма. Превращеніе это совершилось въ немъ безсознательно, въ силу естественнаго закона противорѣчія. Онъ уже позволилъ себѣ высказать губернатору лично, что считаетъ безпрерывное вмѣшательство его въ дѣла земства черезчуръ назойливымъ, и даже написалъ ему нѣсколько никантныхъ бумагъ въ этомъ смыслѣ, а въ обществѣ отзывался о немъ съ такою безцеремонностью, что даже лучшіе его друзья дѣлали видъ, что они ничего не слышатъ.

Нерѣдко видали его сидящимъ у окна и какъ будто чего-то поджидающимъ. Вѣроятно, онъ поджидалъ зарю, о

которой когда-то мечталъ и безъ которой немыслимо появление солнца. Но заря не занималась, ему невольно припомнились вѣщія слова: «въ сумеркахъ лучше!»

— Да, сумерки, сумерки, сумерки! И «до», и «по» — всегда сумерки! — говорилъ онъ себѣ, виеря взоръ въ улицу, которая съ самаго утра какъ бы заснула подъ влияниемъ недостатка свѣта.

Къ довершенню всего, земскіе сборы поступали туга. Были ли они дѣйствительно черезчуръ обременительны, или существовалъ тутъ какой-нибудь фортель — во всякомъ случаѣ ресурсы управы съ каждымъ днемъ оскудѣвали. Школьное и врачебное дѣла замялись, потому что ни педагоги, ни врачи не получали жалованья; сами члены управы нерѣдко затруднялись относительно уплаты собственнаго вознагражденія, хотя въ болѣшей части случаевъ все-таки выходили изъ затрудненій съ честью. Мосты приходили въ разрушеніе, дороги сдѣливались непроѣздными; на бѣлье въ больницахъ болѣло смотрѣть. Это уже были совершенно конкретныя доказательства беззечности, не то что какая-нибудь народная нравственность, о которой можно судить и такъ, и иначе. Губернаторъ, побѣхавши въ губернію по ревизіи, вынужденъ былъ на одномъ перевозѣ проѣздать цѣлыхъ два часа, а черезъ одинъ мостъ перходить нѣсколько, покуда экипажъ переѣзжалъ вбродъ: это ужъ не заря, не солнце, а фактъ. Вся живоготовская партія ахнула, узнавши объ этомъ.

Возвратившись въ городъ, губернаторъ немедленно пригласилъ управу въ полномъ составѣ и «распушилъ» ее.

— Вы совсѣмъ не о томъ думаете, господа, — сказалъ онъ: — мостъ есть мостъ, а не конституція-съ!

Фраза эта облетѣла всю губернію. Вся живоготовская партія, купно съ исправниками, восхищалась ею. Одинъ Красновъ имѣлъ дерзость сослаться на то, что полиція не принимаетъ никакихъ мѣръ для успѣшного поступленія сборовъ, и что вслѣдствіе этого управа дѣйствительно поставлена въ затрудненіе.

Наконецъ, незадолго передъ началомъ земской сессіи, Красновъ не выдержалъ и собрался въ Петербургъ.

Губернія рѣшила, что онъ ёдетъ жаловаться, и притаила дыханіе. Но губернаторъ оставилъ равнодушенъ и только распорядился содержать въ готовности «факты».

Въ Петербургѣ, однако-жъ, Краснову не посчастливилось. Его встрѣтили не то чтобы враждебно, а совершенно хлад-

нокровно, какъ будто о земскомъ кавардакѣ никому ничего не было извѣстно.

— Вы, господа, слишкомъ преувеличиваете, — говорили ему.— Если бы вамъ удалось взглянуть на ваши дѣла пѣсколько издалека, вотъ какъ мы смотримъ, то вы убѣдились бы, что они не заключаютъ въ себѣ и десятой доли той важности, которую вы имъ приписываете.

— Не можемъ мы, однако, смотрѣть издалека на вещи, съ которыми постоянно находимся лицомъ къ лицу,—убѣждалъ Красновъ.

— Но и мы, съ своей стороны, не можемъ измѣнить нашу точку зрѣнія. Не слишкомъ ли высоко вы ставите тѣ задачи, которыхъ предстоять земству? Не думаете ли вы, что съ введеніемъ земскихъ учрежденій что-нибудь измѣнилось? Ежели это такъ, то вы заблуждаетесь; задачи ваши очень скромны: содержаніе въ исправности губернскихъ путей сообщенія, устройство врачебной части, открытие школъ... Все это и безъ шума можно сдѣлать. Но, разумѣется, ежели земство будетъ представлять собой убѣжище для злонамѣренныхъ людей, ежели сами представители земства будутъ думать о какихъ-то новыхъ эрахъ, то администрація не можетъ не вступиться. Общественная безопасность прежде всего.

— Но изъ чего же видно...

— Покуда опредѣленныхъ фактovъ въ виду еще нѣть, но есть разговоръ — это уже само по себѣ представляетъ очень существенный признакъ. О вашемъ губернаторѣ никто не говоритъ, что онъ мечтаетъ о новой эрѣ... почему? А потому просто, что этого нѣть на дѣлѣ и быть не можетъ. А объ земствѣ по всей Россіи такой слухъ идетъ, хотя, разумѣется, большую часть этихъ слуховъ слѣдуетъ отнести на долю болтливости.

Такія прѣдки приходилось Краснову выслушивать чуть не каждый день. Но онъ все-таки прожилъ въ Петербургѣ цѣлый мѣсяцъ и на каждомъ шагу, и въ публичныхъ мѣстахъ, и у общихъ знакомыхъ, сталкивался съ земскими дѣятелями другихъ губерній. Отовсюду слышались одинаковыя вѣсти. Вездѣ шла какая-то нелѣпая борьба, невѣдомо изъ-за какихъ интересовъ; вездѣ земство мало-помалу освобождалось отъ мечтаний и все-таки не удовлетворяло свою уступчивостью. Прямого недовольства не высказывалось, но вопросъ объ общественной безопасности ярче и ярче выступалъ впередъ и заслонялъ собой все.

Краснову показалось, что онъ и самъ какъ будто отрезвѣль. Когда онъ обмѣнивался мыслями съ сотоварищами по дѣятельности, ему невольно думалось: «Какія, однако-жъ, все это мелочи, и стдить ли ради нихъ сохнуть и препираться? Ворочусь домой, буду «ѣздить» въ управу — вотъ и все. Пускай губернаторъ, съ термометромъ въ рукахъ, измѣряеть теплоту чувствъ у сельскихъ учителей и у женщинъ-врачей; съ какой стати я буду вступаться? Ежели школьнное дѣло пойдетъ худо — у меня оправданіе налицо. Наконецъ, возьмите школы себѣ, оставьте земству только паромы и мосты — и до этого мнѣ дѣла нѣть! Но только хорошо будетъ земство! Да и вообще дѣла пойдутъ хорошо! Вѣдь что-же-нибудь заставило подумать объ участіи земства въ дѣлахъ мѣстнаго управления? Была же, вѣроятно, какая-нибудь прорѣха въ старыхъ порядкахъ, если потребовалось вызвать земство къ жизни? Вѣдь ни я, ни Вилковъ, ни Торцовъ не выходили съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы создать земство, — и вдругъ оказывается, что теперь-то именно и выступила впередъ общественная опасность!»

Словомъ сказать, Красновъ махнулъ рукой, посвятиль остальное время петербургскаго пребыванія на общественные удовольствія, на истребленіе бакалеи, на покупку нарядовъ для семьи и, нагруженный цѣлымъ ворохомъ всякой всячины, возвратился во-свойси.

Годы шли; губернаторы смѣнялись, а Красновъ все оставался во главѣ земства. Онъ слыть уже образцовымъ предсѣдателемъ управы и остыпенился настолько, что самъ отыскивалъ корни и нити. Сами губернаторы согласились, что за такимъ предсѣдателемъ они могутъ жить какъ за каменною стѣною.

Одно Краснову было не по нутру — это однообразіе, на которое онъ былъ, повидимому, осужденъ. Покуда въ гла-захъ металась какая-то заря, все же жилось веселѣе и было кой-о-чемъ поговорить. Теперь даже въ мозгу словно закупорка какая произошла. И во снѣ видѣлся только длинный-длинный мостъ, черезъ который проходить губернаторъ, а мостовины такъ и пляшутъ подъ нимъ.

— Да это просто злоумышленіе! — обращается губернаторъ къ Алексѣю Харлампьевичу Бережкову, который смѣнилъ Живоглотова.

А кроме того Краснова мучило и отсутствіе всякихъ перспективъ. Предположивъ сгоряча, что предводительское

звание лишено будущности, онъ горько опибся. Правда, старый Живоглотовъ умеръ, не вкушивъ отъ плода; но выбранный на его мѣсто Живоглотовъ-сынъ не прослужилъ и трехлѣтія, какъ получиль уже высшее назначеніе. Затѣмъ пріѣхалъ Живоглотовъ-внукъ, повернулся и тоже исчезъ, осіянный ореоломъ и полный надеждъ.

Если бы Красновъ не поторопился въ то время — кто знаетъ, чыи судьбы были бы теперь у него въ рукахъ?

— У насъ ничего нельзѧ впередъ угадать, — ворчаль онъ себѣ подъ носъ: — сегодня ты тутъ, а завтра невѣдомая сила толкнула тебя Богъ вѣсть куда! Область предвидѣній такъ обширна, что ничего столь не естественно, какъ запутаться въ ней. Случилось такъ, но могло случиться и иначе. Чтѣ, если бы, въ самомъ дѣлѣ, заря засияла, а за нею вдругъ солнце?.. И вездѣ дѣло начиналось съ мостовъ и перевозовъ, а потомъ, потихоньку да помаленьку, глядь — новая эра. Это хоть въ Америкѣ спросите. Чтѣ такое были эти Чикаго, эти Санъ-Франциско? — простыя, бѣдныя деревни и больше ничего! А нынче?

То-то вотъ оно и есть. И не довернешься — бывать и перевернешься — бывать. Дѣлай, какъ хочешь. Близокъ локть — да не укусишь. Въ то время, когда онъ изъ редакціонныхъ комиссій воротился, его сгоряча всѣми шарами бы выбрали, а онъ, вмѣсто того, за «эрами» погнался. Чорта съ два... Эрррра!

А теперь? Чтѣ такое онъ собой представляетъ? — нѣчто въ родѣ сторожа при земскихъ переправахъ... да! Но, промѣ того, и лохматые эти... того гляди, накуралесять! Откуда взялась дѣвица Петропавловская? Что на умѣ у учителя Воскресенскаго? Вглядывайся въ ихъ лохмы! читай у нихъ въ мысляхъ! Сейчасъ у «него» на умѣ одно, а черезъ минуту — другое!

О, Господи! спаси и помилуй!

4.—Праздношатающіяся.

Покуда кругомъ все бездѣлствуетъ и безмолвствуетъ, Аѳанасію Аркадьевичу Бодрецову и дѣла по горло, и наговориться онъ досыта не можетъ. Весь городъ ему знакомъ, съ утра до вечера онъ бѣгаєтъ. То нырнетъ куда-то, то оинь вынырнетъ. Пока другіе коряятъ за работой въ кан-

целяріяхъ и конторахъ, онъ собираетъ материалы для ходячей газеты, которая въ его лицѣ появляется, въ определенные часы дня, на Невскомъ и бесплатно сообщаетъ новости дня.

Бодрецовъ — перипатетикъ по природѣ. Правда, что онъ на улицахъ останавливается безпрестанно, но на четверть, на полминуты, не больше. Залучить его на болѣе продолжительное время — большая рѣдкость. Не успѣвши высказать всего запаса новостей встрѣченному знакомому, онъ спѣшитъ дальше, чтобы поймать другого знакомаго, кото-раго завидѣлъ издалека, и на ходу уже усматриваетъ третьяго знакомца, съ которымъ тоже нужно подѣлиться. Всѣ интересуются Аѳанасѣемъ Аркадьичемъ: всѣ знаютъ, что у него имѣется въ запасѣ что-нибудь свѣженько. Газеты лгутъ, въ салонахъ лгутъ, а знать, что на бѣломъ свѣтѣ дѣется, хочется. Аѳанасій Аркадьичъ лжетъ, но онъ лжетъ днемъ раньше, нежели другое, и въ этомъ его преимущество. Въ мірѣ сумерекъ, гдѣ не существуетъ ни одного состоятельного шага, гдѣ всякая послѣдующая минута опровергаетъ предыдущую, очень лестно поймать «первую» ложь и похвастаться передъ знакомымъ: «а знаете ли, кто назначается... да иѣть, вы не повѣрите...»

Но всѣ вѣрятъ. Иѣкто X. дѣлается на нѣсколько часовъ предметомъ толковъ и разговоровъ. Аѳанасій Аркадьичъ одному сказалъ просто: «туда-то назначается X.», другому прибавилъ, что X. принять назначеніе на такихъ-то условіяхъ, третьему — что X. уже изложилъ свой планъ дѣйствий, и т. д. На другой день всѣ эти перемѣны, перемѣщенія, условія и планы появляются, въ видѣ слуховъ, въ газетахъ. На третій день оказывается, что X. никуда не назначается, а Z. остается попрежнему на мѣстѣ. Z., узнавши, что ему грозить опасность, отправился къ графинѣ Y., заключить съ нею союзъ; графиня съ своей стороны...

Такимъ образомъ все объясняется. Никому не приходитъ въ голову назвать Бодрецова лжецомъ; напротивъ, большинство думаетъ: «а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ у насъ всегда такъ: сю минуту вѣрно, черезъ пять минутъ невѣрно, а черезъ четверть часа — опять вѣрно». Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, Аѳанасій Аркадьичъ каждыя пять минутъ знать истинное положеніе вещей. Будетъ съ него и того, что онъ хоть на десять минутъ сумѣль заинтересовать общественное мнѣніе и наполнить досугъ праздныхъ людей.

Иногда Бодрецову вздумается удлинить побольше времени кому-нибудь изъ наиболѣе близкихъ или нужныхъ знакомыхъ. Тогда этотъ послѣдній испытываетъ сущую пытку. Леонасій Аркадьевичъ идетъ съ нимъ подъ-руку, но на каждомъ шагу останавливается и съ словами: «сейчасъ, сейчасъ!» отскакиваетъ впередъ, догоняетъ, перегоняетъ, шепчетъ на ухо пару словъ, потомъ опять возвращается, возобновляетъ прерванный разговоръ, но никогда не доведетъ его до конца.

— Охота вамъ такъ тиранить себя! Ну, куда вы убѣжали?—упрекнетъ его знакомецъ.

— Нельзя, голубчикъ; человѣчекъ такой встрѣтился. Понадобится впередъ.

— Кто же такой?

— Негодай! Да неужто вы его не знаете? Помилуйте! ежели такихъ мерзавцевъ не знать наперечеть, такъ жить не безопасно. Всегда наготовѣ нужно камень за пазухой держать. Вы знаете ли, что онъ съ своей родной сестрой сдѣлалъ?..

И пойдетъ, и пойдетъ. Осквернить слухъ такими возмутительными подробностями, что поневолѣ скажешь себѣ: дѣйствительно, такихъ людей надоѣно хоть по наружности знать, чтобы въ случаѣ встрѣчи принимать мѣры.

— Да зачѣмъ же вы съ нимъ якшаетесь? Знать—знайте, а зачѣмъ въ пріятельскія отношенія входить?

— Ахъ, какой вы странный! Онъ вездѣ принять, вездѣ бывать. Слышишь и то, и другое, а иногда и изъ достовѣрныхъ источниковъ. Кому какое дѣло, что онъ сестру ограбилъ или въ свою пользу духовное завѣщаніе написалъ? Процессъ-то вѣдь выиграть онъ, а не она. Да и мало ли онъ дерзостей дѣлалъ прямо на глазахъ у всѣхъ—и всѣ привыкли, всѣ говорятъ: «онъ ужъ такой отъ рода». Однажды онъ у князя Матюкова золотую табакерку укралъ, а князь и увидѣлъ. И что-жъ! только тѣмъ и ограничился, что сказалъ: «ахъ, братецъ, клентоманія, что ли, это у тебя?» А онъ въ отвѣтъ: «точно такъ, ваше сиятельство!» Такъ и до сихъ порь къ князю въ домъ вхожь, хотя если бы хорошенъко пересчитать столовый княжескій сервизъ, то, я увѣренъ, очень достаточного количества ложекъ не досчитались бы.

Рассказавъ это быстро, однимъ духомъ, онъ отскакиваетъ въ сторону, какъ бы спѣша возмѣстить потерянное время. И мотается взадъ и впередъ, какъ маятникъ, то

бѣгая, то возвращаясь. И при новой мгновенной встречѣ непремѣнно шепчеть:

— А этотъ, съ которымъ теперь иду... знаете вы его? О, я вамъ когда-нибудь разскажу...

Въ особенности интересенъ онъ въ трактирахъ и ресторанахъ, которые посѣщаются охотно, хотя довольно рѣдко, по причинѣ частыхъ приглашеній въ семейные дома. Во-первыхъ, въ ресторанѣ всегда встрѣтишь кучу знакомыхъ, отъ которыхъ можно тоже позаимствовать новостями дня, а во-вторыхъ, Бодрецовъ любить поѣсть хорошо, а въ особенности на чужой счетъ.

И потчуютъ его всегда съ удовольствіемъ, потому что подъ говоръ его Ѳется какъ-то спорѣ. Точно на парадномъ обѣдѣ подъ музыку: господа внизу ложками гремятъ, а на хорахъ музыканты въ дуды дудятъ.

Да и вольготище въ трактире: тутъ, на просторѣ, газета по порядку всѣ новости разскажетъ: не перервется на словѣ, не уѣжть. Потому что коли ты Ѳишь на мой счетъ, такъ разсказывай!

Одна Болгарія какую громадную популярность ему создала! Онъ первый предсказалъ, что Баттенберга будуть возить. Сначала увезутъ, потомъ привезутъ, а потомъ и опять увезутъ—ужъ окончательно.

— Ну, ужъ это ты, братецъ, солгалъ!—говорили ему.

— Вотъ увидите!

И что-жъ, оказалось, что такъ точь-въ-точъ по его и случилось. Увезли, привезли и опять увезли.

Потомъ пошли кандидаты на болгарскій престолъ. Каждый день—новый кандидатъ, и все какіе-то необыкновенные. Ходить Аѳанасій Аркадьевичъ по Невскому и возвѣщаетъ: «принцъ Вильманстрандскій! принцъ Меделанскій! князь Самнантрѣ!» — Никто вѣрить ушамъ не хочетъ, а между тѣмъ стороной узнаютъ, что дѣйствительно рѣчь о Меделанскомъ принцѣ была—и даже очень серьезно.

Даже иностранные кабинеты встревожились дѣятельностью Бодрецова; спрашиваются: «да откуда ты, братецъ, все знаешь?»—«Угадайте!»—говорить. А ларчикъ просто открывался: ведь Аѳанасій Аркадьевичъ дружбу къ камердинеромъ князя Откровенного: изъ этого-то источника все и узнавалъ.

Такъ и всегда нужно поступать. Когда никто ничего не знаетъ, когда всѣ разѣваютъ рты, чтобы сказать: «моя изба съ краю» — непремѣнно нужно обращаться къ камердине-

рамъ. Они за цѣлковый-рубль всѣ иностранные кабинеты въ изумленіе приведутъ.

Происхожденія Бодрецовъ не важнаго, и унаследованная имъ отъ родителей материальныя средства очень ограничены. Но онъ служить въ двухъ вѣдомствахъ, въ обоихъ ничего не дѣластъ и въ обоихъ получаетъ хорошее жалованье. За всѣмъ тѣмъ, онъ всегда имѣеть видъ нуждающагося человѣка, живеть въ номерахъ, одѣвается болѣе нежели скромно и ѓсть исключительно на чужой счетъ. Но всѣ къ этому до такой степени привыкли, что даже очень влиятельныя лица безъ малѣйшей брезгливости встрѣчаютъ его потертый пиджакъ въ своихъ кабинетахъ и салонахъ. Кромѣ запаса новостей, составляющаго, такъ сказать, базисъ всѣхъ его связей, у него имѣется еще большей запасъ услужливости, которая тоже въ значительной мѣрѣ увеличиваетъ цѣнность его знакомства. Онъ и спрашочку умѣеть достать, и похлопотать, и разузнать, и сѣзидѣть, по порученію какой-нибудь дамочки, въ модный магазинъ, въ кондитерскую, на рынокъ.

Во всемъ онъ знатокъ, вездѣ умѣеть выбрать. Знаеть, гдѣ продается лучшая бааранина, гдѣ прежде всего можно получить свѣжаго тюрбо, омаръ, у кого изъ торговцевъ появилась свѣжая икра, балыки и проч. Выбираетъ онъ всегда добросовѣстно и не только ничего не береть за комиссию, но даже торгуется въ пользу патрона.

Страсть къ кочевой жизни пришла къ нему очень рано. Уже въ дѣтствѣ онъ перемѣнилъ чуть не три гимназіи, покуда, наконецъ, попалъ въ кадетскій корпуcъ, но и тамъ кончилъ не важно и быть выпущенъ, по слабости здравья, для опредѣленія къ штатскимъ дѣламъ.

Это частое перекочевыванье дало ему массу знакомствъ, которыя онъ тщательно поддерживалъ, не теряя изъ вида даже тѣхъ товарищѣй, которые мелькнули мимо него почти на мгновеніе. Острая память помогала ему припомнить, а чрезвычайная повадливость давала возможность возобновлять такія знакомства, которыхъ начало, такъ сказать, терялось во мракѣ временъ. Достаточно было одной черты, одного смутнаго воспоминанія («а помните, какъ мы въ форточку курили?»), чтобы возстановить цѣлую картину прошлаго.

— Да, куривали! — отвѣчаетъ обрѣтенный товарищъ, вглядываясь въ черты лица обрѣвшаго:— а помнишь, какъ разъ насъ самъ инспекторъ на мѣстѣ преступленія изловилъ?

— Помню! помню! Еще бы забыть

— Ну, до свиданія, стало-быть. Возобновимъ старину. Я, любезный другъ, уже женатъ. Живемъ мы скромно, но для друзей всегда за столомъ мѣсто найдется. Милости просимъ когда-нибудь запросто...

Благодаря такимъ находкамъ, кругъ знакомствъ Бодрецова очень быстро расширился. Мѣстъ, въ которыхъ онъ могъ, не разбирая дней, прийти пообщаться, развилось такое множество, что встречающіеся на улицахъ безсемейные друзья съ трудомъ усиливаютъ залучить его въ трактиръ.

Служба доставила ему связей еще больше. Гдѣ онъ ни служилъ — это только одному Богу известно. Сначала поѣхалъ въ родной губернскій городъ и сразу сдѣлался на-персникомъ губернатора. Губернаторша тоже не чаяла въ немъ души, потому что онъ былъ мастеръ устраивать балы, пикники и отлично танцевалъ мазурку. Въ собравшемся обществѣ безъ него было скучно; съ приходомъ его все оживлялось и расцвѣтало. Уже на первыхъ шагахъ онъ обнаружилъ особенную наклонность къ выуживанию новостей, и хотя ремесло это въ провинціи небезопасно, однако онъ сумѣлъ такъ ловко проскальзывать между Сциллой и Харибдой, что ни съ кѣмъ серьезно не поссорился.

Когда губернатора перевели въ другую губернію, то и онъ перешелъ вмѣстѣ съ нимъ. Тутъ уже онъ явился вполнѣ своимъ человѣкомъ у хозяина губерніи, такъ что не онъ долженъ былъ подлаживаться къ обществу, но общество къ нему. Само собой разумѣется, обѣ стороны скоро примѣнились другъ къ другу. Пошли пикники, загородныя поѣздки, вечеринки; Бодрецовъ и здѣсь, какъ въ первомъ мѣстѣ служенія, сдѣлался душою общества. Но не успѣлъ онъ прослужить здѣсь и двухъ лѣтъ, какъ черезъ городъ случилось проѣзжать начальнику какого-то отдаленного края. Особа сдѣлала честь принять обѣдь у губернатора и встрѣтила тамъ Бодрецова. Аѳанасій Аркадьевичъ сразу понравился. Онъ сумѣлъ такъ устроить, что особа сама вызвала его на разговоръ и совершенно правильно заключила, что если бы не молодой чиновникъ особыхъ поручений, то ему, мужу совѣта, пришлось бы очень скучно за чопорнымъ губернаторскимъ обѣдомъ. Проходя мимо, особа шепнула Бодрецову на ухо:

— Не зайдете ли вечеромъ ко мнѣ? Я въ ночь уѣзжаю.

Разумѣется, Бодрецовъ не преминулъ. Особа между тѣмъ

сообразила, что въ захолустьѣ, которымъ она правила, молодыхъ людей мало, а мазуристовъ и совсѣмъ нѣть; что жена особы скучастъ, и что Бодрецовъ будетъ для нея большою находкой.

— Не желаете ли вы перейти ко мнѣ на службу? — предложила особа.

Бодрецовъ, который уже, такъ сказать, предвкушалъ это предложеніе, смутился, однако-жъ, при цифрѣ восемь тысячъ верстъ, которая предлежала проѣхать. Но раздумывать было некогда, и выгоды перемѣщенія были слишкомъ явны, чтобы не воспользоваться ими. Особа пользовалась большимъ вѣскомъ въ бюрократической іерархіи и имѣла въ виду еще болѣе вѣкое будущее.

Служить подъ покровительствомъ такого человѣка представлялось и лестнымъ, и выгоднымъ.

Согласіе было изьявлено, а черезъ полгода Аѳанасій Аркадьевичъ былъ уже на новомъ мѣстѣ, гдѣ тоже служили люди, но гдѣ, главнымъ образомъ, нуждались въ молодыхъ чиновникахъ, которые умѣли бы развлечь и оживить общество.

Здѣсь онъ прослужилъ около пяти лѣтъ, какъ покровитель его внезапно умеръ. Пріѣхалъ новый начальникъ края и взглянуль на дѣло несолько иными глазами, неожели его предшественникъ. Фортуна Бодрецова слегка затуманилась. Но и тутъ ему все-таки посчастливилось. Одинъ изъ мѣстныхъ генераловъ былъ назначенъ начальникомъ въ другой отдаленный край и тоже набиралъ молодыхъ людей.

Хотя Бодрецову было въ то время уже за тридцать, но какъ-то никому не приходило въ голову, что онъ пересталъ быть молодымъ человѣкомъ. Новый баловень фортуны вспомнилъ объ Аѳанасіѣ Аркадьевичѣ, котораго онъ видѣлъ на балахъ у бывшаго начальника края, и пригласилъ его.

Послѣ того Бодрецовъ служилъ и въ Новороссійскомъ краѣ, и на Кавказѣ, и въ Западномъ краѣ, и въ Варшавѣ, нерѣдко занималъ отвѣтственный должности, но по большей части предпочиталъ возлежать на персяхъ. Всюду оставилъ онъ по себѣ самыя отрадныя воспоминанія, по-слѣдствiemъ которыхъ были связи, пригодившіяся ему въ будущемъ.

Когда онъ очутился вновь въ Петербургѣ, ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, и онъ съ честью носилъ чинъ штат-

скаго генерала. Важнаго поста онъ въ виду не имѣлъ и только жаждаль прожить легко и беззечально. И когда онъ осмотрѣлся и вынуль изъ чемодана цѣлуу кишу рекомендательныхъ писемъ, то душою его овладѣла твердая увѣренность, что скромныя его мечты могутъ быть осуществлены вполнѣ безпрепятственно.

Въ теченіе мѣсяца онъ успѣлъ объѣздить всѣхъ знакомыхъ, которыхъ сумѣлъ накопить во время своихъ кочеваний. Нѣкоторые изъ этихъ знакомыхъ уже достигли высокихъ постовъ; другіе нажили хорошія состоянія и жили въ свое удовольствіе; третьимъ, наконецъ, не посчастливилось. Но Бодрецовъ не забылъ никого. Къ первымъ онъ былъ почтителенъ, со вторыми явилъ себя веселымъ собесѣдникомъ, къ третьимъ отнесся дружески, сочтвенно. Только съ очень немногими, ужъ вполнѣ отиѣтыми, встрѣтился не вполнѣ дружелюбно, но и то съ крайнею осторожностью.

Путь, который ему предложалъ, начертанъ бытъ всею совокупностью его способностей. Это бытъ путь человѣка, въ которомъ услужливость и досугъ являли полное, гармоническое сочетаніе. Но поприще, начатое еще въ провинціи, значительнымъ образомъ усложнилось. Въ провинціи, гдѣ жизнь совершаєтся почти при открытыхъ дверяхъ, новость сама собой плыла въ уши; въ Петербургѣ требовался известный трудъ, чтобы добыть ее. Притомъ же, чтобы не перевратить петербургскую новость, надо стоять на высотѣ ея, знать отношенія, управляющія людьми и дѣлами, умѣть не приписать известному лицу того, чѣму несвойственно, однимъ словомъ, обработать уличный слухъ въ такомъ видѣ, чтобы онъ не поражалъ своимъ неправдоподобіемъ. Поэтому Бодрецовъ не сразу пустился во всѣ тяжкія, но приспособлялся къ своему ремеслу исподволь. Прежде всего онъ обезпечилъ себя съ материальной стороны, устроившись по службѣ; потомъ началъ прислушиваться, стараясь уловить игру партій, ихъ относительную силу, а также характеръ тѣхъ неожиданностей, которыя имѣютъ свойство—всякіе разсчеты и даже самую несомнѣнную увѣренность въ одно мгновеніе обращать въ прахъ. Послѣднее, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ упрощало его задачу, ибо ежели есть въ запасѣ такой твердый оплотъ, какъ неожиданность, то ложь перестаетъ быть ложью и находить для себя полное оправданіе въ словахъ: «помилуйте! два часа тому назадъ я самъ собственными ушами слышалъ!»

Во всякомъ случаѣ, благодаря хорошей подготовкѣ, Аѳанасій Аркадьевичъ сталъ на избранномъ пути быстро и прочно. Будучи обласканъ амфитріонами, онъ не пренебрегалъ домочадцами и челядинцами. Для всякаго у него находилось доброе слово, для дѣтей — бомбошка, для гувернантки — пожатіе руки и удивленіе передъ свѣжестью ея лица, для камердинера — небольшая денежная подачка въ праздникъ, скромность которой въ значительной мѣрѣ смягчалась простотою обращенія.

— Ну, что, голубчикъ, какъ сегодня... владыка-то? — спросить Аѳанасій Аркадьевичъ, остановившись на минутку, чтобы побесѣдовать съ alter ego владыки.

— Ничего — какъ будто. Встали утромъ даже сверхъ ожиданія... чаю накушались, докладъ отъ Ивана Иваныча приняли; теперь — завтракать сейчасъ будутъ.

— Ну, а насчетъ слуховъ какъ?

— Да ни то, ни сё... Кажется, какъ будто... Вчера съ вечера, какъ почивать ложились, наказывали мнѣ: «смотри, Семенъ, ежели ночью отъ князя курьеръ — сейчасъ же меня разбуди!» И нынче, какъ встали, первымъ дѣломъ: «пріѣзжалъ курьеръ?» — Никакъ нѣть, ваше-ество! — «Ахъ, чтобы васъ!..»

— И больше ничего?

— Нынче они очень смирины сдѣлались. Прежде, бывало, дѣйствительно, чуть чтѣ — и пошелъ дымъ коромысломъ. А въ послѣднее время такъ сократили себя, такъ сократили, что даже на удивленіе. Только и словъ: «въ насть, братъ Семенъ, не нуждаются; пошли въ ходъ выродки, да выходцы — ну, какъ-то они справлятся, увидимъ». А впрочемъ, къ часу карету приказали, чтобы готова была...

— Можетъ-быть, и сладится... Однако въ столовой ножами гремятъ; пойду-ка я...

— Пожалуйте! генераль очень рады будуть.

Аѳанасій Аркадьевичъ сначала просовываетъ голову въ дверь столовой и при воскликаніяхъ: «милости просимъ! милости просимъ!» — проникаетъ и всѣмъ туловищемъ въ святилище завтраковъ и обѣдовъ.

— Ну, что? — кого назначили? — знаешь? — говори! — накѣдывается на него генераль.

Онъ еще бодръ и свѣжъ; волосы съ просѣдью, щеки румяные, усы нафабрены, сюртукъ нараспашку, бѣлая жилетка.

— Да покуда еще не рѣшено,—беззастѣнчиво лжетъ Бодрецовъ:—поговариваютъ, будто твое превосходительство побезпокоить хотятъ, но съ другой стороны графиня Погуляева черезъ барона фонъ-Фиша хлопочетъ...

— Это за «мартышку»-то?.. Нашли сокровище!

— И то никто въ городѣ вѣрить не хочетъ. Ну, да Богъ милостивъ, какъ-нибудь дѣло сладится, и ты...

— Что-жъ, я готовъ. Призовутъ ли, не призовутъ ли—на все воля Божья. Одно обидно—темнота эта. Шушукаются по угламъ, то на тебя взглянуть, то на «мартышку»—ничего не поймешь... Эй, человѣкъ! подтвердить тамъ, чтобы черезъ часъ непремѣнно карета была готова!

Какъ нарочно, обстоятельства такъ сложились для Бодрецова, что пріѣздъ его въ Петербургъ совпалъ съ тѣмъ памятнымъ временемъ, когда сѣверная Пальмира какъ бы замутилась. Шли розыски; воздухъ былъ насыщенъ таинственными шепотами. Положеніе было серьезное, но людей, по обыкновенію, не оказывалось. Или, лучше сказать, ихъ было даже черезчуръ много, но все такие, у которыхъ было на умѣ одно:—урвать и ради этого безсознательно бѣжать, куда глаза глядятъ. Во всякомъ случаѣ, для слуховъ самыхъ разнообразныхъ и неправдоподобныхъ нельзя было придумать болѣе подходящаго времени.

Бодрецовъ воспользовался этимъ чрезвычайно ловко. Не принимая лично участія въ общемъ угарѣ, онъ, благодаря старымъ связямъ, вездѣ имѣлъ руку и сдѣлался какъ бы средоточиемъ и исторіографомъ господствовавшей паники. Съ утра онъ ужъ былъ начиненъ самыми свѣжими новостями. Тамъ-то открыли то-то; тамъ нашли списокъ именъ; тамъ, наконецъ... Иногда онъ многозначительно умолкалъ, какъ бы заявляя, что знаетъ и еще кой-что, но дальше рассказывать несвоевременно...

— Увидите, и не то еще будетъ!—прибавлялъ онъ въ заключеніе.

— Но чтѣ же такое?—допрашивали его.

— Не могу, голубчикъ! но только вспомните мое слово!

— Надѣюсь однако-жъ, что сумѣютъ съ этимъ покончить!

— Ахъ, не скоро! ахъ, не скоро! Нужно очень-очень твердую руку, а нашъ генералъ ужъ слабъ и старъ. Сердце то у него попрежнему горитъ, да рука ужъ не та... Благодареніе Богу, общество какъ будто просыпается...

— Хоть бы къ обществу обратились, что ли!

— Имѣется это въ виду, имѣется. Вчера обѣ этомъ серьезный разговоръ былъ, и...

— Рѣшено?

— Какъ будто похоже на это... Сегодня, впрочемъ, опять совѣщаніе будетъ, и надо думать... Мы ужъ обѣщали: тотчасъ же послѣ совѣщанія я къ одному человѣчку ужинать приглашенъ...

И т. д., и т. д.

Наконецъ, Петербургъ понемногу затихъ, но шепоты не успѣли еще прекратиться, какъ начались военные дѣйствія въ Сербіи, затѣмъ «болгарскія неистовства», а въ концѣ концовъ и война за независимость Болгаріи. Санть-стефанскій договоръ, потомъ берлинскій трактатъ—все это доставило обильнейшую пищу для дѣятельности Бодрецова. Въ то же время, какъ газеты силились чѣмъ-то подѣлиться съ читателями или, по крайней мѣрѣ, на что-нибудь намекнуть, Аѳанасій Аркадьевичъ стрѣлою несся по Невскому и напоптывалъ направо и налево сокровеннѣйшія тайны дипломатіи. И такъ какъ онъ почерпалъ эти тайны въ самыхъ разнообразныхъ источникахъ, то и чепуха выходила разнообразнѣйшая. Однако-жъ этой чепухѣ вѣрили, такъ какъ настоящихъ фактовъ подъ руками не было, а между тѣмъ всѣмъ хотѣлось заранѣе угадать, какою неожиданностью подарить міръ европейской концертъ.

— Намъ—ни клока! все австріякъ заграбилъ!—шепталъ онъ сегодня:—такъ прогулялись, задаромъ!

— Гм.. это все шутки Бисмарка!

— И Бисмаркъ, да и прочіе... Одинъ французъ былъ за насть!

— Ахъ, этотъ французъ! И помочь-то онъ нынче никому не можетъ!

Но на другой день Аѳанасій Аркадьевичъ являлся съ торжествующей физіономіей.

— Все наше,—возвѣщалъ онъ:—и Болгарія—наша, и Молдавія—наша. Сербія—сама по себѣ, а Боснію и Герцеговину австріяку отдали. Только насчетъ Восточной Румеліи согласиться не могутъ, да вотъ англичанинъ къ острову Криту подбирается.

— Да вѣрно ли?

— Я у князя Котильона вчера обѣдалъ (мы съ нимъ въ Варшавѣ вмѣстѣ служили)—вдругъ шифрованную депешу принесли. Читалъ онъ ее, читалъ,—вижу, однако, улыбается. «Поздравьте, говорить, меня, другъ мой! Мол-

давія и Болгарія—наши!» Сейчасъ потребовалъ шампан-скаго: ураа! А тутъ, пока всѣ поздравляли другъ друга, разъяснилось и все прочее.

— Вотъ только Боснію и Герцеговину жалко!

— Я ужъ и самъ говорилъ Котильону: какъ это вы козла въ огородъ пустили?—«Нельзя, говорить, я и самъ, мой другъ, понимаю, но... дѣлать нечего!»

— Да и насчетъ Восточной Румеліи...

— Ну, это пустяки! Ежели даже и посадять туда какого-нибудь Кадыкъ-нашу, такъ онъ, въ виду сосѣда, руки по швамъ держать будеть!

— Да вѣрно ли?

— Чего еще вѣрнѣе! Отъ Котильона я отправился къ одному пріятелю—въ контролѣ старшимъ ревизоромъ служить. «У насть, говоритъ, сегодня экстренное засѣданіе: хотятъ въ Болгаріи единство кассъ вводить». Оттуда—къ начальнику отдѣленія, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ служить. Онъ тоже: «не знаете ли вы, говоритъ, человѣчка такого, котораго можно было бы въ Журжево исправникомъ послать?»

— Фу ты!!!

Вообще, какъ я уже сказаъ выше, Болгарія доставила ему нѣистощимый родникъ новостей. И до сихъ поръ онъ занимается ею съ особеною любовью: подыскиваетъ кандидатовъ на болгарскій престоль, разузнаетъ, будетъ ли оккупациія и какъ смотрѣть на этотъ вопросъ австріакъ, распространяетъ вѣрнѣшія свѣдѣнія о путешествії болгарской депутаціі по Европѣ, о свиданіяхъ Стоилова съ Баттенбергомъ, и проч., и проч.

Но болгарскій вопросъ видимо истощается, и Бодрецовъ уже начинаетъ поговаривать о близости нового конфликта между Германіей и Франціей.

— Вы думаете, Франція даромъ войска на восточной границѣ стягиваетъ?—говорить онъ.—Нѣть, теперь ужъ всѣ ея приготовленія подробно извѣстны!

Или:

— Вы думаете, что Германія даромъ войска на западной границѣ стягиваетъ? Нѣть, батюшка, напрасно она полагаетъ, что въ наше время можно втихомолку войско въ пятьсотъ тысячъ человѣкъ въ одинъ пунктъ бросить!

И ежели война грянетъ, то Аѳанасій Аркадиичъ будетъ за два дня до опубликованія въ газетахъ сыпать по тротуарамъ самыя достовѣрныя извѣстія.

— Осада Парижа! — будуть выкрикивать мальчишки-продавцы газетъ.

— Держи карманъ! — опровергнетъ ихъ Бодрецовъ: — это вчера нѣмцы подъ Парижъ подошли, а нынче сами въ Мецъ спрятались. Нѣтъ, батюшка, нынче Франція ужъ не та. Генераль Буланже, ежели только онъ выдержитъ — большая ему будущность предстоитъ!

Въ настоящее время Аѳанасію Аркадьевичу ужъ за пятьдесятъ, но любо посмотрѣть, какъ онъ бѣгаєтъ. Фигура у него сухая, ноги легкія — любого скорохода опередить. Газеты терпятъ отъ него серьезную конкуренцію, потому что свѣдѣнія, получаемыя изъ первыхъ рукъ, отъ Бодрецова, и полнѣе, и свѣжѣе.

Однако и съ нимъ бываютъ прорухи. На-дняхъ встрѣчаю я его на Морской: идетъ, понуривши голову, и къ величайшему удивленію... молчитъ! А это большая въ немъ рѣдкость, потому что онъ такъ полонъ разговора, что ежели нѣть встрѣчнаго знакомаго, то онъ самъ себѣ сообщаетъ новости.

— Чѣмъ задумались, Аѳанасій Аркадьевич? — спрашиваю я.

— У своего генерала сейчасъ былъ, — сообщилъ онъ мнѣ шепотомъ: — головомойку мнѣ задалъ. «Съ чего, говорить, вы взяли распространять слухъ, что какъ только французы нѣмца въ лобъ, такъ мы сейчасъ австріяка во флангъ?» — А чего «съ чего», когда я самъ собственными ушами слышалъ!

— Чѣмъ же вы?

— Покаялся. Виновать, говорю, ваше-ство, впередъ буду осмотрительнѣе... И чѣмъ же вы думаете! Самъ же онъ мнѣ потомъ открылъся: «положимъ, говоритъ, что вы правы; но есть вещи, которые до времени открывать не слѣдуетъ». Такъ вотъ вы теперь и разсудите. Упрекаютъ меня, что я иногда говорю да не договариваю; а могу ли я?

Такимъ образомъ проходить день за днемъ жизнь Бодрецова, представляя собой самое широкое олицетвореніе публичности. Сознаеть ли онъ это? — навѣрное сказать не могу, но думаю, что сознаеть... безсознательно. По крайней мѣрѣ, когда я слышу, какъ онъ взваливаетъ всѣ бѣды настоящаго времени на публичность, то мнѣ кажется, что онъ такъ и говоритъ: для чего намъ публичность, коль скоро существуетъ на свѣтѣ Аѳанасій Аркадьевичъ Бодрецовъ?

III.

ПОРТНОЙ ГРИШКА.

Такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ его въ нашемъ городѣ звали, и онъ не только не оставался безотвѣтенъ, но стремглавъ бѣжалъ по направленію зова. На вывѣскѣ, прибитой къ разваленному домишку, въ которомъ онъ жилъ, было слѣпыми и размытыми дождемъ буквами написано: «Портной Григорій Авенировъ—военный и партикулярный съ Москвы».

Происходеніемъ былъ онъ изъ дворовыхъ людей и отданъ съ десятилѣтняго возраста въ ученье къ елавившимся тогда московскимъ портнымъ Шиллингу и Тѣнферу. Здѣсь онъ долгое время присматривался: таскалъ утюги, бѣгалъ въ трактиръ за кипяткомъ для настоящихъ портныхъ, терпѣль потасовки, учился сквернымъ словамъ, пилъ поти-хоньку вино и т. д. Словомъ сказать, продѣлалъ всю школу ученика. Пятиадцати лѣтъ ему дали иглу въ руки, и онъ, глядя на другихъ, учился шить на лоскутахъ. Сшивалъ, распарывалъ и опять сшивалъ, покуда, наконецъ, не дали ему подметывать. А черезъ годъ посадили за верстакъ, и изъ него образовался уже настоящій портной. Только кроить онъ не умѣлъ (это дѣлали сами хозяева фирмы) и лишь впослѣдствіи самоучкой отчасти дошелъ до усвоенія этого искусства.

Наружность, признаться сказать, онъ имѣлъ неблаго-видную. Громадная не по росту, курчавая голова съ едва прорѣзанными, беспокойно бѣгающими глазами, съ мягкимъ носомъ, который всякий считалъ долгомъ покомкать; затѣмъ, приземистое тѣло на короткихъ ногахъ, которыхъ отъ постояннаго сидѣнья на верстакѣ были выпнуты колесомъ,

мозолистыя руки—все это, вмѣстѣ взятое, дѣлало его фигуру похожею на клубокъ, усѣянный узлами. Когда этотъ клубокъ катился по улицамъ (Гришка постоянно отыскивалъ работишки), то цѣплялся за встрѣчныхъ и терпѣль отъ нихъ не мало колотушекъ. Ежели прибавить къ этому замѣчательную неопрятность и вѣчно присущій запахъ перегорѣлой сивухи, которымъ, казалось, было пропитано все его тѣло, то не покажется удивительнымъ, что прекрасный поль сторонился отъ Гришки.

Въ нашемъ городѣ, гдѣ онъ устроился тотчась послѣ крестьянскаго освобожденія, онъ былъ лучшій портной. Но городъ нашъ—бѣдный, и обыватели его только починивались, рѣдко прибѣгая къ заказамъ новаго платья. Одинъ исправникъ неизмѣнно заказывалъ каждый годъ новую пару, но и тутъ исправничиха сама покупала сукно и весь прикладъ, призываля Гришку и приказывала кроить при себѣ.

— И хоть бы она на минутку отвернулась или вышла изъ комнаты,—горько жаловался Гришка:—все бы я хоть на картузъ себѣ лоскунокъ выгадалъ. А то глазъ не спустить, всякий обрѣзокъ обереть. Да и за работу выбрасывать тебѣ зелененькую—тутъ и въ пиръ, и въ міръ, и на пропой, и за квартиру плати; а вѣдь коли пьешь, такъ и закусить надо. Недѣлю за ней, за этой парой, просидишь изъ-за трехъ-то цѣлковыхъ!

Одинъ только разъ ему посчастливилось: пріѣхавшій въ городъ на ревизію губернаторъ зацѣпился за гвоздь и оторвалъ по цѣлому мѣсту фалду мундира. Гришка, разумѣется, такъ затачаль, что лучше новой разорванная фалда вышла, и получилъ пять цѣлковыхъ.

— Вотъ какой это господинъ! — разсказывалъ онъ потомъ: — слова не сказалъ, вынулъ бумажникъ, вытащилъ за ушко вотъ эту самую синенькую—«вотъ тебѣ, братецъ, за трудъ!» Гдѣ у насъ такихъ господъ сыщешь!

Я зазналъ Гришку въ самый моментъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. У меня было подгородное обрѣчное имѣніе, и такъ какъ въ немъ не существовало господской усадьбы, то я поневолѣ поселился на довольно продолжительное время въ городѣ на постояломъ дворѣ, гдѣ и устраивалъ сдѣлки съ крестьянами. Жиль я, впрочемъ, не сплошивъ, а въ теченіе двухъ лѣтъ, покуда длилось мое дѣло, то уѣзжалъ, то возвращался. Въ новой одеждѣ я не нуждался, но «починиваться» отъ времени до времени при-

ходилось, и Гришка довольно часто навещалъ меня и по дѣлу, и безъ дѣла.

Жилъ онъ со своими стариками, отцомъ и матерью, которыхъ и содержалъ на свой скучный заработка. Старики были пьяненькие и частенько-таки его поколачивали. Вообще онъ очень жаловался на битье, которое составляло главное содержаніе и язву его жизни. Колотили его и дома, и вънъ дома; а ежели не колотили, то грозили поколотить. Онъ торопливо перебѣгалъ на другую сторону улицы, встрѣчая городничаго, который считалъ какъ бы долгомъ погрозить ему пальцемъ и промолвить: — «погоди! не убѣжишь! вотъ ужо!» Исправникъ — тотъ не грозился, а прямо приступалъ къ дѣлу, приговаривая: — «вотъ тебѣ! вотъ тебѣ!» и даже не объяснялъ законныхъ оснований. Даже купецъ Поваляевъ, имѣвшій въ городѣ каменные хоромы, — и тотъ подводилъ его къ зеркалу, говоря: «Ну, посмотри ты на себя! какъ тебя не бить!»

И затѣмъ ухватывалъ жирными пальцами его за носъ и комкалъ.

— И кабы я въ чёмъ-нибудь былъ причиненъ! — пегодавалъ Гришка: — ну, тогда точно... ну, столько того, такъ столько... А то, повѣрите ли, всякий мальчишка-клонъ, и тотъ норовитъ дать тебѣ мимоходомъ луза! Спросите: за что?

Какъ я уже сказалъ выше, ко мнѣ онъ ходилъ часто. Сначала посидитъ съ стряпушкой прислугой, а потомъ незамѣтно проберется въ мою комнату и стоять, притаившись, въ дверяхъ, пока я самъ не заговорю.

— Ну, чѣдъ новенькаго? — спросишь его.

— Да вотъ работишкы бы...

— Радъ бы, да нѣтъ.

— Я и самъ думалъ, что нѣтъ. Прислали бы, кабы была. А какъ бы я живо! Да чѣдъ, сударь, я пожаловаться вамъ хочу...

И начнетъ, и начнетъ. И почти всегда битье составляло главную тему его розсказней. Такимъ образомъ, помаленьку, урывками, рассказалъ онъ мнѣ свое горевое житѣе съ самыхъ младенческихъ лѣтъ.

— Вы какъ думаете, кто былъ мой отецъ? — говорилъ онъ: — старшимъ садовникомъ былъ онъ у господина Елпаштева. Кабы вина не пилъ, такъ озолотилъ бы его — вотъ какой это былъ человѣкъ! Какія у насъ ранжереи были! сколько фруктовъ, цвѣтовъ! И все они причиной. Бывало, призоветъ его баринъ: «чтобъ были у меня, Дементьевъ

на Ивана Крестителя — онъ 24-го іюня именины праздновалъ — персики! — И были съ. Большая, сударь, тутъ наука нужна. Раньше ставни въ ранжереѣ открыть, раньше прополивать начать, да чтобы не засушить или не залить — вотъ тогда и будуть ранніе персики! А потомъ барыня Наталья Кирилловна призоветъ: «чтобъ были у меня 26-го августа вишни!» И были съ! У другихъ обѣ вишняхъ ужъ и забыли, а у насть Дементьевъ въ концѣ августа, бывало, подастъ столько, что господа съѣдются да только ахаютъ. Отца-то моего у господина Елшательева князь одинъ торговалъ, тысячу рублей посулилъ да поваренка въ придачу, — такъ баринъ даже на такія деньги не польстился. А теперь вотъ и даромъ пришлось отпустить...

— Такъ отчего же бы старику не остаться у прежняго помѣщика?

— И сами теперь обѣ этомъ тужимъ, да тогда, вишь, мода такая была: всѣ вдругъ съ мѣста снялись, всей турьбой пошли къ мировому. И чтѣ тогда только было — страсть! И не кормить-то баринъ, и бѣть-то! Всю, то-есть, подноготную разомъ высказали. Пастухъ у насть жилъ, въ родѣ какъ безъ разсудка. Болона у него на лбу выросла, такъ онъ на нее все указывалъ: болитъ! А господинъ Елшательевъ на разборку-то не явился. Ну, посредникъ и выдалъ всѣмъ разомъ увольнительные свидѣтельства.

— А били-таки васъ?

— Это такъ точно-съ. Да вѣдь и теперь, вашескородie, управа-то на нашего брата одна... По крайности, какъ были крѣпостные, такъ знали, что свой господинъ бѣть, а нынче всякий, кому даже не къ лицу, скулу своротить норовитъ. А сверхъ того и голодомъ донимаютъ: питаться нужно, а работы нѣть. Ушелъ бы въ Москву, да куда я со стариками, со своей слабостью, тамъ поспѣль! Мы ужъ и сами потомъ хватились, что не про всѣхъ мѣстовъ припасено, — да поздно. Шибко разсердился тогда Иванъ Савичъ на насть; кои потомъ и прощенья просили, такъ не простили: «сгиньте, говорить, съ глазъ моихъ долой!» И чтѣ-жъ бы вы думали? Какія были «заведенія» — и ранжереи, и теплицы, и грунтовые сараи — всѣ собственной рукой сжегъ! «Не доставайся, говорить, ни чорту, ни дьяволу!» А наконецъ велѣль заложить коляску, забралъ семейство — только его и видѣли!

— Вы-то сами гдѣ жили, когда объявили волю?

— Я въ Москвѣ по оброку ходилъ. Да чтѣ мои, сударь,

за жизнь—только слава! Съ малыхъ лѣтъ все въ колотушкахъ да въ битьѣ. Должно-быть, несуразный я отъ роду вышелъ, что даже отецъ родной—и тотъ меня не жалѣлъ. Матушка еще по началу сколько-нибудь снисходила, а потомъ и она—видить, что всѣ бьютъ,—и она стала бить. Оттого и росту у меня настоящаго нѣтъ. Сколько разъ меня господинъ Елшатьевъ въ рекруты ставилъ — не принимаютъ, да и шабашъ! Приказчикъ у насть былъ,—такъ тотъ, бывало, позеленѣеть весь, какъ меня изъ рекрутаго присутствія обратно привезутъ, и первымъ долгомъ — колотить. — За чѣ-жъ, мольѣ вы, Ефимъ Семенычъ, меня бьете? Развѣ я причиненъ! Я даже съ радостью въ солдатахъ послужить готовъ!—«Тебя-то, говорить, не бить! Да тебя, какъ клона, раздавить нужно!»

Высказавши все это, онъ на минуту закручинится и опять начнетъ:

— А я все-таки барскую ласку помню. Понадобится, бывало, барину новая пара или барчукамъ мундиричики новые — сейчасъ: выписать изъ Москвы Гришку! И шью, бывало, мѣсяцъ и два, и три, спины не разгибаю, покуда весь домъ не обошью. Со всякимъ лоскуткомъ все ко мнѣ; даже барыня: «сшей, Гришка, мнѣ кальсоны!»—и не стыдилась, при моихъ глазахъ примѣривала. «Ты, говорить, Гришка, и не человѣкъ совсѣмъ; при тебѣ и стыдиться нельзя...» Такая, сударь, у насть барыня была—бѣдовая! верхомъ по-мужски на лошади ъздила! Кончу свое дѣло, зачтуть что слѣдуетъ въ оброкъ, полтинникъ въ зубы на дорогу и ступай на всѣ четыре стороны. А въ Москвѣ между тѣмъ мѣсто твое уже занято. Шляешься недѣлю-другую, насили устроишься!

— Въ чёмъ же тутъ ласка была?

— Какъ же, сударь, возможно! все-таки... Зналь я, по крайней мѣрѣ, что «свое мѣсто» у меня есть. Непозадачится въ Москвѣ—опять къ барину: рѣжьте меня на куски, а я оброка добыть не могу! И не чѣ подѣлаются. «Ахъ, ты, расподлая душа! выпороть его!»—только и всего. А теперь я къ кому явлюсь? Тогда у меня хоть церква своя, Спасъ-Преображенья, была — пойду въ воскресенье и помолюсь.

— Все-таки, по-моему, на волѣ вамъ лучше живется!

— Извѣстно, какъ же возможно сравнить! Рабъ или вольный! Только доложу вамъ, что и воля волѣ рознь. Теперь я чѣ хочу, тѣ и дѣлаю, хочу—лежу, хочу—хожу, очу—и такъ посижу. Даже задавиться, коли захочу,—и то

могу. Встанешь этта утромъ, смотришь въ окошко и думаешь: теперь шалишь, Ефимъ Семеновъ, рукой меня не достанешь! Теперь я самъ себѣ господинъ. А нутко ступай, «самъ себѣ господинъ», побѣгай по городу, не найдется ли гдѣ дыра, чтобы заплату поставить, да хоть дву-гривенничекъ на Ѣду заполучить!

— Неужто до того дошло?

— А какъ бы вы, сударь, думали? Мудреное это дѣло—воля! Кабы дали мнѣ волю, да при семъ капиталѣ—и я бы распорядиться сумѣлъ! А то вышли мы въ тѣ-поры, дворовые, на улицу; и направо, и налево глядимъ, а чтѣ такое случилось—понять не можемъ. Снялись со стараго мѣста, идемъ впередь, а впереди-то все не наше, ни до чего коснуться нельзѧ. Вамъ, сударь, и денька прожить не приходилось, чтобы въ свое время вы не позавтракали, не пообѣдали, чайку не накушались,—а мы цѣлый мѣсяцъ Христовымъ именемъ колотились, покуда, наконецъ, кой-какъ да кое-какъ не пристроились.

— Да вѣдь въ такомъ большомъ дѣлѣ и все такъ. Не вы одни терпѣли, а и крестьяне, и помѣщики...

— Это чтѣ говорить! Знаю я и помѣщиковъ, которые... Позвольте вамъ доложить, есть у насъ здѣсь въ околоткѣ баринъ, Федоръ Семенычъ Заозерцовъ прозывается, такъ тотъ еще когда радоваться-то началъ. Еще только слухи обѣ вольно пошли, а онъ уже радовался! «Теперь, говоритъ, вольный трудъ будетъ, а при вольномъ трудѣ земля самъ-десять родить станеть». И чтѣ же, напримѣръ, случилось: вольный-то трудъ пришелъ, а земля и совсѣмъ родить перестала—разомъ онъ въ какихъ-нибудь полгода прогорѣлъ!

— Такъ вотъ видите ли! Я и говорю, что не вы одни...

— Только онъ, не будь простъ, сейчасъ же въ Петербургъ уѣхалъ, къ тетенькѣ, да къ дяденькѣ, да къ сестрицамъ—тѣ ему живо мѣсто оборудовали. Жалованье хорошее, а впереди ждетъ еще лучше — живеть да посвистынастъ. Эхъ, кабы мнѣ кто-нибудь жалованье положилъ—кажется, я бы по смерть тому человѣку половину отдавалъ...

Вдоволь нажаловавшись, онъ уходилъ съ тѣмъ, чтобы черезъ короткое время опять воротиться и опять начать цѣлую серию жалобъ. Видимо, это облегчало его, наполняя праздное время и давая пищу праздному уму. Когда обида составляетъ единственное содержаніе жизни, когда она преслѣдуєтъ человѣка, не давая ни минуты отдыха, тогда

она, безъ всякой съ его стороны преднамѣренности, проникаетъ во всѣ закоулки сердца, наполняетъ всѣ помыслы. Языкъ не можетъ произносить иныхъ словъ, кромѣ жалобы, какъ будто самое формулированіе этой жалобы уже представляетъ облегченіе.

— А вотъ позвольте мнѣ разсказать, какъ меня въ мальчикахъ били,—говаривалъ онъ мнѣ: — поступилъ я съ десяти лѣтъ въ ученье и съ первой же, можно сказать, минуты началъ терпѣть. Видѣть меня никто не могъ, чтобы не надругаться надо мной. Съ утра до вечера все въ работѣ находишься: утюги таскаешь, воду носинъ; за пять verstъ съ ящиками да съ корзинками бѣгаешь—и все угодить не можешь. Хозяева ременною плетью бьютъ; мастера всякия тиранства выдумываютъ. Бывало, позоветъ мастеръ: «давно я у тебя, Гришка, масла не ковырялъ!»—поймаешь это за волосы и начнешь ногтемъ большого пальца въ головѣ ковырять. Голова, уши, носъ—завсегда въ болячкахъ были... Даже теперь голову ломить и въ ушахъ звонъ стоитъ, коли къ погодѣ... И все-таки живѣ-сь!

— Ну, что обѣ этомъ вспоминать... вѣдь зажило!

— Нѣть-сь, не зажило и не можетъ зажить... Ахъ, кабы мнѣ... вотъ хоть бы чуточку мнѣ засилія... кажется бы, я...

Онъ не досказывалъ своей мысли и умолкалъ.

— Ничего бы вы не подѣлали, да и подѣлать не можете. Вотъ кабы вы пить перестали—это было бы дѣльнѣе.

— И этому я еще въ ученикахъ научился. Принесешь, бывало, мастерамъ полштофъ, первымъ дѣломъ: «цѣпинемъ, Гришка!» И хоть отказывайся, хоть нѣтъ, разожмутъ зубы и волютъ, сколько имъ на потѣху надобно. А со временемъ и самъ своей охотой началъ потихоньку цопать. Цопаль-цопаль, да и дошелъ до сихъ мѣстъ, что и пересилить себя не могу.

— А вы пересильте; скажите себѣ: съ нынѣшняго дна не буду пить—и баста!

— Говорить-то попустому все можно. Сколько разъ я себѣ говорилъ: надо, братъ Гришка, съ колокольни спрыгнуть, чтобы званія, значить, отъ тебя не осталось. Такъ вотъ не прыгается, да и все тутъ!

— Зачѣмъ съ колокольни прыгать. Мы жизнью своею распоряжаться не вольны. Это, любезный другъ, и въ законахъ предусмотрѣно!

— А чѣмъ же со мной законъ сдѣлаетъ, коли отъ меня только ключья останутся? Мочи моей, сударь, нѣть; каз-

нять меня на каждомъ шагу—иожалуй, ежели въ пьяномъ видѣ, такъ и взаправду спрыгнешь... Да вотъ что я давно собираюсь спросить васъ: большое это господамъ удовольствие доставляетъ, ежели они, напримѣръ, бываютъ?..

— То-есть какъ же это «быть»?

— Да вотъ, напримѣръ, какъ при крѣпостномъ правѣ бывало. Привезетъ господинъ Елпатьевъ приказчика: «кто у тебя цѣлую ночь пѣсни ораль?» — И сейчасъ его въ ухо, въ другое... А приказчикъ, примѣрно, меня позоветъ. «Ты, чортъ несуразный, пѣсни ночью ораль?» — И, не дождавшись отвѣта, тоже — въ ухо, въ другое... Сладость, что ли, какая въ этомъ битьѣ есть?

— Не думаю. Битье вообще не удовольствие; это движение гнѣва, выраженное въ грубой и отвратительной формѣ—и только. Но почему же вы именно о «господахъ» спрашиваете? Вѣдь не одни господа дерутся: полагаю, что и вы не безъ грѣха въ этомъ отношеніи...

— Извѣстно, промежду себя... Да вѣдь одно дѣло — драться, другое — бить. Напримѣръ, господинъ бьетъ приказчика, приказчикъ — меня... Мнѣ-то кого же бить?

— Зачѣмъ же вамъ бить? Вообще, это скверно... И что это вамъ вдругъ вздумалось завести разговоръ?

— Да такъ-съ. Признаться сказать, вступить иногда этакая глупость въ голову: всѣ, моль, кого-нибудь бывать, точно лѣстница такая устроена... Только тотъ и не бываетъ, который на послѣдней ступенькѣ стоитъ... Онь это и есть настоящій горюнъ. А впрочемъ, и то сказать: съ чего мнѣ вдругъ взбрелось... Такъ, значитъ, починиться не желаете?

— Нечего чинить-то.

— Ну, на нѣть и суда нѣть. А я вотъ еще что хочу васъ спросить: можетъ ли меня городничій безъ причины колотить? Есть у него право такое?

— Ни безъ причины, ни съ причиной колотить не дозволяется. Городничій можетъ подъ судъ отдать, а тамъ какъ ужъ судъ посудить.

— Стало-быть, и съ причиной бить нельзя? Ну, ладно, это я у себя въ трубѣ помеломъ запишу. А то призываешь меня намеднись: «Ты, говорить, у купца Бархатникова жилетку укралъ?» — Нѣть, говорю, я отъ роду не воровалъ. — «Ахъ! такъ ты еще запираться!» — И началъ онъ меня чесать. Причесываль-причесываль, инда слезы у меня градомъ полились. Только, на мое счастье, въ это самое время старшій городовой человѣка привелъ: «вотъ онъ —

воръ, говорить, и жилетку въ кабакѣ сбыть хотѣлъ...»
Такъ вотъ какимъ нашего брата судомъ судять!

— Ну, и что же потомъ?

— Помилуйте! даже извинился-сь! — «Извини, говоритъ, голубчикъ, за другой разъ зачту!» — Вотъ онъ добрый какой! Такъ меня это обидѣло, таکъ обидѣло! Иду отъ него и думаю: непремѣнно жаловаться на него надо — только куда?

— Какъ куда? Купите листъ гербовой бумаги, да и пошлите губернатору просьбу.

— Вотъ оно какъ: гербовой листъ купить надо! а гдѣ купило-то взялъ? Да кто мнѣ и просьбу-то напишетъ... Вотъ кабы вы, сударь!

— Нѣтъ, мнѣ неловко. Я вѣдь бываю у городничаго, въ карты иногда вмѣстѣ играемъ... Да и вообще... На «писателей»-то, знаете, не очень дружелюбно посматриваютъ, а я здѣсь человѣкъ пріѣзжий, кончу дѣло и уѣду отсюда.

— Это такъ точно-сь. Кончите и уѣдете. И къ городничему въ гости, между прочимъ,ѣздите — это тоже... Надняхъ онъ именинникъ будетъ — цѣлый день по этому слушаю пированье у него пойдетъ. А мнѣ вотъ что на умъ приходить. Гдѣ же правду искать? Неужто только на гербовомъ листѣ она написана?

— Гербовой листъ — самъ по себѣ, а правда — сама по себѣ. Гербовой листъ — это пошлина. Не на правду пошлина, а чтобы казнѣ доходъ былъ. Кабы пошлины не было, со всякими бы пустяками начальство утруждали; а вотъ какъ теперь шесть гривенокъ надо за листъ заплатить — ну, иной и задумается.

— Шесть гривенъ! Гдѣ это мѣсто денегъ взять! А все-таки правду хотѣлось бы сыскать. Намедни господинъ Повалеевъ мяль-мяль мнѣ носъ, а я ему и говорю: — «вотъ вы мнѣ носъ мните, а я отъ васъ гравенника никогда не видалъ — гдѣ же, моль, правда, Василій Васильевичъ?» — А онъ мнѣ въ отвѣтъ: «Такъ вотъ оно ты обѣ чемъ, бубновый валетъ, разговаривать сталъ! Правды захотѣлось... ахъ! Да знаешь ли ты, что тебя за такой разговоръ въ тартарары сослать надо!» — да пуще, да пуще! Мы, вашескородie, когда не хмельны, такъ соберемся иногда — старики мои, я, да вотъ хозяинъ нашъ — и все обѣ правдѣ говоримъ. Была же она когда-нибудь на свѣтѣ, коли слово такое есть. Хоть при сотвореніи міра, да была. Должно быть, и теперь есть, только чиновники ее въ инкапъ за-

перли. Отдай шесть гривенъ — шкалъ пріотворятъ, — смотришь, а тамъ пусто!

— Не говорите такъ. Неравно услышать — нехорошо будетъ.

— Чего мнѣ худого ждать! Я ужъ такъ худъ, такъ худъ, что теперь со мной что хочешь дѣлай, я и не почувствую. Въ самую, значитъ, центру попалъ. Однажды мнѣ городничій говорить: «въ Сибирь, говорить, тебя, подлеца, надо!» — А что, говорю, и ссылайте, коли ваша власть; мнѣ же лучше: новые страны увижу. Пропонтирую пѣшикомъ отсель до Иркутска — и чего-чего не увижу. Сколько разъ въ бѣгахъ набѣгаюсь! Изловятъ — вздуютъ: — «влѣпить ему!» — все равно какъ здѣсь.

— Однако вы-таки отчаянный!

— Не отчаянный, а до настоящей точки дошелъ. Идти дальше некуда, все равно, гдѣ ни быть. Начальство бѣть, родители бѣть, красныя дѣвушки глядѣть не хотятъ. А вѣдь я, сударь, худъ-худъ, а къ дѣвушкамъ большое пристрастіе имѣю. Кабы полюбила меня эта самая Феклинья, хозяина нашего дочь, — ну, кажется бы, я... И пить бы пересталь, и все бы у меня по-хорошему пошло, и заведеныице бы открылъ... Только ничего отъ нея я другого не слышу, окромя: «уйди ты, лохматый чортъ, съ моихъ глазъ долой!» А впрочемъ, надоѣль я, должно-быть, вамъ своей болтовней?

— Ничего. Только мнѣ идти надо.

— Къ городничему-съ? Счастливо оставаться, сударь! дай Богъ любовь да совѣты! Въ карточки сыграете — съ выигрышемъ поздравить приду!

Однажды онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ величайшемъ волненіи.

— Хочу я васъ спросить, сударь, — сказалъ онъ: — есть такія права, чтобы взрослаго человѣка розгами наказывать?

— Говорилъ ужъ я вамъ, что такихъ правъ давно не существуетъ.

— А меня, между прочимъ, даже сегодня наказали. Мнѣ объ Рождество тридцать пять лѣтъ будетъ, а меня высѣкли.

— Кто же? за что?

— Родитель высѣкъ. Привель меня — а самъ пьяный-распьяный — къ городничему: «я, говорить, родительскою

властью желаю, чтобъ вы его высѣкли!»—Можно, говорить городничий.—Эй, вахтерь! розог! — Я было туда-сюда: за что, молъ?—«А за неповиновение,—объясняется отецъ:—за то, что онъ нась, своихъ родителей, на старости лѣтъ не кормить». И сколь я ни говорилъ, даже кричалъ — разложили и высѣкли! Есть, вашескородіе, въ законѣ объ этомъ?

— Не знаю, право. Человѣкъ вы какой-то особенный, только съ вами такія дѣла и случаются! Никакой законъ не подходитъ къ вамъ.

— И то особенный я человѣкъ, а я что же говорю! Быть меня—вся моя особенность тутъ! Побѣжалъ я отъ городничаго въ кабакъ, снялъ штаны:—«православные! за свидѣтельствуйте!»—а кабатчикъ меня и оттолѣ въ шею вытолкалъ. Побѣжалъ домой—не пускаютъ!

— И домой не пускаютъ?

— Да, и домой. Сидятъ почтенные родители у окна и водку пьютъ: «проваливай! чтобъ ноги твоей у нась не было!» А квартира, между прочимъ, моя, вывѣска на домѣ—моя; за все я собственныея деньги платиль. Могутъ ли они теперича въ чужой квартирѣ дебоширствовать?

Я рѣшительно недоумѣвалъ. Можетъ ли городничий выпороть совершеннолѣтняго сына по просьбѣ отца? Можетъ ли отецъ выгнать сына изъ его собственной квартиры? — все это представлялось для меня необыкновеннымъ, почти похожимъ на сказку. Конечно, ничего подобнаго не должно быть, говорилъ здравый смыслъ, а внутреннее чувство между тѣмъ подсказывало: отчего же и не быть, ежели въ натурѣ оно есть?

— И добро бы я не зналъ, на какія деньги они пьютъ!— продолжалъ волноваться Гришка:— есть у старика деньги, есть! Еще когда мы крѣпостными были, онъ припрятывалъ. Бывало, нарветъ фруктовъ, да ночью и снесетъ къ сосѣдямъ, у кого ранжерей своихъ нѣтъ. Кто гриненичекъ, кто двугриненичекъ пожертвуетъ... Развѣ я не помню! Помни я, даже очень помню, какъ онъ гриненики обираль, и когда-нибудь все на свѣжую воду выведу! Ахъ, сдѣтай милость! Сами пьютъ, а мы не только не поднесутъ, даже въ собственную мою квартиру не пускаютъ!

Гришка съ каждой минутой все больше и больше свирѣпалъ. Какъ на грѣхъ, въ это время совсѣмъ неожиданно поспѣтилъ меня городничий. У Гришки даже кровью глаза налились при его появлѣніи.

— Вотъ и господинъ говорить,—бросился онъ къ нему:—

что вы не только безъ причины, а и съ причиной драться не смѣете! А вы, между прочимъ, высѣкли меня! ахъ!

И вдругъ онъ, къ моему ужасу, началъ наскакивать на городничаго. Прыгаетъ кругомъ, словно совсѣмъ и страха лишился, такъ что добрый стариkъ даже сконфузился.

— Вонь!—крикнулъ онъ, потрясая палкой, на которую опирался по причинѣ раны въ ногѣ:—м-м-мерзавецъ!

— Нѣть, я не «вонь» и не «мерзавецъ», а вы вотъ при господинѣ объясните, какое-такое право имѣли вы меня высѣчь?

— Отецъ высѣкъ,—не я. Отецъ все надъ тобой сдѣлать можетъ: въ Сибирь сослать, въ солдаты отдать, въ монастырь заточить... Ты его не кормишь, расплодя твоя душа!

— Такъ тѣ по суду! Въ судъ онъ долженъ подать на меня, въ судъ! Чѣдѣ присудить судъ, тѣ и долженъ я восполнить — вотъ и господинъ это самое говорить. Въ Сибирь, такъ въ Сибирь; на каторгу, такъ на каторгу — по суду мнѣ вездѣ хорошо! А то, виши вѣдь, какія права нашли! Заманили на сѣзжую, разложили и выпороли! Нѣть, нынче ужъ и мы... нынче и у насъ спина... не всякий тоже!.. Отецъ!.. иши вѣдь какія права нашлись! такъ что-жъ что отецъ! Онъ меня сотворилъ — это такъ! но чтобы... Вотъ, ей-Богу, сейчасъ пойду, листъ гербовой бумаги куплю! Не пожалѣю шести гравенъ — прямо къ губернатору!

Положеніе мое было критическое. Стариkъ-городничай судорожно сжималъ лѣвый кулакъ, и я со страхомъ ожидалъ, что онъ не выдержитъ, и въ присутствіи моемъ произойдетъ односторонній маневръ. Я долженъ, однако-жъ, сознаться, что колебался недолго: и на этотъ разъ, какъ всегда, я рѣшился выйти изъ затрудненія, разрубивъ узель, а не развязывая его. Или, короче сказать, пожертвовалъ Гришкой въ пользу своего собрата, съ которымъ вель хлѣбосольство и игралъ въ карты...

— Да не бейте вы его, ради Христа! — обратился я къ городничему, когда Гришка исчезъ.

— Его-то? — изумился стариkъ.

— Да, его. У него вѣдь свои права...

— У него-то... права?

— Права. Хоть маленькия, но права.

— Да вѣдь я его по желанію отца высѣкъ...

— И отъ отца вы не вправѣ были принимать такихъ заявлений, а обязаны были обратить его къ суду.

— Стало-быть, и родительская власть... Позвольте, я

вамъ чтъ разскажу. Я самъ — вотъ какъ видите — я самъ въ молодости такой прожженый негодяй былъ, что днемъ съ огнемъ поискать. И карты, и пьянство, и дебошъ — всего было! Бился-бился отецъ, вызвалъ меня изъ полка въ отпускъ, и не успѣлъ я еще въ родительской домъ путемъ войти, какъ окружили меня въ лакейской, спустили штаны да три пучка розогъ и обломали обѣ мое поручичье тѣло... Съ тѣхъ поръ — какъ съ гуся вода! Въ карты — по маленькой; водки — только передъ обѣдомъ рюмка... Баста! Такъ вотъ оно что значитъ родительская-то власть! Помилуйте! да ежели бы я Гришку не училъ, такъ онъ и городъ-то у меня давно бы спалилъ!

Это воспоминаніе прошлаго совершенно успокоило моего гостя. Я заикнулся-было возразить ему, но языкъ не поворотился передъ такою невозмутительностью. Навстрѣчу всѣмъ возраженіямъ шла самая обыкновенная оговорка: сила вещей. Нигдѣ она не написана, никѣмъ не утверждена, не заклеймена, а идеть себѣ напроломъ и все на пути своемъ побѣждаетъ. Одинъ разскажетъ, какъ его сѣкли, другой разскажетъ, какъ съ него шкуру спустили,—и всѣ убѣдятся, что иначе не можетъ и быть. Каждый пороется у себя въ памяти и непремѣнно какое-нибудь сбѣченѣе да найдетъ... Тутъ и родители, и заступающіе ихъ мѣсто, и попечители — словомъ сказать, всѣ, которые и сами были сбѣчены, которыхъ праотцы были сбѣчены и которые ни за что не повѣрятъ, услыхавъ, что сыновья и внуки ихъ не пожелають быть сбѣченными. До такой степени не повѣрять, что хоть внезапно, крадучись, а все-таки или себя позволять, на старости лѣтъ, высѣчь, или сами кого-нибудь выскѣкнуть... И не по злобѣ, а такъ, ради выполненія освященнаго вѣками педагогическаго принципа.

Въ другой разъ Гришка прибѣжалъ еще болѣе взволнованный.

— А у меня сегодня палатскій чиновникъ былъ! — объявилъ онъ мнѣ.

— Неужели опять про битье будете разсказывать?

— Нѣть, этотъ не биль, а пришелъ и говорить: «Я присланъ здѣшніе торги провѣрить; вывѣска эта ваша?» — Моя, говорю. — «Вы одинъ занимаетесь мастерствомъ, безъ учениковъ?» — Одинъ. — «А имѣется у васъ свидѣтельство на мѣщансіе промыслы?» — Какое свидѣтельство? — «А вотъ смотрите!» — Вынуль изъ портфеля листъ, а на немъ написано: цѣна 2 р. 50 к. — «Уплатите, говорить, деньги и

возьмите свидѣтельство: на первый разъ я васть не штрафую!»—Я такъ и ахнуль.—Помилуйте! гдѣ же я эко мѣсто денегъ возьму?—«А это, говорить, меня не касается, я законъ выполнить долженъ, а вы какъ знаете».—А ежели я да не возьму свидѣтельства?—«Тогда я инструментъ вашъ запечатаю...» Позвольте у васъ спросить, сударь, можетъ онъ такъ со мной поступить?

— Не знаю; можетъ-быть, законъ такой есть. Много нынче новыхъ законовъ пишутъ—и не услѣдишь за всѣми! Стало-быть, вы теперь съ обновкой?

— Помилуйте! гдѣ я эстолько денегъ возьму? Постояль-постояль этотъ самый чиновникъ: «такъ не берете?» говорить.—Денегъ у меня и въ заводѣ столько нѣтъ.—«Ну, такъ я приступлю...» Взялъ, чтѣ на глаза попалось: кирпичъ истыканый, нитокъ клубокъ, иголокъ пачку, положилъ все въ ящикъ подъ верстакомъ, продѣлъ черезъ столъ веревку, запечаталъ и уѣхалъ. «Вы, говорить, до завтра подумайте, а ежели и завтра свидѣтельство не возьмете, то я протоколь составлю, и тогда ужъ вдвойнѣ заплатите!» Вотъ, сударь, коммерція у меня какова!

— Что-жъ, дѣлать нечего, приходится взять.

— И я вижу, что приходится, да денегъ нѣтъ. По его, значить, я руки склавши сидѣть долженъ... Гдѣ это слышано! человѣкъ работаетъ, а ему говорять: не смѣй работать, ступай въ кабакъ! Потому что куда же миѣ теперь, окромя кабака, идти?

— Да, но согласитесь сами, что и государство съ своей стороны... У государства есть потребности: войско, громадная орава чиновниковъ—нужно все это оплатить. Вотъ оно и изыскиваетъ предметы... И предметы сіи называются предметами обложенія. Пора бы вамъ, кажется, знать.

— И то пора. Только вотъ, какъ ни живешь, а все завтрашняго предмета не угадаешь. Сегодня десять предметовъ, думаешь, будетъ; ань завтра — одиннадцатый! И все по затылку, да по затылку—хлобысы! А мы бы, вашескородie, и безъ предметовъ хорошохонько прожили бы.

— Вѣрю вамъ, что безъ предметовъ удобнѣе, да нельзѧ этого, любезный. Во-первыхъ, какъ я уже сказалъ, казнѣ деньги нужны; а во-вторыхъ, наука такая есть, которая только тѣмъ и занимается, что предметы отыскиваетъ. Сначала по наружности человѣка осмотритъ — одни предметы отыщетъ, потомъ и во внутренности заглянетъ, а тамъ тоже предметы сидѣть. Разыщетъ наука, чтѣ слѣдуетъ,

а чиновники на усь между тѣмъ мотаютъ, да какъ наступить пора — и начнуть по городамъ разъѣзжать. И какъ только запримѣтять полезный предметъ — сейчасъ протоколь!

— И сколько съ нась этихъ сборовъ сходитъ — страсть! И на думу, и на мірское управлениѣ, и на повинности, а потомъ пойдутъ портмойныя, банныя, мостовыя, училищныя, больничныя. Да нынче еще мода на монаменты пошла... Мѣсяца не пройдетъ, чтобы мѣщанскій староста не объявилъ, что копейки три-четыре въ годъ новаго схода не прибавилось. Платишиь-платишиь — и вдругъ: отдай два съ полтиной!

— И отадите.

— Безпремѣнно это купецъ Бархатниковъ на меня чиновника натравилъ. Недаромъ онъ намеднись смѣялся: «вотъ ты работаешь, Гришка, а правовъ себѣ не выпра вилъ». Я, признаюсь, тогда не понялъ: это вамъ, брюхачамъ, говорю, права нужны, а мы и безъ правовъ проживемъ! — А теперь вотъ оно что оказалось! Безпремѣнно это его дѣло! Такъ, стало-быть, завтра въ протоколь меня запишутъ, а потомъ прямой дорогой въ кабакъ!

Однако-жъ на другой день онъ навѣстилъ меня уже съ обновкой. Купецъ Поваляевъ даль ему, одинъ за другимъ, сто щелчковъ въ носъ и за это внесъ требуемую пошлину.

И тутъ, стало-быть, дѣло не обошлось безъ битья.

Одинъ только разъ Гришка пришелъ ко мнѣ благодушный, какъ будто умиротворенный и совсѣмъ трезвый. Онъ только-что вернулся изъ «своего мѣста», куда ходилъ на престольный праздникъ Спаса-Преображенія.

— Ушли мы отсюда наканунѣ праздника, чуть-свѣтъ, — рассказывалъ онъ мнѣ: — косушку вина взяли, калачей, колбасы. Отойдемъ версты три — отдохнемъ и закусимъ. Сорокъ-то верстъ отвалить — не поле перейти. У Троицы на половинѣ дороги соснули, опять косушку купили. Только къ вечеру ужъ, часамъ къ семи, видимъ: наши Спасъ-Преображенія изъ-за лѣсу выглянули. Стоить на горкѣ, ровно какъ на картинкѣ, весь въ солнышкѣ. Слышимъ — и ко всенощной ужъ благовѣстятъ. Ну, мы сняли съ себя одежду, почистились, умылись въ канавѣ и пошли. Отошла всенощная — ужъ темно. Пошли къ тетенькѣ Афимѣ Егоровнѣ — накормила насъ, въ сарайчикѣ спать уложила. А въ сарайчикѣ-то сѣно новое — таково ли пахнетъ? И что-жъ, сударь, усталъ я съ дороги, а никакъ не усну! Ворочаюсь

съ-боку-на-бокъ и все думаю: скоро ли свѣтъ? И чуть только побѣлѣло, я изъ сарая вонь! Вышелъ, смотрю: Господи, ты Боже мой! благодать! И солнышко-то тамъ не по-здѣшнему встаетъ! Здѣсь встанешь утромъ, посмотришь въ окошко—солнце какъ солнце! А тамъ словно змѣйками огненными сначала брызнетъ и начнетъ потомъ дальше да пуще разливаться... Дохнуть боишься, покуда оно, значить, солнце-то, однимъ краешкомъ словно изъ воды выплывать начнетъ! А кругомъ—тишина, ни одна вѣточка, ни одинъ листъ не шелохнется, точно и деревья-то заснули, ждутъ, пока солнышко не пригрѣетъ. Стоялъ я такимъ манеромъ одинъ, а тамъ, слышу, ужъ и по деревни зашевелились. Бабы печи затоплять стали, стадо въ поле погнали, къ заутрени зазвонили. Отстояли мы заутреню, потомъ обѣдню. Приходъ у насъ хоть маленький, а все же для праздника дьякона сосѣдняго пригласили. Послѣ обѣдни,—даже не закусиль путемъ,—прямо на барскій дворъ побѣжалъ... Ахъ, хорошо! Домъ-то, правда, съ заколочеными ставнями стоять, зато въ саду—и не вышелъ бы! кусты, кусты, кусты—такъ и обступили со всѣхъ сторонъ... И на дорожкахъ, и на клумбахъ—вездѣ все въ одинъ большущій кустъ сплелосы! И сирень тутъ, и вишнѣ, и аканція, и тополь! И весь этотъ кустъ большущій поетъ и стрекочеть! А кругомъ саду—березы, липы, тополи—и глазомъ до верхушки не достанешь. Давно ли, кажется, я каждое дерево наперечеть зналъ, а тутъ, какъ садъ-то зарось, и я запутался. Стоять, сердечные, и шапками покачиваются, словно отпѣванье кругомъ идетъ. Ходилъ-ходилъ я одинъ-одинѣхонекъ, да и думало: хорошо, что надумалъ одинъ идти, а то безпремѣнно бы мнѣ помѣшили. Нагулявшись дѣ-сыта, пошелъ въ другой садъ, гдѣ у старого барина фруктовое заведеніе было,—и тамъ все спуталось и сплелося. Ягодные кусты одичали; гдѣ гряды съ клубникой были—мелкая поросль березовая словно щетка стоять; гдѣ ранжерей и теплица были—тамъ и сейчасъ головешки не убрацы. Только яблони еще цѣлы, да и у тѣхъ вѣтки, ради Преображенья дия, деревенскіе мальчишки, вмѣстѣ съ яблоками, обломали. Смотрю: и родитель мой, ужъ выпивши, около ранжерей стоять. «Вотъ, говорить, ходилъ-ходилъ, кровь-потъ проливалъ, а что осталось!»

Наконецъ, ужъ почти передъ самымъ моимъ отѣздомъ

изъ города, Гришка пришелъ ко мнѣ и какъ-то таинственно, словно боялся, что его услышать, объявилъ, что онъ женился на хозяйской дочери, Феклиныѣ, той самой, о которой онъ упоминалъ не разъ и въ прежнихъ собесѣдованіяхъ со мною.

— Ахъ, хороша дѣвица!—хвалилъ онъ свою невѣсту:— и изъ себѣ хороша, и скромница, и стирать бѣлье умѣеть. Я буду портняжничать, она—по господамъ стирать станеть ходить. А квартира у насъ будетъ своя, бесплатная. Проживемъ, да и какъ еще проживемъ! И стариковъ прокормимъ. Вино-то я ужъ давно собираюсь бросить, а теперь—и ни Боже мой!

— Стало-быть, она согласилась?

— Да съ какою еще радостью! Только и спросила: «Ситцевыя платья будете дарить?»—Съ превеликимъ, говорю, моимъ удовольствиемъ!—«Ну, хорошо, а то папаша меня все въ затрапезѣ водить—передъ товарками стыдно!»— Ахъ, да и горевое же, сударь, ихнее житье! Отець—старикъ, работать не можетъ, да и зашибается; матери нѣть. Одна она и заработка чѣ-нибудь. Да вотъ мы за квартиру три рубля въ мѣсяцъ отдадимъ—какъ тутъ разживешься! Съ хлѣба на квасъ—только и всего.

— Смотрите же, сдержите ваше слово, бросьте пить!

— И ни-ни! Вчера послѣднюю косушку выпилъ. Сегодня съ утра мутить, да авось перемогусь. Нельзя мнѣ, сударь, пить, никоимъ манеромъ нельзя. Жена, старики, а тамъ, благослови Господи, дѣти пойдутъ. Всѣмъ пропитанье я достать долженъ, да и Феклинышку свою поберечь. Стирка да стирка... руки у нея—кабы вы видѣли!... даже ладони все въ мозоляхъ! Ну, да отдохнѣть и она за мужиннымъ хребтомъ! И какъ мнѣ теперь весело, кабы вы знали— точно нутро мое все перемѣнили! Только вотъ старики на радостяхъ шибко горланятъ, да, небось, устанутъ же когда-нибудь!

— Ну, дай вамъ Богъ счастливо начать новую жизнь...

Затѣмъ я скоро совсѣмъ уѣхалъ и съ тѣхъ поръ не видалъ Гришки. Однако-жъ кое-что случайно слышалъ о немъ и это слышанное рѣшаюсь передать читателю уже не въ качествѣ дѣйствующаго лица, а въ качествѣ повѣстователя.

Свадьба состоялась на-славу. Начать съ того, что глядѣть на жениха и невѣсту сбѣжался въ церковь весь городъ; всѣмъ было любопытно видѣть каковъ будетъ Гришка

подъ вѣнцомъ. затѣмъ, на дворѣ ліль сентябрьской проливной дождь—это значило, что молодымъ предстоитъ жить богато. Наконецъ, за свадебнымъ пиромъ всѣ перепились, а это значило, что молодые будуть жить весело.

Гришка былъ совсѣмъ трезвъ и смотрѣлъ почти прилично. За двѣ недѣли до свадьбы онъ пересталъ пить, а купецъ Поваляевъ скажися надъ нимъ и за многія прежнія претерпѣнія далъ двадцатипятирублевую на свадьбу. Были и другія пожертвованія, да отецъ заглянуль въ кубышку, такъ что собралось рублей пятьдесятъ. А чего недостало, то въ долгъ взяли, такъ какъ Гришка продолжалъ питать радужныя мечты насчетъ собственнаго заведенія, а также и насчетъ того, что ѡеклиня будетъходить по господамъ и стирать бѣлье.

Но на другой же день онъ уже ходилъ угрюмый. Когда онъ вышелъ утромъ за ворота, то увидѣлъ, что послѣднія вымазаны дегтемъ. Значить, по городу уже ходила «слава», такъ что если бы онъ и хотѣлъ скрыть свое «безчестье», то это было бы только напрасный трудъ. Поэтому онъ приколотилъ жену, потомъ тестя и, пошатываясь какъ пьяный, полѣзъ на верстакъ. Но отъ кабака все-таки воздержался.

Ѳеклиня была шустрая мѣщаночка, лѣтъ двадцати трехъ, давно извѣстная всѣмъ мѣстнымъ купеческимъ сынкамъ. Особенной красотой она не обладала, но была востроглаза, бѣла, но не расплывчива, хотя уже слегка расположена къ дебелости. Это послѣднее качество, сопряженное съ молодою задорливостью, въ особенности нравилось. И ходила она какъ-то задорно, и глазами подмигивала, точно пѣ-вѣсть чѣ сулила! Въ цѣломъ городѣ одинъ Гришка, по наивности и одичалости своей, не зналъ, что у нея уже сложилась прочная и очень некрасивая репутація.

Въ углу на столѣ кипѣлъ самоваръ; домашніе всей семьей собрались около него и пили чай. ѡеклиня съ заплаканными глазами щелкала кусокъ сахара; тесть дулъ въ блюдечко и громко ругался. Гришка сидѣлъ неподвижно на верстакѣ и безъ всякой мысли смотрѣлъ въ окошко.

— Садись пить чай,—звала его мать:—все равно не поправишь. А я ужѣ пойду, нагрѣю воды да отмою деготь.

Но Гришка не позволилъ отмывать.

— Не троинь! пускай всѣ знаютъ, въ какомъ я интересѣ пахожусь!—зловѣще прорычалъ онъ.—Нынче смоешь, завтра опять вымажутъ.

ракъ, не догадался, что она гулящая? Одинъ въ цѣломъ городѣ не зналъ... Именно несуразный!»

Пролежалъ онъ такимъ образомъ, покуда не почувствовалъ, что пальто на немъ промокло. И все время, не переставая, мучительно спрашивалъ себя: «что я теперь дѣлать буду? какъ глаза въ люди покажу?» Въ сущности, вѣдь онъ и не любилъ Феклины, а только, наравнѣ съ другими, чувствовалъ себя неловко, когда она, проходя мимо, выступала задорною поступью, поводила глазами и сквозь зубы (острые, какъ у бѣлки) цѣдила: «ишь, чортъ лохматый, пылы-то выпушилъ!»

Вставши съ земли, онъ зашелъ въ подгородную деревню и тамъ поѣхъ. «Въ Москву! въ Москву!»—вертѣлось у него въ головѣ. Однако, на этотъ разъ, онъ окончательного рѣшенія не принялъ, но и домой не пошелъ, а когда настали сумерки, вышелъ изъ крестьянской избы и колеблющимися шагами направился въ «свое мѣсто». Всю ночь онъ шелъ, терзаемый сознаніемъ безвыходности своего положенія, и только къ заутрени (кстати былъ праздникъ) достигъ цѣли и прямо зашелъ въ церковь. Церковь была совсѣмъ пуста. Громко раздавались подъ сводами возгласы священника и унылое пѣніе тенориста-пономаря. Ожесточеніе въ Гришкѣ мало-по-малу утихло; усталость и церковный миръ сдѣлали свое дѣло. Онъ всталъ на колѣни и началъ молиться; полились слезы. Онъ чувствовалъ, что его начинаютъ душить рыданія, что сердце въ немъ пухнетъ, разорваться хочетъ, и выбѣжалъ изъ церкви къ теткѣ Афимье. Тамъ онъ прямо объявилъ о своемъ «безчестіѣ» и жадно съѣлъ большой ломоть хлѣба. Часть-другой побурлилъ, но въ концѣ концовъ какъ будто остепенился.

— Миѣ бы, тetenка, денька три отдохнуть, а потомъ я и опять...—сказалъ онъ.—Что-жъ такое! Въ нашемъ званіи почти всѣ такъ живутъ. Въ нашемъ званіи какъ!—скажетъ тебѣ паскуда: «я полы мыть нанилась», дойдешь до угла—и слѣдъ простыль. Гдѣ была, какъ и чтѣ?—лучше и не допытывайся! Вечеромъ принесетъ двугривенный—это, дескать, поденщица—и бери. Жениться не слѣдовало—это такъ; но если ужъ грѣхъ попуталъ, такъ ничего не подѣлаешь; не пойдешь къ попу: «развѣнчайте, моль, батюшка!»

Старуха охала, но соглашалась, что теперь ничего не подѣлаешь. Жить надо—только и всего. А стыдъ—не дымъ, глаза не выѣсть.

— Кабы ты что дурно сдѣлалъ—тогда точно... передъ людьми нехорошо!—говорила она резонно.—Поучи ее какъ слѣдуетъ—небось, по стрункѣ станеть ходить!

Онъ прожилъ въ деревнѣ три дня, бродя по окрестностямъ и преимущественно по господскому саду. Съ наступлениемъ осени садъ какъ будто порѣдѣлъ и казался еще унылѣе. Дорожки совсѣмъ заросли и покрылись толстымъ слоемъ листа, такъ что даже собственныхъ шаговъ не было слышно. Громаднія березы тоскливо раскачивали вершины изъ стороны въ сторону; въ сирени, которою были обсажены куртины, въ акаціяхъ и въ вишнѣвъ раздавался неумолкаемый шелестъ; столѣтняя липа, посаженная сбоку дома, скрипѣла отъ старости. Все намокло, разбухло, оголилось, точно иззябло. Кое-гдѣ виднѣлись поломанныя скамейки; по срединѣ круга, обсаженнаго липами, уцѣлѣли остатки бесѣдки; тынъ изъ толстыхъ, заостренныхъ кольевъ, окружавшій садъ, почти повсемѣстно обвалился. Запустѣніе было полное, но Гришкѣ именно это и было нужно.

Онъ самъ какъ будто опустѣлъ. Садился на мокрую скамейку и думалъ, и думалъ. Какъ ни резонно рѣшили они съ теткой Афимьеи, что въ ихъ званіи завсегда такъ бываетъ, но срамъ до того былъ осознательнъ, что давилъ ему горло. Временами онъ доходилъ почти до бѣшенства, но не на самый срамъ, а на то, что мысль о немъ неотступно преслѣдуешь его.

— Забыть я о немъ не могу!—жаловался онъ теткѣ:—ну, срамъ такъ срамъ—что же такое? А вотъ ходить онъ за мной по пятамъ, не даетъ забыться—и шабаш! Ёсть сяду—срамъ; спать лягу—срамъ; проснусь—срамъ. Извѣстно, потомъ буду жить, какъ и прочие, да теперь—мочи моей нѣтъ. Мое дѣло рабочее: цѣлый день или на верстакѣ, или въ бѣготнѣ. Куда ни придешь—вездѣ срамъ. Придетъ время, когда и прямо рога показывать будуть—и то ничего. Да, видно, еще не пришло оно. И прежде срамная моя жизнь была—не привыкать бы стать!—и теперь срамная, только срамъ-то новый, сердце еще не переболѣло отъ него.

— Ничего, переболитъ!—утѣшала Афимья.

— Ворочусь домой и прямо пойду къ Бархатникову шутки шутить. Комедію сломаю — онъ двугривенничекъ дастъ. Къ веселому рабочему и давальцы ласковѣ. Иному и починиваться не нужно, а онъ, за «представленіе», старую жилетку отыщетъ: «на, братъ, почини!»

Действительно, онъ черезъ три дня ушелъ отъ тетки, воротился домой.

— Гдѣ, лохматый чортъ, шлялся? Съ голоду, что ли, мы подохнуть должны?—встрѣтилъ его стариkъ-отецъ.

Жена заревѣла и бросилась ему въ ноги.

— Чтѣ, паскуда, ревешь?—крикнулъ онъ на нее.—Иди, не мотайся у меня на глазахъ!

И, обратившись къ прочимъ членамъ нетерпѣливо ожидавшей его семьи, сказалъ:

— Теперь я шутки-шутить буду. Смотрите! Коли не полегчить мнѣ, такую я съ вами шутку сыграю, что неподздоровится!

Пошелъ онъ къ куницу Поваляеву и сразу началъ шутки-шутить.

— Что же, ваше степенство, не поздравляете?—спросилъ онъ.—Вѣдь я съ орденомъ!

И, сдѣлавъ рукой рога, обратилъ ихъ по направленію къ своей головѣ.

— Ворота-то вымыли?—спросилъ Поваляевъ.

— Вымыли, да я опять вымазать хочу... пущай всѣ поздравляютъ!

— Иши ты, веселый какой! Стало-быть, и вправду щеклины сладка? Который день тебя на улицѣ не видать—все съ молодой женой колобродите?

— Ужъ такъ-то сладка, такъ-то сладка... персикъ! Или вотъ, какъ встарину пирожники въ Москвѣ выкрикивали: «съ лучкомъ, съ перцемъ, съ собачьимъ сердцемъ! Возьмешь пирогъ въ ротъ—самъ собой въ горло проскочить».

— Э! Да ты, парень, веселый! Выпьемъ?

— Сегодня я зарокъ выполняю. А завтрашній день что покажетъ.

— Выпьемъ—пустяки! Я самъ сколько разъ зарокъ даваль, да, видно, это не нашего ума дѣло. Водка для нашего брата пользительна, отъ нея мокроту гонить. И сколько ей однихъ названий: и соколикъ, и иташечка, и канареечка, и маленькая, и на дорожку, и съ дорожки, и посошокъ, и сиволдай, и сиводрало... Стало-быть, разлюбезное дѣло эта рюмочка, коли всякий ее по-своему притолубливается.

— Въ Москвѣ одинъ господинъ «опрокидонтъ» ее называлъ.

— «Опрокидонтъ»!.. Ха-ха! По-каковски же это?

— На бостанжогловскомъ, говорить, языкѣ

— Отлично! «опрокинулъ»—и правъ! Выпьемъ!

— Зарокъ далъ, не могу! Я лучше вамъ про ѡеклиныю свою разскажу.

И рассказалъ. За это Поваляевъ пирогомъ его угостилъ, да двугривенный на чай далъ, да двѣ жилетки разомъ починить отдалъ, три двугривенныхъ послалъ.

— За что ласкаете, ваше степенство? — благодарила Гришка.

— За то, что ты веселый! Люблю я веселыхъ. А то куксится человѣкъ—самъ не знаетъ, съ чего! У него жена гуляетъ, а онъ куксится!

— Вотъ я на нее хомутъ надѣну, да по улицѣ...—началь-было Гришка, но вдругъ, ни съ того, ни съ сего, по-перхнулся—точно сдавило ему горло—и убѣжалъ.

— Эй, ты! — крикнулъ ему Поваляевъ: — къ завтрему чтобы были готовы жилетки, да и зарокъ чтобы снять. Въ настоящемъ видѣ чтобы...

Такимъ образомъ прожилъ онъ мѣсяцъ, переходя отъ Поваляева къ Бархатникову, отъ Бархатникова къ Падчерицыну и т. д. Его уже не били, а видѣли въ немъ только развеселаго малаго, съ которыми, пожалуй, и театръ не надо. Даже городничий съ исправникомъ—и тѣ шутили, спрашивали, сладка ли ѡеклиния, часто ли она дома сидѣть, много ли съ поденщины денегъ носить. Двугривенные такъ и сыпались на него и за работу, и за повадливость. Появились даже крупные заказы, такъ что онъ и шилъ, и кроилъ, и шутилъ—на все находилъ время. Даже деньги завелись.

— Скоро, пожалуй, и настоящее заведенье откроешь, ученика возьмешь,—поощрялъ его Поваляевъ: — нашему брату и въ Москву обшиватьсяѣздить не придется—свой портной будетъ! А все-таки, другъ любезный, слей и вино разрѣшилъ нужно—тогда во всей формѣ мастеровой сдѣлаешься!

Однако онъ продолжалъ упорствовать въ трезвости. Надѣялся, что «шутка» и безъ помоющи вина поможетъ ему «угорѣть». Шутить да шутить,—смотришь, подъ-конецъ такъ исшутится, что и совсѣмъ не человѣкомъ сдѣляется. Тогда и легче будетъ. И теперь мальчишки, при его проходѣ, рога показываютъ; но онъ ужъ не тотъ, что прежде: ухватить первого попавшагося озорника за волосья и такъ отколошматить, что любо. И старики не претендуютъ, а хвалять его за это.

Вообще ему стало житься легче съ тѣхъ поръ, какъ онъ рѣшился шутить. Жену онъ съ утра прибѣть, а потомъ цѣлый день ее не видѣть и не интересуется знать, гдѣ она была. Старики и въ усъ не дуешь; самъ поѣсть, какъ и гдѣ попало, а имъ денегъ не даетъ. Ходилъ отецъ къ городничему, опять просилъ сына выѣхать, но времена ужъ не тѣ. Городничій—и тотъ полюбилъ Гришку.

Тѣмъ не менѣе Гришка понималъ, что однимъ шутовствомъ, безъ вина, ему не обойтись. Правда, онъ уже чувствовалъ, что все глубже и глубже опускается въ пропасть, и что, быть-можеть, недалеко время, когда онъ нашупаетъ самое дно. Человѣческий образъ всегда былъ у него въ умаленіи, но мало-по-малу онъ и вовсе утратилъ его. Прежде онъ отдавалъ на общее поруганіе свой носъ, свое лицо, свое тѣло; теперь поруганіе проникло въ самое его нутро. Дома былъ адъ, на улицѣ—адъ, куда ни придетъ—вездѣ адъ. Такимъ образомъ дойдешь, пожалуй, до того, что на работу руки подниматься перестанутъ. «Паскуда» прямо смеется надъ нимъ; онъ ее за косу ухватить хочеть, а она убѣжитъ. Станеть онъ спрашивать: гдѣ была?—а она въ отвѣтъ: «гдѣ была, тамъ меня ужъ нѣтъ». И такъ нахально скалить при этомъ свои острые бѣличы зѣбы, что онъ всѣмъ нутромъ застонетъ и ляжетъ плашмя на верстакъ. Но все-таки до конца «угорѣть» ему не удалось; все-таки онъ что-то еще понимаетъ, чѣмъ-то мучится. Надо какой-нибудь рѣшительный толчокъ, чтобы окончательно «угорѣть», не понимать и не мучиться. Не выпить ли?

Надежда, что со временемъ онъ обтерпится, что ему не будетъ «стыдно», оправдалась лишь настолько, насколько онъ самъ напускалъ на себя безстыдѣсть. Самъ онъ, пожалуй, и позабылъ бы, но посторонніе такъ безцеремонно прикасались къ его язвѣ, что не было возможности не страдать. «Ахъ, эта паскуда!» — рычалъ онъ внутренно, издали завидѣвъ на улицѣ, какъ ~~Фокинъ~~, нарумяненная и набѣленная, шумя крахмальными юбками и шевеля бедрами, стремится въ пространство.

— Ишь, жена-то отъ тебя улепетываетъ! — хохоталъ ему въ лицо Поваляевъ. — Это она къ Бархатниковскому приказчику поспѣшаетъ! Совсѣмъ опутала молодца. Прежде честный и тверёзый былъ, а теперь и попивать, и поворачивать началь.

— Ахъ, не говорите мнѣ, ради Христа! — стоналъ

Гришка въ такія минуты, когда шутовство на время покидало его.

— Чего не говорить! Васъ, шельмовъ, изъ города выслать надо. Только народъ мутите. Деньги-то она тебѣ, что ли, отдастъ?

— Начну-ка опять пить... или нѣтъ, еще погожу! — твердилъ себѣ Гришка, колеблясь между двумя альтернативами.—Инъ, лучше въ Москву уѣху!

— Дайте вы мнѣ пачпортъ на всѣ на четыре стороны! — настаивалъ онъ у стариковъ:—я и повинности заплачу, и вамъ высылать на прожитокъ буду.

— Уйдешь, и слѣда отъ тебя не останется—ищи тогда! Добро, и дома посидище!

— Чего мнѣ дома сидѣть, скоро вѣдь и работать я совсѣмъ не буду. Да и не сдѣловать мнѣ. Убью я когда-нибудь эту паскуду, убью!

Однажды, поздно ночью, Феклиня пришла домой пьяная. Гришка еще не спалъ и до того разсвирѣпѣлъ, что на этотъ разъ она струсила.

— Гдѣ была? — кричалъ онъ на всю улицу, сверкая налитыми кровью глазами и поднося къ ея лицу сжатые кулаки.

Она созналась, что была у самого Повалиева.

Онъ выбѣжалъ стремглавъ на улицу и помчался по направлению къ дому Повалиева. Добѣжавши, схватилъ камень и пустилъ его въ окно. Стекло разбилось вдребезги; въ домѣ поднялась суматоха; но Гришка, въ свою очередь, струсилъ и спасся бѣгствомъ.

Дома рассказалъ о своемъ подвигѣ, умолилъ не разглашать о немъ и кстати сдѣлалъ новое открытие.

— Чѣдъ ты натворилъ, чортъ лохматый! — упрекали его старики.—Развѣ она въ первый разъ? Каждую ночь ворочается пьяная. Смотри, какъ бы она на тебя доказывать не стала, какъ будуть завтра разыскивать.

Феклиня, полуобнаженная, спала въ это время на лавкѣ и тяжело металась.

— Убью я ее! убью! — злобно шепталъ Гришка.—Отпустите вы меня, ради Христа! Видите, что мнѣ здѣсь не жить! Убью я... лопни моя утроба, ежели не убью!

— Врешь, проживешь и здѣсь! И не убешь—и это ты совралъ. Всѣ въ нашемъ званы такъ живутъ, и ты живи. Ишь, убиватель нашелся!

На другой день начались разыски. Феклиня, дѣйствительно, явилась доказчицею.

— Некому, окромя его! — говорила она, всхлипывая: — онъ и въ меня, чортъ лохматый, не однажды камнемъ бросаль — какъ только Богъ спасъ!

— Не знаемъ, можетъ, и онъ! — на-двоемъ свидѣтельствовали родители.

Гришку выдержали недѣлю въ кутузкѣ, и Поваляевъ окончательно разсердился. Теперь съ этой стороны и на заработокъ, и на шутовство надежда была плохая.

Жить становилось невыносимо; и шутовство пропало, не лѣзло въ голову. Ужь теперь не онъ былъ жену, а она не однажды замахивалась, чтобы дать ему раза. И старики начали держать ея сторону, потому что она держала домъ и кормила всѣхъ. — «Въ нашемъ званыи всѣ такъ живутъ, — говорили они: — а онъ корячится... вѣльможа нашался!»

Мысль о побѣгѣ не оставляла его. Нѣсколько разъ онъ пытался ее осуществить и дня на два, на три скрывался изъ дома. Но исчезновеній его не замѣчали, а только не давали разрѣшенія настоящимъ образомъ оставить домъ. Стариkъ-отецъ заявилъ, что сынъ у него непутный, а онъ, при старости, отвѣтить за исправную уплату повинностей не можетъ. Разумѣется, если-бъ Гришка не былъ «несуразный», то могъ бы настоять на своемъ; но жалобы «несуразнаго» развѣ есть резонъ выслушивать? Въ кутузку его — вотъ и рѣшенѣе готово.

Однако, въ одно прекрасное утро, Гришка исчезъ.

Дорогой въ Москву ему посчастливилось. На ночлегѣ кто-то помѣнялся съ нимъ пальто. У него пальто было неказисто, а досталось ему совсѣмъ кучое и рваное, но зато въ карманѣ пальто онъ нашарилъ паспортъ. Предъявитель былъ дмитровскій мѣщанинъ, и звали его тоже Григоріемъ, по отечеству Петровымъ; примѣты были схожія: росту средняго, носъ средній, ротъ умѣренный, волосы черные, глаза сѣрые, особыхъ примѣтъ не имѣется.

— Вотъ и славно! — говорилъ себѣ Гришка: — пальто на толкучкѣ другое куплю, а паспортъ готовъ. Не забыть бы только, что я не Авенировъ, а Петровъ, дмитровскій мѣщанинъ.

Москва оживила его. Еще верстѣ за шесть, подходя къ ней по Дмитровкѣ и обоняя тотъ особый запахъ, который присущъ подмосковной окрестности, онъ почувствовалъ неподражимый восторгъ.

— Иванъ-то великий! Иванъ-то великий! Ахъ, Боже ты мой!—восклицалъ онъ.—И малый Иванъ тутъ же притулился... Спась-то, Спась-то! такъ и горить куполомъ на солнышкѣ! Ахъ, Москва—золотыя маковки! Слава те, Господи! привель Богы!

Онъ истово перекрестился на вѣс четыре стороны и инстинктивно прибавилъ шагу.

Переночевавши на постояломъ дворѣ у Бутырской заставы, онъ вмѣстѣ съ зарею побѣжалъ прямо въ городъ полюбоваться на Москву. За три-четыре года, которые онъ прожилъ въ своемъ городѣ, Москва порядочно измѣнилась. Вмѣстѣ съ началомъ реформъ произошелъ толчокъ и во внѣшности первопрестольного города. Москва стала люднѣе, оживлениѣ; появились, хоть и наперечетъ, громадные дома; кирпичные тротуары остались достояніемъ переулковъ и захолустій, а на большихъ улицахъ уже сплошь уложены были неширокимъ плитнякомъ; мѣстами, въ видѣ заплатъ, выступалъ и асфальтъ. Тверская улица какъ будто присмирѣла, Кузнецкій мостъ—тоже, но зато въ «Городѣ», на Ильинкѣ, на Никольской, съ ранняго утра была труба нетолченая отъ возовъ. Дома на этихъ улицахъ стояли сплошной стѣной и были испещрены блестящими вывесками. Въ довершеніе всего, старыя, знаменитыя фирмы портныхъ или исчезли, или скромно стушевались, уступивъ мѣсто новымъ знаменитостямъ, дѣлѣющимъ внести кургузость и шикъ и въ старозавѣтную московскую солидность. Тѣмъ не менѣе, экипировавшись заново на толкучкѣ, Гришка разыскалъ кой-кого изъ хозяевъ, у которыхъ онъ прежде живалъ. Къ одному изъ нихъ онъ явился.

Хозяинъ былъ не изъ важныхъ. Нашествіе вѣстниковъ шика значительно на него подѣйствовало. Онъ постарѣлъ, растерялъ давальцевъ, сократилъ наполовину число мастеровъ и учениковъ, добрую часть квартиры отдавалъ внаимы подъ мастерскую женскихъ модъ, но никакъ не соглашался перемѣнить вывеску, на которой значилось: «Иванъ Дѣевъ, военный и партикулярный портной» и по-французски: «Jean Dcicéff, tailleur militaire et particulier».

— А! Авенировъ! видно, по Москвѣ стосковался!—воскликнулъ онъ, увидѣвъ Гришку.

— Петровъ-сь,—не сморгнувъ, отвѣчалъ Гришка.

— Помнится, Авенировымъ тебя величали, а вирочемъ.. паспортъ есть?

— Такъ точно-сь.

Дѣвъ взглянулъ на паспортъ. Оказалось: Петровъ, нось средній, ротъ умѣренный, волосы черные, курчавые, глаза сѣрые...

— Ничего, мѣсто найдется. Кстати, сегодня я одному подлецу разсчетъ далъ. Съ завтрашняго же дня—съ Богомъ! Только вѣдь ты, помнится, пить не дуракъ.

— Зарокъ далъ-сь.

— И прекрасно. У меня, впрочемъ, расправа короткая. Первый разъ пьянь—прощаю; второй разъ—скбулу сворочу; въ третій разъ—паспортъ въ зубы и аллѣ маширъ. А за прогулъ—по три рубля въ сутки штрафу, это само собой. Такъ?

— Обнаковенно. Какъ прочie, такъ и я.

На другой день возобновилось для Гришки старинное московское житѣе. Онъ былъ счастливъ; работа немногимъ достается такъ легко и скоро. Черезъ мѣсяцъ, онъ уже вполнѣ втянулся въ прежнюю бездомовую жизнь, съ трактирами, портерными и тою кажущеюся сытостью, которую даетъ скудный хозяйствскій харчъ. Гришка, впрочемъ, не выдержалъ и, по слову Поваляева, дать себѣ разрѣшеніе на вино и елей. Вино восполняло недостатокъ питанія. Онъ уже неоднократно дѣлалъ прогулы, являлся въ мастерскую пьяный, и хозяинъ не разъ «поправлялъ» ему то одну, то другую скбулу, но выгонять не рѣшался, потому что руки у Гришки были золотыя. Во всякомъ случаѣ, въ концѣ мѣсяца, при разсчетѣ, въ распоряженіи его оставалась самая малость.

Представить себѣ жизнь мастерового въ Москвѣ—очень нелегкое дѣло. Это не жизнь, а что-то недостойное имени, недоступное для опредѣленія. Тутъ и полное отсутствіе опрятности, и отвратительное питаніе, и загуль, и спанье на голомъ верстакѣ. Все это перемежается какой-то судорожной, угорѣлой работой. Послѣдняя сама по себѣ была бы не изнурительна, но, въ совокупности съ непрерывной сутолокой, она представляеть своего рода каторгу. Нужно именно поступиться доброй половиной человѣческаго образа, чтобы не сознавать тѣхъ нравственныхъ терзаній, которыхъ должно влечь за собой такого рода существованіе, чтобы разъ навсегда проникнуться мыслью, что это не послѣдняя степень паденія, а просто «такая жизнь». Если-бъ лучше сознанія хоть на мгновеніе освѣтилъ этотъ мракъ, онъ принесъ бы съ собою громадное несчастіе. Онъ изгнать бы улыбку изъ этого темнаго царства, положилъ бы запреть

на самую рѣчъ человѣческую. Но, къ счастью или не-счастью, этого луча нѣтъ, и мастерскія кипятъ веселостью, говоромъ и смѣхомъ. Правда, веселость вымученная, говоръ и смѣхъ—циничные, но все-таки ихъ достаточно, чтобъ не дать въ-конецъ замереть этимъ придавленнымъ людямъ. Замазанный, тощій, чуть живой ученикъ, распѣвавъ, скачетъ на одной ножкѣ по тротуару и уже позабылъ о только-что вытерпленной трепкѣ. Онъ бѣжитъ за кипяткомъ въ трактиръ, за косушкой въ кабакъ; онъ радуется, что ему можно проскакать на одной ножкѣ извѣстное пространство, задѣть прохожаго, выругаться, пропѣть циническую пѣсню. Когда онъ приходитъ въ возрастъ и садится на верстакъ, наравнѣ съ мастеровыми, онъ уже кончилъ всю школу. Мальчикомъ онъ былъ получеловѣкъ и вступилъ въ возрастъ получеловѣкомъ же. Въ какомъ качествѣ онъ умретъ?

Такая жизнь не была для Гришки новостью, и онъ вполнѣ подчинялся ей. Онъ боялся только одного: чтобъ не открылся его паспортный подлогъ. Не разъ слышалось ему встрѣчаться въ трактирахъ съ земляками, и онъ предпочиталъ говорить имъ, что живетъ совсѣмъ безъ паспорта, не можетъ найти мѣста и шатается по ночлежнымъ домамъ. Но родные, повидимому, уже знали, что онъ въ Москвѣ, и даже наказывали черезъ земляковъ воротиться домой. Съ часу на часъ онъ ожидалъ розыска и рѣшился чаще перемѣняться мѣста. Одинъ мѣсяцъ его видѣли на Тверской, другой—на Арбатѣ, третій—у Никитскихъ воротъ. Это дало ему репутацію непосѣдливаго человѣка и повредило зарплату. Въ концѣ концовъ, онъ уже съ трудомъ находилъ себѣ мѣста и дѣйствительно цѣльми недѣлями шатался по ночлежнымъ домамъ, содержа себя случайною поденною работою.

Между тѣмъ дѣло о розыскѣ портного Григорія Авенирова уже назрѣвало. Нѣсколько мѣсяцевъ оно находилось въ участкѣ и постепенно округлялось. Разыскивали неутомимо; посыпали запросы въ прочіе участки, прибѣгали къ помощи телеграфа. Когда, наконецъ, переписка достаточно округлилась, и уже намѣревались писать отвѣтъ, что портного Авенирова въ Москвѣ не обрѣтается, кто-то изъ земляковъ случайно узналъ о розыскахъ и донесъ, что Авенировъ живетъ въ мастеровыхъ на Плющихѣ у портного Ухабина, къ которому безъ замедленія и направилъ свои стопы околоточный.

— Кто здѣсь мастеръ Григорій Авенировъ? — кликнула она, входя.

Гришка понялъ, что дѣло его не выгорѣло, дрогнулъ слегка, но назвалъ себя.

— Паспортъ! Ага! Какимъ же образомъ ты значишся въ немъ Петровымъ? Э, голубчикъ, да тутъ пахнетъ кражей и подлогомъ.

Хозяинъ, разумѣется, выдалъ Гришку съ головой.

Гришка высидѣлъ шесть мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи и потомъ судился (судебная реформа только-что была введена). Онъ увѣрялъ на судѣ, что не укралъ, а нашелъ паспортъ въ карманѣ вымѣняннаго пальто, и при этомъ откровенно рассказалъ свою мученическую жизнь. Но прокуроръ не вѣрилъ ему, доказывалъ, что иначе дѣло не могло произойти, какъ съ участіемъ кражи, а подлогъ былъ ясенъ самъ собой. Что же касается до розсказней подсудимаго о "жизненныхъ неудачахъ", то это — обычная уловка негодяевъ, употребляемая съ цѣлью смягченія присяжныхъ. Назначенный судомъ защитникъ сказалъ всего нѣсколько словъ вяло, нѣхотя, словно во снѣ веревки виль. Присяжные обвинили Гришку только въ томъ, что онъ воспользовался чужимъ паспортомъ, и при этомъ дали ему снисхожденіе. Судъ приговорилъ его на двухмѣсячную высадку.

Вся эта процедура, вмѣстѣ съ штатаньемъ по Москвѣ, длилась слишкомъ годъ, такъ что когда, послѣ высадки, препроводили Гришку по этапу въ родной городъ, настала уже глубокая осень.

Феклины бросила и отца, и домъ. Она выстроила на выѣздѣ просторную избу и поселилась тамъ съ двумя другими «дѣвушками». Въ избѣ цѣляя ночи напролѣтъ свѣтились огни и шло пирожанье. Старуха, Гришкина мать, умерла, но старики, отецъ и тесть, были еще живы и перебивались Христовымъ именемъ.

Вошелъ Гришка въ родной домъ и растянулся плащомъ на верстакѣ. Ни отца, ни тестя не было въ это время дома; двери стояли отпертыя, потому что и украдь было нечего. Въ неметенной и нетопленной комнатѣ отдавало сыростью и прѣлью; вмѣсто домашней утвари стояли два деревянныхъ чурбана, такъ что и жилого вида комната не имѣла; даже нищенской рвани не валялось на полу. Гриника лежалъ неподвижно, обезсилѣвшій, снѣдаемый недугомъ, пріобрѣтеннымъ во время скитаній. Голова его горѣла подъ

тяжестью мучительныхъ думъ. На работу разсчитывать, разумѣется, было нельзя; но предстояло «жить», и эта мысль рвала ему сердце.

Осень приближалась къ концу; грязь на улицахъ застыла; мѣстами, гдѣ было мало Ѣзды, виднѣлись уже послы снѣга. Надъ городомъ нависъ темный октябрьскій вечеръ.

Гришка крадется по главной улицѣ, по направленію къ собору. Предчувствія его относительно работы сбылись. Въ теченіе недѣли онъ обѣгалъ своихъ прежнихъ давальцевъ, но вездѣ встрѣтилъ суровый отказъ, а купецъ Поваляевъ даже пообѣщалъ спустить на него собакъ, ежели онъ въ другой разъ явится. Къ тому же, въ его отсутствіе, въ городѣ появился другой портной, Федоръ Купидоновъ, уже прямо изъ «Петербурга» и совсѣмъ веселый. Гришка ни разу порядкомъ не поѣхъ, а питался общарпанными, черствыми обѣдками, которые приносили домой отецъ. Ежели удавалось старику набрать нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ, то покупали водки и сообща пили.

Приходилось и самому протягивать руку, но покуда горе настолько укрѣпляло его нравственные силы, что мысль о милостынѣ пугала его. Вотъ когда и горе пройдетъ, когда онъ окончательно обтерпится, тогда, вѣроятно, и рѣшимость явится. Она придетъ сама собой. Будетъ онъ ходить, приплясывая, по улицамъ, будетъ пѣть скверныя пѣсни, коверкаться, представлять юродиваго—и на него посыплются гроши. Старики и милостыни просить не умѣютъ: стоять, какъ истуканы, на перекресткѣ, съ протянутыми руками,— оттого имъ и подаютъ одни обѣдки. А онъ сумѣеть; онъ еще въ портныхъ выучился юродствовать и приплясывать. Чего доброго, вѣщимъ человѣкомъ между купчихами прослынетъ; станутъ чаемъ его поить, гравенниками одѣлять, тайного смысла въ его бормотаны доискаваться: «скажи, батюшко, скажи!» Конечно, не миновать ему и кутузки за эти продѣлки, но въ кутузкѣ все-таки теплѣе, чѣмъ дома, да и щей даютъ. Пожалуй, кутузка-то еще за «претерпѣніе» ему сочтется: «истязаютъ тебя, касатикъ, замучить хотятъ!»—будутъ въ одинъ голосъ говорить купчихи.

Къ несчастью, горе до того впилось въ него, что отдало перспективу юродства на неопределеннное время. Онъ мучился день и ночь, самъ не сознавая, отъ чего. Вѣроятно, въ этой формѣ оказывались общіе результаты

жизни. О Феклиньѣ онъ и не вспоминалъ, даже все прошлое почти позабылъ и уже не возвращался къ его подробностямъ, а сидѣлъ дома, положивъ голову на верстакъ, и стоналъ. Именно результаты прошлаго сказывались разомъ, скопились они и переполнили сердце тоскою. Дѣваться некуда отъ тоски,—точно она одна и осталась. Тоска безпредметная, сама себя питающая, почти осязаемая...

Онъ дошелъ до собора; тамъ служили всенощную, и третій звонъ еще не отошелъ. Когда онъ вошелъ въ церковь, читали евангелие и загудѣли колокола. Онъ сталъ въ темномъ углу, началъ вслушиваться, но ничего не понималъ. Онъ былъ какъ бы въ забытьѣ и трясся всѣмъ тѣломъ. Простоявши минутъ десять, вышелъ на паперть и началъ колеблющимися шагами взбираться на колокольню. Взбирался инстинктивно, не сознавая, что тамъ, наверху, ожидаетъ его разрѣшеніе загадки жизни. Никакихъ опредѣленныхъ намѣреній въ его головѣ не шевелилось, никакого предвидѣнія: все это замѣнилось непреодолимой силою рока. Тянуть, влечеть—только и всего.

Наконецъ, онъ дошелъ до самаго верха, надъ колоколами, и оглянулся. Городъ лежать окутанный мглою; огней сквозь осенний туманъ не было видно. Рѣшетка въ этомъ ярусе была такая низенькая, что опереться на нее было нельзя, а ограниченность пространства не допускала разбѣга. Однако кончить все-таки было нужно, кончить теперь же, сейчасъ, потому что завтра, унаси Богъ, онъ и впрямь юродствовать начнетъ.

Онъ невольно перекрестился и поклонился на всѣ стороны.

Никто ничего не слыхалъ. Но минутъ черезъ десять, когда служба кончилась, дѣячокъ, выходя изъ церкви, встрѣтилъ на пути своемъ препятствіе.

— На человѣка наткнулся!—крикнулъ онъ:—инъ, пьяница, растянулся!

Стали тормошить «пьяницу»—не встаетъ. Принесли фонари—и опознали Гришку.

— Ахъ, расподлай твоя душа!—крикнулъ кто-то въ сбравшейся толпѣ.

IV.

СЧАСТЛИВЕЦЪ.

Этюдъ.

Въ мое время послѣдніе мѣсяцы въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ бывали очень оживлены. Казенная служба (на опредѣленный срокъ) была обязательна, и потому вопросъ о томъ, кто куда пристроится, стоялъ на первомъ планѣ; затѣмъ выдвигался вопросъ о томъ, что будутъ давать родители на прожитокъ, и, наконецъ, вопросъ обѣ экипировкѣ. Во всѣхъ углахъ интерната раздавалось:

— Ты куда?

— Разумѣется, въ министерство иностраннѣхъ дѣлъ.

— Насъ, братъ, тамъ не совсѣмъ-то долюбливаютъ...

— У меня дядя тамъ; онъ похлопочетъ... Ахъ, кабы черезъ годикъ... attaché... въ Париж! А ты куда?

— Я... въ департаментъ полиціи исполнительной...—занимается собесѣдникъ и какъ-то стыдливо краснѣеть.

— Чудакъ!

— У меня тамъ тоже дядя... обѣщаю мѣсто помощника столоначальника... Тысячу двѣстѣ рублей (тогда рубль еще былъ ассигнаціонный) на полу не поднимешь, а я...

Или:

— Тебѣ сколько родители на житѣе назначаютъ?

— Миѣ... двѣ тысячи,—краснѣя, отвѣчаетъ товарищъ, прибавляя цѣлую половину или, по малой мѣрѣ, четверть противъ скромной дѣйствительности.

— А миѣ пятнадцать! Матан ужъ прискакала квартиру и меблируетъ ее... ип urai pid d'oiseau! Пару лошадей въ деревнѣ нарочно для меня выѣздили, на-дняхъ приведутъ... О! я...

Наконецъ:

— Ты у кого платье заказываешь?

— У Саррѣ, а бѣлье—у Лепрѣтра. А ты?

— Я—у Клеменца... это вѣдь тоже хороший портной...
Бѣлье—дома маменька шьет...

— Ахъ!

Повторяю: такъ было въ мое время. Теперь, какъ я слышалъ, между воспитанниками интернатовъ уже существуютъ болѣе серьезные взгляды на предстоящее будущее; но въ сороковыхъ годахъ разговоры, въ родѣ приведенного выше, стояли на первомъ планѣ и были единственными, возбуждавшими общій интересъ, и, несомнѣнно, они не оставались безъ влиянія на будущее. Питомецъ, поступившій на службу въ департаментъ полиціи исполнительной, жившій на какихъ-нибудь злосчастныхъ тысячу рублей и заказывавшій платье у Клеменца, могъ имѣть очень мало общаго съ блестящимъ питомцемъ, одѣвавшимся у Сарра, мчавшимся по Невскому на ворономъ рысакѣ и имѣвшимъ виды быть въ непродолжительномъ времени attaché при посольствѣ въ Парижѣ. Первое время по выходѣ изъ заведенія, товарищи еще видѣлись, но жизнь неумолимо вступала въ свои права и еще неумолимѣе стирала всякие слѣды пяти-шестилѣтняго сожительства. Молодые люди, не встрѣчаясь въ обществѣ, легко забывали старое однокашничество, и хотя пожимали другъ другу руки въ театрѣ, на улицѣ и т. д., но эти пожатія были чисто формальныя. Уже въ самыхъ стѣнахъ интерната образовывалось два лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ не чуждъ зависти, другой—пренебреженія. Но что всего замѣчательнѣе,—даже въ одномъ и томъ же лагерѣ дружескія связи очень рѣдко завязывались прочно, до такой степени, съ выходомъ на волю, жизненные пути развѣтвлялись, спутывались и все болѣе и болѣе уклонялись въ даль, въ самое короткое время.

Лично я не могъ похвалиться тѣсными дружескими связями, но все-таки ближе другихъ былъ связанъ съ Валерушкой Крутицынымъ. Я былъ, такъ сказать, средній воспитанникъ; изъ ученья имѣлъ баллы не блестящіе, изъ поведенія—и того меньше. Мои виды на будущее были болѣе чѣмъ посредственные; отсутствіе всякой протекціи и довольно скудное «положеніе» отъ родныхъ отдавали меня на жертву служебной случайности и осуждали на скитаніе по скромнымъ квартирамъ съ «чернымъ ходомъ» и на продовольствіе въ кухмистерскихъ. Даже послѣднее было не всегда доступно, потому что молодость требовала дорогихъ развлечений, и иногда, ради билета въ театръ, я вы-

нуждался замѣнять скромный кухмистерскій обѣдъ десятикопеечной колбасой съ булкой. Старый дядька, который жилъ при мнѣ, и тотъ имѣлъ въ мелочной лавкѣ пищу болѣе сытную и здоровую.

Напротивъ того, Крутицынъ, какъ оказалось изъ моихъ разспросовъ, былъ молодой человѣкъ вполнѣ обеспеченный. Лошадей онъ, правда, не будетъ держать, но квартирку устроить комфортабельно и чистенько, и обѣдать будеть не иначе, какъ «настоящимъ образомъ» и въ хорошемъ ресторанѣ. Франтовства особенного не дозволить себѣ, а статье одѣваться красиво и безукоризненно. На службѣ изнемогать онъ тоже не располагалъ (онъ называлъ чиновниковъ «хамами»), за отбутеть свой срокъ и затѣмъ выйтъ на всѣ четыре стороны. Онъ любить читать (не одни романы, но и серьезныя книжки), охотникъ до театра и не имѣть ни малѣйшей склонности къ кутежамъ. Все это даетъ право надѣяться, что жизнь его устроится разумно, независимо и свободно.

Но главная его претензія—это быть джентльменомъ. Когда наступить время, онъ уѣдетъ изъ Петербурга въ «свое мѣсто» и будетъ служить по выборамъ. Ибо только такимъ образомъ истинный джентльменъ можетъ оправдать свое призваніе; только тамъ, среди «своихъ», онъ самымъ дѣломъ покажетъ, что значить высоко держать «свое» знамя.

— А у насть, mon cher, насчетъ этого самая незрѣлѣя, почти младенческія понятія,—говариваль онъ мнѣ.—Дворянство, за исключениемъ немногихъ уѣздовъ, представляющихъ собой какъ бы оазисы, совершенно забыло о своемъ значеніи въ государствѣ и обратилось въ массу приживальцевъ на хлѣбахъ у казны. Какой-нибудь департаментскій штатскій генераль съ высоты величія, почти съ пренебреженіемъ, смотрѣть на бѣднаго дворянина, пріѣзжающаго въ Петербургъ ходатайствовать по своимъ дѣламъ. Въ провинціи, конечно, дѣло идетъ иѣсколько иначе, но едва ли лучше. Тамъ, наоборотъ, дворяне тѣсно стоять другъ за друга, но не въ смыслѣ джентльменства, а въ самыхъ вопіюющихъ злоупотребленіяхъ. Само собой разумѣется, что такимъ образомъ дѣйствій они производить въ массахъ глухое раздраженіе. Крѣпостное право совсѣмъ не такъ худо, какъ о немъ разсказываютъ, и если бы дворяне относились другъ къ другу строже, то Богъ знаетъ, когда еще этотъ вопросъ постунилъ бы на очередь. А теперь, пожалуй...

Это говорилось еще задолго до слуховъ объ эмансипації, и я положительно не понималъ, откуда могъ набраться Валерушка такихъ несвойственныхъ казенному заведенію «принциповъ». Вѣроятно, они циркулировали въ его семействѣ, которое безвыѣздно жило въ деревнѣ и играло въ «своемъ мѣстѣ» значительную роль. Съ своей стороны, помнится, я относился къ этимъ заявленіямъ довольно равнодушно, тѣмъ болѣе, что мысль о возможности упраздненія крѣпостного права въ то время даже мелькомъ не заходила мнѣ въ голову.

Важнѣе всего было то, что у Крутицына, при самомъ выходѣ со школьнай скамьи, существовала уже задача, довольно, правда, отдаленная и смутная, но все-таки, до извѣстной степени, опредѣлявшая его внутренній міръ.

Онъ не измѣнить данному слову, потому что онъ—дженрльменъ; онъ не позволить себѣ сомнительного поступка, потому что онъ—дженрльменъ; онъ не ударить въ лицо своего слуги, не заставить повара сѣсть попавшаго въ супъ таракана, не возьметъ въ наложницы крѣпостную дѣвицу, потому что онъ—дженрльменъ; онъ привѣтливо приметъ бѣднаго помѣщика-сосѣда, который явится съ просьбой по дѣлу, потому что онъ—дженрльменъ. Вообще онъ не «замараетъ» себя... нѣть, никогда! Даже наединѣ самъ съ собой онъ будетъ мыслить и чувствовать какъ дженрльменъ.

Первые шесть лѣтъ, которыя Крутицынъ прожилъ въ Петербургѣ, покуда не кончился срокъ обязательной службы, наши дружескія связи продолжали поддерживаться, хотя я долженъ сознаться, что это стоило мнѣ лично нѣкоторыхъ усилий. Впрочемъ, не и одинъ, а и другіе товарищи его охотно посѣщали, и онъ всѣхъ принималъ радушно. Ни про кого изъ сверстниковъ я не слыхалъ отъ него паскудной клички: «*ami cochon*», которую направо и налево разсыпали графъ Б., графъ О. и другіе баловни фортуны. Напротивъ того, онъ даже искусственной предупредительности не выказывалъ, какъ бы боясь оскорбить ею, а оставался все тѣмъ же простымъ, участливымъ и добрымъ малымъ, какимъ былъ на школьнай скамьѣ. Правда, что нѣкоторое время по выходѣ изъ школы у него почти совсѣмъ не было «постороннихъ» знакомствъ, и потому со стороны не представлялось случая для сравненій и выводовъ. Среда, въ которой ему предстояло вращаться въ будущемъ, еще не опредѣлилась, и товарищи составляли пока единственный рессурсъ.

Я зналъ, что у него живеть въ Петербургѣ сестра, замужемъ за княземъ Х., что домъ этой сестры—одинъ изъ самыхъ блестящихъ, и что тамъ собирается такъ-называемое высшее общество. Валерушка бываль у сестры часто, и хотя это представлялось вполнѣ естественнымъ, но я какъ-то страдалъ всякий разъ, когда на мой вопросъ: дома ли Валеріанъ Сергеичъ? мнѣ отвѣчали: «къ сестрицѣ уѣхали». Мнѣ казалось, что тутъ уже кроется зародышъ дѣйствительности. Нерѣдко, когда я сидѣлъ у Крутицына, подѣжала въ щегольской коляскѣ къ дому, въ которомъ онъ жилъ, красавая женщина и дѣлала движеніе, чтобы выйти изъ экипажа; но всякий разъ навстрѣчу ей торопливо выбѣгалъ камердинеръ Крутицына и что-то объяснялъ, послѣ чего сестра опять усаживалась въ коляску и оставалась ждать брата. Крутицынъ, съ своей стороны, извинялся предо мной и, поспѣшино надѣвши пальто, выходилъ изъ дома. Однажды такъ случилось, что красавица полюбопытствовала и вышла изъ экипажа, и хотя Валеріанъ крикнулъ ей въ переднюю:

— Je ne suis pas seul!..

Но она не послушалась предостереженія и вошла въ кабинетъ.

— Надѣюсь, что вы позволите «вашему другу» уѣхать со мной?—сказала она, обращаясь ко мнѣ.

Словъ было немного, но въ тонѣ, которымъ были произнесены слова: «вашъ другъ», заключалась цѣлая поэма. Во всякомъ случаѣ, въ эту минуту въ первый разъ, но все еще смутно, мелькнула мнѣ мысль, что въ «принципахъ» известной окраски, если даже они залегли въ общее міросозерцаніе въ тѣхъ чуждыхъ надменности формахъ, въ какихъ ихъ воспріялъ Валерушка, можетъ существовать своего рода трещина, сквозь которую просачивается исключительность и относительно «своихъ», но менѣе favoredизованныхъ фортуной.

Въ наличности этой трещины еще болѣе убѣдили меня дальнѣйшая сношенія съ Крутицынымъ. Съ теченіемъ времени въ квартирѣ его начали появляться «постороннія» личности. И хотя онъ очень предупредительно представлять насъ другъ другу, но я всегда чувствовалъ при этомъ невольную неловкость. Или придешь такъ, что «постороннія» личность уже тутъ, и тогда она немедленно снимается съ мѣста и—со словами: «Итакъ, въ такомъ-то часу...»—удаляется во-свояси.

Или же «посторонняя» личность появлялась, когда я сидѣлъ у Крутицына.

Заглянувъ въ кабинетъ и увидавъ меня, она воскликнала:

— А! ты занятъ дѣлами. Pardon! Я черезъ часъ зайду...
И дѣлая движеніе, чтобы удалиться...

— О, нѣтъ, о, нѣтъ,—удерживать пріятеля Валерушки:—
останься! ты не помѣшаешь!

Но, разумѣется, я, въ свою очередь, понималъ, что я лишній, и спѣшилъ удалиться.

Тѣмъ не менѣе я упорствовалъ. Хотя существованіе трещины дѣлалось болѣе и болѣе несомнѣннымъ, но я увѣрялъ себя, что она засѣла не въ убѣжденіяхъ самого Валерушки, а въ той атмосфѣрѣ, въ которой ему, волей-неволей, приходилось вращаться. Самъ онъ—говорилъ я себѣ—противникъ этой худо скрываемой надменности и, конечно, не дѣлжетъ, говоря, что въ ней заключается одна изъ причинъ словесной захудалости. Но не виноватъ же онъ, что рожденіе фаталистически кинуло его въ такую среду, отъ которой онъ отречься не можетъ. Не отказываться же ему, въ самомъ дѣлѣ, отъ людей, которыхъ онъ безпрестанно встрѣчаетъ въ обществѣ и изъ которыхъ многие связаны съ нимъ узами крови... Нѣтъ, самъ по себѣ онъ безупречно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и, конечно, въ «своемъ мѣстѣ» докажетъ на дѣлѣ, какое его знамя и какъ нужно держать его.

Вообще Крутицынъ былъ мнѣ симпатиченъ, несмотря на то, что по убѣжденіямъ мы принадлежали, такъ сказать, къ совершенно различнымъ приходамъ. Я имѣлъ слегка соціалистическую окраску; онъ былъ экономистъ *rig sang*, штудировалъ *Sæ* и *Bastïà*, о соціалистахъ же преисбрежительно выражался *qu'ils cherchent midi à quatorze heures*. Затѣмъ, онъ былъ приверженецъ замкнутой сословности; я же склонялся на сторону самой широкой безсословности, доходя чуть не до *suffrage universel*, мысль о которомъ тогда уже начинала волновать Западную Европу. Но мнѣ, при томъ небольшемъ кругѣ знакомыхъ, какой я имѣлъ, дорогъ бытъ въ Крутицынъ разсуждающій сверстникъ, съ которымъ можно было спорить. Положимъ, эти споры были довольно первоначального свойства и оставляли насть при своихъ убѣжденіяхъ, но все-таки тутъ было упражненіе, которое въ юношеские годы цѣнится очень дорого.

— Mon cher!—говаривалъ Крутицынъ:—раздѣлите сего-

дня все поровну, а завтра неравенство все-таки вступить въ свои права.

— Я знаю это возражение,—отвѣчалъ я:—всѣ столона-чальники опираются на него какъ на каменную стѣну; но вѣдь дѣло совсѣмъ не такъ просто, какъ ты его рисуешь. Тутъ цѣлая система со множествомъ подробностей, со сложной обстановкой...

Однако онъ не убѣжался моими возраженіями и продолжалъ:

— Или эти anti-lions, anti-réquins! Эти заботы насчетъ вывозки нечистотъ при помощи самоотверженныхъ когорть... Бѣдный Фурье! Онъ не предвидѣлъ ни ватерклозетовъ, ни нынѣшнихъ парижскихъ катакомбъ!

— И это сужденіе чисто-столоначальническаго свойства! Фурье не объ однихъ anti-lions писалъ, но и...

И т. д.

Вообще, какъ я уже сказалъ выше, онъ охотно читалъ, но вычитывалъ въ книгахъ именно тѣ, что не только не нарушило хорошаго расположения духа, но, напротивъ, содѣйствовало поддержанію его.

Онъ былъ счастливъ. Продолжалъ время безъ тревогъ, испытывалъ доступныя юношѣ удовольствія и едва ли когда-нибудь чувствовалъ себя огорченнымъ. Мнѣ казалось въ то время, что вотъ это-то и есть самое настоящее равновѣсіе души. Онъ принималъ жизнь, какъ она есть, и бралъ отъ нея, что могъ.

— Я ничего особеннаго отъ жизни не требую,—говорилъ онъ нерѣдко:—и нахожу, что она даетъ совершенно достаточно, чтобы удовлетворить меня. Никакой борьбы я не ищу и не буду искать, не потому, чтобы трусилъ, а потому, что борьба—не въ моихъ принципахъ. Только тѣ прочно, что приходитъ въ свое время; насильственно же взятое или искусственно привитое, рано или поздно, погибаетъ, и даже скорѣе рано, чѣмъ поздно. Кто дѣйствуетъ мечомъ, тотъ отъ меча и погибнетъ. Вѣрь мнѣ. Конечно, въ людяхъ, среди которыхъ мнѣ приходится жить, есть многое, что мнѣ не по-сердцу, но, вѣроятно, и во мнѣ есть кой-что, что не нравится другимъ. Поэтому я или покоряюсь факту, принимаю его, какъ онъ есть, или же, если это удобно, вступаю въ споръ, въ надеждѣ убѣдить. Но безъ раздраженія, разумно, съ полнымъ сознаніемъ права, которое имѣеть противникъ отстаивать свое убѣженіе.

— Но вѣдь иногда это совсѣмъ не убѣженіе, а просто

раздражение прихотливаго или развращеннаго темпера-
мента,—возразилъ я.

— Въ такомъ случаѣ споръ напрасенъ. Надо отойти—
и больше ничего.

Онъ любилъ женское общество и имѣлъ у женщинъ
успѣхъ; но бывалъ ли когда-нибудь влюбленъ—сомнѣваюсь.
Мнѣ кажется, настоящая, страстная любовь нарушила бы
его душевную ясность, и если-бъ даже запала случайно
въ его сердце, то онъ, ради спокойствія своего, употреб-
илъ бы всѣ усилия, чтобы подавить ее.

Онъ любилъ быть «счастливымъ»—вотъ и все. Однажды
прошелъ-было слухъ, что онъ безнадежно влюбился въ
извѣстную въ то время лоретку (такъ назывались тогда-
шнія кокотки), обладаніе которой оказалось ему не по сред-
ствамъ, но на мой вопросъ объ этомъ онъ очень резонно
отвѣтилъ:

— Помилуй! Неужели ты могъ повѣрить, что я положу
на одни вѣсы мое личное спокойствіе и вопросъ о какой-то
лореткѣ? Лоретка можетъ занять меня на одну минуту, не
больше... Ихъ такъ много, такъ много, что предложеніе
почти превышаетъ спросъ. Притомъ же, я совсѣмъ не тамъ
ищу и не того мнѣ надо. Многіе изъ моихъ пріятелей по-
стоянно проводятъ время въ обществѣ этихъ дѣвицъ; я и
самъ иногда не прочь пробыть нѣсколько часовъ въ ихъ
компаніи, но въ концѣ концовъ это скучно. Говорить онъ⁹
глупо, поютъ пошлые пѣсни; даже движенія у нихъ не
красивы, а только циничны. Если тѣла ихъ и дѣйствуютъ
возбуждающимъ образомъ на физику, то это возбужденіе
мимолетное. Вѣдь и тутъ все-таки необходима хоть искра
ума или, по крайней мѣрѣ, выдержки.

Такимъ образомъ, онъ и съ этой стороны остался не-
уязвимъ. Самъ выдержанній, онъ и вездѣ искалъ такой же
выдержаніи. Нашедши ее, чувствовалъ себя хорошо и удобно;
не нашедши—не добивался и проходилъ мимо своею до-
рогою.

Мнѣ кажется, что и у женщинъ Крутицынъ имѣлъ успѣхъ
именно благодаря этой выдержанкѣ. Онъ былъ нѣженъ, а не
страстенъ, и притомъ безусловно приличенъ и скроменъ.
Можно было съ увѣренностью сказать себѣ, что онъ не
только словомъ, но и выраженіемъ глазъ, лица не выдастъ
тайны, а это въ интимныхъ отношеніяхъ главное. Тихое
наслажденіе, безъ порывовъ и даже безъ назойливости, на-
слажденіе настолько, насколько оно обусловливается обстоя-

тельствами, обстановкой,—воть идеаль, который онъ воспиталъ въ себѣ. Даже разговора о сношенихъ съ женщинами онъ не допускалъ, потому что и тутъ случайно могла прозвучать нотка, сказаться слово, которое выдало бы его.

— Женщина для меня святыня,—однажды сказалъ онъ мнѣ:—я боюсь коснуться этой святыни, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ выражениемъ не оскорбить ее. И потому храню молчаніе.

Между тѣмъ кругъ «постороннихъ» друзей все больше и больше тѣснился около него. Изъ старыхъ товарищей только я одинъ его посещалъ, но и мнѣ приходилось видѣться очень рѣдко. Это было тѣмъ болѣе досадно, что онъ, повидимому, не замѣчалъ ослабленія дружескихъ узъ. Попрежнему онъ былъ со мною привѣтливъ и ровенъ, но, очевидно, большой цѣны частымъ свиданіямъ не придавалъ. Я уже начиналь склоняться къ мысли, что во всемъ этомъ кроется глубокій эгоизмъ, но, обдумавши, пришелъ къ убѣжденію, что это—не болѣе, какъ довольство самимъ собою, своимъ положеніемъ,—довольство, при которомъ не чувствуется даже потребности въ анализѣ. Жизнь течетъ обычнымъ порядкомъ; обстановка кругомъ или измѣняется, или остается неизмѣнною—все равно «принципы» остаются истронутыми, такъ что ни съ какой стороны нѣть мѣста для тревогъ... Вотъ и достаточно.

Только обязательная служба до извѣстной степени вывела его изъ счастливаго сближенія. Къ ней онъ продолжалъ относиться съ величайшимъ нетерпѣніемъ и, отбывая повинность, выражался, что онъ каждый день приносить свою долю вреда. Думаю, впрочемъ, что и это онъ говорилъ, не анализируя своихъ словъ. Фраза эта, очевидно, была, такъ сказать, семейнымъ преданіемъ и запала въ его душу съ дѣтства въ родномъ домѣ, гдѣ всѣ, начиная съ отца и кончая деревенскими кузенами, кичились какою-то воображаемою независимостью.

Понять значеніе этой независимости было очень трудно, а доказать ее конкретнымъ дѣломъ еще труднѣе. Кажется, она въ томъ, по преимуществу, состояла, что «независимые» удалились изъ коронной службы (были цѣлые губерніи, называвшіяся «корнетскими», потому что почти сплошь всѣ помѣщики были отставные корнеты и вообще мало-чиновные люди, но зато обладавшіе хорошими материальными средствами). Отставные корнеты поселялись въ

своихъ родовыхъ гнѣздахъ, служили по выборамъ и фронтонировали, а по тогдашнему выраженію—«фыркали». Въ образѣ жизни они старались подражать псевдо-англійскимъ порядкамъ. Домашняя прислуга ходила въ ливрейскихъ фракахъ и безшумно мелькала по комнатамъ, исполняя свои обязанности; глава семейства выходилъ къ обѣду во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ; въ домѣ царствовала строгая и совершенно опредѣленная вымуштрованность, нарушенія которой не могла вызвать даже самая настоятельная необходимость, и, наконецъ, ни одинъ мѣстный чиновникъ, служившій не по выборамъ отъ дворянства, не допускался за порогъ барскихъ хоромъ. Въ то время это считалось вольнодумствомъ, и на людей, дозволявшихъ себѣ поступать такимъ образомъ, смотрѣли косо, какъ на строптивыхъ. Такъ что, въ суммѣ, вся независимость сводилась къ тому, что люди жили нелѣпою, чуть ли не юродивою жизнью, невѣдомо съ какого повода бравируя косые взгляды, которые метала на нихъ центральная власть, называя это «держаниемъ знамени».

На такую именно жизнь осужденъ былъ и Крутицынъ, но такъ какъ сѣмена ея залегли въ немъ еще съ дѣтства, то онъ не только не чувствовалъ нелѣхъ ея стороны, но, по примѣру старшихъ, видѣлъ въ ней «знамя».

Наконецъ, шестилѣтній срокъ обязательной службы истекъ, и Валерушка поспѣшилъ воспользоваться свободою. За два мѣсяца передъ окончаніемъ срока онъ уже взялъ отпускъ и собрался въ «свое мѣсто», съ тѣмъ, чтобы оттуда прислатъ просьбу объ отставкѣ. Въ то время ему минуло двадцать семь лѣтъ.

Въ день отѣзда я одинъ пріѣхалъ проводить его на дебаркадеръ мальпостовъ (желѣзная дорога до Москвы еще не существовала). Время было глухое, июнь въ концѣ; «посторонніе» друзья разѣхались по деревнямъ и за границу. Не могу сказать, чтобы сердце мое особенно сжималось въ виду предстоящей разлуки, но все-таки чувствовалось иѣ-которое томленіе. Я говорилъ себѣ, что разлука будетъ полная, что о перепискѣ нечего и думать, потому что вся сущность нашихъ отношеній замыкалась въ личныхъ свиданіяхъ, и переписываться было не о чемъ; что ежели и мелькнетъ Крутицынъ на короткое время опять въ Петербургѣ, то не иначе, какъ по дѣламъ «знамени», и врядъ ли вспомнить обо мнѣ, и что вообще врядъ ли мы не въ послѣдній разъ видимъ другъ друга.

Нечего и говорить, что ничего подобного въ мысляхъ Крутицына не было. Онъ просто уѣзжалъ, хотя, впрочемъ, искренно и крѣпко жаль мнѣ руки, благодаря за то, что я не забыть проводить его. Я помню, что въ послѣднія минуты мнѣ пришла въ голову довольно несообразная мысль. Нѣтъ, думалось мнѣ, надо, наконецъ, поставить вопросъ прямо. Намъ обоимъ по двадцати семи лѣтъ, мы шесть лѣтъ уже пользуемся свободой, а какіе результаты дала намъ эта свобода? Можемъ ли мы указать на какое-нибудь дѣло или хоть на подготовку къ нему? Имѣемъ ли мы данныхы, съ помощью которыхъ можно было бы определить характеръ предстоящаго намъ будущаго? или намъ еще долго-долго придется плыть по житейскому морю безъ вѣтрила, просто въ качествѣ «молодыхъ людей»?

Мысль эту я не преминулъ сообщить на прощанье Крутицыну:

— Вотъ намъ уже подъ-тридцать,—сказалъ я:— живемъ мы шесть лѣтъ въ школъныхъ стѣнъ, а случалось ли тебѣ когда-нибудь задаться вопросомъ: что дали тебѣ эти годы? сдѣлалъ ли ты какое-нибудь дѣло? наконецъ, приготовился ли къ чему-нибудь? Вообще, можешь ли ты дать себѣ отчетъ въ проведенномъ времени?

Онъ взглянулъ на меня удивленными глазами, точно впервые и съ неудовольствиемъ угадать во мнѣ какой-то совершенно чуждый ему «безпокойный» элементъ.

— О чёмъ ты говоришь—не понимаю!—отвѣтилъ онъ.— Какіе отчеты? какое «дѣло»? какая подготовка? Я живъ—вотъ и все.

И, подумавъ съ минуту, прибавилъ:

— А «дѣло», которое мнѣ предстоитъ, и безъ подготовки—всегда на лицо. Я съ благоговѣніемъ приму его въ свое время изъ рукъ отца и останусь вѣренъ ему до послѣдняго вздоха! Прощай.

Я угадалъ совершенно вѣро: въ перепискѣ потребности не оказалось. Къ тому же я самъ вскорѣ, вслѣдъ за Крутицынымъ, вынужденъ былъ оставить Петербургъ и удалиться вглубь провинціи. Валерушка, конечно, и не подозревалъ, что я исчезъ, и куда.

Ежели вообще даже внѣшняя перемѣна въ обычной жизненной обстановкѣ неудобно отражается на человѣческомъ существованіи, то тѣмъ тѣжелѣе дѣйствуетъ утрата отношений, имѣющихъ дружескій характеръ, особенно если

одною изъ сторонъ эта утрата принимается равнодушно. Есть даже что-то оскорбительное въ подобномъ равнодушіи, какая-то приниженнность чувствуется. Такъ было и со мною. Я называлъ навязчивостью тѣ усилия, которыя дѣлались мною съ цѣлью сохранить еле-державшуюся связь съ Крутицынымъ; я даже негодовалъ на себя, что продолжаю думать обѣ этой связи.

Впрочемъ, поѣзда въ отдаленный край оказалась въ этомъ случаѣ полезительна. Связи съ прежнею жизнью разомъ порвались; рѣдко кто обо мнѣ вспомнилъ, да я и самъ не чувствовалъ потребности возвращаться къ прошедшему. Новая жизнь со всѣхъ сторонъ обступила меня; сначала это было похоже на полное одиночество (тоже своего рода существованіе), но вспослѣствіи и люди нашлись... Вѣдь вездѣ живутъ люди, какъ справедливо гласить пословица.

О Крутицынѣ я не имѣлъ никакихъ слуховъ. Взялъ ли онъ въ руки « знамя » и высоко ли его держалъ — никому до этого дѣла въ то время не было, и ни въ какихъ газетахъ о томъ не возвѣщалось. Тихо было тогда, безмолвно; человѣкъ могъ держать « знамя » и даже въ-одиночку обѣдать во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ — никто и не замѣтить. И во фракѣ обѣдай, и въ халатѣ — какъ хочешь; послѣствія все одни и тѣ же. Даже умываться или не умываться предоставлялось личному произволенію.

Я не сомнѣвался, однако-жъ, что Валерушка устроился хорошо и не утратилъ душевнаго равновѣсія. Вѣроятно, онъ предводительствуетъ въ «своемъ мѣстѣ», думалось мнѣ, когда воспоминаніе о немъ случайно западало мнѣ въ голову. А предводительство, по его мнѣнію, само по себѣ уже есть «дѣло», которому стоять посвятить жизнь. Мало ли у предводителя обязанностей? И ходатайствовать, и настаивать, и отстаивать, и, наконецъ, «фыркать». Съ утра до вечера — сущая толчея. Такъ что когда наступить ночь, и случайно вздумаешь дать себѣ отчетъ въ прожитомъ днѣ, то не успѣшь и перечислить всего совершенного, какъ благодѣтельный сонъ уже спѣшить смежить глаза, чтобы вознаградить усталый организмъ за претерпленную дневную сутолоку.

Цѣлыхъ восемь лѣтъ я вель скитальческую жизнь въ глухомъ краю. И возлежалъ на лонѣ у начальника края, и былъ отметаемъ отъ онаго; былъ и украшеніемъ общества, и зразомъ его; и удачи, и невзгоды — все испыталъ,

что можно испытать на страже обязательной службы, среди не особенно брезгливых по служебной части коллег. Конца этому положению я не предвиделъ. Сначала дѣлалъ нѣкоторыя попытки, чтобы высвободиться, но чѣмъ дальше шелъ вглубь, тѣмъ болѣе и болѣе обживался. Даже солонину и огурцы солилъ впрокъ и вообще зажилъ своимъ домомъ, хотя быть совсѣмъ одинокъ. И теперь вспоминаю объ этомъ времени съ какимъ-то сомнѣніемъ, дѣйствительно ли оно было.

Наконецъ, искусъ кончился. Конецъ пришелъ такъ же случайно, какъ случайно пришло и начало. Я оставилъ далекій городъ точно въ забытьѣ. Въ то время тамъ еще ничего не было слышно о новыхъ вѣяніяхъ, а тѣмъ болѣе о какихъ-то ломкахъ и реформахъ. Достовѣрно было только, что чиновникамъ предоставлено, вместо прежнихъ мундировъ и вицмундировъ, носить мундирные кафтаны и вице-кафтаны. Нѣсколько сутокъ я ходилъ, не отдавая себѣ отчета, что со мной случилось и что ждетъ меня впереди. Но, добравшись до Москвы, я сразу нюхнулъ свѣжаго воздуха. Несмотря на то, что у меня совсѣмъ не было тамъ знакомыхъ, или же предстояло разыскивать ихъ, я понялъ, что Москва уже не прежняя. На Никольской появилось Чижовское подворье, на Софийскѣ — Ломакинскій домъ съ зеркальными окнами. По Ильинкѣ, Варваркѣ и вообще въ Китай-городѣ проѣзду отъ ломовыхъ извозчиковъ не было — все благовонные товары везли: стало-быть, потребность явилась.

Еще не такъ давно такъ-называемыя «машины» (органы) были изгнаны изъ трактировъ; теперь Московскій трактиръ щеголялъ двумя машинами, Новотроицкій — чуть не тремя. Отобѣдавши раза три въ общихъ залахъ, я наслушался того, что ушамъ не вѣрилъ. Говорили, что вопросъ о разрешеніи курить на улицахъ уже «прошелъ», и что затѣмъ на очереди поставленъ будетъ вопросъ о снятіи запрещенія носить бороду и усы. Говорили смѣло, рѣшительно, не опасаясь, что за такія рѣчи пригласятъ къ генераль-губернатору. Въ заключеніе желѣзный путь отъ Москвы до Петербурга былъ уже открытъ.

Хорошее это было время, гульливое, веселое. Денегъ было много, а ежели у кого и оказывалась недостача, то это значило передъ деньгами. Прыатели, на радостяхъ, охотно давали взаймы, въ трактирахъ — охотно вѣрили въ долгъ. И притомъ, много ли нужно человѣку, особливо мо-

сковскому? — рюмка, двѣ рюмки, три рюмки — вотъ опь и пьянъ. Потому что у него внутри ужъ гнѣзда заведено. А на закуску — кусочекъ хлѣба съ крошечнымъ ломтикомъ ветчины. И этого достаточно, потому что водка сама по себѣ насыщаетъ. Даже половые встрепенулись и летали по заламъ трактировъ съ сияющими лицами, довольные и счастливые, что, наконецъ, узы разорваны и наступило время настоящей «вольной» работы. И они высоко держали своего рода «знамя».

Прибавьте ко всему этому прибаутки Кокорева, его возню съ севастопольскими героями, угощенія, увеселительныя поѣздки по Николаевской желѣзной дорогѣ, кутежи въ Ушакахъ, — и согласитесь, что бѣдному провинціалу было отъ чего угорѣть.

Когда я добрался до Петербурга, то тамъ куренье на улицахъ было уже въ полномъ разгарѣ, а бороды и усы стали носить даже прежде, нежели вопросъ объ этомъ «прошелъ». Но всего болѣе занималь здѣсь вопросъ о прессѣ. Несмотря на то, что цензура не была еще упразднена, печать ужъ повысила тонъ. Въ особенности провинціальная юродивость всплыла наружу, такъ что городничіе, исправники и даже начальники края не на шутку задумались. Затѣвались новыя періодическія изданія, и въ особенности обращалъ на себя вниманіе возникавшій «Русскій Вѣстникъ». При этомъ Петербургъ завидовалъ Москвѣ, въ которой существовалъ совершенно либеральный цenzorъ, тогда какъ въ Петербургѣ цenzora все еще словно не вѣрили превращенію, которое въ ихъ глазахъ совершалось. Что касается устиности, то она была просто безпримѣрная. Высказывались такія сужденія, говорились такія рѣчи, что хоть бы въ Парижѣ, въ Бельвилль. Словомъ сказать, пробужденіе было полное, и, разумѣется, одно изъ первыхъ украшеній его составлялъ тогдашній premier атошгейхъ, В. А. Кокоревъ, который на своемъ образномъ языкѣ называлъ его «постукиваньемъ».

Петербургъ былъ переполненъ наѣзжими провинціалами. Всѣ, у кого водилась лишняя деньга, или кто имѣлъ возможность занять, — всѣ устремлялись въ Петербургъ, къ источнику. Одни приѣзжали изъ любопытства, другіе — потому, что ужъ очень забавными казались «благія начинанія», о которыхъ чуть не ежедневно возвѣщала печать; треты, наконецъ, — въ смутномъ предвидѣніи какой-то угрозы. Крутицынъ былъ тоже въ числѣ приѣзжихъ, и однажды, въ театрѣ, я услыхалъ сзади знакомый голосъ:

— А! Мельмотъ-скиталецъ! Наконецъ!..

Мы встрѣтились радушно и просто, какъ будто разстались только вчера. Крутицынъ попрежнему глядѣлъ счастливо, такъ что сразу было видно, что онъ вполнѣ доволенъ своимъ положеніемъ. На щекахъ его игралъ румянецъ, въ волосахъ — ни признака сѣдины или другого ущерба; походка такая же легкая, съ пріятнымъ перевальцемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ; нигдѣ ни малѣйшей обрюзгости и отяжелѣости; одѣтъ безъ франтовства, но безукоризненно. Вообще онъ не только не постарѣлъ, а какъ будто даже помолодѣлъ. Напротивъ того, я, судя по его словамъ, и похудѣлъ, и обрюзгъ, и постарѣлъ.

— Видно, на окраинахъ-то живется не совсѣмъ пріпывающи? — молвилъ онъ, осматривая меня.

— Что же ты не прибавляешь: самъ виноватъ! — пошутилъ я въ отвѣтъ.

— Я, голубчикъ, держусь того правила, что каждый самъ лучше можетъ оцѣнивать собственные поступки. Ты знаешь, я никогда не считалъ себя судьей чужихъ дѣйствій, — при этомъ же убѣждениіи остался я и теперь.

Я узналъ, что онъ пріѣхалъ на короткое время и остановился въ гостиницѣ. Не столько дѣлѣ привлекли его, сколько любопытство. Какія могли быть у него дѣлѣ съ бюрократіей? — конечно, никакихъ! Но для любознательности поводовъ было достаточно, и онъ не отрицалъ, что въ обществѣ проснулось нечто въ родѣ самочувствія. Не лишнее было принять это явленіе въ соображеніе, въ виду «знакомія», которое онъ держалъ, и, быть-можетъ, даже воспользоваться имъ на вицѣ преуспѣяніе излюбленныхъ интересовъ.

— Здѣсь очень забавно, — выразился онъ чуть-чуть иронически: — курятъ на улицахъ такъ, что, того гляди, сводъ небесный закоптятъ. И бороды отпустили — узнать мудрено. Одинъ Кокоревъ, съ своими героями, чего стойти! Заглядѣться можно!

— А пресса-то, пресса! — подстрекнулъ я.

— Ну, да, и пресса недурна. Что же! пускай бюрократы побезпокоятся. Вообще, любопытное время. Немножко какъ будто сумбуромъ отзывается, но... ничего! Я, по крайней мѣрѣ, не раздѣляю тѣхъ опасеній, которыхъ высказываются некоторыми изъ людей одного со мною лагеря. Нигдѣ въ Европѣ неѣть такой свободы, какъ въ Англіи, и между тѣмъ нигдѣ не существуетъ такого правильнаго теченія

жизни. Стало-быть, и мы можемъ ждать, что когда-нибудь внезапно смѣшившіеся элементы жизни размѣстятся по своимъ мѣстамъ.

Кромѣ того, я узналъ, что онъ женился. И теперь, въ Петербургѣ, онъ съ женой, но она уѣхала на вечѣръ къ сестрѣ, а онъ предпочелъ театръ.

— Хорошая у меня жена, умница!—прибавилъ онъ съ видимымъ удовольствiемъ.

— Итакъ, ты счастливъ?

— То-есть, доволенъ, хочешь ты сказать? Выраженiй, въ родѣ: «счастье», «несчастье», я не совсѣмъ могу взять въ толкъ. Думается, что это что-то пришедшее извнѣ, взятое съ бою. А довольство естественнымъ образомъ за-легаетъ внутри. Его, собственно говоря, не чувствуешь; оно само собой разливается по существу и дѣлаетъ жизнь удобною и пріятною.

Сказавши это, онъ пожалъ мнѣ руку и удалился, при чёмъ не спросилъ, гдѣ я живу, да и самъ не пригласилъ меня къ себѣ. Очевидно, довольство настолько овладѣло имъ, что онъ утратилъ даже представленiе о какомъ-либо иномъ обществѣ, кромѣ общества «своихъ».

Тѣмъ не менѣе я не утерпѣлъ и на другой же день, довольно рано, уже былъ у него.

Крутицынъ весь сияль счастьемъ,—это съ первого взгляда бросалось въ глаза. Было часовъ около одиннадцати; но и онъ, и жена его уже держали свое «знамя». Она, прелестная, свѣжая, благоухающая, сидѣла у круглого стола и разливала чай. Крутицынъ правду сказалъ: по всѣмъ ея движенiямъ, неторопливымъ и плавнымъ, видно было, что она «умница». И ъла, и пила она настоящимъ образомъ, не жеманилась, не играла ложкой, не стыдилась, какъ бы говоря: это я случайно пью чай и булку съ масломъ ъмъ, а обыкновенно я питаюсь зѣпромъ! И ъла, и пила какъ все смертные, и даже мнѣ, безъ предварительныхъ разспросовъ, налила чашку,—все какъ слѣдуетъ умницѣ. Что касается до него, то онъ, въ утреннемъ неглижѣ (*tout-à-fait correct*), помѣщался сбоку стола. Разумѣется, меня не ждали и какъ будто даже удивились, что я такъ поспѣшилъ.

— Мнѣ вчера еще Valérien говорилъ о вѣсѣ,—сказала она, когда Крутицынъ отрекомендовалъ меня:—и я очень рада познакомиться съ вами. Друзья моего мужа—мои друзья.

Я вспомнилъ подобную же сцену съ сестрою Крутицына,

и мнѣ показалось, что въ словахъ: «друзья моего мужа—мои друзья» сказалась такая же поэма. Только это одно нѣсколько умалило хорошее впечатлѣніе въ ущербъ «умницѣ», но, вѣроятно, тутъ уже былъ своего рода фатумъ, отъ котораго никакая выдержка не могла спасти.

Черезъ четверть часа «умница» скрылась въсосѣднюю комнату, и мы остались одни. Я нѣкоторое время такъ пристально глядывался въ Валерушку, что она, смеясь, замѣтилъ:

— Ты что на меня такъ странно смотришь? Что-нибудь необыкновенное примѣтилъ?

— Нѣтъ, я просто угадать хочу.

— Чѣмъ угадывать? Во мнѣ все такъ просто и въ жизни моей такъ мало осложненій, что и безъ угадываній можно обойтись. Я даже разсказать тебѣ о себѣ ничего особенного не могу. Лучше ты разскажи. Давно ужъ мы не видались, съ той самой минуты, какъ я высвободился изъ Петербурга—помнишь, ты меня проводилъ? Ну же, разсказывай: какъ ты прожилъ восемь лѣтъ? Чѣмъ предвидишь впереди..

Я рассказалъ, чѣмъ могъ, но запасъ у меня былъ не особенно обильный. Въ десять-пятнадцать минутъ все было кончено.

Въ самомъ дѣлѣ, что я оставилъ позади за тѣ восемь лѣтъ, въ продолженіе которыхъ мы не видались?—воспоминаніе о какой-то безконечно-длинной и безодержательной процедурѣ, до того однообразной, что она напоминала собой сказку о бѣломъ бычкѣ. Настолько была общеизвѣстна эта процедура, настолько всѣмъ надоѣла, что какъ только наступила благопріятная минута, всѣ взапуски спѣшили отѣлиться отъ нея, какъ отъ кошмара. Что же касается до эпизодовъ и подробностей, которые отѣняли одинъ день отъ другого, то они отзывались ужъ черезчуръ узкою специальностью и положительно никого не могли интересовать. Сегодня—слѣдствіе о вымогательствѣ, завтра—о сокрытіи, послѣ завтра—о превышеніи или бездѣйствіи, и т. д. Хвалиться, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, передъ пріятелемъ, сколько стоило труда и искусства, чтобы поймать, уличить и вообще довести, съ грѣхомъ пополамъ, какого-нибудь воришку-станового до вожделѣннаго 3-го пункта—право, не стоило. Съ другой стороны, и бесѣдоватъ о дешевизнѣ сѣѣстныхъ припасовъ было неинтересно. Какое дѣло Крутицыну до того, что въ городѣ Глазовѣ пара рябчиковъ

стоить семь копеек серебромъ? Все, что онъ можетъ сказать по поводу такихъ розсказней,—это:

— Дешевизна такъ неимовѣрна, что рябчики непремѣнно должны быть давленные, а не стрѣлянны. Во всякомъ случаѣ, ни одинъ порядочный поваръ не согласится подать давленную дичь на столъ.

— Нѣть, лучше о тебѣ будемъ говорить,—сказалъ я, истощивъ свой запасъ.

— Чѣдѣль я могу разсказать тебѣ? Какъ видишъ: жена, счастливъ; восемь лѣтъ прошли какъ сонъ.

— Голубчикъ! вѣдь восемь лѣтъ не мало времени; положимъ, для меня, съ фактической стороны, они прошли почти безслѣдно. Существованіе мое было однообразное, подневольное и ило изо-дня-въ-день въ совершенно чуждой средѣ. Но и тутъ я убѣжденъ, что еще не успѣлъ разобраться въ недавнемъ прошломъ, и что впослѣдствіи оно все-таки откликнется. Выступять наружу личности, характеристики, освѣтятся факты, подробности, а за ними появится цѣлая свита ошибокъ. Сколько окажется поводовъ для самобичеванія, для укоровъ! Какія потрясающія драмы могутъ выплыть на поверхность изъ омута мелочей, которыя настолько переполняютъ жизненную обыденность, что ни сердце, ни умъ, въ минуту совершенія, не трогаются ими! Нѣть, перемѣна, происшедшая въ моемъ существованіи, такъ еще свѣжа,—всего нѣсколько мѣсяцевъ,—что я не успѣлъ еще присмотрѣться къ прошлому и не могу дать себѣ отчета, чѣмъ оно чревато, укорами или поощреніями. На противъ, ты...

— Мнѣ кажется, что ты ужъ черезчуръ трагически смотришь на вещи...

— Ну, будетъ; дѣйствительно, я что-то некстати развитійствовался. Разсказывай же, разсказывай о себѣ: какъ жилъ, чѣдѣлалъ?

— Какъ жилъ?—ну, жилъ, и больше ничего. Признаюсь, я даже не понимаю этого вопроса, и мнѣ кажется, что, гоняясь за разрѣшеніемъ его, tu cherches midi à quatorze heures. Смутно помнится, что мы уже однажды имѣли подобный разговоръ, и я объяснился съ тобою. Но ты, по-видимому, неисправимъ. Итакъ, повторяю: я жилъ и не имѣю причины быть недовольнымъ моимъ прошлымъ. Быть-можетъ, что это происходитъ оттого, что я ничего особенаго не требую, или оттого, что сама судьба меня приголубливаетъ,—во всякомъ случаѣ, я не жалуюсь и сознаю

себя вполнѣ удовлетвореннымъ. Однажды только я испыталъ серьезное горе—это когда умеръ отецъ, которого я страстно любилъ. Но время сгладило и это горькое впечатлѣніе; у меня осталась мать, къ которой я также страстно привязанъ, и мы втроемъ живемъ душа въ душу: мама, жена и я. Жаль только, что съ сестрой приходится видѣться рѣдко, но тутъ ужъ ничего не подѣлаешь. Словомъ сказать, я живу семейно и согласно; а ежели въ домѣ царствуетъ согласіе, то и жизнь не можетъ не радовать. Достаточно это для тебя?

— Но вѣдь у тебя было дѣло? доволенъ ли ты имъ?

— И дѣло было, и надѣюсь, что и впередъ ему буду служить. И скажу безъ хвастовства, что сознательно противъ однажды усвоенной *règle de conduite* не постутиль. Держать вѣренное знамя—совсѣмъ не легкая задача, и я исполнялъ ее по мѣрѣ моихъ силъ. Я не кичился моими преимуществами, не пользовался ими въ ущербъ моимъ довѣрителямъ, не былъ назойливъ, съ полной готовностью являлся посредникомъ тамъ, гдѣ чувствовалась въ этомъ нужда, входилъ въ положеніе тѣхъ, которые обращались ко мнѣ, отстаивалъ интересы сословія вообще и интересы достойныхъ членовъ этого сословія въ частности—вотъ мое дѣло! Быть-можеть, оно не блестяще, но удовлетворяетъ меня вполнѣ. И несмотря на кажущуюся простоту, оно порядочно-таки сложно, такъ что обѣниться или опуститься мнѣ не было времени. Вѣдь не только одна тишь да гладь царствовали, а были и шороховатости. Вспомни, что въ мою компетенцію входили не одни дворянѣ, но и крестьяне. Сверхъ того, и всѣ служащіе по выборамъ... Покойный отецъ сдѣлалъ многое, чтобы нашть уѣздъ въ административномъ смыслѣ быть безупреченъ, и я шелъ по его памяти.

— Помилуй! какъ недостаточно? Напротивъ!

— Ты иронизируешь? находишь, что все это мелочи? Но что же дѣлать, если ничего болѣе крупнаго въ жизни не видится?

— То-то вотъ и есть... отчего одинъ только мелочи? Отчего положеніе вещей остается на одной точкѣ, и ни на какой осознательный результатъ указать нельзя?

— Pardon! Выраженіе «мелочи»—сорвалось у меня съ языка. Въ сущности, я отнюдь не считаю своего «дѣла» мелочью. Напротивъ. Очень жалѣю, что ты затѣялъ весь этотъ разговоръ, и даже не хочу вѣрить, чтобы онъ могъ

серъезно тебя интересовать. Будемъ каждый дѣлать свое дѣло, какъ умѣмъ,—вотъ и все, что нужно. А теперь поговоримъ о другомъ.

Мы поговорили еще минутъ десять о вчерашнемъ спектакль и разстались.

Прошло цѣлыхъ тридцать лѣтъ, наполненныхъ какою-то нестротою, въ которой трудно было отыскать руководящую нить. Эпоха «постукиванья» миновала быстро; наступило суровое, беспощадное отрезвленіе, умѣряемое случайными и не всегда мотивированными возвратами къ лучшимъ временамъ. Въ воздухѣ чуть не каждый день от тепла смѣнялась жгучимъ холодомъ, и наоборотъ; но настоящіе теплые дни перепадали рѣдко. Эти перемѣны заставляли себя чувствовать тѣмъ болѣе мучительно, что наступали внезапно и вслѣдствіе чисто-вишніхъ, случайныхъ причинъ. Явленія, имѣвшія совершенно частный характеръ, обобщались и угнетающимъ образомъ отражались на цѣломъ жизненномъ строѣ. Жилось сомнительно, безъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, безъ удовлетворенія днемъ настоящимъ. Знаѣна, которая всякий спѣшилъ выкинуть въ дни «возрожденія», вдругъ попряталась; самое представление о возрожденіи стушевалось и смѣнилось убѣжденіемъ, что ожиданіе дальнѣйшихъ развитій было бы ребячествомъ. Умы воротились къ старинной, излюбленной темѣ: какъ бы выйти неповрежденнымъ изъ сутолоки наущнаго дня. Въ прессѣ, рядомъ съ «рыбнимъ языкомъ», народился языкъ холопскій, претендовавший на смѣлость, но, въ сущности, представлявший смѣсь наглости, лести и лжи. «Улица» притихла.

Въ теченіе всего этого времени я былъ почти исключительно поглощенъ литературными занятіями. Скорбныхъ минутъ было не мало, но, по крайней мѣрѣ, поддерживалось горѣніе мысли—и за то спасибо. Всего мучительнѣе было то, что писатель не могъ опредѣлительно указать на своего читателя, такъ что голосъ его раздавался, такъ сказать, наудачу. Но, во всякомъ случаѣ, литературный трудъ самъ по себѣ представляетъ достаточно утѣшеній. Допустимъ, что на особенно плодотворные результаты разсчитывать нечего, но все-таки думается, что хоть что-нибудь, хоть штрихъ одинъ, хоть слабый звукъ—дойдетъ по адресу. Гудить и скуетъ безыменная толпа, совсѣмъ не подозрѣвая, что къ ней обращено горячее писательское слово,—и вдругъ выискивается адресатъ, который ловить это слово

на-лету... Это большое счастье, но въ то же время—надо сказать правду—и большая рѣдкость, потому что адресать робокъ и обнаруживать свои чувства не всегда считается полезнымъ.

Повторяю: результаты моей дѣятельности были сомнительны, но существовалъ самый процессъ излюбленного литературного труда, и это до извѣстной степени удовлетворяло. Настоящее слово выговаривалось съ трудомъ, но попытки сказать его все-таки существовали. Еще не утрачена была возможность полемизировать, и творцы холопскаго языка чувствовали хоть какую-нибудь узду. Съ течениемъ времени и эта возможность исчезла, и холопскій языкъ получилъ возможность всесильно раздаваться изъ края въ край, заражая атмосферу тѣніемъ и посрамляя человѣческие мозги.

Съ своей стороны Крутицынъ крѣпче, нежели когда-нибудь, держалъ свое знамя. Онъ понималъ, что плошать не слѣдуетъ, потому что въ пестрое время на первомъ планѣ стоить значеніе минуты и возможность ее уловить. Въ первый разъ пришлось ему постичь истинный смыслъ слова: «борьба», но, однажды сознавъ необходимость участія этого элемента въ человѣческой дѣятельности, онъ уже не остановился передъ нимъ, хотя, по обычаю всѣхъ ищущихъ душевнаго мира людей, принялъ его подъ другимъ наименованіемъ. Онъ называлъ борьбу отстаиваньемъ освященныхъ вѣками интересовъ и съ гордостью говорилъ, что его нельзя смѣшивать съ толпою беспокойныхъ, которая занималась отыскиваньемъ какихъ-то новыхъ общественныхъ идеаловъ и формъ. Онъ, по преимуществу, дѣйствовалъ на мѣстная правящія сферы: убѣждалъ, приглашалъ оставить опасный путь и идти обѣ руку по стезѣ благонамѣренности. Но если это не удавалось, то, выждавъ «минуту»,ѣхалъ въ Петербургъ и настаивалъ на своеемъ. И такъ какъ выбранная минута была всегда такая, когда въ извѣстныхъ сферахъ было насчетъ благонамѣренности «твердо», то жертвъ этой настойчивости оказалось не мало.

Словомъ сказать, Крутицынъ былъ доволенъ и среди «своихъ»ользовался не только популярностью, но и любовью. Несмотря на почти непреодолимыя трудности, онъ создалъ изъ своего уѣзда дѣйствительный оазисъ, въ которомъ послѣ эманципаціи ни одинъ помѣщикъ не продалъ ни пяди занадѣльной земли, въ которомъ господствовалъ преимущественно сиротскій надѣлъ, и уже зародились серьезные

задатки крупного землевладѣнія. Даже мелкія сошки кудато исчезли; остались только настоящіе столпы, кровные деревенскіе джентльмены, которые обѣдали въ своихъ семьяхъ во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Хотя въ Петербургъ онъ приѣзжалъ довольно часто, но со мной уже не видался. Повидимому, дѣятельность моя была ему не по нраву, и хотя онъ не выражалъ по этому поводу своихъ мнѣній съ обычною въ такихъ случаяхъ ненавистью (все-таки старый товарищъ!), но въ глубинѣ души навѣрное причислялъ меня къ разряду неблагонадежныхъ элементовъ.

Отъ времени до времени мы видѣлись, но исключительно въ публичныхъ мѣстахъ, вполнѣ случайно, и безъ разговоровъ расходились, пожавъ другъ другу руки. Впрочемъ, о цѣляхъ его наѣзовъ въ столицу я почти всегда зналъ. Фамилія Крутицына пріобрѣла уже значительную извѣстность и встрѣчалась въ газетахъ наравнѣ съ фамиліями самыхъ горячихъ защитниковъ интересовъ консервативной партіи. Помнится, что онъ даже кой-что пописывалъ, хотя безъ особенного успѣха. Онъ значительно измѣнилъ свои прежнія убѣжденія относительно бюрократовъ и соглашался, что при извѣстныхъ условіяхъ между интересами бюрократическими и сословными не только не существуетъ ни малѣйшей розни, но, напротивъ, первые споспѣшствуютъ вторымъ, а вторые оплодотворяютъ первые. Поэтому онъ относился съ довѣріемъ даже къ департаментскимъ столоначальникамъ. Онъ ходатайствовалъ, подавалъ записки, добивался участія въ разнообразныхъ комитетахъ и комиссіяхъ и уже не стоялъ исключительно на сословной почвѣ, но выказывалъ намѣреніе перейти на почву общегосударственную.—Сословная обезпеченность можетъ быть достигнута только при соотвѣтствующемъ устройствѣ всего государственного уклада,—настаивалъ онъ, и слова его, будучи, въ сущности, самыми ординарными общими мѣстомъ, считались мудрыми. Ему неоднократно предлагали мѣсто губернатора и даже выше, но онъ наотрѣзъ отказывался. Въ этомъ отношеніи онъ остался вѣренъ отцовскимъ «принципамъ» и находилъ, что сословная честь требуетъ неизмѣнной преданности исключительно сословному знамени.

Раза два-три я встрѣчался съ нимъ за границей, преимущественно въ Эмѣ, куда онъ отъ времени до времениѣздила (всегда въ сопровожденіи жены), чтобы подѣлиться какую-то неисправность въ легкихъ. Здѣсь, благодаря пол-

иому досугу, онъ былъ менѣе сдержанъ и охотно возвращался къ дружескимъ собесѣданіямъ. Разговоры наши, впрочемъ, не касались «зnamени», ни вообще внутренней политики, а вращались исключительно около кулинарныхъ интересовъ. Гдѣ лучше обѣдать: въ «Hôtel Vierjahreszeiten» или въ кургаузѣ? А, можетъ-быть, еще лучше — съ утра разузнавать по извѣстнымъ отелямъ: въ которомъ изъ нихъ предполагается наиболѣе подходящей обѣдъ? Крутицынъ отзывался о нѣмецкой кухнѣ не только безъ презрѣнія, какъ это дѣлаетъ большинство русскихъ гастрономовъ, но даже хвалилъ ее. И она, съ своей стороны, способствовала душевной ясности, перевариваясь легко, безъ желудочныхъ переполоховъ.

— Во всякомъ обѣдѣ найдешь два-три блюда очень приличныхъ,—говорилъ онъ:—и притомъ такихъ, отъ которыхъ не чувствуется въ желудкѣ никакой тяжести. Все здѣсь такъ устроено, чтобы питаніе, безъ ущерба въ гастрономическомъ смыслѣ, не вредило лѣченію, но, напротивъ, содѣйствовало.

— Да, голубчикъ, огражденіе интересовъ желудка — это въ своеемъ родѣ знамя,—поддакивалъ я ему.

— У насъ, гдѣ-нибудь во Владикавказѣ, непремѣнно свининой отпотчуютъ или солониной закормятъ, а здѣсь даже *tempus* въ табль-д'отахъ составляется не иначе, какъ подъ наблюденіемъ водянаго комитета.

— Да, но вѣдь и свинина вкусна?..

— Вкусна — не спорю! но въ гигієническомъ смыслѣ...

Стало-быть, и въ кулинарномъ отношеніи онъ былъ счастливъ: желудокъ въ исправности! Многіе этого блага съ дѣтскихъ лѣтъ добиваются, да такъ и сходить въ могилу съ желудочнымъ засореніемъ.

Сверхъ того, онъ былъ горячій поклонникъ Бисмарка и выражался о немъ:

— Это человѣкъ!

И въ этомъ я ему не препятствовалъ, хотя, въ сущности, держался совсѣмъ другого мнѣнія о хитросплетенной дѣятельности этого своеобразнаго генія, запутавшаго всю Европу въ какія-то невыразимыя тенёта. Но свобода мнѣній — прежде всего, и мнѣ не безъ основанія думалось: вѣдь оттого не будетъ ни хуже, ни лучше, что два русскихъ досужихъ человѣка начнутъ препираться о качествахъ человѣка, который простеръ свои длані на востокъ и на западъ, — такъ пускай себѣ...

Повторяю: наши собесѣданія были легкия, гигієничес-

скія, и Крутицынъ бытъ, повидимому, благодаренъ, что я не переношу ихъ на другую почву.

Однажды, однако-жъ, я не вытерпѣлъ и спросилъ его:

— Правда ли, что ты считаешь меня неблагонадежнымъ элементомъ?

— Mais puisque tu demandes cent milles têtes à couper!

— Фу ты!

Отвѣтъ его былъ нѣсколько приурковать, но такъ какъ онъ, видимо, былъ счастливъ, выказавъ нѣчто похожее на остроуміе, то я не возражалъ дальше. Счастье такъ счастье!—пусть выпиваетъ чашу ликованія до дна!

Нѣсколько разъ я порывался спросить его, что онъ дѣлаетъ въ «своемъ мѣстѣ», и подвинулось ли хоть на вершокъ что-нибудь, вслѣдствіе его настоящей, отстаиваній, ходатайствъ и вообще вслѣдствіе той сутолоки, которой онъ неустанно предаётся ради излюбленного «зnamени»; но, предвидя тотъ же стереотипный отвѣтъ, который и прежде слыхалъ отъ него, воздержался.

Впрочемъ, и за границей всегда такъ случалось, что постепенно наѣзжали на воды люди, связанные съ Крутицынымъ болѣе интимнымъ образомъ, нежели я, и тогда онъ незамѣтно исчезалъ для меня въ толпѣ «своихъ».

Гораздо позднѣе я узналъ, что счастье его усугубилось: онъ позналъ свѣтъ истины. Молодость уже миновала (Крутицыну было подъ шестьдесятъ), да кстати подросъ и сынъ,—у него ихъ было двое, но младшій не особенно радовалъ,—которому онъ и передаѣтъ изъ рукъ въ руки дорогое знамя, въ твердой увѣренности, что молодой человѣкъ будетъ держать его такъ же высоко и крѣпко, какъ держали отецъ и дѣдъ. Самъ же Валерьянъ Сергеичъ безповоротно заключился въ своеmъ château и исключительно предался оѣѣнившему его душевному обновленію. Сначала онъ отдался спиритизму, потомъ сдѣлался ревностнымъ редстокистомъ, а, наконецъ, и самъ началъ кой-что придумывать. Сложится у него въ головѣ какой-нибудь произвольный афоризмъ—онъ и исповѣдуетъ его, не останавливаясь передъ самыми крайними выводами. Разсказывали, что по вечерамъ въ обширномъ залѣ его château собирались домочадцы, начиная отъ жены, дѣтей, гувернантокъ и боннь и кончая низшей прислугой. Ставился аналой Крутицынъ надѣвалъ черную ряску, выбиралъ главу изъ египетчія и толковалъ ее, разумѣется, въ смыслѣ излюбленаго афоризма. Толкованія эти продолжались часъ и

два; слушатели, конечно, не прекословили, а только вздыхали. И онъ былъ счастливъ безмѣро.

Въ эпохи нравственнаго и умственнаго умаленія, когда реальное дѣло выпадаетъ изъ рукъ, подобныя фантасмагоріи совершаются нерѣдко. Не находя удовлетвореній въ дѣйствительной жизни, общество мечется наудачу и въ изобиліи выдѣляетъ изъ себя людей, которые съ жадностью бросаются на призрачныя выдумки и въ нихъ обрѣтаются душевный миръ. Ни споры, ни возраженія тутъ не помогаютъ, потому что, повторю, въ самой основѣ новоявленныхъ вѣроученій лежитъ не сознательность, а призрачность. Нуженъ душевный миръ—и только.

Нельзя даже съ увѣренностью сказать, какъ относятся сами выдумщики афоризмовъ къ своимъ выдумкамъ: признаютъ ли они себя способными поддержать ихъ, или послѣднія приходятъ къ нимъ случайно и принимаются исключительно на вѣру. Скорѣе всего, въ этихъ случаяхъ наиболѣе рѣшительнымъ образомъ вліяетъ безпріютность жизни, умственная расшатанность и полное отсутствіе реальныхъ интересовъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, безсрочно удовлетворяться культомъ какого-то «знамени», которое и само по себѣ есть не что иное, какъ призракъ, и продолжительное обращеніе съ которымъ можетъ служить только въ смыслѣ подготовки къ другимъ призракамъ. Поэтому переходъ отъ «знамени» къ спиритизму, редстокизму и къ исповѣданію такихъ истинъ, какъ «ушки выше лба не растутъ» или «терпѣніе все преодолѣваетъ», вовсе не такъ несостыденъ, какъ это кажется съ первого взгляда...

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Крутицынымъ недавно. Я былъ уже во власти неизлѣчимаго и тяжкаго недуга, какъ онъ совершенно неожиданно навѣстилъ меня.

Прѣѣхалъ онъ въ Петербургъ по крайнему случаю. Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ страшное горе: у него застрѣлился младшій сынъ, прекрасный и многообѣщавшій юноша, которому едва минуло восемнадцать лѣтъ.

Молодой человѣкъ не успѣлъ еще сойти со школьнай скамьи, а въ существованіе его уже закралась двойственность. Повидимому, онъ не такъ легко, какъ отецъ и старшій братъ, принималъ на вѣру розсказни о свойствахъ «знамени», и та обязательность, съ которой послѣднія принимались въ родной семье, сильно смущала его. Самъ ли онъ дошелъ до какихъ-то неясныхъ сомнѣній, или былъ

паведенъ на нихъ постороннимъ вліяніемъ,—во всякомъ случаѣ, въ немъ совершился внезапный и рѣзкій переломъ. Онъ рано началъ анализировать свою жизнь, рано сталъ взглядываться въ ожидавшее его будущее, такъ что въ ту цвѣтущую пору, когда испытываются одни радованія жизни, онъ былъ уже угрюмъ и нелюдимъ. За нѣсколько дней до катастрофы, онъ окончательно задумался и затосковалъ. Приходя по праздникамъ къ сестрѣ, онъ невинопадъ отвѣчалъ на дѣлаемые ему вопросы, забивался въ уголъ и молчалъ. Страшно подумать, что въ восемнадцать лѣтъ жизни можетъ оностылѣть и привести юношу исключительно къ тому, что онъ думаетъ только о томъ, какъ бы поскорѣе покончить расчеты съ нею. Но въ наше время господства призраковъ и этотъ безиоцадный призракъ перестасть казаться противоестественнымъ. Скука и душевное утомленіе такъ велики, что даже возможность иныхъ, болѣе радужныхъ перспективъ въ будущемъ искушасть очень слабо. Лёвша Крутицынъ былъ мальчикъ нервный и впечатлительный; онъ не выдержалъ передъ мыслью о предстоящей семейной разноголосиѣ и поспѣшилъ произнести судъ надъ укоренившимся въ семье преданіями, пославъ себѣ вольную смерть.

Старикъ Крутицынъ глубоко измѣнился, и я полагаю, что перемѣна эта произошла въ немъ именно вслѣдствіе ностигшаго его горя. Онъ погнулся, волочилъ ногами и часто вздрагивалъ; лицо осунулось, глаза виали и были мутны; волосы въ беспорядкѣ торчали во всѣ стороны; нижняя губа слегка обвисла и дрожала.

— Здоровья тебѣ принесъ!—сказалъ онъ мнѣ, стараясь прибодриться:—еще не все для тебя кончено.

Онъ сѣлъ противъ меня, взялъ мои руки и, не выпуская ихъ, долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ глаза. И я увѣренъ, что въ эти минуты прошлое всецѣло пронеслось передъ нимъ, и онъ любилъ меня искренно, горячо.

Мы оба молчали. На этотъ разъ, впрочемъ, молчаніе было содергательнѣе, нежели самый содергательный разговоръ.

Наконецъ, вдоволь насмотрѣвшись, онъ всталъ и произнесъ:

— Ты, помнится, въ былое время спрашивалъ меня о результатахъ, какихъ я достигъ. Результаты—вотъ они! Дряхлая развалина и погибшій сынъ!

Съ этими словами онъ безнадежно-тоскливо покачалъ головой и, пошатываясь, пошелъ изъ комнаты.

Больше мы не видались.

V.

ИМЯРЕКЪ.

О, поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?..

Конецъ жизненнаго пути приближается... Онъ уже явственно мелькаетъ впереди, подобно тому, какъ передъ глазами путника, вышедшаго изъ лѣсной чащи, мелькаетъ сквозь рѣдколѣсье деревенское кладбище, охваченное рѣшѣмъ смерти.

Имярекъ умираетъ.

Праородитель, лежа въ проказѣ на гноищѣ, у воротъ города, который видѣлъ его могущество, богатство и силу, навѣрное не страдалъ такъ сильно, какъ страдалъ Имярекъ, прикованный недугомъ къ покойному креслу, передъ письменнымъ столомъ, въ тепломъ кабинетѣ. Другія времена, другіе иравы, другія лѣсны.

Во-первыхъ, гноище въ то время совсѣмъ не представлялось такъ страшнымъ, какъ мы его живописуемъ. Вѣроятно, это было иѣчто въ родѣ больницы. Заболѣвать кто-нибудь проказой (тогда и болѣзней другихъ не было, промѣ проказы):—«ахъ, несите его поскорѣе на гноище!»— Снесутъ и предоставляютъ выздоравливать или умирать— какъ знаешь. Напротивъ того, нынче даже въ Калининскую больницу умирать не всякий идетъ. Гноищемъ сдѣлалась собственная квартира умирающаго, со всѣми удобствами и приспособленіями и даже съ сестрой милосердія для ухода. И за всѣмъ тѣмъ, это новое удобное гноище представляется намъ еще болѣе нестерпимымъ, нежели представлялось прародителямъ ихъ старое гноище.

Во-вторыхъ, не отъ одного развитія вкусовъ и требованій зависитъ увеличеніе суммы страданій, но и отъ того, что сами страдающіе организмы существенно измѣнились.

Праородитель имѣть организмъ первоначальный, непочатый; онъ не зналъ, что такое первы, какія бываютъ бо-

лѣзни сердца, катарры легкихъ и т. п. Стало-быть, физические боли были легче переносимы, нежели теперь. Но въ особенности было для него выгодно отсутствіе болей нравственныхъ, отъ которыхъ его спасаль присущій древнему міросозерцаню законъ предопредѣленія. Напротивъ того,—Имярекъ весь состоялъ изъ нервовъ; болѣзнь его заключалась въ нервномъ потрясеніи всего организма, осложненнюмъ и болѣзниу сердца, и катарромъ легкихъ, и проч. Словомъ сказать, цѣлая энциклопедія самыхъ жгучихъ болей поселилась въ немъ, держала скованнѣмъ и неотвязчиво сопровождала изо-дня-въ-день. Прадородитель могъ отлежаться на гноищѣ; придутъ городскіе псы, залижутъ его раны—вотъ онъ и опять на ногахъ. Опять родной городъ дѣлается свидѣтелемъ его могущества, богатства и силы—до новой проказы. Имярекъ ничего подобнаго въ будущемъ не провидѣлъ, потому что и псовъ такихъ нынѣ нѣтъ, которые могли бы зализать тѣ раны, которыми онъ страдалъ. Правда, лампада его жизни еще не угасла, но она и не горѣла, а только чадила. Долго ли будетъ она продолжать чадить—этого онъ опредѣлить не могъ; но, по размышенію, оказывалось, что гораздо было бы лучше, если бы процессъ этотъ кончился какъ можно скорѣе.

Въ-третьихъ, прадородитель вѣрилъ въ свою невинность и могъ утѣшать себя этимъ. «Мени, по крайней мѣрѣ, то облегчаетъ,—говорилъ онъ себѣ,—что я невиненъ!» Имярекъ вообще не признавалъ ни виновности, ни невиновности, а видѣлъ только известнымъ образомъ сложившееся положеніе вещей. Это положеніе было результатомъ цѣлой хитросплетенной сѣти фактovъ, крупныхъ и мелкихъ, разобраться въ которыхъ было очень трудно. Многіе изъ этихъ фактovъ прошли незамѣченными, многіе позабылись и, наконецъ, большинство хотя и было на виду, но спряталось такъ далеко и въ такихъ извилинахъ, что восстановить ихъ въ строгой логической послѣдовательности даже свободному отъ недуговъ человѣку было не легко. Чтобы измѣнить одну юту въ этомъ положеніи вещей, надо было употребить громадную массу усилий, а кромѣ того требовалась и масса времени. Цѣлую такую же жизнь нужно было мысленно пережить, да и то, собственно говоря, существеннаго результата едва ли бы можно было достигнуть. Нанесенное, въ минуту грубой запальчивости, физическое оскорблѣніе такъ и осталось бы физическимъ оскорблѣніемъ; сдѣланный въ незапамятныя времена пошлый поступокъ

такъ и остался бы пошлымъ поступкомъ. Просто, рядъ обусловленныхъ фактovъ. А для прародителя даже фактovъ не существовало: до такой степени все въ его жизни было естественно, цѣльно, плавно и невинно.

Въ-четвертыхъ, прародитель надѣялся, что явится въ свое время «вихрь» и разнесетъ всѣ недоразумѣнія, жертвою которыхъ онъ палъ. Онъ самъ не разъ былъ свидѣтелемъ появленія подобныхъ вихрей, видаль ихъ собственными глазами. Имярекъ, воспитанный въ идеяхъ современного вольномыслія (не єнъ одинъ, а всѣ въ этихъ идеяхъ воспитаны), относился къ «вихрямъ» равнодушно, не помнилъ, чтобы когда-нибудь видѣть ихъ, а потому и надѣяться на ихъ появленіе не могъ. Онъ зналъ, что въ условленный часъ придется докторъ и что-нибудь пропишеть. Настоящимъ образомъ это прописанное не избавитъ его отъ страданій, но сдѣлаетъ послѣднія менѣе жгучими, дастъ возможность дождаться слѣдующаго дня. На слѣдующій день Имярекъ получить другое средство, которое поможетъ дождаться еще слѣдующаго дня, и т. д. Вечеромъ, ложась спать, онъ будетъ думать: «черезъ семь часовъ опять утро, опять удручающій кашель, опять лѣкарство—хоть бы семью часовъ спокойно проспать!» Утромъ, вставая съ постели, будетъ думать: «Вотъ и утро наступило! Ахъ, если бы поскорѣе оно прошло!» Затѣмъ—цѣлый день одиночества, унынія, тоски и, наконецъ, опять ночь. Зачѣмъ всѣ эти утра, дни и ночи смѣняютъ другъ друга? Чѣмъ дальше? Все это такие вопросы, которые прародителю и во снѣ не снились. А между тѣмъ въ нихъ-то именно и замыкается все мученіе потухающей жизни.

Имярекъ мало-по-малу вступилъ въ тотъ фазисъ болѣзпеннаго существованія, когда людямъ здороваго мїра представляется возможнымъ и даже естественнымъ оказывать человѣку всякаго рода пренебреженіе. Можно помнить о немъ, но можно и забыть; можно интересоваться его положеніемъ, но можно и не интересоваться; можно навѣстить его, но можно и не навѣстить. Самъ по себѣ человѣкъ утрачиваетъ всякую цѣну или сохраняетъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой это удобно для того или другого лица. Идти мимо старый знакомый, гуляетъ:—«А чѣмъ, не зайти ли?»—и зайдеть.

— А вы какъ будто похудѣли?

— Еще бы! Сколько времени не видались!

— Представьте себѣ, а мнѣ кажется, точно вчера я

васъ видѣлъ! Но при этомъ я долженъ сказать, что бывалъ бы у васъ чаще, да боюсь беспокоить!

— Ну, чтò ужь...

— Да, похудѣли-таки вы. А все-таки, сравнительно съ прошлымъ годомъ—помните?—большой и даже очень большой успѣхъ! Ну, прощайте, я тороплюсь!

Возьметь шляпу и уйдетъ. Но иногда и воротится.

— Да, чуть не забылъ вамъ разскaзать, что у насъ въ сферахъ дѣлается... Умора!

— Не интересуетъ это меня.

— Не интересуетъ? Напрасно! Это въсъ развлекало бы, дало бы пищу для вашей наблюдательности. Ну, такъ прощайте. Я, въ самомъ дѣлѣ, тороплюсь.

Метеоръ промелькнулъ и исчезъ. Только очень немногие продолжаютъ видѣть въ Имярекѣ человѣка, болѣе нежели когда-либо нуждающагося въ сочувствии. Но и у этихъ немногихъ дѣлѣ. Дѣлѣ загромоздили весь досугъ; не осталось ни одной свободной минуты. Онъ одинъ, Имярекъ, совсѣмъ свободенъ; для него одного предоставленъ безконечный досугъ, формулируемый словами: забвѣніе, скука, тоска.

На дворѣ конецъ ноября, но зимы еще нѣть. День продолжается всего четыре часа, да и то мутный, наводящій уныніе. Въ третью часу зажигаютъ огни, а вмѣстѣ съ ними обостряется и тоска. Всѣ боли чувствуются вдвойнѣ; несмотря на безусловный покой, организмъ пораженъ усталостью. Пробуждается память прошлаго, припоминаются недавнія связи, недавнія возможность передвиженія, участія въ жизни. Встаютъ обиды, подозрительность, опасенія... Въ сущности, положеніе и безъ того безнадежно, но кажется, что завтра ему предстоитъ сдѣлаться еще болѣе безнадежнымъ. До какихъ поръ дойдетъ это ухудшеніе? Ужели до гноища?

Въ безконечные зимніе вечера, когда блесковатыя сумерки для смѣняются черною мглою ночи, Имярекъ невольно отдается осаждающимъ его думамъ. Одиночество или, точиѣ сказать, оброшенность, на которую онъ обреченъ, заставляетъ его обратиться къ прошлому, къ тѣмъ явленіямъ, которыхъ кружились около него и давили его своею массою. Чѣмъ тамъ такое было? Къ чѣму стремились люди, которые проходили передъ его глазами, чего они достигали?

Въ отвѣтъ на эти вопросы, куда онъ ни обращалъ свои взоры, всюду видѣлъ мелочи, мелочи и мелочи... Сколько-ин

припоминаль существований, вездѣ навстрѣчу ему зіяло безсмысленное слово: «вотще», которое разъевало окресть омертвѣніе. Жизнь стремилась въ даль безъ намѣченной цѣли, принося за собой не осязательные результаты, а утомленіе и измученность. Словомъ сказать, это была не жизнь, а особаго рода косность, наполненная призрачною суетою, которой только ради установившагося обычая присваивалось наименование жизни.

Портретная галлерея, выступавшая впередъ по поводу этихъ припоминаний, была далеко не полна, но дальніе идти и надобности не предстояло. Сколько бы обличковъ ни выплыло изъ пучины прошлаго, всѣ они были бы на одно лицо, и разницу представили бы лишь подиши. Но не въ томъ сущность вопроса, что одна разновидность изнемогаетъ по-своему, а другая по-своему, а въ томъ, что всѣ онъ одинаково только изнемогаютъ и одинаково тратятъ свои силы около крохъ и мелочей.

Старцы и юноши, люди свободныхъ профессій и люди ярма, люди бѣлой кости и чернъ—все кружится въ одномъ и томъ же омутѣ мелочей, не зная, что собственно находится въ концѣ этой неусыпающей суеты, и какое значеніе она имѣеть въ экономіи общечеловѣческаго прогресса.

Такова была среда, которая охватывала Имярека съ молодыхъ ногтей. Живя среди массы людей, изъ которыхъ каждый устраивался по-своему, онъ и самъ подчинялся общему закону разрозненности. Вмѣстѣ съ другими остановливается въ недоумѣніи передъ задачами жизни и не безъ унынія спрашивалъ себя:—ужели общее дѣло жизни въ томъ и состоитъ, что оно для всѣхъ одинаково отсутствуетъ?

Да, именно только въ этомъ. Разрозненность и отсутствіе живаго дѣла, какъ содержаніе жизни; одиночество и оброшенность—какъ вѣнецъ ея.

Гдѣ же найти основы для общежитія? Откуда взяться элементамъ для жизненныхъ результатовъ, для прогресса?

Гнетомый этими мыслями, Имярекъ ближе и ближе всматривался въ свое личное прошлое и спрашивалъ себя: что такое «другъ» и «дружба» (этотъ вопросъ занималъ его очень живо—и какъ элементъ общежитія, и въ особенности потому, что онъ слишкомъ близко былъ связанъ съ его настоящимъ одиночествомъ)? Чѣмъ представляется его собственная, личная жизнь? Въ чёмъ состояли идеалы, которыми онъ руководился въ прошломъ? и т. д.

Были ли когда-нибудь у него друзья? Кажется, что-то

въ родѣ этого было. По крайней мѣрѣ, онъ помнить себя въ кругу живыхъ людей, связанныхъ съ нимъ общимъ трудомъ, общими жизненными волненіями. Даже теперь, въ томъ безусловномъ затишьѣ, которое охватило его со всѣхъ сторонъ, передъ нимъ вставали картины веселыхъ собесѣданій и прочихъ упражненій, неразлучныхъ съ дружествомъ. Но этого мало: по временамъ прорывались и другіе, болѣе тонкіе, признаки дружества: выраженіе сочувствія къ его дѣятельности, образу мыслей, требованіе совѣта, постановка тревожащихъ совѣсть вопросовъ... Ужели этого не достаточно, чтобы наполнить самое широкое опредѣленіе дружества?

Но, постепенно погружаясь въ болѣзnenный мракъ, онъ мало-по-малу сталъ разбираться въ хаосѣ понятій, большая часть которыхъ принимается и усваивается почти безъ всякой критики. Прежде всего онъ отдалъ выраженія нравственнаго и умственнаго сочувствія, и рѣшилъ, что это явленіе совѣтъ другого порядка, очень рѣдко соединяющеся съ понятіемъ о дружбѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно установилось для средняго уровня человѣческой жизни. Выраженія сочувствія могутъ радовать (а, впрочемъ, иногда и растревожить открытые раны напоминаніемъ о безсиліи), но они ни въ какомъ случаѣ не помогутъ тому интимному успокоенію, благодаря которому, покончивши и съ дѣятельностью, и съ задачами дня, можешь сказать: «Ну, слава Богу! я покончилъ свой день въ мирѣ!» Такую помощь можетъ оказать только «дружба», съ ея предупредительнымъ вниманіемъ, съ обильнымъ запасомъ общихъ воспоминаній изъ далекаго и близкаго прошлаго,—однимъ словомъ, съ тѣмъ несложнымъ арсеналомъ теплаго участія, который не даетъ обильной духовной пищи, но несомнѣнно действуетъ ублажающимъ образомъ. Но что же, въ сущности, означаютъ выраженія: «другъ», «дружба»?

Обращаясь къ фактамъ, Имярекъ пришелъ къ убѣженію, что у насъ, по крайней мѣрѣ, дружба имѣть подкладку по преимуществу материальнаго свойства. Друзья должны быть, прежде всего, здоровы, веселы, хлѣбосольны. А тонкій вкусъ въ юдѣ и въ винахъ, умѣніе рассказывать анекдоты, оживлять общество легкой бесѣдой—скрѣпляютъ дружбу и сообщаютъ ей оттѣнокъ присутствія нѣкотораго подобія мысли. Еще болѣе скрѣпляютъ дружбу взаимныя одолженія. Н. помогъ Т. проникнуть въ какое-то учрежденіе; взамънъ того, Т. помогъ Н. купить по случаю пару лошадей. С.

сбѣгаль для Ф. за справкой въ управу благочинія; Ф. за такой же справкой для С. въ коммерческій судь. Никакого «образа мыслей» тутъ не нужно; напротивъ, «образъ мыслей» только мѣшаетъ, производить расколъ, раздоръ, смуту.

Обыкновенно «дружба» начинается такъ. Встрѣчаются X. и Z. въ первый разъ у случайнаго знакомаго,—положимъ, хотя за обѣдомъ. X. въ этотъ день особенно въ ударѣ. Онъ сыплетъ остроуміемъ, разсказываетъ анекдоты, изъ которыхъ иные даже совсѣмъ новые. Хозяйка дома млѣтъ отъ ликованія; Z. превратился весь въ слухъ, даже ротъ разинулъ. Никогда время не шло такъ быстро, никогда обѣдъ не былъ такъ оживленъ. Хозяинъ мысленно говорить про X.: «вотъ настоящій другъ!» Z. даетъ себѣ слово сойтись съ X. и залучить его на свои субботніе обѣды. На этихъ обѣдахъ тоже весело, даже «сцены изъ народнаго быта» рассказываютъ,—но все-таки не то, чтѣ нынче. И вотъ, улучивъ послѣ обѣда минуту, Z. подходитъ къ X.:

— Очень пріятно было бы познакомиться,—говорить онъ.

— Что-жъ, познакомимтесь.

— У меня по субботамъ обѣды бывають, такъ вотъ... Впрочемъ, я надѣюсь на-дняхъ лично быть у васъ. Надѣюсь, что и жены наши...

— Что-жъ, и жень одной веревочкой свяжемъ!—шутить X., уже провидя въ Z. будущаго друга.

Обмѣнялись визитами, сперва сами, потомъ жены, а на-канунѣ одной изъ ближайшихъ субботъ X. получаетъ отъ Z. записку:

«Не приѣдете ли завтра откупнать запросто? Будутъ: тайный совѣтникъ Стрекоза, сенаторъ Чистописцевъ, нашъ общий другъ Сермягинъ и Иванъ Федоровичъ Горбуновъ. Дамъ не будетъ, кромѣ жены, которая никого не стѣснить. Обѣдаемъ въ 6 часовъ».

Уже съ самой закуски начинается «дружба». Закуска великолѣпная. Свѣжая икра, янтарный балыкъ, страсбургскій паштетъ, сырь, сельди, грибы, рыжички... Но недостаетъ... семги! X. всего отвѣдывается, а нѣкотораго даже по два раза, но чувствуетъ, что чего-то недостаетъ. И, сознавая себя уже «другомъ», безъ церемоніи обращается къ хозяину:

— Прекрасная у васъ икра, да и вообще закуска... Но кабы ваша милость была сѣмужкой попотчивать...

— Семги!—восклицаетъ встревоженный хозяинъ и съ нѣмымъ укоромъ смотрить на жену.—Эй, Родивонъ! живо!

Таковы начальныя основания истинной «дружбы».

Отдается приказание, бѣгутъ сломя голову въ ближайшую бакалейную лавку—и черезъ пять минутъ семга уже на столѣ. Сочная, розовая, тающая... масло! Словомъ сказать, сразу пріобрѣтается для дружбы такой фундаментъ, котораго никакіе ураганы не разрушать!

Были ли у Имярека такие друзья? Быть ли онъ самъ такимъ другомъ? Конечно, былъ, но чего-то какъ будто недоставало. Быть-можеть, именно сѣмужки. Онъ былъ когда-то здоровъ, но никогда настолько, чтобы быть настоящимъ другомъ. Онъ бывалъ и веселъ, но смиль не настолько, сколько требуется отъ «друга». Анекдотъ онъ совсѣмъ не зналъ, гастрономъ не быть, въ винахъ пониманія очень мало. Жить какъ-то особнякомъ, имѣть «образъ мыслей» и даже въ манерахъ сохранилъ нѣчто рѣзкое, несвойственное съ дружелюбiemъ.

Ясно, что если бы и могли, при такихъ условiяхъ, образоваться зачатки дружбы, то они не долго бы устояли въ виду такого испытанія, какъ тяжелая, безнадежная болѣзнь.

— Ну-съ, прощайте! Тороплюсь! — повторялъ онъ мысленно обычный посѣтительскій припѣвъ, и это было самое большее, на что онъ могъ въ настоящее время разсчитывать, съ точки зрѣнія дружества.

Говорить, будто и умственный интересъ можетъ служить связующимъ центромъ дружества; но, вѣроятно, это водится гдѣ-нибудь индѣ, на «теплыхъ водахъ». Тамъ существуетъ общее дѣло, а, стало-быть, есть и присущій ему общий умственный интересъ. У насть все это въ зачаточномъ видѣ. У насть умственный интересъ, лишенный интереса бакалейнаго, представляется символомъ угрюности, безнокойного права и отчужденности. Понятно, что и дружелюбие наше не можетъ имѣть иного характера, кромѣ бакалейнаго.

Затѣмъ Имярекъ подвергалъ анализу самую жизнь свою. Была ли эта жизнь такова, чтобы притягивать къ себѣ людей даже въ годину испытанія? Въ чёмъ состояло ея содержаніе?

Какіе она дала результаты?

Увы! на всѣ эти вопросы онъ могъ дать отвѣты очень и очень сомнительного свойства...

Жизнь его была заурядная, сѣрая жизнь человѣка, отдавшаго себя извѣстной специальности. Онъ былъ писатель по природѣ (съ самыхъ юныхъ лѣтъ онъ тяготѣлъ къ лите-

ратурѣ), но ничего выдающагося не произвель и не «жегъ глаголомъ сердца людей». Правда, что въ каждой строкѣ, нынѣ написанной, звучало убѣжденіе,— такъ, по крайней мѣрѣ, ему казалось,— но убѣженіе это, привлекая къ нему симпатіи однихъ, въ то же время возбуждало ненависть въ другихъ. Симпатіи утопали въ глубинахъ читательскихъ массъ, не подавая о себѣ голоса, а ненависть металась воочію, громко провозглашная о себѣ и посылая навстрѣчу угрозы. Около ненависти группировалась и обычнаѧ апатія средняго человѣка, который не умѣеть ни любить, ни ненавидѣть, а поступаетъ сть такимъ разсчетомъ, чтобы въ его жизнь не вкрадлось недоумѣніе или неудобство. Такое сомнительное содержаніе жизни Имярека должно было дать и соотвѣтственные результаты. А именно: въ смыслѣ общественнаго вліянія—полная неизвѣстность; въ смыслѣ личной жизни—оброшенность, пренебреженіе, почти поруганіе.

Имярекъ приомниаль имена лицъ, бывшихъ когда-то близкими ему,— и почти всюду встрѣчалъ хоть намеки на обстановку. Его же личная обстановка имѣла название: оброшенность. Да, есть извѣстная категорія дѣятелей (литературныхъ и иныхъ), которые никакого другого результата и достигнуть не могутъ. Недаромъ Некрасовъ называлъ «блаженнымъ» удѣль незлобиваго поэта, но и недаромъ онъ предпочелъ остаться вѣрнымъ «музѣ мести и печали». Послѣдняя вносить въ жизнь извѣстный ореоль, который самой оброшенности можетъ сообщить характеръ гордости и силы. Но вѣдь на повѣрку все-таки выходитъ, что человѣкъ, даже осіянный ореоломъ, не перестаетъ быть обыкновеннымъ среднимъ человѣкомъ и въ концѣ концовъ пишетъ теплого дружескаго слова, пожатія дружеской руки. Отсутствіе этихъ признаковъ среднечеловѣческаго существованія дѣйствуетъ такъ удручающе, что многихъ, несомнѣнно сильныхъ, заставляетъ отступать.

Къ счастію, Имярекъ, по самой природѣ своей, по всему складу своей жизненной дѣятельности, не могъ не оставаться вѣрнымъ той музѣ, которая, однажды озаривъ его существованіе, уже не оставляла его. У него и другихъ словъ не было, кромѣ тѣхъ, которыя охарактеризовали его дѣятельность, такъ что если бы онъ даже хотѣлъ сказать иѣчто иное, то запутался бы въ своихъ усиленіяхъ. Одного бы ге доказать, въ другомъ перешелъ бы за черту и въ концѣ концовъ еще болѣе усилилъ бы раздраженіе.

Какие же были идеалы, которые онъ лейтѣлъ въ теченіе

своей жизни? Увы! Въ этомъ отношеніи онъ развивался очень медленно и трудно.

Еще въ ранней молодости онъ уже былъ идеалистомъ; но это было скорѣе сонное мечтаніе, нежели сознательное служеніе идеаламъ. Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ, но, въ сущности, смѣшивалъ въ одну кучу и сенъ-симонизмъ, и икаризмъ, и фурьеризмъ, и скорѣе всего примыкалъ къ сенъ-симонизму. Въ особенности его пленяла Жоржъ-Зандъ въ своихъ первыхъ романахъ. Онъ зачитывался ими до уточненія, находилъ въ нихъ неисчерпаемый источникъ той анонимной восторженности, которая чаще всего лежитъ въ основаніи юношескихъ вѣрованій и стремлений. Были слова (добро, истина, красота, любовь), которые производили чарующее дѣйствіе, которыхъ онъ готовъ былъ повторять безчисленное множество разъ, и слушая которыхъ былъ безконечно счастливъ. Если бы отъ него потребовали наполнить эти слова содержаніемъ, онъ удивился бы—до того они представлялись ему несомнѣнными и обязательными, до того его прельщала самій звукъ ихъ.

Но, повторяю, это было лишь сонное видѣніе, которое, впрочемъ, не мѣнило жить, «какъ другое живутъ» (дѣло было въ самый разгаръ крѣпостного права и обязательной бюрократической дѣятельности), и которое разсѣялось при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительностью. Столкновеніе это не замедлило.

По обстоятельствамъ, онъ вынужденъ быть оставить среду, которая воспитала его радужныя сновидѣнія, товарищей, которые вмѣстѣ съ нимъ предавались этимъ сновидѣніямъ, и поселиться вглубь провинціи. Тамъ прежде всего его встрѣтило совершенное отсутствие сновидѣній, а затѣмъ въ его жизнь шумно вторглась цѣлая масса мелочей, съ которыми волей-неволей приходилось считаться.

Юношеский угаръ соскользнулъ быстро. Понятіе о злѣ сузилось до понятія о лихомиствѣ, понятіе о лжи—до понятія о подлогѣ, понятіе о правственномъ безобразіи—до понятія о безпробудномъ пьянствѣ, въ которомъ погрязало мѣстное чиновничество. Вмѣсто служенія идеаламъ добра, истины, любви и проч.—предсталъ идеалъ служенія долгу, буквѣ закона, принятому обязательствамъ и т. д.

Отдѣлять ли въ то время Имѣрекъ государство отъ общества—онъ не помнить; но помнить, что подкладка, осѣвшая въ немъ вслѣдствіе недавнихъ сновидѣній, не совсѣмъ еще была разорвана, что она оставила по себѣ два суще-

ственныхъ пункта: быть честнымъ и поступать такъ, чтобы изъ этого выходила наибольшая сумма общаго блага. А чтобы облегчить достиженіе этихъ задачъ на аренѣ обязательной бюрократической дѣятельности, — явилась на помощь и цѣлая своеобразная теорія.

Сущность этой теоріи заключалась въ томъ, чтобы практиковать либерализмъ въ самомъ капищѣ антилиберализма. Съ этою цѣлью предполагалось намѣтить покладистое вліятельное лицо, прикинуться сочувствующимъ его преднарочтаніямъ и начинаніямъ, сообщить послѣднимъ легкій либеральный отг҃ынокъ, какъ бы исходящий изъ иѣдръ начальства (всякій мало-мальски учитивый начальникъ не прочь отъ либерализма), и затѣмъ, взявъ облюбованный субъектъ за носъ, водить его за онъ. Теорія эта, въ шутливомъ русскомъ тонѣ, такъ и называлась теоріей вожденія вліятельного человѣка за носъ, или, учитивѣе: теоріей приведенія вліятельного человѣка на правый путь.

Въ оправданіе этой теоріи приводилось то соображеніе, что вся исторія русскаго прогресса шла именно такимъ путемъ. Либераль прикидывался выполняющимъ преднарочтанія и затѣмъ сообщалъ этимъ преднарочтаніямъ тотъ смыслъ, который признавался наиболѣе полезнымъ. Не нужно дразнить,—напротивъ, нужно стлаживать. Не нужно выставлять впередъ свою иниціативу, а, напротивъ, дѣлать видъ, что самъ проникаешься начальственnoю иниціативой. Тогда мало-по-малу образуется въ облюбованномъ человѣкѣ привычка либерализма, исчезнетъ страхъ передъ либеральными словами — и въ результатѣ получится прогрессъ.

Все въ этой теоріи казалось такъ ясно, удободостижимо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ изобильно непосредственными результатами, что Имярекъ всецѣло отдался ей. Провинція опутала его сѣтями своей практики, которая даже и въ наши дни удѣляетъ не слишкомъ много мѣста для идеаловъ иной категоріи. Идеаль вожденія за носъ быть какъ разъ ей по плечу. Онъ не требуетъ ни борьбы, ни душевнаго горѣнія, ни жертвъ — одной только ловкости.

Имярекъ ничего этого не замѣчалъ. Ему предстояла дѣятельность, наполненная такими кипучими насущными подробностями, за которыми исчезала всякая руководящая нить. Дѣло сводилось къ личностямъ; порядокъ вещей ускользать изъ вида. Казалось, что преуспѣяніе пойдетъшибче и дѣйствительнѣе, скажи станового Зябликова замѣ-

пить становой Синицынъ. Синицынъ менѣе нахаленъ. Онъ не станетъ набрасываться, какъ волкъ на обывателей, не наполнить стана гамомъ скверныхъ словъ. Онъ будетъ имѣть въ виду начальственныя требования и поставить себѣ въ обязанность проводить начальственную мысль. А ежели Синицынъ не оправдается довѣрія, то можно и его смыть. Тѣмъ временемъ Зябликовъ, наголодавшись и нахолодавшись въ отставкѣ, раскается и явится какъ разъ кстати, чтобы замѣтить Синицына.

Переливая такимъ образомъ изъ пустого въ порожнее, Имярекъ совсѣмъ забыть о критической оцѣнкѣ новоявленной теоріи. А между тѣмъ это было далеко не лишилее. Независимо отъ того, что намѣченные носы не всегда охотно подчинялись операциіи вожденія, необходимо было, однажды вступивъ на стезю уступокъ, улаживаній и урѣзываній, поступаться болѣе цѣльными убѣжденіями, измѣнить имъ. «Носы» подозрительны и требуютъ, чтобы вожаки отдавались имъ всесѣло, такъ сказать, не отлучались отъ нихъ. Чуть замѣшивалась въ этотъ двойственный союзъ третья, пе вполнѣ подходящая, личность — и процессъ вожденія за нось прекращался самъ собой. Вообще предприятіе было скучное, хлопотливое, тяжелое. Приходилось слушать неумытыхъ рѣчи, намеки, укоры, приходилось сознавать, что, въ сущности, господиномъ положенія остается все-таки «ность», а вожакъ состоить при немъ лишь въ роли приспѣщника, чуть не лакея. Но тяжелѣе всего было то, что какъ ни своди дѣло къ личностямъ — изъ-за послѣднихъ все-таки выскакивала «порядокъ вещей», а тутъ уже прямо выказывалась полная несостоительность усвоенного идеала. Не съ Зябликовыми и Синицынами можно достигнуть даже того скуднаго результата, который первоначально мелькалъ въ перспективѣ. Зябликовы и Синицыны настолько неразвиты, забиты и пьяны, что даже не могутъ понять, что отъ нихъ требуется какой-нибудь результатъ.

Таковъ былъ первый фазисъ теоретическихъ блужданій, среди которыхъ въ теченіе многихъ лѣтъ возвращалась жизнь Имярека. Очевидно, это былъ фазисъ будничный, заурядный, свойственный каждому шуструму канцеляристу.

Затѣмъ Имярекъ вновь очутился въ центрѣ «большой дѣятельности» (въ отличіе отъ малой, провинціальной). Это было время, когда все носы, и водящіе, и водимые, смы-

шались, когда мертвые встали изъ гробовъ и ринулись на-встрѣчу проглянувшему лучу свѣта. Вмѣстѣ съ другими потянулся къ лучу и Имярекъ.

Эпоха возрожденія была довольно продолжительна, но она шла такъ неровно, что трудно было формулировать сколько-нибудь определенно сущность ея. Возрожденіе — и рядомъ несомнѣнны шаги въ сторону и назадъ. Движеніе — и рядомъ застой. Надежды — и рядомъ отсутствие всякихъ перспективъ. Ни положительные, ни отрицательные элементы не выяснились настолько, чтобы можно было сказать, какіе изъ нихъ имѣли преобладающее значеніе въ обществѣ. Мало этого: представлялось достаточно признакомъ для подозрѣнія, что отрицательные элементы восторжествуютъ, что на ихъ сторонѣ и соблазнъ, и выгода. Къ чести Имярека должно сказать, что онъ не уступилъ соблазнамъ, а остался вѣренъ возрожденію, движенью и надеждамъ.

Это было самое кипучее время его жизни, время страстной полемики, усиленной литературной дѣятельности, переходовъ отъ расцвѣтанія къ увяданію и проч. Во всякомъ случаѣ, не чувствовалось той пошлости, того разсудительного тупоумія, которое преслѣдовало его по пятамъ въ провинції.

Лозунгъ его въ то время выражался въ трехъ словахъ: свобода, развитіе и справедливость. Свобода — какъ стихія, въ которой предстояло воспитываться человѣку; развитіе — какъ неизбѣжное условіе, безъ котораго никакое начинаніе не можетъ представлять задатковъ жизненности; справедливость — какъ мѣрило въ отношеніяхъ между людьми, такое мѣрило, за чertoю котораго должны умолкнуть всѣ дальнѣйшія притязанія.

Тогда онъ былъ здоровъ, общителенъ и дѣятеленъ. Онъ и не подозрѣвалъ, что будущее готовить ему оброшенность

И вотъ теперь, скованный недугомъ, онъ видѣть передъ собой призраки прошлаго. Все, что наполняло его жизнь, представляется ему сновидѣніемъ. Чѣмъ такое свободы — безъ участія въ благахъ жизни? Чѣмъ такое развитіе — безъ ясно намѣченной конечной цѣли? Чѣмъ такое справедливость, лишенная огня самоотверженности и любви?

Словѣ, словѣ и словѣ...

Онъ чувствуетъ, что сердце его горитъ, и что онъ пришель къ цѣли поисковъ всей жизни, что только теперь его мысль установилась на стезѣ правды...

Онъ простираетъ руки, ищетъ отклика, онъ жаждеть идти, возглашать...

И сознаетъ, что сзади у него повисъ ворохъ мелочей, а впереди — ничего, кромѣ одиночества и оброщенности..

КУЛЬТУРНЫЕ ЛЮДИ.

EXCEP^T TYP^E M^ON

I.—Культурная тоска.

Я сидѣлъ дома и по обыкновенію не зналъ, что съ собой дѣлать. Чего-то хотѣлось: не то конституціи, не то севрюжинъ съ хрѣномъ, не то кого-нибудь ободрать. Ободрать бы сначала, мелькнуло у меня въ головѣ; ободрать, да и въ сторону. Да по-нынѣшнему, такъ, чтобы ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ—ничего. Такъ, моль, само собою случилось, поди, доискивайся! А потому, зарекомендовавши себя благонамѣреннымъ, можно и о конституціяхъ на досугѣ помечтать.

Будетъ ли при конституціяхъ казначей?—вотъ въ чёмъ вопросъ. И вопросъ очень существенный, ежели принять въ соображеніе, что жизненные припасы съ каждымъ годомъ дѣлаются дороже и дороже, а потребности, благодаря развитію культуры, увеличиваются не по днямъ, а по часамъ. Чорта ли и въ конституціяхъ, ежели при нихъ должности казначея не полагается! Ободрать — вотъ это безподобно! Вотъ при «Уложеніи о наказаніяхъ» иѣть казначея, поэтому оно ни для кого и не лестно. Но, можетъ быть, поэтому-то именно оно и дано намъ.

Я—человѣкъ культурный, потому что служилъ въ кавалеріи. И еще потому, что въ настоящее время заказываю платье у Шармера. И еще потому, что по субботамъ обѣдаю въ англійскомъ клубѣ. Приду въ пять часовъ, пропаду въ уголокъ на свое мѣсто и ёмъ, покуда не заныхаюсь. Прежде, бывало, я разговаривалъ, а нынче—только ёмъ.

Нынче въ англійскомъ клубѣ чиновники преобладаютъ. Длинные, сухие, прожженые. Шепчутся другъ съ другомъ, судьбы по секрету рѣшаютъ, а на лбу между тѣмъ написано: «чего изволите?» Не разъ случалось заговоривать:— а принеси-ка, любезный... Посмотришь—аинъ у него звѣзды сбоку пришилена. Настоящихъ культурныхъ людей, утробистыхъ, совсѣмъ мало стало, да и тѣ, которые остались, въ конецъ развратились. Бѣдятъ разсѣянно, за чиновниками беспокойно слѣдятъ глазами словно думаютъ: что-то они

съ нами сдѣлаютъ? И глаза какъ-то подлые, ласковые у всѣхъ дѣлаются, когда съ ними какой-нибудь чиновный извергъ невзначай заговорить...

Говорять, будто утробисты люди частю въ Москву перебрались, частю у себя, по своимъ губернскимъ клубамъ засѣли. Тамъ будто бы они не только ёдятъ и пьютъ, но и разговариваютъ. Только о губернаторахъ говорить не смѣютъ, потому что губернаторы строго за этимъ слѣдятъ. А о прочихъ предметахъ, какъ-то: объ икрѣ, о севрюжинѣ и даже о Наполеонѣ III — говори сколько угодно. Говорять, былъ даже такой случай: одинъ утробистый взялъ да вдругъ, ни съ того, ни съ сего, и ляпнуль: «конституціи, говорить, желаю!» Туда-сюда — къ счастью, губернаторъ зналъ, что малый-то выпить любить, стало-быть, человѣкъ благонамѣренный.

— Пьянъ, стариkъ, былъ?

— Точно такъ, ваше превосходительство, заставьте Бога за себя молить!

— Ну, Богъ проститъ — ступай! Только впередъ, коли чувствуешь, что пьянъ, сейчасъ бѣги домой и спать ложись!

— Радъ стараться, ваше превосходительство!

И такимъ образомъ вся эта исторія изморомъ кончилась. А будь-ка губернаторъ построже, да взгляни на дѣло съ точки зрѣнія «внутренней политики» — быть бы бычку на веревочкѣ! Фють!

Ужъ не удратъ ли, въ самомъ дѣлѣ, въ губернскій городъ Залупскъ? Хорошо тамъ. Утромъ всталъ, не торопясь умылся, не торопясь чаю напился — гляди-ко, ужъ двѣнадцать часовъ на дворѣ. Походилъ, посидѣлъ, покурилъ, посвисталъ, въ окошко поглядѣлъ: выкупнаня-то свидѣтельства, кажется, еще не вѣсъ въ расходѣ? «Завтра катить подано!» — гудить сзади холопскій басъ. Позавтракать, опять походилъ, покурилъ — одурь взяла: «эй, кто тамъ! тройку велѣть заложить!» И охъ! и ахъ! Эхъ вы, соколики!.. Безподобно! Воротился — ха! да никакъ ужъ обѣдь на столѣ! Въ комнатахъ тепло, свѣтло! Щи, солонина съ хрѣномъ, поросенокъ съ кашей... по-русски! И какъ только ложкой стукнуль — сейчасъ и гость на порогѣ. Ежели настоящій человѣкъ не наклонулся, такъ секретарь какой-нибудь забѣжалъ. И все-то онъ тебѣ разскажетъ: кто кому рукой плюху далъ, кто кого калошкой по лицу смазалъ. Заслушаешься и не замѣтишь, какъ на часахъ девять пробеть. Въ клубъ, сударь, въ клубъ! А тамъ ужъ вѣсъ въ

сборъ и всѣ о давешнихъ илюхахъ рассказываютъ. И одинъ по одному—въ буфетъ да въ буфетъ. Постепенно да постепенно—и вдругъ... конституція! А чтѣ-жъ такое, что конституція! Коли ты пьянъ да благонамѣренъ—Христость съ тобой! Ступай домой, ложись спать—сномъ все пройдетъ.

Ахъ, хорошо!

Хорошо-то, хорошо, да, полно, такъ ли? Было такое времечко у насть въ Залупскѣ, было—да не прошло ли оно? Не даромъ мой другъ, капитанъ Копейкинъ, пишеть: «не ъзди въ Залупскѣ! у насть, братъ, столько теперь поджарыхъ да прожженыхъ развелось—весь наинъ культурный клубъ испакостили!» Да; развелись-таки и тамъ. Ищутъ, нюхаютъ, законы подводятъ. Въ преферансъ съ тобой играютъ и черезъ часть у тебя же въ квартирѣ поличнаго ищутъ. И въ клубы заползли: сперва одинъ, за нимъ другой, а потомъ, гляднишь, и въ старшины попадать начали. Брякни-ка при немъ: «конституція!» — а онъ тебѣ: «вы, кажется, существующей формой правлениія недовольны?..» А мить чтѣ! Форма правлениія—эка невидаль! Я такъ... самъ по себѣ... проваливай, братъ, проваливай!

То-то «проваливай»! Языкъ-то храбръ, коли заочно, а какъ до дѣла дойдеть—пожалуй, онъ и не всякое слово выговорить. Иное вѣдь слово прямо къ отягченію служить,—попробуй-ка, выговори его! Да коли при этомъ ты еще не пьянъ, да на дурномъ счету состоинъ—сколько тебѣ ради этого слова слезъ потомъ, пролить нужно будетъ, чтобъ прощенье испросить!

И надо сознаться, что во всемъ мы сами, утробистые, виноваты. Еще въ то время, когда «прожженые» только-что рождались въ губерніяхъ стали,—тогда надо было мѣры принимать. Явился прожженый—и съ Богомъ! Живите, сколько вѣсъ есть, промежду себя. Играйте другъ съ другомъ въ преферансъ, ъздите другъ къ другу въ гости, угощайтесь, упивайтесь, прелюбодѣйствуйте! Но въ нашъ культурный клубъ—ни-ни! Валяй, братцы, имъ черняковъ, чтобъ впередъ неповадно было! И жили бы прожженые особнякомъ, словно прокаженные...

Да, нынче утробистый человѣкъ гляди въ оба, несмотря на то, что ему благосклонно присвоено название культурнаго. Пришелъ ты въ клубъ—проходи бочкомъ, не задѣть бы вотъ этихъ двухъ выродковъ, которые по секрету о тебѣ между собой сужденіе имѣютъ. Ты его задѣнешь, а

онъ тебя смягчающихъ обстоятельствъ лишить. Сторонись же, иди бочкомъ къ буфету, пей молча водку и молча закусывай, потому что скажи ты разинешь ротъ — это можетъ воинъ тѣхъ двухъ выродковъ оскорбить, которые тоже по секрету разсуждаютъ, какому роду истреблений тебѣ подвергнуть! И такимъ образомъ, никого не задѣвши, садись, засучивай рукава и щипь. Щипь молча, и когда ъда начнетъ одолѣвать тебя, то прилично вздыхай.

Много виноваты утробистые люди въ печальной судьбѣ своей, но съ другой стороны нельзѧ и осуждать ихъ строго. Прожженые люди, именно какъ внутренностные паразиты, проползли въ самое нутро культурныхъ людей. Я помню, какъ въ первый разъ къ намъ въ Залупскъ дѣйствительный статский советникъ Солитеръ явился. Все благосклонности просилъ, всю надежду на земскую культурную силу полагалъ, да и о конституціяхъ самъ же первый заговорилъ. Да еще какъ заговорилъ-то! Съ хохотомъ, съ визгомъ, со свистомъ, со слюною... Въ лицахъ форму правленія представляяль, нѣсни скромнаго пѣль, брудершафты предлагали! Ну, культурный человѣкъ и смякъ. Видѣть, что малый разухабистый: и сиясьать, и спѣсть, и совратъ — въ все первый сортъ. «Милости просимъ! прошу покорно! запросто! отобѣдать! да вечеромъ... къ женѣ! да въ клубъ, ваше превосходительство, въ клубъ!» Ну, и нустили козла въ огородъ. А Солитеръ между тѣмъ, не будь простъ, послужилъ-послужилъ, да и царь-царапъ! «Вы, кажется, формой правленія недоволены?» Ахъ, прахъ-те побери! Я такъ... самъ по себѣ... а онъ: «форма правленія!»

А жены наши еще больше виноваты. Легкомысленны наши жены, ахъ, какъ легкомысленны! Прожженые такъ и вѣются около нихъ, такъ и шепчутъ, и шепчутъ! У иной отъ этого шопота и грудочка поднимается, и глазки искрятся, и лицо полымаемъ пышеть. «Ты чтѣ-жъ, душенька, мсѣ Солитера къ намъ не пригласишь?» — Солитера! ахъ, сдѣлайте милость! Господинъ Солитеры! милости просимы! запросто! отобѣдать! вечеромъ... къ женѣ.

Нѣть, совсѣмъ у вынѣшихъ культурныхъ людей ни *esprit de corps*, ни *esprit de conduite* нѣть. А прежнихъ утробистыхъ представителей культуры, съ жирными кадыками и пространными затылками, которые, завязавшись по горло салфеткой, щипь и «независимо» сквернословили, — нѣть и въ поминѣ. Бывало, собираются въ каре вокругъ

своихъ вольностей (такъ въ старину крѣпостное право называлось), да уставятся лбами — пушками ихъ не прошибшися! А нынче какой-нибудь дѣйствительный статскій советникъ Солитеръ — и тотъ все въ одинъ моментъ развратилъ. Женъ и девъ перепортилъ, птенцовъ расточилъ, старцамъ — показаль фигу...

Поэтому нынѣшній культурный человѣкъ о вольностяхъ уже не думаетъ, а либо на теплые воды удралъ, либо самъ въ «Солитеры» норовитъ. Только и слышишь окресть: «да отчего же не довѣряютъ намъ? да попробовали бы! да пась только помани! да мы...» Что-жъ, если у васъ такая охота есть, — рапортуйте, любезные, другъ на друга, рапортуйте!

Фу, подлость! Живешь-живешь — и все на положеніи грудного ребенка находишься! Минѣ вотъ пятьдесятъ лѣтъ, а я даже о конституціяхъ вволю наговориться не могу! Развѣ я что-нибудь говорю? Перемѣнить, что ли, я что-нибудь хочу? Да мнѣ — Христосъ съ вами! Я такъ... самъ по себѣ... разговариваю...

Хочешь сказать ему, этому Солитеру долговязому: да вы чтѣ, въ самомъ дѣлѣ, милостивый государы! да я самъ Государя моего дворянинъ! я въ кавалеріи, государь мой, служилъ! и хотя въ походахъ не бывалъ, но на походномъ положеніи и даже въ лагеряхъ... да-сь! Хочешь сказать — и молчишь. Потому что всюду, во всѣ клубы, во всѣ щели клубовъ — вездѣ Солитеры наползли и вездѣ соглядатайствуютъ. Смотрятъ и улыбаются, словно вотъ говорятъ: ты думаешь, мы не знаемъ, что у тебя въ затылкѣ шевелится? Все, мой другъ, знаемъ, и при случай...

Вотъ это-то «при случай» и сбиваетъ культурную спѣсъ. Такъ оно ясно, несмотря на вѣнчаную таинственность, что даже клубные лакеи — и тѣ понимаютъ. Прежде, бывало, — кому первый кусъ? — ему, культурному человѣку, кому и по всѣмъ утробнымъ правамъ онъ слѣдуетъ. А нынче па культурнаго человѣка и смотрѣть не хотятъ — прямо ему, дѣйствительному статскому советнику Солитеру, несутъ. Ну, и опѣшили культурные люди. — Позвольте, я вашему превосходительству рапортовать буду? — Рапортуй, братецъ, рапортуй!

Подлость, подлость и подлость! Скоро мы и не то услышимъ. — У меня, ваше превосходительство, сынъ превратными идеями занимается — не прикажете ли его подкузьмить? — отрапортуетъ культурный человѣкъ... — Фу, мерзости!

Да, плохъ ты, культурный человѣкъ, совсѣмъ никуда не годишься! Никто съ тобой не разговариваетъ, вездѣ тебя обижаютъ, женѣ твоей подлости въ уши нашептываютъ... Скучно, другъ! И дѣма у тебя тоска, и въ клубахъ твоихъ тоска, а въ собранияхъ твоихъ (бывшихъ палладіумахъ твоихъ вольностей) — жгучее, надрывающее запустѣніе царствуетъ. Не метено, не чищено, сырь, грязно... Рапортуй, мой другъ, рапортуй!

И именно съ тѣхъ поръ ты и смякъ, какъ тебя культурнымъ человѣкомъ назвали. Культурность обязываетъ. Теперь и ты, и дѣйствительный статский советникъ Солитеръ — вы оба одно дѣло дѣлаете. Онь дѣйствуетъ, а ты содѣйствуешь. А ты думалъ — какъ? Ты, можетъ-быть, думалъ, что Солитеръ станетъ распинаться да душу за общество полагать, а ты будешь лежать да благороднымъ манеромъ въ потолокъ плевать? Такъ разувѣрься, голубчикъ! Это въ тѣ времена такіе порядки были, когда ты еще чистопсовымъ назывался, а теперь шалишь! — теперь ты культурный человѣкъ сталъ! Солитеръ будетъ дѣйствовать, а ты — содѣйствуй! Рапортуй, братецъ, рапортуй!

И за всѣмъ тѣмъ никогда никто въ цѣломъ мірѣ такъ не тосковалъ, какъ тоскуемъ мы, представители русской культуры. Мы чувствуемъ, что жизнь уходитъ отъ насъ, и хотя цѣняемся за нее при пособіи «содѣйствія», но все-таки не можемъ не сознавать, что это совсѣмъ не та жизнь, которой бы мы по культурности своей заслуживали. Хотя предки наши назывались только чистопсовыми, но они многаго не понимали изъ тѣхъ подостей, которыя намъ какъ свои пять пальцевъ извѣстны.

И я увѣренъ, что въ большинствѣ ихъ такія, напримѣръ, слова, какъ «содѣйствовать», «рапортовать» — вызвали бы во время бно только недоумѣніе. Мой прадѣдъ, если-бѣ при немъ употребили эти выраженія, навѣрное воскликнулъ бы: «Я, ваше превосходительство, Государю моему вѣрный слуга, но не лакей-сь. Я самъ бунтовалъ-сь... въ пользу законной власти-сь! Я Анну Леопольдовну, регентшу-сь, въ одной сорочкѣ изъ опочивальной вынесъ — и быть за то деревнею въ пятьсотъ душъ награжденъ-сь! Извольте, сударь, идти вонъ!» А дѣдушка мой сказалъ бы: «Я въ Ронигѣ, государь мой, былъ и оттуда на сѣромъ аргамакѣ до Зимняго дворца за великою Государыней слѣдовалъ-сь... Извольте идти вонъ!» Даже отецъ мой — и толькъ бы отвѣтилъ: «Я самъ заблуждался-сь,

и хотя принесь въ томъ чистосердчное раскаяніе, но не содѣствовалъ... нѣть, не содѣствовалъ-сь!» И всѣ они почувствовали бы себя оскорбленными и будировали бы... Конечно, будировали бы до тѣхъ поръ, пока имъ Станислава на шею не прислали бы. Но не за содѣствіе-сь, а за благородно-вѣрный порывъ чувствъ-сь!

А я, правнукъ, внукъ и сынъ, — чѣмъ я скажу? Я могу сказать только, что я культурный человѣкъ и что въ этомъ качествѣ не имѣю возможности даже «чистосердечного раскаянія въ томъ принести». Ибо я даже и не заблуждался никогда — нѣть, никогда! Ни заблужденій, ни истины, ни превратныхъ идей, ни идей благонамѣренныхъ — ничего я не знаю! Стало-быть, я могу только содѣствовать — вотъ моя специальность; не дѣлать, не производить, не распоряжаться, а только содѣствовать. Вотъ почему многіе, боясь увлечься этой специальностью, бѣгутъ на теплыя воды и тамъ влакать остатки культурнаго существованія.

Не однажды меня интриговала мысль: какимъ это образомъ русскій культурный человѣкъ вдругъ словно изъ земли выросъ? Все были чистописевые, а теперь культурными сдѣлались. И даже заслуги особенные выдумали, которые о культурности несомнѣнно свидѣтельствуютъ. «Я, говорить, изъ тарелки ъмъ, а Иванъ мой изъ плошки; я салфеткой утираюсь, а Иванъ — стекломъ. Вотъ почему я и называюсь культурнымъ человѣкомъ!»

По едва я притрогивался къ вопросу: дѣйствительно ли ъда изъ тарелки, а не изъ плошки, составляетъ непрекращаемый признакъ культурности, какъ предо мной вставалъ другой вопросъ: да неужто это можетъ кого-нибудь интересовать, и убудеть ли отъ того хоть сколько-нибудь той безконечной тоски, которая день и ночь гложетъ культурнаго человѣка, несмотря на то, что онъ ъестъ изъ тарелки, а не изъ плошки?

Тоска, тоска и тоска! Съ какимъ-то отчаяніемъ обращаешься къ прошлому: прошлое! прошлое! воротись! И знаешь, что попусту надрываяешься, и все-таки кричишь: воротись! воротись! воротись!

Сознавать себя культурнымъ человѣкомъ и въ то же время не знать, куда дѣваться съ этой культурностью — вотъ истинно трагическое положеніе! Ну, чѣмъ я съ собой предприму? Куда, куда я пойду... ну, хоть сегодня вечеромъ? Все, что можно было, въ предѣлахъ русской культуры, видѣть и совершишь, — все это я уже видѣлъ и

совершилъ. Жюдикъ—видѣль, Шнейдершу—видѣль, у Елисеева и на биржѣ, и на Невскомъ—былъ. Повторять то же самое,—ну, просто противно, да и все тутъ. Вѣдь и для культурности есть предѣлы, за которыми даже право «содѣйствія» становится безсильнымъ оживить человѣка. А между тѣмъ ни смерть, ни болѣзнь—ничто нась не береть; жить, жить надо, не потому, чтобы хотѣть жить, а потому, что встала у тебя жизнь на дорогѣ, и какъ ты ей ни кричи: сторонись!—она все стонть да подманиваетъ. Встанешь утромъ и глядишь испуганными глазами въ лицо грядущему дню. А въ головѣ такъ и стучитъ: чѣмъ, ну, чѣмъ наполню я его?

Итакъ, я сидѣль дома и не зналъ, что дѣлать съ собою. Впереди предстояло одно изъ двухъ: или въ балаганы идти, или въ тайное юридическое общество проникнуть и послушать, какъ разрѣшаются вопросы о правахъ седьмой воды на киселѣ на наслѣдованіе послѣ единокровныхъ и сдвоенутробныхъ.

— Господи! да вѣдь это отрава!—вырвался изъ груди моей вопль.

II.—Продолженіе тоски и появленіе Прокопа.

Дѣло было въ половинѣ апрѣля, какъ разъ въ Свѣтлый праздникъ. Я смотрѣль изъ окошка на улицу и любовался на истерическую суматошу, происходившую въ природѣ. Воздухъ былъ наполненъ неизобразимымъ мельканіемъ; густая блесковатая кашница кружилась и металась передъ глазами, отдѣляя изъ себя крупныя-крупныя снѣжины, мокрыя, разорванныя, которыхъ тяжело шлепались объ оконные стекла. На наружныхъ подоконникахъ уже образовались порядочныя груды блой массы, рыхлой и источенной, какъ тающій сахаръ; мостовая, два часа тому назадъ сѣрая, начинала блѣсть; темные ряды домовъ, мокрыхъ, ослизлыхъ, загадочно глядѣли сквозь снѣжную сѣть своими безчисленными черными окнами, словно тысячами потухшихъ глазъ. Небо давило и, несмотря на первый часъ дня, больше и больше заволакивало городъ ранними сумерками. Но улица, наперекоръ стихіямъ, все еще усиливалась удержать праздничную физіономію. Стрѣлой мча-

лись щегольскія кареты, унося захваченныхъ въ нихъ звѣздоносцевъ; между ними мелкой рысью сновали извозчики пролетки съ скрюченными подъ зонтиками чиновниками; на тротуарахъ дворники и мастеровые христосовались съ бабами въ душегрѣйкахъ. Но вотъ, наконецъ, ударила такой сиѣжный ливень, что вдругъ праздничный гуль смолкъ. Улица опустѣла какъ бы волшебствомъ; еще разъ взвизгнула дверь въ кабакѣ напротивъ—и захлопнулась; даже ликующіе столоначальники—и тѣ куда-то пропали.

Я стоялъ у окна и припоминалъ. Было время, когда и я въ этотъ день метался по улицамъ. Пріѣдешь, бывало, въ одинъ домъ, подаришь швейцару цѣлковый, распишешься и чтѣ есть мочи спѣшишь въ другой домъ, гдѣ тоже подаришь цѣлковый и распишешься. Да въ мундирѣ, сударь, въ мундирѣ! Встрѣтишь, бывало, на улицѣ такого же поздравителя, остановишь, выпучишь глаза.

Были?

И онъ тоже выпучить глаза:

— Быть; а вы были?

— Быть.

И летиши дальше.

А выиче, вотъ, сижу дома и глазами хлонаю. Извозчика, пожалуй, и не мудрость напанять, да ъхать-то некуда. Некуда и не зачѣмъ.

Прежде я потому ъздила, что было у меня такое убѣженіе: въ Петербургѣ поздравлю, зато въ свое мѣстѣ наверстаю. Я даже нарочно въ Петербургѣ периодически появлялся, чтобы претерпѣть и внослѣдствіи наверстать. Мерзокъ я былъ, низкопоклоненъ, податливъ—это такъ; но, по крайней мѣрѣ, я зналъ, что у меня есть совершино реальный стимулъ (возможность наверстыванія), который двигаетъ моими дѣйствіями. Внослѣдствіи обстоятельства заставили меня сознать, что это былъ стимулъ фальшивый. Я понялъ это и волею или неволею отказался отъ идеаловъ наверстыванья, которые обуревали меня въ былое время. Но почему же, оставилъ прежніе стимулы, я не усвоилъ себѣ новыхъ? Для чего я остался жить? Для того ли только, чтобы представлять собой образчикъ отечественной культурности? Велика невидаль!

Я знаю, что ъзди я или не ъзди, поздравляй или не поздравляй—я все-таки ничего не наверстаю, потому что наверстать легдѣ. Хотя же дѣйствительный статскій советникъ Солитеръ и пооказываетъ мнѣ вдали какія-то «пре-

спективы», по, право, мнѣ кажется, что онъ и самъ не со-
знаеть, въ чёмъ эти преспективы заключаются. Слѣдуй,
говорить, по моимъ указаніямъ, а куда слѣдуй—и самъ
порядкомъ растолковать не можетъ. Эхъ, браты! У самого-
то у тебя яичница въ головѣ, а тоже другихъ за собой
приглашаешь!

Да ежели бы онъ и могъ доподлинно разъяснить, куда
и какъ нужно слѣдовать,—развѣ я могу *туда* идти? Да и
не только *туда*—просто никуда я идти не могу. Все, все
для меня заперто. По судебнай части я истца отъ отвѣт-
чика отличить не могу—чи же я интересы защищать или
опровергать буду? По части народнаго просвѣщенія я не
знаю, кто кого кормилъ, волчица ли Ремула, или Ромуль
волчицу,—какъ же я на экзаменахъ баллы ставить буду? По
части финансъ я знаю: дери шибче, а въ случаѣ недобора—
безстрашно заключай займы! Что же касается до
того, какъ и на какой бумагѣ ассигнаціи печатаются и
почему за быстрое отпечатаніе таковыхъ въ экспедиціи за-
готовленія государственныхъ бумагъ даютъ награды и ор-
дена, а за отпечатаніе въ Гуслицахъ на каторгу ссылаются—
ничего я этого не знаю. Вотъ развѣ по сыскной части...
ну, нѣть, Солитеръ! Этому пока не бывать! Хотя по этой
части и дѣйствительно никакихъ познаній не требуется, а
только культурность одна, да вѣдь я еще не забыть, что
мой прадѣдушка регентшу Анну Леопольдовну въ одной
сорочкѣ изъ опочивальной вынесъ! Нѣть, не позабыть!
Ибо ежели я самолично ничего не совершилъ, даже «чи-
стосердечнаго въ томъ раскаянья не принесъ», то пра-
дѣдъ мой...

И откуда нынче такие дѣйствительные статскіе совѣт-
ники развелись, которые настоящаго не даютъ, а все пре-
спективы показываютъ! И прежде бывало не мало дѣй-
ствительныхъ статскихъ совѣтниковъ—но какая разница!
Назывались они не Солитерами, а Довгочхунами, Федоро-
выми, Ивановыми, Семеновыми, или, по гостямъ
Фэдили, сами балы дѣлали и откупщиковъ балы заставляли
дѣлать, играли въ клубахъ въ карты и въ свободное время
отъ занятій писали: «утверждаю, утверждаю, утверждаю»!.
А Солитеръ пишетъ: «разоряю, разоряю, разоряю»!..

И ничего. Разоряеть—но не созидаеть, расточаетъ—и
самъ стоить невредимъ, развращаетъ—и состоять членомъ
общества распространенія нравственности. Кто эту тайну
пойметъ?

Есть одинъ ресурсъ, который выручасть его. Это лганье и показываніе фальшивыхъ преспективъ. Онъ лжеть неуставаючи, лжеть какъ рязанскій дворянинъ, когда начинаетъ разсказывать, какіе у него въ оранжереяхъ персики при крѣпостномъ правѣ расли. Недавния чистопсовость и до сихъ порь выступаетъ наружу въ немъ. Онъ лжецъ и самъ нагло прислушивается къ своему лганию. И вѣрить, вѣрить, что со всей тройкой и съ экипажемъ въ одну прорубь провалился, а черезъ двадцать верстъ—на тѣхъ же лошадяхъ и въ томъ же экипажѣ изъ другой проруби выскочить.

И многіе до сихъ порь вѣрятъ показываемымъ имъ преспективамъ. Я убѣденъ, что Прокопъ, напримѣръ, даже въ эту минуту мечется, какъ озаренный, и все поздравляетъ, все поздравляетъ. И все потому, что думаетъ: «приѣду домой, тамъ наверстаю!» И такъ съ незапамятныхъ временъ изъ-года-въ-годъ у него ведется: чѣмъ больше получастъ кукишей, тѣмъ больше надѣется, тѣмъшибче поздравляетъ.

Уже недѣлю тому назадъ я прочиталъ въ газетахъ, что онъ въ Петербургъ прибылъ, а ко мнѣ до сихъ порь ни ногой. Вмѣстѣ Шнейдершу слушали, вмѣстѣ въ географическомъ конгрессѣ засѣдали, вмѣстѣ по политическому дѣлу судились—и вотъ! Чай, все преспективы высматриваетъ, связи поддерживаетъ, со швейцарами да съ камердинерами табаки разнохиваетъ. Чай, когда изъ Залупска Ѹхалъ,—хвастался тоже: «я, моль, въ Петербургѣ о залупскихъ нуждахъ буду разговаривать!» Разговаривай, мой другъ, разговаривай... съ швейцарами!

Кому интересны залупскія нужды, культурныя и не культурныя? Вотъ кабы ты сообщилъ секретъ, какъ къ празднику нѣчто заполучить или какъ такому-то ножку, ради высокоторжественнаго дня, подставить,—ну, тогда бы мы тебя послушали. А то: залупскія нужды!—иши съ чѣмъ подѣхалъ! Есть у васъ въ Залупскѣ Солитерь—и будетъ съ васъ. Онъ васъ разберетъ: и стравить другъ съ другомъ, и помирить, если ему вздумается. Zaloupsk! qu'est-ce que c'est que Zaloupsk!

И вотъ ради бесплодныхъ разговоровъ съ швейцарами Прокопъ даже о старомъ собутыльникѣ позабылъ. Это ли не черта русской культуры! Сегодня приятель, а завтра разрѣшилъ ему Солитерь за каблукъ своего сапога подержаться—онъ уже отъ вчерашнихъ друзей рыло воротить.

«Я говорить, нынче, наверху, у самаго каблука его пре-
восходительства стою—сверху-то миѣ преспективы видиѣ!»

Миѣ сдѣлалось и досадно, и жалко. Милый Прокопъ! Глупъ-глупъ, а культурность свою очень тонко понимаешь. «У меня, говоритъ, въ деревнѣ и зальце въ домикѣ есть, и палисадничекъ, и посуда, и серебрецо, и силу я на матрацѣ, а не на войлокѣ—сейчасъ видно, что культурный человѣкъ живеть! А мужикъ чѣд! Намеднись у насъ на сель у крестьянина мальчику тараканы носъ выѣли, а у меня, братъ, тараканы только на кухнѣ живутъ!» Милый, милый Прокопъ! Какъ сейчасъ вижу, какъ онъ въ Залупскѣ въ клубѣ, завязавшись салфеткой (неопрятень онъ, когда Ѣсть), сидитъ: буженины кусокъ проглотить и слово скажетъ, еще кусокъ буженины проглотить и еще слово скажетъ. И слова все такія малыя: течеть что-то, плыветь, барахтается—и не зацѣпишь. И вотъ этотъ-то человѣкъ, у котораго тараканы только въ кухнѣ живутъ,—поздравляетъ, подличаетъ, съ швейцарами по душѣ калякаетъ! И даже когда запро-
сто въ клубѣ сидитъ—Ѣсть, а однимъ глазкомъ въ сосѣднюю комнату заглядываетъ! Тамъ, въ этой комнатѣ, дѣй-
ствительный статскій совѣтникъ Солитеръ съ статскими совѣтниками Глисомъ по секрету совѣщаются, а титуляр-
ный совѣтникъ Трихина такъ и кружится, такъ и выпля-
сывается передъ ними. И жутко Прокопу, и любопытство одолѣваетъ. «Ужо отъ Трихины все вывѣдаю!» думаетъ онъ про себя. И дѣйствительно, какъ только Трихина показался въ дверяхъ, весь пропитанный Солитеровыми ин-
струкціями, такъ по столовой ужъ и раздается зыкъ Про-
копа: «человѣкъ! шампанского!»

И для чего онъ кланяется и поздравляетъ? Для чего вы-
вѣдываетъ? Спросите его—онъ и самъ вполнѣ не отвѣтить
на этотъ вопросъ. «Подличать, скажетъ, я не подличаю,
это ты врешь, а все-таки...» И такъ-таки и упрется на
этомъ «все-таки», какъ будто и Богъ вѣсть какую оно
мудрость въ себѣ заключаетъ...

И миѣ вдругъ такъ загорѣлось видѣть Прокона, до того
захотѣлось на затылокъ его порадоваться, что не успѣль
я какъ слѣдуетъ формулировать мое желаніе, какъ въ двер-
ряхъ раздался звонокъ, и Прокопъ собственной персоной
предсталъ передо мной.

Онъ былъ въ культурномъ мундирѣ и въ культурныхъ
блѣлыхъ штанахъ; лицо его, напоминавшее морду красивѣ-
наго изъ мопсовъ, выражало сильнѣйшее утомленіе; щеки

одрябли, подъ глазами образовались темные круги; животъ колыхался, ноги тряслись.

— Откуда, голубчикъ? Поздравляль?

— Разумѣется, поздравляль. Вотъ ты такъ и день-то вынче какой, чай, позабыть? Христосъ воскресъ!

Мы перецѣловались.

— У заутрени былъ?

— По обыкновенію, мой другъ, по обыкновенію.

— То-то. Въ этакій день вольныя-то идеи оставить надо.

Прокопъ усѣлся противъ камина и протянулъ ноги чуть не въ самый огонь.

— Скинуль бы ты съ себя форму-то,—предложилъ я:—вмѣстѣ позавтракали бы. А какое у меня вино! По слушаю... краденое!

— Это, братъ, только хвастаются, что краденое, а попробуй—опивки простые. Нѣть, завтракать мнѣ некогда, еще въ двадцати мѣстахъ расписаться нужно, а ты вотъ что: вели рюмку водки подать—спасибо скажу!

Принесли водки и балыка. Прокопъ потянулся, выпилъ и нѣкоторое время стоялъ съ разинутымъ ртомъ, словно водка обожгла ему небо. Не знаю, почему ему показалось, что я въ него всматриваюсь.

— Ты что на меня смотришь? Узоры, что ли, на мнѣ написаны?

— Помилуй, мой другъ! Я радъ тебя видѣть—и только.

— А радъ, такъ и слава Богу. Измучился, братъ, я. Погодища нынче— страсть! Щедиль-щедиль, штаны-то бѣлые, замарать боишься—ну, и сидиш распахнувшись, какъ на выставкѣ. Да на грѣхъ еще происшествіе нынче въ одномъ мѣстѣ случилось... препоганое!

— Что же такое?

— Да пріѣхалъ я къ особѣ одной,—ну, расписался. Только вижу, что тутъ же, въ швейцарской, и камердинеръ особы стоять—и угоразди меня нелегкая въ разговоръ съ нимъ вступить. То да се: рано ли его сіятельство встаетъ? Въ которомъ часу государственными дѣлами заниматься садится? Кто къ нему первый съ докладомъ приходитъ? Не слышно ли, мѣстовъ гдѣ-нибудь не скрывается ли? Только разговариваемъ мы такимъ манеромъ, и вдругъ, братецъ, я вижу: вынимаетъ онъ изъ кармана круглую-прекруглую табатерчицу, снимаетъ крышку, да ко мнѣ...—Это, говорю, что?—«Нюхните-ка», говоритъ.—Да ты, говорю, свинья, кажется, позабыль?..

— Такъ и сказаљ?

— Такъ и брякнуль. Я, братъ, прямикъ! Не люблю во-
кругъ да около ходить! По мнѣ, коли свинья, такъ свинья!

— Такъ-то такъ, а все-таки неосторожно ты поступилъ.
Горяченекъ ты, братъ, сиравляться съ собой не можеш!

Прокошъ струсилъ; казалось, онъ только теперь понять
всю неключимость своего поступка.

— Тебѣ чѣ нужно?—продолжалъ я.—Тебѣ нужно Соли-
теру ножку подставить да самому на его мѣсто вскочить?
Слѣдовательно такъ ты и долженъ поступать. Знаешь, что
камердинеръ можетъ словечко замолвить,—стало-быть, и
долженъ ты съ нимъ ласковенько: табачку, водочки... Я на
твоемъ мѣстѣ даже къ себѣ бы его пригласилъ! А теперь
онъ тебѣ мстить будетъ.

Прокошъ стоялъ, вытаращивши глаза; вилка, устремлен-
ная по направлению къ балыку, такъ и застыла въ его рукѣ.

— Я, братъ, и самъ обѣ этомъ ужъ думалъ!—наконецъ
промолвилъ онъ.

— Непремѣнно будешь мстить. Вотъ сегодня же вече-
ромъ, какъ станетъ съ его сіятельства сапоги снимать, и
скажетъ ему: «быть давеча такой-то, не нравится онъ мнѣ,
невѣжей смотритъ!» А завтра ты явишься къ его сіятель-
ству, его сіятельство посмотритъ на тебя да и подумаетъ:
«а кто, бишь, мнѣ сказывалъ, что этотъ человѣкъ невѣжа?
Какой, въ самомъ дѣлѣ, грубянь!»

— А чѣ ты думаешь! Вѣдь это, пожалуй, и вправду
такъ будетъ! Они, эти хамы...

— Вѣрно говорю. Эти камердинеры да истопники... ахъ,
какъ съ ними надо, мой другъ, осторожно! Самый это ехид-
ный народъ! Солитеръ-то, ты думаешь, какъ пролѣзъ?

— Ну, Солитеръ и такъ, самъ собой.... На то онъ и
солитеръ!

— Иѣть, онъ сперва въ камердинера влѣзъ, а потомъ
ужъ и...

— Ну, такъ прощай, бѣгу!

— Да погоди! сейчасъ ужъ и бѣжать! Разскажаль бы,
по крайней мѣрѣ, чѣ у васъ дѣлается!

— Некогда, некогда—чemu у насъ дѣлаться! Солитеръ...
Я было-поспѣтничать на него прїѣхалъ, да вотъ и приклю-
ченіе это... Завтра пріѣмъ мнѣ быть назначенъ, а теперь,
пожалуй, и не выслушаетъ?

Прокошъ заторопился, подтянулся, вытянулъ ногу, на
сапоги взглянулъ, посмотрѣлся въ зеркало, пылинку съ

поса смахнуль, шлагу поправиль и ужъ совѣмъ на ходу закинулъ мнѣ:

— Я, братъ, съ женой и съ дочерью здѣсь. Въ Гранд-отелѣ стоимъ. За границу ёхать сбираемся.

— Какъ, и Надежда Лавреитьсвна здѣсь! И ты ничего не говоришь!

— Ну, чтò тутъ, нёвидаль какая! Проходи ужъ вечеромъ—посидимъ!

Онъ рѣсцой направился въ переднюю, накинулъ тамъ на себя шинель—и вдругъ опять встревожился.

— Какъ ты думаешь, — спросилъ онъ меня: — ему... хаму этому... трехъ цѣлковеицкихъ довольно будетъ?

— Дай, братъ, десятирублевую,—посовѣтовалъ я:—надо воображеніе ему поразить. Потому что хамы эти...

— Ну, ладно, ладно. Такъ ужъ вечеромъ. Кстати я и разскажу, чѣмъ у насъ съ нимъ кончится. Жена, признается, давно къ тебѣ посылаетъ—съ недѣлю мы ужъ здѣсь—да вотъ все происшествія эти...

Онъ исчезъ въ дверяхъ, а я остался опять одинъ съ своею тоскою. Я началъ резюмировать разговоръ, который мы сейчасъ вели,—и вдругъ покраснѣлъ. «Чтò я такое сейчасъ говорилъ? какіе-такіе совѣты насчетъ десятирублевой бумажки подавать?—мучительно спрашивалъ я себя.—Господи! да неужто-жъ холопство имѣть такую втягивающую силу!»

Вотъ я, напримѣръ, новидимому, кажется, совсѣмъ позабылъ. Ни мундира у меня культурнаго нѣть (старый износился, новаго не сшилъ), ни поздравлять я не ёзжу—такъ, само по себѣ, «независимо» глазами хлошаю! А увидѣть человѣка съ краснымъ околышемъ на головѣ—и не вытерпѣлъ! Такъ и лѣзеть оно, такъ и преть изъ тебя, это проклятое холопство, при первомъ удѣбномъ случаѣ! И рожа погано оскалывается, и языкъ петлей складывается, какъ только начнуть обѣ швейцарахъ да обѣ камердинерахъ разговаривать. Не явись Прокопъ, не начни онъ этого разговора, сидѣлъ бы я себѣ да проявлялъ бы гражданское мужество, въ окошко глядючи! А теперь, поди вотъ, какой грѣхъ случился — даже па языкѣ холопская слизь чувствуется — фу, мерзоты!

Вотъ иначе во Франціи цѣлая школа беллетристовъ-психологовъ народилась—ништо имъ. У нихъ психологія французская, неспутанная—ври себѣ прииѣвающи! Нѣть, попробовалъ бы ты, господинъ Гонкуръ, вотъ сквозь этотъ

психологический лъсь прорваться, который у Прокона въ головѣ засѣлъ! Ему, по-настоящему, и до самого его сіятельства горя мало, а онъ съ лакеями обѣ «внутренней политикѣ» калъкаетъ, да еще грубить имъ... лакеямъ-то! Да и я тутъ же, за компанію, ему вторю: «отомстить онъ тебѣ! не три, а десять рубликовъ ему надо дать!» Сказать это—и ничего! даже не почувствовалъ, что у меня отъ языка воняетъ! Спрашивается: какое можетъ быть сцѣнченіе идей, когда такія вещи говоришь? И какова должна быть психологія, которая доставляетъ материалъ для подобныхъ разговоровъ? Вотъ кабы ты, господинъ Зола, присутствовалъ при этихъ разговорахъ—можеть-быть, и понялъ бы, что самое наглое психологическое лганье, которое не снилось ни тебѣ, ни братьямъ Гонкурамъ, нижѣ прокурорамъ и адвокатамъ (прокурорамъ — разумѣется, французскимъ, а адвокатамъ—всѣмъ вообще), должно стать втунікъ передъ этой психологической непроходимостью.

И въ то самое время, какъ я все это думалъ, вдругъ, вслѣдствіе такого же необъяснимаго психологического переворота, въ головѣ моей блеснуло: «а вѣдь Прокопъ за границу Ѣдетъ—не примазаться ли и мнѣ съ нимъ?»

Сейчасъ обвинялъ Прокона въ холопствѣ, сейчасъ на самого себя негодовалъ, что никакъ не могу пропустить случая, чтобы не похолощевовать,—и вотъ опять къ Прокону лыну! Знаю я, что Прокопъ, вмѣстѣ съ своей персоной, весь Залупскъ Европѣ покажеть; знаю, что онъ повезетъ за границу Залупскъ и въ своеемъ плаТЬѣ, и въ покроѣ своего затылка и брюха, и въ тѣхъ рѣчахъ, которыми онъ будетъ за табль-д'отами щеголять; знаю все это—и все-таки лыну. Такъ и стремлюсь залупскіе зацахи обонять, залупскому невинятному бормотанью внимать. И вмѣстѣ со мной будутъ внимать этому бормотанью и Средиземное море, и сѣрыя скалы, которые высятся вдоль его береговъ, словно сторожать лазурное ложе его въ предвидѣніи нашествія варваровъ.

III.—Междусоими.

Для тѣхъ, которые позабыли о Прокопѣ (см. «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ»), считаю нелишнимъ возвести здѣсь въ короткихъ словахъ его физіономію. Это

одинъ изъ самыхъ выразительныхъ представителей культурного русского человѣка, лишь со вчерашияго дня узнавшаго о своей культурности. Въ физическомъ отношеніи онъ созданъ забавно: голова круглая, животъ круглый, глаза круглые, даже плѣча, руки, ноги — и тѣ круглыя, затылокъ круглый, спина круглая. Лицо — портретъ красавца-мопса и по обстоятельствамъ принимаетъ свойственныя мопсу выраженія. Когда его «никто не дразнить» и когда, сверхъ того, онъ сътъ — кожа на его лицѣ растягивается, и выраженіе дѣлается ласковымъ: можно держать пари, что у него непремѣнно гдѣ-нибудь спрятанъ хвостъ, которымъ онъ въ эту минуту виляетъ. Когда онъ раздразненъ и голоденъ — на лбу и на переносѣѣ дѣлаются складки, зубы злобно оскаливаются, и изъ гортани вылетаетъ рычанье; такъ и хочется крикнуть: «а гдѣ у насъ арапникъ-то, гдѣ?» Въ нравственномъ отношеніи онъ прежде всего преисполненъ загадочнаго юмора, о которомъ нельзя сказать положительно, на кого онъ направленъ, на собственную ли персону Прокопа, или на окружающихъ. Сверхъ того, онъ заносчивъ и льстивъ, лукавъ и легковѣренъ, наивенъ и лживъ, преисполненъ всякаго рода предразсудковъ, недоумѣній, противорѣчий и необыкновенно невѣжественій. Говорить онъ обрывками, уснащая свою рѣчь безчисленными окличностями, перерывами, многоточіями, и при этомъ всегда поражаетъ собесѣдника внезапностью мыслей, въ которыхъ невозможно отличить, чѣмъ правда и чѣмъ ложь. Нѣкоторые думаютъ, что онъ глупъ и золь, но это невѣрно. Онъ не глупъ и не уменъ, не добръ и не золь — онъ самъ по себѣ. Репутацію глупости составила ему глубокая его невѣжественность, репутацію злого человѣка — нѣкоторые нечеловѣческіе инстинкты, которые довольно частыми вспышками проявлялись въ немъ во времена крѣпостного права. Но ежели надѣть на него прочный намордникъ, то горячность эта довольно скоро остываетъ, и въ Залупскѣ справедливо замѣчаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ упразднено крѣпостное право, Прокопъ сталъ огрызаться значительно менѣе прежняго.

Фамилія Прокопа — Лизоблюдъ, изъ тѣхъ Лизоблюдовъ, которые еще при царѣ Горохѣ тарелки лизали. Прокопъ гордится своими предками. Не говоря уже о родоначальнике Лизоблюдовъ, занимавшемся лизоблюдствомъ во времена до-историческія, много было и позднѣйшихъ потомковъ, которыешли по его стопамъ уже во времена, освѣщенныя

свѣтомъ исторіи. Вообще это были люди смысленные и хозяйственныя, и въ то время, какъ другіе «ближніе люди» занимались цѣлованіемъ крестовъ да вышиньваньемъ другъ у друга бородъ по волоску, Лизоблюды все больши ютились около утробной части, завѣдывали поварнями, подавали кушанья, служили посредниками въ любовныхъ интригахъ и, проводя въ этомъ занятіи время, укрѣплялись въ милостяхъ и приобрѣтали вотчины. Но въ половинѣ XVIII вѣка звѣзда Лизоблюдовъ померкла: Никита Лизоблюдъ, устраивая любовныя дѣла Авдотьи Лопухиной, былъ обвиненъ въ измѣнѣ и, по наказанію на тѣлѣ, сосланъ въ Залупскія вотчины, съ воспрещеніемъ выѣзда изъ мѣста жительства. При чёмъ было выражено, что синхроненіемъ этимъ (ему надлежало вырѣзать языкъ) онъ обязанъ лишь «неистовой его глупости». Съ этихъ порть значеніе фамилії Лизоблюдовъ принимаетъ характеръ исключительно культурный, и цѣлья поколѣнія ся членовъ слѣдуютъ одно за другимъ въ роли представителей Залупской культуры, сами, впрочемъ, не подозрѣвая всей тяжести бремени, которое судьба возложила на ихъ плечи.

Семейство Прокона состоитъ изъ жены, сына и дочери Наташеньки. Жена его слыла когда-то красавицей, да и теперь, хоть ей ужъ подъ-сорокъ, производить въ Залупскѣ сенсацію. У нея иѣть ни особеннаго ума, ни даже умѣнія болтать милый вздоръ, но есть удивительнѣйшія, наливныя, блоснѣжныя плечи, и она знаетъ это. Къ этимъ плечамъ несутся сердца всѣхъ Залупскихъ культурныхъ людей, и въ нихъ же отчасти заключается тайна поднесенія Прокону бѣлыхъ шаровъ на выборахъ. Самъ Солитеръ, котораго голова, начиненная циркулярными предписаніями, по-видимому, недоступна ни для чего, кроме тусклаго мерцанія, выражавшагося загадочнымъ восклицаніемъ: «Фюнть!» — и тотъ любострастно чавкаетъ и какъ-то пѣлѣю косить глазами, когда встрѣчается съ Надеждой Лаврентьевной на балахъ. Я не знаю, понимаетъ ли Проконъ, какое дѣйствіе производятъ плечи его жены на окружающихъ, но думаю, что онъ, дѣлая видъ, что не понимаетъ, все-таки пользуется этимъ дѣйствіемъ, какъ однимъ изъ средствъ внутренней Залупской политики.

Единственный сынъ Прокона, Гаврюша, похожъ на отца до смѣшиного. То же круглое тѣло, то же лицо монса, забавное во время покоя и бороздящееся складками на лицѣ и на лбу во время гиѣва. Проконъ любить его *безъ па-

мяти, всѣмъ нутромъ, и ласково рычить, когда сынъ является изъ заведенія «домой». Онъ садится тогда на кресло, ставить сына между ногъ, береть его за руки, разспрашиваетъ, зналъ ли онъ урокъ и чѣмъ его на недѣлѣ кормили, и смотрится въ него словно въ зеркало.

— Такъ ты говоришь, хорошо вѣсъ кормили?—спрашиваетъ онъ, заглядывая ему въ глаза.

— Нынче, папаша, настѣ лучше кормятъ: директоръ комиссію изъ воспитанниковъ надѣ экономомъ назначилъ.

— То-то. А паче чаянія ежеси что, такъ ты спрашивай: я твоему дядкѣ строго приказалъ и денегъ на это оставилъ. Ёшь, братъ, ёсть надо; больше будешь ёсть—урокъ будешь лучше знать.

Въ «зведеніе» Прокопъ отдалъ Гаврюшу не безъ расчета: онъ понялъ, что «зведеніе» есть именно такая вещь, откуда, хочешь-не-хочешь, а въ концѣ концовъ все-таки и съ чиномъ выйдешь, и на мѣсто поступишь.

— Я, братъ, по себѣ знаю,—открывался онъ мнѣ по этому случаю:—и гувернеры, и мадамы у меня были, а что толку! Срамъ сказать: и теперь изъ катехизиса ни одного текста не знаю!

— Да вѣдь на выборахъ изъ катехизиса не спрашиваютъ?—возражалъ я.

— Все-таки. Разговаривають. Не изъ катехизиса, таcъ изъ географіи. Кабы я зналъ, таcъ и самъ бы разговаривалъ. А теперь приходится на другихъ смотрѣть, смѣются или нѣтъ.

— Такъ чтѣ-жь, сходить съ рукъ—и слава Богу!

— То-то, что пѣдь Богомъ мы нынче ходимъ. Сегодня сошли, а завтра нѣтъ. Ехидные нынче люди пошли: испытываютъ. Иной цѣлый разговоръ съ тобой ведеть: ты думаешь, онъ виравду, а онъ на-смѣхъ! Вотъ, года три назадъ, пришла ко мнѣ бумага насчетъ распространенія специальныхъ идей. Натурально, письмоводителя: какія, моль, такія специальные идеи?—А это, говорить, по акцизной части, должно-быть. Ну, мнѣ что: по акцизной, таcъ по акцизной! Ань послѣ оказалось, что онъ мнѣ на-смѣхъ акцизную-то часть ввелъ!

— Ахъ, Прокопъ, Прокопъ! Милый ты, милый! Такъ какъ же ты съ Гаврюшой хочешь поступить?

— Хочу въ «зведеніе» отдать. Тамъ научать. Туда лихажьда попасть, а попасть, таcъ будетъ «человѣкомъ». Экзамены будетъ, братецъ, выдерживать, а вѣдь я никогда ни-

одного экзамена выдержать не могъ. Такъ воспитываться, безъ экзамена—это я могу, а чутъ на экзаменъ повели—ау, братъ!

Какъ ни удивительны представлялись мнѣ эти соображенія Прокопа, но въ результатѣ оказалось, что онъ правъ. Третій годъ находился Гаврюша въ заведеніи—и ничего, даже экзамены выдерживалъ. Жаловались, правда, воспитатели, что онъ во время препараций забирается въ спальню спать; но Прокопъ такъ наивно возражалъ на это: «такъ неужто-жъ ребенку не спать?» — что начальство махнуло рукой и вновь подтвердило обѣщаніе сдѣлать Гаврюшу «человѣкомъ».

Наташенька ужъ невѣста; ей восемнадцать лѣтъ, и наружностью она пошла въ мать, то-есть навѣрное будетъ со временемъ имѣть такія же наливныя сахарныя плечи. Какъ дѣвница благовоспитанная, она стыдится мужчинъ и при видѣ ихъ жмется къ мамашѣ. Сверхъ того, склоняетъ голову нѣсколько на-бокъ, что придаетъ ей какую-то трогательную грацію, и ходить, слегка привскакивая на носкахъ, тоже для грани. Вообще дѣвушка образованная, сытая и аппетитная, хотя совсѣмъ за свою аппетитность и отъ души молится Богу о ниспосланіи ей худобы. Прокопъ ее любить по-своему, то-есть шутить шутки насчетъ ея невинности и аппетитности; но въ этой любви нѣть и тѣни той страстности, которую онъ чувствуетъ къ Гаврюшѣ.

— Наташа — чтѣ! — говорить онъ: — сегодня она Лизоблюдъ, а завтра будетъ Тарелкина. Вотъ Гаврило у меня — тотъ настоящій, коренной Лизоблюдъ будетъ!

Когда я пришелъ къ Прокону вечеромъ, у него ужъ сидѣлъ гость. Поэтому онъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу въ переднюю, чтобы сообщить о результатѣ давешняго разговора насчетъ графскаго камердинера.

— Обѣдалъ, братъ,—сказалъ онъ довольнымъ тономъ:— десятирублевенькую выкинулъ.

— Ловко, голубчикъ. Стало-быть, скоро тебя и поздравить будеть можно?

— Ну, это еще бабушка па-двое сказала. Мѣстовъ, говорить, нѣть. Будуть, говорить, два мѣста на-дняхъ, да вчера, вишь, обѣщаны. А послѣ этихъ двухъ мѣсть, какъ очистится первая вакансія, такъ и...

— Да не вреть ли?

— Вѣрно, братецъ. Прямо такъ и сказалъ: послѣ этихъ двухъ вакансія—моя!

— Ну, и слава Богу!.. Покуда за границу съѣздишь, покуда чтõ... Завидую я тебѣ, голубчикъ! Какъ тамъ ни говори, а еще много, очень много въ наше время можно напакостить... то-бишь, дѣлъ надѣлать. Вотъ хоть бы эта самая область, куда Макаръ телять не гонялъ...

— Да одно ли это! А проче-то! Однако я долженъ тебя предупредить: покуда обѣ этомъ—молчокъ. Иванъ Созонтычъ такъ сказывалъ: «вы, сударь, до времени не хватайтесь». А теперь идемъ къ женѣ.

Вся семья Прокоша была налицо. Надежда Гаврентьевна дала мнѣ руку поцѣловать. Наташенька—въ губки похристосовалась; одинъ Гаврюша бутузомъ сидѣлъ въ углу, держа въ обѣихъ рукахъ по яйцу и пробовалъ, которое изъ нихъ крѣпче. Гостемъ оказался какой-то генераль, до такой степени унылый, что мнѣ съ первого взгляда показалось, что у него болитъ животъ. Прокошъ отрекомендовалъ насть другъ другу.

— Генераль Николай Батистычъ Пупонъ,—сказалъ онъ мнѣ.—Отецъ его, Батистъ Богданычъ, французъ былъ, съ русскими войсками въ восемьсотъ-четырнадцатомъ году Парижъ бралъ, ну, а вотъ онъ—ужъ настоящій русскій. И вѣры нашей.

При имени Пупона мнѣ вдругъ что-то смутно вспомнилось, что я въ 1863 году въ газетахъ читалъ. Реляція какая-то, въ которой говорилось, что храбрый полковникъ Пупонъ... но вотъ тутъ-то имѣнио я и сбивался: крѣость ли непріятельскую взялъ, или молодцомъ взлетѣлъ на четвертый этажъ какого-то дома и безъ ключа отперъ дверь какой-то квартиры.

— Вы... тотъ самый храбрый полковникъ Пупонъ?..— невольно сорвалось у меня съ языка.

— Да... но теперь—генераль!—отвѣтилъ онъ мнѣ какимъ-то горькимъ голосомъ.

И вдругъ я въ самомъ дѣлѣ вспомнилъ. Да, это дѣйствительно было не подъ Севастополемъ, а на Подъяческой. Онъ взлетѣлъ и какимъ-то волшебствомъ, безъ ключа, очутился внутри запертой квартиры. Но какъ онъ съ тѣхъ поръ измѣнился! Тогда онъ мнѣ казался молодымъ, исполненнымъ отваги и надежды, и хотя выраженіе его лица и въ то время имѣло что-то наглое, но это была наглость молодая, сильная, ликующая. Теперь—онъ былъ похожъ на заштатнаго индѣйского пѣтуха, который до такой степени забытъ и отошелъ, что не имѣть силъ даже сонлю-

распустить. Весь онъ былъ словно испломъ покрытъ: лицо пепельное, глаза пепельные, волосы пепельные, даже на мундирномъ сюртуке какъ будто кусочки пепла виднѣлись. Сидѣлъ онъ молча, часто и глубоко вздыхалъ, а немногіе отвѣты на вопросы давалъ отсырѣлымъ, пещернымъ голосомъ.

Мы сѣли въ кружокъ и стали разговаривать. Сначала погоду брали, потомъ перешли къ залупскимъ новостямъ, и Надежда Лаврентьевна въ одну минуту засыпала меня рассказами, въ которыхъ, къ великому моему прискорбію, главную роль играли плохи.

— Говорили, будто ужъ плохъ больше не будетъ,—резюмировалъ эти рассказы Прокопъ:—а онъ нынче еще веселѣе прежняго въ ходъ пошли. У насъ, въ Залупскѣ, рѣдкій разговоръ нынче не кончается плохой.

— Самолюбивѣе пародъ сталь—оттого!—попробовалъ я объяснить.

— Нѣтъ, не самолюбивѣе, а такъ какъ-то... въ общежитіе, стало-быть, вошло. Кабы самолюбіе, такъ онъ, получивши плоху-то, бѣжалъ бы куда-нибудь, а то получить, да такъ съ плохой иходить по городу.

— Очень нынче въ Залупскѣ нехорошо стало!—вздохнула Надежда Лаврентьевна.

— Скучно?

— Нѣтъ, не то чтобы... Балы въ собраний бывають... офицеры никники устраиваютъ... Нѣтъ, мы не скучаемъ! А такъ, вообще.

— У насъ, братъ, и въ заводѣ скучи нѣтъ!—отозвался Прокопъ.—Либо у насъ гости, либо мы въ гостяхъ—гдѣ тутъ скукѣ быть! А гостей нѣтъ—лошадей величишь заложить или варенья спросишь. А теперь вотъ за границу собрались. Вздумалось сѣѣздить—и поѣдемъ.

— Такъ это у васъ окончательно рѣшено?—обратился я къ Надеждѣ Лаврентьевнѣ.

— Да, рѣшено. Надо же.

— Я ужъ разъ шесть за границей былъ, вездѣ перебывалъ,—объяснилъ Прокопъ:—а онъ еще ни разу не были. Ну, и пусть сѣѣздятъ, посмотрятъ. Нельзя же...

— Да, да... Это дѣйствительно такъ... нельзя же! Вотъ я никогда за границей не бывалъ и даже намѣренія не имѣль, а давечка пришелъ онъ—я и раздумался. Надо же, думаю, нельзя же!

— Конечно, надо,—подтвердила и Надежда Лаврентьевна.

— И прекрасно, братъ, вмѣстѣ всѣ и пойдемъ. Вотъ и генераль съ нами, да еще по дорогѣ кой-кого подходящихъ подберемъ—чудесно время проведемъ!..

— Только вотъ что: хотѣлось бы мнѣ прежде хотѣть приблизительное понятіе себѣ составить, чѣмъ собственно будемъ мы дѣлать за границей?

— А чѣмъ проче дѣлаютъ, то и мы будемъ. Чай, не арио-метикъ учиться ѳдемъ. Талеры знаешь, франки знаешь—ну, и все тутъ.

— Напримѣрь, начать хотѣть бы съ того, куда мы ѳдемъ?

— Разумѣется, сначала въ Берлинъ—тамъ на недѣлю остановимся. Въ Берлинѣ можно бы и именьше побыть, да мнѣ, признаться, Бисмарка показать обѣщали.

— Чѣмъ ты! Самаго Бисмарка?

— Да, Иванъ Карлычъ, булочникъ здѣшній, обѣщалъ. «Я, говоритъ, вамъ къ его камердинеру, Христофору Иванычу, письмо дамъ, такъ онъ его вамъ за сто марокъ сколько угодно покажетъ». А ежели двѣсти марокъ дашь, такъ Бисмаркъ даже на аудіенцію выходитъ. И тутъ чѣмъ хочешь у него проси, потому что онъ за аудіенцію сто марокъ въ свою пользу отсчитываетъ.

— Ахъ, Господи!

— Нечего ахать—вѣрно говорю! А ежели еще сто талеровъ не пожалѣши, такъ и на квартиру приметь—разумѣется, ежели ты русскій. Потому русскихъ онъ любить. Русскіе, говорить, добрый, покорный народъ.

Какъ ни привыкъ я къ внезапнымъ мыслямъ Прокона, но это было такъ неожиданно, словно я въ армидины волшебные сады вошелъ. Я глядѣль на Прокона во всѣ глаза, усиливаясь угадать, не предается ли онъ, по обычаю, своему загадочному юмору; но лицо его сяло такимъ ликованиемъ, что не могло быть ни малѣшаго сомнѣнія въ искренности его словъ. Очень даже возможно, что перспектива видѣть Бисмарка играла не послѣднюю роль въ его рѣшимости Ѳхать за границу, и что онъ покуда только не могъ еще виолиѣ опредѣлить себѣ, по какому разряду онъ устроить это свиданіе, то-есть—за сто, за двѣсти или за триста марокъ.

— А изъ Берлина прямикомъ въ Парижъ,—продолжалъ онъ какъ ни въ чёмъ не бывало:—тамъ мѣсяца съ два пробудемъ. Вотъ барыни нарядовъ накупятъ, а мы по ресторанамъ походимъ. Оттуда пойдемъ въ Баденъ, въ Швейцарію, а на зиму въ Ниццу маинемъ.

— Но, все-таки, что же мы дѣлать-то, дѣлать-то что будемъ?

— Чѣдъ другое, то и мы. Другое гулять—и мы гулять; другое обѣдать—и мы обѣдать. Тамъ, братъ, не Россія: озорничать не позволяетъ. Вотъ въ Швейцаріи—скажутъ тебѣ съ вечера: завтра въ пять часовъ восхожденіе на Риги—ну, и будь готовъ въ пять часовъ, и становись въ пару.

— Видѣ, что ли, ужъ очень хороши, что даже выспаться не даютъ?

— Ничего... видѣ! Солнце встаетъ—известно! Въ трубы англичане смотрѣли—и опять, какъ арестантовъ, въ отель поведутъ.

— Такъ неужто-жъ, послѣ нашего-то простора, такая жизнь можетъ нравиться?

— Я развѣ говорю, что нравится? Нравится или не нравится, а коли назвался груздемъ—полѣзай въ кузовъ, вотъ я о чёмъ. И ѿда у нихъ хуже нашей. Говядина есть, да своя, а черкасской нѣть.

— Такъ какъ же это?

— О томъ-то я и говорю. А впрочемъ, коли ты за границу Ѹдешь, такъ меня держись. Если на себя надѣяться буденъ—одни извозчики съ ума сведутъ. А я тамошніе порядки наизусть знаю. И что гдѣ спросить, и гдѣ что искать, и гдѣ гривенникъ сунуть—все знаю. Я какъ приѣду въ гостиницу—сейчасъ на кухню и повару полтинничекъ. Все покажеть. Оберъ-кельнеру тоже сунуть надо—первому за табль-д'отомъ подавать будутъ.

— Такъ, стало-быть, Ѹдемъ?

— Какъ не Ѹхать? Нельзя не Ѹхать. Я за зиму-то въ Залупскѣ отеку, а лѣтомъ, какъ за границей въ родѣ арестанта побудешь—весь отекъ съ тебя какъ рукой сниметъ! Вотъ и генераль съ нами—ты что, генераль, носъ новѣйшилъ? Ѹдемъ?

— Не знаю... я ванины братъ буду...

— Не все же въ ваниѣ будешь сидѣть. Чай, и искать захочешь.

— Нѣть ужъ... Я ужъ... Не могу я, мой другъ!

— Ахъ, генераль, генералы! Какой ты былъ храбрый да приворонный, сраженіе въ Средней Подьяческой выигралъ—и вдругъ что съ тобой сдѣлалось!

Генераль обратилъ на насъ потухающій взоръ и произнесъ:

— Таковы плоды человѣческой мечтательности!

Онъ сказаъ это такимъ безнадежнымъ тономъ, что всѣ невольно смолкли. И затѣмъ вдругъ, къ величайшему моему удивленію и къ смущенію Наташеньки, которая, впрочемъ, въ одно мгновеніе куда-то исчезла, началъ разстегивать свой сюртукъ, потомъ жилетъ, рубашку, покуда не обнажилась лѣвая сторона нижней части его волосатой груди.

— Смотрите, молодой человѣкъ, и да послужитъ вамъ это урокомъ!—обратился онъ ко мнѣ, неизвѣстно почему считая меня за молодого человѣка:—вотъ здѣсь, пониже лѣваго соска, чѣмъ вы видите?

Я приблизился и, дѣйствительно, увидѣлъ чѣмъ въ высшей степени странное. Въ нижней части груди, въ томъ самомъ мѣстѣ, на которое сейчасъ указалъ генераль, находилось продолговатое пространство, усыпанное бѣлыми пупырышками, въ родѣ сыпи. Когда генераль щелкнулъ по этому мѣсту двумя пальцами, то пупырышки мгновенно покраснѣли, и я могъ прочитать слѣдующее:

КЪ СЕМУ ТѢЛУ, ЗА
БЕЗГРАМОТСТВОМЪ САТАНЫ,
АГГЕЛЬ ЕГО, ИВАНЪ ИВАНОВЪ
ДОМОВОЙ, РУКУ ПРИЛОЖИЛЪ.
АНАӨЕМА!!

Повидимому, подпись эта была никогда наколота сапожнымъ шиломъ и натерта порохомъ.

— Теперь вы знаете роковую тайну моего горькаго существованія!—продолжалъ генераль, покуда я виѣ себѣ отъ изумленія смотрѣть на него:—покамѣстъ я былъ субалтернъ и штабъ-офицеромъ, не существовало человѣка, который при встрѣчѣ со мной не говорилъ: «вотъ отважный Пупонъ!» Всѣ меня знали, всѣ лъстили и чествовали; отовсюду ездили мнѣ телеграммы, во всѣхъ трактирахъ пили за мое здоровье! Даже историкъ Соловьевъ, и тотъ, въ предвидѣніи сорокового тома «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», съ благодарностью принялъ отъ меня меморію подъ названіемъ: «Къ исторіи смутнаго времени, съ присовокупленіемъ подвиговъ». Но съ тѣхъ поръ, какъ я произведенъ въ генералы—все измѣнилось. Пупонъ забыть, Пупонъ отверженъ, Пупонъ—отчисленъ по кавалеріи! И въ довершеніе всего господинъ Соловьевъ на-дняхъ возвратилъ мнѣ мою меморію обратно съ слѣдующею надписью: «Дѣла, въ сей меморіи описанныя, столь несвойственны, что даже

не весьма стыдливая Кліо — и та отвращаеть отъ нихъ лицо свое». Замѣтите: «несвойственны», но чому несвойственны — о томъ умалчиваешь! Какъ по-вашему: обидно это или не обидно?

— Конечно, обидно. Но, съ другой стороны, ежели справедливо, что даже «не весьма стыдливая Кліо» — и та зажумянилась, то, можетъ-быть, подвиги, которые вы описывали, были такого sorta, что для ученаго и притомъ семеинаго человѣка...

— Нѣтъ, дѣло совсѣмъ не въ свойствѣ подвиговъ, а въ томъ, что съ производствомъ моимъ въ генеральскій чинъ истекъ срокъ контракта, скрыпленнаго той печатью, которую вы сейчасъ видѣли. Съ этихъ поръ все въ судьбѣ моей измѣнилось. Подвиги продолжаютъ совершаться нoprежнему, и профессоръ Соловьевъ самъ очень хорошо знаетъ это, но они совершаются уже не мною, а людьми совсѣмъ другого вѣдомства! Сврачиваю васъ: можно ли было поступить оскорбительнѣе?

— А впередъ, братъ, умнѣе буды! — вмышился Прокопъ: — коли съ нечистымъ контракты писать, такъ писать обстоятельнїе: такъ, моль, и такъ, до смерти моей обязываешься ты мнѣ... а тамъ, моль, послѣ смерти, буде чтѣ послѣ меня останется — все твоё!

— Шутить, все шутить! — съ горечью укорильт генераль.

— Позвольте, генераль! — вмышился я: — я съ любопытствомъ слѣжу за вашими жалобами и даже сочувству имъ, но, признаюсь, очень мало въ нихъ понимаю. Ваша прежняя блестящая карьера — и теперешній вашъ унылый видъ... наконецъ, эта странная печать на вашей груди... чтѣ все это значить? Кто вы?

— Я — жертва неопытной мечтательности и жажды благородныхъ подвиговъ, и такъ какъ мы ёдемъ вмѣстѣ за границу, то когда-нибудь я разскажу вамъ подробно исторію моей жизни. Теперѣ же могу сказать только одно: молодой человѣкъ! берегитесь мечтательности! Ибо мечтательность — даже въ границахъ области предупрежденія преступленія — далеко не всегда ведеть къ тому концу, который она самонадѣянно себѣ предназначила!

Съ этими словами онъ всталъ и вышелъ, оставивъ меня лицомъ къ лицу съ какою-то неѣю тайною.

IV.—Поѣхали.

Черезъ недѣлю, въ одиннадцать часовъ утра, я былъ на дебаркадерѣ Варшавской желѣзной дороги. Прокопъ уже распоряжался переноскою багажа, состоявшаго изъ двѣнадцати большихъ сундуковъ и нѣсколькихъ ручныхъ чемодановъ.

Сырая погода преслѣдовала насъ, и цѣлое море грязи стояло передъ станціей. Неподалеку возвышался законченный остатокъ Фейгинской мельницы, которая нѣкогда была углешениемъ интенданства и около которой теперь шнырили неизвѣстнаго происхожденія люди. Казалось, зданіе еще дымится, и духъ Овсянникова нариять надъ нимъ. Прокопъ, какъ человѣкъ похотливый относительно всѣхъ скандаловъ русской современности, конечно, не преминулъ обратить вниманіе и на мельницу.

— Изъ-за полтиничка кашу-то заварилъ! — сказалъ онъ, мигнувъ по направленію пожарища.

— Какъ ты, однако-жь, все просто объясняешь! — счелъ долгомъ возразить я, изумленный внезапностью этого предположенія.

— Извѣстно, изъ-за полтинника. На низу помоль дешевле на копейку — вотъ оно и тово. Да, моль, сожгутъ, благо мельница застрахована.

— Ну, нѣтъ, это ты ужъ черезчуръ хватилъ. Миллионеръ — и станетъ обѣ такихъ пустякахъ думать!

— А ты душу-то человѣческую знаешь?

— Нѣтъ, но во всякомъ случаѣ...

— А я знаю. У насъ въ Залускѣ тоже миллионеръ Голопузовъ живетъ, такъ у него извозчикъ пятиалтынны просить, а онъ ему гривенникъ даетъ. Да еще усовѣщиваешь: «креста, говорить, на тебѣ нѣты!» Такъ вотъ оно, чтѣ душа-то человѣческая значитъ!

Въ эту самую минуту изъ всѣхъ отверстій мельницы цѣлая масса людей высыпала наружу и скучилась противъ фасада ея. Прокопъ не преминулъ и на это обратить свое вниманіе.

— Ишь, иши, иши! адвокатовъ-то что собралось! — воспользовалъ онъ. — Это они сламъ дѣлять!

— Какой еще сламъ?

— Такой и сламъ, что одинъ какой-нибудь возьметъ всю тушу за себя, примѣрно хошь за сто тысячъ — ну, пятьдесятъ себѣ оставить, а пятьдесятъ на драку.

— Скажи по совѣсти: вѣдь ты это сейчас только выдумалъ?

— А ежели и выдумалъ — важность какая! Не въ томъ штука, выдумалъ или нѣть, а въ томъ, что правильно выдумалъ. Смотри-ка! смотри-ка! остановились! глядяты! ахъ, чтобы имъ пусто было! Иши, иши! Вонъ бѣлый, вонъ-вонъ этотъ! къ стѣнѣ подошелъ, штукатурки кусокъ отколупнулъ — это у него «совершенное» доказательство будетъ!

Затѣмъ Прокопъ началь-было объяснять мнѣ, какой разговоръ онъ имѣлъ обѣ этомъ дѣлѣ съ адвокатомъ Комаринскимъ, но я уже не слушалъ его. Придя въ залъ, я нашелъ тамъ довольно много народа, мужчинъ и дамъ, и у всѣхъ было на лицахъ написано: «вотъ и мы за граждану Ѳдемъ! нельзя же! надо же!» Меня никто не провожалъ; около Прокона вергѣлся Гаврюша, которому онъ отъ времени до времени говорилъ:

— Смотри же, Ѳишь больные! Будешь Ѳеть — и урокъ будешь знать! А въ іюнѣ, на каникулы, — къ намъ за граждану прїѣзжай!

Но вотъ раздался второй звонокъ, и надо было разсаживаться по вагонамъ. Прокопъ въ послѣдний разъ взялъ Гаврюшу за руки, пристально взглянулъ на него, словно бы хотѣлъ укусить, и перекрестилъ.

— Щишь, братъ, — повторилъ онъ: — тамъ я дядѣкъ оставилъ... требуй!

Перейдя въ вагонъ, Прокопъ отворилъ окно и оттуда смотрѣлъ на Гаврюшу. Онъ сидѣлъ безъ словъ, но все лицо его сіяло и смѣялось. Гаврюша тоже смѣялся, но стыдливо, какъ будто совѣстился. Наконецъ, поѣздъ закоыхался и тронулся.

— Щишь, братъ! — крикнулъ Прокопъ навстрѣчу сыну, который трускомъ бѣжалъ рядомъ съ удаляющимся вагономъ.

Вагонъ, въ которомъ мы помѣстились, принадлежалъ къ числу самыхъ роскошныхъ. Кромѣ двухъ отдѣльныхъ купѣ, въ немъ былъ еще прекрасный салонъ. Надежда Лаврентьевна съ Наташенькой устроились въ одномъ изъ купѣ, въ которомъ вмѣстѣ съ ними сѣлъ и еще какой-то молодой человѣкъ. Остальные пассажиры размѣстились въ салонѣ. Кромѣ Прокона, генерала Пупона и меня, тутъ было еще четверо пассажировъ. Молодой тайный совѣтникъ Стрекоза, который ожидалъ къ празднику Бѣлаго Орла, а получилъ корону на святыхъ Анны и въ знакъ фрондерства

отправлялся вояжировать; адвокать, который былъ обиженъ тѣмъ, что его не пригласили по Овсянниковскому дѣлу ни для судоговоренія, ни даже на побѣгушки; сѣденкій старишокъ съ Владиміромъ на шеѣ, маленький, съеженный, подергивающійся, съ необыкновенно густыми и черными бровями, которыхъ при каждомъ душевномъ движениі становились дыбомъ, должно-быть, очень злой; наконецъ, какая-то таинственная личность, въ восточномъ костюмѣ, въ родѣ халата изъ термаламы, и съ ермолкой на головѣ.

Когда поѣздъ двинулся, то всякий по-своему выразилъ чувство, одушевлявшее его въ эту минуту. Прокопъ смѣло и прямо снялъ картузъ и, перекрестившись большимъ крестомъ, произнесъ: «съ Богомъ!» Старишокъ тоже перекрестился, но какъ-то робко, подъ пальто, словно сомнѣвалась, входитъ ли это въ кругъ его обязанностей. Пупонъ хотѣлъ послѣдовать имъ примѣру, но «отецъ лжи» не позволилъ ему. Несколько разъ онъ безуспѣшно замахивался и, наконецъ, чтобы скрыть свою неудачу, вынулъ изъ кармана носовой платокъ, высморкался, сказавъ: «теперь надолго!» и усѣлся въ уголь. Восточный человѣкъ, повидимому, хотѣлъ совершить омовеніе, но, за невозможностью, сотворилъ бреніе и помазалъ имъ подъ ермолкой. Адвокатъ долго слѣдилъ за исчезающею въ туманѣ мельницею, потомъ вынулъ изъ кармана фотографическую карточку Овсянникова и пристально посмотрѣлъ на нее, какъ бы вопрошаю: «виноватъ ты или нѣть?». Молодой тайный советникъ открылъ окно и долго махалъ платкомъ провожавшимъ его столонаачальникамъ, какъ бы подтверждая имъ вести дѣла въ томъ же «направленіи». Потомъ сѣлъ и горько узыбнулся, словно укоряя отечество въ неблагодарности. Нѣть сомнѣнія, что онъ въ эту минуту сравнивалъ себя съ древнимъ Коріоланомъ, съ тою лишь разницей, что, болѣе великодушный, нежели Коріоланъ, онъ не намѣревался привести вольсковъ, чтобы отомстить за корону на святыхъ Анны.

Мнѣ было не по себѣ. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ прибавлялъ ходу и врѣзывался въ царство болотъ, мнѣ представлялось, что внутри меня больше и больше пустѣеть. Теперь впервые съ особенной назойливостью выдвигался впередъ вопросъ: что-то будетъ? Я — человѣкъ привычки и настолько робкій, что всякое передвиженіе непремѣнно волнуетъ и тревожитъ меня. Даже переѣзжая каждогодно лѣтомъ изъ Петербурга въ деревню, я не могу избавиться

отъ вопроса: чѣдъ будеть?—до такой степени все, чѣдъ стоять виѣ этой комнаты и дальше этой минуты, кажется мнѣ преисполненнымъ всякаго рода опасностей. Собственно говоря, я оставляю сзади себя очень мало: смутную тоску о чѣмъ-то и смутное желаніе чего-то — казалось бы, не о чѣмъ очень-то жалѣть! Но неизвѣстность, разстилающаяся впереди, до того преисполнена мучительныхъ загадочностей, что даже та лѣнивая смутность воспоминаний и надежды, которой предается современный русскій культурный человѣкъ, ежели онъ не адвокатъ, не прокуроръ, не желѣзодорожный дѣятель и не директоръ банка, представляется ему чѣмъ-то въ родѣ убѣжища. Точно вотъ проснулся человѣкъ и началъ въ халатѣ по комнатѣ ходить, и не хочется ему ни умыться, ни одѣваться, ни даже къ чаю притронуться: все бы опять ходилъ взадъ да впередъ, ходилъ бы да думалъ. О чѣмъ бы думалъ? — право, даже и на этотъ вопросъ отвѣтъ не зачѣмъ. Такъ бы, думалъ, и все тутъ. Мелькнетъ и исчезнетъ, и опять выскочитъ, и опять пропадетъ. То мотивъ какой-нибудь звукнетъ и замолчитъ, то образъ какой-то освѣтится и потухнетъ. Ходнишь-ходнишь и даже усталости не замѣчаешь. Я знаю, что это мечтательность изнурительная, но, по моему мнѣнію, она представляетъ собой эмблему существованія очень многихъ русскихъ людей. Современная жизнь, съ ея лихорадочными движеніями, не для всѣхъ выказала себя матерью. Многихъ хинциковъ выдвинула она впередъ, но большинство людей добродушныхъ и неспохватливыхъ оставила безъ дѣла, за штатомъ. Вотъ они-то и маятутся въ области тоски и всякаго рода смутностей. Безъ ясныхъ сожалѣй въ прошломъ, безъ ясныхъ провидѣній въ будущемъ — точно вотъ сейчасъ проснулись, и ночные грёзы еще не успѣли съ нихъ соскочить, да, пожалуй, и не соскочатъ никогда. И такъ какъ вездѣ, куда бы они ни пришли, имъ говорятъ: «не твое дѣло!» — то весьма естественно, что ими овладѣла оторопь. Этую оторопь они носятъ съ собой вездѣ и по привычкѣ являются съ ней даже тамъ, где жизнь, повидимому, не представляетъ уже ни тайнъ, ни неожиданностей. Все кажется, что или кондукторъ обидитъ, или засудятъ, или вдругъ... фюитъ!

Вотъ я, напримѣръ. Хотя я и не бывалъ еще за границей, но весь складъ моей жизни, все воспитаніе, всѣ идеалы, всѣ привычки и пріемы — все и всегда было заграничное. Я и парлѣ-франсѣ умѣю, и Наполеона III обру-

гать могу, и про Бисмарка два-три анекдота знаю, и даже съ некоторыми заграницными обычаями знакомъ. Одинъ знакомый сказалъ: «за границей за табль-д'отомъ семь блюдъ подаются»; другой знакомый предупредилъ: «если вы въ Парижѣ будете, никогда не говорите гарсонамъ: *je vous prie*, а *s'il vous plait*, — иначе въсѧ сейчасъ за русскаго примутъ». Съ этими свѣдѣніями, куда бы я ни приѣхалъ, вездѣ я какъ дома буду. И за всѣмъ тѣмъ, все-таки береть оторопь. Вотъ теперь, черезъ сутки — Эйдкуненъ, а мнѣ все кажется: пройдетъ ли? Точно къ родителямъ изъ школы съ дурной отмѣткой на билетѣ идешь. Каковы-то тамъ кондукторы? обходительны ли извозчики? не строги ли содер-жатели отелей? А главное, какъ я за табль-д'отомъ обѣдать буду? Я привыкъ на просторѣ обѣдать, а тутъ вдругъ — хочешь кусокъ проглотить, ань тебѣ нѣмецъ въ ротъ смотрить! И вдругъ онъ расхорохорится, скажетъ: давай за погибель Франціи пить! А я Францію люблю. Люблю, несмотря даже на то, что она теперь не Франція, а Макма-гонія.

Буду ли я съ нѣмцемъ за погибель Франціи пить?

Буду ли я вообще всѣ тѣ мерзости продѣлывать, которыя продѣлываютъ русскіе культурные люди, шляющіеся па теплыхъ водахъ? Буду ли я увѣрять, что мы, русскіе — свиньи, что правительство у насъ революціонное, что молодежь наша не признаетъ ни авторитетовъ, ни государства, ни семейства, ни собственности, что вообще порядочному человѣку въ Россіи дышать нельзя, и что поэтому слѣдуетъ приобрѣсти виллу въ Баденѣ или въ Ниццѣ, а сношенія съ Россіей ограничить полученiemъ оброковъ?

Буду ли я говорить все это? — вотъ странный вопросъ! Развѣ я знаю, что я буду говорить! Развѣ могу опредѣлить заранѣе, чѣмъ я скажу, когда начну говорить? Вотъ если-бѣ я одинъ обѣдалъ, я бы, конечно, молчалъ, а то за табль-д'отомъ, гдѣ сто нѣмцевъ въ ротъ тебѣ смотрятъ, всѣ другъ другу таинственно шепчутъ: «а это вѣдь русскій!» Ну, какъ тутъ выдержать? какъ не сказать: «господа! я дѣй-ствительно русскій, но я изъ тѣхъ русскихъ, которые очень хорошо понимаютъ, что русскіе — кадеты европейской ци-вилизациі!»

Покуда эти мысли толнились въ моей головѣ, Проконтъ всматривался въ пассажировъ и приставалъ ко мнѣ съ во-просами: «это кто? а вонъ этотъ, въ углу, кто таковъ?» При этомъ онъ указывалъ пальцемъ и дѣлалъ свои замѣ-

чанія такъ громко, что я каждую минуту ожидалъ, что буду скомпрометированъ. Прежде всего онъ заинтересовался адвокатомъ, долго припоминаль, гдѣ онъ его видѣлъ, и, наконѣць, вспомнилъ-таки, что въ Муромскомъ лѣсу.

— Насилу, братъ, мы отъ него удрали!—присовокупилъ онъ въ видѣ заключенія.

Потомъ его заняли гаданіемъ о томъ, какъ онъ опять началь припомнить, гдѣ онъ его видѣлъ.

— А вѣдь это отъ Огюста татаринъ!—воскликнулъ онъ наконѣць:—убей меня Богъ, ежели не онъ! Только фракъ сняль, да вѣдь я ихъ и въ костюмѣ въ ихнемъ видаль: въ ноябрѣ они-къ своему причастію ходятъ, такъ этакимъ же манеромъ наряжаются! Постой, я ему свиное ухо покажу!

И, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, къ величайшему моему изумленію, черезъ весь вагонъ крикнулъ:

— Здравствуй, саламалика! ты какъ это въ первый классъ попасть?

Но восточный человѣкъ только привѣтливо улыбнулся въ отвѣтъ на эту апострофу, и, къ моему удовольствію, происшествіе это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, кромѣ брезгливаго движенія плечами со стороны тайнаго совсѣмъ Стрекозы, который, казалось, говорилъ: въ какомъ же, однако, я обществѣ ёду?

Вообще, какъ я ни усиливался воздержать Прокона отъ внезапныхъ движений, онъ съ каждымъ шагомъ впередъ эмансирировался все больше и больше. Однимъ изъ самыхъ выдающихся его качествъ было любопытство, соединенное съ легковѣріемъ, и когда оно выступало впередъ, то совладать съ нимъ было очень трудно. Такъ случилось и теперь. Нѣкоторое время онъ какъ будто боролся съ собой и даже пытался разскказать мнѣ сюжетъ «Трехъ мушкаторовъ», которыхъ онъ будто бы читалъ по рекомендациіи какого-то высокопоставленного лица, но на половинѣ разсказа не вытерпѣлъ, подѣль къ адвокату и тотчасъ же завязалъ съ нимъ разговоръ.

— Вы адвокатъ?

— Имѣю честь принадлежать къ сословію адвокатовъ.

— Фамилія ваша?

— Проворный, Алексѣй Андреевичъ.

— Какъ будто мы съ вами прежде встрѣчались?

— Очень можетъ быть-стъ.

— Въ Муромскомъ лѣсу будто. Я въ саратовскую деревню, помнится, ѿхалъ.

Проворный взглянуль на Прокопа недоумѣвающими глазами.

— Какъ ее, станція-то? Булатниково, что ли? Еще вы нась въ оврагъ поджидали? — не смущаясь, продолжать Прокопъ. — Вы давно тамошнія мѣста бросили?

— Извините... тутъ есть какое-то недоразумѣніе... Я даже не слыхаль ни о какихъ Муромскихъ лѣсахъ! — все больше и больше недоумѣвать Проворный.

— Ну, что тутъ! Конечно, кому пріятно про Муромскіе лѣса вспоминать. Главное дѣло: бросили — и довольно. Тамъ, впрочемъ, нынче и невыгодно: всѣ проѣзжіе на желѣзныя дороги бросились, да и Муромскіе-то лѣса, кажется, въ Петербургъ, на Литейную, перевели. Овсянниковское дѣло знаете?

— Имѣть честь быть приглашаемымъ-сь.

— Понюхать или взаправду?

Вопроѣ былъ такъ необыкновененъ, что даже самому Проворному едѣлалось весело.

— Вы чemu смеетесь? — спросилъ Прокопъ, замѣтивъ на лицѣ адвоката улыбку.

— Да, признаюсь вамъ откровенно, у васъ такой неожиданный способъ выраженія...

— Никакого у меня способа выраженія нѣтъ, а говорю правду. У меня у самого два адвоката-пріятеля есть: одного, Бѣлобрюшenkова, понюхать приглашали, а другого, Комаринскаго, — того прямо запрягли: ступай, значить, въ самый навозъ! О Комаринскомъ, чай, слыхали?

— Имѣю честь знать лично-сть.

— Веселый парень, безстрашный. Я, признаюсь, говорилъ ему: смотри, братъ, вытащишь ли? Какъ бы совсѣмъ въ навозъ не застрять! Ничего — смеется. «Мяѣ, говорить, бояться нечего, я сыгъ. Въ Петербургѣ будеть жить скверно — въ Ниццу уѣду. Куплю палаццо, захвачу парочку литераторовъ съ Ветлуги, будемъ въ чехарду играть, въ Средиземное море плеватъ, по вечерамъ трехголосную херувимскую пѣть. Все равно, что въ Ветлугѣ заживемъ». А какъ по вашему мнѣнію: поджогъ Овсянниковъ мельницу или не поджогъ?

— Это зависить-сь...

— То-есть, отъ чего же зависитъ?

— Отъ взгляда-сь. Ежели съ одной стороны взглянуть — выйдетъ поджогъ, а ежели съ другой стороны — выйдетъ случайность.

- Ну, а по-настоящему, по правдѣ-то, какъ?
- По моему мнѣнію, правда есть продуктъ судоговоренія—вотъ все, что могу вамъ на этотъ счетъ сказать.
- Да вѣдь поджогъ-то до судоговоренія былъ?
- Пожарь-сь. А что было причиной, поджогъ или неосторожность, или дѣйствіе стихій — это ужъ тайна судоговоренія.

— Стало-быть, на судоговореніи можно и первое, и другое, и третье доказать?

— Не доказать, а доказывать-сь. Три системы доказательствъ будуть имѣть мѣсто въ этомъ дѣлѣ: одна со стороны прокурора, другая со стороны гражданскаго истца и, наконецъ, третья — со стороны защиты обвиняемыхъ. Каждая изъ этихъ системъ окажется болѣе убѣдительною, та и выиграетъ дѣло.

— Стало-быть, если-бъ я, напримѣръ, хоть разнѣвинный былъ, а у прокурора система будетъ лучше, нежели у моего адвоката, такъ меня на каторгу сошлютъ?

— Подобные случаи известны въ юридической практикѣ подъ названіемъ судебныхъ ошибокъ.

— Слава Богу, хоть это. Ну, а теперь имѣніе у меня въ Рязанской губерніи есть—можно его у меня отнять?

— Ежели есть противная сторона, которая обладаетъ известною суммою доказательствъ...

— Вотъ такъ судоговореніе! Ваше превосходительство! какъ вы обѣ этомъ думаете?

Вопросъ этотъ относился къ молодому тайному совѣтнику, который полулежалъ въ это время на диванѣ, закрывшись листомъ газеты. Но тайный совѣтникъ даже въ вагонѣ строго соблюдалъ свое достоинство и, чтобы не вступать въ разговоръ съ неизвѣстною личностью, притворился спящимъ.

— Спить,—шопотомъ произнесъ Прокопъ: — ну, да ему и не грѣхъ. Обидѣли его. Ну-съ, такъ будемте знакомы, Алексѣй Андреичъ. Хоть вы и собрались у меня рязанскую деревню оттягать, — да это еще когда-то будетъ! А покамѣсть знакомы будемъ. Можетъ, за границей свидимся—пріятнѣе будетъ въ своею кружку время провести. А что Овсянниковъ мельницу поджогъ—такъ вы въ этомъ не со-мѣбайтесь. Я и съ адвокатомъ его, съ Комаринскимъ, говорилъ—и тотъ говорить: поджогъ! Только парень-то ужъ очень хороши, денегъ у него много—вотъ и нельзѧ не заступиться за него.

Прокопь всталъ, потянулся и осмотрѣлся кругомъ, къ кому бы еще присѣсть. Покосился сначала на восточнаго человѣка, но раздумалъ и направился къ старику съ Владимиромъ на шеѣ. Старецъ какъ-то нервно передернулся, почувствовавъ себя въ этомъ сосѣдствѣ.

— Вы до Вильны? — спросилъ Прокопь.

— Я за границу-сь.

— А я думалъ, до Вильны. Туда нынче много такихъѣздитъ. Просвѣтители. А гдѣ служите? чай, въ консистории?

Старичокъ ничего не отвѣтилъ, но и я видѣлъ, какъ брови его начали постепенно шевелиться, словно въ нихъ что-то забѣгало.

— Чѣмъ не говорите, — продолжалъ Прокопь: — чай, языкъ не отвалится?

— При своемъ мѣстѣ служенія нахожусь, — отвѣтилъ старецъ, рѣшительно уклоняясь отъ дальнѣйшаго разговора.

— Понимаю! ватерклюзами завѣдуете? Тамъ, вѣрно, и простудились — теперь на казенный счетъ лѣчитьсяѣдете?

Старичокъ не отвѣчалъ, а только беспокойно подергивалъ плечами и спиной и перекладывалъ ноги одна на другую.

— Я и болѣзнь вашу знаю, — продолжалъ Прокопь: — по-медицински восцой она называется. Черносливъ, братъ, большие ѿши — пройдетъ.

— Прокопь! — возопилъ я: — что ты дѣлаешь?

— Ничего я не дѣлаю. Я только обѣ томъ, сколько на эту восцу казенныхъ денегъ выходитъ. А ежели ты со мной, господинъ Восцынъ, разговаривать не хочешь, — обратился онъ къ старику: — ну, и сиди съ Богомъ. Подергивайся. Ишь его нередергиваетъ. Восца! она и есть!

Наконецъ, вновь Прокопь сѣлъ подлѣ меня и пѣкоторое время казался обиженнымъ. Но такъ какъ никакое опредѣленное чувство не могло въ немъ долго задерживаться, то въ скоромъ времени его занимали уже совсѣмъ другія соображенія, и онъ изумилъ меня цѣльнымъ рядомъ совершенно неожиданныхъ вопросовъ и разсужденій.

— Къ Лугѣ, что ли, мы подѣлжаемъ? — спросилъ онъ.

— Къ Лугѣ.

— Ёсть будемъ — это хорошо. Вотъ я ему компотъ изъ чернослива закажу — ѿши, братъ, здоровъ будешь. А что за Луга? городъ, что ли?

— Городъ.

— А чудотворцы въ немъ какіе-нибудь почиваютъ?

— Объ какихъ еще чудотворцахъ ты заговорилъ? Есть исправникъ, становые—вотъ и довольно.

— Нѣть, это ты ужъ вздоръ мелешь. Это я навѣрное знаю. Во всякомъ городѣ свои угодники почиваются — это мнѣ архимандритъ Амфилохій говорилъ. Во Псковѣ—псковскіе угодники, въ Вильнѣ—виленскіе... А мнѣ, братъ, серьезноѣсть захотѣлось. Въ Лугѣ какая рыба водится?

— Ей-Богу, не знаю. Одному только удивляюсь: какъ это ты, голубчикъ, минуту помолчать не можешь? И мысли у тебя какія-то все разныя являются: сейчасъ были угодники, и вдругъ—рыба...

— А мнѣ развѣ заказано? Кабы мнѣ заказано было: думай объ одномъ — я бы и думалъ. Воинъ ему, Восцыну, сказано: думай о ватерклозетахъ—онь и думаетъ, къ нему въ это время не подходитъ. А мнѣ свободно: обѣ чѣмъ хочу, обѣ томъ и думаю.

— Все-таки иногда не мѣшало бы...

— Ну тебя! Я еще воинъ этого, тайного-то совѣтника, къ вечеру раззужу, да и обѣ татаринѣ доисконально разузнаю: съ какой стати свиное ухо съ нами въ первомъ классѣ єдетъ? Смотри-ка! смотри-ка! вѣдь и онъ на нась глядить! Смѣется! иши!

Дѣйствительно, восточный человѣкъ смотрѣлъ на нась и улыбался во весь ротъ. Онъ даже хлопалъ ладонью по поздушкѣ сосѣдняго мѣста, какъ бы приглашая Прекона сѣсть возлѣ него.

— Станція Луга! двадцать минутъ остановки! — прокричалъ кондукторъ, проходя мимо нась.

V.—Тайна, облекающая личность восточнаго человѣка, слегка разъясняется.

Въ Лугѣ, по дорогѣ къ вокзалу, меня подхватилъ подъ руку тайный совѣтникъ Стрекоза. Признаюсь, я смутно угадывалъ, что будетъ нѣчто подобное (далѣше я разскажу читателю мои отношенія къ Стрекозѣ), и порядочно-таки это волновало меня.

— Мы, кажется, съ вами знакомы? — спросилъ онъ.

— Кажется, — отвѣчалъ я.

— Мы пошли разными дорогами, но надѣюсь, что это не должно мѣшать намъ взаимно уважать другъ друга.

Говоря это, онъ сжималъ своимъ правымъ локтемъ мой лѣвый локоть, а лѣвой рукой взялъ мою правую руку.

— Признаюсь вамъ, я ужъ давно для себя рѣшилъ ко всѣмъ имѣть уваженіе, кто имѣть чинъ не ниже статскаго советника. А слѣдовательно и вы въ томъ числѣ.

Онъ усмѣхнулся, заглянулъ мнѣ въ лицо, пробормоталъ какъ бы про себя:—Это иронія?—и, не отпуская моей руки, засвисталъ какой-то мотивъ.

— Вы мои послѣднія распоряженія читали?—вновь началъ онъ разговарывать.

— Нѣтъ, не читалъ.

— Не интересуетесь?

— Сами по себѣ, вѣроятно, они интересны, но для меня—нѣтъ.

— Многіе такъ разсуждаютъ нынче, и оттого у насъ ничего не идетъ. Я не понимаю, какъ можетъ не интересовать умнаго человѣка то, въ чемъ, напримѣръ, заинтересовано цѣлое государство!

— Чѣмъ прикажете дѣлать! Это странно и даже малообъяснимо, но это такъ!

— Вотъ если бы вы читали, то должны были бы сознаться, что неправы.

— Въ чемъ неправы?

— А хоть бы въ томъ, что имѣете на меня совершилъ певѣрный взглядъ.

— Да помилуйте! что же вамъ-то до этого? развѣ вамъ мой взглядъ нуженъ?

— Даже очень. Я вообще имѣю нужду въ содѣйствіи, а въ частности, относительно васъ, есть, кромѣ того, и еще... Вы, можетъ-быть, забыли, но я очень, очень многое помню.

Онъ вновь сжалъ мнѣ локоть. Непріятное чувство испытывалъ я въ эту минуту: какъ будто Богъ-вѣсть откуда взялось мертвое тѣло и увязалось за мной.

— Какъ хорошо было двадцать лѣтъ тому назадъ—помните?—воскликнула онъ и даже ротъ на мгновеніе разинулъ, какъ бы вдыхая въ себя не-вѣсть какой ароматъ.

Я не отвѣтилъ, но онъ не сконфузился этимъ и еще крѣпче сжалъ мой локоть.

— Вы были въ то время неправы относительно меня,—продолжалъ онъ:— мы когда-нибудь обѣ этомъ поговоримъ на досугѣ. Старыхъ недоразумѣній не должно быть. Вы кудаѣдете?

Я назвать иль сколько пунктовъ.

— Приблизительно, это и мой маршрутъ. Скажите, что это за чудакъ, который васъ сопровождаетъ?

Я сказалъ.

— Эти дамы—его жена и дочь?

Стрекоза надѣлъ на глаза пенснэ и, сжавши губы, внимательно осмотрѣлъ Надежду Лаврентьевну и Наташеньку, которая сидѣла за общимъ столомъ и кушала цыпленка, словно играл имъ.

— Интересныя особы! — проѣдилъ Стрекоза сквозь зубы. — Можно съ ними познакомиться?

— Полагаю.

Въ эту минуту я замѣтилъ, что Прокопъ, совсѣмъ запыхавшись, бѣжитъ въ нашемъ направленіи, доѣдая набѣгу пирогъ, кусокъ которого еще торчалъ у него во рту.

— Ну, что, говориль я! и вышла моя правда! — кричаль онъ еще издали, махая руками.

Наконецъ, подбѣжалъ и торжественно объявилъ:

— Науматуллу видѣлъ.

— Да ты хоть бы говорилъ толкомъ! — возразилъ я, едва воздерживаясь отъ раздраженія.

— Изъ «Белью» Науматуллу; онъ тоже за границуѣдетъ — вонъ съ нимъ, вонъ съ этимъ... ну, вонъ что въ ермолкѣ у насъ въ вагонѣ сидитъ!

— Ну, и пускайѣдетъ. Какое, наконецъ, памъ до этого дѣло!

— Какъ какое? Я отъ Науматуллы узналъ про него. Онь—принцъ, братецъ, только инкогнито.

— Душа моя, это, наконецъ, утомительно!

— Ты сперва взгляни, а потомъ говори! Вонъ они рядомъ сидять. Науматулла-то ужъ разсчитался съ «Белью», теперь у принца камергеромъ служить.

Какъ ни глупо все это представлялось, но я невольно взглянулъ впередъ. Дѣйствительно, восточный человѣкъ сидѣлъ за общимъ столомъ и пилъ шампанское, которое Науматулла изъ «Белью» (я тотчасъ же узналъ его) наливалъ ему.

— Ты вотъ все бѣгаешь,—сказалъ я Прокопу:—теперь єду прозѣваешь, а потомъ будешь жаловаться, что голодень. Садись-ка лучше, ёшь.

— Нѣть, я хочу тебѣ доказать, хоть я и не отгадчикъ, а взглядъ у меня есть! Пссст... пссст... — сдѣлалъ онъ, кивая головой по направлению къ Науматуллѣ.

Науматулла всталъ, что-то почтительно пошепталъ восточному человѣку, потомъ налилъ три бокала, поставилъ на тарелку и поднесъ намъ.

— Прынецъ просить здоровья кушать! — сказалъ онъ.

Прокопъ принялъ бокаль и, выступя нѣсколько впередъ, церемоніально поклонился. Я и Стрекоза тоже машинально взяли бокалы и нѣкоторое время совсѣмъ пѣдураски стояли съ ними, не рѣшаясь, пить или не пить. Восточный человѣкъ между тѣмъ во весь ротъ улыбался намъ.

— Чѣдже это, однако, за принцъ такой? — спросилъ Стрекоза Науматуллу.

— Въ Эйдкуненъ все будемъ говорить; въ Эйдкуненъ — все чисто будемъ объяснять, — таинственно отвѣтилъ Науматулла: — а до Эйдкуненъ — не можемъ объяснять. Еще шампанскаго, господа, угодно?

— Да не мятеожникъ ли это какой-нибудь? — усомнился вдругъ Прокопъ.

— Сказано: въ Эйдкуненъ все чисто объяснять будемъ. И больше ничего! — вновь подтвердилъ Науматулла и исчезъ съ опорожненными бокалами въ толпѣ.

— Какъ же къ нему обращаться? Чай, титуль у него какой-нибудь есть? — обезпокоился Прокопъ. — Науматулла, признаться, сказалъ мнѣ что-то, да вѣдь его развѣ поймешь? «Заблудащій», говорить, — вотъ и думай!

— Въ Эйдкуненѣ узнаемъ-съ, — отозвался Стрекоза.

— Чай, бѣглый какой-нибудь, — продолжалъ Прокопъ: — инѣй, шельма, смѣлый какой! не боится, такъ съ подлиннымъ обличьемъ иѣдетъ! Вотъ бы тебя къ становому отсюда препроводить — и узналь бы ты, гдѣ раки зимуютъ!

— Въ Вержболовѣ, по всей вѣроятности, такъ и поступлено будетъ, — вновь отозвался Стрекоза.

— И все-таки принцъ! Тамъ какъ ни дразнись свинымъ ухомъ, а у нихъ, коли принцъ, такъ сейчасъ видно, что есть что-то свыше. Вотъ кабы онъ къ Наташенькѣ присватался, я бы его въ нашу православную вѣру перевелъ... ха-ха! А чѣдже ты думаешь? Уѣхали бы всѣ вмѣстѣ въ Ташкентъ, стали бы новые необременительные налоги придумывать, дворъ бы, по примѣру прочихъ принцевъ, завели, Патти бы выписали...

— Христосъ съ тобой! Вѣдь Ташкентъ-то ужъ русскій!

— А, можетъ, царь и простить, назадъ велить отдать. Мы противъ русской имперіи — ничего, мы вѣрные слуги;

вотъ коканцы—тѣ мятежники. А мы бумагу такую напишемъ, чтобы, значить, ни вамъ, ни намъ. Смотри-ка! да никакъ Науматулла опять съ шамианскимъ идетъ! Постой, я его разсиропшу!

Дѣйствительно, Науматулла опять стоялъ передъ нами съ наполненными бокалами и говорилъ:

— Вторично прынецъ велѣлъ здоровья кушать! Всѣ будьте здоровы! Кофій, чай, пшаладь—кому что угодно, все спрашивайте, все подавать велѣно!

— Да кто твой принцъ, сказывай?—спросилъ Прокопъ:— можетъ, онъ мятежникъ?

— Въ Эйдкуненъ—все говоримъ! до Эйдкуненъ—ничего говорить не можемъ!

— Пить ли?—усомнился Прокопъ, обращаясь ко мнѣ.

Къ счастію, звонокъ прервалъ всѣ эти вопросы и недоразумѣнія. Мы пакшко выпили шампанское и поспѣшили въ вагонъ, при чемъ я, на ходу, представилъ другъ другу Стрекозу и Прокопа. Восточный человѣкъ былъ уже на мѣстѣ, и Прокопъ, сказавъ мнѣ: «воля твоя, а я его буду благодарить!»—подошелъ къ нему. На что восточный человѣкъ отвѣтилъ очень привѣтливо, протянувъ руку на диванъ и какъ бы приглашая Прокопа сѣсть на нее.

Надо отдать сираведливость Прокону—онъ отнесся къ этой пантомимѣ довольно недовѣрчиво и сѣлъ поодаль. Затѣмъ онъ попытался завести разговоръ и, какъ всегда водится въ подобныхъ случаяхъ, даже выдумалъ совершенно своеобразный языкъ для объясненія съ восточнымъ человѣкомъ.

— Далеко? луанъ?—спросилъ онъ и, для ясности нѣсколько разъ махнувъ рукою въ воздухѣ, показалъ пальцемъ въ окно.

Восточный человѣкъ засмѣялся и тоже показалъ пальцемъ въ окно.

— Дѣла есть? аферъ иль-я?

Восточный человѣкъ продолжалъ смѣяться и показывать пальцемъ въ окно.

— И я тоже туда! е муда осси леба! Только я, братъ, безъ дѣла—комса!

Очевидно было, однако-жъ, что восточный человѣкъ или не понималъ, или упорно притворялся непонимающимъ. Онъ только смотрѣлъ какъ-то удивительно весело, раскрывъ ротъ до ушей.

— Не понимаешь?—утомился, наконецъ, и Прокопъ:—

ну, нечего дѣлать, давай такъ сидѣть, другъ на дружку смотрѣть станемъ!

Начали смотрѣть другъ на друга и вдругъ оба захотали. За ними захотали и другіе, такъ что Надежда Лаврентьевна обезшоколась и выглянула изъ-за двери.

— Наденъка, поди сюда! Вотъ это принцъ! а это—мачфамъ!—рекомендовалъ ихъ другъ Прокопъ.

Надежда Лаврентьевна ничего не понимала и какъ-то конфузливо оглядывалась. Между тѣмъ принцъ, съ ловкостью восточного человѣка, вскочилъ съ своего мѣста, отвернувшись и полу халата, порылся въ карманѣ штановъ и поднесъ Надеждѣ Лаврентьевнѣ шпталу, держа ее между двумя пальцами.

— Бери, послѣ за окно выбросишь! — разрѣшилъ Прокопъ недоумѣніе жены своей. — Принцъ вѣдь онъ! Инь вѣдь, свиное ухо, куда вздумаешь гостиныцы прятать: въ штаны!

Однако, какъ ни малотребователенъ былъ Прокопъ на счетъ развлечений, и ему, повидимому, надоѣло смотрѣть на восточного человѣка и смыться съ нимъ.

— Будетъ, братъ,—сказать онъ:—послѣ, ежели захочется, давай и онять смотрѣться!

А мнѣ, покуда все это происходило, было совсѣмъ тяжело, потому что ко мнѣ подсѣгъ Стрекоза и самымъ серьезнымъ образомъ допрашивалъ, почему я его не уважаю.

— Изъ чего вы это заключаете? — отбивался я, какъ умѣль.

— Нѣтъ, это для меня вопросъ рѣшенный: я по глазамъ вижу. Скажите же, отчего вы меня не уважаете?

Я бился какъ рыба объ ледѣ, стараясь ежели не разувѣрить, то по крайней мѣрѣ успокоить моего собесѣдника. Но онъ не унимался и только видоизмѣнилъ свой вопросъ:

— Вы мои послѣднія распоряженія читали? Не читали? А между тѣмъ судите обо мнѣ!

Въ это время, къ моему удовольствію, подошелъ къ намъ Прокопъ и произнесъ:

— Чортъ ихъ знаетъ, эти татары! вотъ и смылялся, кажется, а смерть какъ скучно! Какову онъ конфетку Надеждѣ Лаврентьевнѣ подарилъ? Замѣтилъ?

Наконецъ, начало и темнѣть въ вагонахъ. Проѣхали

Псковъ, отобѣдали, стали подѣлжать къ Острову. Всѣ были утомлены, потягивались и зѣвали; многие пробовали заснуть, но не могли. Съ полчаса было въ вагонѣ тихо—только слышалось, какъ восточный человѣкъ чавкалъ шепталу и щелкалъ миндалевые орѣхи. Потомъ вдругъ все опять заворочалось, стараясь половчѣе усѣсться, и вдругъ всѣ очутились сидящими прямо и глядящими другъ другу въ глаза.

— Вотъ-то, братъ, тоска,—произнесъ Прокопъ:—хоть бы сказку кто разсказалъ!

Тогда мнѣ припомнилось, что генераль обѣщаѣ разсказать исторію о томъ, какъ онъ свѣль знакомство съ чертомъ, и я немедленно сообщилъ эту мысль Прокопу.

— А что-жъ, и прекрасно! Можетъ-быть, и разгуляемся! Генераль! помнишь, ты ему обѣщаѣ исторію свою разсказать? Вотъ бы теперь—чего лучше! Господа! будемъ всѣ просить генерала!

Генераль нѣсколько затруднился, но такъ какъ мы всѣ его обступили и въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ прошли доставить намъ своимъ разсказомъ живѣйшее удовольствіе, то онъ, наконецъ, согласился. Но прежде цѣхѣи приступить къ самому разсказу, онъ всталъ, разстегнувъ сюртукъ, рубашку и фуфайку и показалъ намъ опять ту надпись, которая хранилась у него на груди пониже лѣваго соска и о которой я уже говорилъ читателю.

— Смотрите, господа!—сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ:—ибо эта печать есть истинный герой предстоящаго разсказа!

Затѣмъ онъ высыпался, откашлялся и разсказалъ намъ слѣдующее ^{*)}.

^{*)} По обстоятельствамъ осталось неоконченнымъ.—*Замыпаніе автора.*

СТАРЧЕСКОЕ ГОРЕ

или

НЕПРЕДВИДЕННЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ЗАБЛУЖДЕНІЯ УМА.
(РАЗСКАЗЪ).

Про Каширина всѣ говорили: «воть истинно-милый человѣкъ!» А иѣкоторые прибавляли: «это человѣкъ свѣтлого ума, любезный, преданный дѣлу и замѣчательно интересный; однимъ словомъ, человѣкъ, знакомствомъ съ которымъ слѣдуетъ гордиться». Люди самыхъ противоположныхъ лагерей сходились въ любви къ Каширину и въ признаніи его достолюбезныхъ качествъ. Съ своей стороны, и онъ всѣхъ любилъ, со всѣми здоровался и всякому имѣть сказать что-нибудь пріятное. И всегда это пріятное выражалось съ такою сердечностью, какъ будто оно было адресовано исключительно тому лицу, къ которому обращалось, а вовсе не представляло собой бацальной фразы, которую можно примѣнить ко всякому встрѣчному. И всякому представлялось (особливо самолюбивымъ людямъ), что это не была съ его стороны только ловкость, а именно интимное выраженіе достолюбезныхъ свойствъ его природы.

Словомъ сказать, хотя Филиппу Филиппычу (такъ зовутъ Каширина) перевалило за пятьдесятъ, но онъ рѣшительно не помнить, чтобы до послѣднихъ непредвидѣнныхъ неизгода существованіе его было когда-нибудь омрачено продолжительнымъ и существеннымъ огорченіемъ.

Какимъ образомъ явился Филиппъ Филиппычъ на сцену жизни и откуда, «изъ какихъ» онъ былъ родомъ никто обѣ этомъ достовѣрныхъ свѣдѣній не имѣть; самъ же онъ очень ловко уклонялся отъ вопросовъ на эту тему. Въ дѣйствительности онъ былъ родомъ изъ-подъ Пронскаго города, сынъ мелкопомѣстнаго помѣщика, и даже додиесь у него живеть въ тѣхъ мѣстахъ тетка Агаѳья Ивановна, старая дѣвица, въ пользу которой Каширинъ отказался отъ своего родового наслѣдства. Наслѣдство это, по старому крѣпостному счету, заключалось въ трехъ мужеска пола

то и онъ, вслѣдъ за нимъ, перешелъ туда же, и наконецъ, когда времена окончательно созрѣли, онъ окончательно утвердился въ вѣдомствѣ «Дивидендовъ и Раздачъ». Найѣрное, онъ попалъ бы и въ преобразованное судебное вѣдомство, яко наиболѣе городнѣйшее и несмѣниаемѣйшее, если бы ко времени введенія реформъ не почувствовалъ себя со-старѣвшимся и обрюзгшимъ.

То же живое слово Грановскаго воспитало въ немъ и склонность къ литературѣ. Собственно говоря, самъ онъ не былъ литераторомъ, но переводъ однако-жъ, съ кѣмъ-то вдвоеемъ, статейку для «Отечественныхъ Записокъ» времень Бѣлинскаго и, кромѣ того, изобрѣть два-три счастли-вия выраженія, которыми и воспользовались литераторы настоящіе, сдѣлавшиеся впослѣдствіи знаменитыми. Сверхъ того, онъ въ особенности любилъ непропущенный цензурой статьи или хотя отдѣльныя мѣста изъ нихъ, и страстью коллекціонировалъ ихъ. Вообще онъ смолоду охотно искалъ общества литераторовъ и быть всегда испытаннымъ и вѣр-нымъ ихъ другомъ, хотя многие изъ нихъ отплачивали за эту дружбу легкомысленнымъ предательствомъ. Въ сороко-выхъ годахъ съ талантливостью какъ-то фаталистически соединялась склонность къ пересмѣшничеству и даже не-много къ вѣроломству. Каширинъ очень часто и болѣю страдалъ отъ этого, но, къ чести его должно сказать, никакія личныя огорченія не заставили его отвернуться отъ литературы, а тѣмъ менѣе мстить ей. И когда учрежденъ былъ Литературный Фондъ, то онъ за особенную себѣ честь поставилъ быть однимъ изъ его учредителей и печальниковъ.

Вообще все существованіе Филиппа Филиппыча имѣло подкладку несомнѣнно гуманную и либеральную. Хотя же онъ и не высказывалъ своего либерализма вслухъ, но при случаѣ такъ характерно произносилъ: «гм!» и даже: «эг!» — что въ умѣ сколько-нибудь прозорливаго собесѣдника не могло оставаться никакихъ сомнѣній насчетъ душевнаго его настроенія.

Каширинъ прожилъ жизнь тихо и аккуратно. Занимая по службѣ мѣста благородныя и снабженныя хорошимъ содержаніемъ, онъ не только не нуждался, но всегда жилъ вполнѣ прилично. Онъ не прижимался съ деньгами, но и не расточалъ оныхъ. Имѣя обширный кругъ знакомыхъ, гдѣ всегда видѣли его съ удовольствіемъ, онъ почти не жилъ дома, и это значительно сокращало его расходы. Го-ворили, будто онъ копилъ про черный день; но ежели это

и была правда, то, во всякомъ случаѣ, присовокуплениѣ его были самыя умѣренныя. Главный расходъ его составляли: квартира, одежда и сигары, и эти статьи были доведены у него до самой безукоризненной респектабельности. Затѣмъ онъ держалъ при себѣ приличнаго лакея, непремѣнно изъ иѣмцевъ. Никогда онъ дома не обѣдалъ и, проработавъ утромъ за казенными бумагами, исчезалъ до поздней ночи, заходя домой только на короткое время, чтобы переодѣться. Обѣдать любилъ преимущественно въ семейныхъ домахъ, гдѣ можно было сказать что-нибудь любезное хозяїкѣ дома, но не отказывался изрѣдка отобѣдать и въ «кабачкѣ», въ кутящей компаніи, причемъ самъ пилъ очень умѣренно, но платилъ свою часть наравнѣ со всѣми и даже уплачивалъ иногда за какого-нибудь *rique-assiett'a*, которыхъ всегда бываетъ немало между собутыльниками. Еще особенность: бумажникъ Каширина всегда бывалъ изобильно снабженъ деньгами, и между кредитками непремѣнно выглядывали двѣ-три крупныхъ. Это было тоже своего рода право на респектабельность.

Начальство отдавало Каширину справедливость, а нѣкоторыхъ изъ начальниковъ онъ даже имѣлъ честь считать въ числѣ своихъ друзей. Въ особенности онъ чувствовалъ себя счастливымъ, когда у департаментскаго кормила стояло начальство либеральное. Въ такія времена онъ называлъ департаментъ своею семьей, позволялъ себѣ ходить на службу въ коротенькой жакеткѣ и входилъ въ «кабинетъ» безъ доклада, съ сигарой въ зубахъ. Но и начальство *не*-либеральное не особенно смущало его, потому что онъ обладалъ однимъ драгоценнѣйшимъ качествомъ, которое всегда выручало его. Это качество было написано на его физиономіи и выражало собой готовность выслушать и исполнить, слегка окрашенную готовностью «дождѣться». Начальники либеральные въ особенности цѣнили эту послѣднюю готовность и пользовались ею не безъ пользы для себя. Начальники *не*-либеральные болѣе всего напирали на первыя двѣ готовности, но иногда, замѣтивъ, что гдѣ-то, въ уголку, скромно мерцаетъ еще какая-то робкая готовность, вдругъ осѣнялись мыслью: а что, не послушать ли, чтѣ имѣть этотъ фалалей доложить? И тогда Каширинъ докладывалъ внятно, вразумительно, точно жемчугъ низаль, такъ что не было никакой возможности не понять. И бывали примѣры, что, по выслушаніи, начальники—самые закоснѣлые—исправлялись.

Самую загадочную сторону жизни Каширина представляли его отношения к женскому полу. Достоверно было известно, что онъ любилъ женское общество, искалъ его и вслѣдствіе этого преимущественно посѣщалъ семейные дома. Женщины тоже, повидимому, любили его общество, чѣмъ можно было заключить уже по тому одному, какъ расцвѣтали лица знакомыхъ дамъ при встречѣ съ нимъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ расцвѣтаніи гораздо яснѣе проглядывало простое чувство благосклонности, довѣрія и дружбы, нежели стремленіе къ секретному потрясенію семейныхъ основъ. Да и самъ онъ, всѣмъ своимъ поведеніемъ, какъ бы свидѣтельствовалъ, что ему дорога только дружба и довѣріе женщинъ. Не говоря уже о томъ, что онъ былъ скроменъ какъ могила,ничто ни въ его манерахъ, ни въ голосѣ, ни во взглядѣ не представляло повода для игривыхъ догадокъ. Онъ никогда не заchaщалъ въ одинъ и тотъ же домъ и никогда не показывалъ, что между семейными домами, которые онъ посѣщалъ, ему больше по душѣ тѣ, во главѣ которыхъ стоятъ красивыя хозяйки. Казалось, что и *la belle madame* Растопыря, и хорошенъкая *madame* Карноухова, и добро-душно-безобразная Матрена Ивановна Стрекоза равно ему милы. Онъ одинаково усердно посѣщалъ и красивыхъ, и некрасивыхъ, и одинаково старался снискивать ихъ довѣріе, благосклонность и дружбу. Иногда эти дамы, даже въ присутствіи мужей, шопотомъ сообщали ему свои маленькие тайны, и мужья отнюдь не формализировались этимъ, ибо знали, что Каширинъ — «другъ по преимуществу». Большею частью онъ разсказывалъ дамамъ о своихъ друзьяхъ-литераторахъ, о томъ, что Бѣлинскій и въ преферансъ игралъ съ тѣмъ же пыломъ страсти, съ какимъ писалъ критическая статья; о томъ, что Тургеневъ каждое утро моетъ лицо въ трехъ водахъ; о томъ, что Гончаровъ спитъ до двухъ часовъ дня, и т. д. И дамы внимали этимъ рассказамъ съ удовольствиемъ, потому что это были дамы интеллигентныя, либеральныя. Очень возможно, что въ минуты особенного сердечного таянія онъ и побаловывали его за интересно проведенные часы, но навѣрное онъ поступали такъ безъ всякой примѣси увлечения и съ тѣмъ, разумѣется, что въ будущемъ это ихъ ни къ чему не обязываетъ. По крайней мѣрѣ, именно такимъ образомъ злые языки объясняли загадочное отсутствіе любовнаго элемента въ жизненной обстановкѣ Каширина. «Это такая по части

женскихъ немощей подлая душа,—говорили они:—что дамочка и ахнуть не успѣть, какъ онъ уже, въ скромной роли недостойно облагодѣтельствованнаго, продолжаетъ прерванный разговоръ!» И это было весьма возможно. Ибо нѣтъ ничего удобнѣе и пріятнѣе, какъ обожатель, который съ женской благосклонностью не только не сопрягаетъ никакихъ обязательствъ, но даже никогда ни о чёмъ не поминаетъ и только скромно и преданно ждеть.

Но существовала и другая легенда о томъ же предметѣ. А именно, говорили, будто у Каширина имѣется въ заднихъ комнатахъ кухарка Амалія, которой онъ платить нѣсколько болѣе нежели обыкновенной кухаркѣ, и которая, въ одно и то же время, занимается приготовленіемъ для него утренняго кофе и смотрить за его бѣльемъ. И будто бы онъ придумалъ эту комбинацію въ видахъ экономіи, по примѣру отставныхъ чиновниковъ, которые, получая ограниченный пенсіонъ, не могутъ тратить много на свои удовольствія. Эту легенду, впрочемъ, пустили въ ходъ друзья-литераторы, и потому солидные люди, не останавливаясь на ней, прямо относили ее къ области беллетристики.

Какъ бы то ни было, но отношенія Каширина къ женской немощи такъ и остались неразгаданными.

Однако холостая жизнь и соприженная съ нею бездомовщина не остались безъ вліянія на Каширина. Отъ всей его фигуры такъ и разило старой дѣвой. И чѣмъ дальше онъ придвигался къ старости, тѣмъ замѣтнѣе становилось это. Привычка быть всегда среди людей (или, по крайней мѣрѣ, въ гостяхъ) выработала въ немъ особаго рода щепетильность, которая подъ конецъ сдѣлала бесѣду съ нимъ чрезвычайно однообразною. Дамочки любятъ скромныхъ обожателей, но въ то же время онъ не прочь и отъ того, чтобы отъ времени до времени колѣнопреклоненія ихъ были пересыпаемы какою-нибудь милою словесною гнусностью. Поэтому, когда онъ, разскажавъ весь запасъ анекдотовъ, начиналъ рассказывать ихъ вновь, то онѣ потихоньку вздыхали и находили, что онъ какъ-то черезчуръ ужъ мало слѣдить за вѣкомъ. Время шло впередъ и вносило оживляющее, реформирующее начало и въ сферу анекдотовъ. Требовался анекдотъ сильный, возбуждающій, щекочущій чувственность (даже Матрена Ивановна—и та не избѣгала общихъ законовъ прогресса), а Каширинъ все продолжалъ рассказывать о томъ, какъ онъ, въ 1845 году, ловилъ съ Аполлономъ Майковымъ пискарей въ Парголов-

скомъ озерѣ. Сверхъ того, съ лѣтами онъ слегка ожирѣлъ, вслѣдствіе хорошей пищи, а это тоже имѣло не совсѣмъ хорошее вліяніе на изобрѣтательность ума. Онъ сталъ пріобрѣтать особыя, свойственные одинокому человѣку привычки, съ трудомъ отказывался отъ тѣхъ или другихъ удобствъ, наблюдалъ извѣстные часы, началъ лѣниться, любить халатъ и т. д. Сказать ли правду—иногда онъ даже задумывался: а чтѣ, если бы предположеніе о кухаркѣ Амалиѣ привести въ исполненіе? То заманчивое и вполнѣ экономическое предположеніе, въ которомъ Амалия представлялась кумулирующею двѣ должности...

Со времени окончанія университетскаго курса, разъ поселившись въ Петербургѣ, онъ уже не покидалъ его и только однажды въ нѣсколько лѣтъ позволилъ себѣ коротенькую экскурсию за границу. Провинціи онъ боялся какъ огня и даже командировокъ не бралъ, потому что всюду чаялъ встрѣтиться съ тетенькой Агаѣй Ивановной. Несколько разъ бывшіе его «благодѣтели» приглашали его погостить на лѣто въ свое великолѣпное пронское имѣніе, но онъ постоянно уклонялся отъ этихъ любезныхъ приглашеній, и именно изъ-за той же Агаѣи Ивановны. Казалось, если бы она умерла, это во многомъ развязало бы Филиппу Филиппичу руки: онъ сталъ бы и командировки брать, и ъздить на лѣто въ гости къ высокопоставленнымъ друзьямъ. Но, съ другой стороны, если Агаѣя Ивановна умретъ, то послѣ нея неминуемо останется имущество, и по этому случаю его, конечно, будутъ разыскивать, яко законнаго наследника. А этого онъ боялся пуще всего, потому что тогда не только всѣмъ будетъ извѣстно, что онъ владѣлецъ двадцати пяти десятинъ земли (это-то, пожалуй, и теперь многие знали), но всѣ получать право говорить объ этомъ гласно, не стѣсняясь, начинуть его поздравлять и т. д.

Выше было сказано, что Каширинъ избѣгалъ говорить о своемъ происхожденіи. Съ лѣтами эта странность не только не ослабѣвала, но пріобрѣтала все большую и большую силу, и всего больше страдала отъ этого тетенька Агаѣя Ивановна. Съ одной стороны, Филиппъ Филиппичъ отлично понималъ, что тетенька нимало не виновата въ томъ, что она существуетъ. По временамъ онъ даже съ теплымъ чувствомъ припоминалъ, какъ, въ дѣтствѣ, она кормила его, тайно отъ отца, сдобными лепешками. Но, съ другой стороны, ему становилось досадно, когда онъ ловилъ себя на этихъ воспоминаніяхъ. Ему хотѣлось со-

всѣмъ-совсѣмъ забыть и о тetenькѣ, и обо всемъ «прошломъ». Не имѣя возможности производить свой родъ отъ Рюриковичей, онъ съ любовью останавливался на гипотезѣ, въ которой представлялъ себя явившимся въ пространствѣ и времени изъ чего-то въ родѣ пѣны морской. Поэтому, когда однажды тetenька, сколотивши деньжонокъ, собралась-было навѣстить «милаго Филю» въ Петербургѣ, онъ очень серьезно этимъ встревожился. Мысль, что она пріѣдетъ въ третьемъ классѣ, въ затасканномъ заячьемъ салопѣ, что онъ долженъ будетъ, по долгу родства, встрѣтить ее на дебаркадерѣ, что его могутъ при этомъ *увидѣть*, и что, во всякомъ случаѣ, лакей Готлибъ несомнѣнно выразитъ глубочайшее изумленіе при видѣ столь мало аристократической старухи, не давала ему спать. И онъ въ первый разъ въ жизни рѣшился вполнѣ серьезно и даже рѣзко разъяснить милой тetenькѣ, какого рода характеръ должны имѣть ихъ отношенія на будущее время.

Тѣмъ не менѣе, хотя Каширинъ съ лѣтами и утрачивалъ прежнюю упругость и покладистость, которыхъ дѣлали его особенно достолюбезнымъ, но все-таки онъ отнюдь не могъ жаловаться на судьбу. Знакомство у него было обширное, и онъ могъ черпать въ этомъ морѣ безъ опасенія быть назойливымъ. Конечно, у него не было такихъ друзей, которыхъ мысль постоянно стремилась бы къ нему, которыхъ сердце болѣло бы о немъ, но все-таки были люди, которые видѣли его съ удовольствиемъ. Эти люди, быть-можетъ, не особенно замѣчали его отсутствіе, но, встрѣчаясь съ нимъ, непремѣнно и совершенно искренно восклицали: «а! вотъ и онъ!» Начальство тоже атtestовало его способнымъ и достойнымъ, и всякий разъ, когда имѣлось въ виду что-нибудь серьезное, непремѣнно заводилась рѣчь и о Каширинѣ. Онъ всегда былъ на очереди и зналъ обѣ этомъ, хотя въ этомъ отношеніи надъ нимъ тяготѣлъ какой-то фатумъ. Слухи о томъ, что ему предстоитъ «постъ», ходили часто и держались долго и упорно, но въ концѣ концовъ дѣло всегда какъ-то сводилось на нѣтъ. Такимъ образомъ онъ дослужился до очень крашнаго чина и все-таки не пошелъ дальше второстепенной должности. Это, разумѣется, довольно болѣо щекотало его самолюбіе, но онъ умѣлъ превозмогать себя, и исторія обыкновенно кончалась тѣмъ, что Филиппъ Филиппычъ дня три-четыре послѣ этого высиживалъ въ домашнемъ карантинѣ, на бульонной

порци, ио потомъ попрежнему являлся въ департаментъ для полученія присвоенаго ему содержанія.

Впрочемъ, несмотря на эти маленькия непріятности, Филиппу Филиппычу грѣхъ было роптать. Служба у него была легкая, благородная, хорошо оплаченная, одна изъ тѣхъ службъ, по поводу которыхъ говорить: «умирать не надо». Урочныхъ работъ не было, и всѣ занятія, главнымъ образомъ, заключались въ томъ, что онъ былъ членомъ множества комиссій и во всякой умѣль заявить себя съ пріятной и полезной стороны. А это еще болѣе расширяло кругъ его знакомства и, стало-быть, разнообразило и его ежедневный обѣденный меню.

Какъ бы то ни было, все время такъ-называемаго сезона Каширинъ не только жилъ въ свое удовольствіе, но даже не примѣчалъ, какъ время летить.

Зато лѣтомъ онъ скучалъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ почувствовалъ приближеніе лѣта зрѣлости. Знакомые разѣзжались; комиссіи прекращали занятія, въ департаментъ чиновники являлись неаккуратно и слонялись точно на бивакахъ; Петербургъ казался пустымъ. Когда Каширинъ былъ молодъ, онъ поочередно разѣзжалъ по знакомымъ, которые ютились въ ближайшихъ къ Петербургу дачныхъ мѣстностяхъ и у которыхъ онъ гостилъ по нѣскольку дней. Но съ годами онъ пріобрѣлъ привычки, которыя не легко мирились съ разѣздами и бивачной жизнью, и въ то же время утратилъ легкость и нестомчивость, необходимыя для пользованія лѣтними удовольствіями. Онъ уставалъ во время прогулокъ, безъ особенной готовности принимать участіе въ катаньяхъ на лодкахъ и въ чухонскихъ таратайкахъ, и вообще понять, что быть гостемъ на дачѣ даже у близкихъ людей стѣснительно. Поэтому лѣто сдѣлалось для него сезономъ трактирныхъ обѣдовъ и желудочныхъ разстройствъ, какъ прямого послѣдствія этихъ обѣдовъ. Вечеромъ онъ обыкновенно отправлялся въ увеселительное мѣсто: по праздникамъ—въ Павловскъ, по буднямъ—преимущественно въ Демидронъ. Тутъ онъ быть увѣренъ встрѣтить ежели не коренныхъ своихъ знакомыхъ, то ихъ дѣтей. И такова была въ немъ потребность общества, что онъ не только не брезговалъ молодыми людьми, но даже старался «быть съ молодыми молодымъ» и вслѣдствіе этого охотно принималъ видъ милаго старичка-мерзавца и по временамъ отпускаль скромную гнусность насчетъ атуроў дѣвицы Филиппѣ. Аллен Демидрона оглашались громкими и сочувственнымъ хо-

томъ «дѣтей», внимая которому, Филиппъ Филиппычъ выступалъ горделивой походкой индѣйскаго пѣтуха, отнюдь не подозрѣвающаго, что въ ближайшемъ будущемъ ему окончательно предстоитъ сдѣлаться каплуномъ.

Впрочемъ, эти скромныя гнусности представляли въ общемъ обиходѣ его жизни исключеніе. Онѣ были вынуждены одиночествомъ, потребностью общества и необходимостью стоять на одномъ уровнѣ съ молодежью. Съ наступленiemъ сезона Каширинъ забывалъ о нихъ и начиналъ съ самымъ серьезнымъ видомъ переливать изъ пустого въ порожнее.

И вдругъ все это безмятежie, созданное цѣною такихъ усилій и такъ зрело и строго со всѣхъ сторонъ обдуманное и комбинированное, разомъ рухнуло.

Выше было сказано, что Каширинъ былъ либераль. Либерализмъ этотъ былъ смиренный, не особенно требовательный, и состоялъ въ томъ, что онъ тихое житіе предпочиталъ житію тревожному. Кромѣ того, онъ любилъ почитать «книжку» и думалъ, что это «ничего»; по временамъ задавалъ себя вопросы: «за что? почему?» и когда не находилъ на нихъ отвѣта, то грустилъ. И еще нерѣдко онъ останавливался на мысли: «что изъ сего произойдетъ?» и когда, по соображеніямъ его, выходило, что ничего хорошаго произойти не можетъ, то опять-таки грустилъ. И эти вопросы, и эту грусть онъ считалъ вполнѣ безопасными, ни для кого не соблазнительными, и въ качествѣ человѣка интеллигентнаго даже полагалъ, что человѣку, кончившему курсъ наукъ, невозможно безъ нихъ обойтись. Разумѣется, однако-жъ, со всѣмъ этимъ либеральнымъ арсеналомъ онъ обходился съ крайнею осторожностью, дабы не ввести простодушныхъ людей въ соблазнъ, а подозрительнымъ людямъ не подать повода къ предположеніямъ о потрясаніяхъ и попираніяхъ. Сверхъ того, какъ известно уже, въ его существованіи большую роль играла склонность къ литературѣ, и онъ имѣть слабость не считать ее ни распространительницей моровыхъ повѣтрій, ни складомъ ядовитыхъ веществъ, ни разбойничымъ притономъ.

Съ такимъ умѣреніемъ, осторожнымъ и отчасти грустящимъ міросозерцаніемъ онъ прожилъ всю жизнь и не имѣть причинъ жаловаться, чтобы это сколько-нибудь ему повредило при прохожденіи должностей. Начальники тоже знали его за чиновника откровенно-либерального; но такъ какъ они и сами были откровенно-либеральные, то не видѣли

никакого ущерба для дѣла въ томъ, что человѣкъ, безпрекословно выполняя мѣропріятія и преднамѣренія, по временамъ грустилъ. Правда, что иногда начальство, грозя пальчикомъ, называло его «амарантовымъ» (не краснымъ—нѣть!), но называло такъ шутя и любя. Да и онъ зналъ, что это дѣлается «шутя», и ежели краснѣлъ при этихъ напоминаніяхъ, то краснѣлъ не отъ угрizenій совѣсти, а именно только отъ внутренняго ликованія.

И вдругъ времена созрѣли. Выбралась минута, когда всѣ эти вопросы и грусти встали передъ Каширинымъ въ совершение непредвидѣнной имъ безобразной наготы. Минута, въ продолженіе которой весь его скромный жизненный обиходъ пролетѣлъ передъ его вспугнутою мыслью въ видѣ безконечнаго и сплошного преступленія. Минута, въ продолженіе которой онъ долженъ былъ ознакомиться съ истиной, что «такъ нельзя», узнать, что присутствованіе въ комиссіяхъ «не терпитъ суеты», и что пользованіе дивидендами и грусть по этому поводу суть вещи несомнѣстимыя. Минута, въ которую онъ долженъ былъ убѣдиться, что для либеральной грусти нѣть возврата, что онаничѣмъ не смывается, не заглаживается: ни раскаяніемъ, ни твердымъ намѣреніемъ впредь идти веселыми стопами, и что, слѣдовательно...

Главное во всемъ этомъ переполохѣ заключалось для Каширина въ томъ, что онъ долженъ былъ отъ А до Z пересмотрѣть свой бюджетъ и большинство его статей подвергнуть радикальной переработкѣ.

Надежнейшею доходною статьею этого бюджета представлялась пенсія; затѣмъ, къ счастью, онъ не только не истратилъ оставленнаго ему пронскимъ благодѣтелемъ капитала, но и сдѣлалъ въ теченіе многолѣтней службы нѣкоторая сбереженія. Эти сбереженія были не весьма значительны, но все-таки нѣчто представляли. Въ итогѣ общій годовой доходъ образовалъ сумму приблизительно въ три съ половиною тысячи рублей. На эти деньги предстояло жить изо-дня-въ-день, поддерживая себя на высотѣ той респектабельности, которая вошла уже въ его привычки и—что еще важнѣе—служила самymъ прочнымъ основаниемъ заведенныхъ имъ связей.

За приведеніемъ въ ясность цифры годового дохода, само собой разумѣется, послѣдовало подробное разсмотрѣніе расходныхъ статей бюджета.

Оставаться ли ему при прежней квартирѣ (онъ платиль

за нее, съ отоплениемъ, девятьсотъ рублей въ годъ, а съ швейцаромъ и дворникомъ и всю тысячу рублей), или перебѣхать на новую, болѣе соотвѣтствующую его нынѣшней финансовой силѣ? Этотъ вопросъ Каширинъ, почти не думая, рѣшилъ въ пользу старой квартиры. Здѣсь онъ жилъ больше пятнадцати лѣтъ и въ теченіе этого длиннаго периода времени успѣлъ устроить свое гнѣздо такъ, что оно отвѣчало всѣмъ причудамъ старого холостяка. Какъ человѣкъ отъ природы солидный, онъ и въ молодости неохотно перемѣщался съ квартиры на квартиру; теперь же самая мысль о переѣздѣ представлялась ему ненавистною. По особенной случайности, и хозяинъ дома, въ которомъ жилъ Филиппъ Филиппычъ, тоже былъ человѣкъ солидный и исконный домовладѣлецъ, воздерживавшійся отъ надстроекъ и дѣлавшій на квартиронтовъ лишь «христіанскія» надбавки (Каширинъ однако-жъ помнилъ время, когда онъ за эту самую квартиру платилъ только четыреста рублей въ годъ). Съ своимъ домовладѣльцемъ Филиппъ Филиппычъ даже близко сошелся, обѣдывалъ у него и проводилъ за пулькой вечера. Разстаться съ нимъ представлялось какъ бы измѣною. Сверхъ того, каждый шагъ въ этой квартирѣ напоминалъ ему что-нибудь пріятное и даже памятное. Вотъ здѣсь ему подали конвертъ, извѣщавшій его о награжденіи орденомъ св. Анны 2-й степени (это былъ первый полученный имъ орденъ, помимо всякихъ петлицъ и даже помимо св. Станислава втораго); вотъ на томъ мѣстѣ онъ получилъ извѣстіе о назначеніи его членомъ общаго присутствія, а вотъ тамъ самъ директоръ вручилъ ему (лично для этого пріѣзжалъ) звѣду Станислава 1-й степени, при чемъ выразилъ увѣренность, что Каширинъ и впредь будетъ лучшимъ украшеніемъ вѣдомства Дивидендовъ и Раздачъ. Въ этой квартирѣ онъ сосредоточилъ тысячу бездѣлушекъ, которая съ такимъ тщаніемъ собиралъ въ теченіе цѣлой жизни; здѣсь хранились разные сувениры, вышитыя подушки, коврики, подаренные дамами; этою квартирой онъ гордился, когда у него разъ или два въ годъ собирались знакомыя дамы, слушали piano m canique и кушали конфеты, фрукты и мороженое. И вдругъ — разстаться съ этимъ дорогимъ, излюбленнымъ гнѣздомъ!.. Никогда!

Итакъ, вотъ первая статья расхода въ тысячу рублей (почти третью всего доходнаго бюджета), которую ни подъ какимъ видомъ урѣзать нельзя.

Вторая статья — лакей Готлибъ. Готлибъ, яко нѣмецъ,

получать съ ёдой четыреста восемьдесят рублей въ годъ, а съ праздничными выходило даже нѣсколько болѣе пятистотъ рублей. Расходъ этотъ оказывался несомнѣнно непосильнымъ. Ежели на мѣсто Готлиба нанять Ивана или Прохора, то, конечно, это обойдется рублей на двѣсти дешевле, но зато, во-первыхъ, отъ Прохора навѣрное будетъ вонять; во-вторыхъ, онъ непремѣнно будетъ ходить въ гости въ барскихъ брюкахъ и сюртукахъ; въ-третьихъ, станетъ постепенно пропивать господское бѣлье; въ-четвертыхъ, изъ квартиры-игрушечки сдѣлаетъ свиной хлѣвъ. Въ результатѣ окажется убытокъ, вдвое болѣй противъ того, чего стоять самъ Прохоръ со всѣми своими потрохами. Ежели же нанять не Прохора, а Амалію, то еще бабушка на-двоемъ сказала, дешевле ли она обойдется, нежели Готлибъ, особливо если Амалія... Хотя же онъ, при почтенныхъ своихъ лѣтахъ, и надобности существенной не находилъ въ женскомъ уходѣ, но вѣдь съ другой стороны... Но предположимъ, что онъ и устоитъ противъ искушенія— кто же, однако, поручится, что одинъ фактъ пребыванія Амаліи въ его квартирѣ не подастъ повода для безчисленныхъ и притомъ незаслуженныхъ анекдотовъ? Вотъ если бы онъ держалъ дома обѣдъ, и Амалія могла совмѣстить въ своеемъ лицѣ и кухарку, какъ это водится у отставныхъ чиновниковъ, населяющихъ Колтовскія,—ну, тогда...

О, вопросы о выѣденномъ яйцѣ! о, мучительнѣйшѣе, горчайшѣе изо всѣхъ вопросовъ человѣческаго существованія! Какимъ тяжелымъ гнетомъ лежите вы на этомъ бѣдномъ человѣчествѣ, которое получаетъ какихъ-нибудь три тысячи пятьсотъ рублей въ годъ и обязывается обрядить и пріютить на нихъ свою голову! И сколь несноснѣйшимъ еще гнетомъ вы должны лежать на томъ человѣчествѣ, которое на тотъ же предметъ располагаетъ не болѣе какъ 20—30 копейками въ день!

Въ концѣ концовъ дѣло Готлиба было выиграно, и такимъ образомъ расходъ по двумъ первымъ статьямъ составилъ полторы тысячи рублей въ годъ.

Статья третья: прачка. Каширинъ былъ и самъ по себѣ чистоплотенъ, но, сверхъ того, онъ до извѣстной степени и обязанъ быть чистоплотнымъ. Нельзя проводить большую часть дня въ гостяхъ и въ то же время не представлять собой образца самой щеголеватой опрятности. Ежели знакомые радушно принимаютъ у себя и кормятъ обѣдами и ужинами, ежели жены ихъ удостоиваются зна-

ками довѣрія и дружбы, то, по малой мѣрѣ, эти люди вправѣ ожидать, чтобы предметъ этого радушія и дружбы носилъ чистое и благоуханное бѣлье. Каширинъ понималъ это и потому никогда не тратилъ на прачку, духи, губки и прочія туалетныя принадлежности менѣе трехсотъ рублей въ годъ. О немъ говорили, что отъ каждой части его тѣла пахнетъ особенными духами, и онъ гордился этимъ. Онъ гордился, что на всемъ тѣлѣ у него ни пятнышка, ни прыщика, что лысина на его головѣ не лоснится и не отливается желтизною, а имѣетъ видъ матово-блѣлой поверхности съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ, что ни на щекахъ, ни на носу у него нѣтъ непріятныхъ синихъ жилокъ, что бакенбарды его щегольски расчесаны вѣромъ, а усы и подбородокъ тщательно каждый день выбриты. Могъ ли онъ думать о сокращеніяхъ по этой статьѣ теперь, когда потребность въ людскомъ радушіи и дружбѣ дѣлалась для него болѣе нежели когда-нибудь необходимою?—Разумѣется, не могъ! Непротивъ того, теперь-то именно и предстояло напрячь всѣ свои силы къ тому, чтобы ни зрѣніе, ни обоняніе радушныхъ амфитріоновъ ни на минуту не были оскорблены по его поводу.

Итого—по тремъ статьямъ—тысяча восемьсотъ рублей.

Статья четвертая: одежда и обувь. Здѣсь Каширинъ надѣялся достигнуть существенныхъ сберѣженій. Обыкновенно онъ заказывалъ платье у Шармера и не видѣлъ причины отказаться отъ этой фирмы и на будущее время. Но до сихъ поръ онъ былъ поистинѣ черезчуръ расточителенъ относительно одежды. Онъ освѣжалъ свой костюмъ каждый сезонъ и даже въ домашнемъ неглижѣ позволялъ себѣ прихотливое разнообразіе. Вслѣдствіе этого у него образовался громадный запасъ платья, очень мало поношенаго, о которомъ онъ рѣдко вспоминалъ и которое висѣло въ шкапу безъ всякаго употребленія. Теперь наступило самое время утилизировать этотъ запасъ и все, что можно, пустить въ ходъ. Но какъ онъ ни старался сократить свои расходы по этой статьѣ, все-таки оказывалось, что безъ четырехсотъ рублей въ годъ вполнѣ респектабельнымъ человѣкомъ остаться нельзя (прежде онъ тратилъ на этотъ предметъ не менѣе чѣмъ полторы тысячи рублей). Съ пониженіемъ этой цифры начинается та рубрика людей, которая извѣстна подъ именемъ: *Hommes déclassés*. Это люди въ панталонахъ съ осипавшимися конечностями, въ сюртукахъ съ лосняющимися и прорваными локтями, въ сапогахъ, напо-

минающихъ своей формой рыбу камбалу. Попасть въ эту рубрику... ужасно! ужасно! ужасно!

Нѣть, лучше смерть, чѣмъ жизнь поносна!

Конечно, есть люди, которые и въ пиръ, и въ міръ, и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ являются въ одномъ и томъ же пиджакѣ, но...

Итого: двѣ тысячи двѣстѣ рублей.

Статья пятая: экипажъ. Къ экипажу Каширинъ и прежде прибѣгалъ довольно рѣдко. Смолуду онъ пріучилъ себя къ мысли, что моціонъ необходимъ, а впослѣдствіи привычка къ чужимъ обѣдамъ еще болѣе укрѣпила его въ непреложности этой истины. Всѣ знакомые были убѣждены, что Каширинъ ходить пѣшкомъ не изъ скаредности, а по принципу, и въ то же время, понимая, что онъ не имѣеть средствъ содержать собственный экипажъ (онъ и самъ не скрывалъ этого), даже одобряли въ немъ ту инстинктивную гадливость, которая заставляетъ респектабельнаго человѣка лишь въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ извозчику. Но—увы!—Каширину перевалило за пятьдесятъ; онъ чувствовалъ припадки одышки и началъ припадать на одну ногу... Это значительно усложнило дѣло. А сверхъ того и обычныя петербургскія ненастія, которыя въ силу пословицы: «гдѣ тонко, тамъ и рвется» вдругъ предстали передъ Филиппомъ Филиппычемъ во всей своей безразсвѣтности... Словомъ сказать, какъ ни изворачивайся, а безъ двухсотъ рублей по этой статьѣ обойтись нельзя.

Итого: двѣ тысячи четыреста рублей.

Статья шестая: расходы мелочные. Они неуловимы, но несомнѣнны. Недаромъ они заслужили название расходовъ общежитія по преимуществу; недаромъ расходы самые существенные очень часто стушовываются передъ ними. Изъза расходовъ этой категоріи люди отказываютъ себѣ въ правильномъ питаніи, впадаютъ въ неоплатные долгі, разоряются. Всѣ эти Берты, Сюзетты, Эмиліи—все это расходъ мелочной, расходъ общежитія, не подходящій ни подъ какую рубрику солиднаго домашняго бюджета. Но и помимо Берть, нельзя, напримѣръ, отказать себѣ въ удовольствіи сѣѣздить отъ времени до времени въ театръ, особенно къ французамъ. Это предохраняетъ отъ одичалости и, сверхъ того, даетъ прекрасное содержаніе для conversations de soci t . А еслиѣздить въ театръ, то не сидѣть же гдѣ-нибудь въ дешевыхъ мѣстахъ, когда половина залы наполнена зна-

комыми. Затѣмъ нельзя, встрѣтившись на улицѣ съ пріятелемъ, направляющимъ стопы свои въ ресторанъ, не войти съ нимъ вмѣстѣ и чего-нибудь не съѣсть. Нельзя не отвезти дорогой именинницѣ или новорожденной конфетъ. Наконецъ, обѣдая каждодневно въ людяхъ, невозможно, отъ времени до времени, не дѣлать маленькихъ подарковъ прислугѣ. Ибо въ противномъ случаѣ какой-нибудь хамъ будетъ захлопывать дверь у васъ передъ носомъ, будетъ снимать съ васъ пальто совершенно такъ, какъ бы сдирать кожу, наконецъ, подавая за обѣдомъ блюдо, будетъ толкать въ плечо, чтобы не зѣвали, брали скорѣе. Ахъ, эти мелочные расходы! Очень рѣдко ихъ принимаютъ въ разсчетъ, но кто же не знаетъ, какую роль они играютъ въ человѣческомъ существованіи! Спросите любого лакея (хама!!!), получающаго пятнадцать рублей въ мѣсяцъ жалованья, и тотъ скажетъ, что изъ нихъ десять уйдутъ «такъ, между пальцевъ». Обыкновенно на выручку тутъ приходятъ случайные доходы, но у Каширина таковыхъ не предвидѣлось, и онъ волей-неволей долженъ былъ занести эту статью въ свой бюджетъ въ цифре строго опредѣленной. Долго онъ колебался между четырьмя и пятью стами рублей и, наконецъ, вынужденъ былъ сознать, что менѣе чѣмъ пятью стами рублями и думать извернуться нельзя.

Итого: двѣ тысячи девятьсотъ рублей.

Статья седьмая: сигары. При одной мысли объ этой статьѣ Филиппъ Филиппычъ поблѣднѣлъ, и ему даже показалось, что въ кабинетѣ его уже запахло папиросами. Дѣло въ томъ, что онъ выкуривалъ не менѣе двухъ сотенныхъ ящиковъ въ мѣсяцъ, платя за сотню отъ 15 до 20 рублей, что составляло въ годъ расхода болѣе четырехсотъ рублей. Цифра громадная, особенно въ виду того, что свободныхъ суммъ въ доходномъ бюджетѣ остается всего шестьсотъ рублей. Тѣмъ не менѣе, она являлась до такой степени необходимой и даже неизбѣжной, что Каширинъ рѣшился просто не думать о ней. Онъ занесъ ее расходомъ и махнулъ на все рукой.

Свободной суммы осталось всего-на-все двѣсти рублей, и вотъ тутъ-то выступилъ во всей безобразной наготѣ:

ОБѢДЪ!!!

О правильномъ, ежедневномъ обѣдѣ Каширинъ, конечно, уже не помышлялъ; онъ понималъ, что карьера его, какъ прихлебателя, не только не кончилась, но, такъ сказать,

вступила въ новый и острый фазисъ. Однако-жъ возможны случаи, когда, несмотря на обширность круга знакомыхъ и ихъ радушіе, самыи изворотливыи прихлебатель можетъ найтисъ въ необходимости отъ времени до времени отобѣдать на свой собственный счетъ. Таковы случаи болѣзнейныхъ припадковъ, которые въ послѣднее время повторялись съ Каширинымъ очень нерѣдко; затѣмъ случаи проливного дождя, бурь, градобитій, моровыхъ повѣтрій, непріятельскихъ вторженій и т. д., когда даже чувство приличія не дозволяло явиться къ обѣду «запросто» (могутъ сказать: вотъ до чего проголодался человѣкъ, что даже среди грома и молній разнюхаль, чтѣ готовится на кухнѣ). Наконецъ, и такие случаи возможны, что придешь обѣдать къ Фомѣ Фомичу и вмѣсто обычнаго привѣтствія: «пожалуйте! кушать пакрыто!» — услышишь, что Фома Фомичъ «приказали долго жить». Знакомые же у Каширина все были такие, которые болѣе или менѣе склонялись къ закату дней; слѣдовательно убыль въ ихъ рядахъ была даже естественна. Вотъ Петръ Петровичъ съ утра до ночи кашляетъ, а Лукерья Ивановна сказывала, что и съ ночи до утра никому покою кашлемъ не дается; Лука Лукичъ постоянно на плечо жалуется; Иванъ Иванычъ одну ногу волочитъ; Семенъ Семенычъ — съѣсть тарелку супа и запыхаtется, словно семь верстъ пробѣжалъ. Можна ли, въ виду этихъ немощей, разсчитывать на вѣрный обѣдъ? Ряды старииковъ рѣдѣютъ и будутъ рѣдѣть... а ихъ дѣти? Можна ли предполагать, что они будутъ поддерживать родительскія традиціи? Увы! — они и теперь поглядываютъ на Филиппа Филиппыча исподлобья — точно хотять сказать: однако-жъ, братъ, аппетитъ у тебя! — чтѣ же будетъ тогда, когда одышки, параличи и ревматизмы, одержавъ побѣду и одолѣніе надъ старыми орлами, развязнутъ руки этимъ выглядывающимъ исподлобья орлятамъ?

Но этого мало — а лѣто? Лѣто попрежнему Дамокловымъ мечомъ висить надъ головой Каширина, — лѣто мертвое, голодное, требующее во что бы то ни стало обѣда на собственный счетъ! Прежде, когда онъ вкушалъ отъ дивидендовъ, и когда бюджетъ его представлялъ избытокъ, этотъ экстраординарный расходъ не особенно тревожилъ его; но нынѣ, когда въ бюджетъ предвидѣлось всего двѣсти рублей...

— А вѣдь съ двуми стами рублями, пожалуй, не обернешься! — мучительно размышлялъ Филиппъ Филиппычъ. — Если на лѣтнее время да на непредвидѣнныиe случаи поло-

жить только пять мѣсяцевъ въ году, то-есть полтораста дней, то и тогда, считая по два рубля за каждый обѣдъ... Не въ греческую же кухмистерскую, въ самомъ дѣлѣ, идти!

Во всякомъ случаѣ, доходный бюджетъ оказывался исчерпаннымъ безъ остатка. Съ грѣхомъ пополамъ концы сводились съ концами; но ст旤ло явиться малѣйшей случайности, чтобы равновѣсіе нарушилось, и произошелъ мучительный скандалъ. Передъ Каширинымъ стояло своего рода Прокустово ложе, въ которомъ онъ обязывался ожидать заката дней своихъ, не шевелясь и даже не дозволяя себѣ через-чуръ свободного вздоха.

Въ первый разъ въ жизни ему сдѣлалось жутко.

На первыхъ порахъ Каширинъ, однако-жъ, не только не ощутилъ никакой перемѣны, но даже какъ бы вошелъ въ моду. Никто не заперъ передъ нимъ дверей, а всякий, на-противъ, спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе. Посыпались вопросы: «какимъ образомъ? почему?» и, главное, «за что?» На вопросы эти Филиппъ Филиппычъ отвѣчалъ скром-нымъ мышаниемъ, не дозволяя себѣ критики, но въ то же время предоставляя каждому измѣрить всю глубину его нѣ-винности. Въ виду этой скромности, симпатіи, разумѣется, еще болѣе усилились. Тайный совѣтникъ Стрекоза недо-умѣло шевелилъ густыми бровями и не то уныло, не то не-одобрительно покачивалъ головой; статский совѣтникъ Рас-топыря растерянно спрашивалъ себя: «куда же мы, нако-нецъ, идемъ?» Что же касается до второстепенныхъ чи-повниковъ вѣдомства Раздачъ, то они даже рѣшили прямѣ протестовать, устроивъ въ честь Каширина обѣдъ, и только по внимательномъ обсужденіи послѣдствій этой демонстраціи отложили приведеніе ея въ исполненіе до болѣе благопріят-наго времени.

Дамы тоже приняли дѣятельное участіе въ этихъ симпа-тияхъ. Онѣ наперерывъ другъ передъ другомъ зазывали Каширина къ себѣ, заставляли каждого кушанья брать по два раза и вообще чествовали.

— Въ четвергъ у насъ будетъ Каширинъ. Душка! вы пріѣдете? — говорила Марья Ивановна, приглашая Анну Петровну.

— Каширинъ? Этотъ не тотъ ли Каширинъ, который...

— Ну, да, Каширинъ... тотъ самый Каширинъ, который высоко держаль знамя... конечно, вы слышали?

Такіе знаки вниманія очень тронули Филиппа Филиппыча;

однако-жъ у него не закружилась отъ нихъ голова, и онъ продолжалъ вести себя съ замѣчательнымъ тактомъ. Онъ не только не жаловался на неблагодарность начальства, но даже оправдывалъ его. *Начальство не могло иначе поступить.* Но и онъ, съ своей стороны, *не могъ поступить иначе.* Онъ не пожертвовалъ своими убѣженіями и сохранилъ свое достоинство, а это главное. Ему предстоять къ будущей Пасхѣ чинъ тайного совѣтника, но онъ сказалъ себѣ, что лучше на всю жизнь остаться дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, нежели выпустить изъ рукъ знамя, которое онъ въ теченіе всей жизни высоко держалъ. Въ свое время онъ былъ нуженъ—и всякий кличъ во всякое время и на всякомъ мѣстѣ находилъ его готовымъ и способнымъ. Теперь обстоятельства перемѣнились; потребовались люди иного закала, онъ сдѣлался ненужнымъ—онъ понимаетъ это и не ропщетъ. Возьмите вотъ этотъ сюртукъ: сегодня онъ новъ, фасонистъ—и его носять съ удовольствиемъ; завтра въ немъ прорвались локти—и его бросаютъ. Знамя, которое онъ высоко держалъ, оказалось несоответствующимъ требованіямъ времени,—онъ созналъ это и спряталъ знамя въ карманъ. Но онъ надѣется, что спряталъ его не навсегда, и что наступить моментъ, когда начальство, наконецъ, опѣнитъ. Скоро ли этотъ моментъ наступить—онъ не знаетъ, но вѣрить, глубоко вѣрить, что пѣсня его далеко не спѣта. Тогда онъ вынетъ знамя изъ кармана и опять начнетъ высоко держать его. Притомъ же ему время и отдохнуть. До сихъ поръ онъ безъ устали трудился; теперь—пора и ему узнать, что такое свобода. Чувство свободы, *mesdames*,—это такое чувство... ахъ, какое это чувство! Все равно, что послѣ длинной-длинной зимы въ первый разъ выѣхать, въ теплый апрѣльскій вечеръ, на Елагинъ островъ, на *pointe*! Вотъ это какое чувство! Дышится полной грудью, а мысли такъ и плавутъ, все свѣтлыя, радостныя мысли. А главное, на немъ не лежить, теперь никакихъ обязанностей, такъ что онъ всего себя можетъ посвятить своимъ друзьямъ. Притомъ же онъ имѣть вполнѣ обезпеченный кусокъ, а потому и въ материальномъ отношеніи особенного стѣсненія не предвидѣть. Вообще онъ больше доволенъ, чѣмъ огорченъ, и ежели кто-нибудь будетъ по этому случаю ощущать угрызенія совѣсти, то, конечно, не онъ...

— А Богъ когда-нибудь всѣхъ разсудитъ!—смиренно прибавлялъ онъ въ заключеніе.

Съ трогательнымъ изумленіемъ внимали «чины» этимъ разумнымъ рѣчамъ и отъ полноты души восклицали: «вотъ истинный христіанинъ!» А дамы и дамочки къ сему присовокупляли: «*ma chère, il est sublime d'abnégation!*»

— А мнѣ такъ сдается, что мы съ вашимъ превосходительствомъ еще послужимъ!—обнадеживалъ его тайный соѣтникъ Стрекоза, ласково похлопывая по колѣнѣ.

На чтѣ Каширинъ, съ своей стороны, отвѣтствовалъ:

— Что касается до меня, то не могу и не имѣю надобности скрывать: я всегда готовъ.

И съ этими словами предлагалъ madame Стрекозѣ руку, чтобы вести ее въ столовую.

Словомъ сказать, со всѣхъ сторонъ на него сыпались приглашенія и напоминанія, а ежели онъ манкировалъ, то и иѣжные упреки.

По счастливой случайности, въ это же критическое время ему повезло и въ преферансъ. Какъ будто сама судьба охраняла его крыломъ своимъ. Имѣя обыкновеніе каждый день, по возвращеніи домой, записывать свой проигрышъ или выигрышъ, онъ къ концу первого мѣсяца свободы со-считалъ, что остался по картамъ въ барышѣ на семьдесятъ одинъ рубль сорокъ пять копеекъ. Стало-быть, надежда на случайныя статьи дохода еще не исчезла. Составляя свой бюджетъ, онъ понималъ, что существуетъ особая и очень существенная статья: «занятіе картами»; но такъ какъ онъ не зналъ, какъ ее сосчитать, доходомъ или расходомъ, то и предпочелъ лучше не упоминать о ней вовсе. Теперь же оказывалось, что эта статья несомнѣнно доходная, и что ежели на будущее время взглянуть на нее серьезнымъ окомъ, то... Это такъ его ободрило, что онъ почти свѣтло взглянуль въ лицо будущему и тутъ же включить въ свой доходный бюджетъ новую статью: «Отъ занятія картами 800 руб.», добавивъ, впрочемъ, въ скобкахъ: «доходъ неокладнѣй».

Словомъ сказать, ничего въ его обиходѣ, казалось, не измѣнилось, и только утро сдѣлалось какъ будто нѣсколько длиннѣе. Прекращеніе обязательной ходьбы въ департаментъ оставило за собой пустоту, которую онъ наполнялъ лишь съ трудомъ. Онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату, внимательно перечитывая газеты (одну онъ выписывалъ самъ, другую ему обязательно сообщалъ домовладѣлецъ), свистѣль, напѣвалъ, даже вергѣль ручку на ріано тѣснѣе, чего прежде съ нимъ никогда не бывало. Но болѣе

всего его выручала такъ-называемая «писаная» литература. Въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ во всякое время ходить по рукамъ таинственные и до крайности либеральные «записки» и «проекты». То статскій совѣтникъ Растопыря пустить въ ходъ «И мою лепту»; то тайный совѣтникъ Стрекоза потихоньку показываетъ знакомымъ «Мой посильный вкладъ»; то престарѣлый «Опытный саповникъ Чимпандзе» излагаетъ кратко: «А мое мнѣніе — все истребить и симъ способомъ прекратить дальнѣйшее распространеніе язвы». По временамъ появится и изъ провинціи какой-нибудь выходецъ съ лона природы и тоже по секрету докладываетъ свою «капельку». И въ каждой изъ этихъ «лептъ» высказывается: вотъ это — прекратить, а вотъ это — развить. И въ каждой авторъ поперемѣнно то иронизируетъ, то содрогается, то предается сладкимъ упованіямъ. И каждая «капелька» читается съ жадностью, служитъ предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ «потихоньку», во свидѣтельство, что россійское свободомысліе, подобно достославному курилкѣ, не умираетъ. Каширинъ предавался чтенію подобныхъ записокъ съ увлеченіемъ. Онъ чутьемъ пронюхивалъ о существованіи чего-нибудь новенькаго въ этой области и непремѣнно доставалъ. Наглотавшись вольномыслія, онъ смѣло глядѣлъ въ глаза предстоящему обѣду «въ гостяхъ», зная напередъ, что тема для собесѣданія готова. А ежели при этомъ появлялись въ газетахъ еще какія-нибудь неожиданныя производства и назначенія, то разговоръ достигалъ размѣровъ такого преступнаго дерзновенія, что нѣкоторые изъ присутствующихъ даже наматывали себѣ на усть...

Покончивши съ утромъ, онъ выходилъ въ четыре часа на Невскій и прогуливался, стараясь при этомъ какъ можно меныше припадать на ногу. По временамъ заходилъ куданибудь съ визитомъ и узнавалъ новости дня, причемъ непремѣнно обнаруживалось нѣчто до того изумительное (и смѣшно, и больно!), что съ языка его невольно срывалось: «да куда же мы, въ самомъ дѣлѣ, идемъ!» Въ шесть часовъ, предварительно переодѣвшись, онъ у кого-нибудь обѣдалъ и во время обѣда разсуждалъ о мѣрахъ, предлагаемыхъ въ только-что прочитанной «запискѣ» земскаго дѣятеля Пафнутьева. Разсуждалъ солидно и умно, и при томъ стараясь, чтобы Пафнутьевскія мысли были понятны даже для дамъ. Послѣ обѣда, если устраивалась пулька, то садился за преферансъ, причемъ держалъ карты такъ,

чтобы любопытствующий Растаныря не могъ видѣть его игру. Ежели же пулька не составлялась, то отправлялся въ театръ или же въ другой знакомый домъ, гдѣ, по его соображеніямъ, хозяинъ долженъ быть выть отъ тоски, въ ожиданіи, не зайдетъ ли кто на огонекъ. Здѣсь немедленно дѣлалось распоряженіе о привлеченіи другихъ партнеровъ; затѣмъ развертывались столы, и вечеръ незамѣтно проходилъ среди возгласовъ: «пассъ», «куплю», «семь безъ козырей» и т. д. И въ заключеніе ужинъ, а за ужиномъ, разумѣется, новое изложеніе Пафнутьевскихъ идей...

Въ этомъ пріятномъ круговоротѣ прошелъ весь зимній сезонъ. Подъ конецъ Каширинъ такъ возгордился, что по-рою ему даже думалось, что начальство уже сознalo свою ошибку, и что не сегодня, такъ завтра къ нему прискакетъ изъ департамента курьеръ съ запечатаннымъ конвертомъ. Однако дни проходили за днями, а курьеръ не прїѣжалъ. Это въ одно и то же время и изумляло, и пугало его. Изумляло потому, что, перечисляя въ своеемъ умѣ персональ вѣдомства «Дивидендовъ и Раздачъ» и отдавая, впрочемъ, каждому должное, онъ по справедливости находилъ, что въ этомъ департаментскомъ букетѣ онъ представлялъ собою цвѣтокъ, по малой мѣрѣ не уступавшій, въ смыслѣ красоты и благоуханія, прочимъ, стоящимъ у источника дивидендовъ, цвѣткамъ. Пугало—потому, что для человѣка, всю жизнь игравшаго дѣятельную роль въ извѣстномъ дѣлѣ, не можетъ быть ничего страшнѣе, какъ мысль: «а что, ежели обо мнѣ забыли?»

Разсуждая по совѣсти, онъ не могъ не прийти къ убѣждению, что хотя онъ и отлично-достойный цвѣтокъ, но что цвѣтковъ приблизительно такой же красоты и такого же благоуханія все-таки существуетъ въ природѣ больше чѣмъ достаточно. Что, слѣдовательно, нѣтъ ничего легче, какъ составить во всякое время какой-угодно департаментскій букетъ. Возьми Иванова, Федорова, Гаврилова, перемѣшай ихъ съ Перерепенкой, Козулей и Уховертовымъ, а въ середку, для красы, воткни что-нибудь подушистѣе — и будетъ готовъ. Сначала, быть-можеть, онъ будетъ благоухать нѣсколько робко, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе и смѣлѣе. Гавриловы, Уховертовы и Козули на то и созданы, чтобы соответствующимъ образомъ благоухать подъ начальственнымъ руководствомъ. Но этого мало: всего важнѣе то, что они растутъ рѣшительно вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, такъ что ступить только протянуть руку, чтобы сорвать Федорова

или Перерепенку, совершенно равносильных Козуль и Иванову. Поэтому, когда по какимъ-нибудь причинамъ Уховертовъ выбываетъ изъ букета, то немедленно на его мѣстѣ появляется Гавриловъ, который уже давно пробивался тутъ же, гдѣ-то подъ мочалкой, обвязывающей букетъ, но его покуда не примѣчали.

Филиппъ Филиппычъ долженъ быть сознаться, что все это вполнѣ вѣрно и безспорно, и что даже онъ самъ, во времена своего департаментскаго благополучія, открыто проповѣдавъ теорію безпрепятственной замѣны Ивановыхъ Федоровыми — и наоборотъ. Себя онъ, разумѣется, выключалъ тогда изъ этого оборота, такъ какъ думалъ совершенно искренно, что лично онъ благоухаетъ особо и нesравненно, но теперь, за неприбытиемъ курьера съ запечатаннымъ конвертомъ, въ его голову начали западать на этотъ счетъ сомнѣнія. Чѣдѣ, ежели и онъ принадлежитъ къ тому безчисленному союзнику Ивановыхъ, Федоровыхъ, Гавриловыхъ и проч., которые неприхотливо прозябаютъ при всякомъ проѣзжемъ шляхѣ и съ которыми можно поступить по вдохновенію, то-есть или воспользоваться ими, какъ составною частью букета, или просто сорвать, понюхать и бросить?

Оставалось, впрочемъ, въ запасѣ одно утѣшеніе: Ивановы и Гавrilovы — люди безцвѣтные, индифферентные, а онъ — завѣдомый либералъ. Слѣдовательно, когда либеральная начинанія восторжествуютъ, то безъ него не обойтись... Но тутъ его мысль какъ-то сама собой останавливалась, словно встрѣчала какое-то совсѣмъ забытое соображеніе. Чего онъ, однако-жъ, желаетъ? Торжества либерализма? Но развѣ либерализмъ уже не торжествуетъ? Развѣ того, что есть — мало? Развѣ желать либерализма большаго и сугубаго не значить просто-на-просто желать разнуданности страстей?

То-то вотъ оно и есть...

Онъ началъ взгѣшивать и соображать, и, какъ человѣкъ солидный, не замедлилъ придти къ убѣждѣнію, что все, чѣдѣ требуется, уже есть, и что дальнѣйшія ожиданія свидѣтельствуютъ лишь о прихотливой затѣйливости нетвердаго ума. Слѣдовательно онъ былъ *тогда* неправъ. И тогда былъ неправъ, когда, по поводу того или другого назначенія, испускалъ фрондирующее мы chanіе, и тогда, когда, по поводу какого-нибудь административнаго мѣропріятія, либерально восклицалъ: «эге!» А ежели онъ былъ неправъ (теперь онъ уже сознавалъ это не токмо за страхъ, но и

за совѣсть), то чѣд же мѣшаетъ ему исправиться, возсоединиться, сжечь «зnamя» въ печкѣ, однимъ словомъ, раскаяться? Но тутъ его мысль опять прерывалась, и притомъ безъ всякихъ объяснительныхъ мотивовъ, самымъ оскорбительнымъ образомъ.

— Ну, нѣтъ, толъ chef! — говорилъ онъ себѣ съ ироническимъ злорадствомъ: — шалишь! Теперь твоему раскаянію ужъ не повѣрять... не такъ-то просты! Теперь хоть ты источники слезъ пролей — и тогда скажутъ, что это крокодиловы слезы!

Подумавши это, онъ однако-жъ слегка покраснѣлъ и даже тревожно оглянулся вокругъ, какъ бы опасаясь, чтобы Пафнутьевъ не сдѣлался свидѣтелемъ его маловѣрія.

Какъ бы то ни было, но не ѳдетъ департаментскій курьеръ... да и не прїѣдетъ!

Какъ нарочно, лѣто въ этомъ году выдалось изъ ряда воинъ скучное. Наиболѣе короткіе знакомые, словно сговарившись, разѣѣхались раньше-обыкновеннаго, и вдобавокъ кто за границу, кто въ дальнюю деревню, такъ что всякая надежда около кого-нибудь пощетиться исчезла безвозвратно. Каширинъ вспомнилъ, что гдѣ-то на Пескахъ, въ Слоновой улицѣ, живетъ титуларный совѣтникъ Каверзневъ, у котораго онъ когда-то воспринималъ отъ купели сына. Чуть-чуть-было онъ не рѣшился направить свои стопы къ нему: прїѣхаль, моль, къ крестному сыну запросто хлѣбосоли отвѣдать, но подумалъ немного и отложилъ свое намѣреніе. Не потому, чтобы онъ былъ прихотливъ насчетъ ёды, но потому, что аппетитъ покуда еще не одержалъ побѣды надъ совѣтливостью.

Волей-неволей пришлось коротать время одному. Скука была страшная, пожирающая; день, и безъ того длинный, въ одиночество казался нескончаемымъ. Съ трудомъ успѣешь сбыть утро, какъ уже со страхомъ помышляешь о предстоящемъ вечерѣ. Каширинъ началъ усиленно играть на piano mѣcanique и ежедневно переигрывать по нѣсколько разъ всѣ пьесы репертуара. На его несчастіе, и Пафнутьевъ временно умолкъ, такъ что и рукописныхъ «лентъ» не оказывалось. Въ этой крайности онъ предпринялъходить къ Доминику, гдѣ часа полтора или два просиживалъ въ бильярдной, наблюдая за чудесами клапштосовъ и камболовъ; но и тутъ случился скандалъ. Такъ какъ Филиппъ Филиппычъ ничего не потреблялъ, а слѣдовательно и не расплачивался, то послѣ нѣсколькихъ посѣщеній гар-

соны стали перешоптываться между собой, подозрительно кивая въ его направлениі. И вотъ однажды, когда онъ уже взялся за ручку двери, чтобы выйти на улицу, одинъ изъ гарсоновъ подошелъ къ нему и учию пригласилъ заплатить за съѣденный пирогъ. Каширинъ пирога не бѣлъ (онъ даже, по изнѣженности своей, не понималъ, какъ можно что-нибудь бѣсть у Доминика), однако протестовать не рѣшился, вынулъ гривенникъ и заплатилъ. Но, разумѣется, съ тѣхъ порь къ Доминику ни ногой.

Однако надо же было что-нибудь выдумать, чтобы убить время. Однажды, прочитавъ въ газетѣ, что молодая француженка ищетъ поступить компаньонкой къ пожилому холостяку или вдовцу, онъ отправился по адресу. Разумѣется, онъ желалъ только провести время, но оказалось, что «вдовецъ» ужъ нашелся и, повидимому, даже поладилъ. Такъ что когда Каширинъ явился, то посѣщеніе было принято совсѣмъ въ другую сторону, и вслѣдствіе этого превратнаго толкованія онъ «едва унесъ ноги».

Тогда онъ обратилъ вниманіе на нянекъ и боннѣ, и это дѣйствительно на время развлекло его. Какъ вдругъ въ газетѣ «Краса Демидрона» появилась такого рода статья:

НОВЫЙ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

«Недавно появился въ Петербургѣ особаго рода цѣнитель женскихъ красотъ, который избралъ предметомъ своихъ любострастныхъ наблюдений нянекъ и боннѣ. Прочитавъ въ газетахъ объ ищущихъ мѣста няныхахъ, онъ является по адресу, и ежели находить молодую особу по своему вкусу и притомъ безъ покровителей, то безъ церемоній предлагаетъ послѣдовать за нимъ въ трактиръ, на чѣмъ нѣкоторая, по неопытности, и соглашаются. Но не всѣ. Такъ, напримѣръ, на-дняхъ этотъ господинъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ дѣвицу Р. (11-ая рота Измайловскаго полка, 417, согласна въ отъѣздѣ), особу весьма бойкую и замѣчательно-красивой наружности; но едва началь онъ формулировать свое предложеніе, какъ изъ-за ширмъ выскочилъ нашъ репортеръ Помойкинъ (находившійся, впрочемъ, тамъ съ цѣлями, заслуживающими всякой похвалы) и, въ свою очередь, предложилъ любострастному Донъ-Жуану прослѣдовать внизъ по лѣстницѣ —

«Кувыркомъ, кувыркомъ...

«Чѣмъ послѣдній и выполнилъ при общемъ хохотѣ высы-

павшихъ изъ квартиръ на шумъ жильцовъ. Къ сожалѣнію, г. Помойкинъ, вспыхахъ, не полюбопытствовалъ узнать фамилію этого господина, но примѣты его таковы: достаточно старъ, волосъ на головѣ мало, лысина содергится опрятно, бакены вѣромъ, одѣтъ прилично и даже щеголевато, употребляетъ духи, на одну ногу припадаетъ. Нѣкоторые изъ жильцовъ дома № 417 увѣряютъ, что видѣли его въ казначействѣ получающимъ пенсію.

«Предостерегаемъ воспитательницѣ нашего молодого поколѣнія и убѣждаемъ ихъ оставаться неуклонно на высотѣ своего призванія. А вы, господинъ Донъ-Жуанъ! по-думали ли вы, какую преступную игру вы предприняли и на кого обратили ваши взоры, исполненные любострастнаго огня?!»

Послѣ этого ему оставалось и еще одно развлеченіе: отыскивать по объявленіямъ пропавшихъ собакъ, но для такой забавы у него былъ уже черезчуръ большой чинъ.

Обѣдать онъ чаще всего ходилъ въ Лѣтній садъ и, разумѣется, старался употребить какъ можно больше времени на выполненіе этого обряда. Но четыре тощихъ блюда съѣдались съ обидною быстротою, и къ семи часамъ Филиппъ Филиппычъ не безъ страха примѣчалъ, какъ подкрадывается къ нему вечеръ. Въ былое время онъ сладилъ бы съ вечеромъ легко: закатился бы въ Демидронъ — и дѣло съ концомъ; но при теперешнемъ положеніи бюджета Демидроновъ не полагалось, и онъ волей-неволей возвращался домой, гдѣ, въ качествѣ развлеченія, его ожидалъ чай съ филипповскимъ калачомъ.

Пробовалъ онъ раньше спать ложиться, но выгоды отъ того не получилъ, потому что чѣмъ раньше ложился съ вечера, тѣмъ раньше просыпался утромъ.

Къ довершенню всего, чортъ принесъ изъ Полтавской губерніи Растопырю. Пріѣхалъ Растопыря одинъ, безъ жены, и сейчасъ же отѣвился къ сердечному другу. Капширинъ, вспыхахъ, было-обрадовался, думалъ: Растопыря — онъ гостепріимный! Но Растопыря былъ тоже себѣ на умѣ; какъ ввалился, такъ сейчасъ же и объявилъ:

— Я, дружище, въ Петербургъ всего на недѣлю пріѣхалъ. Утромъ — въ департаментѣ и по дѣламъ буду хлопотать, а обѣдать и вечерокъ провести — къ тебѣ!

И вотъ, вмѣсто того, чтобы на счетъ Растопыри малороссийское сало Ѳѣсть, онъ же долженъ былъ на собственныя деньги ежедневно братъ у Палкина два рублевые

обѣда и высушивать, какъ изнѣженный Растопыря, упивая за обѣ щеки, нѣть-нѣть да и замѣтить: «воля твоя, а отъ супа чѣмъ-то воняетъ!»

Наконецъ, наступилъ августъ, и вечера потемнѣли. Попались дожди, потянуло холодомъ, сыростью, улицы утонули въ грязи. Скука и одиночество начали давить еще сильнѣе. Но—увы!—все это безвременное происходило только въ Петербургѣ. Въ провинціи, напротивъ того, судя по газетнымъ корреспонденціямъ, давно не запоминали осени столь благодатной, блахоухающей, волшебной. И никогда въ Парижѣ, на водахъ и морскихъ купаньяхъ кокотки не предъявляли такого роскошнаго декольте и не бывали такъ увлекательны. Петербуржцы съѣзжались безпримѣрно туда, а тѣ, которые пріѣзжали, требовали времени для приведенія въ порядокъ своихъ логовищъ и занимались переборками и разборками съ медленностью поистинѣ возмутительной. Наконецъ, къ концу сентября кое-какъ все уладилось.

Каширинъ ринулся въ сезонный круговоротъ съ увлечениемъ и страстью человѣка, который долго и безнадежно терпѣлъ. Прежде всего онъ побѣжалъ къ Растопырю, который сейчасъ же накормилъ его самымъ свѣжимъ саломъ и очень любезно вспомнилъ, съ какимъ радушіемъ Филиппъ Филиппычъ лѣтомъ угощалъ его раковымъ супомъ и телятиной съ огурцомъ.

— И чѣмъ это отъ супа воняло—право, даже и теперь понять не могу!—прибавилъ онъ однако-жъ въ заключеніе.

Потомъ Каширинъ направился къ археологу-библіографу Скорбному-Головану, который обѣдать не даль, а сообщилъ, чтоѣздилъ лѣтомъ въ Испанію, такъ какъ узналъ, что тамъ скрывается собственноручно писанная Барковымъ и доселѣ никому неизвѣстная трагедія, которую, послѣ долгихъ и изнурительныхъ поисковъ, и пріобрѣлъ, уплативъ за нее половину своего имѣнія. Потомъ, по очереди, отобѣдалъ у Птицыныхъ, Бердяевыхъ, Карнауховыхъ, Чисто-сердовыхъ, Чертополоховыхъ и прочихъ кассационныхъ, апелляционныхъ и дивидендныхъ чиновъ. Послѣдняго посѣтилъ Стрекозу, и притомъ посѣтилъ церемонно («отъявился»), въ воскресный день, потому что, признаться, началь опасаться этого сановника, который съ минуты на минуту ожидалъ производства въ дѣйствительные тайные совѣтники. Понрежнему въ этомъ высокопоставленномъ домѣ пахло какимъ-то специфическимъ запахомъ, смѣсью

цастилы, амбре и старческихъ огрѣховъ; попрежнему лицо хозяина отливало коричневымъ, почти гнѣдымъ цвѣтомъ, и попрежнему Стрекоза принялъ Каширина съ благожелательною снисходительностью, то-есть пожаль обѣ руки, пощѣловалъ въ лобъ и даже подарилъ ему колосъ «исполинской» пшеницы, привезенный изъ саратовскаго имѣнія.

— Ну, а какъ ваше « знамя »? по-старому? — полюбопытствовалъ, въ заключеніе, маститый старецъ, проницательно заглядывая въ глаза Филиппу Филиппычу.

— Гдѣ ужъ... какое теперь знамя! — нѣсколько смущенно отвѣтствовалъ послѣдній.

— То-то! теперь надо это оставить! — наставительно изъяснилъ Стрекоза. — Конечно, на всякой случай терять изъ вида не слѣдуетъ, но теперь... Ну, такъ милости просимъ напредки по-старому, а сегодня обѣдать не прошу, потому что еще разбираемся: не знаю и самъ, чѣмъ Матрена Ивановна накормить меня.

Такимъ образомъ, въ этотъ день Каширинъ былъ вынужденъ отобѣдать въ ресторанѣ. Но все-таки онъ быть за тысячу верстъ отъ мысли, что обѣдъ, съѣденный имъ въ прошлый сезонъ, передъ отѣздомъ семейства Стрекозы въ Саратовъ, былъ послѣднимъ его обѣдомъ въ этомъ домѣ.

. Казалось, все вошло въ прежнюю колею; однако проницательный человѣкъ уже въ самомъ началѣ сезона могъ подмѣтить, что въ отношеніяхъ «кружка» къ Каширину завелась какая-то загадочная трещина, на которую покамѣсть еще трудно прямо указать, но которая существуетъ уже несомнѣнно.

Начать съ того, что положеніе Каширина, какъ человѣка, пострадавшаго за « знамя », настолько уже для всѣхъ опредѣлилось, что «интересоваться» имъ не было никакого повода. Даже сама *la belle madame* Растаныря поняла, что странно какъ-то, по прошествію цѣлаго года, продолжать хвалиться передъ публикой: «вотъ тотъ самый Каширинъ, который высоко держаль знамя и за это приказомъ отъ такого-то числа, мѣсяца и года ввергнутъ въ безсрочную меланхолію, съ пенсіей въ размѣрѣ половиннаго оклада содержанія и безъ участія въ дивидендахъ». Увы! мы столько съ тѣхъ поръ пережили, и въ это время столько знаменъ было изъято изъ употребленія и столько людей ввергнуто въ меланхолію, что, право, было даже нелѣпо смотрѣть на Каширина, какъ на какой-то выдающійся пунктъ. Послѣ

Каширинского знамени было знамя Разгильдяевское, послѣ Разгильдяевскаго — Разуваевское, и еще, и еще... Кто знаетъ нашу склонность къ знаменамъ, тотъ пойметъ, что недостатка въ этомъ отношеніи быть не могло, такъ же какъ не могло быть недостатка и въ мѣрахъ по ввергнутію но-сителей этихъ знаменъ въ меланхолію. Такъ что, въ виду этихъ послѣдующихъ событий, Филиппъ Филиппычъ, съ своимъ стареньkimъ истрапаннымъ знаменемъ, представлялся уже чѣмъ-то въ родѣ «отставного козы барабанщика».

Во-вторыхъ, что касается до меланхоліи, то и она, сама по себѣ взятая, т.-е. лишенная просвѣта въ будущемъ, скоро утомляетъ. Мы слишкомъ практическіе люди, чтобы долго интересоваться «нюнями», и пострадавшій человѣкъ имѣть право на наше вниманіе лишь потолику, поколику его окрыляетъ надежда воспрянуть. Но вотъ прошелъ уже цѣлый годъ со времени ввергнутія въ меланхолію, а съ Филиппомъ Филиппычемъ не только не произошло перемѣны къ лучшему, но даже самъ онъ иногда откровенно признавался, что ничего отраднаго впереди не предвидить. Стало-быть, въ будущемъ онъ способенъ только пользоваться услугами друзей, а не оказывать таковыхъ, одолжаться, а не одолжать. А это дѣлало его похожимъ на тѣхъ назойливыхъ субъектовъ, съ шаблонными просительными письмами въ рукахъ, которые вѣчно о чѣмъ-то клянчить (по словамъ — на бѣдность, а въ сущности — на выпивку) и ужъ, конечно, никому удовольствія доставить не могутъ.

Въ-третьихъ, наконецъ, заграничный курсъ упалъ до-нѣльзя, а цѣна на сѣѣстные припасы соотвѣтственно под-нялась. Въ такихъ условіяхъ поневолѣ начнешь разчи-тывать и роптать, что при домашней трапезѣ постоянно присутствуетъ лишній ротъ, и притомъ такой, отъ котораго однимъ саломъ не отѣлаешься. Этотъ ротъ потребуетъ и лишней ложки борща, и лишней галушки, и лишняго куска жаренаго, и лишней рюмки вина. А сосчитайте-ка все— выйдетъ мало-мало рубль серебромъ каждый разъ.

Такова была эта трещина, которой покуда никто еще не сознавалъ, но которая непремѣнно, и въ очень недалекомъ будущемъ, должна была оказаться.

Сверхъ того, въ этомъ кружкѣ всему давалъ тонъ Стре-коза, и потому, когда на вопросъ, почему Филиппъ Филиппычъ въ такое-то воскресеніе не обѣдалъ у его превосход-дительства, онъ, нѣсколько застыдившись, отвѣчалъ, что не

получилъ еще приглашениѧ, то большинство «друзей» задумалось. Ибо Стрекоза слылъ за человѣка проницательнаго и дѣйствительно былъ таковыи. Одинъ Скорбный-Голованъ не задумался и продолжалъ относиться къ Каширину съ взрастающею задушевностью, но посѣщать археолога-библіографа было не особенно лестно, потому что въ домѣ его царила безконечная неурядица. Самъ онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и штудировалъ Баркова, а жена всѣмъ и каждому жаловалась, что, благодаря этому занятію, стало совсѣмъ невозможно жить, потому что даже маленькая дѣти—и тѣ до такой степени пристрастились къ сквернсловію, что иначе не говорили другъ съ другомъ, какъ тирадами изъ Барковскихъ трагедій. И вдобавокъ у Скорбныхъ-Головановъ подавался какой-то совсѣмъ неестественный обѣдъ, состоящей изъ молока, растительныхъ веществъ и до-нельзя заношенного холоднаго ростбифа, который, очевидно, зажаривался однажды на всю недѣлю.

Тѣмъ не менѣе начало сезона все-таки прошло благополучно. Кстати же появилась въ обращеніи новая рукописная «записка», авторомъ которой были уже не Пафнутьевъ, а отставной корнетъ и нынѣ земскій дѣятель Голубятниковъ. У Голубятникова было страшное орудіе—иронія; съ этимъ-то орудіемъ онъ напалъ на Пафнутьева. Все, что Пафнутьевъ утверждалъ, Голубятниковъ отрицалъ—и наоборотъ. И, къ довершенію всего, обѣ записи были либеральныя и обѣ возбуждали въ «обществѣ» страстный переполохъ. Пользуясь этой сумятицей, Каширинъ очень ловко эксплоатировалъ ее, лакомясь то у Растаныри, то у Чертополоховыхъ, то у Птицыныхъ и проч., и всѣхъ убѣждая отложить окончательное решеніе возбужденныхъ «вопросовъ» до тѣхъ поръ, когда со стороны Пафнутьева послѣдуетъ отвѣтъ, въ которомъ онъ, конечно, во всей полнотѣ разъяснитъ сущность Пафнутьевскихъ идей.

Но Пафнутьевъ медлилъ отвѣтомъ, и въ половинѣ сезона трещина начала обнаруживаться. Сначала она показывалась понемногу, потомъ—рѣзче и рѣзче. То свойство, которое Каширинъ пріобрѣлъ вмѣстѣ съ отставкой и вслѣдствіе котораго онъ оказывался рѣшительно неспособнымъ кого-либо «одолжить», вдругъ вышло наружу во всей наготѣ. Никто прежде не задавалъ себѣ вопроса: «съ какой стати этотъ человѣкъ повадился къ намъ обѣдать?» Теперь же этотъ вопросъ формулировался какъ-то самъ собою и при-

тому одновременно у всѣхъ. Всѣ поняли, что отъ Филиппа Филиппыча ждать нечего, а стало-быть, и кормить его незачѣмъ.

А рядомъ съ этимъ вопросомъ рождался и другой: не занять ли у него денегъ?

Прежде всѣхъ рѣшился на эту попытку Растопыря и въ первый же разъ, какъ Филиппъ Филиппычъ пришелъ къ нему обѣдать, онъ отвелъ его въ сторону и, отважно хлопнувъ по плечу, сказалъ:

— А чтѣ, дружище, не дашь ли ты мнѣ тысячку рублей на нѣсколько дней перехватить?

— Гдѣ?—какъ-то нескладно спросилъ Каширинъ, какъ будто не понялъ, въ чёмъ суть.

— Гдѣ? Чудакъ, братецъ, ты! Ну, у себя или у меня... гдѣ хочешь.

Но Каширинъ уже понялъ и только растерянно глядѣлъ на своего амфитрiona.

— Обѣдать!—крикнулъ Растопыря, и хоть впослѣдствіи ли однімъ намекомъ не укорилъ друга, но съ тѣхъ поръ въ отношенія ихъ начала замѣтно вкрадываться холодность.

За Растопыреи послѣдовали: Чертополоховъ, Бердяевъ, Чистосердовъ и проч., и со всѣми повторялась одна и та же сцена. Каширинъ никому денегъ не далъ и у всѣхъ остался обѣдать. Но чтѣ всего прискорбнѣе, онъ долженъ былъ отказать въ подобной же просьбѣ хорошенъкой мадамъ Карнауховой, которая еще наканунѣ, сидя съ нимъ рядомъ за обѣдомъ, тужала ему ногу своей ножкой.

Каширинъ не могъ не знать, что этого ему никогда не простятъ, но онъ словно одеревенѣлъ и продолжалъ посыпать «друзей» попрежнему. Къ довершенню всего, онъ съ самаго начала сезона такъ счастливо игралъ въ преферансъ, что это, наконецъ, дѣлалось неприлично. Общее мнѣніе было таково, что онъ подсматривалъ въ карты, и вслѣдствіе этого Растопыря началъ свои карты прятать подъ столъ. Но если бы даже признать за вѣрное, что въ данномъ случаѣ никакой фальши не было, а дѣйствовало одно счастье, то и тогда эти постоянные выигрыши были просто неприличны. Сегодня три рубля, завтра пять рублей—въ мѣсяцъ-то сколько этихъ рублей набѣжитъ!

Словомъ сказать, видимо подготовлялось что-то натянутое, ежели не явно враждебное. Всѣ замѣчали это, одинъ Каширинъ продолжалъ не замѣчать: до такой степени онъ уже освоился съ ролью прихлебателя. Напротивъ того, онъ легкомысленно радовался, что статья бюджета: «занятіе кар-

тами»—все больше и больше тучнѣть, и что, быть-можетъ, недалеко ужъ время, когда онъ, при ея пособіи, пріобрѣтѣ себѣ еще одинъ билетъ внутренняго съ выигрышами займа (два онъ уже имѣлъ).

Но время шло, а вмѣстѣ съ нимъ все яснѣе и яснѣе обозначалась разъ намѣченная трещина. Однажды Филиппъ Филиппычъ пришелъ къ Растроѣрѣ обѣдать (Растроѣри былъ закадычный другъ, и потому весьма натурально, что онъ же долженъ быть открыть враждебныя дѣйствія), и вдругъ оказалось, что одного прибора недостаетъ. Разумѣется, приборъ потребовали, но хозяинъ почему-то счелъ долгомъ обратиться къ Каширину (какъ будто именно для него-то и недоставало прибора), сказавъ:

— Ну, для тебя какъ-нибудь потѣсимся... старый дружище!

Въ этотъ же день случилось и другое происшествіе. Лакей, подавая ветчину съ горошкомъ, толкнулъ Филиппа Филиппыча въ плечо, какъ бы понуждая его не медлить. Между тѣмъ не далѣе, какъ недѣлю тому назадъ, онъ далъ этому лакею рубль, и потому поведеніе его не могло не показаться загадочнымъ. Стало-быть, Растроѣри не очень-то стѣсняются въ выраженіи мнѣній о своемъ другѣ, ежели даже рублевая подачка не дѣйствуетъ на хамово отродье!

А вслѣдъ затѣмъ и третье происшествіе. Когда, послѣ обѣда, раскинули столы для преферанса, то хозяинъ подалъ карты Бердяеву, Чертополохову и Птицыну (четвертую взялъ самъ), а Каширину карты не далъ, сказавъ:

— Ты, дружище, не сердись, что тебя не сажаю. Въ послѣднее время ты началь такъ часто выигрывать, что, признаться, ужъ тяжеленько стало.

Однако Филиппъ Филиппычъ и тутъ смолчалъ, и даже нѣсколько времени повергтѣлся около madame Растроѣри. Но конецъ не выдержалъ и ушелъ домой.

Сцены болѣе или менѣе такого же содержанія повторялись и въ другихъ домахъ. Каширинъ чувствовалъ, что роль его дѣлается болѣе и болѣе невыносимою, и все-таки не рѣшался порвать. Однажды, переходя черезъ улицу къ подъѣзду Карнауховыхъ, онъ собственными глазами убѣдился, что хорошенькая madame Карнаухова, стоявшая у окна (еще у него мелькнуло въ головѣ: вѣрно выглядываетъ своего гусара, корнета Стрекозу!), увидѣвъ его, вдругъ отпрянула; а когда онъ черезъ минуту позвонилъ, то прислуга, отворившая ему дверь, съ смущеннымъ ви-

домъ отвѣтила, что барыня нездорова и кушать не будуть. Выйдя послѣ этого на улицу, онъ нарочно остановился у ближайшаго угла, чтобы наблюсти, и увидѣлъ, что вслѣдъ за нимъ къ подъѣзду подлетѣлъ гусаръ Стрекоза, а черезъ четверть часа полази: Чистосердовъ, Растаныря, Чертополоховъ и самъ Карнауховъ, очевидно, всѣ четверо изъ департамента. И всѣ вошли въ подъѣздъ и больше не выходили.

Но этого мало: къ полному своему огорченію, онъ убѣдился, что про него начинаютъ распространять клеветы. Однажды прибѣжалъ къ нему Скорбный-Головань, въ состояніи безпримѣрной восторженности, и долго ничего не могъ объяснить толкомъ, а только безпорядочно махалъ руками и восклицалъ:

— Подлецъ Растаныря! Подлецы! Подлецы!

При чёмъ смѣшивалъ фамилію Растаныри съ фамиліей одного изъ дѣйствующихъ лицъ Барковскихъ трагедій, чтъ съ виѣнней стороны выходило даже совсѣмъ неприлично.

Успокоившись, однако-жъ, онъ рассказалъ, что Растаныря распускаетъ о Каширинѣ самые ядовитые слухи. Говорить, что Филиппъ Филиппычъ потихоньку береть у него изъ ящика сигары, прятать въ карманъ и уносить домой; что однажды *la belle madame* Растаныря видѣла, какъ онъ положилъ кусокъ ветчины между двумя ломтями хлѣба и тоже препроводилъ въ карманъ; что онъ, Каширинъ, не довольствуется тѣмъ, что вышивается за столомъ вдвое противъ другихъ, но что неоднократно лакей Степанъ подстегралъ, какъ онъ ходилъ въ буфетный шкафъ и тамъ выпивалъ рюмку за рюмкой; что однажды, на-смѣхъ, въ бутылку изъ-подъ хересу налили керосину, и онъ, Каширинъ, выпилъ, не сморгнувъ, и только въ теченіе всего вечера отилевывался и время отъ времени вполголоса произносилъ: «ахъ, подлецы!»; что самъ Растаныря, замѣтивъ однажды, что Каширинъ съ особеною умильностью взглядалъ на бутылку съ мадерой, и желая убѣдиться въ справедливости лакеysкихъ показаній, спряталъ бутылку за оконный драпри (но такъ, чтобы Каширинъ видѣлъ это), и дѣйствительно черезъ два часа бутылка оказалась погожнею...

Каширинъ былъ возмущенъ до глубины души, потому что онъ рѣшительно ничего подобнаго не дѣлать.

Но вмѣсто того, чтобы принять эти слухи только къ соображенію, онъ оказался настолько неразсудительнымъ, что

вздумалъ объясняться. Когда онъ явился съ этимъ къ Растопырямъ, то самого Растопыри не было дома, а madame Растопыря приняла его особенно весело, какъ будто знала, о чёмъ пойдетъ рѣчъ. И действительно, все время, покуда онъ, одну за другой, излагалъ свои претензіи, она безъ умолку хохотала, такъ что онъ, наконецъ, остановился и спросилъ: «Чтò же тутъ смѣшного?»

— Ха-ха! Какой вы уморительный! — отвѣтила милая хозяйка и вновь засияла веселымъ смѣхомъ.

Тогда онъ скромно напомнилъ ей, что было время, когда она не смеялась, и когда онъ... Но «красавица», не прекращая хохота, съ такимъ наивнымъ любопытствомъ взглянула ему въ лицо, что онъ просто оторопѣлъ.

— Итакъ, я долженъ изъ этого заключить... — началъ было онъ, но тутъ воротился домой самъ Растопыръ и не далъ докончить фразу.

Ту же претензію онъ изложилъ и Растопырѣ, который выслушалъ его съ участіемъ, но не только не отрекся, а, напротивъ, сейчасъ же повинился и, въ заключеніе, даже обнялъ его.

— Ну, прости, дружище! Виноватъ! Не буду! — утѣшалъ онъ Каширина. — Не слѣдовало, ахъ, не слѣдовало мнѣ этого говорить! Знаю, что не слѣдовало! Другъ вѣдь ты! Старый... дружище!

Но тутъ же, впрочемъ, присовокупилъ:

— Признайся, однако, голубчикъ, вѣдь было-таки не-много! Хереску-то изъ-подъ драпри... хватиль-таки ма-лость!

При этой непредвидѣнной выходкѣ, сопровождавшейся неудержимымъ смѣхомъ милой хозяйки, Каширинъ почувствовалъ, что онъ холодѣтъ. Онъ съ инстинктивнымъ ужасомъ взглянулъ на своихъ «друзей», какъ будто передъ нимъ стояла страшная голова Медузы, а не посكونое рыло начиненного галушками полтавского обывателя.

— За чтò вы меня... ненавидите? — вырвалось, наконецъ, изъ его измученной груди.

А между тѣмъ времена все зрѣли да зрѣли, а, наконецъ, и совсѣмъ созрѣли.

Въ одно прекрасное утро одно заслуживающее довѣрія лицо (можетъ-быть, даже самъ Стрекоза), встрѣтивъ Растопырю (Растопыря, какъ ловкій полтавецъ, сумѣлъ пріютиться въ трехъ вѣдомствахъ и по всѣмъ тремъ по-

лучаль присвоенное содержание, такъ что чиновники въ шутку называли его «трижды подчиненнымъ»), предложило ему слѣдующій краткій вопросъ:

— Кстати! вѣдь вы, кажется, знакомы съ *господиномъ Каширинымъ*?

Растопыря смущился и началъ бормотать что-то невнятное. Не отрицалъ, но и не утверждалъ, говорилъ, что онъ никогда не былъ особенно близокъ... что притомъ давно ужъ предположилъ... и что, наконецъ, онъ сейчасъ же, сию минуту...

— Смотрите! какъ бы не тово...—послѣдоваль доброжелательный совѣтъ.

Растопыря прибѣжалъ домой—точно съ цѣни сорвался. И такъ какъ это произошло именно въ четвергъ, когда у него собирались къ обѣду пріятели, и время уже близилось къ половинѣ шестого, то онъ, какъ говорится, и рвалъ, и металъ. Призвавъ *madame Растопырю*, объявилъ ей, что присутствіе въ ихъ домѣ Каширина дольше терпимо быть не можетъ; потому началъ топать ногами, бѣгать по комнатѣ, кричать, вошить:

— Вонъ его! гнать его! гнать! гнать!

И вдругъ, въ ту самую минуту, когда пароксизмъ его гнѣва достигъ высшей степени, онъ очнулся и увидѣлъ, что въ дверяхъ стоитъ Филиппъ Филиппычъ, какимъ-то образомъ ухитившійся упредить распоряженіе обѣ отказѣ ему отъ дома.

Каширинъ былъ блѣденъ, щеки его тряслись, зубы стучали. Шатаясь, воротился онъ въ переднюю, безъ помоши лакея надѣлъ пальто и вышелъ на лѣстницу. Тамъ онъ встрѣтилъ Чертополохова, который при видѣ его сухо-учтиво приложился къ шляпѣ, но руки не подалъ, потому что, какъ оказалось впослѣдствіи, въ то же утро и у него былъ разговоръ съ Стрекозой по поводу знакомства съ *господиномъ Каширинымъ*.

Очутившись на улицѣ, Филиппъ Филиппычъ нѣсколько минутъ не могъ сообразить, что такое съ нимъ произошло. Мимо него прошли: Бердяевъ, Чистосердовъ и, наконецъ, Шилохвостовъ, новая звѣзда, только-что взошедшая на горизонтъ «Дивидендовъ и Раздачъ». И они, конечно, имѣли такой же разговоръ, потому что тоже ограничились формальнымъ поклономъ безъ рукопожатія. Но Каширинъ все еще находился въ туманѣ, и передъ глазами его инстинктивно рисовалась освѣщенная столовая Растопыри, столь,

обремененный закусками, около которыхъ столпились гости, и посреди ихъ гостепріимный хозяинъ ораторствовалъ:

— Разумѣется, въ виду этого, я вынужденъ быть употребить героическая мѣры...

— Конечно! конечно!—восклицали гости, за исключениемъ, впрочемъ, Шилохвостова, который въ эту минуту разрѣшалъ въ свою очередь умѣ вопросъ, отречется ли онъ, подобно сему, и отъ Растаныри, когда очередь дойдетъ и до него!

— Ахъ! онъ намъ такъ надоѣлъ!—сентиментально присовокупляла съ своей стороны *la belle madame* Растаныри.

Однако привычка прихлебательства взяла-таки свое, и Каширинъ безсознательно побрелъ по направленію къ квартире Скорбнаго-Голована.

Но тутъ его ужъ окончательно добили. Скорбный-Голованъ бросился къ нему со слезами, обнялъ, замочилъ ему губами щеки и даже слегка порыдалъ у него на груди. Но въ заключеніе крикнулъ:

— Миша! Петя! Катичка! Милочка! Маренинька! Зиночка! Идите! идите сюда!

И когда молодое поколѣніе Скорбныхъ-Головановъ собралось, то археологъ-библіографъ, указывая Каширину на невинныхъ дѣтей, возопилъ:

— Вотъ! уже шесть человѣкъ на лицо, а мы съ женой еще молоды! Судите сами, голубчикъ, могу ли я? Я знаю, что я малодушенъ и отчасти даже вѣроломенъ, но могу ли я... скажите, могу ли?

Каширинъ ничего не отвѣтилъ на эти изліянія и сей-часъ же вышелъ. На этотъ разъ онъ уже совершенно отчетливо понялъ, что и Скорбный-Голованъ имѣлъ утромъ разговоръ.

Каширинъ долго пролежалъ больной, и во все время болѣзни ни одна душа не освѣдомилась о немъ. Наконецъ, ему полегчало, и первая мысль, представившаяся его уму, была та, что прошлое безповоротно рухнуло, и что впереди предстоитъ лишь полное и безнадежное отчужденіе. Надъ его существованіемъ прошла какая-то до нелѣпости жестокая случайность, которая наполнила его душу инстинктивнымъ страхомъ. Онъ никогда ничего подобнаго не предвидѣлъ, а потому и приготовиться не могъ. Онъ даже и теперь не понималъ, а только чувствовалъ, что сдѣлалась что-то жестокое. Къ несчастію, отставка не надѣнила

его, не заставила подумать о подготовкѣ иной обстановки, которая могла бы выручить въ случаѣ измѣны «друзей». Оня, по крайней мѣрѣ, всю послѣднюю половину жизни провелъ какъ человѣкъ касты и, несмотря на полученные уроки, остался вѣренъ ей. Эта каста, ограниченная въ численномъ смыслѣ, отличается, сверхъ того, зависимостью, какъ главною характеристическою чертою, и это дѣлаетъ ее легко-доступною для всякаго рода колебаній. Нигдѣ не бываютъ такъ часты измѣны, какъ тутъ. Но этого-то именно и не примѣтилъ Каширинъ, и вотъ теперь измѣна разразилась надъ нимъ чѣмъ-то неслыханнымъ, передѣ чѣмъ блѣдили и стушовывались всѣ заботы о респектабельности и равновѣсіи бюджета.

Погрязши въ кастѣ, онъ растерялъ всѣ постороннія связи и даже къ новой русской литературѣ относился довольно индифферентно. Не порицалъ прямо, но находилъ, что она не даетъ плодотворныхъ Пафнутьевскихъ элементовъ. Съ бывшими проинскими своими патронами онъ тоже разстался (весъма, впрочемъ, дружелюбно), да врядъ ли они и могли быть ему полезными въ данную минуту. Они жили за границей и—въ чаяніи, что когда-нибудь ихъ опять поманятъ—фронттировали; обѣ отечествѣ же вспоминали лишь по поводу туга высыпаемыхъ оттуда доходовъ.

И вдругъ онъ вспомнилъ вновь, что на Пескахъ, на Слоновой улицѣ, въ пятиоконномъ деревянномъ домикѣ, существуетъ чиновникъ Каверзневъ, у котораго онъ не-когда воспринималъ отъ купели старшаго сына...

Воспоминаніе это оживило его, ибо, по мѣрѣ того, какъ здоровье его возстановлялось, въ немъ просыпалась и жажда общества. Въ заботахъ обѣ ея удовлетвореніи, онъ очень вѣро сообразилъ, что по праздникамъ и не очень выдающіеся чиновники пекутъ пироги и приглашаютъ къ своей трапезѣ друзей. Поэтому, хотя и не безъ нѣкоторой борьбы, но въ первое же воскресеніе онъ купилъ фунтъ конфетъ для крестника и, какъ только пробило три часа, отправился на Пески.

Титулярный совѣтникъ Каверзневъ былъ чиновникъ очень маленький и очень смирный. Занимая мѣсто помощника столонаачальника, онъ едва сводилъ концы съ концами, да и тѣ благодаря тому, что имѣлъ даровую квартиру въ домѣ тестя, отставного коллежскаго асессора Монументова, когда-то завѣдывавшаго департаментскими курьерами и сторожами, а пынѣ проживавшаго на пенсіи въ крошеч-

номъ мезонинѣ того же дома. Каверзnevъ женился всего пять лѣтъ тому назадъ и имѣлъ ровно пять человѣкъ дѣтей. Человѣкъ онъ былъ не особенно блестящихъ способностей, но покорный, безгранично преданный семье и удивительно добрый. Жена у него была молоденькая, тоже до крайности добрая и очень симпатичной наружности особа, хотя частые роды уже успѣли сообщить ея лицу утомленное и слегка заношенное выраженіе. Вообще это было семейство согласное, жившее душа въ душу, въ полномъ отчужденіи отъ живого міра, но не тяготившееся этимъ отчужденіемъ.

Когда Каширинъ пришелъ, въ первой комнатѣ, служившей одновременно и столовой, и залой, былъ уже накрытъ столъ. Въ углу, на особомъ столикѣ, стояла совсѣмъ готовая закуска и водка, а въ воздухѣ носился пріятный запахъ начинки. Каверзnevъ самъ выбѣжалъ отворить дверь, потому что ожидалъ къ обѣду друга своего, Косача. Увидѣвъ передъ собой Филиппа Филиппыча, онъ слегка смущился, однако-жъ понялъ, что посѣщеніе такого чиновнаго гостя приносить ему величайшую честь. Суетясь и забѣгая впередъ, онъ проводилъ гостя въ гостиную, где сидѣли въ ожиданіи обѣда: жена Каверзнева, старикъ Монументовъ и помощникъ экзекутора Здобновъ. Оба послѣдніе тоже нетерпѣливо ждали Косача, чтобы приступить къ водкѣ, и при видѣ неожданнаго гостя ощущали то самое чувство, которое долженъ испытывать человѣкъ, уже поднесший ко рту рюмку и вдругъ убѣждающійся, что, благодаря какому-то проказливому волшебству, содержимое мгновенно исчезло изъ рюмки.

— А я сегодня вышелъ прогуляться да и надумалъ: дай-ко крестнаго сынка провѣдаю! — началъ Филиппъ Филиппычъ. Онъ предположилъ-было прямо сказать: «дай-ко у крестнаго сынка запросто хлѣба-соли отвѣдаю!» — но почему-то это не вышло.

Затѣмъ онъ потребовалъ, чтобы ему показали дѣтей. Старшенькаго, Бориньку, какъ крестника, онъ поцѣловалъ и перекрестилъ, сказавши при этомъ: «вотъ такъ!», прочихъ — только перецѣловалъ. Въ заключеніе вынуль изъ шляпы коробку съ конфетами и подарилъ крестнику, присовокупивъ:

— Подѣлись съ братцами и сестрицами, да смотрите, не обижайте другъ друга!

Эта церемонія длилась съ четверть часа, и къ концу ея

прибылъ Косачъ, молодой малый, служившій въ томъ же департаментѣ помощникомъ регистратора. Всѣ вздохнули легче, потому что думалось, что съ окончаніемъ церемоніи пѣлованія дѣтей Филиппъ Филиппычъ снимется съ мѣста. Но онъ не уходилъ. Прошло еще съ четверть часа, а онъ отыскивалъ все новые и новые темы для разговора. Говорилъ исключительно онъ одинъ; хозяева отвѣчали односложными словами и вымученными улыбками, какъ это всегда бываетъ съ людьми, которые совсѣмъ ужъ собралисьѣсть и не знаютъ, какъ выпроводить человѣка, остановившаго ихъ, такъ сказать, на ходу; гости же просто-напросто удалились въ уголь, и если бы Каширинъ не заглушалъ себя самъ, то навѣрное услышалъ бы, какъ старикъ Монументовъ вполнога выговаривалъ Косачу:

— А все по твоей милости, вѣтрогонъ! Гдѣ о-сю пору шатался?

Прошло еще четверть часа. У всѣхъ лица подернулись усталостью, вытянулись и даже словно похудѣли. Къ запаху начинки присоединился запахъ гари: подгорѣлъ пирогъ. Старшій сынъ Боринъка стучалъ въ столовой посудой, къ чему его, очевидно, поощрялъ Монументовъ, молчаливо, но несомнѣнно приглашая:

— Стучи, батюшка, стучи!

Наконецъ, видя, что надобно же когда-нибудь рѣшиться, Каширинъ, слегка зардѣвшись, сказалъ:

— А знаете ли что! вѣдь я къ вамъ безъ церемоній! Иду и думаю: дай-ко я у крестнаго сынка зѣпросто хлѣбасоли отвѣдаю!

Только тогда Каверзневы внимательнѣе взглянули въ лицо Филиппу Филиппычу и замѣтили изнуреніе, которое произвели въ немъ послѣднія происшествія и болѣзнь. Они поняли добрыми своими сердцами, что, должно-быть, на этого человѣка большое горе обрушилось, если онъ рѣшился идти къ нимъ не въ качествѣ посажднаго или крестнаго отца, а на правахъ простого гостя. И одновременно у обоихъ вырвалось восклицаніе:

— Ахъ, ваше превосходительство!

Ихъ лица просіяли; Каверзневъ стремглавъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ распорядился, чтобъ супъ и пирогъ поставлены были на столъ, и въ то же время пошелъ въ кондитерскую за шмантикухеномъ; чтѣже касается до Людмилы Петровны (такъ звали жену Каверзнева), то она инстинктивно подала Каширину руку, которую послѣдній

очень галантно поцѣловалъ. Замѣчательно, что онъ почти мгновенно оправился отъ своего смущенія и немедленно почувствовалъ себя совсѣмъ хорошо, какъ будто дѣло сдѣлалъ. Даже гости повеселѣли, словно у всѣхъ была одна мысль: «слава Богу, хоть какой-нибудь да конецъ!»

Обѣдъ прошелъ великолѣпно, и Филиппъ Филиппычъ очень серьезно сдѣлалъ честь своему крестному сыну. Конечно, эту ѓду нельзя было сравнить съ ѓдою у Растопыри (одно сало возможно ли позабыть!), ни тѣмъ паче съ ѓдою у Стрекозы—ну, да вѣдь тѣ обѣды невозвратно канули въ вѣчность, и слѣдовательно... Вотъ только вина было мало-вато: одна бутылка медоку на всѣхъ. Правда, что Монументовъ восполнялъ этотъ недостатокъ, вставая послѣ каждой перемѣны изъ-за стола и проглатывая рюмку водки; но это-то именно и подтверждало, что медоку въ этомъ домѣ придавалось особливое значеніе, и что, стало-быть, обходиться съ этимъ напиткомъ надлежало съ осторожностью. Зато шмантухенъ произвѣль рѣшительный фуроръ между дѣтьми, и хотя Каширинъ не ёль его, но внутренно долженъ быть сознаться, что давно не видалъ такихъ счастливыхъ дѣтскихъ лицъ.

Послѣ обѣда составилась пулька по одной сотой копейки, и когда Филиппъ Филиппычъ выразилъ сомнѣніе, что при такой цѣнѣ, пожалуй, не изъ чего будетъ за карты заплатить, то Каверзневъ поспѣшилъ его успокоить, сказавъ, что «у насть, ваше превосходительство, карты дешевенькия, въ клубѣ по три гривенника покупаемъ, а онѣ, между тѣмъ, только слава, что распечатаны, а все равно чтѣ новыя». И дѣйствительно, когда подали карты, то Каширинъ очень любезно сознался, что онѣ «даже лучше, чѣмъ новыя».

Играли: Монументовъ, Здобновъ и Каширинъ; хозяинъ и Косачъ отказались, говоря, что они хоть и играютъ, но неохотно, и только чтобъ не разстроить партіи. Монументовъ очень наивно поглядывалъ на чужія карты, и Здобновъ, зная эту привычку его, пряталъ свои карты подъ столь; этому же примѣру, послѣ двухъ-трехъ ремизовъ, послѣдовалъ и Филиппъ Филиппычъ. Оба мѣстныхъ партнера играли до чрезвычайности прижимисто; напротивъ, Каширинъ рисковалъ и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, извлекъ изъ своего риска пользу. Въ результатѣ онъ оказался въ выигрышѣ 85 копеекъ, изъ которыхъ 30 уплатилъ за карты, а остальная 55 принесъ домой.

День былъ проведенъ, и Каширинъ остался доволенъ имъ. Но впереди дней предстояло еще много — надо было и о нихъ подумать. Сначала онъ совѣстился и ходилъ къ Каверзневымъ только по праздникамъ, въ будни же сидѣлъ дома и обдумывалъ планъ сочиненія. Сочиненіе это предполагалось озаглавить такъ: «Имѣй уши слышати — да слышитъ!», а содержаніе его должно было заключать въ себѣ, во-первыхъ, оправданіе образа дѣйствій «пишущаго эти строки» и, во-вторыхъ, указаніе нѣкоторыхъ небезполезныхъ мѣръ, которыя, не останавливая правильнаго и разумнаго развитія дивидендовъ, въ то же время полагали твердые преграды для обнаружившагося въ семъ вѣдомствѣ стремленія къ излишествамъ. Но такъ какъ это была матерія сухая, то понятно, что она въ скоромъ времени наскучила Каширину, вслѣдствіе чего онъ попробовалъ забѣжать къ Каверзневымъ и въ будни, и тоже остался доволенъ, хотя очень хорошо замѣтилъ, что на второе блюдо подали говядину совсѣмъ вываренную. Наконецъ, понемножку да помаленьку, онъ началъ учащать, и не успѣли Каверзнеvy встать въ оборонительное положеніе, какъ онъ уже сдѣлался у нихъ домашнимъ человѣкомъ и постояннымъ гостемъ. Однажды онъ даже рискнулъ отобѣдать и у Здобнова (и отобѣдалъ), но тотъ обошелся съ нимъ до такой степени иронически, что въ самомъ зародышѣ уничтожилъ всѣ попытки къ установленію начетистыхъ отношеній дружества.

Для Каверзневыхъ это былъ своего рода бичъ. Ежели трижды подчиненный Растопыря имѣль основаніе жаловаться на паденіе вексельнаго курса и вздорожаніе сѣѣстныхъ припасовъ, то тѣмъ болѣе право на эти жалобы могъ предъявить Каверзnevъ. Со счетами въ рукахъ онъ могъ доказать, что Каширинъ обходится ему отъ 15-ти до 18-ти рублей въ мѣсяцъ — гдѣ ихъ взять? Сверхъ того, Каширинъ постоянно выигрывалъ въ карты и этимъ отдавалъ отъ Каверзневыхъ Здобнова и Косача. Даже старикъ Монументовъ началъ прятаться отъ него и требовалъ, чтобы ему приносили обѣдъ въ мезонинъ. Изъ человѣка безконечно-доброго Каверзневъ, въ какихъ-нибудь два-три мѣсяца, сдѣлался угрюмымъ и раздражительнымъ. Людмила Петровна хотя наружно улыбалась, но внутри у нея тоже все клокотало. Эти простые и добрые люди смотрѣли на своихъ дѣтей и со страхомъ думали: «Каширинъ все сѣѣсть!» Однажды они рѣшились на крайнюю мѣру: сѣѣли вареную

говядину до обѣда, а за обѣдомъ подали пустой супъ и ма-
кароны; но Каширинъ и этого не понялъ, или лучше сказать,
не хотѣлъ понять. Къ довершенню всего, дѣляясь съ каждымъ
днемъ болѣе и болѣе наглымъ, Филиппъ Филиппычъ и дѣтямъ
пересталъ возить гостинцы, такъ что и они вознегодовали.

Надо было быть очень робкимъ и очень дисциплиниро-
ваннымъ, чтобы столько времени выносить терзанія, которыхъ
выпали на долю Каверзнова. Мало того, что Каширинъ
обѣдалъ и опивалъ его, но вдобавокъ Здобновъ и Косачъ
открыто смеялись надъ нимъ...

— Онъ тебя и со всѣми твоими потрохами купить и про-
дать можетъ,— говорили они:— а ты его шмантухенами
кормишь!

Однако-жъ и для самой беззаботной забитости бываютъ
предѣлы, дальше которыхъ идти некуда. И вотъ, дойдя до
этихъ предѣловъ, Каверзnevъ рѣшился.

Однажды, когда Каширинъ всего меныше думалъ о раз-
рывѣ и даже разсчитывалъ, что на будущее время ему и
льтомъ будетъ нескучно, онъ получилъ по городской почтѣ
письмо, въ которомъ прочиталъ слѣдующее:

«Ваше превосходительство!

«Милостивый государь!

«Съ стѣсненнымъ сердцемъ я приступаю къ настоящему
письму, но, помилуйте, я человѣкъ недостаточный и при-
томъ семейный! Я очень хорошо понимаю, что посыщенія
вашего превосходительства приносятъ намъ честь, но огра-
ниченность состоянія и въ семъ не дозволяетъ намъ наслад-
жаться, какъ бы того душевно желали. И притомъ, ваше
превосходительство, постоянно выигрывая въ карты, вы
тѣмъ самымъ изволили отвратить отъ нашего семейства дав-
нихъ и преданныхъ друзей, кои, будучи тоже состоянія недос-
таточного, не въ силахъ онаго перенести, хотя бы и желали.

«Ваше превосходительство! клянусь повторительно: съ
стѣсненнымъ сердцемъ пишу настоящее письмо! Но взой-
дите въ положеніе угнетенного отца и мужа и съ свой-
ственнымъ вашему превосходительству великодушіемъ про-
стите пріемлемой мною смѣлости!

«Съ чувствами глубочайшаго высокопочитанія и несо-
мнѣнной преданности имѣю честь пребыть

«Вашего превосходительства,

«Милостивый государь!

«покорнѣйший слуга

«Илья Каверзневъ».

Къ удивленію, Филиппъ Филипичъ отнесся къ этому письму довольно спокойно. Повидимому, его скорѣе удивило не содержаніе письма, а его безсвязность и редакціонные недостатки. Онъ всегда утверждалъ, что нынѣшнее поколѣніе «не умѣетъ писать»—и вотъ доказательство налицо.

— И это помощникъ столонаачальника нацарапалъ!— воскликнулъ онъ съ горечью:— такіе ли въ наше время помощники бывали!

Я знаю, что разсказъ мой дошелъ до того кульминаціонаго пункта, за которымъ необходимо слѣдуетъ катастрофа, а потомъ и естественное ея разрѣшеніе. Настоящіе художники-беллетристы именно такъ и поступаютъ: сначала постепенно завязываютъ узель, а потомъ постепенно его развязываютъ. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго, что и читатель, избалованный этими развязываніями, ждетъ отъ меня, что я поступлю съ Каширинъмъ рѣшительно, то-есть или женю его, или сдѣлаю пьяницей, или, наконецъ, совсѣмъ уморю.

Ничего подобнаго я, однако-жъ, не сдѣлаю по причинамъ вполнѣ уважительнымъ. Во-первыхъ, я не имѣю претензій быть художникомъ и ничего «изъ головы выдумать» не могу; во-вторыхъ, я прошу принять во вниманіе, что герой моего разсказа—старикъ и въ силу одного этого условія не представляетъ достаточныхъ элементовъ для завязываній и развязываній. Поэтому, и желая оставаться въ согласіи съ истиной, я говорю прямо: какимъ образомъ Филиппъ Филипичъ вышелъ изъ своего послѣдняго огорченія и перенесъ ли при этомъ какую-нибудь душевную или нравственную ломку—не знаю. Не знаю, потому что мой герой такъ быстро послѣ этого исчезъ съ петербургскаго горизонта, что я даже не могъ услѣдить за нимъ.

Знаю, впрочемъ, что онъ поселился въ Пронскомъ уѣздѣ, въ крохотномъ имѣньяцѣ, нѣкогда великодушно уступленномъ имъ тетенькѣ Агаѳѣ Ивановнѣ.

Лѣтомъ прошлаго года, находясь по дѣламъ въ Пронскомъ уѣздѣ, я случайно попалъ туда въ такое время, когда собирался мировой судѣзъ. Въ качествѣ почетнаго мирового судьи прибыль и Каширинъ. Узнавъ, что я литераторъ, онъ благосклонно пожелалъ со мной познакомиться, а, наконецъ, затащилъ меня и въ свою усадьбцу. По наружности, это былъ старикъ бодрый и даже щеголеватый. Одѣтый по-лѣтнему, въ легонькую визитку, бѣлый жилетъ

и таковыя же брюки, онъ скорѣе походилъ на завсегдатая павловскихъ или петергофскихъ садовъ, нежели на обывателя пронскихъ палестинъ. Особенной словоохотливостью онъ не отличался, но, справедливо предполагая, что все, относящееся до русской литературы, должно интересовать меня, очень любезно рассказалъ мнѣ больше сотни анекдотовъ про Грановскаго, Бѣлинскаго, Некрасова, Тургенева и другихъ литературныхъ корифеевъ сороковыхъ годовъ, и въ заключеніе, вздохнувъ, прибавилъ:

— Да, было, было все это, было — и прошло!

Даже о пойманномъ Майковымъ въ Парголовскомъ озерѣ пискарѣ не умолчалъ и тоже прибавилъ:

— Да, поймалъ пискаря, да такъ съ пискаремъ на всю жизнь и остался!

Усадьба у него оказалась очень хорошенькая, и, судя по его рассказамъ, онъ серьезно намѣревался устроить изъ нея нечто въ родѣ «виллы» и съ этою цѣлью третью всей земли обратить подъ садъ. Здѣсь я познакомился и съ тетенькой Агаѣй Ивановной; старушкѣ было подъ восемьдесятъ, но она сохранила всѣ зубы, всѣ волосы и почти юношескую остроту зрѣнія въ соединеніи съ замѣчательной подвижностью.

— Теперь только я жить начала! — сказала мнѣ эта милая женщина, окидывая безконечно-любящимъ взглядомъ своего беззѣннаго племянника.

Филиппъ Филиппычъ радушно выводилъ меня по всѣмъ комнатамъ дома, который онъ почти весь заново перестроилъ и, благодаря петербургской мебели, ухитилъ очень удобно и красиво. Въ одной изъ комнатъ мы застали за работой Палагею Семеновну, дѣвицу высокаго роста, «разсыпчатую», съ привлекательными формами тѣла и притомъ совсѣмъ пучеглазую, о которой Каширинъ сказалъ просто:

— А это моя Палагея Семеновна!

И затѣмъ она ни за обѣдомъ, ни за чаемъ не появлялась; быть-можеть, впрочемъ, это случилось только потому, что она «стыдилась» посторонняго человѣка, такъ какъ не разъ Агаѣя Ивановна, положивъ на тарелку самый лучший кусокъ (пупочекъ, стегнушико), отдавала подачку прислугѣ, говоря:

— Снесите это Палагеюшкѣ!

Обѣдомъ Филиппъ Филиппычъ накормилъ меня отличнымъ, при чемъ безпрестанно и онъ, и тетенька понуждали: «кушайте!» Очевидно, онъ жилъ на свои три тысячи шесть-

сотъ рублей паномъ. Охотно хвалился наливками, которых были действительно превосходны, но скорбѣлъ, что никакъ не можетъ добиться такого сала, какое ъдалъ въ Петербургѣ у Растворы.

Повидимому, онъ всѣмъ простиль и даже про Раствору вѣроломство вспоминалъ безъ горечи. Съ нѣкоторыми изъ бывшихъ друзей онъ исподволь возобновилъ сношенія и даже удостоился очень лестнаго письма отъ Стрекозы, которому послалъ въ презентъ удивительно выкормленного индюка.

«Превосходнѣйшаго вашего индюка мы скупили,—писалъ маститый сановникъ:—въ сообществѣ извѣстныхъ вамъ пособниковъ, укрывателей и попустителей, и такъ оказался хороши и соотвѣтствующъ пред назначенной ему роли, что не токмо желудочнаго обремененія, по съѣденіи, не опутили, но даже какъ бы небольшое облегченіе». Что же касается Каверзнева, то Каширинъ каждогодно къ Рождеству посыпалъ ему цѣлую груду порослятъ, гусей и курь.

Въ Пронскѣ же Филиппу Филиппычу было суждено встрѣтиться и съ Пафнутьевымъ, чтѣ пролило еще болѣе сіяющій свѣтъ на его существованіе. Къ сожалѣнію, я не могъ познакомиться съ Пафнутьевымъ, потому что онъ былъ въ то время въ отсутствіи. Но Каширинъ сообщилъ мнѣ, что ежели сочиненіе его «Имѣй уши слышати—да слышить!» значительно подвинулось впередъ, то именно благодаря Пафнутьеву, въ которомъ онъ нашелъ драгоцѣннѣйшаго для себя сотрудника.

Послѣ обѣда онъ попытался прочесть мнѣ первую (вѣроятно, и единственную) главу этого сочиненія. Первую страницу прочелъ бойко; на второй, подъ вліяніемъ изобильно принятой пищи и лѣтняго зноя, языкъ его началъ слегка заплетаться, а на третьей онъ какъ-то вдругъ и незамѣтно уснулъ. Я вышелъ на цыпочкахъ изъ кабинета и направился къ Агаѳѣ Ивановнѣ, но и она спала; потомъ толкнулся къ Палагеѣ Семеновнѣ, но и ее нашель сиящею. Все въ домѣ и около дома дремало, дремало, дремало: даже большой коханининскій пѣтухъ—и тотъ пересталъ интересоваться курами. Тогда и я, выбравши въ гостиной кресло помягче, протянулъ ноги и тоже моментально заснула.

А въ восемь часовъ, напившись чаю, уѣхалъ отъ Каширина и больше его не видать.

Оглавление

IV ТОМА.

стр.

Сказки.

1. Премудрый пискарь	5
2. Самоотверженный заяцъ	10
3. Бѣдный волкъ	15
4. Карась-идеалистъ	21
5. Добродѣтели и пороки	32
6. Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель	39
7. Игрушечного дѣла людишки	42
8. Чижиково горе.	73
9. Вѣрный Трезоръ	88
10. Недреманное око	95
11. Дуракъ	100
12. Сосѣди	110
13. Здравомысленный заяцъ	116
14. Либераль	124
15. Баранъ-Непомнящий	129
16. Коняга	135
17. Кисель	140
18. Праздный разговоръ	142
19. Деревенскій пожаръ. (Ни-то сказка, ни-то быль)	147
20. Путемъ-дорогою. (Разговоръ)	154
21. Гіена. (Поученіе)	159
22. Приключение съ Крамольниковымъ. (Сказка-элегія).	163
23. Христова ночь. (Преданіе)	172
24. Рождественская сказка	178
25. Вѣронъ-челобитчикъ. (Сказка)	187
26. Повѣсть о томъ, какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ	196
27. Пропала совѣсть	204
28. Дикий помѣщикъ	215
29. Медвѣдь на воеводствѣ	222
I. Топтыгинъ 1-й	—
II. Топтыгинъ 2-й	227
III. Топтыгинъ 3-й	229
30. Мала рыбка, а лучше большого таракана. (Вяленая вобла)	232
31. Орель-мепенатъ	241

Мелочи жизни.

Введение	253

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. На лонѣ природы и сельско-хозяйственныхъ ухищреній.	
1. Хозяйственный мужичокъ	295
2. Сельскій священникъ	304
3. Помѣщикъ	313
4. Міроѣды	332
II. Молодые люди.	
1. Сережа Ростокинъ	342
2. Евгений Люберецъ	356
3. Черезовы мужъ и жена	369
4. Чудиновъ	382
III. Читатель. (Нѣсколько нелішнихъ характеристикъ)	
1. Читатель-ненавистникъ	394
2. Солидный читатель	396
3. Читатель-простецъ	403
4. Читатель-другъ	410
	417

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Дѣвушки.	
1. Ангелочекъ	418
2. Христова невѣста	430
3. Сельская учительница	454
4. Полковницкая дочь	465
II. Въ сферѣ стянія.	
1. Газетчикъ	478
2. Адвокатъ	494
3. Земской дѣятель	509
4. Праздношатающійся	524
III. Портной Гришка	537
IV. Счастливецъ. (Этюдъ)	569
V. Имярекъ	595

Культурные люди.

I. Культурная тоска	611
II. Продолженіе тоски и появленіе Прокопа	618
III. Между своими	626
IV. Ноѣхали	637
V. Тайна, облекающая личность восточного человѣка, слегка разыясняется	646
Старческое горе или непредвидѣнныя послѣдствія заблужденія ума. (Разсказъ)	653

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗДНЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. предыд. выдач _____

